А. Ө. КОНИ.

ОЧЕРКИ
и
ВОСПОМИНАНІЯ.

(ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ, РѢЧИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.
1906

А. Ѳ. КОНИ.

ОЧЕРКИ

И

ВОСПОМИНАНІЯ.

(ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ, РѢЧИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1906

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ГРАФУ ДМИТРІЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ

МИЛЮТИНУ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Настоящая книга, за небольшими исключеніями, составилась изъ рѣчей, произнесенныхъ въ публичныхъ засѣданіяхъ Академіи Наукъ и Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, и изъ публичныхъ чтеній о докторѣ Гаазѣ и И. Ѳ. Горбуновѣ, устроенныхъ въ 1892 и 1898 г.г. въ Соляномъ городкѣ, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года и отъ наводненія въ Петербургѣ.

Главною цѣлью большей части изъ нихъ было ознакомленіе слушателей съ жизнью, трудомъ и душевнымъ складомъ ряда усопшихъ и нерѣдко забываемыхъ или и вовсе забытыхъ выдающихся дѣятелей въ области духовнаго и гражданскаго развитія русскаго общества. Авторъ стремился напомнить живущимъ объ усопшихъ и вызвать симпатію и уваженіе къ этимъ сѣятелямъ правды и просвѣтительныхъ идей, ожививъ, по мѣрѣ силъ, предъ слушателями ихъ нравственно-привлекательные образы.

Среди слушателей всегда было много молодежи. Думалось, что разсказъ о безкорыстномъ, полномъ труда и терпѣнія, любви и чувства долга служеніи родинѣ со стороны тѣхъ, о

почтенной жизни и «непостыдной кончинѣ» которыхъ шла рѣчь, не можетъ быть безполезенъ или безплоденъ для этой части слушателей. Кончая бесѣду, часто хотѣлось сказать имъ: «Mortuos plango—vivos voco!»—и повторить слова Виктора Кузена, предъ разлукой его со своей аудиторіей въ Collège de France, въ 1852 году: «Entretenez en vous le noble sentiment du respect,—défendez vous de cette maladie de notre siecle, de ce goût fatal de la vie commode, incompatible avec toute ambition généreuse. Quelque carrière que vous embrassiez, proposez vous un but élevé et mettez á son service une constance inébranlable. Sachez admirer; ayez le culte des grands hommes et des grandes choses».

Вмѣстѣ съ тѣмъ автору казалось, что въ долгій и грустный періодъ русской общественной жизни, который можно называть періодомъ «забытыхъ словъ», слѣдовало напоминать о тѣхъ, кто, въ свое время, вѣрилъ въ эти забытыя слова и умѣлъ ихъ обращать въ плодотворное дѣло. Такими людьми были и тѣ, кто подготовилъ великія реформы Александра II и способствовалъ ихъ осуществленію, кто созналъ ихъ историческое значеніе для будущаго и въ годы малодушныхъ колебаній продолжалъ служить положеннымъ въ ихъ основу началамъ, какъ бы это ни было иногда, выражаясь словами Пушкина, «горестно и трудно»...

Однимъ изъ немногихъ истинныхъ друзей и сподвижниковъ императора Александра II былъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, вся жизнь котораго проникнута глубокой любовью къ Россіи и уваженіемъ къ человѣческому достоинству и къ наукѣ.

Призванный, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, стать во главѣ военнаго вѣдомства, онъ совершилъ громадную работу перестройки на новыхъ началахъ русской военной силы, которой было необходимо оправиться отъ Севастопольскаго погрома, отъ неурядицъ и злоупотребленій обветшалаго хозяйства и отъ устарѣлыхъ условій канцелярскаго судопроизводства. Поднимая нравственный уровень арміи и внося въ нее свѣтъ образованія, учреждая и развивая на широкихъ основаніяхъ учебныя заведенія, онъ стойко боролся, въ свое время, противъ надвигавшихся тучъ и тумана такъ называемаго к л а с с и ц и з м а, стремившагося обратить обученіе, въ ущербъ его настоящему назначенію, въ политическое орудіе. Сокращеніе имъ р е к р у т ч и н ы почти на половину было лишь первымъ его шагомъ ко введенію общей краткосрочной воинской повинности, Уставъ о которой содержалъ въ себѣ и стимулъ для полученія образованія. Долгимъ, неустаннымъ трудомъ обратилъ Д. А. Милютинъ дѣло защиты родины изъ суровой тяготы для многихъ въ высокій долгъ для всѣхъ и изъ единичнаго несчастія въ общую обязанность. Восточная война 1877 года доказала, что его реформы, несмотря на злорадныя предсказанія, достигли цѣли. Участвуя во всѣхъ важнѣйшихъ законодательныхъ работахъ, онъ всюду вносилъ вѣру въ то, что «духъ животворитъ, буква мертвитъ». Первый допустивъ въ учрежденіяхъ своего вѣдомства устройство женскихъ медицинскихъ курсовъ, Д. А. Милютинъ открылъ русской дѣвушкѣ возможность сдѣлаться на пользу страждущихъ братьевъ тѣмъ, что характеризуется старинными русскими словами: п о т р у д и л и ц а и с о с л у ж е б н и ц а. Наконецъ,—его удаленію отъ активной дѣятельности въ Крымское уединеніе предшествовало признаніе имъ въ 1881 г. правильности взгляда графа Лорисъ-Мели-

кова на необходимость ознакомленія съ упованіями и потребностями родины путемъ обращенія къ ея живымъ общественнымъ силамъ...

Вотъ почему авторъ рѣшается, съ чувствомъ благодарнаго уваженія, посвятить ему настоящую книгу...

С.-Петербургъ,
15 ноября. 1905.

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИКЪ
ПУШКИНА.

(Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 26 мая 1899 года).

I.

Поэтъ съ многогранной душой—Пушкинъ былъ не только геніальнымъ художникомъ, но и великимъ явленіемъ жизни русской. Въ признаніи именно такого его значенія сходятся между собою,—съ различныхъ точекъ зрѣнія,—Гоголь, Бѣлинскій и Достоевскій. Но великія явленія, какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области природы физической, имѣютъ одно общее свойство: про нихъ никогда нельзя сказать, что онѣ изучены окончательно. Ихъ глубокое значеніе, ихъ сила и воздѣйствіе на окружающее никогда не раскрываются вдругъ и сразу. Поэтому и Пушкинъ—несравненный выразитель коренныхъ началъ народнаго духа, могучій и вдохновенный ковачъ родного языка, мыслитель и пѣвецъ, историкъ и гражданинъ—представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для изученія. Въ его духовной природѣ, по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится, открываются все новые горизонты. Этимъ онъ походитъ на своего любимаго историческаго героя,—на великаго Петра.

Съ него начинается у насъ литература въ ея настоящемъ значеніи—выразительницы свойствъ и потребностей общества и про-

возвѣстницы его упованій. Какую бы сторону ея ни изслѣдовать, приходится почти всегда подняться, вверхъ по теченію, къ Пушкину. Ему ничего не было чуждо; его трезвый, проникновенный и свободный отъ исключительности умъ, вооруженный геніальною силою выраженія, отзывался на всѣ проявленія и вопросы окружающей жизни и сыпалъ искры при каждомъ ея прикосновеніи, а его глубокая любовь къ родинѣ, исполненная чувства, но чуждая чувствительности, заставляла его вникать во всѣ условія ея быта и исторіи. Полонскій справедливо сказалъ о немъ: «Это геній— все любившій, все въ самомъ себѣ вмѣстившій...». Поэтому оставляя въ сторонѣ поучительные вопросы о творчествѣ Пушкина, о его безсмертныхъ заслугахъ для русскаго языка и словесности, о его художественномъ «credo», возможно остановиться и на его правовыхъ взглядахъ и, пользуясь его сочиненіями, письмами, замѣтками, а также воспоминаніями о немъ Смирновой, князя Вяземскаго и др., попробовать вглядѣться въ его отношеніе къ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни общества.

Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но въ жизни правда проявляется, прежде всего, въ искренности въ отношеніяхъ къ людямъ, въ справедливости при дѣйствіяхъ съ ними. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ отношеніяхъ цѣлаго общества къ своимъ сочленамъ, объ ограниченіи ихъ личной свободы во имя общаго блага и о защитѣ правъ отдѣльныхъ лицъ—эта справедливость должна находить себѣ выраженіе въ *законодательствѣ*, которое тѣмъ выше, чѣмъ глубже оно всматривается въ жизненную правду людскихъ потребностей и возможностей,—и въ *правосудіи*, осуществляемомъ судомъ, который тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ живого, а не формальнаго отношенія къ личности человѣка. Вотъ почему— justitia fundamentum regnorum! Но право и нравственность не суть чуждыя или противоположныя одно другому понятія. Въ сущности источникъ у нихъ общій, и дѣйствительная ихъ разность должна состоять, главнымъ образомъ, въ принудительной обязательности права въ сравненіи съ свободною осуществимостью нравственности. Отсюда связь правовыхъ воззрѣній съ нравственными идеалами. Чѣмъ она тѣснѣй, тѣмъ больше обезпечено разумное развитіе общества. Право имѣетъ однако свой писаный кодексъ, гдѣ указано, что̀ *можно* и чего *нельзя*. У нравственности такого кодекса быть не можетъ—и отыскивая, *что надо* сдѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, человѣку приходится вопрошать свою совѣсть. Внутренній голосъ, называемый совѣстью, истекаетъ у многихъ людей изъ началъ, невидимо, но неразрывно связанныхъ съ вѣрою, съ религіознымъ ихъ строемъ. Въ этомъ голосѣ

имъ слышится выраженіе воли высшаго существа, сознаніе связи съ которымъ и отвѣтственности предъ которымъ такъ поднимаетъ и укрѣпляетъ душу многихъ въ минуты житейскаго смятенія. Нравственныя начала, черпая свои силы въ религіи, проникаютъ съ разныхъ сторонъ и въ область права. Надпись на зданіи старинной ратуши въ Лугано: «Quod sunt leges sine moribus, quod sunt mores sine fide»—имѣетъ свое глубокое значеніе. Поэтому, говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, трудно избѣжать необходимости ознакомиться съ его нравственными воззрѣніями и его отношеніемъ къ вопросамъ вѣры. Такимъ образомъ, самъ собою создается *нравственный обликъ Пушкина.* Изученію его слѣдуетъ посвятить глубочайшее вниманіе и тщательную разработку подробностей. Вѣроятно, такому труду и будутъ отданы чьи-либо талантливыя силы и ничѣмъ не стѣсненное время. Мы же ограничимся здѣсь, по поводу столѣтняго юбилея великаго поэта, лишь самыми краткими и бѣглыми начертаніями этого образа.

Недальновидные и поспѣшные на заключенія читатели юношескихъ произведеній Пушкина, писанныхъ въ «часы забавъ иль праздной скуки»,—въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «пѣлись порочныя забавы и славились сѣти сладострастья»—создали ему довольно прочно утвердившуюся репутацію не только эротическаго поэта, но и язвительнаго отрицателя вѣры.

Имъ помогли въ этомъ нѣкоторые высокодобродѣтельные друзья молодости поэта, чей «предательскій привѣтъ» преслѣдовалъ его и за гробомъ,—въ забвеніи его словъ, что «судить взрослаго человѣка за вину юноши есть дѣло ужасное». Одинъ изъ нихъ, чью умѣренность и аккуратность, при воспоминаніяхъ объ угасшемъ уже поэтѣ, непріятно поражало отсутствіе у него не только «ровной, систематической бесѣды», но даже и «порядочнаго фрака»—провозгласилъ, что Пушкинъ не имѣлъ «ни *внѣшней*, ни *внутренней* религіи и смѣялся надъ всѣми отношеніями». Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемѣрныхъ упрекахъ—нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина—и судить человѣка и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы.

Безпорядочное домашнее воспитаніе въ довольно безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравиться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка. Отголоскомъ этого было появленіе трехъ-четырехъ подражательныхъ произведеній. Все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ лживо и безъ всякой критики писалось въ пассивъ поэзіи Пушкина. Да

и эти немногія произведенія мутили его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя «на *грѣшный* свой языкъ, и празднословный, и лукавый»—и сжигать попадавшіеся ему ихъ рукописные списки. Какъ всякая сильная натура—онъ не могъ не пройти періода *скитанія мыслей*, прежде чѣмъ остановиться на болѣе или менѣе прочномъ міросозерцаніи.

Написанное Пушкинымъ 18-ти лѣтъ отъ роду «Безвѣріе» содержитъ въ себѣ явныя указанія мучительныхъ сомнѣній, пережитыхъ имъ въ это время. Всѣ симпатіи его уже на сторонѣ вѣры и онъ желалъ бы, «забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ, съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ». Но самъ, еще не вѣруя вполнѣ и колеблясь, онъ уже понимаетъ, что не слово осужденія, а слово состраданія надо обращать къ «слѣпому мудрецу», въ которомъ «умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ». Притомъ, не надо забывать, что человѣкъ съ прозаической натурой легче и скорѣе становится законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ имѣющій задатки геніальности. Истинное религіозное чувство есть прежде всего результатъ личныхъ житейскихъ испытаній. Только выдержавъ и переживъ ихъ, оно можетъ считаться прочнымъ.

Переломъ боровшихся сомнѣній въ сторону вѣры совершился у Пушкина на двадцать второмъ году жизни. «Съ измученной души его исчезли заблужденья» подобно тому, «какъ краски чуждыя съ лѣтами спадаютъ ветхой чешуей»». Съ этого времени мы видимъ у него уже вполнѣ сложившійся взглядъ, которому онъ остается вѣренъ до конца. Въ душѣ его блеститъ немеркнущимъ свѣтомъ не только вѣра въ высшій разумъ, управляющій вселенною, но и,—употребляя выраженіе Лермонтова,—«вѣра гордая въ людей и въ жизнь иную», т.-е. въ возвышенныя стороны человѣческаго духа и въ его безсмертіе. Тотъ «чистый аѳеизмъ», указаніе на уроки котораго въ перехваченномъ письмѣ сопровождалось для него тяжелою и рѣшительною карою,—никогда не овладѣвалъ имъ. Онъ претилъ его уму и сердцу. «Ты—*сердцу* непонятный мракъ, пріютъ отчаянья слѣпого, *ничтожество*—пустой призракъ—не жажду твоего покрова»—восклицаетъ онъ, прибавляя: «ты чуждо мысли человѣка, тебя страшится гордый *умъ*». Онъ говорилъ Хомякову, что вопросы вѣры *превосходятъ* разумъ, но не *противорѣчатъ* ему—и много думалъ о нихъ. «Я нашелъ Бога въ своей совѣсти и въ природѣ, которая говорила мнѣ о немъ», объяснялъ онъ А. И. Тургеневу, сходясь въ этомъ съ Кантомъ, котораго, конечно, не читалъ, когда въ садахъ лицея «читалъ охотно Апулея». «Если человѣкъ нападаетъ на идею о Богѣ и находитъ его въ душѣ своей—значитъ, онъ существуетъ,—развивалъ Пушкинъ

свой взглядъ въ бесѣдахъ у Смирновой,—нельзя найти то, чего нѣтъ, и самая сильная фантазія отправляется все-таки отъ существующихъ формъ». Поэтому онъ подсмѣивался надъ упорными усиліями обширной аргументаціи отрицателей существованія Бога. Къ чему такія старанія, если его дѣйствительно нѣтъ?—спрашивалъ онъ. Къ Библіи и къ Евангелію Пушкинъ относился съ величайшимъ интересомъ. Онъ увлекался ими и глубоко вдумывался въ ихъ содержаніе. Рекомендуя сыну своего друга кн. Вяземскаго *пристально* и *постоянно* читать книги Священнаго Писанія, Пушкинъ называлъ ихъ «ключемъ живой воды». Замѣчая, что Евангеліе настолько истолковано, объяснено и проповѣдано повсюду, что не заключаетъ въ себѣ уже ничего для насъ неизвѣстаго,—онъ указывалъ на его вѣчно новую прелесть для всѣхъ пресыщенныхъ міромъ или погруженныхъ въ уныніе... Въ разговорахъ съ Барантомъ, восторженно отзываясь о Библіи и въ особенности о Евангеліи—онъ, по поводу стремленій подвести смыслъ святой и вѣчной книги подъ мѣрило временныхъ человѣческихъ различій и направленій, говорилъ: «мы всѣ несемъ бремя нашей жизни, иго нашей человѣчности, столь подверженной заблужденію—и это иго уравниваетъ все; Христосъ велитъ взять Его иго и бремя, которыя помогутъ намъ донести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Здѣсь нѣтъ мѣста ни для аристократіи, ни для демократіи. Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ. Здѣсь только одна, единственная великая сила—любовь»! Такимъ образомъ онъ былъ не только вѣрующимъ, но и христіаниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Религіозность его проявлялась не только въ удивительныхъ по формѣ и силѣ отдѣльныхъ стихахъ и цѣлыхъ произведеніяхъ, какъ, напр., переложеніе молитвы св. Ефрема Сирина («Отцы-пустынники и жены непорочны»), не только въ изображеніи могучей вѣры Кочубея, не поколебленной и его горькимъ концемъ, но и въ формахъ, освященныхъ народнымъ чувствомъ. Въ тоскѣ своего принудительнаго уединенія въ Михайловскомъ, онъ вызывалъ предъ умственнымъ взоромъ образы тѣхъ, кого Господь надѣлилъ высокимъ творческимъ даромъ и «всеобъемлющею душою». Онъ молился о нихъ и служилъ панихиды о рабахъ божіихъ—Петрѣ, и Георгіѣ. Этотъ Петръ былъ тотъ «вѣчный работникъ на тронѣ», котораго онъ воспѣлъ съ такой силой, понялъ съ такой любовью,—этотъ Георгій былъ «властитель думъ» лордъ Байронъ... Пушкинъ придавалъ огромное значеніе христіанству. Онъ считалъ его появленіе великимъ духовнымъ и политическимъ переворотомъ на-

шей планеты. «Въ этой священной стихіи,—говорилъ онъ,—исчезъ и обновился міръ,—древняя исторія кончилась съ ея появленіемъ». Исторія внѣшняго выраженія христіанства—церкви, ея положеніе и задачи останавливали на себѣ думы Пушкина. Онъ цѣнилъ заслугу русскаго монашества, сохранившаго среди всеобщаго мрака историческіе памятники и ведшаго лѣтописи; онъ строго осуждалъ Екатерину II за «властолюбивое угожденіе духу времени», выразившееся въ явномъ гоненіи на духовенство и лишеніи его независимаго состоянія, чѣмъ наносился ударъ его самостоятельности и его содѣйствію народному просвѣщенію.

Признавая одною изъ важнѣйшихъ задачъ церкви—проповѣдь ученія Христова, Пушкинъ видѣлъ въ послѣдней и одно изъ средствъ умиротворенія завоевываемаго нами въ то время Кавказа. Говоря, въ своемъ «путешествіи въ Арзрумъ», объ укрощеніи ненависти къ намъ черкесовъ—посредствомъ ихъ обезоруженія или привитія къ нимъ болѣе утонченныхъ потребностей,—онъ замѣчаетъ, что есть однако средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка—проповѣданіе Евангелія, о чемъ Россія до половины тридцатыхъ годовъ и не подумала. Онъ ставитъ очень высоко миссіонерство. «Надо препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ», восклицаетъ онъ и рисуетъ примѣры святыхъ старцевъ, мужей вѣры и смиренія, скитающихся по пустынямъ въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленныхъ теплымъ усердіемъ. «Какая награда ожидаетъ ихъ? спрашиваетъ онъ:—обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика,—а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть»... «Кажется,—заключаетъ онъ,—для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ живого слова, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ». Придавая высокое значеніе миссіонерству, Пушкинъ требовалъ однако, чтобы, идучи съ проповѣдью христіанства, оно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, само исполнено христіанскаго духа любви и терпѣнія. «Терпимость вещь очень хорошая,—писалъ онъ,—но развѣ апостольство съ ней не совмѣстно?» Указывая на необходимость идти *съ миромъ,* онъ клеймилъ мрачный образъ своеобразно-знаменитаго юрьевскаго архимандрита Фотія за то, что ему служили «орудіемъ духовнымъ—проклятіе, и мечъ, и крестъ, и кнутъ...» и въ своихъ чудныхъ подражаніяхъ корану совѣтовалъ: «спокойно возвѣщать коранъ, не понуждая нечестивыхъ!»

Сознательная вѣра,—а таковая несомнѣнно жила въ душѣ

Пушкина,—проникаетъ внутренній міръ человѣка и отражается на отношеніяхъ его къ людямъ. Она, по глубокой мысли Хомякова, является однимъ изъ высшихъ общественныхъ началъ, ибо само общество есть не что̀ иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними. Поэтому, вѣрованія Пушкина и его взглядъ на смыслъ евангельскаго ученія должны были неминуемо выразиться въ отношеніяхъ его къ людямъ и въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нимъ и къ самому себѣ. Въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго, по мѣрѣ силъ, въ жертву своимъ вожделѣніямъ все, что̀ возможно, не брезгая никакимъ результатомъ,—но и для болѣе утонченнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ впечатлѣніяхъ прежде всего думать исключительно о самомъ себѣ. И. С. Тургеневъ въ своихъ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» оставилъ намъ образъ эгоиста, вооруженнаго самодовольствомъ легко доставшейся добродѣтели, которая хуже «откровеннаго безобразія порока». Отталкивающія черты этого образа вѣютъ такимъ холодомъ, что убиваютъ возможность насмѣшки. Создавая его, художникъ слѣдовалъ мысли своего любимаго учителя Пушкина, который характеризовалъ эгоизмъ, какъ явленіе часто *отвратительное*, но отнюдь не *смѣшное*, ибо онъ «отмѣнно благоразуменъ». Это послѣднее свойство требуетъ извѣстной сдержанности и сомообладанія. Когда ихъ нѣтъ, эгоизмъ утрачиваетъ свою неуязвимость для смѣха. «Есть люди,—говоритъ Пушкинъ,—которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности».

Проповѣдь благороднаго альтруизма и нравственной обязательности въ отношеніяхъ съ окружающими думать о нихъ, о ихъ страданіяхъ и человѣческомъ достоинствѣ внятно и опредѣленно слышится въ произведеніяхъ Пушкина, возмущеннаго высокомѣрнымъ взглядомъ на людей, которыхъ «мы почитаемъ лишь нулями, а единицами—себя». Жестокосердное «seid hart!» Заратустры не нашло бы отклика въ поэтѣ, испытывавшемъ восхищеніе предъ исполненнымъ долгомъ, предъ забвеніемъ себя ради другихъ. Сурово относясь къ Наполеону и примиренный съ нимъ лишь смертью, Пушкинъ тѣмъ не менѣе съ восторгомъ говоритъ о немъ, когда тотъ, чтобы оживить угасшій взоръ и родить бодрость въ погибающемъ умѣ, «играетъ жизнію своею предъ сумрачнымъ недугомъ и хладно руку жметъ чумѣ». Въ противуположеніи долга

эгоизму состоитъ и смыслъ заключительныхъ строфъ знаменитой его поэмы, гдѣ долгъ олицетворенъ глубокою внутреннею жертвою Татьяны, называемой Пушкинымъ своимъ «вѣрнымъ идеаломъ», а представителемъ эгоизма является Онѣгинъ «съ его безнравственной душой, себялюбивою, сухой, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ»...

Этотъ взглядъ на отношеніе къ людямъ отражается на всей личности Пушкина. Она дышетъ добротою и дѣятельною любовью. Голосъ «кроткой жалости» слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца, дѣлающихъ его вѣчнымъ заступникомъ за нуждающихся, за несчастныхъ. Гоголь оцѣнилъ въ немъ эту черту—и разсказываетъ, что Пушкинъ искалъ случаевъ быть кому-либо полезнымъ и пользовался каждой минутой благоволенія къ себѣ императора Николая, чтобы заикнуться— и никогда о себѣ, а всегда о другомъ, несчастномъ, упадшемъ. Онъ самъ, однако, бывалъ несчастенъ и часто нуждался въ облегченіи своихъ житейскихъ и духовныхъ узъ. Намекъ на свое положеніе былъ бы естественъ и понятенъ, но Пушкинъ хватался за указываемые Гоголемъ благопріятные случаи исключительно съ мыслью *о другихъ*, какъ бы тяжело и оскорбительно ни жилось въ это время ему самому. «Какъ весь оживлялся и вспыхивалъ онъ,—пишетъ Гоголь Жуковскому,—когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого либо изгнанника, или подать руку падшему».

Можно привести множество примѣровъ его доброжелательныхъ хлопотъ и въ случаяхъ менѣе важныхъ. Такъ, напр., вынужденный принести повинную въ томъ, что былъ на балу французскаго посольства не въ мундирѣ, а во фракѣ, онъ заставляетъ умолкнуть свое законное самолюбіе, надменно уязвляемое Бенкендорфомъ, чтобы, при этомъ случаѣ, стать просителемъ и ходатайствовать предъ «своимъ Катономъ» о пенсіи для вдовы генерала Раевскаго;— такъ, онъ проситъ Бенкендорфа о дозволеніи занятій въ государственныхъ архивахъ Погодину, не оберегая завистливо и жадно доступа къ открытымъ *ему одному* историческимъ сокровищамъ, какъ сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ. Онъ хлопочетъ предъ Академіей Наукъ объ изданіи въ пользу семейства убитаго писателя Шишкова — сочиненій послѣдняго; пишетъ князю Вяземскому, прося его *пожарче* похлопотать о денежномъ пособіи молодому ученому, и поручаетъ брату Льву, самъ находясь въ принудительномъ уединеніи села Михайловскаго и въ крайне стѣсненномъ денежномъ положеніи, подписаться на нѣсколько экземпляровъ издаваемаго по подпискѣ *слѣпымъ священникомъ* перевода книги Іисуса сына Сирахова... Когда Нева «какъ звѣрь остервенясь, на городъ

кинулась» и «всплылъ Петрополь, какъ тритонъ, по поясъ въ воду погруженъ»,—Пушкинъ пишетъ брату: «этотъ потопъ съ ума у меня нейдетъ. Онъ вовсе не забавенъ. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ *Онѣгинскихъ* денегъ, но прошу—безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго».

Строгій и нелицепріятный литературный цѣнитель и судья, требовавшій отъ писателя серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ предмету своего творчества, Пушкинъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чуждъ мелочного чувства ревности къ успѣху собратій по перу и недоброжелательнаго къ нему отношенія. «Умѣя презирать,—умѣлъ онъ ненавидѣть», но *завидовать*—не умѣлъ. Достаточно указать на его отношенія къ Мицкевичу, на его оцѣнку Козлова, на переписку съ поэтомъ А. А. Шишковымъ,—наконецъ, на то, съ какою искреннею радостью привѣтствовалъ онъ произведенія Боратынскаго, какъ горячо защищалъ ихъ отъ равнодушія публики и нападокъ рутинной критики, въ теплыхъ выраженіяхъ отводя автору одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной ему литературѣ, на ряду съ Жуковскимъ и выше Батюшкова. «Свои права передаю тебѣ съ поклономъ,—чтобы на *волшебные напѣвы*—переложилъ ты страстной дѣвы—иноплеменныя слова», провозглашаетъ онъ, обращаясь къ «первому русскому элегическому поэту», чей каждый стихъ «звучитъ и блещетъ какъ червонецъ», и болѣе котораго «никто не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ».

Мицкевичъ, уже разорвавъ навсегда съ Россіею, все-таки съ благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ Пушкина и свою близость съ нимъ. Ихъ думы, по словамъ польскаго поэта, возносясь надъ землею, соединялись какъ двѣ скалы, которыя, будучи раздѣлены силою потока, склоняются одна къ другой смѣлыми вершинами. Пушкинъ въ глазахъ Мицкевича являлся олицетвореніемъ глубокаго ума, тонкаго вкуса и государственной мудрости. Поэтическое безмолвіе Пушкина, въ которомъ многіе видѣли признакъ истощенія таланта, таило, по мнѣнію Мицкевича, великія предзнаменованія для русской литературы, въ которой, по мѣткому и вѣрному его замѣчанію, Пушкинъ никогда не былъ подражателемъ Байрона—*байронистомъ*, но былъ самостоятельною величиною, лишь временно чувствовавшею *притяженіе* къ великому британскому поэту—былъ *байроніакомъ*. Онъ сталъ на собственный путь, на которомъ умѣлъ, несмотря на краткую жизнь, сраженную пулею,—«нанесшею ужасный ударъ не одной Россіи»,—создать среди ряда выдающихся произведеній такую единственную, по своей самобытности и величію, въ европейской литературѣ вещь, какъ изумительной красоты сцену въ кельѣ Пимена въ «Борисѣ Годуновѣ».

Такому посмертному отзыву, дѣлающему великую честь безпристрастію Мицкевича къ памяти поэта изъ «племени ему чужого», соотвѣтствовало и отношеніе Пушкина къ «вдохновенному свыше» и «съ высоты взиравшему на жизнь» пѣвцу. Онъ искренно восхищался его талантомъ, образованностью и многосторонними знаніями, съ увлеченіемъ говорилъ о немъ, переводилъ его произведенія («Воевода», «Будрысъ о его сыновья»), читалъ ему свои поэмы и посвящалъ его въ планы и идеи задуманныхъ твореній. Когда Жуковскій сказалъ ему однажды: «а знаешь братъ, вѣдь со временемъ тебя, пожалуй, Мицкевичъ за поясъ заткнетъ»,—Пушкинъ отвѣчалъ ему: «ты не такъ говоришь: онъ уже заткнулъ меня!..» и самъ потомъ повторялъ это свое выраженіе. Не словами раздраженія отвѣчалъ онъ потомъ на доходившій издалека знакомый голосъ ставшаго враждебнымъ поэта, а мольбою о ниспосланіи мира его душѣ...

Даже и къ людямъ ему несимпатичнымъ старался онъ относиться справедливо. Нельзя не указать на благородную защиту имъ въ 1830 году Полевого противъ «непростительнаго» отношенія къ нему Погодина и «изступленной брани» Каченовскаго по поводу «Исторіи русскаго народа»—и если впослѣдствіи отзывы Пушкина о Полевомъ утратили необходимое спокойствіе безпристрастія, то это вызвано было нападеніями послѣдняго на его друзей и преимущественно на Дельвига.

Дружбѣ Пушкинъ придавалъ огромное значеніе, понималъ ее серьезно и вѣрилъ ей искренно. Онъ отличалъ эту, по выраженію Шербюлье, «любовь безъ крыльевъ» отъ тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ въ «легкомъ пылу похмѣлья», среди обмѣна тщеславія и бездѣлья и, прикрываясь названіемъ дружбы, выражаются лишь въ фамильярности и безцеремонномъ залѣзаніи въ чужую душу или въ «позорѣ покровительства». Та дружба, представленіе о которой разсыпано во множествѣ его произведеній, есть стойкое, неизмѣнное, самоотверженное чувство, «недремлющей рукою» поддерживающее друга «въ минуту гибели надъ бездной потаенной», оживляющее его душу «совѣтомъ иль укоромъ», врачующее его раны и способное разбить «сосудъ клеветника презрѣнный».

Этому представленію былъ онъ вѣренъ и въ жизни. Стоитъ указать на его трогательныя обращенія къ Чаадаеву, къ Пущину. Проявленія дружеской пріязни его глубоко трогали и оставляли неизгладимый слѣдъ въ его душѣ. «Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!»—пишетъ онъ въ Сибирь благороднѣйшему И. И. Пущину, посѣтившему его «пріютъ опальный» въ Михайловскомъ. «Какъ жаль, что нѣтъ теперь Пущина!»—говоритъ онъ на смерт-

номъ своемъ одрѣ. Въ минуты житейскихъ горестей, чуждый малѣйшей зависти, Пушкинъ умѣлъ утѣшаться «наслажденіемъ слезъ и счастіемъ друзей» и не отрекался отъ послѣднихъ никогда и ни передъ кѣмъ, твердо и безбоязненно проявляя свое къ нимъ отношеніе, не смотря на то, что его привѣтамъ приходилось летѣть «во глубину сибирскихъ рудъ» и въ «мрачныя пропасти земли».

Если эти далекіе друзья и сберегли въ свое время для Россіи Пушкина, заботливо и предусмотрительно не пріобщивъ его къ своимъ планамъ, то между окружавшими его нашлись зато платившіе обидой за жаръ его души «довѣрчивой и нѣжной». Ихъ «предательскій привѣтъ» глубоко уязвлялъ его впечатлительное сердце. Онъ могъ повторить слова Саади въ «Гюлистанѣ»: «врагъ бросилъ въ меня камнемъ, и я не огорчился,—другъ бросилъ цвѣткомъ—и мнѣ стало больно». Рядомъ такихъ скрытыхъ обидъ и злоупотребленій «святою дружбы властью», очевидно, вызваны выстраданные звуки негодованія въ его «Коварности», когда ему довелось «своимъ печальнымъ взоромъ прочесть все тайное въ нѣмой душѣ» того, кого онъ считалъ другомъ, и осудить его «послѣднимъ приговоромъ».

II.

Таково было *отношеніе* Пушкина *къ людямъ.* Посмотримъ на *нравственныя требованія,* которыя онъ предъявлялъ прежде всего къ самому себѣ. Эти требованія въ значительной мѣрѣ опредѣляются тѣмъ, *что* признаетъ человѣкъ необходимымъ для сохраненія въ себѣ самоуваженія. Чуткою душою своею Пушкинъ не могъ не сознавать, что лишь упорный и серьезный *трудъ* и полная *правдивость* съ собою и съ другими могутъ поддержать въ человѣкѣ самоуваженіе и защитить его отъ сокровеннаго самопрезрѣнія въ тѣ минуты, когда онъ не развлеченъ мелочною пестротою обыденной жизни.

Любовью къ труду и была проникнута вся его жизнь. Ему—*«взыскательному* художнику» съ теплымъ чувствомъ вспоминается «живой и *постоянный,* хоть малый трудъ», «молчаливый спутникъ ночи, другъ Авроры златой». Онъ ощущалъ *обязанность* трудиться и жадно ждалъ любимаго осенняго уединенія когда «роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ» и можно приняться съ обновленными силами за плодотворную работу. Не даромъ «въ шорохѣ ночи» слышится ему «укоризна или ропотъ имъ утраченнаго дня»;—недаромъ съ горечью вспоминаетъ онъ «растраченные годы», и его тревожитъ «призракъ невозвратимыхъ дней» въ то

время, когда «судьбой отсчитанные дни» особенно дороги, чтобы «мыслить и страдать» и, слѣдовательно, работать умственно. Отсюда многочисленныя поправки въ его рукописяхъ и варіанты его стиховъ, отсюда настойчивая работа надъ языкомъ, надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать его гибкимъ, какъ сталь и сладкимъ, какъ сахарный тростникъ. Аллахъ говоритъ его пророку: «не я-ль языкъ твой одарилъ могучей властью надъ умами?» Для этой власти нужна, однако, не одна форма, но и содержаніе, продуманное и прочувствованное, вылившееся изъ души и заключающее въ скупости словъ богатство мысли. Это содержаніе въ поэтическомъ произведеніи тогда лишь сильно и глубоко, когда оно является плодомъ вдохновенія, которое необходимо отличать отъ преходящаго настроенія. Пушкинъ самъ указалъ разницу между вдохновеніемъ и восторгомъ, объясняя первое—одухотворенною работою, а второе—мимолетнымъ порывомъ. Тотъ товарищъ по воспитанію, о лицемѣрномъ злословіи котораго уже говорено, ставитъ Пушкину въ вину то, что надъ стихами онъ «мучился по часамъ и суткамъ», дѣлая въ каждомъ стихѣ безчисленное множество поправокъ,—что̀ совершенно невѣрно и опровергается рукописями Пушкина. Такъ, напримѣръ, въ рукописи извѣстнаго стихотворенія «19-ое октября», состоящаго изъ 24 строкъ и 184 стиховъ—на 1.069 словъ исправлено всего 73. Этотъ же своеобразный поклонникъ «дивнаго таланта» поэта признаетъ нужнымъ передать потомству, что «сверхъ того Пушкинъ писалъ лишь въ минуты *вдохновенія,* а такія заставляли себя ждать по цѣлымъ мѣсяцамъ», не понимая, что онъ дѣлаетъ, противъ воли, драгоцѣнное для Пушкина указаніе на возвышенный характеръ его творчества, очевидно смѣшивая поэзію съ бюрократическою и канцелярскою работой.

И *любовь къ правдѣ* царитъ въ Пушкинскомъ трудѣ,—къ той высшей правдѣ, которая ищетъ и рисуетъ идеалъ дѣйствій человѣка, а не къ той низшей, которая изображаетъ все въ предѣлахъ факта, не устремляя взора «горѣ» и вдаль, и праздно угождая хладной посредственности, завистливой и жадной къ соблазну.

Признавая обычнымъ явленіемъ связь геніальности съ простодушіемъ и величія характера съ откровенностью, Пушкинъ самъ являлъ примѣръ ихъ, слѣдуя совѣту изъ своего «Подражанія корану»:— «Мужайся! презирай обманъ, стезею правды бодро слѣдуй!» Ложь была ему ненавистна до забвенія собственной опасности. Смѣлое указаніе имъ генералъ-губернатору Милорадовичу того, какія именно изъ ходящихъ въ рукописи «недозволительныхъ стихотвореній» принадлежатъ ему, — остроумное замѣчаніе на запросъ Бенкендорфа о томъ, не Уваровъ ли имѣется въ виду въ «Вы-

здоровленіи Лукулла» — и, наконецъ, прямодушный утвердительный отвѣтъ императору Николаю, въ 1826 году, въ Москвѣ—на вопросъ о томъ, участвовалъ ли бы онъ въ мятежѣ 14 декабря— служатъ одними изъ многихъ примѣровъ его безусловной и безтрепетной правдивости.

Эта любовь къ правдѣ и искренности заставляла его цѣнить цѣльныхъ людей, даже и не соглашаясь со всѣми ихъ взглядами, но уважая ихъ прямоту и отсутствіе въ нихъ двоедушія. Онъ не разъ ссылался, въ бесѣдахъ, на то мѣсто откровенія св. Іоанна, гдѣ ангелу Лаодикійской церкви говорится: «знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о еслибъ ты былъ холоденъ или горячъ! но поелику ты только теплъ, а не горячъ и не холоденъ — извергну тебя изъ устъ моихъ!» Наравнѣ съ цѣльными людьми, цѣнилъ онъ и цѣльныя чувства, которымъ человѣкъ отдается безъ разсчетливой оглядки. Все показное въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ его писемъ, его возмущало,—всякая огласка добраго дѣла ему претила. «Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетой, не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукой», не сжимай «завистливой длани»—совѣтуетъ онъ. Какъ сурово отнесся бы онъ къ представителямъ столь развившагося въ современномъ обществѣ типа акробатовъ благотворительности, умѣющихъ присасываться къ живому и возвышенному дѣлу—и нерѣдко мертвить его! У него была, отмѣченная княземъ Вяземскимъ, ненависть къ поддѣльной наукѣ и къ лицемѣрной нравственности. Въ запискѣ о воспитаніи, представленной государю въ 1826 году, онъ возставалъ противъ преподаванія фальсифицированной исторіи и, вѣрный своей правдивости,—въ то время, когда воспитанникамъ принято было, напримѣръ, сообщать, что Наполеонъ былъ просто возмутившійся противъ короля предпріимчивый генералъ,— указывалъ на необходимость объяснять «разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ, не искажая республиканскихъ учрежденій», и дѣлать правильную оцѣнку историческимъ дѣятелямъ безъ оффиціально-предначертаннаго на нихъ взгляда.

Здѣсь не мѣсто разбирать историческіе взгляды и труды Пушкина, но нельзя не замѣтить, что они проникнуты стремленіемъ къ отысканію правды и, въ виду крайне слабаго развитія современной ему русской исторической науки, представляютъ нерѣдко яркіе образчики своего рода ретроспективной интуиціи, благодаря которой Пушкинъ опредѣлялъ дѣятелей, событія и эпохи далекаго прошлаго съ вѣрностью и глубиною, возможными лишь для тѣхъ, кто основательно знакомъ съ матеріаломъ, всесторонне

разработаннымъ въ теченіе полувѣка со времени его смерти. Это стремленіе къ правдѣ не давало внѣшнему блеску затемнить въ глазахъ Пушкина истину и въ то же время не допускало его забывать про культурныя условія—духовныя и матеріальныя— среди которыхъ приходилось жить и творить историческимъ дѣятелямъ, или впадать въ забвеніе про нравы и обычаи времени, столь часто заставлявшее у насъ дилеттантовъ-историковъ неправильно освѣщать, а затѣмъ и оцѣнивать тотъ или другой историческій образъ. Изслѣдованія Соловьева и Павлова о Борисѣ Годуновѣ;— всѣ главнѣйшіе труды о Петрѣ Великомъ,—почти всѣ богатые выводы нашей историко-литературной критики—явились послѣ Пушкина, а между тѣмъ сколь многое изъ *доказаннаго и установленнаго* ими *прочувствовано* Пушкинымъ и облечено въ дивные художественные образы и опредѣленія! Какъ тонки его замѣчанія объ отношеніи къ ученію энциклопедистовъ Екатерины II, ободрявшей сначала эти «игры искусныхъ борцовъ» своимъ царскимъ рукоплесканіемъ и съ безпокойствомъ увидѣвшей ихъ торжество въ жизни;—какъ содержательна въ своей сжатости внутренняя картина Александровской Руси въ «Дубровскомъ»;—какъ справедливы, въ записанномъ Смирновою разговорѣ, сравнительныя оцѣнки Петра и Екатерины и указанія на національныя ошибки послѣдней и лицемѣріе ея знаменитаго Наказа... Красивыя декораціи царствованія Екатерины не вводили Пушкина въ заблужденіе о томъ, что за ними скрывалось. Его всецѣло привлекала къ себѣ та житейская и историческая правда, которою дышетъ личность Петра. «Онъ одинъ цѣлая всемірная исторія»,— пишетъ Пушкинъ Чаадаеву. Памятникъ Петра—современная Россія, которая «вошла въ Европу, какъ спущенный корабль», говоритъ онъ, указывая на безповоротность реформы Петра и рисуя его самого такъ, что онъ встаетъ предъ нами какъ живой, среди своихъ священныхъ трудовъ и заботъ. Мы видимъ его дома, на верфи, въ бою, на пиру. Образныя и глубоко продуманныя выраженія Пушкина, его удивительныя по богатству мысли прилагательныя,—изображаютъ намъ въ незабвенныхъ чертахъ нравственный складъ, наружность и великія думы «славнаго кормчаго, кѣмъ наша *двинулась* земля».

Но Пушкинъ не ослѣплялся чувствомъ привязанности къ Петру и къ Россіи. Горячая любовь къ Россіи и вѣра въ нее были у него неразлучны съ чувствомъ правды, которое не позволяло ему закрывать глаза на ея недостатки и на чужія достоинства. Онъ желалъ видѣть родину сроднившеюся съ Западомъ во всемъ лучшемъ, но сохранившею самобытныя формы, заключаю-

щія все хорошее *свое*. Гнѣвныя подчасъ выраженія его писемъ, грустное восклицаніе при чтеніи Гоголемъ «Мертвыхъ душъ»: «не веселая штука Россія!»—только на предвзятый взглядъ могутъ идти въ разрѣзъ съ этою любовью и съ вѣрою въ «высокій жребій» русскаго народа. Недостатки любимаго существа всегда вызываютъ болѣе острые взрывы душевной боли, именно потому, что оно любимое и что его хочется видѣть лучше и выше всѣхъ. Гордясь скромностью русскаго человѣка и величіемъ всего, что совершено имъ по почину Петра, Пушкинъ тѣмъ не менѣе преклонялся предъ достоинствами общечеловѣческими. Ему былъ чуждъ узкій патріотизмъ, враждебно, надменно или косо смотрящій на все иноземное. Указывая на терпимость къ чужому, какъ на одну изъ прекрасныхъ сторонъ простого русскаго человѣка, онъ говорилъ о необходимости уваженія къ *человѣчеству* и къ его благороднымъ стремленіямъ. «Недостаточно имѣть только мѣстныя чувства,—говорилъ онъ Хомякову,—есть мысли и чувства всеобщія, всемірныя»... Правдою, по мнѣнію Пушкина, должна быть проникнута не одна личная, но и вся государственная дѣятельность правителя. Въ правдѣ—великая притягательная сила, въ ней же и вѣрный критерій. Умѣнье понимать это составляетъ одно изъ свойствъ истинно великаго историческаго дѣятеля. Не даромъ Петръ «правдою привлекъ къ себѣ сердца»—и, благодаря его умѣнью цѣнить ее «былъ отъ буйнаго стрѣльца предъ нимъ отличенъ Долгорукій»... Но уравновѣшенность душевныхъ силъ и воспріимчивое чувство живой дѣйствительности заставляли Пушкина видѣть побужденіе для исканія правды въ чувствѣ любви, которому свойственно пониманіе и снисхожденіе. Поэтому онъ не считалъ возможнымъ найти эту правду въ крайностяхъ. Если ея нѣтъ въ вѣнкахъ льстецовъ, то точно также нѣтъ ея и въ безусловныхъ отрицаніяхъ, «Нѣтъ убѣдительности,—пишетъ онъ,—въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины тамъ, гдѣ нѣтъ любви!»

Намѣчая такія требованія, Пушкинъ умѣлъ отличать существенное и вѣчное въ человѣкѣ отъ случайнаго и внѣшняго, высоко ставилъ свое призваніе и отдѣлялъ его задачи отъ неизбѣжныхъ условій своей личной жизни и отъ роковыхъ даровъ природы, называемыхъ страстями. «Малодушное погруженіе» въ заботы «суетнаго свѣта» не заглушало для него «божественнаго глагола», и онъ отряхалъ съ себя эти заботы подъ дуновеніемъ вдохновенія. Но онъ всетаки былъ потомокъ — и близкій — того, кто «думалъ въ охлажденны лѣта о знойной Африкѣ своей». Этотъ зной жилъ въ его крови, давалъ себя чувствовать въ обыденные часы жизни, и въ молодости поэта, въ видѣ «алчнаго грѣха»,

гнался за нимъ по пятамъ. Но и тогда онъ не утопалъ, самоуслаждаясь, въ этомъ грѣхѣ, а «бѣжалъ къ Сіонскимъ высотамъ», никогда не теряя ихъ изъ виду, не забывая о ихъ существованіи. Вѣрный народнымъ русскимъ свойствамъ, онъ относился къ себѣ, какъ къ человѣку — отрицательно и даже съ преувеличеннымъ самоосужденіемъ. «Презирать судъ людской не трудно, — пишетъ онъ—презирать судъ собственный невозможно». Поэтому отношеніе его къ своему прошлому было иное, чѣмъ у большинства людей его общественнаго положенія. Въ годы наступавшаго успокоенія страстей, онъ не взиралъ съ втайнѣ-завидующимъ снисхожденіемъ на увлеченія своихъ юныхъ дней. Карая себя за нихъ, въ «тоскѣ сердечныхъ угрызеній», онъ будилъ и вызывалъ тяжелыя воспоминанія, отравляя ими «видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней». Рыдающіе звуки его «Воспоминанія», когда онъ «съ отвращеніемъ читаетъ жизнь свою» и горькими слезами не можетъ смыть «печальныхъ строкъ»—служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Но, безпощадно бичуя себя, онъ однако строго отдѣлялъ свою *личность* отъ своего *призванія*. «Воронцовъ думаетъ, что я коллежскій секретарь, — пишетъ онъ, — но я полагаю о себѣ нѣчто большее»... Это *большее* состояло въ призваніи быть пророкомъ своей родины, «глаголомъ жечь сердца людей» и ударять по нимъ «съ невѣданною силой». Онъ сознавалъ выпавшія на его долю роль и обязанности въ духовномъ развитіи Россіи, въ подготовкѣ ея свѣтлаго нравственнаго будущаго, въ которое онъ вѣрилъ горячо, подобно Петру, «*зная* предназначенье родной страны». Когда изъ своего печальнаго уединенія онъ былъ, въ 1826 году, вызванъ въ Москву, гдѣ ждало его невѣдомое и тревожащее его разрѣшеніе его судьбы, онъ и тогда не усомнился въ своемъ призваніи и взялъ съ собою стихи, начинавшіеся словами: «Возстань, возстань, пророкъ Россіи,—позорной ризой облекись!..» Отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже объемъ содержанія темъ для его творчества, но не его «предназначенье». Онъ былъ въ своихъ глазахъ «Богомъ избранный пѣвецъ», который, для блага страны, не можетъ и не долженъ «молчать, потупя очи долу»...

Отношеніе Пушкина къ требованіямъ своей совѣсти и его раннее, вдумчивое проникновеніе въ сущность разумныхъ условій человѣческаго существованія, въ потребности сердца, въ права мысли — опредѣлили и взглядъ его на главнѣйшія проявленія справедливости, какъ осуществленія общественной совѣсти, выражающіяся въ правосудіи и законодательствѣ. Уже двадцатилѣтнимъ юношею онъ выражаетъ опредѣленный въ этомъ от-

ношеніи взглядъ, которому оставался затѣмъ вѣренъ во всю свою остальную жизнь. Восхищаясь уединеніемъ, онъ учится «блаженство находить въ *истинѣ*, — *свободною* душой *законъ боготворить,* роптанью не внимать *толпы* непросвѣщенной и отвѣчать *участіемъ* застѣнчивой мольбѣ». Это цѣлая программа, тѣмъ болѣе замѣчательная, чѣмъ менѣе она подходила къ рамкамъ, въ которыя тогда охотно укладывались личная и общественная жизнь на Руси.

Движеніе законодательства и возбуждаемые при этомъ вопросы историческаго и общественнаго характера чрезвычайно интересовали Пушкина. Его записки и письма хранятъ несомнѣнныя доказательства глубины этого интереса. Въ нихъ содержится множество замѣчаній критическаго характера и указаній на бытовыя особенности, столь важныя для законодателя. Между ними есть опыты проектовъ различныхъ мѣръ, вызываемыхъ общественными потребностями. Изъ нихъ видно, что, относясь къ подобнымъ вопросамъ съ живѣйшимъ вниманіемъ, Пушкинъ желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейской правдой и необходимою личною свободой; желалъ видѣть человѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія. «Мысль—великое слово, — говоритъ онъ, — что̀ же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль! Да будетъ же она свободна, какъ свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ». Эта разумная свобода, построенная на уваженіи къ правамъ личности, на признаніи правъ организованной совокупности личностей — общества — и есть «святая вольность», которую Пушкинъ противополагаетъ тому, что̀ онъ называетъ «безумствомъ гибельной свободы». Несмотря на относительную близость французской революціи, картина которой въ большинствѣ оставляла еще смутное и слитное впечатлѣніе, онъ, со свойственнымъ ему пониманіемъ исторической перспективы и умѣньемъ дать опредѣленіе въ двухъ словахъ, установлялъ, по отношенію къ политической свободѣ, глубокую разницу между «львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо» и дѣйствіями «сентиментальнаго тигра — Робеспьера». Настоящая свобода не можетъ опираться на насиліе,—она «богиня чистая», и ея «цѣлебный сосудъ» не долженъ быть «завѣшанъ пеленой кровавой». Она погибаетъ, если, въ забвеніи ея истиннаго смысла, наступаютъ «порывы буйной слѣпоты» и тогда надъ ея «безглавымъ трупомъ» можетъ возникнуть палачъ «презрѣнный, мрачный и кровавый».

III.

Рисуя себѣ идеалъ общественной жизни, «гдѣ твердо съ вольностью святой—законовъ мощныхъ сочетанье», Пушкинъ именно въ этомъ сочетаніи видѣлъ необходимыя условія и залогъ спокойствія и дальнѣйшаго развитія общества. Мощный законъ долженъ являться покровителемъ слабыхъ,—разумною уздою для тѣхъ, кто, подобно Алеко, «для себя лишь хочетъ воли»—и выразителемъ пониманія законодателемъ прирожденныхъ правъ человѣческой души. Отсюда—требованія *строгой обдуманности* и *человѣчности* закона. Пушкинъ указываетъ на необходимость находить въ законѣ спокойствіе зрѣлой мысли и не встрѣчать въ немъ личныхъ вкусовъ и настроеній законодавца. «Достойна удивленія, — пишетъ онъ, — разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первыя суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые — нерѣдко жестокіе, своенравные и, кажется, что писаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго;—вторые вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика». Требуя человѣчности въ законѣ, Пушкинъ уже въ ранней молодости умѣлъ проявить драгоцѣнное чувство истинной справедливости — равно нужное и для законодателя, и для судьи,—состоящее въ умѣніи поставить себя на мѣсто другаго и понять его чувства въ томъ или другомъ положеніи. Его смущала отвлеченная отъ жизни, непреклонная жестокость нѣкоторыхъ законовъ, поражающая неповинныхъ и гнетущая «природы голосъ нѣжный». Въ томъ возрастѣ, когда менѣе всего думаютъ объ участи дѣтей, являющихся слѣдствіемъ осуждаемыхъ закономъ связей, онъ былъ тронутъ ихъ злосчастною судьбою и съ удивительною для его лѣтъ глубиною описывалъ всѣ трагическіе моменты жизни ребенка, искупающаго «увлеченіе» родителей: — его отчужденіе отъ всѣхъ, одиночество, томительныя, грустныя думы, проклятія судьбѣ, зависть къ тѣмъ, кто позналъ ласку матери, жестокіе упреки чужихъ людей и полное «неправедное и ужасное безправіе». Чуткая душа поэта намѣчала законодателю высокую задачу, состоящую въ облегченіи участи такихъ дѣтей. Судьба не послала ему радости увидѣть осуществленіе своихъ идей. Онъ не дожилъ до сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи въ послѣднее десятилѣтіе нашимъ законодательствомъ человѣколюбивыхъ шаговъ.

Дѣтство Пушкина прошло среди помѣщичьей обстановки, въ значительной мѣрѣ обусловленной крѣпостнымъ правомъ, составлявшимъ одну изъ основъ тогдашняго общественнаго строя. Но облагораживающее вліяніе Лицея, нравственная атмосфера, которою сталъ дышать Пушкинъ послѣ отцовскаго дома, и вліяніе такихъ людей, какъ Энгельгардтъ и Куницынъ, «воспитавшій пламень» питомцевъ Лицея, «создавшій ихъ и возжегшій чистую лампаду въ ихъ душѣ» — сдѣлали свое дѣло. Благородныя сѣмена пали на благодарную почву. Вступивъ въ жизнь съ намѣреніемъ «отчизнѣ посвятить души высокіе порывы», Пушкинъ долженъ былъ неминуемо и болѣзненно столкнуться съ различными проявленіями владѣнія «душами», основанными на правѣ, закрѣпленномъ закономъ и поддерживаемомъ строгими карами.

Въ «пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья, — въ пустынный уголокъ, на лоно счастья и забвенья», гдѣ отдыхалъ двадцатилѣтній поэтъ, вторглись скорбные отголоски изъ другого, близкаго, окружающаго міра — и поэтъ не поспѣшилъ уйти отъ нихъ, малодушно зажавъ себѣ уши и закрывъ глаза. Его сердце, вѣрное любви къ людямъ, встрепенулось и среди личнаго счастья воспѣло «стихомъ пронзительно-унылымъ» несчастіе ближнихъ съ подавляющею силой:

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя.
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя.
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Картина мрачныхъ сторонъ крѣпостного быта, нарисованная Пушкинымъ, такъ полна, что ему нечего было къ ней болѣе потомъ добавить, хотя раскатовъ его негодованія хватило бы надолго. Мы уже указывали, что судьба была жестока къ лучшимъ упованіямъ его. Употребляя его собственныя выраженія, можно сказать, что, относительно многихъ улучшеній обществен-

наго быта, онъ былъ осужденъ на «безкрылое желанье», что въ груди его «горѣлъ безплодный жаръ». Онъ не дожилъ до страстно желанной минуты увидѣть «рабство, падшее по манію Царя», и не пережилъ со всѣми лучшими людьми земли русской великаго дня освобожденія крестьянъ, съ котораго его болѣе счастливый другъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, предлагалъ начать считать въ Россіи новый годъ. А между тѣмъ освобожденіе крестьянъ было, какъ извѣстно, искреннимъ желаніемъ императора Николая. Онъ, въ разговорѣ съ Пушкинымъ, по разсказу Смирновой, упрекалъ Бориса Годунова за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, и Лейбница за то, что, совѣщаясь съ Петромъ Великимъ относительно «табели о рангахъ», нѣмецкій ученый не указалъ ему на несправедливость крѣпостного права. Бюрократическая и законодательная рутина, опиравшаяся на упорную неподвижность общества и на страхи, создаваемые «пугливымъ воображеніемъ», ставила постоянныя препятствія для рѣшительныхъ шаговъ государя. Онъ, въ отношеніи крестьянскаго вопроса, не находилъ къ себѣ сочувствія и честной поддержки и въ ближайшихъ исполнителяхъ своей воли. Даже такіе люди, какъ, напр., адмиралъ Мордвиновъ, «сіяющій,—по выраженію Пушкина,—и доблестью, и славой, и наукой», про котораго во многихъ отношеніяхъ можно было сказать: «сей старецъ дорогъ намъ»,—оправдывали продажу людей въ одиночку, какъ способъ, «коими рабъ отъ лютаго помѣщика можетъ случайно перейти къ болѣе человѣколюбивому господину». Подъ этими вліяніями самодержавная воля ограничивалась поверхностными мѣрами и воздѣйствіемъ въ единичныхъ случаяхъ, въ надеждѣ на личную доброту душевладѣльцевъ. На непригодность всякихъ въ этомъ отношеніи полумѣръ неоднократно указывалъ Пушкинъ, то смѣясь надъ Наказомъ, основаннымъ на томъ, «чтобъ барской ягоды тайкомъ—уста лукавыя не ѣли—и пѣньемъ были заняты—затѣя сельской простоты», и надъ великодушною замѣной «ярма отъ барщины старинной—оброкомъ легкимъ»;—то говоря о несчастіи семейственной жизни народа, вслѣдствіе насильственныхъ браковъ,—то рисуя образъ филантропическаго мучителя, желавшаго пріучить крестьянъ ко всевозможнымъ страданіямъ, чтобы затѣмъ постепенно возвратить имъ собственность и даровать права.

Вѣрный своему высокому призванію и любви къ родинѣ, Пушкинъ изображалъ съ разныхъ сторонъ то недостойное состояніе, въ которомъ держало крѣпостное право большинство русскаго народа. Въ обѣихъ историческихъ замѣткахъ 1822 года онъ говоритъ о великой опасности, которою грозило бы Россіи осуществленіе олигархическихъ замысловъ,

главнымъ образомъ потому, что были бы затруднены или вовсе уничтожены способы освобожденія крѣпостныхъ людей, и одно лишь страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство. Пушкинъ возвѣщалъ въ пламенныхъ стихахъ о своей жаждѣ увидѣть народъ неугнетеннымъ и живущимъ подъ покровомъ просвѣщенной свободы, — онъ звалъ, онъ торопилъ наступленіе этого времени... Съ этимъ наступленіемъ у него были связаны свѣтлыя надежды. «Послѣ освобожденія крестьянъ у насъ будутъ гласные процессы, присяжные, бо̀льшая свобода печати, реформы въ общественномъ воспитаніи и въ народныхъ школахъ», — говорилъ онъ Соболевскому. Крѣпостное право въ обыденной жизни опиралось на домашнюю, произвольную и часто ничѣмъ необузданную расправу. Свой взглядъ на «насильственную лозу» Пушкинъ выразилъ въ запискѣ о народномъ воспитаніи, поданной императору Николаю, гдѣ говорилось о необходимости уничтоженія тѣлесныхъ наказаній—для внушенія воспитанникамъ заранѣе правилъ чести и человѣколюбія, чтобы слишкомъ жестокое воспитаніе не сдѣлало изъ нихъ впослѣдстіи палачей, а не начальниковъ.

Общественная жизнь колеблется преступленіями. Карающій законъ необходимъ, —но очень важно, чтобы его удары не поражали человѣка напрасно, не стѣсняли его личную жизнь, покуда онъ не проявляетъ себя нарушеніями чужихъ правъ. Свѣтлому уму Пушкина эта истина — туманная подчасъ и для нѣкоторыхъ законодателей — представлялась ясно. «Законъ постигаетъ, — говоритъ онъ, — однѣ преступленія, а не личную жизнь человѣка, оставляя пороки и слабости на совѣсть каждому», — и тѣмъ ставитъ точное опредѣленіе границъ карающаго закона.

Придавая огромное значеніе голосу совѣсти въ человѣкѣ, Пушкинъ, какъ и Достоевскій, видѣлъ въ ней первое и самое сильное выраженіе внутренняго наказанія, отъ котораго не могутъ защитить ни разсѣяніе, ни «шумъ потѣхи боевой», ни практическія «поговорки», несмотря на то, что онѣ кажутся удивительно полезны, «когда мы ничего не можемъ выдумать въ свое оправданіе». Вызванная разладомъ съ совѣстью, «внутренняя тревога» замолкаетъ вообще не легко и шумъ ея можетъ стать оглушающимъ, когда къ нему присоединяется голосъ совѣсти, «нежданнаго гостя, докучнаго собесѣдника, жаднаго заимодавца», — и когда этотъ «когтистый звѣрь» начинаетъ «скрести сердце». Этотъ голосъ отравляетъ жизнь днемъ, населяетъ ужасами ночь. Пушкинскій Борисъ удивительно характеризуетъ внутреннее состояніе человѣка съ нечистою совѣстью, такъ что «и радъ

бѣжать—да некуда... ужасно!»—«Я не злодѣй,—говоритъ Пушкинъ въ своемъ «Снѣ»,—съ волненьемъ и тоской не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній... и въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ не хмурится угрюмо въ головахъ».

Изображая эти неподдающіяся опредѣленію закона *послѣдствія* преступленія, Пушкинъ вдумывался въ пути, которыми нерѣдко приводится человѣкъ къ злодѣянію, и въ развитіе въ немъ преступной идеи до окончательной рѣшимости. Въ «Братьяхъ-разбойникахъ» прекрасно обрисовано происхожденіе преступленія. Сначала сиротство и одиночество, отсутствіе дѣтскихъ радостей, затѣмъ нужда, презрѣнье окружающихъ, потомъ «зависти жестокое мученье», наконецъ, забвенье робости и «...совѣсть отогнали прочь!» Но ее можно отогнать, а уничтожить нельзя. Она, «докучная», проснется въ тяжкій день. Оживленный ею образъ жертвы станетъ неотступно предъ глазами, и «дряхлый крикъ» послѣдней можетъ стать ужасенъ... У Пушкина есть глубочайшія психологическія наблюденія относительно преступленія. Онъ отмѣчаетъ, напримѣръ тѣ непостижимыя внутреннія противорѣчія захваченной губительною мыслью души, которыя такъ поражаютъ иногда юристовъ-практиковъ. Таковъ кузнецъ Архипъ, запирающій людей въ поджигаемомъ домѣ, отвѣчающій на мольбы о ихъ спасеніи злобнымъ «какъ не такъ!» и въ тоже время съ опасностью жизни спасающій съ крыши пылающаго сарая котенка, чтобы «не дать погибнуть Божьей твари». Пушкину извѣстны и тѣ болѣзненныя настроенія, подъ вліяніемъ которыхъ совершеніе преступнаго дѣла разрѣшаетъ омраченные умъ и сердце отъ сдавившей ихъ тяжести, вызывая собою ощущеніе облегченія и даже наслажденія. «Сердце мнѣ тѣснитъ какое-то невѣдомое чувство»—говоритъ Скупой рыцарь, отпирая сундукъ въ своемъ «подвалѣ вѣрномъ» и, какъ всегда, «впадая въ жаръ и трепетъ»... и объясняетъ, что чувствуетъ то же, что, по увѣреніямъ медиковъ, чувствуютъ люди—«въ убійствѣ находящіе пріятность,—когда вонзаютъ въ жертву ножъ:—пріятно и страшно вмѣстѣ». Сальери, смертельно завидующій Моцарту, увидѣвъ, что онъ довѣрчиво выпилъ поднесенный ему стаканъ съ ядомъ, плачетъ и говоритъ: «эти слезы я впервые лью: больно и пріятно, какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ страдавшій членъ!»...

Для возстановленія нарушеннаго права, для назначенія заслуженнаго наказанія—нуженъ судъ, обязанный стремиться къ возможной правдѣ, насколько она доступна па землѣ человѣку. Но способы отысканія и самое пониманіе этой правды различны въ зависимости отъ времени и отъ развитія общественной среды.

Пушкинъ кратко, но мастерски набрасываетъ картины суда патріархальнаго и суда домашняго. «Оставь насъ, гордый человѣкъ! мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,—мы не терзаемъ, не казнимъ,—не нужно крови намъ и стоновъ,—но жить съ убійцей не хотимъ»,—говоритъ старикъ-цыганъ Алеко, убившему жену и соперника.—Иначе творится судъ въ крѣпости Озерной. «Иванъ Игнатьичъ,—поручаетъ капитанша Миронова,—разбери ты Прохорова съ Устиньей,—кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи»... Современный Пушкину русскій судъ его не удовлетворялъ. Еще въ стихотвореніяхъ своей молодости онъ выражалъ отвращеніе къ «крючковатому подъяческому народу,—лишь взятками богатому и ябеды оплоту», и находилъ, что въ судѣ гражданскомъ «здравый смыслъ—путеводитель рѣдко вѣрный и почти всегда недостаточный». Въ виду того, что нашъ тогдашній храмъ правосудія постоянно осквернялся слишкомъ хорошо извѣстными злоупотребленіями,—бредъ Дубровскаго многозначителенъ. Когда ему предлагаютъ подписать «свое полное и совершенное удовольствіе» подъ рѣшеніемъ, коимъ онъ ограбленъ въ пользу богатаго и сильнаго сосѣда, онъ молчитъ... и вдругъ придя въ ярость, во внезапно налетѣвшемъ припадкѣ безумія, дико кричитъ: «какъ! не почитать церковь Божію!—слыхано ли дѣло—псари вводятъ собакъ въ церковь! собаки бѣгаютъ по церкви»!.. Истинный судъ, по Пушкину, лишь тамъ, гдѣ онъ прежде всего равно примѣняетъ ко всѣмъ равный для всѣхъ законъ,—гдѣ «всѣмъ простертъ *законовъ* твердый щитъ, гдѣ, сжатый *вѣрными* руками,—граждан надъ *равными* главами ихъ мечъ безъ *выбора* скользитъ,—гдѣ преступленье свысока разится *праведнымъ* размахомъ»,—гдѣ, наконецъ, судьи не только честны, но и независимы, такъ что неподкупна ихъ рука «ни къ злату алчностью, ни страхомъ».

Праведность размаха, о которой говоритъ поэтъ—несомнѣнно должна прежде всего выражаться въ живомъ отношеніи къ личности человѣка, не допускающемъ равнодушія къ его судьбѣ, требующемъ обдуманныхъ и справедливыхъ мѣръ изслѣдованія и разумныхъ мѣръ наказанія. Именно съ такой точки зрѣнія и смотрѣлъ Пушкинъ на отправленіе правосудія. Оно должно быть жизненно, а не отвлеченно, и не давать въ своемъ практическомъ осуществленіи поводовъ къ примѣненію словъ, влагаемыхъ Бомарше въ уста Фигаро: «я надѣюсь на вашу справедливость, *хотя* вы и представитель правосудія». Поэтому онъ съ любовью останавливается не на дьякѣ въ приказахъ посѣдѣломъ, который «спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва»,—а на Беккарія, ко-

тораго изучалъ и считалъ «величайшимъ филантропомъ своего времени». Вопросы судопроизводства очень его интересовали. Онъ ясно понималъ, что истинная справедливость выше формальнаго закона и подчасъ ускользаетъ отъ однообразія механическихъ обрядовъ,—что судъ по предустановленнымъ доказательствамъ, безъ самодѣятельности судей, тревожно направленной на отысканіе правды, очень часто можетъ служить лишь доказательствомъ, что «summum jus—summa injuria». Его смущало, напримѣръ, значеніе, которое формальный судъ придавалъ собственному сознанію подсудимаго. Онъ собирался писать повѣсть о двухъ казненныхъ въ Нюренбергѣ женщинахъ—Маріи Шонингъ и Аннѣ Гарлинъ,—невинно осужденныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, на основаніи собственнаго сознанія, даннаго подъ угрозою пытки, въ порывѣ отчаянія и въ восторженной надеждѣ на менѣе тягостную жизнь за гробомъ,—сознанія, провѣрить которое судьи не потрудились. Рисуя въ «Капитанской дочкѣ» приготовленія къ розыску и къ пыткѣ, онъ строго осуждаетъ *собственное признаніе*, которому нашъ дореформенный уголовный законъ придавалъ значеніе «*лучшаго доказательства всего свѣта*». «Думать, что собственное признаніе преступника необходимо для его полнаго обличенія,—говоритъ Пушкинъ,—мысль не только неосновательная, но и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицаніе подсудимаго не пріемлется въ доказательство его невинности, признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности».

Въ то время, какъ, въ глазахъ большинства, наказаніе основывалось на началахъ, выражаемыхъ словами: «по дѣломъ вору и мука» и «дабы, на то глядючи, и другимъ было то дѣлати неповадно»,—онъ смотрѣлъ на наказаніе за преступленіе, какъ на средство для исправленія, а не исключительно для причиненія страданія или даже гибели виновному. Карательныя мѣры, господствовавшія въ XVIII вѣкѣ, представлялись ему жестокими. «Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы!»—восклицаетъ онъ, характеризуя «законовъ гибельный позоръ», исторгающій «неволи немощныя слезы». Въ замѣчаніяхъ на Анналы Тацита, приводя разсказъ о присужденіи сенатомъ Фабія Серена къ заключенію на безлюдномъ островѣ, чему воспротивился Тиберій на томъ основаніи, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ для его поддержанія,—Пушкинъ восклицаетъ: «слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!»

Одной справедливости, однако, мало для того, чтобы размахъ карающаго меча былъ праведнымъ. Истинное и широкое право-

судіе должно выражаться и въ человѣчномъ отношеніи къ виновному. Еще никогда примѣръ такой человѣчности и сострауданія не бывалъ вреденъ. Во взглядѣ на это свойство правосудія Пушкинъ вполнѣ сходился съ своимъ знаменитымъ полемистомъ, митрополитомъ Филаретомъ, который писалъ въ 1840 г.: «къ преступнику надо относиться съ христіанскою любовью, простотою и снисхожденіемъ, остерегаясь всего, что уничижаетъ или оскорбляетъ. Низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія». Идея кроткой жалости, милости и прощенія проникаетъ массу произведеній нашего поэта. Можно сказать, что это одна изъ основныхъ нотъ его творческой мысли. Уже его юношескому воображенію,—когда въ немъ еще кипѣлъ избытокъ жизненной энергіи и любви къ борьбѣ,—въ заманчивой нравственной красѣ рисуется картина побѣдителей, которые весело и грозно бились, дѣлили дани и дары и съ *побѣжденными* садились за *дружелюбные пиры* (1817 г.). Ему привлекателенъ Петръ, ласкающій «славныхъ плѣнниковъ своихъ» и подымающій заздравный кубокъ за своихъ учителей (1828 г.). Но особенно дорогъ ему и понятенъ великій монархъ, когда онъ съ подданнымъ мирится,—виноватому вину отпуская, веселится,—«и *прощенье* торжествуетъ, какъ *побѣду надъ врагомъ*» (1835 г.). Пушкинъ глубоко понималъ громадное значеніе шаговъ къ примиренію съ оскорбленною и страждущею душою и благотворное вліяніе великодушнаго и широкаго прощенія. Онъ испыталъ на себѣ, какъ подъ «таинственнымъ щитомъ святого прощенья» умолкаютъ «бурныя чувства, кипящія въ сердцѣ—и ненависть, и грезы мести блѣдной»... Вотъ почему «лукавый льстецъ» способенъ накликать бѣду, стремясь ограничить идущую съ высоты трона милость,—вотъ почему Пушкинскій патріархъ въ «Борисѣ Годуновѣ» благословляетъ Всевышняго, поселившаго въ душѣ великаго государя «духъ милости и кроткаго терпѣнья»,—вотъ почему великій поэтъ нашъ всю жизнь свою «участьемъ отвѣчалъ застѣнчивой мольбѣ», и имѣетъ гордое право на любовь народа уже за то, что воспѣвалъ своимъ чуднымъ, непревзойденнымъ стихомъ—милосердіе, считая его призваніемъ царя, а своей задачею считая «милость къ падшимъ призывать»...

Въ этой его особенности могутъ увидѣть противорѣчіе съ воспѣваніемъ «славы бранной». Но представленіе о немъ, какъ о пѣвцѣ этой мрачной славы, невѣрно, также какъ и многія другія о немъ представленія. Никогда поклонникомъ войны, какъ средства для добычи славы, онъ не былъ. Его разумъ и человѣчность возставали противъ лишенныхъ внутренняго содержанія понятій, столь дорого иногда обходящихся людямъ. Почти всѣ пѣсни его,

посвященныя войнѣ, относятся къ началу двадцатыхъ годовъ, когда кругомъ все еще было полно «священной памятью двѣнадцатаго года» и обаяніемъ только-что выдержанной борьбы за народную независимость, за положеніе, добытое вѣковыми усиліями и жертвами, давшее русскому народу испытать «высокій жребій». Написанное позже было вызвано впечатлѣніями начавшагося возстанія грековъ противъ турецкаго ига и послѣдовавшей за тѣмъ борьбы, захватившей сердца народовъ и правительствъ. И въ обоихъ случаяхъ дѣло шло не о добываніи бранной славы, а о жизненныхъ условіяхъ существованія двухъ народовъ,—о родинѣ и о «странѣ героевъ и боговъ». «Возстань, о, Греція! возстань,—восклицалъ Пушкинъ,—страна героевъ и боговъ,—расторгни рабскія вериги—при пѣньи пламенныхъ стиховъ—Тиртея, Байрона и Риги». Картины битвъ, нарисованныя имъ, также не могутъ свидѣтельствовать о его вкусѣ къ тому, что̀ Пироговъ назвалъ «травматическою эпидеміею». Не равнодушно и безразлично, съ холодной точностью опытнаго батальнаго художника рисуетъ онъ ужасную картину полтавскаго кровопролитія, когда сливаются «клики, скрежетъ, ржанье, стонъ и смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ». Онъ видитъ въ немъ неизбѣжное жертвоприношеніе для выполненія предназначенія Россіи, грозный путь къ «гражданству сѣверной державы», достигнутому побѣдой надъ сосѣдомъ, завистливо и надменно мѣшавшимъ ея развитію и внесшимъ войну въ ея внутреннія области. «Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ» дороги ему, какъ указавшіе «повелительныя грани» тѣмъ, кто хотѣлъ бы ограничить политическую самобытность Россіи,—дороги, какъ вѣявшіе надъ русскимъ солдатомъ, на ряду съ беззавѣтною храбростью котораго Пушкинъ съ восхищеніемъ отмѣчалъ отсутствіе ненависти къ врагу и тщеславія побѣдами. Его, по собственнымъ словамъ, не манила слава, грозящая «перстомъ окровавленнымъ»,—вовсе не плѣняла «бранная забава», которую «любить нельзя»,—и если въ 1821 году у него и сказалось желаніе вырваться на войну, то лишь потому, что «въ смерти грозномъ ожиданьи» онъ думалъ заглушить «тоску своихъ привычныхъ думъ», отъ коихъ увядалъ «какъ жертва злой отравы». Но и тутъ онъ чувствовалъ, что въ немъ не родится «*слѣпая славы страсть—свирѣпый* даръ героевъ». Грозное ожиданье смерти и готовность умереть за родину, способныя возбудить зависть къ тѣмъ, «кто умирать шелъ мимо насъ»,—представляются ему необходимыми условіями войны, а вовсе не жажда чужой гибели. Наполеонъ, «царемъ возсѣвшій на гробахъ», былъ ему ненавистенъ. Въ мысляхъ его о тяжкой долѣ войны у него слышатся не упоеніе побѣдою, разрѣшившею старый споръ, но

вуки примиренія. «Въ бореньи падшій невредимъ»—ему не должно «узрѣть гнѣвнаго лица народной Немезиды» и «услышать пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца». Съ наступленіемъ зрѣлаго возраста, однѣ картины мира и внутренняя жизнь человѣка приковываютъ къ себѣ мысль поэта, и онъ «жадно внимаетъ» Мицкевичу, говорящему о «временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся». Знаменательно, что празднованіе дня рожденія Пушкина пришлось въ такое время, когда въ другой сторонѣ Европы, въ тихой столицѣ Голландіи, занимается пока еще очень слабая заря осуществленія этой возвышенной надежды. Нужды нѣтъ, что небо надъ лучами этой зари еще покрыто облаками своекорыстнаго, жестокосерднаго упорства, недоразумѣній и неискренности. Достаточно, что лучи эти уже блеснули... Разъ занялась заря—солнце взойдетъ непремѣнно! Таковъ законъ физической природы,—таковъ и законъ природы нравственной. Пускай же и въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ, восторженно воскликнувшій: «ты, солнце святое,—гори!»—будетъ пророкомъ...

IV.

Въ нравственно-житейскую формулу Пушкина входила очень трудно исполнимая часть: «ропталью не внимать толпы непросвѣщенной». Самъ поэтъ находилъ, что «конечно презирать не трудно отдѣльно каждаго глупца,—но чудно!—всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно»... Ему тяжело жилось въ современномъ ему обществѣ, гдѣ приходилось нести свою любовь къ правдѣ, свое «ропталье вѣчное души» въ бездушную среду «злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ», влачащихъ скуку «какъ скованный невольникъ мертвеца» и отдыхающихъ на чувствѣ недоброжелательства и на виртуозности клеветы по отношенію ко всякому, кто умственно или нравственно возвышается надъ ихъ уровнемъ. Въ то время, когда поэту казалось невозможнымъ считать, что «добро, законъ, любовь къ отечеству, права—лишь только звучныя слова», ему же приходилось, въ письмѣ къ Чаадаеву, съ душевной болью отмѣчать у насъ «отсутствіе общественнаго мнѣнія, равнодушіе къ долгу, правосудію и правдѣ», благодаря чему создаются такія условія жизни, при которыхъ отдѣльныя личности,—какъ писалъ онъ князю Вяземскому,—«у насъ не зрѣютъ,—а сохнутъ иль гніютъ».

Глубокое отвращеніе къ этой средѣ, обнимавшей его со всѣхъ сторонъ, почти во всѣхъ проявленіяхъ тогдашней скудной общественной жизни,—жило въ душѣ Пушкина. «Подите прочь!

какое дѣло поэту мирному до васъ!»—говорилъ онъ людямъ этой среды, считая ихъ входящими въ составъ «толпы» и вовсе не обозначая этимъ именемъ народа, въ презрѣніи къ которому его силились упрекнуть умышленно не хотѣвшіе его понимать люди. Вся творческая его жизнь, посвященная духовному служенію народу, громко вопіетъ противъ такого обвиненія! Не могъ презирать народъ тотъ, который написалъ «*льстецъ* скажетъ — *презирай* народъ!». Подъ толпою онъ разумѣлъ все низменное, къ какому бы слою общества оно ни принадлежало, — всѣхъ, читающихъ жадно мемуары и записки выдающихся людей, съ цѣлью найти щекотливыя разоблаченія или признанія — и въ низости своей радующихся униженію высокаго, слабостямъ могучаго потому, что «онъ малъ и мерзокъ, какъ мы»!—«Врете, подлецы! — восклицаетъ Пушкинъ—онъ и малъ, и мерзокъ, но не такъ, какъ вы — иначе!»

Есть, однако, большая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Оцѣнивая эту толпу по достоинству, признавая, что «достойны равнаго презрѣнья — ея тщеславная любовь и лицемѣрныя гоненья», Пушкинъ, казалось бы, логически долженъ былъ дойти до неуязвимости по отношенію къ ней. Но въ дѣйствительности, среди житейскихъ условій, въ которыя онъ былъ почти безвыходно поставленъ, его душа, довѣрчивая и нѣжная, была открыта злобному шипѣнію и изощреннымъ надругательствамъ свѣтской толпы. Воспріимчивая натура поэта и его чуткое чувство собственнаго достоинства открывали этой «хладной» толпѣ возможность постоянно наносить его сердцу «неотразимыя обиды» клеветническими легендами, построенными на вымыслахъ, направленныхъ именно на оскорбленіе его человѣческаго достоинства,—доводить Пушкина до мыслей о самоубійствѣ и о просьбѣ о ссылкѣ въ Сибирь или заточеніи въ крѣпости. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что императоръ Николай Павловичъ высоко цѣнилъ поэтическій даръ Пушкина. Онъ, по прекрасному выраженію послѣдняго, «почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль»,—и записки Смирновой, помимо различныхъ другихъ данныхъ, содержатъ въ себѣ интересныя указанія на сочувственное и внимательное отношеніе государя къ великому русскому поэту. Возвышенная душа Пушкина не стыдилась чувства благодарности и умѣла его испытывать, тѣмъ болѣе, что, руководясь своимъ свѣтлымъ умомъ и любовью къ правдѣ, онъ умѣлъ отдѣлять великодушныя намѣренія русскаго царя отъ практическаго ихъ осуществленія послѣ того, какъ они прошли сквозь враждебную поэту среду лукавыхъ со-

вѣтниковъ и исполнителей. Слова нелицемѣрной признательности государю звучатъ въ устахъ Пушкина до послѣднихъ минутъ его жизни. Но такое отношеніе къ нему императора Николая было не по плечу, или, вѣрнѣе, не по душѣ свѣтской толпѣ и ея вліятельнымъ представителямъ. Его умъ, «любя просторъ», тѣснилъ всѣхъ, кому не страшна одна лишь посредственность. Его независимость и самостоятельность раздражали носителей противоположныхъ свойствъ и «мозолили» имъ глаза. Въ средѣ, гдѣ искательство и покровительство составляли могучіе рычаги успѣха, личность человѣка, который явно тяготился своимъ оффиціальнымъ и столь вожделѣннымъ для многихъ званіемъ и говорилъ: «rien que je sache ne dégrade plus que le patronage»—не могла не возбуждать завистливой злобы. Если бы Пушкинъ желалъ насладиться благами жизни въ томъ видѣ, какъ ихъ понимало большинство окружающихъ, ему слѣдовало бы, подобно Мирабо, воскликнуть: «Mon Dieu, donnez moi la médiocrité!»

Сознаніе своего призванія не давало ему склонить гордое чело ни предъ толпою, ни предъ отдѣльными нравственными ничтожествами «въ величіи неправомъ» или даже предъ умными ненужностями. Научившись не завидовать этому величію, онъ вооружалъ его носителей противъ себя — то бичуя ихъ «пламенной сатирой», то по выраженію Баратынскаго, «вцѣпляясь имъ въ глаза» мѣткими эпиграммами. При этомъ, въ личныхъ сношеніяхъ, благодаря своей страстной искренности, онъ, конечно, забывалъ правило житейской осторожности, совѣтующее не относиться съ презрѣніемъ ко всякому, кого невозможно уважать и не разглашать о своихъ личныхъ недостаткахъ (всегда притомъ преувеличивая ихъ, какъ это было въ его обычаѣ), въ забвеніи, что для этого, во всякомъ случаѣ, существуютъ друзья, и что люди рѣдко понимаютъ существованіе слабостей, доступныхъ только сильному. Поэтому усталость отъ условій своего существованія и дѣятельности была въ немъ совершенно законна и естественна. Онъ былъ до того стѣсненъ въ своемъ творчествѣ посредниками между нимъ и его вѣнчаннымъ цензоромъ, что получилъ замѣчаніе Бенкендорфа за напечатаніе «Анчара» съ *цензурнаго* разрѣшенія, и въ 1835 г. долженъ былъ въ прошеніи, исполненномъ ироніи и подавленнаго гнѣва, *всеуниженно* просить цензурный комитетъ урегулировать его отношенія къ цензурѣ. Дошло до того, что ему приходилось скрывать имя автора при печатаніи «Капитанской дочки», — а «Мѣдный всадникъ» былъ запрещенъ.

Все глубже и глубже вдумываясь въ задачи жизни и въ свое

призваніе, не находя подчасъ правильной оцѣнки и пониманія своихъ побужденій даже у друзей и оскорбляемый двуличными, приправленными пошлостью похвалами и худо скрытою злобою современной ему критики,—Пушкинъ думалъ найти отдыхъ и обновленіе въ семейной жизни. Онъ смотрѣлъ серьезно на положеніе женщины въ обществѣ. Женщина—игрушка страстей, ограниченная въ гражданскихъ правахъ, поставленная въ положеніе взрослаго ребенка, не другъ и товарищъ, не «сослужебница» въ жизни мужа—явленіе, пагубно отражающееся на всемъ общественномъ организмѣ. Пушкинъ ясно сознавалъ это и не разъ, въ разной формѣ преслѣдовалъ пустоту женской жизни въ свѣтскомъ обществѣ, указывая въ своихъ замѣткахъ, письмахъ и «Рославлевѣ» на полное духовное равенство женщины съ мужчиною, требующее серьезнаго къ ней отношенія. Онъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ семейной жизни и къ браку. «Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ»,—писалъ онъ. Слишкомъ наивно было бы, по справедливому мнѣнію профессора Кирпичникова, защищать молодого поэта отъ проповѣдниковъ прописной морали, которые, гордясь своей дешевой добродѣтелью трусости и безстрастія, обвиняли его въ томъ, что онъ находилъ поэзію въ дружеской трапезѣ или поддавался обаянію женской красоты. «Сіонскія высоты» всегда стояли передъ нимъ. Русланъ и Ратмиръ его юности, Татьяна его зрѣлыхъ лѣтъ показываютъ, что это обаяніе не затемняло въ немъ семейнаго идеала. «Храните вѣрныя сердца—для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ»,—говоритъ онъ 24-хъ лѣтъ отъ роду, и жадное желаніе счастія звучитъ во всей его перепискѣ со второй половины 20-хъ годовъ. Созданный имъ въ 1833 г. образъ капитанши Мироновой и ея трогательныя слова предъ приступомъ Пугачова обрисовываютъ возвышенный взглядъ Пушкина на «consortium omnis vitae». Если его сознательный и обдуманный выборъ былъ неудаченъ въ томъ смыслѣ, что еще крѣпче привязывалъ его къ свѣтскому обществу и «впрягалъ въ одну телѣгу коня и трепетную лань»—и если поэтому онъ не нашелъ полнаго отзывчивой гармоніи домашняго счастія, то можно лишь жалѣть объ этомъ, но несправедливо пылать дешевымъ негодованіемъ противъ той, которую онъ самъ называлъ «чистѣйшей прелести чистѣйшимъ образцомъ» и право которой на свою нѣжную, довѣрчивую любовь торжественно засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ смерти.

Въ отравѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни виновна все та же клевета, которая, притаясь на время и мѣняя цвѣта, какъ хамелеонъ, нашла въ самомъ образѣ жизни семьи, принадлежащей

свѣту и подчиненной его условностямъ и суетнымъ обычаямъ, новую для себя пищу. Въ одной изъ своихъ боевыхъ рѣчей знаменитый Брайтъ сказалъ: «могутъ ли оставаться спокойными честное сердце и возвышенный умъ, чувствуя, что они ненавидимы, когда хотѣлось бы пользоваться заслуженною любовью—и внимая вокругъ себя тонкій свистъ клеветы, ползущей, подобно змѣѣ, во тьмѣ, такъ что нѣтъ возможности поразить ее!?». Такая именно клевета, направленная на Пушкина, вползла въ семейную жизнь его и обвилась вокругъ него нерасторжимымъ кольцомъ. Отравляя его сердце, смущая его умъ, она предала его тяжкимъ мукамъ подавленнаго гнѣва и сознанія своей безпомощности противъ грязнаго вторженія празднаго злорѣчія въ «святая святыхъ» его души. Разорвать это кольцо и вернуть необходимое спокойствіе могъ бы одинъ лишь отъѣздъ изъ Петербурга и связанныя съ этимъ новыя впечатлѣнія. Его манили Римъ, Византія и Іерусалимъ,—о которыхъ онъ хотѣлъ бы написать поэму,—онъ порывался даже въ далекій Китай, но человѣкъ, коварной и лицемѣрной «дружбѣ» котораго былъ къ несчастію порученъ государемъ Россіи ея первый поэтъ, держалъ его, какъ Прометея, прикованнымъ къ сѣрой и холодной петербургской скалѣ и предоставлялъ коршунамъ злорадно терзать то сердце, о которомъ уже самъ Пушкинъ говорилъ: «пора! пора! покоя сердце проситъ!»

Нечистыя руки вооружили противъ него клеветническое перо, и участь его была рѣшена. Развязка не могла быть иною. Пушкинъ былъ слишкомъ цѣльною натурою, чтобы продолжать жить въ сумеркахъ подвергнутаго сомнѣнію семейнаго счастія, чтобы примириться съ положеніемъ, которое могло казаться двусмысленнымъ. Онъ принадлежалъ къ людямъ, слѣдующимъ совѣту французскаго мыслителя: «on traverse une position équivoque—on ne reste pas dedans». По условіямъ современной ему общественной жизни—поединокъ былъ, къ сожалѣнію, единственнымъ выходомъ такого рода. Тѣ, которые осуждаютъ Пушкина за это и желали бы видѣть его «не мячикомъ предразсужденій», повидимому не представляютъ себѣ ясно послѣдующей картины жизни «мужа чести и ума», малодушно затыкающаго себѣ уши среди возрастающаго наглаго презрѣнія общества, вырваться изъ котораго по первому желанію зависѣло не отъ него. Но и тутъ нравственный образъ Пушкина ярко вспыхнулъ въ послѣдній разъ. Угасая, онъ не раздѣлилъ скорби Кочубея, которому пришлось «смерти кинуться въ объятія, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему»—и потребовалъ отъ своего друга и секунданта Данзаса обѣщанія не мстить Дантесу, прощенному умирающимъ.

V.

Вдумчиво касаясь общественныхъ язвъ и раскрывая ихъ Пушкинъ искалъ и исцѣленія ихъ. Онъ сознавалъ, что не только карающаго, но и созидающаго закона для этого недостаточно. Необходимо свободное развитіе духовныхъ силъ народа путемъ общественнаго воспитанія и истиннаго просвѣщенія. Отсутствіе воспитанія воли, ума, характера всегда служитъ корнемъ многихъ золъ въ жизни личной;—отсутствіе просвѣщенія народа—источникъ зла въ жизни государственной. Лишь лукавый льстецъ, по словамъ поэта, можетъ говорить, что «просвѣщенья плодъ—развратъ и нѣкій духъ мятежный». Напрасно относить какія бы то ни было людскія безумства къ избытку просвѣщенія. Напротивъ, одно просвѣщеніе способно оградить отъ общественныхъ бѣдствій,—думалъ Пушкинъ,—и ссылался на многозначительныя слова манифеста 1826 года о гибельномъ вліяніи не просвѣщенія, а *праздности ума*, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ. Эта праздность ума и то, что «мы учились понемногу—чему-нибудь и какъ-нибудь», т.-е. безъ всякой системы и опредѣленной цѣли, — смущали его, такъ какъ, не давая прочныхъ основъ для житейскаго труда, ложились въ основу «тоскующей лѣни», для которой такъ часто единственнымъ занятіемъ въ бездѣльѣ «жизни праздной, какъ пѣснь рабовъ однообразной», являются карты—«однообразная семья—все праздной скуки сыновья». Еще болѣе, чѣмъ несовершенство законовъ или отчужденность ихъ отъ жизни, пугали его «сгущенная тьма предразсужденій» и поддерживающій ее «невѣжества губительный позоръ», не только кладущій постыдную тѣнь на общество, мирящееся съ нимъ, но зачастую и ведущій его къ гибели. Отсюда удивленіе Пушкина предъ Ломоносовымъ, этимъ «единымъ самобытнымъ подвижникомъ русскаго просвѣщенія между Петромъ и Екатериною II»—отсюда его восхищеніе Петромъ, «самодержавною рукою смѣло сѣявшимъ просвѣщенье»;—отсюда увлекающая его картина торжества, когда «раздался въ честь науки пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ!».

Смерть рано похитила Пушкина. Онъ раздѣлилъ судьбу Рафаэля и Байрона, тоже скончавшихся на 37 году жизни. Онъ только больше ихъ выстрадалъ, прежде чѣмъ сомкнулъ глаза на вѣки. Страдальческая кончина его почти обрадовала тѣхъ, кого онъ называлъ *толпою*,—повергла въ глубокую скорбь тѣхъ, кто

понималъ, *чего* лишилась Россія въ Пушкинѣ. Вотъ какъ описывалъ мнѣ въ 1880 году, въ одну изъ долгихъ вечернихъ прогулокъ по морскому берегу въ Дуббельнѣ, впечатлѣніе, произведенное на него смертью Пушкина, покойный Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

«Пушкина я увидалъ впервые въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только-что начиналъ читать его—и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, живя въ Петербургѣ, я встрѣтилъ его у Смирдина, книгопродавца. Онъ говорилъ съ нимъ серьезно, не улыбаясь, съ дѣловымъ видомъ. Лицо его—матовое, съуженное книзу, съ русыми бакенами и обильными кудрями волосъ—врѣзалось въ мою память и доказало мнѣ впослѣдствіи, какъ вѣрно изобразилъ его Кипренскій на извѣстномъ портретѣ. Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все. Всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, честнѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ, «переводчикомъ» при министерствѣ финансовъ. Работы было немного—и я для себя, безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надъ всѣмъ господствовалъ *онъ*. Въ моей скромной небольшой комнатѣ, на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ—и горько, горько, не владѣя собой, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножомъ рѣзала сердце—и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его ужъ нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣна, лежалъ бездыханнымъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это не вѣрно,—по смерти матери,—да, матери. Чрезъ три дня появился портретъ Пушкина съ подписью: «Погасъ огонь на алтарѣ...» но цензура и полиція поспѣшили его запретить и уничтожить»...

Пушкинъ погибъ, но онъ не умеръ. Можно было разрушить его тѣлесную оболочку, но плоды его духа, его творческаго генія не поддаются смерти. Онъ самъ зналъ это, говоря, въ пророческомъ предвидѣніи: «нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ»... Звонъ его ду-

певныхъ струнъ стоялъ надъ русскою землею непрерывно, то густѣя, то временно ослабѣвая, подъ вліяніемъ злобы дня. Но взгляды односторонней оцѣнки и юношескаго задора, пробовавшаго колебать треножникъ «маленькаго, миленькаго Пушкина», прошли, «спадая ветхой чешуей», и восьмидесятый годъ соединилъ у памятника въ Москвѣ, въ одномъ общемъ чувствѣ благодарнаго умиленія, просвѣщенныхъ русскихъ людей самыхъ различныхъ направленій. Тогда, казалось, безвременно погибшій поэтъ простилъ русскому обществу съ высоты своего пьедестала его вольныя и невольныя по отношенію къ себѣ прегрѣшенія... Въ забытьи послѣднихъ тѣлесныхъ мукъ своихъ, свѣтлѣя и прозрѣвая духовно, онъ говорилъ Далю: «Ну, подымай же! пойдемъ же выше!.. выше»!.. И онъ идетъ все выше и выше въ русскомъ самосознаніи, поднимая его за собою, облагораживая его. Гремящій и чистый ключъ его поэзіи разлился по русской землѣ въ многоводную и широкую рѣку. Своимъ нравственнымъ обликомъ Пушкинъ вѣщаетъ намъ о вѣчной красотѣ, о любви къ правдѣ, о милости къ падшимъ, о состраданіи. Онъ сказалъ: «есть избранные судьбами—людей священные друзья—ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ»... Но кто же, если не онъ, принадлежитъ къ этой семьѣ? Его неотразимые лучи свѣтятъ надъ нами; онъ на школьной скамьѣ и въ тишинѣ семьи встрѣчаетъ нашу молодежь и учитъ ее, посвящая въ тайны русскаго языка, въ его невыразимую прелесть;—онъ будитъ въ устающемъ сердцѣ старика вѣчныя чувства и память о лучшихъ порывахъ его молодой когда-то души! Недаромъ сказалъ ему Тютчевъ: «Тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ!» А кого нельзя забыть, тотъ не умираетъ. И кажется, что здѣсь, на праздникѣ нашего духа и нашей справедливой гордости, въ средѣ Академіи Наукъ, присутствуетъ и онъ, ея главнѣйшій членъ, живой, подвижный, съ выразительнымъ лицомъ, въ густыхъ кудряхъ волосъ, съ печатью свѣтлой думы на челѣ,—и что сегодня его веселый, дѣтскій смѣхъ звучитъ особенно радостно, безъ затаенной ноты скорби, и прекрасные голубые глаза не имѣютъ повода темнѣть отъ боли и гнѣва...

Такъ отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые, свои плѣнительные лучи...

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ
ПУШКИНА.

На вершинѣ одной изъ крутыхъ скалъ, окружающихъ Карлсбадъ, стоитъ крестъ, срубленный и поставленный, по преданію, Петромъ Великомъ. Возлѣ него надпись изъ стиховъ кн. Вяземскаго: «Великій Петръ, твой каждый слѣдъ—для сердца русскаго есть памятникъ священный». Сюда вѣчный работникъ на тронѣ ходилъ молиться и отдавать отчетъ Богу въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ для осуществленія «предназначенія» Россіи. Онъ былъ счастливъ въ своей земной загробной жизни: потомство признало величіе его личности и благотворную глубину его дѣла; онъ нашелъ себѣ восторженнаго пѣвца и истолкователя въ лицѣ великаго русскаго поэта. По отношенію къ послѣднему можно сказать, что и его «каждый слѣдъ для сердца русскаго есть памятникъ священный». Вотъ почему является радостное чувство при мысли, что есть возможность огласить одинъ изъ такихъ слѣдовъ — въ видѣ неизвѣстнаго еще письма Пушкина, которое, входя въ серію его писемъ второй половины 1826 года, объединяетъ ихъ и освѣщаетъ въ нихъ нѣкоторыя неясныя мѣста.

Но прежде чѣмъ обратиться къ этому письму, слѣдуетъ очертить, по отношенію къ Пушкину, то время, когда оно написано.

1826 годъ засталъ Пушкина на принудительномъ жительствѣ въ с. Михайловскомъ, Опочецкаго уѣзда, Псковской губ., куда онъ былъ высланъ изъ Одессы. Пребываніе въ Михайловскомъ было однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи его насильственныхъ скитаній. Было бы однако несправедливо, съ точки зрѣнія результатовъ, сурово упрекать судьбу за это. Являясь мачихой по отношенію къ личной свободѣ

поэта, она была тяжкимъ млатомъ, необходимымъ для развитія его душевныхъ свойствъ. Она выковала его талантъ, заставивъ его углубиться въ самого себя, давъ ему богатый матеріалъ для поэтическихъ образовъ и поставивъ его въ живое, чуткое и отзывчивое соприкосновеніе съ народомъ.

Первая ссылка Пушкина выразилась въ его командировкѣ въ распоряженіе генерала Инзова и, благодаря добротѣ и благородству послѣдняго, дала возможность Пушкину познакомиться съ Крымомъ и Кавказомъ, съ Украйной, и Бессарабскими степями, создать, «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братьевъ—разбойниковъ» и задумать «Евгенія Онѣгина». Инзовъ не вѣрилъ, чтобы изъ Пушкина могъ выйти добропорядочный чиновникъ, но допускалъ, однако, что онъ «по крайней мѣрѣ можетъ быть великимъ писателемъ». Но на смѣну Инзову явился Воронцовъ, нравственный складъ и практическій государственный умъ котораго не мирились съ рѣзвостью и свободолюбіемъ Пушкинской музы. Для Воронцова Пушкинъ былъ лишь «слабымъ подражателемъ далеко не почтеннаго образца», т. е. Байрона. Разладъ между нимъ и Пушкинымъ не замедлилъ обнаружиться. «Воронцовъ думаетъ, что я коллежскій секретарь, писалъ Пушкинъ, но я мыслю о себѣ выше». Посылка на саранчу, вызвавшая ѣдкую шутку Пушкина, и Гоголевскій почтмейстеръ, безсмертный и любознательный почтмейстеръ, сдѣлали свое дѣло.

Въ то время, когда Александръ I, этотъ, по выраженію кн. Вяземскаго «сфинксъ, неразгаданный до гроба», все болѣе и болѣе погружался въ пучину сомнѣній въ себѣ и въ людяхъ, подпадая подъ вліяніе Аракчеева и мрачнаго изувѣра Фотія, перехваченное письмо поэта, заявлявшаго, что онъ беретъ уроки чистаго аѳеизма, звучало, какъ тяжкое обвиненіе. Чуя опасность, Пушкинъ просился въ отставку. Его однако не пустили, и онъ имѣлъ основаніе говорить:

Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь
Куда повѣетъ самовластье...
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.

29 іюля 1824 года, давъ наканунѣ подписку о безотлагательномъ, нигдѣ не останавливаясь, слѣдованіи во Псковъ и чудными стихами простившись съ моремъ, онъ былъ высланъ въ родовое свое село Михайловское. Здѣсь, подъ тройнымъ надзоромъ — предводителя дворянства Пещурова, настоятеля Успенскаго Святогорскаго монастыря и своего отца—«въ забытой глуши, во мракѣ заточенья, въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада» потекли для него

тусклые и тяжелые дни, особенно омрачаемые ссорами съ отцомъ, взбалмошнымъ и слезливымъ эгоистомъ. «Поэта домъ опальный» подчасъ до того становился для него невыносимымъ, что онъ писалъ Жуковскому: «спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ», и думалъ о самоубійствѣ, находя, что «глупо часъ отъ часу вязнуть въ тинѣ жизни». Но съ начала 1825 года въ этомъ печальномъ существованіи стали являться просвѣты, приносившіе съ собою успокоеніе и жизнерадостную бодрость. Въ февралѣ Пушкина посѣтилъ И. И. Пущинъ,—«мой первый другъ, мой другъ безцѣнный»,—которому черезъ 33 года послѣ этого слезы мѣшали писать о ихъ радостномъ свиданіи; затѣмъ отозвалась княгиня Е. К. Воронцова, талисманомъ которой такъ дорожилъ воспѣвшій ее Пушкинъ,—произошла вторичная встрѣча съ Кернъ, сказалась гостепріимная доброта Тригорскаго дома и вступила въ свои трогательныя права заботливость старой няни Арины Родіоновны, недаромъ внушившая Пушкину слова: «голубка дряхлая моя, подруга дней моихъ суровыхъ». Все это повліяло на душевное настроеніе Пушкина. Его душѣ «настало пробужденье»; она стала жить и получила даръ слезъ и любви. Именно въ это время онъ, по собственнымъ словамъ, почувствовалъ, что «духъ его вполнѣ развился и онъ можетъ творить». Изъ-подъ пера его вылились рядъ главъ «Евгенія Онѣгина», «Борисъ Годуновъ», «Графъ Нулинъ», сцены изъ «Фауста», «Цыганы» и рядъ удивительныхъ лирическихъ произведеній, между которыми достаточно назвать «19 октября», «Я помню чудное мгновенье», «Подражанія Корану», «Пророкъ» и «Андрей Шенье».

Поэтому, когда, 8 сентября 1826 г., доставленный въ Москву по Высочайшему повелѣнію, Пушкинъ, предсталъ предъ Императоромъ Николаемъ I, онъ сознавалъ, какъ уже мною было высказано, что отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже объемъ содержанія темъ для его творчества, но не его «предназначенье». Онъ чувствовалъ, что его призваніе быть «пророкомъ» своей родины, «глаголомъ жечь сердца людей», и ударять по нимъ «съ невѣданною силой». Его ждало загадочное и тревожившее его разрѣшеніе его судьбы, но онъ не забывалъ, что ему, «избранному небомъ пѣвцу», нельзя «молчать, потупя очи долу». Онъ взялъ съ собою, по словамъ Веневитинова, для оставленія Государю стихи, кончавшіеся словами: «возстань, возстань пророкъ Россіи,—позорной ризой облекись» и, вѣрный своей ненависти ко лжи, до забвенія собственной опасности, «мужаясь, презирая обманъ и стезею правды бодро слѣдуя», на роковой вопросъ: «принялъ ли бы онъ участіе въ мя-

тежѣ 14 декабря 1825 г.?» отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою дружбу съ заговорщиками.

Государь оцѣнилъ прямодушіе поэта, «почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль». Пушкинъ получилъ свободу жить въ Москвѣ. Онъ не могъ еще предвидѣть, какъ,—согласно народной поговоркѣ «жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь»,—лукаво и оскорбительно для него извратитъ шефъ жандармовъ Бенкендорфъ обѣщаніе Государя быть *самому* его цензоромъ, извратитъ до такой степени, что Пушкину придется въ 1835 году въ прошеніи, исполненномъ ироніи и подавленнаго гнѣва, *всеуниженно* просить цензурный комитетъ объ урегулированіи своихъ отношеній къ цензурѣ и скрывать имя автора при печатаніи «Капитанской дочки».

Уже въ ноябрѣ 1826 года Бенкедорфъ сталъ между двумя царями—царемъ русской земли и царемъ русской поэзіи—ограничивая великодушіе перваго и стѣсняя великій талантъ второго. Но въ сентябрѣ этого еще не было и Пушкинъ, послѣ 8 сентября, сразу окунулся въ шумную, по случаю коронаціонныхъ торжествъ, жизнь московскаго общества. «Москва приняла Пушкина, остановившагося у пріятеля своего Соболевскаго, съ восторгомъ,— пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шевыревъ, — его вездѣ носили на рукахъ, во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ, первое вниманіе устремлялось на него, въ мазуркѣ и котильонѣ дамы выбирали поэта безпрерывно».

«Однозвучный жизни шумъ» не могъ однако увлечь Пушкина и наполнить его жизнь. Онъ жаждалъ дѣлиться послѣдними плодами своего творчества и провѣрять его въ кружкахъ истинныхъ цѣнителей и судей. Онъ трижды читалъ у князя Вяземскаго и Веневитинова «Бориса Годунова», относительно котораго ему былъ впослѣдствіи преподанъ, подъ вліяніемъ записки Бенкендорфа, внушительный совѣтъ свыше «передѣлать свою комедію, *по нужномъ очищеніи,* въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтеръ-Скотта». Слушатели чтеній—Веневитиновъ, Боратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Шевыревъ, князь Вяземскій—не раздѣлили однако такого взгляда, находя, повидимому, что подражать Вальтеръ-Скотту въ томъ, что достойно Шекспира, не слѣдуетъ. «О какое удивительное было утро, оставившее слѣды на всю жизнь!— восклицаетъ Погодинъ, вспоминая черезъ 40 лѣтъ объ одномъ изъ такихъ чтеній—не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать; да едва ли кто и спалъ въ эту ночь: такъ были мы потрясены...».

Въ началѣ ноября Пушкинъ на очень краткое время покинулъ Москву и 9-го уже сообщаетъ изъ Михайловскаго князю Вязем-

скому о «поэтическомъ наслажденіи возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму». Но 21 ноября онъ опять въ Москвѣ, откуда пишетъ Языкову, по поводу сотрудничества его въ «Московскомъ Вѣстникѣ». Это вторичное пребываніе его въ Москвѣ было, очевидно, очень непродолжительнымъ, такъ какъ въ концѣ ноября онъ уже собирается изъ *Михайловскаго* пріѣхать въ Москву къ 1 декабря, но болѣзнь задерживаетъ его во Псковѣ, откуда ему удается выбраться лишь около половины декабря.

Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 9 ноября Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ: «долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у вась къ 1-му (декабря)... *она велѣла.* Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться». Ему же пишетъ онъ изъ Пскова отъ 1 декабря: *ѣду къ вамъ и не доѣду.* Какой! Меня доѣзжаютъ... во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать седьмую главу Онѣгина, *я проигрывалъ въ штосъ четвертую.* Не забавно!..» Въ концѣ ноября, изъ Пскова онъ посылаетъ Соболевскому какое-то письмо на имя Зубкова, говоря: «Перешли *письмо Зубкову,* безъ задержанія малѣйшаго. *Твои догадки гадки, виды мои гладки.* На дняхъ буду у васъ, покамѣстъ сижу или лежу въ Псковѣ».

Письмо къ Зубкову, которому Пушкинъ придавалъ такое значеніе, *нынѣ найдено.* Оно находилось въ обладаніи выдающагося русскаго политическаго мыслителя и ученаго, Бориса Николаевича Чичерина, въ февралѣ 1904 года похищеннаго смертью у науки и русскаго общества, правосознанію котораго онъ служилъ всѣми силами своей благородной и непреклонной души.

Василій Петровичъ Зубковъ, родившійся 14 мая 1800 года, воспитывался дома и обучался затѣмъ въ основанной и руководимой генераломъ Н. Н. Муравьевымъ «школѣ для колонно-вожатыхъ». Это замѣчательное заведеніе, содержимое на частныя средства своего учредителя, съ чрезвычайно разумною и цѣлесообразно-практическою программой, готовило молодыхъ людей, главнымъ образомъ, къ дѣятельности нынѣ свойственной офицерамъ генеральнаго штаба. Но изъ него вышло нѣсколько выдающихся дѣятелей не на одномъ военномъ поприщѣ, сохранившихъ о Муравьевѣ самыя благодарныя воспоминанія. По словамъ одного изъ нихъ (А. Ф. Вельтмана), ученіе въ школѣ шло «свободно, легко и весело», увлекая «молодыя чувства, полныя стремленій къ жизни, къ дѣятельности, къ участію въ общественной пользѣ». Здѣсь «наука воплощалась въ опытъ,—мысль и слово въ дѣло,—а голова не была въ разлукѣ съ мышцами, требующими движенія». Тяже-

лое нездоровье заставило, однако, Зубкова оставить службу въ колонно-вожатыхъ, которые считались состоящими въ свитѣ Государя, и перейти въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, откуда въ 1823 году онъ поступилъ на службу по судебному вѣдомству совѣтникомъ московской Палаты гражданскаго суда. Въ 1825 году на него пало подозрѣніе въ участіи въ одномъ изъ тайныхъ обществъ, подготовившихъ заговоръ, выразившійся въ событіяхъ 14 декабря. Существуютъ записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашомъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не напечатанныя. Онѣ исполнены историческаго и бытоваго интереса. Пріемы допроса декабристовъ, условія содержанія послѣднихъ, личности членовъ слѣдственной коммиссіи—охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени. Зубковъ подробно описываетъ въ нихъ свой арестъ въ Москвѣ, 3 января 1826 года, вызванный, по его догадкамъ, его близостью къ Пущину, Калошину и въ особенности къ Кашкину — и настроеніе разныхъ слоевъ московскаго общества, выразившееся, съ одной стороны въ сочувствіи къ арестованнымъ и недопущеніи мысли, чтобы ихъ могли везти въ *крѣпость*, а съ другой стороны рѣзкими проявленіями малодушія и трусости, доходившими до написанія на портретахъ Орлова и Никиты Муравьева ихъ бывшими подчиненными слова «traitre» и выкинутіемъ ихъ изъ гостиной въ подвалъ. Онъ пробылъ въ Петропавловской крѣпости около шести недѣль и послѣ тяжелыхъ нравственныхъ страданій — у него была семья въ Москвѣ — былъ отпущенъ на свободу, какъ ни кѣмъ не оговоренный... Въ 1843 году онъ былъ уже Оберъ-Прокуроромъ 8-го департамента Сената въ Москвѣ, въ 1846 году Оберъ-Прокуроромъ Общаго собранія московскихъ департаментовъ, въ 1851 году Оберъ-Прокурорамъ I департамента, а въ 1855 году сдѣланъ Сенаторомъ, но въ томъ же году, по болѣзни, уволенъ въ отставку.

Человѣкъ всесторонне образованный, продолжавшій интересоваться наукою въ обширномъ смыслѣ слова, до конца дней, привѣтливый и добрый, онъ вносилъ въ разрѣшеніе дѣлъ въ Сенатѣ строгое безпристрастіе и нелицемѣрное стремленіе къ правосудію, умѣя пользоваться трудомъ и практическимъ знаніемъ канцелярскихъ дѣльцовъ стараго покроя, не давая имъ въ то же время возможности злоупотреблять своимъ положеніемъ. Подъ его вліяніемъ въ 8 департаментѣ Сената создалась плодотворная школа для молодыхъ юристовъ, между которыми были такіе замѣчательные цивилисты какъ К. П. Побѣдоносцевъ и не мало будущихъ дѣятелей судебной реформы. По выходѣ въ отставку, Зубковъ переселился въ Москву, гдѣ

и скончался въ 1862 году. Въ молодые годы онъ вращался въ свѣтскомъ обществѣ Москвы и былъ близокъ съ Пушкинымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и кн. Вяземскимъ. О немъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ И. И. Пущинъ, разсказывая, какъ князь Юсуповъ, увидя въ 1854 году на балу у московскаго генералъ-губернатора неизвѣстнаго «штатскаго», танцующаго съ дочерью хозяина, спросилъ Зубкова о томъ, кто это такой? — и узнавъ, что это судья Надворнаго Суда Пущинъ («освятившій собою избранный санъ», по выраженію Пушкина), воскликнулъ: «какъ! надворный судья и танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора?! это вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное»...

Василій Петровичъ Зубковъ былъ женатъ на воспитанницѣ Екатерины Владиміровны Апраксиной, Аннѣ Федоровнѣ Пушкиной, очень дальней родственницѣ поэта. Зубкова была, по воспоминаніямъ Елизаветы Петровны Яньковой, изящна, какъ фарфоровая саксонская куколка. Ея сестра, Софія Федоровна, тоже воспитанница Апраксиной, была настоящею красавицею. Стройная, высокая ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными «какъ смоль» глазами, эта умная и милая въ обращеніи дѣвушка произвела сильное впечатлѣніе на Пушкина во время его пребыванія въ Москвѣ осенью 1826 года. Къ ней относятся въ письмѣ его къ кн. Вяземскому слова: *«она велѣла»* и можно не безъ основанія предположить, что именно о ней говоритъ поэтъ въ стихотвореніи, написанномъ 1 ноября 1826 года въ Москвѣ и относимомъ Анненковымъ то къ Кюхельбекеру, то къ Плещееву.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ унынья робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней.
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

Пушкинъ останавливался, по предположенію П. О. Морозова, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву въ 1826 году у Зубкова. У него же написалъ онъ свои «Стансы», вызвавшіе несправедливыя нареканія «друзей», и чудесный его отвѣтъ имъ въ 1828 г.: «Нѣтъ, я не льстецъ»... который онъ заключаетъ полными глубокаго смысла словами:

Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ,
Льстецъ на Царя бѣду накличетъ...
Онъ изъ его державныхъ правъ—
Одну лишь милость ограничитъ.

Вотъ письмо Пушкина, написанное на листѣ плотной почтовой сѣроватой бумаги большого формата, безъ водяныхъ знаковъ, съ золотымъ обрѣзомъ.

Cher Zoubkof, vous n'avez pas reçu de lettre de moi et en voici la raison: je voulois vous arriver comme une bombe le 1 dec. c. à. d. aujourd'hui, il y a donc 5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная — vu les chemins détestables.—Les ямщикъ de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, — j'ai le côté foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, — de rage je joue et je perds — en voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes; mon arrivée eût été la meilleure réponse aux réflexions, objections etc. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, jasons, c. à. d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami—il est temps de vivre, c. à. d. de connaître le bonheur. — Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m' inquiète, pourrois je n'être pas le plus heureux des hommes auprès d'elle— je tremble seulement en songeant au sort qui, peut — être, l'attend — je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois—voilà ce qui me donne des moments de réflexions pénibles.— Dois-je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau? Mon Dieu qu'elle est jolie! et que ma conduite avec elle a été ridicule. — Cher ami, tâchez d'effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner—dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine et la preuve — что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ: два года влюбленъ, а свататься собирается на Ѳоминой недѣлѣ — а я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Si elle trouve que Панинъ a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas? Expliquez lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'

on l'aime il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le temps, car il est impossible d'être plus belle.—Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Панинымъ сквернымъ и жени меня!

А. П.

A Moscou je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma Turquoise toute infâme qu'elle est. Je félicite le C-te Samoilof.

Дорогой Зубковъ, вы не получили письма отъ меня, и вотъ этому объясненіе: я самъ хотѣлъ 1 декабря, т. е. сегодня, прилетѣть къ Вамъ какъ бомба, такъ что выѣхалъ тому пять-шесть дней изъ моей проклятой деревни на перекладной, въ виду отвратительныхъ дорогъ. Псковскіе ямщики не нашли ничего лучшаго, какъ опрокинуть меня. У меня помятъ бокъ, болитъ грудь и я не могу дышать. Взбѣшенный—я играю и проигрываю. Но довольно: какъ только мнѣ немного станетъ лучше, буду продолжать мой путь почтой.

Ваши два письма прелестны. Мой пріѣздъ былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на размышленія, возраженія и т. д. Но такъ какъ я, вмѣсто того, чтобы быть у ногъ Софи, нахожусь на постояломъ дворѣ во Псковѣ, то поболтаемъ, т. е. станемъ разсуждать.

Мнѣ 27 лѣтъ, дорогой другъ. Пора жить, т. е. познать счастье. Вы мнѣ говорите, что оно не можетъ быть вѣчнымъ: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожитъ,—могу ли я не быть самымъ счастливымъ человѣкомъ съ нею,—я трепещу лишь думая о судьбѣ, быть можетъ, ее ожидающей,—я трепещу передъ невозможностью сдѣлать ее столь счастливою, какъ это мнѣ желательно. Моя жизнь такая доселѣ кочующая, такая бурная, мой нравъ—неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый—вотъ что внушаетъ мнѣ тягостное раздумье.

Слѣдуетъ ли мнѣ связать судьбу столь нѣжнаго, столь прекраснаго существа съ судьбою до такой степени печальною, съ характеромъ до такой степени несчастнымъ?—Боже мой, до чего она хороша! и какъ смѣшно было мое поведеніе по отношенію къ ней. Дорогой другъ, постарайтесь изгладить дурное впечатлѣніе, которое оно могло на нее произвести. Скажите ей, что я разумнѣе, чѣмъ имѣю видъ, и доказательство тому—что тебѣ въ

голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ: два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ,—а я вижу ее разъ въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Если она полагаетъ, что Панинъ правъ, она должна думать, что я сошелъ съ ума, не правда-ли? Объясните же ей, что правъ я, что увидѣвъ ее—нельзя колебаться, что не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сдѣлалъ, прямо придя къ развязкѣ,—что полюбивъ ее, нѣтъ возможности полюбить ее сильнѣе (моего), какъ невозможно впослѣдствіи найти ее еще прекраснѣе, ибо прекраснѣе быть невозможно... Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Панинымъ сквернымъ и жени меня!

А. П.

Въ Москвѣ я Вамъ кое-что разскажу. Я дорожу моей бирюзой, какъ она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова.

Въ объясненіе послѣдней приписки надо замѣтить, что поэтъ былъ суевѣренъ. Онъ вѣрилъ въ примѣты и талисманы. Въ качествѣ послѣднихъ у него было нѣсколько перстней. Гаевскій указываетъ на четыре такихъ: одинъ съ сердоликомъ, подаренный Пушкину графинею Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой, принадлежавшій впослѣдствіи И. С. Тургеневу и пожертвованный г-жею Віардо Пушкинскому музею Лицея;—другой, подаренный вдовою Пушкина Далю, съ изумрудомъ, находящійся нынѣ у Великаго Князя Константина Константиновича, третій—съ блѣдной, грушевидной бирюзою, подаренный поэту Нащокинымъ и снятый секундантомъ Пушкина Данзасомъ уже съ его похолодѣвшей руки,—и четвертый съ маленькою бирюзою.

Быть можетъ, въ припискѣ къ письму Пушкина Зубкову рѣчь идетъ именно объ этомъ послѣднемъ перстнѣ, такъ какъ, по удостовѣренію Анненкова, другой перстень съ бирюзою былъ заказанъ уже въ 30-хъ годахъ.

Графъ Николай Александровичъ Самойловъ, котораго поздравляетъ Пушкинъ въ припискѣ къ письму, былъ послѣднимъ въ родѣ, который пресѣкся съ его смертью въ іюлѣ 1842 г. Въ 1825 г. онъ женился на графинѣ Юліи Павловнѣ фонъ-деръ-Паленъ.

Нужно-ли говорить о прелести содержанія и языка письма Пушкина къ Зубкову? Благородныя стороны пылкой натуры поэта и блескъ его искрометнаго ума ярко отразились въ этомъ письмѣ. Но оно имѣетъ еще и особое значеніе для оцѣнки личности того,

кого, въ роковомъ извѣщеніи о его кончинѣ, Краевскій рѣшился назвать «солнцемъ русской поэзіи», за что и получилъ выговоръ. Мы находимъ въ немъ характеристику Пушкинымъ самого себя, сдѣланную въ выпуклыхъ, не смотря на свою сжатость, чертахъ. Отзывы о самомъ себѣ, разсыпанные въ его перепискѣ, нѣкоторыя мѣста изъ «Воспоминанія», «Коварности» и другихъ стихотвореній связаны или съ внѣшними событіями его жизни или отрывочны и неопредѣленны;— «Mon portrait» и «Моя эпитафія», написанные въ отроческіе годы поэта, содержатъ въ себѣ лишь указанія на его молодую рѣзвость и беззаботность и не раскрываютъ намъ свойствъ его души. Въ письмѣ же Зубкову — на порогѣ между молодостью и зрѣлымъ возрастомъ, уже извѣдавъ жизнь и познавъ себя, — Пушкинъ даетъ совершенно опредѣленный отзывъ о своемъ характерѣ, указывая на противорѣчивыя черты въ немъ и опредѣляя его какъ несчастный.

Но кромѣ того это письмо служитъ прекраснымъ отвѣтомъ на тотъ «друзей предательскій привѣтъ», который, вмѣстѣ съ «неотразимыми обидами хладнаго свѣта» не разъ вливалъ отраву въ многострадальную жизнь Пушкина. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто, по праву, принадлежитъ запискамъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. Ссылаясь на свою дружбу (?) съ Пушкинымъ, на совмѣстную жизнь въ теченіе пяти лѣтъ и снисходя до признанія въ немъ поэтическаго дарованія, баронъ Корфъ, содрогается всѣми фибрами своей «умѣренности и аккуратности» предъ нравственнымъ образомъ Пушкина. «Бѣшеный, съ необузданными африканскими страстями» Пушкинъ не имѣлъ, по его словамъ, ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи; въ Лицеѣ онъ предавался распутствамъ всякаго рода, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій. Хорошъ однако долженъ былъ быть Лицей, «святую годовщину» котораго вспоминалъ съ умиленіемъ Пушкинъ,—Лицей, имѣвшій во главѣ такого замѣчательнаго человѣка и педагога, какъ Энгельгардтъ и выпустившій, на разнородное служеніе Россіи одновременно съ Пушкинымъ, князя Горчакова, а впослѣдствіи Салтыкова-Щедрина, Рейтерна, Головнина, братьевъ Гротъ и др.,—хорошъ онъ былъ, если въ немъ возможно было учредить *непрерывную цѣпь* оргій и вакханалій! Баронъ Корфъ ставитъ Пушкину въ вину не только то, что у автора «Безвѣрія» и цѣлаго ряда проникнутыхъ глубокою и сознательною вѣрой произведеній—не было внутренной религіи, но даже и то, что онъ не имѣлъ и какой то спеціальной и вѣроятно подчасъ не безвыгодной *внѣшней* религіи. На счетъ Пушкину дружескою рукою ставится и то, что его сестра «въ зрѣломъ возрастѣ ушла и тайно обвѣнчалась», при

чемъ строки, содержащія это извѣстіе, принадлежатъ не дворянину миргородскаго повѣта Ивану Никифоровичу Довгочхуну въ его прошеніи въ судъ, а выдающемуся по своему служебному положенію сановнику, который доходитъ до апогея въ своей «горькой правдѣ» о Пушкинѣ, заявляя, что послѣдній «не имѣлъ даже порядочнаго фрака!»—

Однако, не смотря на свою развращенность и на отсутствіе порядочнаго фрака, Пушкинъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ семейной жизни и къ браку. «Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ» писалъ онъ. Увлеченія пылкой его натуры никогда не затемняли въ немъ семейнаго идеала. «Храните вѣрныя сердца—для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ» — говорилъ онъ въ «подражаніяхъ Корану» и жадное желаніе семейнаго счастія звучитъ во всей его перепискѣ съ половины двацатыхъ годовъ. И письмо къ Зубкову служитъ блестящимъ подтвержденіемъ желанія Пушкина свить себѣ гнѣздо. Едва почувствовавъ относительную свободу, окруженный общимъ вниманіемъ и ухаживаніемъ, онъ не мѣняется на мелкую монету, не находитъ самоудовлетворенія въ мимолетныхъ и ни къ чему не обязывающихъ успѣхахъ. Его, употребляя оригинальное выраженіе одной изъ рѣчей извѣстнаго адвоката Спасовича «такъ и клонитъ къ браку». Пріими Софья Федоровна Пушкина—вышедшая въ 1827 году за Валеріана Александровича Панина и имѣвшая отъ него трехъ сыновей и дочь—предложеніе Пушкина, быть можетъ его творчество было бы поставлено въ лучшія условія и не было бы прервано такъ рано, такъ жестоко...

Наконецъ, въ этомъ письмѣ, наряду съ восторгомъ предъ красотою Софьи Федоровны, въ сомнѣньяхъ и тревогахъ Пушкина звучитъ голосъ свойственнаго ему благороднаго альтруизма, заставлявшій его «не почитать другихъ нулями — а единицами себя» и постоянно думать о человѣческомъ достоинствѣ и возможныхъ страданіяхъ тѣхъ, кто встрѣчался ему на жизненномъ пути...

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ

ОДОЕВСКІЙ.

(Рѣчь въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 16-го ноября 1903 года).

Сегодня Академія Наукъ исполняетъ свой обычный долгъ благодарнаго воспоминанія о людяхъ, послужившихъ развитію русской мысли и общественнаго самосознанія. Въ торжественной и по возможности всесторонней оцѣнкѣ ихъ дѣятельности сказывается не только преемственная связь представителей слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній, но и необходимость будить въ обществѣ уваженіе къ труду усопшихъ служителей его духовнаго движенія впередъ. Не даромъ Гёте сказалъ: «Wir sind nur insofern zu achten, als wir zu schatzen wissen»...

Тридцатаго іюля только что истекшаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго. Пушкинъ справедливо упрекалъ насъ въ томъ, что мы *лѣнивы* и *не любопытны*. Къ этому можно бы прибавить, что въ огромномъ числѣ случаевъ мы и *неблагодарны*. Эти наши свойства сказываются обыкновенно въ томъ, что, пользуясь нравственными или матеріальными плодами порядка вещей или строя мыслей, созданнаго совокупностью усилій выдающихся людей, мы—или забываемъ ихъ имя и ихъ дѣло совершенно,—или смѣшиваемъ ихъ съ другими, или, наконецъ, удерживая въ памяти ихъ имя, связываемъ съ нимъ представленіе о той сторонѣ ихъ дѣятельности, которая представляетъ лишь частицу и притомъ далеко не главную, ихъ

полезной, часто сопряженной съ жертвами и страданіями, жизни на пользу родины.

Князь Одоевскій представляетъ собою одинъ изъ примѣровъ такого печальнаго отношенія нашего къ дѣятелямъ, которые, выражаясь словами поэта, сѣяли «разумное, доброе, вѣчное».

Если тѣсный кругъ историковъ русской словесности и еще болѣе тѣсная среда изслѣдователей движенія русской общественной мысли и относятся съ глубокимъ уваженіемъ къ литературной и трудовой дѣятельности Одоевскаго, то вообще среди русскихъ образованныхъ людей существуетъ самое смутное понятіе о кн. Одоевскомъ. *Одни* знаютъ его какъ автора прекрасныхъ и глубокихъ по содержанію дѣтскихъ сказокъ,—*другіе* слышали о немъ кое-что лишь какъ объ оригиналѣ и чудакѣ въ области искусства и преимущественно музыки,—*третьи* смѣшиваютъ его съ декабристомъ кн. Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ и даже цитируютъ чудные стихи Лермонтова: «Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ въ горахъ Востока и т. д.», будто бы посвященные *ему,*—и, наконецъ, *четвертые* ровно ничего о немъ не знаютъ, уже по тому одному, что они многое множество лѣтъ не встрѣчали его имени въ оффиціальномъ спискѣ чиновъ первыхъ трехъ классовъ. А между тѣмъ труды и личность этого человѣка заслуживаютъ и пристальнаго вниманія, и глубокаго, благодарнаго уваженія.

Трояко приковываютъ къ себѣ взоръ изслѣдователя прошлаго выдающіеся люди въ области вдумчивой и творческой мысли. Одни взлетаютъ среди сгустившихся сумерекъ, какъ шумная ракета, оставляющая на своемъ пути огненный слѣдъ и разсыпающаяся въ высотѣ, куда слѣдятъ за нею напряженные взоры зрителей, тысячами блестящихъ искръ или медленно плывущихъ свѣтящихся огней. Къ сожалѣнію, однако, этотъ праздничный трескъ не долговѣченъ, и скоро смѣняется легкимъ облачкомъ дыма среди еще болѣе сгустившейся тьмы. Другіе свѣтятъ ровнымъ и холоднымъ свѣтомъ электрической лампы, давая возможность на довольно большемъ разстояніи различать истинныя очертанія предметовъ. Этотъ полезный и даже необходимый свѣтъ похожъ, однако, на осеннее солнце, которое свѣтитъ, но не грѣетъ. Есть и такіе, которые горятъ тихимъ, ровнымъ и примирительнымъ огонькомъ лампады передъ образомъ, на которомъ изображены лучшія чаянія и требованія человѣческаго духа, свободнаго отъ низменныхъ и условныхъ узъ житейской прозы.

Такой лампадой былъ кн. Одоевскій. И на образѣ, предъ коворымъ она горѣла, были начертаны—*правда, знаніе и дѣятель-*

ная любовь къ людямъ. Вооруженный всестороннимъ знаніемъ, оживленнымъ жадностью пытливаго ума, Одоевскій всю жизнь стремился къ правдѣ, чтобы служить ей, а ею—людямъ. Отсюда его ненависть къ житейской и научной лжи, въ чемъ бы онѣ не проявлялись; отсюда его отзывчивость къ нуждамъ и бѣдствіямъ людей и пониманіе ихъ страданій; отсюда его бѣдность и сравнительно скромное служебное положеніе, несмотря на то, что онъ носилъ древнее историческое имя, принадлежа къ старѣйшимъ изъ Рюриковичей и происходя отъ кн. Михаила Черниговскаго, замученнаго въ 1286 г. въ Ордѣ и причисленнаго Церковью къ лику святыхъ. До старости онъ представлялъ собою довольно рѣдкое у насъ исключеніе и никогда не становился *человѣкомъ прошедшаго* и *человѣкомъ прошедшимъ,* не переходя на столь обычную дорогу, на которой за равнодушіемъ къ тому, что возбуждало когда-то негодованіе, слѣдуетъ терпимость къ нему, а за тѣмъ и примиреніе съ нимъ, иногда тайное, а иногда и явное, съ громогласнымъ отреченіемъ отъ сатаны.

Онъ самъ прекрасно охарактеризовалъ себя въ 1841 году, въ повѣсти «Эльса», въ слѣдующихъ словахъ: «Въ Москвѣ жилъ-былъ у меня дядюшка, человѣкъ немолодой, но съ умомъ, сердцемъ и образованностью; а въ этихъ трехъ вещахъ, говорятъ, скрывается секретъ никогда не старѣться; дядюшка не выживалъ изъ ума, потому что не выживалъ изъ людей. Три поколѣнія прошли мимо него, и онъ понималъ языкъ каждаго. Новизна его не пугала. Постоянно слѣдя за жизнью науки, онъ привыкъ видѣть естественное развитіе этого огромнаго дерева, гдѣ безпрестанно изъ открытія являлось открытіе, изъ наблюденія—наблюденіе, изъ мысли выростала другая мысль».

Вотъ почему въ рамки неблестящей по внѣшности жизни Одоевскаго было заключено богатѣйшее содержаніе.

Какъ бы разнообразенъ и самобытенъ ни былъ талантъ писателя, къ послѣднему все-таки можно предъявить всегда рядъ требованій, лишь при осуществленіи которыхъ онъ можетъ съ успѣхомъ исполнять свою просвѣтительную задачу. Въ произведеніяхъ его должна сквозить его личность и каждое произведеніе должно быть откровеніемъ личной души автора, *заражающей,* по выраженію гр. Л. Н. Толстого, душу общества своимъ настроеніемъ, надеждами или страданіями. Не даромъ Лермонтовъ влагаетъ въ уста холодной и пустой толпы слова: «какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?» Конечно, писатель не долженъ выдвигать постоянно на первый планъ свою личность съ ея антипатіями, вкусами и наклоностями, но душа его должна *чувствоваться* въ его произведеніяхъ. Это требованіе имѣло большое значеніе въ тѣ старые

годы, когда Одоевскій выступилъ на литературное поприще, и когда все, или почти все сводилось къ *занимательности* разсказа, въ которомъ можно было уловить силу воображенія и искусство замысла автора, но нельзя было ощутить біенія его сердца. Оно существенно и въ настоящее время, когда въ литературу вторглось направленіе, предпочитающее форму содержанію и переносящее центръ тяжести произведенія въ неопредѣленныя, неясныя и даже уродливыя настроенія, за которыми также не слышится голоса нормально чувствующаго сердца. Это требованіе даже особенно важно нынѣ при той роли, которую присваиваетъ себѣ торжествующій *эготизмъ,* убаюкивающій себя, въ отрѣшеніи отъ всякихъ общественныхъ интересовъ, пестрой и звонкой игрою красокъ и звуковъ.

Затѣмъ, мысль автора должна имѣть свойство переживать форму. Послѣдняя можетъ ветшать, но пусть облеченная въ нее мысль будетъ обращена на вопросы, вѣчно волнующіе человѣчество, и потому—всегда современные. Но вообще внутренняя сила произведенія осуществляется тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе читателей *языкъ* и *стиль* произведенія. Наконецъ, за исключеніемъ мистическихъ и философскихъ произведеній, мысль автора тогда только живуча и ударяетъ по струнамъ души «съ невѣдомою силой», когда она не отрѣшена отъ жизни, черпаетъ изъ нея свое движущее начало и, питая ее своимъ содержаніемъ, не противорѣчитъ ея законнымъ требованіямъ. При этомъ личная дѣятельность писателя должна находиться въ соотвѣтствіи съ его словомъ, и тѣмъ доказывать, что его слово и мысль—едины и нераздѣльны.

Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ князь Одоевскій. Его образный, сильный языкъ, блещущій метафорами и здоровымъ паѳосомъ, обратилъ на себя вниманіе еще Бѣлинскаго, который подмѣтилъ въ немъ «безпокойный и страстный юморъ». Можно даже сказать, что въ языкѣ Одоевскаго гораздо болѣе слышится ораторъ, чѣмъ писатель,—чувствуется трибуна, но не спокойный кабинетъ. И это потому, что онъ старался говорить обществу, поучая его и будя его мысль, а не только занимая и развлекая его. Его душа, удрученная всѣмъ, что онъ видѣлъ тяжелаго и ложнаго въ окружающей жизни, стремилась высказаться въ выраженіяхъ, за ироніей которыхъ, подчасъ довольно мрачной, слышались наболѣвшіе звуки любящей души. Съ этой точки зрѣнія извѣстное французское выраженіе «le style c'est *l'homme*»—въ приложеніи къ нему могло бы быть передѣлано въ «le style c'est *l'âme*».

Для примѣра достаточно привести нѣсколько словъ изъ его разсказа «Балъ», гдѣ онъ описываетъ наводненіе, прервавшее свѣт-

скій праздникъ и грозящее смертью гостямъ. «Подъ веселый напѣвъ контрданса свиваются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ аэролитовъ вертятся вокругъ одно-дневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому, долголѣтнему плану; тамъ улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и торжествующая подлость гордо носитъ на себѣ печать отверженія... Но послышался шумъ... Иные шепчутъ между собою... Иные быстро побѣжали изъ комнаты и трепещущіе возвратились... Со всѣхъ сторонъ раздается крикъ... «Вода! вода», всѣ бросились къ дверямъ: но уже поздно! Вода захлестнула весь нижній этажъ. Въ другомъ концѣ залы еще играетъ музыка; тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера сдѣланной подлости, о той, которую надобно сдѣлать завтра; тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ. Но вскорѣ всюду достигла страшная вѣсть,—музыка прервалась, все смѣшалось... Отчего же поблѣднѣли всѣ эти лица? Отчего стиснулись зубы у этого краснорѣчиваго свѣтскаго ритора? Отчего такъ залепеталъ языкъ у этого угрюмаго героя? Отчего такъ забѣгала эта важная дама, которой, бывало, каждый шагъ казался снисхожденіемъ къ окружающимъ? О чемъ спрашиваетъ этотъ великолѣпный мужъ, для котораго и лишній взглядъ казался оскорбленіемъ?.. Какъ, милостивые государи, такъ есть на свѣтѣ нѣчто, кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, разсчетовъ? Неправда! пустое! все пройдетъ! опять наступитъ завтрашній день,—опять можно будетъ продолжать начатое, свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста!..» Наводненіе дѣлаетъ свое дѣло: волны, какъ тигры, разбиваютъ окна, и со всѣхъ сторонъ врываются въ залу. Гибель неизбѣжна, и автору приходится согнаться, что положеніе ужасно. «Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно,—говоритъ онъ,—еще минута, и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ женщинъ! Еще минута, и честолюбивыя украшенія на груди вашей только прибавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ васъ на холодное дно. Гдѣ же всемощныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы?.. Милостивые государи, *наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ*. Гдѣ же сила молитвы, двигающей горы? Милостивые государи, вы потеряли *значеніе* сего слова. Что же остается вамъ?.. Смерть, смерть ужасная, медленная! Но ободритесь: что-жъ такое смерть? Вы люди дѣльные, благоразумные; правда, вы презрѣли голубиную чистоту, зато постигли змѣиную мудрость,—неужели то, о чемъ посреди тонкихъ, смѣтливыхъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ

быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь вашу прозорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли обмануть ее *льстивою рѣчью?* нельзя ли *подкупить* ее? наконецъ, нельзя ли ее *оклеветать?*»

Говоря въ «Русскихъ ночахъ» о картахъ, какъ объ изобрѣтеніи враждебной человѣку силы, которая стремится развить въ его душѣ дурныя чувства, отучить его думать о чемъ-нибудь серьезномъ и сравнять между собою людей, сплотивъ ихъ такъ, чтобы не могла выставиться ни одна голова и ни одно сердце, князь Одоевскій пишетъ: «за картами нельзя думать ни о чемъ, кромѣ картъ, и, главное, за картами всѣ равны: и красавецъ, и уродъ, и ученый, и невѣжда, и геній, и нуль, и умный человѣкъ, и глупецъ; нѣтъ никакого различія: послѣдній глупецъ можетъ обыграть перваго философа въ мірѣ, а маленькій чиновникъ—большого вельможу. Представьте себѣ наслажденіе какого-нибудь нуля, когда онъ можетъ обыграть Ньютона или Лейбница и сказать имъ: «Да вы, г. Ньютонъ, играть не умѣете; вы, г. Лейбницъ, не умѣете картъ въ руки взять!» Рисуя безотрадную и полную наростающаго раздраженія и зависти жизнь свѣтской старой дѣвы, Одоевскій кончаетъ свой разсказъ остроумнымъ описаніемъ проникнутыхъ злобой и ненавистью сновъ старой дѣвы о соперницахъ, обогнавшихъ ее въ выходѣ замужъ и не находитъ, однако, словъ порицанія для изуродованнаго условіями жизни несчастнаго существа, страдающаго и причиняющаго другимъ страданія. «Что же дѣлать,—восклицаетъ онъ,—если для дѣвушки въ обществѣ единственная цѣль въ жизни—выйти замужъ! если ей съ колыбели слышатся эти слова: «когда ты будешь замужемъ!» Ее учатъ танцовать, рисовать, музыкѣ для того, чтобы она могла выйти замужъ; ее одѣваютъ, вывозятъ въ свѣтъ, ее заставляютъ молиться Господу Богу, чтобъ только скорѣе выйти замужъ. Это предѣлъ и начало ея жизни. Это сама жизнь ея. Что же мудренаго, если для нея всякая женщина дѣлается личнымъ врагомъ, а первымъ качествомъ въ мужчинѣ—*удобожениmость?* Плачьте и проклинайте,—но не бѣдную дѣвушку!»

Вдумчивый и глубокій мыслитель сказывается *въ содержаніи* произведеній Одоевскаго. Въ нихъ чрезвычайно ярко и постоянно просвѣчиваетъ ненависть къ обычной житейской лжи и стремленіе къ борьбѣ съ нею. Самъ Одоевскій въ замѣткахъ своихъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, опредѣляетъ себя, какъ борца противъ лжи и подчасъ ея жертву: «Ложь въ наукѣ, ложь въ искусствѣ и ложь въ жизни были всегда моими врагами и моими мучителями. Всюду я преслѣдовалъ ихъ и всюду они меня преслѣдовали». Его проницательному и направленному

къ идеямъ высшаго порядка уму было ясно, что наиболѣе широкое проявленіе этой лжи выражается въ условности людскихъ отношеній, идущихъ въ разрѣзъ со здравымъ разсудкомъ и съ законными требованіями сердца. Опутывая человѣка, эта условность постепенно и неотвратимо заволакиваетъ туманомъ и скрываетъ истинный *смыслъ* жизни, устраняя такимъ образомъ и заботу о *содержаніи* этой жизни, и вызывая на равнодушіе къ самымъ вопіющимъ ея противорѣчіямъ и на примиреніе съ ними.

Князь Одоевскій рано вступилъ въ общественную дѣятельность, и первые шаги пришлось ему дѣлать, по окончаніи курса въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, среди условій жизни, въ которыхъ еще сильно сказывалась «Грибоѣдовская Москва» и гдѣ литературныя занятія сводились къ ребяческимъ забавамъ «Арзамаса». Затѣмъ, надъ этимъ обществомъ пронеслась гроза, послѣдовавшая за 14-мъ декабря 1825 г., и жизнь общества, на время взволнованная тѣми, кого смела эта гроза съ лица образованной Россіи, вошла въ колею обычнаго свѣтскаго существованія, всѣ интересы котораго сосредоточивались на настоящемъ днѣ, безъ особенной заботы о днѣ завтрашнемъ. Крѣпостное право охраняло членовъ этого общества отъ какихъ-либо заботъ не только о хлѣбѣ насущномъ, но и о трудѣ вообще; а «спасительный страхъ» за свое личное положеніе, присоединившійся къ прежнему самодовольству, развилъ особенную жажду развлеченій, какъ средства убить не только время, но и тревожные запросы души. Съ этой свѣтской жизнью (тогда не существовало общественной жизни въ нынѣшнемъ смыслѣ слова) и вступилъ въ борьбу, рисуя ея лживыя и мрачныя стороны, князь Одоевскій. Его не могъ подкупить своимъ наружнымъ блескомъ тотъ «хладный свѣтъ», который наноситъ сердцу «неотразимыя обиды»,—гдѣ господствуетъ «молвы коварное гоненье»,—гдѣ приходится «за каждый свѣтлый мигъ платить слезами и тоской»,—гдѣ, по выраженію Шамфора, «ошибки вырѣзаются на мѣди, а заслуги начертываются на пескѣ». Отсюда сатирическое направленіе многихъ его произведеній, въ которомъ онъ объявилъ систематическую войну пошлости и ничтожеству такъ называемой свѣтской жизни.

Уже въ 1824 году онъ помѣщаетъ въ Альманахѣ «Мелюзина» фантастическій апологъ подъ названіемъ «Старички, или островъ Панхаи», гдѣ описывается фантастическій островъ, населенный *старцами-младенцами,* наблюденіе надъ которыми показываетъ «свѣтъ и людей, въ немъ живущихъ, въ истинномъ ихъ видѣ». Одни старцы съ чрезвычайной важностью перекидываютъ другъ другу пестрые мячики, и игра эта называется свѣтскими разговорами. Другіе старцы окружаютъ дерево съ красивыми, но гнилыми

плодами, къ которымъ каждый изъ нихъ лѣзетъ, изгибая спину, отталкивая однихъ и хватаясь за другихъ, рукоплеща достигшимъ доверху и немилосердно колотя упавшихъ. Подводя къ этому дереву юношей и показывая растущіе на немъ плоды, старцы-младенцы увѣряютъ, что плоды чрезвычайно вкусны и составляютъ единственную цѣль человѣческой жизни, а ее лучше всего можно достигнуть перекидываньемъ пестраго мячика. Нѣкоторые старцы-младенцы, завязавъ себѣ глаза и приказавъ за собою слѣдовать толпѣ юношей, приводятъ ихъ въ незнакомое имъ самимъ мѣсто и съ важностью указывая невидимый имъ самимъ путь, ссылаются на свою опытность, сдѣлавшую ихъ искусными въ подачѣ совѣтовъ и т. д.

Съ наибольшею силою сказалось отрицательное отношеніе Одоевскаго къ современному ему укладу окружавшей его жизни въ рядѣ прелестныхъ и проникнутыхъ высокою мыслью сказокъ для взрослыхъ, и въ особенности въ сказкѣ «О Кивакелѣ» (1833 г.). За двадцать лѣтъ до геройской гибели защитниковъ Севастополя среди его окровавленныхъ развалинъ,—гибели, обнаружившей съ жестокою и кровавою очевидностью то, что Иванъ Аксаковъ называлъ «фасадностью» нашей жизни,—князь Одоевскій указывалъ на опасность общественнаго настроенія, находившаго себѣ нравственное удовлетвореніе въ сознаніи призрачной, какъ оказалось, военной мощи, развиваемой въ прямой ущербъ развитію духовныхъ силъ народа,—на ряду съ высокомѣрною терпимостью лишь къ самымъ слабымъ и одностороннимъ проблескамъ мысли.

Въ красивую куклу восточный мудрецъ и волшебникъ вдохнулъ живую мысль и горячее чувство, но, по ироніи судьбы, она становится женою господина Кивакеля, въ грубомъ, безобразномъ и неповоротливомъ тѣлѣ котораго живетъ «деревянная душа». Одухотворенная красавица-кукла жалѣетъ о несчастномъ и, «гордая искусствомъ любви и страданій», рѣшается возвысить и возродить грубое, униженное природой существо, и тѣмъ исполнить высокое предназначеніе женщины. Начинается долгая и безуспѣшная работа, въ концѣ которой Кивакель самъ выбираетъ для себя занятіе и наслажденіе: онъ ежедневно тщательно набиваетъ и выкуриваетъ 80 трубокъ, и лошадь дѣлается его наукой, искусствомъ, поэзіей, жизнью, любовью, добродѣтелью, преступленіемъ и вѣрою. Тщетно красавица призываетъ на помощь всю силу ума, чувства и воображенія: ничто не можетъ заставить ея владыку мыслить о чемъ-либо, кромѣ стойла, въ которомъ стоятъ его любимцы. «Напротивъ,—говоритъ князь Одоевскій,—обжившись хозяиномъ въ домѣ, онъ сталъ смотрѣть на красавицу, какъ на рабу свою; горячо сердился за ея упреки; не прощалъ ей ни одной минуты

самозабвенія; ревниво слѣдилъ каждый невинный порывъ ея сердца, каждую мысль ея, каждое чувство; всякое слово, не похожее на слова, имъ произносимыя, онъ называлъ нарушеніемъ законовъ божескихъ и человѣческихъ; и иногда въ свободное отъ своихъ занятій время, между трубкою и лошадью, читалъ красавицѣ увѣщанія, въ которыхъ восхвалялъ свое смиренномудріе и охуждалъ то, что онъ называлъ развращеніемъ ума ея». Но мудрецъ Востока, научившій красавицу искусству страдать, не далъ ей умѣнья переносить страданія, и она зачахла, измученная своею жизнью.

Хотя «difficile satyram non scribere», но князь Одоевскій сознавалъ однако необходимость выразить и свои положительные идеалы, указавъ на то, въ чемъ видитъ онъ смыслъ и содержаніе жизни. Любовь къ людямъ — живая и дѣятельная — должна быть движущимъ началомъ жизни человѣка, не отдающагося исключительной и близорукой заботѣ о самомъ себѣ. Въ рядѣ повѣстей и отдѣльныхъ эпизодовъ своихъ «Русскихъ ночей» Одоевскій облекаетъ это нравственное требованіе въ поэтическіе образы и въ картины, нѣсколько устарѣлый языкъ которыхъ вполнѣ искупается ихъ внутреннимъ смысломъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь долженъ быть поставленъ коротенькій разсказъ «Бригадиръ». Давно уже замѣчено, что истинно-талантливымъ людямъ, съ возвышеннымъ строемъ души, вовсе не знающимъ другъ друга, живущимъ на разныхъ концахъ свѣта, раздѣленныхъ временемъ и національными особенностями,— приходятъ однако однѣ и тѣ же мысли, воплощаемыя въ художественные образы, при чемъ разность выполненія не измѣняетъ существа сюжета. Достаточно указать въ этомъ отношеніи, напримѣръ, на «Портретъ» Гоголя и на удивительный по силѣ и сжатости разсказъ Эдгара Поэ «Овальный портретъ», гдѣ одна и та же мысль — о художникѣ, извлекающемъ вмѣстѣ съ живыми красками самую жизнь изъ того, чье изображеніе онъ пишетъ, — пришла въ голову двумъ писателямъ, конечно никогда другъ о другѣ не слыхавшимъ. То же явленіе повторилось и съ Одоевскимъ, сказка котораго «О мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ», ярко рисующая наши старые, отжившіе судебные порядки, сходится въ основномъ фантастическомъ замыслѣ съ позднѣйшею популярной повѣстью англійскаго писателя Стевенсона «Исторія доктора Джекиля и мистера Гайда».

Приглашенный на похороны «Бригадира», который всю жизнь ѣлъ, пилъ, не дѣлалъ ни добра, ни зла, не былъ никѣмъ любимъ и не любилъ никого, авторъ присутствуетъ холодно при отпѣваніи и нигдѣ не замѣчаетъ ни слезы, ни вздоха, ни слова,—но ночью мертвецъ приходитъ къ нему, щеголяетъ какимъ-то родствен-

нымъ съ нимъ сходствомъ и съ выраженіемъ неистощимой грусти и горькаго упрека, начинаетъ вызывать передъ нимъ китайскія тѣни изъ своей прошлой жизни. Передъ читателемъ проходитъ помѣщичій домъ, гдѣ отецъ, занятый службой, картами и псовой охотой, думаетъ, что воспитываетъ своего сына, когда поитъ, одѣваетъ, бранитъ и сѣчетъ его, — гдѣ мать занята надзоромъ за нравственностью цѣлаго околотка, такъ что ей некогда присмотрѣть ни за нравственностью сына, ни за своей собственной. Она учитъ сына притворяться, лгать, быть почтительнымъ къ роднымъ и выучивать наизусть слова, которыхъ она сама не понимаетъ,—и все это, полагая, что она его воспитываетъ, когда, въ сущности воспитываетъ грязная дворня, обучая его легко усваиваемымъ изобрѣтеніямъ невѣжества и разврата. Этому воспитанію соотвѣтствуетъ и ученіе, которое не развертываетъ, а убиваетъ способности; а затѣмъ идетъ служба и женитьба по разсчету и такое же, по отцовскимъ завѣтамъ, воспитаніе и ученіе дѣтей. «Бригадиръ» жены своей никогда не любилъ и что такое любовь, никогда не зналъ; сначала онъ не замѣчаетъ этого, тѣмъ болѣе, что выѣзды въ свѣтъ не даютъ ни времени, ни матеріала для разговора. Съ годами, однако, совмѣстная жизнь становится тяжелѣе,—отчужденіе и взаимное непониманіе все увеличиваются,—но желаніе, чтобы чужіе люди хвалили и называли примѣрными супругами людей, которые терпѣть другъ друга не могутъ, мѣшаетъ имъ найти выходъ изъ этого положенія... Между тѣмъ, служба, безсмысленная по цѣли, лѣнивая и равнодушная по исполненію, идетъ впередъ и создаетъ Бригадиру видное положеніе, переплетаясь съ постоянною скукой, которую не прогоняютъ ни гранъ-пасьянсъ, ни пререканія съ женой, ни выѣзды на вечера, ни наводящая сонъ попытка читать неудобопонятныя книги, ибо *не думать* обратилось у него въ привычку. Затѣмъ наступаетъ болѣзнь и смертный, животный страхъ приближающейся кончины... И вотъ въ то время, когда Бригадиръ борется за свое пустое и жалкое существованіе, завѣса упадаетъ съ его глазъ, и передъ нимъ раскрывается «бездна любви и человѣческаго самосвѣдѣнія», — вся жизнь его предстаетъ передъ нимъ во всей отвратительной наготѣ своей; онъ видитъ посрамленные имъ дары Провидѣнія и всѣ минуты его существованія, затоптанныя въ безсмысліи, приличіяхъ и пустотѣ, сливаются въ одинъ страшный упрекъ, не открывающій во всемъ его существованіи ни одной мысли или чувства, которыя могли бы оправдать его въ собственныхъ глазахъ. На внезапно развернувшуюся въ немъ жажду любви и дѣятельности, заглушенную во время жизни, ему отвѣчаетъ духовная пустыня, и въ дѣтяхъ своихъ онъ видитъ продолженіе своего ничтожества... «Я метался, — говоритъ

Бригадиръ, — рвался, произносилъ отрывистыя слова, которыми въ одинъ мигъ хотѣлъ высказать себѣ то, на что недостаточно человѣческой жизни; родные воображали, что я въ безпамятствѣ. О, какимъ языкомъ выразить мои страданія?! Я *началъ думать!* Думать — страшное слово послѣ шестидесяти-лѣтней безсмысленной жизни! *Я понялъ любовь!* Любовь — страшное слово послѣ шестидесяти-лѣтней безчувственной жизни!» Невольно приходится замѣтить, какъ въ этомъ разсказѣ твердо намѣчаются тѣ мотивы, которые съ такою силою и художественной разработкой зазвучали потомъ, полъ-вѣка спустя, въ «Смерти Ивана Ильича» у великаго писателя земли русской — и въ разсужденіяхъ *объ адѣ* старца Зосимы у Достоевскаго. При этомъ нельзя не отмѣтить и того, что въ эпоху появленія «Шинели» Гоголя и князь Одоевскій отнесся съ теплой сердечностью къ участи скромныхъ канцелярскихъ тружениковъ, изобразивъ одного изъ нихъ впавшимъ, подъ вліяніемъ несправедливостей и безучастія начальства, постоянно обходящаго его по службѣ, въ тихое помѣшательство. Когда, наконецъ, за отсутствіемъ просьбъ вліятельныхъ лицъ ему рѣшаются дать повышеніе, его находятъ сидящимъ на одной изъ полокъ архива и говорящимъ про себя: «Я, — господа, — *рѣшенное дѣло*, я, *рѣшенное дѣло*...»

Рядомъ съ *любовью къ людямъ* въ князѣ Одоевскомъ жила живая *любовь къ знанію*. Можно сказать, что уваженіе къ человѣческому достоинству и душевной свободѣ, проповѣдь снисхожденія и дѣятельной любви къ людямъ, восторженная преданность наукѣ и стремленіе всесторонне вникнуть въ организмъ духовной и физической природы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества, — составляютъ характерную черту его произведеній. Главное мѣсто среди сочиненій его принадлежитъ, безспорно, «Русскимъ ночамъ» — философской бесѣдѣ между нѣсколькими молодыми людьми, въ которую вплетены, для иллюстраціи высказываемыхъ ими положеній, разсказы и повѣсти, отражающіе въ себѣ задушевныя мысли, надежды, симпатіи и антипатіи автора.

Понимая науку въ самомъ широкомъ смыслѣ и стремясь оградить ее отъ вторженія односторонней спеціализаціи, онъ ратовалъ противъ того явленія, которое, напримѣръ, въ медицинѣ, много лѣтъ спустя, вызвало строгое слово осужденія со стороны такого великаго ученаго, какъ Вирховъ, и такого выдающагося практика, какъ Лейденъ. Стремленіе къ чрезмѣрной спеціализаціи знаній, съ утратой сознанія общей между ними связи и гармоніи, дѣлающее изъ ученаго подобіе фабричнаго рабочаго, понимающаго только то узкое дѣло, которое ему отведено пресловутымъ раздѣленіемъ труда, — внушило Одоевскому содержаніе для «Импровизатора» и ряда

другихъ разсказовъ. Боролся Одоевскій и противъ взглядовъ, которые все знаніе строютъ на одномъ близорукомъ опытѣ, безъ обобщенія его результатовъ связующими идеями высшаго порядка. Онъ зло смѣялся надъ выводами изъ случайныхъ и поспѣшныхъ опытовъ, которымъ спѣшатъ такъ часто придать характеръ неопровержимой истины. Въ «Русскихъ ночахъ» этотъ взглядъ его нашелъ себѣ между прочимъ остроумное выраженіе въ разсказѣ о врачѣ, давшемъ умирающему отъ холеры портному, по его неотступной, внушенной болѣзненнымъ извращеніемъ вкуса, просьбѣ—кусочекъ ветчины. Больной, смерть котораго казалось неизбѣжной, однако выздоровѣлъ. Радуясь успѣху своего опыта, врачъ, «ничтоже сумняся», отмѣтилъ въ своей книжкѣ: «лучшее средство противъ холеры—ветчина». Но когда это же самое средство было примѣнено къ заболѣвшему сапожнику и ускорило его уходъ къ праотцамъ,—оно не вызвало смущенія во врачѣ, открывшемъ, по его мнѣнію, универсальное эмпирическое средство противъ холеры и онъ лишь записалъ въ своей книжкѣ: «ветчина превосходное средство противъ холеры у *портныхъ*, но не у *сапожниковъ*».

Глубокая образованность, на философской подкладкѣ шеллингіанства, вынесеннаго еще изъ университета, пріучила Одоевскаго зорко слѣдить за открытіями въ наукѣ и за господствующими теоріями, съ которыми въ той или другой формѣ, онъ знакомилъ своихъ читателей. При этомъ, въ передачѣ сложныхъ и отвлеченныхъ понятій, его языкъ становится очень опредѣлителенъ и ясенъ. Во времена его молодости два имени особенно интересовали умы и создавали ряды послѣдователей. Это были—Бентамъ, ученіе котораго полагало въ основу всѣхъ человѣческихъ дѣйствій исключительно начало *полезнаго*, какъ цѣль и движущую силу,—и Мальтусъ, съ его знаменитымъ *закономъ* о возрастаніи населенія въ геометрической прогрессіи, а произведеній природы въ ариѳметической, со всѣми вытекающими изъ этого матеріальными и нравственными послѣдствіями для несчастнаго человѣчества, имѣющаго слабость «плодиться и размножаться».

Разсказъ «Городъ безъ имени» представляетъ исторію процвѣтанія острова, населеннаго исключительно служителями *пользы*, среди которыхъ постепенно угасаютъ всѣ возвышенныя идеи и все то, что не имѣетъ практически-полезнаго выраженія въ жизни обыденной, вродѣ искусства, философіи и т. п., смѣняясь постепенно развивающимся стремленіемъ къ эксплоатаціи сначала сосѣдей, а потомъ другъ друга, покуда, наконецъ, опустошительная война не сметаетъ съ лица острова все населеніе его, погрязшее въ однихъ практическихъ разсчетахъ. Въ направленномъ противъ Мальтуса разсказѣ «Послѣднее самоубійство», князь Одоевскій

рисуетъ то состояніе общества, которое должно-бы явить собою послѣдовательный и неотвратимый результатъ торжества знаменитаго закона англійскаго ученаго, закона, проникшаго въ сознаніе массъ, что такъ печально нынѣ отражается на почти полномъ отсутствіи прироста кореннаго народонаселенія Франціи. «Наступило время,—говоритъ онъ,—предсказанное философами XIX вѣка: родъ человѣческій размножился; потерялась соразмѣрность между произведеніями природы и потребностями человѣчества. Медленно, но постоянно приближалось оно къ сему бѣдствію. Гонимые нищетою, жители городовъ бѣжали въ поля, поля обращались въ села, села — въ города, а города нечувствительно раздвигали свои границы. Тщетно человѣкъ употреблялъ всѣ знанія, пріобрѣтенныя трудами вѣковъ, тщетно къ ухищреніямъ искусства присоединялъ онъ ту могущественную дѣятельность, которую порождаетъ роковая необходимость: давно уже аравійскія песчаныя степи обратились въ плодоносныя пажити; давно уже льды сѣвера покрылись тукомъ земли; неимовѣрными усиліями химіи искусственная теплота живила царство вѣчнаго хлада... Но все тщетно: протекли вѣка, и животная жизнь вытѣснила растительную, слились границы городовъ, и весь земной шаръ, отъ полюса до полюса, обратился въ одинъ обширный заселенный городъ, въ который перенеслись вся роскошь, всѣ болѣзни, вся утонченность, весь развратъ, вся дѣятельность прежнихъ городовъ; но надъ роскошнымъ градомъ вселенной тяготѣла страшная нищета, и усовершенные способы сообщенія разносили во всѣ концы шара лишь вѣсти объ ужасныхъ явленіяхъ голода и болѣзней. Еще возвышались зданія; еще нивы въ нѣсколько ярусовъ, освѣщенныя искусственнымъ солнцемъ, орошаемыя искусственною водою, приносили обильную жатву, — но она исчезала прежде, нежели успѣвали собирать ее: на каждомъ шагу, въ каналахъ, на рѣкахъ, въ воздухѣ, вездѣ тѣснились люди; все кипѣло жизнью; но жизнь умерщвляла сама себя... Давно уже исчезло все, что прежде составляло счастье и гордость человѣка. Давно уже погасъ божественный огонь искусства, давно уже и философія и религія отнесены были къ разряду алхимическихъ знаній. Съ тѣмъ вмѣстѣ разорвались всѣ узы, соединявшія людей между собой, и чѣмъ болѣе нужда тѣснила ихъ другъ къ другу, тѣмъ болѣе чувства ихъ разлучались. Каждый въ собратѣ своемъ видѣлъ врага, готоваго отнять у него послѣднее средство для бѣдственной жизни... Самоубійцы внесены были въ число героевъ, насмѣшка надъ жизнью сдѣлалась обыкновеннымъ привѣтствіемъ, любовь — преступленіемъ».

Затѣмъ слѣдуетъ яркая и сжатая, на нѣсколькихъ всего страницахъ, картина несчастій погибающаго человѣчества, — его го-

рестныхъ сомнѣній въ возможности какого-либо вида счастья, — и постепеннаго убѣжденія въ жестокости природы. «Истребляя одно вещество другимъ, природа развиваетъ новыя произведенія, болѣе совершенныя; на смерти однихъ основываетъ существованіе многихъ другихъ, съ коварствомъ приковывая къ страданіямъ однихъ наслажденія и счастье другихъ, и распространяя ежечасно свое владычество, безпрестанно въ каждомъ новомъ существѣ создавая новый способъ страданія, — она достигаетъ, наконецъ, человѣка съ его неустанной дѣятельностью». Являются страстные глашатаи, которые раскрываютъ предъ изстрадавшимся человѣчествомъ горестную тайну его существованія и убѣждаютъ его, что оно — лишь безсознательная игрушка въ рукахъ жестокой природы, преслѣдующей исключительно свои цѣли — вѣчнаго продолженія жизни. И вотъ — когда эта мысль проникла въ душу огромнаго большинства, является послѣдній глашатай, который проповѣдуетъ, что единственное средство борьбы съ природой, стремящейся къ *жизни,* есть *смерть.* Тогда всѣ изобрѣтенія человѣчества пускаются въ ходъ и «въ урочный торжественный часъ трескъ распадающагося земного шара потрясъ солнечную систему; разорванныя громады Альповъ и Чимборазо взлетѣли на воздухъ, раздалось нѣсколько стоновъ... еще... пепелъ возвратился на землю... все утихло... *и жизнь впервые раскаялась!..»* Этотъ разсказъ не только отражаетъ въ себѣ, въ поэтической формѣ, взгляды барона Гольбаха, изложенные въ его «Système de la nature», въ которой теоретически намѣчены идеи, впослѣдствіи блистательно практически подтвержденныя Дарвиномъ, но и представляетъ, въ подробностяхъ своего конца, сжатый синтезъ ученія Шопенгауера, съ книгой котораго «Die Welt als Wille und Vorstellung», какъ видно изъ замѣтокъ Одоевскаго, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, онъ былъ знакомъ еще въ то время, когда въ самой Германіи она лежала, обреченная на гніеніе, въ книжныхъ складахъ.

Являясь защитникомъ человѣческой личности, Одоевскій всегда на первый планъ ставилъ не поглощающія эту личность учрежденія, а ея духовныя свойства, придающія смыслъ и значеніе самой дѣятельности учрежденій. Не оглушалъ его и громъ военной славы и шумный говоръ крикливаго патріотизма, считавшійся выраженіемъ любви къ родинѣ до половины пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ эпоху, когда исторія понималась только какъ *исторія государства,* онъ говорилъ о необходимости изученія бытовыхъ и духовныхъ свойствъ *народа* въ ихъ послѣдовательномъ проявленіи; еще въ сороковыхъ годахъ онъ писалъ, что безъ этого исторія обращается въ скучный романъ съ забвеніемъ о человѣкѣ,

и имѣлъ смѣлость заявлять, что война есть одно изъ величайшихъ преступленій человѣчества.

Одною изъ выдающихся сторонъ литературной дѣятельности Одоевскаго была забота о просвѣщеніи народа, въ способности и добрыя духовныя свойства котораго онъ страстно вѣрилъ, забота тѣмъ болѣе цѣнная, что она крайне рѣдко встрѣчалась въ то время и многими разсматривалась какъ неумѣстное чудачество. Долгіе годы состоялъ онъ редакторомъ «Сельскаго Обозрѣнія», издававшагося министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, выпустилъ онъ въ свѣтъ книжки «Сельскаго чтенія» въ двадцати тысячахъ экземпляровъ, подъ заглавіями: «Что крестьянинъ Наумъ твердилъ дѣтямъ по поводу картофеля», «Что такое чертежъ земли и на что это пригодно» (исторія, значеніе и способы межеванія) и т. д.; написалъ для народнаго чтенія рядъ «Грамотокъ дѣдушки Иринея»: о газѣ, желѣзныхъ дорогахъ, порохѣ, повальныхъ болѣзняхъ и о томъ, «что вокругъ человѣка и что въ немъ самомъ», и, наконецъ, издалъ «Пестрыя сказки Иринея Гомозейки», написанныя языкомъ, которымъ восхищался знатокъ русской рѣчи Даль, находившій, что нѣкоторымъ изъ придуманныхъ Одоевскимъ поговорокъ и пословицъ можетъ быть приписано чисто народное происхожденіе (напримѣръ, «Дружно не грузно, а врозь хоть брось», или «Двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ».

До пятидесятыхъ годовъ по своимъ взглядамъ на отношеніе Россіи къ Западу Одоевскій приближался во многомъ къ славянофиламъ, хотя никогда систематически къ нимъ не примыкалъ. Эпилогъ «Русскихъ ночей» написанъ на тему о гніеніи Запада, о всеразъѣдающей лжи, охватившей со всѣхъ сторонъ западнаго европейца, о томъ, «что намъ, поставленнымъ на рубежѣ двухъ міровъ — прошедшаго и будущаго, — новымъ и свѣжимъ, непричастнымъ преступленіямъ старой Европы, предстоитъ все оживить и вписать нашъ духъ въ исторію ума человѣческаго, какъ наше имя вписано на скрижаляхъ побѣды...» Но уже и въ это время онъ высоко ставилъ великаго Петра — а личное знакомство съ «гнилымъ Западомъ» во время поѣздокъ за границу, начиная съ 1856 г. (въ 1859 г. онъ былъ депутатомъ Императорской Публичной Библіотеки на юбилеѣ Шиллера въ Веймарѣ), заставило его измѣнить свой взглядъ на смыслъ европейской цивилизаціи. Это выразилось съ особою силою въ запискахъ и бумагахъ его, составляющихъ интереснѣйшее собраніе замѣчаній по поводу всевозможныхъ вопросовъ, отчасти напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 и 1874 гг. Не закрывая глазъ на «нашу прирожденную бо-

лѣзнь» и сходясь въ этомъ съ Кавелинымъ, Одоевскій указываетъ на ея главные признаки: «общенародную *лѣнь ума*, *непослѣдовательность* и *недостатокъ выдержки»*, и негодуетъ на то наше свойство, которое онъ называетъ «*рукавоспустіемъ*». «Идеализмъ въ народѣ, пишетъ онъ, является большею частью въ видѣ терпимости къ другимъ народамъ и пониманіи ихъ. Просвѣщеніемъ вырабатывается достоинство человѣка вообще, полупросвѣщеніемъ — лишь націонализмъ, т. е. отрицаніе общечеловѣческихъ правъ. Народность—великое слово, но смыслъ его, доведенный до крайности, приводитъ къ безсмысленному и рабскому подражанію прошлому; народность—одна изъ наслѣдственныхъ болѣзней, которою умираетъ народъ, если не подновитъ своей крови духовнымъ и физическимъ сближеніемъ съ другими народами...» Возражая противъ нападокъ на переворотъ Петра, Одоевскій пишетъ: «толкуютъ о какомъ-то допотопномъ славяно-татарскомъ у насъ просвѣщеніи,— такъ пусть оно при нихъ и остается, пока они не покажутъ намъ русской науки, русской живописи, русской архитектуры въ до-петровское время; а такъ какъ, по ихъ мнѣнію, вся эта допотопная *суть* хранилась лишь у крестьянъ, не испорченныхъ такъ называемыми балуй-городами, какъ, напр., Петербургъ, Москва, Ярославль и др.,—то мы можемъ легко увидѣть сущность этого допотопнаго просвѣщенія въ той безобразной кривулѣ, которою нашъ крестьянинъ царапаетъ землю на его едва взбороненной нивѣ, въ его посѣвахъ кустами, въ неумѣньи содержать домашній скотъ, на который ни съ того ни съ сего находитъ чума, такъ, съ потолка, а не отъ дурного ухода,—въ его курной избѣ, въ его потасовкѣ женѣ и дѣтямъ, въ особой привязанности свёкровъ къ молодымъ невѣсткамъ, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ и, наконецъ, въ безграмотности». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ до конца вѣрилъ въ русскаго человѣка и въ его богатые задатки. «А все-таки русскій человѣкъ — первый въ Европѣ не только по способностямъ, которыя дала ему природа даромъ, но и по чувству любви, которое чуднымъ образомъ въ немъ сохранилось, несмотря на недостатокъ просвѣщенія, несмотря на превратное преподаваніе религіозныхъ началъ, обращенное лишь на обрядность, а не на внутреннее улучшеніе. Ужъ если русскій человѣкъ прошелъ сквозь такую передѣлку и не забылъ христіанской любви, то, стало быть, въ немъ будетъ прокъ,—но это еще впереди, а не позади».

Дѣти, которыхъ онъ самъ былъ лишенъ, составляли для Одоевскаго предметъ искренней, сознательной и, если можно такъ выразиться, осмотрительной любви. Его прелестныя сказки одинаково чужды и дѣланной чувствительности, и фальшиваго приспособленія къ дѣтскому пониманію, и слишкомъ ранняго и безжалостнаго

ознакомленія дѣтей со скорбями и ужасами жизни. Значительная часть ихъ была издана отдѣльной книжкой подъ названіемъ «Сказокъ дѣдушки Иринея», и для людей, дѣтство которыхъ совпало съ сороковыми и пятидесятыми годами, «Червячокъ» и въ особенности «Городокъ къ табакеркѣ», конечно, составляютъ одно изъ самыхъ милыхъ воспоминаній юныхъ лѣтъ.

Любовь къ искусству нашла себѣ у Одоевскаго выраженіе въ служеніи музыкѣ, этому, какъ онъ говорилъ, языку невыразимыхъ словами чувствъ». Онъ видѣлъ въ ней не простое удовольствіе и развлеченіе, и даже не одно только искусство,—она была для него одною изъ отраслей серьезныхъ знаній, требовавшей изученія ея научныхъ законовъ. Мелодія и гармоническое сочетаніе звуковъ были въ его глазахъ не однимъ двигательнымъ возбужденіемъ душевныхъ настроеній, но и средствомъ для сохраненія яркихъ признаковъ народности и способомъ для того, что онъ называлъ «обращеніемъ душъ», разумѣя подъ этимъ развитіе въ человѣкѣ стремленія перейти отъ ощущеній повседневной житейской прозы, вызываемыхъ видимымъ и осязательнымъ, въ область невидимаго, возвышеннаго и вѣчнаго. Серьезному изученію исторіи и теоріи этого «величайшаго изъ искусствъ» онъ посвятилъ въ значительной мѣрѣ свою жизнь, написавъ по этому предмету восемь оригинальныхъ сочиненій, начавшихся въ 1833 г. «Опытомъ о музыкальномъ языкѣ». Отдавшись изученію древней музыки, онъ читалъ о ней лекціи у себя на дому; въ 1868 г. онъ издалъ «Музыкальную грамоту, или основаніе музыки для не музыкантовъ»; способствовалъ учрежденію Московской консерваторіи; открылъ ее рѣчью «Объ изученіи музыки, какъ науки»; приносилъ ей цѣнныя пожертвованія инструментами, книгами и нотами, и горячо ратовалъ за устройство перваго въ Россіи класса исторіи церковнаго пѣнія. Смерть застала Одоевскаго за усиленными заботами объ устройствѣ въ Москвѣ съѣзда археологовъ (онъ былъ однимъ изъ учредителей Археологическаго общества, а также Императорскаго географическаго общества), во время котораго ученики консерваторіи должны были, подъ его руководствомъ, исполнять древніе русскіе церковные напѣвы... Этому старинному пѣнію пришлось раздаться на его скромныхъ похоронахъ...

Съ современными ему русскими композиторами его связывали тѣсныя узы дружбы и готовности на нравственную помощь. Его совѣтами неоднократно пользовался Глинка, когда писалъ «Жизнь за царя»; въ запискахъ Глинки есть указанія на участіе Одоевскаго въ возникновеніи арій: Вани «Ахъ, не мнѣ бѣдному...» и Сусанина «Что теперь гадать о свадьбѣ». Успѣхъ «Жизни за царя» былъ отпразднованъ въ квартирѣ Одоевскаго 27 декабря

1836 года пѣніемъ шутливаго канона (...«веселися Русь! нашъ Глинка—ужъ не глинка, ужъ не глинка, а фарфоръ»), сочиненнаго Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Вьельгорскимъ и положеннаго на музыку самимъ Глинкою и Одоевскимъ. Когда затѣмъ геніальное твореніе Глинки «Русланъ и Людмила», послѣ всевозможныхъ затрудненій и терзаній Глинки при его постановкѣ, было встрѣчено холоднымъ непониманіемъ публики, и разстроенный творецъ его даже не зналъ, выходить ли ему на жидкіе вызовы «автора»! и выслушалъ отъ извѣстнаго жандармскаго генерала Дуббельта совѣтъ: «иди, иди, Михаилъ Ивановичъ,— Христосъ больше твоего страдалъ»,—Одоевскій всѣми силами старался поднять его упавшій духъ и выступилъ со статьею, разъяснявшею великую цѣнность новаго произведенія, про которое духовный композиторъ Львовъ сказалъ: «c'est un opera manqué»—и на которое постыдное перо Булгарина въ «Сѣверной пчелѣ» изливало свое смрадное глумленіе.

Особенное значеніе придавалъ Одоевскій вокальной музыкѣ и ея строгому союзнику—органу, значенію и исторіи котораго онъ посвящаетъ много страницъ въ трогательной и изящной по простотѣ повѣсти «Себастьянъ Бахъ». Одоевскій даже изобрѣлъ самъ особый инструментъ съ двойнымъ рядомъ клавишей, названный имъ *энгармоническимъ клавесиномъ,*—и по его указаніямъ былъ устроенъ особый органъ, названный имъ въ честь Баха «Себастьянономъ». Въ «Себастьянѣ Бахѣ» разсказывается, переплетенная съ интереснѣйшими разсужденіями о музыкѣ, исторія старика Христофора Баха, который 40 лѣтъ прожилъ органистомъ одной и той же церкви, 40 лѣтъ каждое воскресенье игралъ одинъ и тотъ же хоралъ, 40 лѣтъ—одну и ту же къ нему прелюдію, и только по большимъ праздникамъ присоединялъ къ ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одинъ форшлагъ и два триллера, причемъ слушатели говорили между собою: «о! сегодня нашъ Бахъ разгорячился»! Въ этой же повѣсти разсказывается исторія знаменитаго сына Христофора Баха, Себастьяна, до такой степени преданнаго служенію своему высокому искусству, что всѣ явленія внѣшней жизни преломлялись въ его душѣ въ музыкальныя темы, такъ что и собственная подпись на долговомъ документѣ «B. a. c. h.», и первый крикъ своего ребенка онъ тотчасъ переложилъ въ фугу. Въ мирную и замкнутую исключительно въ музыкальный интересъ жизнь Баха съ женой, по происхожденію итальянкой, но рожденной и воспитанной въ Германіи, съ этой «итальянской темой, обработанной въ нѣмецкомъ стилѣ»,—внезапно вторгается разрушеніе въ лицѣ случайнаго посѣтителя, итальянскаго пѣвца не признаваемыхъ строгимъ Бахомъ, проникнутыхъ земною страстью, арій и

кантиленъ. Въ Магдалинѣ Бахъ внезапно просыпаются отголоски родины предковъ и неизвѣданныя ею чувства. Брошенная понравившимъ ею итальянцемъ, измученная борьбою между долгомъ и безумною любовью, между «темой и стилемъ», — она сгораетъ отъ внутренняго огня, открывъ мужу причину своей кончины на смертномъ одрѣ и оставивъ его одинокаго, несчастнаго и слѣпнущаго. Нѣкоторое несогласіе этой повѣсти съ дѣйствительностью съ избыткомъ искупается яркимъ изображеніемъ тихой, уравновѣшенной жизни великаго композиста и трагизма налетѣвшихъ на него, какъ буря, душевныхъ страданій.

У князя Одоевскаго часто встрѣчаются глубоко-содержательныя указанія на Бетховена, завершаемыя трогательнымъ разсказомъ «Послѣдній квартетъ Бетховена», гдѣ въ горячихъ словахъ рисуется конецъ страдальческой жизни «Шекспира музыки», лишеннаго, вслѣдствіе глухоты, возможности руководить ограниченными и тупыми исполнителями его геніальныхъ музыкальныхъ думъ и совершенно одинокаго между развратнымъ племянникомъ и надменнымъ братомъ, на визитную карточку котораго съ самодовольною надписью «Gutsbesitzer» удрученный бѣдностью великій композиторъ вынужденъ былъ отвѣтить карточкою съ надписью «Gehirnbesitzer». Терзанія Бетховена подъ вліяніемъ глухоты, любовь его къ людямъ и вынужденное взаимное отчужденіе изображены съ глубокимъ пониманіемъ души художника и, какъ оказывается, вполнѣ соотвѣтствуютъ скорбнымъ звукамъ завѣщанія Бетховена, написаннаго еще въ 1802 г., за 25 лѣтъ до его смерти, и опубликованнаго чрезъ много лѣтъ послѣ нея.

И третьему требованію отъ писателя князь Одоевскій удовлетворялъ, выражаясь словами Евангелія: «мѣрою полною, утрясенною». Внутри скромныхъ *формулярныхъ рамокъ* внѣшняго «прохожденія службы» онъ умѣлъ помѣстить существованіе, посвященное лучшимъ сторонамъ духовной жизни человѣка и высшимъ потребностямъ общественнаго строя.

Служа въ 1826 г., въ вѣдомствѣ иностранныхъ исповѣданій, онъ долгое время редактировалъ «Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ»; въ 1846 г. былъ назначенъ помощникомъ директора Императорской Публичной Библіотеки, а затѣмъ директоромъ Румянцевскаго музея; съ переводомъ въ 1861 г. музея въ Москву, былъ назначенъ сенаторомъ Московскихъ департаментовъ Сената и состоялъ первоприсутствующимъ восьмого департамента, вызывая удивленіе и уваженіе своихъ сослуживцевъ крайне внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ подробностямъ дѣлъ, при чемъ, напримѣръ, по дѣламъ о подтопахъ принималъ на себя производство сложныхъ вычисленій и выкладокъ.

За время пребыванія его въ Петербургѣ, ему принадлежалъ починъ въ устройствѣ дѣтскихъ пріютовъ. По его мысли основана въ Петербургѣ больница для приходящихъ, получившая впослѣдствіи наименованіе Максимиліановской. Онъ же былъ учредителемъ Елисаветинской дѣтской больницы въ Петербургѣ. Въ осуществленіи задуманныхъ имъ способовъ прійти на помощь страждущимъ и «малымъ симъ» Одоевскій всегда встрѣчалъ горячую поддержку со стороны великой княгини Елены Павловны, къ тѣсному кружку которой онъ принадлежалъ. Эта замѣчательная, до сихъ поръ у насъ не оцѣненная женщина, явившаяся впослѣдствіи «нимфой Эгеріей» Царя-Освободителя, въ незабвенные годы начала его великодушнаго царствованія, умѣла выражать свои возвышенныя духовныя свойства не въ однихъ проявленіяхъ ума и въ художественныхъ наклонностяхъ. Ее особенно характеризовала та ея дѣятельность, гдѣ этотъ умъ являлся исполнителемъ велѣній пылкаго сердца, въ которомъ горѣла настоящая, живая и практическая любовь къ людямъ. Сохраняя подъ нѣжною, женственною оболочкой мужественную и стойкую волю, великая княгиня умѣла себѣ ставить ясную и опредѣленную цѣль, и полюбивъ въ своихъ благородныхъ мечтахъ ея осуществленіе, знала, какъ достигать его при помощи своихъ сотрудниковъ, сердца которыхъ зажигались ея внутреннимъ огнемъ. Такимъ сотрудникомъ, по отношенію къ цѣлому ряду ея предпріятій и къ надзору за преподаваніемъ въ состоявшемъ подъ ея покровительствомъ Маріинскомъ женскомъ институтѣ, являлся князь Одоевскій. Но главная его работа и заслуга въ этомъ отношеніи состояла въ образованіи въ 1846 г. *Общества посѣщенія бѣдныхъ* въ Петербургѣ.

Широкая и разумно поставленная задача этого общества, организація его дѣятельности на живыхъ, практическихъ началахъ, обширный кругъ его членовъ, привлеченныхъ княземъ Одоевскимъ,—сразу выдвинули это общество изъ ряда другихъ благотворительныхъ учрежденій и создали ему небывалую популярность среди всѣхъ слоевъ населенія столицы. Посѣщеніе бѣдныхъ, обязательное для каждаго члена общества не менѣе раза въ мѣсяцъ, три женскихъ рукодѣльни, дѣтскій «ночлегъ» и школа при немъ, общія квартиры для престарѣлыхъ женщинъ, семейныя квартиры для неимущихъ, лѣчебница для приходящихъ, дешевый магазинъ предметовъ потребленія, своевременная, разумная личная помощь деньгами и вещами—таковы средства которыми дѣйствовало общество, помогая, въ разгаръ своей дѣятельности, не менѣе какъ 15 тыс. бѣдныхъ семействъ. Благодаря неутомимой и энергичной дѣятельности своего предсѣдателя Одоевскаго,—совершенно отказавшагося на всё

время существованія общества отъ всякихъ литературныхъ занятій, вслѣдствіе чего съ 1844 года не было изданія полнаго собранія его сочиненій, — средства общества росли и дошли до 60 тыс. ежегоднаго дохода. Одоевскій отдавалъ все свое время и всѣ свои силы этому обществу, умѣряя кротостью и добротою всѣ неизбѣжныя и иногда очень острыя столкновенія въ распорядительныхъ собраніяхъ общества и заботясь, прежде всего, о томъ, чтобы въ его дѣятельность не закрались бюрократическая рутина и формальное, безучастное отношеніе къ дѣлу.

Необычная дѣятельность общества, приходившаго въ непосредственныя сношенія съ массою бѣдныхъ, стала, однако, подъ вліяніемъ революціи 1848 года, возбуждать подозрѣнія—и оно было присоединено къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу, что значительно стѣснило его дѣйствія, лишивъ ихъ свободы отъ канцелярской переписки, а отчеты общества, составлявшіеся самимъ Одоевскимъ, необходимой своевременной гласности, поддерживавшей интересъ и сочувствіе къ обществу. Кончина почетнаго попечителя общества, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго нанесла ему новый ударъ, а послѣдовавшее затѣмъ воспрещеніе военнымъ участвовать въ немъ лишило его множества дѣятельныхъ членовъ. Мало-по-малу общество стало распадаться и, несмотря на усилія князя Одоевскаго спасти свое любимое дѣтище отъ гибели, должно было въ 1855 г. прекратить свои дѣйствія, обезпечивъ, по возможности, своихъ дряхлыхъ пенсіонеровъ и воспитанниковъ. Новый почетный попечитель, великій князь Константинъ Николаевичъ, желая почтить «самоотверженную дѣятельность князя Одоевскаго», вступилъ въ переписку объ исходатайствованіи ему видной награды, но вовремя узнавшій о томъ Одоевскій отклонилъ ее письмомъ, исполненнымъ достоинства, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «я не могу избавить себя отъ мысли, что, при особой мнѣ наградѣ, въ моемъ лицѣ будетъ данъ соблазнительный примѣръ человѣка, который принялся за дѣло подъ видомъ безкорыстія и сроднаго всякому христіанину милосердія, а потомъ, тѣмъ или другимъ путемъ, все-таки достигъ награды... Быть такъ примѣромъ противно тѣмъ правиламъ, которыхъ я держался въ теченіе всей моей жизни; дозвольте мнѣ, Ваше Императорское Высочество, вступивъ на шестой десятокъ, не измѣнять имъ»...

Отдалъ, подобно своему другу Заблоцкому-Десятовскому, Одоевскій свою долю участія и городскимъ дѣламъ, исполняя обязанности гласнаго общей думы въ С.-Петербургѣ и живо интересуясь ходомъ городского хозяйства. Когда дума, снабжая домовладѣльцевъ

обывательскими грамотами, получила такую обратно отъ одного изъ нихъ, съ надменнымъ заявленіемъ, что, происходя изъ стариннаго московскаго дворянскаго рода и «не причисляя себя къ среднему роду людей», онъ не считаетъ возможнымъ принять присланный думою документъ, Одоевскій—прямой потомокъ перваго варяжскаго князя,—немедленно обратился въ думу съ письменною просьбою о выдачѣ ему обывательской грамоты.

Искренно преданный интересамъ литературы, не принадлежа ни къ какому исключительному кружку, сочувствуя и помогая всему честному и даровитому, что въ ней появлялось, Одоевскій дорожилъ званіемъ литератора и гордился имъ. Другъ Пушкина и князя Вяземскаго, онъ радушно раскрывалъ свои двери для всѣхъ товарищей по перу, брезгливо отнесясь лишь къ Булгарину и Сенковскому, которые его терпѣть не могли,—и ставилъ свои занятія литературою выше всего, что давалось ему его знатнымъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ. «Печать,—говорилъ онъ,—дѣло великое», и сравнивалъ ее съ оселкомъ, о который разбиваются выдуманныя репутаціи умныхъ людей. «Честная литература—писалъ онъ—точно брандвахта, аванпостная служба среди общественнаго коварства». Всегда стоя на стражѣ противъ всякихъ двусмысленныхъ и нечистыхъ пріемовъ, онъ предупреждалъ писателей о грозившихъ имъ съ какой-либо стороны опасностяхъ; въ тревожныя времена горячо заступался за нихъ, гдѣ только могъ, и настойчиво заботился о расширеніи круга изданій. Его хлопотамъ обязаны были своимъ разрѣшеніемъ «Отечественныя Записки». Привѣтствуя облегченіе цензурныхъ правилъ въ 1865 г. (о чемъ онъ и прежде писалъ въ составленныхъ имъ обстоятельныхъ запискахъ о цензурѣ и ея исторіи у насъ), Одоевскій настойчиво высказывался противъ взятой изъ наполеоновской Франціи системы предостереженій, и ратовалъ за отмѣну безусловнаго воспрещенія ввоза въ Россію враждебныхъ ей книгъ.

Преобразованія Александра II, обновившія русскую жизнь, встрѣтили въ Одоевскомъ восторженное сочувствіе. Онъ предлагалъ считать въ России новый годъ съ 19 февраля и всегда, въ кругу друзей, торжественно праздновалъ «великій первый день свободнаго труда», какъ онъ самъ выразился въ стихотвореніи, написанномъ послѣ чтенія манифеста объ упраздненіи крѣпостного права.

Когда въ 1865 г., въ извѣстной газетѣ «Вѣсть», была помѣщена статья, въ которой проводился, подъ предлогомъ упорядоченія нашего общественнаго устройства, проектъ дарованія дворянству такихъ особыхъ преимуществъ, которыя въ сущности

были бы возстановленіемъ крѣпостного права, только въ другой формѣ, — князь Одоевскій написалъ горячій протестъ, въ которомъ говорилъ, между прочимъ, что задача дворянства состоитъ: 1) въ приложеніи всѣхъ силъ ума и души къ устраненію остальныхъ послѣдствій крѣпостного состоянія, 2) въ принятіи добросовѣстнаго и ревностнаго участія въ дѣятельности земскихъ учрежденій и новаго судопроизводства, 3) въ непоставленіи себѣ цѣлью себялюбиваго охраненія однихъ своихъ сословныхъ интересовъ и неисканія розни съ другими сословіями передъ судомъ и закономъ и, 4) въ пользованіи высшимъ образованіемъ и большимъ достаткомъ для употребленія имѣющихся средствъ для распространенія полезныхъ знаній во всѣхъ слояхъ народа. Протестъ этотъ возбудилъ въ нѣкоторыхъ кругахъ Москвы ожесточенное негодованіе противъ Одоевскаго: его обвиняли въ измѣнѣ своему имени, въ предательствѣ дворянскихъ интересовъ, въ содѣйствіи прекращенію «Вѣсти». Въ заключительныхъ строкахъ письма, написаннаго по этому поводу, князь Одоевскій, съ негодованіемъ опровергнувъ эти обвиненія, говоритъ: «мои убѣжденія — не со вчерашняго дня; съ раннихъ лѣтъ я выражалъ ихъ всѣми доступными для меня способами: перомъ— насколько то позволялось тогда въ печати, а равно и въ правительственныхъ сношеніяхъ, — изустною рѣчью не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ оффиціальныхъ комитетахъ, — вездѣ и всегда я утверждалъ необходимость уничтоженія крѣпостничества и указывалъ на гибельное вліяніе олигархіи въ Россіи; болѣе 30 лѣтъ моей публичной жизни доставили мнѣ лишь новые аргументы въ подкрѣпленіе моихъ убѣжденій. Учившись смолоду логикѣ и постарѣвъ, я не считаю нужнымъ измѣнить моихъ убѣжденій въ угоду какой бы то ни было партіи... Никогда я не ходилъ ни подъ чьей вывѣской, никому не навязывалъ моихъ мнѣній, но за то выговаривалъ ихъ всегда во всеуслышаніе весьма опредѣлительно и рѣчисто, а теперь уже поздно мнѣ переучиваться. Званіе русскаго дворянина, моя долгая, честная, чернорабочая жизнь, не запятнанная ни происками, ни интригами, ни даже честолюбивыми замыслами, наконецъ, если угодно, *и мое историческое имя* — не только даютъ мнѣ право, но налагаютъ на меня обязанность не оставаться въ робкомъ безмолвіи,—которое могло бы быть принято за знакъ согласія, — въ дѣлѣ, которое я считаю высшимъ человѣческимъ началомъ и которое ежедневно примѣняю на практикѣ въ моей судейской должности, а именно: безусловномъ равенствѣ передъ судомъ и закономъ, безъ различія званія и состояній!»

Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдилъ Одоевскій за начатою въ 1866 г. тюремною реформою и за введеніемъ работъ въ мѣстахъ заключенія, еще въ «Русскихъ ночахъ» указавъ на вредную сторону исправительно-карательныхъ системъ, основанныхъ на безусловномъ уединеніи. Обновленный судъ нашелъ въ немъ горячаго защитника. «Судъ присяжныхъ,—писалъ онъ—не тѣмъ хорошъ, что судитъ справедливѣе и независимѣе судей чиновниковъ. Очень можетъ статься, что умный чиновникъ разсудитъ дѣло толковѣе и рѣшитъ справедливѣе, нежели присяжный не юристъ... Судъ присяжныхъ важенъ тѣмъ, что наводитъ на осуществленіе идеи правосудія такихъ людей, которые и не подозрѣвали необходимости такого осуществленія; *онъ воспитываетъ совѣсть.* Всё, что есть прекраснаго и высокаго въ англійскихъ законахъ, судахъ, полиціи, нравахъ,—всё это выработалось судомъ присяжныхъ, т. е. возможностью для каждаго быть когда-нибудь безконтрольнымъ судьею своего ближняго, но судьею во всеуслышаніе, подъ критикою общественнаго мнѣнія. Никогда *общественная правдивость* не выработается тамъ, гдѣ судья—чиновникъ, могущій ожидать за рѣшеніе награды или наказанія отъ министерской канцеляріи».

Личная жизнь Одоевскаго представляла тѣ же привлекательныя черты, какъ и его жизнь общественная. Женатый на сестрѣ благороднаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ, графа Ланского, которая была старше его на нѣсколько лѣтъ, онъ нашелъ въ ней существо, оберегавшее его съ нѣжною заботливостью, въ которой материнская тревога соединялась съ сочувствіемъ и пониманіемъ истинной спутницы жизни. Болѣе чѣмъ скромный по средствамъ и обстановкѣ домъ Одоевскаго въ Петербургѣ отличался теплымъ и разумнымъ гостепріимствомъ, соединяя подъ своимъ кровомъ, на ряду съ представителями высшаго круга всё, что было выдающагося въ области науки, искусства и литературы. Одоевскій любилъ, подобно великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, «подвязывать крылья» начинающему дарованью и ободрять способныхъ людей при ихъ первыхъ шагахъ, столь трудныхъ при обычномъ у насъ недоброжелательствѣ и равнодушіи. Вечеромъ въ его пріемные дни вновь приглашенному приходилось проходить черезъ гостиную, гдѣ вели бесѣду подчасъ чопорные свѣтскіе знакомые княгини, но едва отворялась дверь въ кабинетъ, откуда неслись клубы табачнаго дыма и шумные голоса, какъ посѣтитель оказывался въ привѣтливомъ и внимательномъ кругу гостей князя, среди которыхъ, на ряду съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Гоголемъ, княземъ Вяземскимъ, Плетневымъ и гр. Соллогубомъ, виднѣлись оригинальныя

фигуры Кольцова, Бѣлинскаго, Глинки и Рубинштейна и слышались живыя рѣчи какого-нибудь путешественника или ученаго, которымъ жадно внималъ начинающій писатель — провинціалъ или какой-нибудь еще неизвѣстный изобрѣтатель. Но самого Петербурга и въ особенности его климата «съ лимонной коркой вмѣсто солнца», какъ онъ выразился въ письмѣ къ Рубинштейну, — князь Одоевскій не любилъ. Безпечный во всемъ, что касалось его лично, онъ едва ли не послѣдній, и то случайно, узналъ о переводѣ Румянцевскаго музея въ Москву и объ увольненіи своемъ отъ должности его директора, что подало извѣстному московскому остряку и сатирику Соболевскому поводъ адресовать ему слѣдующій шутливый упрекъ:

«Князь, твое отродье — Рюрикъ
Черезъ двадцать пять колѣнъ,
Князь, не то, чтобъ князь-мазурикъ
Изъ какихъ-нибудь трухменъ;
Князь—не то, чтобы князь всякій:
Русскихъ старшина князей!
Упустилъ изъ-подъ опеки
Свой Румянцевскій музей.
Ротозей ты, ротозей!»

Послѣдовавшій затѣмъ переводъ въ Москву, возвращавшій князя къ воспоминаніямъ молодости, былъ ему по душѣ. Въ дни, свободные отъ усидчивыхъ и внимательныхъ занятій новымъ для него дѣломъ и научными трудами по русской музыкѣ, у него собирались, по вечерамъ, старые друзья — Погодинъ, Соболевскій, Кошелевъ, Вельтманъ и часто бывалъ Николай Милютинъ.

Человѣкъ небольшого роста, съ проницательными и добрыми глазами на блѣдномъ, продолговатомъ лицѣ, съ тихимъ голосомъ и привѣтливыми манерами, часто одѣтый въ оригинальный широкій бархатный костюмъ и черную шапочку, вооруженный старомодными очками, — Одоевскій принималъ своихъ посѣтителей въ кабинетѣ, заставленномъ музыкальными и физическими инструментами, ретортами, химическими приборами («У нашего нѣмца на все свой *струментъ* есть» говаривалъ онъ съ улыбкой) и заваленномъ книгами въ старинныхъ переплетахъ. Средства у него были очень скромныя, да и тѣми онъ дѣлился щедро съ кѣмъ только могъ.

За три года до смерти, старческою рукою, снова взялся онъ за перо, чтобы въ горячихъ строкахъ статьи «Недовольно!» полныхъ непоколебимой вѣры въ науку и нравственное развитіе человѣчества и широкаго взгляда на задачи поэзіи, — отвѣтить на проникнутое скорбнымъ уныніемъ «Довольно» Тургенева.

Незадолго до своей смерти задумалъ онъ начать «историческое изслѣдованіе Россіи во второй половинѣ XIX вѣка», и въ то же время, смущенный слухами о грозящемъ, подъ вліяніемъ признаковъ политическаго броженія, измѣненіи коренныхъ началъ, вложенныхъ въ преобразованіи Александра II, онъ рѣшился составить для Государя записку, въ которой, указывая вредное вліяніе на нравственное развитіе молодежи того, что ей пришлось видѣть и слышать въ частной и общественной жизни въ дореформенное время, при господствѣ крѣпостного права и безсудія, умолялъ о сохраненіи и укрѣпленіи началъ, положенныхъ въ основу реформъ.

«Государь!—писалъ онъ,—мнѣ жить осталось недолго: я одною ногою стою въ могилѣ; я бездѣтный, послѣдній въ родѣ, — нѣтъ и не можетъ у меня быть честолюбивыхъ помышленій, кромѣ желанія служить Вамъ вѣрой и правдой, пока станетъ силы. Я могу ошибаться, но не даромъ прошли для меня 40 лѣтъ дѣятельной чернорабочей жизни и изученія Россіи. Я преданъ Вамъ не только по долгу вѣрно-подданнаго, но люблю Васъ горячо, какъ человѣка за Ваши благодѣянія Россіи». Указывая на благотворное значеніе отмѣны тѣлесныхъ наказаній и крѣпостного права, на неизбѣжные полезные результаты введенія судебной реформы и земства, онъ восклицалъ: «исторія царя—въ законахъ его царствованія!» Это былъ его послѣдній письменный завѣтъ, ибо 26 февраля 1869 г. смерть, послѣ краткаго мозгового недуга, смежила навсегда его очи и прекратила доброе дѣло его существованія, такъ какъ по его собственному выраженію «жизнь добраго человѣка есть доброе дѣло въ жизни другихъ людей». Записка Одоевскаго была представлена Государю уже послѣ его кончины и Александръ II написалъ на ней: «прошу благодарить отъ меня вдову за сообщеніе письма мужа, котораго я душевно любилъ и уважалъ».

Одоевскій погребенъ на кладбищѣ Донского монастыря въ Москвѣ, и если бы его скромная могильная плита нуждалась въ эпитафіи, то ею, конечно, лучше всего могли бы послужить его собственныя слова въ замѣткахъ, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ.

Вотъ онѣ: «Перо писателя пишетъ успѣшно только тогда когда въ чернильницу прибавлено нѣсколько капель крови его собственнаго сердца»...

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ДОСТОЕВСКІЙ.

(Рѣчь въ годовомъ собраніи Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ 2-го февраля 1881 года).

Милостивые государи! Я просилъ нашего предсѣдателя разрѣшить мнѣ выйти изъ предѣловъ программы сегодняшняго засѣданія юридическаго общества, чтобы сказать нѣсколько въ память человѣка, предъ гробомъ котораго въ эти послѣдніе дни пролито столько искреннихъ слезъ и чей прахъ былъ предметомъ такого величаваго выраженія скорби. Я не опасаюсь, что меня спросятъ: какое отношеніе можетъ имѣть *Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій* къ собранію юристовъ?—и не думаю, поэтому, что слово мое будетъ сочтено неумѣстнымъ... Слово о великомъ художникѣ, который умѣлъ властно и глубоко затрогивать затаенныя и нерѣдко подолгу молчаливыя струны сердца—не можетъ быть неумѣстнымъ въ средѣ дѣятелей, посвятившихъ себя изученію нормъ, отражающихъ на себѣ душевную потребность людей въ справедливости и исканіе наилучшаго ея осуществленія. Наше общество не должно составлять замкнутую корпорацію, чуждую всему выходящему изъ предѣловъ узкой спеціальности,—мы соединились здѣсь не съ тѣмъ, чтобы, уединившись отъ жизни и тщательно закрывъ уши на шумъ и вѣчное движеніе волнъ живой дѣйствительности, толко-

вать лишь о нашихъ техническихъ вопросахъ. Тѣ темы, которыя мы разрабатываемъ за послѣднее время, тѣ вопросы, о которыхъ говорятъ нѣкоторые изъ насъ предъ вами, служили бы лучшимъ опроверженіемъ противоположнаго взгляда, если бы онъ могъ найти себѣ мѣсто между нами... И когда за стѣнами нашего собранія происходитъ явленіе, возбуждающее общее вниманіе и скорбь, когда послѣ обильной трудомъ и душевными тревогами жизни, закрываетъ глаза человѣкъ, подходившій къ вопросамъ, составляющимъ нашу спеціальность, со своей собственной, особой, оригинальной художественно-психологической стороны—мы имѣемъ право—нѣтъ! болѣе чѣмъ право—мы *обязаны* помянуть его и хоть въ немногихъ словахъ вспомнить, *какъ* относился онъ къ этимъ вопросамъ.

Три вопроса—неравныхъ по объему, но равносильныхъ по значенію—возникаютъ предъ человѣкомъ, который, познакомясь въ теоріи съ уголовнымъ правомъ, впервые касается на практикѣ обширной и темной области дѣйствій, называемыхъ преступленіемъ. Прежде всего является вопросъ о *живомъ содержаніи* преступленія—не какъ отвлеченнаго понятія о нарушеніи нормъ, а какъ конкретнаго, осязательнаго явленія. Теорія даетъ общія положенія, указываетъ руководящія начала, опредѣляетъ составъ каждаго преступленія,—но его сокровенное содержаніе не вмѣщается въ ея рамки. Совокупность вліяній, порождающихъ преступленіе, и та внутренняя борьба, которая должна происходить въ человѣкѣ между волею и страстью, между совѣстью и влеченіемъ, прежде чѣмъ онъ рѣшится на роковой шагъ,—ускользаютъ отъ теоріи. Она можетъ намѣтить лишь стадіи въ развитіи преступленія, указать станціи на его пути, опредѣлить самый путь—можетъ сказать: «это приготовленіе», «а это ужъ покушеніе», «а вотъ это совершеніе»—но она не въ силахъ развернуть предъ нами картину внутренней движущей силы преступленія и того сцѣпленія нравственныхъ частицъ, въ которыхъ эта сила встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе. И вопросъ о внутреннемъ содержаніи преступленія, о томъ—какимъ образомъ порочная наклонность, ложная идея, страсть—побѣдила и страхъ наказанія, и привычку подчиняться условіямъ общественнаго быта—остается открытымъ предъ юристомъ, въ помощь которому является одна теорія права. Она указываетъ ему на преступленіе, какъ на проявленіе вражды противъ общественнаго порядка, описываетъ подробно свойства и вооруженіе врага и по большей части оставляетъ его лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ жизненнымъ вопросомъ о

томъ, *какъ* дошелъ этотъ врагъ до того, чтобѣ сдѣлаться таковымъ.

Затѣмъ выростаетъ вопросъ о *наказаніи* въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ *дѣйствительности*,—вопросъ не о той указанной въ кодексѣ *poena*, которая не можетъ быть *sine lege*, а о настоящей карѣ, обусловленной исторіею и бытомъ страны. Теорія даетъ точныя указанія, какъ *должно быть* организовано наказаніе, и рисуетъ цѣлую схему карательныхъ мѣръ и учрежденій, существующихъ въ странѣ, но жизнь наполняетъ отдѣльныя клѣточки этой схемы *своимъ* содержаніемъ, и безъ знакомства съ этимъ содержаніемъ мыслящій юристъ обойтись не можетъ.

Наконецъ, когда онъ познакомится съ практическимъ осуществленіемъ теоретически изображеннаго наказанія, у него невольно рождается новый вопросъ,—важный по нравственному свойству своему, по свѣту, который бросаетъ онъ на всю уголовную дѣятельность. Человѣкъ, совершившій преступленіе, наказанъ, буйная воля внѣшнимъ образомъ сломлена и придавлена уголовною карою—но этимъ далеко не все исчерпано. Онъ не хотѣлъ подчиняться условіямъ общежитія, совершая преступленіе,—гдѣ же доказательства, что онъ захочетъ сознательно, а не насильственно, со злобою или презрѣніемъ, подчиняться и послѣдствіямъ нарушенія этихъ условій? Отрицая общественный порядокъ, онъ можетъ, въ самомъ себѣ, не признавать никакого значенія и, по возможности, вліянія за уголовною карою, налагаемою обществомъ. Какъ причина этой кары—преступленіе, было совершено вопреки требованіямъ общества, такъ и вызванный имъ результатъ внутренней работы въ душѣ виновника можетъ произойти независимо отъ этой кары, даже вопреки ей... У него, у этого виновника, можетъ оказаться *свое* наказаніе. Постановленное неумолимымъ и непрерывающимся внутреннимъ судомъ, это *свое наказаніе* можетъ явиться гораздо раньше законной кары и существовать еще долго послѣ отбытія ея. Окончаніе его, примиреніе съ собою, можетъ наступить внѣ всякой зависимости отъ срока или отъ давности. И предъ вопросомъ о томъ, какъ слагается и какъ, и въ какихъ проявленіяхъ осуществляется это *свое* наказаніе, невольно остановится юристъ. Для него будетъ ясно, что чѣмъ болѣе гармоніи, соотвѣтствія между этими poena scripta и poena nata, тѣмъ жизненнѣе и цѣлесообразнѣе система наказаній, тѣмъ лучше исполняетъ она свою задачу — вкладывать исправительное содержаніе въ карательную форму. Для него станетъ несомнѣнною непригод-

ность такого наказанія, между обветшалымъ существомъ котораго и внутреннимъ міромъ наказуемаго вырыта цѣлая пропасть...

Наша старая уголовная система давала недостаточные отвѣты на эти вопросы. Не въ ней можно было найти средства для ихъ, хотя бы и отдаленнаго, разрѣшенія. Эта система не умѣла или не хотѣла—или, вѣрнѣе, то и другое вмѣстѣ—изслѣдовать преступное дѣяніе не какъ внѣшній фактъ только, но и какъ *душевное проявленіе.* Живой человѣкъ, со своею индивидуальностью, былъ ей чуждъ. Она не хотѣла его знать и всемѣрно избѣгала встрѣчи съ нимъ. Вамъ извѣстенъ, милостивые государи, нашъ старый уголовный порядокъ. Не довѣряя судьѣ, связывая его цѣлою сѣтью формальныхъ предписаній о предустановленной силѣ доказательствъ, нашъ прежній процессъ отдавалъ важнѣйшее изслѣдованіе дѣла, ту его часть, гдѣ и онъ не могъ обойтись безъ живого человѣка, въ руки людей мало развитыхъ, односторонних, узкихъ и подчасъ грубыхъ. Затѣмъ—и только затѣмъ—являлся на сцену элементъ судебный. Но въ какомъ стѣсненномъ, ограниченномъ видѣ! Устраняя судью, по возможности, отъ самодѣятельности, нашъ процессъ рекомендовалъ ему имѣть дѣло преимущественно съ грубыми фактами, съ наглядностью—съ *доказательствами* —и, сурово косясь на *улики,* указывалъ на собственное сознаніе какъ на «лучшее доказательство всего міра». Во всемъ ходѣ судьбища, во всемъ механическомъ измѣриваніи и взвѣшиваніи вины—живой человѣкъ, о которомъ шла рѣчь, стоялъ на заднемъ планѣ и былъ лишь *нумеромъ* дѣла. Онъ всплывалъ наружу, въ самомъ концѣ, не для того, чтобы защищаться, чтобы проявить свою живую, конкретную личность, а лишь для подписки подъ постановленнымъ уже приговоромъ. Онъ былъ чѣмъ-то отвлеченнымъ, неимѣющимъ плоти и крови.

Этому *отвлеченному* подсудимому соотвѣтствовало и *отвлеченное* наказаніе. Ибо, что знали мы о главнѣйшемъ нашемъ наказаніи—Сибири, кромѣ того, что изображено въ XIV и XV томахъ свода законовъ и въ учебникахъ? Долгое время, для большинства русскихъ юристовъ, Сибирь представлялась чѣмъ-то въ родѣ «погибельнаго Кавказа» для нашего простолюдина. Предъ ихъ умственнымъ взоромъ не возникало никакихъ реальныхъ представленій о томъ, какъ именно живется тамъ, въ насильственномъ сообществѣ, среди суровыхъ условій и суровой природы; жизнь каторжника, поселенца за Ураломъ, была почти невѣдома и не давала о себѣ знать ни яркими картинами, ни скорбными зву-

ками. И эти люди, и учрежденія, ихъ вмѣстившія и ими управлявшія, ускользали отъ практическаго изученія. Рудники Сибири, точно исполняя завѣтъ Пушкина, «хранили гордое молчанье»...

Необходимо было обновленіе. Въ одной сферѣ—въ судѣ, оно и свершилось вполнѣ. Въ другой—въ наказаніи и его организаціи въ тюрьмѣ и ссылкѣ—оно повидимому начинаетъ свершаться. Но для плодотворности этого обновленія необходимъ былъ отвѣтъ на указанные мною вопросы, отвѣтъ, почерпнутый изъ жизни, данный опытомъ, явившійся плодомъ глубокой думы и истекавшій изъ неменѣе глубокаго сердца.

Судьба благоволила къ нашему развитію въ этомъ отношеніи. Она нашла человѣка, который сумѣлъ дать именно такой отвѣтъ,—она дала намъ *Ѳедора Михайловича Достоевскаго.* Кто изъ образованныхъ русскихъ людей не знакомъ съ капитальными произведеніями его: *«Записки изъ мертваго дома»* и *«Преступленіе и наказаніе»?* Кто не почувствовалъ на себѣ вліяніе этихъ страницъ, которыя однѣ, сами по себѣ, давали бы своему автору право на мѣсто въ русскомъ вестминстерскомъ аббатствѣ—если бы мы умѣли его устроить для людей, составляющихъ нашу гордость...

Вамъ памятны, безъ сомнѣнія, всѣ подробности «Преступленія и наказанія»—этой трогательной эпопеи, гдѣ художникъ ведетъ читателя по ступенямъ всякаго рода «паденій», а заставивъ его перестрадать ихъ въ душѣ, мирить его, въ концѣ концовъ, съ падшими, въ которыхъ, сквозь преходящую оболочку порочнаго, преступнаго человѣка, сквозятъ нарисованныя съ любовью и горячею вѣрою вѣчныя черты несчастнаго «брата». Созданные имъ въ этомъ романѣ образы не умрутъ, по художественной силѣ своей. Они не умрутъ и какъ примѣръ благороднаго, высокаго умѣнья находить «душу живу» подъ самой грубой, мрачной, обезображенной формой—и, раскрывъ ее, съ состраданіемъ и трепетомъ, показывать въ ней то тихо тлѣющую, то ярко горящую примирительнымъ свѣтомъ—искру Божію...

Но я хочу указать на другую сторону этого произведенія, придающую ему въ нашихъ глазахъ еще особую цѣну. Въ немъ затронуты всѣ или почти всѣ вопросы уголовнаго изслѣдованія, И какъ вдумчиво и всесторонне затронуты! Вы имѣете въ немъ полную картину *внутренняго развитія преступленія,* сложнаго по замыслу, страшнаго по выполненію,—отъ самаго зарожденія мысли о немъ до пролитія крови, которымъ заключился ея роко-

вой ростъ. Картина написана незабываемыми чертами и съ самымъ широкимъ взглядомъ на предстоящую задачу. Вездѣ, въ этой картинѣ, *мысль* о преступленіи, какъ зерно, тѣсно связана съ *почвою,* на которую падаетъ. Она не развивается сама изъ себя, путемъ логическаго процесса,—она вездѣ находитъ приготовленную жизнью почву, которая воспринимаетъ и возвращаетъ ее. Эта жизненная связь проходитъ чрезъ весь романъ и придаетъ ему такую поразительную правдивость. Можно прослѣдить, какъ начинаетъ замирать и ослабѣвать мысль о преступленіи — и какъ, получивъ новый толчокъ, новое питаніе въ житейской обстановкѣ, она возрождается съ еще большею силою и стремительностью.

Задавленный бѣдностью, оскорбленный и раздраженный неудачами, болѣзненно чуткій, нѣжный и впечатлительный студентъ Раскольниковъ видитъ какъ все болѣе и болѣе сжимается кругъ тѣснящей его нужды, за предѣлами котораго тщетно выбивается изъ силъ скорбная фигура его любящей матери. Молодыя силы напрасно ищутъ исхода. Почти неизбѣжный въ страдающей душѣ затеряннаго въ огромномъ и чуждомъ городѣ человѣка вопросъ о *правѣ* сытыхъ, спокойныхъ, способныхъ жить только для себя, безплодно и бездушно,—возникаетъ и у Раскольникова. Случайно подслушанный разговоръ о злобной закладчицѣ, сидящей «сторожевою тѣнью» на сундукахъ, гдѣ безполезно лежатъ средства для развитія однихъ, для спасенія отъ гибели другихъ—порождаетъ мысль о правѣ этой «вши» на существованіе. И тутъ въ первый разъ, какъ змѣйка, мелькаетъ мысль объ отнятіи этого права. Она еще неопредѣленна,—еще она не коснулась практическихъ вопросовъ, еще *какъ* и *какимъ образомъ* не существуютъ,—но она упала на подготовленную голодомъ, нуждою, уныніемъ почву. Это зерно уже не склюютъ придорожныя щебетуньи, а мрачныя птицы отчаянія, летающія надъ душею Раскольникова, для зерна этого не опасны. Въ долгіе дни сумрачной думы больная фантазія рисуетъ мало-по-малу картины практическаго осуществленія; въ обдумываніи его, безъ всякой вѣры въ его серьезность и возможность, но безъ освѣжающихъ умъ картинъ, проходитъ время. И вотъ «проба»—и вдругъ встаетъ съ ясностью эта возможность, осуществимость предпріятія. Будущая *удобная* обстановка съ назойливой очевидностью бросается въ глаза. Зерно всходитъ на поверхность молодымъ побѣгомъ. Змѣйка, свившая себѣ гнѣздо въ душѣ Раскольникова, приходитъ въ движеніе. Вы знаете, какъ она будетъ расти, и скользить, и извиваться въ борьбѣ съ добры-

ми порывами и свѣтлыми мыслями. У ней есть точка опоры:—то, что *предполагалось*, оказалось *возможнымъ*. Но возможность эта такъ отвратительна, что все, кажется, можетъ кончиться презрительнымъ смѣхомъ надъ собою и омерзѣніемъ при мысли «на какую гадость способно, однако, *мое* сердце!» Нѣтъ! этимъ не кончится... Жизнь иногда не знаетъ пощады—и противъ измученной души Раскольникова, послѣдовательно, одинъ за другимъ, пойдутъ безсознательнымъ, но побѣдоноснымъ походомъ—и кающійся пьяница Мармеладовъ, и «худенькая, блѣдненькая, съ кроткимъ голоскомъ» Соня, продавшая себя чужимъ дѣтямъ и «мачихѣ, злой и чахоточной», и сама эта глубоко несчастная мачиха «съ красными пятнами на щекахъ», и голодныя дѣти, и весь ужасъ безвыходнаго страданія и ежечасныхъ толчковъ нищеты. А затѣмъ, среди вихря скорбныхъ и озлобленныхъ думъ, раздастся одна, все покрывающая нота, звучащая изъ смоченнаго слезами Раскольникова письма его матери. Она подавитъ все—и, вызывая въ немъ горькое сопоставленіе Сони, которая «чистоту наблюдать должна», съ сестрою, выходящею за «*кажется* добраго» человѣка—вновь, съ ужасающею силою, заставитъ вырости мысль объ убійствѣ. То, что было *мечта* вчера, что казалось *возможнымъ* сегодня утромъ—созрѣетъ въ *необходимое* къ вечеру. Не обойдется однако безъ послѣдней борьбы. Волнуемое негодованіемъ, подавленное мыслью объ убійствѣ, сердце не въ силахъ бороться съ умомъ, болѣзненно бодрствующимъ и ревниво оберегающимъ свою мечту, готовую перейти въ дѣйствительность. Но когда сонъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ усталую голову Раскольникова, на сырой землѣ Александровскаго парка, со дна души его поднимаются видѣнія—и вся звѣрская, дикая сторона убійства встаетъ съ ужасающею правдою въ образахъ, связанныхъ съ чистѣйшими воспоминаніями дѣтства... Смерть несчастной савраски, не шедшей «вскачь»,—послѣдній протестъ здоровыхъ началъ въ душѣ Раскольникова—протестъ потрясающе-краснорѣчивый, но безплодный, ибо мысль объ убійствѣ уже созрѣла вполнѣ и всецѣло завладѣла имъ. Нуженъ лишь толчокъ—пустой, слабый, но имѣющій непосредственную связь съ этою мыслью—и все окрѣпнетъ, и рѣшимость поведетъ Раскольникова «не своими ногами» на убійство... Такъ, поставленный подъ ночное тропическое небо, сосудъ съ водою, утратившею свой лучистый теплородъ, ждетъ лишь толчка, чтобы находящаяся въ немъ влага мгновенно отвердѣла и обратилась въ ледъ.—«Семой часъ давно!» кричитъ кто-то на дворѣ, т. е. часъ, когда закладчица дома одна,—и этотъ толчокъ

данъ, и предъ нами потрясающая картина двухъ преступленій. Одно—задумано и обдумано заранѣе и приведено въ исполненіе съ рѣдкою послѣдовательностью; другое — неожиданное, роковое, внезапное...

Нужно ли говорить о реализмѣ этихъ картинъ, — подавляющемъ реализмѣ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ,—когда извѣстные громкіе процессы Данилова и Ландсберга придали этимъ картинамъ и подробностямъ характеръ какого-то мрачнаго и чуткаго предсказанія? Нужно ли говорить о художественномъ и тонкомъ изображеніи рядомъ двухъ видовъ убійства—предумышленнаго и умышленнаго,—столь близкихъ по формѣ, столь различныхъ по внутренней структурѣ, по происхожденію?! Но позвольте обратить ваше вниманіе на то, что *такое* ясное, безспорное, рельефное разграниченіе этихъ видовъ явилось подъ перомъ Достоевскаго за *пять* лѣтъ до того, когда оно нашло себѣ, наконецъ, законное выраженіе въ вышедшемъ на время изъ своей летаргіи уложеніи о наказаніяхъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ Раскольниковѣ изображенъ исключительный, рѣдкій случай,—что нищета, оскорбленная гордость, ожесточеніе, выработавшія въ немъ странную и больную теорію, положившія ее въ основаніе преступленія, гораздо рѣже толкаютъ на этотъ путь, чѣмъ страсть. Пусть изобразятъ человѣка въ болѣе хорошихъ условіяхъ жизни, пусть изобразятъ сытаго и хладнаго сердцемъ и укажутъ, какъ закрадывается къ нему страсть и ведетъ его на преступленіе... Достоевскій отвѣтилъ и на такое требованіе. Онъ создалъ, рядомъ съ ложно направленнымъ умомъ и «бунтующимъ» сердцемъ Раскольникова, мрачную, чувственную, возбуждающую болѣзненное любопытство фигуру Свидригайлова, сытаго и обезпеченнаго человѣка, подъ внѣшнимъ спокойствіемъ и порядочностью котораго бьется снѣдающая страсть физическаго обладанія, готовая на все, чтобы только вырваться на свободу... Утонченный развратникъ, убійца «купившей» его жены и въ свою очередь собирающійся «купить» себѣ у разслабленнаго отца и «разсудительной мамаши» «неразвернувшійся бутончикъ» — Свидригайловъ представляетъ такую полную картину наростанія страсти къ Дунечкѣ, что сердце невольно замираетъ и ждетъ,—сжившись съ героями романа, какъ съ живыми лицами,—чего-то недобраго когда онъ ведетъ къ себѣ чистую въ своемъ гордомъ довѣріи дѣвушку. И трудно себѣ представить болѣе глубокое, болѣе поразительное изображеніе борьбы страсти съ остаткомъ, со слабымъ свѣтомъ чести, который неожиданно и въ послѣдній разъ вспыхи-

ваетъ въ Свидригайловѣ, когда онъ отпускаетъ Дунечку изъ глухой засады, послѣ того, какъ она истощила всѣ средства защиты... Какую картину *необходимой обороны*, какой яркій, лихорадочно развивающійся образъ человѣка, *останавливающагося по собственной волѣ въ насильственномъ покушеніи* на цѣломудріе дѣвушки—найдетъ здѣсь юристъ! Какой анализъ этой *остановки* въ преступномъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ окрѣпшей на минуту въ неравной борьбѣ воли, которую вотъ-вотъ—если только не успѣетъ ускользнуть обреченная жертва—раздавитъ страсть, торжествуя свою животную побѣду!

Но не одно внутреннее содержаніе преступленія нашло себѣ выраженіе въ знаменитомъ романѣ. Способы изслѣдованія истины въ уголовномъ дѣлѣ, пріемы отыскиванія и оцѣнки фактовъ, изъ которыхъ слагается вѣрная картина, которыми освѣщается та или другая сторона дѣла,—все это затронуто Достоевскимъ съ глубокимъ пониманіемъ и прочнымъ знаніемъ. Современная уголовная практика выдвигаетъ на первый планъ *улику*, т. е. безразличный самъ по себѣ фактъ, имѣющій значеніе только по отношенію къ нему заподозрѣннаго въ преступленіи человѣка. Изученіе—внимательное и всестороннее—этого *отношенія* и составляетъ главную задачу изслѣдователя. Такимъ изслѣдователемъ является умный, тонкій, лукаво-простодушный, но добрый и благородный въ душѣ Порфирій Петровичъ. Черезъ весь романъ проходитъ его борьба съ Раскольниковымъ—и въ ней постоянно слышится отрицаніе всѣхъ устарѣлыхъ и негодныхъ сторонъ существовавшаго въ то время порядка судопроизводства. Вся она состоитъ изъ медленнаго, исполненнаго законной осторожности и недовѣрія къ первому впечатлѣнію, собиранія уликъ, которыя, слагаясь въ различныя сочетанія, то падая и разрушаясь, то пріобрѣтая неожиданную окраску, приводятъ, наконецъ, слѣдователя къ умственному итогу—убѣжденію въ виновности Раскольникова. Въ этой постоянной сложной и безпристрастной работѣ соображенія и опыта, анализа и воображенія, состоитъ и заслуга, и задача человѣка, приступающаго къ изслѣдованію преступленія. Въ ней, а не въ грубомъ выдвиганіи матеріальныхъ доказательствъ—дѣло. Что такое могутъ быть эти доказательства, какое роковое для правосудія значеніе могутъ они получить при одной лишь внѣшней оцѣнкѣ—показываетъ мастерски изображенный эпизодъ съ несчастною Сонею въ день похоронъ ея отца, когда и ея «желтый билетъ», и два свидѣтеля, и *поличное*, найденное у нея въ карманѣ, такъ несомнѣнно *доказываютъ* виновность этого самоотверженнаго созданія въ кражѣ.

Взгляните затѣмъ на внутреннюю силу «лучшаго въ мірѣ доказательства»—собственнаго сознанія, въ заявленіи *Миколки*, настойчивомъ и повидимому *согласномъ съ обстоятельствами дѣла*,—продиктованномъ ему страхомъ предъ тѣмъ, что его, во всякомъ случаѣ «засудятъ» и особымъ психологическимъ процессомъ, возникшимъ въ душѣ, жаждущей очищенія. Обратитесь къ такому спеціальному вопросу какъ принятіе *мѣръ пресѣченія*—и вы найдете въ разговорахъ Порфирія съ Раскольниковымъ о томъ, почему *онъ* не убѣжитъ, глубокую, житейски-вѣрную мысль объ *индивидуализаціи* этихъ мѣръ, нашедшую себѣ затѣмъ выраженіе къ ст. 421 Устава угол. суд.

Но рисуя широкою кистью примѣненіе психологическихъ пріемовъ при изслѣдованіи преступленія, Достоевскій, устами своего слѣдователя, остерегаетъ и отъ злоупотребленія ими. Психологія «о двухъ концахъ»,—это оружіе острое и опасное, для него нужна прочная рукоять, нужна «черточка», хоть «самая махонькая», хоть одна, но только такая, «чтобы ужъ этакъ руками взять можно, чтобы уже вещь была, а не то, что одна эта психологія».. Драгоцѣнное правило, живучее и нужное и теперь для судебныхъ дѣятелей, чтобы напомнить имъ о фактической точкѣ опоры, неизбѣжной для того, чтобы психологическія построенія ихъ были орудіемъ правосудія, а не проявленіемъ лишь находчиваго ума, работающаго in anima vili.

Было бы лишнимъ указывать, затѣмъ, на изображеніе того внутренняго процесса своего *собственнаго* наказанія, который такъ нерѣдко, быть можетъ невидимо для окружающихъ, происходитъ въ душѣ преступника, когда къ нему приходитъ «нежданный гость, докучный собесѣдникъ, заимодавецъ жадный»—совѣсть. Всякій, кто читалъ «Преступленіе и наказаніе», выстрадалъ это изображеніе и истомился муками Раскольникова. Это наказаніе, эта пестрая игра тревогъ, надеждъ отвращенія къ себѣ и ужаса, подымаетъ его изъ паденія. Идучи принимать внѣшнее наказаніе, онъ уже очищенъ внутреннимъ страданіемъ, и тотъ затаенный судъ, который Богъ вложилъ въ душу человѣка, уже совершилъ свое дѣло и открылъ скорбному и разбитому серду новые, болѣе широкіе горизонты... И внѣшнее наказаніе является желаннымъ концомъ предъ началомъ новой жизни. Этого наказанія также ищетъ дрогнувшая, но не порочная душа Раскольникова, истомленная сознаніемъ безплодности совершеннаго злодѣянія и отсутствіемъ малѣйшаго намека на нравственное удовлетвореніе,—какъ ищетъ смерти Свидригайловъ, тяготящійся пустотою и ничтожествомъ опозоренной развратомъ жизни.

Мы знаемъ изъ судебнаго опыта, какимъ важнымъ элементомъ въ изученіи преступленія являются различныя типическія болѣзненныя состоянія. Больныхъ, слабыхъ и искаженныхъ умственно — много въ жизни, много и предъ судомъ, — больше, чѣмъ это можно бы предполагать. Законъ ставитъ твердыя рамки для оцѣнки ихъ состоянія,—но юристъ не можетъ закрывать глаза на вліяніе этого состоянія, какъ на пріемы изслѣдованія, такъ и на его конечные результаты.

Три рода больныхъ, въ широкомъ и въ техническомъ смыслѣ словъ, представляетъ намъ судебная практика; это—*больные волею, больные разсудкомъ* и больные, если можно такъ выразиться, отъ *неудовлетвореннаго духовнаго голода.* И о каждомъ изъ этихъ больныхъ сказалъ Достоевскій свое человѣчное, вѣское слово, въ высоко-художественныхъ образахъ.

Къ первому типу принадлежатъ, по большей части, *горькіе пьяницы*, жертвы горя, топимаго въ винѣ, — и отсутствія здоровыхъ удовольствій, отыскиваемыхъ въ немъ же. Предъ нами Мармеладовъ «образа звѣринаго и печати его», сознающій, что губитъ семью, что довелъ дочь до торговли собою, что отнимаетъ у нея послѣдній грошъ, нужный ей «на сію чистоту», и немогущій оторваться отъ штофа, который одновременно и будитъ, и губитъ въ немъ лучшіе порывы добраго сердца и кроткой, вѣрующей души,—губитъ нещадно, *«ибо черта его наступила».* Мы знаемъ, какъ и послѣ какой неслышной борьбы и испытаній наступила для него роковая черта, столь часто, горестно-часто играющая роль въ уголовныхъ дѣлахъ...

Представители второго типа—*душевно больные.* Судебные уставы, въ статьяхъ 353—356 Уст. угол. суд. выдвинули на надлежащее мѣсто и поставили на должную высоту *освидѣтельствованіе умственныхъ способностей обвиняемаго*, нарвственно обязавъ юриста-практика изучать общія основанія науки о патологическихъ состояніяхъ души. Но едва ли найдется много научныхъ изображеній этихъ состояній, которыя могли бы затмить глубоко вѣрныя картины душевныхъ разстройствъ, самыхъ сложныхъ, самыхъ тонкихъ,—разсыпанныя въ такомъ множествѣ по всѣмъ сочиненіямъ Достоевскаго. Въ особенности разработаны имъ отдѣльныя проявленія элементарныхъ разстройствъ психической сферы—преимущественно чувственныя аномаліи: галлюцинаціи и иллюзіи. Стоитъ указать на *галлюцинаціи*, на ложныя представленія у Раскольникова; когда, весь отдавшись преслѣдующимъ его видѣніямъ, онъ идетъ ночью въ квартиру убитой закладчицы,—или когда онъ,

въ полузабытьи, видитъ, что бьетъ ее по головѣ, а она все наклоняется, все хохочетъ неслышно и язвительно, а на лѣстницѣ шумитъ цѣлое море голосовъ все поднимающейся, все прибывающей толпы... Стоитъ припомнить мучительныя *иллюзіи* и бредъ, и ложныя представленія Свидригайлова—въ холодной комнаткѣ грязнаго трактира въ паркѣ, когда загубленное имъ непорочное дитя то лежитъ передъ нимъ въ святой тишинѣ смерти, то вдругъ раскрываетъ ему, въ другомъ образѣ, сладострастныя объятія. Изображеніе острыхъ, рѣзкихъ, быстро надвигающихся душевныхъ разстройствъ такъ же глубоко у Достоевскаго, какъ изображеніе постепеннаго развитія меланхоліи, со смѣшанною идеею преслѣдованія и величія, у Гоголя, въ его безсмертномъ «Фердинандѣ VII»... Въ обоихъ случаяхъ, прòвидѣніе художника и великая сила творчества создали картины, столь подтверждаемыя научными наблюденіями, что ни одинъ психіатръ не отказался бы подписать подъ ними свое имя, вмѣсто имени поэта скорбныхъ сторонъ человѣческой жизни. Достоевскій придавалъ огромное значеніе изученію болѣзненныхъ состояній души. Мысль о возможности осужденія *дѣйствительно* больного умственно человѣка тревожила и волновала его до крайности. «Дневникъ Писателя» за 1876 годъ содержитъ въ себѣ пламенныя страницы, посвященныя защитѣ Корниловой, обвинявшейся въ выкинутіи изъ окна своей маленькой падчерицы. Цѣлымъ рядомъ доводовъ о вліяніи беременности на умственное разстойство и о томъ извращенномъ процессѣ мыслей, который вызывается беременностью, онъ доказывалъ неправильность приговора и заявлялъ, что судъ и присяжные ошиблись, что Корнилова не должна, не можетъ быть наказана. Строки, которыми онъ привѣтствовалъ оправданіе ея, послѣ вторичнаго, вызваннаго кассаціею, разсмотрѣнія дѣла, дышатъ самою горячею, захватывающею радостью и справедливою гордостью человѣка, одиноко поднявшаго голосъ противъ совершившейся ошибки.

Многихъ людей объемлетъ собою третій типъ—страждущихъ *духовнымъ голодомъ*. Къ нему относятся всѣ, кто не находитъ отвѣта на выставляемые смущенною душою «вѣчные» вопросы, которыхъ не можетъ заглушить ни суета жизни, ни злоба дня,—всѣ, кто тщетно ждетъ наставленія и руководительства для разъясненія недремлющихъ тревогъ своихъ и сомнѣній,—всѣ кто проситъ хлѣба и получаетъ камень... Ихъ рисовалъ Достоевскій съ особою любовью и знаніемъ,—имъ старался онъ откликнуться въ произведеніяхъ своихъ послѣднихъ годовъ. Недостатокъ времени и слож-

ность задачи не даютъ мнѣ возможности очертить предъ вами съ надлежащею полнотою глубокое значеніе представителей этого типа для вдумчиваго юриста. Но я позволю себѣ указать на тѣхъ изъ этихъ представителей,—одностороннихъ и нерѣдко дикихъ въ своихъ взглядахъ и проявленіяхъ, но живыхъ и цѣльныхъ по натурѣ,—которыхъ касался Достоевскій и съ которыми юристу-практику приходится встрѣчаться въ своей дѣятельности. Я говорю о сектантахъ. Они мелькаютъ въ «Мертвомъ домѣ», они выступаютъ въ лицѣ *Миколки* въ «Преступленіи и наказаніи». Отсутствіе живого общенія съ живою церковью,—вѣковѣчный трудъ и унылая, сѣрая, суровая природа—сказались и на ученіи, и на обрядахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сектантовъ. За этими обрядами, на которыхъ лежитъ нерѣдко отпечатокъ мрачнаго отношенія къ жизни, иногда скрывается особое стремленіе—необычное и, во всякомъ случаѣ, возвышенное. Это—стремленіе «принять страданіе»... Наше уголовное законодательство не принимаетъ въ разсчетъ этого стремленія и односторонне обрушивается своими уголовными карами, своими стѣсненіями на обряды, на «оказательство», видя въ нихъ цѣль и центръ тяжести дѣятельности разныхъ сектантовъ. Но не эти обряды, а принятіе страданія, котораго ищетъ, какъ исхода, бродящая во тьмѣ и жаждущая истины душа,—вотъ что составляетъ главную внутреннюю силу этихъ сектантовъ, силу, предъ которой уголовная кара не только обращается въ ничто, но является какъ горячо ожиданная помощь на пути къ вѣчному спасенію. На эту сторону постоянно указывалъ Достоевскій, и это стремленіе олицетворилъ въ своемъ Миколкѣ, въ которомъ просыпается жажда страданія, толкающая его на сознаніе въ убійствѣ, въ чемъ онъ неповиненъ.

Если окинуть умственнымъ взоромъ время перехода нашего суда отъ отжившихъ старыхъ формъ къ новымъ,—окинуть его во всей широтѣ различныхъ его проявленій, — нельзя не замѣтить, что на границахъ этого перехода, какъ выразитель его необходимости, какъ нравственный наставникъ, стоитъ Достоевскій... Заступникъ за униженныхъ и оскорбленныхъ, другъ падшихъ и слабыхъ—онъ выдвигаетъ ихъ впередъ, онъ является борцомъ за *живого человѣка*, котораго такъ недоставало старому порядку и котораго онъ намъ *такъ* изобразилъ во всѣхъ его душевныхъ движеніяхъ, подлежавшихъ изученію подготовлявшагося тогда новаго суда. И въ этомъ его великая заслуга предъ русскимъ судебнымъ дѣломъ, предъ русскими юристами!

Таковъ Достоевскій, какъ художникъ и мыслитель, относительно

преступленія. Еще больше, быть можетъ, его заслуга по отношенію къ *наказанію.* Онъ первый познакомилъ насъ съ русскою каторгою, съ *дѣйствительною* Сибирью и напомнилъ живымъ, пробуждающимъ мысль, берущимъ за сердце содержаніемъ клѣточки карательной схемы, которую чертила намъ теорія. Онъ повелъ читателя въ гробницу живыхъ людей, скученныхъ вмѣстѣ, но страдающихъ одиноко и разно, и на вратахъ ея написалъ свое lasciate ogni speranza—«человѣкъ есть существо ко *всему* привыкающее». Онъ показалъ это *все* безъ злобы, безъ ироніи, безъ идеализаціи и преувеличенія. Живою картиною встаютъ подъ его перомъ стѣны каторжнаго острога, а въ этихъ стѣнахъ каторожные порядки, а въ порядкахъ этихъ сдавленные, приниженные люди. Надломленные—да! но не *обезличенные.* У каждаго сохранена и подмѣчена его личность, въ каждомъ указаны характеристическія черты и общія человѣческія чувства, пробивающіяся сквозь арестантскій халатъ. Не сѣрой массою, надъ которою безучастно и точно продѣлываются карательныя предписанія, а живымъ организмомъ, съ разнообразными личными оттѣнками, является населеніе «Мертваго Дома». Представители его длинною вереницею проходятъ предъ нами. Тутъ и настоящіе, мрачно молодечествующіе злодѣи, бредящіе по ночамъ о крови и о ножахъ, и незлобивые, простые люди, и угрюмые изувѣры, и молчаливо страждующіе поляки, и дѣтски довѣрчивые Алей и Нурра—эти горные орлы, тоскующіе по своимъ роднымъ вершинамъ,—и всѣ они согрѣты любовью автора, всѣ облечены въ плоть и кровь, на всѣхъ брошенъ лучъ примиренія, всѣмъ сказано слово искренняго, христіанскаго участія. Вся жизнь каторжной тюрьмы постепенно развертывается предъ нами, и новый міръ, ужасный извнѣ, оригинальный внутри, любопытный въ началѣ, трогательный въ концѣ, возникаетъ въ освѣщеніи трезвой правды. Арестантскія ссоры и похвальбы, работы и отдыхъ, арестантская поэзія и театръ,—все, до каторожныхъ животныхъ включительно, встаетъ какъ живое.

Посмотрите, сколько среди этого разбросано глубокихъ мыслей объ организаціи наказанія, о его вліяніи. Достоевскій, въ самомъ началѣ, становится на новую точку зрѣнія, глубоко психологическую, относительно пребыванія въ общей тюрьмѣ, со всѣми. Не необходимость жить съ людьми другого развитія и быта страшитъ его при вступленіи въ мертвый домъ,—нѣтъ, онъ сумѣетъ найти въ своей душѣ общія съ ними точки соприкосненія для мирнаго сожительства,—но страшна мысль, что никогда, никогда не

придется быть *одному!* Въ этотъ принудительномъ сообществѣ заключается, по его опыту, особая тяжесть тюрьмы, и къ этой мысли онъ не разъ возвращается, доказывая, что у человѣка никогда не слѣдуетъ отнимать возможности быть хоть нѣкоторое время одному,—что ему это также необходимо, какъ необходимо для каждаго человѣка, будь то Мармеладовъ или Карамазовскій капитанъ съ «мочалкою»—имѣть хоть одно такое мѣсто «куда можно пойти», хоть одно существо, которое и «его рода человѣка любитъ».

Но онъ вовсе не склоняется къ другой крайности, къ столь сильному, въ послѣднее время, увлеченію одиночною системою заключенія. Эта система полна, по его мнѣнію, ложныхъ и обманчивыхъ достоинствъ. «Она высасываетъ сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее—и потомъ, нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго, представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія...» Пусть тюрьма не усугубляетъ наказанія человѣка, отнимая у него возможность *уединенія*, но пусть она и не разрушаетъ его нравственно и физически, навязывая ему *одиночество*. Таковъ выводъ, который невольно вытекаетъ изъ взглядовъ Достоевскаго на внутреннюю организацію тюрьмы. «Нельзя живого человѣка сдѣлать трупомъ», восклицаетъ онъ—и постоянно, настойчиво, не словами только, а цѣлыми образами протестуетъ противъ ненужнаго униженія, противъ обезличія арестанта, рисуя во многихъ мѣстахъ яркія картины вспышекъ придавленной личности, не могущей не заявить о своихъ человѣческихъ, не отнятыхъ наказаніемъ правахъ. Говоритъ ли онъ о необходимости индивидуализировать наказаніе, чтобы избѣжать его жестокой неравномѣрности,—указываетъ ли онъ на тягость каторжныхъ работъ, состоящую не въ ихъ трудности, а въ ихъ безплодности въ глазахъ арестанта, оскорбляющей его и отнимающей у него энергію,—высказываетъ ли предположеніе, что совершенная *безсмысленность* принудительной работы могла бы вызвать рядъ самоубійствъ,—дѣлаетъ ли увлекательный очеркъ вліянія первыхъ признаковъ весны на зарожденіе у каторжныхъ тоски по «волѣ» и мысли о побѣгѣ,—во всемъ звучитъ гуманный призывъ видѣть въ обитателѣ мертваго дома прежде всего живую личность и уважать ея человѣческое достоинство, ни въ комъ совершенно не заглохшее. Въ этомъ призывѣ—величайшее достоинство «Записокъ изъ мертваго дома»...

Достоевскій не остановился однако на аналитическомъ изображе-

ніи каторги. Есть наказаніе выше—и споры о немъ, о его цѣлесообразности и справедливости давно уже раздѣляютъ юристовъ и политиковъ на два неравныхъ лагеря. Этотъ вѣчный вопросъ—eine ewige Frage уголовнаго права—смертная казнь. И по отношенію къ ней Достоевскій высказался прямо и безповоротно. Нельзя не прислушаться къ тому, что скажетъ объ отнятіи жизни у отдѣльнаго лица цѣлымъ обществомъ писатель, который такъ умѣлъ описать весь ужасъ, все безчеловѣчіе убійства, какъ преступленія. Въ горячихъ словахъ своего «Идіота» онъ строго осудилъ смертную казнь, какъ нѣчто еще болѣе жестокое, чѣмъ преступленіе. Какъ бы продолжая потрясающій разсказъ Виктора Гюго о послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти, обрывающійся въ виду эшафота,—Достоевскій пошелъ съ преступникомъ на этотъ эшафотъ и описалъ, въ негодующихъ выраженіяхъ, ту «четверть секунды», когда «склизнетъ надъ головою ножъ...» Это описаніе, чрезвычайно сильное въ своей краткости, эта защита «надежды» въ человѣкѣ—не могутъ не укрѣплять противника, не могутъ не заставить еще разъ строго провѣрить свои взгляды серьезнаго защитника смертной казни. И въ этомъ новая заслуга мыслителя-художника.

Мнѣ хочется сказать еще объ одной особенности Достоевскаго. Онъ былъ вѣчный заступникъ, вѣчный защитникъ слабыхъ. Онъ отдалъ поэтому свое сердце, со всѣми звуками и слезами, которые таились въ немъ,—дѣтямъ. На страницахъ его сочиненій всегда звучитъ призывъ къ внимательному и любящему изученію дѣтской души, приходящей въ столкновеніе съ суровымъ реализомъ жизни. Эта черта его, общая съ великимъ англійскимъ романистомъ, съ Диккенсомъ, всегда будетъ бросать особый свѣтъ на его произведенія. Только художникъ съ нѣжно-любящею, отзывчивою душою могъ такъ просто, правдиво и задушевно описать, какъ «входитъ горькая правда жизни» въ ребенка, какъ негодуетъ, страдаетъ и плачетъ сердце его при несправедливости или жестокости. Онъ безгранично любилъ дѣтей и старался своимъ словомъ и нерѣдко дѣломъ ограждать ихъ и отъ насилія, и отъ дурного примѣра. «Дневникъ Писателя» переполненъ самыми сердечными страницами о дѣтяхъ. Но съ дѣтьми—для юриста связанъ, помимо святой задачи ихъ защиты отъ насилія и нравственной порчи, еще одинъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ тюрьмовѣдѣнія—вопросъ о примѣненіи къ нимъ уголовной кары. Для уясненія, для правильной постановки этого вопроса, Достоевскій сдѣлалъ не мало, и всякій, кто захочетъ вдумчиво подвергать дѣтей карательному исправленію, не разъ долженъ будетъ искать совѣта, разъясненія,

поученія на страницахъ, написанныхъ ихъ усопшимъ другомъ и заступникомъ. Онъ зналъ ихъ. Они вѣрили ему, шли къ нему съ любовью, слушали его съ серьезнымъ, искреннимъ вниманіемъ. Надо было видѣть его, окруженнаго дѣтьми,—какъ видѣлъ его я,—въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и въ камерахъ Литовскаго замка,—слышать его безыскуственный разговоръ безъ чуждо-звучащаго для дѣтей «вы», и ихъ горячія просьбы «поговорить еще» или «пріѣхать опять», чтобы понять, какая сила внутренняго сродства съ душою «малыхъ сихъ» жила въ его многолюбящей душѣ... Не въ тюремной дисциплинѣ, не въ правильно организованномъ трудѣ даже, видѣлъ онъ *главное* средство исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. «Эти дѣтскія души видѣли мрачныя картины и привыкли къ сильнымъ впечатлѣніямъ—говорилъ онъ,—эти картины и впечатлѣнія останутся при нихъ навѣки и будутъ сниться имъ всю жизнь въ страшныхъ снахъ. Съ *этими ужасными впечатлѣніями* надобно войти въ борьбу исправителямъ и воспитателямъ дѣтей, искоренить ихъ и насадить новыя...» Таковъ его завѣтъ. Онъ труденъ, онъ не укладывается въ ординарныя рамки—но вѣдь и цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, не ординарна по своей высотѣ.

Далеко не все успѣлъ сказать я о Достоевскомъ, желая помянуть благодарнымъ словомъ его память. Но и сказаннаго, мнѣ думается, достаточно...

На широкомъ поприщѣ творческой дѣятельности онъ дѣлалъ то же, къ чему стремимся мы въ нашей узкой, спеціальной сферѣ. Онъ стоялъ всегда за нарушенное, за попранное право, ибо стоялъ за личность человѣка, за его достоинство, которыя находятъ себѣ выраженіе въ этомъ правѣ. Изъ явленій матеріальной и духовной жизни, проходящихъ предъ нашими глазами отрывками, представляющихъ какъ бы кусочки мозаики,—онъ, силою своего великаго таланта, создалъ цѣлую картину, скрѣпивъ ея части одною внутреннею связью. На вратахъ дорогого намъ зданія, называемаго Судебными Уставами, написаны слова, которыя никогда не утратятъ своего глубокаго смысла. Ими должна опредѣляться наша дѣятельность. Но не онъ ли такъ жадно искалъ *правды* всю свою жизнь и такъ ревностно служилъ ей?.. Не у него ли, черезъ все, что творилъ онъ, какъ красная нить, политая слезами, проходитъ идея *о милости*, призывъ къ снисхожденію, къ пониманію падшихъ и несчастныхъ?.. Изъ тяжелыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Сибири онъ вынесъ любящее и прощающее сердце и озарилъ свѣтомъ, исходящимъ изъ него, «темныя пропасти земли».

Почтимъ же память того, кто старался освѣтить и намъ вѣрный путь и въ темной области уголовнаго изслѣдованія, гдѣ по невѣдѣнію, такъ легко отойти въ сторону отъ правды—и, по невниманію, не увидѣть иногда основанія для милости! Почтимъ память того, кто высоко держалъ передъ нами свой свѣточъ и, указывая, въ чемъ правда и какъ находить ее, настойчиво указывалъ на необходимость милости...

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ
ГОРБУНОВЪ.

(1898 г.).

I.

Немного лѣтъ прошло со смерти И. Ѳ. Горбунова, а столь обычное у насъ забвеніе начинаетъ уже вступать и по отношенію къ нему въ свои права. Образъ его тускнѣетъ, расплывается въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ, рисуется въ невѣрныхъ очертаніяхъ. Имя его почти ничего не говоритъ тѣмъ, кто не зналъ или не слышалъ его лично. Рѣдко кто имѣетъ возможность прочесть собраніе его, ставшихъ библіографическою рѣдкостью, разсказовъ. Едва ли найдется и много желающихъ пожертвовать кропотливымъ трудомъ и временемъ на розысканіе въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ его произведеній, напечатанныхъ послѣ 1881 года,—года послѣдняго изданія его разсказовъ. И уходитъ, такимъ образомъ, изъ памяти общества замѣчательный по своему дарованію русскій человѣкъ, умѣвшій воплощать въ сжатыхъ и яркихъ формахъ типическіе черты нашей бытовой жизни. Уходитъ—не оставивъ, въ виду своеобразности своего творчества, и преемника. Пока еще не изсякли личныя о немъ воспоминанія, пока еще помнятся, болѣе или менѣе «съ подлиннымъ вѣрно», нѣкоторые его нигдѣ не напечатанные разсказы,—необходимо постараться задержать его, не дать ему уйти совсѣмъ, необходимо попробовать отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое былъ въ своей художественной дѣятельности Горбуновъ. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ представленіе о

немъ закралось много ложнаго, что обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ и мимолетныхъ, иногда совсѣмъ непродуманныхъ, выводовъ и непровѣренныхъ впечатлѣній создало такой образъ Горбунова, который не соотвѣтствуетъ ни его душевному складу, ни дѣйствительному, внутреннему содержанію его произведеній. Многіе думаютъ и говорятъ о немъ, судя по единичнымъ встрѣчамъ, какъ о веселомъ собесѣдникѣ, о застольномъ увеселителѣ, о *забавникѣ*. Взрывы смѣха зрительной залы въ театрѣ, когда, въ чей-нибудь бенефисъ, добрый и обязательный Горбуновъ выступалъ съ новою «сценою изъ народнаго быта»,—хохотъ сотрапезниковъ, которымъ, «entre poire et fromage», кажется очень смѣшнымъ то, что разсказалъ имъ Горбуновъ,—веселое настроеніе какого-нибудь интеллигентнаго кружка, восхищеннаго тѣмъ, «какъ *это* тонко подмѣчено!» или «какъ *оно* мѣтко схвачено!»—представляются многимъ правильною оцѣнкою и опредѣленіемъ всего смысла творчества Горбунова. Но тѣ, кто думаетъ такъ, не знаютъ и не понимаютъ его. Они видятъ во внѣшнемъ, бьющемъ въ глаза, результатѣ—выраженіе сокровенной душевной работы художника,—и глубиною пониманія слушателей опредѣляютъ глубину проникновенія его въ свойство и значеніе изображаемыхъ имъ явленій.

Этотъ близорукій и поверхностный взглядъ особенно неправиленъ относительно Горбунова. Извѣстность выдающагося актера, разсказчика и вообще воплотителя житейскихъ и поэтическихъ образовъ—имѣетъ одну завидную особенность. Она не сопряжена съ нравственною отвѣтственностью. Она не влечетъ за собою ни строгаго осужденія прозрѣвшаго человѣчества, ни суда исторіи, ни угрызеній совѣсти, напоминающей о средствахъ, которыми иногда куплена слава полководства, политика, властителя. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, временна и непрочна. За извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ другихъ искусствъ или въ области государственной говорятъ—неприкосновенная цѣлость ихъ трудовъ, безчисленныя историческія и житейскія послѣдствія ихъ дѣлъ. Лютеръ, Наполеонъ и Петръ, «чей каждый слѣдъ—по словамъ кн. Вяземскаго—для сердца русскаго есть памятникъ священный»,—постоянно напоминаютъ о себѣ; Рембрандъ будетъ вѣчно говорить со своихъ удивительныхъ холстовъ, Пушкинъ — со своихъ вдохновенныхъ страницъ. Не такова судьба сценическаго дѣятеля. Его извѣстность поддерживается почти исключительно живыми свидѣтелями того, какъ прочно и глубоко вліялъ онъ на зрителей или слушателей; совокупность ихъ однородныхъ впечатлѣній и воспоминаній—создаетъ конкретный обликъ артиста. Но когда они уходятъ, а за ними слѣдуютъ и тѣ, кому они передали свои непосредственныя ощу-

щенія,—живое представленіе объ артистѣ начинаетъ быстро сглаживаться, теряя свою яркость, и громкія имена людей, потрясавшихъ сердца,—имена Кина, Гаррика, Тальмы—ничего яснаго и опредѣленнаго не говорятъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Извѣстность носителей этихъ именъ принимается на вѣру,—такъ сказать, въ кредитъ. Ссылаясь на нее, приходится, по большей части, jurare in verba magistri, не обращаясь къ критикѣ источниковъ и оставляя въ сторонѣ *современныя* требованія, предъявляемыя и къ сценическимъ произведеніямъ, и къ пріемамъ и способамъ ихъ исполненія. Имя артиста переживаетъ его дѣла; въ другихъ областяхъ нерѣдко дѣла переживаютъ имя. Хотя значительная часть разсказовъ Горбунова и была напечатана, но существовали, однако, многіе варіанты и дополненія къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ сценъ, никогда не видѣвшихъ печати и не записанныхъ даже самимъ авторомъ. Все это, вмѣстѣ съ оригинальною формою, въ которую они были облечены, и со свойственными Горбунову средствами исполненія, грозитъ кануть въ «пропасть забвенія». Наконецъ, и то, что было когда-то напечатано—въ виду своей отрывочности и обособленности, только тогда можетъ дать вѣрное понятіе о Горбуновѣ, когда будетъ подвергнуто нѣкоторому анализу и группировкѣ по своему содержанію. Для этого надо попытаться изъ отдѣльныхъ эпизодовъ разныхъ разсказовъ, изъ сверкающихъ въ нихъ вспышекъ юмора и звучащихъ въ нихъ звуковъ грустного раздумья составить нѣчто по возможности цѣльное, нѣчто въ родѣ мозаическихъ изображеній изъ различныхъ цвѣтныхъ кусочковъ. Такая работа была бы достойна памяти народнаго русскаго художника, какимъ былъ Горбуновъ.

Далекій отъ мысли представить, въ настоящемъ очеркѣ, подобную работу, я хотѣлъ бы лишь намѣтить нѣкоторыя ея стороны и пріемы, необходимые, по моему мнѣнію, для выясненія личности и творческой дѣятельности Горбунова. Feci quod potui, faciant meliora potentes...

Какъ бы сложны, разнообразны и даже противорѣчивы ни были требованія, предъявляемыя къ художнику, между ними есть, однако, такія, на которыхъ сходится большинство. Наличность ихъ выполненія служитъ доказательствомъ сознательной творческой дѣятельности. Эта наличность существовала, и притомъ въ высшей степени—у Горбунова. Онъ вносилъ въ свои произведенія самого себя, онъ чувствовался въ нихъ. Изображая избранный имъ предметъ тѣмъ или другимъ способомъ, въ той или другой формѣ, истинный художникъ невольно вкладываетъ въ это изображеніе и свое отношеніе къ тому, что онъ изображаетъ. Это

отношеніе выражается въ настроеніи, почвою для котораго часто служитъ сужденіе художника о предметѣ своего труда. Безстрастное воспроизведеніе видѣннаго и слышаннаго, безъ внутренняго смысла, безъ вкладыванія въ него своей души, а лишь съ заботою, иногда доходящею до болѣзненности, о технической отдѣлкѣ, никогда не оставитъ глубокаго впечатлѣнія, не произведетъ сильнаго дѣйствія. Объективная безсодержательность произведенія можетъ вызвать лишь мимолетный эффектъ, но не создастъ въ зрителѣ или слушателѣ прочнаго воспоминанія о прочувствованномъ, какъ бы силенъ ни былъ холодный блескъ техническаго исполненія. Во всѣхъ родахъ искусства—умѣнье проникнуться извѣстнымъ настроеніемъ и передать его, путемъ творчества, другимъ—составляетъ главную задачу и проявленія дѣятельности художника. Знатокъ въ дѣлѣ пониманія искусства, И. А. Гончаровъ, не разъ высказывалъ эту мысль. Между прочимъ, въ «Литературномъ вѣчерѣ» онъ говоритъ, устами одного изъ выводимыхъ имъ лицъ: «духъ, фантазія, мысль, чувство художника должны быть разлиты въ произведеніи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличнаго чародѣя. Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ и читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувствъ автора получаютъ возможность наслаждаться сами»... Исходя изъ такого же взгляда, Шербюлье («L'art et la nature») высказываетъ мысль, что произведеніе искусства является проводникомъ или посредникомъ между душевнымъ настроеніемъ художника и его слушателей, зрителей или читателей.

Несмотря на поразительную жизненность изображеній въ сценахъ и разсказахъ Горбунова, дающую имъ вполнѣ объективный характеръ, онъ постоянно чувствуется въ нихъ, не равнодушный и спокойный, а съ чутко настроенною душою, умѣющею переживать то, что онъ изображаетъ. Поэтому за житейскою правдоподобностью, за тѣмъ, что французскіе критики называютъ crédibilité, у него вездѣ видно его отношеніе къ описываемому. Оттого его разсказы—кромѣ самыхъ первоначальныхъ, не нашедшихъ себѣ даже и мѣста въ его изданіяхъ,—возбуждаютъ не одинъ смѣхъ, не одно удивленіе предъ его наблюдательностью. Они приводятъ, въ своей совокупности, къ невольному, но неизбѣжному выводу нравственнаго или общественнаго характера. Изъ интереснѣйшаго въ бытовомъ отношеніи содержанія ихъ звучитъ его отношеніе къ добрымъ и темнымъ, печальнымъ и примирительнымъ сторонамъ нашего народнаго быта и къ отдѣльнымъ явленіямъ нашей общественной жизни.

Съ точки зрѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, что чистая ху-

дожественность должна отличаться совершеннымъ отсутствіемъ нравственнаго или утилитарнаго началъ, Горбуновъ, конечно, не былъ служителемъ чистаго искусства, но тѣмъ ближе и понятнѣе онъ намъ, тѣмъ глубже западали въ память создаваемые имъ образы. Онъ былъ вполнѣ народнымъ художникомъ. Умѣвъ стать въ своихъ изображеніяхъ въ тѣсную связь съ народомъ и отразить въ нихъ міросозерцаніе послѣдняго, онъ осуществлялъ завѣтъ Эмерсона, требующаго, чтобы истинный художникъ былъ «le délégué intellectuel du peuple», т.-е., чтобы онъ былъ «un homme, dont les éléments constituants existent à l'état diffus dans tous les membres de la société, au milieu de laquelle il a pris naissance». Онъ бралъ содержаніе для своихъ сценъ преимущественно изъ жизни крестьянъ, мастеровыхъ, купцовъ, духовенства и мелкаго чиновничества и рѣдко касался другихъ слоевъ общества,—но вѣдь эти-то люди и составляютъ громадное, подавляющее большинство русскаго народа. При этомъ надо замѣтить, что Горбуновъ всегда умѣлъ схватить общенародные типы и мотивы, придавая имъ лишь бытовую или сословную окраску. Если въ его разсказахъ почти не встрѣчается представителей свѣтскаго общества, то это потому, что, по условіямъ и обстановкѣ своей жизни, по ея, такъ сказать, космополитическому складу, это общество утратило, въ обыденныхъ обстоятельствахъ, свой народный характеръ и въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе обезцвѣчивается. Русскаго человѣка, имъ описываемаго и выводимаго, Горбуновъ глубоко понималъ и любилъ горячо, безъ фразъ и подчеркиваній, любилъ потому, что жалѣлъ. Жалость эта сквозитъ во всѣхъ его сценахъ, гдѣ чувствуется, какъ различныя тяжелыя условія народной жизни или свойства характера не даютъ богатой природѣ этого человѣка пробиться къ свѣту и широко расправить крылья своихъ способностей или толкаютъ ее на ложный и темный путь. У простого русскаго человѣка *жалѣть*—синонимъ *любви*, и на вопросъ: «любишь ли?»—простая женщина не рѣдко отвѣчаетъ: «извѣстно, жалѣю!» Такъ любилъ народъ и Горбуновъ, не идеализируя его и не замалчивая его недостатковъ.

Дѣлясь съ публикою своимъ творчествомъ, Горбуновъ никогда, какъ и подобаетъ истинному художнику, не поддѣлывался подъ ея подчасъ низменные вкусы. Онъ былъ нравоописатель, но не льстецъ своихъ слушателей, не слуга ихъ преходящихъ и измѣнчивыхъ вкусовъ, не соискатель дешеваго успѣха дешевыми и не всегда опрятными средствами. Его своеобразные, подчасъ возбуждавшіе неудержимый смѣхъ, разсказы чужды пошлости и низменнаго характера. Въ нихъ нѣтъ ничего банальнаго, подражательнаго, избитаго. Чуткій художникъ, онъ не изображалъ лицъ

и положеній, смѣшныхъ лишь съ внѣшней стороны, по формѣ, а не по существу. Поэтому въ его разсказахъ нѣтъ дѣйствующихъ лицъ чужой національности, съ ихъ неправильнымъ и комическимъ выговоромъ русскихъ словъ, съ особенностями ихъ произношенія, съ ихъ жаргономъ,—нѣтъ нѣмцевъ, чухонъ, евреевъ, армянъ,—нѣтъ, однимъ словомъ, попытки вызвать грубою насмѣшкою надъ человѣкомъ другого племени смѣхъ, котораго потомъ нерѣдко стыдится человѣкъ развитый, и который ничего свѣтлаго не вноситъ въ нравственное настроеніе и пониманіе человѣка неразвитаго. Нѣтъ сомнѣнія, что при талантѣ Горбунова, при его умѣньи овладѣвать вниманіемъ аудиторіи, такія изображенія могли бы ему очень удаваться. При несомнѣнномъ пониженіи уровня вкусовъ общества за послѣдніе годы,—этимъ изображеніямъ всегда обезпеченъ успѣхъ, а при средствахъ Горбунова онъ былъ бы громадный. Но онъ ни разу имъ не соблазнился, и если «нѣмецъ» два раза и мелькаетъ у него въ разсказахъ («Воздушный шаръ» и «Блонденъ»), то лишь для того, чтобы двумя-тремя штрихами обрисовать отношеніе къ нему *русскаго* человѣка.

Господствующій тонъ произведеній Горбунова есть юморъ, безъ оскорбительной насмѣшки и безъ ядовитой ироніи. Когда онъ попробовалъ однажды писать въ лично-насмѣшливомъ и ироническомъ родѣ—это ему совершенно не удалось («Записная книжка»). Лишь роль, взгляды и иногда цѣлое міровоззрѣніе дѣйствующихъ лицъ служатъ содержаніемъ его разсказовъ, но никогда не личность, въ осмѣяніи ея бытовыхъ или племенныхъ особенностей. Поэтому въ томъ, что онъ повѣствуетъ и что онъ такъ неподражаемо разсказывалъ — полное отсутствіе анекдотичности. Улыбку и раздумье, видимый смѣхъ и подчасъ невидимую скорбь возбуждаетъ въ немъ, а черезъ него и въ слушателяхъ не *смѣшной случай,* не искусственное сплетеніе комическихъ положеній и неожиданныхъ обстоятельствъ, а, если можно такъ выразиться, *кусокъ жизни,* выхваченный изъ дѣйствительности или вѣрнаго ея подобія и показанный съ милымъ и безобиднымъ юморомъ, который искрится и бьетъ черезъ край. Этотъ юморъ, въ устахъ Горбунова, возбуждалъ иногда смѣхъ до слезъ, до невозможности въ теченіе нѣкотораго времени слушать продолженіе разсказа. Но когда послѣдній бывалъ оконченъ, когда дѣйствующія лица, благодаря своей яркой образности, рѣзко запечатлѣлись въ памяти слушателей, засѣвъ въ ней прочно и надолго,—когда возникалъ самъ собою итогъ разсказаннаго, то подводимая въ немъ картина русской жизни вызывала нерѣдко въ глубинѣ души слушателей и, благодаря удивительному таланту Горбунова, почти-что очевидцевъ—далеко не

радостные звуки. Въ лицѣ Горбунова юмористъ, передававшій съ особымъ искусствомъ и правдивостью бытовыя черты изъ книги скорбей и радостей народной жизни, умѣлъ наводить на серьезные вопросы всякаго, кому дорого нравственное развитіе народа, кому народъ интересенъ, а не забавенъ только, какъ предметъ смѣхотворныхъ застольныхъ анекдотовъ.

И съ точки зрѣнія *мастерства*, т.-е. формы и способа исполненія, Горбуновъ былъ истинный художникъ. Трудно видѣть въ немъ импровизатора, готоваго наскоро, умѣлыми руками набросать оригинальный разсказъ, сцену, бытовую картинку. На всѣхъ его произведеніяхъ и на всемъ, что онъ передавалъ устно, лежитъ печать продуманности. Она являлась необходимою—для разсказовъ съ историческимъ оттѣнкомъ, для полученія котораго требовалось предварительное и внимательное изученіе историческихъ матеріаловъ,—для сочиненій на старомъ русскомъ языкѣ, гдѣ одно неудачное и несовременное выраженіе портило бы цѣлостность общаго впечатлѣнія, звучало бы рѣзкимъ диссонансомъ. Но и кромѣ того, Горбуновъ вообще стремился сжать свои произведенія до крайнихъ размѣровъ, устранивъ изъ нихъ все излишнее и ненужное. А это требовало обдумыванья и неоднократныхъ, хотя бы только и мысленныхъ, передѣлокъ и перекроекъ. Онъ дѣйствовалъ какъ бы по программѣ другого большого художника—Ѳедотова, который говаривалъ: «въ дѣлѣ искусства надо дать себѣ *настояться*; художникъ-наблюдатель—тоже, что̀ бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть — нужно только умѣть разливать во-время...» Такъ и онъ, безъ сомнѣнія, «настаивался», и лишь выработавъ вполнѣ и всесторонне то, чѣмъ хотѣлъ подѣлиться съ публикою, пускалъ это въ обращеніе. Однажды, въ 1878 году, въ Москвѣ, Горбуновъ изложилъ мнѣ фрагменты будущаго разсказа изъ дѣятельности несуществующаго въ Россіи общественно-политическаго учрежденія,—разсказа, полнаго самаго захватывающаго интереса,—объясняя, что *все это* надо еще отдѣлать и кое-что переработать. Лѣтъ черезъ десять, на просьбу дать возможность выслушать этотъ разсказъ, онъ отвѣчалъ:—«да все не готово: — не клеится что-то!.. хочется посерьезнѣе сдѣлать...»—и неизвѣстно, не осталось ли это произведеніе лишь «im Werden», какъ говорятъ нѣмцы. Онъ не считалъ возможнымъ остановиться на отдѣльныхъ отрывкахъ, связавъ ихъ намеками или искусственными нитями, и признавалъ себя въ правѣ пустить въ обращеніе свое произведеніе только тогда, когда оно было обработано до той ясности, съ которою оно возникло въ его душѣ. Оттого-то онъ и произвелъ сравнительно довольно не много.

«En fait d'art, — говоритъ Жоржъ Зандъ,—il n'y a qu'une

régle, qu'une loi: montrer et émouvoir». Но для того, чтобы успѣшно и цѣлесообразно *показывать* и *трогать*, необходимо устранить все, что затемняетъ образъ или цѣлую картину, созданные художникомъ, что мѣшаетъ ихъ «показать» столь выпукло и ярко, чтобы они произвели опредѣленное и цѣльное душевное движеніе въ слушателѣ или созерцателѣ. Это устраненіе излишняго—l'élimination du superflu, по удачному выраженію одного выдающагося русскаго живописца,—усматривается во всемъ, созданномъ Горбуновымъ. Онъ былъ до крайности сжатъ и кратокъ, держалъ на привязи чужое вниманіе и умѣлъ заставить его, ничѣмъ не развлекаясь, почти сразу направиться на самый жизненный нервъ своего разсказа, не связаннаго никакою предвзятою формою, никакими условными правилами. Слушатель захватывался имъ съ первыхъ же словъ и слѣдилъ за нимъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Такъ именно совѣтуетъ Лессингъ поступать художнику: «не впадай въ непростительную ошибку,—не оставляй насъ ни на минуту равнодушными, интересуй насъ и дѣлай затѣмъ съ правилами искусства—маленькими и механическими—что хочешь!».

Вслѣдствіе этого, у Горбунова выработались особые пріемы повѣствованія. Въ большинствѣ случаевъ, онъ не дѣлалъ никакого вступленія; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно было неизбѣжно, онъ ограничивался двумя-тремя словами. Разсказчикъ спѣшилъ стереться и отойти въ сторону, предоставивъ самой жизни, которую онъ изображалъ, говорить за себя, очевидно находя, что вступленіе излишне тамъ, гдѣ съ первыхъ словъ дѣйствующихъ лицъ предъ слушателемъ, мало-мальски знакомымъ съ русскою дѣйствительностью, сама собою возникаетъ живая обстановка и условія, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе. «—Скоро полетитъ?—Не можемъ, сударь, знать. Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ, раздуть, говорятъ, невозможно.—А чѣмъ это, братцы, его надуваютъ?—Должно, кислотой какой... безъ кислоты тутъ ничего не сдѣлаешь»...—такъ начинается одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Горбунова, и картина рисуется сама собою, безъ всякаго предваренія слушателя...—«Вы обвиняетесь въ томъ, что въ гостинницѣ «Ягодка» вымазали горчицею лицо трактирному служителю... — Бушевали мы — это точно...»—начинаетъ Горбуновъ, и обстановка возстаетъ невольно предъ слушателемъ. Онъ видитъ мирового судью и людей, которые «бушевали», и даже самый характеръ ихъ «бушеванья» ясенъ изъ первыхъ же словъ судьи.—«Наслышаны мы объ васъ, милостивый государь,—начинаетъ, бывало, Горбуновъ вкрадчивымъ голосомъ,—что, напримѣръ, ежели что у мирового—сейчасъ вы можете человѣка оправить...»—и не нужно говорить, что дѣло происходитъ въ кабинетѣ адвоката

и притомъ спеціалиста по практикѣ у мировыхъ судей... Иногда разсказъ начинался пѣніемъ чувствительнаго романса о «кинареечкѣ», и фигура перезрѣлой замоскворѣцкой барышни съ картавымъ голосомъ тотчасъ рисовалась передъ слушателемъ и предвѣщала общій тонъ будущаго разсказа; иногда сиплый голосъ, напѣвающій съ ожесточеніемъ: «спрятался мѣсяцъ за тучи»—изобличалъ самъ собою молодого гуляку, размаху широкой натуры котораго положенъ предѣлъ какимъ-нибудь неизбѣжнымъ, но тѣмъ не менѣе непріятнымъ обстоятельствомъ...

Горбуновъ любилъ разсказывать стоя. Только въ качествѣ генерала Дитятина, о которомъ рѣчь будетъ ниже, онъ обыкновенно сидѣлъ. Ставъ въ естественную, непринужденную позу, онъ, если это было въ частномъ собраніи, брался за спинку стула, откидывалъ со лба нависавшую прядь волосъ и глядѣлъ передъ собою въ пространство, слегка прищуренными, живыми глазами, взоръ которыхъ по ходу и смыслу разсказа становился съ удивительною легкостью то посоловѣлымъ, то комически-томнымъ, то лукавымъ, то испуганнымъ. Живая, непередаваемая игра физіономіи Горбунова,—выраженіе его губъ, то оттопыренныхъ, то растянувшихся въ сладкую или ехидную улыбку, то старчески отвислыхъ, то презрительно сжатыхъ,—его, рѣдкій вообще, жестъ съ растопыренными пальцами или выразительный ударъ могучаго кулака въ грудь,—наконецъ удивительно-тонкіе оттѣнки его, небогатаго самого по себѣ, голоса,—его шепотъ, всхлипыванья, взволнованная скороговорка, выразительныя паузы—все это населяло его разсказы массою лицъ, обрисованныхъ яркими, типичными чертами, различныхъ по темпераменту, развитію, настроенію и одинаковыхъ по своей реальности, по своей тѣсной связи со своеобразными сторонами русской жизни и природы. Подобно началу разсказа, и конецъ бывалъ простъ и естественъ. Многіе разсказы кончались эпически, вдругъ, неожиданно обрываясь, когда все, что составляло ихъ внутренній смыслъ, уже было сказано. Дальнѣйшее ихъ продолженіе являлось бы лишь развитіемъ послѣдствій того или другого положенія, представлять себѣ которыя скупой на слова Горбуновъ предоставлялъ самому слушателю.

II.

Передать, хотя бы въ общихъ чертахъ, *содержаніе* разсказовъ Горбунова—очень трудно. Не говоря уже о богатствѣ и разнообразіи этого содержанія, оно такъ тѣсно и органически связано съ формою и съ особенностями выполненія ея Горбуновымъ, что из-

лагать своими словами это живое воспроизведеніе русской дѣйствительности, блещущее юморомъ и талантомъ, было бы задачею, смѣлость которой равнялась бы ея безплодности. Горбунова нужно было слышать, его слѣдуетъ читать серьезно и вдумчиво; говорить же о его произведеніяхъ возможно лишь намѣтивъ главные ихъ мотивы и освѣщая ихъ небольшими отрывками, изложенными подлинными словами автора.

Русская жизнь и русскій человѣкъ представлены имъ въ самыхъ разнородныхъ сочетаніяхъ, всегда однако не только правдоподобныхъ, но поражающихъ своею вѣрностью во всѣхъ отношеніяхъ. Горбуновъ вообще скупъ на описанія и не любитъ рисовать картинъ. Его интересуетъ самъ человѣкъ, а не фонъ, на которомъ онъ вырисовывается и житейская обстановка, среди которой онъ дѣйствуетъ. Тѣмъ не менѣе у него нашли себѣ яркое изображеніе:—унылое однообразіе великорусскаго села съ неизбѣжнымъ «заведеніемъ»; тоскливая тишина и незамѣтно ползущая жизнь уѣзднаго города общаго средне-русскаго типа, съ обычнымъ гостинымъ дворомъ, какъ двѣ капли схожимъ по архитектурѣ, вывѣскамъ и даже по запаху со всѣми другими гостиными дворами другихъ уѣздныхъ же городовъ; московское «захолустье», гдѣ фонари освѣщаютъ лишь свой собственный столбъ и ночной сторожъ протяжно кричитъ «посма-а-тривай!», хотя именно посматривать-то и некому; постоялый дворъ въ посадѣ при монастырѣ, гдѣ «теперича клопъ со всего свѣту собрался, потому богомольцевъ-то какая сила!». Но набросавъ такое изображеніе, Горбуновъ спѣшитъ перейти къ людямъ,—столь близкимъ ему и понятнымъ русскимъ людямъ, «среднимъ» и «молодшимъ», какъ говорилось въ старину, вращающимся среди обычныхъ мотивовъ и элементовъ своей несложной, хотя подчасъ и очень своеобразной жизни. Ихъ повѣрья и обычаи, ихъ доброта и ихъ слабости, проявленія ихъ душевной теплоты, а подчасъ и нравственнаго паденія, ихъ отношеніе къ власти, къ суду, къ церкви и наукѣ,—будни и праздники, скорби и трагедіи ихъ существованія, смѣняя другъ друга и переплетаясь между собою, проходятъ въ пестрой картинѣ предъ каждымъ, кто перечтетъ и припомнитъ разсказы Горбунова.

Любовь къ этому русскому человѣку, несмотря на трезвый взглядъ на его слабости и недостатки, теплится и сквозитъ въ большинствѣ того, что повѣствуетъ Горбуновъ. Не закрывая глазъ на неприглядныя стороны родной жизни, рѣзко оттѣняя тѣ внутренніе диссонансы и «безобразія», которыми иногда проявляетъ себя русскій человѣкъ, Горбуновъ не забываетъ про тяжелыя историческія и бытовыя условія, оставившія, даже и отойдя въ область

прошедшаго, свой слѣдъ на нравственномъ складѣ и многихъ сторонахъ «поведенія» этого человѣка. Крѣпостное право, до-реформенное безсудье на ряду съ стремительностью и непосредственностью начальственной расправы, тяжкая, обрывающая всѣ личныя связи, многолѣтняя военная служба и мракъ невѣжества, не только не разсѣваемый, но, иногда, любовно оберегаемый, мелькаютъ въ разсказахъ Горбунова, внося темные тоны въ ихъ, въ общемъ, свѣтлую и веселящую взоръ ткань.

«Вся-то жизнь наша—слезы,—говоритъ, въ «Медвѣдѣ», лежащій на печи старикъ,—родимся мы въ слезахъ и помремъ въ слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ, и сказать нельзя! Бывало хоть въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, а у жены у некрутиковой изъ глазъ словно смола горячая капаетъ»... Эта «некрутчина», наводившая ужасъ на разрушаемую ею семью, вызывала ее иногда на крайнее напряженіе силъ, выражавшееся въ наймѣ «охотника»; и среди разсказовъ Горбунова былъ одинъ, героемъ котораго являлся такой охотникъ, гуляющій насчетъ нанявшихъ и всячески безвозбранно надъ ними надмывающійся. Въ порывистыхъ жестахъ его, въ окрикахъ на нанятого имъ музыканта: «дѣлай! дѣлай!», въ его пьяныхъ вопляхъ и слезахъ слышалось глубокое, безъисходное отчаяніе загубившаго себя человѣка. Отголоски этой же некрутчины звучатъ и въ словахъ кухарки на «Постояломъ дворѣ»—о мужѣ, котораго «угнали на Кавказъ, такъ что и слуховъ объ ёмъ нѣтъ... должно къ австріякамъ попалъ»,—и въ простодушныхъ разсказахъ Прохора, въ «Лѣсу», объ отведенномъ имъ «для порядку» къ становому бѣгломъ солдатѣ, котораго онъ не испугался, потому что «на войнѣ ежели, вѣстимо убьетъ, а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ, въ лѣсу ему ѣсть нечего... ягоды—да ягодой, или корешкомъ какимъ ни на есть, сытъ не будешь, ну и отощалъ человѣкъ, силу, значитъ, забрать не можетъ, опять же и ружья этого при ёмъ нѣтъ».

Слезы «некрутиковой жены» невольно напоминаютъ горькое, пришибленное положеніе, которое часто выпадаетъ въ удѣлъ простой русской женщинѣ въ крестьянской средѣ, а подчасъ и въ той, гдѣ владычествуетъ, не препятствуя своему нраву, «господинъ купецъ». За комической растерянностью и смѣшными по своей трусливой узкости житейскими взглядами обывательницъ захолустья, описываемыхъ Горбуновымъ, видится ихъ непрестанный трепетъ предъ домашнимъ произволомъ, неожиданность и безпричинность проявленій котораго нагоняютъ невольный страхъ постояннаго ожиданія какой-нибудь домашней бури. Стоитъ вдуматься въ источ-

никъ этихъ взглядовъ, и трагическая дѣйствительность сотретъ ихъ веселыя краски. Не даромъ одна изъ жительницъ захолустья признаетъ, что сынъ былъ правъ, когда «убѣгъ» съ молодою супругою изъ родительскаго дому, такъ какъ «не втерпежъ жить, потому что не всякая *можетъ* по здѣшнему безобразію, надо дѣло говорить; и прежде у насъ въ домѣ карамболь былъ, а теперь хоть святыхъ вонъ неси,—продолжаетъ она,—самъ-то лютѣй волка сталъ, день деньской ходитъ, не знаетъ, на комъ злость сорвать»... «За что̀ же я должна за старика идти?» спрашиваетъ молодая дѣвушка отца. «Не твое дѣло!.. Значитъ, такъ нужно для моихъ дѣловъ,—отвѣчаетъ отецъ—что я задумалъ, никто этого знать не можетъ. А ваше дѣло: что я приказываю — кончено. Не мерзавецъ я въ своей жизни и чувствую свою дѣятельность. Учить вамъ меня нечего». Этотъ гнетъ заглушаетъ мало-по-малу естественныя чувства и логику, и изъ устъ запуганныхъ существъ раздаются сентенціи неожиданнаго свойства. Мать, понимавшая сына, который «убѣгъ» съ женою, говоритъ однако послѣдней: «другая бы хорошая баба на твоемъ мѣстѣ въ ногахъ досыта навалялась, а ты фыркаешь»... Въ отвѣтъ на слезы дочери, выдаваемой за старика, слышится материнское удивленіе: «что ты, Богъ съ тобой,—за маіора за военнаго выходить да скучно? да другая на твоемъ мѣстѣ такъ бы носъ вздернула да хвостъ растопырила!» Тяжкія картины семейной обстановки даже и во снѣ давятъ на мысль. У одной изъ выводимыхъ Горбуновымъ купчихъ «вся душенька выболѣла отъ страшнаго сна: будто бы стою я, матушка, на горѣ, а мужъ-то, Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный внизу стоитъ, да на меня эдакъ пальцемъ грозитъ»... Печальная судьба русской «бабы», этой—по выраженію Некрасова—«вѣковѣчной печальницы», выступаетъ эпизодически у Горбунова. Тяжело ей бываетъ съ пьянымъ и драчливымъ мужемъ. «Другаго такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ,—говорятъ про зажиточнаго мужика,—ужъ на что баба, и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ, либо съ сердцовъ, либо съ пьяну»... Не менѣе тяжело и въ безпріютномъ сиротствѣ и вдовствѣ. — «Это что такое?» — кричитъ на собравшихся для облавы на медвѣдя крестьянъ пріѣхавшій изъ Петербурга богатый охотникъ, замѣтивъ среди нихъ бабу съ ребенкомъ на рукахъ. «Бабеночка, сударь, наша...—Что-жъ она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ? — Мужъ, сударь, у ней замерзъ, такъ, значитъ, кормится, въ чужихъ людяхъ живетъ...» «Ничего, сударь, мы привычные»,—робко говоритъ бабенка.

Начатый великимъ Петромъ «смѣлый посѣвъ просвѣщенья»,

воспѣтый Пушкинымъ, шелъ медленно, съ остановками, захватывая лишь высшіе классы общества, причемъ имѣлись въ виду преимущественно служебныя цѣли. Нѣкоторая систематическая забота о народномъ образованіи появляется у насъ лишь послѣ крымской войны, но и до сихъ поръ мы, по достигнутымъ въ этомъ отношеніи результатамъ, находимся почти на вершинѣ извѣстной выставочной пирамиды, изображавшей грамотность въ европейскихъ странахъ. Время ранней молодости Горбунова, изъ которой онъ вынесъ многія впечатлѣнія на всю свою творческую дѣятельность, совпало съ господствовавшей въ нашемъ бюрократическомъ строѣ недоброжелательностью къ «ученымъ» и «сочинителямъ», какъ презрительно называли окончившихъ курсъ въ университетѣ. Скупости въ просвѣщеніи массъ соотвѣтствовали, особливо подальше отъ столицъ, за немногими свѣтлыми исключеніями, самые пріемы преподаванія и слабое развитіе педагогической литературы, чрезвычайно затруднявшее попытки къ самообразованію. Не даромъ вспоминалъ Горбуновъ урокъ «диктовки» изъ древней исторіи и учебникъ математики Войтяховскаго, бывшій въ частомъ употребленіи еще въ сороковыхъ годахъ. «Начнемъ, — говоритъ учитель, — исторію мидянъ. Пишите: исторія... исторія... ми-дянъ, мидянъ. Написали? Точка. Подчеркнуть!—Начало исторіи мидянъ... Написали? Точка. Подчеркнуть. — Ну, теперь: исторія мидянъ темна... те-мна и—написали? и—непонятна. Точка. Конецъ исторіи... исторіи... мидянъ. Точка. Подчеркнуть!»— Не лучше, въ своемъ родѣ, были и задачи Войтяховскаго о цѣнности вещей въ чемоданѣ «нововъѣзжей французской мадамы», и о «смѣшеніи вещей въ коронѣ сиракузскаго царя Іерона». Благодаря этому, въ средѣ, описываемой Горбуновымъ, просвѣщеніе «обрѣтается не въ авантажѣ», съ трудомъ просачиваясь между враждебными ему взглядами, суевѣріями, наивными завѣтами старины и неохотою утруждать себя ученьемъ дальше самыхъ элементарныхъ свѣдѣній и болѣе чѣмъ сомнительнаго правописанія. «Вотъ, все прочиталъ,—заявляетъ управляющій изъ крѣпостныхъ, Никита Николаевъ, закрывая книгу Эккартсгаузена «Ключъ къ таинствамъ натуры»,—а въ голову забрать ничего не могу—не обученъ, — если бы меня съ малолѣтства обучали, я бы до всего дошелъ».—«Вы господамъ служили,—отвѣчаетъ ему жена,—а господину зачѣмъ ваша наука? Науки вашей ему не нужно. Вотъ хотя бы по вашей, по лакейскй части, ученья вамъ совсѣмъ не нужно. Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпѣть не могла, кто книжки читаетъ»...

Не любятъ чтенія книжекъ и въ томъ Замоскворѣчьѣ, нравы

котораго описывалъ Горбуновъ. Тамъ полагаютъ, что если «все въ книжку глядѣть», такъ можно «зачитаться» какъ Дёмушка («Смотрины»), стать «чудпымъ» какъ Егорушка, или начать прохожимъ кланяться въ ноги, какъ старичокъ, называемый, несмотря на свои сѣдые волосы, Володею, у котораго *отъ книжки* и отъ долгаго сидѣнья въ долговомъ отдѣленіи «растопилось сердце» и «помутился разумъ» («Самодуръ»). Не даромъ «нашъ лекарь сказывалъ», что даже блины—вредъ для тѣхъ, «кто ежели мозгами часто шевелитъ, значитъ по книгамъ доходитъ или выдумываетъ». Если въ той средѣ, откуда беретъ свой матеріалъ Горбуновъ, неграмотность не составляетъ бѣды или не грозитъ особыми стѣсненіями въ жизни, то съ другой стороны безграмотность, какъ всякое полуобразованіе, съ увѣренностью въ себѣ и самодовольствіемъ выставляетъ себя на показъ. Достаточно припомнить московскія вывѣски, остановившія на себѣ вниманіе Горбунова и постепенно вытѣсняемыя изъ столицы въ провинцію. «Кофейная справомъ входа для купцовъ и дворянъ», существовавшая въ Грузинахъ, въ Москвѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, уступила мѣсто уѣзднымъ: «Въ новь открытой белой харчевнѣ Русскій міръ» и трактиру «Константинъ Нополь»;—московской вывѣскѣ: «Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія господъ врачей въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ пьявочную, баночную и жильную, прическа невѣстъ, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужского туалета, по желанію на домъ по соглашенію экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы»—соотвѣтствуютъ: «С.-Петербургской колоніально-бакалейный магазинъ съ продажѣю всехъ предметовъ химической лабораторіи и прочиго», «Постоялый дворъ и при немъ лавка съ продажею хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ», «Magazin mod e rob Moscu» и т. п. Не лучше и объявленія, въ родѣ: «съ разрѣшенія начальства, въ непродолжительномъ времени пѣвцы *братья* Мальчугины, изъ коихъ одна сестра будутъ имѣть честь и т. д.».

Медленнымъ распространеніемъ образованія и даже грамотности—объясняется взглядъ Горбуновскихъ дѣйствующихъ лицъ на науку и на природу. Съ презрѣніемъ относятся они къ первой, съ ужасомъ—къ естественнымъ явленіямъ послѣдней. «Хозяйка наша въ баню поѣхала и сейчасъ спрашиваетъ: зачѣмъ народъ собирается? а кучеръ-то, дуракъ, и ляпни: затменія небеснаго дожидаются... сырой-то женщинѣ!..—та̀къ та и покатилась: домой подъ руки потащили»... «Зашелъ онъ въ трактиръ,—разсказываетъ у

Горбунова замоскворѣцкій дѣятель—и сталъ эти свои слова говорить. Теперь, говоритъ, земля вертится, а Иванъ-то Ильичъ какъ свиснетъ его въ ухо!.. Развѣ мы, говоритъ, на вертушкѣ живемъ?»... Не однимъ людямъ страшны явленія природы. Опасны они и для лѣсовиковъ, которые очень боятся, напримѣръ, грозы, гоняющей ихъ по лѣсу и бьющей «молоньею, которая какъ зубомъ перекуситъ, потому стрѣла у ей очень тонкая». Хотя «дворянинъ одинъ, въ Калугѣ», и отрицаетъ существованіе лѣшаго, «но много онъ знаетъ — дворянинъ-то», когда «кого хошь спроси» лѣшій есть, да только показывается не всякому, а «кого ежели оченно любитъ», и видъ притомъ имѣетъ совершенно опредѣленный:—«одна ноздря у него, а спины нѣтъ»... Этимъ онъ отличается отъ людоѣдовъ-одноглазыхъ, «по чьему закону *все* можно», которыхъ излюбленные Замоскорѣчьемъ странники за окіянъ-рѣкою *видѣли,* причемъ этому и «описаніе есть въ книжкахъ»... Впрочемъ, «все можно» не однимъ людоѣдамъ,—но, почему-то, и англичанамъ, которые весь постъ ѣдятъ говядину—потому, что «по ихъ вѣрѣ все возможно», ибо они «вѣруютъ въ пѣтуха», о чемъ съ полною увѣренностью заявляетъ въ московскомъ захолустьѣ дворникъ дома, хозяйка котораго, со вздохомъ и усиліями истребляя блины на масляной, на заявленіе внука, что онъ сбился со счета, сколько съѣлъ, говоритъ: «грѣхъ батюшка считать-то, — кушай такъ, во славу Божію». За то жизнь въ этомъ захолустьѣ полна вѣщими снами и слышимыми въ ночи «трубными звуками»,—за то жительницы его, отправившись слушать провозглашеніе «анаѳемы» всхлипывая отъ жалости и умиленія разсказываютъ потомъ, что видѣли, подъ потрясающіе возгласы церковнаго баса, и ее, *самую анаѳему,* съ сѣденькою бородкою и трясущеюся головою «въ браліантахъ».

Больная человѣческая природа тоже вызываетъ къ себѣ въ этомъ мірѣ особое отношеніе. «Какъ здоровье, матушка?—спрашиваетъ одна богомольная старушка другую.—«О-о-охъ! голубка—мѣстами! мѣстами болитъ, мѣстами подживаетъ!» Сверхъ такого общаго недомоганья чаще всего одолѣваетъ человѣка бѣлая горячка,—у простого человѣка «сердце чешется»,—а у купеческой вдовы по ночамъ подъ сердце подкатываетъ — «словно бы этакое забвеніе чувствъ, и вдругъ эдакъ... знаете... даже удивительно! и такъ, знаете, вздрогнешь...» Если случится утопленникъ—его откачиваютъ, и чѣмъ шибче, тѣмъ лучше, лишь бы при этомъ не разговаривать, «не пужать его»; если грозитъ повальная болѣзнь, отъ нея защищаются крестами, сдѣланными мѣломъ надъ косяками оконъ и дверей. Иногда дѣйствуютъ по правилу similia similibus curantur. «Да что̀ доктора,—говоритъ одинъ охотникъ, по-

мятый медвѣдемъ,—да что жъ эти доктора! Для господъ они, можетъ, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лѣчила. Медвѣдемъ же и лѣчила, саломъ его, значитъ, медвѣжьимъ прикладывала. Отощалъ я въ тѣ поры оченно, на ѣду не тянуло. Глазомъ пищу-то берешь, а нутро-то не принимаетъ. Ну ничего—выправился».

Однако «выправиться» приходится не всегда, особливо если дѣло идетъ о соленой рыбѣ, съѣденной безъ предосторожностей, не предусмотрѣнныхъ, впрочемъ, никакими врачами... «Маленько и поѣли-то ее,—и отчего бы это, кажись? Оно точно—начальство не велитъ ее сырую ѣсть, да развѣ удержишься, если эпекитъ пришелъ. Конечно—спервоначалу надо бы ее порохомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть—тогда ничего»... Иногда, впрочемъ, душевное и тѣлесное недомоганье является вполнѣ естественнымъ, предвидѣннымъ и, такъ сказать, узаконеннымъ послѣдствіемъ свято соблюдаемаго обычая. «Блины изволили кушать?—Да я крещенный человѣкъ, аль нѣтъ? Эхъ ты—образованіе!»... Въ виду этого, «кушать блины» становится своего рода священною обязанностью, которая выполняется въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ рвеніемъ, что «инда въ глазахъ мутится»—и такъ какъ это продолжается цѣлую недѣлю, то «на послѣднихъ-то дняхъ одурь возьметъ,—постомъ-то не скоро на истинный путь попадешь», ибо «послѣ хорошей масляницы человѣкъ не вдругъ очувствоваться можетъ, и ликъ исказится, и все»... Понятно, послѣ этого, почему старожилъ московскаго захолустья, съ восторгомъ вспоминая, какъ «въ старину, бывало, идешь по улицѣ и чувствуешь, что она, матушка (масляница), на дворѣ: воздухъ совсѣмъ другой, такъ тебя и обдаетъ, такъ и обхватываетъ», замѣчаетъ: «а вотъ посмотрю я на *господъ*—какіе они къ блинамъ робкіе: штуки четыре съѣстъ и сейчасъ отстанетъ...»—«Кишка не выдерживаетъ!»—авторитетно замѣчаетъ собесѣдникъ. Сверхъ исключительныхъ способовъ леченія отъ недуговъ, помощи ищутъ преимущественно въ наговариваніи, нашептываніи на корочку и въ совѣтахъ какого-нибудь Филиппа Іоновича, который «отъ сорока-восьми недуговъ знаетъ лечить—только черепа подымать не можетъ...», причемъ, надо думать, что его лекарство дѣйствуетъ успѣшнѣе, чѣмъ средство, употребленное противъ таракановъ, которыхъ «и морили, сударь, и морозили,—и изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но, между прочимъ, куры всѣ передохли, а тараканы остались».

Едва ли нужно напоминать разсказы Горбунова изъ купече-

скаго быта, изображающіе гульбу на ярмаркѣ въ Нижнемъ, различныя семейныя сцены и т. п. Все это чрезвычайно характерно, выпукло, но, представляя разработку тѣхъ же типическихъ особенностей этого быта, которыя такъ ярко очерчены въ комедіяхъ А. Н. Островскаго, не превосходитъ послѣднія ни по мастерству, ни по богатству оттѣнковъ и языку. Болѣе оригинальны картины изъ жизни выводимыхъ Горбуновымъ мѣщанъ, фабричныхъ и вообще городского населенія. Въ нихъ такъ и брызжетъ юморъ, тонкая наблюдательность и умѣнье нѣсколькими штрихами обрисовать цѣлое положеніе. Поразительно жизненны были также въ устныхъ разсказахъ Горбунова особо излюбленныя имъ лица духовнаго званія. Но чиновничій бытъ и такъ называемая интеллигенція затрогивались имъ мало и мелькомъ, обыкновенно съ довольно явною струйкою насмѣшки. Въ этомъ отношеніи особенно выдержанъ разсказъ «Медвѣжья охота», гдѣ забава скучающихъ баръ переплетается со споромъ мужиковъ изъ-за обложеннаго одними изъ нихъ и перешедшаго на землю другихъ звѣря. Предъ слушателемъ—рядъ типичныхъ лицъ, начиная съ мужичка-охотника, который заряжаетъ ружье, перевязанное около курка веревкою, выдергивая паклю для пыжа изъ шапки, и кончая франтоватымъ молодымъ человѣкомъ, со стеклышкомъ въ глазу, изъ Петербурга, облеченнымъ въ черкесскій костюмъ, съ кинжаломъ и разными затѣйливыми принадлежностями. Охота идетъ неудачно, несмотря на суетню загонщиковъ и отборную брань пріѣзжаго полковника,—что, повидимому, особенно огорчаетъ господина въ черкесскомъ костюмѣ. Всѣ ѣдутъ обратно. Черкесъ, при въѣздѣ въ деревню, убиваетъ въ упоръ пѣтуха, говоря съ озлобленіемъ: «тебѣ этого, что-ль, хотѣлось?» — Очень характерна, напримѣръ, и столичная штатская генеральша тепличнаго воспитанія, впервые пріѣхавшая въ уѣздный городъ. Исправникъ показываетъ ей телеграмму о горящемъ лѣсѣ, угрожающемъ желѣзнодорожной станціи, и съ отчаяніемъ восклицаетъ: «А съ чѣмъ я поѣду? двѣ трубы только, и то одна безъ рукава!» — «Какъ безъ рукава?» — съ недоумѣніемъ спрашиваетъ генеральша.— «То-есть, попросту сказать: безъ кишки». Но тепличная дама и этого не понимаетъ, и съ еще большимъ недоумѣніемъ взглядываетъ въ глаза исправнику...

III.

Область личныхъ отношеній и различныхъ бытовыхъ явленій частной жизни, несмотря на все свое разнообразіе, не могла, однако, дать исключительное содержаніе разсказамъ Горбунова. Изо-

бражаемые имъ люди выходятъ, а иногда, помимо своей воли, выводятся изъ узкихъ рамокъ личной жизни—семейной или одинокой—въ круговоротъ жизни общественной. Сходясь въ дѣловыхъ общественныхъ собраніяхъ, собираясь для публичныхъ празднованій, отыскивая развлеченія, русскій человѣкъ имѣетъ случай проявлять свою общительность, свои взгляды на общіе интересы и задачи, и все своеобразіе своей природы, поставленной въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣми или другими сочетаніями людей. Все это не могло, конечно, ускользнуть отъ наблюдательности Горбунова. Обратилъ онъ и особое, вполнѣ заслуженное, вниманіе на отношеніе изображаемаго имъ русскаго человѣка ко *власти* вообще и къ *суду* въ особенности. Сложившіеся вѣками, подъ вліяніемъ условій и причинъ, имѣющихъ корни въ нашемъ историческомъ прошломъ, взгляды народа на власть и ея представителей, на неизбѣжныя свойства ихъ и наконецъ на то, какъ надо къ нимъ относиться, имѣютъ оригинальную форму и особенный, соотвѣтственный той или другой средѣ колоритъ. Изученіе этихъ взглядовъ могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ выводъ цѣлаго ряда ходячихъ въ народѣ житейскихъ, неписанныхъ правилъ о томъ, какъ понимать власть и какого «поведенія» надлежитъ съ нею придерживаться. Если отбросить подчасъ комическую сторону этихъ правилъ, ихъ явное несоотвѣтствіе разумному соотношенію различныхъ элементовъ гражданскаго строя и ихъ, такъ сказать, фаталистическую непреложность, то въ нихъ можно увидѣть цѣлое *правосозерцаніе,* надъ которымъ нельзя не задуматься.

Ближайшая власть, съ которою приходится имѣть дѣло народу—полицейская. Ея представители и агенты составляютъ почти неизбѣжный элементъ его общественной жизни. Водвореніе порядка, ближайшая помощь и защита, предварительное разбирательство всякихъ житейскихъ столкновеній — все это въ рукахъ мѣстной полиціи. «До Бога высоко—до царя далеко»,—говоритъ народная пословица,—и въ то время, когда носитель верховной власти живетъ въ сознаніи простого народа, какъ недосягаемый и всемогущій представитель правды и справедливости, которыя лишь *вопреки его волѣ* не осуществляются въ обыденной жизни исключительно и постоянно,—главный обиходъ отношеній народа къ государству, не считая воинской повинности, замыкается въ тѣсную дѣятельность ближайшихъ къ нему чиновъ полиціи и органовъ суда. Посредствующія звенья, іерархическія ступени, на которыхъ стоятъ облеченныя властью лица, ихъ разнообразныя функціи, права и обязанности—все это представляется народу въ неясныхъ и по большей части невѣрныхъ очертаніяхъ, все тонетъ

въ одномъ и общемъ туманномъ понятіи о *начальствѣ*. Близокъ и понятенъ городовой, околоточный, становой, мировой судья—и, быть-можетъ, земскій начальникъ, смѣнившій, но не замѣнившій послѣдняго; съ ними—и особливо съ первымъ—стоитъ народъ лицомъ къ лицу, они осуществляютъ предъ нимъ волю той неопредѣленной, но осязательной силы, называемой «начальствомъ», критиковать которую безполезно, не повиноваться которой въ концѣ-концовъ невозможно. Правда, строгое раздѣленіе властей, къ которому одно время стремилось наше законодательство, постепенное смягченіе нравовъ, медленное, но все-таки чувствуемое развитіе просвѣщенія и связаннаго съ ними правосознанія—понемногу начинаютъ создавать болѣе правильное пониманіе значенія, круга и законныхъ способовъ дѣятельности ближайшихъ къ народу представителей власти. Но это—пріобрѣтеніе, и притомъ довольно еще шаткое, недавняго времени, а повѣствовательная дѣятельность Горбунова беретъ свое начало еще изъ тѣхъ годовъ, когда знаменитый и въ своемъ родѣ популярный квартальный надзиратель, соединявшій въ своихъ рукахъ всѣ мѣстныя проявленія судебной и административной власти, былъ альфой и омегой общественной жизни обыкновеннаго обывателя. Какъ «deus ex machina», являлся онъ разрѣшителемъ всякихъ необычныхъ положеній и непривычныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ жизни... Когда злополучный портной уже собирается садиться въ шаръ вмѣстѣ съ «нѣмцемъ», происходитъ слѣдующій краткій разговоръ: «Ты что за человѣкъ?—Портной...—Какой портной?—Портной отъ Гусева, съ Покровки,—предупредительно поясняетъ одинъ изъ присутствующихъ,—купцы его летѣть наняли...—Летѣть!.. Гриненко, сведи его въ часть!—Помилуйте!..—Я те полечу!.. Гриненко... Извольте видѣть! Летѣть!.. Гриненко, возьми...»—И окружающіе, еще недавно сочувствовавшіе портному, сразу становятся на сторону того, кто такъ энергично проявилъ свою власть, уже въ самомъ фактѣ его вмѣшательства усматривая, безъ долгихъ разсужденій, доказательство неправильности и предосудительности дѣйствій портного, получившихъ заслуженное осужденіе. «Полетѣлъ, голубчикъ!»—«Да за этакія дѣла»... «Народъ-то ужъ оченно избаловался, придумываетъ, что чуднѣй!..»—слышится въ толпѣ,—и на вопросъ прохожаго—не вора ли это повели, и что такое онъ укралъ—ему отвѣчаютъ: «нѣтъ, сударь... онъ, изволите видѣть... бѣдный онъ человѣкъ... и купцы его наняли, чтобы, значитъ, сейчасъ въ шару летѣть,—ну, а *квартальному это обидно* показалось...»—«Потому—безпорядокъ», прибавляетъ одинъ изъ присутствующихъ. «И какъ это возможно безъ начальства летѣть?!»—

безапелляціонно и укоризненно заключаетъ другой... и правосозерцаніе—въ силу котораго все, что дѣлается не съ разрѣшенія начальства, есть безпорядокъ, составляющій притомъ личную обиду для представителя этого начальства—возникаетъ предъ слушателемъ какъ основаніе цѣлой системы взаимныхъ отношеній.

Эти отношенія были особенно сложны въ то время, когда квартальный — или, какъ его называли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «коммисаръ»—обязанъ былъ разбирать и маловажныя дѣла, идущія нынѣ судебнымъ порядкомъ. Являясь и судьею, и защитникомъ, онъ, подобно римскому претору, тутъ же творилъ свое неписанное право, понятное уму и сердцу обывателя. Въ рядѣ сценъ Горбунова проходитъ онъ предъ нами, начиная съ ранняго утра, проводимаго имъ въ канцеляріи, когда трещитъ голова и требуется «селедка съ яблоками», и когда просителю купцу, встрѣченному лаконическими словами: «что за человѣкъ?» — говорится ласково: «прошу васъ садиться... въ чемъ ваше дѣло?» — послѣ того какъ тотъ высказалъ не на словахъ, а на дѣлѣ теплое участіе къ домашнему обиходу квартальнаго,—и кончая ужиномъ въ купеческомъ домѣ, гдѣ бутербродъ съ густымъ слоемъ свѣжей икры запивается тенерифомъ братьевъ Зміевыхъ. День «коммисара» наполненъ трудомъ на пользу обществу. Ему часто приходится принимать на себя высокія обязанности примирителя. «Иванъ Семенычъ, да помирись ты съ этой анаѳемой; вѣдь тебѣ же хуже будетъ, если она направитъ дѣло въ управу благочинія», — говоритъ онъ. — «Обидно это мнѣ очень, обидно мириться-то, вѣдь я по первой гильдіи.—Ну, дай ты ей *пятнадцать* цѣлковыхъ...—Ну, такъ и быть, получи! только нельзя ли ее хоть дня на три въ часть посадить.—Ужъ сдѣлаемъ, что̀ можно». Пріемы примиренія очень просты, хотя и неожиданны. «Позвольте узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло? — спрашиваетъ, подходя къ столу, среднихъ лѣтъ женщина.—Вы Анна Клюева? вдова сенатскаго копіиста?— Да-съ.—Тэкъ-съ! А вы давно кляузами изволите заниматься?— Помилуйте, какія же это кляузы, когда онъ на паперти меня прибилъ...—А свидѣтели у васъ есть? А докторъ васъ свидѣтельствовалъ?—Помилуйте...—Вы насъ, матушка, помилуйте! И безъ васъ у насъ дѣла много. Вы женщина бѣдная, возьмите *пять* рублей и ступайте съ Богомъ. А то мы васъ сейчасъ должны будемъ отправить къ частному доктору для освидѣтельствованія нанесенныхъ вамъ побоевъ, тотъ раздѣвать васъ будетъ... Что̀ хорошаго, вы — дама». Просительница начинаетъ всхлипывать. — «А какъ тотъ, съ своей стороны, озлится, да приведетъ свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что его въ этотъ день не только въ

церкви, а и въ Москвѣ не было, такъ васъ за облыжное-то показаніе...—Помилуйте, прерываетъ просительница.—Позвольте, дайте мнѣ говорить... Вы не бывали на Ваганьковскомъ кладбищѣ?—Мой мужъ тамъ схороненъ.—Стало-быть, мимо острога проѣзжали. Непріятно вѣдь вамъ будетъ въ острогѣ сидѣть.—Я правду говорю! Неужели за правду...—Полноте, возьмите *пять* рублей. Василій Ивановичъ, возьмите съ г-жи Клюевой подписку, что она дѣло прекращаетъ миромъ. Вамъ напишутъ, а вы подпишете.—Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Богъ съ нимъ!—Ну, какъ хотите!» Выступаетъ онъ и въ роли защитника угнетенныхъ, съ примѣненіемъ тѣхъ упрощенныхъ пріемовъ, въ цѣлесообразность и воспитательное значеніе которыхъ до сихъ поръ не хотятъ, по упорству, вѣрить нѣкоторые, теоретики, пропитанные кабинетными идеями. «Батюшка, ваше благородіе, защити ты меня, отецъ родной!—голоситъ, валяясь въ ногахъ у него старуха—все пропилъ...—Кто пропилъ?—грозно вскрикиваетъ онъ.—Сынъ, батюшка, родной сынъ... Защити ты меня...—Это ты?—обращается квартальный къ молодому, щеголевато одѣтому мастеровому.—Я!—отвѣчаетъ нахально мастеровой.—Ты кто такой?—Цеховой кислощейнаго цеха.—То-то у тебя и рожа-то кислая!.. Ты знаешь божью заповѣдь: «Чти отца твоего и матерь твою»...—Бацъ! Цеховой летитъ въ стѣну.—Ты знаешь, что твоя мать носила тебя въ своей утробѣ сорокъ недѣль?—Зн...—Бацъ!—Ваше благородіе...—Ступай съ Богомъ! На первый разъ съ тебя довольно. Василій Ивановичъ, возьмите съ него *подписку*, что впредь онъ будетъ оказывать матери сыновнее почтеніе». Являлся онъ, наконецъ и въ роли блюстителя народнаго здравія и охранителя чужихъ имущественныхъ правъ. «Что̀ это ты, братецъ,—говоритъ они купцу,—весь кварталъ заразилъ». «Мнѣ и самому тошно,—отвѣчаетъ тотъ,—да что жъ дѣлать-то! Три года не выкачивали. Капуста, милый человѣкъ, дѣйствуетъ! Заходи ужо—портфеинцу по рюмочкѣ выпьемъ».—«Шуба соболья!» выкрикиваетъ при описи имущества несостоятельнаго должника охранитель. Писарь записываетъ. «Что̀ ты, въ первый разъ, что ли, на описи-то?—говоритъ тихо коммисаръ,—пиши: *мѣховая*».—«Ложекъ серебрянныхъ»... возглашаетъ охранитель... Писарь записываетъ. «Да *металлическихъ!* чортъ тебя возьми! *металлическихъ*... я такого дурака еще не видывалъ!»

Быстрота и самоувѣренная беззастѣнчивость распоряженій, примѣры которыхъ приводитъ Горбуновъ, не давая обывателю ни времени, ни привычки къ критической оцѣнкѣ и къ любознательности о томъ, гдѣ тотъ законъ, на который онѣ опираются, дер-

жала, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣка не только въ спасительномъ, но даже и суевѣрномъ страхѣ. Особенно сильно наводилъ его, въ до-реформенное время, становой, какъ изслѣдователь всякихъ происшествій, могущихъ таить въ себѣ слѣды преступленія. Возможность огульнаго обвиненія или, во всякомъ случаѣ, заподозрѣнія, неслась предъ становымъ приставомъ, какъ вѣтеръ предъ грозою, совсѣмъ пригибая къ землѣ привыкшія жить въ трепетѣ души. «Вотъ когда становой пріѣдетъ!»—говорятъ около трупа убитаго молніей мальчика. «Что-жъ, становой!.. становой ничего»...—«Становой-то ничего»...—«Мужички почтенные,—становой ежели пріѣдетъ—мы ничего не знаемъ»... «А что, его потрошить будутъ?»—Само собою: *не по закону померъ*, потрошить». «Становой! становой!»—слышатся крики—и окружающіе обращаются къ ни въ чемъ неповинному парню и, чувствуя, что *необходимъ* виновный, говорятъ ему: «Петрунька! голубчикъ, не погуби! прими все на себя»!—и, не ожидая отвѣта, спѣшатъ на встрѣчу становому съ заявленіемъ: «Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ не причинны»... Когда въ «Утопленникѣ», вытащившіе трупъ, при звукахъ колокола, ударившаго въ далекомъ монастырѣ къ заутрени, крестятся и говорятъ:—«упокой, Господи, душу раба твоего,—отмаялся ты на семъ свѣтѣ, голубчикъ»!—наступившую благоговѣйную тишину прерываетъ заявленіе:—«что-жъ, ребята, теперь ступай къ становому,—объявить надо—такъ и такъ».—«Затаскаютъ, насъ, братцы, таперча».—«Да, не помилуютъ»—«Я сидѣлъ разъ въ острогѣ-то, за подозрѣніе. Главная причина, братцы, говори всѣ одно, не путайся. Мѣсяца два меня допрашивали. Сейчасъ приведутъ тебя, становой скажетъ: «вотъ братецъ, человѣка вы утопили,—сказывай, какъ дѣло было?»—Ничего молъ, ваше благородіе, этого я не знаю,—а что собственно услыхамши мы крикъ и таперича, какъ человѣкъ ежели тонетъ,—отвязали мы, значитъ лодку... А насчетъ того, что откачивали—молчи, потому скажетъ: какъ ты смѣлъ до его дотронуться? Какое ты полное право имѣешь?..—Я, молъ, какъ свѣча горю предъ вашимъ благородіемъ, прикажите хоть огни подо мною поджигать—я ничего не знаю. «Я, скажетъ, братецъ, вѣрно знаю, что это *ваше дѣло*». Говори одно:—какъ вашей милости угодно будетъ, я этому дѣлу не причиненъ».

Очевидно, что говорящіе такъ смотрѣли на представителей мѣстной власти, какъ на стихійную силу, противъ которой одно средство спасенія—все отрицать, терпѣливо и упорно. Резоновъ она не принимаетъ и налетаетъ съ предвзятымъ и твердымъ рѣшеніемъ. Безполезно опровергать его, это пустая трата словъ,—все

равно не повѣрятъ, да и слушать не станутъ. Надо запираться во всемъ — вотъ и все. Система запирательства, выработанная вѣками безсудья (недаромъ и о раскладываніи огней говорится въ безсознательномъ переживаніи судебныхъ ужасовъ XVII и даже XVIII столѣтій)—эта система приходитъ въ голову простому человѣку, едва лишь ему довелось быть случайнымъ свидѣтелемъ смерти отъ несчастнаго случая или даже пытаться спасти утопленника. Возможность того, что «затаскаютъ» и «въ острогъ влетишь»— слишкомъ реальна и основана на горькомъ опытѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь увернуться отъ осуществленія этой возможности, изображаемый Горбуновымъ простой русскій человѣкъ далекъ отъ желанія не только разбирать, но даже и объяснять себѣ основанія и поводы дѣйствій представителей мѣстной власти. Должно быть, все, чтò онá предпринимаетъ, такъ и надо, — такъ неизбѣжно и до такой степени само собою разумѣется, что даже и говорить объ этомъ не стоитъ. «Пожалуй — въ острогъ влетишь», — говоритъ продрогшій парень, вытащившій на берегъ утопленника.—«Хитрого нѣтъ!» —отзывается другой.— «За что?» — спрашиваетъ третій «А за то».—«За что,—за то?»—«Тамъ уже опосля выйдетъ разрѣшеніе»,—заключаетъ успокоительно первый... Этому благодушному примиренію съ неизбѣжнымъ и ненуждающимся въ какомъ-либо обоснованіи «разрѣшеніемъ» часто соотвѣтствуетъ представленіе о какихъ-то особыхъ правахъ, составляющихъ принадлежность всякаго сколько-нибудь «значительнаго» человѣка. Хотя брань на вороту не виснетъ, по пословицѣ, и мужики, собравшіеся для медвѣжьей охоты, благодушно замѣчаютъ: «шибче полковника никому такъ не изругаться, такъ обложитъ—лучше требовать нельзя»... но и ихъ благодушію есть предѣлъ. — «Возилъ я нынче купца петербургскаго, трактирщика, — разсказываетъ крестьянинъ-ямщикъ,—ужъ оченно ругается... Такъ ругается—нѣтъ никакой возможности! Предъясняетъ, что въ Петербургѣ онъ очень значительный. Я, говоритъ, при своемъ капиталѣ кого хошь въ острогъ посажу».—«А вы и вѣрите?»—«Да какъ же не вѣрить? Можетъ, *права* такія имѣетъ. Мы этого не знаемъ. Петербургъ отъ насъ далеко»... Вотъ почему въ былые годы исполненіе требованій властнаго человѣка, даже и не вытекающихъ никоимъ образомъ изъ его должности или положенія, считалось мірскимъ дѣломъ, повинностью, несомою всѣми за одного и одним за всѣхъ, во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Старый слѣпой дѣдъ, лежащій на печи, услышавъ стукъ старосты въ окно, переговоры вполголоса и крикливое возраженіе дѣвушки, призываемой для особой услуги къ наѣхавшему чиновнику: «да что это, въ самомъ дѣлѣ, точно

другихъ дѣвокъ на селѣ нѣтъ?! третьяго дня къ одному посылали, вчерась къ другому требовали, а нынче, накось, и къ третьему иди! не пойду я!» — говоритъ ей наставительно: «полно, полно, Матреша,—послужи міру-то»...

Рядомъ съ этимъ, готовность обращаться къ полицейской власти по всякому случаю — часто живописуется въ разсказахъ Горбунова. Русскій человѣкъ любитъ видѣть вмѣшательство полиціи, призываетъ ее и относится къ ней съ сочувствіемъ не какъ участникъ, но какъ зритель, играя, въ составѣ толпы, иногда роль хора античныхъ трагедій. «Нѣтъ, вы про затменіе докажите! вы только народъ въ сумнѣніе приводите»,—говоритъ кто-то изъ толпы астроному-добровольцу, собравшемуся смотрѣть въ одномъ изъ за-москворѣцкихъ переулковъ на солнечное затменіе — и, не дожидаясь отвѣта, при общемъ сочувствіи, кричитъ:—«Городовой! городовой!»—«Вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе!» — одобрительно говорятъ въ толпѣ. «Да! нашъ городовой никого не помилуетъ».— «Что это за народъ собравши?—Да вотъ пьяный какой-то выскочилъ изъ трактира, наставилъ трубочку на солнышко,—говоритъ— затменіе будетъ...—Да гдѣ жъ городовой-то?—Чай пить пошелъ.— Надо бы въ часть вести. — Сведутъ, ужъ это безпремѣнно. — За такія дѣла не похвалятъ»... Самимъ говорящимъ неясно—въ чемъ состоитъ дѣло, за которое *похвалить нельзя*, и за что̀ *не помилуетъ городовой*, но ясно и непреложно одно: необходимъ городовой. Онъ разрѣшитъ натянутое положеніе и успокоитъ напряженіе нервовъ. Не даромъ къ нему даже обращаются съ вопросами о томъ, «какъ понимать эту самую «фру-фру», обозначенную въ театральной афишѣ». Вотъ и онъ!—увѣренный въ себѣ и солидарный съ толпою во взглядахъ на свои задачи. Онъ сразу становится на высоту своего оффиціальнаго положенія, и первое его слово, обращенное къ жадно ждущей его толпѣ — «осади назадъ!» Но толпа дорожитъ даровымъ зрѣлищемъ, гдѣ она и зритель и дѣйствующее лицо вмѣстѣ, она лѣзетъ, напираетъ, спѣшитъ «излить мольбы, признанья, пени»... и ея страстный говоръ постоянно прерывается окриками: «не наваливайте! — которые...» и «осадите назадъ!» — «Сейчасъ выручитъ!»—радостно говорятъ среди окружающихъ—«Иванъ Павлычъ, ты — нашъ тѣлохранитель, выручи»... обращаются къ нему. И онъ выручаетъ, самъ, вѣроятно не зная— *кого* и изъ *чего*. Услышавъ выраженіе: «вы тогда поймете, когда въ дискѣ будетъ», — онъ говоритъ: «почтенный, вы за это отвѣтите!»—«За что̀?»—«А вотъ за это слово ваше нехорошее!»— «Сейчасъ затмится».—«Можетъ, и затмится, а вы, господинъ, пожалуйте въ участокъ. Этого дѣла такъ оставить нельзя».—«Какъ возможно,»—убѣжденно замѣчаютъ въ толпѣ...

IV.

Судебная реформа внесла новыя начала въ нашу народную жизнь. Она пробудила въ обществѣ силы, не находившія себѣ дотолѣ достойнаго примѣненія, она послужила нравственною школой народу и съ такою систематическою настойчивостью стала вызывать въ обществѣ стремленіе къ истинному правосудію и уваженіе къ человѣческому достоинству, что составленное Горбуновымъ шуточное филологическое изслѣдованіе о *розгословіи, брадоиздраніи, власоисхищеніи и прочемъ* *)—стало казаться безвозвратно отошедшимъ въ область прошлаго. Знаменитый «коммисаръ» потерялъ, какъ говоритъ Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, свой престижъ. «Онъ не имѣлъ уже прежняго значенія въ купеческихъ домахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбѣ. Уже его не подводилъ хозяинъ подъ-руку къ закускѣ, съ упрашиваніемъ выкушать на доброе здоровье, а предлагалъ ему просто, мимоходомъ:—«Ермилъ Николаевичъ, ты бы водки выпилъ. Настойка тамъ есть»... Мировой судья сдѣлался, черезъ мѣсяцъ послѣ своего появленія на свѣтъ, популярнымъ учрежденіемъ, и попросту сталъ называться *мировымъ*. Мѣсто произвола понемногу, увѣренною въ себѣ стопою, стала стараться заступать законность, а гласное разбирательство представило обширное поле для наблюденій надъ жизнью, такъ сказать, захваченною врасплохъ и раскрываемою безъ искусственнаго освѣщенія, умолчаній и прикрасъ. Рядомъ съ этимъ судъ присяжныхъ, еще не обратившійся въ предметъ различныхъ обвинительныхъ литературныхъ упражненій, сдѣлалъ народъ въ качествѣ представителей общественной совѣсти не пассивнымъ участникомъ и не празднымъ зрителемъ, а окончательнымъ разрѣшителемъ судебной драмы. Засѣданія этого суда въ первое время были полны захватывающаго интереса и не столько съ юридической точки зрѣнія, сколько со стороны бытовой. Жизнь приливала къ стѣнамъ суда шумными волнами, и эти волны выбрасывали на берегъ—въ лицѣ свидѣтелей, подсудимыхъ, потерпѣвшихъ, а иногда даже и участниковъ суда, обвинителей, защитниковъ и самыхъ присяжныхъ—такихъ разнородныхъ и разновидныхъ представителей всѣхъ слоевъ общества

---

[1]) «Слова, вмѣстѣ съ выражаемыми ими дѣйствіями, вышедшія изъ употребленія въ новой и свободной Россіи послѣ 19-го февраля 1861 года»—изъ давней записки. Сообщено И. Ѳ. Горбуновымъ. «Русская Старина». 1891 г. № 10.

и всѣхъ условій бытовой обстановки, что романистъ, художникъ и изслѣдователь народной жизни, съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ юристъ, могли считать залу суда мѣстомъ для плодотворныхъ наблюденій и изученій. Ниже мы будемъ говорить объ отношеніи Горбунова къ новому суду, но здѣсь не можемъ не указать, что въ его разсказахъ суду этому было отведено видное мѣсто. Горбуновъ умѣлъ уловить всѣ его особенности, выхватить изъ него рядъ живыхъ и содержательныхъ сценъ, съ чрезвычайною наблюдательностью изобразивъ тѣ комическія положенія, которыя создавались столкновеніемъ между теоретическими предписаніями закона, имѣющаго въ виду отвлеченную личность, и живымъ лицомъ, приносившимъ въ судъ всѣ особенности своихъ бытовыхъ и правовыхъ воззрѣній.—«Не угодно ли вамъ дать ваше заключеніе, въ качествѣ эксперта, о достоинствѣ шампанскаго, въ продажѣ котораго подъ извѣстною и пользующеюся довѣріемъ чужою иностранною маркою обвиняется подсудимый?»—обращается предсѣдатель къ «свѣдущему человѣку», благообразному старому негоціанту, вызванному въ судъ, какъ опытный знатокъ въ винахъ. «Свѣдущій человѣкъ» истово беретъ бокалъ съ только-что откупореннымъ шампанскимъ, прикладывается къ нему губами, вытираетъ ротъ фулярнымъ платкомъ, смотритъ вино на свѣтъ и молчитъ. «Ваше заключеніе?» — «Чего-съ?» — «Ваше заключеніе?» — «То-есть — это о чемъ же?»—«Соотвѣтствуетъ ли испробованное вами шампанское по своимъ качествамъ вину той марки, подъ названіемъ которой оно пущено въ продажу подсудимымъ? — Негоціантъ снова пробуетъ вино, вытираетъ ротъ и молчитъ.—«Какое же ваше заключеніе?»—«Мое-съ?» — «Ну да! конечно ваше»,—нетерпѣливо говоритъ предсѣдатель. Свѣдущій человѣкъ переступаетъ съ ноги на ногу, задумывается, потупляется и вдругъ, поднявъ голову, рѣшительно говоритъ: «Покупатель выпьетъ!..»

Въ разсказахъ Горбунова судебное засѣданіе оживало со всѣми своими дѣйствующими лицами,—съ публикою и свидѣтелями. Жеманная барышня, картавящая, говорящая скороговоркою и прерывающая вопросы защитника восклицаніемъ: «ахъ! что̀ вы!»;—пришепетывающая и захлебывающая отъ волненія старушка;—говорливый приказчикъ;—испуганный свидѣтель «изъ простыхъ», никакъ не умѣющій выбраться изъ рокового круга словъ: «значитъ», «то-есть», «выходитъ» и т. п., и цѣлый рядъ прямо выхваченныхъ изъ жизни лицъ, очерченныхъ кратко, но чрезвычайно мѣтко,—населяли тѣ придуманныя Горбуновымъ засѣданія, вымышленность которыхъ исчезала за ихъ яркою житейскою правдоподобностью. Особенно удаченъ былъ его большой разсказъ о судѣ по очень

важному дѣлу. Усердный посѣтитель судебныхъ засѣданій, убѣжденный и, какъ онъ самъ выражался, «радостный» поклонникъ новаго суда, Горбуновъ умѣлъ подмѣтить и нѣкоторыя его, извинительныя въ большинствѣ случаевъ, слабыя стороны. Отъ него не ускользнули—кое-какой излишекъ торжественности въ обстановкѣ, непонятная простымъ зрителямъ условность иныхъ судебныхъ дѣйствій, приподнятый тонъ и высокій слогъ, которыми вооружились «для пущей важности» въ первое время нѣкоторые, весьма, впрочемъ, почтенные предсѣдатели,—запутанность юридическихъ опредѣленій преступныхъ дѣйствій, вызванныхъ привитіемъ къ корявому стволу устарѣлаго Уложенія молодыхъ черенковъ Судебныхъ Уставовъ, за которою подчасъ исчезали дѣйствительныя житейскія черты преступленія,—и, наконецъ, излюбленныя и далеко не всегда оправдываемыя обстоятельствами дѣла ссылки на *невмѣняемость*... Съ тонкимъ юморомъ указывая на это, Горбуновъ былъ, однако, далекъ во всѣхъ своихъ судебныхъ разсказахъ отъ недоброжелательной насмѣшки надъ судомъ. Онъ понималъ, что новыя формы, внезапно возникшія среди стараго бытового и общественнаго строя, могли естественно создавать, особливо въ первое время, неловкія и неожиданныя положенія, ошибки и затрудненія, способныя вызвать улыбку и смѣхъ, но не злорадство, ибо за ними чувствовалась чистота и высота наполнявшаго ихъ принципіальнаго содержанія. Слушаніе процесса по очень важному дѣлу откладывается довольно долго, за невозможностью розыскать главнаго свидѣтеля—цехового Прокофьева. Но вотъ онъ найденъ—и вмѣстѣ съ нимъ, надо полагать, найденъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ могущихъ возникнуть по дѣлу сомнѣній. Назначенъ день слушанія. Публика съ ранняго утра наполняетъ зданіе суда, терпѣливо ожидая интереснѣйшихъ разоблаченій. Предсѣдатель, чувствуя себя главнымъ руководителемъ давно ожидаемаго процесса, рѣшается «стать на высоту положенія» и съ особою торжественностью открываетъ засѣданіе. Молодой секретарь, быть можетъ впервые выступающій публично, читаетъ обвинительный актъ, смущаясь, торопясь, глотая слова и не соблюдая паузъ. Слова слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерывовъ, съ неумѣлыми передышками, сливаясь въ однотонномъ и быстромъ чтеніи, изъ котораго лишь по временамъ вырываются, нарушая его общее гипнотизирующее и усыпляющее вліяніе «страшныя слова» въ родѣ: *оказалось, показалъ, не признавая, на основаніи, предусмотрѣно, предается* и т. п. Обвиняемыхъ двое, молодые люди, мужчина и женщина. Предсѣдатель, многозначительно обращаясь къ первому изъ и ихъ, говоритъ: «Подсудимый—студентъ технологическихъ наукъ

Сидоровъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что 30-го февраля (sic!) сего года, на Лиговкѣ, имѣли, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и умысломъ, продолжительный разговоръ о предметахъ, суду неизвѣстныхъ?» «Нѣтъ, не признаю!»—мрачно отвѣчаетъ тотъ. Предсѣдатель, съ еще большею многозначительностью:—«Подсудимая,—окончившая курсъ кулинарныхъ предметовъ Иванова, признаете ли себя виновною въ томъ, что въ то самое время, когда Сидоровъ имѣлъ упомянутый разговоръ, вы, тоже съ умысломъ, находились на Гороховой, съ цѣлью покупки себѣ шерстяныхъ чулокъ?»—Подсудимая, срываясь съ мѣста, стремительно отвѣчаетъ: «Да! признаю, но я была *въ состояніи аффекта...*» (иногда Горбуновъ дѣлалъ варіантъ, и подсудимая у него отвѣчала, послѣ нѣкотораго размышленія: «*Въ фактѣ*—да!»). Предсѣдатель торжественно и вмѣстѣ любезно: «Садитесь!» Начинается приводъ къ присягѣ свидѣтелей, неподражаемо изображавшійся Горбуновымъ. Лицо, называемое предсѣдателемъ—«святымъ отцомъ» и неожиданно для себя застигнутое обязанностью сдѣлать свидѣтелямъ внушеніе, говоритъ довольно сбивчиво съ внезапными повышеніями голоса и сильно напирая на *о*, и кончаетъ заявленіемъ, что не *токмо* законъ гражданскій, но *даже* и небесный судъ наказываютъ за ложное показаніе. Свидѣтели присягаютъ каждый по-своему. Дворникъ, размашистымъ жестомъ съ силою ударяетъ себя въ плечи, лобъ и грудь; франтъ поношеннаго вида и неопредѣленныхъ занятій со снисходительною улыбочкою небрежно болтаетъ пальцами надъ подбородкомъ; городовой, бляха № 999, смотритъ все время на предсѣдателя, даже и прикладываясь, и потому чуть не попадаетъ мимо... Наступаетъ пауза, свидѣтели мнутся съ ноги на ногу, а затѣмъ предсѣдатель, обращаясь къ судебному приставу, говоритъ взволнованнымъ голосомъ: «Удалите свидѣтелей!» многозначительно прибавляя: «останется цеховой Прокофьевъ»... Прокофьевъ стоитъ посреди залы. На немъ старый сюртукъ, застегнутый на одну уцѣлѣвшую пуговицу, и очень короткіе брюки, съ оттопыренными буффами на колѣняхъ. Признаковъ бѣлья не имѣется. Всѣ обращаются въ слухъ.—«Господинъ Прокофьевъ, доложите суду въ связномъ и послѣдовательномъ разсказѣ все, что̀ вамъ извѣстно по настоящему дѣлу... или, быть можетъ, вы предпочтете *подвергнуть себя* перекрестному допросу?»—Напряженіе общаго вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Прокофьевъ обводитъ сидящихъ глазами, перебираетъ привычно-трясущимися руками борты засаленнаго и порыжѣлаго сюртука, и вдругъ плаксивымъ голосомъ заявляетъ: «Ваше сіятельство... я человѣкъ пьяный...».

Интересуясь всѣми выдающимися процессами, Горбуновъ по-своему отзывался на нихъ, заключая иногда тонкую иронію въ юморъ выхваченнаго изъ жизни разсказа. Многимъ памятно надѣлавшее столько шуму дѣло Мироновича, обвинявшагося въ задушеніи Сарры Беккеръ. Въ кулачкѣ несчастной дѣвочки, при открытіи этого темнаго злодѣянія оказался зажатымъ клокъ волосъ, очевидно принадлежащій тому, съ кѣмъ ей пришлось бороться за свою жизнь. Волосы были бережно вынуты, сложены на бумагѣ и положены на подоконникъ, но когда, по окончаніи протокола осмотра трупа и мѣста совершенія преступленія, при чемъ въ комнату входили и выходили изъ нея разные люди, хватались волосъ—ихъ уже не оказалось, а съ ними исчезла весьма важная улика, которую надо было потомъ возмѣщать рядомъ болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній и смѣлыхъ догадокъ. Какъ извѣстно, дѣло разбиралось два раза, чрезвычайно занимая и даже волнуя общество, раздѣлившееся по вопросу о виновности Мироновича на лагери. Въ первый разъ Мироновичъ былъ обвиненъ, во второй—оправданъ. Дѣло прошло, оставивъ неразъясненнымъ вопросъ о совершителѣ и о мотивахъ загадочнаго преступленія и лишь представивъ во всемъ неприглядномъ своемъ блескѣ образъ *психопатки*, самое названіе котораго, впервые заявленное учеными экспертами во всеуслышаніе на судѣ, пріобрѣло себѣ съ тѣхъ поръ право гражданства въ нашемъ житейскомъ обиходѣ. Вскорѣ послѣ этого Горбуновъ сталъ разсказывать о приказчикѣ, который, побывавъ съ товарищемъ въ Зоологическомъ саду и сдѣлавъ «честь-честью» все, чтò *полагается*, т. е. поклонившись Михайлу Ивановичу (медвѣдю), предоставивъ яблочко обезьянамъ, покормивъ слона булочкою и *подразнивъ* льва, отправился на Крестовскій островъ и на дорогѣ вздумалъ выпить бутылку «попутнаго». Въ погребкѣ, послѣ предложенія посѣтителямъ прейсъ-куранта, «по которому имъ пить невозможно», ихъ соблазняютъ разсказомъ о томъ, что недавно «фундаментъ перекладàли» и въ немъ нашли замуравленными три бутылки, которымъ, поэтому, должно быть не менѣе 80 лѣтъ. Когда откупориваютъ одну изъ этихъ дорогихъ—потому что рѣдкостныхъ—бутылокъ, изъ нея вылетаетъ муха. «Какъ же это ты, такой-сякой,—говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, товарищъ разсказчика,—увѣряешь, что вину 80 лѣтъ, когда въ ёмъ живая муха?!»—«Что же,—отвѣчаетъ сидѣлецъ,—муха завсегда въ спирту жить можетъ».—«Ну, *натурально*,—продолжаетъ разсказчикъ,—Иванъ Ѳедоровъ ему сейчасъ въ ухо... Поднялся это крикъ, пришелъ городовой, привели околоточнаго, бутылку взяли, составили актъ, насъ записали, *муху къ дѣлу припечатали*... Теперь не миновать

подъ арестъ. Мировой засудитъ! Одна надежда: коли ежели эта муха пропадетъ—оправдаютъ!!»

Понятно, что мировое судебное разбирательство, непосредственно касающееся явлений повседневной народной жизни, должно было давать Горбунову краски и мотивы для самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Нѣтъ возможности не только перечислить, но даже и припомнить всѣ его повѣствованія о происходящемъ въ камерахъ мировыхъ судей и у тѣхъ мелкихъ ходатаевъ, которые преимущественно принимаютъ на себя защиту у послѣднихъ. Своеобразный взглядъ на свое положеніе и обязанности, на отношеніе къ правамъ другихъ и къ условіямъ житейскаго поведенія у дѣйствующихъ лицъ этихъ разсказовъ тѣсно связанъ со страхомъ отвѣтственности и въ особенности огласки. Безобразные размахи широкой натуры какъ-то странно переплетаются тутъ съ этимъ страхомъ и уживаются вмѣстѣ. При всей пестротѣ этой картины, въ ней чувствуются вѣрныя дѣйствительности краски, не исчезнувшія подъ внѣшнимъ лоскомъ поверхностной и наносной культуры. Въ силу этихъ особенностей, напр., два приказчика изъ Апраксина двора, не отрицая того, что они *бушевали* въ трактирѣ «Ягодка», разбили зеркало и вымазали горчицею лицо трактирному служителю,—тѣмъ не менѣе рѣшительно не признаютъ себя ни въ чемъ виновными потому, что «за все за это заплочено и мальчишкѣ дадено, что́ слѣдуетъ, а ежели и смазали маленько — бѣды тутъ большой нѣтъ, вотъ ужели бы скипидаромъ смазали, опять же за это и деньги заплочены». По тѣмъ же основаніямъ и хозяинъ пекарни, гдѣ найдена масса всякой нечистоты и тараканов и гдѣ подмастерья спятъ въ повалку на столахъ, на которыхъ дѣлаютъ хлѣбы, отказывается понять, за *что* его хочетъ присудить къ штрафу мировой судья, такъ какъ «гдѣ человѣкъ, тамъ и тварь всякая водится, и не должонъ же онъ своимъ рабочимъ *диваны* покупать», а когда судья ему не внемлетъ, то замѣчаетъ сокрушенно: «теперича я, значитъ, за кажиннымъ тараканомъ съ палкою ходить должо́нъ!?.» Иногда дѣло не доходитъ до отрицанія вины, но предъявляются резоны, въ силу которыхъ наказаніе по всей справедливости должно быть смягчено. Подсудимый, признавая себя виновнымъ въ томъ, что два раза смазалъ кого-то въ дракѣ, возникшей въ «Орфеумѣ» вслѣдствіе замѣчанія какого-то «не то господина, не то писаря» относительно «необразованія» кутящей компаніи, на что одинъ изъ нея—«какъ свиснетъ его: вотъ, говоритъ какое наше образованіе!»—узнаетъ отъ защитника, что придется сидѣть въ тюрьмѣ недѣли три, и удивленно спрашиваетъ: «все равно какъ простой человѣкъ? съ арестантами?» прибавляя за-

тѣмъ: «а ежели я купецъ, напримѣръ, гильдію плачу?» — и услышавъ, что «вдобавокъ въ газетахъ обозначать», справляется:—«а ежели, напримѣръ, пожертвовать на богадѣльню или куды?»

Такимъ обвиняемымъ нерѣдко соотвѣтствуютъ и надлежащіе защитники ихъ невинности. Горбуновъ, понимая необходимость защиты въ уголовныхъ дѣлахъ, зналъ, что присяжная адвокатура сослужила русскому судебному дѣлу большую службу, способствуя развитію правопониманія въ обществѣ и во многихъ случаяхъ безкорыстно содѣйствуя суду въ отысканіи истины. Но онъ нашелъ для себя богатый матеріалъ въ дѣятельности представителей низшихъ слоевъ адвокатуры, уцѣлѣвшихъ отчасти изъ контингента дореформенныхъ ходатаевъ, строившихъ свой успѣхъ часто на незнаніи закона тѣми, кто къ нимъ обращался. На этомъ поприщѣ состязанія корысти и невѣжества имъ выведено нѣсколько яркихъ фигуръ. «Прежде проще было,—жалуется попавшій «къ мировому» буянъ,—я у квартальнаго раза два судился: дашь, бывало, письмоводителю и кончено, а теперича и дороже стало, и сраму больше;— сейчасъ, вотъ, былъ тоже у одного адвоката—три синенькихъ отдалъ за разговоръ. Я, говоритъ, твое дѣло выслушаю, только ты мнѣ, говоритъ, за это пятнадцать рублей и деньги сейчасъ. Ну, отдалъ, разсказалъ все какъ слѣдуетъ... Уповай, говоритъ, на Бога! и ничего больше. Уповай, говоритъ, и шабашъ!» Это — *до-судебная* помощь. Но и помощь *на судѣ* можетъ оказаться не лучше.—«Г. мировой судья!—восклицаетъ защитникъ сотворившихъ «смазь» горчицею,—чистосердечное раскаяніе, принесенное въ судѣ, на основаніи новаго законоположенія, ослабляетъ... законъ разрѣшаетъ по внутреннему убѣжденію...» — «Позвольте! — прерываетъ судья,—вы въ какомъ видѣ?»—«Чего-съ?»—Судья повторяетъ вопросъ, на который слѣдуетъ наивно-вопросительный отвѣтъ: «Въ какомъ-съ?» — «Я васъ штрафую тремя рублями. Извольте выйти вонъ».—«Скоро, справедливо и милостиво!»—заплетающимся языкомъ и силясь гордо взглянуть посоловѣлыми глазами, восклицалъ Горбуновъ, дѣлая видъ, что захлопываетъ толстую книжку Судебныхъ Уставовъ... Не даромъ, поэтому, обыватель, подлежащій явкѣ къ мировому, не всегда благосклонно относится къ вопросу о вознагражденіи за будущую защиту.—«Ищу адвоката,—говоритъ купецъ, допустившій по отношенію къ бѣдной дѣвушкѣ-переводчицѣ «безобразіе бабушки» и собственное «малодушіе»,—былъ у одного, да не понравился: чѣмъ, говорю, прикажете васъ вознаграждать?— всталъ, эдакъ, выпрямился: мнѣ кажется, говоритъ, что опосля изобрѣтенія денежныхъ знаковъ вашъ вопросъ совершенно лишній...»

V.

Въ области общественной службы, публичныхъ развлеченій и общественныхъ торжествъ творчество Горбунова и его способность подмѣтить, въ юмористической формѣ, выдающіеся внутренніе моменты—находили себѣ обильную пищу. Почти во всѣхъ этихъ его разсказахъ и сценахъ изъ-за отдѣльнаго, яркаго и жизненно-правдиваго эпизода выступаетъ проницательное и прочувствованное изображеніе *отношенія* русскаго человѣка къ различнымъ сторонамъ и вопросамъ жизни,—того отношенія, которое присуще именно русскому человѣку, составляя оригинальное проявленіе свойствъ его природы и условій его культурнаго развитія. Въ ряду такихъ сценъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало, въ словесномъ изложеніи Горбунова, фантастическое засѣданіе уѣзднаго земскаго собранія, въ которомъ разрѣшается вопросъ о назначеніи дополнительнаго содержанія отъ земства одному изъ должностныхъ лицъ, приходящему по своей дѣятельности въ частое соприкосновеніе съ земскими дѣлами и повинностями. На вопросъ предсѣдателя собранія о томъ, принимаетъ ли оно предложеніе о прибавкѣ, встаетъ рядъ гласныхъ, которые произносятъ рѣчи и дѣлаютъ заявленія. Ораторы обрисованы Горбуновымъ съ неподражаемымъ и незабываемымъ мастерствомъ. Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ не напечатанъ и передать его въ подробности не представляется возможнымъ. Представитель крупныхъ землевладѣльцевъ спрашиваетъ небрежнымъ тономъ, какъ о вещи, ясной сама по себѣ:—«это по той же *прерогативѣ*, какъ было сдѣлано въ Казани?»—и получивъ успокоительный отвѣтъ: «да, по той же», говоритъ кратко:—«я согласенъ!» Гласный изъ купцовъ переспрашиваетъ, какая сумма, и узнавъ, что 100 рублей въ годъ, заявляетъ: — «Чтожъ, коли ежели дѣйствительно имъ въ томъ надобность, то можно безъ сумленія, потому при нашемъ капиталѣ это дѣло возможное».—Третій гласный, говорящій на ò и витіевато, испросивъ разрѣшеніе «слово отрыгнуть», начинаетъ словами:—«О чемъ рѣчь? О прибавкѣ!—Кому?—Господину NN.—За что?—За труды!—Однако же уповательно...»—и неожиданно предъявляетъ требованіе объ ассигнованіи и ему, и его сослуживцамъ по паствѣ такой же суммы, поясняя это тѣмъ, что безъ ихъ участія многія существенныя событія въ жизни обывателя обойтись не могутъ.—«Да вѣдь это не относится къ настоящему дѣлу»,—останавливаетъ его предсѣдатель.—«То-есть по-о-звольте, господинъ предсѣдатель, — возражаетъ гласный,—какъ же это не

относится, когда я имѣю семь душъ дѣтей женскаго пола, которыя всѣ требуютъ пищевого довольства!?» — «Все-таки не относится»,—упорствуетъ предсѣдатель. — «Прошу занести въ протоколъ», обиженно говоритъ гласный, надъ горькимъ и зависимымъ матеріальнымъ положеніемъ котораго невольно заставляетъ призадуматься Горбуновъ, умѣвшій въ его комическое по формѣ заявленіе вложить нотку, идущую изъ настрадавшагося сердца.—«Господинъ предсѣдатель,—встаетъ, играя золотымъ pince-nez, случайный гость собранія, пріѣзжій гласный, изысканно-одѣтый и брезгливо осматривающійся кругомъ молодой господинъ изъ Петербурга,—позвольте э-э-э... мнѣ... э-э-э слово»...—и начинается безсвязная, тягучая, наполненная нечленораздѣльными звуками и легкимъ мычаніемъ рѣчь, съ неожиданными модуляціями голоса, то повышаемаго, то доходящаго до многозначительнаго шопота, въ которой, повторяя съ недоумѣвающимъ и какъ бы обиженнымъ видомъ названіе должности, занимаемой «вспособляемымъ» чиновникомъ, петербургскій франтъ силится выжать изъ себя какой-то вопросъ или упрекъ собранію. «Да что вы заладили одно и то же! — нервно восклицаетъ одинъ изъ гласныхъ, ожесточенный «канителью» оратора и сверканіемъ его крутящагося около пальца pince-nez, — вы скажите—ассигновать или отказать?!»—«Господинъ предсѣдатель,—презрительно оглядываясь, говоритъ ораторъ, — я просилъ бы—э-э-э—пригласить... э-э-э... господъ... э-э-э—не перебивать теченіе моихъ мыслей... Я продолжаю. Я говорю...»—и, наконецъ, послѣ долгихъ потугъ и повтореній одного и того же названія должности, онъ разрѣшается заявленіемъ, что сто рублей — столь малая сумма, что едва ли чиновникъ, о которомъ идетъ рѣчь, захочетъ ее взять... Но едва произнесено имъ это предположеніе, какъ гласный отъ крестьянъ, преодолѣвъ навѣянную рѣчами дремоту и внезапно оживившись, восклицаетъ съ твердою и почти радостною увѣренностью и одушевленіемъ: — «Онъ возьметъ! онъ *все* возьметъ!..»

Верхомъ совершенства въ смыслѣ тонкой наблюдательности и яркости изображенія является разсказъ Горбунова о засѣданіи «общаго собранія общества прикосновенія къ чужой собственности»,—въ которомъ юмористическая форма прикрываетъ содержаніе, выхваченно изъ дѣйствительной жизни. Тотъ, кому по личному горькому опыту или по хроникамъ уголовнаго суда знакомы недостатки нашего недавняго акціонернаго законодательства, частыя злоупотребленія голосами подставныхъ акціонеровъ и тщетная борьба дѣйствительныхъ владѣльцевъ акцій съ произвольными дѣйствіями правленій, поддерживаемыхъ искусственно созданнымъ

большинствомъ, найдетъ, что Горбуновъ въ своемъ вымыслѣ вовсе не далекъ отъ проявленій дѣйствительности, одно время столь частыхъ, что они чуть не обратились въ общее правило съ рѣдкими изъ него исключеніями. Открывая засѣданіе, предсѣдатель имѣетъ честь предложить обсужденію «милостивыхъ государей» *первый* главный вопросъ объ увеличеніи содержанія тремъ директорамъ, *второй* — о сложеніи съ кассира невольныхъ прочетовъ, *третій*—о предаціи забвенію, въ виду стѣсненнаго семейнаго положенія, неблаговиднаго поступка одного члена правленія, *четвертый* — о назначеніи пенсіи супругѣ лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ состоянія кассира, и *пятый*—о расширеніи правъ правленія по личнымъ позаимствованіямъ изъ кассы. Совершенно неожиданно раздается чье-то: «ого!» Но предсѣдатель твердо сидитъ въ своемъ сѣдлѣ, поддерживаемый безгласнымъ и безличнымъ большинствомъ.—«Что это «ого»?»—прошу взять назадъ это «ого!» я не могу допустить никакого «ого!»—восклицаетъ онъ. Выступаетъ болѣе краснорѣчивый ораторъ. «Прошу слова, — говоритъ онъ.—Какъ ежели директоръ, хранитель нашего портфеля, обязанный, напримѣръ, содѣйствовать... и все прочее... а мы, значитъ, съ полнымъ уваженіемъ... и ежели теперича директоръ, можно сказать, лицо... Я къ тому говорю: по нашимъ коммерческимъ оборотамъ, когда, напримѣръ, затрещалъ скопинскій банкъ...»—«Вы задерживаете пренія и ставите ихъ на отвлеченную почву,—прерываетъ предсѣдатель,—нельзя ли вамъ просто выразиться, такъ сказать реально: да или нѣтъ...»—«Когда, напримѣръ, разнесли скопинскій банкъ, ограбили вдовъ и сиротъ... можетъ и теперь сиротскія-то слезы не обсохли...»—«Все это вѣрно, но эти слезы—область поэзіи. Правленію нѣтъ никакого дѣла до сиротскихъ слезъ. Позвольте вамъ повторить мое предложеніе стать на реальную почву». — «Мы не знаемъ этой вашей почвы, а грабить не приказано». — «Стало быть, мы грабили, — обиженно спрашиваетъ предсѣдатель и обращается, отъ лица правленія, съ протестомъ къ общему собранію, которое реветъ: «вонъ! вонъ его!» Является однако, миротворецъ и, обращаясь къ «милостивымъ государямъ», вкрадчиво говоритъ: — «Я позволилъ бы себѣ такъ понять это столкновеніе: почтеннѣйшій членъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ предложеніе предсѣдателя, не понялъ, такъ сказать...» — «Какъ не понять! Я говорилъ насчетъ грабежу...» Начинается шумъ, баллотируется выраженіе порицанія оратору, слышатся воззванія къ ревизіонной коммиссіи... «Въ Милютиныхъ лавкахъ устрицы ѣстъ ваша ревизіонная коммиссія»,—кричитъ кто-то въ толпѣ.—Пошумѣвъ въ интересахъ правленія, общее собраніе переходитъ, по

требованію одного изъ присутствующихъ, къ ознакомленію съ *неблаговиднымъ поступкомъ* одного изъ членовъ правленія. — «Съ юридической точки зрѣнія,—объясняетъ предсѣдатель,—поступокъ этотъ... наша юстиція очень рѣзко разграничиваетъ дѣянія, совершенныя...»—«Стащилъ, вотъ тебѣ и *естюція*...»—слышится голосъ...—«совершенныя по злой волѣ... Принимая во вниманіе семейное положеніе...»—«Ну стащилъ это вѣрно!»—«Въ терминологіи нашей юстиціи нѣтъ слова: стащилъ...»—«Ну можно нѣжнѣе сказать—укралъ...»—Засѣданіе кончается баллотировкою вопроса объ увеличеніи содержанія директорамъ.—«Отдай имъ сундукъ съ деньгами, а они туда тебѣ, замѣсто ихъ, бронзовыхъ векселей наворотятъ... Чудесно!..»—восклицаетъ прежній протестантъ.—«Бронзовые векселя, какъ вы изволили выразиться,—перебиваетъ предсѣдатель,—нисколько не отягощаютъ кассу... Позвольте мнѣ докончить!.. Позвольте васъ остановить!.. Вопросъ исчерпанъ, ставлю его на баллотировку!»

Не разъ изображалъ Горбуновъ и общественныя обѣденныя собранія по разнымъ поводамъ. Проявленія развившейся у насъ за послѣдніе годы маніи къ юбилейнымъ обѣдамъ нашли себѣ въ немъ остроумнаго изобразителя, со всѣми своими комическими сторонами, — съ юбиляромъ, узнающемъ впервые и съ изумленіемъ изъ обращенныхъ къ нему рѣчей о своихъ необыкновенныхъ заслугахъ предъ вѣдомствомъ, государствомъ и даже человѣчествомъ, и не знающимъ хорошенько, тонко ли смѣются надъ нимъ или грубо ему льстятъ, — съ вынужденнымъ его отвѣтомъ, при чемъ «виновникъ торжества» обыкновенно «не находитъ словъ...» и признаетъ этотъ, далеко не безопасный для его желудка, день «лучшимъ въ своей жизни»,—и съ тѣмъ, наконецъ, психологическимъ моментомъ, когда вино развязываетъ языкъ и туманитъ голову, когда всѣ начинаютъ говорить вмѣстѣ, забывая иногда цѣль собранія и выбалтывая истинныя чувства, скрытыя дотолѣ подъ юбилейною условностью рѣчи,—однимъ словомъ, когда становится возможнымъ конецъ одного изъ такихъ юбилейныхъ разсказовъ Горбунова, въ которомъ одновременно, съ одного конца стола, изъ-подъ облака нависшаго надъ нимъ сизаго табачнаго дыма, слышится нестройное «ура», а съ другого несется сиплое: «бей его!..»

Между торжественными обѣдами и чествованіями, описываемыми Горбуновымъ, видное мѣсто по мастерству разсказа занималъ обѣдъ, будто бы даваемый въ Москвѣ «нашимъ заатлантическимъ друзьямъ». Во время дипломатическихъ осложненій 1863 года, когда западная Европа стала грозить Россіи вмѣшательствомъ въ «старый споръ славянъ между собою», разсчитывая повліять

на все совокупнымъ воздѣйствіемъ великихъ и даже малыхъ державъ, нѣсколько судовъ русскаго флота, подъ командою С. С. Лесовскаго, зашли въ Нью-Іоркъ и другіе главные порты С.-А.-С.-Штатовъ, и были тамъ, въ память сочувственнаго отношенія русскаго правительства къ сѣверянамъ въ ихъ тяжелой и священной борьбѣ за уничтоженіе невольничества, восторженно приняты. Чрезъ нѣкоторое время, въ 1866 году, предъ Кронштадтомъ появился броненосецъ новаго тогда типа, носившій индѣйское названіе «Міантономо», подъ командою капитана Фокса, пришедшій «отдавать визитъ». Американцы сдѣлались сразу популярными и чествованіе ихъ подчасъ принимало гомерическіе размѣры. Изъ Петербурга они уѣхали въ Москву, и тамъ имъ пришлось узнать, что кромѣ обыкновенныхъ, знакомыхъ имъ морей, въ «сердцѣ Россіи» существуетъ еще особенное «разливанное море», при плаваніи по которому настоящее море, несмотря на свое грозное величіе, начинаетъ становиться лишь «по колѣна». Объ одномъ изъ пиршествъ на берегу такого моря и разсказывалъ Горбуновъ.—Съѣзжающіеся гости, освѣдомляясь, кто будетъ говорить рѣчи, не могутъ дождаться начала обѣда, и смягчаютъ томительность ожиданія предварительной пробою винъ. «А не попробовать ли хересу?»—спрашиваютъ одни.—«Что-жъ, попробуйте,—отвѣчаютъ другіе,—вы пробуйте, а мы подъ васъ подражать будемъ...» Въ срединѣ обѣда начинаются рѣчи «заатлантическихъ друзей». Въ этихъ рѣчахъ Горбуновъ превосходилъ самого себя. Онъ не зналъ по-англійски—а между тѣмъ рѣчи и довольно длинныя, говорились имъ именно на этомъ языкѣ. Въ нихъ, кромѣ обращенія къ слушателямъ, не было почти ни одного *слова* англійскаго—но были всѣ англійскіе *звуки*—и притомъ связанные между собою и переданные сообразно темпераменту говорящихъ. — Ladies and gentlemen!—начиналъ свою рѣчь капитанъ Фоксъ, и говорилъ серьезнымъ тономъ, со сдержанною энергіею, съ паузами, вводными предложеніями и съ поднятіемъ голоса въ концѣ, при предложеніи тоста. — Ladies and gentlemen! срывался съ своего мѣста молодой лейтенантъ американскаго флота, и его быстрая, живая, веселая рѣчь лилась неудержимо, пересыпанная вопросами себѣ, отвѣтами на нихъ, радостными восклицаніями и оканчиваемая бурнымъ финаломъ, который *долженъ* былъ вызывать рукоплесканія собравшихся на пиръ, при чемъ большинство изъ нихъ не понимало, конечно, что именно говоритъ этотъ гость съ типичною американскою бородкою, но чувствовало, что говоритъ онъ отъ полноты души и что самъ онъ—«милый человѣкъ...» А между тѣмъ предварительная проба, въ связи съ тѣмъ, что полагалось по обѣ-

денному питейному обиходу, производила свое дѣйствіе и вызывала приливъ особой любви къ новымъ друзьямъ, которые такъ задушевно заявляютъ что-то, должно быть, очень хорошее. Въ такомъ настроеніи все кажется возможнымъ и достижимымъ, всѣ реальныя очертанія дѣйствительности сливаются и смѣшиваются, а затѣмъ и самая дѣйствительность, въ видѣ яснаго сознанія мѣста и времени, исчезаетъ. Поэтому въ отвѣтъ гостямъ слышится восторженное воззваніе: «Господа американе!—какъ теперича мы друзья,—коли будетъ приказаніе—при нашемъ капиталѣ—мостъ черезъ Антлантическій океанъ—въ три дня!—въ лучшемъ видѣ! Господа американе—ура!» Поэтому, послѣ еще нѣсколькихъ тостовъ, встаетъ, несмотря на оживленное противодѣйствіе сосѣдей, силящихся удержать его за фалды сюртука, одинъ изъ участниковъ обѣда и съ опасностью потерять равновѣсіе, протягивая бокалъ Фоксу, вскрикиваетъ:—«Выпьемъ п-п-патріотическій т-т-тостъ отъ русскаго сердца...»—и на отвѣтное движеніе гостя, неожиданно заявляетъ:—«За здоровье... за здоровье преосвященнаго ура!..»

Въ сценахъ, имѣющихъ предметомъ народныя развлеченія, особое, непосредственное отношеніе простого народа и отдѣльныхъ, близкихъ ему по кругозору, личностей, у Горбунова изображается выпукло и чрезвычайно колоритно. Стоитъ припомнить его «Блонденa» или «Травіату». Дѣйствующимъ лицамъ этихъ сценъ «хоть что хошь представляй»,—и за мѣстами они не гонятся, избирая «которыя попроще» и «выше чего быть невозможно», но пусть только будетъ именно то, «что̀ въ афишѣ обозначено, на чести, безъ подвоху...» Поэтому и Сарра Бернаръ аттестуется такъ: «насчетъ тѣлеснаго сложенія, говорятъ, не совсѣмъ, а что игра—на совѣсть!» Содержаніе представляемаго зрители уже сами себѣ уяснятъ по-своему и даже, гдѣ нужно, дополнятъ. Вслѣдствіе этого имъ *кажется*, что они слышатъ, какъ нѣмецъ «какъ есть настоящій, и человѣкъ, надо полагать, степенный», котораго долженъ нести на спинѣ по канату знаменитый акробатъ, говоритъ ему: «батюшка, господинъ Блонденъ,—пусти душу на покаяніе!»—на что тотъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, Карла Иванычъ, сиди, а то уроню,—намъ публику обманывать не приказано: вишь, квартальный стоитъ!» Поэтому, видя, что «тальянскіе эти самые актеры дѣйствуютъ, сидятъ, примѣрно, за столомъ и закусываютъ», такіе зрители *слышатъ*, какъ тѣ поютъ, что имъ «жить оченно превосходно, такъ что лучше требовать нельзя». И всѣ дальнѣйшіе разговоры переводятся ими на языкъ и понятія своей среды, при чемъ благодаря удивительной русской способности пониманія сущности дѣла или предмета по мимолетнымъ и разрозненнымъ его признакамъ, остовъ

содержанія происходящаго предъ ними, хотя бы и на чуждомъ языкѣ, схватывается ими вѣрно. Оказывается, что г-жа Патти подноситъ г-ну Канцеляри стаканчикъ красненькаго, со словами: «выкушайте, милостивый государь», и, услышавъ отъ него признаніе въ любви, говоритъ ему: «извольте идти куда вамъ требуется, а я сяду и подумаю объ своей жизни, потому наше дѣло женское, безъ оглядки намъ невозможно»; оказывается, затѣмъ, что, выйдя съ отцомъ героя, пришедшимъ, «имени, отчества ея не зная», просить «турнуть запутавшагося парнишку», въ садъ, ибо «на вольномъ воздухѣ разговаривать гораздо превосходнѣе», она обѣщаетъ исполнить его желаніе, заявляя, что сама «баловства терпѣть не можетъ...» Отсюда становится понятнымъ, почему одинъ изъ зрителей, на вопросъ другого: «къ чему клонитъ?», увѣренно отвѣчаетъ: «парнишка пришелъ прощенья въ своемъ невѣжествѣ просить: «я ни въ чемъ не причиненъ, все дѣло тятенька напуталъ», при чемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится несомнѣннымъ, что Патти «между прочимъ, помереть должна», вслѣдствіе чего она «попѣла еще съ полчасика, да Богу душу и отдала...» Пытливый взоръ слушателей и безъ пониманія ими чуждаго языка умѣетъ наслаждаться сценическимъ движеніемъ и по-своему объяснять себѣ его внутренній смыслъ. «А какая у нихъ игра,—предлагается вопросъ о Саррѣ Бернаръ,—куплеты поютъ, или что̀?»—«Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производитъ—на удивленіе!.. Ты то̀ возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается...»

VI.

«Руси есть веселіе пити», сказано было на зарѣ историческаго существованія русскаго народа. Среди многихъ непригляднаыхъ сторонъ жизни простого русскаго человѣка, въ его тяжелой, не всегда умѣлой и часто неблагодарной борьбѣ съ суровою природою, при отсутствіи, до шестидесятыхъ годовъ, какой либо заботы о его просвѣщеніи и о доставленіи ему здоровыхъ развлеченій, при развращающемъ вліяніи фабрики и окружающихъ ее соблазновъ,—«зелено-вино» сдѣлалось для него не только главнымъ развлеченіемъ, но и утѣшеніемъ, потому что доставляетъ забвеніе. И такъ какъ, чѣмъ дольше не чувствуется сѣрая и гнетущая дѣйствительность, тѣмъ легче становится на душѣ, то русскій человѣкъ привыкъ набрасываться на это забвеніе безъ чувства мѣры, мирясь съ его неизбѣжными результатами... Не вкусовыхъ ощущеній, даже не скоро переходящаго веселаго настроенія (да и всегда ли весе-

лаго?) привыкъ искать онъ въ винѣ, а того особаго, приподнятаго отношенія къ окружающему, благодаря которому мимолетное ощущеніе принимаетъ видъ чего-то реальнаго и прочнаго, а горе-злосчастіе отходитъ на отдаленный, едва видный планъ... «А добрый сонъ пришелъ — и узникъ зритъ себя царемъ...» — говорится въ «Русскихъ женщинахъ» Некрасова. «А добрый хмель пришелъ»— можно бы сказать, пародируя эти слова и прибавивъ къ нимъ краткую характеристику искусственно счастливаго самоощущенія пьянаго. По вѣрному, подтверждаемому научными изслѣдованіями, замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ менѣе иностранца, да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе, и напивается гораздо чаще противъ иностранца. Много духовной силы надо, чтобъ устоять предъ могущественнымъ хмелемъ, говоритъ онъ. Потому-то и поетъ народная пѣсня: «пей, забудешь горе», и старинная лубочная картина, изображающая хмель, имѣетъ подпись: «азъ есмь хмель высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ,—силенъ и богатъ, а добра у себя никакого не имѣю; ноги мои тонки, а утроба прожорлива,—руки же обдержатъ всю землю». Вѣроятно вслѣдствіе этого свойства нашего родного опьяненія—въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ крайняго безобразія, русскій человѣкъ относится къ пьяному не съ брезгливымъ и тревожнымъ отвращеніемъ, какъ это дѣлается на Западѣ, а съ участіемъ, часто съ сочувствіемъ и иногда даже съ нѣкотораго рода завистью. Не даромъ Некрасовъ, хорошо знавшій наши бытовыя особенности, въ предсмертные свои годы, когда становилось очевиднымъ, что поэма его «Кому на Руси жить хорошо» не будетъ окончена, на недоумѣвающіе вопросы «кому же живется весело, вольготно на Руси?»— отвѣчалъ своимъ глухимъ, разбитымъ голосомъ:—«пьяному!» Нельзя, однако, обобщать причину пьянства безусловно, и приходится признать, что, поднимаясь отъ низшихъ слоевъ населенія вверхъ, въ кругъ бо̀льшаго развитія и образованія, пьянство постепенно, за исключеніемъ случаевъ проявленія болѣзни, переходитъ изъ области слабости и несчастія въ область чувственныхъ излишествъ и порока.

Горбуновъ,—искренній изобразитель родной жизни,—не могъ не отвести пьяному виднаго мѣста въ своихъ разсказахъ, между которыми, однако, нѣтъ ни одного, гдѣ пьяный былъ бы центральною фигурой, дающею содержаніе и окраску всему разсказу... Горбуновъ слишкомъ любилъ русскаго человѣка, чтобы глумиться надъ этою его слабостью и указывать какъ на общее явленіе на тѣ почти патологическіе случаи, когда она одна наполняетъ все его бы-

тіе. Но онъ не закрывалъ глаза на дѣйствительность — и потому *пьяный* проходитъ во множествѣ его разсказовъ, то оставляя цѣлостное впечатлѣніе, то лишь мелькая, какъ неизбѣжная житейская принадлежность общаго фона картины. «Одинъ полетитъ — или съ человѣкомъ?—спрашиваютъ изъ толпы, въ чудесномъ разсказѣ его «Воздушный шаръ».—«Нѣтъ! съ человѣкомъ... Нѣмецъ полетитъ—и съ имъ портной...»—«Пьяный?!»—«Нѣтъ, тверёзый», и т. д. Кто слышалъ этотъ разсказъ въ превосходномъ исполненіи Горбунова, конечно, помнитъ, что слово «пьяный (пьянай!?)» онъ произносилъ съ оттѣнкомъ особаго восхищенія въ голосѣ спрашивающаго. Торжество «хмеля-высокой головы» въ русской деревнѣ видится въ яркихъ сценахъ разныхъ мѣстъ большого разсказа «Изъ деревни». — «Подобно мы, теперича, — говоритъ мужикъ,— какъ бы, напримѣръ, пчелы къ колодкѣ, такъ и мы къ кабаку:— онѣ со сластью, а мы за сластью»... Сласть эта покупается не въ одномъ кабакѣ, но и въ трактирахъ, харчевняхъ, откуда несутся несвязныя рѣчи, слышатся крики, гдѣ спорятъ и поютъ, цѣлуются и дерутся...— «Не я пью—горе мое пьетъ... Горе мое горецкое!»— декламируетъ съ пафосомъ хохлатый, съ разстегнутымъ воротомъ, босой мужикъ, стоя на порогѣ бѣлой харчевни. — «Какое твое горе?»—«Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! По той причинѣ, *были всѣ выпимши*... Вишь ты! Но только, между прочимъ...»

Вотъ она!—та горящая деревня, такими грустными и рѣзкими чертами описанная Чеховымъ въ его «Мужикахъ». Но Горбуновъ знаетъ, что хмельной человѣкъ далеко не *весь* русскій человѣкъ, и что за его подчасъ звѣровидной отъ опьяненія оболочкой есть стороны трогательныя и глубокія.—«Я къ тому, главная причина,— понимать моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что!» — бормочетъ пьяный мужикъ. — «Въ кабакѣ вся ваша душа-то мужицкая!» —рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница. — «Напрасно! матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душой въ кабакъ не ходи, вотъ я тебѣ что скажу! Въ кабакѣ мы только блажимъ, а душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже...»—Но кабакъ завладѣлъ имъ сильно... Дай Богъ, чтобы общественнымъ начинаніямъ, вызваннымъ къ жизни казенною винною продажею, удалось хоть отчасти изгладить послѣдствія вѣкового вліянія кабака и дать народу здоровыя развлеченія и отвѣты на запросы его «заросшей» души!—«Хозяинъ твой теперича, — утѣшаетъ фабричный Слезкинъ плачущую бабу, указывая на кабакъ, — такъ будемъ говорить... окромя эвтаго мѣста ему негдѣ быть...», и когда мужъ ея при этихъ словахъ выходитъ изъ кабака, прибавляетъ: «вишь ты! ужъ это значитъ такъ точно!»

Рядами проходятъ у Горбунова пьяные люди разнаго званія: крестьяне и мѣщане, купцы, пѣвчіе, причетники, актеры и всякіе «запойные люди». Всѣми ими признается, что быть пьянымъ не только не зазорно, но и вполнѣ въ порядкѣ вещей; всѣмъ имъ хмель отшибаетъ сознаніе... «Были мы у кума на именинахъ въ Прокшинѣ, — разсказываетъ Демка въ «Утопленникѣ», — ну, *извѣстно*—напились. И такъ я этого хмелю въ голову засыпалъ—себя не помню. Кума прибилъ, теткѣ Степанидѣ шаль изорвалъ. Просто—сейчасъ умереть—лютѣй волка сдѣлался. И съ чего бы кажись — окромя настойки ничего не пили. Кумъ-то: что-жъ ты, говоритъ, мою хлѣбъ-соль ѣшь, а самъ... да какъ хлясь меня въ ухо, хлясь въ другое! И такъ мнѣ пьяному-то это обидно показалось!»... Выскочивъ въ окно и побѣжавъ во тьмѣ и подъ дождемъ «ровно очумѣлый, не зная куда», Демка попадаетъ въ рѣку; отъ неожиданной холодной ванны хмель проходитъ, и утопающій кричитъ такъ, что «давай теперича тысячу рублевъ—такъ не крикнешь: два года опосля глотка болѣла». Его вытаскиваютъ и приводятъ къ куму, гдѣ онъ опять «этой настойки выпилъ три стаканчика—согрѣлся»... «Къ концу-то ужина я уже дьякона не вижу, а только вижу руку наливающую, — повѣствуетъ «на ярмаркѣ» купецъ,—да и думаю: рука его здѣсь, а самъ-то гдѣ отецъ дьяконъ? Какъ домой попалъ, не помню»...

Поэтому привычное пьянство если и не составляетъ добродѣтели, то, во всякомъ случаѣ, является обстоятельствомъ, извиняющимъ многое, кладущимъ предѣлъ извѣстнымъ требованіямъ и создающимъ своеобразное положеніе въ обществѣ. Какъ у Островскаго молодой человѣкъ, на вопросъ о своемъ званіи, отвѣчаетъ спокойно и не смущаясь: «Я, сударыня, *праздномобецъ*», — такъ и у Горбунова, сосредоточившій на себѣ вниманіе публики и судебной власти свидѣтель говоритъ многозначительно: «я человѣкъ пьяный!» — характеризуя этимъ не свое состояніе въ данный моментъ, а свое, такъ сказать, личное общественное положеніе, властно освобождающее отъ всякихъ распросовъ, не достигающихъ цѣли. Такое положеніе и такое состояніе служатъ въ его глазахъ, да и въ глазахъ окружающихъ, достаточнымъ объясненіемъ его словъ и поступковъ. Во мнѣніи большинства состояніе опьяненія не есть ненормальное и постыдное явленіе, идущее въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ жизни человѣка, напротивъ, оно есть какъ бы законное и естественное проявленіе этой жизни. Когда наступаютъ неизбѣжныя послѣдствія хроническихъ состояній опьяненія и ктонибудь изъ пьянаго человѣка обращается уже въ «человѣка пьянаго», о немъ говорятъ въ извѣстною нѣжностью, что онъ «осла-

бѣлъ», и его слабость, особливо если онъ «смиренъ во хмелю», считается вполнѣ понятнымъ укладомъ жизни, почти столь же естественнымъ, какъ и разные другіе. Подъ вліяніемъ такого благодушнаго отношенія окружающихъ развивается и у пьянаго человѣка, и по отношенію къ нему особая, своеобразная логика. Горбуновъ рисуетъ сцены и разговоры въ Бѣломъ залѣ московскаго трактира Барсова, великимъ постомъ, между антрепренерами провинціальныхъ театровъ и ищущими ангажемента актерами. «Первый любовникъ», садясь къ столику, требуетъ отъ полового дать ему *по обыкновенію* графинчикъ добраго, русскаго, бѣлаго, простого... *очищеннаго вина* и пирогъ въ гривенникъ; за другимъ столикомъ антрепренеръ, выслушавъ укоризненное указаніе «трагика» на то, что въ содержимомъ имъ театрѣ актеръ, игравшій Гамлета, въ знаменитой сценѣ съ матерью, вышелъ съ папироскою въ зубахъ, отвѣчаетъ коротко и вразумительно: «Ну, что-жъ—*пьяный былъ!*»... Невольно вспоминается при этомъ слышанный нами отъ покойнаго А. Д. Градовскаго разсказъ о господинѣ, который, въ жаркій лѣтній день, войдя на рѣчной пароходъ, придерживаясь за поручни, сталъ сильно терять равновѣсіе и, устремивъ мутный взоръ на свободное мѣсто на кормѣ, стремительно двинулся къ нему, толкая встрѣчныхъ, наступая на ноги сидящимъ и опираясь на нихъ руками. Когда публика стала роптать, онъ, усѣвшись наконецъ на намѣченномъ мѣстѣ, снялъ фуражку съ краснымъ околышемъ, вытеръ лысину, улыбнулся доброю и виноватою улыбкою и сказалъ:—«Извините... я, когда надо ѣхать на пароходѣ... всегда... немножко... *потому—не стоитъ!*»—Въ виду всего этого понятно изумленіе окружающихъ при видѣ пѣвчаго-октавы, не пьющаго водки во время закуски въ купеческомъ домѣ. «Это даже удивительно,—говорятъ ему,—такой видный человѣкъ и не пьетъ».—«Прежде былъ подверженъ,—отвѣчаетъ октава,—въ больницѣ разъ со второго этажа въ окошко выскочилъ: докторъ не приказалъ...»

Особенно рѣзкимъ образомъ проявляется привычное служеніе хмелю на почвѣ самодурства, развитаго сознаніемъ своей денежной силы. Много разъ,—преимущественно въ сложныхъ бытовыхъ сценахъ, происходящихъ «На ярмаркѣ», или же въ разныхъ перипетіяхъ «Женитьбы», Горбуновъ обращался къ купеческому самодурству, принимающему, подобно хамелеону, то покрытыя легкимъ лоскомъ образованности, болѣе утонченныя, но грубыя въ существѣ и даже жестокія формы,—то къ откровенному и поразительному въ своемъ непризнаніи никакихъ условій мѣста и времени. Таковъ, напримѣръ, у него образъ купеческаго сынка Дмитрія Да-

ниловича, посланнаго отцомъ въ чужіе края по машинной части, въ сопровожденіи переводчика, и настряпавшаго такихъ бѣдъ, натворившаго такихъ чудесъ, что даже въ газетахъ распечатали... «Пріѣхали они, матушка ты моя, въ какой-то городъ нѣмецкій, а тамъ для короля ихняго, али прынецъ онъ, что-ли, какой,— феверики приготовили. У Дмитія-то Даниловича въ головѣ должно быть было: зажигай, говоритъ, скорѣй! А тамъ и говорятъ: погодите, почтенный, пока прынецъ пріѣдетъ. Я, говоритъ, московскій купецъ, за все плачу. Тѣ, голубушка, заглядѣлись, а онъ цыгарку туда, въ феверку-то и сунулъ,—такъ все и занялось! *Самъ*-то ужъ просьбу подалъ, чтобы по этапу его оттуда сюда предоставили...»

Выводимые Горбуновымъ типы и разновидности пьяныхъ людей такъ же разнообразны, какъ и изображаемыя имъ явленія и сцены русской жизни. Перечислить ихъ нѣтъ возможности. Длинною и пестрою вереницею проходятъ они предъ слушателемъ и будутъ проходить предъ читателемъ, начиная съ купеческаго племянника, привозящаго къ почти незнакомымъ людямъ на рыбную ловлю «троичку ледерцу», прося окупуть бутылки «на полчасика въ родничекъ:—живо озябнутъ!..» и кончая трагическою фигурою спившагося съ кругу стараго московскаго студента, восклицающаго: «чѣмъ я занимаюсь?—пью! да, пью! Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью!» и, отдавшись затѣмъ воспоминаніямъ о славномъ прошломъ своего университета и московской сцены, о Грановскомъ, Крыловѣ, Садовскомъ, горько плачущаго отъ сознанія, что «промоталъ свои идеалы!».

Въ изображеніи пьяныхъ Горбуновъ былъ неподражаемъ. Не говоря уже объ удивительномъ разнообразіи въ игрѣ лица, интонаціяхъ голоса и въ особенности въ выраженіи глазъ, свойственныхъ различному темпераменту и степени опьяненія того или другого лица, онъ умѣлъ почти неуловимыми чертами нарисовать предъ слушателями картину постепеннаго перехода въ настроеніи пьянѣющаго отъ условной сдержанности къ разговорчивости и полной откровенности, съ потерею, подчасъ, сознанія окружающей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялся его разсказъ, въ которомъ переплетались Wahrheit und Dichtung, разсказъ о томъ, какъ, охотясь съ Некрасовымъ и очень озябши, они заходятъ отогрѣться въ село къ старичку-священнику, живущему въ домикѣ-особнякѣ, и угощаютъ его чаемъ съ обильно подливаемымъ ромомъ, при чемъ хозяинъ, очень сдержанный въ разговорѣ сначала, постепенно хмелѣетъ и начинаетъ развертывать предъ гостями повѣсть своихъ отношеній къ предпоставленнымъ лицамъ и учрежденіямъ. По мѣрѣ развитія разсказа окружающая дѣйствительность

уходитъ изъ его сознанія, и онъ, вмѣсто двухъ охотниковъ, видитъ предъ собою кого-то, кому можно повѣдать *все:* и то, какъ на требованіе «даровъ» съ указаніемъ на то, что у него хорошія куры, онъ отвѣчалъ многозначительно: «въ какое время—и какія куры!», и то какъ жена его «смотритъ эдакъ косвенно»... Но вотъ хмель уступаетъ, сквозь облако самозабвенія проглядываютъ лица чуждыхъ гостей—и старикъ, еще заплетающимся языкомъ, говоритъ: «только по-о-жалуйста это м-между нами!»

Не одна водка сокрушаетъ слабаго человѣка. Не менѣе сильно выбиваютъ его изъ сѣдла вина «собственнаго розлива», кашинская мадера и шипучее, такъ называемая «купеческая погибель», особливо когда оно фигурируетъ подъ названіемъ красныхъ, золотыхъ и др. головокъ и значится въ нарочито заманчивыхъ прейсъ-курантахъ подъ фантастическими этикетами въ родѣ поражающаго пріятелей, прикосновенныхъ къ «дѣлу о мухѣ», шампанскаго «свадебное—или!», съ примѣчаніемъ: «пробка съ пружиною,—просятъ опасаться взрыва». Пьющіе эти вина сами сознаютъ ихъ вредныя, одурманивающія свойства, но пьютъ по привычкѣ и «для восторга-съ!»... Разсказывая о книжкѣ, гдѣ обозначено, какого званія Сарра Бернаръ, по какимъ землямъ ѣздила и какое вино кушаетъ, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ: «нашего, должно быть, не употребляютъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ»...—«Этотъ хересъ помягче будетъ, — говоритъ чиновникъ приказчику, — а третьяго дня, вѣрите ли, всю внутренность сожгло.—Мудренаго нѣтъ,—отвѣчаетъ ласково приказчикъ: — не та бутылка попалась, спирту, должно быть, перепущено.—Ужъ я не знаю тамъ что, только поутру руки трясутся, а тутъ привели двоихъ арестантовъ...—Ну, такъ, теперича вѣрно. Это — который хересъ для подрядчика слѣдуетъ, вамъ отпустили. Хересъ онъ дивный, только къ нему надо приспособиться. — Да, этотъ много мягче... сравненія нѣтъ».

VII.

Таковы, въ существенныхъ чертахъ, картины быта излюбленной Горбуновымъ среды. Нельзя сказать, чтобы онѣ были особенно утѣшительны. Возбуждая въ отдѣльныхъ случаяхъ смѣхъ, отъ котораго трудно удержаться, онѣ въ общемъ, въ связи одна съ другою, вызываютъ вовсе не веселое настроеніе. За яркими вспышками юмора разсказчика слышится и чувствуется печальное раздумье, — и переходъ отъ смѣха къ грусти совершается въ душѣ читателя или слушателя невольно и самъ собою. «Какъ это смѣ-

шно! — восклицаетъ онъ въ первыя минуты. — Какъ это вѣрно, какъ глубоко захвачено!» — говоритъ онъ себѣ затѣмъ... «Но что же это, однако, такое? зачѣмъ же *это* такъ?» — спрашиваетъ онъ себя нерѣдко, вдумавшись въ смыслъ разсказа, когда на фонѣ изображенной талантливымъ художникомъ картины начинаютъ вырисовываться тѣ свойства нашей жизни, которыя характеризуются знаменитыми «авось!», «ничего!», «сойдетъ!», «наплевать!» и укладываются въ употребленный княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ терминъ «рукавоспустіе», — когда изъ глубины картины выступаетъ наше обычное безволіе, отсутствіе характера и взаимно чередующіяся хвастливое самомнѣніе и смиреніе, граничащее съ приниженностью,— когда подъ шуточками надъ окружающими и надъ самими собою сквозитъ поверхностное отношеніе къ жизни, не принимаемой «въ серьезъ», и отсутствіе не только вчерашняго, но даже и завтрашняго дня.

Было бы, однако, несправедливо указывать только на эту сторону разсказовъ Горбунова. И въ грустномъ выводѣ изъ совокупности рисуемыхъ имъ сценъ есть элементъ, въ нѣкоторой степени примиряющій со многимъ въ нихъ. Это — доброта, несомнѣнная, трогательная доброта и незлобивость русскаго человѣка. Она составляетъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, *положительную* сторону этихъ разсказовъ. Широко разлиты въ нихъ черты, указывающія на гостепріимство, безрасчетливое и радушное, одинаково присущее всѣмъ описываемымъ Горбуновымъ слоямъ. Накормить и отогрѣть чужого человѣка въ нуждѣ, не критикуя его и не резонируя надъ причинами этой нужды, не только удовольствіе, но и непререкаемый долгъ для русскаго человѣка; если достатокъ позволяетъ, то это удовольствіе усиливается еще и возможностью «поднести». Рядомъ съ этимъ свойствомъ, ставящимъ человѣческія и сочувственныя отношенія между людьми выше матеріальныхъ соображеній, идетъ любовь къ дѣтямъ и заботливость о сиротахъ. Вездѣ, гдѣ у Горбунова является среди взрослыхъ ребенокъ, отношеніе къ нему всегда шутливо-нѣжное, при чемъ въ грубыя формы облекается ласка и подчасъ трогательная заботливость. Нѣкоторыя Горбуновскія сцены, въ которыхъ участвуютъ дѣти, могутъ, по сжатости и теплотѣ, стать на ряду съ чудеснымъ разговоромъ Митрича во «Власти тьмы» съ Анюткою о «дѣтосѣкѣ». Доброе отношеніе къ «ребяткамъ» до такой степени представляется русскому человѣку естественнымъ, что онъ приписываетъ его даже и тому, кого вообще онъ осуждаетъ. «Въ старину въ нашей сторонѣ, — говоритъ Потапъ въ «Утопленникѣ», — тоже разбойникъ жилъ. И грабилъ какъ .. страсть! проѣзду не было. Дѣдушка-по-

койникъ сказывалъ,—онъ еще махонькій въ тѣ поры былъ:—бывало, говоритъ, соберетъ маленькихъ ребятишекъ къ себѣ, въ лѣсъ—и ничего, не трогаетъ; не то, чтобы, къ примѣру, билъ, или что, ничего... Ходи, говоритъ, ребята завсегда». Весь дальнѣйшій разговоръ Потапа съ мальчикомъ Микиткою, а также длинная бесѣда Дементія съ малолѣтними Степкою и Серёгою на «Постояломъ дворѣ» преисполнены душевной теплоты, несмотря на то, что на послѣднихъ такъ и сыплются названія «чертенка», «дурашки» и «паршиваго»... «И гдѣ такой воръ парень родился,—говоритъ съ нѣжностью Потапъ, тщательно укрывая засыпающаго мальчика армякомъ, — въ какомъ полку онъ служить будетъ, на какой народъ воевать пойдетъ?» — «Сироты теперича много, говоритъ старикъ-купецъ въ холерный годъ,—столько теперича этой сироты—и куда пойдетъ она, кто ее вспоитъ-вскормитъ, одѣнетъ-обуетъ... и должно, значитъ, чувствовать сиротское дѣло; — самъ куска не ѣшь—сиротѣ отдай, потому она, сирота, ни въ чемъ неповинная»... И на почвѣ этихъ разсужденій выростаетъ рѣшимость набрать въ домъ сиротъ и создается затѣмъ цѣлое убѣжище съ училищемъ для нихъ...

Любитъ русскій человѣкъ природу и съ чуткою наблюдательностью относится къ ней. Въ рядѣ разсказовъ Горбунова упоминается объ этой любви, о тихомъ восторгѣ предъ «божьимъ твореніемъ». Рѣка и въ особенности лѣсъ и «пустыня», воспѣтая еще въ «Асафѣ Царевичѣ», манятъ къ себѣ «разнаго званія» людей, населяя, лишь только ночь раскинетъ надъ ними свое покрывало, ихъ фантазію таинственными образами. «Въ лѣсу чтобы мнѣ ночью,—говоритъ Калина Митричъ въ превосходномъ очеркѣ «*Безотвѣтный*»,— первое это мое удовольствіе! Выду я въ лѣсъ, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Духъ такой здоровый!.. Мать ты моя родная, какъ я лѣсъ люблю!..» На ряду съ любовнымъ отношеніемъ къ природѣ идетъ, конечно не безъ наивножестокихъ исключеній, любовь къ животнымъ. Вѣрный правдѣ въ своихъ разсказахъ, Горбуновъ иногда вставлялъ въ свои картины жизни московскаго захолустья слѣдующій эпизодъ:—Знойный полдень. Все спитъ во дворѣ замоскворѣцкаго дома,— куры, лошади, собаки, люди,—даже подсолнечники въ палисадникѣ—и тѣ какъ будто спятъ. Дремлющій у воротъ и широко зѣвающій дворникъ спрашиваетъ проходящихъ:— вы маляры будете? — и получивъ утвердительный отвѣтъ, говоритъ:—а можете вы нашему кобелю... брюхо скипидаромъ смазать?—А *гдѣ онъ?* отвѣчаютъ ему, «ничтоже сумняся», маляры. Дворникъ зоветъ злополучную собаку, сладко спавшую на самомъ припекѣ. — Держите! — говорятъ ма-

ляры.—Что-о! завертѣлся!—восклицаетъ восхищеный дворникъ,—не любишь!?!—Очень *вами* благодарны! прощайте...» и снова все погружается въ дремоту... Но это—исключеніе, а вообще доброе отношеніе къ «животинѣ» преобладаетъ. Особенно ярко проявляется любовь и даже восторженное отношеніе—къ птицѣ. «Это такой соловей,—отвѣчаетъ на предложеніе продать соловья «горькій человѣкъ», проторговавшійся и нѣсколько лѣтъ томившійся въ «ямѣ» (т.-е. долговомъ отдѣленіи) купецъ Дятлевъ,—что, кажется, умереть мнѣ легче, чѣмъ его лишиться. Вчера онъ, батюшка, какъ пошелъ это вечеромъ орудовать, думаю—не въ царствѣ ли я небесномъ? вотъ это какой соловей! Птицу, сударь, ее любить надо, надо понимать ее. Скворецъ у меня говорилъ все одно какъ человѣкъ и любилъ меня, какъ отца родного... Будилъ меня. Утромъ, бывало, сядетъ на подушку:—вставай, Петровичъ, вставай, Петровичъ!» Эту горячую любовь къ пѣвчей птицѣ русскій человѣкъ не только чувствуетъ самъ, но всю силу ея признаетъ и за другими. «Дочь у меня родами мучилась, письмо написала: тятенька, помоги!—продолжаетъ одушевившійся при разсказѣ о птицахъ старикъ,—всю ночь я проплакалъ, утромъ всталъ, взялъ его, голубчика, закрылъ клѣтку платкомъ, да и понесъ въ Охотный рядъ. Несу, а у самого слезы такъ въ три ручья и текутъ, а онъ оттуда, изъ клѣтки-то: —куда ты меня несешь, куда ты меня несешь!—да таково жалобно»... Бѣдному старику, сѣвшему на тумбочку и «ревущему какъ малый ребенокъ», не приходится, однако, разстаться со своимъ, быть-можетъ, единственнымъ въ жизни утѣшеніемъ. Кто-то, узнавъ, въ чемъ дѣло, покупаетъ у него скворца за двѣ синенькихъ и, отдавъ деньги, говоритъ: «неси его съ Богомъ домой»!..

Любовь къ пѣнію птицъ можетъ быть разсматриваема какъ одно изъ проявленій любви русскаго человѣка къ пѣнію вообще. Онъ поетъ на работѣ,—поетъ въ одиночествѣ,—подъ звуки «дубинушки» общими усиліями поднимаетъ и опускаетъ тяжести; онъ «въ томленіи», какъ выражается Горбуновъ, и, постепенно одушевляясь, слушаетъ пѣсню и сопровождающую ее музыку... «Дѣлай! ухъ!—кричитъ купецъ Наконечниковъ пѣвцу-гитаристу.—На зелененькую! нà всю!.. Подсинимъ! Катай! катай! Старайся! отъ насъ забытъ не будешь»... Особенно трогаетъ слушателей церковное пѣніе. Оно возвышаетъ душу и наводитъ раздумье на самыя забубенныя головы. У Горбунова есть превосходное, богатое типическими чертами, изображеніе пѣнія хора «прокофьевскихъ пѣвчихъ» въ купеческомъ домѣ, въ присутствіи сына—широкой натуры, который привыкъ «чертить», и его матери, ху-

дой, высокой старухи въ темномъ платьѣ и черномъ платкѣ, съ выговоромъ на *о*. «Пѣвчіе размѣстились по порядку: басы позади, тенора на правомъ крылѣ, альты на лѣвомъ, дисканты впереди. Прокофьевъ, сѣдой, почтенный, строгой наружности старикъ, вынулъ камертонъ, куснулъ его зубами, подставилъ къ уху... еще разъ... погладилъ по головѣ гладко выстреженнаго маленькаго мальчика-дисканта, нагнулся къ его уху и промычалъ ему нотку, затѣмъ оборотился къ басамъ:— соль-си-ре-си...—потомъ громогласно сказалъ: «Покаянія отверзи ми двери».—Хоръ шевельнулъ нотами и запѣлъ очень стройно. Изрѣдка слышалось только дребезжаніе старческаго голоса самаго регента, но оно тотчасъ же покрывалось басами. Кончили. Басы откашлялись, тенора поправили волосы, альты завертѣли нотами, регентъ закусилъ камертонъ, опять послышалось:—ля-до-ми—и торжественный концертъ Бортнянскаго «Кто взыдетъ на гору Господню», огласилъ не только залу, но и улицу, и ближайшіе переулки. Мальчишки съ улицы прислонились къ окнамъ и приплюснули къ стекламъ свои носы. Сильно подѣйствовала на душу «матушки» пропѣтая пѣснь. Она обтерла рукой увлажившіеся слезами глаза и посмотрѣла на сына. Сынъ глубоко вздохнулъ и, покачавъ головой, сказалъ:—«Да!»

Конечно, и въ любви къ пѣнію не обходится безъ крайностей. Между цѣнителями церковнаго пѣнія есть особые любители, для которыхъ главное—сила голоса поющаго, и для нихъ, по свидѣтельству Горбунова, свадьба не въ свадьбу, если не будетъ «пущена октава».—«Ты ужъ, Николай Ивановичъ, приготовься,—упрашиваютъ «октаву»,—то возьми во вниманіе: одна дочь, опять же и родство большое... Голубчикъ, грохни».—«У Егорья на вспольѣ,—отвѣчаетъ октава,—на прошлой недѣлѣ вѣнчали, худенькая такая невѣста, на половинѣ апостола сморщилась, а какъ хватилъ я: «жену свою сице да любитъ», такъ она такъ на шафера и облокотилась»...—«Нѣтъ наша выдержитъ! Наша даже до пушекъ охотница... Вотъ когда въ царскій день палятъ... А ужъ ты дѣйствуй во всю, сколько тебѣ Господь Богъ голосу послалъ».

Выдается въ разсказахъ Горбунова русскій человѣкъ своею отвагою, къ сожалѣнію, по большей части, совершенно безцѣльною, своимъ равнодушіемъ къ элементарнымъ условіямъ безопасности, своимъ, чуждымъ страха или рисовки, простымъ отношеніемъ къ несчастію и къ смерти. Блистая находчивостью, легкостью усвоенія и остроуміемъ, его богато одаренная натура, такъ часто не имѣющая правильнаго и свободнаго выхода для своихъ способностей, сквозитъ какъ лучъ свѣта среди сгущенной тьмы

невѣжества и нищеты или нездоровыхъ сумерекъ фабрично-городской «образованности». У Горбунова то-и-дѣло попадаются «словечки», очевидно прямо выхваченныя изъ жизни и образныя выраженія, сдѣлавшіяся ходячими. Таковъ, напр., «мужчина сѣдой наружности». Есть и много проявленій тонкой народной ироніи по отношенію къ стѣснительнымъ для него порядкамъ. Такъ, напр., старуха стряпуха въ «Медвѣжьей охотѣ» говоритъ: «медвѣдь не по пачпорту вѣдь ходитъ,—вольный звѣрь, гдѣ захочетъ, тамъ и ляжетъ». Наконецъ, иногда мелькаетъ въ этихъ разсказахъ чистый огонекъ твердой и трогательной вѣры. «Эхъ, господинъ честной,—говоритъ одинъ изъ вытащившихъ трупъ утопленника и задумавшійся надъ возможностью «влетѣть въ острогъ»,—хлопотъ намъ твое тѣло бѣлое надѣлало».—«Ничего!—отвѣчаетъ другой—Богу *тамъ* за насъ помолитъ».

Пытаясь въ краткомъ и далеко не полномъ очеркѣ дать хоть нѣкоторое понятіе о внутреннемъ смыслѣ произведеній Горбунова, нельзя, въ заключеніе, не отмѣтить его тонкихъ психологическихъ наблюденій и умѣнья въ вызывающіе улыбку образы вложить указанія на тяжелыя, а подчасъ и трагическія стороны жизни. Въ первомъ отоношеніи стоитъ припомнить хотя бы изображеніе заразительности страха и свойственнаго всякому робѣющему желанія убѣдить другихъ въ отсутствіи опасности и въ *ихъ* спокойствіи почерпнуть поддержку противъ сжимающаго сердце ощущенія. Ямщикъ Никита, везущій купца, приближается къ мѣсту, гдѣ «шалятъ», и, по разнымъ примѣтамъ, чуетъ недоброе... «Душу бы намъ здѣсь не оставить...»,—говоритъ онъ купцу, поддаваясь первому приливу боязни.—«Что ты, дуракъ, меня пугаешь,—отвѣчаетъ купецъ и, едва ли самъ себѣ вѣря, прибавляетъ успокоительно:—кому наша душа нужна?»—«Садись, сударь, со мной на козлы, не такъ жутко будетъ»,—говоритъ ямщикъ. Купецъ, уже подпавшій заразѣ страха, безпрекословно исполняетъ это предложеніе,—а самъ «ровно бы вотъ листъ трясется». Теперь ужъ ямщикъ начинаетъ его ободрять. «Чего же такъ, ваша милость,—замѣчаетъ онъ,—робѣть намъ нечего, коли ежели что, насъ двое!..»—«А у самого-то у меня, братецъ ты мой,—передаетъ онъ впослѣдствіи,—духъ захватило, руки отымаются»...

Изученіе психическихъ настроеній и процессовъ съ отдѣльнаго человѣка перешло, какъ извѣстно, въ послѣднее время на случайную совокупность людей—*толпу* и на сплоченную истори-

ческими, этнографическими и территоріальными условіями массу—*націю*. Послѣдователи уголовно-антропологической школы—Тардъ (Les crimes des foules) и Сигелѐ (La foule criminelle), а также Густавъ Лебонъ (La psychologie des foules), Обри (La contagion du meurtre) и др.—стараются опредѣлить тѣ общія начала, къ которымъ можетъ быть сведена психологія толпы, и изучить вліяніе психологическихъ факторовъ на представленія и настроеніе толпы, опредѣляющія, въ концѣ-концовъ, ея собирательную волю и ея совокупныя дѣйствія. Альфредъ Фуллье, въ недавнихъ своихъ оригинальныхъ трудахъ, пробуетъ изслѣдовать душу цѣлаго народа и подмѣтить внутренніе процессы, происходящіе въ ней. Западная литература представляетъ произведенія, по которымъ, шагъ за шагомъ, можно прослѣдить образованіе и развитіе душевныхъ движеній толпы. Стоитъ указать на полныя захватывающаго интереса сцены съ участіемъ толпы въ «Ткачахъ» Гергарда Гауптмана. И въ нашей литературѣ мы имѣемъ не одно изображеніе постепеннаго наслоенія впечатлѣній, на почвѣ которыхъ создается настроеніе толпы, часто складывающееся въ слѣпую и порывистую волю, «безсмысленную и безпощадную», по выраженію Пушкина. Первое, безспорно, мѣсто между ними принадлежитъ удивительному разсказу графа Л. Н. Толстого объ убійствѣ, въ 1812 году, Верещагина въ Москвѣ. Эта же тема затронута и у Горбунова въ его «Забытомъ домѣ», гдѣ одинъ изъ представителей возжаждавшей жертвы толпы, оборванный мастеровой съ воспаленными глазами, кричитъ: «мы сейчасъ пойдемъ на трехъ горахъ сражаться... всѣ кабаки уничтожимъ, всѣ!.. нѣтъ, погоди! Купецкій сынъ вздумалъ бушевать—сейчасъ графъ разделюцію ему сдѣлалъ... я те, говоритъ, побушую! ребята, говоритъ, возьмите! Сейчасъ наши мѣщане растеребили! Потроху не осталось!.. Отецъ его стоялъ въ воротахъ—плакалъ... Ничего не подѣлаешь—приказано! Бей, говоритъ, въ мою голову!..» Толпа часто выступаетъ въ разсказѣ Горбунова то въ видѣ цѣлаго, охваченнаго однимъ чувствомъ, мыслью, стремленіемъ, какъ, напр., въ «Московскомъ захолустьѣ», гдѣ происходитъ такъ называемый холерный бунтъ,—то въ видѣ выхваченныхъ изъ нея мнѣній, замѣчаній и восклицаній, ярко рисующихъ преобладающія въ ней и быстро смѣняющіяся настроенія противоположнаго характера. Таковы, напр., «Медвѣжья охота», «Воздушный шаръ» и др. Въ послѣднемъ разсказѣ съ большимъ искусствомъ намѣчается переходъ толпы отъ спокойнаго *созерцанія* происходящаго («Шаръ, сударь, надуваютъ... съ самыхъ вечерень надуваютъ и никакъ его раздуть невозможно!—А чѣмъ его надуваютъ?—Кислотой!—Да!—безъ кислоты тутъ не обойдешь-

ся!»)—къ живѣйшему *участію* въ немъ, когда оказывается, что вмѣстѣ съ нѣмцемъ полетитъ портной, который «завертѣлся—ну, и летитъ», потому что «отъ хорошей жизни не полетишь». Хотя одинъ изъ пьяныхъ купцовъ, нанявшихъ его, и увѣряетъ, что «если онъ оттёда упадетъ», то онъ, наниматель, «его не позабудетъ», но толпа начинаетъ чувствовать сожалѣніе и сочувствіе къ тому, чья судьба ужъ такая, чтобы «ему, значитъ, летѣть». И это сочувствіе растетъ, захватываетъ окружающихъ. Раздаются добродушныя предостереженія на случай, «ежели этотъ пузырь вашъ лопнетъ»,—обращенія къ чувствамъ портного — «пустой ты человѣкъ, выходитъ: мать старуха плачетъ, а ты летишь...», просьбы «кланяться *тамъ!*» и совѣты—«милый, ты бы подпоясался, тебѣ легче будетъ...»—«Сажаютъ, сажаютъ!..»—въ восхищеніи говорятъ въ толпѣ. Еще минуту—шаръ плавно подымется, и, быть-можетъ, радостное, сочувственное ура огласитъ воздухъ... Но вдругъ—грозный вопросъ: «ты что за человѣкъ?» и резолюція: «я те полечу! Гриненко, возьми его...» Настроеніе сразу мѣняется и толпа раздѣляетъ чувство квартальнаго, которому «это обидно показалось»...

Мы уже говорили, какъ въ заявленіи священника въ «Земскомъ Собраніи» о томъ, что у него семь душъ дѣтей женскаго пола, требующихъ пищевого довольства, Горбуновъ приподымаетъ уголокъ завѣсы надъ картиною нужды человѣка, поставленнаго своимъ общественнымъ положеніемъ между случайнымъ и неопредѣленнымъ заработкомъ и обязанностью служить возвышеннымъ потребностямъ человѣческаго духа. Этотъ пріемъ, подсказанный ему его теплымъ сердцемъ, повторяется у него нерѣдко. Въ чрезвычайно живомъ и полномъ юмора разсказѣ повѣствуется о молодомъ купцѣ, изъ строгой и благочестивой семьи, получившемъ на выставкѣ извѣстной картины «Нана», принадлежащей къ особому роду откровеннаго искусства, совѣтъ прочитать одноименный романъ Зола̀, гдѣ «всѣ обстоятельства обозначены во всю, и слова на нихъ счетъ такія, что и пропечатать на нашемъ языкѣ невозможно, а надо по-французски». «И сказали мнѣ,—говоритъ купецъ,—что въ Казанской улицѣ живетъ съ матерью дѣвица и французскимъ языкомъ орудовать можетъ. Къ ней. Блѣдная, худая, волосы подрѣзаны въ скобку; мать тоже старуха старая, слѣпая... Видно, что дня три не ѣли... Грусть на меня напала! Вотъ, думаю, обдѣлилъ Господь. Можете говорю, перевести на нашъ языкъ французскую книжку? Посмотрѣла. Извольте, говоритъ. Что это будетъ стоить? Семьдесятъ пять рублей. Это, говорю, мы не въ силахъ... За пятнадцать рубликовъ нельзя ли? Она такъ глаза и вытаращила, а глаза такіе добрые, чудесные... инда

мнѣ совѣстно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этимъ товаромъ не торгуемъ, цѣнъ на него не знаемъ. Я, говоритъ, съ васъ беру очень дешево, и то потому, что намъ съ мамашей ѣсть нечего, а по щекамъ слезы, словно ртуть, скатились. Жалко мнѣ ее стало, чувствую этакой переворотъ въ душѣ. Извольте, говорю, только чтобъ переводъ былъ сдѣланъ на чести, чтобы всѣ слова и обстоятельства... Покончили. Зашелъ какъ-то черезъ недѣлю навѣдаться, смотрю—сидитъ, строчитъ. Матери не въ зачетъ рубль далъ на кофій. Покончила она все это дѣло, да, не дождамшись меня, на Калашникову пристань и приперла. Вошла въ калитку-то, собаки какъ зальются—чужого народу къ намъ не ходитъ... А бабушку въ это время въ экипажъ усаживали, въ баню везти, бобковой мазью оттирать... Что за человѣкъ? Зачѣмъ? Къ кому? По какому случаю?.. Все дѣло-то и обозначилось».

Какая драма чувствуется за этимъ простымъ, повидимому, эпизодомъ! Какая жестокая дѣйствительность, разрушающая здоровье и грубо оскорбляющая душу, видится въ этомъ подыскиваніи дѣвушкою «съ добрыми глазами» русскихъ выраженій для передачи словъ, которыми «всѣ обстоятельства обозначены во всю», и въ этомъ рублѣ «на кофій»! Какъ невольно останавливается мысль —не на злополучномъ купчикѣ, котораго стали пилить бабушка, бросившая въ огонь и книжку, и тетрадку, терзать дядя и «точить» приглашенные для наставленія благочестивые старцы, изъ которыхъ «одинъ-то еще ничего—пьетъ, а другой, окромя кровоочистительныхъ капель, ничего не трогаетъ»,—а на одной изъ картинъ скорбной жизни столичнаго образованнаго пролетаріата. И когда представишь себѣ эту дѣвушку на глухомъ дворѣ старозавѣтнаго молчаливаго дома, окруженную лающими собаками, предъ чинящею допросъ бабушкою, предъ кучеромъ и прислугою, довольными неожиданнымъ зрѣлищемъ,—когда представишь себѣ формы и выраженія этого допроса, становится вовсе не смѣшно... Нѣтъ! не становится смѣшно... Не меньшая драма слышится въ отдѣльныхъ эпизодахъ «Женитьбы» и въ простомъ, но характерномъ разсказѣ лихача о томъ, какъ бѣдная дѣвушка, которую онъ возилъ на тройкѣ, когда ее въ первый разъ путемъ обольщенія, а быть можетъ и насильственно, окунули въ житейскую грязь, съ его *легкой руки* «жить пошла»... Ямщикъ-лихачъ стоитъ какъ живой, со всѣми ухватками своей профессіи,—кажется, что морозный бодрящій воздухъ вѣетъ въ лицо и что гармонично позвякиваютъ бубенчики его гостепріимной тройки,—но когда разсказъ конченъ прозаическою просьбою «на чаекъ»,—рисуется нѣчто иное, и разбитая жизнь, втоптанная въ развратъ среди бездушной столичной суеты, взываетъ къ сердцу слушателя...

VIII.

Особнякомъ отъ созданныхъ Горбуновымъ типовъ и фигуръ стоитъ знаменитый отставной *генералъ Дитятинъ,* всѣми своими корнями сидящій въ томъ общественномъ строѣ, который сложился на Руси въ послѣднія десятилѣтія предъ крымскимъ погромомъ и былъ пересозданъ, а отчасти и вовсе разрушенъ реформами Александра II. Горбунову пришла счастливая мысль дать живое изображеніе человѣка этого времени, окаменѣвшаго въ своемъ міросозерцаніи, прочно установившагося въ своихъ, на половину безсознательныхъ, взглядахъ и чувствахъ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ измѣнившеюся дѣйствительностью, на шумъ и брызги которой ему невольно приходится отзываться по-своему. Задача изображенія такой личности должна была въ своемъ фактическомъ осуществленіи стать,—и стала,—неисчерпаемою. «Довлѣетъ дневи злоба его», и каждый новый моментъ общественной жизни, каждое внѣшнее или внутреннее ея событіе, каждый всплывавшій на поверхность чѣмъ-либо замѣчательный человѣкъ, стали давать матеріалъ для выраженія своеобразныхъ сужденій оригинальной личности, задуманной Горбуновымъ. Постепенно создался образъ, разработанный съ особою любовью, съ тончайшею наблюдательностью и необыкновенною *находчивостью* тѣмъ, кто стоялъ за нимъ, почти органически съ нимъ сливаясь... Мало-по-малу, *генералъ Дитятинъ* сдѣлался неизбѣжнымъ посѣтителемъ всѣхъ кружковъ и собраній, въ которыхъ Горбуновъ чувствовалъ себя хорошо и свободно. Рѣшительныя резолюціи и отрывистыя характеристики генерала, его тонъ — презрительный по отношенію къ настоящему и подчасъ возбужденный или восхищенный по отношенію къ прошедшему,— его добродушный, отзывавшійся приближеніемъ «второго дѣтства», смѣхъ,—его довольно разнообразная начитанность, съ неожиданными изъ нея выводами, его тусклый взоръ и отвисшая нижняя губа, его добрая, безпомощная улыбка и глухой старческій голосъ, — наконецъ, его всегдашняя готовность отвѣчать «ничтоже сумняся» на почтительные вопросы собесѣдниковъ—остались, безъ сомнѣнія, въ памяти всѣхъ, кто разставался съ разговорившимся генераломъ, сожалѣя, что бесѣдѣ настaлъ конецъ.

Создалась, по отрывистымъ отвѣтамъ Дитятина, и его біографія. Онъ самъ не зналъ хорошенько года своего рожденія, то относя его къ восшествію на престолъ Павла Петровича въ 1796 году, то вспоминая о своемъ участіи въ штурмѣ Праги, при Су-

воровѣ, въ 1774 г. Наивное самообольщеніе, побуждавшее его «пристегнуться» къ Суворову, отнюдь не слѣдовало, однако, понимать, какъ выраженіе сочувствія взглядамъ великаго полководца на военное дѣло и на отношеніе къ солдатамъ. Онъ, напротивъ, всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія одного изъ очень высокопоставленныхъ мирныхъ героевъ войны, находившаго, что «война *портитъ* солдатъ, *пачкаетъ* мундиры и *разрушаетъ* строй». Солдатъ, по мнѣнію Дитятина, существуетъ, такъ сказать: «an und für sich», и созданъ не для пагубнаго безпорядка войны, а для караульной службы, для вытяжки, маршировки и для необходимаго ихъ условія—муштровки. Неизбѣжныя при этомъ, по его мнѣнію, зуботычины, были гораздо нужнѣе, чѣмъ выдуманная «мальчишками» грамотность и другія нововведенія, которыми «увлекся» военный министръ Милютинъ, по адресу котораго Дитятинъ не скупился на краткіе, но выразительные эпитеты. Эти нововведенія, а особливо общая воинская повинность, приводили его сначала въ негодованіе, а потомъ въ мрачное уныніе, не лишенное, впрочемъ, надежды, что «*тамъ*, наконецъ, образумятся». Послѣднимъ изъ военныхъ администраторовъ, на которомъ со снисходительною благосклонностью считалъ онъ возможнымъ остановиться, былъ тотъ министръ, который къ нѣкоторымъ реформамъ въ русскомъ военномъ строѣ, осуществленнымъ впослѣдствіи, относился скептически, «сумлѣваясь штопъ...» и признавая ихъ за «ѳимъ» (т.-е. миѳъ). Было, впрочемъ, время, когда Дитятинъ преодолѣлъ свое отвращеніе ко «всему этому разврату» и даже предложилъ свои услуги для службы въ новыхъ военныхъ судахъ. Въ непринятіи этихъ услугъ онъ видѣлъ величайшую несправедливость, но вообще не любилъ распространяться о причинахъ отказа, ограничиваясь лишь словомъ «...мерзавцы!», неизвѣстно къ кому относившимся и произносимымъ съ непередаваемымъ брезгливымъ презрѣніемъ. Изрѣдка, впрочемъ, онъ рѣшался быть въ этомъ отношеніи вполнѣ откровеннымъ и съ неподдѣльнымъ изумленіемъ сопоставлялъ послѣдовавшій отказъ съ блистательно выдержаннымъ экзаменомъ, во время котораго, на предложеніе разсказать «о системѣ и мѣрѣ наказаній по Миттермайеру»,—онъ отвѣтилъ: «да! какже, помню, былъ у насъ въ полку, въ моей молодости, капитанъ Миттермайеръ,—система у него была, какъ и у всѣхъ, а мѣра... да мѣры онъ не соблюдалъ, а всыпалъ столько, сколько душѣ угодно,—какже помню»!

Дитятинъ не былъ чуждъ и литературѣ. Онъ охотно цитировалъ Ломоносова и Державина; любилъ декламировать «красоты» изъ сочиненій Дмитріева и снисходительно ссылался на басни Крылова. Къ Пушкину его отношеніе было двоякое. Долгое время

онъ находилъ его «легкомысленнымъ юношею», который злоупотреблялъ добротою и «непонятною слабостью» графа Бенкендорфа, не зажавшаго ему ротъ. Но будучи, какъ всегда, желаннымъ гостемъ въ собраніяхъ пишущей братіи Дитятинъ поддался общему восторженному отношенію къ Пушкину въ Москвѣ, при открытіи памятника поэту въ 1880 г., и послѣ торжественнаго обѣда неожиданно высказалъ свои симпатіи къ нему. Онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, съ оговорками, строго осудивъ многія его произведенія, но припомнивъ, однако, съ похвалою нѣкоторыя воинственныя его стихотворенія и указавъ слушателямъ, что даже фамилія «Пушкинъ» звучитъ пріятно для уха стараго служаки.

И къ Тургеневу отнесся онъ довольно благосклонно. Когда, въ 1880 году, знаменитому русскому писателю давали литературный обѣдъ въ Петербургѣ, Дитятинъ сказалъ, къ общему удовольствію, рѣчь, полную цѣнныхъ указаній на свое пониманіе исторіи и истиннаго положенія нашей литературы. «Милостивые государи,—сказалъ онъ,—вы собрались сюда чествовать отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Я противъ этого ничего не имѣю! По приглашенію господъ директоровъ, я явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности»... Выразивъ, затѣмъ, желаніе говорить, Дитятинъ нашелъ, однако, что это сдѣлать очень трудно, какъ «по разницѣ взглядовъ и по своему оффиціальному положенію», такъ и по присущей людямъ его эпохи осторожности, ибо «ихъ учили больше *осматриваться,* чѣмъ *всматриваться,* больше *думать,* чѣмъ *говорить*; однимъ словомъ, учили тому, чему, милостивые государи, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь». Бросая затѣмъ ретроспективный взглядъ на нашу литературу 30-хъ и 40-хъ годовъ, ораторъ сказалъ, между прочимъ: «Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь реторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, авторъ патріотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... Стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились, и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника», принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева. Въ простотѣ сердца, я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника. Оказалось, что подъ поэтической оболоч-

кой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «Я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ сказалъ: «это дѣло администраціи, а не мое». Я сообщилъ митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что это—«вѣяніе времени». Я увидѣлъ что-то странное. Я понялъ, что мое дѣло проиграно, и посторонился. Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: «хорошо!». Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ, а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой. Я кончилъ, и пью за здоровье отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева»...

Доживая свой вѣкъ въ отставкѣ, Дитятинъ слѣдилъ за мимо бѣгущею жизнью и о каждомъ ея явленіи составлялъ себѣ совершенно опредѣленное мнѣніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ самый многосторонній, всегда стоявшій съ готовою «резолюціей» по вопросамъ, интересовавшимъ или волновавшимъ общество. Онъ, между прочимъ, почиталъ, но не любилъ Бисмарка, находилъ, что Макъ-Магонъ «сплоховалъ» во время своего президенства, о Гамбеттѣ выражался презрительно: «хе! хе!—воздухоплаватель»...; строго осуждалъ назначеніе министромъ финансовъ человѣка, происходившаго изъ духовнаго званія; негодовалъ на Шопенгауэра за «прекращеніе человѣческаго рода» и желалъ лично «вразумить его»... Прочитавъ въ русскомъ переводѣ сочиненія Лассаля, котораго онъ называлъ «Лапсалемъ», Дитятинъ рѣшительно заявилъ: «*я* на *это* не согласенъ». Тоже самое изрекъ онъ, ознакомленный кѣмъ-то съ теоріею происхожденія видовъ Дарвина. Увѣренность въ безусловной справедливости своихъ взглядовъ и брюзжаніе Дитятина — не мѣшали ему, однако, быть пріятнымъ и въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ. Едва раздавался его голосъ — всѣ присутствующіе обращались въ слухъ, при чемъ нѣкоторые спѣшили вызвать на подробныя объясненія старика, который, несмотря на свою нравственную осиротѣлость среди чуждыхъ ему поколѣній, обойденный ушедшею впередъ жизнью и болѣзненно пережившій крушеніе воспитавшаго его строя, умѣлъ оставаться незлобивымъ, довѣрчивымъ и подчасъ даже веселымъ.

Строгая выдержанность этого образа представляла собою блестящее доказательство творческой силы Горбунова. Дитятинъ былъ живой человѣкъ. Онъ дѣйствительно существовалъ между нами. Скончавшись, вѣроятно отъ старческаго маразма, одновременно съ Горбуновымъ, онъ оставилъ навсегда пустое мѣсто. Съ чутьемъ

тонкаго психолога, Горбуновъ, вкладывая въ его уста удивительныя по всей архаичности сужденія, умѣлъ дать почувствовать доброе, въ сущности, сердце старика. Есть фотографія, изображающая Горбунова въ мундирѣ, со сложенными на груди руками, въ армейской каскѣ со старомоднымъ орломъ, держащимъ въ лапахъ перуны и вѣнки. Экземпляры этой фотографіи очень рѣдки. Извѣстно, между прочимъ, что на экземплярѣ, поднесенномъ одному лицу, есть надпись, сдѣланная старческимъ, дрожащимъ почеркомъ: «J'y suis, j'y reste—фраза, украденная у меня Макъ-Магономъ. Генералъ-маіоръ Дитятинъ 2-й». При взглядѣ на этотъ оригинальный портретъ невольно чувствуется, что таковъ именно, въ своей непреклонности и добродушной строгости, и долженъ былъ быть незамѣнимый и незабвенный генералъ Дитятинъ...

IX.

Живая наблюдательность Горбунова и его способность всматриваться во внутреннее содержаніе того или другого явленія русской жизни, влагая его въ яркое изображеніе,—не могли ограничиться однимъ *настоящимъ*. Какъ истинный художникъ, онъ умѣлъ представлять себѣ и *прошлое* въ выпуклыхъ и жизненныхъ образахъ.

Изучая нашу старую исторію, вдумываясь въ событія и общественный складъ XVII, XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка, онъ въ рядѣ произведеній оставилъ очерки эпохъ, строя жизни и господствовавшихъ въ то или другое время воззрѣній на условія общественныхъ отношеній [1]). Имъ захвачены и давно прошедшіе—и недалекіе сравнительно годы, отрѣзанные отъ насъ и нашихъ взглядовъ широкою и благотворною бороздою реформъ шестидесятыхъ годовъ. Поэтому онъ является авторомъ бытовыхъ

---

[1]) И. Ѳ. Горбуновъ разыскивалъ и съ любовью собиралъ различные документы историческаго и бытового содержанія, освѣщающіе прошлую русскую жизнь. Имъ между прочимъ снабжены примѣчаніями и напечатаны въ «Русской Старинѣ»:—1) Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи, веденный княземъ Борисомъ Куракинымъ въ 1697—1699 гг. («Р. С.» 1879 г.); 2) Иванъ Михайловичъ Булгаковъ въ царствованія Анны, Елисаветы и Екатерины II, 1737, 1751, и 1785 гг. Проектъ прошенія съ изложеніемъ событій въ жизни просителя и многолѣтней жалобы объ его имѣніяхъ. («Р С.» 1881); 3) Послѣдніе дни жизни А. И. Казарскаго («Р. С.» 1886 г.); 4) Князь А. Б. Куракинъ въ селѣ Надеждинѣ въ концѣ XVIII вѣка («Р. С.» 1887); 5) Письмо и завѣщаніе дѣтямъ 1802 года самоучки-механика Кулибина («Р. С.» 1872 г.); 6) Смольный монастырь въ 1783 году. Извѣстіе надзирателя Пахомова въ коммисію объ учрежденіи народныхъ училищъ («Р. С. 1878).

сценъ на исторической подкладкѣ, причемъ его необыкновенное умѣнье усвоить себѣ особенности и характерныя свойства языка въ различные періоды русской жизни даетъ ему возможность воссоздавать прошлое съ особенною правдоподобностью. Знатокъ родной исторіи чувствуется въ оригинальной формѣ его произведеній изъ области старой письменности, и ихъ шуточное подчасъ содержаніе заключаетъ въ себѣ нерѣдко мѣткія и сжатыя указанія на цѣлый порядокъ вещей, отошедшій въ вѣчность.

Но и помимо произведеній въ этомъ послѣднемъ родѣ въ очеркахъ, изложенныхъ преимущественно въ видѣ воспоминаній и дневниковъ («Изъ московскаго захолустья», «Мысли на парадномъ подъѣздѣ», «Забытый домъ», «Дневникъ дворецкаго» и др.), проходятъ предъ нами въ разномъ освѣщеніи, дающемъ въ своей совокупности цѣльный и—судя по обнародованнымъ за послѣднія тридцать лѣтъ матеріаламъ — исторически вѣрный образъ, такія фигуры, какъ, напримѣръ, архимандритъ Фотій, графъ Закревскій и многіе другіе. Проходятъ изчезнувшіе типы приживалокъ изъ захудалыхъ родовъ («княжна съ флюсомъ и княжна безъ флюса») и величавыхъ генераловъ александровскаго времени, украшенныхъ иностранными орденами «святой Маріи Терезіи» и «святого Парамерита» (pour le mérite), по объясненію швейцара, дежурящаго на парадномъ подъѣздѣ,—проходитъ рядъ людей, живьемъ взятыхъ изъ прошлаго.

Есть у Горбунова цѣлый историческій разсказъ. «Царь Петръ Христа славитъ», съ эпиграфомъ: «они (дьяки) учинили то дуростью своею негораздо и такого не бывало, чтобы его государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ, которые отъ него Христа славить ѣздятъ во дворъ къ себѣ не пущать и за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакихъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать...» Вотъ какъ отмѣчаетъ Горбуновъ раздвоеніе между Москвою и ея молодымъ государемъ, вызванное началомъ переворота, произведеннаго этимъ «грознымъ властелиномъ судьбы», стянувшимъ «бразды рукой желѣзной». «Тяжелое время переживали москвичи въ послѣдній годъ XVII столѣтія. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натыкались они на стрѣлецкіе трупы, висѣвшіе на стѣнахъ Бѣлаго и Земляного города и валявшіеся на Красной Площади... «Блудозрѣлищное неистовство» являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые, въ венгерскихъ кафтанахъ, бояре. Кремлевскій дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшій патріархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великій государь не показывался больше народу, подобно его предкамъ, во всемъ блескѣ

и величіи «царскаго сана», въ большомъ царскомъ нарядѣ, въ сопровожденіи родовитыхъ бояръ «въ золотыхъ ферезяхъ»: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю...»

Не менѣе рельефна и полна жизни картина Москвы въ 1812 г., наканунѣ ея взятія французами, когда «народъ со всѣхъ концовъ тронулся», ряды войскъ все напираютъ, напираютъ, стискиваются, останавливаются, съ трудомъ разступаясь, чтобы дать дорогу «Владычицѣ» въ дорогой ризѣ, и священникъ Маргаритовъ, увидавъ въ оторопѣвшей толпѣ своего прихожанина, протискивается къ нему, кропитъ его святой водой и дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ: «зрите и мужайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, обаче и тогда не кончина...» Таково же и описаніе Москвы, разоренной послѣ пожара, когда, послѣ ухода французовъ, слуга, оставленный при покинутомъ домѣ, получаетъ наконецъ возможность написать своему господину: «при семъ рабски имѣю честь вашему превосходительству присовокупить, что по головѣ меня гладили... только словъ я ихнихъ разобрать не могъ; при семъ взяли часы изъ угловой гостинной...» Воспоминанія объ этомъ «забытомъ домѣ» представляютъ характерныя черты смѣны поколѣній и ихъ взглядовъ въ старомъ московскомъ дворянскомъ гнѣздѣ. Какъ въ молодомъ организмѣ вслѣдъ за тяжкою болѣзнью чувствуется приливъ свѣжихъ силъ и особое жизнерадостное настроеніе, такъ и въ барской Москвѣ патріотическій подъемъ духа, вызванный войною и ея бѣдствіями смѣняется усиленной жаждой удовольствій и, за отсутствіемъ общественной дѣятельности, учащеннымъ біеніемъ пульса жизни частной. Но и это настроеніе проходитъ; раскаты грома и шумъ отдаленной петербургской бури 14-го декабря, холера тридцатаго года и разныя внѣшнія обстоятельства кладутъ свой отпечатокъ на московскую жизнь. Раны, нанесенныя войною, забыты одними, отходящими, — не испытаны другими, вновь пришедшими, — а Западъ манитъ къ себѣ разными сторонами своей жизни. Барскіе дома, несмотря на затрудненія, которыми обставлена отлучка за границу, начинаютъ подолгу пустовать, и стѣны ихъ говорятъ краснорѣчиво о прошломъ лишь неотлучнымъ свидѣтелямъ пережитаго—старымъ вѣрнымъ слугамъ исчезнувшаго нынѣ типа. Для этихъ слугъ настоящее еще полно своеобразныхъ впечатлѣній и выводовъ изъ прошлаго. Когда въ «забытомъ домѣ» молодые господа, равнодушные къ покидаемому гнѣзду, шумно снимаются съ якоря, надолго уѣзжая на «теплыя воды» въ чужіе края, дворецкій Михаилъ Егоровичъ въ тяжеломъ недоумѣніи трое сутокъ приводитъ домъ въ порядокъ, закрываетъ мебель и завѣ-

шиваетъ хмурые лики генераловъ двѣнадцатаго года. «Платова онъ закрылъ особенно тщательно, промолвивъ: муха — вѣдь она дура, она и тебя батюшку, не пожалѣетъ... Блюхера онъ оставилъ открытымъ».

Переживая, вмѣстѣ съ выводимыми лицами, прошлыя времена, Горбуновъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ крѣпостного права, бросавшаго почти на всѣ явленія русской жизни свою мрачную тѣнь. Въ дневникѣ дворецкаго, посвященномъ изо дня въ день описанію, подъ угломъ зрѣнія престарѣлаго слуги, распутной и расточительной жизни молодого знатнаго барина, не умѣющаго съ достоинствомъ носить свое старое имя и соблюдающаго лишь внѣшнимъ и поверхностнымъ образомъ домашнія традиціи предковъ, есть эпизоды, рисующіе созданныя крѣпостною зависимостью отношенія. Баринъ недавно достигъ совершеннолѣтія. «По случаю рожденія его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебенъ съ водосвятіемъ, — записано въ дневникѣ, — вечеромъ были танцы съ дѣвицами, а цыганскій таборъ пѣлъ пѣсни, кончили забавляться съ солнышкомъ». Но предъ барской волею склоняется масса дворовыхъ челядинцевъ, и по пословицѣ: «гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость», на нее возлагаютъ они свои житейскія упованія, отъ нея ждутъ и гнѣва, и безропотно принимаютъ его. А какъ много нелѣпаго произвола и безсознательной, можетъ быть, жестокости и въ этомъ гнѣвѣ, и въ этой милости! Лакея Лаврушку, котораго въ *субботу* пришлось отпаивать квасомъ, послѣ того, какъ онъ, паря вчетверомъ барина въ Суконныхъ баняхъ, повалился замертво, въ *понедѣльникъ* приказано наказать въ оранжереѣ, но должно быть на его строптивый нравъ это не дѣйствуетъ, и въ слѣдующую субботу ему велѣно «забрить лобъ», но онъ бѣжитъ, и когда черезъ пять недѣль является изъ бѣговъ, то неожиданно встрѣчаетъ смягченіе кары: приказано вновь наказать его въ оранжереѣ и выдать ему паспортъ. Поѣхавъ къ Яру, молодой хозяинъ «душъ» остается тамъ цѣлый день, вслѣдствіе чего кучеръ Глѣбъ отмороживаетъ себѣ носъ, по словамъ доктора «безвозвратно», почему и въ больницу идти не желаетъ. Ему черезъ нѣсколько дней выдается вольная, ибо «безъ носу — не кучеръ...» «Былъ у племянницы своей на Поварской улицѣ, — говорится въ дневникѣ, — услыхалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на теплыя воды, а ее отдаютъ замужъ за выѣздного Родіона Михайлова, а ея есть желаніе, по нелюбви къ нему, выкупиться на волю. Плачетъ. Совѣтовалъ господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила — лучше утоплюсь. Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ барынѣ, же-

лаетъ, чтобъ ея господскаго приказанія слушались». Чрезъ недѣлю въ дневникѣ записано: «племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна отъ грозящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за Родіономъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась... Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ! Вчера цѣлый день плакалъ. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота...» Въ другомъ мѣстѣ дневника, отмѣчая, что умеръ скоропостижно отъ угара камердинеръ покойнаго графа, Григорій Никитинъ, старый дворецкій прибавляетъ: «жену приказано отправить на скотный дворъ, а малолѣтнихъ роздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и сукна на брюки...» Ученью подвергаются, впрочемъ, не одни малолѣтніе. Приходится обучаться по новому и старому человѣку. Одна изъ владѣтельницъ «забытаго дома» проситъ повара генерала Барканова взять поучить ея стараго повара Дмитрія, которому, по мнѣнію генеральскихъ поварятъ, «по божьему-то въ богадѣльню пора...» «Воля господская—говоритъ имъ со вздохомъ старикъ,—ихняя воля... велятъ и фалеторомъ сядешь;—кто жъ имъ можетъ въ кушаньѣ потрафить: то имъ съ перцемъ давай, то зачѣмъ перецъ кладешь;—заварные левашники ужъ какъ я умѣю: положишь на блюдо-то—воркуетъ, словно живой, а онѣ кушать не могутъ. Да все!.. возьмите вы галантиръ—оттянешь его чище зеркала, причесываться можно, а они говорятъ: ты меня какъ собаку кормишь; такой въ себѣ капризъ имѣютъ, что ни одинъ поваръ на нихъ угодить не можетъ...» Но бываютъ и добрые дни. На пасху баринъ «христосовался со всѣми, по три раза, денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ,—по три рубля; тремъ семействамъ дворовыхъ людей объявили вольную, повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини—Егоровнѣ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству по прежнему. А на повара,—прибавляетъ въ своемъ дневникѣ дворецкій,—разставляла зубы Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнять у графа на садовника Филиппушку: Богъ не попустилъ!»

Несмотря однако на полную возможность и даже на тогдашнюю закономѣрность такихъ проявленій барской воли, въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ проявленій крайней жестокости, люди, рожденные въ крѣпостной зависимости, молчаливо мирились съ условіями послѣдней, создававшими своего рода «consortium omnis vitae» для помѣщиковъ и для тѣхъ, кто составлялъ ихъ «крещеную собственность». Долгіе годы преемственнаго терпѣнія, мяг-

кость и добродушіе русской натуры выработали такимъ образомъ типъ старыхъ слугъ, преданность которыхъ господамъ и вѣрность ихъ интересамъ кажется нынѣ почти легендарною. У слуги стараго времени радости и скорби семьи, гдѣ онъ жилъ, были его скорбями и радостями; онъ ревниво оберегалъ честь дома и болѣлъ сердцемъ, видя ея умаленіе. Онъ не могъ не цѣнить значенія вольной, но, несмотря на горькія подчасъ условія своей жизни, нерѣдко даже гордился своею принадлежностью опредѣленному лицу, съ судьбою котораго была связана и его судьба. «Я прирожденный камердинеръ, а не мѣщанинъ какой-нибудь»,—говоритъ слуга въ «Утрѣ молодого человѣка», — и всѣми силами и умѣньемъ оберегаетъ своего барина отъ увлеченій и мотовства. Въ разгарѣ спора между крѣпостнымъ и вольнонаемнымъ лакеями о преимуществахъ соціальнаго положенія каждаго изъ нихъ, старикъ слуга, выходя изъ себя, кричитъ: «это вы—холопъ, а я — природный лакей! Моя душа *барская*, а ваша *окладная*, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю, должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ; вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ».—«Что вы выражаетесь!?»—восклицаетъ окладная душа...—«Я не выражаюсь, а правду говорю! Вы холопъ, а не я!»—отрѣзываетъ барская душа.

Какъ изображеніе чувствъ, отношеній и міросозерцанія такого стараго слуги—особенно интересенъ уже упомянутый дневникъ дворецкаго, со своею надписью: «Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дыркову. Пріобрѣтена покупкою пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціями. Описаніе жизни въ домѣ его сіятельства. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою. Емельянъ Дырковъ. 1847 году». Въ этомъ дневникѣ нарисованъ искусною рукою и самъ авторъ, и его господинъ, сдѣлавшійся обладателемъ повидимому огромнаго состоянія и ведущій самую безшабашную жизнь въ домѣ, гдѣ еще недавно все было чинно, истово и строго... Онъ возращается на разсвѣтѣ, встаетъ въ четыре часа дня, пропадаетъ по двое сутокъ въ цыганскомъ таборѣ, гдѣ самъ пляшетъ,—то чревоугодничаетъ, то обуревается внезапными аппетитами къ моченымъ яблокамъ и т. п., занимается по цѣлымъ часамъ стрѣльбою изъ пистолета въ оранжереѣ, пѣніемъ романсовъ, игрою на гитарѣ и «разрисовываніемъ птицы въ клѣткѣ», пробуетъ силу, тягаясь на палкѣ съ кучерами и разрубая живую собаку, устраиваетъ у себя, несмотря на «выговоры доктора Топорова», оргіи, причемъ «прислугѣ быть не приказано»,—ведетъ круп-

ную азартную игру и лишь иногда въ постели читаетъ «*смѣшную книжку*». На службу не ходитъ, хотя ему и «присылаютъ чинъ, какъ онъ значится по канцеляріи». По временамъ имъ овладѣваетъ внѣшнее благочестіе, онъ ѣздитъ въ Лавру, простаиваетъ подолгу на молитвѣ, читаетъ «четьминею», служитъ у себя молебны съ знаменитыми и дорогими пѣвчими и принимаетъ многочисленное духовенство и знатныхъ особъ. Но эти промежутки становятся все рѣже и рѣже,—въ домѣ появляются темныя личности,—наконецъ надвигается, при угрозѣ со стороны родныхъ взятіемъ въ опеку и подачею «на высочайшее имя, чтобы на Кавказъ»,—матеріальное разореніе и наступаетъ трагическая развязка уголовнаго характера.

Болитъ отъ всего этого сердце стараго, искренно-вѣрующаго и добраго слуги. Сначала онъ отмѣчаетъ лишь факты, въ ихъ краснорѣчивой неприглядности, но потомъ начинаетъ выражать тревогу. «Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка»; «при такой расточительной жизни графъ можетъ разориться»; «великій былъ шумъ у насъ сегодня въ домѣ,—слава Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ,—великое будетъ несчастіе, коли графъ себя не сократитъ», отмѣчаетъ онъ разновременно въ дневникѣ. Чаще и чаще рисуются ему въ воспоминаніяхъ и сновидѣніяхъ прежнія времена домашняго порядка и общаго почета его господамъ. «Тошно жить становится,—пишетъ онъ,—Господи! какъ вспомнишь, что̀ нашъ за домъ былъ! пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало! Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ, и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже... Помяни, Господи, во царствіи твоемъ раба твоего графа Павла и рабу твою графиню Софію. Большіе господа были!» Но онъ продолжаетъ строго надзирать за барскимъ добромъ и, презирая въ душѣ новыхъ гостей барина—цыганъ, игроковъ и людей подозрительной профессіи, тѣмъ не менѣе тщательно записываетъ, на сколько персонъ былъ сервированъ столъ и что̀ было подано. Здоровье его, однако, слабѣетъ, и несмотря на оставшійся послѣ покойнаго графа лекарственный порошокъ *кремартакторъ*, принимаемый имъ съ большою для себя пользою,—онъ начинаетъ чувствовать «отягченіе ногъ». Записавъ видѣнный имъ сонъ, въ которомъ Любушка--умершая отъ проглоченныхъ булавокъ дѣвушка--приходила къ нему въ кисейномъ платьѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ и двумя херувимами въ рукахъ,—спрашиваетъ онъ себя: «не зоветъ ли это она меня къ себѣ?» Несмотря на ликующій вокругъ него грѣхъ, вѣра его тверда. Какъ трогательно частое обращеніе старика отъ картинъ житейской грязи и злобы къ вели-

чавымъ словамъ молитвъ и пѣснопѣній! »Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія!—Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!—О, дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за человѣколюбіе плотію пострада!»—пишетъ онъ въ разныхъ, особо тягостныхъ для него по содержанію, мѣстахъ дневника. За то какою наивною гордостью звучитъ въ началѣ дневника запись, когда случилось такъ, что на одинъ день въ домѣ повѣяло былою торжественностью. По настоянію тетокъ, молодой графъ даетъ балъ «при полномъ освѣщеніи всего дома, съ ужиномъ на шестьдесятъ человѣкъ, при прислугѣ въ новыхъ ливреяхъ и хорѣ музыкантовъ за тюлевою занавѣсью въ малой гостиной». Старому слугѣ, при видѣ барина, танцующаго съ княжною, думается, не «намѣчаютъ ли ему княжну въ невѣсты?» «Все въ руцѣ Божьей—восклицаетъ онъ въ упованіи на новые побѣги родословнаго дерева и восхищаясь разговоромъ генералъ-губернатора съ генеральшею, замѣняющею хозяйку, причемъ они «другъ другу противъ сказанныхъ словъ выговаривали», замѣчаетъ: «знатные люди! высокаго чину! Подумаешь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести человѣка!»

Какъ характеренъ, наконецъ, для изображенія воззрѣній и способа дѣйствій тогдашней административной юстиціи—эпизодъ съ оскорбленнымъ купцомъ! «Вчерашняго числа,—записано въ дневникѣ,—графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Потребовали графа къ военному губернатору, но онъ не поѣхалъ, по болѣзни, а отправилъ съ теткою просьбу къ губернатору: проситъ отъ купца защиты». Дальнѣйшія распоряженія напоминаютъ знаменитый совѣтъ комендантши Бѣлогорской крѣпости въ «Капитанской дочкѣ»:—графа сажаютъ на Ивановскую гауптвахту, а купца забираютъ въ тверскую часть. «Купца заставили помириться,—говоритъ затѣмъ дневникъ,—приходилъ квартальный, отбиралъ отъ графа подписку, что онъ впредь *драться не будетъ* и *купца прощаетъ*. Дано три рубля». Трагическій эпизодъ, на которомъ прерывается дневникъ, имѣетъ уже прямое отношеніе къ уголовной юстиціи сороковыхъ годовъ. Съ самаго начала записей Емельяна Дыркова—въ эпическую ткань его описанія вплетается, какъ красная нить, нѣкая Вѣра Аѳанасьевна и ея отецъ, имѣющій какую-то прикосновенность къ театру. Они, повидимому, уже довольно давно знакомы съ графомъ, который ужинаетъ съ отцомъ до разсвѣта и играетъ съ дочерью на фортепіано. Мало-по-малу отецъ Вѣры Аѳанасьевны, сначала благодарящій за то, что имъ не гнушаются, дѣлается persona grata въ домѣ. Его принимаютъ въ постели, пьютъ съ нимъ чай, онъ читаетъ «Апостолъ» во время молебна и сопровождаетъ графа въ

Лавру, куда тотъ ѣдетъ прямо съ гауптвахты, послѣ того, какъ «простилъ купца»,—его «допускаютъ» на балу сидѣть съ музыкантами, причемъ онъ тайно уноситъ съ собою ананасъ. Подарки ему идутъ crescendo. Сначала лягавый кобель, потомъ пѣнковая трубка, которая «была съ покойнымъ графомъ подъ Бородинымъ, а ему подарена фельдмаршаломъ», наконецъ, къ еще большему сокрушенію стараго слуги, графская соболья бекешь и шляпа... Въ дневникѣ оказываются вырванными болѣе половины страницъ, относящихся къ цѣлому лѣту, такъ что продолженіе его начинается съ переноса... «а она склонности къ нему не имѣетъ и какъ по замѣчанію хочетъ себя соблюсти и выговаривала на счетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ на колѣнкахъ плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образокъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы сама прослезилась»... Все, однако, какъ видно, остается по прежнему, только отецъ Вѣры Аѳанасьевны забираетъ все бо̀льшую силу. Къ концерту, въ которомъ его дочь будетъ играть, модный портной шьетъ ему, за счетъ графа, новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ; пріѣхавъ пьяный на лихачѣ и не будучи допущенъ, въ отсутствіе графа, въ его кабинетъ, онъ буянитъ и требуетъ денегъ на извозчика. «Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холуями,—записано въ дневникѣ,— а Владиміра налаживался бить, но только тотъ присутствія духа не потерялъ и сказалъ: «тронь!» Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. Вѣру Аѳанасьевну графъ и его пріятель Линевъ ввели на лѣстницу подъ руки,—она хохотала и била, какъ бы въ шутку, Линева вѣеромъ,—говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная, и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣняхъ и цѣловалъ у нея руки, а она—то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала—гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его, пьянаго, по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую гостиную и заперлись. Какъ ударили къ заутрени, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линевъ съ кучерами завернулъ ее въ салопъ и велѣлъ кучеру Трофиму везти домой, а тотъ пьяный, не понявши дѣла, свезъ ее въ Екатерининскую больницу».—Это происходитъ во вторникъ,—въ воскресенье «объ случаѣ въ нашемъ домѣ говоритъ вся Москва», а въ понедѣльникъ «Вѣра Аѳанасьевна

скончалась въ Екатерининской больницѣ и, какъ полагаютъ, отъ какихъ-то порошковъ». — Черезъ недѣлю дневникъ обрывается окончательно слѣдующею записью: «Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ пригонятъ къ присягѣ. Упокой, Господи, раба твоего графа Павла и рабу твою Софію,—сестру мою рабу Надежду, и дочь ея Любовь, и меня грѣшнаго съ ними совокупи! Глаза бы на свѣтъ не глядѣли...». Разсказывая объ участи «Вѣры Аѳанасьевны», дневникъ не только передаетъ правдоподобное и вполнѣ возможное по условіямъ мѣста и времени «описаніе жизни въ домѣ его сіятельства», но дѣйствительное событіе, рисующее собою, между прочимъ, и высоту нашихъ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ. Это разбиравшееся въ Москвѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка возвращена домой лишь на третій день, съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ, и въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе судьи того времени нашли справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ—и присужденіемъ отца жертвы за *потворство разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы...

Составленіе историческихъ разсказовъ имѣетъ одну особенность, отмѣченную еще Монтескье. Авторамъ ихъ приходится вплетать въ свой трудъ *вымышленные* факты, основанные однако на фактахъ *вѣрныхъ* или естественно изъ нихъ вытекающіе. Выходя за предѣлы простой и безцвѣтной хроники событій и изслѣдуя ихъ общую связь, причины и послѣдствія, автору, желающему въ живыхъ образахъ и краскахъ представить, *какъ именно* произошло или совершалось то или другое и какъ проявлялъ себя тотъ или другой дѣятель—приходится возсоздать это путемъ фантазіи и психологическаго анализа человѣческой природы и *однородныхъ* отношеній. Быть можетъ, дѣйствительность была и нѣсколько иная; быть можетъ, на пути психическаго развитія описываемой личности были существенныя отклоненія отъ теоретически намѣченнаго авторомъ, но если настоящіе, не подлежащіе, спору факты и свѣдѣнія таковы, что даютъ *право* на сдѣланные выводы, которые, въ конечномъ результатѣ, приводятъ къ тому же, что было и въ дѣйствительности, то у произведенія нельзя отнимать назва-

нія *историческаго*, ибо оно правдоподобно передаетъ смыслъ и значеніе былого... Даже строгій историкъ не всегда можетъ вытравить изъ себя художника и оградить свое *изслѣдованіе* отъ *возсозданія*. Достаточно припомнить Маколея и Костомарова и въ особенности Шерра въ его «Menschliche Tragikomödie», или Карлейля въ его «Исторіи французской революціи». Не даромъ Эдмондъ Гонкуръ говоритъ: «l'histoire est un roman qui a été,— le roman c'est l'histoire qui aurait pu être».

Мы видѣли у Горбунова изображеніе домашняго строя, имѣющее полную житейскую достовѣрность и опирающееся въ существенной свой части, въ послѣдовательномъ заключительномъ аккордѣ, на фактъ, занесенный на темную страницу исторической хроники нашего суда. Но есть у него и явно вымышленный разсказъ, который тѣмъ не менѣе имѣетъ историческую правдоподобность, благодаря яркому и вѣрному воплощенію существовавшихъ личностей, въ которомъ чувствуется долгое и внимательное изученіе дѣйствительныхъ и непререкаемыхъ историческихъ данныхъ. Это—сказаніе «о нѣкоторомъ зайцѣ». Въ немъ какъ живой, со своимъ особымъ, полу-мистическимъ, дѣланнымъ слогомъ, встаетъ архимандритъ Фотій, зловѣщій лицемѣръ, то раболѣпно, то назойливо вопіявшій къ «мечу свѣтскому» и умѣвшій ловко приспособиться къ жестокости оффиціальнаго смиренномудрія начала двадцатыхъ годовъ;—нѣсколькими словами тонко очерчено отраженіе вліянія Фотія на министрѣ духовныхъ дѣлъ и исповѣданій—князѣ А. Н. Голицынѣ и на мѣстныхъ «правительствахъ», поставленныхъ между невольною боязнью доносовъ юрьевскаго архимандрита и страхомъ передъ мрачными фигурами графа Аракчеева и его любовницы—крестьянки Настасьи Минкиной, о которой тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Кампенгаузенъ писалъ временщику: «дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей!» — «Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія,—пишетъ Фотій князю Голицыну,—въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своима и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить—какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ, отвѣтствовалъ—якобы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: «камень прибѣжище заяцемъ») и кормилъ я его руками своими и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и

псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досиѳею рясу, подаренную Анною, изорвала. Защити, другъ великій!»—Князь Голицынъ очевидно боится быть невнимательнымъ къ просьбѣ своего «друга», который, въ случаѣ надобности, съумѣетъ, конечно, обратиться и въ ядовитаго недруга. Онъ спѣшитъ написать новгородскому губернатору и, довольно двусмысленно отвѣчая Фотію, что онъ «очень грустить, что нарушили *безмолвіе* послѣдняго, необходимое *для спасенія души*», тутъ же поддѣлывается подъ его тонъ, находя, что «врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и нѣсть, яже укрыться отъ него»... Новгородскій губернаторъ оказывается, однако, человѣкомъ довольно наивнымъ, хотя и исполнительнымъ. По собраннымъ имъ *лично* свѣдѣніямъ, заяцъ затравленъ дворовыми Аракчеева «по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны, для ея стола и сданъ повару Порфирію». Эти же дворовые застрѣлили трехъ *частныхъ* гусей дьякона Островидова и изжарили крестьянскую овцу, дѣлая все это именемъ Анастасіи Ѳеодоровны... Дѣло начинаетъ принимать скверный оборотъ, ибо такимъ образомъ обнаруживается, что «врагъ темный и оскверненный»—не кто иной, какъ наложница всемогущаго временщика, даже заочно называемая не иначе, какъ только по имени и отчеству... Но находчивый и еще болѣе исполнительный капитанъ-исправникъ—въ два-три хода разыгрываетъ запутанную партію, чреватую послѣдствіями. «Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства,—рапортуетъ онъ губернатору, о разслѣдованіи затравленнаго зайца,—оный заяцъ по *негласнымъ* свѣдѣніямъ и *присяжнымъ* показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по пойманіи онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ дьяконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ *перелетными*, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ».

Дѣло покончено—и въ томъ, *какъ* оно покончено, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Если вдуматься, то за дьякономъ, вынужденымъ признать своихъ гусей перелетными, и за «влетѣвшими въ острогъ» владѣльцами овцы—нарисуется цѣлая картина раболѣпной суматохи и всякаго насилія, предпринятаго для «замазанья» дѣла. И картина эта едва ли даже преувеличена. Стóитъ вспомнить хотя бы приводимые Ровинскимъ, въ его рѣчи къ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году, примѣры того, какъ производились слѣдствія во время его молодости, т.-е. уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Эти крестьяне, высланные въ Москву изъ Рязанской губерніи *по этапу* для отобранія отъ нихъ подписки, что они представятъ *украденные у нихъ* тулупъ и поддевку для оцѣнки,

забытой при возвращеніи вещей;—эти купцы, жалующіеся, на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей и попадающіе, совершенно неожиданно, сами подъ слѣдствіе о томъ, откуда они сельдей взяли и имѣютъ ли право торговать ими;—этотъ мѣщанинъ, томящійся въ острогѣ по обвиненію въ *праздной ѣздѣ* по улицамъ,— конечно мало чѣмъ уступятъ дьякону съ гусями и крестьянамъ съ овцою...

Видѣвъ лично и переживъ ту тьму, которую смѣнилъ свѣтъ преобразованій Александра II, Горбуновъ съ душевной радостью рисуетъ признаки обновленія, совершавшагося у него на глазахъ. Не разъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ съ глубокою благодарностью обращается онъ къ памяти Освободителя. Но движеніе впередъ и измѣненіе сложившагося строя не можетъ, несмотря на свою желательность и историческую неизбѣжность, не имѣть и тѣневыхъ сторонъ. Городская жизнь, чрезвычайно развивавшаяся въ послѣдніе годы, съ ея фабриками, отхожими промыслами и нездоровыми приманками—дѣйствуетъ на деревню въ своемъ родѣ опустошительно, внося разложеніе въ ея нравственные бытовые устои. Горбуновъ, со свойственной ему правдивостью, отмѣчаетъ это вліяніе. «С.-Петербургъ отъ насъ далеко, говоритъ у него «въ дорогѣ» крестьянинъ-извозчикъ,—которые вотъ съ нашей стороны живутъ тамъ въ половыхъ, или по мастерству по какому— придетъ въ деревню и сейчасъ себя такъ означаетъ, что съ нашимъ мужицкимъ разговоромъ и не подступишься. Куцую штуку надѣнетъ, спинжакъ, что ли, по ихнему и такъ онъ понимаетъ, что въ спинжакѣ въ этомъ вся сила... Бѣда эти санктъ-петербургскіе спинжаки. Другой горечь, а доказываетъ!»—«Не по закону ты жить сталъ»,—говоритъ старуха записавшемуся въ мѣщане.— «Тетушка Матрена,—отвѣчаетъ тотъ,—надѣнь спинжакъ-то, и ты по другому заживешь. Въ деревнѣ за сохою ничего не обучишься,— соха—она соха и есть. Простой кто ежели человѣкъ...» «Что-жъ ты соху-то позоришь?—прерываетъ его старый крестьянинъ,— соху-то намъ Богъ въ руки далъ!»—«Матушка, Ѳекла Семеновна, одинъ вѣдь разъ живемъ,—восклицаетъ купецъ, привыкшій «чертить»,—одинъ разъ живемъ!.. Помремъ—все останется... Вѣдь не въ лаптяхъ ходимъ, голубушка, есть на что!..» «Что ты про лапти говоришь,—отвѣчаетъ богатая старуха-купчиха,—я сама въ лаптяхъ хаживала. Ты лапти не кори».—«Я не къ тому»— «То-то не къ тому! Покойникъ сертукъ-атъ надѣлъ, когда весь свой полный капиталъ скопировалъ, да и то, бывало, говоритъ: неловко, Семеновна, давай опять поддевку надѣну—поддевка-то, говоритъ, насъ съ тобой выкормила...»

X.

Не одна разговорная великорусская рѣчь, въ ея видоизмѣненіяхъ сообразно общественному положенію изображаемыхъ лицъ, была искуснымъ орудіемъ въ умѣлыхъ рукахъ Горбунова. Знатокъ бытовой исторіи древней Руси, онъ превосходно владѣлъ языкомъ различныхъ періодовъ XVII и XVIII вѣка. Этимъ языкомъ писалъ онъ письма къ пріятелямъ, на немъ излагалъ многіе свои разсказы и представлялъ оцѣнку разныхъ событій, бытовыхъ явленій или офиціальныхъ порядковъ. Но не въ одномъ выработанномъ внимательнымъ изученіемъ источниковъ языкѣ состояла художественная особенность Горбунова. Онъ умѣлъ всѣмъ своимъ умственнымъ складомъ переселяться въ эпоху, соотвѣтствующею языку, понимать и улавливать ея особенности и говорить о томъ или другомъ современномъ намъ явленіи, оставаясь въ предѣлахъ міросозерцанія той эпохи и общественной среды, къ которой принадлежалъ пишущій или говорящій. Онъ пренебрегалъ нетрудною, при извѣстномъ знаніи языка, задачею—изобразить мысли и взгляды *нынѣшняго* человѣка словами и оборотами стариннаго языка; у него за безупречною точностью этого языка всегда слышался и современный языку человѣкъ, въ томъ видѣ, въ какомъ намъ представляютъ его историко-бытовыя изслѣдованія Соловьева, Забѣлина, Костомарова, Пыпина, Тихонравова и др. Поэтому, когда какая-нибудь грамота или письмо Горбунова переносятъ читателя въ давно-прошедшее время, яркими чертами рисуя тогдашнюю дѣйствительность, передъ нимъ встаютъ—воевода на далекой границѣ русскаго царства,—посланный за западный «рубежъ» бояринъ,—подъячіе, приказные, подсудимые,—московскіе «запойные и заблудные» люди,—и, наконецъ, самъ «верховой (т.-е. придворный) скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ», какъ любилъ называть себя И. Ѳ. Горбуновъ.

Замѣчательнымъ доказательствомъ глубокаго искусства, съ какимъ владѣлъ старымъ русскимъ языкомъ Горбуновъ, служитъ, между прочимъ, указаніе Т. И. Филиппова на то, что составленное имъ описаніе поѣздки русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже книжныхъ археологовъ въ недоумѣніе, такъ что ученый знатокъ старины П. И. Саввантовъ счелъ это описаніе за копію съ подлиннаго статейнаго списка XVII вѣка и удивлялся, что уже и въ то время за границею существовала рулетка. Точно также ввелъ многихъ компетентныхъ лицъ въ заблужденіе относительно своей по-

длинности, благодаря своему выдержанному языку, и составленный Горбуновымъ указъ царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ и еретикахъ.

Рядъ шуточныхъ привѣтствій и наставленій, написанныхъ Горбуновымъ на церковно-славянскомъ языкѣ, показываетъ, что и съ нимъ онъ былъ знакомъ основательно и могъ бы, пожалуй, не уступить въ этомъ знаніи Костомарову, оставившему много превосходныхъ писемъ на этомъ языкѣ, образчикомъ которыхъ можетъ служить недавно опубликованное письмо къ Н. В. Барсукову отъ «недостойнаго и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшаго старца Николая еже на рѣцѣ Невѣ суща», отъ 24 ноября 1862 г. Вотъ, напримѣръ, «статьи, како увѣщевати глаголемаго лампописта»,— т.-е. москвича, излюбившаго приготовляемый въ лучшихъ московскихъ трактирахъ особый напитокъ изъ пива, сахара, лимона и поджаренаго хлѣба, называемый *Лампопо* (пополамъ). «Рцы ми, о ламписте, коея ради вины къ душепагубному и умопомрачающему напою—алемански же речется лампопо—присталъ еси? Не вѣси ли, о ламписте, егда ти сущу въ пьянственномъ пребываніи вси бѣси великаго града Москвы, со слободы и посады, ликоствуютъ и гласомъ радованія восклицаютъ: се, книжникъ лампопистомъ содѣяся и сыномъ отца нашего Вельзевула учинися; руками плещутъ, очима помизаютъ. Оле, твоего безумія лампописте! Не имаши тайнаго зрѣнія и не разумѣваеши, яко въ бѣлыхъ ризахъ, окрестъ тя стоящіе, не слузи гостинника Тѣстова, а бѣси ярославскіе, отъ нихъ же главоболѣзненные напои пріемлеши; не вѣси, нерадѣнія твоего ради, яко дымъ, исходящій изъ сосуда— дыханія Вельзевуловы суть».

Мы говорили уже о томъ, какъ интересовала Горбунова судебная реформа. Видѣвши во всей красѣ простоту и стремительность стараго административнаго суда въ московскихъ захолустьяхъ, отправляемаго полицейскимъ комиссаромъ, онъ описалъ свои впечатлѣнія, по поводу воспоминаній о рѣдкой раскольничей рукописи, будто бы озаглавленной «о нѣкоторомъ комиссарѣ, како стяжалъ и о купцѣ», въ которой яко бы говорится: «не Богъ сотвори комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую». Немногимъ лучшія впечатлѣнія вынесъ онъ и изъ знакомства съ общими судами и тѣми паразитами, которые ютились около нихъ, благодаря формальнымъ узамъ, опутывавшимъ преисполненное всякаго рода затяжекъ и отсрочекъ судопроизводство, не имѣвшее дѣла съ живымъ человѣкомъ, а лишь съ ворохомъ бумагъ. Въ разсказахъ его мелькаютъ

яркія фигуры «пверскихъ» юристовъ-дѣльцовъ и вѣдомыхъ лжесвидѣтелей, засѣдавшихъ въ Охотномъ ряду въ трактирѣ «Шумла», гдѣ «вѣдалось ими и оберегалось всякое московскихъ людей воровство, и поклепы, и волокита». Любящая народъ душа Горбунова почуяла всю важность судебнаго преобразованія не только въ смыслѣ водворенія правосудія, но и въ смыслѣ поднятія народной нравственности. Онъ сталъ посѣщать суды, живо интересуясь не однимъ исходомъ дѣлъ, но и самымъ ихъ процессуальнымъ движеніемъ, вникая во всѣ его особенности. Ему чрезвычайно былъ дорогъ въ особенности судъ присяжныхъ. Исходъ и самое возбужденіе такихъ дѣлъ, какъ напр. дѣла властнаго милліонера Овсянникова, обвинявшагося въ поджогѣ мельницы, или дѣло опиравшейся на обширныя связи игуменьи Митрофаніи, немыслимыя при старыхъ судебныхъ порядкахъ и связанныхъ формальною рутиною дѣятеляхъ, радовали его несказанно и служили матеріаломъ для разнообразнѣйшихъ варіантовъ въ его разсказахъ въ дружескомъ кругу.

Живая мысль его переносилась въ далекое прошлое и рисовала судъ присяжныхъ въ рамкахъ и условіяхъ этого прошлаго.

Результатомъ этого явился въ 1878 году указъ тогдашнему предсѣдателю петербургскаго окружнаго суда *«отъ государя, царя и великаго князя окольничему нашему, Анатолію Ѳедоровичу»*.

«Били намъ челомъ всякихъ чиновъ люди,—говорилось въ указѣ,—емлютъ де съ нихъ въ разбойномъ приказѣ подъячіе деньги не малыя, волочатъ и убытчатъ безъ разсудку. И намъ бы, великому государю, ихъ пожаловати—велѣти для сыску татинныхъ и разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бъ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрить. И мы, великій государь, всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолію, сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который человѣкъ удавится или, вина опився, сгоритъ, или кто межъ собою подерется хмельнымъ дѣломъ и убьетъ, и про то сыскивать подлинно—и которые людей волочатъ и убытчатъ, и тѣхъ людей вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безволокитно—и въ поклепныхъ искѣхъ, и въ подметѣ, и въ бою, и въ грабежу, и кто крадетъ, и разбиваетъ, и до смерти людей убиваетъ, и въ какой сварѣ зубомъ ухватитъ и носъ отъѣстъ,—и женскій полъ и дѣвичъ, которыя, по насердкѣ, на всякихъ чиновъ людей б... сказываютъ для своей бездѣльной корысти потому жъ сыскивати накрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму держитъ и татинною рухлядью промышляетъ,—и мнишец-

каго чину и гостиной сотни запойныхъ людей и чаровницъ и которыя дѣвки въ скоморошествѣ оголяются, глазами помизающе, сквернаго ради смѣшенія—сыскивати подлинно. А какова вора или татя или убійцу изымаютъ и приведутъ и видоковъ ставить къ кресту къ цѣлованію. А учнутъ видоки показывать подлинно и у него дворы и животы описывати и сажати въ тюрьму до указу. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ онъ бывалъ сыщется до пряма, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ разбойномъ приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помочь ему ставити подьячаго добраго, который бы вины его очищалъ. Да для сидѣнья жъ въ разбойномъ приказѣ пожаловали мы, великій государь, велѣли выбирать судей по двѣнадцати человѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, добрыхъ, небражниковъ, которые бъ были душою прямы и всѣмъ людямъ любы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ, Анатолію, ставити его съ видоки на очи и допрашивати накрѣпко. А какъ подьячій учнетъ воровы вины очищать и противъ того подьячаго потому жъ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату, за приставы, чтобъ сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату судятъ сопча боевой часъ и больши, чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ, что за воромъ вина есть и тебѣ судити по уложенію. А будетъ учинишь ты не по уложенію, а тотъ воръ или тать или убойца или корчемникъ ударитъ челомъ въ нашу царскую думу, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судить вдругорядь иными судьи. А тебѣ, Анатолію, будетъ учинилъ ты не по уложенію съ простоты—вины нѣтъ; а будетъ учинилъ ты по насердкѣ на того вора, или татя, или убойцу, или корчемника—наша царская опала съ записью въ разрядной книгѣ».

Къ этому же рода удивительнымъ—по правдивости языка, по стилю и по краскамъ—документамъ относится написанная въ семидесятыхъ годахъ, во время возникновенія въ Петербургѣ обширнаго дѣла о скопческой ереси, челобитная самого Горбунова, будто бы вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля по подобному же дѣлу въ концѣ XVII вѣка (когда и самой скопческой ереси еще не существовало) съ разсказомъ о томъ, какъ и о чемъ онъ былъ допрашиваемъ. Къ сожалѣнію многія существенныя ея части, заключающія тонкую сатиру на одностороннюю оцѣнку доказательствъ въ подобныхъ дѣлахъ, неудобны для печати. Приходится ограничиться лишь небольшими выписками изъ этой жалобы Ивашки Ѳедорова, который «бьетъ царю челомъ», и повѣствуетъ, что «изы-

манъ я приставы и волоченъ пѣшъ до губныя избы и великія отъ того ихъ волоченія мнѣ, сиротѣ твоему, чинены убытки: однорядку вишневую, твое государево жалованье, изодрали всю безъ остатка и однорядочка къ свѣтлому дню у меня нѣтъ. И губной староста, да подьячій учали меня бить и за волосья таскать и истерзавъ довольно стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ: «на Москвѣ живучи, Ивашка, ты лихихъ людей знавалъ ли и за пьянствомъ съ ними ходилъ ли? и будетъ ты лихихъ какихъ людей знавалъ и еретичество ихъ вѣдалъ, съ Гуріемъ на б...ню ходилъ ли? и ходючи сь нимъ и т. д.». Слѣдующіе за тѣмъ вопросы поразительны по своей неожиданности, художественны въ своей непосредственной наивности и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуютъ сущности преступленія, въ которомъ обвиняется впавшій въ ересь Гурій. Допросъ оканчивается требованіемъ сказать: «и онъ Гурій убоину ѣлъ ли и смердящую бѣсовскую богоненавистную табаку пилъ ли? Да онъ же Гурій на Москвѣ живучи, ежедень скрывался— и то тебѣ, кто скрывалъ и норовилъ ему вѣдомо ль?»—Но усердіе тогдашняго слѣдователя, несмотря на энергическіе и чувствительные аргументы, предшествовавшіе допросу Ивашки, не исторгаетъ ничего полезнаго для дѣла по существу, ибо «я, сирота твой, памятуючи страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо вправду: на Москвѣ живучи въ верховыхъ скоморохахъ— лихихъ людей не зналъ; всякихъ заблудныхъ, и зерщиковъ, и скомороховъ, и мнишецкаго чина и гостиной сотни запойныхъ людей зналъ довольно—и за пьянствомъ съ ними ходилъ и *составныя затѣйныя слова* говаривалъ, а кто Гурія легчилъ то мнѣ невѣдомо, а онъ, Гурій, человѣкъ смирный»...

Если приведенная выше грамота соотвѣтствовала идеальному для своего времени судопроизводству, то челобитная эта соотвѣтствовала печальной дѣйствительности, когда свидѣтель мало чѣмъ отличался отъ подсудимаго. Стоитъ припомнить Котошихина, житіе Аввакума и т. п. Вообще трудно жилось русскому человѣку въ XVII вѣкѣ. Съ востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недовѣріе,—чуждые ему по вѣрѣ, по образу жизни, по языку,—всегда могущіе то угрожать силою, то дѣйствовать хитростью и коварствомъ. Противъ всѣхъ надо было быть насторожѣ. Но зорко слѣдя за ними издалека, не мѣшало узнать и поближе, что они за люди и какимъ обычаемъ живутъ. И вотъ изъ-подъ пера Горбунова выливается сначала письмо изъ Эмса, а потомъ, въ 1885 г., донесеніе царскаго воеводы о битвѣ на Кушкѣ. «Въ нынѣшнемъ 377 году,—такъ начинается письмо,—прислана мнѣ твоя, великаго государя, грамота. Написано:—ѣхать тебѣ,

Ивану, въ разные города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать... и ѣхавъ землями нѣмецкаго государства не грабить, не пьянствовать и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымышленіемъ, бояся нашея опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальный нѣмецкій человѣкъ спроситъ—какія ради нужды посланъ? говорить: посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ. А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ прошать будетъ, и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человѣка». Нашъ XVII-ый вѣкъ въ своей рѣчи и воззрѣніяхъ такъ и глядитъ со всѣхъ строкъ письма! Оказывается, что «городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ вода живая, и та вода шипитъ... и у котораго человѣка нутро болитъ, али утинъ, али порча, али ина хворь, и дохтуры тоя болѣзнь своимъ дохтурствомъ смотрятъ и ту живую воду велятъ пить и голымъ въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе»... Затѣмъ идетъ описаніе рулетки, столь смутившее Савваитова отпечаткомъ правдивости, положеннымъ на него искусною рукою Горбунова. «Палата построена каменная,— повѣствуетъ бояринъ, — большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и *вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ*—бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчины народное множество—и иныхъ государствъ люди, и жиды, и езовиты, и женки, и дѣвки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди—и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту». Если царскому боярину пришлось увидѣть много интереснаго за границею, то царскому воеводѣ (генералъ-лейтенанту Комарову, разбившему афганцевъ на Кушкѣ и занявшему городъ Пенде 18-го марта 1885 года) пришлось пережить тревожныя минуты, требовавшія стойкости и большой рѣшительности. . . . .

Онъ стоялъ съ «великаго государя ратными, пѣшими и конными людьми на Кушкѣ рѣкѣ, и вѣдомо ему учинилося, что англинскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы со своими татары съединячась къ злому воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, великаго государя ратныхъ людей, учинилъ бой, и мурза, предався въ неискусенъ умъ, тѣхъ рѣчей слушалъ»... Желая кончить дѣло миролюбиво, воевода ссылается съ мурзою, но тотъ указываетъ, что ему велѣно слушать англичанъ, причемъ «королевинъ англин-

скій капитанъ» (сэръ Чарльзъ Уетъ) посылаетъ письмо воеводѣ, который отправляетъ своего уполномоченнаго (подполковника Закржевскаго) говорить съ англичанами. «И съедчись говорили. Англинскіе люди говорили: вы-де въ Индею идете. А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы-де въ Индеи будемъ, когда нашъ великій государь похочетъ. А таперьво мы въ Индею не идемъ,—а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобъ быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою. — А будетъ государь вашъ похочетъ и вы въ Индею пойдете ли? — Коли великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочетъ, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею пойдемъ того жъ числа, какъ указъ будетъ.—А зачѣмъ-де вамъ итти въ Индею: у вашего государя земли довольно?—У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ итти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ и прочимъ королевинымъ англинскимъ людямъ надъ московскимъ государствомъ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индеи и вамъ-то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе.—И пивъ боевой часъ ренское, разошлись». Вопросъ остался открытымъ, а на утро мурза ударилъ съ татарами на государевыхъ людей, но они бились «крѣпкостоятельно», такъ что татары, «видя надъ собою великаго государя ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ и пожарное разореніе—побѣжали розно, а англинскіе люди, снявъ порченки, тожъ побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и англинскихъ людей очистился, а мурза англинскаго королевина капитана за бороду дралъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводить смуту». «А городъ Пинжу (Пенде) я взялъ для прицѣпленія онаго къ твоему великодержавному скипетру»—кончаетъ воевода свое донесеніе, пріобрѣтающее, благодаря Горбунову, почти эпическій характеръ по содержанію и по выдержанности языка.

Излишне доказывать вѣрность этого языка и тона, господствующаго во всѣхъ приведенныхъ произведеніяхъ Горбунова. Каждый, читавшій различныя бумаги конца XVII вѣка, оцѣнитъ бытовую и стилистическую близость этихъ произведеній къ несомнѣннымъ подлинникамъ и даже законодательнымъ актамъ, въ-родѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Достаточно привести хотя бы находящійся у насъ подъ руками отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла 1692 года: «да онъ же Дмитрій Тверитиновъ, будучи перегибателенъ не токмо духомъ, но и тѣломъ и утѣшно-вѣжливо говоря и мастеря совратился въ люторову ересь—и другихъ совратил»... или часть челобитной ушедшаго изъ турецкаго плѣна стрѣльца. «И

шель я,—говорится въ ней,—холопъ твой Ивашка, съ товарищи своими черезъ многія земли нагъ и босъ, и во всякихъ земляхъ призывали насъ на службу и давали жалованье большое, и мы, холопи твои, христіанскія вѣры не покинули, и въ иныхъ земляхъ служить не хотѣли, и шли мы, холопи твои, на твою государскую милость. Милосердый государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа твоего, съ моими товарищи за наши службишка и за полонское нужное терпѣніе своимъ царскимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ праведному и милосердому государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ», причемъ на оборотной сторонѣ челобитной имѣется помѣта думнаго дьяка: «751 г. іюня въ 20 день государь пожаловалъ тому стрѣльцу... велѣть дать корму по 2 алтына, а достальнымъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ по 8 денегъ, казакомъ по 7, пашеннымъ крестьянамъ по 6 денегъ, для того, что освободились безъ окупу и отослать подъ начало къ патріарху для исправленья, для того, что у папы пріимали сакраментъ». Или, наконецъ, можно привести челобитную царю Алексѣю Михайловичу отъ первыхъ русскихъ актеровъ, подьячаго Василія Мѣшалкина съ товарищи, приводимую П. О. Морозовымъ въ его «Исторіи русскаго театра»:—«по твоему великаго государя указу, отослали насъ, холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу для изученія комидійнаго дѣла къ магистру Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и нынѣ мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему, магистру, и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапоженками обносились, а пить, ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комидійнаго дѣла, голодною смертію не умереть».

Способность свою переноситься въ XVII вѣкъ, становясь въ способахъ выраженія и самомъ міросозерцаніи своемъ человѣкомъ этого вѣка, Горбуновъ примѣнялъ не только къ очерку порядка вещей или событій болѣе или менѣе значительной важности. Онъ любилъ излагать такимъ образомъ иногда мелкія происшествія своей жизни и вообще сноситься съ пріятелями, причемъ его юморъ усугублялся челобитнымъ тономъ. Такъ, въ альбомъ покойнаго Михаила Ивановича Семевскаго онъ записалъ цѣлый шутливый разсказъ о путешествіи своемъ съ товарищемъ своимъ Бурдинымъ по Волгѣ и Камѣ, для совмѣстнаго участія въ спектакляхъ и чтеніяхъ. «Бьетъ челомъ, — пишетъ онъ, — сирота твой государевъ, потѣшнаго приказа скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ. Жалоба мнѣ

государь того же приказа на скомороха на Θедьку Алексѣева. Въ нынѣшнемъ году сошелъ я на стругѣ внизъ по Волгѣ рѣкѣ до Перми великія для своихъ сиротскихъ промыслишковъ»... Описавъ какъ къ нему на стругъ (пароходъ) вышелъ у Работокъ на встрѣчу товарищъ и «крестъ цѣловалъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ и что Божьей помощью испромыслимъ дѣлить на двѣ стороны ровно, а ему чтобы развратныя рѣчи не говорить и не ругаться; а мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Θедькою, Камою рѣкою, на берегъ и въ лѣса не сбѣжать»,— Горбуновъ жалуется, что «нынѣ тотъ Θедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ дурно: въ разсчетахъ творитъ хитрость, а себѣ корысть, ѣстъ псину и мертвечину и иное скаредное и пьетъ почасту; да онъ же, Θедька, рейтарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Царь-государь! смилуйся,—восклицаетъ онъ,—пожалуй, чтобы мнѣ отъ того Θедьки не придти въ конечное разореніе.»— Такъ, въ 1890 году, Горбуновъ написалъ посланіе въ Москву, начинающееся словами: «вѣдомо намъ учинилося» и содержащее въ себѣ великолѣпный и подробный разсказъ о томъ, какъ въ бѣлокаменной, во всѣхъ бражныхъ станахъ и у «нѣмчина Яра» въ мясопустную седьмицу пьянство пріумножается и въ какихъ дѣйствіяхъ оно выражается. Разсказъ этотъ, по характеру дѣяній «бражниковъ» совершенно невозможенъ для передачи въ печати, ибо описываетъ недвусмысленнымъ и любящимъ точность языкомъ XVII столѣтія тѣ безобразныя сцены, которыми сопровождается обычный въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества и въ народѣ масляничный разгулъ и «чревонеистовство», доводящее до разбирательства у мировыхъ судей и выражающееся, между прочимъ, въ томъ, что «въ мясопустную седьмицу на Москвѣ всѣ убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, избитыми, опившимися и умопомраченными». Посланіе кончается такъ: «и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бы заказывали накрѣпко, чтобы московскіе люди отъ горькаго пьянства отстали и во всю мясопустную седьмицу въ домѣхъ своихъ сидѣли и во всякомъ благочестіи пребывали, а кому, по нуждѣ, сидѣть не можно и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а случится идти мимо бражныхъ становъ, или бы не озираючись, памятуючи жену Лотову. А которые боярскіе дѣти не послушаютъ и по бражнымъ станамъ ходить будутъ и тѣхъ изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапоженки сымать и платьишко отбирать до указу...»

Въ началѣ XVIII вѣка, въ образный и цѣльный по своему источнику русскій языкъ, особливо въ языкъ оффиціальный, ворглась масса иностранныхъ словъ, замутившихъ его чистоту и при-

давшихъ ему новый, странный и очень часто несимпатичный характеръ. Однимъ изъ свойствъ его сдѣлалась изломанность и дѣланность, съ которыми потомъ пришлось бороться до XIX вѣка, причемъ настоящій русскій языкъ постепенно завоевалъ свои одно время поруганныя права и наконецъ сталъ снова на высоту, вызвавшую трогательную просьбу Тургенева: «берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ,—обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно способно совершать чудеса...»

Еще при Петрѣ, въ его распоряженіяхъ, указахъ и законодательныхъ актахъ, въ его письмахъ слышится прекрасный старый языкъ нашъ. «Не суетный на совѣсти нашей возымѣли страхъ», пишетъ онъ по поводу духовнаго регламента. «Не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняясь страстями»,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Письма его, изданныя академикомъ Бычковымъ, полны оборотовъ и выраженій конца XVII вѣка, но иностранныя слова уже часто внѣдряются среди нихъ и сплетаются съ ними, по временамъ безъ всякой нужды, не имѣя себѣ оправданія даже и въ нѣкоторой бѣдности стараго языка для выраженія отвлеченныхъ понятій. «Воюя тайнымъ коварствомъ на истину во образѣ правды»,—пишетъ Петръ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ своей великой и многотрудной жизни — и въ то же время увѣковѣчиваетъ въ одномъ изъ указовъ, вставляемыхъ, по его повелѣнію, въ зерцало, такія выраженія, какъ «чинить мины подъ фортецію правды»... Но послѣ Петра нашъ оффиціальный языкъ, проникающій все болѣе и болѣе сверху внизъ, портится гораздо сильнѣе, особливо при Аннѣ Іоанновнѣ и въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны. Въ указахъ говорится о «дѣлахъ штатскаго теченія», являются названія «парадная бета» (ложе), «каструмъ долорисъ» (при похоронахъ), «драдорная (drap d'or) матерія», «синтура (ceinture) фунеральная» и т. п. Можно бы привести множество подобныхъ выраженій, указывающихъ ничѣмъ неоправдываемое пренебреженіе къ родному языку, но это не имѣетъ отношенія къ предмету настоящаго очерка. Мы упоминаемъ о языкѣ XVIII вѣка лишь для того, чтобы сказать, что и онъ былъ знакомъ Горбунову, хотя имъ онъ пользовался гораздо рѣже. Такъ исторія о нѣкоторомъ зайцѣ начинается со слѣдующаго вымышленнаго письма Петра Великаго, въ которомъ въ точности соблюдена даже орѳографія государя. «Мингеръ графъ.—Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаѳ

на асамблеи съ ели і івашку хмельницкава многажды неленосно тревожили понеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ чаели и животу не быть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшаго Кура живы сущі и ѳ здравіи пребываемъ і отомъ подлино вамъ отъ пісываю». Даря М. И. Семевскому рѣдкій литографированный портретъ цесаревича Константина Павловича съ подписью: «Константинъ первой, императоръ Всероссійской», бывшій въ продажѣ лишь самое короткое время и затѣмъ изъ нея изъятый послѣ оглашенія отреченія великаго князя отъ престола, Горбуновъ пишетъ: «прилагаемая при семъ персона (такъ въ первой половинѣ XVIII вѣка назывался портретъ) сукцессора въ надлежащей конфиденціи у васъ находиться имѣетъ, и никому генерально оную не объявлять и отъ подлыхъ (т. е. отъ простонародья) всячески скрывать надлежитъ, дабы какой бездѣльный человѣкъ малоуміемъ своимъ сатисфакціи не учинилъ и въ тайную канцелярію о семъ не донесъ; а я милостивцу впредь служить готовъ»... Въ одной изъ своихъ милыхъ и продуманныхъ письменныхъ шутокъ, которую онъ любилъ разсказывать и на память, Горбуновъ послѣдовательно разработываетъ одинъ и тотъ же предметъ на языкѣ трехъ столѣтій, съ тонкою обрисовкою перехода отъ добродушнаго индивидуализированія, свойственнаго распоряженіямъ старины, къ формалистическимъ пріемамъ, свойственнымъ бюрократической практикѣ настоящаго.

«Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твой, государевъ, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ» — начинается челобитная XVII вѣка, въ которой «писчикъ» объясняетъ, что приказано ему сидѣть въ приказѣ безотступно, получая половинное жалованье противъ другихъ подъячихъ, да сапоги, да однорядку и шапку,— но такъ какъ первые поистлѣли, а вторая износилась, отчего «въ приказъ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и ногамъ тягота великая»—то и проситъ велѣть себя, сиротишку, обуть. На челобитный оказывается помѣта «объявлено государево жалованье: дать однорядку, да сапоги, да шапка».

Иная уже резолюція на челобитной XVIII вѣка. Просителю приказано его сіятельствомъ генералъ-аншефомъ, генералъ-адъютантомъ и преображенскаго полка бригадиромъ быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока, а за тѣмъ отъ той же коллегіи послѣдовало распоряженіе—отъ оной коллегіи отставить. «А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи невозможно. А посему...» — пишетъ онъ, и добивается неожиданнаго распоряженія—«опредѣлить ея императорскаго величества на

молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою». Нетрудно замѣтить тонкую разницу въ характерѣ и языкѣ этихъ ходатайствъ. Писчикъ Павликъ—при несложности правительственной машины своего времени обращается къ власти, такъ сказать, непосредственно, ссылаясь лишь на то, что «онъ, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоемъ великаго государя дѣлѣ радѣлъ»... Дворцовые перевороты средины XVIII в. и развитіе служебнаго механизма сказываются во второмъ ходатайствѣ. Уже считается необходимымъ сослаться на то, что проситель опредѣленъ на службу по приказанію сильнаго человѣка и быть можетъ временщика, въ родѣ Бирона,—и на то, что онъ, нижайшій, служилъ «интересу» своей повелительницы. Очевидно, что между этимъ *нижайшимъ* и *сиротишкою* XVII вѣка не даромъ протекло цѣлое столѣтіе воспоминаній и наблюденій. Пришлось сдѣлаться не простымъ просителемъ, а дипломатомъ. И какъ умѣлъ Горбуновъ придать послѣдней челобитной надлежащую окраску! Какъ невольно видится за нею цѣлый періодъ исторіи, про который графъ Никита Панинъ докладывалъ Екатеринѣ II: «сей эпокъ заслуживаетъ особое примѣчаніе, въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ», и когда не только просители изъ «сиротъ» обращались въ «нижайшихъ», но когда даже сенаторы подписывались «всеподданнѣйшіе и природные В. И. В. рабы», а генералъ и оберъ-прокуроры называли себя, въ оффиціальномъ рапортѣ 1744 года, «по присяжной всеподданической рабской должности и вѣрности всепослѣднѣйшими рабами».

Прошеніе XIX столѣтія,—склоннаго вообще стушевывать личность предъ государственными или даже фискальными требованіями,—не потребовало много времени на прочтеніе. «Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ,—пишетъ проситель,—и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса»... «По непредставленію марокъ оставить безъ послѣдствій»,—отвѣчаетъ ему резолюція надлежащаго начальства...

XI.

Отношеніе И. Ѳ. Горбунова къ театру и сценѣ было двоякое Онъ былъ, въ рядѣ своихъ изслѣдованій—историкомъ русскаго театра. Онъ былъ съ 1854 года артистомъ на сценѣ императорскаго театра—сначала въ Москвѣ, а потомъ, съ 1855 г.—въ Петербургѣ.

Роль театра въ Россіи была съ половины XVIII вѣка очень видная. Его вліяніе на наши нравы несомнѣнно, и бывали періоды, когда онъ являлся настоящею просвѣтительною, въ широкомъ смыслѣ слова, школою для общества. Не даромъ въ воспоминаніяхъ современниковъ о сороковыхъ годахъ, когда лучшіе представители и наиболѣе яркія проявленія благородныхъ сторонъ общественнаго развитія сосредоточивались преимущественно въ Москвѣ, мысль о сценѣ Малаго театра почти неразрывно сливается съ памятью о московскомъ университетѣ — и имена Грановскаго, Иноземцева и Крылова — переплетаются съ именами Мочалова и Щепкина. Нельзя, быть можетъ, сказать, чтобы русское общество было жадно на театральныя зрѣлища, но что оно всегда было воспріимчиво къ тому, что̀ ему даетъ сцена — это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Такая сознательная воспріимчивость, рождающая строгую оцѣнку и критику, помогла русскому театру, несмотря на его, сравнительно съ западной Европой, недавнее существованіе, стать на надлежащую, а въ нѣкоторые годы даже и на завидную высоту. Еще при Екатеринѣ II, всего чрезъ сто лѣтъ послѣ проникновенія къ царскому двору представленій въ родѣ интерлюдій или «малой прохладной комедіи о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ»—мы уже имѣемъ національную сцену съ прекрасными исполнителями и собственнымъ репертуаромъ. Неизмѣримая пропасть лежитъ между пониманіемъ публики, посѣщающей театръ во второй половинѣ XVIII вѣка, и наивнымъ взглядомъ посла московскаго царя къ флорентійскому двору—Лихачева, который писалъ въ 1658 году: «комедій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ», при чемъ его заинтересовало вовсе не содержаніе и исполненіе пьесы, а то, что «объявился палаты — и бывъ палата, и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣкъ подъ руки, опять вверхъ же пошли; да спущался съ неба на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица; а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ»...

Вотъ почему исторія нашего театра достойна глубокаго и внимательнаго изученія. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени и исторія господствующихъ въ обществѣ настроеній и вкусовъ. Но изслѣдованіе ея можетъ быть производимо съ троякой точки зрѣнія. Можно направить трудъ на систематическое изложеніе введенія и упроченія театра въ Россіи, правительствен-

ныхъ мѣръ, направленныхъ къ этому и постепеннаго развитія въ театральномъ дѣлѣ частнаго почина. Это будетъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія театра.* Можно сосредоточить изученіе на проявленіяхъ вліянія театра на народъ и на значеніи его, какъ одного изъ факторовъ развитія общественнаго самосознанія и художественнаго пониманія, изобразивъ постепенное измѣненіе репертуара и, если можно такъ выразиться, взаимодѣйствіе сцены и зрительной залы. Это будетъ *внутренняя исторія театра.* Можно, наконецъ, обратиться къ жизни и личнымъ свойствамъ представителей сценическаго искусства, къ особенностямъ ихъ дарованія, къ ихъ способамъ исполненія—и въ рядѣ живыхъ образовъ показать, *какъ* понимались и истолковывались подлежащія сценической передачѣ произведенія искусства въ разные періоды существованія у насъ театра. Это будетъ въ сущности самая трудная, но и самая интересная *критико-біографическая исторія сцены.* Нѣтъ сомнѣнія, что полная исторія русскаго театра должна заключать въ себѣ всѣ три рода изслѣдованій. Но такой исторіи, требущей громаднаго труда, знанія и личныхъ свѣдѣній, у насъ еще нѣтъ. Есть лишь рядъ чрезвычайно почтенныхъ ученыхъ изслѣдованій Тихонравова, Морозова и др., преимущественно по внѣшней исторіи театра,—есть интересные опыты изученія внутренней исторіи его. Но критико-біографическая часть разработана сравнительно гораздо меньше. Отдѣльныя воспоминанія и записки современниковъ слишкомъ отрывочны и субъективны, историческіе матеріалы для точныхъ выводовъ еше недостаточны и не всегда строго провѣрены — и въ попытки критико-біографической исторіи театра иногда вносится, быть можетъ невольно, значительный элементъ фантазіи. Между тѣмъ, славныя имена русской сцени—Волковъ, Плавильщиковъ, Резанцевъ, Шушеринъ и др.—заслуживаютъ серьезныхъ біографій. Горбуновъ со строгою разборчивостью и кропотливостью археолога собиралъ точныя данныя для такихъ біографій, тщательно провѣряя ихъ достовѣрность и отмѣчая, не безъ боли, какъ онъ самъ сознавался, разныя позднѣйшія украшенія и сочувственные вымыслы. Изъ его рукъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и преимущественно въ нашихъ историческихъ журналахъ, стали выходить фрагменты цѣльной и вѣрной *біографической* исторіи театра. Онъ занимался этимъ дѣломъ очень усердно, и былъ весьма строгъ къ себѣ, лишь послѣ долгой провѣрки выпуская въ свѣтъ свои статьи или читая ихъ въ «русскомъ литературномъ обществѣ». На ряду съ этимъ онъ собиралъ воспоминанія о русскихъ артистахъ, ихъ портреты, письма, старыя афиши, оффиціальныя бумаги, до нихъ относи-

вшіяся, и т. п. Изъ этихъ предметовъ, изъ этихъ вещественныхъ воспоминаній о прошломъ составилось цѣнное собраніе, помѣщенное имъ въ фойе Александринскаго театра. Горбуновъ охотно отдавался воспоминаніямъ о прошломъ русской сцены, которую любилъ искренно, и горячо желалъ видѣть всегда на неизмѣнной высотѣ. Онъ благоговѣлъ предъ именами Садовскаго и Мартынова. Садовскій разбудилъ въ немъ талантъ разсказчика. Встрѣчаясь съ Горбуновымъ въ «молодой редакціи Москвитянина», онъ имѣлъ на него громадное вліяніе. Будучи самъ превосходнымъ разсказчикомъ, владѣя въ совершенствѣ даромъ говорить вызывающія неудержимый смѣхъ вещи съ самымъ серьезнымъ лицомъ, Провъ Михайловичъ далъ своими разсказами первый толчокъ вдумчивому юмору Горбунова. Послѣдній однако не былъ его подражателемъ, а пошелъ своею дорогою, не переставая чтить и прославлять своего «пробудителя». У Садовскаго было, повидимому (къ величайшему сожалѣнію, разсказы его не собраны, и тѣ, кто ихъ слышалъ лично, постепенно сходятъ въ могилу), больше соли, но и больше сочиненности въ томъ, что̀ онъ передавалъ въ дружеской бесѣдѣ. Его повѣствованія о французской революціи, о Наполеонѣ на островѣ Эльбѣ, при чемъ слово Эльба передѣлывалось болѣе, чѣмъ своеобразно, и другіе разсказы были полны захватывающаго юмора. Сто̀итъ припомнить описаніе острова, на которомъ заточенъ великій полководецъ: «ни воды, ни земли, — одна мгла поднебесная и союзный часовой ходитъ!» Несомнѣнно, что такъ *могъ* говорить простой русскій человѣкъ, поставленный въ исключительное положеніе разсказчика историческаго эпизода и передающій его посвоему, но у Горбунова этотъ русскій человѣкъ представленный въ условіяхъ своей обыденной жизни, проще и глубже. У Садовскаго — особенность языка, картинъ и выраженій; у Горбунова — не только это, но и особенность міросозерцанія и отношенія къ жизни. Русскій человѣкъ у Садовскаго намъ забавенъ, у Горбунова — намъ близокъ и понятенъ...

Когда въ очеркахъ Горбунова говорится о театрѣ, въ нихъ, напримѣръ въ «Бѣлой залѣ», въ «Рыбной ловлѣ» и др., постоянно упоминается съ чувствомъ благодарнаго уваженія имя Садовскаго. «Ты знаешь ли, гдѣ скрывается талантъ у актера?» — спрашиваетъ новичка старый провинціальный актеръ, Хрисанфъ Николаевичъ, и отвѣчаетъ: «въ глазахъ! Посмотри когда-нибудь въ глаза Садовскому... А у Мочалова какіе глаза-то были! Я имѣлъ счастье играть съ этимъ великимъ человѣкомъ въ Воронежѣ. Онъ игралъ Гамлета, а я — Гильденштерна. — «Сыграй мнѣ что-нибудь. — Я не умѣю, принцъ». Онъ уставилъ на меня глаза — все существо мое

перевернулось. Лихорадка по всему тѣлу пробѣжала. Какъ кончилъ я сцену—не помню. Вышелъ за кулисы—меня не узнали.— «Ты хочешь играть на душѣ моей, а не можешь сыграть на простой дудкѣ!» —и губы стараго актера дрожатъ, а глаза наполняются слезами...

Садовскій и Мочаловъ не даромъ сливаются на памяти Хрисанфа Николаевича. Самъ Садовскій разсказывалъ, что когда, послѣ многихъ мытарствъ, онъ поступилъ, наконецъ въ 1839 г. на московскую сцену, дебютировавъ въ водевилѣ «Любовное зелье или Цирюльникъ-стихотворецъ»—ему пришлось играть маленькую комическую роль послѣ представленія «Короля Лира». Занавѣсъ надъ умершимъ страдальцемъ—королемъ опустился, театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. Вполнѣ уже одѣтый, Садовскій встрѣтился за кулисами съ Лиромъ—Мочаловымъ, шедшимъ въ уборную,—и тотъ взглянулъ на него такъ, что Садовскій совершенно потерялся. Предъ нимъ стоялъ вовсе не Мочаловъ, а настоящій король, «король отъ головы до ногъ» и столько было мрачнаго огня, душевной муки и глубины въ его взорѣ, все еще какъ будто устремленномъ на Корделію, что у будущаго знаменитаго артиста почти подкосились ноги. Образъ Садовскаго сливался у Горбунова съ воспоминаніемъ о собственномъ его дебютѣ въ Москвѣ, въ 1854 году, который совершился подъ руководствомъ и съ благословенія Садовскаго, въ бенефисъ послѣдняго, причемъ Горбуновъ игралъ роль молодого купца въ пьесѣ Владыкина «Образованность».

Образъ другого знаменитаго артиста, служителя и творца жизненной правды на сценѣ, А. Е. Мартынова, дорогой и близкій Горбунову, былъ у него, по его личнымъ заявленіямъ, неразлученъ съ воспоминаніемъ о постановкѣ на петербургской сценѣ «Грозы», Островскаго, въ которой Горбуновъ игралъ свою лучшую роль—Кудряша. Горбуновъ благоговѣйно собиралъ все, что относилось къ памяти о Мартыновѣ, и часть добытыхъ имъ матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ его помѣстилъ въ «Русской Старинѣ». Тѣ, кто видѣлъ этого по истинѣ великаго русскаго артиста, не забудутъ, не въ состояніи забыть его—и не передаваемые звуки голоса молодого Кабанова предъ трупомъ жены: «это вы ее убили, маменька, вы!»—конечно часто звучатъ въ ихъ ушахъ при мысли о Мартыновѣ. Тяжела была судьба этого богато одареннаго человѣка... Поступивъ, благодаря совершенной случайности, въ театральное училище въ Петербургѣ, онъ былъ предназначенъ быть «первымъ танцовщикомъ», затѣмъ готовился въ декораторы и, наконецъ, былъ выпущенъ на сцену, на комическія роли. Онъ исполнялъ ихъ мастерски. Не даромъ извѣстный

итальянскій пѣвецъ Лаблашъ, самъ выдающійся комикъ, на вопросъ—чему онъ смѣется, глядя на игру Мартынова на невѣдомомъ ему русскомъ языкѣ, отвѣчалъ: «по-русски я не понимаю ни слова, но *я понимаю Мартынова*». Но комизмъ былъ не исключительною и не главною чертою таланта Мартынова. Въ смѣхѣ русскаго человѣка почти всегда есть нота затаенной скорби. «Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся»! Была эта нота и у Мартынова, и какая нота! Медленнымъ и тяжелымъ путемъ вела его судьба, заставляя смѣшить публику, смѣшить заразительно и неудержимо, въ то время, когда подъ его «видимымъ смѣхомъ» давно уже накипѣли «незримыя міру слезы». Эти слезы пробились, наконецъ, благотворною и возвышающею душу струею въ строго драматическихъ роляхъ Мартынова—въ пьесѣ Чернышева «Не въ деньгахъ счастье», и въ особенности въ «Грозѣ», Островскаго. На мѣстѣ актера, одно появленіе котораго еще недавно, въ какомъ-нибудь нелѣпомъ водевилѣ въ родѣ «Дона Ранудо де-Калибрадось или что̀ и честь, коли нечего ѣсть» (sic!), возбуждало громкій, заранѣе готовый, смѣхъ зрительной залы, внезапно выросъ человѣкъ, властно и могущественно заглядывающій въ самую глубину потрясеннаго сердца зрителей и силою своего генія дѣлающій его лучше, чище, добрѣе... Роль молодого Кабанова была апогеемъ славы Мартынова, она же была и его лебединой пѣснью. Въ августѣ 1860 года его не стало. Воспріимчивое общество шестидесятыхъ годовъ почувствовало свою потерю, и похороны высокаго художника, привезеннаго изъ Харькова, были первообразомъ того, что̀ пришлось впослѣдствіи видѣть на похоронахъ Достоевскаго и отчасти Тургнева. «Гроза» была поставлена образцово во всѣхъ отношеніяхъ. Линская была удивительная Кабанова. Холодомъ вѣяло отъ нея. Снѣткова создала поэтическій и цѣльный образъ Катерины, а сцена свиданія Кудряша-Горбунова съ Варварой-Левкѣевой была проведена имъ съ такою жизненною правдою и эстетическимъ чутьемъ, что заставляла забывать, что находишься въ театрѣ, а не притаился самъ, теплою весеннею ночью, на нависшемъ надъ Волгою берегу, въ густой листвѣ, въ которой свиститъ и щелкаетъ настоящій соловей.

Горбуновъ дебютировалъ на петербургской сценѣ 16 ноября 1855 года, въ бенефисѣ Леонидова, въ пьесѣ Стаховича «Ночное», и вслѣдъ затѣмъ выступилъ публично разсказчикомъ сценъ изъ народнаго быта. Въ этой послѣдней роли являлся онъ преимущественно и всего охотнѣе во все время своей сценической службы. Здѣсь онъ былъ самимъ собою, не стѣсненный въ своемъ творчествѣ заранѣе данными рамками и задачею. Онъ всту-

пилъ на сцену въ счастливую эпоху перерожденія театральнаго репертуара. Герои мелодрамъ и трагедій, которымъ приходилось, напримѣръ, предлагать злодѣю пить ядъ не только подъ «ножомъ Прокопа Ляпунова», но даже и «подъ анаѳемой святого царства»—уступили мѣсто представителямъ такъ называемыхъ «фрачныхъ ролей» и тонкій художникъ, какъ В. В. Самойловъ, не былъ болѣе вынужденъ изображать чухонца и пѣть ломанымъ языкомъ якобы патріотическіе куплеты, въ родѣ: «лайба плылъ моя не пустъ, какъ я шелъ на Тавастгусъ»... Сцена приблизилась къ жизни и драматургія наша, подъ вліяніемъ Островскаго, Потѣхина, Чернышева и др., стала проще, и выше, и серьезнѣе. Въ бытовыхъ роляхъ комедій Островскаго Горбуновъ бывалъ нерѣдко очень хорошъ. Мы уже говорили о Кудряшѣ, въ лицѣ котораго онъ изобразилъ памятную и типическую фигуру. Не менѣе хорошъ былъ онъ въ Аѳонѣ («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ») и въ Гришѣ («Воспитанница»). Но вообще говоря, онъ былъ актеромъ посредственнымъ. Нѣкоторыя мелкія подробности въ гримировкѣ, въ одеждѣ—иногда бывали у него чрезвычайно удачны и поражали бытовою правдивостью, но въ общемъ его исполненіе въ комедіяхъ современнаго репертуара, написанныхъ на тему той или другой злобы дня, совсѣмъ не выдѣлялось надъ общимъ уровнемъ. И это оттого, что онъ самъ былъ вполнѣ самостоятельный художникъ, самъ творецъ, а не только истолкователь содержанія чужихъ произведеній. Его самобытная и творческая натура, чуждая условныхъ и предвзятыхъ пріемовъ и способовъ, вовсе не была склонна къ простому, хотя бы и талантливому выполненію даннаго рецепта. Поэтому за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пришедшихся ему вполнѣ по душѣ ролей, предъ зрителемъ всегда стоялъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, а не представляемое имъ, выведенное авторомъ лицо. Но такъ какъ авторъ не всегда имѣлъ въ виду изобразить именно Ивана Ѳедоровича, то видѣвшій Горбунова на сценѣ часто и не выносилъ изъ игры его какого-либо яркаго впечатлѣнія, подобнаго выносимому изъ сценъ, передаваемыхъ имъ въ качествѣ разсказчика.

Не представляя ничего выдающаго какъ актеръ, Горбуновъ, однако, глубоко понималъ сценическое искусство и любилъ его сознательно, тревожась за его судьбу всегда, когда оно, по его мнѣнію, уклонялось отъ своего настоящаго пути... Любилъ онъ и его представителей, съ ихъ трудными шагами, въ началѣ, съ ихъ тернистымъ, несмотря на успѣхи, путемъ—позже. Въ его очеркахъ есть полныя теплаго участія картины быта провинціальныхъ ак-

теровъ. Жизнь многихъ изъ нихъ, полная лишеній, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, тягостныхъ отношеній съ антрепренерами, траги-комическихъ встрѣчъ съ «меценатами», разочарованій въ себѣ на ряду съ болѣзненнымъ самолюбіемъ и самообольщеніемъ, проходитъ предъ читателями этихъ очерковъ.

«Ну, Богъ тебя благословитъ,—говоритъ старый актеръ Хрисанфъ Николаевичъ молодому человѣку, начинающему свою артистическую карьеру,—можетъ, посчастливится, будешь знаменитымъ актеромъ... Да, путь нашъ узкій, милый человѣкъ, и много на немъ погибло хорошихъ людей. Мельпомена-то бываетъ безсердечна: выведетъ тебя на сцену на плащѣ Гамлета, а сведетъ съ нея четвертымъ казакомъ въ «Скопинѣ Шуйскомъ», Старайся! Не свернись! Вышелъ въ сцену—забудь весь міръ. Ты служишь великому искусству!»

Въ этихъ же очеркахъ встрѣчаются очевидно выстраданныя замѣчанія очевидца тѣхъ перемѣнъ во вкусахъ и настроеніи публики, которыя невольно пережила наша сцена. Горбуновъ отмѣчаетъ, какъ лѣтописецъ, цѣлыя эпохи въ исторіи современнаго сценическаго искусства въ Россіи. Онъ описываетъ публику нисшаго уровня въ смыслѣ развитія, и впечатлѣніе, произведенное на нее, когда въ половинѣ 60-хъ годовъ «съ обнаженными чреслами» показалась на сценѣ «la Belle Hélène», отчего встрепенулось и молодое поколѣніе, и старцы, и охватила,—говоритъ Горбуновъ съ горечью,—оперетка все мое любезное отечество «даже до послѣднихъ земли». Гдѣ не было театровъ, она располагалась въ сараяхъ, строила на̀спѣхъ деревянные павильоны, эстрады въ садахъ и т. п. Появились опереточные антрепренеры изъ актеровъ, изъ прожившихся помѣщиковъ, изъ артельщиковъ, былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, одинъ лакей и т. п. Бросились въ ея объятія достойныя лучшей участи дѣвушки, повыскакали со школьной скамьи недоучившіеся молодые люди, актеры всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ были «поверстаны» въ опереточные пѣвцы»... «Даже слава и гордость русскаго театра,—продолжаетъ онъ съ негодованіемъ,—П. М. Садовскій, уступая не духу времени, а требованію начальства, долженъ былъ напялить на себя дурацкій костюмъ аркадскаго принца». Когда, такимъ образомъ, драма была вынуждена,—по выраженію Горбунова,—«посторониться», что̀ обошлось не безъ борьбы, на помощь опереткѣ вдругъ появился *куплетъ*. «Въ одинъ прекрасный вечеръ, выскочилъ на сцену въ черномъ фракѣ,—повѣствуетъ Горбуновъ,—куплетъ и запѣлъ:

Денегъ въ Россіи нѣтъ—смѣло
Каждый готовъ произнесть.
Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло—
На безобразіе есть!

— Браво!—закричали поврежденные нравы и задумались.

— Правда! Чудесно!—закричалъ Назаръ Ивановичъ, поглядывая на Ивана Назарыча:—расчесывай, расчесывай хорошенько!» И сталъ куплетъ расчесывать поврежденные нравы. И распространился тоже по всему лицу земли русской и засѣлъ не только въ театрѣ, но и въ клубахъ, и въ трактирахъ, даже на открытомъ воздухѣ... Почтительно отошелъ въ сторону и далъ дорогу куплету веселый водевиль, много лѣтъ царившій на сценѣ»...

XII.

Нашъ бѣглый и далеко не полный очеркъ творческой дѣятельности вполнѣ народнаго художника законченъ. Остается добавить къ нему краткія свѣдѣнія и воспоминанія о личности И. Ѳ. Горбунова.

Приходится поступить вопреки обычному правилу французскихъ авторовъ, которые ставятъ впереди «l'homme», а затѣмъ изучаютъ «l'oeuvre». Быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ и его дѣло не сливаются между собою органически, или гдѣ извѣстныя части того, что̀ онъ произвелъ, не могутъ быть достаточно ясно поняты и оцѣнены безъ знанія свойствъ его ума и характера, и особенныхъ условій его жизни—такой пріемъ и необходимъ, облегчая задачу изслѣдователя и трудъ читателя. Но это нужно далеко не всегда. Часто въ практической дѣятельности человѣка, въ его творческой работѣ высказываются сами собою такія свойства его личности, что существенныя и достойныя сохраненія отъ забвенія черты его духовнаго образа выступаютъ сами собою, свободныя притомъ отъ излишнихъ подробностей. Развѣ въ борьбѣ Ровинскаго съ дореформенными судебными порядками, въ его работѣ по созиданію судебныхъ уставовъ и въ его изслѣдованіяхъ въ области русскаго искусства не чувствуется его нравственный и художественный обликъ? Развѣ д-ръ Гаазъ, вопіющій въ тюремномъ комитетѣ, провожающій далеко за Москву идущія по этапу партіи арестантовъ и грозящій губернатору «ангеломъ Господнимъ», который ведетъ «свой статейный списокъ», не виденъ въ этомъ со всею своею глубоко-любящею и гнѣвною за людей душою? Такъ и Горбуновъ смотритъ изъ совокупности того, что̀

онъ писалъ и разсказывалъ, всею своею личностью. Для внимательно перечитавшаго его разбросанныя сцены, припомнившаго его разсказы и вдумавшагося во все это, должно становиться яснымъ, что̀ и ка̀къ чувствовалъ и думалъ Горбуновъ, т.-е. раскрываться душевный складъ, составляющій главное въ личности человѣка.

Поэтому мы ограничимся немногими дальнѣйшими свѣдѣніями о Горбуновѣ. Онъ родился въ 1831 году, въ семьѣ служившаго при копнинской фабрикѣ (Московской губерніи и уѣзда) двороваго человѣка помѣщицы Баташевой, Ѳедора Тимоѳеевича Горбунова. Къ отцу и къ матери сохранялъ онъ всю жизнь нѣжное уваженіе. Очень не любя переписки вообще, онъ сообщалъ имъ, однако, подробно о всѣхъ своихъ шагахъ въ Петербургѣ, въ началѣ своей артистической карьеры. Въ трудныя минуты онъ просилъ мать помолиться за него и высказывалъ увѣренность, что благодаря этому все кончится прекрасно. «Материнская молитва,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1855 г.,—со дна моря вынимаетъ», и подписывается «покорнымъ сыномъ и преданнымъ другомъ». Религіозное чувство не покидало его никогда. Оно сильно привлекало его и къ проявленіямъ своего внѣшняго выраженія. Онъ зналъ «Писаніе» и многія части нашего богослуженія наизусть,—любилъ читать памятники церковной письменности и въ предсмертные свои дни съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ чтеніе «Цвѣтной Тріоди». Онъ не только любилъ простой русскій народъ, но онъ имѣлъ радость сливаться съ нимъ въ одномъ чувствѣ безыскуственной и нелицемѣрной вѣры. Учился и воспитывался онъ въ Москвѣ, въ училищѣ, учрежденномъ при Набилковской богадѣльнѣ, основаніе которой описалъ впослѣдствіи въ разсказѣ о холерномъ бунтѣ въ Замоскорѣчьѣ. Затѣмъ онъ былъ ученикомъ второй и третьей московскихъ гимназій.

Время его ученья не оставило въ немъ хорошихъ воспоминаній. «Бываютъ минуты,—говоритъ онъ въ письмахъ другу, въ іюлѣ 1855 г.,—когда я вспомню «лѣта моей юности, лѣта невозвратно минувшаго счастья»,—вспомню о своихъ бездарныхъ и тупоголовыхъ учителяхъ и вѣчно нетрезвыхъ надзирателяхъ; вспомню своего чадолюбиваго инспектора, который, для болѣе вящшаго поощренія насъ въ наукахъ, хотѣлъ замѣнить розги какимъ-либо болѣе чувствительнымъ инструментомъ,—вспомню и покойнаго директора, который заставлялъ насъ насильно читать въ свободное время Макробіотику Гуфеланда».

Онъ вышелъ изъ шестого класса и былъ, слѣдовательно, въ смыслѣ формальнаго багажа знаній, *недоучкою*. Но недоучка этотъ проникалъ на лекціи въ университетъ, водился со студентами и,

несмотря на свою крайнюю бѣдность и необходимость бѣгать по урокамъ въ Замоскорѣчье, учился живому знанію родной исторіи и родного слова самостоятельно, упорно и плодотворно, удивляя впослѣдствіи разнообразіемъ своихъ свѣдѣній. Свѣжее и тонкое критическое чувство помогало ему разобраться по всей массѣ жадно прочитываемаго, а огромная память прочно забирала въ себя все недостойное забвенія. Такъ выработался изъ него человѣкъ съ достаточнымъ общимъ образованіемъ и спеціалистъ въ области русской словесности, имѣвшій опредѣленные и серьезно обоснованные литературные вкусы и взгляды.

Отсутствіе опредѣленнаго общественнаго положенія заставляло однако окружающихъ долго смотрѣть на молодого Горбунова «свысока», и ему жилось тяжко. «Помните,—пишетъ онъ въ 1856 г. въ Москву своей знакомой С. И. И., объясняя, почему считаетъ ее своимъ искреннимъ другомъ,—помните когда меня отнесли къ числу людей *никуда негодныхъ*, когда я, не видя никакого исхода, прозябалъ въ Сыромятникахъ. Вы однѣ протягивали мнѣ руку и говорили со мною *по душѣ*».

Знакомство, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ съ молодою редакціею Москвитянина—и, слѣдовательно, съ Островскимъ, Садовскимъ, Писемскимъ, Аполлономъ Григорьевымъ, Алмазовымъ, Эдельсономъ, Т. И. Филипповымъ и А. А. Потѣхинымъ—имѣло большое вліяніе на развитіе Горбунова. Кружокъ молодой редакціи распозналъ въ скромномъ разсказчикѣ «Утра квартальнаго надзирателя» и сценъ изъ быта фабричныхъ — настоящаго художника и, по выраженію Филиппова, «усвоилъ себѣ» Горбунова. Поощряемый новыми знакомыми, послѣдній сталъ вдумчивѣе и серьезнѣе относиться къ своимъ разсказамъ и записывать ихъ. Такъ приготовилъ онъ для печати свою сцену «Просто—случай» напечатанную въ 1855 году въ сентябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Въ это же время онъ сталъ «грѣшить», какъ самъ выражался, стихами. Одинъ его романсъ былъ положенъ на музыку Дюбюкомъ. Въ письмѣ къ С. И. И., отъ 18 февраля 1855 г., онъ приводитъ стихи для пѣнія, «Гитара», посвященные ей, но, кажется, составляющіе перифразъ стиховъ Аполлона Григорьева на ту же тему. Вотъ ихъ начало:

«Говори хоть ты со мной,
Душка семиструнная!
Грудь моя полна тоской...
Ночь такая лунная...
Видишь—я въ ночной тиши
Плачу, мучусь, сѣтую!
Ты допой же, доскажи
Пѣсню недопѣтую»!

Въ началѣ 1855 года, Тургеневъ, имѣвшій случай слышать въ Москвѣ разсказы Горбунова, и Писемскій, жившій въ это время въ Петербургѣ, стали усиленно звать Горбунова въ Петербургъ. Весною того же года онъ, не безъ большей тревоги о томъ какъ устроится его жизнь, пріѣхалъ на ихъ зовъ и сталъ появляться въ обществѣ, какъ разсказчикъ сценъ изъ народнаго быта. Новизна у насъ того рода искусства, представителемъ котораго былъ Горбуновъ, и отсутствіе въ петербургскомъ обществѣ первой половины пятидесятыхъ годовъ настоящаго и живого интереса къ бытовой жизни народа, быть можетъ, могли бы долго не давать его таланту возможности проявляться въ истинномъ свѣтѣ и продолжать развиваться далѣе. Городъ въ которомъ, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, «улицы постоянно мокры, а сердца постоянно сухи», могъ запугать и лишить энергіи молодого артиста въ новомъ, мало знакомомъ дотолѣ родѣ творчества. Трудно было ожидать и серьезной оцѣнки, и поддержки со стороны тогдашней *эстетической критики*, размѣнявшейся, по смерти Бѣлинскаго, на мелкую и стертую монету общихъ мѣстъ и близорукихъ сужденій. Самъ Горбуновъ вынесъ изъ ближайшихъ встрѣчъ съ нѣкоторыми представителями тогдашной печати не особенно выгодное о нихъ мнѣніе. «Съ петербургской литературой,—пишетъ онъ отцу своему,—я познакомился: купцы, а не литераторы!» Не всѣ однако были *купцы* и среди нихъ свѣтился кроткимъ и согрѣвающимъ огонькомъ высокоразвитый князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Его познакомили съ Горбуновымъ, пріютившимся въ это время у драматическаго актера старой школы и прекраснаго, по общимъ отзывамъ, человѣка—Леонидова, въ старинномъ петербургскомъ домѣ Жако-Шамо, у Чернышева моста. Одоевскій, глубокій знатокъ искусства, оцѣнилъ талантъ молодого разсказчика и значеніе его сценъ изъ народнаго быта. Приглашенный на знаменитыя субботы Одоевскаго, при чемъ хозяинъ умѣлъ съ любовью и свойственной ему тихою восторженностью дать ему случай проявить свое дарованіе какъ слѣдуетъ, Горбуновъ завоевалъ себѣ симпатіи слушателей и, благодаря этому, предъ вступленіемъ на петербургскую сцену уже пользовался извѣстностью и нѣкоторою поддержкою въ обществѣ. Это придало ему, какъ видно изъ его писемъ того времени, бодрости и энергіи. Но Одоевскій пошелъ дальше. Онъ представилъ Горбунова одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, посланныхъ судьбою Россіи—великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Чуткая душой, богато одаренная и глубоко образованная, сильная волей и умомъ, игравшая большую роль въ начинаніяхъ преобразовательнаго царствованія, ве-

ликая княгиня любила отыскивать, приближать къ себѣ и поддерживать талантливыхъ людей, во всѣхъ областяхъ знанія и дѣятельности. Одоевскій зналъ, что она оцѣнитъ и дарованіе Горбунова, и что ея проницательному пониманію не будутъ чужды сцены изъ быта того народа, которому—мыслью и словомъ—она служила такъ, какъ служатъ своему родному. Онъ не ошибся, и Горбуновъ нашелъ въ Еленѣ Павловнѣ не только усердную слушательницу своихъ разсказовъ, но и покровительницу, предстательство которой открыло ему врата петербургской казенной сцены,—что̀, въ свою очередь, помогло ему упрочиться въ Петербургѣ.

Въ этомъ Петербургѣ провелъ онъ затѣмъ сорокъ лѣтъ сдѣлавшись однимъ изъ популярнѣйшихъ въ немъ людей. Но ни его извѣстность, ни общепризнанность его таланта, ни связи и отношенія съ самыми разнообразными общественными сферами, не имѣли вліянія на его душевный складъ и на отношенія его къ людямъ. Онъ неизмѣнно оставался человѣкомъ простымъ и скромнымъ, добрымъ и неразсчетливымъ. Его жизнь вовсе не была свободна отъ терній. Онъ извѣдалъ на своемъ вѣку и клевету, и зависть; онъ постоянно долженъ былъ заботиться о заработкѣ; онъ зналъ горечь безусловной подчиненности и, подобно Садовскому, вынужденъ былъ играть Меркурія въ «Орфеѣ въ аду». Его разсказы очень часто, если можно такъ выразиться, расхищались и обезцѣнивались неумѣлымъ исполненіемъ и произвольными, иногда пошлыми, вставками. Подъ его именемъ издавались сборники фальсификацій, въ которыхъ, употребляя выраженіе Тургенева, знаніе народнаго быта «и не ночевало».

«Иванъ Ѳедоровичъ», иначе «Ванюша Горбуновъ»—былъ желаннымъ гостемъ повсюду. «На него» приглашали, его пребываніемъ у себя хвастались, встрѣчу съ нимъ въ гостяхъ, въ собраніи, въ дорогѣ—считали счастливымъ и завиднымъ случаемъ. И это потому, что ему всегда было радостно доставить кому-либо удовольствіе. Отсюда вытекала широкая готовность служить своимъ талантомъ, и служить щедро, безъ всякихъ ломаній и необходимости упрашиванія. Когда онъ появлялся среди гостей, преимущественно за трапезою, всѣ уже были увѣрены, что само-собою сдѣлается то, что вдругъ среди собесѣдниковъ окажется *генералъ Дитятинъ,* или Иванъ Ѳедоровичъ, улыбнувшись нерѣшительно и обведя всѣхъ глазами, начнетъ какой-нибудь изъ своихъ безподобныхъ разсказовъ. Онъ бывалъ не въ силахъ отвѣчать на общія ожиданія молчаніемъ, въ спокойной увѣренности, что его имя и извѣстность уже «сдѣланы». Его простой и ласковой душѣ претило разсчетливо и постепенно снисходить на просьбы. Какъ

электрическая банка, онъ былъ всегда заряженъ живыми образами и давалъ блестящую искру при первомъ прикосновеніи. Но бывали случаи, когда онъ долженъ былъ страдать глубоко. Проснувшійся въ немъ, иногда не взирая на обстановку, глубокій артистъ и художникъ болѣлъ душою отъ окружающаго непониманія. Очень часто гостепріимные и любезные собесѣдники, въ отдѣланной «въ стилѣ» столовой, или въ изящномъ салонѣ, восхищались тѣмъ *какъ* онъ разсказывалъ, не проникая въ то, *что* онъ разсказывалъ, или, уловивъ одну внѣшнюю сторону, ложно истолковывали смыслъ и значеніе слышанной сцены. Годами установившіяся отношенія, нежеланіе «огорчить», добродушіе и терпимость, переходившія въ значительной мѣрѣ въ слабость характера, дѣлали то, что у Горбунова не хватало силы ограничить кругъ своихъ слушателей лишь тѣмъ, кто его дѣйствительно понималъ и понималъ притомъ правильно. Съ другой стороны, его художественная натура пріобрѣла потребность высказываться, дѣлиться своимъ богатствомъ и, мечтая о *пониманіи*, часто довольствоваться однимъ лишь общимъ *вниманіемъ* окружающихъ. Французская поговорка: «qui a bu—boira» примѣнима не къ однимъ любителямъ хмеля. Для артиста, для художника становятся необходимымъ то, что̀ итальянцы выражаютъ словомъ «ambiente», которое обозначаетъ одновременно и привычную среду, и условія, и обстановку. Нуждался въ этомъ «ambiente», хотя бы и неполномъ и неудовлетворяющемъ его самолюбіе художника, и Горбуновъ. Этимъ злоупотребляли часто, и такъ какъ по чрезвычайной своей скромности онъ не умѣлъ «импонировать» и дать, гдѣ нужно, почувствовать свою цѣну, то въ нѣкоторыхъ кружкахъ, преимущественно въ такъ называемомъ «свѣтѣ», сложился тотъ взглядъ на него, о которомъ мы говорили въ началѣ нашего очерка.

«Забавникъ» всегда разсказывалъ прекрасно, но когда среди смѣха и рукоплесканій, въ концѣ обѣда или ужина, приведенные въ веселое настроеніе гости забрасывали генерала Дитятина нелѣпыми вопросами, или приставали къ Ивану Ѳедоровичу съ просьбами о такихъ разсказахъ, въ которыхъ игривая форма преобладала надъ содержаніемъ, или самое содержаніе было нецензурно, его глаза смотрѣли грустно и на губахъ появлялась мимолетная горькая складка. Быть можетъ, въ шумномъ одобреніи окружающихъ ему слышалось въ эти минуты безжалостное: «смѣйся, паяцъ!» итальянскаго композитора... Намъ передавали, что разъ, послѣ одного изъ такихъ ужиновъ, гдѣ разсказанныя, по настойчивой просьбѣ присутствующихъ, сцены особаго рода, построенныя на воспоминаніяхъ молодого «кипѣнья крови и силъ избытка»,

были приняты гораздо болѣе восторженно, чѣмъ глубокія сцены изъ народнаго быта,—Горбуновъ, возвращаясь поздно ночью на извозчикѣ, сталъ съ горечью говорить своему молодому спутнику о замѣченномъ имъ оттѣнкѣ въ одобреніяхъ. Въ его голосѣ слышалась скорбь обиды за себя и за искусство, и вдругъ, круто перемѣнивъ тему разговора, взволнованный и разгоряченный, онъ съ умиленіемъ сталъ говорить о русской литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ, и о томъ, что «они не умрутъ». Извѣстенъ, впрочемъ, случай, гдѣ, не зная, какъ отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній свѣтской дамы, желавшей непремѣнно «видѣть своимъ гостемъ Ивана Ѳедоровича», онъ пріѣхалъ, былъ чрезвычайно «корректенъ» въ своемъ бѣломъ галстукѣ и фракѣ и, проскучавъ ужасно весь вечеръ, уѣхалъ, не разсказавъ ничего...

Если свѣтскій и бюрократическій Петербургъ не щадилъ подчасъ души художника, то хлѣбосольная Москва, гдѣ онъ всегда бывалъ желаннымъ гостемъ, не щадила и его здоровья, выражая свою симпатію къ нему непрерывными пирами и неотступными угощеніями, вредно вліявшими на него и, въ виду его слабаго характера, создававшими поводы къ преувеличенному представленію о его привычкахъ и наклонностяхъ. Но Москву любилъ онъ нѣжно, и въ ней ему дышалось легче, чѣмъ въ Петербургѣ. Всѣ лучшія воспоминанія молодости и первыхъ опытовъ творчества влекли его къ ней. Каждый годъ онъ непремѣнно бывалъ въ Москвѣ великимъ постомъ и оставался до Ѳомпной недѣли. Когда наступала пасхальная заутреня и надъ чутко затихшимъ городомъ, съ ярко освѣщенными, безчисленными церквами раздавались первые могучіе удары колокола Ивана Великаго, когда торжественно настроенная толпа на Кремлевской площади зажигала свѣчи, а въ дверяхъ старинныхъ соборовъ показывались хоругви крестныхъ ходовъ,—Горбуновъ уже былъ тутъ, внимательно вглядывающійся и вслушивающійся во всѣ проявленія народнаго настроенія на великомъ праздникѣ. Его плѣнялъ московскій говоръ, московская старина. «Здѣсь вѣдь каждый камень говоритъ»,—пояснялъ онъ.— Онъ зналъ исторію московскихъ улицъ и урочищъ, изучилъ своеобразные обычаи Замоскворѣчья старыхъ лѣтъ, повѣрья и привычки московскаго простонародья. Ему были знакомы московскія «заведенія» со всѣми особенностями не только ихъ кухни, но и ихъ привычныхъ посѣтителей. Онъ изучилъ на практикѣ, что̀ такое «воронины блины»,—сошедшіе нынѣ со сцены «пироги подъ скрипкою» на Тверской и—знаменитая когда-то, назамѣнимая столовая въ «Сундучномъ ряду». Коренной москвичъ просыпался въ немъ, снисходительный къ недостаткамъ Бѣлокаменной, цѣни-

тель ея скрытыхъ достоинствъ, ревнивый поклонникъ ея старины, восторженный почитатель незабвеннаго прошлаго московскаго театра и московскаго университета, предъ которымъ этотъ «недоучка» преклонялся. Недаромъ, познакомясь въ Петербургѣ съ молодымъ студентомъ и полюбивъ его, Горбуновъ принесъ ему въ подарокъ портретъ Грановскаго и горячо просилъ беречь его. Новое, выхваченное изъ нѣдръ Москвы, выраженіе или просто отдѣльное словечко внушали ему, бывало, дѣтскую радость. Однажды, попавъ случайно, при посѣщеніи пріѣзжаго пріятеля, въ незнакомое московское семейство, онъ, обреченный судьбою слышать обыкновенно правильную, но безцвѣтную русскую рѣчь петербургскихъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ, былъ такъ восхищенъ оригинальными, живыми оборотами разговора молодой москвички, выросшей среди традицій стараго московскаго дома, что остался, разговорившись съ нею и прислушиваясь къ ея умной, чисто-русской, колоритной и образной рѣчи, цѣлый вечеръ, далеко за полночь, заставивъ напрасно поджидать себя въ другихъ мѣстахъ. «Вѣдь какъ она меня за сердце застегнула! какъ застегнула!»—говорилъ онъ на другой день пріятелю, восхищаясь языкомъ своей мимолетной знакомой.

Нѣжный, заботливый семьянинъ, нетребовательный къ жизни, умѣвшій понимать чужое горе, расточительно щедрый, когда у него были деньги, Горбуновъ былъ чуждъ эгоистической замкнутости и унылаго настроенія духа. Онъ слишкомъ любилъ для этого людей вообще. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда готовъ на услугу, постоянно привѣтливъ и весело шутливъ. Не любя оставаться безъ занятія, онъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ или серьезныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ происходящему, излагалъ свои, подчасъ скептическіе выводы въ письменныхъ подражаніяхъ (иногда на старинномъ языкѣ), неожиданныхъ стихотворныхъ пародіяхъ, или въ другихъ шуткахъ... «Же доръ, тю доръ, иль доръ и т. д.»,—написалъ онъ однажды на клочкѣ бумагѣ, отвѣчая на вопросительный взглядъ сосѣда въ концѣ чтенія ученаго изслѣдованія, которое не отличалось ни ясностью, ни живостью. «Спдящоу же честнòму сvноду и сладцѣ дремлюще внимающе гласоу ярости исходящоу изъ оустъ и т. д.»,—изобразилъ онъ полууставомъ, съ украшенной завитками первой буквою, сидя въ одномъ изъ ученыхъ сборищъ. Какъ истинный русскій человѣкъ, онъ любилъ шутить и надъ самимъ собою и разсказывать разныя недоразумѣнія, случавшіяся съ нимъ, конечно, вслѣдствіе необыкновенной простоты, съ которою онъ себя держалъ. Не разъ вспоминалъ онъ, какъ однажды, на охотѣ съ Некрасовымъ и его

друзьями, они расположились закусывать; онъ пошелъ открывать консервы, и когда проголодавшійся и нетерпѣливый Некрасовъ крикнулъ ему: «ну, Ванюша, поскорѣй!», то одинъ изъ загонщиковъ, видя его простое русское лицо, подбѣжалъ къ нему и тономъ приказанія сказалъ: «слышь, Ванька,—поживѣй, вишь господа требуютъ!» Разсказывая о первыхъ своихъ артистическихъ шагахъ въ Москвѣ, онъ передавалъ, съ необыкновенной образностью и живостью, свое первое свиданіе съ всевластнымъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, который зачѣмъ-то его потребовалъ. Молодого человѣка провели во «внутренніе покои» генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ камердинеръ, чистившій въ уборной комнатѣ, чрезъ которую пришлось проходить, графскіе рейтузы, посмотрѣлъ на него съ внушительнымъ презрѣніемъ. Закревскій обошелся съ нимъ привѣтливо, проводилъ его до дверей кабинета и въ знакъ особой ласки приложилъ свою гладко-выбритую щеку къ его щекѣ, произведя на воздухъ звукъ поцѣлуя. Камердинеръ это видѣлъ и, когда юноша Горбуновъ проходилъ мимо, подскочилъ къ нему, захлебываясь отъ умиленія, произнесъ: «графъ васъ полюбили!!»—и чмокнулъ его въ плечо.

Живой юморъ не покидалъ Горбунова и тогда, когда онъ повѣствовалъ о своихъ невзгодахъ. Описывая, напримѣръ свою артистическую круговую поѣздку съ извѣстнымъ пѣвцомъ М., онъ помѣщаетъ, въ качествѣ эпиграфа къ письму, выписки изъ краткихъ описаній Воронежа по географіямъ Гейма, Арсеньева, Ободовскаго и др., и отрывки якобы изъ частныхъ писемъ—гимназиста и актера: «мамаша, если вы не возьмете меня изъ воронежской гимназіи—я удавлюсь!..» и—«сборовъ никакихъ! На «Птички пѣвчія» было 18 рублей. Я такого подлаго города еще и не видалъ...» То-есть я вамъ доложу!—пишетъ Горбуновъ далѣе извѣстной петербургской артисткѣ—такъ намаяться, какъ мы съ М. намаялись,—не дай Богъ никому! Прислушайте, голубка... Въ оба эти спектакля термометръ показывалъ 4°. Выходя на сцену, я физически находился въ томъ же положеніи, въ какомъ каждогодно на масляницѣ пребываютъ балконные комики. Въ Казани, 22 мая, Господь Богъ послалъ снѣжку съ сѣвернымъ вѣтеркомъ и чуть-чуть не заставилъ насъ отказать концертъ. Мы поспѣшили въ Саратовъ, думая тамъ укрѣпиться. Погода благопріятствовала: было жарко, даже душно. По выходѣ въ свѣтъ нашей афиши, народъ тронулся за билетами. *Баба* шла на М—ова, а *дворянство* и *купечество* на Горбунова... Нужно вамъ сказать, что концертъ нашъ давался на Волгѣ, въ лѣтнемъ помѣщеніи дворянскаго собранія. Начала собираться публика, начали собираться и тучи. «Я

помню чудное мгновенье...»—началъ нѣжно М..., а на Волгѣ заоралъ американскій пароходъ... «Передо мной явилась ты...» а подъ окошкомъ завизжала собака... «Проходимъ мы это съ приказчикомъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ...» началъ Горбуновъ,—грянулъ ливень, засвистали пароходы, забѣгали по террасѣ гуляющіе. Такъ вся наша обѣдня... Пріѣхали въ Тамбовъ—тамъ лошадиная ярмарка и лошадиные вкусы. У всякаго въ рукахъ кнутовище, говорятъ только о лошадяхъ и посѣщаютъ только циркъ. Что намъ здѣсь Богъ пошлетъ,—ужъ и не знаю...»

Въ интереснѣйшихъ личныхъ воспоминаніяхъ о былыхъ литературныхъ и сценическихъ дѣятеляхъ, и въ особенности въ воспоминаніяхъ о Писемскомъ, Горбуновъ былъ неистощимъ. Оригинальная, чрезвычайно талантливая, «неладно скроенная, но плотно сшитая» личность извѣстнаго писателя, какъ живая вставала предъ слушателями и въ обстановкѣ частной жизни, и на литературныхъ чтеніяхъ, и въ визитахъ исключительнаго свойства. Въ послѣднемъ отношеніи воспоминанія Горбунова о поѣздкѣ съ Писемскимъ, отличавшимся чрезвычайною трусостью, на корабль генералъ-адмирала, лѣтомъ 1855 года, въ виду непріятельской эскадры, стоявшей передъ Кронштадтомъ, имѣли глубоко-комическій, несмотря на свою правдивость, характеръ. Около же этого времени Писемскій, писавшій тогда такую замѣчательную вещь, какъ «Тысяча душъ», угрюмо сказалъ Горбунову о начинающемъ «великомъ писателѣ земли русской» по поводу «Севастопольскихъ разсказовъ», отрывки изъ которыхъ онъ только-что прослушалъ:—«этотъ офицеришка всѣхъ насъ заклюетъ! хоть бросай перо»...

До конца жизни любилъ Горбуновъ молодежь. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, не смущаясь временными и преходящими явленіями. Ему доставляло удовольствіе приходить бесѣдовать съ молодыми людьми, знакомить ихъ съ русской жизнью, съ ея реальными условіями, чаяніями и невзгодами, и рисовать предъ ними поучительныя картины прошлаго «Насъ, батюшка,—говорилъ онъ,—чаще спрашивайте, все разскажемъ, ничего не утаимъ»...

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ здоровье Горбунова сильно и замѣтно пошатнулось. Его чаще стали видѣть задумчивымъ и иногда даже раздражительнымъ. Упорный діабетъ подтачивалъ его крѣпкій и выносливый организмъ. Онъ сталъ разсѣяннымъ и, упорно отрицая свою болѣзнь, какъ будто внутренно «махнулъ рукою» на будущее, не желая серьезно лечиться. Но одинъ разъ въ году, 14 сентября, празднуя день своихъ именинъ и собирая къ себѣ—по давно заведенному обычаю—на кулебяку друзей и добрыхъ знакомыхъ, онъ оживлялся по-старому, разсылая свои приг-

лашенія на старинномъ языкѣ разныхъ эпохъ и поднося гостямъ остроумное меню строго обдуманной трапезы. «Худородный рабъ твоего благородія, зовомый Иванецъ, Ѳедоровъ сынъ, Тимоѳеевича,—пишетъ онъ въ одномъ изъ такихъ приглашеній, много челомъ бьетъ и извѣствуетъ, что онъ, Иванецъ, въ Воздвиженье честнаго и животворящаго креста Господня прилучился быть имянинникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать—моего хлѣба соли прикушать и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до скончанія моего живота, а я тебѣ, государю, рабъ и служебникъ съ женишкою своей и съ дѣтишками. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія, да царскія казны оберегатель (да не имутъ царское)... А ѣства будетъ московская и иныхъ городовъ, и съ Дону, и отъ рѣки великія».—«Высокородный господинъ пишется въ другомъ приглашеніи,—случился я, нижайшій, 14 сентября, въ часъ пополудни, имянинникъ и соберутся ко мнѣ, нижайшему, нѣкоторые гости, и будетъ трактаментъ пирогомъ съ грибами и разною конфетюрою и Вашему Высокородству, меня, худороднаго и худоумнаго, пожаловать, не презрить моей хлѣбъ-соли, а я нижайшій и т. д.». На изящномъ меню, нарисованномъ покойнымъ Богдановымъ къ 14 сентября 1891 года, значились, между прочимъ: ветчина московская, городская—*жамбонъ*,—марсала *на маперъ настоящей,* телятина—*лево*,—лафитъ *серпуховской*, высокій, *тревье*, и т. д.

Съ утра въ радостномъ и приподнятомъ настроеніи, съ довольною улыбкой на устахъ, цѣлуясь троекратно со своими посѣтителями, Горбуновъ сердечно наслаждался тѣмъ, что у него собрались люди, которыхъ онъ любилъ и въ искренность которыхъ онъ вѣрилъ, а быть можетъ, и тѣмъ, что тоже любя и цѣня его, никто изъ нихъ не смотритъ на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ и не ждетъ отъ него какого-нибудь, якобы увеселительнаго, разсказа...

Въ 1894 году онъ отпразновалъ этотъ день въ послѣдній разъ. Здоровье окончательно подломилось весною 1895 г., а къ зимѣ на организмъ, уже подточенный разрушительнымъ недугомъ, налетѣло воспаленіе легкихъ, и 24 декабря Ивана Ѳедоровича не стало. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно и съ вѣрою—и скончался безъ особыхъ страданій. Русское общество лишилось рѣдкаго художника, въ трудѣ котораго сочувствіе къ народу и знаніе народа переплеталось неразрывно. Тѣ, кто лично узналъ его и умѣлъ его понимать, потеряли еще больше. Они могли по мѣсяцамъ и болѣе не видѣть Горбунова, но имъ было отрадно сознавать, что существуетъ еще среди нихъ этотъ милый и живой изо-

бразитель народнаго юмора и представитель, въ своеобразной формѣ, раздумья надъ русскою жизнью. Теперь это сознаніе исчезло... Но память о Горбуновѣ живетъ въ душѣ его знавшихъ. Ей не слѣдуетъ изгладиться и на страницахъ исторіи русскаго искусства и литературы.

Если намъ удалось немного оживить эту память и хотя бы самыми слабыми и несовершенными штрихами дать выглянуть изъ-подъ коры поверхностныхъ сужденій и предвзятыхъ взглядовъ образу *настоящаго* Горбунова—наша цѣль достигнута.

ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
СОЛОВЬЕВЪ.

(Рѣчь въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 21-го января 1901 г.).

I.

24-го ноября 1874 года, покойный историкъ, профессоръ Бестужевъ - Рюминъ, вернувшись съ магистерскаго диспута Владиміра Сергѣевича Соловьева, писалъ вдовѣ московскаго профессора Ешевскаго: «Россію можно поздравить съ геніальнымъ человѣкомъ». Но, какъ извѣстно, не только геніальные, но и высокодаровитые люди на Руси недолговѣчны. Какая - то злая судьба завистливо смотритъ на ихъ шаги и задуваетъ пламя ихъ духовной жизни, едва оно успѣетъ, иногда послѣ ряда неблагопріятныхъ условій, разгорѣться какъ слѣдуетъ. Не сдѣлала она исключенія и для Соловьева. Прошло уже полгода съ тѣхъ поръ, какъ, въ бреду внезапнаго и изнурительнаго недуга, ушелъ онъ «за грань земного кругозора», сопровождаемый взрывомъ общаго и неподдѣльнаго сожалѣнія...

До сихъ поръ утрата его такъ свѣжа, что подчасъ въ дѣйствительность ея не хочется вѣрить. Кажется, что еще вчера онъ былъ среди насъ,—и что сегодня опять удастся увидѣть его удивительное, одухотворенное лицо, съ глубокимъ, то отрѣшеннымъ отъ земли, то пламеннымъ взоромъ,—услышать задушевные звуки его голоса, прислушаться къ его всегда содержательному слову, прерываемому дѣтскимъ, заразительнымъ смѣхомъ... Онъ чувствуется

еще такимъ близкимъ, такимъ до боли живымъ въ памяти всѣхъ, кому онъ былъ «сотрудникомъ жизни», что, сознавая тяжесть удара, нанесеннаго его смертью, теперь едва ли даже возможно оцѣнить вполнѣ размѣръ и значеніе понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ его потери. Vivit sub pectore vulnus! И невозможно вполнѣ объективно говорить о своеобразной и исключительной личности Соловьева, не отходя отъ ея яркихъ красокъ на большее, чѣмъ нынѣ разстояніе. Еще, быть можетъ, труднѣе приступить къ полной и подробной оцѣнкѣ его трудовъ.

До сихъ поръ для этого нѣтъ и достаточнаго матеріала. Сочиненія его разбросаны по самымъ разнообразнымъ изданіямъ, — часть изъ нихъ вовсе недоступна русской публикѣ, часть вышла изъ продажи. Притомъ въ оставленномъ Соловьевымъ научномъ и литературномъ наслѣдіи довольно многое само по себѣ не докончено или не высказано съ окончательною опредѣлительностью. Онъ умеръ въ разгарѣ новыхъ работъ, для которыхъ нѣкоторыя изъ прежнихъ представляютъ лишь программы или собраніе матеріаловъ. Какъ всецѣло отдавшійся любимому дѣлу зодчій, возводилъ онъ одновременно нѣсколько зданій, дополнявшихъ гармонически другъ друга, но не успѣлъ всѣ довести до окончательнаго завершенія. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ трудовъ онъ намѣтилъ планы, оставилъ чертежи будущей постройки, — и по нимъ лишь можно догадываться и предполагать, что̀ именно должна бы представлять она, во всей ея цѣлости и соотвѣтствіи отдѣльныхъ частей. Поэтому лишь когда всѣ его сочиненія будутъ изданы въ одномъ собраніи, наступитъ время для глубокой, вдумчивой и подробной критики всѣхъ особенностей его міросозерцанія и ученія, и для опредѣленія пути и размѣровъ вліянія его твореній на развитіе русской общественной и философской мысли. При этомъ, конечно, неминуемо придется изслѣдовать и всѣ разнообразные споры и возраженія, которыя вызывалъ почти каждый шагъ Соловьева въ печати или публичной рѣчи. Нынѣ же, казалось бы, возможно говорить не столько о томъ, что *сдѣлалъ* онъ, какъ о томъ, что̀ онъ *дѣлалъ*, къ чему стремился, въ чемъ выражалъ свойства, присущія его исключительной личности.

Давно уже замѣчена та поспѣшная готовность, съ которою мы стремимся, по нѣсколькимъ, иногда чисто внѣшнимъ и поверхностнымъ признакамъ, наклеивать на людей тотъ или другой ярлыкъ, по которому и производится зачисленіе людей въ одинъ изъ лагерей и окраска ихъ въ опредѣленный цвѣтъ. Ни подъ одинъ изъ такихъ ярлыковъ, часто наклеенный ошибочно и мѣшающій разглядѣть *настоящаго* человѣка, Соловьевъ не подхо-

дилъ. «Святое безпокойство» въ исканіи и уясненіи себѣ правды побуждало его соприкасаться съ различными направленіями, заходить въ чуждые одинъ другому станы—и ни къ одному изъ нихъ не примыкать всецѣло, стоя всегда особнякомъ или «идя дорогою свободной», куда влекъ его «свободный умъ». Такимъ остался онъ до конца своей жизни, быстро протекшей, какъ рѣка, отражающая на поверхности своихъ водъ то хмурое и сѣрое, то ясное и безоблачное небо, но настойчиво катящая свои струи по *своему*, ею прорываемому, ложу.

Выдающіеся въ духовномъ отношеніи люди являются или выразителями общественнаго настроенія, которое они умѣютъ сосредоточить и воплотить въ своей дѣятельности, — или выразителями общественныхъ потребностей, иногда еще не сознаваемыхъ большинствомъ ясно или же ложно имъ понимаемыхъ. Въ первомъ случаѣ такихъ людей поднимаетъ и несетъ на своемъ хребтѣ волна общественнаго теченія, — во второмъ имъ нерѣдко приходится противополагать свою личность такому теченію и, идучи въ разрѣзъ съ настроеніемъ большинства, повторять слова Лютера: «hier stehe ich—ich kahn nicht anders»... И чѣмъ многостороннѣе въ своей дѣятельности эти выразители общественныхъ потребностей, тѣмъ выше и плодотворнѣе ихъ значеніе въ жизни. Такимъ именно человѣкомъ былъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Богато одаренный отъ природы, обладавшій колоссальною памятью, настойчиво и самостоятельно учившійся всю жизнь и, поэтому, вооруженный массою разнообразныхъ и глубокихъ свѣдѣній — онъ былъ слишкомъ силенъ *самъ по себѣ*, чтобы служить *только* выразителемъ, хотя бы и въ самомъ возвышенномъ видѣ, общественныхъ настроеній даннаго времени. Онъ не могъ не противопоставлять ему во многихъ случаяхъ свое душевное *я* съ безтрепетною самостоятельностью мысли, призванной руководить, а не быть руководимою. Отсюда тѣ горячія нападки, которымъ онъ подвергался съ разныхъ, иногда прямо противоположныхъ, сторонъ,—и то тревожное вниманіе, которое приковывала къ себѣ его дѣятельность, такъ что нельзя не согласиться съ Брандесомъ, что рѣдко кто одновременно такъ сильно занималъ, удивлялъ, восхищалъ и возмущалъ общество, какъ Соловьевъ. Про него можно сказать, что онъ прошелъ свой путь спѣша, точно предугадывая, что мѣра времени, данная ему судьбою, гораздо меньше мѣры его силъ и задачъ. Этимъ объясняется и характеръ многихъ его произведеній, ихъ нерѣдкая схематичность и несоотвѣтствіе въ полнотѣ разработки ихъ отдѣльныхъ частей. Онъ *торопился* высказаться, подчасъ оставляя въ сторонѣ подробности

и не думая о необходимости заранѣе опровергнуть и оговорить неправильные выводы изъ своихъ взглядовъ. Это все, повидимому, откладывалось до другого раза, для котораго уже не нашлось мѣста въ его жизни. Этимъ характеромъ запечатлѣны преимущественно произведенія его послѣднихъ лѣтъ. То же самое замѣчается и у другого мыслителя, у «великаго писателя земли русской». И онъ, сознавая, какъ быстро уходятъ «судьбой отсчитанные дни», спѣшитъ заповѣдать свои общественныя и нравственныя идеи, мало заботясь о формѣ и какъ будто пренебрегая своимъ высокимъ и неувядаемымъ художественнымъ даромъ.

Несмотря на глубокое содержаніе трудовъ Соловьева и на вложенную въ нихъ огромную подготовительную работу,—онъ не былъ кабинетнымъ ученымъ. Ему не давала возможности сдѣлаться такимъ—прежде всего его личная жизнь, лишенная всякихъ, даже самыхъ скромныхъ удобствъ и той минимальной обезпеченности, которая необходима для спокойного изложенія своихъ думъ и созерцаній. Вѣчный странникъ, не знавшій подчасъ, гдѣ главу приклонить, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ,—не имѣвшій «ни кола, ни двора»,—бѣдно и скудно одѣтый, слабый физически, хрупкій, впечатлительный и болѣзненно воспріимчивый — онъ не былъ, употребляя выраженіе Некрасова, «любящей рукой—ни охраненъ, не обезпеченъ». А въ этомъ онъ нуждался, въ виду чрезмѣрности и истощающей физическія силы разбросанности его работы,—нуждался въ виду своей безграничной доброты и дѣтски-наивнаго отношенія къ практической жизни, которую проходилъ съ выдержкою и терпѣніемъ мудреца и незлобивою чистотою ребенка. «Будучи не отъ міра сего и выше міра сего, онъ представлялъ изъ себя»,—сказалъ о немъ извѣстный датскій критикъ,—«полу-пророка, полу-ребенка». Не ученый, поднявшійся на холодныя альпійскія высоты отвлеченнаго знанія и оттуда лишь изрѣдка спокойно взирающій на прикованную къ отдаленной долинѣ, вѣчно подвижную, мятущуюся и страждущую жизнь,—а мыслитель, рядомъ съ яснымъ и строгимъ умомъ котораго бьется чуткое и отзывчивое къ этой жизни сердце,—вотъ кто постоянно слышится въ Соловьевѣ. Этимъ его отношеніемъ къ жизни и объясняется страстность нѣкоторыхъ его выводовъ и запальчивость его полемическихъ пріемовъ. Боецъ—или, вѣрнѣе, «труба, зовущая на бой»—онъ былъ гораздо болѣе публицистомъ, чѣмъ это кажется, даже и тогда, когда являлся, повидимому, представителемъ отвлеченнаго умозрѣнія. Онъ самъ, въ разгарѣ одной полемики, призналъ себя публицистомъ по преимуществу, объясняя, что сталъ имъ какъ разъ въ то время, когда въ нашей общественной жизни явились особые

поводы вступаться за элементарные принципы. «Я боролся,—заявлялъ онъ,—во всю мѣру моихъ возможностей и не безъ нѣкоторыхъ пожертвованій». Тѣ, кому знакома личная жизнь его, знаютъ, что онъ никогда не останавливался, въ раздумьи или унынiи, ни предъ размѣрами такихъ пожертвованій, ни предъ ихъ возможными послѣдствіями.

Онъ бросалъ свои мысли съ горделивою горячностью—какъ вызовъ, какъ перчатку—и у него, вопреки несправедливымъ обвиненіямъ его въ «самодовольномъ квіетизмѣ», нельзя найти безмятежнаго любованія виртуознымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ своихъ идей и положеній. Боевой характеръ многихъ его произведеній отражается довольно часто и на способѣ его изложенія. Тамъ, гдѣ нить его посылокъ и выводовъ становится слишкомъ тонка,—гдѣ читателю приходится идти по краю логической, а иногда и психологической пропасти—Соловьевъ искусными діалектическими пріемами, остроумными выходками, полными юмора бытовыми разсказами или историческими справками строитъ легкую изгородь, заслоняющую отъ пугливаго взора опасность, — и, миновавъ ее, снова пускается, бодрый и какъ всегда блестящій, въ дальнѣйшій путь.

II.

Жизнь человѣка, со своей нравственно - разумной стороны, слагается изъ трояхихъ отношеній: къ высшему началу самой жизни,—къ людямъ—и, наконецъ, къ самому себѣ. Всѣ эти отношенія тѣсно переплетены между собою взаимнымъ вліяніемъ и необходимостью внутренней гармоніи. Отсутствіе связи между ними и наличность дисгармоніи тяжко отражаются и на послѣдовательности дѣйствій, и на душевномъ строѣ человѣка, вызывая невидимыя внутреннія драмы и отталкивающія видимыя картины разлада между словомъ и дѣломъ, который тщетно старается прикрыться гнилою тканью компромиссовъ и приспособленій. Разъясненію и опредѣленію этихъ отношеній и была посвящена трудовая дѣятельность Соловьева, наполнившая всю его жизнь, властно и неуклонно, — разнородная по формѣ и содержанію, единая по своему стремленію къ истинѣ, всегда чистая и по цѣли, и по источнику. Съ тѣми или другими проявленіями этой дѣятельности не всегда можно было соглашаться, въ нихъ можно было открывать ошибки, увлеченія и односторонности, въ чемъ самъ Соловьевъ нерѣдко прямодушно сознавался, но всегда къ этой дѣятельности, во всей ея совокупности, были безусловно приложимы слова

пролога къ «Фаусту»: «ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange ist sich des rechten Weges wohl bewusst».

Нельзя сказать, чтобы при вступленіи Соловьева въ ученую и общественную жизнь указанныя выше троякія отношенія человѣка понимались у насъ и складывались у большинства образованнаго общества съ достаточною продуманностью и глубиною. Ему пришлось начать свою дѣятельность съ осуществленія душевной необходимости высказать и поддерживать свой взглядъ на первое изъ этихъ отношеній — *къ высшему началу жизни* — и вступить въ горячую, упорную и смѣлую борьбу съ рядомъ ученій, воспринятыхъ съ Запада и быстро усвоенныхъ въ качествѣ «послѣдняго слова». Оно — это слово — не было особенно ободрительнымъ и оставляло въ душѣ, не желавшей убаюкивать себя обманчивою удовлетворенностью, большое мѣсто для сомнѣній и не получавшихъ разрѣшенія вопросовъ. Къ началу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, у насъ и на Западѣ, Кантъ и Гегель отошли въ область историческихъ воспоминаній и при томъ для большинства очень смутныхъ и ничего не говорящихъ. Весьма немногіе интересовались сущностью ихъ ученій, когда-то властно покорявшихъ себѣ умы. Этому, конечно, особенно способствовало у насъ и закрытіе, съ 1850 года, самостоятельной каѳедры философіи въ университетахъ, такъ что, напримѣръ, независимое слово о главнѣйшихъ философскихъ теоріяхъ — и то лишь по отношенію къ праву государства налагать уголовныя кары — слушатели петербургскаго университета услышали впервые послѣ многолѣтняго перерыва, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отъ профессора уголовнаго права В. Д. Спасовича. Но и помимо этого—гегеліанство, распавшееся на три теченія, крайнія изъ которыхъ почти ничего общаго между собою не имѣли, постепенно утратило стройную силу своего первоисточника, а ученіе Канта, этого Петра Великаго новѣйшей философіи, — Канта, котораго профессоръ Котляревскій остроумно назвалъ «узловою станціею новой философіи», — съ его утвержденіемъ безсмертія души и свободы воли, съ начертаніемъ непререкаемыхъ границъ для опытнаго знанія и съ его категорическимъ императивомъ практическаго разума, стало оказываться «бременемъ неудобоносимымъ». Это возвышенное и возвышающее духъ строгое ученіе представилось тяжелымъ и стѣснительнымъ для многочисленныхъ послѣдователей культа несвободной и слабой воли, связанной и обусловленной множествомъ стоящихъ внѣ ея явленій; — оно показалось слишкомъ отвлеченнымъ для тѣхъ, кто, работая какъ мыслитель, находилъ, однако, занятіе вопросами о причинахъ, смыслѣ и конечныхъ цѣляхъ бытія праздною

и безплодною гимнастикою ума. Задачи послѣдняго стали сводиться исключительно къ всестороннему познанію и изученію неизмѣннаго и постояннаго соотношенія между реальными предметами, вытекающаго изъ сходства и послѣдовательности явленій жизни. Только такимъ образомъ,—думали многіе,—сопоставляя и классифицируя наши познанія, можно открыть и выяснить законы жизни, вовсе не прибѣгая къ лишеннымъ разумнаго основанія самоувѣреннымъ вѣщаніямъ мистиковъ и произвольнымъ построеніямъ метафизиковъ. Такимъ путемъ должно возникнуть и восторжествовать то положительное знаніе, въ уста которому Флоберъ влагаетъ, въ «La tentation de St.-Antoine», горделивыя слова: «мое царство размѣрами равно вселенной,—моему желанію нѣтъ границъ,—я движусь, освобождая разумъ и взвѣшивая міры безъ ненависти и жалости, безъ любви и Бога!»...

Широко разлившійся въ свое время на Западѣ позитивизмъ захватилъ своими волнами и мыслящее русское общество шестидесятыхъ и въ значительной мѣрѣ семидесятыхъ годовъ. Съ легкой руки Огюста Конта и его послѣдователей, подъ вліяніемъ заманчивой внѣшней стройности ихъ ученія, ненужный багажъ устарѣлаго умозрѣнія съ презрительнымъ смѣхомъ былъ выброшенъ за бортъ. Было признано, что настало время перейти къ такъ называемому *третьему* состоянію человѣческаго развитія, которое должно неминуемо и побѣдоносно слѣдовать за тѣми заблужденіями ума, которыя носятъ названіе теологіи и метафизики. Это третье состояніе—позитивное или научное—пріучитъ, наконецъ, людей не заниматься пустыми попытками понять дѣйствительную сущность предметовъ и внушитъ имъ бросить навсегда праздные вопросы о цѣляхъ бытія, о разумномъ и возвышенномъ значеніи существованія и т. п. Оно научитъ ихъ, устроясь подъ развѣсистымъ древомъ классифицированныхъ наукъ, взирать на жизнь, какъ она есть, не мудрствуя лукаво и изучая ея *внѣшнія* проявленія. Такому направленію мысли, подъ вліяніемъ общаго теченія, отдавалось, долгое время, наша молодежь.

Вслѣдъ за позитивизмомъ—«властительницею думъ» сдѣлалась пессимистическая философія Шопенгауера и затѣмъ Гартмана. Пессимизмъ, какъ міросозерцаніе и какъ житейская практика, ближе подошелъ къ потребностямъ и запросамъ человѣческой души. Онъ попытался коснуться вопроса о томъ, что такое, по своему источнику, жизнь,—но онъ старался уяснить лишь происхожденіе жизни, а не ея смыслъ. Блестяще, какъ это дѣлаетъ Шопенгауеръ, объяснять различныя явленія жизни, еще не значитъ отвѣчать на роковые вопросы—зачѣмъ и почему возникло

то, съ чѣмъ связаны эти явленія. Если позитивизмъ, съ его механическою теоріею прогресса, не давалъ законнаго мѣста и удовлетворенія развитію личности, то, съ другой стороны, и пессимизмъ съ его міровой волей, стремящійся проявить себя въ постоянномъ возобновленіи жизни или съ выдвинутымъ Гартманомъ началомъ «безсознательнаго»—принижалъ эту личность, заставляя ее сознавать себя игрушкою и орудіемъ слѣпой силы, цѣль которой, прикрываемая иллюзіями несчастнаго людского сердца, есть исключительно поддержаніе рода путемъ тѣхъ отношеній, которыя свойственны человѣку какъ животному и наравнѣ со всѣми животными. Тутъ и проповѣдь самаго широкаго *состраданія* мало даетъ утѣшительнаго. Съ мыслью о томъ, что природа, использовавъ человѣка для безцѣльнаго и близорукаго воспроизведенія имъ потомства, можетъ затѣмъ сказать ему: «der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehen!» и что *въ этомъ* состоитъ смыслъ жизни—трудно примирить запросы человѣческаго духа. Загадочный вопросъ задачи бытія не разрѣшается такъ просто.

При такихъ взглядахъ, очевидно, для религіознаго чувства не было мѣста. Понимаемая, какъ дитя унаслѣдованныхъ суевѣрій и фантазіи, боящейся смѣло взглянуть въ лицо дѣйствительности,—вѣра могла возбуждать лишь презрительное недоумѣніе или высокомѣрное снисхожденіе. Но, однако, человѣкомъ чувствуется необходимость безусловнаго начала для своихъ высшихъ интересовъ, для своего разума и знанія, для своей воли и нравственной дѣятельности, для чувства и творчества. Эта необходимость создаетъ въ немъ и вѣру въ дѣйствительное существованіе этого начала. Какъ ни заглушать въ себѣ это чувство, какъ ни называть его,—слѣдуя совѣту Фауста въ его разговорѣ съ Гретхенъ о вѣрѣ,—оно, рано или поздно, въ той или другой формѣ подниметъ свой голосъ и предъявитъ свое право на существованіе. Точная наука не въ силахъ ни доказать, ни опровергнуть эту вѣру, такъ какъ опытъ, на которомъ она, главнымъ образомъ, зиждется, никакого значенія въ вопросахъ *сущности* и *начала* имѣть не можетъ.

Поэтому неминуемо долженъ былъ свершиться поворотъ къ тому, что, по мнѣнію позитивистовъ, было уже «längst überwunden» — къ религіи и къ метафизикѣ. Нужно ли говорить о признакахъ этого поворота? Они слишкомъ многочислены и разнообразны и стали появляться уже довольно давно. Стоитъ припомнить многія краснорѣчивыя страницы Лорана, въ его «Etudes sur l'histoire de l'humanité», или вырвавшійся, еще въ 1876 г., у Гладстона, одного изъ благороднѣйшихъ представителей XIX столѣтія, упрекъ: «Я удивляюсь,—говорилъ онъ,—манерѣ, съ ко-

торою въ наши дни честными и талантливыми людьми отвергается самое понятіе о Богѣ, какъ дѣйствующемъ и правящемъ верховномъ существѣ. Можно было бы думать, что вѣрѣ, которая умиротворяла сомнѣнія многихъ людей, утѣшала и успокоивала массу поколѣній—не будутъ отказаны, по крайней мѣрѣ, приличія траура... Но на дѣлѣ мы видимъ, что надъ нею насмѣхаются съ торжествомъ и энтузіазмомъ». И скептиковъ, въ лицѣ самыхъ блестящихъ въ ихъ средѣ поэтовъ и мыслителей, не удовлетворяло механическое и матеріалистическое міровоззрѣніе. Уже Альфредъ Мюссе восклицалъ: «для меня невыносимы люди, со смѣхомъ отталкивающіе отъ себя все, что называется вѣрою... Я тоже сомнѣвался всю жизнь—и продолжаю сомнѣваться,—но я дѣлаю это со скрежетомъ зубовъ, а не съ язвительною насмѣшкою;—я смотрю на мучающее меня сомнѣніе въ отношеніи вѣры не какъ на привилегію, данную природою моему духу, а какъ на страшную душевную кару;—отъ этой страшной муки я старался освободиться всѣми средствами, и если это мнѣ не удалось, то за мною все-таки остается заслуга, что я извлекъ изъ болота матеріализма свое лучшее *я*». Ренанъ, по всѣмъ философскимъ твореніямъ котораго разлитъ благодушный скептицизмъ, въ концѣ своей спокойно-созерцательной жизни признавалъ огромную роль, которую въ управленіи его жизнью играла уже потерянная имъ религія, имѣющая, однако, ту особенность, что продолжаетъ дѣйствовать даже и послѣ того, какъ, повидимому, умерла въ душѣ человѣка. Онъ, еще въ 1866 г., называлъ такія разнородныя явленія, какъ солнце, зарожденіе человѣка, совѣсть — чудесами, ибо наука не въ силахъ объяснить ихъ происхожденіе, составляющее непроницаемую тайну, подобно всѣмъ началамъ жизни, для разгаданія которыхъ у насъ нѣтъ данныхъ. Находя, что сверхчувственныя стремленія присущи природѣ человѣка, онъ признавалъ, что высшимъ выраженіемъ этихъ стремленій является понятіе о Богѣ, для признанія котораго нужны не выводы знанія, а *великія поэмы*. Такъ называлъ онъ религіозныя вѣрованія. «Исторія обнаруживаетъ, — писалъ онъ, — что человѣческой природѣ присущъ трансцендентальный инстинктъ, направляющій ее къ высшей цѣли. Самое развитіе человѣка было бы необъяснимо, если допустить гипотезу, что онъ обреченъ на конечное существованіе, что добродѣтель есть изощренный эгоизмъ, а религія—не болѣе какъ химера».

Въ защиту законности существованія вѣры стали выступать, затѣмъ, и глубокіе ученые, и дѣятельные политики. Пастеръ,—про котораго съ полнымъ правомъ, какъ и про Гёте, можно бы сказать: «была ему книга природы ясна»,—въ своей вступитель-

ной во Французскую Академію рѣчи сказалъ: «понятіе о *безконечномъ* находитъ себѣ неизбѣжное выраженіе вездѣ и во всемъ мірѣ; благодаря ему, сверхчувственное лежитъ на днѣ каждой души, — бытіе безконечнаго въ самомъ себѣ заключаетъ болѣе сверхъестественнаго, чѣмъ сколько его во всѣхъ чудесахъ всѣхъ религій. Идея Бога—лишь форма идеи о безконечномъ».—«Я много изучалъ—и вѣрую, поэтому, какъ бретонскій крестьянинъ; еслибы я сдѣлался еще ученѣе, то моя вѣра стала бы такъ же глубока и пламенна, какъ вѣра простой бретонской женщины», — писалъ онъ на склонѣ своихъ дней. Пришелъ къ тому же выводу краснорѣчивый и благородный испанскій политическій дѣятель—Эмиль Кастеларъ. «Сомнѣніе и земныя блага всегда найдутъ себѣ усердныхъ служителей,—говорилъ онъ,—но сомнѣніе и эти блага никогда не будутъ имѣть мучениковъ за себя. Чтобы достичь какой-либо цѣли, чтобы переплыть бурное море жизни, — необходимо ступить на корабль вѣры. На этомъ именно кораблѣ пребывалъ Колумбъ, когда открылъ Новый Свѣтъ! И еслибы послѣдній вовсе не существовалъ — Богъ вызвалъ бы его изъ водной пустыни Атлантики, чтобы вознаградить этого человѣка за его вѣру, за его вѣрность этой вѣрѣ!»... «Я хочу жить,—восклицалъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—чтобы во дни труда, назначенные мнѣ Создателемъ, сѣять сѣмена доступнаго мнѣ добра, — а затѣмъ, буду спокойно ждать, сѣвъ на придорожные камни, того часа, съ котораго *кончается смерть* и начинается истинная, безконечная *жизнь*»...

Эту необходимость вѣры, разлитой въ человѣчествѣ, независимо отъ отдѣльныхъ случаевъ ея сознательнаго отрицанія отдѣльными личностями, превосходно выразилъ тотъ же Ренанъ. «Человѣкъ,—говоритъ онъ, — руководимъ исключительно идеей о *будущемъ*. Народъ, всецѣло отрекшійся отъ всякой вѣры въ то, что должно существовать *по ту сторону смерти*, склонился бы къ полному паденію. Отдѣльное лицо можетъ свершать великія дѣла, не вѣруя въ безсмертіе, но надо, чтобы въ послѣднее вѣрили *за него* и *вокругъ него*».

Такимъ образомъ, возрожденіе потребности въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, какъ утѣшеніи, поддержкѣ и основаніи для стойкаго преслѣдованія идеальныхъ цѣлей—съ одной стороны, и признаніе правъ личной воли, въ противоположность безсознательной міровой волѣ, нашедшее себѣ впослѣдствіи блестящее выраженіе въ ученіи Ницше, съ другой—содѣйствовали умаленію прежняго, почти безусловнаго, владычества позитивизма и выросшаго на ряду съ нимъ пессимизма. Повторилось даже обычное явленіе. Критика

позитивизма и неудовлетворенность пессимистическимъ воззрѣніемъ на жизнь перешли въ крайность, почти въ отрицаніе цѣнности и знанія науки. «Вотъ скоро сто лѣтъ,—писалъ въ 1894 году Брюнетьеръ въ произведшей большое впечатлѣніе статьѣ,—какъ наука обѣщала обновить міръ, разсѣять тайну, но ничего не сдѣлала въ этомъ отношеніи. Она не въ силахъ рѣшить единственно важные и существенные вопросы — о происхожденіи человѣка, о законахъ его духовной жизни, о его грядущей судьбѣ. Естественныя науки никогда ничего по этой части не откроютъ; поэтому, если наука еще не потерпѣла полнаго банкротства, то, во всякомъ случаѣ, она оказалась несостоятельною». Это утвержденіе Брюнетьера было подхвачено цѣлымъ хоромъ писателей, поспѣшности мысли которыхъ не соотвѣтствовали ея продуманность и глубина. Несостоятельность есть первый и главный шагъ къ банкротству, — заявляли они, — и такъ какъ тѣ иллюзіи, которыми наука обманывала своихъ довѣрителей, разоблачены, то теперь же, не задумываясь долго, слѣдуетъ провозгласить «банкротство науки»! И оно было провозглашено съ тѣмъ же непонятнымъ злорадствомъ, какъ прежде было объявлено о «банкротствѣ вѣры» — и тоже безъ всякихъ «приличій траура», о которыхъ говорилъ Гладстонъ. Къ счастію, это ликованіе продолжалось недолго. Серьезныя возраженія — и въ особенности прекрасная статья Шарля Рише въ «Revue Scientifique» — заставили Брюнетьера, а затѣмъ и его ослѣпленныхъ послѣдователей смягчить рѣшительность своихъ приговоровъ. Если современная философія не должна и не можетъ быть ancilla theologiae, то точно также и положительная наука не можетъ быть ничьей ancilla. Идя самостоятельнымъ путемъ, благотворно озареннымъ лучами открытій, все болѣе и болѣе углубляясь въ подробности міровой жизни, наука съ каждымъ днемъ отодвигаетъ все дальше границу, за которою начинается область невѣдомаго, гдѣ вступаютъ въ свои права умозрѣніе и вѣра. Наука и не призвана разрѣшать вопросы вѣры или объяснять нравственныя начала жизни человѣка. Опытъ, на которомъ она строитъ свои выводы, — способы и пріемы, которыми она вооружена, — не могутъ имѣть примѣненія для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Не надо, поэтому, и ставить такихъ вопросовъ положительной наукѣ. Но отсюда еще не слѣдуетъ заключать о банкротствѣ. Напротивъ, въ естественной сферѣ своей дѣятельности никогда, быть можетъ, не стояла наука такъ высоко, какъ теперь, никогда не открывала она болѣе широкіе и заманчивые горизонты.

Жажда вѣры, столь понятная у нѣкоторыхъ, въ наше время

господства узкаго себялюбія и прикрытаго весьма прозрачными софизмами грубѣйшаго эгоизма и произвола, пробудившись съ особою силою, не могла, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, не привести къ разнымъ крайностямъ, и вызвала, особенно во французскомъ обществѣ, расцвѣтъ болѣзненно-мистическихъ теорій, въ которыхъ возвышенная сторона христіанскаго ученія оказалась принесенною въ жертву бездушной формѣ или разнымъ утонченностямъ и извращеніямъ чувственности. Теперь этотъ угаръ начинаетъ проходить или, по крайней мѣрѣ, оцѣниваться по своему дѣйствительному достоинству, но стремленіе обрѣсти настоящую вѣру и укрѣпиться въ ней остается въ средѣ французской молодежи. Въ этомъ отношеніи очень интересно изслѣдованіе (enquête), произведенное недавно парижскимъ журналомъ «Revue des Revues», обратившимся къ молодымъ французскимъ писателямъ и представителямъ различныхъ союзовъ и корпорацій молодежи съ приглашеніемъ высказаться по ряду вопросовъ, относящихся къ политикѣ, общественному устройству и—религіи. При всемъ разнообразіи отвѣтовъ на первыя двѣ категоріи вопросовъ, оказалось замѣчательное единодушіе въ отвѣтахъ о религіи. Большинство спрошенныхъ,—а спрошенъ былъ цвѣтъ французской молодежи, — не только не отрицаетъ необходимости религіи для облегченія жизненнаго пути, но стремится къ ней, ищетъ ее и въ ней чаетъ найти не только свое личное обновленіе, но и исцѣленіе общественныхъ недуговъ.

III.

Вл. С. Соловьеву пришлось впервые выступить публично въ самый разгаръ поклоненія позитивизму въ нашемъ обществѣ,—поклоненія очень часто слѣпого и заставлявшаго многихъ принимать истины новаго ученія, такъ сказать *въ кредитъ*, и—jurare in verba magistri. Были, конечно, и у насъ серьезные и ученые представители этого направленія, путемъ самостоятельнаго труда пришедшіе къ признанію его правильности и строгой научности, но едва-ли будетъ смѣлымъ сказать, что многіе изъ называвшихъ себя позитивистами были плѣнены возможностью покончить разъ навсегда съ метафизикою отчасти вслѣдствіе того нашего свойства, которое К. Д. Кавелинъ называлъ «лѣнью ума». Быть позитивистомъ казалось легче, чѣмъ заниматься умозрѣніемъ,—выводы въ той ограниченной области, которую отмежевалъ онъ себѣ, были доступнѣе и категоричнѣе—и скорѣе, безъ сложной работы

критической мысли, поддавались усвоенію. Притомъ, это было «послѣднее слово», а мы вообще такъ любимъ это послѣднее слово, такъ *вѣримъ* въ него, хотя бы оно само и отрицало всякую вѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наше религіозное развитіе давно уже мерцаетъ очень слабо. Религіозныя начала въ теченіе десятковъ лѣтъ, за немногими исключеніями, являлись у насъ замкнутыми въ рамки формализма — и у многихъ живыя основы вѣрованій систематически заслонены и даже упразднены мертвою обрядностью. Говорить о вопросахъ вѣры, сознаваться, что интересуешься ими и тревожишься ихъ разрѣшеніемъ въ ту или другую сторону, значило, по большей части, рисковать прослыть неразвитымъ, скудоумнымъ человѣкомъ. А мы не любимъ быть отсталыми отъ *господствующаго* направленія, въ какую бы сторону оно ни вело; скитаніе нашей незрѣлой мысли охотно завершается присоединеніемъ ко «всѣмъ», потому что ей непривычна уединенная и трудная дорога, требующая пытливаго взгляда впередъ и опоры исключительно на свои собственныя силы.

Вотъ почему появленіе на каѳедрѣ молодого ученаго (ему былъ всего 21 годъ) сначала въ качествѣ защитника своей магистерской диссертаціи «Кризисъ западной философіи», а потомъ, въ качествѣ доцента, читающаго лекціи «о богочеловѣчествѣ» — было цѣлымъ событіемъ въ умственной жизни нашего общества и вмѣстѣ своего рода духовнымъ подвигомъ со стороны Соловьева. Безтрепетно и чуждый малодушнаго исканія популярности пришелъ онъ къ воспріимчивой, державшейся противоположныхъ взглядовъ, горячей въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и въ значительной степени враждебно настроенной, молодой толпѣ,—и предъ нею, открыто и твердо, безъ уступокъ и оговорокъ, изложилъ свое исповѣданіе вѣры, — да не только изложилъ, а настойчиво сталъ призывать къ нему!

Въ задачу моихъ воспоминаній о Соловьевѣ не входитъ не только разбирать, но даже и излагать вкратцѣ взгляды, высказанные имъ въ своей диссертаціи и на своихъ лекціяхъ, разныхъ по предмету, но проникнутыхъ единствомъ убѣжденія. Это должно составить предметъ особаго и притомъ весьма сложнаго труда. Но нельзя не припомнить словъ «о настоящей задачѣ философіи», предпосланныхъ Соловьевымъ своему диспуту въ петербургскомъ университетѣ, въ 1874 году. Доказывая, что если разумъ, въ извѣстный моментъ своего развитія, становится необходимо въ отрицательное отношеніе къ содержанію религіозной вѣры, то въ дальнѣйшемъ ходѣ этого развитія онъ съ такою же необходимостью приходитъ къ признанію началъ, составляющихъ сущ-

ность истинной религіи, — и утверждая, что *задача* философской мысли есть достиженіе высшаго синтеза философскаго познанія и религіозной вѣры, Соловьевъ говорилъ: «съ исчезновеніемъ глубокихъ убѣжденій, всеобщихъ безусловныхъ идей, долженъ опустѣть міръ внутренній и потерять свою красоту міръ внѣшній: каждый почти день приноситъ намъ убійственно-реальныя доказательства того, что человѣкъ есть существо изъ двухъ міровъ, что чистый эѳиръ міра духовнаго такъ же необходимъ для его жизни, какъ и воздухъ міра вещественнаго. Когда человѣкъ, освободившись отъ всякихъ безусловныхъ началъ и стремленій, обращается исключительно къ непосредственнымъ практическимъ интересамъ, то скоро для него самого обнаруживается та парадоксальная истина, что всѣ эти наслажденія и радости обыкновенной жизни, которыя кажутся такими непосредственными и себѣ довлѣющими, въ дѣйствительности имѣютъ значеніе только при чемъ-нибудь *другомъ*, только какъ матеріальная подкладка, внѣшняя среда другой, высшей жизни, сами же по себѣ, поставленныя какъ цѣль, лишены всякаго положительнаго содержанія и радикально неспособны дать какое-нибудь удовлетвореніе... Сокровища непосредственной жизни имѣютъ цѣну лишь тогда, когда *за ними* таится безусловное содержаніе, когда *надъ ними* стоитъ безусловная цѣль».—«Воззрѣнія и убѣжденія высшаго порядка дѣятельной жизни необходимы,— дополнялъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—онѣ должны разрѣшать существенные вопросы *ума*, вопросы объ истинѣ сущаго, о смыслѣ или разумѣ явленій,—и вмѣстѣ съ тѣмъ должны удовлетворять и высшимъ требованіямъ *воли*, ставя безусловную цѣль для хотѣнія и опредѣляя верховную норму дѣятельности. Этой задачѣ не находится разрѣшенія ни въ практической жизни, ни въ положительной наукѣ; воззрѣнія высшаго порядка проявляются лишь въ формахъ философіи и религіи».

Лекціи Соловьева имѣли большое вліяніе на аудиторію. «Пора стать равнодушными къ ограниченнымъ интересамъ этой жизни и *свободно* и *разумно* увѣровать въ другую, высшую дѣйствительность». Такъ опредѣлилъ онъ свою задачу — и первый началъ говорить живымъ, образнымъ, сильнымъ и общепонятнымъ языкомъ о томъ, что Пушкинъ называлъ «тайнами вѣчности и гроба». Нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ слушателей его, а впослѣдствіи, когда ему были надолго «заграждены уста»,—у читателей его произведеній, посвященныхъ религіознымъ вопросамъ, въ далекихъ уголкахъ души жило, быть можетъ неясно сознаваемое, желаніе вѣрить и чувствовалась щемящая тоска по «высшей дѣйствительности». Но до начала дѣятельности Соловьева объ этомъ

кругомъ почти все молчало и отвѣтовъ на робкіе, неясные и, подъ вліяніемъ господствующихъ настроеній, стыдливые вопросы, приходилось искать въ мало-понятныхъ догматическихъ разсужденіяхъ спеціальныхъ богословскихъ журналовъ. Соловьевъ смѣло возвелъ это неудовлетворенное желаніе и эту тайную душевную жажду на степень *нравственной потребности,* громко о себѣ заявляющей. Къ нему вполнѣ примѣнимо то, что было сказано о Достоевскомъ. И онъ, «въ пылу нелицемѣрномъ», у своихъ слушателей «подымалъ взоры отъ земли», соединяя при томъ изящество формы съ глубиною содержанія. Во всеоружіи своихъ богословскихъ знаній, поражая своею начитанностью и дѣйствительнымъ знакомствомъ съ многообразными и трудно-доступными источниками, Соловьевъ представлялъ, въ своемъ родѣ, исключительное явленіе въ свѣтскомъ обществѣ. Старые славянофилы, «твердые въ Писаніи», сошли со сцены, и даже простое, но точное знакомство съ Евангеліемъ было, а пожалуй можетъ считаться и теперь, довольно рѣдкимъ явленіемъ. Да и можно ли ожидать и требовать внимательнаго знакомства съ вѣчною книгою, которая независимо отъ своего содержанія, даже и по сжатости и величавой простотѣ своего изложенія, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, тамъ, гдѣ возможно совершенно добросовѣстно ссылаться на текстъ: «нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ», какъ на *извѣстную французскую пословицу;*—гдѣ слова: «мнѣ отмщенье и азъ воздамъ», въ ученой рѣчи влагаются въ кроткія уста Христа, и гдѣ о Фаустѣ пишется, что, раскрывая «Книгу бытія», онъ читаетъ въ ней: «въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу?»

Подъ вліяніемъ Соловьева, вопросы религіи и философіи стали переходить со страницъ мало извѣстныхъ и не всегда доступныхъ спеціальныхъ изданій на страницы сборниковъ и журналовъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ. На слушателей и читателей дѣйствовалъ притомъ не только его талантъ, но и обаяніе его личности, ея нравственная красота, не позволявшая видѣть въ немъ ни дѣлателя карьеры, ни узкаго догматика, ни искуснаго оппортуниста. «Wahrheit gegen Feind und Freund!»—слышалось во всемъ, что онъ писалъ и говорилъ. И это покоряло ему сердца всѣхъ еще ранѣе, чѣмъ подчинялись ему, послѣ борьбы и колебаній, умы многихъ.

Разработывая религіозные вопросы, Соловьевъ мечталъ о соединеніи церквей. Эти мечты послужили поводомъ къ обвиненіямъ его въ отступничествѣ отъ вѣры отцовъ, въ желаніи подчинить русскую народную церковь авторитету папы и т. д. Не было, въ свое время, недостатка ни въ горячихъ филиппикахъ,

ни въ ядовитыхъ намекахъ по его адресу. Но время — этотъ «galantuomo», по выраженію итальянцевъ, вызвало болѣе спокойное отношеніе къ «битью челомъ папѣ», и къ «искусному діалектику, прячущему за спиною папскую туфлю», а опубликованныя въ послѣдніе годы письма Соловьева доказали, что онъ оставался всю жизнь вѣрнымъ той церкви, священнослужителемъ которой былъ глубокочтимый имъ дѣдъ его. Желаніе соединенія церквей, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, жило, однако, въ душѣ Соловьева до конца его дней. Это желаніе было присуще и Хомякову, и высказано было имъ, еще за двадцать лѣтъ до появленія Соловьева на общественной аренѣ, въ извѣстной перепискѣ его съ Пальмеромъ. Оно и нынѣ одушевляетъ многихъ искренно-вѣрующихъ людей.

Церковь, говорилъ Соловьевъ, есть всемірная организація истинной жизни. Наша жизнь, однако, уклонилась отъ своихъ истинныхъ началъ. Она страждетъ умственными и нравственными немощами, влекущими къ разложенію общественныхъ силъ,—и начало этихъ недуговъ лежитъ, по его мнѣнію, въ ослабленіи организма самой церкви. Причина послѣдняго—раздѣленіе видимой церкви на разобщенныя и враждебныя одна другой части. Но общій недугъ долженъ имѣть и общее средство исцѣленія. «Исторіей,—писалъ онъ,—образована пропасть между восточною и западною церковью. Но какъ ни глубока эта пропасть, все-таки она вырыта не Божьими, а человѣческими руками. Раздѣленіе церквей—это Божье попущеніе, а не Божья воля. Божья воля неизмѣнна: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*. Итакъ, должно прилагать старанія къ тому, чтобы былъ засыпанъ этотъ пагубный ровъ, раздѣлившій стадо Христово». Соловьевъ былъ твердо убѣжденъ, что примиреніе церквей есть историческая задача Россіи, которая въ этомъ отношеніи можетъ и должна сказать міру новое слово, отрекшись отъ своей церковной замкнутости и вступивъ на путь взаимнаго уваженія и практическаго знакомства съ духовными силами западной церкви. Это долженъ быть путь не безцѣльнаго соединенія недостатковъ и слабостей одной стороны съ темными сторонами другой, а путь христіанскаго отношенія другъ къ другу, въ виду великой цѣли — достиженія церковнаго мира на землѣ. Вотъ что говорилъ онъ, между прочимъ, по этому поводу: «храмовое и домашнее христіанство существуетъ въ дѣйствительности—оно есть *фактъ*. Христіанства вселенскаго еще нѣтъ въ дѣйствительности, оно есть только *задача*—и какая огромная, превышающая, повидимому, силы человѣческія, задача. Въ дѣйствительности всѣ общечеловѣческія дѣла—

политика, наука, искусство, общественное хозяйство, находясь внѣ христіанскаго начала, вмѣсто того, чтобы объединять людей, раздѣляютъ ихъ, ибо всѣ эти дѣла управляются эгоизмомъ и частной выгодой, соперничествомъ и борьбою,—и порождаютъ угнетеніе и насиліе. Такова дѣйствительность, таковъ фактъ».—Поэтому онъ и стремился, по собственнымъ словамъ, «оправдать вѣру отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія и показавъ, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и національнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчною, вселенскою истиною»...

Здѣсь трудно не только разбирать, но даже и систематически изложить религіозно-богословскіе взгляды Соловьева со всѣми ихъ особенностями. Достаточно сказать, что всѣ они проникнуты самымъ широкимъ пониманіемъ христіанства какъ ученія, долженствующаго стоять внѣ и выше всѣхъ придуманныхъ человѣчествомъ условій мѣста и времени;—что по нимъ, какъ красная нить, проходитъ мистическій элементъ, въ силу котораго существованіе Бога постигается не одною *вѣрою,* но открывается и *знаніемъ*;—что въ «Духовныхъ основахъ жизни» съ великою красотою изложены основанія его вѣры въ безсмертіе и въ рѣшительное и неизбѣжное торжество правды на землѣ, вѣры, основанной не на узко-оптимистическомъ толкованіи внѣшнихъ обстоятельствъ, а на живомъ и сознательномъ душевномъ ощущеніи, заставившемъ его воскликнуть:

«Богъ здѣсь, теперь,—средь суеты случайной
Въ потокахъ мутныхъ жизненныхъ тревогъ...
Владѣемъ мы всерадостною тайной,—
Безсильно зло, мы вѣчны, съ нами Богъ!»

Съ этой вѣрою въ душѣ шелъ онъ бодро въ жизни, несмотря на многое тяжелое, несмотря на оскорбленія и вольное или невольное непониманіе его многими. Эта вѣра была для него не однимъ прибѣжищемъ въ скорбяхъ, но и тайнымъ сознаніемъ торжества того, что онъ считалъ правдой... Съ нею же встрѣтилъ онъ непостыдно и спокойно смерть.

Труденъ былъ и извилистъ его умственный путь. На утрѣ дней—туманы, а въ разгарѣ дня—холодъ—окружали его, но въ своемъ стремленіи къ познанію и къ проповѣди того, что казалось ему истиною, онъ былъ настойчивъ и неуклоненъ. Онъ самъ изобразилъ это въ прекрасныхъ стихахъ:

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.

Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горній путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями,
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Я сказалъ, что онъ стремился къ проповѣди. Его, то насмѣшливо, то серьезно обзывали и называли пророкомъ или упрекали въ томъ, что онъ присвоиваетъ себѣ пророческую миссію. Такъ, конечно, не смотрѣлъ на себя Соловьевъ, признавая свободное служеніе высшему идеалу за свое призваніе и самъ опредѣляя пророка какъ «общественнаго дѣятеля безусловно независимаго, ничего внѣшняго не боящагося и ничему внѣшнему не подчиняющагося».—«Всякому, конечно, желательна нравственная свобода,—говорилъ онъ,—какъ всякому можетъ быть также желателенъ верховный авторитетъ и верховная власть, но одного желанія тутъ мало. Верховный авторитетъ и власть даются милостью Божіей, а настоящую свободу самъ человѣкъ долженъ заслужить внутреннимъ подвигомъ. *Право свободы* основано на самомъ существѣ человѣка и должно быть обезпечено извнѣ государствомъ. Но степень *осуществленія* этого права есть именно нѣчто такое, что всецѣло зависитъ отъ внутреннихъ условій, отъ степени достигнутаго нравственнаго сознанія. Дѣйствительнымъ носителемъ полной свободы, и внутренней, и внѣшней, можетъ быть только тотъ, кто внутренно не связанъ никакою внѣшностью, кто въ послѣднемъ основаніи не знаетъ другого мѣрила сужденій, кромѣ доброй воли и чистой совѣсти».

Въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей въ память Достоевскаго, представляющихъ глубокую и тонкую характеристику сложныхъ мотивовъ творчества этого писателя, Соловьевъ въ краткихъ словахъ опредѣлилъ практическое значеніе той вѣры въ торжество добра, которою былъ одушевленъ самъ. «Въ томъ-то и заслуга, въ томъ-то и значеніе такихъ людей, какъ Достоевскій,—говоритъ онъ,—что они не преклоняются предъ силой факта и не служатъ ей;—противъ грубой силы того, что существуетъ,

у нихъ есть духовная сила вѣры въ истину и добро—въ то, что *должно быть*. Не искушаться видимымъ господствомъ зла и не отрекаться ради него отъ невидимаго добра—есть подвигъ вѣры. Въ немъ вся сила человѣка! Кто не способенъ на этотъ подвигъ, тотъ ничего не сдѣлаетъ и ничего не скажетъ человѣчеству. Люди факта—живутъ чужою жизнью, но не они творятъ жизнь. *Творятъ жизнь—люди вѣры!* Это тѣ, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми... они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человѣчества».

IV.

Отношеніе человѣка къ окружающему его міру людей, къ обществу выражается прежде всего его связью со своимъ народомъ. Принадлежность къ извѣстной національности, признаніе ея своею составляетъ неотъемлемое и неизбѣжное свойство человѣка, въ какомъ бы союзѣ—родовомъ, племенномъ или государственномъ онъ ни находился. Космополитизмъ не только почти немыслимъ въ чистомъ видѣ, но и совершенно безплоденъ. Онъ похожъ на губку, впитывающую въ себя все и при первомъ же давленіи ничего въ себѣ не удерживающую. Сама природа создаетъ физическія и этнографическія особенности, обусловливающія разницу въ племенахъ и народахъ, и служащія основаніемъ для представленія объ отдѣльныхъ національностяхъ. Естественную и историческую законность существованія національностей признавалъ даже и такой борецъ за общечеловѣческіе идеалы, какъ Вольтеръ. И суровый въ осужденіи «людскихъ предразсудковъ» Шерръ соглашается, однако, съ положеніемъ о томъ, что «до общечеловѣческаго можно добраться лишь уцѣпившись за національное». Невидимыя и нѣжныя струны связываютъ человѣка съ его землею и народомъ, не подлежа холодному разсудочному анализу;—родная рѣчь, въ которой слышатся первыя сознательно воспринятыя слова матери,—образы и звуки, съ которыми связаны воспоминанія дѣтства—все это особенно близко сердцу человѣка, все это составляетъ для него дорогую и ничѣмъ другимъ незамѣнимую духовную и житейскую обстановку... «Только въ живомъ общеніи съ народомъ, по мнѣнію Хомякова, выходитъ человѣкъ изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живого органа въ великомъ организмѣ; только при немъ всякая здравая мысль и всякое теплое чувство, возникшія въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, могутъ сдѣлаться общимъ достояніемъ и получить вліяніе и значеніе»...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ общіе для всѣхъ народовъ *идеалы* и *цѣли*, коренящіеся въ глубинѣ единаго человѣческаго духа. Поэтому каждая національность, добившись практическаго выраженія своего права на самостоятельное существованіе въ области религіи, языка и бытовыхъ особенностей, должна затѣмъ примкнуть къ этимъ идеаламъ и стремиться къ этимъ цѣлямъ, лишь осуществляя ихъ согласно своимъ природнымъ свойствамъ. Такъ достигается единство въ разнообразіи, которое есть истинная задача культуры.

Нельзя не согласиться съ Соловьевымъ, что всѣ условія современной европейской культуры должны быть христіанскими. Этимъ и опредѣляется, въ чемъ должно состоять единство не только идеаловъ и цѣлей, но и способовъ къ ихъ достиженію.

Европейское общество переживаетъ, однако, въ послѣдніе годы, тяжелый нравственный кризисъ. Возвышенные идеалы меркнутъ, цѣли становятся все болѣе и болѣе обособленными и если могутъ быть названы великими, то уже не по своему содержанію, а лишь по объему средствъ, необходимыхъ для ихъ достиженія. Понятія, которыми двигалось нравственное развитіе и достиженіе лучшихъ отношеній общежитія—не то чтобы были упразднены, а незамѣтно и постепенно утрачиваютъ свои ясныя очертанія и замѣняются суррогатами, въ которыхъ есть все, исключая истинной сущности того, на мѣсто чего ихъ стремятся поставить. Такъ, напримѣръ, *доброта* замѣняется суррогатомъ, называемымъ *чувствительностью*, причемъ послѣдняя подчасъ бываетъ весьма жестокою;—чувство *чести* замѣняется *самолюбіемъ* и *тщеславіемъ*;—*любовь* и праведное *негодованіе*—уступаютъ мѣсто *симпатіи* и уклончивому *несочувствію;* на мѣсто *долга* усаживаются *польза* и *удобство* и т. д. Точно такъ же происходитъ, почти повсюду, замѣна, понятія о *національности*—понятіемъ о такъ называемомъ *національзмѣ*. Переходъ отъ одного къ другому совершается путемъ всесторонняго возбужденія и воспитанія тѣхъ чувствъ, которыя, при правильномъ взглядѣ на истинный смыслъ и значеніе національности, могутъ играть лишь второстепенную роль, не выдвигаясь на первый планъ и не будучи укладываемы «во главу угла». Задача національнаго развитія не можетъ стоять въ противорѣчіи съ воспріятіемъ народомъ общечеловѣческихъ началъ, съ признаніемъ, что люди, будучи разными по происхожденію и по условіямъ своей исторической жизни, все-таки, въ концѣ концовъ, не чужіе другъ другу и братья предъ лицомъ Господнимъ.

Развитіе націонализма въ его крайней исключительности и

его несомнѣнные успѣхи, являющіеся результатомъ смѣшенія понятій или ослѣпленія временными и переходящими обстоятельствами—очень озабочивали и тревожили Соловьева. Онъ неоднократно брался за перо по этому поводу—и горячимъ словомъ выражалъ свое осужденіе расцвѣту національзма въ жизни и въ литературѣ. «Для всякаго народа,—писалъ онъ,—только два историческихъ пути—*языческій* (или ислама)—путь самодовольства, косности и *смерти*—и *христіанскій*—самосознанія, самосовершенствованія *и жизни*». Съ рѣзкою опредѣленностью высказалъ онъ свой взглядъ на условія и способы проявленія истинной любви къ своему народу. «Говорятъ,—писалъ онъ,—что нельзя *на дѣлѣ* любить человѣчество или служить ему—это слишкомъ отвлеченно и неопредѣленно, а можно дѣйствительно любить только свой народъ. Конечно—человѣчество не можетъ быть ощутительнымъ предметомъ любви, но этого и не требуется: довольно, если мы свой народъ (или хотя бы ближайшую соціальную среду) любимъ *по человѣчески* и желаемъ ему тѣхъ *истинныхъ благъ,* которыя не съуживаютъ, а расширяютъ его собственную жизнь, поднимаютъ его нравственный уровень и образуютъ его положительную духовную связь со всѣмъ Божьимъ міромъ. При такомъ истинномъ патріотизмѣ служеніе своему народу есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и служеніе человѣчеству. Но когда, подъ тѣмъ предлогомъ, что человѣчество есть лишь отвлеченное понятіе, мы начинаемъ поднимать въ своемъ народѣ его зоологическую сторону, возбуждать инстинкты и укрѣплять въ немъ образъ звѣриный, то кого же и что̀ мы тутъ любимъ, кому и чему этимъ служимъ?»

Опредѣленіе пути, по которому идетъ развитіе русскаго общественнаго сознанія, должно было неминуемо привести Соловьева къ оцѣнкѣ ученія славянофиловъ, въ чемъ оно касается вопросовъ внутренней жизни и нравственныхъ задачъ народа. Онъ относился съ глубокимъ уваженіямъ къ «отцамъ церкви» славянофильства, отдавая дань искренняго уваженія чистотѣ ихъ побужденій и ихъ возвышенному нравственному облику, хотя и указывалъ на нѣкоторыя слабыя стороны этого направленія. Онъ проводилъ, напримѣръ, мысль, что лучшіе люди до-Петровской Руси мечтали о тѣхъ учрежденіяхъ и юридико-бытовыхъ отношеніяхъ, которыя сдѣлались возможными лишь какъ дальнѣйшее развитіе реформы, произведенной великимъ «работникомъ на тронѣ», обратившимъ еще смутное и практически безвыходное желаніе во властное хотѣніе. Онъ обращалъ вниманіе на то, что возмущавшія старыхъ славянофиловъ явленія въ современной имъ жизни—безсудье, поборы, взяточничество—особенно процвѣтали

именно въ томъ періодѣ русской исторіи, къ которому съ любовью обращали взоры хулители и развѣнчиватели Петра,—и на то, что предметы ихъ справедливыхъ вожделѣній—судъ общественныхъ представителей, свободу совѣсти и слово—надо искать впереди, а не назади, не «по ту сторону» Петра, гдѣ объ этомъ, вполнѣ или въ существенныхъ чертахъ, и помину не было. Онъ съ добродушной ироніей указывалъ и на особые пріемы, которые были употребляемы нѣкоторыми изъ славянофиловъ въ письменныхъ спорахъ религіознаго характера съ представителями иновѣрія, причемъ сравнивалось, напримѣръ, отвлеченное и строго догматическое ученіе православной церкви съ фактическимъ положеніемъ другой подъ вліяніемъ человѣческихъ несовершенствъ и въ рукахъ «рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ»—и, конечно, сравненіе этихъ величинъ, взятыхъ, такъ сказать на разныхъ плоскостяхъ, выходило въ явную пользу идеальнаго порядка и во вредъ порядку, созданному жизнью.

Но въ общемъ, у Соловьева постоянно и въ тонѣ, и въ содержаніи его статей сквозитъ признаніе свѣтлыхъ сторонъ въ славянофильствѣ *первой стадіи* его развитія. Нападенія его на славянофиловъ въ этомъ періодѣ развитія ихъ ученія были тѣмъ, что митрополитъ Филаретъ, на своемъ образномъ и сильномъ языкѣ, называлъ «язвами друга, наносимыми по братолюбію, кои достовѣрнѣе, чѣмъ вольныя лобзанія врага»... Но *вторая* стадія, когда славянофилы, по мнѣнію его, стали поклоняться народу уже не какъ «носителю вселенской правды», а какъ стихійной силѣ—*помимо* правды, и затѣмъ *третья* стадія, ознаменованная поклоненіемъ различнымъ историко-бытовымъ аномаліямъ въ народѣ—*вопреки* правдѣ—вызывали у него крайне суровыя, негодующія строки, звучащія полнымъ разрывомъ съ современными ему ученіями славянофиловъ. «Грѣхъ славянофильства, конечно, не въ томъ, что оно приписало Россіи высшее призваніе,—писалъ онъ,—а въ томъ, что оно недостаточно настаивало на *нравственныхъ условіяхъ* такого призванія. Пускай бы славянофилы еще болѣе возвеличивали свою народность, лишь бы они не забывали, что *величіе обязываетъ;* пускай бы они еще рѣшительнѣе провозглашали русскій народъ собирательнымъ Мессіей, лишь бы они помнили, что Мессія долженъ и дѣйствовать какъ Мессія, а не какъ Варавва. Но именно на дѣлѣ и оказалось, что глубочайшей основой славянофильства является не христіанская идея, а только зоологическій патріотизмъ, освобождающій націю отъ служенія *высшему идеалу* и дѣлающій изъ самой націи предметъ *идолослуженія.* Провозгласили себя народомъ святымъ, богоизбраннымъ

и богоносным, а затѣмъ во имя всего этого стали проповѣдывать (къ счастью не вполнѣ успѣшно) такой образъ дѣйствій, который не только святымъ и богоносцамъ, но и самымъ обыкновеннымъ смертнымъ чести не дѣлаетъ».

Но, тѣмъ не менѣе, старое славянофильское ученіе многими своими сторонами привлекло его и могло его во многомъ считать своимъ убѣжденнымъ и пылкимъ единомышленникомъ. Такъ онъ раздѣлялъ и осуществлялъ въ мѣру своихъ силъ присущее этому ученію глубокое уваженіе къ двумъ главнымъ потребностямъ всякаго человѣческаго союза, состоящимъ въ свободномъ проявленіи голоса совѣсти и выраженія мысли въ словѣ. Онъ считалъ осуществленіе свободы слова и свободы совѣсти неотъемлемымъ правомъ каждаго носителя христіанской культуры, совершенно независимо отъ тѣхъ политическихъ формъ, въ которыя укладывается общественный быть того или другого народа. Сходясь съ Аксаковымъ и Хомяковымъ во взглядѣ на высокое историческое значеніе православія и царской власти, свободныхъ, однако, отъ тѣхъ условій и свойствъ, которыя искажали ихъ образъ въ восточной римской имперіи, Соловьевъ находилъ, что этотъ взглядъ вполнѣ совмѣстимъ и съ началами широкой вѣротерпимости, и съ разумною свободою публичнаго и печатнаго слова. Многочисленныя статьи его по этимъ вопросамъ во всемъ, въ чемъ не касаются приведенныхъ выше разногласій его со славянофилами, совпадаютъ съ цѣлымъ рядомъ мнѣній, высказанныхъ Иваномъ Аксаковымъ въ «Днѣ», «Руси» и «Москвѣ», проникнутыхъ глубокимъ патріотизмомъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, побѣдительнымъ убѣжденіемъ. Статьи Соловьева только болѣе сжаты и, такъ сказать, болѣе заострены. Онѣ также и болѣе догматичны, касаясь не отдѣльныхъ явленій практической жизни, прилившей къ редакторскому столу Аксакова, не «злобы дня»,—а болѣе общихъ вопросовъ. Доказывая, что подъ свободою совѣсти, тѣсно связанною съ вѣротерпимостью, часто понимаютъ терпимость не къ религіознымъ убѣжденіямъ человѣка, а лишь къ исповѣдуемому имъ вѣроученію, терпимому государствомъ, Соловьевъ находилъ, что истинная вѣротерпимость должна состоять въ предоставленіи каждому свободно и ненарушимо исповѣдывать ученіе, считаемое имъ истиннымъ,—доколѣ это не наноситъ общественнаго вреда, т.-е. не выражается въ дѣйствіяхъ, опасныхъ для общественной нравственности или порядка. Церковь, по его мнѣнію, должна быть свободнымъ союзомъ одинаково вѣрующихъ людей, а не принудительнымъ состояніемъ, выходъ изъ котораго можетъ грозить тяжкими карами, поражающими иногда самыя священныя узы. И въ этомъ онъ

снова близокъ къ Аксакову, несмотря на неоднократно возникавшую у него съ последнимъ полемику. «Церковь немыслима,—писалъ Аксаковъ въ 1868 г.,—внѣ свободной совѣсти, свободно воспріявшей свѣтъ вѣры, свободно приведенной къ послушанію церкви, въ *свободный плѣнъ истины и любви»*... Поэтому церковь не должна заграждать уста тѣмъ, кто, съ ея точки зрѣнія, заблуждается, но спокойно противопоставлять имъ свое ученіе объ истинѣ, а привлекши къ нему—удерживать въ немъ любовію. Человѣку свойственно блуждать мыслью и на ошибкахъ своихъ строить свои убѣжденія. Но не давать людямъ высказаться, побуждая таить свои убѣжденія про себя—значитъ лишь укоренять эти убѣжденія во тьмѣ вынужденнаго молчанія... Знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ, сказавшій, что «христіанинъ въ мірѣ безъ церкви—мореплаватель въ морѣ безъ корабля», писалъ однако въ 1821 г.: «свободы въ спорахъ о вѣрѣ ни у кого безъ нужды отнимать не позволяетъ христіанское человѣколюбіе, оставляющее и *плевелы,* если онѣ не подавляютъ пшеницы расти до жатвы».

Въ сочиненіяхъ Соловьева по вопросу о свободѣ совѣсти встрѣчаются блестящія отступленія въ область исторіи, причемъ, вооруженный данными богатаго историческаго опыта, онъ указываетъ на опасный, а иногда и роковой (напр. по отношенію къ Испаніи) путь, на который вступали государство и церковь, смѣшивая свои роли и средства осуществленія своего назначенія. И онъ, подобно Аксакову и Хомякову, желалъ, чтобы орудія, которыми церковь исполняетъ свою *обязанность* просвѣщать, убѣждать и направлять людскую совѣсть—были лишь тѣми орудіями, которыя соотвѣтствуютъ ея природѣ, т. е. чисто духовными. «Если церковь въ дѣлѣ вѣры прибѣгаетъ къ орудіямъ недуховнымъ, — писалъ Аксаковъ,—если она обращается къ грубому вещественному насилію, то она отрекается отъ собственной духовной стихіи и, отрицая сама себя, перестаетъ быть «церковью»,—а становится государствомъ, т. е. «царствомъ отъ міра сего»... «Крайне несправедливо думать,—полагалъ Хомяковъ,—что церковь требуетъ принужденнаго единства или принужденнаго послушанія,—напротивъ, она гнушается того и другого: ибо въ дѣлахъ вѣры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе — есть смерть». Отсюда проходящее чрезъ всѣ труды Соловьева по вопросамъ вѣры—желаніе видѣть церковь оживленною внутреннею самодѣятельностью и плодотворною работою въ области духа. Отсюда неоднократно высказываемая имъ мысль, что только такая, чуждая матеріальныхъ способовъ воздѣйствія, дѣятельность, а не охрана

суроваго уголовнаго закона, способна обезпечить церкви ея высокое положеніе въ глазахъ вѣрующихъ и ея святое призваніе.

Было бы, однако, совершенно превратнымъ думать, какъ это было разъ высказано въ печати, что за этими взглядами Соловьева таилось, въ сущности, равнодушіе къ вѣрѣ и холодное безразличіе къ церкви, въ правилахъ и обрядахъ которой онъ самъ былъ воспитанъ. Суровый паладинъ строгаго православія—К. Леонтьевъ—признавалъ, что даже въ слабѣйшемъ, по его мнѣнію, изъ религіозныхъ трудовъ Соловьева, въ сочиненіи «La Russie et l'Eglise Universelle»—для истинно религіознаго человѣка есть «прекрасныя и потрясающія» страницы, а его критика «къ несчастію очень похожа на истину». Въ своей частной жизни Соловьевъ раздѣлялъ дѣтскую и трогательную вѣру простого народа:—онъ въ совершенствѣ зналъ и любилъ наше богослуженіе,—всегда и всюду, садясь за трапезу и вставая, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, и если про него нельзя сказать, что онъ соблюдалъ посты, то лишь потому, что онъ былъ вегетаріанецъ.

И относительно свободы слова онъ былъ соратникомъ старыхъ славянофиловъ. Онъ могъ подписаться всецѣло подъ неоднократно цитированными Аксаковымъ словами Хомякова: «общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея она лишается сознанія, а правительство лишается *всего* общественнаго ума. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ... Иначе, среди окружающихъ лести и лицемѣрія,—честное слово молчитъ, умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ и мало-по-малу въ обществѣ ростетъ отрава равнодушія къ правдѣ и нравственному добру». Боецъ печатнаго слова, Соловьевъ получалъ подчасъ, въ разгарѣ «словесной войны», не только тяжелые, но и безпощадные, жестокіе даже по формѣ, удары, и могъ сказать про себя словами Пушкина, что въ своей литературной дѣятельности «убрался честно ранами». И тѣмъ не менѣе—или, пожалуй, въ силу особаго свойства сильныхъ душъ—*именно поэтому* онъ горячо любилъ печатное слово и служилъ ему неутомимо и доблестно. Избранный, за полгода до своей кончины, въ почетные академики, — онъ ознаменовалъ свои труды на новомъ поприщѣ предложеніемъ о дѣятельныхъ шагахъ Академіи Наукъ въ огражденіе правъ русской мысли въ области вѣры и науки.

Онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда настойчивымъ проповѣдникомъ необходимости распространенія широкаго образованія въ народѣ. Нерѣдко высказываемое у насъ мнѣніе, что просвѣщеніе народа представляется орудіемъ обоюдоострымъ и можетъ лишить

народъ довольства и счастія «первобытной простоты»—вызывало его на рѣзкія отповѣди тѣмъ, кого онъ остроумно называлъ «спасателями русскаго народа отъ просвѣщенія». Вообще, искусственное или лицемѣрное отношеніе къ народу вызывало въ немъ негодованіе. «Противъ нашихъ крѣпостниковъ,—писалъ онъ,—съ одной стороны, противъ народопоклонниковъ и упростителей—съ другой, мы осмѣливаемся утверждать, что задача образованнаго класса относительно народа состоитъ не въ томъ, чтобы его подтягивать и эксплуатировать, а также и не въ томъ, чтобы ему поклоняться и уподобляться, а въ томъ, чтобы приносить ему дѣйствительную и положительную пользу, заботясь не о его безгласности, а также и не о сохраненіи его первобытной простоты, а единственно только о томъ, чтобы онъ былъ лучше, просвѣщеннѣе и счастливѣе; а для этого трудиться надъ возможно полнымъ и широкимъ развитіемъ и распространеніемъ общечеловѣческаго образованія, безъ котораго и самыя добрыя качества народнаго духа оказываются непрочными и въ соціально-нравственномъ смыслѣ безплодными».

Силу и красоту языка литературныхъ произведеній Соловьева отражало на себѣ и его живое слово. Въ соединеніи съ впечатлѣніемъ, которое производила наружность оратора и его голосъ, властно проникавшій въ душу, — его красивыя сравненія и широкія обобщенія сильно вліяли на слушателей. Онъ самъ увлекался своею живою рѣчью и, повидимому, не всегда слѣдовалъ совѣту Пушкина, находившаго, что «блаженъ, кто словомъ твердо правитъ и держитъ мысль на привязи свою»... Столь обычные въ нашемъ быту вопросы житейской осторожности: — «ловко ли? удобно ли? своевременно ли?»—не возникли у него, разъ ему хотѣлось подѣлиться съ публикою тѣми воззрѣніями, въ нравственную цѣну и силу которыхъ онъ увѣровалъ. Притомъ нѣкоторыя его лекціи, возбуждавшія общее вниманіе, подвергались, при распространеніи ихъ въ гектографической передачѣ, крайнимъ искаженіямъ, вслѣдствіе чего подъ его флагомъ пускались въ ходъ такія выраженія, которыхъ онъ не только не употреблялъ, но, по складу своихъ убѣжденій, и не могъ употреблять. Въ 1881 году чтеніе имъ лекцій было прекращено на многіе годы помимо его воли.

Невозможность продолжать бесѣдовать съ аудиторіею очень удручала Соловьева. Оно и понятно, если припомнить, какое вліяніе имѣлъ онъ на нее. «Намъ пришлось видѣть необычную картину! — пишетъ профессоръ Сикорскій, посѣтившій его лекцію — то не была лекція, и то не были слушатели: то былъ пламенный проповѣдникъ, вѣщавшій новое слово, скорѣй — новую жизнь, а слушатели внимали ему, какъ пророку. Безмол-

віе аудиторіи, сила вниманія и глубина общаго настроенія едва ли могутъ быть переданы словами... Главная роль въ этомъ сильномъ вліяніи на слушателей принадлежала художественной личности Соловьева, полной возвышенныхъ идей, глубокаго настроенія и необыкновенной чистоты, свѣтившейся сквозь тонкія, полупрозрачныя черты его хрупкаго тѣла...» — Авторъ воспоминаній въ «Варшавскомъ Дневникѣ»—г. Н. Н—въ — присутствовалъ при первой лекціи Соловьева «о богочеловѣчествѣ» въ петербургскомъ университетѣ. Одна изъ самыхъ обширныхъ аудиторій была полна студентами всѣхъ факультетовъ, привлеченными отнюдь не сочувствіемъ къ молодому профессору и къ предмету его чтеній;—господствующимъ элементомъ среди слушателей были «естественники», — аудиторія волновалась и кипѣла, и чувствовалось, что уже заранѣе зрѣетъ протестъ противъ темы лектора во имя точной науки. «Но вотъ,—повѣтствуетъ г. Н. Н—въ,—все разомъ стихло и сотни глазъ устремились на молодого еще человѣка, одѣтаго въ скромный домашній пиджакъ и тихо, съ опущенными глазами, входившаго въ аудиторію. Это былъ Соловьевъ. Прежде всего, что бросалось въ глаза, это — прекрасное одухотворенное его лицо. Оно было продолговато, съ блѣдными, немного впавшими щеками, съ небольшой раздвоенной бородкой и въ рамѣ густыхъ черныхъ волосъ, кольцами спускавшихся на плечи. Онъ медленно взошелъ на каѳедру и обвелъ глазами огромную аудиторію. Эти большіе темноголубые глаза, съ густыми черными бровями и рѣсницами, были глубоки, полны мысли и огня, и какъ бы подернуты мистическимъ туманомъ. На губахъ играла милая, ласковая улыбка. Аудиторія, вопреки обычаю встрѣчать новаго профессора аплодисментами, хранила гробовое молчаніе. Среди «филологовъ» послышалось-было нѣсколько шлепковъ, но они тотчасъ были заглушены бурнымъ: шш—ш... Соловьевъ съ той же мягкой улыбкой началъ лекцію. Началъ онъ говорить тихо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ голосъ его болѣе и болѣе становился звучнымъ, вдохновеннымъ: онъ говорилъ о христіанскихъ идеалахъ, о непобѣдимости любви, переживающей смерть и время, о презрѣніи къ міру, который «во злѣ лежитъ»; говорилъ о жизни какъ о подвигѣ, цѣль котораго—въ возможной для смертнаго степени приблизиться къ той «полнотѣ совершенства», которая явлена Христомъ, которая дѣлаетъ возможнымъ «обожествленіе человѣчества» и обѣщаетъ царство «міровой любви» и «вселенскаго братства»... Такова была тема этой вступительной лекціи. Онъ кончилъ и по прежнему опустилъ голову на грудь. Нѣсколько секундъ молчанія, и вдругъ—бѣшеный взрывъ рукоплесканій. Аппло-

дировала вся аудиторія—и естественники, и юристы, и филологи. Наконецъ, вдохновенный лекторъ поднялъ руку, и разомъ все смолкло. Очевидно, онъ уже овладѣлъ своей аудиторіей, онъ загипнотизировалъ ее... «Я хочу сообщить вамъ, господа,—сказалъ Соловьевъ,—или, лучше, я прошу васъ, чтобы каждый, несогласный съ основными положеніями моей настоящей и будущихъ лекцій, возражалъ мнѣ по окончаніи лекціи». Снова взрывъ рукоплесканій. Возраженія профессору по поводу прочитанной имъ лекціи,—это являлось совершеннымъ новшествомъ въ университетской жизни,—и новшествомъ, какъ оказалось потомъ, весьма благотворнымъ по послѣдствіямъ».

Можно себѣ представить, какъ часто мысль объ утратѣ *такой* возможности входить въ духовное общеніе со слушателями и вести ихъ за собою къ своему «завѣтному храму», должна была угнетать Соловьева. Между его стихотворными твореніями есть одно, начинающееся словами: «Израиля ведя стезей чудесной, Господь заразъ два чуда совершилъ»... въ которомъ, съ особою болью, вырывается у него скорбь о томъ, что ему «заграждены уста». Онъ не могъ, при этомъ, не сознавать, что «годы уходятъ—все лучшіе годы» и что упадокъ силъ и «жаръ души, растраченный въ пустынѣ», кладутъ на него свой неизбѣжный, хотя незамѣтный сразу, но ощутительный отпечатокъ. Силы, необходимыя для проявленія духовныхъ дарованій, слабѣютъ иногда въ обратной пропорціи съ послѣдними—и тяжкое сознаніе того, что житейскія испытанія не прошли безслѣдно, дѣйствуетъ иногда угнетающимъ образомъ. «Душа,—говоритъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, Герценъ—какъ корабль: что̀ ни побѣжденная буря, то ближе къ разрушенію. Матросы становятся лучше, а дерево все хуже»...

И когда, почти чрезъ восемнадцать лѣтъ, сначала въ частныхъ собраніяхъ—съ чтеніями о Пушкинѣ и Лермонтовѣ,—потомъ въ публичныхъ засѣданіяхъ Философскаго Общества и, наконецъ, на публичной лекціи, въ залѣ петербургской городской думы, «Объ антихристѣ»—Соловьевъ выступилъ передъ многочисленными слушателями—его великій словесный даръ былъ нѣсколько ослабленъ нервностью изложенія, а крайняя, возбуждавшая недоумѣніе во многихъ слушателяхъ, оригинальность содержанія уже не увлекала собою, а вызывала на противорѣчіе. Das Lied war aus...

V.

Бываютъ въ исторіи человѣчества эпохи, когда нравственное содержаніе жизни умаляется до крайности, до грозящихъ опасностью предѣловъ. Рядомъ съ этимъ самый животный процессъ жизни начинаетъ пріобрѣтать особую стоимость, почти исключительно какъ возможность испытать наибольшее количество удобствъ и наслажденій, какою бы цѣною душевнаго паденія и сдѣлокъ съ совѣстью они ни были куплены. Узкое и «дѣятельное» себялюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ полное равнодушіе къ чужимъ страданіямъ,—нежеланіе, а затѣмъ уже и неумѣніе ставить себя на мѣсто другого и постыдная душевная неопрятность въ терпимости къ различнаго рода низостямъ, особливо если онѣ сопровождаются внѣшнимъ успѣхомъ,—достигаютъ при этомъ особаго развитія. Наступаетъ нравственная болѣзнь, которую можно назвать утвержденіемъ своего *я*, какъ абсолютнаго, внѣ и даже вопреки требованій нравственнаго чувства. Жизнь перестаетъ разсматриваться какъ долгъ или задача, обусловленная осуществленіемъ, по мѣрѣ силъ, того добра для окружающихъ, побужденіе къ которому коренится въ глубинѣ человѣческой совѣсти. Она становится или тяжелою и лишенною смысла обузою, или предпріятіемъ, въ которомъ изъ всѣхъ, лицемѣрно соблюдаемыхъ и тайно нарушаемыхъ, заповѣдей наиболѣе дѣйствительною является знаменитая апокрифическая одиннадцатая заповѣдь: «не зѣвай»!... Отсюда столь частые случаи самоубійства при первыхъ же неудачахъ, вслѣдствіе того, что «не стоитъ жить» или «не для чего страдать», въ забвеніи того, что страданіе, выпадающее, въ той или другой формѣ, на долю каждаго человѣка, поднимаетъ и облагораживаетъ его, тогда какъ непрерывное наслажденіе и ненарушимыя удобства—принижаютъ и опошляютъ. «Souffrir est la marque d'une supériorité. Le seul être qui pense et parle—est aussi le seul capable à pleurer», говоритъ блестящій мыслитель Гюйо. Отсюда и то умаленіе совѣсти въ практической жизни, которое характеризуетъ собою конецъ прошлаго и начало новаго вѣка. Какое въ нихъ различіе съ концомъ XVIII и началомъ XIX вѣка! — различіе въ идеалахъ и запросахъ, — въ техникѣ и практическихъ удобствахъ... *Девятнадцатый* вѣкъ въѣхалъ въ міръ въ старинной, грузной и неуклюжей колымагѣ, тускло освѣщенной масляннымъ фонаремъ, вооруженный кремневымъ ружьемъ... но въ его багажѣ лежалъ богатый запасъ возвышенныхъ идей о достоинствѣ и призваніи человѣка. Его провожали въ путь энциклопедисты, Франклинъ и Вашингтонъ,

Шиллеръ и Кантъ,—его встрѣтили на первыхъ же шагахъ—Наполеонъ, какъ законодатель, Байронъ, Гёте... У насъ онъ засталъ «дней Александровыхъ прекрасное начало», Сперанскаго, предъ нимъ возросъ юный Пушкинъ... *Двадцатый* вѣкъ влетаетъ въ міръ на автомобилѣ, освѣщенный электричествомъ и вооруженный самыми усовершенствованными орудіями для истребленія тѣхъ, кто имѣетъ несчастіе быть слабымъ... А что везетъ онъ въ своемъ багажѣ, столь легкимъ на видъ? Кто проводилъ его къ заставѣ и чей величавый образъ встрѣтилъ его за нею?... Вотъ одна изъ причинъ, почему и совѣсть является стѣснительнымъ бременемъ и съ нею, какъ со сварливою и опостылѣвшею женою, стремятся разойтись безъ особаго колебанія и сожалѣнія, лишь бы только соблюсти внѣшнія приличія и избѣжать, по возможности, излишней огласки. Между нашими современниками находятся — и въ немаломъ числѣ — люди, могущіе повторить слова англичанина, приводимыя Шопенгауеромъ—«I can not afford to keep a conscience»—*у меня нѣтъ средствъ содержать совѣсть!* Всѣми чувствуется этотъ *отливъ* совѣсти, сказывающійся въ потерѣ довѣрія другъ къ другу и въ совершенно неожиданныхъ проявленіяхъ вѣроломства и предательства по пустымъ поводамъ, причемъ личная, суетная и хрупкая цѣль этого не можетъ, даже и съ безнравственной іезуитской точки зрѣнія, не только оправдать, но даже и объяснить употребленія *такихъ* средствъ. Многіе громко ропщутъ и негодуютъ на этотъ отливъ, а онъ все продолжается... Когда же начнется и начнется ли приливъ?...

Надо вѣрить, что это состояніе общества переходное, — что будущія поколѣнія увидятъ снова приливъ. Безъ этой вѣры въ лучшее будущее было бы тяжело и жить, и сходить въ могилу! Но «вѣра безъ дѣлъ мертва есть»—и дѣла эти должны состоять въ личныхъ примѣрахъ, въ образцахъ для подраженія и, главное, въ обращеніи къ молодому поколѣнію съ руководительнымъ словомъ. Хомяковъ прекрасно выразилъ это, сказавъ, что внутренняя нравственность каждаго поколѣнія заключается по преимуществу въ той любви и въ тѣхъ надеждахъ, которыя оно обращаетъ на поколѣніе грядущее... Эта именно любовь и эти надежды обязываютъ учить молодое поколѣніе не только знать, гдѣ пути правды, но и желать ходить по этимъ путямъ. Надо указывать не на одну окончательную и дѣйствительную пользу добра, но и на его нравственную красоту. Насажденіе твердыхъ началъ добра—словомъ и дѣломъ — становится все болѣе и болѣе важною задачею въ виду необходимости вооружить человѣка внутреннею силою, способною двигать имъ вопреки «равнодушію» внѣшней природы и жесто-

кости практической жизни. Надо неустанно развивать и поддерживать мысль, что понятіе о *добрѣ* и о вытекающихъ изъ него нравственныхъ обязанностяхъ есть самое высокое, самое удивительное и самое благородное созданіе человѣческаго духа, воспарившаго надъ животными свойствами человѣческой природы. Надо направлять мысль современнаго человѣка, который стремится весь уйти въ одно *внѣшнее* въ жизни, — *внутрь* самого себя, къ кореннымъ вопросамъ нравственнаго самоусовершенствованія. Надо вернуть его изъ области все усиливающагося господства *видимыхъ вещей* въ область духовныхъ идей и побужденій, которыя могли бы служить противовѣсомъ все усиливающимся похотямъ и стремленіямъ къ исключительно матеріальному благополучію. И движеніе въ этомъ отношеніи началось. Достаточно указать на ту роль, которую стали играть вопросы этики въ литературѣ и наукѣ,— на рядъ появившихся въ послѣдніе годы на Западѣ изслѣдованій о нравственныхъ задачахъ,—на плѣнительныя страницы Гюйо, на мысли и положенія Рёскина, на будящую совѣсть нравственную проповѣдь Льва Толстого.

Этимъ же вопросамъ,—объ отношеніи человѣка къ жизни и къ самому себѣ, — посвященъ обширный трудъ Вл. С. Соловьева «Оправданіе Добра», представляющій цѣльное и систематическое изложеніе его взглядовъ на содержаніе и задачи нравственной философіи. Это трудъ, въ которомъ сказались выдающіяся свойства дарованій Соловьева, его отзывчивость ко всѣмъ сторонамъ и проявленіямъ жизни и его глубокая, всегда самостоятельная, вдумчивость въ то, *что* должно быть «единымъ на потребу». Трудъ этотъ вызвалъ въ свое время и безпристрастные разборы, и горячія опроверженія. Будущій обозрѣватель работъ Соловьева остановится, безъ сомнѣнія, на «Оправданіи Добра» съ особымъ вниманіемъ, хотя бы уже потому, что это былъ его послѣдній большой трудъ, завершившій его ученую дѣятельность и окончательно обрисовавшій его нравственный обликъ, ибо у Соловьева не было разлада между словомъ и дѣломъ, между житейскимъ поведеніемъ и продуманнымъ выраженіемъ мысли.

Признавая, что внутреннимъ основаніемъ разумно-нравственной жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа должно быть христіанство, Соловьевъ въ немъ искалъ устоевъ для этой жизни. Но онъ не раздѣлялъ мысли, впервые высказанной Руссо, что природа создала человѣка совершеннымъ, а лишь условія жизни—т. е. дѣло рукъ человѣческихъ—его испортили, такъ что стоитъ лишь отбросить эти ложныя, насильственныя условія — и человѣкъ въ самомъ себѣ, въ голосѣ своей совѣсти почерпнетъ

указанія на вѣрный путь, которымъ надлежитъ ему слѣдовать для достиженія личнаго нравственнаго совершенства. Послѣднее есть одинъ изъ видовъ счастія, а счастіе возможно лишь при отсутствіи страданій, т. е. лишеній, которыя тѣмъ сильнѣе и чаще, чѣмъ больше человѣкъ развилъ въ себѣ потребностей. Отсюда—необходимость сокращенія потребностей, доведеніе ихъ до ничтожныхъ размѣровъ, возвращеніе къ простымъ отношеніямъ, чуждымъ формальной условности, и поставленіе своего внутренняго міра въ полную независимость отъ требованій міра внѣшняго, отъ возбуждаемыхъ имъ страстей и борьбы. Личное совершенство человѣка, по мнѣнію представителей этого взгляда, есть самодовлѣющая сила, которая, безъ всякаго принужденія или насилія, рано или поздно, но возьметъ свое и преобразуетъ жизнь на болѣе разумныхъ и достойныхъ началахъ.

Иначе смотрѣлъ Соловьевъ. Уже въ сочиненіяхъ, предшествовавшихъ появленію «Оправданія Добра», онъ находилъ, что природа человѣка двойственна: грѣховныя побужденія и духовныя потребности живутъ въ ней рядомъ, въ вѣчномъ бореніи между собою. Поэтому и сбросивъ лживыя условія жизни, человѣкъ самъ собою, безъ внутренней и внѣшней борьбы, не можетъ стать лучше. Онъ даже можетъ стать хуже, если, освободясь отъ сдерживающихъ началъ общественности, попадетъ подъ власть грѣховныхъ побужденій, могущихъ привести его къ состоянію совершеннаго нравственнаго одичанія. Притомъ, по природѣ своей человѣкъ есть существо общественное. Окончательная цѣль его усилій и высшая задача его жизни лежатъ въ судьбѣ всего человѣчества, а не въ одной его собственной, отдѣленной отъ всѣхъ, судьбѣ. Личнымъ усовершенствованіемъ, въ виду этой общей цѣли, достигнуть можно очень немногаго, если не заботиться объ улучшеніи, на началахъ нравственной и высшей справедливости, общественныхъ формъ и порядковъ. Человѣчество не есть простое слагаемое изъ отдѣльныхъ личностей, а «живое, одушевленное тѣло». Поэтому, и дѣйствительное развитіе человѣческой нравственности для отдѣльнаго лица возможно лишь въ непрестанномъ общеніи съ людьми, въ общественной средѣ, при развитіи культуры, которую оберегаетъ государство. Безъ этой культуры невозможна общественная нравственность,—а безъ нея личная добродѣтель, какъ бы высока она ни была, не нашла бы поприща для своего осуществленія. «Безформенная толпа праведниковъ»—какъ идеалъ личнаго самоусовершенствованія—не удовлетворяла Соловьева. Онъ находилъ, что этотъ «моральный аморфизмъ» не есть истинное христіанство, требующее отъ каждаго сознательнаго и искренняго своего

послѣдователя упорной и активной работы по созиданію въ жизни христіанской культуры и политики. Этой работѣ каждый долженъ имѣть возможность отдаваться безъ внѣшнихъ помѣхъ, свободно расширяя и осуществляя, совмѣстно съ другими, свои культурно-христіанскіе идеалы. Отсюда—главная задача государства, которое должно принимать мѣры къ обезпеченію этой возможности, защищая своихъ членовъ отъ внѣшнихъ нападеній и отъ внутренняго нарушенія выработанныхъ христіанскою культурою правъ и обязанностей. Отсюда—карательная власть, имѣющая задачею уголовное принудительное воспитаніе нарушителей необходимаго для общественнаго строя порядка; отсюда—обязанность носить въ защиту государства оружіе и противиться злу, ибо человѣкъ имѣетъ обязанности не только по отношенію къ себѣ, но и по отношенію къ совокупности людей въ ихъ реальномъ союзѣ; отсюда, наконецъ, война. Признавая законность существованія этой «травматической эпидеміи», какъ называлъ войну Пироговъ, Соловьевъ находилъ, что если принять, что «die Weltgeschichte ist das Weltgericht», то въ понятіе *этого* суда должна входить и тяжба между добрыми и злыми историческими силами. Лишь тогда человѣкъ и цѣлое общество могутъ сложить оружіе борьбы, когда проповѣдь совершенства, подкрѣпляемая рядомъ примѣровъ, обезвредитъ зло и сдѣлаетъ ненужнымъ «противленіе» ему.

Къ нравственному совершенству, по мнѣнію Соловьева, ведутъ два пути: избѣжаніе грѣха и слѣдованіе положительнымъ правиламъ нравственности. Въ сочиненіи своемъ о «Духовныхъ основахъ жизни», составляющемъ органическое цѣлое съ «Оправданіемъ Добра», подробно указываетъ онъ на ту борьбу, которую долженъ вести человѣкъ, чтобы освободить себя отъ бремени и соблазна грѣха. Онъ дѣлитъ грѣхъ, какъ сознательное нравственное паденіе человѣка, на три вида: на грѣхъ *чувственной души,* который выражается въ похоти; на *грѣхъ ума,* состоящій въ самомнѣніи, и на *грѣхъ духа,* проявляющійся во властолюбіи, практическое развитіе котораго состоитъ въ насиліи. На блестящихъ, написанныхъ сильнымъ, мужественнымъ языкомъ, страницахъ «Оправданія Добра» Соловьевъ разсматривалъ основныя начала нравственности: какъ добродѣтель, какъ правило дѣйствій и какъ условіе достиженія высшаго духовнаго блага. Пути жизни, согласной съ требованіями нравственности, вытекаютъ изъ коренныхъ духовныхъ началъ человѣческой природы и опредѣляютъ главнѣйшія отношенія человѣка. Такъ, въ отношеніи къ своей низшей природѣ человѣкъ долженъ руководиться чувствомъ *стыда,* высшее развитіе котораго состоитъ въ аскетизмѣ, проявляющемся

борьбою съ тѣмъ, что Соловьевъ называетъ помысломъ, воображеніемъ и плѣненіемъ. Въ отношеніяхъ къ людямъ—руководящимъ нравственнымъ началомъ для человѣка должна быть *жалость,* высшая степень развитія которой есть альтруизмъ, распадающійся на правду и справедливость. Наконецъ, руководящимъ отношеніемъ къ высшему началу является *благочестіе,* окончательное развитіе котораго есть религія.

Богатство содержанія нравственной философіи Соловьева, вложенная въ него громадная эрудиція и горячее убѣжденіе, которымъ проникнутъ его трудъ, дѣлаютъ его взгляды заслуживающими особаго вниманія и изученія. Въ немъ сказывается не только глубокій мыслитель и блестящій діалектикъ, но, очень часто, и вдохновенный поэтъ. «Оправданіе Добра» есть, безъ сомнѣнія, одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ послѣдняго времени, несмотря на то, что нѣкоторыя ея положенія весьма спорны. Конечно, и самъ авторъ не имѣлъ въ виду вѣщать въ ней непререкаемыя истины; но его заслуга въ томъ, что онъ изложилъ цѣлостное ученіе въ изящной и удобопонятной формѣ, согрѣтой внутреннимъ огнемъ. Хотя и совершенно противоположная по исходной точкѣ зрѣнія и основнымъ положеніямъ съ книгою Гюйо: «Esquise d'une morale sans obligation ni sanction»,—книга Соловьева сходна съ нею своимъ возвышеннымъ тономъ и горячностью искренней мысли. Она наводитъ на рядъ размышленій высшаго порядка, поднимаетъ читателя надъ обыденной житейской прозой и будитъ его мысль, вызывая ее на возраженіе или подчиняя ее себѣ и увлекая за собой.

Наиболѣе слабымъ мѣстомъ «Оправданія Добра» надо признать ученіе о *правѣ,* какъ о минимальной принудительной нравственности. Оно вызвало сильную критику съ различныхъ, при томъ, точекъ зрѣнія. Соловьеву указывали на то, что его опредѣленіе права не соотвѣтствуетъ ни историческому происхожденію послѣдняго, ни сущности его природы, и что онъ смѣшиваетъ понятія о правѣ и о нравственности къ обоюдному вреду обоихъ. Особенно тщательному разбору подвергъ трудъ Соловьева Б. Н. Чичеринъ, отнесшись со строгой критикой и къ его теоріи стыда, жалости и религіознаго чувства, и къ его правовымъ воззрѣніямъ. Сознавая нравственную и ученую мощь своего сильнаго противника, Соловьевъ защищался съ чрезвычайной страстностью, подъ вліяніемъ которой даже переходилъ, подчасъ, на почву рѣзкихъ личныхъ нападеній. Проникнутый спокойнымъ достоинствомъ отвѣтъ Чичерина не заставилъ его признать себя побѣжденнымъ по существу, но Соловьевъ—и это характеризуетъ его душевныя свой-

ства — немедленно созналь неправильную рѣзкость своего тона и шаткость почвы личныхъ намековъ, на которую онъ вступилъ. Онъ прямодушно и безъ мелочного самолюбія извинился передъ своимъ почтеннымъ оппонентомъ. Сознаніе своихъ ошибокъ, готовность искупить ихъ публичнымъ принесеніемъ «повинной» — есть признакъ высокаго душевнаго развитія. Только имѣющій мужество ошибаться можетъ быть способенъ на дѣятельность, могущую дать великіе результаты. Не ошибаются лишь холодные сердцемъ и узкіе умомъ. Одушевленіе правдой и добромъ неминуемо связано и съ заблужденіями, и со страстностью въ ихъ исканіи...

«Оправданіе Добра» должно было быть началомъ цѣлаго ряда новыхъ трудовъ Соловьева въ области религіи и метафизики. Онъ началъ переводить творенія Платона, готовился къ новому переводу Священнаго Писанія съ комментаріями, приступилъ къ разработкѣ «теоретической философіи» и собирался писать книгу подъ названіемъ «Оправданіе Истины». Ему хотѣлось высказать все то, что накопилось и окончательно созрѣло въ его умѣ, достигшемъ своего высшаго развитія. Смерть положила предѣлъ его начинаніямъ. Усиленная работа послѣднихъ лѣтъ, ея разбросанность и срочность, не дававшія ему необходимаго спокойствія и отдыха, и полное отсутствіе разумной и систематической заботы о своемъ здоровьѣ стали гибельно отражаться на немъ. Добровольныя и случайныя лишенія, которыя ему приходилось переносить и налагать на себя, падали уже на ослабленный организмъ, въ которомъ лишь голова, быстро покрывавшаяся преждевременною сѣдиною, работала правильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ отдыха и срока, безъ жалости къ самой себѣ... Растрачивая свои слабыя силы и совершенно не заботясь о завтрашнемъ днѣ, онъ могъ по отношенію къ себѣ сказать, подобно Бѣлинскому: «безумія и гордости умереть съ голоду—у меня всегда хватитъ»... И чѣмъ ярче свѣтило пламя его ума, тѣмъ безпощаднѣе приносилъ онъ себя въ жертву. Въ произведеніяхъ послѣдняго года его жизни видны, на ряду съ глубиною мысли и строгимъ изяществомъ формы, слѣды торопливости, вызываемой утомленіемъ и нарушеніемъ нервнаго равновѣсія. Насколько изложеніе его выигрывало въ блескѣ и живости, доведенныхъ до совершенства, напримѣръ въ «Трехъ разговорахъ», настолько же онъ начиналъ терять въ прежней спокойной объективности. Отсюда—полемическій тонъ, отсутствіе необходимой терпимости къ мнѣнію «несогласно мыслящихъ» и хотя и прикрытыя, но тѣмъ не менѣе рѣзкія нападенія, преимущественно на Л. Н. Толстого, въ выраженіяхъ, не соотвѣтствующихъ тому уваженію, которое, даже и при несогласіи съ его ученіемъ,

не можетъ не вызывать его чистый и возвышенный нравственный обликъ.

Неспокойное настроеніе Соловьева, связанное съ утратой въ его доводахъ и взглядахъ прежней правильности перспективы, подчасъ тревожило, въ послѣдній годъ его жизни, тѣхъ, кто любилъ его и привыкъ цѣнить содержаніе и форму его трудовъ. Отдавая полную справедливость ряду его взглядовъ, проникнутыхъ то добродушнымъ и яркимъ юморомъ, то ѣдкой ироніей, нельзя, какъ мнѣ кажется, отрицать, что въ отголоскахъ на различныя событія европейской жизни послѣднихъ годовъ у Соловьева представленіе о вселенскомъ христіанствѣ стало незамѣтно сливаться съ представленіемъ о европейской цивилизаціи. Послѣдняя же, въ ея современномъ, столь нерѣдко совершенно чуждомъ христіанскимъ идеаламъ, видѣ въ его глазахъ стала оправдывать «тяжбу» и съ бурами, и съ далекимъ Китаемъ, готовымъ, какъ ему казалось, залить желтыми и безжалостными волнами то, что пріобрѣтено *крестомъ* и должно быть защищаемо *мечомъ*. Вознося хвалу Зигфриду и высказываясь противъ буровъ, Соловьевъ болѣзненно увлекался впечатлѣніями минуты, забывая, что за мечомъ современнаго крестоносца слѣдуютъ алчный хищникъ и бездушный миссіонеръ, неразборчивые на средства и весьма забывчивые по части истиннаго христіанства, а истребительная борьба съ бурами была вызвана не только не потребностями христіанской культуры, но даже и не требованіями лучшей части народа, а разсчетомъ и желаніемъ сдѣлать кровавую «пробу пера» со стороны новаго и, отнынѣ, повидимому, властнаго элемента международныхъ отношеній—предпринимателя-акціонера. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы онъ дожилъ до того, что послѣдовало послѣ его смерти, и увидѣлъ, *во что* выродились и преобразились задачи и пріемы *христіанской* культуры на далекомъ Востокѣ и въ южной Африкѣ, его возмущенная душа отвернулась бы съ болью глубокаго разочарованія отъ *такого* пониманія задачи цивилизаціи и въ его поэтическихъ произведеніяхъ и публицистическихъ трудахъ снова и съ прежней силой зазвучали бы старыя ноты. Онъ несомнѣнно и рѣшительно снова сталъ бы на прежній путь, на которомъ такъ много и многое сдѣлалъ.

«Бываютъ времена,—говоритъ Чаннингъ,—когда защита великихъ нравственныхъ началъ является лучшею заслугою предъ обществомъ. Проводить ихъ въ жизнь, съ настойчивымъ желаніемъ общаго блага, прочно и глубоко закладывая ихъ въ душу людей, есть нѣчто большее, чѣмъ открывать золотыя розсыпи или придумывать самыя удачныя политическія комбинаціи». Этому и посвятилъ свою дѣятельность Соловьевъ. Вотъ почему, хотя и среди

неоконченныхъ, во всей широтѣ задуманнаго трудовъ,— онъ могъ все-таки со спокойною совѣстью оглянуться на свою жизнь и на употребленіе имъ тѣхъ блестящихъ духовныхъ даровъ, которыми такъ щедро былъ снабженъ. Онъ не зарылъ, изъ малодушныхъ или тщеславныхъ соображеній, даннаго ему таланта въ землю, не поступился ни одною его частицею — и если иногда и ошибался, то лишь потому, что прозаическій человѣкъ легче и вѣрнѣе становится законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ человѣкъ, имѣющій въ себѣ задатки геніальности. Вотъ почему онъ могъ «небоязненнымъ сердцемъ и непреодолѣннымъ умомъ дерзнуть на смерть, иже естественно всѣмъ бываетъ страшна», какъ говорится въ одномъ изъ столь любимыхъ имъ «житій святыхъ».

Кончина Соловьева была тяжкимъ и неожиданнымъ ударомъ для всѣхъ знавшихъ его и любившихъ, — а любили его всѣ, кто имѣлъ возможность его узнать ближе. Но самъ онъ какъ будто предчувствовалъ свой скорый конецъ,—становился сосредоточенно-задумчивъ, когда говорилось о смерти, — былъ какъ-то особенно нѣженъ къ тѣмъ, кого считалъ почему-либо недовольными собою,— часто съ большимъ юморомъ высказывалъ шуточныя предположенія о томъ, во что онъ обратится, перейдя въ другой міръ... Въ январѣ 1900 года, въ исполненномъ тихой грусти стихотвореніи своемъ «Les revenants», какъ и всѣ его стихи близкимъ къ музыкѣ, къ этому «языку для передачи невыразимыхъ чувствъ»— онъ, взывая «къ образамъ незначущимъ, къ плачущимъ тѣнямъ», говорилъ:

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы къ душѣ пробралися—и спасибо вамъ!
Сладко мнѣ приблизиться памятью унылою
Къ смертью занавѣшеннымъ, тихимъ берегамъ...

Черезъ полгода ему пришлось и самому вступить на эти «тихіе берега». Въ оградѣ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, въ виду Воробьевыхъ горъ и близъ Москвы-рѣки, — есть рядомъ двѣ могилы. Въ нихъ лежитъ земной прахъ отца и сына — Соловьевыхъ, — знаменитаго русскаго историка и такъ рано ушедшаго отъ насъ его сына. Дѣятельность ихъ была разная. Одинъ, вперяя духовный взоръ въ прошлое своей родины, выяснялъ внутренній смыслъ послѣдняго и выводилъ изъ него историческіе завѣты для будущаго; — другой старался указать тѣ нравственные пути, на которыхъ нужно искать наиболѣе чистаго и высокаго развитія этого будущаго. Но ихъ обоихъ одинаково одушевляло одно и то же чувство, укрѣпляя и направляя ихъ благородный жизненный

трудъ. Это была *любовь*, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ слова,— та, про которую покойный поэтъ сказалъ:

Смерть и время царятъ на землѣ,
Ты владыками ихъ не зови...
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ—
Неподвижно лишь солнце любви!

И покуда въ лучшихъ сердцахъ земли русской будетъ продолжать свѣтить *это* солнце — смерть и время дѣйствительно не страшны ни для нихъ, ни для грядущихъ поколѣній! Соловьевъ умеръ, но въ духовномъ отношеніи не покинулъ насъ... Его личность останется надолго въ воспоминаніяхъ, его трудъ никогда не забудется, привлекая къ себѣ мыслителя и побуждая къ новымъ и дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Останется и поучительный примѣръ нравственнаго самовоспитанія, явленный Соловьевымъ. А эти примѣры такъ нужны...

НИКИТА ИВАНОВИЧЪ
КРЫЛОВЪ.

(1889).

Знаменитый въ лѣтописяхъ Московскаго университета профессоръ Крыловъ былъ сыномъ діакона и родился въ 1807 году въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи. Онъ учился въ мѣстной семинаріи и затѣмъ въ Петербургской духовной академіи, предъ окончаніемъ курса въ которой былъ, въ 1829 году, приглашенъ Сперанскимъ къ слушанію лекцій по римскому праву и латинской словесности въ Петербургскомъ университетѣ и къ практическимъ занятіямъ во второмъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Сдавъ блистательно въ 1831 г., въ присутствіи Сперанскаго, экзаменъ, Крыловъ попалъ въ группу молодыхъ людей (Рѣдкинъ, Неволинъ, Калмыковъ, братья Баршевы, Куницынъ и др.), которые были, по мысли Сперанскаго, предназначены къ занятію юридическихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ и отправлялись для окончательнаго усовершенствованія въ Берлинъ. Здѣсь, въ обстановкѣ серьезнаго труда и тогдашней тихой жизни, подъ руководствомъ и особымъ попеченіемъ извѣстнаго послѣдователя знаменитаго Савиньи, Адольфа Рудорфа (1809—1873 г.), они слушали Эйхгорна, Ганса и Савиньи. Послѣдній являлся самымъ глубокимъ и блестящимъ представителемъ историческаго направленія въ изученіи права,—Гансъ былъ убѣжденнымъ и талантливымъ ученикомъ Гегеля и въ основу изученія права ставилъ философію. Лекціи этихъ свѣтилъ тогдашней юриспруденціи давали

слушателямъ всесторонній и богатый матеріалъ знанія и создавали почву для глубокаго юридическаго развитія. Гансъ имѣлъ огромное вліяніе на Рѣдкина, — Савиньи завербовалъ Крылова, на всю его жизнь, въ свои горячіе сторонники.

Пробывъ три года за границею, при чемъ въ 1832 году онъ лично видѣлся и бесѣдовалъ о своихъ занятіяхъ съ проѣзжавшимъ чрезъ Берлинъ Сперанскимъ, Крыловъ сдалъ докторскій экзаменъ и занялъ съ 1836 г. въ Московскомъ университѣ каѳедру Римскаго права. Лекціи его — блестящія по формѣ, содержательныя по существу — сразу стали оказывать сильное вліяніе на аудиторію, которая состояла обыкновенно не изъ однихъ студентовъ-юристовъ, но и изъ студентовъ другихъ факультетовъ. Въ числѣ первыхъ его слушателей, воспринявшихъ отъ него научный методъ изслѣдованія правовыхъ явленій въ области гражданскихъ отношеній, былъ К. Д. Кавелинъ, получившій въ 1839 г. золотую медаль за сочиненіе на заданную Крыловымъ тему «о римскомъ владѣніи». Живя почти безвыѣздно въ Москвѣ, Крыловъ занималъ свою каѳедру, какъ профессоръ, до 1870 г. и затѣмъ продолжалъ еще четыре года читать лекціи, какъ частный преподаватель. Курсъ Крылова былъ трехлѣтній: на второмъ курсѣ юридическаго факультета онъ читалъ исторію римскаго права (по 4 лекціи въ недѣлю), на третьемъ и четвертомъ догму (по 3 лекціи въ недѣлю).

Будучи представителемъ исторической школы, онъ вносилъ историческій элементъ въ значительной степени и въ изложеніе догмы римскаго гражданскаго права. Благодаря этому, содержаніе его лекцій пріобрѣтало живой оттѣнокъ, чуждый отвлеченной схематичности и каждое догматическое положеніе являлось у него одновременно и результатомъ сложнаго историко-бытового процесса и источникомъ, въ своемъ практическомъ примѣненіи, новыхъ жизненныхъ отношеній, слагавшихся, съ теченіемъ времени, въ одно органическое цѣлое. Въ своей обширной, изложенной живымъ и образнымъ языкомъ, рѣчи «Объ историческомъ значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ», произнесенной въ торжественномъ собраніи университета въ 1838 г. Крыловъ указывалъ на всемірно-историческое значеніе римскаго права, на его вліяніе не только на правовую, но и на политическую жизнь народа и на его классическое значеніе, обусловленное удивительнымъ, точнымъ языкомъ его, призваннымъ выражать не отвлеченныя, безформенныя *идеи,* а строго опредѣленныя *понятія*, свойственныя правовому античному мышленію. «Языкъ,—говорилъ Крыловъ,—есть лучшій, свободный органъ народности, — онъ также не отчуждаемъ и не передаваемъ, какъ

самъ народъ; съ нимъ онъ живетъ, съ нимъ и умираетъ, какъ его историческая принадлежность; законъ есть одно изъ органическихъ *явленій* народной жизни,—онъ есть *проявленіе* связи между народною жизнью, юридическими вѣрованіями народа и его исторіею». Поэтому, жалѣя о ничтожномъ *рефлексѣ* римскаго права на русскую жизнь, Крыловъ указывалъ въ своемъ курсѣ на переходъ къ намъ этого права чрезъ Византію, «въ обломленномъ и искаженномъ видѣ, на неизвѣстномъ намъ языкѣ, подъ названіемъ Номоканона, перенесеннаго дьяками и монахами безъ пониманія его духа и безъ практической его примѣнимости къ жизни».

Отдавая, въ 1857 г., отчетъ о книгѣ Чичерина «Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ», Крыловъ говорилъ: «самая блистательная, поразительная сторона въ сочиненіи Чичерина—это научное построеніе русской исторіи, возведеніе фактическихъ явленій въ понятія, понятій въ лица; времена, обыкновенно сливаемыя, здѣсь раздѣляются; событія разнообразныя и темныя получаютъ смыслъ; невидимые моменты въ исторіи духа народнаго выясняются и выходятъ наружу; видно движеніе началъ, мыслей,— однимъ словомъ, исторія представляется не въ одномъ пространствѣ, но и во времени, при чемъ авторъ связываетъ разбросанныя и какъ бы случайныя явленія въ стройную систему, извлекаетъ изъ массы событій общіе итоги, преломляетъ старую жизнь подъ извѣстнымъ умственнымъ угломъ и тѣмъ самымъ вводитъ въ нее господство началъ, идей и понятій. Исторія человѣчества есть *откровеніе общечеловѣческихъ идей, а не безсмысленное происшествіе*». Глубокое уваженіе къ исторической правдѣ и объясненіе правовыхъ понятій типическими формами, выработанными народною жизнью, заставляло Крылова расходиться во взглядѣ на многія явленія русскаго прошлаго со славянофилами сороковыхъ годовъ, не смотря на сотрудничество его въ «Русской Бесѣдѣ» и близкое знакомство со многими изъ нихъ. Въ этомъ онъ отчасти походилъ на Погодина. Его мало привлекали наши старые порядки «съ волостелями, намѣстниками, дьяками и воеводами, отъ которыхъ трепетала нѣкогда Русь». Онъ признавалъ еще въ 1839 г., что Россія призвана совершить, воспринимая новыя идеи, идущія съ запада, трудный и нѣсколько болѣзненный для народной гордости путь, «ведущій ее прямо и быстро къ одной высокой цѣли, къ осуществленію вѣчныхъ идей человѣчества *во времени,* въ предназначенныхъ каждому народу предѣлахъ». Россіи слѣдовало, по его мнѣнію, обратиться къ Западу, чтобы взять у него, какъ у наслѣдника классической древности, все лучшее и, доведя до собственнаго сознанія, усвоить себѣ уже подъ

своею *народною* формою. «Мы готовы, говорилъ Крыловъ, принимая отъ другихъ все *истинное, доброе, изящное* и дѣлая изъ него свою собственность, *освоять* себѣ чужое; этотъ пропускъ идей человѣчества въ наше отечество открытъ впервые Великимъ Преобразователемъ Россіи».

Исторія римскаго права въ томъ видѣ, какъ ее читалъ Крыловъ, не была сухимъ перечнемъ послѣдовательно развивавшихся правовыхъ формъ и институтовъ, — это была полная и яркая картина всего политико-юридическаго роста римскаго государственнаго организма; каждое новое понятіе или учрежденіе являлось въ его лекціяхъ результатомъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда факторовъ—религіозныхъ, экономическихъ, политическихъ,— и факторы эти очерчивались яркими и рельефными чертами. Римскій гражданинъ, во всей полнотѣ своихъ правъ, — этотъ «автократъ и автономъ», по выраженію Крылова — особенно ему нравился. Онъ восхищался имъ какъ правовымъ явленіемъ, онъ любовался имъ, какъ художникъ. Притомъ, вслѣдствіе тонкаго психологическаго пониманія человѣка, Крыловъ умѣлъ всегда поставить его въ центрѣ историческихъ явленій, не перечисляя ихъ въ извѣстномъ порядкѣ болѣе или менѣе искусственномъ, а развертывая предъ слушателями весь сложный ходъ послѣдовательнаго развитія римскаго гражданина въ различные — историческіе и бытовые — періоды его жизни и давая возможность прослѣдить зарожденіе и движеніе его правового творчества. Взаимодѣйствіе римскихъ юридическихъ нормъ и институтовъ и римской общественной и политической жизни изображалось Крыловымъ въ самыхъ яркихъ и выпуклыхъ чертахъ. «Умственное, нравственное и политическое состояніе общества, обрисованное въ рядѣ индивидуальныхъ положеній; затаенный психическій двигатель явленій, переданный языкомъ драмы; смѣлая и блестящая аналогія, призванная для выясненія общечеловѣческой стороны даннаго предмета; рѣзкое и блестящее противуположеніе, употребленное для передачи національныхъ или временныхъ особенностей его — все это, сведенное къ своимъ общимъ, опредѣленнымъ и отвлеченнымъ началамъ—вотъ слабый набросокъ обычнаго строя лекцій Крылова»,— сказалъ въ своемъ надгробномъ словѣ о немъ его даровитый преемникъ по каѳедрѣ, профессоръ С. А. Муромцевъ.

Изложеніе догмы римскаго права Крыловъ велъ путемъ сравненія съ германскимъ и римскимъ правомъ, стремясь прослѣдить, съ большою вдумчивостью, вліяніе каждаго института на дальнѣйшее развитіе права въ Европѣ, стараясь изучить и указать отдаленные слѣды его въ новѣйшихъ юридическихъ формахъ. Особенно

блестящими, глубокими и въ тоже время остроумными въ его курсѣ послѣднихъ лѣтъ были — очеркъ наслѣдственнаго права и теоріи сервитутовъ. Рисуя первое изъ нихъ, онъ предпосылалъ ему блестящій, чисто художественный очеркъ семейныхъ и бытовыхъ римскихъ особенностей, въ которыхъ коренилось это право. Рядомъ выдвигались критическія замѣчанія, полныя ироніи, на труды нѣкоторыхъ современныхъ Крылову апологетовъ русскаго наслѣдственнаго права—и сами собою, въ яркомъ освѣщеніи, обрисовывались уродливыя, противурѣчащія жизни и ея потребностямъ, стороны послѣдняго. Кто изъ слушателей Крылова не помнитъ образнаго изложенія имъ сущности римскихъ сервитутовъ въ тонкомъ сравненіи ихъ съ историческими условіями роста русскаго гражданскаго права, съ глубокими по смыслу, не смотря на ихъ забавную форму, намеками на нашу дѣйствительность? Все, что говорилъ Крыловъ съ каѳедры, всегда было чрезвычайно жизненно и, несмотря на юмористическія и подчасъ саркастическія выходки, въ концѣ концовъ возвышенно по руководящей мысли. Картины римскаго правового быта постоянно или противуполагались явленіямъ русской дѣйствительности или, въ рядѣ примѣровъ и шутливыхъ сравненій, искусно переплетались съ нею. Предъ своими слушателями Крыловъ являлся не кабинетнымъ ученымъ, преподающимъ отвлеченное отъ современной жизни знаніе, а живымъ человѣкомъ, горячо любившимъ свой народъ, болѣвшимъ за него сердцемъ и никогда не забывавшимъ ни этой любви, ни этой боли, уходя мысленно въ даль прошедшихъ вѣковъ и чужихъ учрежденій. Его слушатели это понимали. Они охотно забывали, что въ послѣдніе годы своего преподаванія Крыловъ начиналъ отставать въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ своей науки, въ чемъ онъ самъ, съ рѣдкимъ прямодушіемъ, иногда сознавался съ каѳедры. Такъ, напримѣръ, въ 1865 году онъ заявилъ съ каѳедры, что прочитавъ сочиненіе Лассаля «System der erworbenen Rechte»—убѣдился, что «двадцать лѣтъ говорилъ вздоръ», считая, по примѣру Савиньи и Игеринга, hereditas jacens за юридическое лицо, тогда какъ это только фикція, блистательно разработанная Лассалемъ. «Оказалось, сказалъ онъ, что я двадцать лѣтъ вводилъ васъ, господа, въ заблужденіе—каюсь въ томъ—и болѣе не буду.»

Слушатели видѣли, что предъ ними человѣкъ любящій и глубоко понимающій то, о чемъ онъ говоритъ, — чувствующій то, что онъ, въ образной и легко усвоиваемой формѣ, высказываетъ—и связывающій ихъ съ собою невидимою, но живою нравственною связью. Они всегда наполняли его аудиторію, ждали съ удоволь-

ствіемъ его лекцій, съ любовью ихъ записывали, съ особеннымъ вниманіемъ издавали записки по его курсу (одно изданіе было съ прекраснымъ портретомъ), а выслушавъ на послѣдней лекціи горячее, сердечное напутствіе его въ предстоящую жизнь трудовой разработки права, провожали своего «Никиту» (такъ звали его студенты между собою) съ нѣжнымъ и искреннимъ уваженіемъ. Послѣ труднаго и подчасъ весьма строгаго экзамена у Крылова, при чемъ онъ самъ увлекался и иногда, по поводу отвѣтовъ, читалъ цѣлыя импровизированныя, вдохновенныя лекціи,—слушатели его расходились по разнымъ житейскимъ дорогамъ. Но когда проходили годы, стиравшіе подробности знаній, вынесенныхъ изъ университета, и многимъ изъ нихъ приходилось вдругъ встрѣтиться вновь съ вопросами гражданскаго права, эти вопросы не оказывались чуждыми или неясными. Основныя понятія этого права и отличительные признаки отдѣльныхъ его иститутовъ оказывались не забытыми потому, что жили въ памяти, намѣченные въ твердыхъ, художественныхъ образахъ Крыловымъ. Поэтому теплая и благодарная память о Крыловѣ—о *Никитѣ*—сохранялась у его слушателей всю жизнь;—воспоминаніе о даровитомъ и оригинальномъ наставникѣ неразрывно связывалось со свѣтлыми представленіями о Московскомъ университетѣ—и часто гдѣ нибудь въ далекой глуши, за однообразною ежедневною работою, дѣйствовало благотворно, заставляя забывать сѣрую дѣйствительность и переноситься отъ будничныхъ мыслей къ широкимъ историко-философскимъ идеямъ и представленіямъ. Каждый годъ, до самой своей смерти, Крыловъ получалъ въ день празднованія основанія университета, 12-го января, съ разныхъ концовъ Россіи телеграммы отъ благодарно вспоминавшихъ его слушателей. Это глубоко трогало старика, особенно въ послѣдніе годы его жизни, протекавшей въ самой скромной, чтобы не сказать болѣе, обстановкѣ, обусловленной очень ограниченной пенсіей по штатамъ 1835 года.

Крыловъ представлялъ собою типическаго профессора былыхъ временъ, столь отличнаго отъ нѣкоторыхъ продуктовъ новѣйшей формаціи, особенно развившихся у насъ въ послѣднія десятилѣтія. Онъ не смотрѣлъ на каѳедру, какъ на ступеньку для дальнѣйшей карьеры, иногда въ совершенно новомъ, по задачамъ, вѣдомствѣ,—не спѣшилъ, при удобномъ случаѣ, оставить университетъ съ его треволненіями,—не домогался украсить себя высокими чинами и звѣздами, хватаемыми не съ неба, а изъ капитула орденовъ. Для него университетъ былъ *все*—и служеніе его задачамъ составляло цѣль и смыслъ жизни Крылова. Поэтому когда

университетъ, въ силу закона, долженъ былъ разстаться съ нимъ, какъ съ профессоромъ, избравъ его своимъ почетнымъ членомъ, *онъ* не оставилъ университета, онъ не могъ съ нимъ разстаться и пошелъ изъ заслуженныхъ профессоровъ въ частные преподаватели, лишь бы пребывать въ этихъ дорогихъ ему и слившихся съ нимъ органически стѣнахъ. За то и не блестяща была жизнь его *внѣшними* отличіями. Онъ сошелъ въ могилу статскимъ совѣтникомъ и у его гроба людское тщеславіе могло положить на подушку лишь скромные крестики...

Печатныхъ трудовъ Крылова мало. Кромѣ рѣчи 1838 г., критическихъ замѣчаній на «Областныя учрежденія» Чичерина, напечатанныхъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г. и отдѣльно, и нѣсколькихъ «юридическихъ замѣтокъ» въ «Молвѣ» 1857 г.—онъ не печаталъ ничего. Въ 1880 г. редакція «Журнала уголовнаго и гражданскаго права» сообщала, что послѣ кончины Н. И. Крылова у него найдено нѣсколько почти оконченныхъ трудовъ, но какая судьба постигла эти труды—донынѣ неизвѣстно. Статьи въ «Русской Бесѣдѣ» и «Молвѣ», имѣли значительный славяно-фильскій оттѣнокъ. Крыловъ доказывалъ, между прочимъ, что до Годунова, нашъ народъ по отношенію къ землѣ никогда не былъ кабальнымъ и, руководимый разумнымъ инстинктомъ, ускользалъ отъ непосредственнаго вліянія князей и правителей, не принималъ участія въ ихъ семейныхъ счетахъ и жилъ въ своемъ *собственномъ мірѣ.*—«Но,—говорилъ онъ своимъ оригинальнымъ языкомъ и со смѣлостью рѣчи, рѣдкой въ то время—когда народу нужно выдти изъ этого дивнаго углубленія, когда безъ народа князьямъ нельзя было ничего сдѣлать, тогда онъ высовывался на сцену политическую *во весь ростъ,* и превращался въ *личность*—въ *земскій соборъ,* въ *народное собраніе,* и здѣсь произносилъ судъ окончательный; *ибо дѣло государственное, великое и невеликое—безъ совѣту всей земли не дѣлалось на Руси.* И вотъ этотъ *кабальный, черный* народъ—военноплѣнный и крѣпостный работникъ—говоритъ съ законнымъ дерзновеніемъ любимому своему князю Изяславу Мстиславичу: Мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь: не твое время...»

Статьи Крылова подали въ свое время поводъ къ надѣлавшей много шуму полемикѣ. Въ ней ожесточеннымъ противникомъ Крылова выступилъ «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ былъ помѣщенъ рядъ «изобличительныхъ писемъ» Байбороды (псевдонимъ) и статьи Каткова и Леонтьева, пытавшіяся «сорвать съ Крылова пышную мантію незаслуженнаго авторитета», изобличая его въ нѣкоторыхъ фактическихъ и грамматическихъ, въ

сущности очень мелкихъ и даже спорныхъ ошибкахъ. За Крылова вступились молодой ученый Шпилевскій и профессоръ Шевыревъ (подъ псевдонимомъ *Ярополкъ*). Страстный тонъ нападеній и ихъ ѣдкость очень подѣйствовали на впечатлительную натуру Крылова;—онъ, какъ видно изъ дневника Погодина, заболѣлъ и на всемъ складѣ его дальнѣйшей жизни отразилось въ извѣстной степени вліяніе пережитого имъ за это время душевнаго состоянія. «Сорвать мантію» однако если и удалось отчасти, то безплодно во всякомъ случаѣ. Авторитетъ Крылова вовсе не основывался на мелочной точности узко-техническихъ знаній; основой его было *нѣчто* во всей личности профессора, что говорило душѣ слушателей, что будило ихъ умъ, что населяло ихъ память художественными образами, отражавшими на себѣ не букву, а *духъ*—величавый и безсмертный духъ — Римскаго права. Въ область этого творческаго духа Крыловъ вводилъ своихъ слушателей не какъ безучастный и мелочно-наблюдательный ученый, а какъ товарищъ, какъ другъ, спѣшившій и умѣвшій подѣлиться своимъ восхищеніемъ и никогда, при этомъ, не забывавшій своего, родного, какъ предмета для назидательнаго и блещущаго тонкимъ умомъ сравненія.

Въ сороковыхъ годахъ Крыловъ нѣсколько лѣтъ несъ обязанности цензора Московскаго цензурнаго комитета. Въ тяжелое, въ цензурномъ отношеніи, время, горячо любя и оберегая русскую мысль и ея живое, цѣлостное выраженіе, онъ часто рисковалъ своей службой, смѣло принимая на свою отвѣтственность содержаніе «рискованныхъ» произведеній. Въ 1844 году за пропускъ книги «Продѣлки на Кавказѣ» изображавшей «въ невыгодномъ свѣтѣ дѣйствія начальствующихъ лицъ на Кавказѣ», онъ былъ вызванъ для личныхъ объясненій въ знаменитое *третье Отдѣленіе*, отставленъ отъ должности цензора и не смотря на свое званіе профессора и декана юридическаго факультета—выдержанъ подъ арестомъ при Университетѣ восемь дней.

Обнародованіе въ 1864 г. Судебныхъ Уставовъ было встрѣчено Крыловымъ съ живѣйшею радостью. Онъ привѣтствовалъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ стройную организацію для «отысканія и присужденія,—какъ онъ выражался,—правды *жизненной*, взамѣнъ правды *приказной*». Онъ особенно пытливо вглядывался въ будущій складъ новаго процесса и, когда Уставы были введены въ дѣйствіе, живо интересовался дѣятельностью своихъ слушателей на судебномъ поприщѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе, которое имѣло его образное, талантливое слово на этихъ слушателей въ то время, когда для умѣнья владѣть живою рѣчью не было другой

школы, кромѣ каѳедры университета,—отразилось впослѣдствіи и на томъ неожиданномъ появленіи и расцвѣтѣ многихъ ораторскихъ дарованій, которыми ознаменовались первые годы введенія судебной реформы.

Крыловъ былъ небольшого роста, съ мягкими чертами гладко выбритаго лица, оживленнаго лукаво-добродушною усмѣшкою и веселымъ взоромъ умныхъ глазъ. Его чисто-русская, полная изящной простоты и народныхъ оборотовъ, рѣчь лилась свободно, сопровождаемая выразительною мимикою. «Профессоръ-поэтъ» по выраженію С. А. Муромцова,—онъ *жилъ* на каѳедрѣ и вполнѣ овладѣвалъ вниманіемъ слушателей, съ сожалѣніемъ отрывавшихся отъ его лекцій, когда звучалъ несносный въ этомъ случаѣ звонокъ... Говорилъ онъ великорусскимъ говоромъ, съ легкимъ удареніемъ на *ó*,—любилъ употреблять вопросительную форму, прибавляя къ ставимымъ имъ себѣ вопросамъ—тихій звукъ «ге?». («А что дѣлаетъ «ге»-Крыловъ?»—пишетъ Плетневъ Гроту въ 1840 г.). «Съ яркостью выдѣляется въ моихъ студенческихъ воспоминаніяхъ, писалъ извѣстный юристъ и публицистъ Обнинскій—симпатичная маленькая фигурка Н. И. Крылова, подымающагося тихимъ, методически-размѣреннымъ шагомъ по высокой, вьющейся вокругъ стѣнъ, лѣстницѣ, въ верхнюю аудиторію, со склоненною на бокъ головою и непремѣнно со шляпою въ согнутой локтемъ рукѣ. Занявъ свое мѣсто на каѳедрѣ, Никита Ивановичъ неизмѣнно клалъ съ одного ея боку красный платокъ, съ другого—табакерку, внушительно откашливался и тихимъ шопотомъ начиналъ лекцію всегда такими словами: «въ прошлый разъ, господа, мы остановились на...» и послѣ вступленія постепенно возвышалъ голосъ, который къ концу лекціи уже гремѣлъ на всю аудиторію. Иногда послѣ словъ «мы остановились на...» Крыловъ внезапно обращался къ кому нибудь изъ студентовъ, дѣлалъ угрожающую мину и спрашивалъ: «а? на чемъ бишь? а? не помнишь?» Бесѣдовать о любимомъ предметѣ, о римскомъ правѣ, всегда и вездѣ, а не только въ университетской аудиторіи,—на улицѣ, дома, среди знакомыхъ, въ гостепріимной обстановкѣ скромныхъ «Средъ», гдѣ онъ радушно соединялъ студентовъ и профессоровъ—было для Крылова не только удовольствіемъ, но повидимому потребностью. Студенты обыкновенно сопровождали его съ лекцій, въ качествѣ *попутчиковъ,* на Спиридоновку,—около которой на Патріаршихъ прудахъ всегда ютился учащійся людъ,—въ его маленькій, въ три окна на улицу, флигелекъ въ домѣ Оболонскаго. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ любилъ обращать вниманіе спутниковъ на тѣ или другія нормы античнаго права и

сравнивать ихъ съ нашими. Такъ читалось нѣчто въ родѣ лекціи посреди панели, въ совершенно необычной обстановкѣ, подъ открытымъ небомъ... и домашніе иногда по долгу ждали старѣющаго тѣломъ, но молодого духомъ старика-профессора.

Крыловъ скончался въ Москвѣ 26 декабря 1879 г., послѣ долгой и тяжкой болѣзни. Отпѣваніе его въ университетской церкви и погребеніе на кладбищѣДонскаго монастыря собрало его многочисленныхъ учениковъ и на могилѣ его произнесены были рѣчи, полныя нелицемѣрнаго признанія его заслугъ и искренней скорби. Одинъ изъ говорившихъ — бывшій ректоръ университета Баршевъ — указалъ въ своемъ словѣ, что юридическій факультетъ Московскаго университета достигъ апогея своей славы при *мощномъ содѣйствіи* усопшаго, который, чуть не полвѣка приводя въ восторгъ своихъ многочисленныхъ слушателей, былъ красою, честью и гордостью университета. Судьба послала возможность пишущему эти строки участвовать въ этихъ похоронахъ, приведя его случайно, утромъ въ день погребенія Крылова, въ Москву. Ему пришлось совершенно неожиданно сказать нѣсколько словъ о почившемъ у его отверстой могилы. Собравъ воедино печатные слѣды своихъ трудовъ на юридическомъ поприщѣ въ книгѣ «Судебныя рѣчи», онъ имѣлъ счастіе чрезъ десять лѣтъ послѣ кончины Крылова поставить его имя на первой страницѣ своей книги, обратясь съ благодарнымъ воспоминаніемъ къ памяти любимаго наставника.

Между бывшими слушателями Крылова былъ собранъ, послѣ его смерти, капиталъ для образованія на юридическомъ факультетѣ стипендій его имени.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ
КАВЕЛИНЪ.

(1898).

Личныя воспоминанія и некрологи, написанные подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ вѣчной разлуки съ выдающимися людьми, имѣютъ иногда, даже несмотря на свою полную искренность, свойство выцвѣтать съ теченіемъ времени—и притомъ выцвѣтать не только въ глазахъ людей, знавшихъ тѣхъ, чья смерть вызвала непритворное, глубокое чувство сожалѣнія, но и въ сознаніи самихъ авторовъ. Если «vita memoriae» о замѣчательныхъ людяхъ наступаетъ уже на краю ихъ могилы, постепенно затѣмъ, по отношенію ко многимъ, ослабѣвая, то «lux veritatis» часто начинаетъ свѣтить гораздо позже—и чѣмъ дальше, тѣмъ иногда ярче. Онъ освѣщаетъ на почвѣ житейскаго опыта и новыхъ біографическихъ свѣдѣній плоды дѣятельности этихъ людей, открываетъ въ ней и въ нихъ самихъ незамѣченныя прежде стороны и представляетъ подчасъ ихъ личность въ неожиданной свѣтотѣни. Благо тому, чей образъ отъ этого не только не колеблется и не затуманивается въ душѣ, хранящей о немъ чистое и благодарное воспоминаніе, но возстаетъ съ еще большею полнотою и привлекательностью!.. Но это бываетъ не всегда... Сказанное Пушкинымъ о «*вѣковъ* завистливой дали» примѣнимо и къ болѣе краткому времени. Случается, что по отношенію къ личности,

описанной когда-то съ любовью и съ вѣрою въ правдивость наложенныхъ красокъ — начинаетъ чувствоваться собственное заблужденіе. Вслѣдствіе новыхъ и несомнѣнныхъ данныхъ оказывается, что если и нѣтъ еще повода припомнить во всемъ ихъ объемѣ слова Некрасова: «ликуетъ врагъ!—молчитъ въ недоумѣньи—вчерашній другъ, поникнувъ головой...»—то все-таки тотъ, чьи дѣла и нравственный обликъ казались значительными, умаляется и мельчаетъ, являясь величиною сомнительнаго достоинства и вызывая, вмѣсто прежняго удивленія, одну изъ тѣхъ горькихъ усмѣшекъ, по поводу которыхъ нѣмецкій поэтъ злобно воскликнулъ: «lasst uns lachen ueber die *grossen*—die *Keine* sind!».

Воспоминанія о Константинѣ Дмитріевичѣ Кавелинѣ—стойко и блистательно выдерживаютъ этотъ искусъ времени.

Болѣе тринадцати лѣтъ прошло съ его смерти—и все, что о немъ съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ, завершаемое нынѣ полнымъ собраніемъ его сочиненій, лишь подтверждаетъ нравственную высоту его личности, духовную и научную цѣнность его трудовъ и вѣрность высказанныхъ въ свое время, въ виду его еще свѣжей могилы, взглядовъ на глубину потери, понесенной русскимъ обществомъ въ его лицѣ... Поэтому, говоря о немъ въ 1898 году приходится почти всецѣло повторить то, что было мною высказано въ самый день его погребенія, 7 мая 1885 году, когда рука, набрасывавшая воспоминанія, еще дрожала отъ сердечной боли и умиленія, невольно вызываемаго смертью человѣка, съумѣвшаго, несмотря ни на что, донести до могилы «душу живу» во всей ея цѣлости и чистотѣ.

Бываютъ люди уважаемые и въ свое время полезные. Они честно осуществляли въ жизни все, что имъ было «дано», но затѣмъ, по праву усталости и возраста, сложили поработавшія руки и остановились среди быстро бѣгущихъ явленій жизни, какъ пограничные столбы былого труда и былого нравственаго вліянія. Новыя поколѣнія проходятъ мимо, глядя на нихъ, какъ на почтенные остатки чуждой имъ старины; живая связь между ихъ замолкнувшею личностью и вопросами и потребностями дня утрачена или не чувствуется,—и сердце ихъ, когда-то горячее и отзывчивое, бьется инымъ ритмомъ, безгласное и безучастное къ явленіямъ окружающей дѣятельности. Холодное уваженіе провожаетъ ихъ въ могилу, и больное чувство незамѣнимой потери, незамѣстимаго пробѣла не преслѣдуетъ тѣхъ, кто возвращается отъ этой могилы, такъ какъ имъ пришлось засыпать въ ней усопшаго, который уже давно не былъ живымъ отголоскомъ ихъ нравственныхъ тревогъ и упованій.

Но есть и другіе люди—немногіе, рѣдкіе. Въ «битвѣ жизни» они не кладутъ оружія до конца. Ихъ воспріимчивая голова и чуткое сердце работаютъ дружно и неутомимо, покуда въ нихъ горитъ огонь жизни. Они умираютъ какъ солдаты въ ратномъ строю, на дѣйствительной службѣ, не увольняя себя ни въ запасъ, ни въ безсрочный отпускъ, и уже чувствуя дыханіе смерти, холодѣющими устами еще шепчутъ свой нравственный пароль и лозунгъ. Жизнь часто не щадитъ ихъ—и на закатѣ дней, въ годы обычнаго для всѣхъ отдыха и квіетизма, наноситъ ихъ усталой, но стойкой душѣ тяжелые удары. Но за то — ничто изъ области живыхъ общественныхъ вопросовъ не остается имъ чуждымъ.

Вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, онѣ дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, бодрые и поучительные до конца. Они не «переживаютъ» себя, ибо *жить* для нихъ не значитъ *существовать* да порою обращаться къ своимъ, нерѣдко богатымъ, воспоминаніямъ... Ихъ чуждый личныхъ разсчетовъ внутренній взоръ съ тревожною надеждою всегда устремленъ въ будущее и въ ихъ богатой душѣ всегда найдутся стороны, которыми она тѣсно соприкасается съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго имъ общества.

Однимъ изъ такихъ людей былъ *К. Д. Кавелинъ*.

До сихъ поръ не хочется вѣрить, что онъ ушелъ на всегда, и до сихъ поръ у знавшихъ его—личность широкаго и свѣтлаго общественнаго дѣятеля отчасти еще заслоняется личностью дорогого человѣка, въ его частной жизни, пріемахъ, привычкахъ. Для нихъ онъ лишь гдѣ-то далеко, но онъ не умеръ, ибо «Todt ist nur der — der vergessen wird». А *забыть* Кавелина нельзя. Онъ вносилъ въ жизнь тѣхъ, съ кѣмъ сближался, слишкомъ животрепещущую ноту — и она звучитъ до сихъ поръ, на разстояніи многихъ годовъ. Въ умѣ знавшихъ его лично возстаетъ его не отвлеченный, но живой образъ: — кажется, что вотъ-вотъ въ среду дружескаго кружка войдетъ онъ обычными большими шагами, слегка сгорбивъ широкія плечи, и заговоритъ симпатичнымъ, негромкимъ, но яснымъ голосомъ, весело и умно смотря проницательными темными глазами, въ которыхъ горѣлъ юношескій огонь, не ослабленный 66-ю годами жизни, усѣявшей серебромъ его бороду и виски... «Однажды вечеромъ я возвращался съ Бѣлинскимъ откуда-то домой,—разсказываетъ Панаевъ въ своихъ

воспоминаніяхъ о 1839 годѣ. — На Арбатской площади попался намъ навстрѣчу молодой человѣкъ небольшого роста, полный, румяный, очень пріятной наружности, съ вьющимися темными волосами, въ очкахъ; на немъ былъ студенческій сюртукъ. Увидѣвъ Бѣлинскаго, студентъ бросился съ юношескимъ, неудержимымъ увлеченіемъ къ нему и съ жаромъ схватилъ его руку...» Къ концу жизни вьющіеся волосы порѣдѣли и посѣдѣли, долго сохранявшійся здоровый румянецъ пропалъ подъ вліяніемъ тяжелой, изнурительной болѣзни, перенесенной въ 1882 г., но до послѣднихъ дней бодрый видъ не покидалъ Кавелина; онъ свободно несъ бремя своихъ лѣтъ и старческая хилость не смѣла къ нему подступиться. Только руки его въ послѣдніе годы начинали сильно дрожать, особенно подъ вліяніемъ какого-либо волненія. Но почеркъ его былъ твердъ до конца, разборчивъ и такъ же простъ, безъ всякихъ украшеній и завитковъ, какъ простъ и чуждъ всякой реторики былъ его изящный и образный языкъ...

Человѣкъ «сороковыхъ годовъ» по образу мыслей и идеаловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — или, лучше сказать, — потому и одинъ изъ лучшихъ людей всѣхъ послѣдующихъ годовъ, Кавелинъ вынесъ изъ своей молодости пріемы общежитія и привычки, рѣдкія, къ сожалѣнію, въ наше время. Онъ не былъ блестящимъ разсказчикомъ и его умъ былъ настроенъ не на повѣствованіе, а на бесѣду. Онъ любилъ и, что рѣдко, умѣлъ спорить. Выслушивая съ неизмѣннымъ вниманіемъ противника, онъ становился съ каждымъ возраженіемъ все сильнѣй и оживленнѣй. Глаза его загорались и сверкали, какъ-будто становясь больше, голосъ начиналъ вибрировать, и образы, сравненія, теоретическія положенія и быстрые, неожиданные, подчасъ неотразимые практическіе выводы быстро смѣняли другъ друга, озаряя на мгновеніе, какъ вспышки зарницы, ту глубину и богатство разнообразныхъ знаній, откуда они были почерпнуты. Присутствовать при его спорахъ было истиннымъ наслажденіемъ. Поучительные и интересные по содержанію, они никогда не рѣзали уха своею формою. Это были не обычные русскіе споры—шумные и безцѣльные, въ которыхъ беретъ обыкновенно верхъ развязность и умышленное нежеланіе понимать своего противника. Кавелинъ не давилъ своею богатою аргументаціею, не слѣпилъ глаза парадоксами; онъ въ живой, блестящей формѣ дѣлился своимъ богатствомъ, онъ *убѣждалъ* и всегда заключалъ споръ милою, остроумною шуткою. Бывали, впрочемъ, случаи, когда рѣчь его пріобрѣтала особую страстность и хотя вѣжливую, но весьма большую ѣдкость; это случалось, когда при

немъ затрогивали какія-нибудь дорогія для него нравственныя начала или его любимыхъ историческихъ лицъ и событія, или, наконецъ, пытались оправдывать кого-либо изъ неуважаемыхъ имъ людей. Тутъ онъ закипалъ внутренно, краснѣлъ, и рѣзко сказавъ: «извините меня!»—въ немногихъ горячихъ и негодующихъ словахъ ставилъ вопросъ на надлежащую, по его мнѣнію, почву.

Кавелина упрекали иногда въ крайней *исключительности*. Упрекъ этотъ основанъ на незнаніи, на непониманіи этой многосторонней личности. Это былъ человѣкъ строгій къ себѣ, требовательный и суровый, когда дѣло шло о томъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Отдавъ всю жизнь свою труду на службу развитія русскаго общества и предаваясь этой службѣ до постояннаго забвенія собственныхъ интересовъ, онъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на своекорыстіе, надѣвавшее личину служенія общему благу, и его нельзя было подкупить ни громкими фразами, ни искусно созданными миражами. Онъ не скрывалъ своего негодованія при видѣ различнаго рода фарисеевъ и хищниковъ, волновался при мысли о формалистическомъ бездушіи, которое мертвитъ у насъ такъ много добрыхъ и даже великихъ начинаній, и говорилъ объ этомъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ. Когда въ 1874—77 гг. въ офиціальныхъ сферахъ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ нежелательныхъ приговоровъ присяжныхъ и предвзятаго недовѣрія весьма вліятельныхъ лицъ, возникли предположенія о значительномъ ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ, я, на основаніи семилѣтняго опыта моей прокурорской дѣятельности въ провинціи и въ Петербургѣ, составилъ и представилъ Министру Юстиціи записку, въ которой подробно разбиралъ нападки на эту форму суда и старался доказать какъ ихъ неосновательность и—во многихъ случаяхъ—невѣжественность и даже недобросовѣстность,—такъ и высокое, въ смыслѣ развитія въ народѣ чувства истиннаго правосудія и законности, значеніе суда присяжныхъ. Вотъ что писалъ мнѣ, 14 февраля 1878 г., Кавелинъ, ознакомившись съ этою запискою: «не примите за пошлую фразу, что я съ восхищеніемъ прочелъ Вашу записку, въ отвѣтъ на предположенія объ ограниченіи круга дѣйствій присяжныхъ засѣдателей. Меня подергивало отъ негодованія при чтеніи мотивовъ, на основаніи которыхъ кругъ данныхъ правъ долженъ былъ еще стѣсниться. Живое и мертвое знаніе русскихъ явленій тутъ встрѣтились лицомъ къ лицу, взаимно выставляя другъ друга во всей противоположности и яркости. Прислушайтесь къ тому, что *хотятъ сказать* славянофилы — и Вы невольно скажете, что они

дурно мотивируютъ совершенно вѣрное и дѣйствительное явленіе, которое болѣзненно гнететъ и давитъ всѣхъ думающихъ и порядочныхъ людей въ Россіи:—ярмо какихъ-то бумажныхъ, никакого отношенія къ русской жизни не имѣющихъ, выдуманныхъ путъ, которыя сбиваютъ съ толку русскій умъ, русскій здравый смыслъ, убивая вѣру въ справедливость и правду. Какія-то обстоятельства, до сихъ поръ не вполнѣ выясненныя и сознанныя, создали у насъ своего рода логику безсмыслицы—цѣлый міръ болѣзненныхъ построеній, имѣющихъ свою—особаго рода логику и послѣдовательность. Въ Россіи сложились два міра—живой, дѣйствительный—и выдуманный, бумажный, которые стараются другъ друга понять и... никакъ не могутъ. Если эти фикціи будутъ всегда тяготѣть надъ живою дѣйствительностью, трудно себѣ вообразить, сколько изъ-за этого можетъ обрушиться на насъ зла!—Не вздумаете-ли Вы напечатать Вашу записку? Было бы жаль, еслибы такое вѣское и глубоко правдивое слово замерло въ канцеляріяхъ и покрылось мертвечиною, какою у насъ покрывается многое, что исходя изъ жизни, попадаетъ въ канцелярію — административную, судебную, даже и научную. Мнѣ кажется, что Вы *обязаны* напечатать Вашу работу въ назиданіе тѣмъ судебнымъ дѣятелямъ, которые страдаютъ особаго рода душевнымъ и умственнымъ недугомъ, происходящимъ отъ *индижестіи* вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія канцелярской пищи...»

Но, нападая на фарисеевъ и на «повапленные гробы», Кавелинъ никогда не становился на почву исключительности, никогда не раздѣлялъ мысленно людей на лагери, не окрашивалъ ихъ въ однообразный, пріятный или отталкивающій цвѣтъ и не распредѣлялъ, сообразно съ этимъ, свои симпатіи и антипатіи. Такая узкая исключительность была совсѣмъ чужда его широкому сердцу. Онъ никогда не сочувствовалъ стремленію прилѣплять къ людямъ разъ навсегда установленные ярлыки и по нимъ уже оцѣнивать ихъ, не заглядывая далѣе и притягивая ихъ взгляды и убѣжденія къ заранѣе установленному инвентарю. Во всякомъ онъ прежде всего искалъ искренности и отсутствія личныхъ видовъ, и радовался, когда могъ найти въ человѣкѣ, чуждомъ ему по развитію и взглядамъ, стороны, заслуживающія уваженія. Обширный кругъ его знакомыхъ никогда не былъ окрашенъ въ однообразный колоритъ, и люди *честные*, хотя бы и противоположныхъ убѣжденій, встрѣчали въ немъ не *врага*, а лишь привѣтливаго, хотя и стойкаго *противника*. Но онъ отличался нетерпимостью по отношенію къ тому, кто прочно и, по большей

части, безповоротно упалъ въ его глазахъ, обманувъ довѣріе, съ которымъ Кавелинъ смотрѣлъ на него какъ на общественнаго дѣятеля, или проявивъ душевную низость тамъ, гдѣ это оказалось выгоднѣе исполненія долга. Онъ, всю жизнь шедшій неуклонно и любя «куда звалъ голосъ сокровенный», не понималъ, чтобы можно было «propter vitam—vivendi perdere causas», и рѣзко выражалъ свое отчужденіе отъ влачащихъ безславную, но нерѣдко богатую земными благами жизнь. Ему было при этомъ все равно, къ какому лагерю принадлежатъ такіе люди по общему складу своихъ предвзятыхъ взглядовъ. Это была благородная нетерпимость,—отсутствіе способности къ сдѣлкамъ, къ приспособленію себя,—но это не была исключительность.

Человѣкъ *цѣльный* въ полномъ смыслѣ слова, послѣдовательный и твердый—«aus einem Guss», какъ говорятъ нѣмцы,—Кавелинъ всею своею личностью являлъ настоящій *характеръ*, съ которымъ надо было считаться и по отношенію къ которому нельзя было разсчитывать на какія-либо уступки или уклоненія подъ вліяніемъ сентиментальнаго настроенія, столь чуждаго дѣйствительной добротѣ. Въ немъ не было того *равновѣсія уменьшенныхъ силъ*, которое порою ставится почти въ заслугу современному человѣку, обезцвѣчивая и обезличивая его до крайности. Кавелинъ при серьезныхъ житейскихъ встрѣчахъ не умѣлъ «сожалѣть», «не сочувствовать», «симпатизировать», «огорчаться» и вообще довольствоваться неопредѣленными ощущеніями, неясными по своему источнику, безплодными по своему исходу. Онъ умѣлъ *любить*—горячо и широко, довѣрчиво и открыто,—но умѣлъ и *ненавидѣть*, не скрывая своего чувства, съ прямотою честнаго человѣка, сознающаго и уважающаго свою правоту. Ему была свойственна особая способность характера, опредѣляемая выразительнымъ французскимъ словомъ «combativité». Поэтому въ душѣ его не было мѣста вялымъ, колеблющимся чувствамъ; въ ней звучалъ «категорическій императивъ»—властно и безповоротно, никогда не грозя мелочною, недостойною враждою, но и отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ, по большей части, надежду на возможность примиренія. И эта неподкупность сужденій Кавелина, эта ихъ категоричность, являвшаяся результатомъ совокупной работы высокихъ душевныхъ требованій и тонкаго, проницательнаго, аналитическаго ума, привлекала къ нему и заставляла прислушиваться къ его отзывамъ, страшиться ихъ. Это былъ нравственный судья, оправдательный приговоръ котораго дѣйствительно облегчалъ смущеннаго и сомнѣвающагося въ себѣ, а слово осужденія ложилось тѣмъ

тяжелѣе, чѣмъ чище былъ самъ его произносившій. Вотъ почему многіе, въ минуту какихъ-либо житейскихъ усложненій, обращались мысленно на его судъ и спрашивали: «что скажетъ Константинъ Дмитріевичъ?», «какъ посмотритъ на это Кавелинъ?..» И мысль ихъ невольно летѣла въ далекій уголокъ Васильевскаго Острова, гдѣ среди самой скромной обстановки жилъ человѣкъ, одобреніе котораго поднимало и радовало, а осужденіе жгло и тяготило, проникая сквозь броню формально признанныхъ отличій. И въ то же время — каждое истинное горе, каждая личная скорбь находили въ немъ сочувственный откликъ. Онъ умѣлъ сказать деликатное по формѣ, но мужественное и твердое по существу своему слово одобренія, умѣлъ указать сломившемуся подъ гнетомъ личной скорби общія цѣли и задачи жизни, мягко пристыдить, утѣшить, обратить больную мысль отъ временнаго и случайнаго къ вѣчнымъ, поднимающимъ духъ вопросамъ. Всякое проявленіе ума и таланта живо радовало его, заставляя говорить о себѣ съ доброжелательнымъ увлеченіемъ. Для примѣра можно указать, напр., на то живое одобреніе, которымъ онъ привѣтствовалъ первый ученый трудъ Н. А. Неклюдова, указывая автору блестящее мѣсто на университетской каѳедрѣ и горячо защищая его отъ возможности нелѣпыхъ обвиненій въ «нигилизмѣ», благодаря которымъ ему можетъ прійтись, вмѣсто занятія каѳедры, «потерпѣть писцомъ въ какой-нибудь канцеляріи»... «Манера его и способъ выраженій свѣжи и молоды, писалъ Кавелинъ, разбирая «Уголовно-статистическіе этюды»,—въ нихъ слышится и нетерпимость силы, и неумѣренность надеждъ, возбужденныхъ переспективами, которыя ему открылись въ наукѣ... Отъ этихъ недостатковъ онъ освободится работой и годами. Трудъ и время увеличатъ его силы, умѣривъ ихъ». Но дутыя репутаціи людей, прославляемыхъ своимъ муравейникомъ, создаваемыя обыкновенно ловкимъ умѣніемъ приспособляться и во время отходить въ сторону отъ всякихъ жгучихъ вопросовъ, никогда не обманывали его. «Что вы скажете о смерти N. N.?—пишетъ онъ мнѣ въ 1884 году,—кажется, Россія ничего не потеряла съ его кончиной. Слышалъ я его въ засѣданіи... *Не знаменито,* какъ говаривалъ Никита Ивановичъ Крыловъ. Отъ такой знаменитости я ожидалъ гораздо больше. Да и карьеристъ былъ изрядный».

Соединяя существо ученаго и гражданина съ формами безукоризненной благовоспитанности, Кавелинъ держалъ себя всегда со спокойнымъ достоинствомъ, цѣня въ тѣхъ, съ кѣмъ его сталкивала судьба, исключительно ихъ человѣческія свойства, незави-

симо отъ ранговъ и отличій. Его самостоятельность, независимость его мнѣній и его «franc parler» создавали ему завистливыхъ недоброжелателей. Его умъ—«любя просторъ—тѣснилъ» и многихъ, вопреки ихъ привычкамъ, выбивалъ изъ обычной колеи мелкихъ мыслей, безплодной болтовни и безцвѣтныхъ дѣйствій. Кавелинъ всякое разсужденіе и всякое дѣло любилъ вести на чистоту, «не отвиливая отъ мысли по разнымъ постороннимъ соображеніямъ», какъ онъ самъ однажды выразился. Всякое неловкое и двусмысленное положеніе его тяготило, и онъ выходилъ изъ него несмотря ни на что, готовый для этого на всякую жертву, припоминая, конечно, прекрасное французское изреченіе: «on traverse une position équivoque—on ne reste pas dédans...» Это проявлялось у него и въ мелкихъ и крупныхъ обстоятельствахъ его жизни. Такъ, когда во время преній по сдѣланному имъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ реферату о кодификаціи русскаго гражданскаго права, одинъ изъ сановныхъ оппонентовъ, очевидно забывъ, съ *кѣмъ* онъ имѣетъ дѣло, перенесъ споръ на личную почву и позволилъ себѣ объяснять мнѣнія Кавелина эгоистическими видами,—послѣдній даже не оказалъ ему чести отвѣта, а лишь улыбнулся иронически и тотчасъ оставилъ засѣданіе. Когда, будучи президентомъ Вольно-Экономическаго Общества, онъ увидѣлъ среди окружающихъ не простое и случайное, а умышленное непониманіе его взглядовъ и побужденій, онъ оставилъ свое званіе, несмотря на то, что всегда съ любовью вспоминалъ о томъ времени, когда былъ еще только секретаремъ Общества. «Вы пишете,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 19 октября 1884 г.—о муравейникѣ, испытать въ которомъ мнѣ пришлось столько укусовъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Тутъ все совершенно ничтожно. Будьте увѣрены, что я радъ радехонекъ избавиться отъ омута, въ который невзначай попалъ, и недостаточно тщеславенъ и самолюбивъ, чтобы пойти на приманки несравненно болѣе дѣйствительныя и соблазнительныя, чѣмъ эти. Роль спокойнаго созерцателя и зрителя—вотъ чего я жажду и никакъ не могу добиться». Врагъ всякихъ компромиссовъ, онъ доказалъ то, что говоритъ въ этомъ письмѣ, отказавшись отъ лестнаго и заманчиваго для его живой натуры и умственнаго склада предложенія занять, въ 1880 г., постъ попечителя дерптскаго учебнаго округа. Онъ находилъ, что его программа не удовлетворитъ ни одного изъ направленій, тогда бывшихъ, а дѣйствовать по навязанной программѣ, которую онъ могъ и не раздѣлять, онъ не хотѣлъ.

О его личной добротѣ и разумной благотворительности едва

ли нужно распространяться. Школы и крестьянскій банкъ на его «землицѣ» въ Тульской губерніи — и вѣнокъ на его гробъ отъ приходскаго попечительства съ надписью «другу бѣдныхъ и страждущихъ» говорятъ сами за себя.

Кавелинъ былъ *труженикъ* въ лучшемъ смыслѣ слова. Трудъ живой, неустанный, вдумчивый и энергичный былъ его стихіею, наполнялъ всю его жизнь. «Ohne Hast, ohne Rast» могло бы быть его девизомъ. Незадолго до смерти мечталъ онъ еще о переселеніи въ Царское Село, гдѣ, въ тиши уединенія, вдали отъ неизбѣжныхъ тревогъ столичной жизни, хотѣлъ всецѣло отдаться работѣ надъ новымъ, большимъ философскимъ изслѣдованіемъ. Онъ смотрѣлъ на трудъ, какъ на обязанность предъ обществомъ, освободить отъ которой должна лишь смерть, одна могущая заставить изсякнуть источникъ мысли, знанія и «роптанья вѣчнаго души»; онъ смотрѣлъ на него какъ на утѣшеніе, какъ на друга, на примирителя... Когда, за нѣсколько лѣтъ до смерти, тяжкій ударъ поразилъ его, отнявъ у него «delicium et decus» его существованія—его замѣчательную дочь — онъ былъ тяжко раненъ на всю послѣдующую жизнь, въ самое сердце. А сердце это, не подчиняясь тому, что Пушкинъ назвалъ «охлажденіемъ лѣтъ», до конца оставалось крайне впечатлительнымъ и глубоко понимающимъ человѣческое несчастіе. Въ 1881 г. я послалъ ему пересказъ обстоятельствъ дѣйствительнаго дѣла о самоубійствѣ, бывшаго у меня на рукахъ (онъ былъ напечатанъ въ томъ же году въ «Недѣлѣ», подъ названіемъ «Пропавшая серьга»). Исторія женщины, бездушно брошенной съ четырьмя дѣтьми на произволъ судьбы своимъ любовникомъ,—воспитавшей ихъ, въ постоянной борьбѣ съ лишеніями и болѣзнью, — убѣдившей всѣхъ окружающихъ, что она *вдова,* пріучившей дѣтей чтить память отца и отравившейся вслѣдствіе обвиненія ея 15-лѣтней дочери въ кражѣ серьги, причемъ была грубо раскрыта и ея тайна, а самая серьга оказалась впослѣдствіи у слишкомъ поспѣшной обвинительницы,— чрезвычайно подѣйствовала на Кавелина. «Вы меня отравили актами, которые передали намедни,—писалъ онъ мнѣ 28-го февраля 1881 г. Никакая повѣсть не можетъ сказать того, что говорятъ эти краснорѣчивыя своею краткостью строки... Впечатлѣніе страшное производитъ вашъ разсказъ,—впечатлѣніе отъ котораго спастись некуда! Не боитесь вы, что сильныя души не выдержатъ, читая это;— а слабыя отворотятся, не будучи въ состояніи даже подняться на высоту диссонанса, который вы имъ представляете». Примѣровъ такой воспріимчивой впечатлительности можно бы привести много.

Понятно, поэтому, что долженъ былъ пережить Кавелинъ послѣ постигшаго его удара. Но онъ не опустилъ рукъ, не погрузился въ нѣмое бездѣйствіе печали, а сказалъ: я буду жить, буду работать, я весь уйду въ трудъ. Онъ, очевидно, раздѣлялъ взглядъ Тэна, находившаго, что лишь полная правдивость по отношенію къ другимъ и къ самому себѣ и ежедневный, упорный трудъ могутъ уберечь человѣка отъ презрѣнія къ себѣ и къ людямъ. И результатомъ рѣшенія Кавелина явился рядъ работъ по гражданскому праву и «Задачи этики», посвященныя молодому поколѣнію, которое онъ предостерегаетъ отъ «губящей насъ лѣни ума».

Русскій человѣкъ до мозга костей, знатокъ быта и глубокій изслѣдователь явленій исторіи своего народа, Кавелинъ нѣжно и беззавѣтно любилъ этотъ народъ. Онъ свѣтло смотрѣлъ впередъ, не смущаясь за будущую роль своего отечества Ему нравилось, когда его называли въ этомъ отношеніи оптимистомъ. «Да, я оптимистъ, говаривалъ онъ съ тихою и увѣренною радостью во взорѣ,— я вѣрю, что какія бы уродливыя и болѣзненныя явленія ни представляло русское общество — простой русскій человѣкъ пойметъ свои задачи, разовьетъ свои богатыя духовныя силы, и вынесетъ на своихъ плечахъ Россію». Онъ не отрицалъ темныхъ и грубыхъ сторонъ нашего сельскаго быта, на которомъ, какъ на устояхъ, должна, по его мнѣнію, стоять Россія,—но онъ возставалъ противъ поспѣшныхъ и мрачныхъ обобщеній. «Это недостатки—недостатки молодости, не перебродившаго переходнаго положенія, наносная и поверхностная плѣсень», говаривалъ онъ... «Сердцевина здорова и ея живительные соки залечатъ больныя мѣста въ корѣ; пусть только дадутъ имъ выходъ, не мудрствуя лукаво, не навязывая народу чуждыхъ ему учрежденій и не заключая его въ бюрократическіе тиски... Надо вѣрить въ русскій народъ, надо его любить—безъ этого жить нельзя!» Онъ часто доказывалъ, что о народѣ слѣдуетъ судить не по его нравамъ и привычкамъ, а по его идеаламъ, по его стремленіямъ, — и съ удовольствіемъ повторялъ процитированное предъ нимъ однажды изреченіе Монтескье: «Le peuple est honnète dans ses gouts, sans l'ètre dans ses moeurs...» Всякій истинный слуга народа былъ ему дорогъ. Стоитъ припомнить, какими трогательными словами помянулъ онъ земскаго врача Бѣлевскаго уѣзда Лукина, предъ которымъ онъ «благоговѣлъ» за его трудъ и «внимательность къ простому, бѣдному и темному люду». Спрашивая себя, какъ могъ развиться и сохраниться чистымъ этотъ человѣкъ въ безвѣстной глуши, въ узкомъ кругѣ дѣятельности, принося массу добра и пользы ближнимъ, при скуд-

номъ заработкѣ, большой семьѣ и работахъ безъ устали,—Кавелинъ отвѣчаетъ поэтическимъ сравненіемъ: «такъ распускается ландышъ невидимо, въ тѣни, разливая вокругъ себя благоуханіе! Это тайна его природы...» Онъ принималъ живѣйшее и плодотворное участіе въ хлопотахъ объ устройствѣ осиротѣлой семьи Лукина,—да и ея ли одной?!

Кавелина называли чуждые ему люди *узкимъ западникомъ.* Но близкіе, въ дружеской бесѣдѣ, иногда въ шутку говорили ему, что онъ *отъявленный славянофилъ.* А онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ былъ самимъ собою. Если уваженіе къ западной культурѣ и къ развитому на западѣ чувству законности считать западничествомъ, то безъ сомнѣнія онъ заслуживалъ первый упрекъ, такъ какъ умѣлъ и желалъ, выражаясь словами Пушкина, «свободною душой законъ боготворить», и всегда былъ чуждъ китайской замкнутости и ограниченнаго національнаго самодовольства. Его идеаломъ дѣятеля былъ Петръ Великій. О немъ онъ говорилъ съ умиленіемъ, восхищался всюду встрѣчаемыми слѣдами того, «кому въ царяхъ никто не равенъ», и преклонялся предъ его геніальной энергіей, основанной на вѣрѣ въ способности, въ призваніе своего народа. Кавелинъ былъ неисчерпаемъ въ разговорахъ о Петрѣ, и каждое воспоминаніе объ оригинальномъ поступкѣ и словѣ «вѣчнаго работника на тронѣ» оживляло его... «А! каковъ мой Петруханъ!» восклицалъ онъ, называя своего героя ласковымъ мужицкимъ прозвищемъ и радостно заливаясь своимъ заразительнымъ смѣхомъ. «Какъ я вамъ благодаренъ,—писалъ онъ мнѣ 21 апрѣля 1884,—за рѣдкій портретъ Piter'a! На дняхъ вставлю его въ рамку и буду предъ нимъ идолопоклонствовать, какъ передъ великорусскимъ полубогомъ. Не можетъ загибнуть страна, выставившая такого генія, непохожаго ни на какого другого!»—«Когда на меня тяжело дѣйствуетъ какое-нибудь безотрадное явленіе въ русской жизни, когда на сердцѣ становится горько и грозитъ уныніе,—писалъ онъ въ другой разъ—я вспоминаю Петра—и ободряюсь, или читаю о Христѣ—и мнѣ становится легче, и спокойствіе сходитъ въ душу...» Съ чуткою тревогою прислушивался онъ ко всему, что касалось Россіи въ вопросахъ экономическихъ и политическихъ, и зорко слѣдилъ за уклоненіями отъ того, что считалъ ей полезнымъ. Его дѣятельность въ различныхъ ученыхъ обществахъ, его готовность работать въ развитіе и разъясненіе мѣръ, касавшихся улучшенія народнаго благосостоянія, слишкомъ извѣстны.

Какъ преподаватель, онъ имѣлъ огромное вліяніе на слуша-

телей. Слезы, пролитыя его послѣдними учениками,—людьми взрослыми и уже познавшими жизнь,—на могилѣ «учителя правды и права», какъ они сами его назвали, были имъ вполнѣ заслужены, ибо онъ былъ учителемъ въ настоящемъ смыслѣ слова, научая молодежь не только *знать, гдѣ* пути правды, но и *желать* ходить по этимъ путямъ. Его благотворному вліянію на слушателей сначала способствовала его собственная молодость,— онъ вступилъ на каѳедру 25 л. отъ роду,—благодаря которой его воодушевленіе было особенно заразительно; потомъ, чрезъ десять лѣтъ, принесенныя имъ на каѳедру, по собственнымъ словамъ, непоколебимое убѣжденіе въ высокомъ значеніи науки, неизмѣнная вѣра въ высокую историческую судьбу родины и горячая любовь къ труду—еще прочнѣе укрѣпили это вліяніе. Оно продолжалось и въ предсмертные годы и отразилось въ воспоминаніяхъ его благодарныхъ слушателей въ военно-юридической академіи. Молодежь чутко сознаетъ, является ли для ея учителя наука, по выраженію Гейне, «богинею или дойною коровою»,— самостоятельно ли онъ трудится и мыслитъ—или ловко сшиваетъ себѣ изъ чужихъ лоскутковъ теплое одѣяло. Она и не могла не оцѣнить личнаго, блестящаго и глубокаго труда Кавелина и его строгости къ своимъ задачамъ, какъ профессора. Эта строгость заставляла самого Кавелина смотрѣть съ нескрываемымъ презрѣніемъ на тѣхъ изъ патентованныхъ, подчасъ даже маститыхъ ученыхъ, которые торгуютъ наукою «въ разносъ» и угодливо предлагаютъ свои гибкія познанія для желательнаго тѣмъ или другимъ сферамъ разъясненія спорныхъ вопросовъ. Въ его глазахъ наука была всегда сама себѣ цѣлью, но никогда не средствомъ. Цѣнитъ молодежь и искреннее отношеніе къ себѣ. Кавелинъ умѣлъ вызывать привязанность молодого поколѣнія, не льстя ему, стараясь оградить его отъ недостатковъ, вызываемыхъ всѣмъ складомъ нашей жизни, и вѣря твердо и сознательно, что въ молодежи всегда таятся задатки хорошаго будущаго. Онъ жадно ждалъ нарожденія въ этомъ поколѣніи нравственныхъ характеровъ и радостно привѣтствовалъ всякій намекъ на этотъ поворотъ къ лучшему среди общества, которое пугало его въ послѣдніе годы тѣмъ умаленіемъ нравственнаго характера лица, тѣмъ приниженіемъ, которое онъ такъ сильно и правдиво очертилъ на первыхъ страницахъ своихъ «Задачъ психологіи», этой поучительной книги, въ каждой строкѣ которой сквозитъ свѣтлая личность автора...

Проповѣдь *личности*, работающей въ обществѣ и для общества, но не поглощаемой имъ, проповѣдь нравственнаго возрожде-

нія и обращенія къ вѣчнымъ вопросамъ самопознанія отъ суетныхъ заботъ житейской прозы, «въ которой нѣтъ мѣста ни для трагедіи, ни для драмы, и скоро не будетъ мѣста даже и для водевиля»—эта проповѣдь составляла постоянную цѣль всѣхъ послѣднихъ трудовъ Кавелина. Эта же проповѣдь слышится и въ болѣе раннихъ трудахъ его. Въ своихъ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ онъ не разъ доказывалъ, что древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ, развивъ всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію чрезъ общинный бытъ, чрезъ родовой и семейный. Первые зачатки государства и начало личности завершили ея существованіе. Порицать эту жизнь или сожалѣть о ней—ошибочно. Она дала все, что могла дать, выработавъ понятіе о личности и высвободивъ ее изъ-подъ двойного гнета — природы и кровнаго быта. Періодъ преобразованій, начатый въ XVII вѣкѣ, далъ личности содержаніе, сначала заимствованное извнѣ. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи явился Петръ Великій, вся личная жизнь, весь государственный трудъ котораго является первымъ осуществленіемъ начала личности въ нашемъ общественномъ развитіи. Но участіе личности въ исторіи различно у насъ и въ западной Европѣ. «Въ Европѣ, — говорилъ Кавелинъ («философія и наука»)—исторія совершалась при дѣятельномъ участіи лица, которое внесло тамъ въ ходъ ея свои взгляды, убѣжденія, страсти и произволъ. Этотъ дѣятель,—человѣческая личность,—такъ ярко выступаетъ тамъ въ историческомъ движеніи, что съ перваго взгляда можно подумать, будто онъ одинъ творитъ исторію и нѣтъ другихъ движущихъ ея пружинъ. У насъ наоборотъ: лицо такъ стушевано, такъ блѣдно, является такимъ пассивнымъ носителемъ исторіи, что можно подумать, будто сами элементы, сочетаясь между собою, безъ посредства лицъ, по присущимъ имъ законамъ, необходимо и неизбѣжно, какъ природа, выводятъ однѣ за другими различныя фазы историческаго движенія. Большинство людей, не участвуя дѣятельно въ этомъ стихійномъ процессѣ, подчиняется ему какъ судьбѣ, не отзываясь на него ни мыслью, ни сердцемъ. Въ этомъ, между прочимъ, причина необыкновенной трудности разгадать смыслъ разныхъ событій русской исторіи, имѣвшихъ, повидимому, большое вліяніе на ходъ дѣлъ; объ этихъ событіяхъ часто нѣтъ другихъ свѣдѣній, кромѣ лаконической строчки въ лѣтописи или современномъ актѣ; мысль тогдашнихъ людей не освѣтила для насъ значенія факта, его причинъ и по-

слѣдствій; она остановилась на немъ, какъ будто для того только, чтобъ безучастно и пассивно занести его въ сухой перечень событій. Отсюда — противоположныя задачи внутренняго развитія въ Европѣ и у насъ. Тамъ надо было выдвинуть впередъ тѣ общія основанія, на которыхъ зиждется общественный строй и которыя безпрестанно оттѣснялись чрезмѣрно-выдающимися притязаніями отдѣльныхъ личностей и созданныхъ ими добровольныхъ товариществъ и союзовъ. У насъ, наоборотъ, главныя направленія внутренней исторіи выражаютъ потребность вызвать къ дѣятельности и жизни личность, ввести ее тоже въ общую экономію развитія».

Но придавая такое значеніе *личности* въ ходѣ исторіи и въ сложеніи гражданскаго быта, Кавелинъ сильно смущался предъ многими явленіями нашей жизни и высказывалъ это со свойственною ему прямотою. Его смущала наша «нравственная личная несостоятельность и негодность, о которою сокрушаются всякія благія намѣренія, откуда бы онѣ ни шли», и тревожило состояніе общества, къ которому такъ примѣнимы любимыя имъ слова графа Уварова: «les circonstances sont infiniment grandes et les hommes infinement petits...» — «Едва ли можно указать въ цѣлой исторіи другой примѣръ подобнаго личнаго нравственнаго ничтожества при такомъ величавомъ государственномъ развитіи»,— говоритъ онъ съ негодующею рѣзкостью. Указывая на широкія реформы шестидесятыхъ годовъ, создавшія новыя начала общественности, Кавелинъ спрашивалъ: «способны ли мы, современники одной изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, наполнить живымъ содержаніемъ новыя формы общественности? Составимъ инвентарь тѣхъ личныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыми мы располагаемъ для обновленія нашей гражданственности. Какая поразительная и прискорбная бѣдность! Слова заступаютъ у насъ мѣсто мыслей и убѣжденій, сноровка и наружный тактъ — рѣшенія воли и характеръ, надерганныя изъ печатнаго фразы — продуманное знаніе. Инстинкты, капризы, случайныя обстоятельства и обстановка опредѣляютъ наши дѣйствія, въ которыхъ оттого нѣтъ ни плана, ни послѣдовательности, ни выдержки. Мы лишены почти всякаго умственнаго и нравственнаго содержанія, и потому нѣтъ у насъ ни идеаловъ жизни, ни твердой воли, ни живыхъ интересовъ къ чему бы то ни было».

Объяснивъ, какъ все скользитъ въ нашемъ обществѣ на поверхности и проходитъ безъ всякихъ нравственныхъ послѣдствій, потому, что въ пустотѣ, господствующей внутри насъ, не на что опереться, Кавелинъ считаетъ главнымъ стимуломъ нашей

жизни *скуку*. «Насъ нельзя, — говоритъ онъ, — назвать ни хорошими, ни дурными людьми: мы не подлежимъ нравственному вмѣненію. Отъ внутренней пустоты и безсодержательности, скука томитъ насъ, и мы несемъ ее всюду—въ семью, въ пріятельскую бесѣду и общество; отъ скуки мы съ жаромъ бросаемся на все, въ надеждѣ развлечься, и не можемъ ни на чемъ остановиться и успокоиться».

Призывая личность къ развитію въ русскомъ обществѣ, Кавелинъ не закрывалъ однако глаза на нравственный кризисъ происходящій на Западѣ, гдѣ совершается замѣтное умаленіе личности, проявившей себя столь ярко и многосторонне. Отмѣтивъ то пренебреженіе, въ которомъ начинаютъ оказываться условія индивидуальной жизни и нравственные элементы личности, онъ говоритъ, въ «Задачахъ психологіи», что «въ цѣлой исторіи нельзя указать эпохи, когда бы больше дѣлалось для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ потребностей человѣка, какъ въ наше время, а онъ какъ будто все менѣе и менѣе становится способенъ пользоваться этими благами. Дерево цвѣтетъ, а корни его какъ будто подсыхаютъ; того и гляди, начнетъ сохнуть и самое дерево. Мы уже больше не боимся вторженія дикихъ ордъ; но варварство подкрадывается къ намъ въ нашемъ нравственномъ растлѣніи, за которымъ по пятамъ идетъ умственная немощь.»

Объясненія этого явленія и его причинъ, между прочимъ въ томъ, въ чемъ онѣ зависятъ отъ ложнаго направленія, принятаго, по мнѣнію Кавелина, наукою, представлялись «святому безпокойству», овладѣвшему, въ послѣдніе годы, его душою, вопросомъ первой важности. Съ тревогою указывая на то, что въ современномъ обществѣ личная индивидуальная жизнь поблекла, что лицо утратило свое нравственное достоинство и безотносительную цѣну, что оно стало какой-то безразличной единицей въ общемъ итогѣ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ, на которомъ теперь сосредоточено все вниманіе и весь интересъ, Кавелинъ говорилъ, что весь интересъ мысли перенесенъ въ наше время съ индивидуальности на общество,—лицо отодвинуто съ перваго плана на послѣдній, не вѣритъ въ себя, само смотритъ на себя только какъ на зависимую часть цѣлаго, мѣряетъ себя только тою мѣркою, какую даетъ общественная жизнь и дѣятельность. Человѣкъ въ собственныхъ глазахъ ничего, самъ по себѣ, не стоитъ, для его внутренней жизни и дѣятельности нѣтъ самостоятельнаго критерія, потому что эта жизнь и эта дѣятельность, независимо отъ общественной среды, ни во что не цѣнятся. «И какъ безсодер-

жательна, блѣдна, неинтересна внутренняя жизнь современнаго человѣка!» восклицаетъ онъ. Противъ печальнаго явленія приниженія человѣческой личности боролся Кавелинъ всѣми силами своего ума и трудовой энергіи. «Задачи Психологіи», напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы» и затѣмъ отдѣльною книгою, вызвали горячую и чрезвычайно интересную полемику по поводу оригинальныхъ взглядовъ автора на психологическія явленія и ихъ законы, въ которой приняли участіе такіе люди, какъ И. М. Сѣченовъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. Чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ этого Кавелинъ издалъ «Задачи этики», въ которыхъ звучитъ та же нота скорби объ умаленіи личности и поглощеніи ея современнымъ направленіемъ общественной жизни. Забота о выдвинутіи впередъ лица и о развитіи его самодѣятельности высказана имъ и въ разныхъ мѣстахъ его замѣчаній на проектъ общаго устава университетовъ.

Глубочайшее, неослабное вниманіе Кавелина привлекали къ себѣ вопросы, касающіеся нашего крестьянскаго быта и сельской общины. Первая статья по этому предмету напечатана имъ еще въ 1859 г. въ «Атенеѣ». Дружба съ такъ называемыми западниками, которые въ большинствѣ случаевъ стояли за личное землевладѣніе, не помѣшала ему горячо совѣтовать дорожить общиною, какъ зѣницею ока, находя, что она составляетъ драгоцѣнный, хотя еще и не развитый источникъ правильной общественной организаціи. Русскому крестьянству и вмѣстѣ съ тѣмъ облагороженію правового сознанія въ обществѣ послужилъ онъ и въ практической жизни, сыгравъ не видную, но значительную роль въ подготовкѣ дѣла освобожденія крестьянъ. Еще въ эпоху профессорства въ Москвѣ, въ своихъ воскресныхъ бесѣдахъ со слушателями, для которыхъ гостепріимно были раскрыты двери его дома, онъ горячо, краснорѣчиво и настойчиво возражалъ противъ крѣпостного права, рисовалъ его отталкивающія стороны и будилъ въ своихъ посѣтителяхъ голосъ возмущенной совѣсти. Сблизившись, на службѣ въ Петербургѣ, съ Николаемъ Милютинымъ, Кавелинъ вошелъ затѣмъ въ кружокъ Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ около одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, посланныхъ судьбою Россіи, послужившей новому отечеству всѣми силами своей возвышенной души, группировались люди, вынесшіе потомъ на плечахъ крестьянскую реформу. Взаимное общеніе ихъ съ Кавелинымъ не могло пройти безслѣдно—и онъ имѣлъ счастіе увидѣть возможность осуществленія своихъ благородныхъ мечтаній и повліять на активныя работы по реформѣ 19 февраля, запиской «о новыхъ условіяхъ сельскаго быта».

Когда зимою 1861 года былъ закрытъ Петербургскій Университетъ, Кавелинъ открылъ курсъ публичныхъ лекцій гражданскаго права въ зданіи Думы, временно преобразовавшемся въ свободный Университетъ. Я помню эти лекціи, и оживленную толпу молодежи и одушевленное лицо профессора, говорившаго взволнованнымъ голосомъ о нравственномъ и юридическомъ значеніи совершившейся реформы и призывавшаго всѣхъ къ дружному единенію въ успѣшномъ осуществленіи великихъ начинаній, ознаменовавшихъ новое царствованіе. Мысль о лучшемъ устройствѣ сельскаго быта не покидала его никогда, то выражаясь горячимъ и непримиримымъ негодованіемъ противъ тѣхъ, кто тормозилъ и искажалъ правильное осуществленіе и развитіе началъ, положенныхъ въ основу освобожденія крестьянъ, — то проявляясь въ рядѣ глубоко продуманныхъ и, такъ сказать, задушевныхъ трудовъ, каковы «Общинное владѣніе», «Поземельная община въ древней и новой Россіи», «Крестьянскій вопросъ» и др.

Кавелинъ—историкъ, публицистъ и общественный дѣятель—нѣсколько заслоняетъ цивилиста, изслѣдователя и знатока гражданскаго права. Но почтенные, полные оригинальной мысли и смѣлаго почина, труды его на этомъ поприщѣ всегда найдутъ себѣ заслуженную и благодарную оцѣнку у всѣхъ серьезныхъ юристовъ. Еще въ 1841 г. обратила на себя общее вниманіе его статья «О теоріяхъ владѣнія», въ которой онъ примкнулъ ко взглядамъ философско-юридической школы, представителемъ которой былъ знаменитый Гансъ. За нею слѣдовалъ рядъ цѣнныхъ и глубокихъ изслѣдованій изъ области гражданскаго права и судопроизводства. Уже въ послѣдніе годы своей жизни онъ издалъ изслѣдованія подъ названіемъ: «Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ», «Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія» и «Очеркъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза». Въ каждомъ изъ нихъ, устанавливая новые взгляды на объемъ и самое содержаніе гражданскаго права, онъ будитъ юридическую мысль и даетъ ей новую пищу. Онъ готовился также выступить горячимъ борцомъ противъ того, что онъ называлъ «приказнымъ» складомъ нашихъ новыхъ судовъ,—противъ безжизненной формалистики, которая начинала закрадываться въ нашу мировую практику... И уголовный процессъ обратилъ на себя его разностороннее вниманіе. Отбывъ тягостную сессію въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, онъ написалъ предсѣдателю суда письмо, содержащее въ себѣ много цѣнныхъ и глубокихъ замѣчаній о недостаткахъ нашего уголовнаго закона, вставленнаго въ чуждыя

жизни условныя рамки. Послѣднимъ трудомъ его, какъ юриста, была записка «О вотчинныхъ правахъ», представленная въ коммиссію по начертанію новаго гражданскаго уложенія, оконченная за двѣ недѣли до смерти...

Изданіе полнаго собранія сочиненій Кавелина даетъ нынѣ право ожидать подробной и систематической его біографіи. Это былъ бы благодарный и полезный трудъ. Исторія жизни такихъ людей, 'какъ Кавелинъ — во многихъ отношеніяхъ есть исторія современнаго имъ общества. Пора съ богатыми матеріалами въ рукахъ начать говорить о его жизни, о его работахъ, пора представить въ связной картинѣ каждый трудовой годъ этого пахаря на нивѣ русскаго просвѣщенія и развитія. Пусть чья-нибудь талантливая рука начертитъ его образъ во всѣхъ подробностяхъ и передастъ читателю о его юныхъ годахъ, озаренныхъ уроками Бѣлинскаго, о его первыхъ шагахъ на ученомъ поприщѣ, о его вступленіи въ кружокъ — незабвенный и единственный въ своемъ родѣ — кружокъ Грановскаго, Кудрявцева, Бѣлинскаго и Герцена, куда недавній ученикъ и восторженный поклонникъ вошелъ, какъ равный по праву ума, таланта и знанія. Пусть будущій біографъ разскажетъ, какъ, не будучи, по старому русскому выраженію, «духомъ перегибателенъ», Кавелинъ не остался въ сторонѣ, замкнувшись въ себя и въ свое офиціальное дѣло, при одной домашней исторіи московскихъ профессоровъ, и возставъ на несогласную съ его убѣжденіями терпимость къ неприглядному житейскому явленію, вышелъ въ отставку. Пусть остановится онъ съ любовью на 1857 годѣ, который снова призвалъ Кавелина на каѳедру въ Петербургъ и далъ ему кромѣ слушателей студентовъ, еще одного, юнаго, надъ царственной головою котораго вились самыя свѣтлыя надежды. Обратясь къ носившемуся тогда надъ Россіею, какъ благовѣстъ съ высоты престола, призыву совлечь съ себя «иго рабства», этотъ біографъ долженъ будетъ указать на горячую и благородную дѣятельность Кавелина по отношенію къ вопросу освобожденія крестьянъ, о которой мы говорили, — указать на его рѣчь на извѣстномъ московскомъ обѣдѣ 28-го декабря 1857 г., въ которой такъ ясно и возвышенно опредѣлена культурно-историческая задача дворянства, и на его знаменитую, упомянутую выше записку, гдѣ, безъ колебаній и недомолвокъ, съ трезвою рѣшительностью была впервые категорически выражена мысль о необходимости свободы *съ надѣломъ,* — мысль, возбудившая гоненіе на автора и осуществленная однако чрезъ два года, какъ неизбѣжный исходъ... И долгіе годы со времени вторичнаго оставленія имъ

каѳедры до самой кончины дадутъ богатый матеріалъ біографу для изображенія того, какъ этотъ выдающійся человѣкъ, поставленный въ самую скромную служебную обстановку, умѣлъ всецѣло, словомъ и дѣломъ, служить родинѣ, во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ организаціи и измѣненія ея внутренняго строя и сѣять «разумное, доброе, вѣчное», то какъ изслѣдователь народнаго быта, то какъ юристъ, то какъ мыслитель и тонкій мастеръ слова. Глубина его знаній, блескъ его ума и способность отдаваться всякому предпринятому труду всѣмъ своимъ существомъ проявятся ярко и выпукло при серьезномъ разборѣ его сочиненій.

Послѣдній годъ своей жизни Кавелинъ проводилъ также бодро, какъ и предшествовавшіе. Ему было 66 лѣтъ (онъ родился въ 1818 году въ одинъ годъ съ Императоромъ Александромъ II, Тургеневымъ и Николаемъ Милютинымъ), но здоровый въ существѣ своемъ и крѣпкій огранизмъ мало поддавался вліянію старости. А душа — оставалась молода и воспріимчива, какъ будто для нея время пріостановило свой полетъ. Казалось, что ему суждено еще долго свѣтить обществу и грѣть окружающихъ. Но именно такія-то натуры и надламываются сразу... 22 апрѣля 1885 г. онъ простудился, посидѣвъ на скамейкѣ Румянцевскаго садика и не замѣчая, въ оживленной бесѣдѣ съ покойнымъ профессоромъ Градовскимъ, пронизывающаго вѣтра коварной петербургской весны. Началось воспаленіе легкихъ и вскорѣ сильный бредъ указалъ на надвигающуюся смерть. Но и въ предсмертномъ бреду его осаждали представленія общественнаго свойства, а приходя въ себя, онъ спрашивалъ: «что политика?» и возвращался къ тревожившей его мысли о выходѣ Россіи изъ англо-русскаго конфликта безъ ущерба для ея національнаго достоинства. 3-го мая, несмотря на старанія лучшихъ врачей и нѣжный уходъ близкихъ, одинмъ изъ благороднѣйшихъ и глубоко просвѣщенныхъ русскихъ людей стало меньше. Жизнь, полная труда, безупречная по своей чистотѣ, богатая по своему вліянію, прекратилась. На краю его могилы сошлись представители разнообразныхъ слоевъ общества, люди разныхъ положеній и, что главное, разныхъ, раздѣленныхъ десятками лѣтъ поколѣній. И старый, близкій, въ свою очердь, къ концу «человѣкъ сороковыхъ годовъ», и бывшій петербургскій студентъ начала «шестидесятыхъ годовъ», и мировой посредникъ «перваго призыва», и военный юристъ «восьмидесятыхъ годовъ» и писатель, и ученый, и художникъ и бѣднякъ изъ Андреевскаго прихода пришли внушительной процессіею, пестрою по составнымъ частямъ, единой по чувству, предать землѣ его прахъ. И въ томъ,

что каждый изъ нихъ, независимо отъ сознанія общей утраты, могъ по своему лично скорбѣть о Кавелинѣ и вспоминать о немъ, какъ объ учителѣ, совѣтникѣ, другѣ, помощникѣ — выразилась особенность его незабвенной для знавшихъ его личности.

Эта смерть причинила невознаградимую потерю всему русскому обществу. Въ полномъ обладаніи умственныхъ и нравственныхъ силъ сошелъ въ могилу одинъ изъ его лучшихъ представителей. Онъ разстался съ жизнью въ то время, когда его вѣское слово и цѣльный характеръ еще могли бы не разъ послужить и благотворнымъ примѣромъ, и высокимъ нравственнымъ поученіемъ... Но еще бо̀льшій ударъ былъ нанесенъ его отходомъ кругу его старыхъ друзей. Замолкла въ немъ навсегда живая рѣчь и задушевный смѣхъ Кавелина,—прекратились оживленные споры и дружескія, шутливыя пререканія... У тѣхъ, кто встрѣчалъ Кавелина въ послѣдніе годы его жизни въ кругу его друзей, никогда не изгладится въ сердцѣ симпатичный образъ старика, полнаго юношеской энергіи и молодости мысли и чувства. И теперь оканчивая эти строки, я невольно вспоминаю Кавелина въ декабрѣ 1877 года, вечеромъ, въ день похоронъ Некрасова. Большой поклонникъ покойнаго поэта, любившій его «за каплю крови общую съ народомъ», онъ умѣлъ такъ настроить и направить довольно многочисленный кружокъ, что весь вечеръ всецѣло былъ посвященъ памяти усопшаго— и всѣ, въ растроганномъ настроеніи, внимали, какъ Кавелинъ съ влажными глазами и слегка дрожащимъ голосомъ читалъ «Тишину» и «Несчастныхъ»... Или вспоминается одинъ споръ,—горячій споръ о любимыхъ поэтахъ — между нимъ и Тургеневымъ въ послѣдній его пріѣздъ. Тургеневъ преклонялся предъ Пушкинымъ, какъ Кавелинъ предъ Петромъ, и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво ограждая его отъ сопоставленія наравнѣ съ Лермонтовымъ, котораго, въ свою очередь, чрезвычайно любилъ и ставилъ на большую высоту Кавелинъ, имѣвшій, къ слову сказать, въ своихъ жилахъ общую съ нимъ шотландскую кровь. Давно ожиданный и отчасти даже подготовленный споръ возгорѣлся и доставилъ слушателямъ высокое, несравненное и неповторяемое наслажденіе... Оба противника остались при своемъ — и разошлись усталые, взволнованные, пожавъ другъ другу руку въ послѣдній разъ...

Они встрѣтились за одною общею могильною оградою, въ сѣромъ, сыромъ и уныломъ пантеонѣ русскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, именуемомъ Волковымъ кладбищемъ. Рядомъ съ тонкимъ художникомъ, всю жизнь проводившимъ просвѣтитель-

ныя идеи, успокоился неустанный боецъ за эти же идеи, до конца не сложившій оружія живого слова и науки. Оба они много послужили своей странѣ,—оба горячо вѣрили въ ея свѣтлое, счастливое будущее... Хотѣлось бы надѣяться, что настанетъ время, когда представители будущихъ поколѣній, придя поклониться ихъ могиламъ, будутъ имѣть право сказать: ваша вѣра не обманула васъ!..

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВИЧА ГРАДОВСКАГО.

(Рѣчи въ засѣданіяхъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества—18 ноября 1899 года и 4 декабря 1899 г.).

Мм. гг.! Мы выслушали рядъ рѣчей, посвященныхъ дѣятельности Александра Дмитріевича Градовскаго, скончавшагося 6-го ноября. Онъ освѣщенъ предъ нами и какъ ученый, и какъ учитель,—учитель молодежи въ качествѣ профессора,—учитель общества въ качествѣ публициста. Всѣ стороны его плодотворной трудовой жизни разсмотрѣны. Остается соединиться въ одномъ общемъ чувствѣ къ усопшему и разойтись, унося съ собою вновь освѣженное представленіе объ его заслугахъ. Но желаніе еще вызвать разъ предъ вами его привлекательный образъ,—желаніе еще хоть немного побыть съ нимъ и продлить настоящее *послѣднее* разставаніе—слишкомъ соблазнительно! Да послужитъ оно мнѣ извиненіемъ, если я задержу васъ еще на нѣсколько минутъ.

Мнѣ хочется сказать о немъ не какъ объ ученомъ и спеціалистѣ, а какъ о человѣкѣ вообще,—какимъ онъ представлялся тѣмъ, кто имѣлъ честь знать его лично, кто имѣлъ радость пользоваться его дружбою. Отрывая отъ его безвременной могилы невольно прикованный къ ней мысленный взоръ и переносясь за немного лѣтъ назадъ, я вижу его бодраго, высокаго, хотя нѣсколько сгорбленнаго, съ живыми темными глазами на выразительномъ, смугломъ лицѣ, съ мягкою улыбкою подъ большими украинскими усами; я слышу его прерывистую, горячую рѣчь и его

добродушный, тихій смѣхъ, и невольно вспоминается мнѣ стихъ напрасно забываемаго поэта, обращенный къ памяти перваго русскаго критика: «упорствуя, волнуясь и спѣша!..» Эти слова такъ примѣнимы и къ Градовскому... Да! упорствуя, волнуясь и спѣша прожилъ онъ свой недолгій вѣкъ,—упорствуя и волнуясь поспѣшилъ онъ дойти до своей ранней могилы. И личная его жизнь, и общественная его дѣятельность характеризуются этими словами. При первой встрѣчѣ, при первой бесѣдѣ съ нимъ было видно, что это человѣкъ не только умный, очень умный,—но человѣкъ, выдающійся въ смыслѣ духовнаго развитія. Мы слишкомъ часто раздаемъ эпитеты *умныхъ* людей, мы такъ щедры на нихъ, что одной ссылки на умъ становится уже мало для опредѣленія личности. Да и что такое умъ самъ по себѣ? Оружіе, средство, одинаково пригодное для достиженія всякихъ цѣлей—и высокихъ, и низменныхъ,—хорошо отточенный ножъ, необходимый, чтобы рѣзать хлѣбъ на мирной семейной трапезѣ, и нужный для успѣха разбоя на глухой лѣсной дорогѣ. Поэтому *умный* человѣкъ значитъ лишь—человѣкъ, *хорошо вооруженный*. Въ сущности, такой человѣкъ—величина несомнѣнная, но величина неопредѣленная, загадочная, до тѣхъ поръ, пока не дано уразумѣть тѣхъ внутреннихъ стремленій, которымъ служитъ его умъ.

Градовскій всегда былъ доступенъ изученію съ этой стороны, и его больное, сведшее его въ могилу, сердце было чуждо мелочныхъ и узкихъ интересовъ. Оно билось въ груди неизмѣннаго идеалиста, душевныя силы котораго до конца были направлены на служеніе началамъ нравственнаго развитія и справедливости. Его идеализмъ не былъ безпочвеннымъ и отвлеченнымъ, хотя и возвышеннымъ идеализмомъ сороковыхъ годовъ. Идеализмъ Градовскаго черпалъ силы и опору для своего существованія и для предъявленія нравственныхъ требованій въ реальныхъ условіяхъ и задачахъ той жизни, въ которую онъ вступилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Это время было ознаменовано великими реформами, обновившими нашъ общественный бытъ. Въ основѣ ихъ лежало глубокое довѣріе къ духовнымъ силамъ русскаго народа, къ его воспріимчивой способности къ совершенствованію. Оно свѣтитъ изъ этихъ реформъ чистымъ благотворнымъ лучомъ. Этому чувству довѣрія остался до конца своей жизни вѣренъ Градовскій. Онъ не закрывалъ глазъ на нѣкоторыя частичныя неудачи или погрѣшности обширныхъ преобразованій, но онъ упорно вѣрилъ въ благотворность началъ, положенныхъ во «главу угла» ихъ. Онъ ясно сознавалъ и неоднократно, въ разныхъ формахъ, настойчиво выражалъ, что пре-

образованія эти наложили на образованное общество русское великія и отвѣтственныя нравственныя обязанности. Только усерднымъ служеніемъ родинѣ «въ великомъ государевомъ дѣлѣ», какъ выражались въ старину, только принесеніемъ личныхъ выгодъ въ жертву нуждамъ государства, только искреннимъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни, уваженіемъ къ закону и къ человѣческому достоинству можно было оправдать довѣріе, которымъ были проникнуты преобразованія, можно было дать на него требуемый отвѣтъ. Но нельзя обладать свойствами, необходимыми для такого служенія, не имѣя идеаловъ, не испытывая «sursum corda!» Такого «sursum corda» требовалъ Градовскій и отъ цѣлаго общества, и отъ отдѣльныхъ дѣятелей.

Знатокъ народнаго быта, вдумавшійся во внутренній смыслъ кажущейся безформенности народной жизни, Градовскій глубоко вѣрилъ въ массу русскаго народа, въ его корень, походя въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, на Кавелина. Его тревожилъ всякій упадокъ или отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, которое должно просвѣщать и непосредственно руководить народъ. Онъ часто выражалъ желаніе, чтобы государственная власть, держа «честно и грозно» знамя истиннаго національнаго достоинства и неуклонно ведя народъ къ ясно сознаннымъ цѣлямъ его историческаго призванія, могла опираться въ своемъ трудѣ на общество, которое не погрязаетъ въ тинѣ ежедневныхъ мелочей, не отдается своекорыстно и близоруко злобѣ дня нынѣшняго,—ничтожной выгодѣ дня завтрашняго. И онъ упорно проповѣдывалъ необходимость идеаловъ во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни. Увлекающійся и впечатлительный, онъ горячо привѣтствовалъ все, что намекало на ихъ существованіе. Въ этомъ отношеніи онъ высказался и проявилъ себя особенно ярко въ срединѣ семидесятыхъ годовъ. Когда въ нашемъ обществѣ съ особою силою пробудились симпатіи къ угнетеннымъ славянскимъ народностямъ, Градовскій съ жаромъ примкнулъ къ движенію общественнаго чувства и прочелъ двѣ лекціи въ пользу славянъ балканскаго полуострова, привлекшія многочисленную публику. Лекціи имѣли предметомъ значеніе идеала въ общественной жизни и были посвящены памяти Юрія Ѳедоровича Самарина. Оканчивая послѣднюю изъ нихъ и съ грустью озираясь на громкія фразы, прикрывавшія скудное нравственное содержаніе общественной мысли въ предшествовавшія пять-шесть лѣтъ, Градовскій говорилъ: «Наше время принято называть переходнымъ. Это слово для значительной части русскаго общества является источникомъ всяческихъ утѣшеній и, что самое главное, средствомъ

объясненія многихъ современныхъ явленій. Нужно ли объяснить путаницу понятій, отсутствіе строго опредѣленной системы, упадокъ литературы, апатію, страсть къ матеріальнымъ утѣхамъ— объясненіе готово: мы живемъ въ переходное время. Умъ колеблется между тѣмъ, что̀ проходитъ, и другимъ, что еще виднѣется вдали. Негдѣ образоваться твердому убѣжденію, негдѣ сложиться непреклонному характеру».—Но оживленіе, охватившее общество предъ восточною войною, восхищало его. Онъ видѣлъ въ немъ симптомъ здороваго состоянія общества и возрожденія въ немъ идеаловъ. «Стану ли говорить—заключилъ онъ послѣднюю лекцію—о мотивахъ, вызвавшихъ это движеніе? Стану ли говорить объ этомъ взрывѣ всѣхъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ, о негодованіи на вѣковую неправду, о самоотверженіи, о крови нашихъ соотечественниковъ, пролитой въ защиту праваго дѣла, о добровольномъ налогѣ въ пользу славянъ, принятомъ на себя нашимъ обществомъ, о пожертвованіяхъ, гдѣ сотенныя бумажки богатыхъ сходились съ грошами крестьянскими, объ этомъ единодушіи, обратившемъ дѣло славянское въ русское, земское дѣло? Хвалить народовъ нельзя—они сами знаютъ себѣ цѣну. Но нельзя не придти къ убѣжденію, что въ этомъ движеніи—залогъ нашего *внутренняго* развитія. Кто разъ принималъ участіе въ великихъ національныхъ движеніяхъ, кто переживалъ великія минуты, тотъ возвратится къ своей «злобѣ дня» не прежнимъ человѣкомъ, а человѣкомъ просвѣтленнымъ и нравственно обновленнымъ.» Ему казалось, что «закоснѣлое безпутство» и «бездушная суета» громаднаго города, о которыхъ упоминается въ цитированныхъ на этихъ лекціяхъ стихахъ Полонскаго, миновали на долго, смѣнившись лучшими явленіями высшаго порядка...

Въ бесѣдахъ и въ письмахъ этого времени Градовскій былъ крайне оживленъ. Позвольте прочесть вамъ отрывки изъ его писемъ ко мнѣ, въ которыхъ такъ сказывается и его настроеніе того времени, и оригинальность его взглядовъ и способовъ выраженія. «Я перевожу здѣсь духъ, — пишетъ онъ изъ Вильны въ началѣ іюня 1877 года, — за постройками и за изученіемъ разныхъ философій. Переходъ отъ воздвигающагося балкона къ системѣ Локка вовсе не такъ труденъ и даже пріятенъ. Мнѣ уже виднѣются очертанія новаго курса, который я намѣренъ читать въ университетѣ по иному плану. Въ нынѣшнее время стоитъ работать:—опытъ показываетъ, что двадцать лѣтъ нашей внутренней работы не пропали даромъ. Всѣ общественныя и личныя печальныя явленія, о коихъ приходилось грустить, оказались не нашимъ «существомъ»,

а наростомъ, которому суждено свалиться послѣ развитія живыхъ силъ. А вотъ онѣ гдѣ—эти живыя силы! Вчера я присутствовалъ при отправленіи большой партіи безсрочноотпускныхъ. Какое спокойствіе, какая увѣренность въ своихъ силахъ! Хвастовства никакого, но полное убѣжденіе, что турка *нельзя* не побѣдить. Иной кичится или потому, что обманывается въ своихъ собственныхъ силахъ, или потому что хочетъ надуть другихъ. Тутъ ни того, ни другаго. Нашъ солдатъ просто вѣритъ въ нѣкоторое разъ установленное отношеніе вещей, а по этому «отношенію» выходитъ, что турокъ, угнетающій славянъ, будетъ побитъ, потому «невозможно». Солдаты разсѣлись въ вагоны очень чинно и аккуратно, поѣздъ тихо тронулся, а изъ вагоннаго окна раздались звуки гармоники. Точно на работу отправляется этотъ народъ, на работу мирную и безопасную, а не на убійственную войну. Нѣкоторые солдаты говорили, правда:—«прощайте, Богъ знаетъ свидимся-ли?». Но вѣдь русскій человѣкъ, особенно рабочій, всегда говоритъ это «Богъ знаетъ». Привыкъ онъ ко всякой напасти. Идетъ-ли строить желѣзную дорогу—Богъ знаетъ, вернется-ли; отправляется-ли на косовицу въ далекія степи—Богъ знаетъ, не умретъ-ли отъ холеры или отъ тифа; мостъ-ли строитъ—Богъ знаетъ, не утонетъ-ли, благодаря находчивости инженеровъ. Такой неувѣренности въ своей *личной* судьбѣ вы ни найдете ни въ одномъ народѣ. Англичанинъ или нѣмецъ вѣритъ въ будущее своего народа потому, что прежде всего вѣритъ въ себя. Русскій человѣкъ себя ставитъ ни во что. Всѣ подъ Богомъ ходимъ и каждаго ежечасно пришибить можетъ. Но всю свою вѣру и надежду онъ переноситъ *на міръ* и *государство*. Чего ужъ міръ захочетъ, тому нельзя не быть. Этимъ и объясняется сочетаніе двухъ противуположныхъ, повидимому, явленій. Съ одной стороны, простой русскій человѣкъ считаетъ свой народъ первымъ въ свѣтѣ и серьезно полагаетъ, что всякій народъ, противящійся его государству и «мірскому приговору», бунтуетъ и пропадетъ, какъ бунтовщикъ. Но затѣмъ, взятый отдѣльно, онъ удивительно мягко относится къ иноземцамъ и, предоставляя право быть гордымъ своему государству, остается человѣкомъ во всѣхъ человѣческихъ, т. е. во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ». Вѣра въ нравственное улучшеніе общества, выразившееся, по мнѣнію Александра Дмитріевича, въ подъемѣ духа по поводу войны, не покидала его. «Живется пока и холодно, и тоскливо,—пишетъ онъ 14-го іюня того же года,—холодно, потому что вездѣ холодно, а тоскливо, потому что политическое (т. е. военное) затишье съ нашей стороны и гибель черногорцевъ

съ другой просто спать не даютъ. Когда же наконецъ суждено намъ будетъ перейти Дунай? Когда отвлечемъ мы турецкія полчища отъ несчастной Черногоріи? Вѣдь черногорцы намъ родные братья, а не двоюродные! Одно утѣшеніе—общество наше не то, что было въ Крымскую войну. Сколько энтузіазма, доблести и честности! Боюсь только, чтобы дипломатія не подточила этого движенія!» Тяжкія минуты плевненскихъ неудачъ не смутили Градовскаго въ его вѣрѣ въ силу русскаго народа. «Плевна и груда нашихъ труповъ,—пишетъ онъ 1-го августа 1877 г.—вещь прескверная, но не только не рѣшающая дѣла, но даже и не опасная. Вся эта исторія нисколько не говоритъ ни противъ общаго плана кампаніи, ни противъ достоинства арміи. Османъ-паша—отличный тактикъ и совершилъ блистательную, въ тактическомъ отношеніи, штуку. Но тактика, сама по себѣ взятая, не рѣшаетъ судьбы государства и историческихъ вопросовъ. Мы добьемся своего, потому что за насъ исторія и наша нравственная сила, которая не рухнула же и не можетъ рухнуть подъ Плевной. Вотъ что подсказываетъ мнѣ холодное разсужденіе сквозь всѣ слезы и вздохи по поводу убитыхъ, по поводу дорогихъ страдальцевъ нашихъ. Разумъ беретъ свое. Не *надежда*, замѣтьте, а именно разумъ, ясное, безусловное пониманіе истиннаго положенія вещей. Скажу больше. Пораженіе подъ Плевной (abstraction faite отъ убитыхъ, для которыхъ нѣтъ достаточно слезъ) имѣетъ хорошую сторону. Рядъ дешевыхъ и быстрыхъ побѣдъ привелъ бы насъ, быть можетъ, къ дешевому, легкомысленному и поверхностному миру. А теперь нужно забирать поглубже и не уходить изъ Турціи, пока *все* не будетъ кончено, какъ слѣдуетъ и славяне не вздохнутъ свободно Это не оптимизмъ, а простая логика...»

Таковъ былъ Градовскій во время наибольшаго увлеченія своего восточною войною. Каковъ онъ былъ во время и послѣ берлинскаго конгресса, можетъ себѣ представить всякій, кто хоть немного его зналъ... Его умъ, живой и чуткій, не могъ примириться съ своеобразнымъ судомъ надъ побѣдителемъ, съ превращеніемъ знаменитаго «vae victis»! въ злорадное «vae victoribus!» Его сердце возставало противъ холодной дипломатической перекройки того, что заработано было рѣками крови и трудового пота русскаго человѣка. Въ это именно время, если я не ошибаюсь, онъ горячо отдался идеѣ добровольнаго флота и участвовалъ, въ Москвѣ, въ первыхъ попыткахъ провести ее въ жизнь. Хотя несоотвѣтствіе внѣшнихъ результатовъ войны съ принесенными жертвами и быстрое обращеніе общества къ прежнимъ мелочнымъ и эгоистическимъ интересамъ и оставили въ Градовскомъ чувство глубокаго разочарованія,

но его вѣра въ призваніе, въ нравственную силу народа—только окрѣпла отъ созерцанія того, что пережилъ, вынесъ и совершилъ русскій человѣкъ въ эти мѣсяцы борьбы, за которой съ трепетомъ слѣдила вся Россія. Среди насмѣшливаго скептицизма и холоднаго равнодушія, смѣнившихъ недавній энтузіазмъ, онъ остался упорнымъ консерваторомъ, который, порицая, иногда очень горячо отдѣльную личность или правительственную мѣру, отдѣльное общественное или бытовое явленіе,—никогда не колебался въ томъ, во что онъ увѣровалъ по отношенію къ свойствамъ цѣлаго народа.

Отвлеченные вопросы науки, разрѣшаемые внѣ условій мѣста и времени, вопросы чистаго искусства—мало занимали его, по крайней мѣрѣ, въ частной бесѣдѣ. Эта бесѣда—веселая, остроумная и живая—всегда былъ направлена на практическіе вопросы народной и общественной жизни, всегда отражала на себѣ горячую заботу и тревогу о счастьи родины. Къ родинѣ Градовскій приросъ всѣми корнями души, о ней говорилъ онъ постоянно, то серьезнымъ тономъ мыслителя, то съ любящимъ юморомъ, слегка задыхаясь и смѣясь глазами.—Я посѣтилъ его четыре мѣсяца назадъ въ горныхъ окрестностяхъ Гейдельберга. Тяжкій недугъ приковалъ его къ креслу; грудь, истомленная долгими страданіями, дышала трудно и прерывисто,—вокругъ него чуялось вѣяніе смерти,—она коснулась его концомъ крыла и унесла навсегда живую краску лица и блескъ умныхъ глазъ. Предъ нимъ разстилалась чудная, полная жизни и труда, равнина, залитая солнцемъ, но мысли его неудержимо уносились въ далекую Русь и любовно воскрешали ея сѣрыя картины, заставляя то переживать прошлое, то пытливо заглядывать въ будущее. Все, для него лично близкое и дорогое, было съ нимъ, окружало его,—но самъ онъ стремился всѣми силами домой, туда, гдѣ витали его думы, гдѣ осталось его дѣло...

Онъ жилъ, волнуясь,—онъ никогда не былъ спокоенъ. Тихое, подчасъ сонное равновѣсіе впечатлѣній и ощущеній было ему совершенно чуждо. Постоянно увлекаясь чѣмъ или кѣмъ нибудь, тревожно относясь къ вопросамъ общественнымъ, онъ не умѣлъ равнодушно и объективно относиться ни къ чему яркому, цѣльному или живому. Эти увлеченія ставились ему нерѣдко въ вину. Иныхъ поражали порывы Градовскаго, его «влюбчивость» въ людей иногда совершенно различныхъ лагерей. «Можно ли, говорили они, быть поклонникомъ Петра и его преобразованій и въ то же время любить Аксакова и восторгаться Юріемъ Самаринымъ,—быть знатокомъ и толкователемъ западно-европейской науки и «носиться» съ статьями Н. Я. Данилевскаго, вошедшими

впослѣдствіи въ книгу «Россія и Европа» и т. д.?» Они забывали, что для воспріимчивой и умственно-широкой природы покойнаго—содержаніе человѣка, его искренность, его оригинальность—шли далеко впереди того ярлыка, который часто произвольно и непродуманно наклеенъ на него молвою или односторонними противниками. Градовскій сознавалъ справедливость словъ Фауста, что «Gefühl ist Alles,—Name ist Schall und Rauch» и тепло относился ко всякой личности безъ различія лагерей,—если ему только казалось, въ данный моментъ, что она проводитъ въ жизнь то, что «есть на потребу». Всякій оттѣнокъ идеализма подкупалъ его и иногда вводилъ въ заблужденіе относительно цѣлесообразности той или другой системы, того или другого взгляда на общественныя отношенія. Но чистые и строгіе принципы Градовскаго оставались нетронутыми и при этомъ изысканіи для нихъ наиболѣе жизненнаго примѣненія. Онъ измѣнялъ взглядъ на пути, но отправная точка и идеальная цѣль всегда оставались у него неизмѣнными. Эти колебанія, эти увлеченія свѣтлыми сторонами въ чуждыхъ другъ другу явленіяхъ и въ людяхъ разныхъ направленій были проявленіемъ его волнующейся души. Простой, прозаическій человѣкъ легче и вѣрнѣе становится законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ человѣкъ съ большими способностями,—ему и легче дается поверхностное дѣленіе другихъ на «эллиновъ и іудеевъ».

Но въ не однихъ увлеченіяхъ упрекали и, быть можетъ, еще упрекнутъ Градовскаго. Въ его сдержанности съ малознакомыми людьми, въ его строгости на экзаменахъ склонны были видѣть отсутствіе искренности и сердечности. Простой и откровенный въ бесѣдахъ съ тѣми, кого онъ зналъ, онъ дѣйствительно бывалъ замкнутъ въ себѣ съ людьми новыми или чужими. Но не былъ ли онъ правъ, не пуская къ себѣ въ душу всякаго мимо идущаго? Внутренній міръ человѣка,—«святая святыхъ» его души—не можетъ, не долженъ быть отверстъ для всякаго, кому изъ празднаго любопытства захочется туда заглянуть,—съ тѣмъ, быть можетъ, чтобы затѣмъ съ глупымъ или злораднымъ смѣхомъ потѣшать другихъ разсказами о затаенныхъ страданіяхъ, о дѣтскихъ вѣрованіяхъ, о трепетныхъ надеждахъ, найденныхъ тамъ... въ глубинѣ... Для тѣхъ, кто близко зналъ Градовскаго упрекъ въ отсутствіи сердечности покажется смѣшнымъ. Это былъ человѣкъ несомнѣнно добрый, но чуждый сентиментальности. У насъ же обыкновенно за доброту принимаютъ именно сентиментальность, относящуюся часто черство къ дѣйствительному страданію, имѣющему полное право на участіе, и слезливо къ тому, что нравственно уродливо и болѣзненно. По этой причинѣ онъ не былъ «сердеченъ» и на эк-

заменахъ и, видя въ экзаменующемся будущаго дѣятеля жизни, за котораго онъ, какъ учитель, нравственно отвѣтственъ предъ родиной,—требовалъ отъ него строго и настойчиво необходимыхъ для этого знаній... Онъ былъ, какъ говорятъ, даже *очень* требователенъ на экзаменахъ,—но многочисленные ученики его могутъ засвидѣтельствовать громче моего о полномъ участія отношеніи его къ ихъ дальнѣйшимъ шагамъ на ученомъ и жизненномъ поприщѣ, объ его готовности научить, помочь, облегчить...

Я говорилъ, что Градовскій *спѣшилъ* жить, спѣшилъ наполнить свои дни содержаніемъ и трудомъ въ ущербъ ихъ продолжительности. Обширные томы его ученыхъ работъ, непрерывные годы труда на каѳедрѣ въ Университетѣ и въ Лицеѣ свидѣтельствуютъ объ упорномъ напряженіи его физическихъ и умственныхъ силъ. Другіе сказали вамъ, милостивые государи, вѣское и краснорѣчивое слово о достоинствѣ того, что сдѣлалъ Градовскій для науки, о глубинѣ его самостоятельныхъ изслѣдованій, объ оригинальной разработкѣ имъ и систематизаціи накопленнаго другими ученаго матеріала. Еще Беконъ замѣтилъ, что есть два рода ученыхъ: одни набираютъ матеріалъ, какъ муравьи, другіе распредѣляютъ его, какъ пчелы. Но покойный былъ одновременно и муравьемъ, и пчелою, и то, что набралъ и распредѣлилъ онъ, навсегда займетъ почетное мѣсто въ русской наукѣ. Человѣкъ живой, онъ не могъ, однако, не умѣлъ и не хотѣлъ замкнуться въ рамки своей ученой дѣятельности. Его манила другая арена, гдѣ возможно немедленное обсужденіе животрепещущихъ вопросовъ и запросовъ жизни, его манило волнующееся море журнальной дѣятельности. Каѳедра публициста представлялась ему не менѣе важною, чѣмъ та, на которую поставили его научныя заслуги. Онъ горячо отдавался возможности говорить съ обществомъ объ обществѣ и дѣлалъ это въ разнообразной формѣ, внося въ нее не только глубину мысли, всегда направленной къ нравственному идеалу, но и выдающійся талантъ. Кто слѣдилъ за его статьями, за его бесѣдами «Виленскаго жителя», за его полемикою, тотъ, конечно, помнитъ, сколько ума и остроты, знанія и образованности, сколько вылившихся изъ сердца красотъ и сравненій было разсѣяно въ этихъ строкахъ, написанныхъ красивымъ, мужественнымъ языкомъ. Но удовольствіе читать самого себя по всѣмъ выдающимся вопросамъ быстро текущей жизни — не дается даромъ. Это удовольствіе ядовитое. «Читатели,—говоритъ въ одной изъ своихъ статей Страховъ,—любующіеся хорошими писаніями, едва ли имѣютъ понятіе о томъ, какою дорогою цѣною нерѣдко покупаются всѣ эти мѣткіе взгляды, живыя и тонкія замѣчанія, весь этотъ пламень мысли, бѣгущій по строчкамъ».

Этотъ «пламень мысли» поддерживалъ и согрѣвалъ Градовскаго, но онъ же незамѣтно сожигалъ его и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣже, въ послѣдніе годы его жизни, ему приходилось вырываться наружу. Не одна публицистическая дѣятельность еще занимала Градовскаго и выводила его изъ рамокъ регулярнаго научнаго труда. Ему пришлось быть призваннымъ къ разнымъ законодательнымъ работамъ. Участіе его въ нихъ доставитъ интересный матеріалъ для будущаго его біографа. Мнѣ лично знакомы его интересные труды по разработкѣ вопросовъ желѣзно-дорожной политики въ извѣстной коммисіи графа Баранова, призванной къ упорядоченію нашего желѣзнодорожнаго дѣла начертаніемъ Общаго Устава желѣзныхъ дорогъ.

Вся эта разнообразная дѣятельность требовала большой траты силъ. Силъ у Градовскаго, съ его физически больнымъ сердцемъ, было немного, а способность страстно вкладывать въ каждое дѣло всю свою душу, конечно, не способствовала ихъ накопленію. Да и жизнь не щадила его и наносила ему не всегда видные для постороннихъ, но глубокіе удары. Впечатлительный, нервный и гордый, онъ съ трудомъ оправлялся отъ нихъ, хотя старался примириться съ ихъ неизбѣжными результатами и сохранить наружное спокойствіе. Но оно не обманывало дружескій глазъ, который видѣлъ, что въ немъ «Vivit sub pectore vulnus!» Стародавній недугъ сердца шелъ быстрыми шагами и «судьбой отсчитанные дни» оказывались отпущенными съ жестокою скупостью. Послѣдній годъ жизни Градовскаго былъ сплошною агоніею, безнадежною для окружающихъ борьбою его душевныхъ силъ съ грозно надвигавшеюся смертью. Пришлось оставить университетъ и, послѣ безплодныхъ и отяготительныхъ странствованій по Германіи, слечь въ Петербургѣ, чтобы уже больше не вставать. Печаленъ закатъ человѣка въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ, готовыхъ на плодотворную дѣятельность! Но на этотъ «закатъ печальный» блеснула, выражаясь словами поэта, «любовь улыбкою прощальной» и смягчила его горечь, и облегчила его боль... Пусть проститъ мнѣ это напоминаніе та, чье сердце растерзано его безвременною кончиною и истомлено годами заботъ и неумолкающихъ тревогъ, когда приходилось, безъ устали, съ нѣмымъ достоинствомъ скрываемой печали, заслонять его отъ смерти чуткимъ и нѣжнымъ уходомъ! Если сознаніе свято исполненнаго долга можетъ когда либо послужить ей утѣшительнымъ воспоминаніемъ, то это утѣшеніе будетъ ей дано тою «мѣрою полною, утрясенною», о которой говоритъ Евангеліе.

Многіе изъ насъ слышали на-дняхъ возглашеніе «вѣчной памяти» Александру Дмитріевичу. Но вѣчная память о физической

оболочкѣ человѣка не переживаетъ его современниковъ, а человѣчество проноситъ чрезъ вѣка память о личности лишь тѣхъ, кто поразилъ мысль современниковъ и потомства величіемъ своихъ дѣлъ, глубиною своихъ благодѣяній или ужасомъ своихъ злодѣйствъ. Для остальныхъ вѣчная память олицетворяется въ живучести, въ прочной высотѣ тѣхъ идей, тѣхъ началъ, которыми была проникнута ихъ дѣятельность. «Wer für die Besten seiner Zeit gelebt—der hat gelebt für alle Zeiten» говоритъ великій германскій поэтъ... Сегодня весь вечеръ говорилось о томъ, чему былъ вѣренъ во всю жизнь Градовскій, чему служилъ онъ всѣмъ сердцемъ, и можно быть увѣреннымъ, что «вѣчная память» о немъ не изсякнетъ, пока въ русскомъ обществѣ сохранится уваженіе въ наукѣ и человѣческому достоинству, и любовь къ роднинѣ и справедливости.

Пора кончить мои отрывочныя воспоминанія... Мнѣ приходятъ въ голову слова одного нѣмецкаго писателя, который, описывая Петербургъ, восклицаетъ: «Какъ можно жить въ городѣ, гдѣ улицы всегда мокры, а сердца—всегда сухи!?» Этотъ писатель не правъ... Былъ сѣрый, сырой, унылый день, когда мы сопровождали къ мѣсту послѣдняго упокоенія Александра Дмитріевича. Моросилъ дождикъ и туманъ окутывалъ насъ, застилая намъ глаза. Да! улицы были мокры... Но мы отнесли въ могилу не сухое сердце! Мы положили въ нее сердце благородное и любящее... и не одинъ туманъ застилалъ многимъ изъ насъ глаза. Да и не сухость сердца привела сегодня всѣхъ васъ, господа, на нашу словесную тризну по усопшемъ...

(4-го декабря 1899 года).

Десять лѣтъ назадъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины Александра Дмитріевича Градовскаго, мы собрались сюда, чтобы помянуть его горячимъ и благодарнымъ словомъ. Сегодня его имя соединяетъ насъ снова. Очевидно, что память о немъ и чувство горестной утраты, понесенной въ его лицѣ, сохранили всю свою живую силу. Но, быть можетъ, намъ будетъ повторенъ упрекъ, сдѣланный въ печати тоже десять лѣтъ назадъ. «Да!—сказали тогда всѣмъ намъ, пришедшимъ подѣлиться своими воспоминаніями о покойномъ,—такъ-то у насъ всегда: человѣкъ борется, страдаетъ, отвлекается отъ творческой работы, чтобы отвѣчать на злобныя измышленія или чтобы съ гнѣвнымъ и справедливымъ омерзеніемъ одиноко переживать клеветническія глумленія—и ни откуда не раз-

дается голоса въ его защиту, никто не выступитъ съ яркимъ изображеніемъ его заслугъ и нравственной высоты; однако стоитъ ему умереть и о немъ скажутъ все то искреннее и хорошее, что ему было бы такъ отрадно услышать при жизни, что придало бы ему бодрости и утѣшило его въ скорбныя минуты». Но такой упрекъ не будетъ справедливымъ. Между прижизненною защитою и посмертнымъ признаніемъ есть большая разница, и считать, что это одно и то-же по значенію и содержанію—значитъ очень ошибаться.

Большинство людей мыслитъ не логическими посылками и выводами, а образами. Представленіе о всемъ человѣкѣ и его дѣятельности, а не объ отдѣльномъ фактѣ изъ его жизни, не о томъ или другомъ его спеціальномъ трудѣ—тоже слагается въ опредѣленный образъ. Но такой образъ возникаетъ лишь послѣ смерти дѣятеля, когда онъ «свершитъ въ предѣлѣ земномъ—все земное», когда обрисуется вся его личность. Послѣ смерти — послѣдняя возстаетъ въ памяти гораздо цѣльнѣе, свободная отъ случайныхъ и преходящихъ осложненій, при чемъ и для злорадства клеветы, и для искательства лести исчезаетъ почва. Смерть соединяетъ съ усопшимъ болѣе, чѣмъ жизнь. Расторгнувъ земныя, матеріальныя отношенія, она сближаетъ съ нимъ оставшихся въ области духа. Ея призракъ властно заставляетъ одинаково прекратить по отношенію къ нему и постройку *своихъ* личныхъ расчетовъ, и сведеніе *своихъ* личныхъ счетовъ. Смерть представляетъ послѣдній, постепенно замолкающій или внезапно прерывающійся аккордъ жизни,—послѣднюю черту, оставляемую умирающимъ въ памяти близкихъ и знающихъ. Вотъ почему выдающійся общественный дѣятель или служитель науки, покидая земное поприще и взглянувъ на пройденный путь труда и страданій, иногда бываетъ въ правѣ сказать словами поэта: «мой образъ вылитъ—еще рѣзца послѣдній взмахъ, и твердо станетъ онъ въ вѣкахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, смерть, ударивъ по сердцамъ, пробудивъ заснувшее чувство благодарности и обостривъ личныя воспоминанія, заставляетъ раскрыться такія стороны ушедшаго, всплыть наружу такія невѣдомыя дотолѣ обстоятельства его жизни, о которыхъ умалчивала скромность однихъ, забывчивость другихъ. И благодаря этому *жизнь* его становится понятнѣе и ярче *послѣ смерти*. Съ этой стороны въ словахъ Евангелія: «аще не умретъ—не оживетъ», даже понимаемыхъ буквально, заключается глубокій смыслъ.

На ряду съ упрекомъ въ *запоздалости* чествованія, нашему собранію здѣсь могъ бы грозить и другой упрекъ: въ *излишкѣ* чествованія. Время вноситъ элементъ примиренія и забвенія, но оно же стираетъ яркія краски, наложенныя чувствомъ, и изъ-подъ

нихъ не рѣдко выступаетъ настоящая дѣйствительность, заслоненная вначалѣ «насъ возвышающимъ обманомъ». Подъ вліяніемъ смѣняющихся событій и взглядовъ, обнародованія разныхъ документовъ, раскрытія остававшихся безгласными сторонъ дѣятельности—первоначальный образъ горячо оплаканнаго человѣка тускнѣетъ, видоизмѣняется и пріобрѣтаетъ подчасъ весьма сомнительныя очертанія. И въ такихъ случаяхъ чествованіе памяти звучитъ диссонансомъ и рѣжетъ слухъ своею неискренностію или умышленными умолчаніями.

Александръ Дмитріевичъ Градовскій выходитъ изъ своего десятилѣтняго искуса побѣдителемъ. На ряду съ мыслью: «какъ горько, что его болѣе *нѣтъ*», въ душѣ звучитъ: «какъ хорошо, что *былъ*» и сокровища его ума и пламеннаго,—до боли, до самоистребленія,—сердца предстаютъ предъ нами снова и даже въ болѣе стройной картинѣ, чему способствуетъ также изданіе его трудовъ, приведенныхъ изъ прежней ихъ разбросанности въ строгую систему. Перечитывая ихъ, всматриваясь въ обогащенный новыми чертами образъ автора, исполненный дѣятельной любви къ общественному благу, хочется вѣрить въ лучшее будущее русскаго общества, когда идеалы, проникавшіе труды Градовскаго, станутъ дѣйствительностью. Тогда многія страницы изъ его сочиненій перестанутъ вѣщать о желательномъ *будущемъ*, а станутъ, нерѣдко, руководствомъ для разумнаго устройства *настоящаго*—и онъ самъ заговоритъ съ этихъ страницъ, какъ живой, какъ товарищъ, наставникъ и сотрудникъ. Поэтому—nolite flere: non est mortuus sed dormit! Дай только Богъ, чтобы этотъ сонъ длился не долго...

Сочиненія Градовскаго—трудъ огромный. Это монументальное зданіе, въ которомъ зодчій и практическій строитель слились во-едино. Одинъ начерталъ планъ и способы исполненія, обдумавъ каждую подробность и исходя изъ незыблемаго для него идеала; другой выполнилъ этотъ планъ, трудясь постоянно и неустанно, «не покладая рукъ» и собравъ поразительную по своему обилію и разнообразію массу матеріала. Идеалъ устройства государства и, вмѣстѣ, оправданіе его существованія есть необходимость правового начала. «Начала и формы права должны проникнуть все бытіе государства,—писалъ Градовскій,—положить свою печать на всю область дѣйствій органовъ власти, на всѣ отношенія управленія, на всякое проявленіе общественной жизни». Подъ вліяніемъ стремленій къ осуществленію началъ права, государство должно создать условія, въ которыхъ личность человѣка можетъ проявлять всѣ свои лучшія свойства и удовлетворять свои потребности,

не нарушая справедливыхъ интересовъ другихъ и не мѣшая осуществленію ихъ потребностей—въ отдѣльности и въ совокупности, называемой обществомъ. Въ расширеніи области примѣненія этого идеала состоитъ развитіе государства. Отправляясь отъ удовлетворенія потребности въ личной и общественной безопасности, оно совершенствуетъ и расширяетъ свои цѣли во имя любви и милосердія и, наконецъ, стремится къ общечеловѣческому идеалу справедливости и правомѣрныхъ отношеній. Внѣшнее выраженіе права—законъ—долженъ опредѣлять границы личной свободы и не только указывать на путь, которымъ надо идти, но и предусматривать все то, что на немъ можетъ или должно встрѣтиться. Правовое начало, положенное «во главу угла» государственнаго устройства, является обезпеченіемъ личности, выражаясь въ словѣ закона, который одновременно говоритъ: «стой! ни шагу дальше, ибо ты начнешь вторгаться въ права другой личности и въ права общества» и «иди! совершенствуй себя во всю полноту твоихъ сознательныхъ силъ: я твоя поддержка и охрана...» Поэтому *личность*, въ ея правовыхъ условіяхъ являлась исходною точкою и цѣлью всѣхъ трудовъ Градовскаго, та личность, о которой такъ часто забываетъ современное государство, опираясь лишь на свои права и подавляя отдѣльнаго человѣка, которому предоставляется лишь исполненіе обязанностей. Такое умаленіе личности, одинаково свойственное, хотя и по разнымъ основаніямъ, и абсолютизму, и будущему соціально-демократическому строю—не разъ отмѣчалось Градовскимъ. Вотъ почему не *образъ правленія*, а задачи и способы *управленія* преимущественно привлекали къ себѣ его вниманіе. Онъ настаивалъ на необходимости *политическаго воспитанія личности* и, слѣдовательно, цѣлаго общества. Отсюда его восторженное отношеніе къ внутреннему смыслу реформъ Александра II.

Однимъ изъ необходимыхъ требованій такого воспитанія является насажденіе уваженія къ личности не только въ матеріальномъ соприкосновеніи ея съ властью и интересами общества, но и во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всемъ ея физическомъ и духовномъ существѣ, въ нераздѣльномъ *человѣческомъ я*. Наравнѣ съ личностью, такъ сказать, матеріальною, долженствующею обладать внѣшнею свободой, существуетъ личность вѣрующая и мыслящая. За практическое осуществленіе *этихъ* правъ личности особенно ратовалъ Градовскій въ своемъ курсѣ государственнаго права, оставивъ въ немъ множество цѣнныхъ для юриста и политика указаній. Такъ, имъ съ чрезвычайною подробностью и полнотою разработаны вопросы—о правѣ жалобъ на распоряженія власти и объ условіяхъ законности распоряженій администраціи,

столь важныхъ и для правильнаго управленія вообще, и для примѣненія чреватой послѣдствіями, въ смыслѣ политическаго воспитанія, ст. 29 Устава Мирового, говорящей именно о неисполненіи *законныхъ* требованій. Долгою и кропотливою дѣятельностью нашего кассаціоннаго суда статья эта, въ многолѣтнемъ рядѣ рѣшеній, разъяснена *практически* въ томъ смыслѣ, какъ, за много лѣтъ назадъ, это *теоретически* уже развилъ и установилъ Градовскій. Онъ посвятилъ также много труда и знанія на то, чтобы освѣтить со всѣхъ сторонъ вопросъ о свободѣ печати, оставивъ интересныя изслѣдованія по законодательству о печати. Наконецъ, онъ выступилъ съ горячими страницами на защиту личности въ великомъ и насущномъ дѣлѣ истинной вѣротерпимости, умѣлою рукою вскрывая неполноту и лукавую неясность закона, закрывающаго и слабый свѣтъ терпимости къ вѣрѣ, торжественно провозглашенный имъ же.

Изъ взгляда Градовскаго на государство вытекало и его представленіе о задачахъ науки о государствѣ. Она не должна ни втискивать жизнь въ свои предустановленныя рамки, ни забывать о ея потребностяхъ и проявленіяхъ, считая, какъ это подчасъ случается у нѣкоторыхъ изъ ея *жрецовъ,* что жизнь сама по себѣ, а она, наука, сама по себѣ, ограниченная притомъ предѣлами аудиторіи или тѣмъ, что говоритъ ученый въ печати, не признающій нерѣдко этого обязательнымъ для того, что онъ дѣлаетъ въ жизни. Отрѣшеніе отъ жизни—гибель для благотворнаго развитія науки о государствѣ. Но она должна возвышаться надъ явленіями обыденной дѣйствительности, и рисовать идеалъ лучшаго устройства. «Принципы всѣхъ учрежденій,—говоритъ Градовскій,—въ ихъ общности и полнотѣ разсматриваются науками государственными. Онѣ должны вырабатывать дѣйствительную *философію* всѣхъ учрежденій, существующихъ въ обществѣ и для общества». Поэтому методъ и пріемы этихъ наукъ не должны теряться въ мелочахъ; ихъ задачи—«*подавать примѣръ* жизни, состоящій въ подведеніи ежедневныхъ фактовъ подъ общія и твердыя начала».

Поклонникъ жизненности въ наукѣ, Градовскій находилъэ что государство, окаменѣвъ въ своемъ внутреннемъ развитіи и отвращаясь отъ требованій жизни, порождаетъ въ обществѣ и въ наукѣ *утопіи* и отказываясь отъ идеаловъ *осуществимыхъ*, сг ал кивается съ идеалами *неосуществимыми.* Борьба съ окаменѣ лостью и была, по его мнѣнію, высш ею задачею государственно науки. «Исполняя свою задачу, говорилъ онъ, «она будетъ искаьо общей, высшей идеи цивилизаціи, во всемъ историческомъ разви тіи, не только одного народа, но всего чеотва, ѣчеостолвпяни-тпи-

говорить ему: «идеалъ вашъ впереди». Потому она не станетъ возводить отдѣльныхъ фактовъ современной жизни на степень безусловныхъ истинъ; ни одно учрежденіе, ни одно общественное и экономическое устройство, ни одинъ народъ не могутъ сказать: «я истина, преклонитесь предо мной!» Memento mori! —скажетъ ему наука».

Въ своей «Политической запискѣ», предназначенной для «власть имущихъ», онъ указывалъ на широкіе и свободные пути управленія. «Слѣдуетъ лѣчить организмъ, писалъ онъ, если въ немъ есть болѣзненныя явленія, но не задерживать, подъ видомъ лѣченія, всѣ его здоровыя отправленія». Ставя свои требованія государству, Градовскій непремѣннымъ условіемъ нравственнаго и правоваго развитія личности считаетъ *служеніе общественное.* Поэтому, понимая *оппозицію,* какъ проявленіе здороваго взаимодѣйствія общественныхъ силъ, выразители и представители коихъ съ разныхъ сторонъ служатъ выясненію и развитію одного и того же дѣла,—онъ ненавидѣлъ пустое *фрондерство,* дешевое по пріемамъ и безплодное по результатамъ. Таковъ былъ онъ, какъ зодчій. Нужно ли говорить о его громадномъ трудѣ, какъ *строителя,* о той пульсаціи сердца, которая чувствуется во всемъ ученомъ наслѣдіи, имъ оставленномъ, объ умѣніи въ словахъ выдающихся людей, въ ихъ примѣрѣ, въ ихъ духовномъ образѣ находить цементъ и украшенія, для возводимой постройки, отыскивать оправданіе и своимъ упованіямъ и своему негодованію. Стоитъ припомнить одно лишь его «Государственное право европейскихъ державъ» чтобы преклониться предъ его трудомъ, мыслью и знаніемъ.

Посмотримъ, однако, на его, такъ называемые, недостатки. Наша привычка опредѣлять человѣка и составлять мнѣніе о его дѣятельности по какому либо отрывочному признаку сказалась и относительно Градовскаго. *Узкій націоналистъ* говорили о немъ одни, прослышавъ что—то такое о его уваженіи къ славянофиламъ и не зная или не желая знать, что уваженіе это относилось къ «отцамъ церкви» этого направленія, къ чистымъ духовно, высокимъ образамъ Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, а не къ представителямъ славянофильства послѣдней фармаціи, нашедшимъ себѣ вѣрную, хотя и порицательную оцѣнку у Пыпина и В. С. Соловьева. И между національнымъ вопросомъ, которымъ увлекался Градовскій,—и «самобытностью» восьмидесятыхъ годовъ была цѣлая пропасть... Въ противуположность «тѣсной и небратолюбивой» народности, свободной отъ обязательности этическихъ требованій, онъ проводилъ идею національности, какъ явленія не зоологиче-

скаго, а нравственнаго. Она, эта національность, должна быть свободна—какъ свободна личность человѣческая, составляющая, въ своей совокупности собирательную личность народа.

Въ Градовскомъ, говорили другіе, *нѣтъ никакого національнаго чувства*. Это, въ сущности, космополитъ, которому чуждо что либо, могущее назваться *роднымъ*. Но и этотъ упрекъ, чаще всего слышавшійся послѣ полемики его съ Достоевскимъ по поводу рѣчи послѣдняго при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину, въ 1880 году, лишенъ всякаго серьезнаго основанія. Каждый кто ознакомится съ его перепискою, кто вдумается въ разсыпанныя въ ней, да и во многихъ его статьяхъ мѣткія и прочувствованныя характеристики русскаго человѣка, его задачъ и упованій—конечно придетъ къ выводу, что человѣкъ *такъ* мыслившій и выражавшійся былъ другомъ *своего* народа и болѣлъ за него душою. Но проповѣдь «всечеловѣчества» русскаго человѣка, но выдвиганіе его священной миссіи провозгласить изстрадавшемуся человѣчеству свое новое слово, которое будетъ откровеніемъ и о которое разобьются волны не разрѣшимыхъ западомъ вопросовъ—пугали его. Онъ совершенно правильно боялся, что возвеличеніе русскаго человѣка надъ всѣми, безъ указанія ему на необходимость культурнаго и нравственнаго самосовершенствованія,—можетъ повести къ развитію въ немъ и въ обществѣ крайняго самомнѣнія и грубаго тщеславія. А эти свойства, въ свою очередь, остановятъ всякое развитіе. Есть особая школа русскихъ артистовъ, проповѣдующая служеніе искусству—преимущественно сценическому—«нутромъ», какъ Богъ, въ данный моментъ и при данномъ настроеніи, на душу положитъ. Но не всѣ у насъ Мочаловы, чья «нутряная» игра подчасъ приводила въ отчаяніе поклонниковъ великаго артиста, и обыкновенно дѣло кончается систематическимъ паденіемъ дарованія, оставшагося безъ обработки и выдержки. Тоже можетъ случиться и съ цѣлымъ народомъ, который слишкомъ положится на свое «нутро». Градовскій призывалъ любимый имъ народъ, среди котораго родился и выросъ, къ самоуваженію, къ разработкѣ своихъ естественныхъ духовныхъ богатствъ, къ развитію во всю ширь своей даровитой природы, но требовалъ чтобы это дѣлалось не въ цѣляхъ узкаго національнаго эгоизма, а во имя общихъ задачъ человѣчества и въ совокупной работѣ съ нимъ. У насъ любятъ, кстати и не кстати, говорить о *народномъ самосознаніи*, нерѣдко тщательно избѣгая точнаго его опредѣленія и отграниченія отъ безсознательныхъ пережитковъ прошлаго. Притомъ подчасъ ссылаются на болѣе чѣмъ сомнительныя проявленія этого самосознанія, обращая ихъ въ оружіе для партійной борьбы. Но Градов-

скій *такъ* смотрѣть на истинное народное самосознаніе не могъ, строго отличая въ немъ ощущеніе грубой физической мощи отъ признанія своей нравственной силы.

О третьемъ упрекѣ ему я уже говорилъ на первой нашей тризнѣ въ память его. Онъ былъ чрезмѣрно строгъ на экзаменахъ, повторяютъ намъ до сихъ поръ. Этотъ упрекъ просто страненъ. Не говорятъ «былъ несправедливъ», что дѣйствительно бросало бы нѣкоторую тѣнь на его нравственный обликъ, а говорятъ лишь о строгости. Конечно—профессоръ, смотрящій на свою дѣятельность какъ на службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія, причемъ каѳедра является лишь одною изъ стадій «прохожденія службы», а не призваніемъ цѣлой жизни,—или считающій научныя испытанія мелкою подробностью, недостойною жреца науки и съ отвращеніемъ сходящій для нея со своихъ альпійскихъ высотъ—или, наконецъ, ищущій дешевой популярности «добраго человѣка»—можетъ быть слабъ, очень даже слабъ на экзаменахъ. Но человѣкъ, возлагающій, подобно Градовскому, тревожныя и страстныя надежды на грядущее поколѣніе, отвѣчаетъ за его знаніе, за его доказанную готовность къ труду, за его серьезное отношеніе къ своей дѣятельности. Университетскій экзаменъ изъ одного изъ важнѣйшихъ предметовъ правового образованія—есть проба этой готовности и этого отношенія. Невольно приходятъ на память слова Юрія Самарина: «нужно творить прежде всего не учрежденія, а людей. Тутъ одинъ путь: непосредственнаго дѣйствія человѣка на человѣка въ той ограниченной сферѣ, въ которой личное вліяніе призвано дѣйствовать: приходится *лѣпить* и *обжигать* людей какъ кирпичи».—Какъ Лиръ, былъ «король, король—отъ головы до ногъ!» такъ и Градовскій былъ «профессоръ съ головы до ногъ». Онъ лѣпилъ своихъ слушателей на лекціяхъ и обжигалъ ихъ на экзаменахъ, строгою рукою повертывая рукоятку шлюза, которымъ пропускалъ ихъ изъ озера высшей школы въ море практической жизни, русской жизни, столь нуждающейся въ образованныхъ людяхъ...

Печальны были послѣдніе годы Александра Дмитріевича. Весь преданный своему общественному служенію на каѳедрѣ и въ печати, онъ не могъ удовлетвориться личнымъ счастьемъ гармонической семейной жизни, дружбою уважаемыхъ имъ людей и нравственно—безсильной злобой людей имъ не уважаемыхъ. Его духовный взоръ искалъ утѣшенія внѣ тѣснаго круга личныхъ отношеній и устремлялся на широкій горизонтъ жизни русскаго общества. А горизонтъ этотъ все съуживался и тускнѣлъ. Яркая заря общественнаго обновленія, вызванная великими реформами

шестидесятыхъ годовъ слишкомъ долго оставалась лишь зарею и на горизонтѣ все сильнѣе сгущались тяжелыя, свинцовыя облака, отъ которыхъ все болѣе и болѣе распространялся унылый полусвѣтъ тамъ, гдѣ такъ хотѣлось, гдѣ такъ нужно было увидѣть блистанье и животворный свѣтъ солнца... Особенно удручала Градовскаго перемѣна въ людяхъ, столь очевидная для каждаго, кто пережилъ незабвенное десятилѣтіе, послѣдовавшее за Севастопольскимъ погромомъ. Быстрая перемѣна убѣжденій и «приспособляемость» къ совершенно инымъ условіямъ и требованіямъ,—отреченіе, по отношенію къ другимъ людямъ и понятіямъ, отъ того, въ пользу и честь чего говорилось такъ много «задушевныхъ» словъ, отреченіе даже ранѣе, чѣмъ «возгласи пѣтель»—давило какъ кошмаръ его впечатлительную душу. Въ горячихъ строкахъ своего укорительнаго письма къ Каткову, написаннаго въ 1882 году, онъ характеризовалъ выработавшійся уже къ этому времени типъ «порядочнаго человѣка», охранительная дѣятельность котораго состоитъ въ посильномъ оплеваніи и искаженіи реформъ Александра II-го, а существенные признаки «въ сомнительной протекціи, свободѣ отъ образованія, большомъ количествѣ долговъ, неудержимой страсти къ казенной квартирѣ, *тайномъ* разгулѣ и *явной* неспособности къ серьезному дѣлу». Его возмущала пошлость взглядовъ, съ разныхъ сторонъ начавшая вливаться въ нашу общественную жизнь,—и ей посвятилъ онъ свою, напечатанную уже послѣ его смерти, статью о Гоголевскихъ герояхъ, гдѣ онъ высказываетъ,—впервые, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей литературѣ,—мысль о томъ, что *мертвыя души* есть символическое указаніе не на ловкую продѣлку «пострадавшаго за правду» Чичикова, а на всѣхъ, выводимыхъ имъ людей, которымъ, чтобы не быть мертвыми душами «надо стать прежде всего *людьми* и начать *жить*, а жизни-то въ нихъ—и нѣтъ, ибо *пошлость* есть именно отсутствіе жизни—ни Богу свѣча, ни чорту кочерга!» Онъ предчувствовалъ, что среди торжествующаго настроенія, въ которомъ инстинктъ выгоды сталъ играть выдающуюся роль, заглушающую слабый голосъ чувства собственнаго достоинства и долга предъ родиной—ему придется не находить мѣста для своей публицистической работы, и окажется, что «честность надо доказывать, главнымъ образомъ—молчаніемъ». Закрытіе навсегда «Голоса», который давалъ возможность Градовскому говорить съ обществомъ—было для него хотя и ожиданнымъ, но тяжкимъ ударомъ. Онъ не опустилъ, однако, рукъ и весь ушелъ въ научную работу. Но каждый, кто испыталъ жгучую сладость видѣть въ печати *свои* задушевныя идеи, *свои* чувства, облеченныя въ слово тотчасъ вслѣдъ за явленіемъ

или событіемъ, съ которыми онѣ связаны, пойметъ, *чего* стоило Градовскому его принудительное молчаніе. Изъ письма его къ С. А. Юрьеву въ концѣ 1886 года звучитъ вопль наболѣвшаго сердца, которое вправѣ сказать про себя «consumor» и лишено возможности прибавить «aliis inserviendo» и предъ которымъ вереницею проходитъ «многое и многое, что его прежде вдохновляло, а нынѣ осквернено и посрамлено»...

И вотъ уже десять лѣтъ его нѣтъ съ нами... Онъ былъ большимъ кораблемъ, спущеннымъ въ глубокую, многоводную рѣку— и съ ея чистыми струями стремившимся къ морю. Но рѣка измѣнила свое теченіе и въ новомъ руслѣ разбилась на неширокіе рукава, ласково-журчащіе ручейки и заносимыя иломъ заводи. Мелкія, плоскодонныя суда и лодки плывутъ по нимъ успѣшно и еще болѣе успѣшно пристаютъ къ берегамъ. Но большой корабль сѣлъ на мель—и обреченъ безпомощно и безнадежно отказаться отъ «большого плаванія». Жизнь замираетъ на немъ и самъ онъ разрушается. Къ счастію—любящими и умѣлыми руками бережно снятъ съ него шканечный журналъ, въ которомъ намѣченъ и его путь, и его назначеніе. Этотъ журналъ — сочиненія Градовскаго. Издаваемыя по строго обдуманному плану, съ нѣжнымъ уваженіемъ къ мысли и труду покойнаго, онѣ послужатъ его руководящимъ завѣтомъ грядущимъ поколѣніямъ. Изъ ихъ страницъ молодые юристы получатъ возможность глубоко черпать настоящее знаніе,—надъ этими страницами не разъ задумается истинно-государственный человѣкъ... Иногда, среди альпійской природы, когда вечерній мракъ быстро одѣваетъ долы и горы, снѣжныя вершины послѣднихъ начинаютъ блистать яркимъ розовымъ свѣтомъ, отблескомъ уже закатившагося солнца. Позвольте, говоря о трудѣ всей жизни «закатившагося» Градовскаго, о громадѣ его ученыхъ работъ,—закончить мою рѣчь напоминаніемъ объ этомъ явленіи природы...

БОРИСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ЧИЧЕРИНЪ.

(3 февраля 1904 г.).

Тихо угасла жизнь, до конца, не смотря ни на что, горѣвшая яркимъ пламенемъ истинной любви къ родинѣ и къ наукѣ, исполненная, въ неустанномъ дѣлѣ и въ горячемъ словѣ, непоколебимаго уваженія къ достоинству человѣческой личности. Можно съ увѣренностью сказать, что кончина Чичерина поразитъ скорбью всѣхъ широко-просвѣщенныхъ людей на Руси. Нечего и говорить о чувствѣ сердечной печали, долженствующей овладѣть тѣми, кто зналъ его лично, кто заглянулъ въ его частную жизнь, столь гармонически слитую съ началами правды и высокой нравственности, проповѣдь которыхъ составляла предметъ его заботъ какъ ученаго и гражданина. Есть люди, рѣдкіе люди, составляющіе «delicium et decus generis humani»... Съ ними можно не видѣться годы, довольствуясь лишь отрывочными о нихъ вѣстями, но надо знать, что они—*есть*, надо имѣть утѣшеніе сознавать, что гдѣ-нибудь, иногда отдѣленный большимъ пространствомъ, живетъ человѣкъ, самое существованіе котораго имѣетъ въ себѣ нѣчто успокоительное, какъ *примѣръ* и ободряющее, какъ *призывъ*. Такимъ былъ—для знавшихъ его покойный Кавелинъ, такимъ же былъ усопшій Чичеринъ.

Особенно горестно поразитъ вѣсть о его смерти студентовъ Московскаго университета шестидесятыхъ годовъ, имѣвшихъ счастье его слушать. Въ нихъ воспоминаніи возникнетъ переполненная

аудиторія, жадно внимавшая увлекательному слову молодого профессора, явившагося во всеоружіи огромныхъ и разностороннихъ—въ глубину и ширину—знаній и съ научной точки зрѣнія освѣщавшаго всѣ бытовые и государственные вопросы, поставленные на очередь возрождавшеюся Россіею. Въ пятидесятыхъ годахъ—въ общемъ безцвѣтный—юридическій факультетъ старѣйшаго русскаго университета оживлялся лишь талантливостью Никиты Крылова и, отраженнымъ свѣтомъ, озарялся лекціями незабвеннаго профессора словеснаго факультета. Этотъ профессоръ—былъ Грановскій, чья память была всегда жива и свята въ душѣ Чичерина. Не начинающимъ доцентомъ, озабоченнымъ скорѣйшимъ изготовленіемъ диссертаціи, а серьезнымъ ученымъ, имѣвшимъ за плечами такіе обширные и цѣнные труды, какъ «Областныя учрежденія въ Россіи XVII вѣка», «Опыты по исторіи русскаго права» и полные интереса «Очерки Англіи и Франціи»,—взошелъ послѣдній на кафедру. Словами о Грановскомъ закончилъ онъ свою вступительную лекцію 28 октября 1861 года. «Вамъ не дано было,—сказалъ онъ собравшимся,—слышать изящную и благородную рѣчь Грановскаго, испытать его могущественное дѣйствіе на юные умы, которые влеклись къ нему со страстною любовью. Это даръ, который дается немногимъ. Тайна этой силы заключалась не въ пошломъ исканіи мимолетной популярности, не въ лести страстямъ и заблужденіямъ, не въ громкомъ провозглашеніи идей, плѣнительныхъ для молодого воображенія, а въ самомъ благородствѣ природы человѣка, въ его пламенной любви къ истинѣ и къ добру, въ томъ возвышенномъ настроеніи духа, которое побуждало его съ вершины науки, съ высоты человѣческихъ идей, сочувствовать всему человѣческому, и мягко и любовно, служа воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ стремленій человѣка, относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни, въ которыхъ выражалось искренее чувство или благородная мысль».

Этому образу, столь ярко начертанному, остался Чичеринъ непреклонно вѣренъ на своемъ жизненномъ пути. И про него можно сказать то же самое, что онъ, въ благоговѣйномъ воспоминаніи объ учителѣ, говорилъ своимъ слушателямъ. И его прежде всего одушевляла любовь къ истинѣ. Эта любовь выражалась и въ его сильномъ, сжатомъ и вполнѣ опредѣленномъ языкѣ, который не давалъ поводовъ ни къ какимъ двойственнымъ толкованіямъ, исключалъ всякое «reservatio mentalis». Она сказывалась и въ небреженіи его къ дешево достающейся, построенной на хрупкомъ основаніи, популярности и въ готовности его, по внутреннему побужденію, идти иногда «противъ теченія», откуда бы оно ни шло.

Безтрепетно и въ выраженіяхъ, знаменующихъ внутреннюю свободу духа, высказывалъ онъ свои взгляды на кафедрѣ и въ печати, — въ обширныхъ научныхъ трудахъ и въ брошюрахъ, за злободневностью содержанія которыхъ чувствовался призывъ къ служенію вѣчнымъ началамъ права и справедливости. То же дѣлалъ онъ въ неподлежавшихъ печати запискахъ, когда, считая себя нравственно обязаннымъ сказать строго продуманное, а иногда и выстраданное слово мудраго совѣта или предупрежденія, онъ спѣшилъ отозваться на тотъ или другой обострившійся вопросъ внутренней жизни—ut caveant cousules!..

Не признавая обычной у насъ и странной поговорки *«господинъ своему слову»*, онъ былъ всегда и во всемъ *«рабомъ своего слова»*, простирая этотъ взглядъ и на свои убѣжденія, плодъ безкорыстной думы и долгаго наблюденія. Поэтому, въ современномъ обществѣ, гдѣ еще такъ недавно громко и развязно проповѣдовалась полезность измѣны убѣжденіямъ «примѣнительно къ обстоятельствамъ» и гдѣ существуетъ умышленное забвеніе кореннаго различія между неколебимостью *убѣжденій* и создаваемою житейскимъ опытомъ измѣнчивостью *мнѣнія* объ условіяхъ наилучшаго и цѣлесообразнаго проведенія убѣжденія въ жизнь,—Чичеринъ непріятно поражалъ многихъ своею прямолинейностью и неуступчивостью. Благородный слуга своихъ убѣжденій, онъ не поступался ими ни въ какомъ случаѣ, не допуская ни колебаній, ни «приспособленій». Достаточно указать на уходъ его изъ «Русскаго Вѣстника» въ разгаръ славы и вліянія этого журнала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ—или на оставленіе имъ въ 1868 г., съ болью отъ незажившей до смерти раны, дорогого ему университета, во имя вопроса, касавшагося достоинства профессорской коллегіи... Эта неуступчивость не мѣшала ему, однако, уважать тѣхъ противниковъ, въ возраженіяхъ которыхъ ему слышались искренность и отсутствіе своекорыстныхъ цѣлей; она дѣлала споръ съ нимъ всегда серьезнымъ, поучительнымъ и полнымъ интереса,— а внутренній жаръ, проникавшій его блестящую, богатую содержаніемъ, рѣчь, вмѣстѣ съ лучистымъ взглядомъ его прекрасныхъ, добрыхъ глазъ, заставлялъ выносить изъ бесѣды съ нимъ духовное наслажденіе.

Замкнувшійся, послѣ внезапно и безпричинно прерванной городской общественной дѣятельности своей въ Москвѣ, въ свое деревенское уединеніе, прерываемое лишь земской службой,—постигнутый рядомъ тяжелыхъ семейныхъ потерь и сознававшій въ глубинѣ души, любившей родину всѣми силами, невозможность быть ей полезнымъ живымъ, широкимъ и осязательнымъ приложеніемъ

своего труда и энергіи, Чичеринъ не отдался «нѣмому бездѣйствію печали». Въ рядѣ послѣдовательныхъ трудовъ, онъ началъ свое служеніе правовому и нравственному самосознанію общества, давая въ чудесномъ, доведенномъ до мастерской простоты и удобопонятности, изложеніи результаты своихъ многолѣтнихъ размышленій— надъ народнымъ представительствомъ, надъ взаимными отношеніями государства и собственности, науки и религіи, бюрократіи и земства, — надъ позитивизмомъ, философіей права и развитіемъ политическихъ теорій.

Уже будучи семидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ издалъ свой «курсъ государственной науки»,—третій томъ котораго (политика) представляетъ цѣлые ряды возвышенныхъ страницъ, съ которыхъ льется горячая и убѣжденная проповѣдь человѣчности, правосудія и безусловной справедливости, переплетенная съ завѣтами исторической предусмотрительности и житейской мудрости. Наконецъ, передъ самой кончиною, на 76-мъ году жизни, онъ, несмотря на тяжелый недугъ, парализовавшій его подвижную натуру, выпустилъ вторымъ изданіемъ первый томъ своей превосходной пяти томной «исторіи политическихъ ученій», пересмотрѣнный и исправленный.

Всегда вѣрный себѣ и лучшимъ преданіямъ своей молодости, Чичеринъ, безъ лести и преклоненія предъ смѣняющимися поколѣніями и настроеніями, неизмѣнно и заботливо любилъ учащуюся молодежь и къ ней обращалъ въ своихъ сочиненіяхъ вѣское слово. Студентамъ Московскаго университета посвятилъ онъ «Исторію политическихъ ученій»; русскому юношеству—«молодымъ силамъ, готовящимся принести свою дань историческимъ судьбамъ отечества»—посвятилъ онъ свой многолѣтній трудъ «Собственность и государство»,—«много лѣтъ своей жизни положивъ на служеніе умственнымъ интересамъ молодого поколѣнія». Всякій, кто знакомъ съ его работами, не можетъ не признать, что нравственное развитіе этого юношества и охраненіе въ душѣ его духа правды— были всегдашнею цѣлью ученой и публицистической дѣятельности Чичерина. Ставя идеаломъ общежитія единеніе общественной и личной свободы, на почвѣ уваженія къ человѣческой личности, къ закону и къ культурнымъ задачамъ государства, онъ настойчиво предостерегалъ своихъ слушателей и читателей противъ мимолетныхъ увлеченій и слишкомъ-поспѣшныхъ выводовъ, но въ тоже время, въ своихъ «Современныхъ вопросахъ» (1862 года), считалъ несчастными тѣхъ, въ комъ житейская пошлость заглушила стремленіе къ идеалу и кто не сохранилъ уваженія къ благороднымъ мечтамъ своей юности. Онъ обращалъ къ нимъ слова поэта: «Sa-

gen Sie ihm, dass er für die Träume seiner Jugend—soll Achtung tragen, wenn er Mann sein wird!» Характеризуя свою дѣятельность, въ ея многоразличныхъ духовныхъ проявленіяхъ, покойный Чичеринъ могъ бы сказать про себя словами Кастеляра «dans toutes mes leçons je me suis efforcé d'inspirer le culte de la liberté, sans laquelle la vie humaine ne vaut pas grande chose; le culte de la vertu, sans laquelle il n'y a pas de liberté féconde et saine—et le culte de Dieu, sans qui ni la vertu, ni la liberté n'ont de force vitale».

Горячій поклонникъ, заступникъ и истолкователь великихъ реформъ Александра II, жадно желавшій ихъ дальнѣйшаго спокойнаго развитія, онъ до конца своихъ дней сохранилъ вѣру въ духовныя силы и въ свѣтлое будущее русскаго народа, ту вѣру, на которой были построены эти реформы. До послѣднихъ двухъ годовъ, принесшихъ съ собой тяжелый недугъ, разумно устроенная и полная умственныхъ и художественныхъ интересовъ жизнь Чичерина текла среди свѣтлыхъ воспоминаній прошлаго и вблизи дорогихъ могилъ, окруженная нѣжною заботливостью супруги. Благодаря этому, душевныя силы его не уменьшались и покрытая бѣлоснѣжною сѣдиною голова работала по прежнему много и плодотворно, а сердце сохраняло въ себѣ, вмѣстѣ съ жаркою отзывчивостью на все живое, чистое и высокое, способность участливо понимать человѣческое горе и приходить къ постигнутымъ бѣдою на помощь...

Когда, въ 1888 году, вышло первое изданіе моихъ «Судебныхъ рѣчей», я поспѣшилъ послать книгу своему наставнику, какъ нѣкотораго рода отчетъ объ исполненіи, въ области судебной дѣятельности, завѣтовъ, слышанныхъ отъ него съ кафедры. Чичеринъ отвѣчалъ мнѣ исполненнымъ грустнаго настроенія письмомъ, отъ 20 Мая 1888 года. «Сердечно благодарю Васъ за книгу,—писалъ онъ—я веду такую уединенную жизнь и такъ отсталъ отъ всѣхъ, что всегда пріятно удивленъ, что есть еще люди, которые меня не забыли. Еще пріятнѣе видѣть, что въ настоящее время въ Россіи есть хоть какая нибудь часть, которая не находится въ застоѣ. Поэтому, среди всеобщаго упадка, умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго, такое явленіе какъ сборникъ рѣчей, проникнутыхъ однимъ направленіемъ, производитъ освѣжающее впечатлѣніе. Недаромъ значитъ прошли всѣ реформы и какіе бы на нихъ ни сыпались удары, онѣ оставили по себѣ слѣдъ, который не изгладится. Это поддерживаетъ бодрость и надежду на будущихъ дѣятелей. А намъ старикамъ въ настоящемъ дѣлать болѣе нечего. Явленія современности, и внутренней и внѣшней, до такой сте-

ненія противны моимъ взглядамъ, что я совсѣмъ отъ нихъ отвернулся и обратился къ изученію природы, которая представляетъ законы вѣчные и неизмѣнные. Тутъ есть чему поучиться и можно на этомъ успокоиться предъ смертью»...

Въ это время Чичеринъ дѣйствительно отдался настойчивому и пытливому изученію естественныхъ наукъ и математики. Вскорѣ работы его въ области изслѣдованія химическихъ законовъ, составляющія совершенно самостоятельный трудъ, будучи напечатаны, обратили на себя справедливое вниманіе спеціалистовъ. Но отзывчивость къ общественнымъ вопросамъ и любовь къ той наукѣ, которой онъ посвятилъ свои лучшіе годы, не могли охладѣть въ его душѣ. Его дальнѣйшіе, проникнутые плодотворной жизненностью, ученые труды доказали, что къ сердцу его, вплоть до гробовой доски согрѣтому идеею служенія общему благу, было полное основаніе примѣнить слова поэта: «*и этотъ* жаръ ужъ не остынетъ — и съ смертью лишь его покинетъ».

Въ лицѣ его ушелъ человѣкъ, такъ много и часто, особливо въ первые годы своей дѣятельности, возбуждавшій возраженія противъ неправильно понимаемаго консерватизма своихъ взглядовъ— и такъ единодушно склонившій къ себѣ, къ концу дней своихъ, глубокое уваженіе и симпатію всѣхъ, кому дорога нравственная красота въ людяхъ. Эта неувядающая красота будетъ свѣтиться изъ его трудовъ,—она заблеститъ въ воспоминаніяхъ о немъ,—ее, съ благодарнымъ чувствомъ, отмѣтитъ будущій историкъ русскаго общественнаго развитія.

«Правосудіе людей состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому *должное*,—правосудіе Творца въ томъ, чтобы требовать у каждаго отчета въ томъ, что ему было *дано*». Такъ говоритъ въ своемъ «Савойскомъ викаріи» Руссо. Людское правосудіе наступило для усопшаго неутомимаго дѣятеля на нивѣ правды, знанія и человѣчности и будетъ развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ свободной русской мысли,—а правосудіе Божіе онъ можетъ встрѣтить съ радостнымъ спокойствіемъ... Ему отчетъ въ томъ, что было *дано*,— не страшенъ...

ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ
ГААЗЪ.

(1896 г.)

I.

3-го іюня 1890 года, въ Петербургѣ, съ особою торжественностью, былъ открытъ четвертый международный тюремный конгрессъ.

Вступительная рѣчь В. Д. Спасовича была посвящена Говарду. Въ ней заслуги «великаго человѣколюбца» и его права на безсмертную славу были очерчены ярко и выпукло—и, безъ сомнѣнія, все многочисленное и блестящее собраніе ученыхъ тюрьмовѣдовъ и государственныхъ людей мысленно преклонилось предъ образомъ человѣка, который, по выраженію Бентама, нѣсколько видоизмѣненному ораторомъ, «he lived an apostle and died à hèro»—жилъ какъ апостолъ и умеръ какъ герой.

И дѣйствительно, Говардъ вполнѣ достоинъ этой славы и возданной ему чести. Онъ завѣщалъ потомству свое имя и свое дѣло. Написанное на скромномъ памятникѣ въ Херсони, гдѣ внезапно окончилъ свои дни этотъ подвижникъ добра и справедливости, его имя имѣетъ право быть начертаннымъ въ сердцѣ каждаго человѣка, знакомаго съ исторіей европейской культуры и гражданственности. Дѣло Говарда — было дѣло великое, богатое благотворными послѣдствіями. Онъ положилъ начало *тюремному знанію;* онъ первый—и въ печати, и въ законодательствѣ своей

родины—потребовалъ, настойчиво и убѣжденно, на ряду со справедливою суровостью закона по отношенію къ преступленію—сострадания къ человѣку, указывая на строгое отличіе кары отъ муки. Съ порога XIX-го вѣка, его личность и труды проливаютъ яркій свѣтъ разумной и глубокой критики тюремныхъ порядковъ, и въ этой критикѣ лежитъ корень всѣхъ дальнѣйшихъ тюремныхъ преобразованій.

«Народы любятъ ставить памятники своимъ великимъ людямъ,—говоритъ Соловьевъ,—но дѣла великаго человѣка суть памятникъ, поставленный имъ своему народу». Есть, однако, такіе избранники судьбы, которые своею дѣятельностью ставятъ памятникъ не одному какому-либо народу, а всему человѣчеству. Къ числу такихъ—отмѣченныхъ Богомъ людей—принадлежалъ и Говардъ. Но, отдавая ему всю справедливость, преклоняясь предъ его трудомъ, одушевленнымъ одною идеею и наполнившимъ, «ohne Hast, ohne Rast», всю его жизнь, надо, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что онъ былъ, въ своей работѣ, поставленъ, въ благопріятныя условія... Въ его распоряженіи была свободная печать его родины, сослужившая ему вѣрную и честную службу;—парламентъ съ особымъ вниманіемъ и уваженіемъ выслушивалъ доклады, основанные на его выводахъ и наблюденіяхъ;—европейскія правительства давали ему всѣ средства для собиранія матеріаловъ,—и за исключеніемъ короткаго времени, проведеннаго во французскомъ плѣну, онъ былъ всюду уважаемымъ гостемъ, предъ которымъ гостепріимно были открыты двери дворцовъ и предупредительно распахивались ворота тюремъ. Наконецъ, самая почва для его дѣятельности была отчасти подготовлена. Правительство и общественное мнѣніе Англіи давно уже интересовались состояніемъ тюремъ. Еще въ 1701—1702 гг., по порученію парламента, докторъ Брай, предсѣдатель комитета распространенія христіанскаго ученія, произвелъ подробное изслѣдованіе тюремныхъ помѣщеній въ Ньюгетѣ. Описаніе того, что онъ нашелъ, поражаетъ возмутительными подробностями. Не говоря уже о колодкахъ, орудіяхъ пытки и о мореніи голодомъ, какъ довольно обычныхъ средствахъ «вразумленія» арестантовъ, достаточно указать, что для «смиренія» строптивыхъ, ихъ запирали въ тѣсное и душное помѣщеніе вмѣстѣ съ трупами умершихъ и оставляли ихъ въ такомъ сосѣдствѣ по шести и болѣе дней... Въ 1728—29 годахъ парламентъ назначилъ особую комиссію для изученія состоянія тюремъ въ Англіи и Уэльсѣ. Такимъ образомъ, несмотря на случайность этихъ изслѣдованій, узкость ихъ задачи и ограниченность ихъ района, почва для болѣе широкой дѣятельности Говарда подготовлялась сама собою.

Но главное условіе успѣшности трудовъ Говарда и ихъ широкаго приложенія состояло въ томъ, что его поддерживала волна общественнаго настроенія. Она несла и поднимала его на своемъ хребтѣ—и въ своей проповѣди состраданія и уваженія къ человѣку онъ не былъ одинокъ... Время, когда жилъ и дѣйствовалъ Говардъ, было ознаменовано особымъ подъемомъ духа. Христіанство, требовавшее, чтобы каждый «узналъ подобнаго себѣ—въ убогомъ варварѣ, въ рабѣ»... выдвинуло на первый планъ человѣческую личность, независимо отъ ея бытовыхъ и племенныхъ свойствъ. Эта личность явилась разлагающимъ элементомъ всего строя древняго міра, въ которомъ группа полноправныхъ гражданъ господствовала надъ массою безправныхъ рабовъ, полу-людей, полу-вещей. Средніе вѣка снова опутали эту личность, втиснули ее въ различные союзы, придавили гнетущимъ авторитетомъ западной церкви. Реформація была отвѣтомъ на послѣдній гнетъ, пробившимъ путь ко внутренней свободѣ духа. Но достоинство человѣка, права его личности, все, принадлежащее, независимо отъ внѣшнихъ условій, человѣку, какъ таковому, все, что можно было бы назвать «das ewig Menschliche»—часто ставилось ни во что и подвергалось грубому и ненужному поруганію.

Въ защиту человѣческой личности, въ осуществленіе истинно-христіанскаго отношенія къ падшему, больному, неопытному и беззащитному—выступилъ въ половинѣ XVIII в. цѣлый рядъ практическихъ мыслителей. Дружно, съ разныхъ сторонъ, но одушевленные однимъ чувствомъ, принялись они за работу—живописуя, взывая, указывая и поучая. Общество, а затѣмъ и законодательство прислушались къ ихъ проповѣди, уразумѣли ее и тронулись ею. И теперь во многихъ областяхъ дѣятельности и знанія, гдѣ приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, изученіе лучшихъ сторонъ этихъ знаній и дѣятельности заставляетъ обратиться съ благодарнымъ чувствомъ къ ихъ первоисточнику,—къ великимъ именамъ половины XVIII-го столѣтія. Въ это именно время занималась яркая заря новаго отношенія къ человѣку и къ его нравственному достоинству. Достаточно вспомнить, что въ одинъ и тотъ же краткій періодъ времени—Беккарія, въ своей удивительной книгѣ «о преступленіяхъ и наказаніяхъ», образнымъ, страстнымъ и вмѣстѣ изящнымъ языкомъ клеймилъ жестокость и мучительство, въѣвшіяся, какъ ржавчина, въ желѣзо уголовнаго закона;—Филанджіери въ восьми томахъ своей «Scienza della legislatione», со всѣмъ блескомъ молодого и богатаго знаніемъ ума, рисовалъ недостатки уголовнаго правосудія и указалъ необходимые для ихъ исправленія въ духѣ человѣчности пути и способы;—Песталоцци

своими глубокими и вдумчивыми наблюденіями, проникнутыми вѣрою въ духовныя силы человѣка, клалъ основаніе началамъ педагогіи, какъ науки, а не искусства дрессировки,—и, наконецъ, Пинель, незабвенный Пинель, въ мрачныхъ стѣнахъ Бисетра и Сальпетріера снималъ кандалы и колодки съ несчастныхъ сумасшедшихъ и доказывалъ, въ своемъ чудесномъ трактатѣ «Sur l'aliénation mentale», какое широкое поле для изученія и для милосердія представляетъ та область, гдѣ дотолѣ слышались лишь вызываемые побоями вопли «одержимыхъ бѣсомъ» и бряцанье цѣпей «буйныхъ». Вмѣстѣ съ этими людьми дѣйствовалъ и Говардъ, какъ застрѣльщикъ въ общей, широко раскинувшейся передовой цѣпи воиновъ...

Есть, однако, менѣе счастливо обставленные дѣятели. Они проходятъ безшумно по тернистой дорогѣ своей жизни, сѣя направо и налѣво добро и не ожидая, среди общаго равнодушія и всевозможныхъ препятствій, не только сочувствія своему труду, но даже и справедливаго къ нему отношенія. Внутренній, сокровенный голосъ направляетъ ихъ шаги, а глубоко коренящееся въ душѣ чувство наполняетъ и поддерживаетъ ихъ, давая имъ нужную силу, чтобы бодро смотрѣть въ глаза прижизненной неправдѣ и посмертному забвенію.

Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ докторъ *Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.* Не уступая въ своемъ родѣ и на своемъ мѣстѣ Говарду, человѣкъ цѣльный и страстно-дѣятельный, восторженный представитель коренныхъ началъ человѣколюбія, онъ былъ поставленъ далеко не въ такія условія, какъ знаменитый англійскій филантропъ. *Послѣднему* достаточно было встрѣтить, провѣрить и указать зло, чтобы знать, что данный толчокъ взволнуетъ частный починъ и приведетъ въ движеніе законодательство. Ему достаточно было вспахать почву и онъ могъ быть спокоенъ за судьбу своихъ усилій: сѣятели и жнецы найдутся. Но *Гааза* окружали—косность личнаго равнодушія, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и цѣлый общественный бытъ, во многомъ противоположный его великодушному взгляду на человѣка. Одинъ, очень часто безъ всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодѣйствіями, онъ долженъ былъ ежедневно стоять на-стражѣ слабыхъ ростковъ своего благороднаго, требовавшаго тяжкаго и неустаннаго труда, посѣва. Умирая, *Говардъ* оставлялъ рядъ печатныхъ, всѣми признанныхъ и оцѣненныхъ трудовъ, служившихъ для него залогомъ земного безсмертія;—выпуская изъ ослабленныхъ смертельною болѣзнью рукъ дѣло всей своей жизни, *Гаазъ* не видѣлъ ни продолжателей впе-

реди, ни прочныхъ, остающихся слѣдовъ—позади. Съ нимъ, среди равнодушнаго и преданнаго личнымъ «злобамъ дня» общества, грозило умереть и то отношеніе къ «несчастнымъ», которому были всецѣло отданы лучшія силы его души. Вотъ почему для насъ, русскихъ, его личность представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ личность Говарда. Она намъ ближе, понятнѣе... Скажемъ болѣе—отъ нея вѣетъ большимъ сердечнымъ тепломъ.

Прежде, однако, чѣмъ говорить о жизни и дѣятельности Гааза, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе русскихъ тюремъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Какъ извѣстно, въ это время русская жизнь не отличалась здоровымъ характеромъ. Отклоненіе отъ нормы шло въ обѣ стороны. Съ одной стороны, существовало искусственное отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ потребностей и запросовъ жизни, — развивалось безсодержательное и ничѣмъ въ живой дѣйствительности не выражавшееся масонство, — истинная религіозность смѣнялась грубымъ и подчасъ весьма подозрительнымъ, по своему источнику, мистицизмомъ,—изувѣрскія скопческія радѣнія переплетались съ «духовными восхищеніями» г-жи Крюднеръ и чувственными сходками у Татариновой,—въ литературѣ, съ ея безцѣльными забавами «Арзамаса», господствовало, послѣ зрѣлой сатиры Фонвизина, сентиментальное направленіе, и читатель продолжалъ проливать слезы надъ судьбою «бѣдной Лизы»... А съ другой стороны—мрачная фигура Аракчеева бросала свою зловѣщую тѣнь почти на всѣ сферы жизни,—военныя поселенія расползались по лицу русской земли, судъ былъ сборищемъ «купующихъ и куплюдѣющихъ», осуществленіе крѣпостного права съ его настоящими «бѣдными Лизами», пріобрѣтало особую устойчивость и безконтрольность, а тюрьмы были въ ужасающемъ состояніи.

Тюремное дѣло,—особенно, если оно находится въ связи со ссылкою,—можетъ быть, подобно механикѣ, раздѣляемо на статику и динамику. *Статика*—тюрьма неподвижная, съ ея общими порядками, устройствомъ и осѣдлымъ населеніемъ. *Динамика*—тюрьма подвижная, со своими исключительными порядками, съ населеніемъ, постоянно смѣняющимся, съ особыми пріемами учета людей и способами дисциплины среди этого подвижного населенія. У насъ статика всегда была лучше организована, чѣмъ динамика—и городская тюрьма въ то время, о которомъ мы говоримъ, представляла все-таки менѣе тяжелую картину, чѣмъ пересыльныя тюрьмы и этапныя зданія. Но эта меньшая тяжесть все-таки весьма относительна. Есть краснорѣчивое въ своей мрачности описаніе тюремъ въ Петербургѣ, сдѣланное англичаниномъ Венин-

гомъ, осматривавшимъ ихъ по порученію императора Александра I. Изъ него, между прочимъ, видно, что неоднократныя законодательныя распоряженія Екатерины II и Александра I объ улучшеніи тюремъ оставались лишь на бумагѣ, не проникая въ жизнь даже въ столицѣ и резиденціи. Только съ восшествія на престолъ Николая Павловича эти мѣры мало-по-малу пріобрѣтаютъ реальное значеніе.

Тюрьмы Петербурга въ описываемое время—мрачныя, сырыя комнаты со сводами, почти совершенно лишенныя чистаго воздуха, очень часто съ землянымъ или гнилымъ деревяннымъ поломъ, ниже уровня земли. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ сквозь узкія, наравнѣ съ поверхностью почвы, покрытыя грязью и плѣсенью и никогда не отворяющіяся, окна,—если же стекло въ оконной рамѣ случайно выбито, оно по годамъ не вставляется и чрезъ него вторгаются непогода и морозъ, а иногда стекаетъ и уличная грязь. Нѣтъ ни отхожихъ мѣстъ, ни устройствъ для умыванія лица и рукъ, ни кроватей, ни даже наръ. Всѣ спятъ въ повалку на полу, подстилая свои кишащія насѣкомыми лохмотья, и вездѣ ставится на ночь традиціонная «параша». Эти помѣщенія биткомъ набиты народомъ. Въ двухъ обыкновеннаго размѣра комнатахъ тюрьмы при управѣ благочинія содержится сто человѣкъ, такъ что только небольшая ихъ часть, послѣ понятныхъ ссоръ и пререканій, можетъ ночью прилечь въ невообразимой тѣснотѣ; въ одной изъ комнатъ рабочаго дома, находящейся почти въ землѣ, длиною въ 6 саженъ, а шириною въ 3, Венингъ нашелъ 107 человѣкъ всякаго возраста, безъ какой-либо работы. Число это постоянно пополнялось, такъ какъ вслѣдствіе отравленнаго воздуха еженедѣльно приходилось уносить въ больницу болѣе десяти человѣкъ, освобождая мѣста для новыхъ сидѣльцевъ. Не лучше было и въ кордегардіи при губернскомъ правленіи, гдѣ въ комнатахъ, устроенныхъ для тѣснаго помѣщенія 50 человѣкъ, содержалось до 200 человѣкъ, не имѣвшихъ никакой возможности лечь. Въ этихъ мѣстахъ, предназначенныхъ, при ихъ учрежденіи, для возможнаго исправленія и смягченія нравовъ нарушителей закона, широко и невозбранно царили: развратъ, нагота, холодъ, голодъ и мучительство.

Развратъ—потому, что въ съѣзжихъ домахъ женщины не отдѣлялись отъ мужчинъ, да и въ другихъ тюрьмахъ никакихъ серьезныхъ преградъ между мѣстами содержанія мужчинъ и женщинъ не существовало, а надзоръ за тѣми и другими возлагался на голодныхъ гарнизонныхъ солдатъ и продажныхъ надсмотрщиковъ, получавшихъ ни съ чѣмъ не сообразное грошевое содержа-

ніе. Люди одного пола содержались вмѣстѣ, несмотря ни на различіе возраста, ни на разность повода, по которому они лишены свободы. Дѣти, взрослые и старики сидѣли вмѣстѣ; заподозрѣнные въ преступленіи или виновные въ полицейскихъ нарушеніяхъ—вмѣстѣ съ отъявленными злодѣями, которые по годамъ, вслѣдствіе судебной волокиты, заражали нравственно все молодое и воспріимчивое, что̀ ихъ окружало. При посѣщеніи Веннига, въ рабочемъ домѣ оказались сидящими *вмѣстѣ* дѣти 11 и 12 лѣтъ, разбойники, окованные цѣпями, и 72-лѣтній Тимофей Чеоровъ, содержавшійся уже 22 года...

Въ женскихъ отдѣленіяхъ городской тюрьмы и рабочаго дома—то же самое. Распутныя женщины, нерѣдко заразительно больныя, содержались вмѣстѣ съ лишенными свободы за долги. «Бѣдная дѣвушка,—говоритъ Веннигъ,—которая попадетъ въ сіе мѣсто хотя на одну ночь, должна необходимо потерять всякое чувство добродѣтели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную; по точномъ разсмотрѣніи сихъ мѣстъ, я могу назвать ихъ истиннымъ разсадникомъ порока». Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые. Такъ Веннигъ нашелъ въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ тридцать шесть человѣкъ, помѣщенныхъ, «за тѣснотою», съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій московскую пересыльную тюрьму уже въ 1828 году, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ «торговой казни» и приготовляющихся идти въ ссылку, ночующими въ одной общей комнатѣ, а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій замокъ, нашелъ больныхъ «горячкою и сыпью» по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лѣчили арестантовъ, можно себѣ представить, хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 г. въ больницѣ московскаго губернскаго замка, для «утишенія» крика сошедшей съ ума арестантки, ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку...

Всѣ содержатся *впроголодь*. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ отпускается на руки дежурнаго надзирателя по 15 коп. ассигнаціями на каждаго изъ заключенныхъ съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ продовольствовалъ. Контроля нѣтъ, наблюденія тоже, и арестанты съѣзжихъ домовъ жалуются Веннигу на крайній недостатокъ даваемаго имъ черного хлѣба. Эти 15 коп., при выпускѣ арестанта, согласно установившемуся обычаю, взыскиваются съ него за каждый день содержанія. Несостоятельный къ уплатѣ задерживается въ тюрьмѣ, какъ несостоятельный должникъ. Но далеко не вездѣ

существуетъ и такой способъ содержанія. Его замѣняютъ подаянія. Особенно это практикуется для арестованныхъ при полиціи. Удовлетвореніе ихъ пищею часто зависитъ отъ случая, отъ сердоболія горожанъ. Поэтому, въ тюрьмахъ XIX вѣка оказывается возможною смерть отъ обычной въ XVI вѣкѣ «гладной нужи». Такъ, въ 1810 году начальникъ полтавскаго «секвестра» доноситъ по начальству, что за малыми подаяніями колодники очень отощали, а одинъ «съ приключившейся отъ голода пухлости умре, да и остальнымъ тридцати то же слѣдовать можетъ».

Плохо прикрыто и *тѣло* «колодниковъ». Казеннаго платья не полагается, а свои лохмотья скоро отказываются служить,—и тотъ же сенаторъ Озеровъ находитъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ девяносто двухъ человѣкъ *безъ всякой одежды и обуви.* А прикрыть тѣло слѣдовало бы уже потому, что въ дурно и даже вовсе не отапливаемыхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ въ суровыя зимы *очень холодно.* Князь Голицынъ заявляетъ въ 1829 году, что московскій пересыльный замокъ въ невозможномъ состояніи, что въ немъ невыносимо холодно, при чемъ холодъ этотъ на женской половинѣ, гдѣ меньше скученности, доходитъ до того, что матери, упросивъ надзирателей, посылаютъ по ночамъ своихъ дѣтей, безъ различія пола и возраста, отогрѣваться на мужскую половину... Въ Тамбовѣ, въ 1815 году, всѣ колодники помѣщены въ двухъ тѣсныхъ и сырыхъ казармахъ: тутъ и варятъ пищу, тутъ и валяются заразительные больные, тутъ же на глазахъ всей этой нищеты и порока, родятъ женщины. Не лучше смирительный и рабочій дома, помѣщающіеся въ одной казармѣ. «Въ больницѣ,—какъ доноситъ въ 1815 году операторъ Стриневскій,—нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ; бѣлье не мыто съ открытія больницы, т.-е. *съ прошлаго столѣтія;* трудно-больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ» и т. д. Тотъ же князь Голицынъ, въ запискѣ, представленной въ 1829 г. генералъ-губернатору, называетъ состояніе московскихъ тюремъ «наводящимъ ужасъ» и подробнымъ описаніемъ подтверждаетъ справедливость своего вывода.

Содержимое въ такихъ условіяхъ разнородное тюремное населеніе, пользуясь плохимъ надзоромъ, пьянствуетъ, когда есть средства, буйствуетъ, стремится къ побѣгу, безжалостно уродуетъ себя, чтобы стереть позорныя клейма на лицѣ, вытравляя ихъ шпанскими мухами и сѣрною кислотою. При отсутствіи системы въ содержаніи и распредѣленіи арестантовъ, начальство считаетъ нужнымъ дѣйствовать на нихъ страхомъ и отягощеніемъ ихъ участи. Отсюда всякія напрасныя мучительства. Въ тѣсныя, темныя и загаженныя «секретныя» сажаютъ, въ Москвѣ, по три

арестанта сразу и держать ихъ тамъ въ невозможной тѣснотѣ, по недѣлямъ, въ наказаніе, «какъ будто, — замѣчаетъ князь Голицынъ,—такимъ сближеніемъ съ убійцами и разбойниками можно исправить человѣка». Венингъ видѣлъ въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ на шеѣ рогаткахъ, на которыхъ было по три острыхъ спицы, длиною до 8 дюймовъ, сдѣланныхъ такъ, что носительницы рогатокъ не могли ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя бы содержаніе ихъ продолжалось нѣсколько недѣль. «Я основательныя причины имѣю думать, —замѣчаетъ Венингъ,—что нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ мучатся единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто»... Въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ Петербурга онъ нашелъ пять очень тяжелыхъ стульевъ, къ которымъ арестанты приковывались за шею цѣпью, принужденные таскать ихъ постоянно за собою.

Провинція, конечно, не отставала въ этомъ отношеніи отъ столицъ и даже превосходила ихъ. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ до государственнаго совѣта доходило дѣло о ярославскомъ частномъ приставѣ Болотовѣ, который въ сильную стужу держалъ арестанта Срамченко на съѣзжемъ дворѣ, прикованнымъ цѣпью къ чрезвычайно тяжелому стулу; въ то же время разсматривалось дѣло сотника Левицкаго, забившаго въ усть-медвѣдицкой тюрьмѣ арестанта Климова въ неподвижную колодку, въ коей онъ и умеръ.

Таковы были общія черты нашей тогдашней тюремной «статики». Едва ли онѣ нуждаются въ дальнѣйшей характеристикѣ. Достаточно вспомнить слова доктора Венинга: «невозможно безъ отвращенія даже и помыслить о скверныхъ слѣдствіяхъ такихъ непристойнныхъ учрежденій: здоровье и нравственность равно должны гибнуть здѣсь, какъ ни кратко будетъ время заточенія»...

Если такова была *статика*, то легко себѣ вообразить *динамику*. Народное представленіе, сказавшееся въ пѣсняхъ и поговоркахъ, не даромъ рисовало «владимірку», т.-е, главный путь изъ Москвы въ Сибирь—какъ нѣчто мрачное и безнадежное, какъ путь горькой печали и тяжкихъ воздыханій. Низкія, сырыя, тѣсныя этапныя помѣщенія, пропитанныя грязью и испареніями десятковъ тысячъ людей, принимали въ себя на ночь партіи ссыльныхъ лишь для того, главнымъ образомъ, чтобы устранить ихъ побѣги во время отдыха, необходимаго для дальнѣйшаго продолженія безконечнаго пути. Объ этомъ только и была серьезная забота. По дорогѣ между этапными пунктами двигались, звеня цѣпями, сопровождаемыя пѣшкомъ и на повозкахъ обезсилѣвшими семьями, группы ссыльныхъ и каторжныхъ, подъ сильнымъ карауломъ, воз-

можное сокращеніе численности котораго составляло всегда одну изъ серьезныхъ заботъ разныхъ вѣдомствъ. Перо наблюдателя и бытописателя, стихъ поэта и кисть живописца столько разъ изображали «владимірку», столько разъ рисовали эту тяжкую дорогу подъ сѣрымъ небомъ, посылающимъ вьюгу и холодъ, столько разъ заставляли невольно вспоминать слова Данта: «per me si va nella città dolente; per me si va nel' eterno dolore; per me si va tra la perduta gente», — что на подробностяхъ тюремной динамики двадцатыхъ годовъ останавливаться нечего. Ихъ можно себѣ представить, не боясь впасть въ преувеличеніе. Но двѣ изъ нихъ заслуживаютъ, однако, упоминанія. Обѣ онѣ относятся къ самымъ послѣднимъ годамъ царствованія Александра I.

29-го января 1825 года установлено, по представленію командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, въ предупрежденіе побѣговъ, бритье половины головы *всѣмъ идущимъ по этапу*, безъ различія между ссыльными и каторжными, безпаспортными и пересылаемыми административно, закованными и незакованными. Подводя въ этомъ отношеніи разнообразную виновность и прикосновенность къ этапному пути подъ одну внѣшнюю мѣрку, это распоряженіе не допускало исключеній. Поэтому стали брить головы не только ссылаемымъ административно на родину или на водвореніе, но даже и идущимъ изъ западныхъ губерній арестантамъ, страдавшимъ своеобразною болѣзнью волосъ — колтуномъ. Нарушеніе свято наблюдаемаго на мѣстѣ обычая не срѣзывать колтунъ, простуда при этомъ головы, привыкшей къ болѣзненному теплу и, быть-можетъ, какія-то неизслѣдованныя еще свойства этой болѣзни вызывали у обриваемыхъ сильнѣйшіе нервные припадки. Но ножницы и бритва были неумолимы, несмотря на то, что такихъ больныхъ ждали ледяные поцѣлуи сибирской стужи.

4-го апрѣля 1824 года, по распоряженію начальника главнаго штаба Дибича, введены были, въ видѣ опыта, особые ручные прутья для ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь чрезъ Казанскую, Пермскую и Оренбургскую губерніи, а 12 мая слѣдующаго года, вслѣдствіе представленія командира внутренней стражи графа Комаровскаго, прутъ былъ признанъ общимъ способомъ для препровожденія арестантовъ всѣхъ наименованій, кромѣ каторжныхъ, по этапу. На толстый аршинный желѣзный прутъ съ ушкомъ надѣвалось отъ восьми до десяти запястьевъ (наручней) и затѣмъ въ ушко вдѣвался замокъ, а въ каждое запястье заключалась рука арестанта. Ключъ отъ замка клался, вмѣстѣ съ другими, въ висѣвшую на груди конвойнаго унтеръ-офицера сумку, которая обертывалась тесемкою и запечатывалась начальникомъ этапнаго пункта. Распечатывать ее въ дорогѣ не дозволялось. Нанизанные

на пруть люди—ссыльные, пересылаемые помѣщиками, утратившіе паспортъ и т. д., связанные такимъ образомъ вмѣстѣ, отправлялись въ путь рядомъ съ каторжными, которые шли въ одиночку, ибо были закованы въ ручные и ножные кандалы... Прутъ соединялъ людей, совершенно иногда различныхъ по возрасту (бывали дряхлые старики, бывали дѣти), росту, походкѣ, здоровью и силамъ. Не менѣе различны бывали эти соединяемые между собою и по своему нравственному складу и по тому, что̀ привело ихъ къ общему пруту. Прутъ убивалъ всякую индивидуальность, возможную даже въ условіяхъ этапнаго пути; онъ насильственно связывалъ людей, обыкновенно другъ другу чуждыхъ, часто ненавистныхъ. Онъ отнималъ у нихъ слабое утѣшеніе одиночества, то утѣшеніе, отсутствіе котораго такъ испугало Достоевскаго, когда, оглядѣвшись въ «Мертвомъ домѣ», онъ воскликнулъ съ отчаяніемъ: «Я никогда не буду одинъ!» Неизбѣжные свидѣтели и слушатели всего, что̀ дѣлаютъ и говорятъ случайные товарищи, нанизанные на прутъ ссыльные сбивались съ ноги, не поспѣвали другъ за другомъ, слабые тяготили сильныхъ, крѣпкіе негодовали на немощныхъ. Топочась около прута, наступая другъ на друга, натирая затекавшія руки наручнями, желѣзо которыхъ невыносимо накалялось подъ лучами степного солнца и леденило зимою, причиняя раны и отмороженія, ссыльные не были спускаемы съ прута и на этапномъ пунктѣ, безъ крайней къ тому нужды. Эта нужда наступала лишь, если товарищи по пруту приволокли съ собою умирающаго или тяжко больного, на котораго брань, проклятія и даже побои спутниковъ уже не дѣйствуютъ ободряющимъ образомъ. Иначе всѣ остаются на прутѣ, спятъ прикованные къ нему и при отправленіи естественной нужды каждаго присутствуютъ всѣ остальные... Можно себѣ представить, сколько поводовъ для ссоръ, для дракъ даже, подавало такое насильственное сообщество. И такъ двигались на прутѣ по Россіи и по безконечному сибирскому тракту много лѣтъ тысячи людей, разъединенныхъ своею нравственною и физическою природою, но сливавшихся въ одномъ общемъ чувствѣ безсильнаго озлобленія и отчаянія...

II.

Картины русскаго тюремнаго быта, поражавшія Венинга и изображенныя имъ въ особой запискѣ, написанной съ твердостью и краснорѣчіемъ прямодушнаго и свободнаго человѣка, имѣли сильное вліяніе на императора Александра I. Онъ съ сочувствіемъ принялъ предложенный Венингомъ въ 1818 г. проектъ образова-

нія въ Россіи попечительнаго о тюрьмахъ общества, и 19 іюля 1819 года такое общество было учреждено по всеподданѣйшему докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына. Въ уставѣ общества, — первымъ президентомъ котораго былъ назначенъ тотъ же князь Голицынъ, — цѣль и содержаніе дѣятельности общества были опредѣлены — какъ нравственное исправленіе преступниковъ и улучшеніе положенія заключенныхъ. Для этого общество должно было заботиться о введеніи и устройствѣ «по удобности» — ближайшаго и постояннаго надзора надъ заключенными, размѣщеніи ихъ по роду преступленій, наставленіи ихъ въ правилахъ благочестія и доброй нравственности, занятіи ихъ приличными упражненіями и заключеніи буйствующихъ въ уединенное мѣсто. Задача эта могла, однако, достигаться лишь отчасти и, по большей части, неудовлетворительно. Широкія и цѣлесообразныя начертанія Екатерины II, изложенныя въ собственноручно ею написанномъ въ 1787 году уставѣ о тюрьмахъ, не получили осуществленія и, подобно знаменитому Наказу, остались въ области благихъ пожеланій. Александръ I, сочувствуя Венингу, тщательно исключилъ однако, во время пребыванія на Ахенскомъ конгрессѣ, изъ его проекта все, что касалось власти попечительнаго общества по внутреннему устройству тюремъ, оставивъ ихъ попрежнему въ вѣдѣніи министерства полиціи, отъ котораго вполнѣ зависѣла дальнѣйшая судьба представленій общества «о всемъ замѣченномъ». Поэтому, обществу, обреченному первоначально на чисто благотворительную дѣятельность, приходилось отказываться отъ исполненія большинства своихъ задачъ, встрѣчая постоянное противодѣйствіе въ загрубѣлой рутинѣ начальства мрачныхъ и безобразно устроенныхъ остроговъ. Да и въ лицѣ своихъ президентовъ общество не всегда встрѣчало сочувственное къ себѣ отношеніе: государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, замѣнившій въ 1822 г. Голицына,—писавшій 19-го сентября 1822 года въ Грузино Аракчееву: «дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей (Настасьею Минкиною)»,—говоритъ объ Обществѣ:—«мнѣ теперь новыя хлопоты чрезъ тюремное общество, не потому, чтобы дѣла онаго были столь трудны, но потому, что трудно согласить пестрое сборище высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и людей простодушныхъ, такъ что иногда рѣшаешься, дабы съ ними только не совсѣмъ разладить, подписать и что-нибудь уродное»...

Чисто благотворительный характеръ комитетовъ попечитель-

наго общества не могъ, однако, удержаться долго. Самое понятіе о попеченіи требовало не только надзора, но и заботы объ улучшеніи,—т.-е. дѣятельности созидающей. При невмѣшательствѣ комитетовъ во внутреннюю жизнь тюрьмы, благотвореніе обратилось бы въ Сизифову работу. Моральные и даже матеріальные результаты благотворительности уничтожались бы въ самомъ корнѣ подъ вліяніемъ тюремныхъ порядковъ, представлявшихъ въ сущности организованный и растлѣвающій безпорядокъ. Правительство вскорѣ это сознало. Уже въ 1827 г., на комитеты попечительнаго общества возложенъ сначала надзоръ, а потомъ и вся забота о продовольствіи арестантовъ. Это былъ лишь первый шагъ въ дѣлѣ приданія дѣятельности комитетовъ управляющаго характера, чему не мало способствовало и то, что первое время не только во главѣ, но и въ составѣ комитетовъ, стояли люди, занимавшіе высокое и вліятельное служебное положеніе, которое не пріучило ихъ къ пассивной роли соболѣзнующихъ созерцателей. Они стремились осязательно проявить свою личность — и туманный обликъ благотворительнаго общества сталъ быстро принимать ясныя очертанія живого учрежденія съ опредѣленнымъ и весьма широкимъ кругомъ практической дѣятельности. Благодаря такому направленію, попечительное о тюрьмахъ общество выполнило свою задачу съ несомнѣнной пользою. Если условія тюремной жизни, вызывавшія негодующія слова у Венинга, отчасти отошли въ область невозвратнаго прошлаго, — если наша тюрьма, изъ мѣста напраснаго мучительства и разврата, путемъ постепенныхъ, хотя и медленныхъ улучшеній, обратилась въ свое настоящее состояніе, соотвѣтствующее тѣмъ весьма скромнымъ средствамъ, которыми располагаетъ по отношенію къ ней государственный бюджетъ, то этимъ она, конечно, прежде всего обязана постоянной и цѣлесообразной работѣ тюремныхъ комитетовъ. Въ послѣдніе годы дѣятельность попечительнаго общества подвергалась у насъ частой и суровой критикѣ. Общество признавалось отжившимъ свой вѣкъ учрежденіемъ, въ жизнь котораго вторглись элементы бюрократическаго производства и канцелярской отписки. Все это—особливо же послѣднее—вѣрно, и упреки, дѣлаемые обществу, въ значительной мѣрѣ справедливы. Но все-таки не надо забывать и его заслугъ. Оно—въ той формѣ, которую представляло въ послѣдніе годы своего существованія—отжило, но оно *жило*.

Въ Москвѣ учрежденіе губернскаго тюремнаго комитета было разрѣшено 24 января 1828 года, по представленію и настоянію генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Люди разныхъ партій и во всемъ противоположныхъ мнѣній

сходятся въ высокой оцѣнкѣ ума и душевныхъ качествъ этого человѣка. Правнукъ воспитателя Петра Великаго, сынъ замѣчательной по своему образованію и характеру дочери графа Чернышева («la princesse Moustache»), проведшій свою юность въ Парижѣ, среди избраннаго французскаго общества, блиставшаго тѣмъ возбужденіемъ, которое предшествовало началу революціи,—слушатель въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, отважный въ бояхъ, независимый и не нуждавшійся ни въ средствахъ, ни въ службѣ,—прямодушно преданный безъ искательства,—властный безъ ненужнаго проявленія власти, — неизмѣнно вѣжливый, привѣтливый и снисходительный, екатерининскій вельможа по пріемамъ, передовой человѣкъ своего времени по идеямъ,—князь Д. В. Голицынъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора Николая и нѣжною любовью москвичей. Онъ не могъ не откликнуться на человѣколюбивые планы Венинга, и вся первоначальная организація московскаго комитета есть дѣло его рукъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Рядъ постановленій и инструкцій написанъ имъ лично; на множествѣ журналовъ комитета и на разныхъ запискахъ, туда представленныхъ, есть масса его помѣтокъ, разсужденій, резолюцій. Онъ входилъ во все, во всѣ мелочи, излагая свои мнѣнія, предположенія и сомнѣнія прекраснымъ, точнымъ языкомъ, — красивымъ, бѣглымъ, немного женскимъ, почеркомъ. Нельзя не удивляться энергіи и умѣнію находить время для занятія новымъ дѣломъ человѣка, по условіямъ своего званія державшаго въ рукахъ бразды правленія «сердцемъ Россіи», которое въ это время, воспрянувъ послѣ наполеоновскаго погрома, билось со всею полнотою и силою обновленной жизни.

Назначенный вице-президентомъ московскаго комитета вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, Голицынъ былъ озабоченъ личнымъ составомъ комитета. Въ дѣлахъ послѣдняго сохранился рядъ его собственноручныхъ списковъ съ именами тѣхъ, кто, по его мнѣнію, съ пользою могъ послужить дѣлу тюремнаго преобразованія въ званіи директора. Списки эти передѣлывались, провѣрялись. Изъ врачей въ нихъ предположено было внести — знаменитаго анатома Лодера, профессоровъ Мудрова и Рейса, докторовъ Поля и *Гааза*. Послѣдній фигурировалъ во всѣхъ проектахъ и одинъ остался въ окончательномъ спискѣ. Замѣчательно, что московскій городской голова, Алексѣй Мазуринъ, «принося совершеннѣйшую благодарность за милостивое къ нему вниманіе», категорически отказался отъ званія директора и что то же самое сдѣлали купцы Лепешкинъ и Куманинъ.

29 декабря 1828 года комитетъ былъ торжественно открытъ

княземъ Д. В. Голицынымъ. Составленная имъ рѣчь лучше всего рисуетъ его отношеніе къ новой задачѣ и пониманіе имъ ея размѣровъ. «Давно чувствовалъ я, милостивые государи,—сказалъ онъ,—необходимость лучшаго устройства тюремныхъ заведеній въ здѣшней столицѣ посредствомъ попечительнаго комитета, уже существующаго въ Петербургѣ, но разныя обстоятельства не дозволяли мнѣ того исполнить... Съ помощью Божьею приступая нынѣ къ открытію сего комитета, я въ душѣ моей увѣренъ, что отъ соединенія взаимныхъ трудовъ и усилій нашихъ произойдутъ плоды вожделѣннѣйшіе, не только въ отношеніи къ обществу и нравственности, но и въ отношеніи къ самой религіи, и что, можетъ-быть, мы будемъ столько счастливы, что найдемъ между заключенными въ тюрьмахъ и такихъ, которые оправдаютъ нашимъ попеченіемъ объ нихъ ту великую истину, *что и злѣйшіе изъ преступниковъ никогда не безнадежны къ исправленію*»...

Но какъ бы широко ни были проникнуты человѣчностью взгляды Голицына на дѣятельность комитета, онъ одинъ, самъ по себѣ не могъ бы еще многаго сдѣлать уже потому, что предсѣдательство въ тюремномъ комитетѣ составляло лишь одну изъ частицъ, и притомъ весьма некрупныхъ, всей совокупности его сложныхъ обязанностей. Несмотря на теплое отношеніе къ задачамъ комитета, онъ не могъ даже предсѣдательствовать во всѣхъ его засѣданіяхъ, и его часто замѣнялъ митрополитъ Филаретъ.

Голицынымъ былъ лишь данъ толчокъ, была указана возвышенная задача,—но задача эта могла оказаться неисполнимою и тщетною, если бы не нашелся человѣкъ, посвятившій ей свою жизнь, начавшій биться какъ сердце новаго учрежденія, давая чувствовать свои толчки во всѣхъ артеріяхъ его сложнаго организма.

Человѣкъ этотъ былъ—Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

III.

Фридрихъ Іосифъ (Ѳедоръ Петровичъ — какъ называли его всѣ въ Москвѣ) Гаазъ (Haas) родился 24 августа 1780 года близъ Кельна, въ старинномъ живописномъ городкѣ Мюнстерейфелѣ, гдѣ его отецъ былъ аптекаремъ и гдѣ поселился, переѣхавъ изъ Кельна, его дѣдъ, докторъ медицины. Семья, въ которой провелъ свое дѣтство Гаазъ, была довольно многочисленная, состоя изъ пяти братьевъ и трехъ сестеръ,—но, не смотря на скромныя средства его отца, всѣ его братья получили солидное образованіе. Двое старшихъ,

окончивъ курсъ богословскихъ наукъ, приняли духовный санъ, двое младшихъ пошли на службу по судебной части. Двѣ сестры вышли замужъ, а третья—Вильгельмина, прожившая въ Москвѣ десять лѣтъ (1822—1832) съ братомъ, вернулась въ Кельнъ, гдѣ замѣнила осиротѣлымъ дѣтямъ одного изъ братьевъ—ихъ умершую мать. Она умерла въ 1866 году, а въ 1876 году умеръ, въ возрастѣ 86 лѣтъ, и послѣдній, младшій изъ братьевъ Гааза, занимавшій должность члена въ кельнскомъ апелляціонномъ судѣ, какъ писала намъ его племянница, Анна Гаазъ, отъ 2 ноября 1891 г. Воспитанникъ мѣстной католической церковной школы, потомъ усердный слушатель курсовъ философіи и математики въ Іенскомъ университетѣ, Фридрихъ Гаазъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ особенности занимался глазными болѣзнями, подъ руководствомъ пользовавшагося тогда большою извѣстностью офтальмолога, профессора Адама Шмидта. Призванный случайно къ заболѣвшему русскому вельможѣ Репнину и съ успѣхомъ его вылѣчившій, онъ, вслѣдствіе уговоровъ своего благодарнаго паціента, отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Россію и поселился, съ 1802 года, въ Москвѣ.

Любознательный, энергическій и способный молодой врачъ скоро освоился съ русской столицею и пріобрѣлъ въ ней большую практику. Его приглашали на консультаціи, ему были открыты московскія больницы и богоугодныя заведенія. Обозрѣвая ихъ въ 1806 году, онъ нашелъ въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ множество совершенно безпомощныхъ больныхъ, страждущихъ глазами, и принялся, съ разрѣшенія губернатора Ланского, за ихъ безвозмездное лѣченіе. Успѣхъ этого врачеванія былъ огромный и всѣми признанный, послѣдствіемъ чего явилось настойчивое желаніе привлечь молодого и искуснаго доктора на дѣйствительную службу, такъ что уже 4 іюня 1807 г. контора Павловской больницы въ Москвѣ получила приказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «по отличному одобренію знанія и искусства доктора медицины Гааза, какъ въ лѣченіи разныхъ болѣзней, такъ и въ операціяхъ, Ея Императорское Величество (императрица Марія Ѳеодоровна) находитъ его достойнымъ быть опредѣлену въ Павловской больницѣ надъ медицинскою частью главнымъ докторомъ... и Высочайше соизволяетъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе, а его, Гааза, *заставить вступить въ сію должность немедленно*... что же касается до того, что онъ россійскаго языка не умѣетъ, то онъ можетъ онаго выучить скоро, столько, сколько нужно будетъ по его должности, а между тѣмъ съ нашими штабълѣкарями онъ можетъ изъясняться по-латынѣ»...

Вступивъ въ должность старшаго врача, Гаазъ не оставилъ своихъ заботъ о страдающихъ глазами и постоянно посѣщалъ ихъ въ различныхъ заведеніяхъ Москвы. Особенно многихъ пришлось ему лѣчить въ Екатерининскомъ богадѣленномъ домѣ, за что, по представленію Ланского, ему былъ данъ владимірскій крестъ 4-й степени, который онъ впослѣдствіи очень цѣнилъ, какъ воспоминаніе о первыхъ годахъ его дѣятельности въ Россіи.

Въ 1809 и 1810 годахъ, Гаазъ совершилъ двѣ поѣздки на Кавказъ, для ознакомленія съ тамошними минеральными водами. Выхлопотать себѣ право на эти поѣздки стоило ему не мало труда. Вторая поѣздка была ему разрѣшена лишь въ видѣ исключенія и съ тѣмъ, что, какъ сказано въ приказѣ по больницѣ 31-го мая 1810 года, онъ «сей просьбы впредь повторять не будетъ». Но польза, принесенная этими поѣздками, была все-таки сознана и притомъ скоро, такъ какъ уже 22-го февраля 1811 г. статсъ-секретарь Молчановъ увѣдомилъ министра полиціи о производствѣ Гааза въ надворные совѣтники, вслѣдствіе обращенія государемъ особаго вниманія на отличные способности, усердіе и труды доктора Гааза «не токмо въ исправленіи должности въ Павловской больницѣ, но и неоднократно имъ оказанные во время пребыванія при кавказскихъ цѣлительныхъ водахъ».

Описаніе своего пребыванія на Кавказѣ и предпринятыхъ тамъ работъ Гаазъ изложилъ въ превосходно изданной имъ, въ 1811 году, книгѣ: «Ma visite aux eaux d'Alexandre» (большой in 4° 365 страницъ), составляющей нынѣ крайнюю рѣдкость, ибо большая часть ея экземпляровъ погибла при пожарѣ Москвы. Пребываніе Гааза на Кавказѣ было весьма плодотворно. Драгоцѣннѣйшіе источники, пользованіе которыми и до послѣдняго времени, благодаря бюрократической инерціи, не было поставлено въ надлежащія культурныя условія, въ началѣ нынѣшняго столѣтія находились въ полномъ забросѣ и пренебреженіи. Когда, въ ноябрѣ 1800 года, генералъ-лейтенантъ Кноррингъ доносилъ о мѣрахъ, которыя предприняты имъ для охраненія и огражденія отъ горцевъ теплыхъ и кислыхъ водъ около Константиногорска, полезныхъ для излѣченія «отъ ломотныхъ и скорбутныхъ болѣзней», то онъ получилъ въ отвѣтъ рескриптъ императора Павла отъ 15-го декабря 1800 г., въ которомъ говорилось, что «издержки и вспомоществованіе со стороны войскъ, для содержанія сихъ колодцевъ надобныя, не соотвѣтствуютъ той пользѣ, которую отъ нихъ ожидать можно, тѣмъ паче, что въ государствѣ разные таковые колодцы мы имѣемъ; все сіе рѣшило меня вамъ предписать оставить сіе предпріятіе впредь до удобнаго времени»...

Труды Гааза по изслѣдованію и изученію этихъ водъ были столь обильны результатами, что знатокъ исторіи этихъ водъ, докторъ Святловскій, предлагаетъ даже назвать первый періодъ этой исторіи, съ 1717 по 1810 гг., *Петровско-Гаазовскимъ*, такъ какъ еще Петръ, каждый слѣдъ котораго, по выраженію поэта, «для сердца русскаго есть памятникъ священный», во время персидскаго похода приказалъ лейбъ-медику Шоберу обратить вниманіе на горячіе «бештаугорскіе ключи». Достаточно сказать, что Гаазъ не только впервые систематически и научно изслѣдовалъ и описалъ одно изъ богатыхъ природныхъ достояній Россіи, но и лично открылъ сѣрно-щелочный источникъ въ Ессентукахъ, обозначенный въ 1823 г. № 23,—и рядъ цѣлебныхъ ключей въ Желѣзноводскѣ. Профессоръ Нелюбинъ, авторъ обширнаго труда «Полное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ» (1825 г.), считающагося доселѣ однимъ изъ выдающихся, говоритъ: «Докторъ Гаазъ, во время пребыванія своего на кавказскихъ водахъ, произвелъ въ Константиногорскѣ (нынѣ Желѣзноводскъ) химическое изслѣдованіе надъ тремя сѣрными источниками Машука... Да дозволено мнѣ будетъ съ особеннымъ уваженіемъ и признательностью упомянуть о трудахъ доктора Гааза и профессора Рейса; оба они, по всей справедливости, оказали большую услугу минеральнымъ водамъ—первый своими врачебными наблюденіями, а послѣдній—химическимъ разложеніемъ водъ; въ особенности же должно быть благодарнымъ Гаазу за принятый имъ на себя трудъ изслѣдовать, кромѣ главнаго источника, еще два сѣрныхъ ключа на Машукѣ и одинъ на Желѣзной горѣ, которые до того времени еще никѣмъ не были испытаны. Сочиненіе, изданное Гаазомъ по сему предмету, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ первымъ и лучшимъ въ своемъ родѣ».

Сдѣланное Гаазомъ описаніе водъ, содержа въ себѣ массу химическихъ, топографическихъ и метеорологическихъ наблюденій, изобилуетъ живыми изображеніями природы и условій жизни на Кавказѣ. Глубокое уваженіе къ наукѣ и негодованіе на ея недостойныхъ служителей звучитъ въ книгѣ Гааза наравнѣ съ отголосками его обширнаго философскаго образованія. Частыя цитаты изъ Шеллинга и Бэкона и разнообразныя историческія ссылки свидѣтельствуютъ, что авторъ не односторонній знатокъ только своего спеціальнаго дѣла, что онъ къ тридцатымъ годамъ жизни уже много передумалъ и перечувствовалъ. «Aucune chose n'est médicament en elle même; toute chose peut le devenir par la manière de l'appliquer à l'organisme; tout médicament peut devenir poison dans certains états de l'organisme—et par certaines mani-

ères de l'employer»,—говорилъ онъ. «La médecine,—продолжалъ онъ далѣе,—est la science, qui recherche le rapport qui existe entre les différentes substances de la nature et entre les différents états du corps humain. La médecine est *la reine des sciences.* Elle l'est non parce que la vie, qu'elle soigne, est une chose si charmante et si chère aux hommes; elle l'est parce que la santé de l'homme est la condition sans laquelle rien ne se fait de grand et de beau dans le monde; parce que la vie en général, que la médecine contemple, est la source, la fin et la règle de tout; parce que la vie, dont la médecine est la science, est l'essence même, dont toutes les autres sciences sont des attributs, des émanations des différents reflets».

Ставя чрезвычайно высоко дѣятельность врача, Гаазъ тутъ же прибавляетъ: «mais nous répudions comme membres de cet art sacré, les personnes mercenaires, qui par une prévarication ignoble, sacrifient également le salut des malades à leur orgueil et à leur cupidité—et leur propre honneur aux caprices humiliants des malades bienportants». Свое высокое мнѣніе о званіи врача Гаазъ выразилъ, впрочемъ, еще раньше, написавъ, въ 1806 году, въ альбомъ своего товарища по университету, Эрлевейна: «Was der Mensch unter den Producten der Natur ist, das ist der Arzt unter den Gelehrten».

Не имѣя возможности, даже въ краткомъ очеркѣ, изложить интереснѣйшее содержаніе книги Гааза, мы приведемъ лишь одно мѣсто изъ нея, пріобрѣтающее особое значеніе въ виду дальнѣйшей дѣятельности автора, наполнившей всю вторую половину его жизни. «Человѣкъ,—говоритъ онъ,—рѣдко думаетъ и дѣйствуетъ въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ занятъ; образъ его мыслей и дѣйствій обыкновенно опредѣляется совокупностью обстоятельствъ, отношеніе коихъ между собою и вліяніе на то, что онъ называетъ своимъ рѣшеніемъ или своею волею, ему не только неизвѣстны, но и вовсе имъ не сознаются. Признавать эту зависимость человѣка отъ обстоятельствъ—не значитъ отрицать въ немъ способность правильно судить о вещахъ, сообразно ихъ существу—или считать за ничто вообще волю человѣка. Это было бы равносильно признанію человѣка—этого чуднаго творенія—несчастнымъ автоматомъ. Но указывать на эту зависимость необходимо уже для того, чтобы напомнить, какъ рѣдки между людьми настоящіе люди. Эта зависимость требуетъ снисходительнаго отношенія къ человѣческимъ заблужденіямъ и слабостямъ. Въ этомъ снисхожденіи, конечно, мало лестнаго для человѣчества,—но упреки и порицанія по поводу такой зависимости были бы и несправедливы, и жестоки».

Оставивши службу 1-го іюня 1812 года, онъ вновь вступилъ въ нее въ 1814 году и, будучи зачисленъ въ началѣ въ дѣйствующую армію, былъ подъ Парижемъ, а затѣмъ, выйдя по окончаніи войны въ отставку, отправился въ Мюнстерейфель, гдѣ, какъ сообщаетъ племянница его, Анна Гаазъ, въ письмѣ отъ 22-го марта 1891 г., засталъ всю семью въ сборѣ у постели умирающаго отца. Старикъ былъ радостно тронутъ неожиданнымъ свиданіемъ. «Нынѣ отпущаеши, Господи, раба Твоего съ миромъ»,— повторялъ онъ, благословляя сына, на рукахъ котораго и умеръ. Пребываніе на родинѣ продолжалось, однако, не долго. Гааза неудержимо тянуло въ страну, гдѣ онъ уже началъ работать на общую пользу. Онъ вернулся въ Россію—и, вполнѣ овладѣвъ русскимъ языкомъ, слился душою съ русскимъ народомъ, понявъ и полюбивъ его. Первое время онъ не поступалъ на службу, а занимался частною практикою, которая вскорѣ приняла обширные размѣры. Гаазъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ врачей Москвы. Несмотря на полное отсутствіе корысти, онъ, въ силу своего положенія, явился обладателемъ весьма хорошихъ средствъ. Его постоянно приглашали на консультаціи, съ нимъ пріѣзжали совѣтоваться издалека. Въ 1821 году, Сабанѣевъ пишетъ на Кавказъ, Ермолову, уговаривая послѣдняго пріѣхать въ Москву, чтобы посовѣтоваться о своихъ недугахъ съ Гаазомъ.

Вскорѣ, однако, Гаазу снова пришлось поступить на службу. Въ вѣдѣніи московской медицинской конторы находилась запасная аптека, снабжавшая медикаментами армію въ 300 т. человѣкъ, а также 30 госпиталей и больницъ. Вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій въ ея управленіи и содержаніи, штадтъ-физикъ былъ смѣщенъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ генералъ-губернатору избрать на эту должность «достойнаго». Князь Голицынъ обратился къ Гаазу, который долго отказывался, «будучи удерживаемъ мыслью о своихъ несовершенствахъ», но наконецъ принялъ званіе штадтъ-физика 14-го августа 1825 года, тотчасъ же дѣятельно принялся за вопросы о различныхъ преобразованіяхъ по медицинской части столицы и повелъ горячую войну съ мертвящею апатіею, которую встрѣтилъ въ своихъ сослуживцахъ по медицинской конторѣ. Новое, живое отношеніе его къ задачамъ медицинской администраціи столицы непріятно тревожило ихъ спокойствіе и колебало прочность ихъ взглядовъ и пріемовъ. Пошли пререканія, жалобы, доносы. Въ нихъ Гаазъ выставлялся неспокойнымъ, неуживчивымъ человѣкомъ, утруждающимъ начальство разными вздорными проектами. По благородной привычкѣ, незабытой и до сихъ поръ, припѣвомъ ко всѣмъ на него нареканіямъ

явилось его не-русское происхожденіе и то, что за нимъ не было долгихъ, непрерывныхъ лѣтъ «хожденія въ присутствіе». Повторилась обычная исторія. Сплотившіяся въ общемъ чувствѣ ненависти и зависти къ новатору, да еще и «нѣмцу»—ничтожества одолѣли, въ концѣ концовъ, Гааза. Отстаивая свои планы и предположенія, оправдываясь съ достоинствомъ и твердостью сознаваемой правоты, штадтъ-физикъ, однако, чрезъ годъ долженъ былъ признать, что не въ силахъ ничего сдѣлать съ бюрократическою рутиною и недоброжелательствомъ.

Онъ предлагалъ, напримѣръ, упорядочить продажу «секретныхъ» средствъ и облегчить русскимъ изобрѣтателямъ возможность примѣненія и сбыта придуманныхъ или найденныхъ ими полезныхъ средствъ. Ему отвѣчали что *на сей предметъ уже существуютъ надлежащія и достаточныя законоположенія.* Представляя полицейскія свѣдѣнія о скоропостижно умершихъ въ 1825 г. въ Москвѣ (всего въ теченіе года 176, въ томъ числѣ отъ «апоплексическаго кровомокротнаго удара вслѣдствіе грудной водяной болѣзни» два) и совершенно основательно, въ виду ряда приводимыхъ имъ примѣровъ, предполагая, что большинство изъ нихъ умерло отъ несвоевременно поданной помощи и даже отъ полнаго ея отсутствія, онъ предлагалъ просить объ учрежденіи въ Москвѣ особаго врача, для наблюденія за организаціею попеченія о внезапно заболѣвшихъ, нуждающихся въ немедленной помощи, — по примѣру Гамбурга, гдѣ въ продолженіе 18 лѣтъ, начиная съ 1808 года, спасено изъ 1.794, близкихъ къ скоропостижной смерти, 1.677 человѣкъ. Контора отвѣчала ему постановленіемъ о томъ, что мѣра эта *излишня и безполезна,* ибо при каждой части города Москвы есть уже *положенный по штату лѣкарь.* Указывая, что въ 1815 году было упразднено въ Екатеринской больницѣ 50 кроватей для крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, вслѣдствіе отказа установить плату съ владѣльцевъ такихъ больныхъ по 5 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ, и что вслѣдствіе этого съ 1822 по 1825 годъ отказано въ пріемѣ 2.774 больнымъ, нѣкоторые изъ коихъ были брошены на улицѣ и тамъ скончались, Гаазъ, ссылаясь на увеличеніе средствъ приказа общественнаго здравія, просилъ контору хлопотать о возстановленіи упраздненныхъ кроватей, «будучи далекъ отъ безнадежности хотя бы и чрезъ сіе малое пособіе предуготовить помощь нѣкоторымъ изъ великаго числа страждующихъ». Ему отвѣчали лаконическою отпискою, что о представленіи его будетъ *доведено до свѣдѣнія* по принадлежности. Испуганный результатомъ оспеннаго зараженія въ Москвѣ, онъ входилъ въ контору съ подробною запискою о рядѣ практическихъ

мѣръ и необходимыхъ средствъ къ успѣшному введенію оспопрививанія, встрѣчавшаго постоянныя препятствія въ апатическомъ и недобросовѣстномъ отношеніи къ нему мѣстныхъ врачей и иныхъ начальствъ и въ «предразсудкахъ многихъ людей, будто несообразно природѣ человѣческой заимствовать оспенную матерію отъ животнаго, опасаясь отъ сего какого-то поврежденія въ здоровьѣ и даже нѣкотораго худого вліянія на самую нравственность». Записка сопровождалась «прожектомъ» и различными, потребовавшими усидчиваго труда табелями и реестрами. Ему отвѣчали постановленіемъ объ отсылкѣ записки «по принадлежности», съ присовокупленіемъ мнѣнія, что по предмету оспопрививанія *уже существуютъ надлежащія законныя постановленія.* Наконецъ, его тревожилъ нецѣлесообразный и противорѣчащій элементарнымъ понятіямъ о душевныхъ болѣзняхъ порядокъ освидѣтельствованія сумасшедшихъ, къ сожалѣнію сохранившій многія свои ненормальныя стороны и до сихъ поръ. Нужно требовать, утверждалъ онъ, предварительныхъ свѣдѣній отъ родныхъ, повѣствующихъ о жизни свидѣтельствуемаго, характерѣ и признакахъ болѣзни, нужно подвергать его предварительному испытанію чрезъ врачей,—а нельзя прямо, внезапно, безъ всякихъ свѣдѣній о прошломъ, ставить человѣка «подчиненнаго или меньшаго званія», предъ «первѣйшими лицами губернскаго правительства», не рискуя смутить его, принудить къ молчанію и вообще лишить возможности сохранять свое умственное спокойствіе, тѣмъ болѣе, что и члены физиката, люди подчиненные губернатору, «сами часто бываютъ объяты къ послѣднему чувствомъ, мѣшающимъ заняться съ полнымъ вниманіемъ и свободою больнымъ, которому они, поэтому же, не внушаютъ и довѣрія». Предлагая рядъ правилъ, быть-можетъ не лишнихъ и теперь, чрезъ восемьдесятъ лѣтъ, и гарантирующихъ научность и независимость въ изслѣдованіи состоянія предполагаемыхъ сумасшедшихъ, Гаазъ просилъ медицинскую контору взять его мнѣніе въ разсужденіе. Контора не нашла, однако, представленіе это достойнымъ «взятія въ разсужденіе», а ограничилась препровожденіемъ его гражданскому генералъ-штабъ-доктору.

Такимъ образомъ, канцелярская трясина засасывала почти каждое мнѣніе или начинаніе «безпокойнаго» штадтъ-физика, отвѣчая на нихъ своего рода указаніями—въ родѣ занесеннаго въ протоколъ замѣчанія инспектора медицинской конторы Добронравова о томъ, что «конторѣ неизвѣстно, *какими путями* достигъ, будучи *иноземцемъ,* докторъ Гаазъ чиновъ». Объяснивъ, въ офиціальномъ письмѣ на имя инспектора, что еще 1-го марта 1811 года императрица Марія Ѳеодоровна увѣдомила рескриптомъ глав-

наго директора Павловской больницы, что, «уважая искусство и рвеніе доктора Гааза, она испросила у Императора, Любезнѣйшаго своего Сына, пожалованіе ему чина надворнаго совѣтника, въ ожиданіи, что онъ тѣмъ поощрится къ усугубленію ревностнаго своего старанія», — Гаазъ прибавляетъ: «съ тѣхъ поръ, уже 16 лѣтъ, я посвятилъ всѣ свои силы на служеніе страждущему человѣчеству въ Россіи и если чрезъ сіе не пріобрѣлъ нѣкоторымъ образомъ права на усыновленіе, какъ предполагаетъ г. инспекторъ, говоря, что я иноземецъ, то я буду весьма несчастливъ»...—27-го іюля 1826 года своеобразное патріотическое чувство г. Добронравова получило полное удовлетвореніе. Иноземецъ оставилъ должность штадтъ-физика. Но его недругамъ этого было мало. Они хотѣли оставить ему прочное о себѣ воспоминаніе. Въ виду того, что въ запасной аптекѣ оказался испорченнымъ отъ сырости огромный запасъ ревеня (медикамента очень цѣннаго), Гаазъ предпринялъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, ремонтъ зданія, стоившій 1.502 р. и устроилъ при этомъ, сверхъ смѣты, блокъ для поднятія ревеня въ верхніе этажи и чуланчики при помѣщеніи служащихъ. Это послужило къ возбужденію переписки «о незаконномъ израсходованіи бывшимъ штадтъ-физикомъ Гаазомъ 1.502 р.», которая, несмотря на письменное обязательство его уплатить эту сумму изъ собственныхъ денегъ, если бы выдача не была утверждена начальствомъ, длилась, причиняя ему много волненій и непріятностей, *девятнадцать лѣтъ* и окончилась признаніемъ его дѣйствій вполнѣ правильными. Цѣль отомстить честному человѣку, уязвить его въ самое больное мѣсто, была достигнута.

Оставя медицинскую контору, Гаазъ снова предался частной практикѣ, отзываясь на всякую нужду въ немъ, какъ въ медикѣ. Такъ, еще въ концѣ 1826 года московскій комендантъ доносилъ генералъ-губернатору, что развившаяся съ чрезвычайною силою въ московскомъ отдѣленіи для кантонистовъ эпидемическая глазная болѣзнь прекращена лишь благодаря энергіи и знаніямъ нарочито приглашеннаго извѣстнаго спеціалиста доктора Гааза.

Въ это время ему было 47 лѣтъ; онъ постоянно носилъ костюмъ своихъ молодыхъ лѣтъ, напоминавшій прошлое столѣтіе— фракъ, бѣлое жабо и манжеты,—короткіе, до колѣнъ, панталоны, черные шелковые чулки, башмаки съ пряжками; пудрилъ волосы и собиралъ ихъ, сначала сзади въ широкую косу съ чернымъ бантомъ, а затѣмъ, начавъ сильно терять волосы, сталъ носить небольшой рыжеватый парикъ;—ѣздилъ, по тогдашней модѣ, цугомъ, въ каретѣ, на четырехъ бѣлыхъ лошадяхъ. Обладая въ Москвѣ домомъ и подмосковнымъ имѣніемъ въ селѣ Тишкахъ, гдѣ онъ

устроилъ суконную фабрику, Гаазъ велъ жизнь серьезнаго, обезпеченнаго и пользующагося общественнымъ уваженіемъ человѣка. Онъ много читалъ, любилъ дружескую бесѣду и состоялъ въ оживленной перепискѣ съ знаменитымъ Шеллингомъ.

Къ этому-то человѣку обратился князь Д. В. Голицынъ набирая первый составъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Гаазъ отвѣтилъ на приглашеніе горячимъ письмомъ, кончая его словами: «Simplement et pleinement je me rends à la vocation de membre du comité des prisons». И дѣйствительно, понявъ свое новое призваніе, онъ отдался ему вполнѣ, начавъ съ новою дѣятельностью и новую жизнь. Назначенный членомъ комитета и главнымъ врачомъ московскихъ тюремъ, и занимая съ 1830 по 1835 должность секретаря комитета, онъ приступилъ къ участію въ дѣйствіяхъ комитета съ убѣжденіемъ, что между *преступленіемъ, несчастіемъ* и *болѣзнью* есть тѣсная связь,—что трудно, а иногда и совершенно невозможно отграничить одно отъ другого и что отсюда вытекаетъ и троякаго рода отношеніе къ лишенному свободы. Необходимо *справедливое,* безъ напрасной жестокости, отношеніе къ *виновному,* дѣятельное *состраданіе* къ *несчастному* и *призрѣніе больного.* Выше было указано, что положеніе вещей при открытіи тюремныхъ комитетовъ было совершенно противоположное. За виновнымъ отрицались почти всѣ человѣческія права и потребности, больному отказывалось въ дѣйствительной помощи, несчастному—въ участіи.

Съ этимъ положеніемъ вещей вступилъ въ открытую борьбу Гаазъ и велъ ее всю жизнь. Его ничто не останавливало, не охлаждало, — ни канцелярскія придирки, затрудненія и путы, ни косые взгляды и ироническое отношеніе нѣкоторыхъ изъ предсѣдателей комитета, ни столкновенія съ сильными міра, ни гнѣвъ всемогущаго графа Закревскаго, ни даже частыя и горькія разочарованія въ людяхъ... Въ книгѣ, изданной послѣ его смерти (Appel aux femmes), онъ вѣщаетъ: «*торопитесь дѣлать добро!*» Слова эти были лозунгомъ всей его дальнѣйшей жизни, каждый день которой былъ живымъ ихъ подтвержденіемъ и осуществленіемъ. Увидѣвъ воочію положеніе тюремнаго дѣла, войдя въ соприкосновеніе съ арестантами, Ѳедоръ Петровичъ очевидно испыталъ сильное душевное потрясеніе. Мужественная душа его не убоялась, однако, горькаго однообразія представившихся ему картинъ, не отвернулась отъ нихъ съ трепетомъ и безплоднымъ соболѣзнованіемъ. Съ непоколебимою любовью къ людямъ и къ правдѣ вглядѣлся онъ въ эти картины и съ упорною горячностью сталъ трудиться надъ смягченіемъ ихъ темныхъ сторонъ. Этому труду и этой любви от-

далъ онъ все свое время, постепенно переставъ жить для себя. Съ открытія комитета до кончины Өедора Петровича, въ теченіе почти 25 лѣтъ, было всего 293-засѣданія комитета — и въ нихъ онъ отсутствовалъ только одинъ разъ, да и то мы увидимъ, по какому поводу. И въ журналѣ каждаго засѣданія, какъ въ зеркалѣ, отражается его неустанная, полная энергіи и забвенія о себѣ дѣятельность. Чѣмъ дальше шли годы, чѣмъ больше накоплялось этихъ журналовъ, тѣмъ рѣзче измѣнялись образъ и условія жизни Гааза. Быстро исчезли бѣлыя лошади и карета, съ молотка пошла оставленная безъ «хозяйскаго глаза» и заброшенная суконная фабрика, безслѣдно продана была недвижимость, обветшалъ оригинальный костюмъ, и когда, въ 1853 году, пришлось хоронить нѣкогда виднаго и извѣстнаго московскаго врача, обратившагося, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ смѣшного одинокаго чудака, то оказалось необходимымъ сдѣлать это на счетъ полиціи...

IV.

Обязанный по должности своей сразу имѣть дѣло и съ тюремной статикой и съ тюремной динамикой, Гаазъ тотчасъ же прозрѣлъ, сквозь загрубѣлыя черты арестанта, нестираемый преступленіемъ образъ человѣка, образъ существа, представляющаго физическій и нравственный организмъ, которому доступно страданіе. На уменьшеніе этого двоякаго страданія онъ и направилъ свою дѣятельность.

Каждую недѣлю разъ, а иногда и два, отправлялась изъ Москвы партія ссылаемыхъ въ Сибирь. Пересыльная тюрьма была устроена въ странномъ мѣстѣ. На правомъ берегу Москвы-рѣки, противъ Дѣвичьяго поля и знаменитаго монастыря, холмистою грядою возвышаются такъ-называемыя Воробьевы горы. Почти вся Москва видна съ нихъ, со своими многочисленными церковными главами, башнями и монументальными постройками. На нихъ-то хотѣлъ императоръ Александръ I воздвигнуть храмъ Спасителю по обѣту, данному въ манифестѣ, возвѣстившемъ въ 1812 году русскому народу, что «послѣдній непріятельскій солдатъ переступилъ границу». Громадный храмъ, по проекту молодого, мистически-настроеннаго художника Витберга, долженъ былъ состоять изъ трехъ частей, связанныхъ между собою одною общею глубокою идеею. Начинаясь колоннадами отъ рѣки, храмъ образовывалъ сначала нѣчто въ родѣ полутемной колоссальной гробницы, изсѣченной въ горѣ и хранящей въ своихъ нѣдрахъ останки ге-

роевъ двѣнадцатаго года, — затѣмъ отъ этого царства смерти онъ переходилъ въ свѣтлый и богато украшенный храмъ жизни, увѣнчанный, въ свою очередь, храмомъ духа, строгимъ и прозрачнымъ, покрытымъ колоссальнымъ куполомъ. Неопытный въ жизни, довѣрчивый и непрактичный Витбергъ сдѣлался жертвою злоупотребленій и хищничества окружавшихъ его техниковъ-строителей и подрядчиковъ. Постройка храма стала обходиться такъ дорого, что проектъ показался невыполнимымъ. Витбергъ былъ отданъ подъ судъ, работа на Воробьевыхъ горахъ брошена, и храмъ Спасителя возникъ гораздо позже на своемъ теперешнемъ мѣстѣ. Но отъ обширнаго предпріятія остались различныя постройки, начатыя стѣны, мастерскія, казармы для рабочихъ, кузницы и т. п. Ихъ рѣшено было утилизировать и приспособить къ устройству пересыльной тюрьмы. Такъ возникла та тюрьма на Воробьевыхъ горахъ, съ которою неразрывно связалъ свое имя Гаазъ.

Черезъ московскую пересыльную тюрьму шли арестанты, ссылаемые изъ 24 губерній, и число ихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ никогда не было менѣе 6.000 человѣкъ въ годъ. Такъ напр., въ 1846 г. прошло черезъ московскую пересыльную тюрьму, въ Сибирь и въ другія губерніи, арестантовъ военныхъ и гражданскихъ, не считая слѣдовавшихъ «подъ присмотромъ» — 6.760 человѣкъ, въ 1848 году — 7.714, въ 1850 году — 8.205. Въ нѣкоторые годы число пересылаемыхъ, подъ вліяніемъ особыхъ временныхъ обстоятельствъ, очень увеличивалось и этапу приходилось работать усиленно. Такъ, изъ отчета штабъ-лѣкаря Гофмана о числѣ задержанныхъ для справокъ и по болѣзнямъ въ московской пересыльной тюрьмѣ въ 1833 году видно, что всѣхъ пересылаемыхъ въ этомъ году было 18.147 человѣкъ, изъ которыхъ *арестантовъ* 11.149 (мужчинъ—10.423, женщинъ—726) и пересылаемыхъ «*не въ родѣ арестантовъ*» — 6.998 (мужчинъ 6.971, женщинъ—27). Вообще съ 1827 года по 1846 г. въ одну Сибирь изъ Россіи препровождено черезъ Москву 159.755 человѣкъ, не считая дѣтей, слѣдовавшихъ за родителями.

Принявшись горячо за исполненіе обязанностей директора комитета и получивъ подъ свое наблюденіе, между прочимъ, и пересыльную тюрьму, Гаазъ сразу пришелъ въ соприкосновеніе со всею массою пересылаемыхъ, и картина ихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, далеко выходившихъ за предѣлы установленной закономъ даже и для осужденныхъ кары, предстала ему во всей своей яркости. Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, его поразило *препровожденіе ссыльныхъ на прутѣ*. Онъ увидѣлъ, что тягости пути обратно пропорціональны признанной судомъ

винѣ ссылаемыхъ, ибо въ то время, когда важнѣйшіе преступники, отправляемые на каторгу, свободно шли въ ножныхъ кандалахъ, подвѣшивая ихъ къ поясу за среднее кольцо, соединявшее ножныя обоймы цѣпи, — менѣе важные, шедшіе на поселеніе, нанизанные на прутъ, стѣсненные во всѣхъ своихъ движеніяхъ и естественныхъ потребностяхъ, претерпѣвали въ пути всевозможныя муки и были лишены всякаго отдыха при остановкѣ на полуэтапахъ, вслѣдствіе лишенія единственнаго утѣшенія узника—спокойнаго сна. Онъ услышалъ слезныя мольбы *ссыльно-поселенцевъ*, просившихъ, какъ благодѣянія, обращенія съ ними, какъ съ *каторжными*. Онъ нашелъ также прикованными къ пруту не однихъ осужденныхъ, но, на основаніи ст. 120 уст. о ссыльныхъ, т. XIV (изд. 1842 г.), и препровождаемыхъ «подъ присмотромъ», т.-е. пересылаемыхъ административно на мѣсто приписки или жительства, просрочившихъ паспорты, плѣнныхъ горцевъ и заложниковъ, отправляемыхъ на водвореніе въ сѣверныя губерніи (журналы комитета за 1842 г.), бѣглыхъ кантонистовъ, женщинъ и малолѣтнихъ, и вообще массу людей, шедшихъ, согласно оригинальному народному выраженію, «поневродіи» (т.-е., говоря словами закона, «не въ родѣ арестантовъ»). Онъ нашелъ также между ними не только ссылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, но даже и препровождаемыхъ на счетъ владѣльцевъ принадлежащихъ имъ людей изъ столицъ и другихъ городовъ до ихъ имѣній, т.-е., вѣрнѣе, до уѣздныхъ городовъ, гдѣ состояли имѣнія, причемъ внутренняя стража вела и ихъ «въ ручныхъ укрѣпленіяхъ».

«Я открылъ,—писалъ онъ комитету въ 1833 году,—въ діалектикѣ начальниковъ внутренней стражи изреченіе «имѣть присмотръ», которое въ переводѣ на простой языкъ конвойныхъ значитъ: «ковать и содержать, какъ послѣднихъ арестантовъ», а по толкованію самихъ арестантовъ—значитъ: «заковывать еще строже, чѣмъ каторжныхъ»... Съ тревогой и негодованіемъ созналъ онъ, что по «владимiркѣ» постоянно, со стономъ и скрежетомъ, направляются, непрерывно возобновляясь, эти подвижныя ланкастерскія школы взаимнаго обученія ненависти другъ къ другу, презрѣнію къ чужимъ страданіямъ, забвенію всякаго стыда и разврату въ словѣ и въ дѣлѣ!..

Но Гаазъ не принадлежалъ къ людямъ, которые принимаютъ совѣтъ «отойти отъ зла и сотворить благо», въ смыслѣ простого неучастія въ творимомъ другими злѣ, — его воспріимчивая душа слѣдовала словамъ поэта: «не иди во станъ безвредныхъ, когда полезнымъ можешь быть». Онъ тотчасъ же забилъ тревогу по поводу прута, начавъ противъ этого орудія пытки борьбу, длившуюся

съ настойчивою и неостывающею ненавистью съ октября 1829 многіе годы подъ рядъ. Онъ нашелъ себѣ союзника и вліятельнаго истолкователя въ князѣ Д. В. Голицынѣ. Представленія и разсказы Гааза подѣйствовали рѣшительнымъ образомъ на этого благороднаго и доступнаго голосу житейскихъ нуждъ человѣка.

Уже 27-го апрѣля 1829 года въ предложеніи комитету по поводу различныхъ заявленій Гааза, Голицынъ высказалъ полное сочувствіе его мысли объ отмѣнѣ пересылки на прутѣ и выразилъ твердое намѣреніе войти объ этомъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ походѣ, предпринятомъ затѣмъ по почину Гааза, князю Голицыну пришлось встрѣтиться и съ личнымъ недоброжелательствомъ, и съ медлительностью канцелярской рутины, и съ противупоставленіемъ ложныхъ интересовъ и самолюбиваго упорства отдѣльныхъ *вѣдомствъ* требованіямъ общественной пользы, справедливости и человѣколюбія. Нужно было много энергіи и любви къ правдѣ, чтобы во время долгой и томительной переписки о прутѣ — на мѣстѣ Гааза не впасть въ уныніе, на мѣстѣ князя Голицына—не махнуть на весь вопросъ рукою.

Сообщеніе московскаго генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому о невозможности примѣнять прутъ къ препровожденію арестантовъ, ибо «сей образъ пересылки крайне изнурителенъ для сихъ несчастныхъ, такъ что превосходитъ самую мѣру возможнаго терпѣнія», сразу оскорбило нѣсколько самолюбій. Закревскому не могло нравиться, что московскій генералъ-губернаторъ возбуждаетъ *общій вопросъ,* не имѣющій прямого отношенія къ Москвѣ, и такимъ образомъ какъ бы указываетъ министру внутреннихъ дѣлъ на недосмотры и непорядки въ области его исключительнаго вѣдѣнія. Съ другой стороны, завѣдываніе арестантами во время пути лежало на чинахъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, находившагося подъ высшимъ начальствомъ военнаго министра, графа Чернышева, которому не по душѣ были не только вмѣшательство князя Голицына въ дѣйствія этапныхъ командъ при пересылкѣ арестантовъ, но и самъ князь Голицынъ, представлявшій, какъ личность, такъ мало съ нимъ сходства. Наконецъ, былъ еще человѣкъ, выступившій передовымъ и упорнымъ бойцомъ противъ Голицына и Гааза. Это былъ генералъ Капцевичъ, командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Оригинальная личность его, оставившая глубокій слѣдъ на русской тюремной динамикѣ, заслуживаетъ подробнаго изученія, хотя бы съ точки зрѣнія противуположностей, могущихъ уживаться въ душѣ русскаго человѣка, вокругъ добрыхъ и даже трогательныхъ свойствъ которой постепенно наростаетъ кора упорнаго служебнаго

бездушія. Сослуживецъ Аракчеева при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и заботливый до нѣжности начальникъ солдатъ,—суровый и рѣзкій въ обращеніи съ подчиненными и теплый, отзывчивый и человѣчный первоначальный стражъ декабристовъ въ Сибири,—ходатай и заступникъ за ссыльныхъ, какъ западно-сибирскій генералъ-губернаторъ и черствый формалистъ по отношенію къ нимъ же въ качествѣ командира внутренней стражи, Капцевичъ съ мрачною подозрительностью относился, въ концѣ 20-хъ годовъ, къ дѣятельности и задачамъ тюремныхъ комитетовъ и встрѣтилъ «затѣю» Голицына, за которымъ, какъ ему было извѣстно, стоялъ Гаазъ, вполнѣ враждебно. Но прямо отвергнуть все, что писалъ Голицынъ о прутѣ, и сказать ему, въ формѣ «оставленія безъ послѣдствій»: не мѣшайся не въ свое дѣло!—было невозможно. Тотъ былъ слишкомъ сильный человѣкъ и могъ перенести свою распрю на рѣшительный и безповоротный судъ императора Николая, который вѣрилъ ему и въ него... Но можно было затянуть дѣло, направивъ его въ русло канцелярской переписки, и на краснорѣчивыя строки Голицына, проникнутыя великодушнымъ нетерпѣніемъ, отвѣтствовалъ бюрократическимъ изморомъ.

Такъ и было сдѣлано. У Закревскаго въ распоряженіи могли быть живые и независимые свидѣтели того, что такое на практикѣ «легкій» прутъ генерала Дибича. Но не къ нимъ обратился онъ съ запросомъ. Взглядъ московскаго генералъ-губернатора былъ подвергнутъ критикѣ этапныхъ начальниковъ. Они, для которыхъ прутъ во всякомъ случаѣ не представлялъ ничего стѣснительнаго, были спрошены о томъ, удобны ли прутья и правду ли пишетъ князь Голицынъ объ ихъ изнурительности? Капцевичъ, которому было подчинено этапное начальство, получивши коварные вопросы Закревскаго, добавилъ къ нимъ еще одну подробность. Онъ спрашивалъ уже не о томъ, бывали ли въ дѣйствительности случаи, описанные въ сообщеніи Голицына, но и о томъ, почему же, если только случаи эти существовали, не было о томъ доносимо главному начальству? При этомъ, поставивъ предъ вопрошаемыми альтернативу—или отрицать случаи неудобства прута, или признать себя виновными въ умолчаніи о нихъ,—онъ интересовался знать, какія по мнѣнію этапнаго начальства могутъ быть приняты мѣры къ облегченію препровождаемыхъ арестантовъ. Ему отвѣчали не торопясь. По отзывамъ начальниковъ этапныхъ командъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что все обстоитъ благополучно и никакихъ неудобствъ отъ заковки на прутъ не представляется. При этомъ, однако, проскальзывали замѣчанія о томъ, что у арестантовъ отъ прута *большихъ* ранъ не замѣчено, но что отъ кольца

при прутѣ тѣло можетъ ознобиться, отчего дѣлаются раны и знаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ явились и предложенія замѣны прута. Предложено было придѣлать къ пруту короткія цѣпи съ ошейниками или замѣнить прутъ цѣпью въ семь вершковъ, съ прикрѣпленными къ ней малыми цѣпями по три вершка, съ наручниками. Такъ прошелъ почти годъ... Тогда князь Голицынъ вновь выступилъ противъ прута въ особой запискѣ, поднесенной имъ уже самому государю и содержащей сжатое, но сильное описаніе всѣхъ тяжелыхъ сторонъ этого способа пересылки, безъ сомнѣнія неоднократно описанныхъ ему Гаазомъ, вглядѣвшимся на Воробьевыхъ горахъ во всѣ его свойства и послѣдствія. Но и эта записка, переданная Капцевичу, не подѣйствовала на него. Единственная уступка, на которую уже въ 1831 году согласился онъ, состояла лишь въ признаніи возможнымъ замѣнить прутъ семивершковою цѣпью съ наручниками... Такимъ образомъ все дѣло сводилось къ тому, чтобы *неподвижный прутъ* замѣнить *подвижною цѣпью,* оставивъ на ней попрежнему нѣсколькихъ человѣкъ во всей тяжкой обстановкѣ ихъ насильственнаго сцѣпленія другъ съ другомъ. Взглядъ его былъ раздѣленъ Военнымъ совѣтомъ и для опыта съ предлагаемыми имъ цѣпями разослано по этапамъ 47 цѣпей, каждая на три пары арестантовъ. Опытъ, по заявленіямъ этапныхъ начальниковъ, оказался удачнымъ, и въ 1832 году, по постановленію Комитета министровъ, разсмотрѣвшаго представленіе Закревскаго о введеніи предложенной Капцевичемъ цѣпи, эти цѣпи были введены въ повсемѣстное употребленіе, для чего немедленно было изготовлено 4.702 цѣпи, каждая на три пары... Прутъ измѣнилъ лишь свое имя, и хотя Голицынъ еще нѣсколько разъ заявлялъ о его вредѣ, онъ продолжалъ свое существованіе до тѣхъ поръ, пока, благодаря энергичнымъ трудамъ Д. А. Милютина и графа Гейдена, введеніе перевозки арестантскихъ партій по желѣзнымъ дорогамъ и водою не измѣнило кореннымъ образомъ и самыхъ пріемовъ препровожденія ссыльныхъ.

Общій вопросъ, поднятый Голицынымъ и Гаазомъ, былъ похороненъ и достоинство вѣдомства, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ ссыльнымъ, сохранено во всей своей печальной неприкосновенности... Но этотъ общій вопросъ былъ въ то же время и *мѣстнымъ* вопросомъ для Воробьевской тюрьмы. Тамъ дѣйствовалъ и чувствовалъ Гаазъ, продолжавшій, не взирая ни на что, «гнать свою линію».

Убѣжденный въ правильности своего взгляда и не желая дожидаться окончанія переписки о прутѣ, которая казалось ему одною лишь формальностью, Гаазъ, въ 1829 году, принялся за

опыты надъ такою замѣною прута, которая устранила бы обычныя нареканія въ облегченіи возможности побѣга. Прежде всего надо было освободить руки арестантамъ и ссыльнымъ и сравнять ихъ въ этомъ отношеніи съ приговоренными къ каторжнымъ работамъ, которые шли въ ножныхъ кандалахъ. Но ихъ кандалы были тяжелы. Онѣ были разнаго размѣра, длиною отъ 11 вершковъ до 1 арш. и 4½ верш., и вѣсомъ отъ 4½ до 5½ фунтовъ (списки ссыльныхъ арестантовъ 17-го и 24-го іюня 1829 г.). Гаазъ занялся наблюденіями за изготовленіемъ кандаловъ, облегченныхъ до крайней возможности не въ ущербъ своей прочности. Послѣ ряда руководимыхъ имъ опытовъ удалось изготовить кандалы съ цѣпью, длиною въ аршинъ и вѣсомъ въ 3 фунта, получившіе затѣмъ въ тюремной практикѣ и въ устахъ арестантовъ названіе *газовскихъ*. Въ этихъ кандалахъ можно было пройти большое пространство, не уставая и поддѣвъ ихъ къ поясу. Когда кандалы были готовы и испытаны самимъ Гаазомъ, онъ обратился къ комитету съ горячимъ ходатайствомъ о разрѣшеніи заковывать въ эти кандалы всѣхъ, проходящихъ чрезъ Москву на прутѣ. Онъ въ патетическихъ выраженіяхъ рисовалъ положеніе прикованныхъ, указывалъ на самоволіе конвойныхъ солдатъ, на жалкую участь «идущихъ подъ присмотромъ» и безъ вины караемыхъ препровожденіемъ на прутѣ, представлялъ средства для заказа на первый разъ новыхъ кандаловъ, обѣщалъ, именемъ «добродѣтельныхъ людей», доставленіе этихъ средствъ и на будущее время и объяснялъ, что для изготовленія облегченныхъ кандаловъ можно приспособить кузницу, оставшуюся на Воробьевыхъ горахъ отъ построекъ Витберга. Слова Гааза, подтверждаемыя самымъ вопіющимъ образомъ видомъ каждой этапной партіи, встрѣтили сочувственный отголосокъ въ кн. Голицынѣ, который рѣшилъ «у себя» не стѣсняться болѣе петербургскими проволочками. Въ декабрѣ 1831 г. онъ предложилъ комитету принять немедленно мѣры къ приспособленію кузницы, оставшейся отъ Витберга, для перековки арестантовъ по указаніямъ доктора Гааза, и къ передѣлкѣ кандаловъ по новому образцу, представленному тѣмъ же Гаазомъ. Комитетъ, въ засѣданіи 22-го декабря, принявъ къ исполненію предложеніе генералъ-губернатора, просилъ его, въ свою очередь, предписать командующему внутреннимъ гарнизономъ въ Москвѣ и приказать начальникамъ мѣстныхъ этапныхъ командъ не препятствовать исправленію кандаловъ подъ руководствомъ доктора Гааза и наложенію ихъ на пришедшихъ въ Москву на прутѣ арестантовъ.

Такимъ образомъ, безъ шума, безъ всякой переписки по инстанціямъ, прутъ оказался фактически уничтоженнымъ въ Мо-

сквѣ, благодаря смѣлому почину вліятельнаго генералъ-губернатора, умѣвшаго, среди окружавшей его роскоши и обаянія власти, найти время, чтобы серьезно задуматься надъ страданіями людей, за которыхъ, среди общаго жестокаго равнодушія, предстательствовалъ уроженецъ чужой страны, чутко привлеченный имъ къ дѣлу тюремнаго благотворенія.

Пересылаемые встрѣтили нововведеніе Гааза съ восторгомъ, но для того, чтобы оно могло удержаться, чтобы вызванная кн. Голицынымъ готовность содѣйствовать ему не охладѣла и, по нашей всегдашней привычкѣ, не перешла въ апатію и въ то, что князь В. Ѳ. Одоевскій характеризовалъ въ своей записной книжкѣ словомъ *«рукавоспустіе»,* нужно было энергически слѣдить за дѣломъ на мѣстѣ, не уставая и не отставая. Это и дѣлалъ Гаазъ. Цѣлые дни проводилъ онъ на Воробьевыхъ горахъ, наблюдая за устройствомъ кузницы, и затѣмъ, въ теченіе всей своей жизни, за исключеніемъ послѣднихъ ея дней, не пропускалъ ни одной партіи, не снявъ, кого только возможно, съ прута и съ цѣпи Капцевича и не приказавъ перековывать при себѣ въ свои кандалы. Ни возрастъ, ни упадокъ физическихъ силъ, ни постоянныя столкновенія съ этапнымъ начальствомъ, ни недостатокъ средствъ не могли охладить его къ этой «службѣ» и удержать отъ исполненія ея тягостныхъ обязанностей. Въ столкновеніяхъ онъ побѣждалъ упорствомъ, настойчивымъ отстаиваніемъ введеннаго имъ обычая, просьбами и иногда угрозами жаловаться, ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Недостатку средствъ на заготовку «газовскихъ» кандаловъ онъ помогалъ своими щедрыми пожертвованіями, пока имѣлъ хоть какія-нибудь деньги, а затѣмъ приношеніями своихъ знакомыхъ и богатыхъ людей, которые были не въ силахъ отказать старику, никогда ничего не просившему... для себя.

Не теряя, подъ вліяніемъ просьбъ и убѣжденій Гааза, надежды согласить Капцевича на замѣну прута, Голицынъ послалъ ему, при особой подробной запискѣ, образчикъ газовскихъ кандаловъ. Но Капцевичъ отвѣчалъ ему и тѣмъ, кто могъ раздѣлить его мнѣніе, въ особомъ докладѣ, гдѣ въ защиту прута приводились самыя странныя соображенія. Оказывалось, что «кованіе въ кандалы» равняется тѣлесному наказанію и допущеніе его взамѣнъ прута относительно маловажныхъ преступниковъ было бы, по отношенію къ нимъ, несправедливостью; оказывалось, затѣмъ, что именно этихъ-то маловажныхъ преступниковъ и слѣдуетъ, въ виду ихъ закоренѣлости въ злодѣяніяхъ, лишать тѣлесной силы, которая заключается не въ ногахъ, а въ рукахъ, и потому водить ихъ, въ отличіе отъ каторжниковъ, на прутѣ и т. д. Тогда,

уже въ 1833 году, послѣ отставки Закревскаго, князь Голицынъ послалъ газовскіе кандалы и объяснительную къ нимъ записку новому министру внутреннихъ дѣлъ, прося его содѣйствія. Содѣйствіе было оказано, но въ результатѣ, вслѣдствіе различныхъ вліяній, вопросъ о кандалахъ не былъ разрѣшенъ категорически. Въ 1833 году послѣдовало временное разрѣшеніе вмѣсто приковыванія къ пруту арестованныхъ за *легкіе проступки* надѣвать имъ ножные кандалы, если они сами того пожелаютъ и будутъ просить у начальства, какъ особаго снисхожденія и милости. Это распоряженіе страдало рядомъ недомолвокъ, обратившихъ его повсюду, гдѣ не было Гаазовъ, въ мертвую букву. Что значатъ *легкіе проступки?* Кто опредѣляетъ ихъ удѣльный вѣсъ? гдѣ средства для пріобрѣтенія кандаловъ? и какіе это кандалы—стараго образца или газовскіе? Наконецъ, замѣна *права* арестанта быть снятымъ съ прута снисхожденіемъ и *милостью* начальства и притомъ неизвѣстно какого—уничтожала всякій дѣйствительный характеръ у этой мѣры.

Но для Москвы и этого было довольно. Тамъ неусыпно сторожилъ партіи ссыльныхъ Гаазъ и чрезъ него всѣ пришедшіе на прутѣ, незавѣдомо для себя, выражали *желаніе* и просили *милости*, настойчиво и рѣшительно, въ случаѣ противодѣйствія прибѣгая къ разрѣшенію генералъ-губернатора. Начальники мѣстныхъ этапныхъ командъ роптали, сердились, удивлялись охотѣ Гааза хлопотать и «распинаться» за арестантовъ, но въ концѣ концовъ мирились съ странными обычаями тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ. Только въ концѣ тридцатыхъ годовъ, во время частыхъ поѣздокъ серьезно больного князя Голицына за границу, когда Гаазъ подолгу бывалъ лишенъ возможности опереться въ этапныхъ спорахъ на его разрѣшеніе, эти начальники стали иногда рѣзко отказывать въ просьбахъ о перековкѣ арестантовъ, ссылаясь на категорическія распоряженія Капцевича. Но Гаазъ не унывалъ. Онъ не только требовалъ, въ декабрѣ 1837 года, въ особой запискѣ отъ временно исполнявшаго обязанности московскаго генералъ-губернатора Нейдгардта защиты противъ дѣйствій чиновъ внутренней стражи, но даже домогался освобожденія навсегда отъ заковыванія дряхлыхъ и увѣчныхъ арестантовъ, находя, что «съ настоящей волею правительства не можетъ быть сообразно, чтобы люди, лишенные ноги, все-таки, какъ это нынѣ водится, получали кандалы и, не имѣя возможности ихъ надѣвать, носили ихъ съ собою въ мѣшкѣ».

Эта записка переполнила чашу терпѣнія генерала Капцевича. Называя Гааза «утрированнымъ филантропомъ», заводящимъ пре-

реканія и «затѣйливости», затрудняющимъ начальство перепискою и соблазняющимъ арестантовъ, онъ писалъ: «мое мнѣніе удалить сего доктора отъ его обязанности». Казалось бы, что дни «безразсудной филантропіи доктора Гааза», какъ выражался Капцевичъ въ отвѣтѣ Нейдгардту—были сочтены, тѣмъ болѣе, что въ 1844 году скончался, искренно оплаканный москвичами, князь Д. В. Голицынъ. Но чуждая личныхъ расчетовъ доброта, движущая общественною дѣятельностью человѣка, есть сила, сломить которую не такъ-то легко. Упорно настаивая на перековкѣ, Гаазъ рѣшился даже искать пути, чтобы непосредственно, помимо официальной іерархической дороги, обратить вниманіе императора Николая Павловича на «прутъ». Онъ написалъ горячее письмо прускому королю Фридриху-Вильгельму IV, въ которомъ, рисуя картину препровожденія на прутѣ, умолялъ короля сообщить объ этомъ своей сестрѣ, русской государынѣ, которая могла бы объ этомъ разсказать своему царственному супругу...

Преемникъ Голицына, князь Щербатовъ, вскорѣ понялъ и оцѣнилъ «утрированнаго филантропа» и молчаливо, не вступая уже ни въ какую переписку, а стоя на почвѣ установившагося обычая, сталъ поддерживать Гааза въ его «сторожевой службѣ» на Воробьевыхъ горахъ, не давая хода никакимъ на него жалобамъ по перековкѣ арестантовъ. Быть-можетъ, Гаазу только приходилось чаще просить и уговаривать, чѣмъ прежде, но зато каждый годъ его работы въ пересыльной тюрьмѣ придавали этимъ просьбамъ все большій нравственный вѣсъ. Этому содѣйствовала и упрочившаяся слава *его* кандаловъ, которые пріобрѣли новое значеніе съ назначеніемъ командиромъ внутренней стражи генерала фонъ-деръ-Лауница, сходнаго съ Капцевичемъ лишь своими отрицательными сторонами. Лауницъ приказалъ укоротить цѣпь при кандалахъ на $^1/_4$ аршина, и обоймы, упираясь при ходьбѣ въ кость голени, стали причинять тяжкія мученія арестантамъ, не позволяя имъ при этомъ идти полнымъ шагомъ. Гаазъ не допускалъ и мысли объ укороченіи *своей* цѣпи. Она оставалась прежней длины въ аршинъ и принималась арестантами съ радостью и нетерпѣніемъ. Послѣднія оправданія Гааза противъ жалобъ этапныхъ начальниковъ относятся, какъ видно изъ дѣлъ тюремнаго комитета, къ 1840 году. Затѣмъ наступилъ періодъ мира и молчаливаго соглашенія. Гаазъ сдѣлался неизбѣжнымъ зломъ, бороться съ которымъ было безполезно и скучно. Такъ продолжалось до 1848 г. Тутъ произошла сразу перемѣна фронта въ отношеніяхъ генералъ-губернатора къ Гаазу. Начальникомъ Москвы былъ назначенъ старый недоброжелатель князя Голицына, самовластный

и узкій графъ Закревскій. Съ назначеніемъ его въ качествѣ, какъ онъ самъ выражался, «надежнаго оплота противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ съ Запада», въ Москвѣ повѣяло другимъ духомъ. Это отразилось и на Воробьевыхъ горахъ. Опять начались столкновенія по поводу «газовскихъ кандаловъ». Гаазъ былъ вынужденъ войти въ комитетъ съ просьбою о возобновленіи распоряженія о «выдачѣ пересылаемымъ арестантамъ ножныхъ кандаловъ, вмѣсто ручныхъ, если они о томъ просить будутъ». Когда комитетъ представилъ объ этомъ графу Закревскому, послѣдній, 18-го ноября 1848 г., приказалъ дать ему знать, что «его сіятельство, принимая въ уваженіе, что удовлетвореніе подобныхъ просьбъ арестантовъ зависитъ отъ снисхожденія того начальства, которое отвѣтствуетъ за цѣлость препровождаемыхъ арестантовъ, находитъ предположеніе г. Гааза *незаслуживающимъ вниманія,* потому болѣе, что его сіятельство заботится не столько о предоставленіи арестантомъ незаслужанныхъ ими удобствъ, сколько о способахъ облегченія этапныхъ командъ въ надзорѣ за арестантами».

«*Пріобщить къ дѣлу*» постановилъ комитетъ, и на этотъ разъ «утрированный филантропъ» былъ, повидимому, окончательно разбитъ и придавленъ краткою и властною элоквенціею новаго «хозяина» Москвы. Но... только повидимому. Эта резолюція лишь обратила *просьбы* глубоко огорченнаго старика въ *мольбы* и присоединила къ его уговорамъ трогательныя старческія слезы. Семидесятилѣтній Гаазъ пріѣзжалъ на Воробьевы горы къ приходу и отправленію партій попрежнему и своимъ почтеннымъ видомъ и и шедшими отъ сердца словами призывалъ къ возможному смягченію страданій, названному графомъ Закревскимъ «незаслуженными удобствами». «Между сими людьми,—писалъ онъ въ объясненіи по поводу поступившей на него жалобы, — были выздоравливающіе и постинѣ весьма слабые, которые, видя меня посреди арестантовъ, просили чтобы я избавилъ ихъ отъ сихъ мукъ. Мое ходатайство было тщетно, и я принужденъ былъ снести взглядъ какъ бы презрѣнія, съ которымъ арестанты отправились, ибо знали, что просьба ихъ законна и я нахожусь тутъ по силѣ же закона. Не имѣя довольно власти помочь сей бѣдѣ, я дѣйствительно позволилъ себѣ сказать конвойному чиновнику, чтобы онъ вспомнилъ, что судьею его несправедливыхъ дѣйствій есть Богъ!» Но не всѣ бывали равнодушны къ его призыву. Арестантовъ все-таки продолжали перековывать, не всегда, но часто. Это видно между прочимъ изъ того, что въ сентябрѣ 1853 г. кузнецъ при витберговской кузницѣ на Воробьевыхъ горахъ обращался въ комитетъ съ

просьбою уплатить ему за послѣднюю партію въ 120 облегченныхъ кандаловъ, сдѣланныхъ лѣтомъ того же года по заказу доктора Гааза, умершаго въ августѣ.

Лично человѣколюбивое отношеніе къ арестантамъ и его послѣдствія въ Москвѣ не удовлетворяли, однако, Гааза и не давали покоя его мысли. Сознаніе того, что до прихода партій въ Москву и въ тѣхъ, которыя не проходятъ чрезъ Москву, прутъ и цѣпь Капцевича продолжаютъ примѣняться невозбранно, мучило его. Онъ видѣлъ арестантовъ съ отмороженными руками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ нимъ прикасались желѣзныя кольца наручниковъ; онъ ясно представлялъ себѣ страданія людей, не могущихъ положить прикованную къ пруту или короткой цѣпи руку за пазуху, для согрѣванія въ то время, когда жестокій морозъ при вѣтрѣ остужаетъ желѣзо, обжигающее и мертвящее своимъ прикосновеніемъ руку. Единственнымъ средствомъ, по его мнѣнію, для предотвращенія этихъ мученій, было обшиваніе кожею наручней (гаекъ). Онъ говорилъ объ этомъ неоднократно въ комитетѣ, подавалъ о томъ же записки князю Голицыну въ 1832 и 1833 годахъ. Но и тутъ Капцевичъ возражалъ, въ упорномъ ослѣпленіи служебнаго самолюбія. Онъ указывалъ, что обшивка наручниковъ кожею или сукномъ ослабитъ ихъ и создастъ пустоту, удобную для снятія ихъ, и сомнѣвался, чтобы наручникъ могъ производить холодъ, ибо желѣзо, согрѣваясь отъ голой руки и отъ рукава кафтана, не должно мерзнуть. Насколько соотвѣтствовало дѣйствительности такое представленіе о наручникахъ, видно изъ характернаго разсказа, записаннаго С. В. Максимовымъ, со словъ арестанта: «лѣтомъ цѣпь суставы ломаетъ, зимой отъ нея всѣ кости ноютъ; въ нашей партіи цѣпь настыла, холоднѣе самого мороза стала и чего-чего мы на переходѣ не напринимались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзать сталъ, таково было маятно и больно, *и не въ людскую силу, и не въ лошадиную!...*»—Гаазъ, конечно, не убѣдился доводами Капцевича и не унимался. Представленный имъ, въ 1836 году, въ комитетъ списокъ арестантовъ съ отмороженными отъ гаекъ руками, такъ взволновалъ Голицына, что онъ немедленно и въ самой настойчивой формѣ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости осуществить мысль «затѣйливаго доктора». На этотъ разъ послѣдовавшій въ томъ же 1836 г. указъ о повсемѣстномъ въ Россіи обшитіи гаекъ у цѣпей кожею, далъ Гаазу полное и ясное удовлетвореніе, не допускавшее никакихъ недоразумѣній.

Но не одинъ видъ закованныхъ, безъ всякаго между ними различія по поводамъ ихъ пересылки, смущалъ Гааза. Во избѣ-

жаніе побѣговъ и для облегченія поимки, законъ 29-го января 1825 г. предписывалъ, какъ мы уже видѣли, брить половину головы пересылаемымъ по этапу. Бритье шло поголовно. Съ бритою половиною головы оказались, какъ видно изъ записки Гааза, представленной комитету, пересылаемые на родину для водворенія послѣ суда, *коимъ они оправданы,* — просрочившіе паспортъ и просто отправляемые по требованію обществъ, опекуновъ и наслѣдниковъ населенныхъ имѣній — высылаемые изъ столицы за нищенство и т. п. Гаазъ указываетъ случаи обритія половины головы крестьянину, не имѣвшему средствъ возвратиться къ своему господину съ заработковъ изъ Барнаула, и 13-лѣтнему еврейскому мальчику, возвращаемому въ Гродно для обращенія въ первобытное состояніе *вслѣдствіе неправильной отдачи его въ военную службу.* Ярко и образно описывая несправедливость и жестокость такого бритья, Гаазъ 23-го ноября 1845 г. просилъ комитетъ хлопотать объ его отмѣнѣ для нелишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. О томъ же просилъ онъ и генералъ-губернатора кн. Щербатова въ особой докладной запискѣ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ, и 11-го марта 1846 года, вслѣдствіе представленія тюремнаго комитета, поголовное бритье головы было отмѣнено государственнымъ совѣтомъ, будучи удержано лишь для каторжныхъ.

Наконецъ и продовольствіе ссыльныхъ вызывало заботу Гааза. Когда, въ 1847 и 1848 гг., послѣдовало временное распоряженіе объ уменьшеніи на одну пятую пищевого довольства заключенныхъ (повторенное во время неурожая 1891 года!), Ѳедоръ Петровичъ внесъ въ комитетъ, въ разное время, до 11,000 р. сер. отъ «неизвѣстной благотворительной особы» для улучшенія пищи содержащихся въ пересыльномъ замкѣ.

V.

Заботясь о перековкѣ арестантовъ и, какъ мы увидимъ далѣе, о ихъ обиходѣ, дѣлахъ и т. п., Гаазъ дѣйствовалъ въ качествѣ директора тюремнаго комитета, наложившаго на себя исключительныя обязанности. Не свойство только, не характеръ и объемъ этихъ обязанностей отличали его отъ большинства его сотоварищей и выдвигали, противъ его воли, его симпатичную личность: на всѣхъ его дѣйствіяхъ лежала печать постоянной сердечной тревоги о ходѣ взятаго на себя дѣла и отсутствія всякой заботы о самомъ себѣ, отражался тотъ особый взглядъ его на разверты-

вавшуюся передъ нимъ картину человѣческихъ немощей, паденій и несчастій, который Достоевскій назвалъ бы «проникновеннымъ».

Была у него, однако, другая область дѣятельности, гдѣ онъ былъ, въ особенности первое время, почти полнымъ хозяиномъ,— дѣйствуя непосредственно, не нуждаясь въ чьемъ-либо согласіи или поддержкѣ. Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. Мы знаемъ, какъ поразило его препровожденіе на прутѣ. Но не менѣе поразило его и небрежное, бездушное отношеніе къ недугамъ пересылаемыхъ и къ ихъ человѣческимъ, душевнымъ потребностямъ. Онъ увидѣлъ, что на здоровье пересылаемыхъ не обращается никакого серьезнаго вниманія и что отъ нихъ спѣшатъ какъ можно скорѣе отдѣлаться, не допуская и мысли о существованіи такихъ у нихъ нуждъ, не удовлетворить которымъ по возможности — было бы всегда жестоко, а иногда и прямо безнравственно. Когда онъ началъ просить иного къ нимъ отношенія, ему отвѣчали уклончиво и подсмѣиваясь... Когда онъ сталъ требовать— въ качествѣ члена тюремнаго комитета — ему рѣзко дали понять, что̀ это до него не касается, что это—дѣло полицейскихъ врачей, свидѣтельствующихъ приходящихъ въ пересыльную тюрьму, и ихъ прямого начальства.

Но Гаазъ не понималъ, что значитъ «уступчивость», когда требованіе предъявляется не во имя своего *личнаго* дѣла. Еще 2-го апрѣля 1829 года, ссылаясь на свое званіе доктора медицины, онъ настойчиво просилъ князя Голицына уполномочить его свидѣтельствовать состояніе здоровья всѣхъ находящихся въ Москвѣ арестантовъ и подчинить ему, въ этомъ отношеніи, полицейскихъ врачей, съ негодованіемъ излагая въ особой запискѣ нравственную тягость своего положенія въ пересыльной тюрьмѣ. Онъ разсказывалъ, какъ былъ отправленъ съ партіею «старикъ-американецъ, имѣющій видъ весьма добраго человѣка», привезенный нѣкогда въ Одессу дюкомъ де-Ришелье, и задержанный въ Радзивилловѣ «за безписьменность», такъ какъ онъ не могъ доказать своего званія, — отправленъ съ отмороженною ногою, отъ которой отвалились пальцы, при полномъ невниманіи къ просьбамъ Гааза задержать его на нѣкоторое время для излѣченія ноги и собранія о немъ справокъ. «Мнѣ оставалось лишь,—пишетъ онъ,— постараться истолковать ему причину его ссылки и ободрить его насчетъ его болѣзни, при чемъ я имѣлъ счастье нѣсколько его утѣшить и помирить съ нерадивымъ о немъ попеченіемъ». Онъ разсказывалъ далѣе, какъ, несмотря на всѣ его просьбы и даже на данное полицейскимъ врачомъ обѣщаніе, писаря внутренней стражи «сыграли съ нимъ штуку» и устроили отправку въ Сибирь

арестанта, зараженнаго венерическою болѣзнью. «И такъ,—пишетъ Гаазъ,—сей несчастный отправился распространять свой ужасный недугъ въ отдаленные края, а я и полицейскій врачъ вернулись домой, имѣя видъ внутренняго спокойствія, какъ будто мы исполнили нашъ долгъ, и не болѣе боимся Бога, какъ сихъ несчастныхъ невольниковъ; но всѣ бѣды, которыя будетъ распространять сей жалкій больной, *будутъ вписаны—на счетъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества—въ книгу, по коей будетъ судиться міръ!*»—Записка Гааза была предложена на разсмотрѣніе комитета—и онъ писалъ туда: «всѣ говорятъ не объ устраненіи *зла,* а только о необходимости соблюдать *формы;* но сіи формы совершенно уничтожили бы самую вещь. Тюремный комитетъ войдетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, если, взирая на рыданія ссылаемыхъ и слыша ихъ плачъ, не будетъ имѣть хотя бы косвенной власти доставлять утѣшеніе ихъ страданіямъ въ послѣднія, такъ сказать, минуты». Просьба Гааза была уважена, и князь Голицынъ предписалъ, кому слѣдуетъ, предоставить доктору Гаазу, какъ медицинскому члену тюремнаго комитета, свидѣтельствовать здоровье пересылаемыхъ арестантовъ, безъ участія полицейскихъ врачей, и больныхъ оставлять до излѣченія въ Москвѣ.

Такимъ образомъ, на ряду съ заботою о перековкѣ ссыльныхъ, Гаазу открылось обширное поприще и для другой о нихъ заботы. Онъ сталъ осуществлять ее самымъ широкимъ образомъ, устраняя зло, понимаемое имъ глубоко, и совсѣмъ не стѣсняясь формами, въ которыя была заключена современная ему тюремная *динамика.* Можно безъ преувеличенія сказать, что полъ-жизни проведено имъ въ посѣщеніяхъ пересыльной тюрьмы, въ мысляхъ и въ перепискѣ о ней. Чуждый ремесленному взгляду на свою врачебную дѣятельность, отзывчивый на всѣ стороны жизни, умѣвшій распознавать въ оболочкѣ больного или немощнаго тѣла страждущую душу, онъ никогда не ограничивалъ своей задачи, какъ это дѣлалось многими при немъ и почти всѣми послѣ него, однимъ лѣченіемъ несомнѣнно больныхъ арестантовъ. Лѣкарство стояло у него на второмъ планѣ. Забота, сердечное участіе и, въ случаѣ надобности, горячая защита, — вотъ были его главныя средства врачеванія. «Врачъ,—говорилось въ составленной имъ инструкціи для врача при пересыльной тюрьмѣ, — долженъ помнить, что довѣренность, съ каковою больные предаются, такъ сказать, на его произволъ, требуетъ, что онъ относился къ нимъ чистосердечно, съ полнымъ самоотверженіемъ, съ дружескою заботою о ихъ нуждахъ, съ тѣмъ расположеніемъ, которое отецъ имѣетъ къ дѣтямъ,

попечитель къ питомцамъ».—«Комитетъ требуетъ,—говорится далѣе въ той же инструкціи, — чтобы врачъ пользовался всякимъ случаемъ повліять на улучшеніе нравственнаго состоянія ссыльныхъ; этого достигнуть легко, надо только быть просто добрымъ христіаниномъ,—т. е. заботливымъ, справедливымъ и благочестивымъ. *Заботливость* должна выразиться во всемъ, что́ относится къ здоровью ссыльныхъ, къ ихъ кормленію, одеждѣ, обуви и къ тому, *какъ ихъ сковываютъ,—справедливость* въ благосклонномъ вниманіи къ просьбамъ ссыльныхъ, въ осторожномъ и дружескомъ успокоеніи ихъ насчетъ ихъ жалобъ и желаній и въ содѣйствіи удовлетворенію ихъ, — *благочестіе* въ сознаніи своихъ обязанностей къ Богу и въ заботѣ о томъ, чтобы всѣ ссыльные, проходящіе чрезъ Москву, пользовались духовною помощью. Необходимо съ увѣренностью надѣяться, что врачъ при попеченіи о здоровьи ссыльныхъ въ Москвѣ—не оставитъ ничего желать и будетъ поступать такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, никто изъ страждущихъ ссыльныхъ не оставлялъ Москвы, не нашедши въ оной помощи и утѣшеній, какихъ онъ имѣетъ право ожидать и по своей болѣзни, и по лежащему на тюремномъ комитетѣ долгу, и по мнѣнію, которое русскій человѣкъ привыкъ имѣть о великодушіи и благотворительности матушки-Москвы». Первымъ врачемъ, которому приходилось исполнять столь своебразно опредѣленныя Гаазомъ обязанности, былъ рекомендованный имъ штабъ-лѣкарь Гофманъ. Но на практикѣ ему пришлось играть совершенно второстепенную роль и участвовать первое время лишь въ предварительномъ осмотрѣ пересылаемыхъ. Окончательное же освидѣтельствованіе и рѣшающее слово оставилъ за собою Гаазъ.

При всей своей преданности *идеямъ* добра и человѣчности, онъ не былъ только идеалистомъ, чуждымъ знакомства съ жизнью и съ тѣми искаженіями, которымъ она подвергаетъ идеалы на практикѣ. Вѣря въ хорошія свойства человѣческой природы, онъ не скрывалъ отъ себя ея слабостей и низменныхъ сторонъ. Онъ зналъ поэтому, что «всуе законы писать, если ихъ не исполнять», и что въ русской жизни исполнитель самаго прекраснаго правила почти всегда быстро остываетъ, замѣняя не всегда удобное чувство долга сладкою нѣгою лѣни. Живая натура Гааза и безпокойство о томъ, что не всѣ части широкой программы, начертанной имъ, будутъ выполнены, заставили его, такъ сказать, «впречься въ корень» и нести на себѣ, съ любовью и неутомимостью, всю тяжесть освидѣтельствованія. Въ 1832 году, по его ходатайству, комитетъ выхлопоталъ средства для устройства отдѣленія тюремной больницы на Воробьевыхъ горахъ на 120 кроватей — и оно

поступило въ непосредственное завѣдываніе Гааза. Здѣсь онъ могъ, оставляя ссылаемыхъ на нѣкоторое время въ Москвѣ «по болѣзни», снимать съ нихъ оковы и обращаться съ ними какъ съ людьми, прежде всего несчастными...

Ссыльные приходили въ Москву по субботамъ. Отправленіе ихъ дальше совершалось, до 1829 года, немедленно по составленіи статейныхъ списковъ и полученіи отъ губернскаго правленія оказавшейся необходимою обуви и одежды. Это требовало отъ двухъ до трехъ дней времени. Гаазъ сталъ настаивать, чтобы пребываніе пересыльныхъ въ Москвѣ продолжалось не менѣе недѣли, не считая дня ихъ прихода. Это было необходимо, чтобы ознакомиться съ ихъ нуждами и недугами, чтобы дать имъ возможность собраться съ силами для предстоящаго пути. Требованія его были удовлетворены въ началѣ 1830 года. Но ему казалось недостаточнымъ заботиться о пересылаемыхъ только въ Москвѣ. Его мысль еще нѣкоторое время по уходѣ ихъ сопутствовала имъ, бѣжала впереди нихъ. Ему хотѣлось продлить попеченіе о нихъ за предѣлы пересыльнаго замка, и по его просьбѣ князь Голицынъ предписалъ городничему города Богородска доносить, съ представленіемъ свидѣтельства мѣстнаго лѣкаря, комитету—т. е. Гаазу—здоровы ли дошедшіе въ Богородскъ изъ Москвы пересыльные, и не обнаружено ли у кого-либо изъ нихъ болѣзни, требующей возвращенія въ Москву для пользованія. Въ теченіе недѣли пребыванія ссыльныхъ въ Москвѣ, Гаазъ посѣщалъ каждую партію не менѣе четырехъ разъ: — по субботамъ, тотчасъ по приходѣ, въ серединѣ слѣдующей недѣли, въ слѣдующую субботу, наканунѣ отправленія и въ воскресенье предъ самымъ отправленіемъ. Каждый разъ обходилъ онъ всѣ помѣщенія пересылаемыхъ, говорилъ съ послѣдними, разспрашивая ихъ и, такъ сказать, дифференцируя съ виду безличную, закованную и однообразно-одѣтую массу. Не изъ празднаго или болѣзненнаго любопытства вызывалъ онъ ихъ на разсказы своей печальной или мрачной повѣсти и на просьбы. Ссылки на болѣзнь, на слабость, на какую нибудь поправимую нужду, встрѣчали въ немъ внимательнаго и дѣятельнаго слушателя. Вновь захворалъ или не окрѣпъ послѣ прежняго недуга ссылаемый,— слабы его силы для длиннаго и тяжкаго пути, — упалъ онъ внезапно духомъ предъ «владиміркой», — смертельно затосковалъ, «распростившись съ отцомъ, съ матерью, со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ», какъ поется въ арестантской пѣснѣ «Милосердной»,— или ярко затеплилась въ немъ искра раскаянія, которую искреннее слово утѣшенія и назиданія можетъ раздуть въ спасительный нравственно пожаръ—Гаазъ уже тутъ, зоркій и добрый! Надо дать

укрѣпиться, отойти, согрѣться душевно, — рѣшаетъ онъ, и оставляетъ такихъ, какъ подлежащихъ врачебному попеченію, на недѣлю, двѣ, а иногда и болѣе.

Какъ и слѣдовало ожидать, эти распоряженія вызывали противъ него массу нареканій. Къ генералъ-губернатору и въ комитетъ постоянно, съ разныхъ сторонъ, поступали жалобы на произвольныя его дѣйствія, какъ врача, слишкомъ смѣло шагавшаго за рамки устава о ссыльныхъ и слишкомъ горячо и настойчиво отстаивавшаго присвоенныя имъ себѣ права. Ранѣе всѣхъ и, пожалуй, сильнѣе всѣхъ ополчился на него генералъ Капцевичъ. «Арестантъ проситъ не отправлять его съ партіей, ибо онъ ожидаетъ жену или брата, съ которыми хочетъ проститься—и г. Гаазъ оставляетъ его,—а между тѣмъ батальіоннымъ командиромъ уже бумаги о семъ арестантѣ изготовлены; оставляя при осмотрѣ многихъ отправляющихся ссыльныхъ по просьбамъ, весьма неуважительнымъ, докторъ Гаазъ заставляетъ конвойныхъ, въ полной походной аммуниціи, ожидать сего осмотра или разбора, или прощаній его съ отсылающимися преступниками; начальникъ же команды, сдѣлавшій разсчетъ кормовымъ деньгамъ и составившій списокъ отправляемымъ, вынужденъ все это передѣлывать... и конвойные, и арестанты, собравшіеся уже къ походу, теряютъ напрасно время на Воробьевыхъ горахъ и прибываютъ на ночлегъ поздно, изнуренные ожиданіемъ и переходомъ». Такъ писалъ негодующій Капцевичъ, доказывая, что именно *Гаазъ-то и изнуряетъ* арестантовъ, и заявляя, что «онъ не только безполезенъ, но даже вреденъ, возбуждая своею неумѣстною филантропіей развращенныхъ арестантовъ къ ропоту»... Съ своей стороны, штабъ-лѣкарь Гофманъ, вѣроятно, тяготясь второстепенною ролью при Гаазѣ, вовсе не раздѣлялъ взглядовъ его на поводы къ задержанію пересылаемыхъ. Такъ, напримѣръ, гдѣ послѣдній оставлялъ въ 1834 г. изъ партіи въ 132 человѣка— пятьдесятъ, и изъ партіи въ 134 человѣка — пятьдесятъ-четыре, Гофманъ считалъ возможнымъ, на точномъ основаніи устава о ссыльныхъ, говорившаго объ оставленіи лишь «тяжко больныхъ или совершившихъ новое преступленіе», удержать въ Москвѣ лишь одиннадцать и тринадцать. При спорахъ Гааза съ начальствомъ, возникавшихъ по поводу оставляемыхъ, Гофманъ всегда держалъ сторону послѣдняго, а впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Гаазъ былъ въ опалѣ у комитета, рѣшался даже прямо отмѣнять его распоряженія, находя, что признаваемые имъ больными арестанты притворяются.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полиціймейстеры Москвы и плацъ-адъютанты, командируемые для наблюденія за порядкомъ при отправленіи пар-

тій, тоже раздражались на производимую Гаазомъ «неурядицу». Особенно усилились всѣ эти жалобы въ 1834 году. Недовольное Гаазомъ губернское правленіе, чрезъ гражданскаго губернатора жаловалось на причиняемыя имъ затрудненія въ составленіи статейныхъ списковъ. Голицынъ приказалъ потребовать отъ него объясненій. Въ сознаніи своей нравственной правоты, Гаазъ въ своихъ объясненіяхъ признавалъ себя формально-виновнымъ въ нарушеніяхъ узкаго смысла устава о ссыльныхъ. Да! онъ задерживалъ не однихъ только тяжко больныхъ. Такъ, онъ задержалъ, въ качествѣ больного, на недѣлю, ссыльнаго, слѣдовавшая за которымъ жена была по дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы, задержана родами; такъ, онъ дозволилъ тремъ арестантамъ, шедшимъ въ каторгу, изъ коихъ одинъ слегка занемогъ, дожидаться, въ теченіи недѣли, пришедшихъ съ ними проститься жены, дочери и сестры, при чемъ «встрѣчи сихъ людей нельзя было видѣть безъ соболѣзнованія»;—такъ, въ виду просьбы шестерыхъ арестантовъ, шедшихъ въ Сибирь за «непокорство» управляющему своего помѣщика, «не дать имъ плакаться и дозволить идти изъ Москвы вмѣстѣ»,—онъ оставилъ ихъ на недѣлю, пока не поправились жена одного изъ нихъ и ребенокъ другого. Такъ, онъ оставилъ 19-ти-лѣтняго Степанова на двѣ недѣли вслѣдствіе «тяжелой усталости» сопровождающей его старухи-матери,—дважды оставлялъ арестанта Гарфункеля по его убѣдительной просьбѣ, основанной на увѣренности, что за нимъ непремѣнно идетъ жена, при чемъ оказалось, что жена дѣйствительно пришла, но уже черезъ два дня послѣ его ухода,—оставилъ двухъ ссылаемыхъ помѣщикомъ крестьянъ, вслѣдствіе сообщенія крестьянскаго общества, что оно покупаетъ для сопровождающихъ ихъ женъ съ младенцами лошадь—и т. д., и т. д. «Въ чемъ вредъ моихъ дѣйствій?—спрашиваетъ онъ:—въ томъ ли, что нѣкоторые изъ оставленныхъ арестантовъ умерли въ тюремной больницѣ, а не въ дорогѣ,—что здоровье другихъ сохранено? что душевные недуги нѣкоторыхъ по возможности исправлены? Арестанты выходятъ изъ Москвы, не слыша говоримаго въ другихъ мѣстахъ: «идите дальше, тамъ можете просить». Материнское попеченіе о нихъ можетъ отогрѣть ихъ оледенѣвшее сердце и вызвать въ нихъ теплую привязанность!»

На упреки въ нарушеніи устава о ссыльныхъ онъ отвѣчаетъ, между прочимъ: «обязанность руководствоваться уставомъ о ссыльныхъ можетъ быть уподоблена закону святить субботу. Господь, изрекши, что Онъ пришелъ не разрушать законъ, самъ истолковалъ книжникамъ и фарисеямъ, порицавшимъ Его за нарушеніе субботы пособіемъ страждущимъ, что не человѣкъ созданъ для суб-

боты, а суббота установлена для человѣка. Такъ и уставъ изданъ въ пользу пересыльныхъ, а не пересыльные созданы для устава. Число арестантовъ, содержимыхъ въ губернскомъ замкѣ и сѣтующихъ на долговременное и неправильное ихъ содержаніе, гораздо больше того, какое, по убѣдительнымъ просьбамъ ихъ, для успокоенія тяготящихъ сердца ихъ надобностей, удерживается на краткое кремя въ пересыльномъ замкѣ».

Энергическая защита Гаазомъ своихъ дѣйствій и воззрѣній, повидимому, произвела свое дѣйствіе, хотя ему пришлось испытать, какъ видно изъ его заявленій въ комитетъ, неудовольствіе искренно имъ любимаго Голицына и даже, вслѣдствіе столкновеній съ членами комитета, оставить должность секретаря, которую онъ исполнялъ съ 1829 года, но его права по пересыльному замку не были ограничены, и онъ попрежнему усердно и рѣшительно отправлялъ въ больницу на Воробьевыхъ горахъ не только слабыхъ, усталыхъ и больныхъ, но и такихъ, «душевные недуги» которыхъ надо было «исправить».

Такъ продолжалось до 1839 года. Въ этомъ году исправлявшій должность генералъ-губернатора московскій комендантъ Стааль, «признавая совершенное самоотверженіе г. Гааза, но удерживая, однако-же, мысль, что и въ самомъ добрѣ излишество вредно, если оно останавливаетъ ходъ дѣлъ, закономъ учрежденный», просилъ комитетъ «ограничить распоряженія лица, удерживающаго въ пересыльномъ замкѣ арестантовъ». Это послужило сигналомъ для новыхъ нападеній на Гааза со всѣхъ сторонъ. Со стороны полиціи пошли жалобы, а командированный комитетомъ для повѣрки его дѣйствій при отправленіи партій директоръ Розенштраухъ и секретарь комитета Померанцевъ стали рѣзко осуждать его. Наконецъ, и самъ князь Голицынъ, уже больной, началъ приходить въ раздраженіе отъ постоянныхъ жалобъ на «утрированнаго филантропа», и въ 1839 г. предписалъ ему представлять для провѣрки въ комитетъ и въ губернское правленіе списки оставляемыхъ имъ въ Москвѣ, съ точнымъ обозначеніемъ ихъ *болѣзни,* которая вынудила его на эту мѣру, а комитетъ потребовалъ, чтобы вмѣстѣ съ этими списками представлялись о томъ же и списки Гофмана. Въ довершеніе всего, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, основанному, вѣроятно, на жалобахъ Капцевича о неправильныхъ дѣйствіяхъ Гааза и о его столкновеніяхъ съ властями, было начато гражданскимъ губернаторомъ дознаніе и, съ согласія князя Голицына, 22-го ноября 1839 года, Гаазъ совершенно устраненъ отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ пересыльныхъ. Послѣднее распоряженіе до крайности оскорбило старика. Его объясненіе комитету

и докладная записка Голицыну носятъ слѣды глубокой горечи и негодованія. «Я призываю небо въ свидѣтели,—пишетъ онъ,— что ни губернское правленіе, ни какое-либо другое лицо не будутъ въ состояніи указать на какой-нибудь поступокъ съ моей стороны, который сдѣлалъ бы меня недостойнымъ довѣрія, которымъ я до сего времени пользовался». «Я не разъ,—продолжаетъ онъ со скорбью,—высказывалъ въ комитетѣ увѣренность, что и другіе его члены, если захотятъ, лучше выполнятъ мое дѣло и что единственное мое преимущество—это неимѣніе другихъ занятій, которыя могли бы меня отвлечь отъ любимаго мною занятія—заботы о больныхъ и арестантахъ. Теперь же никто не занялъ моего мѣста въ пересыльной тюрьмѣ и вотъ уже четыре недѣли никто не посѣтилъ ссылаемыхъ!» Указывая, что онъ не считалъ возможнымъ заботиться только о тѣлесныхъ нуждахъ арестантовъ, онъ заявляетъ князю Голицыну, что ждалъ присутствованія при отправленіи партій, какъ награды за свой трудъ. «C'était le prix de mes peines et il consistait dans quatre demandes, que je pouvais adresser à ces malheureux un moment avant leur départ: est-ce que vous vous portez bien? est-ce que ceux, qui savent lire, ont reçu un livre? est-ce que vous n'avez aucun besoin? est-ce que vous étes contents?» Мы увидимъ, что это въ его устахъ были не праздные вопросы... По поводу сдѣланнаго ему замѣчанія, что онъ милость возвелъ въ обязанность, Гаазъ пишетъ Голицыну: «Oui! j'ai même fait recevoir comme règle par mes subordonnés, employés du Comité, que le mot de *grâce* ne doit pas être prononcé parmi nous. D'autres visitent les prisoniers par grâce, leur font des aumônes par grâce, s'emploient pour eux auprès des chefs et auprés des parents par grâce,— nous autres, membres et employés du Comité, apres avoir accepté cette charge, nous faisons tout cela par *devoir*».

Мысль о томъ, что съ удаленіемъ его исчезло дѣйствительное попеченіе о пересыльныхъ, что тамъ, гдѣ еще такъ недавно на ихъ нужды отзывалось его сердце, начались злоупотребленія, неизбѣжныя при полномъ безправіи арестантовъ и формальномъ отношеніи къ нимъ властей, мучила его и порождала рядъ просьбъ и заявленій, писанныхъ почеркомъ, обличающимъ нервную и нетерпѣливую руку. «Позвольте мнѣ,—пишетъ онъ 24-го декабря 1839 года гражданскому губернатору,—выразить мое предчувствіе, что если жалобамъ на оставленіе ссыльныхъ въ Москвѣ не будетъ дано справедливаго разъясненія, то снова настанетъ то время— чему уже есть примѣры—когда людей, просящихъ со скромностью о своихъ нуждахъ, дерутъ за волосы, бранятъ всячески напрасно, таскаютъ ихъ и совершаютъ такія дѣйствія, при видѣ коихъ должно

полагать себя болѣе на берегахъ Сенегальскихъ, нежели на мѣстѣ, гдѣ опредѣлительно велѣно учить людей благочестію и доброй нравственности, такъ, чтобы содержаніе ихъ служило болѣе къ исправленію, нежели къ ихъ ожесточенію». Въ другомъ письмѣ, къ тому же лицу, онъ приводитъ случаи, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ и которые особенно взволновали его. Это были—отправленіе 21-го декабря 1839 года двухъ совершенно больныхъ арестантовъ, которые пошли только потому, что «могли держаться на ногахъ», и происшествіе съ двумя молодыми дѣвушками, которое онъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ тотъ же день двѣ сестры-дѣвушки со слезами просили ихъ не разлучать; одну, по осмотру штабъ-лекаря Гофмана, назначено было остановить, но другой, младшей, отказано въ ея просьбѣ по той причинѣ, что она уже два раза была останавливаема изъ-за болѣзни своей сестры, при чемъ объявлено имъ, что если желаютъ быть неразлучны, то пусть больная переможетъ себя и идетъ; сестры согласились, предпочитая, надо полагать, лучше умереть вмѣстѣ, нежели быть разлученными. Обходя людей, стоявшихъ уже на дворѣ, я нашелъ означенную дѣвушку до того больною, что вынужденнымъ нашелъ объявить полиціймейстеру, полковнику Миллеру, что ее нельзя отправить, хотя бы она того и желала, на что г. Миллеръ отвѣтствовалъ согласіемъ, но съ тѣмъ, чтобы сестра ея все-таки была отправлена. Тогда я убѣдительнѣйше его просилъ, ради любви сихъ сестеръ другъ къ другу, оставить обѣихъ и напомнилъ ему, что ходатайства тюремнаго комитета, буде окажутся приличными, должны быть уважаемы и что рѣдкіе случаи могутъ быть столь достойны уваженія, какъ просьба сихъ дѣвушекъ, кои, будучи довольно молоды, могутъ лучше другъ друга, нежели одна по себѣ, беречь отъ зла и подкрѣплять къ добру». Но Миллеръ остался непреклоненъ, давъ понять бѣдному Гаазу, что онъ уже «какъ при изъясненіи о состояніи здоровья сихъ людей, такъ и при изъясненіи свойствъ тюремнаго комитета—нынѣ считается ничѣмъ»... Это заявленіе окончательно взволновало старика. «Говоря съ г. Миллеромъ,—пишетъ онъ,—на языкѣ, который окружающіе не разумѣли (т.-на на иностранномъ), я сказалъ ему, что считаю себя обязаннымъ о таковомъ происшествіи довести до свѣдѣнія Государя, но и симъ не успѣвъ преклонить волю г. Миллера къ снисхожденію, дошелъ до того, что напомнилъ ему о высшемъ еще Судѣ, предъ которымъ мы оба не минуемъ предстать вмѣстѣ съ сими людьми, кои тогда изъ тихихъ подчиненныхъ будутъ страшными обвинителями. Г. Миллеръ, сказавъ мнѣ, что тутъ не мѣсто дѣлать катехизмъ,—кончилъ, однако же, тѣмъ, что велѣлъ остановить обѣихъ сестеръ»...

Еще въ 1834 году, въ ряду обвиненій противъ «утрированнаго филантропа» было выставлено Капцевичемъ и обвиненіе въ томъ, что онъ постоянно утруждаетъ начальство «неосновательными» просьбами за «развращенныхъ» арестантовъ. Оно было повторено съ особою силою и въ 1839 году. Оправдываясь, Гаазъ въ горячихъ выраженіяхъ указывалъ на всеобщее равнодушное отношеніе къ нуждамъ ссыльныхъ, на торопливость, съ которою для каждой партіи составляется статейный списокъ, на нежеланіе выслушивать ихъ просьбы, чтобы не измѣнять и не передѣлывать этого списка, ограждая тѣмъ конвойныхъ отъ ожиданія и писарей—отъ излишняго труда. «Когда партія отправляется и не получившіе справедливости арестанты смотрятъ на меня съ нѣкоторымъ какъ бы видомъ презрѣнія, то я думаю,—восклицаетъ онъ,—что Ангелъ Господень ведетъ *свой статейный списокъ* и въ немъ записаны начальство сихъ несчастныхъ и я»... Сознаніе невозможности продолжать освидѣтельствованіе, не давая ему покоя, безъ сомнѣнія, побуждало его къ ряду личныхъ просьбъ и протестовъ. Слѣдовъ ихъ не сохранилось, но уцѣлѣли его письменныя обращенія, въ которыхъ чувствуется глубоко убѣжденный и страдающій человѣкъ. «Учрежденіе тюремнаго комитета,—пишетъ онъ генералъ-губернатору,—обращается какъ бы въ фантомъ и обязанность, порученная вашему сіятельству какъ бы въ качествѣ *душеприказчика* Основателя общества, остается безъ послѣдствій; до послѣдней степени оскорбительно видѣть, сколь много старанія прилагается держать букву закона, когда хотятъ отказать въ справедливости!»—«Сегодня,—пишетъ онъ 29-го декабря 1839 года гражданскому губернатору Олсуфьеву,—исполнилось десять лѣтъ со дня открытія въ Москвѣ тюремнаго комитета; мнѣ хочется сей день, который бы слѣдовало праздновать высокоторжественнымъ образомъ, провести въ глубокомъ траурѣ. Это самый печальный день, который имѣлъ я во все время существованія комитета, видя нарушеніе достигнутаго десятилѣтними трудами облегченія ввѣренныхъ намъ людей. Ваше превосходительство сами можете постигнуть, какія должны быть мои чувства, когда даже въ васъ не могу еще замѣтить сострраданія къ несправедливымъ поступкамъ, кои я претерпѣваю отвсюду отъ того единственно, что я старался всѣмъ сердцемъ и всѣми способами о соблюденіи тѣхъ правилъ, которыя должны были быть соблюдаемы касательно сихъ людей».

Не дождавшись немедленнаго возстановленія своихъ правъ, Гаазъ не сложилъ, однако, оружія. Онъ считался директоромъ тюремнаго комитета и крѣпко держался за это званіе. Оно давало ему возможность ѣздить въ пересыльную тюрьму и на этапъ, ви-

дѣть «своихъ» арестантовъ, просить за нихъ и заступаться, не смотря на то, что директоръ Розенштраухъ, командированный комитетомъ, погрозилъ ему однажды даже тѣмъ, что если онъ будетъ продолжать «нарушать порядокъ», то будетъ «удаленъ силою». «Несмотря на униженія, коимъ я подверженъ, несмотря на обхожденіе со мною, лишающее меня уваженія даже моихъ подчиненныхъ и чувствуя, что я остался одинъ безъ всякой пріятельской связи или подкрѣпленія,—пишетъ онъ въ мартѣ 1840 г. комитету,—я тѣмъ не менѣе считаю, что покуда я состою членомъ комитета, уполномоченнымъ по этому званію волею Государя посѣщать всѣ тюрьмы Москвы,—мнѣ никто не можетъ воспретить отправляться въ пересыльный замокъ въ моментъ отсылки арестантовъ, и я продолжаю и буду продолжать тамъ бывать всякій разъ, какъ и прежде»... Долго ли продолжалось это тягостное для него положеніе—опредѣлить въ точности не представляется возможнымъ, но уже съ 1842 г. въ журналахъ комитета начинаютъ встрѣчаться заявленія самого Гааза о содѣйствіи тѣмъ или другимъ нуждамъ арестантовъ, *оставленныхъ имъ* въ больницѣ пересыльнаго замка, а извѣстія конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, не смотря на суровое генералъ-губернаторство Закревскаго, рисуютъ его энергически распоряжающимся въ любимой сферѣ. Очевидно, что противники его, видя упорство старика, устали и—махнули на него рукою. При этомъ за этимъ его упорствомъ чувствовалась великая, покоряющая нравственная сила, передъ которою блѣднѣли и теряли значеніе *такіе* важные безпорядки и затрудненія, какъ необходимость переписывать кондуитные списки или измѣнять разсчетъ кормовыхъ денегъ... Быть можетъ, нѣкоторымъ его противникамъ изъ-за сѣрой массы «развращенныхъ арестантовъ», съ упованіемъ и благодарностью смотрѣвшихъ на оскорбляемаго, но настойчиваго чудака, — сталъ видѣться тотъ Ангелъ Господень, на котораго онъ съ такою увѣренностью ссылался и у котораго былъ «свой статейный списокъ»...

Но, какъ бы то ни было, поѣздки на Воробьевы горы и на Рогожскій полуэтапъ продолжались до самой смерти Гааза. «Я встрѣчалъ иногда въ нѣкоторыхъ домахъ Москвы доктора Гааза,—писалъ мнѣ въ 1893 г. покойный Е. А. Матисенъ (старѣйшій членъ петербургской судебной палаты);—онъ энергическою своею осанкою напоминалъ Лютера; я засталъ его въ 1850 году при пересыльномъ арестантскомъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ. Въ одно воскресенье поѣхалъ я туда для присутствованія при тяжкомъ зрѣлищѣ отправленія этихъ несчастныхъ въ Сибирь; въ числѣ ихъ

была одна женщина, присужденная къ каторжнымъ работамъ; она уже поставлена была въ общій строй, для шествія пѣшкомъ, когда пріѣхалъ гражданскій губернаторъ; на просьбу этой арестантки дозволить ей сѣсть на одну изъ телѣгъ, всегда сопровождающихъ конвой и назначенныхъ для дѣтей и слабосильныхъ, онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказалъ; тогда приблизился [къ ней докторъ Гаазъ и, удостовѣрившись въ крайнемъ истощеніи ея, обратился къ губернатору съ заявленіемъ, что онъ не можетъ дозволить отправленія ея пѣшкомъ; губернаторъ возражалъ и упрекалъ его въ излишнемъ добродушіи къ преступницѣ, но Гаазъ настаивалъ и, отозвавшись, что за больныхъ отвѣчаетъ онъ, приказалъ принять эту женщину на телѣгу; губернаторъ хотѣлъ отмѣнить это распоряженіе, но Гаазъ горячо сказалъ, что онъ не имѣетъ на это права, и что онъ тотчасъ донесетъ объ этомъ генералъ-губернатору Закревскому; тогда только губернаторъ уступилъ, и женщина отправлена была на телѣгѣ. Въ тотъ же день я былъ очевидцемъ, какъ одного каторжника заковали и такъ неумѣло, что нога его оказалась въ крови, и онъ отъ боли не могъ встать; тогда Гаазъ велѣлъ его расковать, принявъ на себя отвѣтственность за возможный побѣгъ. Возвратившись въ Москву, я поѣхалъ къ Рогожской заставѣ, чрезъ которую проходилъ конвой арестантовъ, и здѣсь опять встрѣтилъ доктора Гааза, желавшаго удостовѣриться, не отмѣнены ли его приказанія относительно слабосильныхъ арестантовъ, и вновь подошедшаго съ ободреніемъ и теплыми словами къ женщинѣ, сидѣвшей на телѣгѣ и освобожденной имъ отъ пѣшаго хожденія по этапамъ».

Воспоминанія людей, помнящихъ Гааза и служившихъ съ нимъ, даютъ возможность представить довольно живо его воскресные пріѣзды на Воробьевы горы. Онъ являлся къ обѣднѣ и внимательно слушалъ проповѣдь, которая, вслѣдствіе его просьбы, уваженной митрополитомъ Филаретомъ, всегда неизбѣжно говорилась въ этотъ день для арестантовъ. Затѣмъ онъ обходилъ камеры арестантовъ, задавая тѣ вопросы, въ правѣ предложить которые видѣлъ себѣ—какъ онъ писалъ князю Голицыну—награду. Арестанты ждали его посѣщенія, какъ праздника, любили его, «какъ Бога»—вѣрили въ него и даже сложили про него поговорку: «у Гааза—нѣтъ отказа». Самые тяжкіе и закоренѣлые преступники относились къ нему съ чрезвычайнымъ почтеніемъ. Онъ входилъ всегда одинъ въ камеры «опасныхъ» арестантовъ—съ клеймами на лицѣ, наказанныхъ плетьми и приговоренныхъ въ рудники безъ срока,—оставался тамъ подолгу наединѣ съ ними—и не было ни одного случая, чтобы мало-мальски грубое слово вырвалось у оже-

сточеннаго и «пропащаго» человѣка противъ «Ѳедора Петровича». Вопросъ о томъ: не имѣетъ-ли кто какой-нибудь нужды?—вызывалъ всегда множество заявленій, часто неосновательныхъ,—и просьбъ, удовлетвореніе кооторыхъ было иногда невозможно. Гаазъ все выслушивалъ терпѣливо и благодушно. На его исполненномъ спокойствія и доброты лицѣ не было и тѣни неудовольствія на подчасъ вздорныя или даже вымышленныя претензіи. Онъ понималъ, въ глубокомъ состраданіи своемъ къ слабой душѣ человѣческой, что узникъ и самъ часто знаетъ, какъ нелѣпа его просьба или несправедлива жалоба, но ему надо дать высказаться, выговориться, надо дать почувствовать, что между нимъ—отверженцемъ общества—и внѣшнимъ, свободнымъ міромъ, есть все-таки связь, и что этотъ міръ преклоняетъ ухо, чтобы выслушать его... Терпѣливое вниманіе, безъ оттѣнка докуки или раздраженія, два-три слова сожалѣнія о томъ, что нельзя помочь, или разъясненіе, что для помощи нѣтъ повода—и узникъ успокоенъ, ободренъ, утѣшенъ. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ арестантами и относился къ нимъ не съ надменной чиновничьей высоты—знаетъ, что это такъ...

Но если жалобы и просьбы арестанта переходили во вздорную словоохотливость, Ѳедоръ Петровичъ, улыбаясь, переходилъ къ слѣдующему, говоря сопровождавшему его тюремному служителю: «Скажи ему, милый мой, что онъ не дѣло говоритъ»... Затѣмъ начиналось освидѣтельствованіе арестантовъ въ извѣстномъ уже объемѣ. Въ 1851 г. для нѣкотораго контроля надъ широкимъ примѣненіемъ Гаазомъ понятія о нездоровьѣ—губернское правленіе стало командировать къ отправкѣ пересыльныхъ партій члена врачебной управы. Выборъ лица для этого надзора былъ сдѣланъ весьма своеобразно. Сдерживать Гааза былъ назначенъ другъ Грановскаго и Щепкина, «перевозчикъ» на русскій языкъ Шекспира, небрежный въ костюмѣ, косматый, жизнерадостный, злой на языкъ и добрый на дѣлѣ, оглушающій громовыми раскатами смѣха—Николай Яковлевичъ Кетчеръ. Имена арестантовъ, про которыхъ было извѣстно, что Ѳедору Петровичу хотѣлось бы ихъ оставить до слѣдующаго этапнаго дня, писались карандашомъ на записочкѣ,—и она передавалась Кетчеру, на подобіе докторскаго гонорара при рукопожатіи, людьми, сочувствовавшими Гаазу между тюремнымъ персоналомъ. Подойдя къ обозначенному въ запискѣ, Кетчеръ обыкновенно находилъ, что *онъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ*. Гаазъ краснѣлъ отъ удовольствія и немедленно восклицалъ: «Оставить его! Оставить... въ больницу!»...

«Мы были,—пишетъ 27-го сентября 1847 года жена англійскаго посла, лэди Блумфильдъ (Reminiscences of court and diplo-

matic life, by Georgina Baroness Bloomfield. London. 1882),—въ пересыльной тюрьмѣ на Воробьевыхъ горахъ. . Тюрьма, жалкая постройка, состоящая изъ нѣсколькихъ деревянныхъ домовъ, построенныхъ въ 1831 г., во время холеры, чтобы не пускать преступниковъ въ зараженный городъ. Мы вошли въ комнату, гдѣ ихъ осматривалъ докторъ Гаазъ. Этотъ чудесный человѣкъ посвятилъ себя имъ уже семнадцать лѣтъ и пріобрѣлъ среди нихъ большое вліяніе и авторитетъ. Онъ разговаривалъ съ ними, утѣшалъ ихъ, увѣщевалъ, выслушивалъ ихъ жалобы и внушалъ имъ упованіе на милость Бога, многимъ раздавалъ книги. Все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Тексты писанія о томъ, «кому много дано» и о «первыхъ, которые будутъ послѣдними», никогда не представлялись такъ живо моему уму. Всѣхъ арестантовъ было 80 человѣкъ—мужчинъ и женщинъ; 28 изъ нихъ шли въ пожизненную каторгу. Послѣдніе, съ бритою на половину головою, имѣли видъ призраковъ; видъ большей части былъ скорѣе апатичный, чѣмъ злой. Когда я вошла въ тюрьму, одинъ арестантъ стоялъ на колѣняхъ предъ Гаазомъ и, не желая встать, рыдалъ надрывающимъ душу образомъ. Его исторія очень любопытна. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь за убійство и жена отказалась слѣдовать за нимъ. Бѣжавъ изъ Сибири, онъ нашелъ на родинѣ, въ Бѣлоруссіи, жену замужемъ за другимъ. Его поймали, жестоко наказали и опять сослали. Съ отчаяніемъ умолялъ онъ отдать ему жену. Несчастье было написано на лицѣ его. Сколько ни уговаривалъ его Гаазъ, сколько ни образумлялъ съ ласкою и участіемъ—онъ оставался неутѣшенъ и плакалъ горько. Предъ отходомъ партіи была перекличка. Арестанты начали строиться, креститься на церковь; нѣкоторые поклонились ей до земли, потомъ стали подходить къ Гаазу, благословляли его, цѣловали ему руки и благодарили за все доброе, имъ сдѣланное. Онъ прощался съ каждымъ, нѣкоторыхъ цѣлуя, давая каждому совѣтъ и говоря ободряющія слова. Потомъ Гаазъ сказалъ мнѣ, что всегда молится, чтобы, когда всѣ соберутся предъ Богомъ, начальство не было осуждено этими самыми преступниками и не понесло въ свою очередь тяжелаго наказанія. Къ тюрьмѣ былъ пристроенъ госпиталь, состоявшій подъ его наблюденіемъ. Въ немъ онъ удерживалъ больныхъ или тѣхъ, кто былъ слабъ для пяти съ половиною мѣсячнаго пути. Тяжелое, но неизгладимое впечатлѣніе!»

Приготовленная къ отправкѣ партія ссыльныхъ не тотчасъ же направлялась по «владиміркѣ». Первый переходъ отъ Москвы до Богородска былъ очень длиненъ. Онъ до крайности утомлялъ и конвой, и арестантовъ, которымъ приходилось выступать изъ

пересыльной тюрьмы довольно поздно, между 2 и 3 часами пополудни. По мысли и настояніямъ Гааза рѣшено было устроить на другомъ концѣ Москвы, за Рогожскою заставою, полуэтапъ, гдѣ партія могла бы переночевать и уже утромъ выйти окончательно въ путь. Гаазъ нашелъ средства, отыскалъ благотворителей, между которыми выдающееся мѣсто занималъ купецъ Рахмановъ,—и зданіе Рогожскаго полуэтапа стало давать послѣдній въ предѣлахъ Москвы пріютъ ссыльнымъ и ихъ семействамъ. Сюда стекались пожертвованія, иногда очень щедрыя, натурою (преимущественно калачами, яйцами и ситцемъ на рубаху), и деньгами отъ благотворителей, которыми всегда была изобильна Москва; сюда же приходили нѣкоторые изъ нихъ лично, чтобы раздавать подаяніе арестантамъ. Здѣсь можно было видѣть то «умилительное,—по словамъ Гоголя,—зрѣлище, которое представляетъ посѣщеніе народомъ ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь, при чемъ нѣтъ ни ненависти къ преступнику, ни донкихотскаго порыва сдѣлать изъ него героя, собирая его факсимиле и портреты—или желанія смотрѣть на него изъ любопытства, какъ дѣлается на Западѣ, — есть что-то болѣе: не желаніе оправдать его или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упадшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата» (Переписка съ друзьями). Съ устройствомъ Рогожскаго полуэтапа мѣстное начальство внутренней стражи распорядилось было водить партіи съ Воробьевыхъ горъ по окраинамъ Москвы, минуя ея оживленныя и населенныя улицы и не тревожа спокойствія ихъ обитателей и посѣтителей видомъ ссылаемыхъ и звономъ кандаловъ. Но мысль объ огражденіи «счастливыхъ» отъ напоминанія о «несчастныхъ» была непонятна Гаазу и казалась ему идущею наперекоръ съ добрыми свойствами русскаго человѣка, не хранящаго злобы противъ наказаннаго преступника и создавшаго поговорку «отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся». Этотъ иностранецъ глубже, чѣмъ официальные представители московскаго благочинія, понималъ высокое нравственное значеніе отношенія русскаго человѣка къ «несчастному», нашедшее себѣ впослѣдствіи вдумчиваго истолкователя въ Д. А. Ровинскомъ. Кромѣ того, съ точки зрѣнія практической, проводъ ссыльныхъ по окраинамъ лишалъ ихъ обильныхъ подаяній, отовсюду сыпавшихся имъ на пути чрезъ Замоскворѣчье, Таганку и Рогожскую часть. Защитникъ арестантскихъ интересовъ, Гаазъ сталъ тотчасъ же домогаться отмѣны этого распоряженія чрезъ комитетъ, и, не дожидаясь разрѣшенія этого вопроса канцелярскимъ путемъ, обратился въ 1835 году къ коменданту Москвы генералу Стаалю, съ горячимъ письмомъ, умоляя его о

«великомъ облегченіи симъ людямъ». Распоряженіе было отмѣнено.

Къ этому-то полуэтапу подъѣзжала утромъ въ понедѣльникъ извѣстная всей Москвѣ пролетка Ѳедора Петровича и выгружала его самого и корзины съ припасами, собранными имъ за недѣлю для пересыльныхъ. Онъ обходилъ ихъ, освѣдомлялся, получили ли они по второй рубашкѣ, выхлопотанной имъ у комитета въ 1839 году, ободрялъ ихъ снова, — къ нѣкоторымъ, въ которыхъ успѣлъ подмѣтить «душу живу», обращался съ словами: «поцѣлуй меня, голубчикъ» («Прощаніе г. Гааза даже сопровождается цѣлованіемъ съ преступниками»—писалъ негодующій Капцевичъ въ 1838 г.), и долго провожалъ глазами тронувшуюся партію, медленно двигавшуюся, звеня цѣпями, по Владимірской дорогѣ... Иногда встрѣчные съ партіею москвичи, торопливо вынимая подаяніе, замѣчали, что вмѣстѣ съ партіею шелъ,—нерѣдко много верстъ,—старикъ во фракѣ, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, въ старыхъ башмакахъ съ пряжками и въ чулкахъ, а если это было зимою, то въ порыжѣлыхъ высокихъ сапогахъ и въ старой волчьей шубѣ. Но москвичей не удивляла такая встрѣча. Они знали, что это «Ѳедоръ Петровичъ», что это «святой докторъ» и «Божій человѣкъ», какъ привыкъ его звать народъ. Они догадывались, что ему вѣрно нужно еще продлить свою бесѣду съ ссыльными и, быть-можетъ, какое-нибудь свое прерканіе съ ихъ начальствомъ. Они знали, что нужды этихъ людей и предстоящія имъ на долгомъ пути трудности не были ему чужды ни въ какомъ отношеніи. Не даромъ же въ Москвѣ разсказывали, что однажды, въ 1830 году, губернаторъ Сенявинъ, пріѣхавъ къ нему по дѣлу, засталъ его непрерывно ходящимъ, подъ аккомпаниментъ какого-то лязга и звона, взадъ и впередъ по комнатѣ, что-то про себя сосредоточенно считая, съ крайне утомленнымъ видомъ. Оказалось, что онъ велѣлъ заковать себя въ свои «облегченныя» кандалы и прошелъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу до Богородска, чтобы знать, каково *имъ* идти въ такихъ кандалахъ.

VI.

Отношеніе Гааза къ вопросамъ *тюремной статики* было менѣе боевое, чѣмъ къ вопросамъ *динамики*. Сравнительная неподвижность осѣдлаго тюремнаго населенія давала возможность вести дѣло улучшенія его положенія болѣе сдержанно и спокойно. То, чего нельзя было достигнуть *сегодня*, могло—и притомъ по

отношенію къ тѣмъ же самымъ людямъ — быть сдѣлано *завтра*. Все сводилось лишь къ настойчивости и выдержкѣ. Арестантъ не мелькалъ здѣсь предъ опечаленнымъ взоромъ «утрированнаго филантропа», какъ въ калейдоскопѣ, гдѣ каждый поворотъ измѣняетъ личный составъ нуждающихся въ помощи и защитѣ.

Но и въ области «статики» Гаазъ работалъ много и плодотворно. Онъ засталъ московскій губернскій замокъ, про который арестантская пѣсня говорила: — «Межъ Бутыркой и Тверской, — тамъ стоятъ четыре башни, — въ серединѣ большой домъ, — гдѣ крестъ-на-крестъ калидоры», — въ ужасномъ состояніи. Если въ 1873 году, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, въ матеріалахъ, собранныхъ Соллогубовскою комиссіею для тюремнаго преобразованія, про этотъ замокъ было, быть-можетъ не безъ нѣкотораго преувеличенія, сказано, что онъ представляетъ «образецъ всѣхъ безобразій», и что первымъ приступомъ къ тюремной реформѣ должно быть «уничтоженіе этого вертепа» (Записка о карательныхъ учрежденіяхъ Россіи, № 2, стр. 12), то можно себѣ представить, что такое онъ представлялъ собою при открытіи тюремнаго комитета. Изъ тѣхъ улучшеній, — очень скромныхъ вслѣдствіе скудости средствъ, — которыя въ немъ осуществилъ Гаазъ, — можно составить себѣ приблизительную картину бросавшихся въ глаза недостатковъ этого мѣста заключенія огромнаго количества людей. Въ маленькихъ, скупо дававшихъ свѣтъ окнахъ не было форточекъ; печи дымили; вода получалась изъ грязныхъ притоковъ Москвы-рѣки; въ мужскихъ камерахъ не было наръ; на ночь въ нихъ ставилась протекавшая и подтекавшая «параша»; не было никакихъ приспособленій для умыванія; кухни поражали своею нечистотою; распредѣленіе по возрасту и роду преступленій не соблюдалось; слабый вообще надзоръ ограничивался лишь по временамъ крутыми мѣрами насильственнаго принужденія; пища была плохая и скудная, но зато въ углахъ камеръ, у стѣнъ съ облупленною штукатуркою, покрытыхъ плѣсенью и пропитанныхъ сыростью, выростали грибы...

Въ 1832 году Гаазъ рѣшительно принялся за дѣло улучшенія хотя бы части этой, какъ онъ выражался «несносной неопрятности». Дважды, въ теченіе августа 1832 г., былъ онъ у кн. Д. В. Голицына, рисуя ему эту «неопрятность», и убѣдилъ его лично въ ней удостовѣриться. Результатомъ этого было разрѣшеніе комитетомъ Гаазу устроить въ видѣ опыта одинъ изъ коридоровъ зàмка — *сѣверный* — хозяйственнымъ способомъ. Гаазъ принялся за дѣло ретиво, по нѣскольку разъ въ день пріѣзжалъ на работы, платилъ рабочимъ свои деньги, чтобы они не бросали нѣкоторыхъ

работъ и въ праздники, послѣ обѣдни; лазилъ по лѣсамъ, рисовалъ, разсчитывалъ, спорилъ, — и въ половинѣ 1833 года часть тюремнаго замка приняла не только приличный, но и образцовый по тому времени видъ. Чистыя, свѣтлыя камеры съ нарами, которыя поднимались днемъ, съ окнами втрое шире прежнихъ, были выкрашены масляною краскою; были устроены ночныя ретирады и умывальники, вырытъ на дворѣ собственный колодезь и внутри двора посажены сибирскіе тополи, по два въ рядъ, «для освѣженія воздуха».

Такъ образовался, къ негодованію генерала Капцевича, устроенный Гаазомъ «пріютъ, не только изобильный, но даже роскошный и съ прихотями, избыточно филантропіей преступникамъ доставляемыми». Въ довершеніе «роскоши» этого пріюта, при немъ были устроены Гаазомъ, принявшимъ на себя званіе директора работъ, мастерскія, и въ нихъ, при его посредствѣ, постепенно, къ іюню 1834 года, заведены для арестантовъ переплетныя, столярныя, сапожныя и портняжныя работы, а также плетеніе лаптей. Въ 1836 году, по мысли Гааза и Львова, главнымъ образомъ на пожертвованія, собранныя первымъ, устроена при пересыльной тюрьмѣ, за неимѣніемъ мѣста въ губернскомъ замкѣ, школа для арестантскихъ дѣтей. Гаазъ часто посѣщалъ ее, разспрашивалъ и ласкалъ дѣтей и нерѣдко экзаменовалъ ихъ. Онъ любилъ исполненіе ими церковныхъ гимновъ, причемъ, къ изумленію мѣстнаго священника, совершенно правильно поправлялъ ихъ ошибки въ славянскомъ текстѣ. Въ этой школѣ хотѣлъ онъ, по словамъ Жизневскаго, повѣсить часы съ большимъ маятникомъ и съ очень нравившеюся ему звукоподражательною надписью: «Какъ здѣсь, такъ и тамъ; какъ здѣсь, такъ и тамъ!.»

Постоянно бывая въ тюремномъ замкѣ, Гаазъ зорко слѣдилъ за поведеніемъ служащихъ и требовалъ отъ нихъ той любви къ дѣлу, примѣръ которой подавалъ самъ. Но это было трудно исполнимо, и при его довѣрчивости къ людямъ онъ часто дѣлался, въ этомъ отношеніи, жертвою глубокаго лицемѣрія, покуда сердце не подсказывало ему или какой нибудь вопіющій фактъ не доказывалъ ему, что дѣло идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Въ этихъ случаяхъ онъ волновался чрезвычайно,—сыпалъ горячими упреками, штрафовалъ, увольнялъ. Но тюремный персоналъ не создается сразу.

Не менѣе волновали Гааза матеріальные слѣды крутыхъ и безгласныхъ расправъ съ арестантами. Въ запискахъ и трудахъ Д. А. Ровинскаго содержатся указанія на то, что еще въ сороковыхъ годахъ бывали случаи кормленія подслѣдственныхъ аре-

стантовъ селедками и подвѣшиванья ихъ со связанными назадъ руками; онъ самъ долженъ былъ заняться уничтоженіемъ подвальныхъ темницъ при Басманной части и упразднить «клоповникъ» при одной изъ другихъ частей. Въ возможность подобныхъ явленій въ московскихъ тюрьмахъ зорко вглядывался Гаазъ. Въ 1843 году онъ былъ глубоко возмущенъ, узрѣвъ въ замкѣ «особую машину—такъ называемый *крестъ* (sic!), на который привязывается человѣкъ для наказанія на тѣлѣ, устроенный, какъ говорятъ, на подобіе тѣхъ, какіе есть, какъ сказываютъ, во всѣхъ частныхъ домахъ города». Требуя отъ комитета немедленнаго уничтоженія этой машины, Гаазъ высказалъ и свой взглядъ на отношеніе тюремныхъ служителей къ своимъ обязанностямъ.

«Если приставники,—пишетъ онъ,—будутъ смотрѣть за собою, чтобы самимъ не впадать въ прегрѣшеніе, то рѣдки будутъ и случаи взысканія съ заключенныхъ. Въ управленіи больничномъ я нахожу чрезвычайно полезнымъ начинать взысканіе со старшихъ приставниковъ, кои, при справедливомъ разбирательствѣ, почти всегда оказываются виновными въ непріятностяхъ, учиненныхъ ихъ подчиненными. То же полагалъ бы примѣнять и въ замкѣ, а не противныя закону истязанія...» Въ одномъ случаѣ, коснувшемся орудія наказанія не въ настоящемъ, а въ прошломъ, онъ столкнулся даже съ глубоко чтившимъ его Ровинскимъ. Въ губернскомъ замкѣ, въ одномъ изъ коридоровъ хранилась желѣзная клѣтка, въ которой содержался предъ казнью Пугачевъ, наводившій ужасъ своимъ видомъ на любопытныхъ женщинъ и смущавшій многихъ загадочными словами: «Воронъ-то взятъ, а вороненокъ-то еще летаетъ». Для любителя старины и археолога, какимъ былъ Ровинскій, клѣтка эта была предметомъ особаго историческаго интереса, и онъ все собирался ее изучить подробно, измѣрить, описать и т. д. Но не такъ относился къ ней Гаазъ, давно сурово на нее косившійся. Воспользовавшись какимъ-то междуцарствіемъ въ замкѣ, онъ рѣшился убрать отъ всякихъ взоровъ ненавистную ему клѣтку и приказалъ ее замуравить въ нишу, имѣвшуюся въ стѣнѣ, гдѣ она и находилась, во всякомъ случаѣ, до его смерти.

Ревнитель улучшеній въ тюремномъ быту, Гаазъ не былъ, однако, поклонникомъ такихъ нововведеній, которыя, по его мнѣнію, шли въ разрѣзъ не только съ особенностями русскаго простолюдина, но и со свойствомъ человѣческой природы вообще. Когда стало входить въ моду одиночное тюремное заключеніе, на началахъ пенитенціарной системы, въ комитетѣ раздались сочувствующіе ему голоса. Нѣкоторымъ изъ членовъ комитета сдѣла-

лось симпатичнымъ представленіе объ огромномъ зданіи, раздѣленномъ на ячейки и погруженномъ въ гробовое молчаніе, причемъ предполагается, что отданный на жертву тоскѣ, страстнымъ помысламъ и мрачному одиночеству, человѣкъ, лишенный искусственно возможности употребленія того, чѣмъ онъ прежде всего отличается отъ животнаго—членораздѣльной рѣчи—очищается покаяніемъ и исправляется нравственно. Но Гаазъ постигъ всѣ темныя и обманчивыя стороны этой системы и понялъ ея жестокость. То, что̀ въ шестидесятыхъ годахъ ученый Гольцендорфъ называлъ «eine raffinierte Quaelerei», отталкивало отъ себя Гааза еще въ тридцатыхъ. «Насчетъ похвалы сей системы,—пишетъ онъ комитету въ октябрѣ 1822 года,—я не менѣе мнителенъ, какъ и на похвалу новыхъ средствъ и методовъ въ пользованіи больныхъ. Учрежденіе домовъ покаянія сходствуетъ съ учрежденіемъ монастырей. Сколь ни превосходенъ будетъ одинъ монастырь, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы правила его были распространены на всѣ другіе монастыри. Есть монастыри, въ коихъ находящіеся ничего не говорятъ, кромѣ: «memento mori». Хотя сіе есть важное и для многихъ даже приличнѣйшее изреченіе, однакожъ оно не вездѣ употребляется. Дозволительно поэтому спросить, почему въ Россіи обрекать арестантовъ на одиночество? почему лишать ихъ тихаго и добраго между собою разговора, а не удерживать только отъ шумнаго и неблагопристойнаго? Я уповаю, что не сими стѣсненіями и ожесточеніями, а устройствомъ труда и соединеніемъ арестантовъ на общую молитву можно благо дѣйствовать на исправленіе ихъ нравственности...»

Забота о правильномъ содержаніи арестанта въ стѣнахъ тюрьмы не исчерпывала, однако, всей полноты задачи тюремнаго комитета въ томъ видѣ, какъ ее понималъ Гаазъ. За стѣнами тюрьмы былъ цѣлый міръ, къ которому еще недавно арестантъ былъ прикрѣпленъ всѣми корнями своего существованія. Не всѣ они обрывались съ того момента, какъ за нимъ захлопывались ворота тюрьмы. За стѣнами ея оставалась семья, близкіе, хозяйство, имущество, — за стѣнами пребывалъ судъ, пославшій въ тюрьму, опредѣлившій ея видъ и назначившій ея срокъ, — надъ этимъ судомъ былъ другой судъ, къ справедливости котораго можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ взывать; наконецъ, надо всѣмъ этимъ виднѣлся въ отдаленіи высшій въ государствѣ источникъ милости и милосердія. Но арестантъ былъ отрѣзанъ отъ этого міра. Между нимъ и этимъ міромъ стояли не только каменныя стѣны замка, но и живая стѣна тюремнаго начальства, занятаго прямыми своими обязанностями, подчасъ черстваго, почти

всегда равнодушнаго. Для него *все* было въ поддержаніи и соблюденіи порядка между *всѣми* арестантами, а нужда, тревога или интересъ отдѣльной личности—ничто или почти ничто...

Нуженъ былъ посредникъ между арестантомъ и внѣшнимъ міромъ,—не казенный, не замкнутый въ холодныя начальственныя формы,—выслушивающій каждаго безъ досады, нетерпѣнія или предвзятаго недовѣрія, не прибѣгающій къ поспѣшной и безотрадной ссылкѣ на недопускающій возраженій законъ...

Уже вскорѣ по открытіи комитета, въ 1829 году, Гаазъ писалъ князю Голицыну о необходимости «prêter aux exilés et détenus une oreille amicale dans tout ce qu'ils auront à communiquer»... и внесъ, въ 1832 году, въ свой проектъ обязанностей секретаря комитета пунктъ шестой, въ силу котораго «онъ въ особенности долженъ исполнять обязанности стряпчаго, по воззванію арестантовъ, если бы кто изъ нихъ сталъ требовать изложенія письменной просьбы по дѣламъ своимъ». Мысль о необходимости быть посредникомъ или, какъ выражался онъ, «справщикомъ» для арестантовъ не покидала его. Осуществляя ее на практикѣ, онъ стремился къ тому, чтобы упорядочить эту обязанность и возложить ее на опредѣленныхъ лицъ. Въ 1834 г. онъ представилъ въ комитетъ подробный проектъ объ учрежденіи должности справщика. Покуда проектъ этотъ крайне медлительно разсматривался комитетомъ, онъ и директоръ Львовъ, распредѣливъ между собою дни, объѣзжали арестантовъ, собирая свѣдѣнія и хлопотали *о* нихъ, *за* нихъ и *для* нихъ. Наконецъ, въ 1842 году, постановленіемъ комитета офиціально учреждена должность *справщика и ходатая по арестантскимъ дѣламъ*. На «справщика», независимо отъ обязанностей губернскаго стряпчаго, возложена была забота о томъ, «чтобы никто не былъ заключенъ въ тюрьму противно разуму законовъ и сущности того дѣла, по которому онъ судится или прикосновенъ; чтобы всякій зналъ, въ чемъ онъ обвиняется; чтобы не было опущено никакихъ справокъ и изысканій, требуемыхъ имъ къ своему оправданію; чтобы содержаніе въ тюрьмѣ не отягощалось медленностью, и чтобы тѣ, кого можно закономъ освободить—были освобождены». Этотъ справщикъ-ходатай имѣлъ право входить въ сношеніе съ канцеляріями присутственныхъ мѣстъ и представлять о всемъ заслуживающемъ вниманія и содѣйствія князю Голицыну, изъ личныхъ средствъ котораго давалась сумма для его канцеляріи. Первымъ ходатаемъ былъ назначенъ членъ комитета Павловъ, затѣмъ въ помощь ему поступилъ Коптевъ.

Такимъ образомъ, мысль Гааза была осуществлена въ значительной ея части, и онъ, казалось, могъ въ этомъ отношеніи

сказать: «нынѣ отпущаеши», всецѣло отдавшись своей этапной дѣятельности. Но это лишь казалось...

Сначала все шло, повидимому, успѣшно, но затѣмъ умеръ великодушный князь Голицынъ и вступили въ силу наши обычныя апатія и равнодушіе къ дѣлу. Въ 1844 году Гаазъ уже входитъ въ комитетъ съ просьбою ассигновать 1.400 р. на канцелярію ходатая, а не на выкупъ должниковъ, какъ полагали нѣкоторые, такъ какъ «это назначеніе почитаетъ онъ важнѣйшимъ, ибо, дѣятельная часть ходатайства по дѣламъ заключенныхъ составляетъ прямую и неоспоримую обязанность комитета, члены котораго должны дружелюбно выслушивать жалобы ввѣренныхъ имъ людей». Указывая затѣмъ на готовность губернатора и прокурора принимать извѣщенія и ходатайства членовъ комитета объ арестантахъ, онъ не безъ горечи прибавляетъ, что «всѣ нужды по сему предмету удовлетворялись бы, лишь бы члены комитета трудились выслушивать людей и жалобы ихъ доводить до начальства; если же они недовольно исполняютъ сего сами, то пусть отыщутъ лицо, которое замѣнило бы ихъ». Онъ даже вынужденъ былъ заявить, что «быть-можетъ полезнѣе было бы имѣть для такихъ порученій чиновника, приглашеннаго на жалованье, такъ какъ ему смѣлѣе, нежели товарищу, предложить можно бы имѣть заботу объ исполненіи своей обязанности и избѣгнуть вмѣстѣ съ тѣмъ опасности, состоящей въ томъ, что, за исключительнымъ наименованіемъ двухъ членовъ комитета ходатаями, остальные охладѣваютъ и отклоняютъ отъ себя долгъ выслушивать просьбы арестантовъ, лежащій на каждомъ изъ нихъ по призванію»...

Съ этого времени журналы комитета наполняются ходатайствами Гааза по различнымъ арестантскимъ нуждамъ, по пересмотру дѣлъ «невинно осужденныхъ», по вопросамъ о помилованіи... Д. А. Ровинскій вспоминалъ, что почти не проходило дня, чтобы къ нему въ прокурорскую камеру, гдѣ онъ пребывалъ съ 1848 года въ качествѣ губернскаго стряпчаго, и затѣмъ въ уголовную палату, не пріѣзжалъ Гаазъ за справками и съ просьбами по дѣламъ заключенныхъ. Не вѣря въ бумажную борьбу съ «отклонявшими отъ себя долгъ», онъ взялъ этотъ долгъ на себя и, какъ всегда и во всемъ, исполнялъ его свято по отношенію къ нуждавшимся, съ полнымъ забвеніемъ себя и съ надоѣдливымъ упорствомъ относительно судебнаго и иного начальства...

Такъ продолжалось до самой его смерти. Одинъ изъ почтенныхъ товарищей предсѣдателя московскаго окружнаго суда за первые годы его существованія, съ глубокимъ уваженіемъ вспоминая о дѣятельности Гааза въ этомъ отношеніи, разсказывалъ, что бу-

дучи еще молодымъ человѣкомъ и служа въ управленіи московскаго оберъ-полиціймейстера, онъ былъ однажды, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, оторванъ отъ занятій старикомъ, назвавшимся членомъ тюремнаго комитета и просившимъ справки о положеніи дѣла о какомъ-то арестантѣ. Недовольный помѣхою и желая поскорѣе вернуться къ прерванному дѣлу, онъ рѣзко указалъ на какія-то формальныя неточности въ данныхъ, по которымъ просилась справка, и отказалъ въ ея выдачѣ. Старикъ торопливо поклонился и вышелъ. Между тѣмъ небо заволокло тучами и вскорѣ разразилась гроза, одна изъ обращающихъ на время московскія площади въ озера, въ которыя стремятся по крутымъ улицамъ и переулкамъ цѣлыя рѣки... Чрезъ два часа старикъ снова потревожилъ молодого чиновника. На немъ не было сухой нитки... Съ доброю улыбкою подалъ онъ самыя подробныя свѣдѣнія по предмету своей просьбы. Оказалось, что онъ ѣздилъ за ними на край города, въ Хамовническую часть, несмотря на ливень и грозу... Это былъ, уже семидесятилѣтній, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ—и трогательный урокъ, данный имъ, вызывалъ чрезъ много лѣтъ у разсказчика слезы умиленія...

Говоря о дѣятельности Гааза, какъ справщика и ходатая, необходимо остановиться и на его хлопотахъ о *помилованіи.* Зная всѣ недостатки современнаго ему судопроизводства, онъ относился недовѣрчиво къ уголовному правосудію, отправляемому русскими судами. Хотя онъ понималъ, конечно, что знаменитое «оставленіе въ подозрѣніи»—какъ результатъ системы формальныхъ доказательствъ — обусловливаетъ безнаказанность многихъ, но онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ не знать, что возможность этого же самаго оставленія въ подозрѣніи, при отсутствіи собственнаго сознанія и узаконеннаго числа свидѣтелей, вызывала часто пристрастныя дѣйствія полицейскихъ слѣдователей для полученія сознанія во что бы то ни стало. Слѣдователь того времени по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ никогда не велъ осады заподозрѣннаго, окружая его цѣпью отысканныхъ и связаннымъ между собою уликъ и косвенныхъ доказательствъ. Это было долго, скучно, ненадежно, да— при уровнѣ развитія большинства слѣдователей—и трудно. Осадѣ предпочитался штурмъ прямо на заподозрѣннаго, стремительность котораго была часто въ обратномъ отношеніи къ его законности и даже основательности. Не мудрено, что Гаазъ, котораго ни въ чемъ и никогда не удовлетворяла внѣшняя, формальная правда, сомнѣвался въ справедливости многихъ приговоровъ, на неправильность которыхъ жаловались ему осужденные. Въ этихъ случаяхъ пересмотръ дѣла представлялся ему, помимо соображеній объ

исчерпанномъ уже апелляціонномъ и ревизіонномъ производствѣ, дѣломъ святымъ, о которомъ нравственно необходимо хлопотать. Онъ зналъ также, что современный ему уголовный судъ не знаетъ индивидуальной личности преступника; что при разбирательствѣ дѣла живой человѣкъ стоитъ позади всего, въ туманномъ отдаленіи, заслоненный кипами слѣдственныхъ актовъ и обезличенный однообразнымъ канцелярскимъ стилемъ слѣдователя. Поэтому, когда онъ становился лицомъ къ лицу съ осужденнымъ, стараясь вдуматься въ мысли, бродившія въ полуобритой головѣ, и вглядѣться въ сердце, бившееся подъ курткою съ желтымъ тузомъ на спинѣ,—предъ его, проникнутымъ жалостью къ людямъ, взоромъ возникалъ совсѣмъ не тотъ злодѣй и нарушитель законовъ божескихъ и человѣческихъ, о которомъ шла рѣчь въ приговорѣ. И въ этихъ случаяхъ онъ считалъ своею обязанностью просить о помилованіи, о смягченіи суровой кары.

Поэтому-то въ журналахъ московскаго тюремнаго комитета съ 1829 по августъ 1853 года записано 142 предложенія Гааза съ ходатайствами о пересмотрѣ дѣлъ, о помилованіи осужденныхъ или о смягченіи имъ наказанія. Покойный Д. А. Ровинскій вспоминалъ эпизодъ, показывающій, съ какою горячею настойчивостью отстаивалъ Ѳедоръ Петровичъ свое заступничество. Въ 40-хъ годахъ, будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ оригинальнаго столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть-можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за «невинно осужденныхъ» арестантовъ. «Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ—значитъ, есть за нимъ вина»... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста. «Да вы о Христѣ позабыли, владыко!»—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: «Нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Хри-

стѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!..»—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Особенно вызывали сочувствіе Гааза ссылаемые раскольники. Его любвеобильное сердце тщетно силилось почувствовать, почему нѣкоторые изъ нихъ могли быть сопричислены къ уголовнымъ преступникамъ. «Трогательно для меня несчастіе сихъ людей,—писалъ онъ въ 1848 г. вице-президенту кн. С. М. Голицыну, ходатайствуя за прибывшихъ на Воробьевы горы трехъ стариковъ безпоповцевъ посада Добрянки,—а истинное мое убѣжденіе, что люди сіи находятся просто въ глубочайшемъ невѣдѣніи о томъ, о чемъ спорятъ, почему не слѣдуетъ упорство ихъ почитать упрямствомъ, а прямо заблужденіемъ о томъ, чѣмъ угодить Господу Богу. А если это такъ, то всѣ безъ сомнѣнія раздѣлять будутъ чувство величайшаго объ нихъ сожалѣнія;—чрезъ помилованіе же и милосердіе къ нимъ полагаю возможнѣе ожидать, что сердца ихъ и умы больше смягчатся»... Такія ходатайства рѣдко встрѣчали благосклонное отношеніе со стороны митрополита Филарета, бывшаго послѣдовательнымъ и твердымъ противникомъ всякихъ послабленій расколу, а приведенное ходатайство получило рѣшительный и лаконическій отпоръ и со стороны графа Закревскаго. «Вашему сіятельству извѣстно,—писалъ Гаазъ предсѣдателю тюремнаго комитета,—сколько разъ въ подобныхъ случаяхъ испрашивалась и достигалась царская милость—не соизволите ли принять на себя трудъ довести о семъ новому начальнику нашему графу Арсенію Андреевичу и преподать ему чрезъ то случай при первомъ среди насъ появленіи осчастливить нѣкоторыхъ сидящихъ въ темницѣ несчастныхъ примиреніемъ съ ними милосерднаго монарха и чрезъ то осчастливить и насъ, имѣющихъ назначеніе чрезъ христіанское обхожденіе съ заключенными внушать имъ о настоящемъ духѣ христіанства и о жизни по христіански»... Разсмотрѣвъ лишь чрезъ два мѣсяца это ходатайство, комитетъ, «имѣя въ виду, что люди сіи уже прослѣдовали по назначенію», постановилъ: «сужденіе о нихъ прекратить, а записку доктора Гааза, предметъ коей выходитъ изъ круга дѣйствій комитета, представить г. военному генералъ-губернатору», по резолюціи котораго комитету приказано такихъ записокъ впредь не представлять.

Въ бумагахъ Гааза сохранилось нѣсколько писемъ, очень характерныхъ и для него, и для писавшихъ. «Не имѣю защитника и сострадателя, кромѣ васъ,—пишетъ ему въ 1845 году раскольникъ Евсеевъ, находящійся «далеко уже отъ царствующаго града Москвы»,—вы одни намъ отецъ, вы братъ, вы—другъ человѣ-

ковъ!»—«Спасите, помогите, Өедоръ Петровичъ!—восклицаетъ въ 1846 году Василій Метлинъ,—склоните сердце князя Щербатова (московскій генералъ-губернаторъ) ко мнѣ, несчастному», объясняя, что, содержимый два года въ острогѣ и годъ въ монастырѣ, онъ уголовною палатою оставленъ въ подозрѣніи «касательно духовности или лучше религіи», по обвиненію въ принадлежности къ «масонской фармазонской молоканской вѣрѣ» и велѣно его «удалить къ помѣщику для исправленія»...

Иногда ходатайства Гааза бывали основаны и на обстоятельствахъ, не находившихся въ связи съ дѣломъ осужденнаго. Въ 1840 году онъ проситъ о помилованіи 64-лѣтняго старика Михайлова потому, что тотъ имѣетъ попеченіе о малоумномъ Егоровѣ, кормитъ его, лѣчитъ и т. д.; въ 1842 году проситъ объ освобожденіи изъ-подъ стражи трехъ «аманатчиковъ», слѣдующихъ съ Кавказа въ Финляндію для водворенія, въ виду суроваго климата послѣдней страны, а также потому, что одинъ изъ нихъ, Магометъ-Ази-Оглы, проявилъ, помогая тюремному фельдшеру, большую понятливость, что̀ вызвало со стороны его, Гааза, «привязанность къ бѣдному молодому человѣку».

Во многихъ случаяхъ отказа комитета «заступиться» за тѣхъ, о комъ онъ просилъ, Гаазъ, шелъ дальше, обращался въ Петербургъ къ президенту попечительнаго о тюрьмахъ общества, а если и здѣсь не встрѣчалъ сочувствія—шелъ еще выше... Отказы, «оставленія безъ послѣдствій», обращенія къ «законному порядку»—мало смущали его. Исчерпавъ все, онъ не отказывался отъ ходатайствъ на будущее время и не дѣлалъ никакихъ ограничительныхъ выводовъ для себя на это будущее. Наступалъ снова случай, гдѣ надо было, по его мнѣнію, призывать милость къ падшимъ и правосудіе къ невиннымъ, и онъ снова «ничтоже сумняся»», шелъ туда, «куда звалъ голосъ сокровенный», и гдѣ такъ часто встрѣчали его съ насмѣшкой, нетерпѣніемъ и недовольствомъ. Въ маѣ 1839 года онъ собралъ одиннадцать случаевъ неуваженныхъ комитетомъ ходатайствъ своихъ и писалъ о нихъ президенту общества, а не получивъ никакого отвѣта, послалъ въ январѣ 1840 года просьбу объ уваженіи ихъ императору Николаю Павловичу. Она была передана въ комиссію прошеній, откуда, въ іюнѣ 1840 года, была возвращена при оригинальномъ объявленіи, что Гаазу слѣдуетъ обратиться куда слѣдуетъ, буде онъ находитъ сіе основательнымъ.—«Нахожу ли основательнымъ?—не безъ юмора пишетъ Гаазъ комитету,—конечно, нахожу, ибо самое мое дѣйствіе показываетъ, что нахожу основательнымъ,—иначе, не утруждалъ бы самыхъ достопочтеннѣйшихъ особъ и, конечно, не

осмѣлился бы доводить до высочайшаго престола. Я столько убѣжденъ въ основательности моего представленія, что, буде по одному изъ многочисленныхъ изъ упомянутыхъ въ ономъ дѣлъ будетъ доказана моя несправедливость, то оставляю всѣ другія. А затѣмъ, по наставленію комиссіи прошеній, прошу комитетъ подвергнуть сіи дѣла внимательному разсмотрѣнію». Комитетъ объявилъ ему, что такъ какъ въ бумагахъ, имъ представленныхъ, «изъясняются жалобы» на вице-президентовъ и на самый комитетъ, то комитетъ и не почитаетъ себя въ правѣ ихъ разсматривать. Бѣдный Гаазъ увидѣлъ себя такимъ образомъ замкнутымъ въ безвыходный cercle vicieux канцеляризма... Что̀ онъ сдѣлалъ далѣе—неизвѣстно. Быть-можетъ, прибѣгъ снова къ средству писать за-границу, какъ это онъ сдѣлалъ по поводу прута... Онъ не былъ человѣкомъ, который останавливался въ сознаніи своего безсилія предъ бюрократической паутиною. Къ какимъ средствамъ прибѣгалъ онъ въ рѣшительныхъ случаяхъ, видно изъ разсказа И. А. Арсеньева, подтверждаемаго и другими лицами, о посѣщеніи императоромъ Николаемъ московскаго тюремнаго замка, при чемъ государю былъ указанъ «доброжелателями» Гааза старикъ 70 лѣтъ, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь и задерживаемый имъ въ теченіе долгаго срока въ Москвѣ по дряхлости (повидимому, это былъ мѣщанинъ Денисъ Королевъ, который былъ признанъ губернскимъ правленіемъ «худымъ и слабымъ, но къ отправкѣ способнымъ»). «Что это значитъ?»—спросилъ государь Гааза, котораго зналъ лично. Вмѣсто отвѣта Ѳедоръ Петровичъ сталъ на колѣни. Думая, что онъ проситъ такимъ своеобразнымъ способомъ прощенія за допущенное имъ послабленіе арестанту, государь сказалъ ему: «полно!—я не сержусь, Ѳедоръ Петровичъ, что это ты,—встань!»—«Не встану!»—рѣшительно отвѣтилъ Гаазъ. «Да я не сержусь, говорю тебѣ... чего же тебѣ надо?»—«Государь, помилуйте старика, ему осталось немного жить, онъ дряхлъ и безсиленъ, ему очень тяжко будетъ идти въ Сибирь. Помилуйте его!—я не встану, пока вы его не помилуете»... Государь задумался... «На твоей совѣсти, Ѳедоръ Петровичъ!»—сказалъ онъ наконецъ, и изрекъ прощеніе. Тогда, счастливый и взволнованный, Гаазъ всталъ съ колѣнъ.

VII.

Озабочивали Өедора Петровича и *юридическія* нужды арестантовъ. Мы уже видѣли, что онъ предпринималъ походы противъ бездушія современныхъ ему законовъ, относившихся къ условіямъ препровожденія ссыльныхъ. Они закончились блестящимъ. успѣхомъ. Нельзя того же сказать про походъ, имѣвшій цѣлью завоевать осужденнымъ возможность исчерпать все въ свою защиту до окончанія тяжкаго этапнаго пути.

Какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, въ началѣ тридцатыхъ годовъ Гаазъ, очевидно, былъ пораженъ вопіющею жестокостью и нелогичностью тогдашняго закона о воспрещеніи подачи жалобъ на рѣшенія уголовныхъ палатъ со стороны присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія *до исполненія надъ ними приговора и прибытія въ Сибирь*. 6 сентября 1832 года, заявляя тюремному комитету, что слова Высочайше утвержденнаго, въ 1828 году, мнѣнія государственнаго совѣта о разрѣшеніи жаловаться сенату на приговоры уголовныхъ палатъ лишь тогда, когда приносящіе жалобу уже отправлены «въ присужденное имъ мѣсто», толкуются московскимъ губернскимъ правленіемъ въ смыслѣ *прибытія* ихъ въ ссылку,—Гаазъ, не безъ мрачнаго юмора, писалъ: «если думать, что ссыльные, послѣ совершеннаго уже надъ ними тѣлеснаго наказанія и самаго отправленія ихъ въ Сибирь, на дорогѣ туда не могутъ еще воспользоваться правомъ жалобы, но что должны ожидать послѣдняго совершенія ихъ участи по прибытіи въ Сибирь,—то для многихъ изъ нихъ и не предвидится конца такого времени, ибо если московское губернское правленіе полагаетъ, что совершеніе наказанія надъ какимъ-либо ссыльнымъ окончится съ доставленіемъ его напр., въ Тобольскъ, то въ Тобольскѣ съ той же мыслью могутъ ему сказать, что терминъ сей окончится въ Нерчинскѣ, куда онъ назначается въ работы, а тамъ скажутъ, что въ работы онъ осужденъ срочно, напр., на 15 лѣтъ, и что во всѣ сіи годы наказаніе надъ нимъ продолжается, а не совершено еще; есть однако осужденные въ работу на всю жизнь—слѣдственно тѣмъ и невозможно бы было воспользоваться представленнымъ правомъ жалобы никогда». Поэтому, ссылаясь на свои надежды, что пересыльные арестанты, вступившіе въ Москву, не будутъ выходить изъ нея съ такими обѣщаніями, какія имъ говорятъ въ другихъ мѣстахъ: «идите дальше, тамъ можете просить!», Гаазъ просилъ комитетъ ходатайствовать о разъясненіи закона 1828 года, хотя бы въ томъ смыслѣ, что

право принесенія жалобы начинается для осужденнаго со времени поступленія его въ вѣдѣніе тобольскаго приказа о ссыльныхъ. «Всѣ мѣста заключенія,—пояснялъ онъ,—гдѣ содержатся назначаемые въ ссылку въ Сибирь, суть, такъ сказать, казармы, подвѣдомственныя тобольскому приказу, и, слѣдственно, кажется справедливымъ, что въ каждомъ губернскомъ городѣ, гдѣ ссыльные проходятъ, они въ правѣ воспользоваться дозволеніемъ подавать прошенія на рѣшенія, ихъ осудившія, въ правительствующій сенатъ, и не справедливо ли прибавить къ сему—наипаче въ Москвѣ?».

Князь Д. В. Голицынъ раздѣлилъ взгляды доктора Гааза и просилъ директора департамента министерства юстиціи представить мнѣніе, изложенное Ѳедоромъ Петровичемъ, министру юстиціи, или посовѣтовать, какъ удобнѣе достигнуть разъясненія закона въ желательномъ смыслѣ. Директоромъ былъ Павелъ Ивановичъ Дегай, принадлежавшій къ довольно частымъ у насъ представителямъ душевной раздвоенности. Умный и очень образованный юристъ, съ просвѣщенными и широкими научными взглядами и философскимъ направленіемъ, Дегай въ отношеніи къ русской жизни былъ узкимъ формалистомъ и буквоѣдомъ, умѣвшимъ систематически излагать дѣйствующіе законы гладкимъ канцелярскимъ языкомъ, не вдаваясь въ «обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій». Подробно разсмотрѣвъ предметъ сообщенія князя Голицына и «поставляя себѣ въ особенную честь повергнуть свои соображенія на благоусмотрѣніе его сіятельства», Дегай нашелъ, что уже въ 1721, 1784, 1796—1809 годахъ «виды правительства были изложены съ очевидною точностью: уголовныя дѣла о простолюдинахъ по предметамъ важнымъ, соединеннымъ съ лишеніемъ подсудимаго правъ, безъ всякой апелляціи, переходя по ревизіи изъ одной инстанціи въ другую, состоя подъ наблюденіемъ губернскихъ прокуроровъ и конфирмуясь правителями губерній, открывали для лицъ низшаго въ обществѣ состоянія достаточныя средства къ огражденію ихъ правъ и къ защитѣ въ случаѣ невинности. Затѣмъ, разсмотрѣніе дѣлъ сего рода въ верховномъ судилищѣ могло только служить къ проволочкѣ судопроизводства, къ продолжительной ненаказанности преступника и къ обремененію правительствующаго сената. Въ 1823 г. даровано людямъ низшаго состоянія не право апелляціи, но право приносить жалобы о безвинномъ ихъ наказаніи по дѣламъ уголовнымъ правительствующему сенату, и то подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, въ случаѣ неправильности таковыхъ жалобъ».

Признавая, затѣмъ, что разрѣшеніе губернскимъ правленіямъ

по дорогѣ слѣдованія ссылаемыхъ принимать отъ нихъ жалобы о безвинномъ ихъ осужденіи было бы *нарушеніемъ правъ* тобольскаго приказа о ссыльныхъ, Дегай подкрѣплялъ это вѣское соображеніе о ненарушимости отвлеченныхъ правъ приказа въ дѣлѣ, гдѣ подчасъ оскорблялись, вопіющимъ образомъ, права человѣческой личности и дѣйствительные интересы правосудія—указаніемъ еще и на то, что «россійскими постановленіями преступникъ, назначенный въ ссылку, уже не можетъ входить въ сношенія съ лицами, живущими въ Россіи, безъ вреда для сихъ послѣднихъ, и лишенъ права переписываться съ своими родственниками. Какимъ же образомъ, безъ означенныхъ сношеній, можетъ онъ написать и отправить свою жалобу въ Сенатъ? На губернское правленіе ни въ какомъ случаѣ не возложено обязанности принимать прошенія отъ арестантовъ; обязанность сія лежитъ на прокурорѣ въ отношеніи къ арестантамъ, *еще подъ судомъ находящимся*; что же касается пересыльныхъ, то принятіе отъ нихъ жалобъ на свое осужденіе возбранено, и министерство юстиціи всегда оставляетъ безъ производства такія прошенія преступниковъ на несправедливости ихъ осужденія, кои приносятся ими предварительно прибытія на мѣсто ссылки». Заканчивая свой отвѣтъ Голицыну увѣреніемъ, что «таковое положеніе сего дѣла лишаетъ его, Дегая, несмотря на пламенное желаніе сдѣлать угодное его сіятельству, всякаго средства войти съ представленіемъ къ министру юстиціи о дозволеніи пересыльнымъ арестантамъ подавать въ Москвѣ жалобы на свое осужденіе»,—опытный юристъ предупреждалъ князя, что, по его мнѣнію, «всѣ *покушенія* къ какому-либо измѣненію сего закона будутъ безплодны».

Но Гаазъ не унимался. Онъ возбудилъ въ засѣданіи тюремнаго комитета, въ которомъ докладывалось отношеніе генералъ-губернатора съ прописаніемъ соображеній Дегая, вопросъ о томъ, какъ же быть по отношенію къ огражденію правъ на доказательства своей невинности со ссыльными, умершими въ пути, не дойдя до мѣста назначенія въ Сибири, или съ тѣми, которые подвергшись неизлѣчимымъ болѣзнямъ, оставлены на мѣстѣ, гдѣ ихъ постигъ недугъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что всякій изъ ссыльныхъ, слѣдуя въ Сибирь, необходимо находится въ близкомъ сношеніи съ сопровождающею его стражею, смотрителями, служащими при мѣстахъ заключенія и при больницахъ тюремныхъ, съ членами губернскихъ правленій и попечительнаго комитета о тюрьмахъ,—слѣдовательно онъ вездѣ можетъ найти посредниковъ къ исполненію своей просьбы. Тюремный комитетъ раздѣлилъ взгляды и сомнѣнія Гааза и рѣшился представить о томъ, въ 1833 году,

князю Голицыну. Послѣдняго не даромъ, въ томъ же году, привѣтствовалъ Жуковскій, какъ «друга человѣчества и твердаго друга закона, сочетавшаго въ своихъ доблестяхъ: въ день брани мужество, въ день мира—правый судъ». Онъ остался вѣренъ той настойчивости въ дѣлѣ, считаемомъ имъ правымъ, которую, по почину Гааза, проявилъ уже въ борьбѣ за прутъ съ Капцевичемъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что и тутъ начинателемъ являлся тотъ же, цѣнимый имъ «утрированный филантропъ».

Обращеніе Голицына къ министру юстиціи Дашкову встрѣтило пріемъ, достойный этого просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля. Дашковъ предложилъ возбужденный Гаазомъ вопросъ на разрѣшеніе Сената, который, согласно съ мнѣніемъ и министра внутренныхъ дѣлъ (Блудова), нашелъ, что пересылаемые въ Сибирь арестанты имѣютъ право подавать жалобы на рѣшенія судебныхъ мѣстъ съ того самаго дня, какъ экзекуція надъ ними по приговору суда исполнена, изъ всякаго города, чрезъ который они будутъ проходить, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы—для изготовленія просьбъ—слѣдованіе въ Сибирь арестантовъ отнюдь не было останавливаемо и чтобы просьбы отправляемы ими были въ губернскихъ городахъ чрезъ посредство губернскихъ прокуроровъ, а въ уѣздахъ чрезъ посредство уѣздныхъ стряпчихъ. Опредѣленіе Сената (по I департаменту) внесено было, вслѣдствіе возбужденныхъ товарищемъ министра графомъ Панинымъ сомнѣній въ согласіи его «съ точными словами закона», на уваженіе общаго собранія Сената. Это высшее въ составѣ Сената того времени учрежденіе вполнѣ раздѣлило взглядъ перваго департамента и постановило представить объ этомъ на высочайшее утвержденіе. Гаазъ и его великодушный союзникъ — «предстатель ревностный за древній градъ у трона», какъ его называлъ Жуковскій—могли праздновать побѣду. Но «пламенный» въ желаніяхъ угодить князю, Дегай былъ, какъ оказалось, предусмотрительнѣе и ихъ, и всего общаго собранія Сената: по разсмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1835 г., послѣдовало поясненіе 116 ст. XV тома свода законовъ въ томъ смыслѣ, что «уголовный арестантъ на приговоръ, по коему онъ понесъ наказаніе и отправленъ въ ссылку, можетъ приносить жалобу установленнымъ въ законахъ порядкомъ не прежде, какъ по достиженіи мѣста работы или поселенія, которое, по окончательному распоряженію, для него предназначено».

Чтобы вполнѣ оцѣнить тотъ упроченный въ 1835 году порядокъ, противъ котораго боролся Гаазъ, достаточно вспомнить, что *понесеніе* наказанія, на которое предоставлялось приносить

жалобу лишь съ мѣста назначенія, доходило, независимо отъ лишенія всѣхъ правъ состоянія и обращенія въ каторожныя работы, до *ста ударовъ плетьми* чрезъ палачей, съ наложеніемъ клеймъ, которыхъ, конечно, никакое дальнѣйшее признаніе невинности осужденнаго вытравить уже было не въ состояніи...

VIII.

Мы видѣли, какими способами старался Гаазъ осуществлять справедливое отношеніе къ осужденному и проводить рѣзкую грань между отбываніемъ наказанія и напраснымъ отягощеніемъ и безъ того горькой участи виновнаго. Свято исполняя, не взирая ни на что, свой глубоко понимаемый нравственный долгъ, Ѳедоръ Петровичъ могъ бы приложить къ своей дѣятельности прекрасную мысль, высказанную впослѣдствіи Пастеромъ: «долгъ кончается тамъ, гдѣ начинается невозможность».

Но однаго справедливаго и человѣчнаго отношенія къ виновному было мало. Нужно было дѣятельное состраданіе къ *несчастному,* нужно было призрѣніе *больного.* А несчастныхъ было много... Первый видъ несчастія составляла безпомощность въ духовномъ и житейскомъ отношеніи. Встрѣчаясь почти ежедневно съ практическимъ осуществленіемъ наказанія, Гаазъ, со свойственною ему серьезною вдумчивостью, не могъ не сознать, что если, съ одной стороны, отсутствіе настоящаго религіозно-нравственнаго развитія нерѣдко лишало человѣка, смущаемаго преступнымъ замысломъ, могущественнаго орудія для борьбы съ самимъ собою, то, съ другой стороны, отсутствіе такого же назиданія для совершившаго преступленіе отнимало почти всякое исправительное значеніе у наказанія и оставляло арестанта на жертву тлетворному вліянію тюрьмы и этапнаго хожденія. Это отсутствіе являлось своего рода несчастіемъ, къ отвращенію котораго со стороны «казны» ничего не предпринималось, а со стороны попечительнаго общества въ первое время его существованія предпринималось очень мало. Въ сущности все сводилось лишь къ чисто формальному отношенію духовенства къ арестантамъ, да и то лишь въ большихъ центрахъ. Между тѣмъ тюремнымъ комитетамъ въ этомъ отношеніи представлялась благодарная задача. Она достигалась раздачею книгъ священнаго писанія и духовно-нравственнаго содержанія. Арестанты принимали ихъ съ жадностью, читали съ любовью. Евангеліе являлось для многихъ изъ нихъ неразлучнымъ спутникомъ, утѣшителемъ и разрѣшителемъ душевныхъ недоумѣній; оно

было свѣтлымъ лучемъ въ томъ мракѣ отчаянія и озлобленія, который грозилъ овладѣть ими изнутри, который окружалъ ихъ извнѣ.

Гаазъ принялся настойчиво заботиться о раздачѣ такихъ книгъ. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности въ качествѣ директора комитета, онъ, еще 5 февраля 1829 года, выступилъ съ заявленіемъ о необходимости этой раздачи и о болѣе широкомъ примѣненіи случаевъ духовнаго напутствія арестованнымъ. Онъ фактически взялъ все дѣло въ свои руки и отдался заботѣ «о бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ Богомъ»—со всѣмъ пыломъ своей энергической натуры, ибо, какъ выражался онъ далѣе, «нужно видѣть то усердіе, съ которымъ люди сіи книгъ просятъ, ту радость, съ которою они ихъ получаютъ, и то услажденіе, съ которымъ они ихъ читаютъ!..» Но дѣятельность его встрѣчала двоякія внѣшнія препятствія, не говоря уже о внутреннихъ, тормозившихъ невидимо, но осязательно, его трудъ въ области непосредственнаго ознакомленія несчастныхъ и падшихъ со словомъ успокоенія.

Первое препятствіе составлялъ недостатокъ средствъ комитета, значительная часть которыхъ уходила на чисто хозяйственныя нужды. Покупая на счетъ комитета исключительно священное писаніе, Гаазъ сталъ на собственныя средства пріобрѣтать для раздачи книги духовнаго и нравоучительнаго содержанія, а когда ни комитетскихъ, ни личныхъ суммъ, въ виду увеличившейся потребности въ книгахъ, стало не хватать, онъ вошелъ въ офиціальныя сношенія съ богатымъ петербургскимъ купцомъ Арчибальдомъ Мерилизомъ. «Въ россійскомъ народѣ,—писалъ онъ ему, прося помощи,—есть предъ всѣми другими качествами блистательная добродѣтель милосердія, готовность и привычка съ радостью помогать въ изобиліи ближнему во всемъ, въ чемъ онъ нуждается, но одна отрасль благодѣянія мало въ обычаѣ народномъ: сія недостаточная отрасль подаянія есть подаяніе книгами св. писанія и другими назидательными книгами». За офиціальнымъ обращеніемъ послѣдовалъ, какъ видно изъ подробныхъ отвѣтовъ Мерилиза, рядъ частныхъ писемъ, результатомъ которыхъ была, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, присылка Гаазу «англинскимъ негоціантомъ» книгъ, совершаемая, какъ онъ выразился въ своемъ представленіи комитету, «съ удивительною, неоцѣненною щедростью» (съ 1831 по 1846 годъ Мерилизомъ было доставлено разныхъ книгъ на 30 т. р., въ томъ числѣ однѣхъ азбукъ 54.823 и евангелій на разныхъ языкахъ 11.030). Изъ представленной Гаазомъ комитету вѣдомости видно, что въ первыя пятнадцать лѣтъ существованія комитета имъ роздано—71.190 азбукъ церковныхъ и

гражданскихъ, 8.170 святцевъ и часослововъ, 20.350 книгъ священной исторіи, катехизисовъ и другихъ духовнаго содержанія, 5.479 евангелій на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, 1.830 евангелій на иностранныхъ языкахъ, 8.551 псалтирь на церковно-славянскомъ и русскомъ и 584 на иностранныхъ и т. д.

Но одною раздачею книгъ не ограничивался Гаазъ. Ему хотѣлось снабдить каждаго арестанта, идущаго въ путь, нравственнымъ руководствомъ, изложеннымъ систематически и направленнымъ на разныя неприглядныя стороны жизни той среды, которая, въ количественномъ отношеніи, поставляетъ наибольшее число нарушителей закона. Въ 1841 году онъ издалъ на свой счетъ книжку, in-8°, напечатанную на плотной бумагѣ и заключающую въ довольно толстой папкѣ 44 страницы, подъ заглавіемъ: «*А. Б. В. христіанскаго благонравія. Объ оставленіи бранныхъ и укоризненныхъ словъ и вообще неприличныхъ на счетъ ближняго выраженій или о начаткахъ любви къ ближнему*». Книжка, напечатанная въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, начинается 18 текстами изъ Евангелія и посланій апостольскихъ, проповѣдующими христіанскую любовь, миръ, тѣлесную чистоту, кротость и прощеніе. Затѣмъ идетъ развитіе этихъ текстовъ, подкрѣпляемое выписками изъ священнаго писанія, изъ трактата «о любви Господней» св. Франциска де-Саль, и рядомъ нравоучительныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ изъ исторіи и ежедневной жизни. Въ прочувствованныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ авторъ читателя не предаваться гнѣву, не злословить, не смѣяться надъ несчастіями ближняго и не глумиться надъ его уродствами, а главное — не лгать. Книжка, проникнутая чувствомъ искренней любви къ людямъ, чуждая громкихъ фразъ, изложенная вполнѣ удобопонятно и просто, но безъ всякой искусственной поддѣлки подъ народное пониманіе, — высокомѣріе которой обыкновенно бываетъ равносильно незнанію народа, который берутся поучать, — заключается, какъ общимъ выводомъ и вмѣстѣ завѣтомъ, словами Апостола въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ (V. 14): «умоляю васъ, братія, вразумляйте безпорядочныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ—терпѣливы будьте ко всѣмъ»...

Эту книжку раздавалъ Гаазъ всѣмъ уходившимъ изъ Москвы по этапу. Чтобы книжечка не затерялась въ пути и не стѣсняла арестанта, онъ «построилъ» для храненія ея особыя сумочки, которыя вѣшались владѣльцу книжечки на шнуркѣ на грудь. И сумочки, и книжки онъ привозилъ съ собою на этапъ и тамъ надѣлялъ ими всѣхъ.

Сроднившись съ простымъ русскимъ человѣкомъ, изведавъ

его въ скорбяхъ и паденіяхъ, Гаазъ зналъ его хорошо. Онъ зналъ и про довѣріе его къ печатному слову, и про суевѣрное, боязливое отношеніе его къ слову писанному. «Гдѣ рука—тамъ и голова»,—говоритъ этотъ народъ. Этимъ его свойствомъ воспользовался Гаазъ. «А. Б. В. христіанскаго благонравія» оканчивается слѣдующими словами: «Итакъ, уповая на всемогущую помощь Божію, отъ души обѣщаюсь во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ ближнимъ памятовать, яко правило, наставленіе св. Апостола Павла: «братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, исправляйте его въ духѣ кротости, но смотрите и за собою, чтобы не впасть въ искушеніе; носите бремена одинъ другого и такимъ образомъ исполняйте законъ Христовъ». Въ твердомъ намѣреніи исполнять сіи правила, т. е.: 1) не употреблять бранныхъ словъ; 2) никого не осуждать; 3) не лгать и 4) соблюдать упомянутое наставленіе Апостола для сильнѣйшаго впечатлѣнія въ душѣ своей... *подписуюсь...*» Затѣмъ слѣдуетъ чистая полустраница, на которой, при раздачѣ книжекъ, по просьбѣ Гааза, умѣвшіе писать ставили свои фамиліи, а умѣвшіе только читать ставили три креста, придавая этимъ всей книжкѣ таинственный и выразительный характеръ какого-то договора, нарушать который становилось и грѣшно, и стыдно. Наивный способъ, придуманный Гаазомъ для огражденія и отвращенія арестантовъ отъ дурныхъ наклонностей, можетъ вызвать улыбку по адресу великодушнаго чудака... Но она едва ли будетъ основательна. За оригинальностью его выдумки кроется трогательная вѣра въ лучшія стороны человѣческой природы и довѣріе къ способности простого русскаго человѣка къ нравственному возрожденію.

Осуществленіе этого довѣрія совершалось, однако, не безъ препятствій и пререканій. Далеко не всѣ члены комитета сочувствовали Гаазу въ этомъ отношеніи. Въ средѣ ихъ, какъ видно изъ представленія его отъ 19 ноября 1835 г., высказывались мысли о томъ, что чтеніе Евангелія простымъ человѣкомъ, безъ *постояннаго* руководительства, указанія и авторитетнаго объясненія со стороны духовныхъ особъ, можетъ вызвать въ немъ наклонность къ произвольнымъ, одностороннимъ и вреднымъ толкованіямъ,—что Евангеліе, читаемое безъ всякаго контроля, можетъ быть орудіемъ обоюду-острымъ, — что книги священнаго писанія должны выдаваться арестантамъ во всякомъ случаѣ лишь по ихъ просьбѣ, а не «навязываться» имъ, и что, наконецъ, раздающій подобныя книги долженъ дѣйствовать какъ врачъ, являющійся по приглашенію больного, но не вторгающійся къ нему безъ зова и т. д. Наконецъ, нѣкоторые высказывали (представленіе Гааза, отъ 14 сен-

тября 1845 г.), что вообще раздача такихъ книгъ излишня, ибо не достигаетъ цѣли, а самыя книги попадаютъ иногда въ совершенно недостойныя руки. Гаазъ опровергалъ эти соображенія указаніемъ на III пунктъ правилъ, преподанныхъ обществу попечительному о тюрьмахъ, обязывающій его «наставлять заключенныхъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй нравственности, на ономъ основанной», и на XV пунктъ инструкціи тюремному комитету, возлагавшій на его попеченіе «снабженіе арестантовъ книгами св. писанія и другими духовнаго содержанія». Онъ ссылался на свой собственный опытъ, убѣдившій его, что и недостойныя руки съ благодарнымъ умиленіемъ, бережно развертываютъ «слово Божіе», — и приводилъ изрѣченіе Екклезіаста (XI, 4) о томъ, что часто смотрящій на погоду—не соберется никогда сѣять, и часто смотрящій на облака — никогда не соберется жать, сравнивая этихъ «часто смотрящихъ» съ тѣми, кто слишкомъ много разсуждаетъ о приличныхъ случаяхъ и надлежащихъ способахъ сѣянія слова Божія, забывая, въ своей мнительности, что, по словамъ Спасителя, это слово сѣется и на камнѣ. Послѣдніе аргументы его не встрѣтили, однако, сочувствія вице-президента комитета. «Отъ людей мнительныхъ и которые смотрятъ на погоду и на облака и отъ того не сѣютъ и не жнутъ,—писалъ митрополитъ Филаретъ,—безъ сомнѣнія надобно отличать людей *благоразумныхъ* и *осторожныхъ,* которые не сѣютъ во время морозной погоды и не жнутъ во время ненастной погоды, а Екклезіастово обличенье мнительности, безъ сомнѣнія, не отвергаетъ Христова правила объ осторожности и объ охраненіи святыни: не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями. Матѳ. VII, 6». (Письмо генералъ-губернатору кн. Щербатову, 1845 г.).

Второго рода внѣшнее препятствіе къ осуществленію во всей полнотѣ желанія Гааза относительно книгъ состояло въ фактическомъ недостаткѣ книгъ св. писанія. «Удивительно и страшно будетъ комитету,—писалъ онъ въ 1845 году, — что Новаго Завѣта на славянскомъ нарѣчіи, не говоря уже о Новомъ Завѣтѣ на русскомъ языкѣ, продававшихся прежде по 2 р. 50 к. и по 4 рубля— ни за какія нынѣ деньги Мерилизъ достать въ Петербургѣ не можетъ. То же самое предвидится въ скоромъ времени и въ Москвѣ». Поэтому онъ настойчиво просилъ ходатайства комитета о высочайшемъ соизволеніи на напечатаніе необходимаго числа книгъ Новаго Завѣта на русскомъ и славянскомъ языкахъ въ синодальной типографіи на счетъ комитета. Поддержанная митрополитомъ Филаретомъ, просьба Гааза была принята къ исполненію комитетомъ 30-го декабря 1845 года, но лишь 26-го апрѣля

1847 года комитету сообщенъ указъ святѣйшаго синода о разрѣшеніи напечатать, на свой счетъ, въ московской синодальной типографіи три завода Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Гааза, благодаря его настояніямъ, снова оказалась книга, необходимая «для бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ нимъ». Повидимому, вскорѣ и въ Петербургѣ пересталъ ощущаться указанный Мерилизомъ недостатокъ, такъ какъ изъ письма его къ Гаазу, отъ 5 декабря 1851 г., видно, что за *послѣдніе годы* имъ было доставлено въ Москву снова значительное количество книгъ Новаго Завѣта.

Кромѣ духовнаго назиданія, имѣвшаго въ виду *будущее* арестанта, послѣдній часто и сильно нуждался въ умиротвореніи смущеннаго духа и въ религіозномъ утѣшеніи въ *настоящемъ*. Чрезъ Москву шли въ Сибирь въ большомъ количествѣ инородцы и иновѣрцы. Гаазъ не только раздавалъ имъ книги, но, зная, что въ теченіе долгаго пути, да по большей части и на мѣстѣ, они не встрѣтятъ возможности услышать слова утѣшенія отъ духовнаго лица своей вѣры и сказать предъ нимъ слово покаянія, хлопоталъ о доставленіи имъ этого утѣшенія въ Москвѣ, иногда даже употребляя для этого стоившее ему столькихъ непріятностей оставленіе ихъ въ Москвѣ при отправленіи партій по этапу. Въ 1833 г. онъ представлялъ комитету и настойчиво ходатайствовалъ предъ гражданскимъ губернаторомъ объ оставленіи всѣхъ ссылаемыхъ въ Сибирь поляковъ на одну недѣлю въ Москвѣ, для исповѣди и св. причащенія, «дабы они укрѣпились сердечно предъ вступленіемъ въ новую для нихъ жизнь».

Смущало его и душевное состояніе приговоренныхъ къ «торговой жизни» (то-есть къ наказанію плетьми) предъ исполненіемъ ея, — упадокъ ихъ духа, ихъ отчаяніе и мрачное озлобленіе въ ожиданіи предстоящаго истязанія опытною и тяжкою рукою палача. Онъ выписалъ въ 1847 году, на отдѣльныхъ листкахъ, изъ Ѳомы Кемпійскаго («О подражаніи Христу», III, 29) молитву и далъ ее нѣсколькимъ арестантамъ, очень волновавшимся предъ предстоящею торговою казнью. По замѣчанію директора комитета Фонвизина, чтеніе этой молитвы благотворно и успокоительно подѣйствовало на трехъ изъ этихъ арестантовъ — и Гаазъ тотчасъ же сталъ настаивать въ комитетѣ на томъ, чтобы эту молитву напечатать на особыхъ листахъ для раздачи въ губернскомъ тюремномъ замкѣ. Онъ встрѣтилъ возраженія со стороны митрополита Филарета. «Молитва эта, — объяснялъ московскій владыко, какъ записано въ журналахъ комитета,—есть изложеніе словъ Христовыхъ, читаемыхъ въ евангеліи отъ Іоанна (XII, 28), но прилично

ли молитву Спасителя предъ крестнымъ страданіемъ приложить къ преступнику предъ наказаніемъ его?» Впрочемъ, не отрицая, что «молитва сія могла оказать дѣйствіе по вѣрѣ и любви давшаго ее, — коего и надобно просить, чтобы онъ не прекращалъ своего христіанскаго дѣйствія, — и по дѣйствію послушанія принявшихъ ее, въ чемъ также есть уже нѣкоторая степень вѣры»,—Филаретъ предложилъ замѣнить предложенную Гаазомъ молитву вновь составленною молитвою заключеннаго въ темницѣ, одобривъ также и молитву Ефрема Сирина, что и было принято комитетомъ, съ признательностью, къ исполненію. Обѣ молитвы были напечатаны на 600 листахъ для раздачи въ мѣстахъ заключенія, и доброе намѣреніе Гааза, который, конечно, не стоялъ безусловно за тотъ или другой текстъ молитвъ, было осуществлено.

Но не въ одномъ непосредственномъ религіозномъ утѣшеніи нуждались заключенные и отправляемые въ Сибирь. Они страдали и отъ отсутствія *житейскихъ* утѣшеній, а иногда и прямой, *матеріальной помощи*. Тяжесть разлуки съ родными и близкими или крайняя скупость свиданій съ ними усугублялась для многихъ отсутствіемъ всякихъ свѣдѣній съ родины; — на порогѣ отбытаго наказанія ихъ встрѣчала обыкновенно полная безпомощность, голоданіе и незнаніе, куда приклонить голову; — лишеніе свободы дѣлало нерѣдкихъ изъ нихъ жертвами корысти своихъ насильственныхъ сотоварищей или злоупотребленія приставниковъ; — умирая, нѣкоторые оставляли сиротъ, для которыхъ прекращалось даже и мрачное гостепріимство тюрьмы, и, наконецъ, тотъ, кто попадалъ по судебной ошибкѣ въ Сибирь, не имѣлъ обыкновенно средствъ выбраться оттуда. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ нужно было и своевременное утѣшеніе, и дѣятельная помощь. Тутъ-то и проявляло себя «святое безпокойство». Гааза. Журналы комитета переполнены указаніями на его многоразличныя хлопоты въ этомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, въ 1833 г. онъ настаиваетъ на ходатайствѣ, въ законодательномъ порядкѣ, о разрѣшеніи *сестрамъ* ссылаемыхъ слѣдовать за одинокими *братьями*; въ 1835 году проситъ дозволить арестантамъ, сверхъ установленныххъ дней, имѣть свиданія съ родными въ день Новаго года—и вообще пользуется всякимъ поводомъ, чтобы увеличить дни свиданій. Заходитъ, напримѣръ, въ комитетѣ, въ 1831 году, рѣчь объ итогахъ десятилѣтней его съ основанія дѣятельности, Гаазъ предлагаетъ, въ ознаменованіе дня открытія комитета, разрѣшить ежегодно въ этотъ день свиданія арестантамъ; по поводу дней рожденія и кончины основателя попечительнаго о тюрьмахъ общества Александра I,

онъ предлагаетъ ознаменовать ихъ разрѣшеніемъ арестантамъ свиданій.

Почти каждый журналъ содержитъ въ себѣ заявленія Гааза о доставкѣ въ Сибирь писемъ и книгъ ссыльнымъ, о пересылкѣ имъ денегъ, о сообщеніи имъ разныхъ свѣдѣній по ихъ дѣламъ и ходатайствамъ! Все это требовало большихъ заботъ, хлопотъ и личныхъ расходовъ. Чтобы доставить кому-нибудь, вопіющему изъ Сибири, справку о положеніи его просьбы или свѣдѣніе о томъ, что дѣлается съ его семействомъ—нужно было подчасъ производить цѣлыя дознанія, просить, дожидаться, платить. Нужно было тратить время и трудъ не только на добычу всего этого, но и на сообщеніе о результатахъ. Приходилось торопливою рукою смягчать подъ часъ горькую дѣйствительность, не скрывая истины, на что Гаазъ былъ совершенно неспособенъ,—приходилось писать слова ободренія, утѣшенія—и чуткою душою искать въ чуждомъ языкѣ слова, которыя съ наименьшей болью вонзились бы въ изстрадавшееся сердце и разрушали давно лелѣянныя надежды. Однимъ словомъ, нужно было, по прекрасному выраженію Мицкевича, «имѣть сердце и смотрѣть въ сердце». И все это надлежало дѣлать среди множества другихъ занятій,—между посѣщеніемъ больницы и этапа, острога и комитета, отписываясь и отчитываясь отъ начальства и не упуская приходить на помощь къ разнымъ, какъ ихъ называлъ Гаазъ, «приватнымъ» несчастливцамъ...

Трудно перечислить всѣ отдѣльныя проявленія этой дѣятельности «утрированнаго филантропа». То онъ систематически, чрезъ извѣстные сроки, требуетъ отъ комитета денегъ (обыкновенно по сту рублей) для помощи *семействамъ* арестантовъ и представляетъ въ нихъ отчетъ,—то распредѣляетъ испрошенные имъ у г-жи Сенявиной тысячу рублей между нуждающимися арестантками,—то беретъ на свое поручительство слабосильныхъ ссылаемыхъ и доставляетъ ихъ на свой счетъ въ мѣста водворенія (наприм. Прокофьева—въ 1841 году, Свинку въ 1847 году),—то пересылаетъ имъ вещи и книги (наприм., посылаетъ въ 1840 году въ Ялуторовскъ книги ссыльному Еремину и въ 1844 году въ Якутскъ ссыльному Прохору Перину «Потерянный рай» Мильтона),—то проситъ въ 1851 году комитетъ ходатайствовать объ обмѣнѣ ассигнацій стараго образца, «всученныхъ» кѣмъ-то, обманомъ, по истеченіи срока обмѣна, арестанту Доморацкому, возвращаемому изъ Сибири на родину, въ Волынскую губернію,—то дѣятельно содѣйствуетъ въ 1843 году директору комитета, Львову, человѣку тоже сердечно служившему улучшенію быта арестантовъ, въ учрежденіи пріюта для выходящихъ изъ тюремъ,—то вноситъ для

раздачи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія собранные имъ у «благотворительныхъ особъ» 750 руб. сер.,—то хлопочетъ о надзорѣ за воспитаніемъ двухъ круглыхъ сиротъ дѣвочекъ, отданныхъ тюремнымъ начальствомъ, по смерти ихъ матери-арестантки, какому-то поручику Сангушко, — то самъ доноситъ комитету, что убѣдилъ вдову купца Мануйлова взять на воспитаніе 3-хъ лѣтняго сына умершей арестантки, «непомнящей родства», — то настаиваетъ на разслѣдованіи жалобъ арестантовъ пересыльной тюрьмы на неполное возвращеніе имъ отобранныхъ у нихъ вещей, — то, наконецъ, усомнясь въ справедливости осужденія за поджогъ нѣкоего шемахинскаго жителя Генерозова, проситъ комитетъ дать ему средства отправиться въ Сибирь, съ семействомъ, на поселеніе не по этапу—и, получивъ отказъ комитета, покупаетъ ему на свой счетъ лошадь, а затѣмъ, когда невиновность Генерозова дѣйствительно открылась, высылаетъ ему отъ «одной благотворительной особы» 200 руб. для возвращенія изъ Сибири — и т. д., и т. д.

Арестантовъ, приходившихъ въ Москву, встрѣчала и ободряла молва о тюремномъ докторѣ, который понимаетъ ихъ нужды и прислушивается къ ихъ скорбямъ;—уходившіе часто уносили о немъ прочное и благодарное, надолго неизгладимое воспоминаніе. И кто знаетъ!—быть-можетъ, не менѣе сильно, чѣмъ раздаваемыя имъ книги, дѣйствовала на нихъ въ далекой Сибири облагораживающимъ и умиротворяющимъ образомъ память о человѣкѣ, который такъ просто и вмѣстѣ горячо осуществлялъ на дѣлѣ то, что, какъ идеалъ, было начертано въ этихъ книгахъ? Могло ли не утѣшать и не укрѣплять многихъ изъ этихъ злополучныхъ, загнанныхъ судьбою въ пустыни и жалкія поселенія Восточной Сибири сознаніе, что въ далекой Москвѣ, какъ сонъ промелькнувшей на ихъ этапномъ пути, есть старикъ, который думаетъ о ихъ братѣ, скорбитъ и *старается* о немъ. А старикъ дѣйствительно думалъ непрестанно...

Покойный сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ разсказывалъ намъ, что, въ числѣ молодыхъ чиновниковъ, сопровождавшихъ ревизовавшаго въ 1851 году Западную Сибирь сенатора Анненкова, онъ проѣзжалъ чрезъ Москву и осматривалъ, вмѣстѣ съ другими спутниками послѣдняго, мѣстный тюремный замокъ. Ознакомить ихъ съ замкомъ было поручено молодому еще и блестящему чиновнику особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. При входѣ въ одну изъ камеръ, онъ объяснилъ идущимъ за нимъ, по-французски, что въ ней сидитъ человѣкъ, недавно осужденный за убійство, изъ ревности, при весьма романтическихъ условіяхъ,

молодой жены, изобличенной имъ въ невѣрности—и, вызвавъ арестанта изъ строя впередъ, предложилъ ему разсказъ, *какъ* и *за что* онъ лишилъ жизни жену. Тотъ потупился, понурилъ голову,—краска густо залила ему лицо, и, тяжело вздохнувъ, онъ началъ сдавленнымъ голосомъ свою исторію. Но не успѣлъ онъ сказать и десяти словъ, какъ отъ дверей камеры отдѣлился стоявшій въ нихъ старикъ съ энергическимъ лицомъ, одѣтый скромно и бѣдно, въ костюмъ начала столѣтія. Шагнувъ впередъ, онъ гнѣвно взглянулъ на чиновника, любезно старавшагося «занять» петербургскихъ гостей, и рѣзко сказалъ ему: — «какъ вамъ не совѣстно мучить этого несчастнаго такими вопросами?! и зачѣмъ этимъ господамъ знать о его семейной бѣдѣ?» — а, затѣмъ, повидимому даже не допуская возраженій, повелительно крикнулъ разсказчику: «не надо! не надо! не смѣй объ этомъ говорить!..» Чиновникъ особыхъ порученій сконфуженно улыбнулся, переглянулся со смотрителемъ и, презрительно пожавъ плечами, молча повелъ посѣтителей дальше. «Кто это?» — спросилъ Арцимовичъ смотрителя. «Это?—да развѣ вы не изволите знать?—Это Ѳедоръ Петровичъ,—Ѳедоръ Петровичъ, докторъ Гаазъ!..»—Когда чрезъ годъ Арцимовичъ возвращался назадъ, то остановился, торопясь въ Петербургъ, лишь на самый краткій срокъ въ Москвѣ. Вернувшись довольно поздно, далеко за полночь, отъ знакомыхъ, онъ уже ложился спать, когда къ нему постучали, и въ отворенную слугою дверь вошелъ запыхавшійся отъ высокой лѣстницы Ѳ. П. Гаазъ. Быстро покончивъ съ извиненіями въ томъ, что, послѣ цѣлаго дня поисковъ, потревожилъ своимъ приходомъ такъ поздно, пришедшій сѣлъ на край кровати удивленнаго Арцимовича, взялъ его за руку и, взглянувъ ему въ глаза довѣрчивымъ взглядомъ, сказалъ: «вы, вѣдь, видѣли *ихъ* въ разныхъ мѣстахъ,—ну, какъ *имъ* тамъ? не очень ли *имъ* тамъ тяжело? ну, что *имъ* тамъ особенно нужно?... извините меня, но мнѣ *ихъ* такъ жалко!..» И растроганный Арцимовичъ почти до утра разсказывалъ своему необычному посѣтителю о *нихъ*—и отвѣчалъ на его разспросы.

Тотъ же В. А. Арцимовичъ былъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. При объѣздѣ губерніи онъ остановился однажды въ одномъ изъ селеній въ избѣ у бывшаго ссыльно-поселенца, давно уже перешедшаго въ разрядъ водворенныхъ и жившаго съ многочисленною семьею широко и зажиточно. Когда Арцимовичъ, уѣзжая, сѣлъ уже въ экипажъ, вышедшій его провожать хозяинъ, степенный старикъ, съ сѣдою, окладистою бородой, одѣтый въ синій кафтанъ тонкаго сукна, вдругъ упалъ на колѣни. Думая, что онъ хочетъ просить какихъ-

либо льготъ или полнаго помилованія, губернаторъ потребовалъ, чтобы онъ всталъ и объяснилъ, въ чемъ его просьба. «Никакой у меня просьбы, ваше превосходительство, нѣтъ, и я всѣмъ доволенъ,—отвѣчалъ, не поднимаясь, старикъ,—а только...—и онъ заплакалъ отъ волненія,—только скажите мнѣ хоть вы,—ни отъ кого я узнать толкомъ не могу,—скажите: *живъ ли* еще въ Москвѣ *Θедоръ Петровичъ!...*»

Въ жизни Гааза было происшествіе, которое, обратившись потомъ въ легенду, связывалось иногда съ другими именами. Но въ письмѣ, полученномъ пишущимъ эти строки, въ 1897 году, по выходѣ въ свѣтъ очерка жизни Гааза, отъ Д. И. Рихтера, проведшаго дѣтство въ Москвѣ и посѣщавшаго съ отцомъ своимъ могилу Θедора Петровича на Введенскихъ горахъ, удостовѣряется, что это произошло именно съ Гаазомъ. Въ морозную зимнюю ночь онъ долженъ былъ отправиться къ бѣдняку-больному. Не имѣвъ терпѣнія дождаться своего стараго и кропотливаго кучера Егора и не встрѣтивъ извозчика, онъ шелъ торопливо, когда былъ остановленъ, въ глухомъ и темномъ переулкѣ, нѣсколькими грабителями, взявшимися за его старую волчью шубу, надѣтую, по его обычаю, «въ накидку». Ссылаясь на холодъ и старость, Гаазъ просилъ оставить ему шубу, говоря, что онъ можетъ простудиться и умереть, а у него на рукахъ много больныхъ и при томъ бѣдныхъ, которымъ нужна его помощь. Отвѣтъ грабителей и ихъ дальнѣйшія внушительныя угрозы понятны. «Если вамъ такъ плохо, что вы пошли на такое дѣло,—сказалъ имъ тогда старикъ,—то придите за шубой ко мнѣ, я велю ее вамъ отдать или прислать, если скажете—куда,—и не бойтесь меня, я васъ не выдамъ:—зовутъ меня докторомъ Гаазомъ и живу я въ больницѣ, въ Маломъ Казенномъ переулкѣ... а теперь пустите меня, мнѣ надо къ больному...»—«Батюшка, Θедоръ Петровичъ!—отвѣчали ему неожиданные собесѣдники,—да ты бы такъ и сказалъ, кто ты! да кто-жъ тебя тронетъ,—да иди себѣ съ Богомъ! если позволишь, мы тебя проводимъ...»

IX.

Второй видъ *несчастія,*—тяготѣвшаго не только надъ отдѣльными личностями, но и надъ всею Россіею, и вносившаго язву безправія, и во многихъ случаяхъ, безнравственности въ ея общественный бытъ,—представляло крѣпостное право. «Въ судахъ черна неправедной черной и игомъ рабства клеймена!»—

восклицалъ Хомяковъ, въ гнѣвномъ порывѣ сердца, горячо любящаго Россію и вѣрующаго въ ея великую будущность. Крѣпостное право давало себя чувствовать почти во всѣхъ отправленіяхъ государственнаго организма, нерѣдко извращая ихъ и придавая имъ жестокій оттѣнокъ. Отражалось оно и на карательной дѣятельности, создавая, на ряду съ осуществленіемъ наказанія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, еще и наказаніе, налагаемое по усмотрѣнію владѣльца «душъ», къ услугамъ котораго были и тюрьма, и ссылка.

Исторія крѣпостного права въ Россіи показываетъ, что неоднократно возникавшее у императора Николая Павловича намѣреніе ограничить проявленіе этого права и подготовить его упраздненіе—встрѣчало явное несочувствіе въ окружавшей его средѣ, и что статьи закона, опредѣлявшаго содержаніе крѣпостной власти, возбуждавшія сомнѣнія и требовавшія толкованія, послѣ долгихъ проволочекъ и откладываній, упорно и настойчиво разъяснялись бездушными мнѣніями Государственнаго совѣта и изворотливыми рѣшеніями Сената въ суровомъ смыслѣ, имѣвшемъ почти всегда въ виду исключительно интересы помѣщиковъ. Достаточно припомнить исторію предполагавшагося еще при Александрѣ I воспрещенія продажи людей по одиночкѣ и безъ земли, которое въ 1834 году было надолго похоронено департаментомъ законовъ «въ ожиданіи времени, когда явятся обстоятельства, благопріятныя столь важной перемѣнѣ», при чемъ еще ранѣе знаменитый Мордвиновъ, блистательно подтверждая слова Дениса Давыдова: «а глядишь, нашъ Лафайетъ, Брутъ или Фабрицій...»—доказывалъ благотворность продажи людей по одиночкѣ тѣмъ, что при ея посредствѣ «отъ лютаго помѣщика проданный рабъ можетъ переходить въ руки мягкосердаго господина».

Поэтому и карательная власть помѣщиковъ не только узаконялась въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, но и получала, въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ къ закону, едва ли предвидѣнное имъ дальнѣйшее расширеніе. Лишь въ случаѣ совершенія крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, помѣщикъ долженъ былъ обращаться *непремѣнно* къ суду. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства или управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ, или даже и постороннихъ, но обратившихся къ заступничеству помѣщика или управляющаго, крѣпостного наказывали домашнимъ образомъ, безъ суда, розгами или палками и арестомъ въ сельской тюрьмѣ. Контроля надъ числомъ розогъ или палокъ не было, да и быть не

могло, а устройство сельской тюрьмы и ея «приспособленій» предоставлялось усмотрѣнію и изобрѣтательности владѣльцевъ, знакомство коихъ съ сочиненіями Говарда и докладами Вснинга было болѣе чѣмъ сомнительно. Если вина представлялась особо важною или мѣры домашняго исправленія оказывались безуспѣшными, виновные отсылались, на основ. 335 и 337 ст. XIV т. с. з. (изд. 1842 г.), въ смирительные и рабочіе дома, а также въ арестантскія роты, на срокъ, «самимъ владѣльцемъ опредѣленный». Лишь въ 1846 году этотъ срокъ былъ установленъ закономъ, а именно: для смирительнаго и рабочаго дома до трехъ мѣсяцевъ, а для арестантскихъ ротъ до шести мѣсяцевъ. Но если этого, въ виду «продерзостныхъ поступковъ и нетерпимаго поведенія» провинившагося, казалось помѣщику, или, до 1854 года, *его управляющему*—мало, то они имѣли право лишить виновнаго своего отеческаго попеченія и удалить его отъ себя навсегда, отдавъ въ зачетъ или безъ зачета въ рекруты, или предоставить его въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, на основаніи указа 1822 года, «не входя ни въ какое разысканіе о причинахъ негодованія помѣщика», свидѣтельствовало представленнаго—и, въ случаѣ годности къ военной службѣ, обращало въ оную, а въ случаѣ негодности—направляло на поселеніе въ Сибирь. Въ 1827 году альтернативность распоряженій губернскаго правленія была ограничена, и въ случаѣ, если помѣщикъ представлялъ для ссылаемаго одежду и кормовыя деньги до Тобольска и обязывался платить за него подати и повинности до ревизіи, послѣдній шелъ прямо на поселеніе въ Сибирь, если только не былъ дряхлъ, увѣченъ или старше 50 лѣтъ, при чемъ съ нимъ должны были слѣдовать—жена (хотя бы до замужества она и была свободнаго состоянія) и дѣти—мальчики до 5 лѣтъ отъ роду, дѣвочки до 10 лѣтъ (т. XIV, изд. 1842 г., ст. 352). Наконецъ, помѣщикамъ было, въ 1847 году, разрѣшено удалять несовершеннолѣтнихъ отъ 8 до 17 л. возраста, за порочное поведеніе, отдачею ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое сдавало мальчиковъ въ кантонисты, а дѣвочекъ распредѣляло по казеннымъ селеніямъ. Это распоряженіе, допускавшее даже и въ осьмилѣтнихъ «продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе» и дававшее возможность самаго мучительнаго произвола по отношенію къ ихъ родителямъ, сначала стыдливо скрывалось въ тиши безгласности, не будучи распубликовано во всеобщее свѣдѣніе, но въ 1857 г. оно подняло забрало и появилось на страницахъ свода въ 403 ст. т. XIV.

Какъ велико было количество ссылаемыхъ по распоряженію

помѣщиковъ—нынѣ, за отсутствіемъ статистическихъ свѣдѣній, опредѣлить трудно, но что оно было значительно, видно уже изъ того, что въ журналахъ московскаго тюремнаго комитета, съ 1829 года по 1853 г., имѣется 1.060 статей, относящихся къ разнымъ вопросамъ, возникавшимъ по поводу ссылаемыхъ помѣщиками крестьянъ и дворовыхъ. Въ этихъ статьяхъ содержатся указанія на 1,382 человѣка, подвергнутыхъ удаленію въ Сибирь, при коихъ слѣдовало свыше пятисотъ женъ и малолѣтнихъ дѣтей. Изъ представленной, напримѣръ, Гаазомъ генералъ-губернатору вѣдомости о лицахъ (57), задержанныхъ имъ на этапѣ, при отправленіи 20-го августа 1834 года партіи въ 132 человѣка, видно, что въ числѣ этихъ 57 было 17 человѣкъ въ возрастѣ отъ 31 до 50 лѣтъ, ссылаемыхъ по распоряженію трехъ помѣщицъ и одного помѣщика, при чемъ за ними слѣдовало добровольно 7 женъ и двое дѣтей—6 мѣсяцевъ и 4 лѣтъ. Искать справедливости или правомѣрности въ карѣ, постигшей этихъ людей, было бы излишнимъ трудомъ. Безконтрольное усмотрѣніе, само опредѣляющее свои основанія, предоставленное помѣщикамъ, въ самомъ себѣ заключало и достаточный поводъ для сомнѣнія въ справедливости и человѣчности предпринятой карательной мѣры. Тамъ, гдѣ человѣку было присвоено, въ видѣ собственности, много душъ, дозволительно было сомнѣваться, ощущалъ ли онъ подчасъ, подъ вліяніемъ «негодованія», въ себѣ свою собственную. Эти соображенія, вмѣстѣ съ разсказами и скорбью ссылаемыхъ, не могли не вліять на Гааза. Предъ нимъ не было «непокорныхъ рабовъ», уже искупившихъ въ его глазахъ, во всякомъ случаѣ, свою вину, если она и была, перенесенными нравственными страданіями и своевременными «домашними» мѣрами исправленія; предъ нимъ были *несчастные люди*, и онъ всѣми мѣрами старался смягчить ихъ несчастіе, дѣйствуя и на почвѣ юридической, и на почвѣ фактической.

Въ первомъ отношеніи онъ возбудилъ въ комитетѣ вопросъ о толкованіи 315 и 322 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест. тома XIV с. з. 1832 г. Пользованіе предоставленнымъ помѣщикамъ 315 статьею правомъ отсылать въ Сибирь своихъ крѣпостныхъ не было безповоротнымъ, такъ какъ 322 ст. давала имъ право просить о возвращеніи этихъ людей, если еще не состоялось опредѣленія губернскаго правленія о ссылкѣ или когда оно не приведено еще на мѣстѣ въ исполненіе. Это послѣднее недостаточно опредѣленное выраженіе закона на практикѣ толковалось весьма различно. Одни—и между ними московское губернское правленіе, а также московскіе губернскіе прокуроры, до на-

значенія въ эту должность, уже послѣ смерти Гааза, Д. А. Ровинскаго—признавали, что слова *«на мѣстѣ»* обозначаютъ мѣстное губернское правленіе, по мѣсту жительства помѣщика, и что, поэтому, моментъ отправки ссылаемаго изъ губернскаго города закрываетъ всякую возможность ходатайства о его возвращеніи; другіе находили, что подъ *исполненіемъ* на мѣстѣ надо разумѣть доставленіе администраціею ссылаемаго на этапный пунктъ, гдѣ онъ поступаетъ въ вѣдѣніе чиновъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи и о немъ посылается увѣдомленіе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ. Наконецъ, третьи—и въ томъ числѣ прежде всѣхъ Гаазъ, опиравшійся въ своемъ толкованіи, какъ онъ выражался въ комитетѣ, на мнѣніе «одного чиновника правительствующаго сената», съ которымъ онъ ѣздилъ совѣтоваться—считали, что *мѣстомъ* приведенія въ исполненіе опредѣленія губернскаго правленія, состоявшагося по требованію помѣщика, слѣдуетъ признавать Сибирь, такъ что право возвратить крѣпостного должно принадлежать помѣщику до самаго водворенія сосланнаго въ назначенномъ для него мѣстѣ,—слѣдовательно, во все время пути по Россіи и Сибири. Вопросъ о примѣненіи такого толкованія былъ возбужденъ Гаазомъ при обсужденіи просьбы орловскаго помѣщика К. о возвращеніи ему изъ московской пересыльной тюрьмы сосланнаго имъ въ Сибирь двороваго,—но комитетъ съ нимъ не согласился и отказалъ помѣщику. Послѣдній, вѣроятно сознавая поспѣшность и несправедливость принятой имъ мѣры и желая исправить послѣдствія своихъ дѣйствій, заявилъ комитету, что отказывается отъ всякихъ правъ на своего двороваго и проситъ лишь освободить его отъ слѣдованія въ Сибирь. Но комитетъ остался непреклоненъ. Тогда Гаазъ обратился съ ходатайствомъ къ генералъ-губернатору объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ распоряженія орловскаго губернскаго правленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошелъ въ комитетъ съ представленіемъ, въ которомъ подробно развивалъ свой взглядъ. Онъ подкрѣплялъ его ссылками на законы о бродягахъ, указывая, что крѣпостные, задержанные какъ бродяги, по ихъ опознаніи, возвращаются владѣльцамъ даже и изъ Сибири, съ мѣста водворенія. Онъ прибѣгалъ къ грамматическимъ и логическимъ толкованіямъ 322 ст. XIV т. и къ ряду нравственныхъ соображеній—и требовалъ ходатайства комитета объ истолкованіи въ законодательномъ порядкѣ приведенной статьи въ изложенномъ имъ смыслѣ для одинаковаго повсюду ея примѣненія. Поддерживая свое представленіе въ комитетѣ и исходя изъ мысли о необходимости дать помѣщику возможность одуматься и, вырвавшись изъ подъ гнёта

гнѣва, исправить причиненное имъ въ ослѣпленіи раздраженія зло,—Гаазъ становился и на утилитарную почву, говоря: «симъ помѣщикъ можетъ предупреждать преступленія между крѣпостными людьми, а именно способомъ дѣйствія на нравственность своихъ людей правомъ помилованія». Великодушное домогательство его не было, однако, уважено комитетомъ, и на представленіи его, кромѣ помѣты: «читано 24 іюля 1842 года», никакой другой резолюціи нѣтъ...

Значительно успѣшнѣе боролся онъ противъ волновавшихъ его сердце крайнихъ проявленій крѣпостного права на почвѣ фактической, гдѣ вопросъ рѣдко принималъ принципіальный характеръ. Осуществленіе права ссылки крѣпостныхъ имѣло одну особенно мрачную сторону. Воспрещая продавать отцовъ и матерей отдѣльно отъ дѣтей, законъ оставилъ безъ всякаго разрѣшенія вопросъ о судьбѣ дѣтей ссылаемыхъ помѣщиками крѣпостныхъ. Разлучить со ссылаемымъ мужемъ жену—помѣщики не имѣли права, но отдать или не отдать ссылаемому и слѣдовавшей за нимъ женѣ ихъ дѣтей, достигшихъ—мальчики 5-лѣтняго, а дѣвочки 10-лѣтняго возраста,—зависѣло вполнѣ отъ расчета и благосклоннаго усмотрѣнія безапелляціонныхъ рѣшителей ихъ судьбы. Судя по дѣламъ московскаго тюремнаго комитета, дѣти отдавались родителямъ скупо и неохотно, за исключеніемъ совершенно малолѣтнихъ, не представлявшихъ изъ себя еще на долгое время какую либо рабочую силу. Чѣмъ старше были дѣти, тѣмъ труднѣе было получить для нихъ увольненіе. Можно себѣ представить состояніе отцовъ и, въ особенности, матерей, которымъ приходилось, уходя въ Сибирь, оставлять сыновей и дочерей навсегда, безъ призора и ласки, зная, что ихъ судьба вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ тѣхъ, кто безжалостною рукою разрывалъ связи, созданныя природою, освященныя Богомъ...

Гаазъ горячо хлопоталъ о смягченіи этого печальнаго положенія вещей. Журналы тюремнаго комитета полны его ходатайствами о сношеніи съ помѣщиками для разрѣшенія дѣтямъ ссылаемыхъ крѣпостныхъ слѣдовать въ Сибирь за родителями. Со свойственнымъ ему своеобразнымъ краснорѣчіемъ рисуетъ онъ предъ комитетомъ тяжкое положеніе матерей, настойчиво взывая о заступничествѣ комитета за драгоцѣннѣйшія человѣческія права... «Nolite quirites hanc saevitiam!» слышится во всѣхъ его двухстахъ-семнадцати ходатайствахъ этого рода. А «saevitia» была столь большая, что горячая просьба Гааза нерѣдко трогала комитетъ, побуждая его, чрезъ мѣстныхъ губернаторовъ, входить

въ сношенія съ помѣщиками или, вѣрнѣе, помѣщицами, ибо надо замѣтить, что по меньшей мѣрѣ въ трехъ четвертяхъ всѣхъ случаевъ подобныхъ сношеній, оставившихъ свой слѣдъ въ журналахъ комитета, приходилось имѣть дѣло съ помѣщицами. Многія барышни, возросшія на крѣпостной почвѣ, почувствовавъ въ рукахъ власть, какъ видно, быстро забывали и чувствительные романсы, и нравоучительные романы, и поспѣшно стирали съ себя невольный поэтическій налетъ молодости. Такъ, напримѣръ, въ 1834 году чрезъ московскую пересыльную тюрьму проходятъ 8 человѣкъ женатыхъ крестьянъ московской помѣщицы А—вой въ сопровожденіи женъ, но при нихъ отпущено всего лишь двое дѣтей—дѣвочка 6 лѣтъ и мальчикъ 4 мѣсяцевъ; въ томъ же году проходятъ семь мужчинъ, крѣпостныхъ г-жи Г—ой, изъ коихъ сопровождаются женами четыре—и при нихъ отпущена лишь одна малолѣтняя дѣвочка; въ 1836 году помѣщица Р—ва ссылаетъ въ Сибирь крестьянина Семенова, за которымъ слѣдуетъ жена, четыре малолѣтнихъ сына и отпущенный съ согласія госпожи, для сбора подаяній, престарѣлый отецъ Семенова, но на ходатайства комитета объ отпускѣ трехъ остальныхъ сыновей—13, 15 и 17 лѣтъ, Р—на сначала отвѣчаетъ отказомъ, а затѣмъ, послѣ долгой переписки, наконецъ, соглашается отпустить младшаго—Андрея, съ тѣмъ, однако, чтобы ей не нести никакихъ по препровожденію его въ Сибирь, въ догонку за родителями, расходовъ, въ чемъ комитетъ ее и успокаиваетъ. Въ 1843 году комитетъ, по настоянію Гааза, ходатайствуетъ предъ помѣщицею К—ой о разрѣшеніи слѣдующей за ссылаемымъ по ея распоряженію мужемъ крестьянкѣ Лукерьѣ Климовой взять съ собою трехлѣтнюю дочь, но К—ва согласія на это, прямо даже вопреки закону, не изъявляетъ. Тогда, какъ записано въ журналѣ отъ 3-го августа, докторъ Ѳ. П. Гаазъ, очевидно опасаясь канцелярской волокиты при перепискѣ объ обязанности К—ой отпустить дочь Климовой, по окончаніи которой фактически окажется невозможнымъ отправить въ Сибирь 3-лѣтняго ребенка за ушедшей раньше матерью,—«изобразивъ отчаяніе матери при объявленіи ей таковаго отказа, проситъ комитетъ испытать послѣднее средство: довести до свѣдѣнія помѣщицы чрезъ калужскій тюремный комитетъ, не склонится ли она на просьбу матери за нѣкоторое денежное пожертвованіе, предлагаемое *черезъ него* однимъ *благотворительнымъ лицомъ*. Сокрушеніе Климовой тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что она не можетъ удовлетворить материнему чувству иначе, какъ оставивъ идущаго въ ссылку мужа».

Заявленія Гааза объ *одномъ благотворительномъ лицѣ,* же-

лающемъ. оставаясь неизвѣстнымъ, облегчать чрезъ него, Гааза, страданія родителей, разлучаемыхъ съ дѣтьми,—довольно часты, особливо въ тридцатыхъ годахъ, и, повидимому, находятся въ связи съ постепеннымъ исчезновеніемъ личныхъ средствъ, пріобрѣтенныхъ имъ когда-то обширною медицинскою практикою. Съ 1840 года ему приходитъ на помощь Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ (отецъ Юрія и Дмитрія Ѳедоровичей), который принимаетъ на себя пожизненное обязательство вносить ежегодно по 2.400 р. ассигнаціями въ комитетъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ производились пособія «женамъ съ дѣтьми, сопровождающимъ въ ссылку несчастныхъ мужей своихъ», а также тѣмъ изъ осужденныхъ, «кои вовлечены въ преступленіе стеченіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, или пришли въ раскаяніе послѣ содѣяннаго преступленія Изъ этого капитала оказывалась, по просьбамъ и указаніямъ Гааза, помощь и дѣтямъ крѣпостныхъ. Такъ, напр., въ 1842 году помѣщица В—ва ссылаетъ въ Сибирь своего крестьянина Михайлова и не разрѣшаетъ женѣ его взять съ собою никого изъ 6 человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей. Выслушавъ въ пересыльной тюрьмѣ печальную повѣсть Михайловой, Гаазъ поднимаетъ тревогу, и г-жа В—ва, послѣ неоднократныхъ просьбъ комитета, постепенно отпускаетъ съ родителями пять человѣкъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 5 до 13 лѣтъ, и наконецъ, уже въ 1844 году, послѣднюю, Ефимью, 16 лѣтъ отъ роду, за небольшое вознагражденіе со стороны «одной благотворительной особы». Но Ефимья, отправленная въ Сибирь на средства изъ «Самаринскаго капитала», не застаетъ уже родителей, умершихъ еще въ 1843 году въ Тюмени, и тогда ей посылается изъ того же капитала еще 200 р. на обратный путь вмѣстѣ съ другими сиротами. Такъ, въ 1847 г. отпущена слѣдовать за мужемъ, ушедшимъ въ ссылку раньше, крестьянка Ѳеодосья Ильина съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Въ виду неизвѣстности пребыванія мужа въ Сибири, по особому настоянію Гааза, ей разрѣшается идти не съ партіею, и изъ суммъ «Самаринскаго капитала» разсылается по мѣстнымъ тюремнымъ комитетамъ на большомъ сибирскомъ трактѣ 250 р. с., для выдачи, по частямъ, Ильиной.

Но не одинъ выкупъ крѣпостныхъ дѣтей, для возвращенія ихъ родителямъ, былъ, по почину Гааза, совершаемъ московскимъ тюремнымъ комитетомъ (всего съ 1829 по 1853 г. выкуплено на свободу на средства комитета и, главнымъ образомъ, на представленныя и собранныя Гаазомъ деньги семьдесятъ-четыре души).

Этотъ неутомимый заступникъ за несчастныхъ побуждалъ иногда комитетъ къ дѣйствіямъ, имѣвшимъ въ виду устраненіе

тяжелыхъ страданій, не только уже существующихъ въ настоящемъ, но и предполагаемыхъ въ будущемъ. Такъ напр., въ 1838 году Гаазъ сообщаетъ комитету, что содержащійся въ тюремномъ замкѣ «непомнящій родства» бродяга Алексѣевъ «случаемъ чтенія Новаго Завѣта, тронутый словомъ Божіимъ, смирился силою совѣсти и открылъ, что онъ—бѣглый дворовый помѣщика Д., къ которому и долженъ быть нынѣ отправленъ». Опасаясь, однако, что Алексѣевъ будетъ подвергнутъ своимъ владѣльцемъ суровымъ наказаніямъ, онъ убѣждалъ комитетъ принять мѣры «къ умягченію гнѣва помѣщика» и о томъ же, въ особой запискѣ, просилъ мѣстнаго губернатора, къ которому комитетъ, со своей стороны, постановилъ препроводить заявленіе Гааза. Такъ, въ 1847 году онъ принимаетъ теплое участіе въ судьбѣ крестьянина помѣщика К., Философа Кривобокова, возвращаемаго къ владѣльцу съ женою и маленькою дочерью; такъ, въ 1844 году онъ проситъ комитетъ войти въ несчастное положеніе двороваго мальчика помѣщика Р., Селиверста Осипова, у котораго отъ отмороженныхъ ногъ отпали стопы, и котораго желательно обучить грамотѣ и пристроить куда-нибудь, если Р. согласится дать ему свободу...

X.

Была въ заключеніи еще одна категорія людей, по большей части тоже *несчастныхъ*, такъ какъ не однихъ провинившихся противъ уголовнаго закона или противъ помѣщиковъ принимала въ свои стѣны московская тюрьма разныхъ наименованій. Въ нее вступали и виновные въ неисполненіи своихъ гражданскихъ обязательствъ. Внутри зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, на Воскресенской площади, рядомъ съ Иверскою часовнею, на мѣстѣ нынѣшней городской думы, помѣщалась знаменитая «Яма». Такъ называлась долговая тюрьма, мѣсто содержанія неисправныхъ должниковъ, находившееся ниже уровня площади. Здѣсь, въ разлукѣ съ семьею, въ принудительномъ сообществѣ случайныхъ сотоварищей по заключенію, въ вынужденномъ бездѣйствіи, содержались неисправные должники, относительно которыхъ угроза кредиторовъ «посадить въ Яму» была фактически осуществляема представленіемъ «кормовыхъ денегъ». Населеніе «Ямы» было довольно пестрое: въ ней, какъ видно изъ замѣчаній сенатора Озерова, сдѣланныхъ еще въ 1829 году, содержались также дворовые люди, присланные помѣщиками «въ наказаніе», и очень стѣсняли другихъ жильцовъ «Ямы». Единство и равенство въ

способахъ надзора и размѣрахъ ограниченія личной свободы существовало только на бумагѣ.

Среди этого населенія была группа совершенно своеобразныхъ должниковъ. Это были бывшіе арестанты, отбывшіе свои сроки наказанія въ тюрьмѣ, рабочемъ и смирительномъ домахъ, но имѣвшіе несчастіе заболѣть во время своего содержанія подъ стражею. Ихъ лѣчили въ старой Екатерининской больницѣ и стоимость лѣченія, по особому расписанію, вносили въ счетъ. Когда наступалъ день окончанія срока заключенія, освобождаемому предъявляли этотъ счетъ, иногда очень крупный, если тюрьма, при своихъ гигіеническихъ порядкахъ, наградила его недугами, требовавшими продолжительнаго лѣченія. Обыкновенно у освобождаемаго, который, почти при полномъ отсутствіи правильно организованныхъ работъ въ мѣстѣ заключенія, часто выходилъ изъ него «голъ какъ соколъ», не было средствъ уплатить по счету, и его переводили въ «Яму», зачисляя должникомъ казны. Срокъ пребыванія въ «Ямѣ», сообразовался съ размѣромъ недоимки... Несомнѣнно, что такіе «неисправные должники» чувствовали на себѣ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, тяжесть сидѣнья въ «Ямѣ»,—послѣ промелькнувшей предъ ними возможности свободы,—съ особою силою. Самое пребываніе ихъ въ ней звучало для нихъ горькою иронiею. Заслуживъ себѣ свободу иногда нѣсколькими годами заключенія за преступленіе, они лишались ея вновь за новую вину, избѣжать которой было не въ ихъ власти:—они дозволили себѣ быть больными.

Изъ разсмотрѣнія дѣлъ московскаго тюремнаго комитета оказывается, что содержаніе въ «Ямѣ», являлось, впрочемъ, привилегіей особо избранныхъ, а крестьяне и, въ особенности, крестьянки оставлялись «на высидкѣ до уплаты долга приказу общественнаго призрѣнія» тамъ же, гдѣ содержались по приговору суда, при чемъ, въ случаѣ особой болѣзненности арестантки или хроническаго у нея недуга, лишеніе свободы грозило продлиться всю ея жизнь. Такъ, изъ донесеній Гааза комитету видно, что въ іюлѣ 1830 г. въ московскомъ тюремномъ замкѣ содержалась крестьянка Дарья Ильина за неплатежъ 30 рублей, издержанныхъ на ея лѣченіе,—а въ сентябрѣ въ тотъ же замокъ посажена даже и не арестантка, судившаяся и отбывшая наказаніе,—а бывшая крѣпостная помѣщика Цвѣткова, Матрена Иванова. Она была поднята на улицѣ въ болѣзненномъ состояніи «отъ чрезмѣрнаго кровотеченія» и отправлена въ Екатерининскую больницу, пробывъ въ которой семь мѣсяцевъ, вернулась къ помѣщику со счетомъ за лѣченіе. Но онъ предпочелъ дать ей вольную. Съ этого времени она стала должни-

цею приказа общественнаго призрѣнія и безъ дальнихъ околичностей была посажена въ тюрьму «впредь до удовлетворенія претензіи». «Неизвѣстное благотворительное лицо» выкупило ее, чрезъ посредство Гааза.

На этого рода неисправныхъ должниковъ обратилъ Ѳедоръ Петровичъ особое вниманіе и уже въ 1830 году сталъ хлопотать объ организаціи «искупленія должниковъ». Онъ внесъ въ комитетъ небольшой капиталъ, увеличившійся затѣмъ доставленными имъ пожертвованіями (между прочимъ, отъ Скарятиной 200 р. и отъ Сенявиной 100 р.) и ежегоднымъ отпускомъ особой суммы со стороны комитета, для выкупа несостоятельныхъ должниковъ, содержащихся въ московской долговой тюрьмѣ *за недоимки.* По предложенію его, комитетъ постановилъ—ежегодно, въ день кончины основателя попечительнаго о тюрьмахъ общества императора Александра I, производить выкупъ подобныхъ должниковъ. Гаазъ сталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить за точнымъ и согласнымъ съ дѣйствительностью обозначеніемъ размѣровъ недоимки, числившейся за ними, не жалѣя времени и труда на справки и личныя провѣрки, сопряженныя съ разными непріятностями. Какъ видно изъ дѣлъ комитета, 1840-й годъ особенно богатъ въ жизни Гааза столкновеніями и препирательствами въ этомъ отношеніи съ тюремнымъ начальствомъ и присяжными попечителями. Затѣмъ переписка по этимъ вопросамъ уменьшается и прекращается вовсе. Повидимому, оппоненты неугомоннаго старика махнули на него рукой и стали ему уступать, не споря.,.

За стѣнами долговой тюрьмы оставалась *семья* должника. Она лишалась своего кормилеца, а «кормовыхъ денегъ» не получала. Мысль и о ней тревожила Гааза. Въ мартѣ 1832 года, по его почину и при дѣятельномъ участіи одного изъ выдающихся директоровъ комитета, Львова, комитетъ постановилъ отдѣлять часть изъ своихъ суммъ *на помощь семействамъ* содержащихся въ долговой тюрьмѣ, представивъ завѣдываніе этимъ дѣломъ Львову и Гаазу. Послѣдній по словамъ А. К. Жизневскаго, часто посѣщалъ эту тюрьму и входилъ во всѣ подробности жизни содержащихся, помогая дѣйствительно несчастнымъ между ними—словомъ и дѣломъ, заступничествомъ и посредничествомъ.

XI.

Дѣятельность Гааза по отношенію къ *больному* ничѣмъ не отличалась отъ его дѣятельности по отношенію къ *преступному* и къ *несчастному* человѣку. И въ области прямого призванія и служебныхъ обязанностей отзывчивое сердце Ѳедора Петровича, полное возвышеннаго безпокойства о людяхъ, давало себя чувствовать на каждомъ шагу.

Въ завѣдываніи Гааза, назначеннаго главнымъ врачемъ московскихъ тюремныхъ больницъ, находились: мужская больница на 72 кровати при тюремномъ замкѣ, устроенная на пожертвованія, по проекту его друга, доктора Поля, вмѣсто прежнихъ неудобныхъ и недостаточныхъ палатъ, въ одномъ изъ коридоровъ замка; затѣмъ, отдѣленіе ея на Воробьевыхъ горахъ для пересыльныхъ и наконецъ, помѣщеніе для больныхъ арестантовъ при старой Екатерининской больницѣ. Съ 1838 по 1854 г. въ тюремныхъ больницахъ числилось больныхъ 31.142 человѣка, въ лазаретѣ пересыльной тюрьмы—12.673. Когда, въ 1839 и 1840 годахъ въ губернскомъ замкѣ съ чрезвычайною силою развился тифъ, послѣднее помѣщеніе было очень расширено и вмѣщало до 400 больныхъ обоего пола. По прекращеніи эпидеміи, Гаазъ сталъ хлопотать, чтобы число кроватей не было сокращаемо. Въ полицейскія части, для кратковременнаго содержанія или для «вытрезвленія», поступали часто больные чесоткою и, какъ выражался народъ, «французскою болѣзнью». Отпущенные домой, они грозили сообщеніемъ своихъ приличныхъ недуговъ окружающимъ. Заботиться о лѣченіи большинства изъ нихъ было некому, а у самихъ больныхъ не было ни средствъ, ни охоты. Гаазъ выпросилъ у князя Голицына распоряженіе о присылки такихъ больныхъ въ пустовавшій тюремный лазаретъ при Старо-Екатерининской больницѣ и о даровомъ ихъ пользованіи. Первоначально онъ и жилъ при этой больницѣ, въ маленькой квартирѣ.

Зная правила Гааза, излишне говорить о заботливости его о больныхъ и о вниманіи къ ихъ душевному состоянію, независимо отъ врачеванія ихъ тѣлесныхъ недуговъ. Обходя палаты, онъ требовалъ, чтобы его сопровождали ординаторы, фельдшеры и впервые имъ введенныя сидѣлки мужскихъ больничныхъ палатъ. Онъ просилъ о томъ же и священниковъ при церквахъ тюремнаго и пересыльнаго замковъ. Часто, садясь на край кровати больного, онъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду о его семьѣ, объ оставленныхъ дома,—нерѣдко цѣловалъ больныхъ, приносилъ имъ крендели и лакомства. Въ первый день Пасхи онъ обходилъ всѣхъ больныхъ

и христосовался со всѣми;—то же дѣлалъ онъ въ губернскомъ замкѣ и на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ обыкновенно бывалъ у заутрени. Въ большіе праздники и въ день своихъ именинъ, какъ разсказывалъ намъ о немъ его крестникъ, докторъ Зедергольмъ, сынъ извѣстнаго въ Москвѣ пастора, современника Гааза,—Ѳедоръ Петровичъ получалъ, вмѣстѣ съ поздравленіями, много сладкихъ пироговъ и тортовъ отъ знакомыхъ. Собравъ ихъ всѣ съ видимымъ удовольствіемъ, онъ рѣзалъ ихъ накуски и, сопровождаемый Зедергольмомъ или кѣмъ-нибудь другимъ, отправлялся къ больнымъ арестентамъ раздавать ихъ. Много разъ, въ присутствіи своего крестника, Гаазъ участливо распрашивалъ арестантовъ о здоровьѣ, называя ихъ ласковыми именами: «голубчикомъ» «милымъ» и т. д., справляясь, хорошо ли они спали и видѣли ли пріятные сны? Иногда, останавливаясь у постели какого-нибудь больного, онъ задумчиво глядѣлъ на него и говорилъ своему юному спутнику: «поцѣлуй его!»—прибавляя со вздохомъ: «Er hat es nicht bös'gemeint!» или «Der wollte nichts Böses machen!»

Гаазъ отличался не только пониманіемъ душевныхъ нуждъ несчастнаго, но и снисхожденіемъ къ житейскимъ потребностямъ и привычкамъ человѣка, внезапно исторгнутаго изъ обычной обстановки преступленіемъ, иногда неожиданнымъ для самого виновнаго. Одинъ изъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, вспоминая разсказы своихъ родныхъ—коренныхъ москвичей—о Ѳедорѣ Петровичѣ, передаетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ въ московскій тюремный замокъ поступилъ нѣкто Л., арестованный за покушеніе на убійство человѣка, соблазнившаго его жену и побудившаго ее бросить маленькихъ дѣтей. Къ тоскѣ и отчаянію, овладѣвшимъ имъ въ тюрьмѣ, присоединилась болѣзненная потребность курить. Отсутствіе табаку и крайняя затруднительность его незаконнаго полученія дѣйствовали самымъ угнетающимъ образомъ на этого страстнаго курильщика. Посѣтившій его Ѳедоръ Петровичъ нашелъ необходимымъ прописать ему, для укрѣпленія здоровья, *декохтъ* изъ какихъ-то травъ и снадобій. Послѣднія приносились по его порученію и личному распоряженію арестанту большими пакетами «изъ аптеки»... и удовлетворенный курильщикъ пересталъ испытывать страданія физическихъ лишеній...

Но не въ одномъ человѣчномъ отношеніи, даже не въ стремленіи дѣломъ и примѣромъ приложить къ больнымъ старинное правило искусства «tuto, cito et jucunde», какъ писалъ онъ въ «Инструкціи врачамъ»,—состояла его главная заслуга въ чисто-врачебной области дѣятельности. Онъ связалъ свое имя съ учрежденіемъ, созданнымъ его непрестанными и самоотверженными

усиліями. Благодаря ему—и исключительно ему—выросла на Покровкѣ, въ Мало-Казенномъ переулкѣ, въ заброшенномъ и приходившемъ въ ветхость домѣ упраздненнаго Ортопедическаго института—*Полицейская больница для безпріютныхъ,* которую благодарное простонародье Москвы прочно и безъ колебаній окрестило именемъ «Газовской». «Пріѣхавъ въ 1852 году въ Москву и имѣя порученіе къ Ѳедору Петровичу,—пишетъ намъ А. К. Жизневскій,—я сказалъ первому попавшемуся извозчику: «вези въ Полицейскую больницу».—«Значитъ, въ Газовскую»,—замѣтилъ тотъ, садясь на облучокъ.—«А ты развѣ знаешь доктора Гааза?»—«Да какъ же Ѳедора Петровича не знать: вся Москва его знаетъ. Онъ помогаетъ бѣднымъ и завѣдуетъ тюрьмами»...—«Ступай!—сказалъ я—*и отправился въ особый міръ*»...

Въ 1844 году была учреждена въ Москвѣ больница для чернорабочихъ, захватившая и значительную часть арестантскихъ помѣщеній при Старо-Екатерининской больницѣ. На время производства необходимой поэтому пристройки къ лазарету губернскаго замка, болѣе ста-пятидесяти больныхъ арестантовъ было переведено въ домъ Ортопедическаго института, приспособленный и исправленный на личныя средства Гааза и на добытыя имъ у разныхъ благотворителей. Постоянно разъѣзжая по Москвѣ, встрѣчаясь съ бѣдностью, недугами и несчастіями лицомъ къ лицу, онъ наталкивался иногда на обезсиленныхъ нуждою или болѣзнью, упавшихъ отъ изнеможенія гдѣ-нибудь на улицѣ и рискующихъ, подъ видомъ «мертвецки пьяныхъ», быть отправленнными на «съѣзжую» ближайшей полицейской части, гдѣ средства для распознаванія и лѣченія болѣзней въ то время совершенно отсутствовали, а средства «для вытрезвленія» отличались простотою и рѣшительностью. Онъ забиралъ такихъ несчастныхъ въ свою пролетку и везъ въ одну изъ немногочисленныхъ больницъ Москвы. Но тамъ часто не было мѣста, или больной почему-либо не подходилъ подъ спеціальное назначеніе той или другой больницы. Крайне тревожимый этими случаями, Гаазъ рядомъ письменныхъ представленій и личныхъ просьбъ добился отъ Голицына распоряженія о томъ, чтобы, въ случаѣ непринятія больницею заболѣвшихъ безпріютныхъ, полиція присылала ихъ для помѣщенія на свободныя отъ арестантовъ мѣста временной лѣчебницы въ Мало-Казенномъ переулкѣ. Здѣсь у Гааза мѣсто всегда находилось. При лѣчебницѣ этой была маленькая квартира изъ двухъ комнатъ, въ которой онъ поселился самъ,—и Е. А. Драшусова, знавшая его лично, свидѣтельствуетъ, говоря о немъ, что когда въ лѣчебницѣ не было

мѣста, а поступали новые больные, онъ клалъ ихъ въ своей квартирѣ и ухаживалъ за ними неустанно...

Наконецъ, пристройка къ тюремному лазарету была окончена и освящена. Въ нее перевели арестантовъ изъ Мало-Казеннаго переулка—и въ лѣчебницѣ оказались лишь безпріютные, не предусмотрѣнные ни въ какомъ уставѣ и не подлежащіе вѣдѣнію тюремнаго комитета. Въ комитетѣ начили подниматься голоса противъ этой лѣчебницы—и ей стало грозить уничтоженіе. Но Гаазъ рѣшился всѣми силами поддержать жизнь своего дѣтища. Получая, въ качествѣ старшаго врача больницы, всего 285 руб. 72 коп. въ годъ, онъ добывалъ средства отъ богатыхъ купцовъ, чтобы ничего не требовать отъ казны на ремонтъ; сражался съ комитетомъ, переписывался съ оберъ-полиціймейстеромъ, подъ начальство котораго перешла лѣчебница, умолялъ новаго генералъ-губернатора, князя Щербатова, сохранить учрежденіе, которому симпатизировалъ его предшественникъ, — и добился того, что «полицейская больница» была признана постояннымъ учрежденіемъ для пріема больныхъ, поступающихъ на попеченіе полиціи «по внезапнымъ случаямъ, для пользованія и начальнаго поданія безплатной помощи». Къ такимъ больнымъ были отнесены люди, поднимаемые на улицѣ въ безчувственномъ видѣ, не имѣющіе узаконенныхъ видовъ, ушибленные, укушенные, отравленные, обожженные и т. д. Въ ней было положено 150 кроватей, и на каждаго изъ больныхъ и и умершихъ стала отпускаться опредѣленная, очень небольшая сумма. Но населеніе Москвы росло, число безпріютныхъ больныхъ увеличивалось, слава «Газовской больницы» проникала въ народъ, отказывать въ пріемѣ Гаазъ былъ не въ силахъ, и вскорѣ число больныхъ, находившихъ себѣ кровъ и уходъ, тепло и помощь, стало превышать установленную норму чуть не вдвое. Началась тягостная переписка съ комитетомъ и разнымъ другимъ начальствомъ, требованіе объясненій и отчетовъ во всякой мелочи, пошло производство начетовъ... Снова стали раздаваться обычныя обвиненія противъ Ѳедора Петровича въ нарушеніи порядка, и въ его переходящей здравыя и законныя границы «филантропіи», не желающей ничего знать, кромѣ своихъ излюбленныхъ больныхъ — босоногихъ бродягъ и оборванцевъ. Гаазъ старался отмалчиваться или давалъ объясненія, признаваемыя «явно неудовлетворительными», но числа больныхъ все-таки не сокращалъ. Между служившими при немъ и вскорѣ послѣ него въ полицейской больницѣ сохранился разсказъ о томъ, что выведенный изъ себя жалобами на постоянные переборы, дѣлаемые имъ противъ высшаго предѣла расходовъ на полный комплектъ боль

ныхъ, князь Щербатовъ призвалъ его къ себѣ и, горячо упрекая, требовалъ сокращенія числа больныхъ до нормы. Старикъ молчалъ, поникнувъ головою... Но когда послѣдовало категорическое приказаніе не смѣть принимать новыхъ больныхъ, пока число ихъ не окажется менѣе 150-ти—онъ вдругъ тяжело опустился на колѣни и, ничего не говоря, заплакалъ горькими слезами. Князь Щербатовъ увидѣлъ, что его требованіе превышаетъ силы старика,—самъ растрогался и бросился поднимать Өедора Петровича. Больше о больницѣ не было и рѣчи до самой смерти Гааза. По молчаливому соглашенію, всѣ, начиная съ генералъ-губернатора, стали смотрѣть на ея «безпорядки» сквозь пальцы. Гаазъ *выплакалъ* себѣ право неограниченнаго пріема больныхъ...

Къ числу этихъ больныхъ, по его настойчивымъ ходатайствамъ, были впослѣдствіи отнесены не только не нашедшіе себѣ пріюта въ другихъ больницахъ, но и подлежавшіе, по требованію господъ, тѣлесному наказанію при полиціи и заболѣвшіе до экзекуціи или послѣ нея...

Какъ широка была помощь, оказываемая Газовскою больницею, видно изъ того, что съ открытія ея до смерти Гааза въ ней перебывало до 30.000 больныхъ, изъ которыхъ выздоровѣло около 21.000. Больница заботилась не объ одномъ излѣченіи больныхъ, но по начертанной Гаазомъ программѣ, начальство больницы хлопотало о помѣщеніи престарѣлыхъ въ богадѣльни, объ отправленіи крестьянъ на родину, о снабженіи платьемъ съ умершихъ и деньгами—неимущихъ больныхъ иногородныхъ, объ истребованіи больнымъ паспортовъ, о помѣщеніи дѣтей, рожденныхъ въ больницѣ, на время или постоянно въ воспитательный домъ и о помѣщеніи осиротѣвшихъ дѣтей на воспитаніе къ людямъ, «извѣстнымъ своею честностью и благотворительностью».

Когда Гаазъ былъ практикующимъ врачомъ въ Москвѣ онъ не любилъ начинять больныхъ лѣкарствами. Другъ знаменитаго въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ Москвѣ терапевта Овера, онъ имѣлъ, однако, свои собственные взгляды на средства лѣченія. Онъ придавалъ значеніе покою и теплу: изъ внѣшнихъ средствъ воздѣйствія на организмъ наиболѣе дѣйствительнымъ признавалъ нынѣ забытый фонтанель, а изъ внутреннихъ—нынѣ снова весьма цѣнимый—каломель. Зная его излюбленныя средства, москвичи добродушно острили надъ нимъ, говоря: «докторъ Гаазъ уложитъ въ *постель*, закутаетъ во *фланель*, поставитъ *фонтанель* и пропишетъ *каломель*»... Тѣ же средства, конечно, рекомендовались имъ, главнымъ образомъ, и въ «своихъ» больницахъ. Но не въ нихъ видѣлъ онъ силу. Участіе и доброе, человѣчное отношеніе

къ больному, заставляющее его думать, что онъ не одинокъ на свѣтѣ, не брошенъ на произволъ судьбы — были въ его глазахъ наиболѣе дѣйствительными средствами. Читая изреченіе «mens sana in corpore sano» наоборотъ, онъ предоставлялъ врачамъ тюремныхъ больницъ и своимъ ординаторамъ заботу о прописываніи и избраніи лѣкарства, оставляя за собою рѣшительный и всегда доброжелательный голосъ лишь по вопросу—подлежитъ ли арестантъ или безпріютный лѣченію.

Безтрепетный въ своемъ энергическомъ и искреннемъ словѣ, онъ былъ такимъ же и въ своей врачебной практикѣ. Въ 1848 году, когда свирѣпствовавшая въ Москвѣ холера наводила панику не только на населеніе, но и на врачей, и считалась заразительною даже отъ простого прикосновенія, онъ старался словомъ и дѣломъ разсѣять этотъ страхъ. «Проходя по одной изъ палатъ больницы,—пишетъ А. К. Жизневскій,—и подойдя къ больному, стонавшему въ кровати, Ѳедоръ Петровичъ съ особеннымъ удареніемъ сказалъ мнѣ: «а вотъ и первый холерный больной у насъ», и тутъ же нагнулся и поцѣловалъ его, не обращая вниманіе на то, что меня очень смутила такая новинка, какъ холера». Чтобы доказать незаразительность холерныхъ своимъ товарищамъ, старикъ,—по разсказу И. А. Арсеньева,—садился нѣсколько разъ въ ванну, изъ которой только-что вынутъ былъ холерный и просиживалъ въ ней нѣкоторое время. Слухи объ этомъ, при его популярности въ простомъ народѣ, распространялись по Москвѣ и производили успокоительное дѣйствіе. Зная это, графъ Закревскій, вообще не долюбливавшій Гааза, обратился къ нему въ разгаръ холеры съ просьбою — при постоянныхъ разъѣздахъ по Москвѣ останавливаться въ мѣстахъ стеченія народа и успокоивать его. И въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы 1848 года на московскихъ площадяхъ и перекресткахъ можно было не разъ видѣть высокаго и бодраго старика въ оригинальномъ костюмѣ, вставшаго въ пролеткѣ и говорящаго собравшемуся вокругъ народу, который къ *его* словамъ, къ словамъ *своего* доктора, относился съ полнымъ довѣріемъ...

Порядки, заведенные Гаазомъ въ полицейской больницѣ, да и въ тюремныхъ госпиталяхъ—были тоже своеобразны. Простой, обходительный и деликатный съ подчиненными, онъ требовалъ отъ нихъ прежде всего правды. Всякая ложь приводила его въ негодованіе. Въ борьбѣ съ нею онъ прибѣгалъ къ необычнымъ мѣрамъ. Въ полицейской больницѣ имъ была заведена кружка, въ которую, за всякую открывшуюся ложь, виновный служащій, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ класть свое дневное, по расчету, жалованье. Это объявлялось Гаазомъ при принятіи на службу въ

больницу и исполнялось строго и безусловно. Иногда это распространялось и на посторонних — и даже примѣнялось и въ тюремной больницѣ. Такъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ императора Николая Павловича въ Москву, въ концѣ сороковыхъ годовъ, эту больницу, въ отсутствіи Гааза, посѣтилъ по приказанію свыше, одинъ изъ лейбъ-медиковъ государя и донесъ, что нашелъ въ ней двухъ арестантовъ, недугъ которыхъ представляется сомнительнымъ. Узнавъ объ этомъ, Гаазъ явился къ нему и настойчиво потребовалъ новаго посѣщенія больницы, при чемъ на больныхъ доказалъ чиновному и ученому посѣтителю, что выводы его о состояніи ихъ здоровья были поспѣшны и ошибочны, и что оба арестанта дѣйствительно нуждаются въ лѣченіи. Сконфуженный медицинскій сановникъ сталъ извиняться, но Гаазъ добродушно и любезно просилъ его не безпокоиться, и продолжалъ съ нимъ обходъ. Но когда они приблизились къ выходу, Ѳедоръ Петровичъ на минуту куда-то исчезъ, а затѣмъ выросъ въ дверяхъ съ кружкою въ рукахъ. «Ваше превосходительство изволили доложить государю императору *неправду* — извольте теперь положить десять рублей штрафу въ пользу бѣдныхъ!»

Наравнѣ съ ложью старался онъ искоренить и нетрезвое поведеніе между госпитальною прислугою. Сначала ему хотѣлось предъявлять въ этомъ отношеніи строгія требованія всѣмъ вообще подчиненнымъ тюремному комитету лицамъ. Въ 1835 году онъ предлагалъ комитету утвердить составленныя имъ правила о безусловномъ воспрещеніи всѣмъ этимъ лицамъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, подъ угрозою штрафомъ въ размѣрѣ дневного жалованья, въ случаѣ нарушенія подписки о воздержаніи отъ вина, но комитетъ предложилъ ему, въ видѣ опыта, самому ввести такое правило въ тюремныхъ больницахъ, а составленный имъ проектъ представилъ на разсмотрѣніе губернатора. Затѣмъ, уже въ 1838 году, комитетъ, имѣя у себя нѣсколько жалобъ на взысканіе Гаазомъ штрафовъ и принимая во вниманіе, что проектъ его не получилъ въ теченіе трехъ лѣтъ одобренія, и что, по газетнымъ извѣстіямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ статута общества умѣренности въ Ригѣ, — запретилъ впредь отобраніе введенныхъ Гаазомъ подписокъ. Но послѣдній, повидимому, продолжалъ настаивать на справедливости и осуществимости своего проекта, ибо уже въ 1845 году, на запросъ князя Щербатова, комитетъ доносилъ, что считаетъ отобраніе подписокъ, придуманныхъ докторомъ Гаазомъ, «мѣрою не аппробованною». Система штрафовъ—обыкновенно въ маленькихъ размѣрахъ—практиковалась имъ въ полицейской больницѣ широко. Они накладывались также

за неаккуратность, небрежность, грубость — и опускались въ кружку. Служившій въ тюремной больницѣ Дюмме писалъ 4 января 1846 г., съ очевиднымъ неудовольствіемъ, бывшему воспитаннику Гааза — Норшину — въ Рязань: «у насъ все по прежнему продолжается собираніе грошей за невѣрные отвѣты на вопросы, а равно положено класть въ кружку дневное жалованье, въ случаѣ неисполненія своей обязанности. Требуется христіанское благонравіе, кротость, миролюбіе. Хотя не безъ труда все это исполнить, но, насколько можно, принаравливаемъ себя къ тому, и твердое обѣщаніе на себя налагаемъ стараться всѣми силами исполнить. Нынѣ же было напоминаемо отъ Ѳедора Петровича о непремѣнномъ соблюденіи въ службѣ пяти правилъ, а именно: 1) всякому человѣку дать отвѣтъ на вопросъ обстоятельно и чистосердечно, такъ, какъ бы самъ желалъ получить отвѣтъ; 2) ежели что обѣщалъ, то исполнить; 3) стараться принаравить себя къ правиламъ, изображеннымъ въ выданной всѣмъ книжкѣ Азбуки христіанскаго благонравія; 4) не употреблять горячіе напитки, и 5) стараться и другихъ убѣдить въ соблюденіи сихъ правилъ»... Иногда, собравъ нѣсколько такихъ штафовъ, при обходѣ больныхъ, Гаазъ не опускалъ ихъ въ кружку, а тихонько клалъ подъ подушку какого-нибудь больного, которому предстояла скорая выписка и неразлучная съ нею насущная нужда. Изъ кружки собранная сумма высыпалась разъ въ мѣсяцъ и распредѣлялась, въ присутствіи ординаторовъ и надзирательницъ, между наиболѣе нуждавшимися выздоровѣвшими больными и семействами еще находившихся на излѣченіи или приходившими въ амбулаторію, гдѣ засѣдалъ Ѳедоръ Петровичъ, окончивъ обходъ больницы... Въ 1852 году Жизневскому пришлось присутствовать при взысканіи такихъ штрафовъ въ Газовской больницѣ во время оригинальнаго суда надъ сидѣлкою, заподозрѣнною въ кражѣ. Разбирательство происходило въ присутствіи всѣхъ служащихъ въ больницѣ. Гаазъ внимательно выслушивалъ оправданія, подробно распрашивалъ свидѣтелей, попутно штрафовалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—и, между прочимъ, самого себя за отсутствіе надлежащей заботы объ огражденіи служащихъ отъ похищенія у нихъ вещей—и, пожелавъ узнать мнѣніе посторонняго человѣка, Жизневскаго, постановилъ оправдательное рѣшеніе, разорвавъ заготовленное конторою отношеніе въ полицію съ препровожденіемъ заподозрѣнной...

Нужно ли говорить объ отношеніи къ нему больныхъ? А. К. Жизневскій, въ письмѣ о Гаазѣ, приводитъ цѣлый рядъ отзывовъ о немъ, исполненныхъ восторженной благодарности со стороны самыхъ разнородныхъ по своему общественному положенію людей.

Врачуя ихъ тѣло, Гаазъ умѣлъ уврачевать и упавшій или озлобленный духъ, возродивъ въ нихъ вѣру въ возможность добра на землѣ. Описывая свое посѣщеніе Газовской больницы, Жизневскій говоритъ, что видѣлъ тамъ несчастную француженку-гувернантку, сошедшую съ ума отъ горя, вслѣдствіе павшаго на нее, безъ всякаго основанія, подозрѣнія въ домашней кражѣ. Она была постоянно неспокойна и часто впадала въ бѣшенство, сопровождаемое ужасными проклятіями. Но стоило ей увидѣть Ѳедора Петровича, какъ она тотчасъ утихала, становилась кроткою и радостно шла на его зовъ. Старикъ гладилъ ей волосы, говорилъ ей съ участіемъ нѣсколько ласковыхъ словъ—и на недавно еще мрачно-изступленномъ лицѣ злополучной жертвы клеветы начинала играть улыбка душевнаго спокойствія...

XII.

«Я, кажется, уже неоднократно высказывалъ вамъ свою мысль,—писалъ Гаазъ своему воспитаннику Норшину,—что самый вѣрный путь къ счастію не въ желаніи *быть счастливымъ*, а въ томъ чтобы *дѣлать другихъ* счастливыми. Для этого нужно внимать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, словомъ, *любить ихъ*, при чемъ, чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться подобно тому, такъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрерывно находится въ дѣйствіи...»

Эту мысль, наполнявшую всю его душевную жизнь, осуществлялъ и примѣнялъ онъ, дѣйствуя въ тюрьмахъ. Мы видѣли, съ какими внѣшними препятствіями приходилось ему бороться. Но ими не исчерпывалась затруднительность его задачи. Были и внутреннія помѣхи его дѣятельности. Онѣ часто связывали свободу его дѣйствій, огорчали, раздражали и даже оскорбляли его. Ему приходилось имѣть дѣло съ коллегіею, которой онъ самъ былъ членомъ, и испытывать на себѣ всю тяжесть того искусственнаго сопряженія во-едино различныхъ, иногда прямо противоположныхъ, темпераментовъ, побужденій и взглядовъ, которое характеризуетъ каждую коллегію. Несомнѣнно, что коллегія, особенно судебная или законодательная, имѣетъ свои достоинства. Ея коллективный опытъ оказываетъ безспорныя услуги, ея безличное спокойствіе исключаетъ элементъ индивидуальной страстности или опасной поспѣшности. Но тамъ, гдѣ коллегіи приходится имѣть дѣло съ повседневными явленіями жизни, съ животрепещущими

запросами и потребностями насущной дѣйствительности, гдѣ требуется разумная смѣлость, скорая осуществимость, непосредственное проникновеніе въ сущность вопроса,—тамъ коллегія, ничего не улучшая, многое можетъ портить и мертвить. Раздѣленіе труда дѣлаетъ его менѣе энергичнымъ, общая отвѣтственность ослабляетъ каждаго, отсутствіе прямого соприкосновенія съ тѣмъ или другимъ явленіемъ вытравляетъ его яркія краски и искажаетъ его живые контуры... Чувство личнаго негодованія, а слѣдовательно и любви, замираетъ въ коллегіи, ощущеніе стыда теряетъ свою благотворную ѣдкость,—трусливые, нерѣшительные, скудные умомъ оказываютъ принижающее дѣйствіе на сильныхъ умомъ, заставляя ихъ терять время на объясненіе азбучныхъ истинъ, торговаться и уступать во имя хотя бы и неполнаго достиженія цѣли;—лѣнивое мышленіе однихъ не хочетъ видѣть того, что выстрадано сердцемъ другихъ, — Молчалины часто стремятся сжать въ своихъ объятіяхъ Чацкихъ, — и по отношенію къ вопросу, о которомъ вопіетъ жизнь, образуется обыкновенно компромиссъ, всегда негодный по исходу, иногда мутный по своему источнику. Вотъ почему живыя и энергичныя натуры, особенно стремящіяся быть тѣмъ «магнитомъ», о которомъ писалъ Гаазъ Норшину, обыкновенно страдаютъ въ составѣ коллегіи и приходятъ съ нею въ безплодныя, по большей части, столкновенія.

Московскій тюремный комитетъ сдѣлалъ много полезнаго для тюремнаго дѣла въ Москвѣ, но, повидимому, за исключеніемъ Львова, Поля, Сенявина, Капниста и еще двухъ-трехъ членовъ, засѣдавшихъ притомъ не одновременно, онъ обладалъ обычными свойствами административно-благотворительной коллегіи. Изъ переписокъ Гааза съ комитетомъ видно, что въ средѣ послѣдняго были и «охладѣлые», и «отклонявшіе себя отъ долга», были и прямо враждебно или насмѣшливо относившіеся къ нему. Встрѣчались, конечно, какъ неизбѣжная внутренняя язва общественной благотворительности, и «акробаты благотворительности». Вице-президенты—генералъ-губернаторы кн. Голицынъ и кн. Щербатовъ— были люди большихъ достоинствъ, но у каждаго изъ нихъ была обширная область прямой дѣятельности, отвлекавшая ихъ отъ тюремнаго дѣла. Первые годы существованія комитета, наилучшіе въ его жизни, руль держалъ въ рукахъ самъ кн. Д. В. Голицынъ, поощряя и поучая всѣхъ своимъ примѣромъ, своимъ искреннимъ желаніемъ улучшеній, личнымъ трудомъ и свѣтлымъ, свободнымъ отъ шоръ безплоднаго формализа, взглядомъ. Онъ понималъ Гааза, прислушивался къ нему и подъ обличьемъ шумливаго и безпокойнаго члена коллегіи умѣлъ разсмотрѣть «ропталье вѣч-

ное души», чистой и самоотверженной. Иногда, впрочемъ, настойчивость и страстность Гааза нарушали спокойное и уравновѣшенное отношеніе къ нему князя Голицына. Однажды, въ 1840 году, послѣ шумныхъ протестовъ Гааза противъ какого-то изъ постановленій комитета, князь сказалъ ему съ раздраженіемъ: «M-r Haas! si vous continuez, je vous ferais sortir d'ici par les gendarmes!»—на что послѣдній отвѣтилъ улыбаясь: «et vous n'y gagnerez rien, mon prince, car je rentrerai par la fenêtre...» Вѣроятно, подражая князю, уже въ концѣ сороковыхъ годовъ, одинъ изъ членовъ комитета позволилъ себѣ, какъ вспоминаютъ священники Орловъ и Бѣляниновъ, сказать «безпокойному» старику, что «онъ дождется того, что его не станутъ приглашать въ комитетъ».— «Я самъ пріѣду», — спокойно замѣтилъ Гаазъ. — «Предъ вами запрутъ двери!»—«Ну, что-жъ—я влѣзу въ окно...» Мимолетныя столкновенія съ кн. Голицынымъ проходили, однако, безслѣдно. Просвѣщенный государственный дѣятель, сказавшій въ 1834 году совѣтнику губернскаго правленія, извѣстному А. И. Кошелеву, который, въ качествѣ московскаго дворянина, горячо настаивалъ на истребованіи отъ генералъ-губернатора, для провѣрки, отчета по дорожной коммиссіи: «сегодня утромъ, въ дворянскомъ собраніи, я вами любовался: вы хорошо поступили, и я на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое»,—не могъ сердиться на своего чистаго душою, хотя и строптиваго сотрудника...

Но не такъ относились къ Гаазу многіе изъ его сотоварищей. Его «выходки» нарушали спокойную безцвѣтность ихъ занятій, его «самовольныя распоряженія» оскорбляли цѣломудріе канцелярскихъ предначертаній. И по мѣрѣ того, какъ князь Голицынъ, давъ первые толчки и общее направленіе новому дѣлу, отдалялся отъ него, погруженный въ сложную работу «хозяина Москвы», противъ Гааза образовывалась оппозиція, то тѣсно сплоченная, то неуловимая, но все-таки чувствуемая.

«Утрированному филантропу», который говорилъ *о видѣнныхъ имъ* и сердечно раздѣленныхъ нуждахъ людей, коихъ онъ прежде всего считалъ несчастными,—который писалъ въ 1845 г., что члены тюремнаго общества «обязаны осуществлять намѣреніе жить *по-божески*, т.-е., чтобы правосудіе сочеталось съ милосердіемъ и Богъ былъ бы видѣнъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ»,— отвѣчали ссылками на «буквальный смыслъ» статей закона и параграфы уставовъ. Его своеобразно-краснорѣчивыя предложенія «пріобщались къ дѣлу», какъ не заслуживающія вниманія, его просьбы и требованія встрѣчались оскорбительнымъ молчаніемъ. Особливо недовольно было имъ хозяйственное отдѣленіе комитета, стоявшее

въ отношеніяхъ своихъ къ конторѣ тюремныхъ больницъ, гдѣ распоряжался Гаазъ, на чисто формальной почвѣ. Оно не желало, напримѣръ, сообщать конторѣ копій съ контрактовъ на поставку съѣстныхъ припасовъ, для провѣрки поставщиковъ, что было,—какъ писалъ Гаазъ комитету въ 1840 году,—«причиною неимовѣрнаго безпорядка, отъ котораго сіи больницы страждутъ». Между тѣмъ одно изъ засѣданій хозяйственнаго отдѣленія было открыто словами предсѣдателя: «такъ какъ г. Гаазъ многими поступками отступилъ отъ правилъ при управленіи тюремныхъ больницъ»... «Я взялъ смѣлость остановить его превосходительство,—пишетъ Гаазъ,—и спросить, какіе поступки долженъ я здѣсь разумѣть, но онъ, вмѣсто отвѣта, опять повторилъ тѣ же слова, а на мой вторичный вопросъ въ третій разъ изволилъ произнести тѣ же самыя нарѣчія. Я тогда принужденъ былъ встать съ мѣста и сказать: «если вы полагаете себя въ правѣ такимъ образомъ насчетъ меня выразиться безъ всякаго объясненія, то я не могу оставаться въ семъ собраніи»,—на что его превосходительство адресовался къ секретарю комитета со словами: «не правда ли, вѣдь, были нѣкоторые случаи, въ которыхъ г. Гаазъ дѣйствовалъ неправильно по управленію больницами?»—на что сей отвѣчалъ: «*по другимъ предметамъ* были нѣкоторыя такія дѣйствія г. Гааза, *то и вѣроятно*, что такія же были и по управленію больницами»... И сей отвѣтъ былъ принятъ безъ всякаго примѣчанія!»

Когда неусыпными трудами Гааза былъ устроенъ сѣверный корридоръ тюремнаго замка, оказалось, что онъ сдѣлалъ на 40 рублей сверхсмѣтныхъ расходовъ противъ ассигнованныхъ ему 400 руб., вмѣсто просимыхъ имъ 500 руб. Объ этой передержкѣ была возбуждена обширная переписка, на 143 листахъ, продолжавшаяся два года. Отъ Гааза было потребовано объясненіе, и комитетъ посвятилъ не одно засѣданіе обсужденію его неправильнаго и незаконнаго поступка. Указывая, что комитетъ гораздо милостивѣе относился къ сверхсмѣтнымъ расходамъ, допущеннымъ другими членами, признавая, что деньги были израсходованы «на предметъ, достойный комитета», Гаазъ пишетъ въ объясненіи: «мнѣ поручено затруднительное дѣло, мнѣ отказываютъ въ нужныхъ средствахъ и въ то же время неумолимы въ обсужденіи моихъ дѣйствій и упущеній. Меня спрашиваютъ, могу ли я *оправдать свой проступокъ?* Отвѣтствую: я признаю, что располагать такимъ образомъ суммами, кои не выданы—есть *родъ похищенія*. Съ сею же самою откровенностью признаюсь, что я одушевленъ былъ мыслью о сѣверномъ коридорѣ, и мнѣ казалось, что дѣйствія мои заслуживаютъ признательности комитета. Оказывается,

что я ошибся и въ томъ, что дѣлалъ, и въ томъ, что мыслилъ»... Кончилось тѣмъ, что онъ заплатилъ эти 40 р. изъ своихъ скудныхъ средствъ. То же самое повторилось и въ 1840 году, когда Гаазъ произвелъ нѣсколько необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательства работъ по расширенію помѣщеній Старо-Екатерининской больницы для пріема погибавшихъ отъ тифозной эпидеміи арестантовъ и просилъ комитетъ уплатить рабочимъ 290 руб. ассигнаціями. При обсужденіи переписки, продолжавшейся два года, комитетъ, въ 1842 г., послѣ разныхъ упрековъ по адресу Гааза, постановилъ: «отнынѣ на будущее время всякое распоряженіе въ постройкахъ и починкахъ по больничнымъ зданіямъ г. Гааза воспретить», при чемъ оскорбленный старикъ, видя, что его объясненій не слушаютъ и смѣются надъ его словами, «всталъ, поднялъ руку къ небу,—какъ онъ самъ пишетъ,—и голосомъ, которымъ кричатъ *караулъ*, кричалъ: «объявляю, предъ небомъ и землею, что мною въ семъ дѣлѣ ничего противозаконнаго не сдѣлано!»

Но не одни расходы, производимые имъ, раздражали комитетъ. Архитекторъ, помогавшій Гаазу въ перестройкѣ сѣвернаго корридора, указалъ ему на возможность изъ двухъ небольшихъ и полутемныхъ комнатъ около церкви образовать одну большую и свѣтлую, сдѣлавъ въ толстыхъ стѣнахъ между ними большія арки. Мысль дать больше простора заключеннымъ и собирать ихъ для общей молитвы возлѣ церкви плѣнила Гааза, и онъ немедленно, на свой счетъ, спѣша устроить окончательно *свой* корридоръ, привелъ ее въ исполненіе. Директоръ комиссіи строеній въ Москвѣ, посѣтивъ замокъ, указалъ Гаазу на это «самоволіе», объяснивъ, что онъ долженъ былъ испросить его разрѣшеніе на непредусмотрѣнную перестройку. Чуждый мелочного самолюбія, имѣвшій въ виду только пользу дѣла, Гаазъ, «вмѣняя себѣ въ обязанность исправить дурной примѣръ нарушенія законнаго порядка, имъ поданный, при всѣхъ чиновникахъ и служителяхъ, просилъ у г-на директора прощенія». Но директору было мало униженія старика. Онъ сообщилъ о новомъ его поступкѣ комитету. Представляя комитету свою повинную, Гаазъ заявлялъ, что вынужденъ былъ вообще отступать отъ предначертаній комиссіи строеній относительно перестроекъ въ тюрьмѣ, ибо если бы вполнѣ оныя соблюдать, то получилась бы квасная, въ которой нельзя дѣлать квасу, ибо въ ней вовсе не было положено русской печи,—комнаты остались бы безъ вентиляторовъ, наружныя двери безъ ступенекъ для входа, чердаки безъ лѣстницъ и комната противъ «малолѣтнихъ» вовсе безъ двери, ибо печникъ, склавши уже болѣе половины печи, по-

ложенной на томъ мѣстѣ, гдѣ была дотолѣ дверь, перелѣзъ черезъ оную и спрашивалъ, гдѣ же ему выйти, когда онъ доведетъ печь до верху?.. Комитетъ не призналъ возможнымъ стать на почву совершившагося факта, и князь Голицинъ предложилъ ему, согласно его же заключенію, сдѣлать Гаазу выговоръ въ «присутствіи онаго, подтвердивъ, чтобы на будущее время онъ ни мало не отступалъ отъ установленнаго порядка». Тяжело отозвался на старикѣ выговоръ, объявленный по распоряженію человѣка, котораго онъ глубоко чтилъ и которому однажды писалъ: «вы великій вельможа—князь, но вы не въ состояніи сдѣлать двѣ вещи: чтобы въ журналѣ комитета было записано: «вице-президентъ князь Дмитрій Владиміровичъ недоволенъ дѣйствіями доктора Гааза», и чтобы я не любилъ васъ всѣмъ своимъ сердцемъ!» Онъ не перенесъ огорченія и захворалъ. И вотъ причина, почему онъ, не пропускавшій за всю свою многотрудную жизнь ни одного засѣданія комитета, все-таки не былъ въ одномъ изъ нихъ...

Столкновенія съ комитетомъ бывали у него по самымъ различнымъ поводамъ. То, убоясь переписки и возможности отказа, представляетъ онъ въ комитетъ счетъ цехового Завьялова на 45 руб. за 21 бандажъ, отданный освобожденнымъ изъ смирительнаго и рабочаго домовъ арестантамъ, страдающимъ грыжею,—и комитетъ разъясняетъ ему, что не считаетъ себя обязаннымъ покрывать такой расходъ, предоставляя ему самому изыскивать средства къ удовлетворенію онаго изъ другихъ источниковъ, т.-е. обрекаетъ его, за неимѣніемъ имъ собственныхъ средствъ, на необходимость просить кого-нибудь быть «благодѣтелемъ». То, удрученный своимъ устраненіемъ отъ освидѣтельствованія пересыльныхъ арестантовъ и боясь, что они останутся вовсе безъ призора, онъ проситъ обязать членовъ комитета бывать, по очереди, на Воробьевыхъ горахъ четыре раза въ недѣлю, и комитетъ «не усматриваетъ для его домогательства законныхъ основаній»; то проситъ онъ комитетъ ходатайствовать у высшаго начальства, чтобы, кромѣ пересылаемыхъ слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ бродягъ, въ губернскихъ городахъ оставлять, не отсылая въ Сибирь, и тѣхъ, «кои окажутся съ поврежденіемъ ума», и комитетъ, къ огорченію его, «не полагаетъ на сіе никакого рѣшенія»;—то, въ 1845 г., подкрѣпляя свою просьбу словами Екклезіаста, онъ проситъ комитетъ внушить членамъ своимъ объ обязанности частаго посѣщенія мѣстъ заключенія вообще, чрезъ что «злоупотребленія, населяющія ихъ какъ насѣкомыя и паутина, будутъ исчезать сами собою, а добрыя дѣла мало-по-малу рождаться одно изъ другого»,—и получаетъ въ отвѣтъ, что комитетъ съ признательностью

принимаетъ указаніе своего вице-президента, митрополита Филарета, между прочимъ и о томъ, что «можно не входить въ большое разбирательство разсужденія Өедора Петровича о постоянномъ посѣщеніи тюремъ,—довольно сказать, что это посѣщеніе, безъ сомнѣнія, весьма желательное, можетъ, по справедливости, быть требуемо, конечно, не отъ тѣхъ людей, у которыхъ съ утра до вечера полны руки должностныхъ дѣлъ и которымъ долгъ присяги не позволяетъ отъ сихъ необходимыхъ дѣлъ постоянно уклоняться къ дѣламъ произволенія, хотя и весьма добраго»... То, наконецъ, въ просьбѣ Гааза въ 1840 г. о разрѣшеніи оставить въ пересыльной тюрьмѣ крестьянина Лазарева, ссылаемаго помѣщикомъ въ Сибирь, несмотря на 63-лѣтній возрастъ (что было дозволено закономъ и сенатскимъ разъясненіемъ лишь до 1827 года), и о начатіи переписки о незаконности такой ссылки,—комитетъ постановляетъ отказать, ибо Лазаревъ, *самъ* можетъ подать объ этомъ просьбу *по приходѣ въ Тобольскъ.* Такіе отказы раздражаютъ старика. Своеобразнымъ краснорѣчіемъ звучатъ вызываемыя ими записки его и заявленія. По поводу Лазарева онъ объясняетъ, что «будетъ изыскивать способъ самъ довести о семъ несчастномъ до свѣдѣнія Высочайшей власти». Видя холодное отношеніе комитета къ нѣсколькимъ просьбамъ его за арестантовъ, онъ восклицаетъ въ 1838 г.: «если мы и впредь будемъ такъ дѣйствовать, то должны ожидать, что намъ будутъ сказаны слова Евангелія взывавшимъ къ Спасителю: «не во имя ли Твое мы проповѣдывали?» и коимъ было изречено: «по истинѣ не знаю васъ! отъидите отъ Меня вси, творящіе неправду!»

Чувствуя себя въ канцелярскихъ путахъ подьяческихъ соображеній комитета часто *разбитымъ*, но никогда не признавая себя *побѣжденнымъ*, домогаясь *своего* для *другихъ*, онъ пробовалъ грозить совѣсти своихъ коллегъ и тревожить ихъ чиновничій квіетизмъ ироніею своихъ почтительно-официальныхъ донесеній. Такъ, напримѣръ, въ 1838 году, по поводу необходимости сосредоточить освидѣтельствованіе больныхъ, пересылаемыхъ черезъ Москву, въ однѣхъ рукахъ, и тѣмъ прекратить разногласія между врачами, всегда разрѣшаемыя мѣстнымъ тюремнымъ начальствомъ согласно съ мнѣніемъ, неблагопріятнымъ арестантамъ, Гаазъ съ злой и тонкой ироніей, показывающей, до чего возмущалось его доброе сердце, писалъ въ комитетъ: «Какъ я, кажется, долженъ заключить изъ выраженій нѣкоторыхъ членовъ комитета, *которыхъ благоволеніемъ я имѣю счастіе пользоваться*, комитетъ имѣетъ обо мнѣ мнѣніе, что будто бы я, какъ то говорятъ, слишкомъ готовъ покровительствовать людямъ, какихъ уже караетъ

справедливый законъ и которые казались бы болѣе недостойными того вниманія, которое обыкновенно и вообще оказывается ко всѣмъ членамъ общества людей. Но да будетъ мнѣ позволено признаться предъ *почтеннѣйшимъ комитетомъ*, что я почелъ бы себя лицомъ вреднымъ общественному порядку, еслибъ я позволилъ себѣ, занимаясь публичною должностію, послѣдовать инымъ какимъ-либо побужденіямъ, кромѣ *законныхъ*, и что я считаю вовсе не сообразною съ разсудкомъ самую мысль желать чего-либо другого, кромѣ *правосудія* здѣсь, въ *наиблагонамѣреннѣйшемъ* и *отеческомъ* правленіи и при начальникахъ, кои, по *своему великодушію*, вездѣ встрѣчаютъ случаи, гдѣ только можно изобрѣсть что-либо для благосостоянія человѣчества, которое по ихъ правиламъ есть однозначущая вещь съ благосостояніемъ самаго государства и имѣетъ истиннымъ основаніемъ искреннее уваженіе къ закону».—«Говорятъ,—пишетъ онъ въ 1832 году,—что арестанты уже въ теченіе долгаго времени слѣдуютъ описанному непорядку и такъ-сказать къ оному пріучены. Но сіе напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ англинской кухаркѣ, которая содрала кожу съ живого угря. Одинъ вошедшій въ то время въ кухню, сказалъ:—какъ, сударыня, вы безъ сожалѣнія это дѣлаете?—Ничего, сударь,—отвѣчала кухарка,—*они* къ этому привыкли!—на мѣсто того, чтобы сказать: *я* къ этому привыкла!» «Не скрою предъ комитетомъ,—говоритъ онъ, представляя свои оправданія по поводу арки въ сѣверномъ корридорѣ,—величайшаго отвращенія, какое имѣю я, входя въ столь подробное изъясненіе по обстоятельству столь ничтожному», и по поводу постоянныхъ неудовольствій и нареканій комитета напоминаетъ, что Тацитъ, говоря о Титѣ-Агриколѣ, сказалъ: «въ натурѣ человѣка ненавидѣть того, кому однажды нанесено оскорбленіе»... Говоря о раздачѣ книгъ священнаго писанія пересыльнымъ, онъ ядовито замѣчаетъ: «встрѣча священнаго писанія въ тюрьмѣ ссыльныхъ могла бы содѣлаться опасною для членовъ комитета тѣмъ осужденіемъ, которое сія святая книга произноситъ на слабое усердіе, которое комитетъ оказываетъ въ попеченіи о благосостояніи ссыльныхъ».

Въ очень интересной французской рукописи сороковыхъ годовъ, написанной проживавшимъ въ Москвѣ иностранцемъ и хранившейся у доктора Поля, друга Ѳ. П. Гааза, есть характеристика какъ послѣдняго, такъ и двоякаго отношенія къ нему московскаго населенія. «Докторъ Гаазъ,—пишетъ авторъ рукописи,—одинъ изъ людей, чьи внѣшность и одѣяніе вызываютъ мысль о чемъ-то или смѣшномъ, или же, наоборотъ, особо почтенномъ,—чье поведеніе и разговоръ до такой степени идутъ въ разрѣзъ съ взглядами

нашего времени, что невольно заставляютъ подозрѣвать въ немъ или безуміе, или же апостольское призваніе,—однимъ словомъ, по мнѣнію однихъ, это—*помѣшанный*, по мнѣнію другихъ—*божій человѣкъ*». Описывая его вступленіе въ комитетъ, авторъ говоритъ: «съ этого времени жизнь Гааза расширилась и раздвоилась: врачъ сдѣлался духовнымъ пастыремъ, пользующимся своими правами на врачеваніе тѣла, чтобы изслѣдовать *душевныя раны* и пытаться ихъ залѣчивать. Съ того дня, какъ онъ появился среди осужденныхъ, отдавшись всецѣло облегченію ихъ страданій и оживленію, путемъ всевозможныхъ благодѣяній и бесѣдъ, исполненныхъ состраданія, участія и утѣшенія, бодрости и вѣры въ ихъ душѣ, рѣдкій умеръ въ его больницахъ не примиренный съ Богомъ, и многіе—будучи *злодѣями* при вступленіи въ стѣны пересыльной тюрьмы, покидали ихъ для пути въ Сибирь, ставъ лишь *только несчастными*»... Разсказавъ нѣкоторыя черты изъ дѣятельности Θедора Петровича относительно ссыльныхъ, наблюдательный иностранецъ продолжаетъ: «здѣсь многіе думаютъ, что вся его филантропія служитъ гораздо болѣе признакомъ его умственнаго *разстройства*, чѣмъ признакомъ прекраснаго *устройства* его сердца;—что вся заслуга этого *юродиваго* (espèce de maniaque), постоянно надуваемаго всякаго рода негодяями,—лишь въ инстинктивной добротѣ;—что въ основѣ его состраданія къ несчастнымъ, быть-можетъ, лежитъ тщеславіе,—что весь его оригинальный черный костюмъ квакера, его чулки и башмаки съ пряжками, его парикъ и широкополая шляпа предназначены для произведенія особаго впечатлѣнія, и что, такимъ образомъ, это—если не ловкій лицемѣръ, то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ *тронутый* (timbré)»... «Вотъ до какой степени тотъ, на чьемъ лбу не напечатлѣнъ эгоизмъ, кажется загадочнымъ, причемъ лучшій способъ для разгадки его личности состоитъ въ ея оклеветаніи!»—восклицаетъ авторъ, переходя къ изображенію обычныхъ поѣздокъ Θедора Петровича въ пересыльную тюрьму въ пролеткѣ, наполненной съѣстными припасами, и повѣствуя о томъ, какъ однажды, заѣхавъ въ трактиръ у заставы, хозяинъ котораго всегда снабжалъ его хлѣбомъ для «несчастныхъ», Гаазъ разсказалъ пившимъ чай купцамъ о судьбѣ бѣдной дѣвушки, которая вѣнчалась въ этотъ день съ осужденнымъ и шла за нимъ на каторгу, и такъ ихъ растрогалъ, что они набрали въ его шляпу двѣсти рублей «для молодыхъ».

Такъ дѣйствовалъ до конца своей многотрудной жизни Θедоръ Петровичъ Гаазъ. Одинокій и въ общественной, и въ личной жизни, забывавшій все болѣе и болѣе о себѣ, съ чистою совѣстью

взиравшій на приближающуюся смерть, онъ тѣмъ болѣе отдавался своему призванію, чѣмъ меньше оставалось ему жить, стараясь осуществить то «kurzen Wachen—rasches Thun», о которомъ говорится во второй части «Фауста»... Но жилось ему не легко. Лично видѣвшая его, старая москвичка, графиня Сальясъ (Евгенія Туръ) пишетъ о немъ: «борьба, кажется, приходилась ему не по силамъ; посреди возмущающихъ душу злоупотребленій всякаго рода, посреди равнодушія общества и враждебныхъ распоряженій, въ борьбѣ съ неправдой и ложью, силы его истощались. Что онъ долженъ былъ вынести, что испытать, пережить, перестрадать!»

Про него можно сказать словами Некрасова, что онъ провелъ свою богатую трудомъ и добровольными лишеніями жизнь «упорствуя, волнуясь и спѣша». И у него была—и осталась такою до конца—«наивная и страстная душа». Немногіе друзья и многочисленные, по необходимости, знакомые часто видѣли его грустнымъ, особенно когда онъ говорилъ о тѣхъ, кому такъ горячо умѣлъ сострадать,—или гнѣвнымъ, когда онъ добивался осуществленія своихъ правъ на любовь къ людямъ. Но никто не видѣлъ его скучающимъ или предающимся унынію и тоскѣ. Сознаніе необходимости и нравственной обязательности того, что онъ постоянно дѣлалъ, и непоколебимая вѣра въ духовную сторону человѣческой природы, въ связи съ чистотою собственныхъ помысловъ и побужденій—спасали его отъ отравы унынія и отъ отвращенія къ самому себѣ, столь часто скрытаго на днѣ тоски... Безтрепетно и безоглядно добиваясь всего, что только было возможно при существующихъ условіяхъ, и очень часто размѣнивая свои общія усилія на случаи помощи въ отдѣльныхъ, повидимому ничѣмъ между собою не связанныхъ, случаяхъ—онъ, быть-можетъ самъ того не сознавая, систематически и упорно, собственнымъ примѣромъ служилъ будущему, въ которомъ задачу тюремнаго дѣла, какъ одного изъ видовъ наказанія, должно будетъ свестись къ возможно большей *общественной самозащитѣ* при возможно меньшемъ причиненіи *безплоднаго личнаго страданія*. И въ этомъ его заслуга—и уже въ одномъ этомъ его право на благодарное воспоминаніе потомства...

XIII.

Остается бросить бѣглый взглядъ на послѣдніе годы Гааза. Чистая, одинокая и цѣломудренная жизнь его, постоянная, подвижная дѣятельность, большая умѣренность въ пищѣ и питьѣ долго сохраняли ему цвѣтущее здоровье. Несмотря на седьмой де-

сятокъ, онъ оставался бодръ и выносливъ, и хотя совсѣмъ не заботился о здоровьѣ—никогда не бывалъ серьезно боленъ. Разнообразныя личныя воспоминанія о немъ даютъ возможность представить себѣ его день и составить болѣе или менѣе полную картину его привычекъ, обычаевъ и образа жизни въ послѣдній ея періодъ,—періодъ, когда почти всѣ примирились со «странностями» и «чудачествами» Ѳедора Петровича, а многіе поняли, наконецъ, какой свѣтъ и теплоту заключаютъ въ себѣ эти его свойства.

Онъ вставалъ всегда въ шесть часовъ утра и, немедленно одѣвшись въ свой традиціонный костюмъ, садился пить, вмѣсто чаю, который онъ считалъ для себя слишкомъ роскошнымъ напиткомъ, настой смородиннаго листа. Если не нужно было ѣхать на Воробьевы горы, онъ до восьми часовъ читалъ и часто самъ изготовлялъ лѣкарства для бѣдныхъ. Въ восемь начинался пріемъ больныхъ. Ихъ сходилось масса. Нечего и говорить, что совѣты были безвозмездны. О научномъ достоинствѣ этихъ совѣтовъ—судить трудно. Надо думать, что, увлеченный своею филантропическою дѣятельностью, Ѳедоръ Петровичъ остался при знаніяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, между тѣмъ какъ наука ушла впередъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ очень склонялся къ гомеопатіи. Едва ли и три излюбленныхъ средства съ окончаніемъ на «ель» играли въ его совѣтахъ прежнюю первенствующую роль. Онъ продолжалъ не возлагать особыхъ надеждъ на лѣкарства, а болѣе вѣрилъ цѣлительному значенію условій жизни больного. Такъ, когда къ нему въ 1850 г. обратился за совѣтомъ А. К. Жизневскій, онъ, вмѣсто рецепта, написалъ на лоскуткѣ бумаги: «Si tibi deficiant medici, medici tibi fiant haec tria: mens hilaris, requies, moderata dieta (schola saleritana)», т.-е., «если тебѣ нужны врачи—да будутъ тебѣ таковыми три средства: веселое расположеніе духа, отдыхъ и умѣренная діэта».—Но несомнѣнна любовь бѣдныхъ больныхъ къ «ихъ» доктору, связанная съ безусловнымъ къ нему довѣріемъ. Простые, недостаточные люди видѣли въ немъ не только врача тѣлеснаго, но и духовнаго,—къ нему несли они и разсказъ о недугахъ, и горькую повѣсть о скорбныхъ и тяжкихъ сторонахъ жизни, отъ него получали они иногда лѣкарство или наставленіе, всегда—добрый совѣтъ или нравоученіе, и очень часто—помощь... Нерѣдко несчастливецъ, не столько больной, сколько загнанный жизнью, выходилъ послѣ бесѣды съ нимъ, ободренный, съ влажными глазами, зажимая въ рукѣ данное лѣкарство... отпускаемое изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ...

Въ двѣнадцатомъ часу Гаазъ уходилъ въ полицейскую боль-

ницу, а оттуда уѣзжалъ въ тюремный замокъ и въ пересыльную тюрьму. Его старинныя дрожки, облѣзлыя и дребезжащія, престарѣлый и немилосердно обиравшій хозяина кучеръ Егоръ, въ неладно скроенномъ выцвѣтшемъ кафтанѣ, и двѣ, обыкновенно разбитыя на ноги, разношерстыя лошади были извѣстны всѣмъ москвичамъ. Сѣдокъ и экипажъ, упряжь и кучеръ были для нихъ чѣмъ-то роднымъ, тѣсно связаннымъ съ тогдашнею внутреннею жизнью Москвы. Отъ всего, что̀ служило къ передвиженію неутомимаго старика, и отъ него самого вѣяло такимъ далекимъ прошлымъ, что москвичи утверждали шутя, будто доктору, кучеру и лошадямъ вмѣстѣ четыреста лѣтъ. Сколько ни старались, съ разныхъ сторонъ, «открыть глаза» Ѳедору Петровичу на продѣлки Егора, онъ ничего не хотѣлъ видѣть и слышать, и держалъ Егора у себя 20 лѣтъ, до самой своей смерти. Не хотѣлъ онъ ни за что разстаться и со старою, безобразною пролеткою. Онъ къ ней привыкъ—и притомъ подъ ея широкимъ кожанымъ фартукомъ было такъ помѣстительно для установки корзинъ со съѣдобнымъ для идущихъ по этапу! Н. Ѳ. Крузе, знавшій Гааза лично, разсказывалъ намъ, со словъ московскихъ старожиловъ, что когда какая-нибудь изъ дряхлыхъ клячъ, на которыхъ ѣздилъ Ѳедоръ Петровичъ, оказывалась вполнѣ негодною для своей службы и оставлялась спокойно доживать свой вѣкъ, онъ отправлялся на конную площадь, гдѣ непремѣнно покупалъ одну изъ лошадей, выведенную на убой татарамъ,—и спасенное отъ ножа животное продолжало жить, неторопливо перебирая разбитыми ногами у истертаго дышла популярной пролетки... Концы по Москвѣ приходилось дѣлать большіе, и проголодавшійся Гаазъ, по словамъ Жизневскаго, иногда останавливался у какой-нибудь пекарни и покупалъ четыре калача—одинъ для себя, одинъ для кучера и два для лошадей. Въ 1850 году почитатели Ѳедора Петровича, желая облегчить ему разъѣзды по Москвѣ, послали ему въ подарокъ, при письмѣ безъ подписи, карету и пару лошадей, но Гаазъ немедленно отправилъ присланное къ извѣстному въ то время каретнику Мякишеву, прося купить все это, оцѣнивъ «по совѣсти», и полученныя затѣмъ деньги немедленно роздалъ бѣднымъ. Обѣдалъ Гаазъ въ пять часовъ, очень рѣдко внѣ дома, при чемъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ и ничего не пилъ, но если въ гостяхъ подавали фрукты, то бралъ двойную порцію и клалъ въ карманъ, говоря съ доброю улыбкою: «для больныхъ!» Тотчасъ послѣ обѣда онъ отправлялся по знакомымъ и вліятельнымъ людямъ хлопотать и просить за бѣдныхъ и беззащитныхъ. Въ памяти нѣкоторыхъ изъ этихъ знакомыхъ его образъ запечатлѣлся ярко.

Высокій, широкоплечій, немного сутуловатый, съ крупными чертами широкаго сангвиническаго лица, Гаазъ съ перваго взгляда производилъ болѣе своеобразное, чѣмъ привлекательное впечатлѣніе. Но оно вскорѣ измѣнялось, потому что лицо его оживлялось мягкою, ласковою улыбкою и изъ нѣжно-пытливыхъ голубыхъ глазъ свѣтилась сознательная и дѣятельная доброта. Всегда ровный въ обращеніи, рѣдко смѣющійся, часто углубленный въ себя, Өедоръ Петровичъ избѣгалъ большого общества и бывалъ, случайно въ него попавши, молчаливъ. Но въ обыкновенной бесѣдѣ, вдвоемъ или въ небольшомъ кружкѣ, онъ любилъ говорить... Усѣвшись глубоко въ кресло, положивъ, привычнымъ образомъ, руки на колѣни, немного склонивъ голову и устремивъ прямо предъ собою задумчивый и печальный взоръ, онъ подолгу разсказывалъ... но никогда *о себѣ,* а всегда *о нихъ*, о тѣхъ, по комъ болѣло его сердце. Онъ очень не любилъ разспросовъ лично о себѣ, сердился, когда при немъ упоминали о его дѣятельности, а въ сужденіяхъ о людяхъ былъ, по единогласному отзыву всѣхъ знавшихъ его, «чистъ какъ дитя». Раздавая все, что имѣлъ, никогда не просилъ онъ *матеріальной* помощи своимъ «несчастнымъ», но радовался, когда ее оказывали. Зная это, его московскіе друзья и знакомые, по словамъ Надежды Михайловны Еропкиной, не давали ему своихъ пожертвованій прямо въ руки, а клали ихъ въ задній карманъ его неизмѣннаго фрака. Старикъ добродушно улыбался и дѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ. Въ послѣдніе годы, однако, онъ сталъ разсѣянъ и забывчивъ, такъ что подчасъ деньги, положенныя въ его фракъ, не доходили до цѣли, попадая въ ловкія и своекорыстныя руки. Тогда, по молчаливому общему соглашенію, ему стали класть свертки звонкой монеты (въ то время золото было въ обычномъ обращеніи, также какъ и серебряные рубли), которые, оттягивая его карманъ и ударяя по ногамъ, напоминали ему о себѣ.

Одѣвался онъ чисто, но бѣдно; фракъ былъ истертый, съ неизбѣжнымъ Владиміромъ въ петлицѣ; старые черные чулки, много разъ заштопанные, пестрѣли дырочками. Гаазу было тягостно всякое вниманіе лично къ нему. Поэтому онъ, несмотря на настойчивыя просьбы друзей и знакомыхъ, несмотря на письменную просьбу лондонскаго библейскаго общества, ни за что не дозволялъ снять съ себя портрета. Сохранившійся чрезвычайно рѣдкій портретъ его въ профиль нарисованъ тайно отъ него художникомъ, котораго спряталъ за ширмы князь Щербатовъ, усадившій предъ собою на долгую бесѣду ничего не подозрѣвавшаго Өедора Петровича. Одинокій, весь погруженный въ мысли о другихъ, онъ

лично, по выраженію поэта, «не былъ любящей рукой ни охраненъ, ни обезпеченъ». Однажды, придя къ Н. М. Еропкиной, принявъ въ креслѣ свою любимую позу и начавъ говорить о видѣнномъ имъ при отправленіи послѣдней этапной партіи, онъ вынулъ изъ кармана какую-то ветхую тряпицу, служившую ему платкомъ. Увидѣвъ это, слушательница, обойдя за спиною повѣствовавшаго старика, достала изъ комода хорошій батистовый платокъ и, молча взявъ изъ руки Гааза тряпицу, вложила взамѣнъ ея этотъ платокъ. Ѳедоръ Петровичъ улыбнулся, ласково взглянулъ на нее и сталъ продолжать свой разсказъ. «Однако одного платка ему мало, онъ его потеряетъ, забудетъ...» — подумала Еропкина, и, доставъ изъ комода еще одиннадцать платковъ, тихонько положила ихъ въ карманъ свѣсившейся съ кресла фалды его фрака. Но Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ это, обернулся, досталъ всѣ платки— и вдругъ глаза его наполнились слезами, онъ схватилъ Еропкину за руки и голосомъ, котораго она не могла позабыть, сказалъ: «Oh! merci, merci! *ils* sont si malheureux!» Онъ не могъ допустить, чтобы это могла быть забота о немъ, а не о *нихъ*, ради которыхъ такъ свѣтло и чисто догорала его жизнь!

Онъ очень любилъ дѣтей. И дѣти ему платили тѣмъ же, шли къ нему съ довѣріемъ, лѣзли на него, ласкали его и теребили. Между ними завязывались разговоры, прерываемые шутками старика и звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Онъ сажалъ ихъ на колѣни, смотрѣлъ въ ихъ чистые, правдивые глаза и часто, съ умиленнымъ выраженіемъ лица, возлагалъ имъ на голову руки, какъ бы благословляя ихъ. По словамъ супруги нашего великаго писателя, графини С. А. Толстой, онъ любилъ продѣлывать съ дѣтьми шутливое перечисленіе «необходимыхъ добродѣтелей». Взявъ маленькую дѣтскую рученку, растопыривъ ея пальчики, онъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, загибая большой палецъ, говорилъ: — «благочестіе», загибая указательный—«благонравіе», «вѣжливость» и т. д., пока не доходилъ до мизинца. «Не лгать!»—восклицалъ онъ многозначительно: — «не лгать, не лгать, не лгать!»—повторялъ онъ, потрясая за мизинецъ руку смѣющагося дитяти.

Строгій блюститель нравовъ въ себѣ и въ другихъ, Гаазъ не всегда дѣйствовалъ одними совѣтами, назиданіями и убѣжденіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пробовалъ оказывать своеобразное «противленіе злу» активными — и даже *разрушительными* дѣйствіями. Знавшимъ его ближе москвичамъ было извѣстно, что онъ очень любитъ хорошія картины и умѣетъ ихъ цѣнить. Когда, въ домѣ одного богатаго купца, онъ восхитился прекрасной копіей съ мадонны Ванъ-Дейка и выразилъ желаніе, чтобы она была помѣ-

щена въ католической церкви въ Москвѣ, картина была препровождена на другой день къ нему, но съ условіемъ, чтобы до его смерти она у него и оставалась. Единственное украшеніе бѣдной обители Гааза, по его кончинѣ она была передана въ церковь какъ того всегда желалъ ея временный обладатель. У него же хранилось, подаренное кѣмъ-то, художественно исполненное изображеніе «снятія со креста», тисненное на кожѣ. Имъ благословилъ онъ, умирая, ординатора «Гаазовской больницы» Собакинскаго, который впослѣдствіи пожертвовалъ этотъ образъ въ церковь подмосковнаго села Куркина, гдѣ онъ находится и до сихъ поръ съ соотвѣтствующею надписью.

По разсказу московскаго старожила, служившаго еще у Ровинскаго, когда тотъ былъ губернскимъ прокуроромъ, г. Н—ва,— въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, у одного изъ московскихъ купцовъ, стараго холостяка, явилось непреоборимое желаніе похвастаться предъ «святымъ докторомъ» висѣвшею въ спальнѣ, задернутою зеленой тафтой, картиною, на которой откровенность изображенія доходила до крайнихъ предѣловъ грязной реальности. Послѣ долгихъ колебаній, онъ, наконецъ, рѣшился, заранѣе готовясь услышать негодующіе упреки Гааза. Но тотъ молчалъ, а затѣмъ сталъ просить продать ему картину. Владѣлецъ ни за что не соглашался, указывая на всю трудность полученія такой «рѣдкостной вещи», но, видя, что старикъ, котораго онъ глубоко чтилъ, страстно желаетъ, къ немалому его удивленію, имѣть неприличную картину,—предложилъ ему, скрѣпя сердце, принять ее въ подарокъ. Ѳедоръ Петровичъ наотрѣзъ отказался, продолжая просить *продать* картину. Тогда купецъ заломилъ очень большую цѣну. Гаазъ задумался, потомъ сказалъ: «картина за мной»—и уѣхалъ. Чрезъ два или три мѣсяца онъ привезъ требуемую сумму, доставшуюся ему, конечно, путемъ труда и большихъ лишеній,—и, довольный, увезъ въ своей пролеткѣ тщательно завѣшанную тафтою картину. Этотъ увозъ оставилъ пустое и больное мѣсто въ обыденномъ существованіи нечистоплотнаго холостяка,—онъ затосковалъ—и чрезъ нѣсколько дней рѣшился, подъ какимъ-то предлогомъ, заѣхать къ Гаазу, чтобы хоть взглянуть на *нее*. Старикъ принялъ его привѣтливо и началась бесѣда. Гость пытливо обводилъ глазами стѣны единственной пріемной комнаты (другая, маленькая, была спальнею). Картины не было. Наконецъ онъ рѣшился спросить хозяина о судьбѣ утраченнаго сокровища. «Картина здѣсь, въ этой комнатѣ», сказалъ хозяинъ. «Да гдѣ же, Ѳедоръ Петровичъ,—не видать что-то?!»—«Въ *печкѣ*...», спокойно отвѣтилъ Гаазъ.

Такъ дожилъ онъ до 1853 года—весь проникнутый дѣятель-

ною любовью къ людямъ, осуществлять которую въ тогдашнее время, при развившейся до крайности формалистикѣ и суровой подозрительности, было легко. Общество, наконецъ, поняло этого «чудака» и стало сознавать всю цѣну его личности и дѣятельности. «Когда я, въ началѣ 50-хъ годовъ,—писалъ намъ авторъ «Года на Сѣверѣ» и «Крылатыхъ словъ»,—студентствовалъ въ университетѣ, намъ, медикамъ, имя Гааза было не только извѣстно, но мы искали случая взглянуть на эту знаменитую личность—и я хорошо помню его наружность, а также главнымъ образомъ и то, что онъ уже и тогда былъ причисленъ къ лику святыхъ и таковымъ разумѣлся во всѣхъ слояхъ московскаго населенія». Не такъ, однако, смотрѣлъ стоявшій надъ этими слоями графъ Закревскій, которому весьма не нравилась тревожная и хлопотливая дѣятельность «утрированнаго филантропа», постоянно нарушавшая пріятное сознаніе, что въ Москвѣ «все обстоитъ благополучно».

Богъ знаетъ, въ какой формѣ осуществился бы практически взглядъ гр. Закревскаго на Гааза, но судьбѣ угодно было избавить графа отъ докучныхъ хлопотъ о немъ. Общая освободительница—смерть—освободила его отъ «утрированнаго филантропа». Она подошла неожиданно. Въ началѣ августа 1853 года Ѳедоръ Петровичъ заболѣлъ. У него сдѣлался громадный карбункулъ, и вскорѣ надежда на излѣченіе была потеряна. «Я засталъ его,—пишетъ А. К. Жизневскій,—не среди больныхъ, труждающихся и обремененныхъ; онъ самъ былъ боленъ и сидѣлъ въ своей комнатѣ, за ширмами, въ вольтеровскихъ креслахъ; на немъ былъ халатъ и его прекрасную голову не покрывалъ уже историческій парикъ. Его лицо, какъ и всегда, сіяло какимъ-то святымъ спокойствіемъ и добротою; благоговѣніе къ этому человѣку охватило меня, и я хотѣлъ поцѣловать его руку, но удержался, боясь его разстроить»... Онъ не могъ лежать, сидѣлъ постоянно въ креслѣ и очень страдалъ. «Несмотря на болѣзнь, благообразное старческое лицо его выражало по обыкновенію доброту и привѣтливость,—говоритъ его современница Е. А. Драшусова—онъ не только не жаловался на страданія, но вообще ни слова не говорилъ ни о себѣ, ни о своей болѣзни, а безпрестанно занимался своими бѣдными, больными, заключенными,—дѣлалъ распоряженія, какъ человѣкъ, который готовится въ далекій путь, чтобы остающимся послѣ него было какъ можно лучше. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ, забывая себя для другихъ. Онъ зналъ, что скоро умретъ, и былъ невозмутимо спокоенъ; ни одна жалоба, ни одно стенаніе не вырвались изъ груди его; только разъ сказалъ онъ своему другу, доктору Полю: «я не думалъ, чтобы человѣкъ могъ вынести столько

страданій»... Но страданія эти были непродолжительны—и конецъ былъ тихъ...»—Когда Өедоръ Петровичъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ велѣлъ перенести себя въ большую комнату своей квартиры, открыть входныя двери и допускать къ себѣ всѣхъ, кто желалъ его видѣть, проститься съ нимъ и *отъ него* услышать слово утѣшенія...

Вѣсть о безнадежномъ состояніи Өедора Петровича подѣйствовала удручающимъ образомъ на служащихъ при пересыльной тюрьмѣ. Они обратились къ своему священнику, о. Орлову, съ просьбою отслужить, въ ихъ присутствіи, обѣдню о выздоровленіи больного. Не рѣшаясь это исполнить въ виду того, что Гаазъ не былъ православнымъ, о. Орловъ отправился заявить о своемъ затрудненіи митрополиту Филарету—и вспоминаетъ нынѣ, что Филаретъ молчалъ съ минуту, потомъ поднялъ руку для благословенія и восторженно сказалъ: «Богъ благословилъ молиться о всѣхъ живыхъ—и я тебя благословляю! Когда надѣешься ты быть у Өедора Петровича съ просфорой?»—и получивъ отвѣтъ, что въ два часа, прибавилъ:—«отправляйся съ Богомъ,—мы съ тобой увидимся у Өедора Петровича».., И когда о. Орловъ, отслуживъ обѣдню и помолясь о Гаазѣ, «о которомъ не можетъ вспомнить безъ благодарныхъ слезъ», подъѣзжалъ къ его квартирѣ, карета московскаго владыки стояла уже у крыльца его стараго сотрудника и горячаго съ нимъ спорщика...

16-го августа Гааза не стало. Его не тотчасъ вынесли въ католическую церковь, а оставили въ квартирѣ, чтобы дать массѣ желающихъ возможность поклониться его праху въ той обстановкѣ, въ которой большинство приходившихъ получало его совѣты. Тлѣніе пощадило его до самыхъ похоронъ,—привычная добрая улыбка застыла на губахъ. На похороны стеклось до двадцати тысячъ человѣкъ и гробъ несли на рукахъ до кладбища на Введенскихъ горахъ. Разсказываютъ, что, почему-то опасаясь «безпорядковъ», Закревскій прислалъ специально на похороны полиціймейстера Цинскаго съ казаками, но когда Цинскій увидѣлъ искреннія и горячія слезы собравшагося народа, то онъ понялъ, что трогательная простота этой церемоніи и возвышающее душу горе толпы служатъ лучшею гарантіею спокойствія. Онъ отпустилъ казаковъ и, вмѣшавшись въ толпу, пошелъ пѣшкомъ на Введенскія горы.

На этихъ Введенскихъ горахъ, въ V разрядѣ католическаго кладбища было предано землѣ тѣло Өедора Петровича. На могилѣ его оставшійся неизвѣстнымъ другъ поставилъ памятникъ въ видѣ гранитной глыбы съ отшлифованнымъ гранитнымъ же крестомъ, съ надписью на ней: «Fredericus Josephus Haas, natus Augusti

MDCCLXXX, denatus XVI Aug. MDCCCLIII—и съ написаннымъ по-латыни 37-мъ стихомъ XII главы отъ Луки (beati servi illi quos etc...): «Блаженни раби тіи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ: аминь глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ и приступивъ послужитъ имъ». Памятникъ этотъ въ концѣ 80-хъ годовъ очень запущенъ, но затѣмъ возобновленъ по распоряженію московскаго тюремнаго комитета. Скромная квартира Гааза опустѣла. Все оставшееся послѣ него имущество оказалось состоящимъ изъ нѣсколькихъ рублей и мелкихъ мѣдныхъ денегъ, изъ плохой мебели, поношенной одежды, книгъ и астрономическихъ инструментовъ. Отказывая въ себѣ во всемъ, старикъ имѣлъ одну слабость: онъ покупалъ, по случаю, телескопы и разные къ нимъ приборы—и, усталый отъ дневныхъ заботъ, любилъ, по ночамъ, смотрѣть на небо, столь близкое, столь понятное его младенчески-чистой душѣ.

Трогательнаго человѣколюбца пришлось хоронить на счетъ казны, мѣрами полиціи. И тѣмъ не менѣе онъ оставилъ обширное *духовное завѣщаніе!* Его непоколебимая вѣра въ людей и въ ихъ лучшія свойства не изсякла въ немъ до конца. Онъ былъ *увѣренъ*, что тѣ, кто изъ уваженія къ нему и изъ неудобства отказывать его скромнымъ, но неотступнымъ просьбамъ, помогали его бѣднымъ—и послѣ его смерти будутъ продолжать «торопиться дѣлать добро». Совершенно упуская изъ виду значеніе своей личности и ея, подчасъ неотразимаго, вліянія, онъ—въ полномъ непониманіи юридическихъ формъ—наивно и трогательно распоряжался *будущими* благодѣяніями добрыхъ людей, какъ своимъ *настоящимъ* богатствомъ. Назвавъ рядъ своихъ богатыхъ знакомыхъ, отъ которыхъ можно было *несомнѣнно* ожидать пожертвованій, Гаазъ рисовалъ въ завѣщаніи широкіе планы различныхъ благотворительныхъ учрежденій, подлежавшихъ основанію на капиталы «благодѣтельныхъ лицъ», которыми долженъ былъ распоряжаться, въ качествѣ душеприказчика, докторъ Поль. Но огонь состраданія къ людскому несчастью, согрѣвавшій этихъ лицъ, горѣлъ, въ сущности, не въ нихъ, а въ безпокойномъ идеалистѣ, успокоившемся на Введенскихъ горахъ. Чувства, которыя умѣлъ зажигать Гаазъ, угасли еще скорѣе, чѣмъ его память — и докторъ Поль долженъ былъ ограничиться лишь изданіемъ, на свой счетъ, его рукописи «Appel aux femmes».

Въ этомъ своего рода духовномъ завѣщаніи, Гаазъ, въ формѣ обращенія къ русскимъ женщинамъ, излагаетъ тѣ нравственныя и религіозныя начала, которыми была проникнута его жизнь, и старается систематизировать проявленія любви къ людямъ и со-

страданія ихъ несчастію, составлявшія движущую силу, principium movens его вседневной дѣятельности. «Вы призваны содѣйствовать перерожденію общества,—пишетъ Гаазъ, обращаясь къ женщинамъ,—и этого вы достигнете, дѣйствуя и мысля въ духѣ кротости, терпимости, справедливости, терпѣнія и любви. Поэтому, избѣгайте злословія, заступайтесь за отсутствующихъ и беззащитныхъ, оберегайте окружающихъ отъ вредныхъ увлеченій, вооружаясь твердо и мужественно противъ всего низкаго и порочнаго, не допускайте близкихъ до злоупотребленія виномъ, до увлеченія картами... Берегите свое здоровье. Оно необходимо, чтобы имѣть силы помогать ближнимъ, оно—даръ Божій, въ растратѣ котораго безъ пользы для людей придется дать отвѣтъ предъ своею совѣстью. Содѣйствуйте, по мѣрѣ силъ, учрежденію и поддержанію больницъ и пріютовъ для неимущихъ, для сиротъ и для людей въ преклонной старости, покинутыхъ, безпомощныхъ и безсильныхъ. Не останавливайтесь въ этомъ отношеніи предъ матеріальными жертвами, не задумывайтесь отказываться отъ роскошнаго и ненужнаго. Если нѣтъ собственныхъ средствъ для помощи, просите кротко, но настойчиво у тѣхъ, у кого они есть. Не смущайтесь пустыми условіями и суетными правилами свѣтской жизни. Пусть требованіе блага ближняго одно направляетъ ваши шаги! Не бойтесь возможности уничиженія, не пугайтесь отказа... *Торопитесь дѣлать добро!* Умѣйте прощать, желайте примиренія, побѣждайте зло добромъ. Не стѣсняйтесь малымъ размѣромъ помощи, которую вы можете оказать въ томъ или другомъ случаѣ. Пусть она выразится подачею стакана свѣжей воды, дружескимъ привѣтомъ, словомъ утѣшенія, сочувствія, состраданія,—и то хорошо... Старайтесь поднять упавшаго, смягчить озлобленнаго, исправить нравственно-разрушенное». Подкрѣпляя эти, разсыпанныя по всей книгѣ, наставленія житейскими примѣрами и ссылками на слова Христа, Гаазъ не можетъ отрѣшиться отъ глубокой вѣры въ хорошіе задатки нравственной природы человѣка. «Любовь и состраданіе живутъ въ сердцѣ каждаго! — восклицаетъ онъ: — зло есть результатъ лишь ослѣпленія. Я не хочу, я не могу вѣрить, чтобы можно сознательно и хладнокровно причинять людямъ терзанія, заставляющія иногда пережить тысячу смертей до наступленія настоящей... «Не вѣдаютъ что̀ творятъ» — святыя и трогательныя слова, смягчающія вину однихъ, несущія утѣшеніе другимъ. Вотъ почему надо быть прежде всего снисходительнымъ... Способность къ такому снисхожденію не есть какая-либо добродѣтель, это—простая справедливость!» Во имя этой же справедливости онъ многократно возвращается къ вопросу объ отношеніяхъ хозяевъ и гос-

подъ къ тѣмъ, «кто у нихъ служитъ или отъ нихъ зависитъ», ссылаясь на посланіе ап. Павла къ Тимофею (I. V. 8). «Доказывайте словомъ и дѣломъ ваше расположеніе къ нимъ.—говоритъ онъ,—не отдавайте ихъ во власть или подъ надзоръ людей недостойныхъ, воспретите себѣ и всѣмъ въ домѣ вашемъ брань на служащихъ и презрительное отношеніе къ нимъ, читайте и разъясняйте имъ нравоучительныя книги, охраняйте нравственность ихъ, покровительствуйте ихъ браку, и пусть день воскресный будетъ посвящаемъ уже не вамъ, а Богу»...

Проповѣдь любви, уваженія къ человѣческому достоинству и серьезнаго отношенія къ жизни разлита по всей книгѣ, написанной сильнымъ, энергическимъ языкомъ, съ горячими и глубоко прочувствованными обращеніями къ читателю. Авторъ отразился въ ней, какъ въ зеркалѣ, и то, что сказано имъ по *смерти,* только освѣщаетъ и подкрѣпляетъ то, что дѣлалъ онъ при *жизни.* Этимъ полнымъ, гармоническимъ согласіемъ слова и дѣла,—при чемъ слово пришло послѣ дѣла и лишь завершило его,—этимъ сочетаніемъ, столь рѣдкимъ въ дѣйствительности, такъ ярко характеризуется Гаазъ! Онъ умеръ съ твердой вѣрою «въ міръ иной и въ жизнь другую» и могъ, съ полнымъ правомъ, повторить слова Руссо: «пусть прозвучитъ труба послѣдняго суда, я предстану съ этой книгою предъ Верховнаго Судію и скажу: вотъ что я дѣлалъ, что я думалъ и чѣмъ былъ!»

XIV.

Кончина Ѳедора Петровича и его внушительныя похороны произвели большое впечатлѣніе въ Москвѣ. Явились теплые некрологи, болѣе, впрочемъ, богатые фразами, чѣмъ фактами; было собрано чрезвычайное засѣданіе тюремнаго комитета, въ которомъ вице-президентъ, гражданскій губернаторъ Капнистъ, произнесъ рѣчь по поводу постигшей комитетъ утраты. «Убѣжденія и усилія Ѳедора Петровича,—сказалъ онъ, между прочимъ,—доходили часто до фанатизма, если такъ можно назвать благородныя его увлеченія; но это былъ фанатизмъ добра, фанатизмъ сострадація къ страждущимъ, фанатизмъ благотворенія — этого благороднаго чувства, облагораживающаго природу человѣка»... Между сослуживцами Гааза была открыта подписка на образованіе капитала для выдачи, въ день кончины Ѳедора Петровича, процентовъ съ него бѣднымъ семействамъ арестантовъ; рѣшено было для этой же цѣли отчислить изъ суммъ комитета 1,000 руб. Это рѣшеніе было ут-

верждено президентомъ попечительнаго общества, графомъ Орловымъ, изъявившимъ комитету свою благодарность за чувства, выраженныя имъ о христіанской дѣятельности покойнаго Гааза.

Наконецъ, въ «Москвитянинѣ» 1853 г. было напечатано стихотвореніе С. П. Шевырева «На могилу Ѳ. П. Гааза», помѣченное 19 августа.

«Въ темницѣ былъ—и посѣтили»—
Слова любви, слова Христа
Отъ лѣтъ невинныхъ намъ вложили
Души наставника въ уста.
Блаженъ, кто, твердый, снесъ въ могилу
Святого разума ихъ силу,
И, сердце теплое свое
Открывъ Спасителя ученью,
Все—состраданьемъ къ преступленью
Наполнилъ жизни бытіе!

Вскорѣ, однако, за этимъ подъемомъ чувства наступили обычныя у насъ равнодушіе и забвеніе, и память «фанатика добра» стала блекнуть и исчезать. Никто своевременно не собралъ любящею рукою живыхъ воспоминаній о немъ, и объемъ ихъ сталъ съ каждымъ годомъ, съ каждою смертью людей, знавшихъ его, съуживаться. Не нашлось никого, кто бы тотчасъ, подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ, съ умиленіемъ предъ личностью «утрированнаго филантропа», набросалъ дрожащею отъ душевнаго порыва рукою его «житіе». *Знавшіе* его замкнулись въ область личныхъ воспоминаній и не почувствовали потребности повѣдать *не знавшимъ* о томъ, что такое былъ Гаазъ. Только Евгенія Туръ, чрезъ девять лѣтъ послѣ его смерти, въ нѣсколькихъ прочувствованныхъ словахъ помянула «Божія человѣка, который ждетъ своего біографа», — да, по прошествіи еще шести лѣтъ, П. А. Лебедевъ, въ довольно большомъ очеркѣ, обрисовалъ главныя черты тюремно-врачебной дѣятельности Ѳедора Петровича. Но и эти напоминанія прошли, повидимому, безслѣдно, ибо до послѣдняго времени въ нашемъ обществѣ имя Гааза звучало какъ нѣчто совершенно незнакомое, чуждое и не вызывающее никакихъ представленій. Даже среди образованныхъ людей, соприкасающихся съ тюремнымъ и судебнымъ дѣломъ, даже среди врачей, которымъ слѣдовало бы съ чувствомъ справедливой гордости помнить о главномъ врачѣ московскихъ тюремъ, имя его вызывало недоумѣвающій вопросъ: «Гаазъ?—кто такой Гаазъ?—что такое Гаазъ?»

Таково, впрочемъ, свойство нашего образованнаго общества, нашей такъ-называемой «интеллигенціи». Мы мало умѣемъ поддерживать сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ немногихъ дѣйстви-

тельно замѣчательныхъ дѣятелей, на которыхъ такъ скупа наша судьба. Мы смотримъ обыкновенно на ихъ усилія, трудъ и самоотверженіе съ безучастнымъ и лѣнивымъ любопытствомъ, «съ зловѣщимъ тактомъ—какъ выразился Некрасовъ,—сторожа̀ ихъ неудачу». Но когда такой человѣкъ внезапно сойдетъ со сцены, въ насъ вдругъ пробуждается чувствительность, очнувшаяся память ясно рисуетъ и пользу, принесенную усопшимъ, и его душевную красоту,—мы плачемъ поспѣшными, хотя и запоздалыми слезами, въ безплодномъ усердіи несемъ ненужные вѣнки... Каждое слово наше проникнуто чувствомъ нравственной осиротѣлости. Однако, все это скоро, очень скоро проходитъ. Скорбь наша менѣе долговѣчна, чѣмъ башмаки матери Гамлета. На смѣну ей являются равнодушіе и, потомъ, забвеніе. Чрезъ годъ—другой, горячо оплаканный дѣятель забытъ, забытъ совершенно и прочно, и лишь въ немногія молчаливыя сердца память о немъ, «какъ нищій въ дверь — стучится боязливо». Затѣмъ и обладатели этихъ сердецъ уходятъ, и имя, которое должно бы служить ободряющимъ и поучительнымъ примѣромъ для каждаго новаго поколѣнія, уже произносится съ вопросительнымъ недоумѣніемъ: «какъ? кто это такой?» У насъ нѣтъ вчерашняго дня. Оттого и нашъ завтрашній день всегда такъ туманенъ и тусклъ. Поэтому и смерть выдающагося общественнаго и государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокіе брызги воды, широкіе, волнующіеся круги... а затѣмъ все сомкнулось, слилось въ одну безформенную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которою все скрыто, все забыто...

Но если, вѣрное себѣ, наше общество не сохранило памяти о Гаазѣ, «темные люди», бѣдняки и даже отверженцы общества поступили иначе. Они не забыли. Простой народъ въ Москвѣ до сихъ поръ называетъ бывшую полицейскую больницу — «газовскою». Арестантъ, отправляемый по этапу, знаетъ, что надѣтые на него облегченные кандалы зовутъ «газовскими», да въ отдаленномъ нерчинскомъ острогѣ, по свидѣтельству И. А. Арсеньева, теплится лампада предъ иконою св. Ѳедора Тирона, сооруженною заключенными на свои скудные заработки по полученіи вѣсти о смерти «святого доктора»...

Не забытъ Гаазъ и въ тѣсной средѣ врачей «газовской», нынѣ Александровской больницы. На средства, въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей, собранныя однимъ изъ преемниковъ его, докторомъ Шайкевичемъ, содержится въ ней кроватъ «имени Ѳ. П. Гааза», а бюстъ «утрированнаго филантропа» напоминаетъ о томъ, кому больница обязана своимъ существованіемъ. Будемъ, однако,

надѣяться, что память о Өедорѣ Петровичѣ Гаазѣ не окончательно умретъ и въ широкомъ кругѣ образованнаго общества. Память о людяхъ, подобныхъ ему, должна быть поддерживаема, какъ свѣтильникъ, льющій кроткій, примирительный свѣтъ. Въ этой памяти—единственная награда безкорыстнаго, святого труда такихъ людей, въ ея живучести—утѣшеніе для тѣхъ, на кого могутъ нападать минуты малодушнаго невѣрія въ возможность и осуществимость добра и справедливости на землѣ. Люди, подобные Гаазу, должны быть близки и дороги обществу, если оно не хочетъ совершенно погрязнуть въ низменной суетѣ эгоистическихъ расчетовъ. На одной изъ могилъ, окружающихъ крестъ надъ прахомъ Ө. П. Гааза, есть надпись: «Wer im Gedächtniss seinen Lieben lebt — ist ja nicht todt, er ist nur fern! — Todt ist nur der—der vergessen wird»... Хочется думать, что великодушному и чистому старику не будетъ дано умереть совсѣмъ, что его нравственный образъ не потускнѣетъ, что физическая смерть лишь удалила его, но не умертвила памяти о немъ.

Въ заключеніе нельзя не остановиться еще на одной поучительной сторонѣ жизни Өедора Петровича. У насъ встрѣчается, хотя и рѣдко высказываемое прямо, но раздѣляемое очень многими, убѣжденіе, что между созданіями художественнаго творчества и дѣйствительностью существуетъ рѣзкое и непримиримое различіе. Книга, говорятъ приверженцы этого взгляда, содержитъ обыкновенно вымыселъ, не находящій себѣ подтвержденія въ *настоящей* жизни и очень часто сурово опровергаемый ею. Поэтому, книга и жизнь — двѣ совершенно разныя вещи, — и горе тому идеалисту, который вздумаетъ жить по внушеніямъ книги! Надъ книжнымъ вымысломъ можно, пожалуй, поплакать праздными слезами, можно восторгаться имъ, задумываться надъ нимъ, уносясь отъ грѣшной земли въ сочиненныя поэтами сферы отвлеченныхъ чувствъ, но жизнь гораздо проще, грубѣе и зауряднѣе. Въ ней нѣтъ матеріала для подъема духа, все въ ней принаровлено къ потребностямъ средняго человѣка и вся задача ея состоитъ въ отысканіи и примѣненіи способовъ для практическаго удовлетворенія этимъ потребностямъ. Поэтому, отчего не восхититься поэтическимъ образомъ, не воспылать мимолетнымъ негодованіемъ, не умилиться надъ хорошею книгою. Все это очень даже умѣстно, но... только покуда читается книга. А разъ она отложена въ сторону, начинается пѣсня «изъ другой оперы», и снова наступаетъ *настоящая* жизнь, низменная, практическая, эгоистическая, въ которой господствуетъ знаменитая апокрифическая *одиннадцатая* запо-

вѣдь: «не зѣвай!» Однимъ словомъ—книга сама по себѣ, жизнь—сама по себѣ...

Все это, однако, невѣрно. Между творческимъ созданіемъ и явленіями дѣйствительной жизни очень много общаго. Каждый пастырь церкви, достойный своего сана, — каждый внимательный и развитый врачъ, — каждый вдумчивый судья — безъ сомнѣнія знаетъ, что жизнь въ своихъ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ являетъ такія драмы, завязываетъ такіе гордіевы узлы, предъ которыми блѣднѣетъ иной смѣлый вымыселъ. Они знаютъ также, что въ ней встрѣчаются страницы, исполненныя истинной поэзіи и явнаго присутствія высшихъ проявленій человѣческаго духа,—страницы, подъ которыми подписался бы съ готовностью любой художникъ. Знающіе дѣйствительность не съ одной чувственно-своекорыстной стороны должны указывать молодому поколѣнію, что книга жизни заключаетъ въ себѣ, только въ другихъ сочетаніяхъ, то же самое, что и книга, составляющая плодъ художественнаго творчества,—что обѣ одинаково даютъ матеріалъ и для сладкихъ слезъ, и для горькихъ сомнѣній, и для возвышающихъ душу порывовъ, и для будящихъ совѣсть тревогъ и откровеній.

Кто изъ читавшихъ знаменитый романъ Виктора Гюго: «Les misérables», не помнитъ трогательнаго разсказа объ епископѣ Миріелѣ, пріютившимъ и обогрѣвшемъ у себя отбывшаго каторгу Жана Вальжана, котораго отовсюду гонятъ съ его «волчьимъ паспортомъ»? Переночевавъ, послѣдній потихоньку уходитъ и, искушенный видомъ серебряныхъ ложекъ, поданныхъ наканунѣ къ ужину, похищаетъ ихъ. Его встрѣчаютъ жандармы, заподозриваютъ и приводятъ съ поличнымъ къ епископу,—но, движимый глубокимъ милосердіемъ, Миріель привѣтливо идетъ къ нему навстрѣчу и съ ласковой улыбкою спрашиваетъ: «отчего же, другъ мой, вы не взяли и серебряныхъ подсвѣчниковъ, которые я вамъ тоже подарилъ?» Толчокъ для нравственнаго перерожденія данъ, и Вальжанъ, духовно поднятый и просвѣтленный, вступаетъ въ новую жизнь... Таковъ поэтическій вымыселъ, созданный талантомъ и глубокимъ чувствомъ французскаго поэта... Но вотъ что, по словамъ двухъ современниковъ Гааза, случилось въ сороковыхъ годахъ, лѣтъ за двадцать до появленія въ свѣтъ «Les misérables», въ Москвѣ, въ Маломъ Казенномъ переулкѣ. Одинъ изъ пришедшихъ къ Гаазу, въ числѣ бѣдныхъ больныхъ, укралъ у него со стола часы, но былъ захваченъ съ поличнымъ, не успѣвъ выйти за ворота. Ѳедоръ Петровичъ, запретивъ посылать за полиціею, позвалъ похитителя къ себѣ, долго съ нимъ бесѣдовалъ о его поступкѣ, совѣтовалъ лучше обращаться къ добрымъ людямъ

за помощью и въ заключеніе, взявъ съ него честное слово не воровать болѣе, отдалъ ему, къ великому негодованію своей домовитой и аккуратной сестры, свои наличныя деньги и съ теплыми пожеланіями отпустилъ его.

Многіе, конечно, знаютъ трогательную католическую легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ, мастерски разсказанную Флоберомъ, и переведенную на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ. Она оканчивается разсказомъ о томъ, какъ Юліанъ приводитъ въ свой лѣсной шалашъ невѣдомаго ему путника, покрытаго отвратительною проказою. Худыя плечи, грудь и руки путника исчезаютъ подъ чешуйками гноевыхъ прыщей, и изъ зіяющаго, какъ у скелета, носа и синеватыхъ губъ его отдѣляется зловонное и густое какъ туманъ дыханіе. Юліанъ утоляетъ его голодъ и жажду, послѣ чего столъ, ковшъ и ручка ножа покрываются подозрительными пятнами,—старается согрѣть его у костра. Но прокаженный угасающимъ голосомъ шепчетъ: «на твою постель!» и требуетъ, затѣмъ, чтобы Юліанъ легъ возлѣ него, а потомъ—чтобы онъ раздѣлся и грѣлъ его теплотою своего тѣла. Юліанъ исполняетъ все. Прокаженный задыхается; «я умираю! — восклицаетъ онъ, — обними меня, отогрѣй всѣмъ существомъ твоимъ!» Юліанъ обнимаетъ его, цѣлуетъ въ смердящія уста... «Тогда,—повѣтствуетъ Флоберъ,— прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ — и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись какъ солнечные лучи, дыханіе его стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы; изъ очага поднялось облачко ладона, и волны близкой рѣки запѣли дивную пѣснь. Неизъяснимый восторгъ, нечеловѣческая радость затопили душу обомлѣвшаго Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросталъ, выросталъ... Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, уносившимъ его въ небо»...

Это — легенда, это — трогательный поэтическій вымыселъ на религіозной подкладкѣ. А вотъ дѣйствительность... Директоръ госпитальной клиники московскаго университета, профессоръ Новацкій, писалъ намъ 19 іюня 1891 года, о Ѳ. П. Гаазѣ: «Я принадлежу Москвѣ съ 1848 года. Во время моего студенчества я не имѣлъ чести не только знать, но и видѣть Ѳедора Петровича, а годъ моего поступленія на службу въ одну изъ клиникъ московскаго университета—1853 г.—былъ, кажется, годомъ его смерти. Правда, въ это короткое время мнѣ, какъ дежурному по клиникѣ ассистенту, пришлось принять одинъ разъ въ Екатерининской больницѣ, гдѣ клиники находились, — Ѳедора Петровича и пред-

ставить ему поступившую туда чрезвычайно интересную больную—крестьянскую дѣвочку. Одиннадцати-лѣтняя мученица эта поражена была на лицѣ рѣдкимъ и жестокимъ болѣзненнымъ процессомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *водяного рака* (Noma), который въ теченіе 4—5 дней уничтожилъ цѣлую половину ея лица, вмѣстѣ со скелетомъ носа и однимъ глазомъ. Кромѣ быстроты теченія и жестокости испытываемыхъ дѣвочкою болей, случай этотъ отличался еще тѣмъ, что разрушенныя омертвѣніемъ ткани, разлагаясь, распространяли такое зловоніе, подобнаго которому я не обонялъ затѣмъ въ теченіе моей почти 40-лѣтней врачебной дѣятельности. Ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной дѣвочкѣ *и нѣжно любившая ее мать*, не могли долго оставаться не только у постели, но даже въ комнатѣ, гдѣ лежала несчастная страдалица. Одинъ Ѳедоръ Петровичъ, приведенный мною къ больной дѣвочкѣ, пробылъ при ней болѣе трехъ часовъ сряду и притомъ сидя на ея кровати, обнимая ее, цѣлуя и благословляя. Такія посѣщенія повторялись и въ слѣдующіе два дня, а на третій—дѣвочка скончалась»...

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

(1903 г.).

Квакеры въ Москвѣ.—Лазареты и этапъ.—Союзники и послѣдователи Гааза.—Крѣпостное право.—Къ характеристикѣ Гааза.

Квакеры въ Москвѣ.

Однимъ изъ выдающихся эпизодовъ пребыванія императора Александра I въ Лондонѣ, въ 1814 году, было знакомство его съ квакерами: французомъ Грелле де-Мобилье и англичаниномъ Алленомъ. Связанные общностью взглядовъ и исповѣдуемаго ученія, строгіе и вмѣстѣ трогательные въ своей простотѣ и правдивости—«друзья» были замѣчательными людьми. Первый, по выраженію А. Н. Пыпина, былъ «настоящимъ странствующимъ рыцаремъ религіозной проповѣди и филантропическаго самоотверженія»,—за второго говоритъ уже то, что онъ былъ помощникомъ и товарищемъ Роберта Оуэна въ основанной на довѣріи къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы организаціи знаменитой нью-ланаркской колоніи. Квакеры нерѣдко искали свиданій съ монархами, стараясь найти болѣе надежный путь къ осуществленію «на землѣ міра и въ человѣцѣхъ благоволенія». Они видѣлись съ Петромъ Великимъ, въ которомъ, по выраженію историка квакерства Кеннингема, «высочайшій геній привился удивительнымъ образомъ къ самому дикому корню»,—но не понравилось ему тѣмъ, что по своимъ правиламъ, не обнажили предъ нимъ

головы и даже вызвали въ немъ сомнѣніе — не іезуиты ли они? Грелле и Алленъ желали изложить свои мечты о мирѣ побѣдителямъ Наполеона. Встрѣченные категорическимъ заявленіемъ прусскаго короля, что лучшее средство для достиженія мира есть война,—«друзья» нашли гораздо болѣе теплый и внимательный пріемъ у русскаго императора. Онъ бесѣдовалъ съ ними о религіозныхъ вопросахъ, о «внутреннемъ богомысліи» и о желательности прекратить войну. Со свойственной квакерамъ искренностью, Грелле говорилъ ему о чрезвычайной отвѣтственности предъ Богомъ неограниченнаго монарха огромной страны—и вызвалъ этимъ слезы у Александра, который, взявъ обѣими руками его руку, сказалъ ему въ отвѣтъ: «Эти слова ваши надолго останутся въ моемъ сердцѣ».

Приглашенные посѣтить Россію и явиться прямо къ императору, какъ къ «другу и брату»—Алленъ и Грелле пріѣхали въ Петербургъ въ ноябрѣ 1818 г. Наивно и довѣрчиво очарованные «открытымъ сердцемъ» министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына, они были дважды приняты императоромъ. Онъ много говорилъ съ ними о религіозно-нравственномъ воспитаніи, обѣщалъ, что видѣнные ими въ русскихъ тюрьмахъ безпорядки и жестокости *не повторятся* болѣе, стоялъ съ ними на колѣняхъ во время молчаливой молитвы, отпустилъ ихъ со слезами и объятіями и даже, если вѣрить Кеннингему, поцѣловалъ у Аллена руку.

Свиданіе это отразилось, какъ и слѣдовало ожидать, на пріемѣ, оказанномъ имъ въ Москвѣ, которому предшествовала особая рекомендація ихъ московскому военному генералъ-губернатору графу Тормасову († 13 ноября 1819) со стороны министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Такія рекомендаціи обыкновенно предшествовали появленію въ Москвѣ лицъ, которыхъ принято называть «étrangers de distinction». Такъ, еще въ 1803 г. московскій оберъ-полиціймейстеръ, бригадиръ Спиридовъ, писалъ завѣдывавшему дворцами въ Москвѣ, Кожину, что «его сіятельство начальствующій въ Москвѣ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ предписать мнѣ изволилъ, чтобъ прибывшему въ сію столицу изъ Америки г-ну Шмиту по знаніямъ и отличностямъ своимъ удостоеннаго благосклоннѣйшаго пріема отъ всего высочайшаго двора, въ бытность его здѣсь оказывать нужное споспешествованіе, что вояжиру сему въ видѣ выгодъ или удовлетворенія любопытству его полезно быть можетъ», и потому «за долгъ себѣ поставлялъ просить сему вояжиру показать редкости оружейной палаты», обѣщая «когда онъ расположенъ будетъ для смотрѣнія, о томъ наканунѣ чрезъ нарочно по-

сланнаго не преминуть известить».—«По качествамъ своимъ,—писалъ въ 1819 году кн. А. Н. Голицынъ Тормасову,—г.г. Алленъ и Греллетъ, лично извѣстные Государю Императору, суть весьма почтенныя особы и по благотворнымъ предпріятіямъ повсюду уважаемые». Со своей стороны, Тормасовъ, предписывая оберъ-полиціймейстеру Шульгину оказывать прибывшимъ квакерамъ всякое содѣйствіе, озаботился устранить могущія возникнуть при встрѣчѣ ихъ съ «начальствомъ» недоразумѣнія и ихъ возможныя непріятныя и едва ли привычныя, для «уважаемыхъ по своимъ предпріятіямъ особъ» послѣдствія. «За нужное считаю дать Вамъ знать,—разъяснялъ онъ Шульгину,—что по обыкновенію, въ обществѣ квакеровъ принятому, члены этого общества не снимаютъ ни въ какомъ мѣстѣ и ни предъ кѣмъ шляпъ, кромѣ того, когда сами заблагоразсудятъ,—о семъ обычаѣ ихъ нужно напередъ давать знать во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, кои они посѣщать будутъ»...

Квакеры проявили въ Москвѣ чрезвычайную дѣятельность. По ежедневнымъ рапортамъ полиціймейстера Ровинскаго и по донесеніямъ частныхъ приставовъ, можно прослѣдить ихъ пребываніе въ Москвѣ въ теченіе мѣсяца день за днемъ. Своего рода почтительный присмотръ, подъ которымъ они находились, даетъ возможность узнать не только, гдѣ они побывали, что̀ покупали и кто бывалъ у нихъ, но и нѣкоторыя мелкія подробности ихъ жизни въ Москвѣ. Такъ, мы узнаемъ, что 30 марта Д. Н. Лопухина, училище которой они посѣтили, подарила одному изъ нихъ вышитый мѣшочекъ для часовъ, другому — шитый коврикъ по канвѣ, а гражданскому губернатору—шнурочекъ для часовъ. Почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, квакеры приступили къ интересующимъ ихъ осмотрамъ, такъ что предписаніе Тормасова, отъ 18 марта, еще, вѣроятно, не успѣло обычнымъ порядкомъ дойти до Шульгина, когда въ часъ дня, 18-го же марта, они уже прибыли въ губернскій тюремный замокъ, а затѣмъ посѣтили Сущевскую, Мѣщанскую и Срѣтенскую части, а на другой день были еще въ четырнадцати частяхъ (всѣхъ частей въ Москвѣ было двадцать) и въ арестантскомъ помѣщенія при управѣ благочинія. Благодаря такой недремлющей любознательности, имъ удалось увидѣть арестантскія помѣщенія Москвы въ *ихъ настоящемъ видѣ*, о чемъ они сами, судя по рапорту Ровинскаго отъ 26 марта, засвидѣтельствовали, посѣтивъ Екатерининскій и Александровскій институты и Маріинскую больницу, и «оставшись довольны чистотою, но только сказавъ, что имъ бы желалось, чтобы они вездѣ могли такъ быть, какъ осматривали полицію, — *въ какомъ видѣ*

есть, а не такъ, какъ въ прочихъ, вездѣ ихъ ожидаютъ и къ ихъ осмотру приготовляются».

Поэтому, донесенія приставовъ и рапорты Ровинскаго о томъ, что̀ нашли и что̀ сказали въ тюремныхъ помѣщеніяхъ «американскіе вояжиры», какъ ихъ называлъ рогожскій частный приставъ—могутъ считаться цѣннымъ свидѣтельствомъ о состояніи этихъ помѣщеній—и свидѣтельствомъ притомъ достовѣрнымъ, хотя, вѣроятно, даннымъ неохотно. Недаромъ Ровинскій отмѣчаетъ, что американскіе *чиновники* (sic!) все записывали «по-англински» въ записную книжку. Оказывается, что квакеровъ, прежде всего поразило содержаніе въ одномъ общемъ помѣщеніи мужчинъ и женщинъ. Такъ, при осмотрѣ «сибирокъ», при Мѣщанской и Срѣтенской частяхъ — имъ *не понравилось*, что мужчины и женщины сидятъ вмѣстѣ; при посѣщеніи сибирокъ въ Тверской части они указали на необходимость запирать дверь изъ мужской въ женскую сибирку, а содержаніе въ Рогожской сибиркѣ трехъ женщинъ вмѣстѣ съ шестнадцатью мужчинами нашли *непристойнымъ* и, наконецъ, выразили *неудовольствіе*, найдя въ Хамовнической части спящую женщину и съ нею одного арестанта. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ поразила грязь во многихъ помѣщеніяхъ, отсутствіе необходимѣйшихъ приспособленій для отдыха и для сна и полное отсутствіе заботы о чистомъ воздухѣ. Такъ, напримѣръ, про Яузскую часть Ровинскій пишетъ: «оная имъ *показалась*; только сибирка очень мала и тѣмъ недовольны, что воздухъ въ оную *ни откуда не проходитъ* и нѣтъ въ оной наръ». Впрочемъ, нечистота, повидимому, была обычнымъ явленіемъ въ тогдашней Москвѣ. Въ военно-сиротскомъ отдѣленіи квакеры были довольны обученію дѣтей, но были изумлены нечистотою, о степени которой можно судить уже потому, что они отдавали въ этомъ отношеніи громадное преимущество даже губернскому тюремному замку, съ его неподвижными нарами, парашами и т. п. Точно также нашли они большую нечистоту въ содержаніи и помѣщеніи воспитанниковъ въ гимназіи Ланга на Кисловкѣ.

Въ лаконическихъ рапортахъ Ровинскаго есть одна характерная для него лично черта. Тогдашній московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ, былъ, по отзыву графа Н. Н. Муравьева-Карскаго, «человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, большой крикунъ, хлопотунъ, любившій разсказывать о своихъ подвигахъ, тушить пожары и иногда своеручно поколотить»...

Нѣкоторые оффиціальные документы средины двадцатыхъ годовъ подтверждаютъ эту характеристику Шульгина, рисуя взгляды

и натянутыя отношенія съ русскимъ правописаніемъ этого типическаго представителя администраціи того времени. Такъ имѣется его собственноручное утвержденіе на объявленіи «Кабинета восковыхъ фигуръ господина Серазини въ двухъ исторіяхъ», причемъ во второй «исторіи» (римской) значатся слѣдующіе пункты, касающіеся Лукреціи и Тарквинія: 1) Люгриссія Римская и Императоръ Тарквиніо хотѣлъ влюбится въ Люгриссію насильно; такъ она не захотѣла его любить и ударила себя въ грудь кинжаломъ», и 4) «первый сенаторъ римской Кулятино узналъ, что Люгриссія закололася, такъ онъ разсердился на Тарквиніо и хочетъ на него итти сраженіемъ, что онъ худо здѣлалъ».

Впрочемъ, нѣкоторыя его соображенія бывали хотя и «недальны», но своеобразны. Такъ напр., на отношеніи директора театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, о содѣйствіи къ раздачѣ билетовъ на концертъ въ пользу инвалидовъ, онъ написалъ 15 марта 1823 г.: «Отвѣчать повѣстить полиція можетъ а къ продажѣ билетовъ приступить не можетъ! Нейдіотъ ей онымъ занятся. Просить и потвердить обыватѣлямъ что с моей стороны возможно будетъ употреблю стараніе».—22 августа того же года, онъ пишетъ московскому генералъ-губернатору на предписаніе съ препровожденіемъ прошенія мѣщанина Аверкіева о дозволеніи ему построить амфитеатръ для травли звѣрей близь Калужской заставы:—«честь имѣю донести, что какъ таковое заведеніе уже существуетъ за Тверскою заставою, то устраивать другое щитаю я излишнимъ; ибо вопервыхъ: занятье сего рода не представляетъ для глазъ благомыслящихъ людей пріятнаго зрѣлища и никакого не приноситъ удовольствія,—а вовторыхъ при бываемомъ въ таковыхъ случаяхъ стеченіи чернаго народа, пріобыкшаго большею частію смотрѣть съ хладнокровіемъ и даже съ восхищеніемъ на травлю звѣрей, долженъ имѣться неослабный надзоръ, чтобъ не произошло чего-либо непріятнаго отъ случающаго обыкновенно при семъ зрѣлищѣ народа пьянаго. По симъ обстоятельствамъ я полагаю достаточнымъ одного Амфитеатра, нынѣ за Тверскою заставою существующаго, гдѣ безъ того требуется уже неослабное наблюденіе за порядкомъ. Аверкіевъ же единственно имѣетъ въ предметѣ то, чтобъ воспользоваться выгодою для себя устроивъ таковое заведеніе, которое впрочемъ не приноситъ никакой пользы».

Отдалъ Шульгинъ свою дань и заботамъ о «благопристойной наружности» обывателей, рекомендуя, въ іюнѣ того же года, полицеймейстеру Обрезкову сдѣлать распоряженіе объ объявленіи «всѣмъ неслужащимъ чиновникамъ, но и служащимъ по Статской службѣ, въ особенности же *молодымъ вертопрахамъ* изъ купече-

скаго и мѣщанскаго сословія, чтобы они усовъ отнюдь не носили, тѣмъ же изъ нихъ кто оныя имѣютъ приказать выбрить подтвердивъ имъ притомъ что если кто послѣ сего замѣченъ будетъ въ Усахъ то полиція заставитъ непослушнаго оныя сбрить противъ его желанія».

Допуская въ полицейскихъ арестантскихъ помѣщеніяхъ всяческую гигіеническую и моральную «непристойность», Шульгинъ съ горячею любовью относился къ устройству пожарной части въ Москвѣ, къ развитію, въ отношеніи дѣятельности пожарной команды, въ чинахъ полиціи особой распорядительности и вниманія. Повидимому, эта сторона при его предшественникахъ была въ небреженіи, такъ какъ еще въ концѣ XVIII вѣка московскій главнокомандующій, князь Прозоровскій, издалъ по полиціи дидактическій приказъ, въ которомъ, къ сожалѣнію своему, «примѣтить былъ долженъ, что не только офицеры, квартальные и помощники, но и частные нѣкоторые приставы, какъ скоро начальникъ отойдетъ, то оныя начнутъ разговаривать между собою, и люди стоя никто не работаетъ, тогда какъ уже довольно изъяснено что офицеръ и по одному благородному званію не тогда долженъ быть исправенъ, когда начальники видятъ, и въ то время кричатъ работай, послѣднѣе доказуетъ только *подлость духа*; но офицеръ для того здѣланъ, чтобъ онъ былъ гласъ начальства своего, и гдѣ онаго нѣтъ занималъ бы его мѣсто, а тѣмъ самымъ и достигать можно до вышнихъ мѣстъ, *благородство сопряжено быть должно съ амбиціею или честолюбіемъ,* которое повелѣваетъ, какую бъ на кого коммисію ни возложили, хотя бъ самую ничтожную, исполнить стараться лучше всѣхъ при таковой бывшихъ, и сей неложной заслуживаетъ званіе благороднаго человѣка, а противной тому онаго недостоинъ».

Недаромъ современная Шульгину лубочная картинка, съ подписью: «Действіе московской пожарной команды во время пожара», изображала его залихватски стоящимъ на своеобразныхъ дрожкахъ-калиберѣ, влекомыхъ несущеюся парою съ пристяжкою и сопровождаемыхъ казакомъ и жандармомъ. Подъ эту любовь поддѣлывался и полиціймейстеръ Ровинскій, а быть можетъ и искренно раздѣлялъ ее. Поэтому онъ не воздержался, чтобы не похвастать предъ квакерами пожарнымъ обозомъ и лошадьми, несмотря на то, что такое обозрѣніе не входило вовсе въ ихъ задачу и даже могло ихъ навести на нѣкоторые грустные сравнительные выводы. Въ первый же день осмотровъ—онъ завезъ ихъ въ пожарное депо, «гдѣ обозъ былъ заложенъ въ $3^1/_2$ минуты, что очень понравилось»; на слѣдующій день, въ Пречистенской

части имъ пришлось «смотрѣть, гдѣ стоятъ пожарныя лошади, а потомъ—гдѣ канцелярія». Въ тотъ же день, Ровинскій, очевидно не безъ досады, отмѣчаетъ: «гдѣ теперь пожарная команда въ Басманной части — не пожелали видѣть, а сибирка за *необширностью* имъ не понравилась»...

Свой взглядъ на «предметы, требующіе неукоснительнаго исправленія», Алленъ и Греллетъ, изложили въ запискѣ, представленной ими управляющему министерствомъ полиціи и касающейся арестантскихъ помѣщеній въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ и Твери. Вотъ эти «предметы»:

«1) Худое состояніе и слабость многихъ тюремъ, колодничьихъ и арестантскихъ, что заставляетъ тюремщиковъ на съѣзжихъ дворахъ употреблять рогатки и цѣпи, которыми многіе арестанты привязываются къ большимъ колодамъ; сверхъ того для лучшей безопасности часовые поставлены внутри арестантской и такимъ образомъ находятся между самыми развращенными людьми, между тѣмъ какъ за небольшія издержки сіи арестантскія могутъ быть сдѣланы безопаснѣе, и часовые, находясь внѣ оныхъ, не имѣли бы сообщенія съ арестантами.

2) Нераздѣленіе содержащихся по однимъ подозрѣніямъ, или за легкія вины, или такихъ, которые еще слишкомъ молоды, отъ закоренѣлыхъ преступниковъ.

3) Нераздѣленіе женщинъ отъ мущинъ, хотя жъ въ иныхъ съѣжихъ дворахъ женщины и отдѣлены отъ мущинъ, но часовые находятся съ ними здѣсь и ночь.

4) Многія изъ сихъ арестантскихъ слишкомъ малы, а въ нихъ содержатся множество арестантовъ.

5) Нечистота и дурной запахъ во многихъ арестантскихъ, коихъ стѣны, кажется, очень уже давно не были выбѣлены и кои во многихъ мѣстахъ покрыты клопами.

6) Худой порядокъ въ отхожихъ мѣстахъ, куда мущинъ и женщинъ водятъ солдаты.

7) Долговременное заключеніе арестантовъ до рѣшенія ихъ дѣла».

Записка квакеровъ была, между прочимъ, препровождена и къ графу Тормасову, который предписалъ Шульгину сдѣлать по указаніямъ квакеровъ «надлежащія распоряженія» и отъ себя прибавилъ о «взятіи строгихъ и точныхъ мѣръ, чтобы всѣ арестанты имѣли какое-либо занятіе или работу, и ни одинъ праздно не сидѣлъ». На отдѣленіе женщинъ отъ мужчинъ не было, однако, обращено особаго вниманія, и во многихъ мѣстахъ продолжался, какъ мы упомянемъ ниже, прежній порядокъ, несмотря на то, что

изъ Полнаго Собранія законовъ видно, что еще въ 1744 году св. Синодъ сообщалъ Сенату о дьяконовомъ сынѣ Марковѣ, который содержался въ Новгородѣ, скованный съ чужою женою по ногѣ, а его жена, въ другой камерѣ, была скована съ постороннимъ мужчиной—и что уже въ 1787 г., въ собственноручномъ проектѣ Екатерины II, въ пп. 4 и 22, проведено строгое раздѣленіе половъ и въ губернской тюрьмѣ признано необходимымъ устроить четыре казармы: для *шельмованныхъ,* для скованныхъ, для нешельмованныхъ и для нескованныхъ мужчинъ—и особую для *женщинъ.*

Какъ и слѣдовало ожидать, распоряженія эти были приняты въ значительной своей части лишь «къ свѣдѣнію»—и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ «къ исполненію». Вниманіе московской администраціи было обращено на другіе, болѣе важные, по ея мнѣнію, предметы. Тормасовъ вскорѣ умеръ, а Шульгинъ, находя, что посѣщеніе квакеровъ относится уже къ прошедшему, а возможность пожаровъ — къ настоящему, не очень торопился поставить заботу объ арестантскихъ помѣщеніяхъ на равную степень съ заботою о блестящемъ положеніи пожарнаго обоза. Это видно изъ того, что почти чрезъ десять лѣтъ. въ 1828 году, въ Москвѣ, княземъ Голицынымъ обнаружено совмѣстное содержаніе въ одномъ и томъ же арестантскомъ помѣщеніи—людей идущихъ въ ссылку съ больными заразными недугами и съ привезенными съ исполосованными спинами послѣ публичнаго тѣлеснаго наказанія,—а при полицейскихъ частяхъ найдены тѣсныя, темныя и загаженныя «секретныя», куда сажали арестантовъ на цѣлыя недѣли по три человѣка сразу. Это существовало и чрезъ тридцать лѣтъ послѣ посѣщенія Москвы «американскими вояжирами». Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Д. А. Ровинскій, сынъ полицейскаго Виргилія, водившаго нѣкогда иностранныхъ Дантовъ по «сибиркамъ», долженъ былъ, въ качествѣ губернскаго прокурора, энергически настаивать на уничтоженіи въ Басманной части семи подвальныхъ темницъ, называвшихся «могилами» и убивавшихъ зрѣніе людей, «числившихся за частнымъ приставомъ» — и на упраздненіи при другихъ частяхъ «клоповниковъ» со всѣми, вытекающими изъ ихъ названія, принадлежностями. Даже до шестидесятыхъ годовъ московскіе частные полицейскіе дома не гонялись за славою мало-мальски порядочныхъ арестантскихъ помѣщеній при своихъ «съѣзжихъ».

Едва ли въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, кромѣ, быть можетъ, Петербурга, указанія квакеровъ вызвали серьезныя и искреннія мѣры. Доказательствомъ тому, какъ далека была отъ своего практическаго осуществленія программа квакеровъ, основаніемъ

которой служила необходимость разъединенія арестантовъ, служать позднѣйшія законодательныя распоряженія по тюремной части. Такъ, лишь 4 октября 1826 года предписано отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ и малолѣтнихъ отъ взрослыхъ и лишь 18 ноября 1828 года установлено отдѣленіе подслѣдственныхъ арестантовъ отъ срочныхъ, при чемъ это распоряженіе такъ плохо соблюдалось, что его пришлось подтвердить въ 1832, въ 1845 и въ 1851 годахъ—и несмотря на это еще въ 1863 году владимірское губернское начальство указывало на вредныя послѣдствія отъ содержанія въ тюрьмахъ владимірской губерніи, въ одной камерѣ—грабителей, убійцъ и обыкновенныхъ воровъ,—подсудимыхъ и слѣдственныхъ вмѣстѣ. Такъ, болѣе чѣмъ чрезъ 45 лѣтъ послѣ отъѣзда гг. Аллена и Греллета изъ Россіи, въ 1863 г. бессарабскій губернаторъ доносилъ министерству внутреннихъ дѣлъ о тюрьмахъ ввѣренной его управленію области, что достаточно войти въ нихъ, чтобы придти въ ужасъ отъ сырости и гнилого воздуха, отъ полнѣйшей праздности арестантовъ, отъ совершеннаго отсутствія всего, чѣмъ только можетъ обусловливаться нравственное преобразованіе заключенныхъ, среди которыхъ хорошему человѣку достаточно пробыть три дня, чтобы окончательно испортиться, почему неудивительно, что острогъ у насъ называется «школою разврата», и, очевидно, ничѣмъ инымъ и быть не можетъ. Въ подобныхъ же отзывахъ губернаторовъ-вологодского и калужскаго—указывается на то, что неимѣніе арестантами никакихъ занятій вызываетъ такое растлѣніе тюремнаго населенія, что рѣдкій, попавшій въ тюрьму хотя бы и случайно, возвращается въ общество не вполнѣ развращеннымъ, ибо тюрьмы въ этихъ двухъ губерніяхъ сдѣлались не мѣстами исправленія, а разсадниками преступленій.

При такомъ положеніи вещей въ Европейской Россіи, трудно было ожидать чего-либо лучшаго въ лишенной постояннаго и дѣйствительнаго надзора странѣ, про которую одинъ изъ героевъ комедій Островскаго («Свои люди—сочтемся») говоритъ: «что Сибирь!.. *далеко* Сибирь!..» Достаточно, въ этомъ отношеніи, привести описаніе усть-карійской тюрьмы въ запискѣ, составленной въ 1874 году генералъ-адъютантомъ Посьетомъ, сопровождавшимъ въ путешествіи по Сибири великаго князя Алексѣя Александровича. «Въ камерахъ тюрьмы, въ которыхъ по обыкновенному казарменному распредѣленію было бы помѣщено человѣкъ двадцать пять, арестантовъ набито до восьмидесяти, и въ нѣкоторыхъ *женщины помѣщены вмѣстѣ съ мужчинами.* Сама тюрьма такъ ветха, что едва держится, и какъ въ ней, такъ и въ госпиталѣ, зимой, по свидѣтельству арестантовъ, которое не опровергалось ближай-

шимъ начальствомъ, часто бываетъ не больше 5° тепла. Госпиталь, въ полномъ смыслѣ, набитъ больными, почти исключительно цынготными; ихъ положено въ каждой палатѣ двойное и тройное число противъ числа, которое бы могло помѣститься. Больные лежатъ въ кроватяхъ и на полу, и для прохода по палатамъ оставлена только узкая дорожка между больными, почти сплошь покрывающими полъ госпиталя. Докторъ (единственный для трехъ пріисковъ, расположенныхъ на протяженіи двадцати пяти верстъ) самъ въ цынгѣ и ходитъ на костыляхъ». Переполненіе тюремъ на которое указывалъ адмиралъ Посьетъ, было явленіемъ всеобщимъ и, такъ сказать, органическимъ. Въ 1872 году, по переписи арестантовъ, произведенной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ Европейской Россіи и привислянскомъ краѣ оказалось 70.500 арестантовъ, на *семь тысячъ* больше, чѣмъ можетъ ихъ, согласно самому скупому разсчету, по кубическому количеству воздуха, помѣститься. Крайне осторожныя статистическія данныя того же министерства содержатъ указаніе на то, что въ шестидесятыхъ годахъ тюремныя помѣщенія составляли только около 22% дѣйствительной потребности, причемъ скученное населеніе *карательныхъ* тюремъ превышало размѣры помѣщеній на 37%.

Лазареты и этапъ.

Въ замѣчательномъ проектѣ, выработанномъ и собственноручно писанномъ Екатериною II, уже звучатъ, ясно и опредѣленно звуки того человѣколюбія, слѣдовъ, котораго не находили, однако, въ нашихъ тюрьмахъ ни квакеры, ни Венингъ, ни первые дѣятели попечительнаго о тюрьмахъ Общества, ни, въ особенности, докторъ Гаазъ, постоянно поставляемый горькою дѣйствительностью въ необходимость «вымаливать» у начальства лучшее обращеніе съ арестантами или грозить ему «ангеломъ Господнимъ, ведущимъ *свой* статейный списокъ»... «Съ тюремными вообще обходиться человѣколюбиво... Содержаніемъ да не отягчится судьба осужденнаго, но да устережется *во время покаянія* единственно отъ ухода и вреда...»—пишетъ великая государыня, разрѣшая даже «*вѣчнымъ* тюремнымъ (т. е. пожизненно заключеннымъ) получать *малыя выгоды,* отъ коихъ ни имъ, ни обществу вредъ учиниться не можетъ,—какъ-то: пользоваться вольнымъ воздухомъ внѣ горницы, читать книгу, упражняться въ рукодѣліи и т. п.»; предписывая въ то же время «горницы содержать въ чистотѣ—курить въ нихъ по два раза въ день и перемѣнять воздухъ»,

вводя въ присягу *тюремщика* обѣщаніе «поступать не сурово, а человѣколюбиво» и организуя на самыхъ широкихъ и гуманныхъ началахъ врачебную помощь арестантамъ.

Послѣднія «начертанія» императрицы Екатерины особенно цѣнны, въ виду того положенія, въ которомъ она застала обращеніе съ больными колодниками. Для примѣра достаточно указать на находящійся въ собраніи П. И. Щукина рапортъ 1776 года отъ воеводы Протасьева московскому губернатору Юшкову о томъ, что по секретному осмотру «сущеглупыхъ» (такъ, со времень Петра Великаго назывались сумасшедшіе) колодниковъ оказалось, между прочимъ, что «Иванъ Яковлевъ является въ несостояніи своего ума и говоритъ противъ Христа и закона крайне сумасбродно и развратно, такъ что и слышать непристойно и впредь къ исполненію ума своего не надеженъ,—и находится онъ... за карауломъ *въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ безъисходенъ*, а въ прочемъ, кромѣ божества, разговоровъ имѣетъ порядочно».—Несмотря на великодушныя *намѣренія* государыни, указывавшей, что, «буде кто изъ больныхъ явится въ прилипчивой болѣзни такового больного тотчасъ помѣстить особо, дабы не сдѣлать заразы,— смотрителю же тюремной больницы неутомимое имѣть попеченіе, чтобы въ тюремной больницѣ наблюдалась чистота и во всемъ порядокъ и чтобы больные въ пристойныхъ по болѣзнямъ ихъ мѣстахъ помѣщены были» (п.п. 93 и 98 проекта 1787 г.), положеніе тюремныхъ лазаретовъ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, было у насъ совершенно невозможное. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые.

Порядки, введенные Гаазомъ въ тюремныя больницы Москвы, были счастливымъ исключеніемъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ и упроченіемъ лишь ему лично. Внѣ Москвы и, вѣроятно, Петербурга дѣло призрѣнія и леченія больного тюремнаго населенія было поставлено чрезвычайно неудовлетворительно, несмотря на усиленную заболѣваемость и смертность этого именно населенія. Такъ изъ 600 тысячъ арестантовъ, прошедшихъ чрезъ русскія тюрьмы въ 1860—69 гг.,—не миновало больницъ около 152 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ умерло 17.400, такъ что число больныхъ составляло почти $^1/_4$ всѣхъ арестантовъ, а изъ *девяти* заболѣвашихъ умиралъ *одинъ*. Очевидно, что это, въ значительной степени, было послѣдствіемъ устройства больничной части въ тюрьмахъ. Само министерство внутреннихъ дѣлъ вынуждено было,

въ 1872 г., признать, что *больницы* въ большей части тюремъ найдены въ неудовлетворительномъ состояніи: бѣлье на постеляхъ—грязно, одѣяла—рваныя, халаты—пригнаны не въ мѣру; больные не размѣщаются по родамъ болѣзни; а медики столь рѣдко посѣщаютъ больницы, что безпечность ихъ въ этомъ отношеніи доходитъ, иногда, до безчеловѣчности.

Какъ далеко это краткое, но достаточно яркое описаніе отъ тѣхъ идеаловъ, которые преслѣдовалъ Гаазъ, и отъ тѣхъ завѣтовъ, которые онъ оставилъ въ своей «Инструкціи для тюремныхъ врачей», составленной въ 1836 году и вызвавшей жалобы въ московскій тюремный комитетъ на чрезвычайную обременительность разныхъ обязанностей, налагаемыхъ ею на тюремно-медицинскій персоналъ, причемъ указывалось, что подобнаго «неукоснительнаго», «прилежнаго» и «постояннаго» смотрѣнія за мельчайшими нуждами больныхъ не требуется даже и въ «градскихъ больницахъ, кои преподаютъ пользованіе отъ недуговъ людямъ *свободнаго состоянія,* а не *узникамъ*». Къ великому сожалѣнію—еще нѣсколько лѣтъ назадъ—газета «Владивостокъ», описывая неожиданное посѣщеніе прокуроромъ иркутской судебной палаты арестантской больницы на Сахалинѣ, дала картину, немногимъ разнящуюся отъ того, что нашелъ, почти тридцать лѣтъ назадъ, адмиралъ Посьетъ въ карійской тюрьмѣ. Спертый воздухъ, нечистоты въ помѣщеніяхъ, грязное бѣлье, женщины, больныя сифилисомъ въ заразномъ періодѣ, содержащіяся вмѣстѣ съ женщинами, имѣвшими горе заболѣть обыкновенными женскими болѣзнями, и цѣлою группою дѣтей, и т. д.—таковы характерныя черты мѣстной больничной обстановки, къ сожалѣнію, подтверждаемыя, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ мрачныхъ подробностей, статьею служившаго на Сахалинѣ доктора Поддубскаго, напечатанной во «Врачебной Газетѣ» за 1901 годъ. Все, однако, на свѣтѣ относительно,—и печальное зрѣлище, представляемое такою тюрьмою, можетъ быть сочтено радужною картиною, если прочесть сдѣланное докторомъ Якобіемъ, въ его замѣчательной книгѣ: «Основы административной психіатріи», описаніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ психіатрическихъ больницъ, отданныхъ на произволъ жестокому невниманію и холодному забвенію долга,—одно посѣщеніе которыхъ (въ 1892 и 1893 годахъ) могло «больше научить о психіатріи до Пинеля, нежели чтеніе многихъ томовъ». На ряду съ описаніями насилій надъ больными и безчеловѣчнаго къ нимъ отношенія, щедро разсыпанными въ трудѣ доктора Якобія, нельзя не указать на напечатанную въ «Русской Мысли» 1899 года, по почину гр. Л. Н. Толстого, статью г. А. М.—«Къ психіатрическому вопросу»,

гдѣ, между прочими указаніями на крайнія злоупотребленія, допускаемыя въ лечебницахъ для душевно-больныхъ, разсказывается, напр., что въ сильно нашумѣвшей въ свое время Бурашевской психіатрической колоніи въ 1896 г. изъ *шестисотъ* больныхъ умерло *сто,* и что былъ случай истязанія сумасшедшаго четырьмя сутками холоднаго карцера съ асфальтовымъ поломъ, за такое, непростительное даже для *умалишеннаго* дѣяніе, какъ «непочтеніе къ доктору». Наконецъ, въ «Трудахъ общества врачей енисейской губерніи за 1899—1900 годы» содержится описаніе красноярской психіатрической лечебницы, которое представлялось бы по истинѣ неправдоподобнымъ, не будь оно доложено въ ученомъ обществѣ и напечатано въ его изданіи. Эта лечебница находилась (хочется думать, что о ней можно говорить въ *прошломъ* времени) въ центрѣ города, совмѣстно съ богадѣльней, часть которой была необитаема изъ опасенія крушенія, грозившаго и другимъ частямъ зданія. Въ мужскомъ отдѣленіи лечебницы помѣщались вмѣстѣ и хронически больные, и буйные, и *испытуемые;* въ одиночныхъ кельяхъ, скудно освѣщенныхъ, содержалось часто по два и по три человѣка. «Одна изъ комнатъ,—говорится въ докладѣ,—служитъ для нечистоплотныхъ, подъ которыми понимались и буйные, рвущіе одежду и матрацы; это помѣщеніе пропитано невыразимою вонью. На полу этой комнаты набросана солома; кромѣ изломанной «парашки», нѣтъ ничего; стѣны измазаны испражненіями; больные совершенно голые, измазанные всякой гадостью, въ волосахъ солома и т. д. Больные вообще озлоблены, постоянно просятся на выписку, ходятъ часто въ изодранной одеждѣ, полуголые; лица у многихъ избиты, частью отъ побоевъ со стороны больныхъ или служителей, частью отъ паденія въ приступахъ падучей. Нѣкоторые больные ходятъ со связанными руками, *одинъ уже 4 года.* Психіатрическое отдѣленіе было открыто на 20 человѣкъ, а больныхъ бываетъ 60—65. Хозяйничаетъ въ больницѣ всякій: и служитель, и смотритель. Больного, привезеннаго обыкновенно десятникомъ или городовымъ, отправляютъ на «тотъ дворъ» и помѣщаютъ сначала въ буйное отдѣленіе, причемъ никому неизвѣстно, что съ нимъ было раньше. *Болѣзнь протекаетъ, главнымъ образомъ, по усмотрѣнію сторожей.* Зиму больные, за отсутствіемъ зимней одежды, проводятъ въ комнатахъ, гдѣ и гніютъ; никакой работы, никакихъ развлеченій. Вечеромъ зажигаютъ лампы, но къ 9 часамъ, а зимою еще раньше, тушатъ огни, и больные должны идти спать, но кроватей не хватаетъ. Нѣкоторые спятъ на полу. Простынь не водится, за исключеніемъ 3—4 кроватей. Въ кроватяхъ грязь невыразимая. На 20 человѣкъ при смѣнѣ бѣлья иногда

выдается всего 10 сорочекъ. Обуви не хватаетъ. Разъ въ недѣлю больные принимаютъ ванну; въ одной и той же водѣ моютъ нѣсколькихъ человѣкъ. Если больной начинаетъ буйствовать, то его запираютъ въ отдѣльную комнату для нечистоплотныхъ. Одного больного для успокоенія обливали водою изъ пожарной кишки, послѣ чего онъ какъ объяснилъ смотритель, «сталъ тише». Если *богадѣльщикъ напьется пьянъ и забунтуетъ*, то его, *въ наказаніе, переводятъ въ буйное отдѣленіе. Пьяницъ* для вытрезвленія часто посылаютъ *въ психіатрическое отдѣленіе.* Еще лучше то что и сифилитичекъ, напившихся или поссорившихся, или за плохое поведеніе, въ наказаніе переводятъ изъ сифилитическаго *въ психіатрическое отдѣленіе.* Процентъ излечимости душевно-больныхъ въ красноярскомъ психіатрическомъ отдѣленіи ничтожный; маніакъ, меланхоликъ, всегда почти имѣютъ въ перспективѣ слабоуміе; бывали случаи, когда больной начиналъ поправляться, но подъ вліяніемъ обстановки снова впадалъ въ прежнюю болѣзнь».

Сердечная заботливость Θедора Петровича Гааза о нуждахъ осужденныхъ, проходившихъ чрезъ Московскую пересыльную тюрьму и Рогожскій полуэтапъ, сказывалась въ самомъ внимательномъ отношеніи ко всему, что̀ могло облегчить ихъ состояніе или смягчить для ихъ семействъ ужасы длиннаго и тяжелаго пути. Его неустанную въ этомъ смыслѣ дѣятельность не могло охладить ни равнодушное, а иногда и прямо враждебное отношеніе къ нему сотоварищей по тюремному комитету, ни насмѣшливое и легкомысленное отношеніе къ нему такъ-называемаго «общества».

На несомнѣнно доходившія до него насмѣшки «книжниковъ и фарисеевъ», а также тѣхъ, кого, слѣдуя терминологіи полиціймейстера Шульгина, можно было бы назвать «молодыми вертопрахами благороднаго званія» (простой народъ, купцы и мѣщане, раньше всѣхъ оцѣнили дѣятельность и личность Θедора Петровича),—Гаазъ не обращалъ вниманія и, слѣдуя завѣту апостола, «положивъ руку на рало—не оглядывался назадъ». Ему служили утѣшеніемъ отзывы иностранцевъ, удивленныхъ тѣмъ обращеніемъ съ пересыльными, которое они видѣли при посѣщеніяхъ тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ. А оно вызывалось, поддерживалось и входило мало-по-малу въ обычай, благодаря неотступному присутствію при отправленіи партій зоркаго и чуткаго, въ лицѣ Гааза, заступника за несчастныхъ и за права человѣколюбія. Самъ онъ, съ удовольствіемъ отмѣчая при своихъ пререканіяхъ съ комитетомъ сочувственные отзывы англійскаго ученаго Скотта, американскаго путешественика Сомнера и англичанки Систеръ, присутствовавшихъ при отправкѣ ссыльныхъ и при прощаніи съ ними

Гааза, столь трогательно описанномъ лэди Блумфильдъ въ ея воспоминаніяхъ о жизни въ Россіи,—не могъ не сознавать, что доброе впечатлѣніе, вызвавшее эти отзывы, явилось исключительно слѣдствіемъ его личной дѣятельности.

Путь по «этапамъ», въ который провожалъ каждую недѣлю Гаазъ арестантскія партіи и до сихъ поръ, тамъ, гдѣ онъ совершается не по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ сообщеніямъ, представляетъ тяжкую картину медленнаго передвиженія, и въ крайній холодъ, и въ палящій зной, среди пыли или въ липкой грязи,—смѣняемаго дикой борьбою за скорѣйшее занятіе мѣстъ на нарахъ, борьбою, въ которой всплываютъ наверхъ жестокіе инстинкты звѣрской стороны человѣческой природы. Но во времена Гааза этотъ путь былъ таковъ съ самаго начала. Этапъ—въ сущности—та же пересыльная тюрьма, лишь не имѣющая своего самостоятельнаго и постояннаго управленія. Въ ней сосредоточиваются арестанты всевозможныхъ категорій, соединенные лишь общностью слѣдованія къ мѣстамъ назначенія. Тутъ и осужденные приговорами судовъ гражданскаго вѣдомства, и военные арестанты, и бродяги, и высылаемые по приговорамъ обществъ и мѣрами полиціи «по невродіи» (тюремная передѣлка выраженіе закона: «не въ родѣ арестантовъ»). До шестидесятыхъ годовъ огромное число шедшихъ по этапу состовляли крестьяне, пересылаемые помѣщикамъ, отъ которыхъ они отлучились, иногда даже и не самовольно. Къ идущимъ по этапу, наконецъ, по свидѣтельству завѣдывавшаго пересыльною частью въ семидесятыхъ годахъ, генерала Бѣленченко, относились и рекруты, а также безсрочно отпускные, водворяемые на родину, а по заявленію Гааза тюремному комитету (20 апрѣля 1829 г.) и *выздоравливающіе* солдаты. Въ 1873 г. число пересылаемыхъ изъ одного края Россіи въ другой достигало до 120 тысячъ человѣкъ въ годъ.

До конца пятидесятыхъ годовъ, препровожденіе и конвоированіе арестантовъ находилось въ вѣдѣніи отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, которому подчинялись этапныя учрежденія и команды. Матеріальная часть пересылки: подводы для больныхъ, одежда арестантовъ, пропитаніе ихъ и проч., находилась въ вѣдѣніи учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ. До 1858 года господствовалъ единственный способъ передвиженія арестантовъ, именно пѣше-этапный, основанный на маятной системѣ движенія арестантскихъ партій между этапами и полуэтапами, расположенными на двадцати-верстномъ разстояніи другъ отъ друга, на главныхъ пересыльныхъ путяхъ, соединявшихся въ городахъ Харьковѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и, затѣмъ, въ главномъ пунктѣ

сбора всѣхъ ссыльныхъ арестантовъ въ гор. Казани, откуда уже они направлялись по единственному тракту на Екатеринбургъ Тюмень и Тобольскъ. До мѣста ссылки иногда приходилось идти *два года,* и среднее число дней пути, приходившихся на каждаго пересылаемаго, составляло *двѣсти-восемьдесятъ-два!* Можно себѣ представить, чего долженъ былъ натерпѣться пересылаемый при такихъ условіяхъ, особливо если припомнить, что эти условія почти совершенно исключали возможность какого-либо различія въ способѣ передвиженія и размѣщенія въ тѣсныхъ этапныхъ зданіяхъ подневольныхъ путниковъ разныхъ категорій. Притомъ конвоирующіе были заинтересованы исключительно въ доставленіи пересылаемыхъ на мѣста и въ предупрежденіи побѣговъ (съ пути обыкновенно бѣжало около 15% идущихъ по этапу), а внутреннее различіе ввѣренныхъ имъ людей и основанія, по которымъ послѣдніе попали въ общую массу, ихъ не касались и поэтому ихъ не интересовали. Повидимому такое обезличеніе препровождаемыхъ и подведеніе ихъ подъ одинъ уровень было даже возведено въ принципъ. Такъ, еще тридцать лѣтъ назадъ, въ засѣданіи комитета для окончательнаго (?) обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи въ имперіи, одинъ изъ высшихъ представителей начальства по пересыльной части, очевидно недовольный недоумѣніями нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета по поводу незнанія имъ, *сколько* именно пересылается арестантовъ *каждой категоріи,* категорически заявлялъ, что ему до этого нѣтъ никакого дѣла, образно объясняя, что у него въ рукахъ огромное колесо, къ которому подводятъ человѣка и говорятъ: «въ Нерчинскъ», или «въ Якутскъ»—трахъ! трахъ!—колесо повернуто,—и онъ въ Нерчинскѣ или Якутскѣ, а *кто онъ* и *за что*—объ этомъ колесу знать не требуется...

Широкія воззрѣнія Гааза на его нравственный долгъ предъ людьми и печали его горячаго сердца, конечно, не могли не отражаться на его отношеніяхъ къ пересылаемымъ, обстановку дальнѣйшаго пути которыхъ онъ себѣ ясно представлялъ, самъ посѣтивъ неоднократно ближайшія къ Москвѣ этапныя зданія и описавъ ихъ «непристойность и тѣсное состояніе» въ неоднократныхъ рапортахъ тюремному комитету. Все относящееся до нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ пересыльныхъ бывшее *въ его власти,* осуществлялось имъ съ любовью и забвеніемъ о себѣ,—все независѣвшее отъ него непосредственно давало ему поводъ къ постояннымъ хлопотамъ, просьбамъ и упорнымъ настояніямъ личнымъ и письменнымъ. Такъ, напр., въ 1832 году онъ выхлопоталъ у московскаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына

распоряженіе, чтобы баня пересыльнаго за̀мка топилась сверхъ обычнаго дня (четверга) еще и по субботамъ, для предоставленія возможности воспользоваться ею всѣмъ тѣмъ, кто уходилъ по этапу въ понедѣльникъ. Для этого, по его же просьбѣ, тюремный комитетъ постановилъ отпускать на дрова «потребную сумму изъ пожертвованій» впредь до того, когда городская дума признаетъ возможнымъ принять этотъ расходъ на себя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ жертвователей на этотъ предметъ видное мѣсто заняло то «неизвѣстное благотворительное лицо», отъ имени котораго Гаазъ такъ часто вносилъ деньги на удовлетвореніе разныхъ своихъ ходатайствъ о нуждахъ арестантовъ. По его же просьбѣ въ 1834 г. князь Голицынъ приказалъ иначе распредѣлить движеніе партій, слѣдовавшихъ по Богородскому тракту, чтобы, ради бани, ихъ приходъ совершался тоже въ субботу, а не въ воскресенье. Чрезъ четыре года однако, по представленію начальства пересыльной тюрьмы, банный день былъ ограниченъ однимъ четвергомъ— и такимъ образомъ пользоваться банею могли только тѣ изъ пересылаемыхъ въ Сибирь, кто оставался недѣлю для «ростаха». Гаазъ заволновался, поднялъ шумъ, лично ѣздилъ къ главноначальствующему (осенью 1836 года) въ Москвѣ гр. Толстому— и снова добился своего.

Союзники и послѣдователи.

Въ 1839 году Ѳедоръ Петровичъ былъ, вслѣдствіе жалобъ мѣстнаго московскаго начальства и нареканій главнаго начальника пересыльной части генерала Капцевича, послѣ дознанія о его «утрированной филантропіи», удаленъ, къ великой для себя обидѣ отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ ссыльныхъ. Это тягостное для него и для столь многихъ, нуждавшихся въ немъ, положеніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, ослабѣвая мало-по малу. Но «свѣтъ и во тьмѣ свѣтится», и Гаазъ, устраненный отъ любимаго дѣла и иногда терпимый около него лишь *изъ милости,* своимъ примѣромъ, личностью и характеромъ оказывалъ неотразимое и плодотворное вліяніе на окружающихъ. Вокругъ него и за нимъ являлись убѣжденные и стойкіе послѣдователи. Болѣе его сдержанные въ выраженіи своего негодованія на пучину злого бездушія, съ которымъ приходилось имѣть дѣло,— менѣе рѣзкіе и рѣшительные въ выраженіи своего умиленія и состраданія, они однако твердо шли по пути, указанному «юродивымъ Гаазомъ» въ тѣ періоды его жизни, когда представителямъ

начала «все обстоитъ благополучно» удавалось на время «обуздать» безпокойнаго старика. Къ такимъ послѣдователямъ и союзникамъ принадлежали *Львовъ* и *А. И. Тургеневъ*.

Дѣятельность Львова, своеобразная и многосторонняя, по справедливости заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія. Матеріалы для послѣдняго уже и собираются. О болѣе кратковременной прикосновенности къ тюремному дѣлу Тургенева можно упомянуть и нынѣ, пользуясь свѣдѣніями изъ разныхъ источниковъ, письмами Остафьевскаго архива и записками Д. Н. Свербеева.

Студентъ геттингенскаго университета и затѣмъ блестящій, свѣтскій молодой человѣкъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, дѣлалъ быстрые и успѣшные шаги по службѣ. Двадцати-пяти лѣтъ отъ роду онъ уже былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ министерствѣ князя А. Н. Голицына, и помощникомъ статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Паденіе князя А. Н. Голицына въ 1824 году, вслѣдствіе предательства Магницкаго и настояній одинаково знаменитыхъ Фотія и Аракчеева—повлекло за собою увольненіе Тургенева, который остался лишь членомъ комиссіи составленія законовъ. Затѣмъ противъ брата его, Николая Ивановича, возникло обвиненіе въ участіи въ заговорѣ 14 декабря 1825 г. Хотя нынѣ едва ли могутъ подлежать сомнѣнію какъ неправильность этого обвиненія, такъ и поспѣшность и необдуманность выводовъ послѣдовавшаго за нимъ заочнаго приговора Верховнаго суда, присудившаго Николая Тургенева къ смертной казни,—но Александръ Тургеневъ не счелъ возможнымъ остаться и въ послѣдней должности. Вся дальнѣйшая его жизнь была затѣмъ посвящена хлопотамъ о предоставленіи брату возможности оправдаться,—заботамъ о сохраненіи ему, «умершему политическою смертью», средствъ къ существованію на чужбинѣ и настойчивому разъясненію имущимъ власть и вліяніе въ обществѣ невиновности человѣка, съ которымъ, независимо родства, его связывали чувства глубокаго уваженія и симпатіи, а также воспоминанія о счастливой порѣ одушевленнаго составленія, общими силами, проекта «закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли». Оставивъ тяжелый для него, какъ для брата «декабриста», Петербургъ, онъ поступилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, на службу при московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ. Служба была въ сущности номинальная и не препятствовала частымъ поѣздкамъ его за-границу, для свиданій съ братомъ и для работъ въ иностранныхъ архивахъ. Въ періоды проживанія въ Москвѣ, отдавая почти всю жизнь своему, по выраженію Свербеева, «милому изгнаннику»,

лишая себя для него необходимыхъ удобствъ и терпя матеріальныя лишенія, Александръ Тургеневъ находилъ утѣшеніе въ заботахъ объ арестантахъ, по примѣру Гааза, о которомъ говоритъ въ своихъ письмахъ съ чувствомъ глубокаго и нѣжнаго почтенія.

«Одно для меня разсѣяніе,—писалъ онъ князю Вяземскому въ 1840 году,—тюремный за̀мокъ и архивъ».—«Гаазъ, котораго удалили отъ званія члена тюремнаго общества, но ничѣмъ не могли удержать отъ благодѣтельныхъ для ссыльныхъ посѣщеній тюрьмы,—писалъ Тургеневъ въ томъ же году,—увѣрялъ меня, что полиціймейстеръ Миллеръ человѣколюбивѣе другихъ: суди поэтому о прочихъ»... Поставленный, по своему чину тайнаго совѣтника и по старинной родовитости, въ болѣе близкія отношенія къ вліятельнымъ въ Москвѣ людямъ, Тургеневъ пользовался этимъ, чтобы относиться къ нимъ непосредственно въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣдному Гаазу приходилось обращаться съ просьбами къ комитету, грозя его членамъ «осужденіемъ, которое Евангеліе произноситъ за слабое усердіе, которое комитетъ оказываетъ въ попеченіи о благосостояніи ссыльныхъ» и разсказывая объ «англинской кухаркѣ,» находившей, что угри «привыкли къ тому, чтобы съ нихъ живыхъ сдирали кожу».

«Есть ли бы вы могли видѣть,—писалъ въ Вербное воскресенье 1843 года Тургеневъ извѣстному князю С. М. Голицыну,—въ какой грязи утопали сегодня шедшіе въ Сибирь, съ женами и дѣтьми, съ Воробьевыхъ горъ, то сердце ваше конечно бы содрогнулось. Я сбирался лично представить вамъ мою просьбу, но увязъ въ топкой грязи близъ Мамоновской дачи и едва отогрѣлся. Вообразите себѣ, что въ слѣдующее, т.-е. Свѣтлое для всѣхъ воскресенье—другіе несчастные, по этимъ же непроходимымъ полямъ, побредутъ, въ оковахъ, (съ женами и съ дѣтьми многіе изъ нихъ)—въ Сибирь. Вы не откажите мнѣ быть орудіемъ вашихъ благодѣяній къ нимъ. Я самъ раздамъ имъ все что Богъ вамъ на сердце положитъ. Право—другой вѣрнѣйшей и лучшей милостыни сдѣлать трудно. Простите моему сердцу—если докучаю вамъ за тѣхъ, за кого скоро будетъ поруганъ и распятъ Искупитель».

На письмѣ этомъ княземъ Голицынымъ была сдѣлана помѣта: «отослано для раздачи пересыльнымъ 200—500 р.». Благодаря за это щедрое пожертвованіе, Тургеневъ отвѣтилъ извѣстнымъ стихомъ:

«Болярииъ—коль за всѣхъ болѣешь»...

«Я получилъ твое письмо,—писалъ Тургеневъ въ 1842 году князю Вяземскому,— вернувшись изъ канцеляріи гражданскаго губернатора, гдѣ наконецъ успѣлъ открыть документъ полицейскій, что мой protégé съ Воробьевыхъ горъ (т.-е. изъ пересыльной тюрьмы) былъ отданъ въ рекруты фальшиво. О немъ сказано, что онъ безъ отца и матери, а *отецъ ежедневно у меня и плачетъ по сынѣ*. Авось спасемъ! Если бы было *еще десять Гаазовъ*, то и ихъ недостало бы для однѣхъ Воробьевыхъ горъ въ Воскресенье. *Онъ, Гаазъ, еще на дняхъ спасъ два семейства*, мнѣ же ничего или мало удается». Въ это же время возникла между Тургеневымъ и княземъ Вяземскимъ довольно ѣдкая переписка, показывающая, до какой степени разошлись между собою внутренно эти старые друзья, взгляды и убѣжденія которыхъ почти по всѣмъ вопросамъ личной и общественной жизни сливались въ гармоническіе аккорды въ двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Во многихъ отношеніяхъ стоя головою выше современнаго ему поколѣнія, за небольшими лишь исключеніями, князь Вяземскій, съ годами, дѣлался, однако, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ, «человѣкомъ прошедшаго и человѣкомъ прошедшимъ». Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ кн. Вяземскій по временамъ переставалъ понимать Тургенева, и сталъ раздражаться на широкую гуманность взглядовъ своего друга. Въ перепискѣ ихъ замѣчается въ это время, со стороны князя Вяземскаго, постоянный, хотя и скрываемый подъ развязною простотою дружескихъ отношеній, покровительственный и наставительный тонъ. Вообще кн. Вяземскій, повидимому, любилъ *учительствовать*, а воспріимчивый умъ и увлекающееся сердце Тургенева давали частые поводы для дидактическаго резонерства старѣющаго поэта, который позднѣе находилъ, что у Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, несмотря на ихъ большое дарованіе, «нѣтъ хозяина въ домѣ», что «всякій приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго — *человѣкъ отпѣтый* или, проще говоря, *пѣтый дуракъ*», и что «душевныя бури Лермонтова были внѣшнія, театральныя и *заказанныя* имъ самому себѣ»...

Поводомъ къ упомянутой перепискѣ послужила горячая статья Тургенева о дѣятельности капитана Мэконоши (Maconochie), предназначавшаяся для напечатанія въ Плетневскомъ «Современникѣ». Мэконоши былъ однимъ изъ замѣчательныхъ, по широтѣ задачъ и личной энергіи, работниковъ на поприщѣ усовершенствованія обхожденія съ преступниками. Его имя становится извѣстнымъ съ начала сороковыхъ годовъ, когда, сдѣланный на-

чальникомъ штрафного поселенія «неисправимыхъ» преступниковъ на островѣ Норфолькѣ, онъ задумалъ, на ряду съ началами строжайшаго повиновенія, призвать къ дѣятельности лучшія стороны человѣческой природы, никогда не угасающія, но лишь дремлющія, по его мнѣнію, въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни палъ. Ему пришлось имѣть дѣло почти съ полутора тысячами закоренѣлыхъ злодѣевъ, уже совершившихъ на мѣстѣ обычной ссылки, въ Ботани-беѣ, въ Австраліи, какое-нибудь новое, серьезное преступленіе и доставленныхъ на островъ Норфолькъ, причемъ, во время пребыванія ихъ на кораблѣ, какъ видно изъ изслѣдованія Уильяма Тэллока («Penological and preventive principles»), обращеніе съ ними было верхомъ жестокости. Отсутствіе школъ и какого-либо религіознаго назиданія или утѣшенія, непрерывный, сопровождаемый бранью, трудъ, съ угрозою и осуществленіемъ разрушающихъ всякое самоуваженіе побоевъ и тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, съ ночлегомъ въ тѣсныхъ загонахъ, которымъ не позавидовали бы и животныя—дѣлало изъ этихъ сосланныхъ, по выраженію Мэконоши, «собраніе дьяволовъ». Новый начальникъ поселенія былъ чуждъ сентиментальности и умѣлъ быть очень строгимъ тамъ, гдѣ это было неизбѣжно,—но онъ никогда не упускалъ изъ виду, что имѣетъ дѣло съ людьми, изъ которыхъ не было основанія никого признать совершенно неспособнымъ къ исправленію. «Я не пренебрегалъ наказаніемъ,—говорилъ о себѣ, между прочимъ, Мэконоши,—моя система была основана не на слабости или потачкѣ, но я старался дѣйствовать за-одно съ природою человѣка, а не противъ нея, какъ это дѣлается въ другихъ тюрьмахъ; направляя и возбуждая стремленіе къ улучшенію своего положенія, свойственное каждому человѣку, я старался устроить такъ, чтобы судьба каждаго арестанта, на сколько возможно, была въ собственныхъ его рукахъ. Сущность моихъ мѣръ состояла въ возбужденіи въ арестантахъ самоуваженія, склоненіи ихъ воли къ самоисправленію, во внушеніи моимъ помощникамъ лучшихъ и болѣе просвѣщенныхъ чувствъ, въ устройствѣ церквей и школъ, въ неутомимости въ совѣтахъ и увѣщаніяхъ и, наконецъ, въ высказываніи людямъ довѣрія, которое и я, въ свою очередь, старался заслужить». Несмотря на то, что система Мэконоши принесла на мѣстѣ быстрые и обильные плоды, она вызвала противъ него нареканія и скептическое отношеніе къ возможности преобладанія въ тюрьмахъ того, что Тэллокъ называетъ «the contagion of good»—надъ «the contagion of evil». Для того, чтобы господство добрыхъ началъ подавило дурныя страсти,—говорили его

противники,—нужно исключительно личное вліяніе исключительнаго человѣка, а оно, какъ и онъ, преходяще и, затѣмъ, все обращается къ еще худшимъ формамъ, къ старому, для успѣшной борьбы съ которымъ нужна не личность, а система, основанная на прочныхъ началахъ. Обвиняемый въ томъ, что «весь секретъ его управленія заключался въ снисходительности, слабости и распущенности—и что арестанты потому только вели себя хорошо, что могли дѣлать, что хотѣли», умный и энергическій новаторъ, допустившій, притомъ, нѣсколько промаховъ въ отношеніяхъ своихъ къ центральному правительству, былъ отозванъ.

Статью о Мэконоши Тургеневъ просилъ Вяземскаго «пристроить» въ «Современникъ». Извѣщая объ исполненіи порученія своего друга, Вяземскій написалъ ему, въ октябрѣ 1842 г., письмо, выраженія котораго, по собственному его признанію, были «жестки и кислы», представляя «кипятокъ и накипь авторскаго пыла», въ которыхъ бурлили, перебивая другъ друга, упреки, насмѣшки и колкости. «Я совершенно согласенъ съ лордомъ Джономъ Русселемъ,—писалъ онъ, между прочимъ,—и на его мѣстѣ также приказалъ бы уволить филантропа-капитана. У него умъ за разумъ или сердце за разумъ зашло. Не надобно пересаливать, но не хорошо и пересахаривать. Всѣ эти тюремные концерты, спектакли и иллюминаціи никуда не годятся. Какъ ни говори, а тюрьма должна быть пугаломъ, и если не адомъ безнадежнымъ, то, по крайней мѣрѣ, строгимъ чистилищемъ. Будь тюрьма мѣсто злачное и привольное, гдѣ и сытно, и весело, то честнымъ бѣднякамъ, несущимъ смиренно и терпѣливо бремя и крестъ нищеты и нуждъ, придется завидовать преступникамъ. Еслибы концерты и спектакли служили училищемъ нравственности, то спроси у своего капитана, отчего такъ часто честные люди возвращаются домой изъ спектакля безъ носовыхъ платковъ, часовъ и карманныхъ книжекъ? Такими увеселяющими средствами и развлеченіями лечатъ иногда безумныхъ и то не всѣхъ; но если подвести преступленіе подъ статью: болѣзнь и безуміе, — то это заведетъ слишкомъ далеко. Все, чего вправѣ требовать благоразуміе и обдуманное человѣколюбіе отъ тюремнаго содержанія и правленія (régime), есть то, чтобы въ тюрьмѣ не портилось здоровье и не перепорчивалась уже испорченная нравственность. Все излишнее кажется мнѣ вреднымъ умничаньемъ и вредною филантропоманіей. Заводить въ тюрьмахъ школы нравственности есть несбыточное требованіе. Заводите ихъ внѣ тюрьмы и до тюрьмы, а тутъ уже поздно... Цѣню и хвалю побужденіе, которое руководствовало капитаномъ и другими капитанами и *тайными совѣтниками* въ подобныхъ предпріятіяхъ и

и въ подобномъ образѣ мыслей, но говорю, что эти капитаны и тайные совѣтники—люди непрактическіе и лунатики, умозрители, и что, по ложному направленію ума и ложному состраданію, они готовы щадить и холить преступниковъ и губить общество. Прекрасное, святое дѣло отстаивать права меньшихъ братьевъ и слабыхъ противъ старшихъ и сильныхъ, но нужно ясно опредѣлить, кто слабый и кто сильный, кто притѣснитель и кто жертва. Я говорю, что въ этомъ случаѣ сильный и притѣснитель, настоящій Каинъ, есть тотъ самый Ванька Каинъ, о которомъ вы исключительно хлопочете; а жертва, беззащитный Авель, есть общество... Всѣ эти концерты и спектакли и театральныя представленія на Воробьевыхъ горахъ—вздоры и вздоры. Добро не такъ и не тутъ дѣлается... Возвращаясь къ твоему капитану, утверждаю, что *наказаніе* нужно и *устрашеніе* нужно, кто что̀ ни говори и какъ ни мудрствуй. И самъ Богъ ничего другого не пріискалъ, а доказательство тому—*потопъ*. Ты скажешь, что Онъ не много помогъ и исправилъ: это—другая статья. Кстати, вспоминаю письмо ко мнѣ Сильвіо Пеллико въ отвѣтъ на мои сужденія противъ смертной казни: «Je ne suis pas de ceux qui «s'attendrissent sur le monstre» (слышите ли?) et qui aboliraient volontiers «l'épouvantement de la vengeance publique» (слышите ли?). L'auteur d'un crime atroce a encore les droits à nos consolations réligieuses, á nos priéres, il n'en a point à «l'indulgence» qui lui épargnerait une peine des plus terribles. Je ne partage pas même votre sentiment contre la peine de mort, quoique je sens toute la gravité des raisons que vous m'apportez. Dans ces matiéres, il n'y a qu'un voeu à former, c'est que les juges ayent une conscience—et certes le cas contraire est rare, plus que les *déclamateurs* ne le supposent. Oui, rare, mais, hélas, il existe. C'est un fléau qui échappe aux régles, comme un incendie, un tremblement de terre. Les trésors de la bontè de Dieu sont là pour réparer, pour suppléer, abondamment»... «Если у тебя есть время и деньги и теплыя слезы на добрыя дѣла, на уврачеваніе язвъ, то найдешь много случаевъ и много мѣстъ для утоленія твоей христолюбивой жажды и безъ Воробьевыхъ горъ. Тутъ какое добро можешь ты сдѣлать? Раздать нѣсколько рублей, которые, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, будутъ пропиты съ проводниками, т.-е. съ честною командою на первыхъ 25-ти верстахъ. Понимаю, что можно посвятить себя служенію преступникамъ, т.-е. врачеванію ихъ души, и это едва ли не высшій подвигъ; но это не ограничивается тѣмъ, чтобы дать преступнику калачъ, погладить его по головкѣ и дать почувствовать ему, что о немъ жалѣешь, какъ о жертвѣ беззаконности судей, ибо такое изъявленіе состраданія есть

также верховное преступленіе противъ общества. Молясь о преступникѣ, говори: «Помяни его, Господи, во царствіи Твоемъ!» Въ *Твоемъ*—да; но въ *нашемъ*—предавай его дѣйствію закона и ищи другихъ несчастныхъ, которыхъ много и которымъ можешь доброхотствовать, не нарушая гражданственныхъ необходимостей. Если ты тюремщикъ, то—дѣло другое: ты дѣйствуешь въ кругу своемъ,—но для тебя всѣ переулки открыты, вездѣ есть страждущее человѣчество. Что за необходимость ѣздить на Воробьевы горы—se poser lá en avocat de l'humanité, и говорить: «смотрите на меня!»

Письмо кн. Вяземскаго сильно огорчило Тургенева, несмотря на увѣренія князя въ дружбѣ и въ любви къ «внутреннему въ немъ человѣку». Напоминая о самоотверженной дѣятельности гонимаго и высмѣиваемаго Гааза, онъ писалъ Вяземскому: «нѣтъ времени отвѣчать, но очень больно и грустно за себя и за тебя... Я—*фарисей,* но мой порокъ не долженъ тебя авторизировать смѣяться надъ ссылаемыми въ каторгу. Знаешь ли, что меня мучило именно въ тотъ день, когда я получилъ твое письмо? Я два воскресенья, отъ лѣни и боли въ ногѣ, не былъ на Воробьевыхъ горахъ, и моихъ protégés, право, не пьяныхъ, а трезвыхъ, повели въ Сибирь. Имъ и на ѣду, особливо съ дѣтьми (или и они пьяницы? а дѣтей много и каждое воскресенье!) недостаетъ до Владиміра. Грѣхъ тебѣ! Но въ моемъ сердцѣ—сердца на тебя нѣтъ».

Статья Тургенева, который былъ сотрудникомъ «Современника» и печаталъ въ немъ въ 1840 г. свою «Хронику Русскаго въ Германіи», не была, однако, напечатана. «Не знаю,—писалъ ему Вяземскій,—пригодится ли Плетневу твоя статья, вовсе не литературная—и угодитъ ли она цензурѣ». Въ трудѣ Тургенева, слѣдовъ котораго, къ великому сожалѣнію, не удалось найти, очевидно, были указанія и на медленность и бездушіе нашего тогдашняго судопроизводства, столь возмущавшія Гааза и вызвавшія его извѣстное столкновеніе съ Филаретомъ, поставленнымъ въ необходимость признать, что «Христосъ о немъ забылъ». Это предположеніе вытекаетъ изъ слѣдующихъ словъ кн. Вяземскаго: «въ душѣ своей ты гораздо добрѣе и выше, и богоугоднѣе, нежели на *филантропической сценѣ* Воробьевыхъ горъ, гдѣ ты дѣлаешь добро не такъ, чтобы лѣвая рука не вѣдала, что творитъ правая, а напротивъ, обѣими руками печатаешь (?) оппозиціонную статью противъ уголовной палаты и всѣхъ палатъ, и всѣхъ право и криво правящихъ, и тому подобное. Вотъ что меня бѣситъ въ тебѣ»... Въ 1844 году была, впрочемъ, помѣщена въ «Современникѣ» замѣтка, подписанная буквами «Е. К.», подъ названіемъ: «Посѣщеніе этапа для ссыльныхъ у Рогожской заставы въ Москвѣ», но

въ ней ничего не говорится ни о Мэконоши, ни о нашихъ судебныхъ порядкахъ—и ея слащавый тонъ и псевдо-патріотическое содержаніе ничего не имѣютъ общаго съ выразительнымъ и мужественнымъ языкомъ, которымъ писалъ Тургеневъ.

«Дружескіе упреки» и насмѣшки кн. Вяземскаго не повліяли, однако, на Тургенева. До конца своей жизни онъ продолжалъ ѣздить въ пересыльную тюрьму и «играть на филантропической сценѣ Воробьевыхъ горъ». Ни совѣты благоразумія, преподаваемые ему бывшимъ его начальникомъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, ни «болтовня» его друга Булгакова, замѣчающаго въ письмѣ къ князю Вяземскому: «добрѣйшее и странное существо этотъ Тургеневъ», ни безплодные споры съ «самимъ» Филаретомъ не оказывали на него вліянія и не затемняли предъ нимъ трогавшій его образъ Өедора Петровича Гааза. Хожденіе по слѣдамъ послѣдняго продолжалось, однако, не долго. Въ декабрѣ 1845 года блестящій сановникъ Александровскаго времени, который, по словамъ Плетнева (письмо къ Жуковскому 25-го декабря 1845 г.), «долженъ бы былъ начать собою въ Россіи рядъ государственныхъ людей, *считающихъ и исторію* государственнымъ дѣломъ», скончался въ Москвѣ, въ болѣе чѣмъ скромной обстановкѣ тѣснаго и загроможденнаго книгами маленькаго мезонина.. Тотчасъ по полученіи извѣстія объ этой смерти, долженствовавшей «сразить Жуковскаго», Плетневъ, оплакивая «утрату лучшихъ воспоминаній своей жизни», поѣхалъ къ кн. Вяземскому. «Онъ все тотъ же—малоподвижный и холодный»,—писалъ онъ, затѣмъ, Я. К. Гроту, сообщая ему о «разрывѣ—въ лицѣ Тургенева—важнаго звена въ опустѣвающемъ кругу», къ которому принадлежалъ и Пушкинъ, чей прахъ сопровождалъ, вмѣстѣ съ жандармомъ, въ 1837 году, въ Святогорскій монастырь скончавшійся «актеръ филантропической сцены»...

Крѣпостное право.

Въ трудѣ о Ө. П. Гаазѣ указанъ, съ возможною полнотою, характеръ отношенія его къ тѣмъ проявленіямъ крѣпостного права, съ которыми ему приходилось постоянно встрѣчаться на Воробьевыхъ горахъ. Чѣмъ и какъ только могъ—старался онъ смягчать роковое осуществленіе почти безграничныхъ правъ помѣщика на измѣненіе всего существованія, на расторженіе всѣхъ естественныхъ узъ и привязанностей своихъ крѣпостныхъ. Онъ былъ неутомимъ въ ходатайствахъ—личныхъ и черезъ тюремный комитетъ объ «утишеніи гнѣва» господъ, ссылавшихъ въ Сибирь своихъ

«рабовъ», отнимая у нихъ достигнувшихъ работоспособности дѣтей. Когда его настойчивыя попытки смягчить тяжкое крѣпостное иго путемъ измѣненія закона, по ходатайству тюремнаго комитета, оказались совершенно тщетными и на его исполненныя сдержанного негодованія и душевной боли представленія было отвѣчено лишь помѣткой: «читано»,—онъ обратился къ отысканію возможности подавать помощь въ отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ. Тогда, спасая крѣпостныя *души* отъ произвола и жестокости настоящихъ *мертвыхъ душъ*,—онъ выдвинулъ на сцену «одно благотворительное лицо», широкая щедрость котораго въ денежныхъ сдѣлкахъ съ помѣщиками, у которыхъ выкупались дѣти ссылаемыхъ за «продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе» крестьянъ, страннымъ образомъ развивалась въ связи съ окончательнымъ исчезновеніемъ личнаго имущества Ѳедора Петровича. Нельзя безъ чувства скорби читать многочисленныя представленія Гааза комитету съ мольбами поднять свой голосъ въ отмѣну или смягченіе мрачныхъ законовъ, отдававшихъ совершенно безправныхъ людей и ихъ семейства въ жертву холодному бездушію, ослѣпленію гнѣва или—иногда—мстительной ревности ихъ господъ.

Старый идеалистъ, вѣрившій въ людей, несмотря на ежедневныя, но безслѣдныя для него разочарованія, Гаазъ думалъ, что достаточно указать на печальныя практическія послѣдствія того или другого закона, чтобы добиться его отмѣны, забывая, что этотъ законъ опирался на цѣлый порядокъ вещей, укоренившійся въ окружающемъ обществѣ и поддерживаемый нравственнымъ безпорядкомъ въ совѣсти многихъ изъ членовъ послѣдняго. Ему не суждено было двинуть впередъ разрѣшеніе задачи, оказывавшейся не по силамъ даже современнымъ ему русскимъ монархамъ. Извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, вслѣдствіе обнаруженія возмутительнаго образа дѣйствій отставного штабсъ-капитана Раздеришина, покупавшаго для своего гарема у помѣщиковъ по одиночкѣ малолѣтнихъ «крестьянскихъ дѣвокъ», возникъ вопросъ о воспрещеніи продажи крѣпостныхъ порознь и безъ земли, разработанный въ превосходно составленныхъ проектахъ братьевъ А. И. и Н. И. Тургеневыхъ (по коммиссіи составленія законовъ). Несмотря, однако, на то, что императоръ Александръ Первый, горячо ратовавшій на Вѣнскомъ конгрессѣ за прекращеніе торга *черными* невольниками, отнесся и къ прекращенію у себя торга *бѣлыми* невольниками весьма сочувственно,—государственный совѣтъ похоронилъ этотъ вопросъ. Если, по этому поводу, знаменитый адмиралъ Мордвиновъ защищалъ допустимость продажи людей по одиночкѣ тѣмъ практическимъ соображеніемъ,

что таковой можетъ содѣйствовать переходу «проданнаго раба отъ лютаго помѣщика въ руки мягкосердаго господина», то другой адмиралъ—А. С. Шишкинъ—сталъ на почву еще болѣе широкую. Указывая, что въ то время, когда почти всѣ европейскія державы вокругъ Россіи мятутся и волнуются, послѣдняя всегда пребывала и пребудетъ спокойною, онъ писалъ: «внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина не показываетъ ли, что благословенное отечество наше больше благоденствуетъ, и больше благополучно, нежели всѣ другіе народы? не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что-жъ перемѣны въ законахъ, въ обычахъ, въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны?—изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи, подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ кажется, что есть ли бы и вподлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять»... Такія мнѣнія затянули дѣло, и оно, въ виду отсутствія настояній со стороны Александра Перваго, было отложено въ долгій ящикъ.

Императоръ Николай былъ искреннимъ противникомъ того, по выраженію Ивана Аксакова, «клейма домашняго позора», которое, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, называлось крѣпостнымъ *правомъ*. «Я не понимаю,—сказалъ онъ въ 1847 г. депутаціи смоленскаго дворянства, — какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ — съ другой». Онъ ясно сознавалъ весь вредъ, матеріальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди удобствъ дарового труда,—ихъ увѣренія что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, наряду съ преувеличенными опасеніями,—и наконецъ тревожныя впечатлѣнія, вызванныя революціей 1848 и 1849 годовъ, парализовали волю Государя. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею келейностью, и которыми предполагалось достигнуть *смягченія* несовмѣстимаго ни съ человѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Со своими добрыми, хотя и недостаточно твердыми, желаніями Государь былъ почти безсиленъ среди сплотившихся вокругъ него защитниковъ существующихъ крѣпостныхъ устоевъ.

Подъ вліяніемъ господствовавшихъ во времена Гааза взгля-

довъ осуществленіе владѣльцами «душъ» своихъ правъ надъ тѣломъ и чувствомъ подвластныхъ проявлялось очень часто въ самой возмутительной формѣ, — то принимая характеръ необузданнаго произвола, то облекаясь въ своеобразныя формы регламентаціи. Въ первомъ отношеніи достаточно указать, напр., на оставшіяся неопровергнутыми свѣдѣнія, сообщаемыя въ интереснѣйшемъ сборникѣ г. Дубасова, посвященномъ «Тамбовской старинѣ», о помѣщикѣ, носившемъ извѣстное титулованное имя, изящномъ свѣтскомъ человѣкѣ, музыкантѣ и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, писателѣ, который, какъ истинный виртуозъ жестокости, давалъ по *тысячѣ* ударовъ розгами крѣпостнымъ, безъ различія пола, играя, подъ крики истязуемыхъ, на билліардѣ, и, иногда, приказывая затѣмъ къ избитымъ мѣстамъ ставить шпанскія мушки, — мазалъ дегтемъ и и смолою провинившихся, держимыхъ въ башенкѣ на крышѣ господскаго дома по нѣскольку дней безъ пищи, и предавался по отношенію къ крѣпостнымъ дѣвушкамъ всѣмъ ухищреніямъ воспаленной низкимъ и алчнымъ развратомъ мысли. Не менѣе жестокости проявляли и нѣкоторыя помѣщицы. Не даромъ большая часть ходатайствъ Гааза за крѣпостныхъ относилась къ тѣмъ, которыя принадлежали представительницамъ «прекраснаго пола». Здѣсь поводомъ къ систематическому преслѣдованію виновныхъ въ «продерзостныхъ поступкахъ», бывшихъ «причиною негодованія помѣщика» и не подлежавшихъ, на основаніи указа 1822 года, «никакому розысканію»,—являлась зачастую ревность къ несчастной дѣвушкѣ, поставленной вь безвыходное положеніе между подозрительною барынею и заигрывающимъ бариномъ. Намъ приходилось слышать воспоминанія супруги одного изъ сибирскихъ губернаторовъ конца пятидесятыхъ годовъ о молодой и миловидной нянѣ, взятой изъ ссыльныхъ крестьянокъ, которая наивно объясняла свою ссылку тѣмъ, что «баринъ былъ молодъ, а барыня стара», причемъ оказывалось, что несчастная дѣвушка за то, что баринъ, приходя въ дѣвичью, гдѣ она состояла искусной вязальщицей, иногда останавливался около нея съ «разговоромъ».—была барынею переведена въ прачки и за первую же оплошность въ совершенно новомъ для нея дѣлѣ подвергнута отрѣзанію косы, высѣчена на конюшнѣ, а затѣмъ, очевидно подъ опьяняющимъ вліяніемъ гнѣвной ревности, сослана въ Сибирь...

Когда, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, Венингъ нашелъ въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, устроенныхъ такъ, что, благодаря острымъ спицамъ въ восемь дюймовъ длины, нельзя было лечь, а въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ — пять тяжелыхъ

стульевъ, прикованныхъ къ арестантамъ цѣпью съ ошейникомъ,— онъ писалъ: «я основательныя имѣю причины думать, что нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ мучатся единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто». Конечно, еще хуже было положеніе тѣхъ беззащитныхъ, относительно которыхъ совсѣмъ ненужно было разсчитывать на *угожденіе*, а достаточно было собственнаго, совершенно безконтрольнаго *усмотрѣнія,* и притомъ даже не помѣщика, а его управляющаго. Въ архивѣ П. И. Щукина есть интересное въ этомъ отношеніи дѣло, изъ котораго видно, что въ 1818 г. къ симбирскому губернатору явилось болѣе ста человѣкъ крестьянъ помѣщицы Наумовой, съ жалобою на нестерпимыя жестокости управляющаго и безплодность своихъ обращеній къ мужу помѣщицы. Между ними оказались двое, прикованные къ тяжелымъ стульямъ, а одинъ съ желѣзною «клѣтью» на шеѣ, вѣсомъ въ восемнадцать футовъ. Изслѣдованіемъ ихъ жалобы обнаружено, что даже за неровно проведенную борозду крестьянъ били плетьми и «батожьемъ» нещадно, не обращая вниманія на полъ и на беременность нѣкоторыхъ изъ наказываемыхъ, и что въ видѣ орудія наказанія крестьянъ существуетъ въ имѣніи желѣзная шапка, заклепываемая наглухо, заведенная еще при прежнемъ владѣльцѣ имѣнія, графѣ Орловѣ «для обращенія раскольниковъ» (!) и для пойманныхъ бѣглыхъ. Какъ велики были раскрытыя слѣдствіемъ жестокости, видно изъ того, что шапка, по распоряженію губернатора, была разбита кузнецами, которые призывались для ея заклепыванія на крестьянахъ, и остатки ея брошены въ Волгу; плакавшимъ и благодарившимъ «за судъ Божескій» крестьянамъ, отслужившимъ молебствіе о здравіи Государя и встрѣтившимъ губернатора съ образомъ Спасителя, хлѣбомъ и солью, было внушено молиться за Государя и повиноваться помѣщику, а губернскому правленію предложено предписать уѣзднымъ предводителямъ «дабы они по званію своему вмѣнили себѣ въ обязанность имѣть въ виду обращеніе помѣщиковъ и ихъ управляющихъ съ крестьянами и напоминали бы, кому признаютъ нужнымъ, *о духѣ благотворительности нашего времени*». Но этотъ рѣдкій лучъ человѣчности и справедливости относительно крѣпостныхъ тотчасъ же погасъ въ бюрократической тьмѣ тогдашняго времени, такъ какъ Комитетъ министровъ далъ отпоръ слабой попыткѣ систематическаго наблюденія за пользованіемъ помѣщиками своею карательною властью и подтвердилъ ея безконтрольность, кромѣ конечно вопіющихъ случаевъ, въ родѣ лишенія жизни истязаніями,—случаевъ, по большей части безгласныхъ и рѣдко доходившихъ до суда. Комитетъ министровъ нашелъ, что «1) учинен-

наго по предложенію губернатора предписанія уѣзднымъ предводителямъ столь гласнымъ образомъ дѣлать не слѣдовало, для того, чтобы симъ не подать повода къ злоупотребленію и затѣйнымъ донесеніямъ на помѣщиковъ самыхъ даже справедливыхъ и благонамѣренныхъ, отчего могутъ возникнуть лишнія безполезныя слѣдствія, влекущія за собою неминуемое разстройство въ имѣніяхъ, и если не нарушающія вовсе, то по меньшей мѣрѣ неизбѣжно ослабляющія должное повиновеніе, безъ коего всякій порядокъ долженъ исчезнуть, и 2) церемонія, крестьянами учиненная... признается не только неприличною, но даже ни съ чѣмъ не сообразною...», почему и положилъ симбирскому гражданскому губернатору «все сіе поставить видъ»...

Въ томъ же архивѣ мы встрѣчаемъ интересныя записки харьковскаго помѣщика Замятнина, относящіяся къ примѣненію наказаній къ крѣпостнымъ. Вотъ какъ, со своеобразнымъ юморомъ, описываетъ онъ «происшествіе въ Боркахъ въ 1825 году». «Великаго поста на Страстной недѣлѣ гдѣ всѣ говеютъ гдѣ я живу. Являются ко мнѣ двѣ молодыя дѣвушки въ слѣзахъ, кинувши ко мнѣ въ ноги прося что бы я упросилъ ихъ барыню чтобъ ихъ простили. Я спрашиваю причину ихъ слезъ и вины. Они отвечаютъ что недоплели ко времени по 3 вершка кружева, то ихъ сильно высекли и теперь заставили грязь носить со двора въ передникахъ, проливая горькія слѣзы, примолвя, да мы же говеимъ, и барыня тоже. Я тотчасъ пишу къ барынѣ и прошу чтобъ не разсуждала а простила бы сихъ двухъ наказанныхъ дѣвушекъ для меня. Она отвечаетъ, что все для меня сдѣлаетъ *а сіе правило у нихъ въ точности соблюдается изъ старины.* Я являюсь къ самому обѣду, гдѣ нахожу и протопопа, который тутъ находился по своей службѣ. За столомъ я селъ подлѣ него и завелъ я рѣчь, говоря: какое теперь страшное время, мы всѣ прибѣгаемъ къ Богу, прося прощеніе въ нашихъ грехахъ. Всѣ повторяютъ: да такъ. Господь говоритъ: если вы съ чистымъ сердцемъ прибѣгаете то я прощаю. Но Господь вдругъ взглянулъ въ окошко и ужаснулся, говоря: что я вижу въ такое время когда всѣ прибѣгаютъ ко мнѣ прося прощенія въ грѣхахъ, я вижу двухъ молодыхъ дѣвушекъ Дашу и Машу подъ наказаніемъ. Кто ихъ такъ наказалъ. Барыня говоритъ я. За что? они по 3 вершка кружева не доплели. Ахъ грѣшница, вы мнѣ всякоя по 3 пуда грѣховъ наплели да я простилъ васъ а ты за 3 вершка кружева наказуешь!»

Какъ на образецъ довольно рѣдкой регламентаціи взысканій можно указать на «Наказательную книгу 1818 года Муромскихъ вотчинъ дѣйствительной статсъ-дамы и разныхъ орденовъ кавалера

графини Литта», въ которой строжайше подтверждается распоряженіе «о присмотрѣ навсегда за крестьянами», въ силу котораго замѣченный въ пьянствѣ или даже найденный въ кабакѣ долженъ быть доставляемъ въ вотчинное правленіе, гдѣ «поступать съ таковыми въ первый разъ—наказать розгами 50 ударами или взысканіемъ 50 коп. и на три сутки въ работу,—во второй разъ въ двое того, а въ третій разъ—объстричь половину головы и половину бороды и употребить уже на цѣлой мѣсяцъ въ черную работу».

Дѣйствуя подъ вліяніемъ и по примѣру Гааза, Александръ Ивановичъ Тургеневъ являлся заступникомъ и за ссылаемыхъ крѣпостныхъ. Быть можетъ, къ этому его первоначально понудило и одно тяжелое воспоминаніе, подобно тому, какъ упреки, выслушанные 16-ти-лѣтнимъ Николаемъ Милютинымъ отъ матери за продержаніе своего кучера болѣе пятнадцати часовъ на трескучемъ морозѣ,—вспоминались затѣмъ всю жизнь «кузнецомъ-гражданиномъ», такъ много сдѣлавшимъ для раскованія оковъ крѣпостного права. «Вчера возилъ я французовъ на Воробьевы горы,—пишетъ Тургеневъ князю Вяземскому ровно за 21 годъ до освобожденія крестьянъ, 19 февраля 1840 года, въ письмѣ, которое представляетъ своего рода микрокосмъ тогдашнихъ «строгихъ» порядковъ,—pour le départ de la chaine. Вдругъ слышу голосъ: «батюшка, Александръ Ивановичъ!»—Это былъ мой эксъ-форейторъ Никифоръ, отданный въ солдаты за пьянство, выключенный изъ жандармовъ въ армію съ придачей 300 палокъ, вытерпѣвшій п.000 сквозь строй за дерзость противъ начальства и нынѣ ссылаемый въ Сибирь... *Больно тяжко на совѣсти!*»—Быть можетъ, этотъ добродушный возгласъ стараго слуги звучалъ затѣмъ въ душѣ Тургенева, до самой его смерти, сильнѣй, чѣмъ всѣ насмѣшки кн. Вяземскаго, писавшаго ему въ 1842 г.: «хоть ты еще не сенаторъ и не оберъ-прокуроръ, но ты генералъ-прокуроръ всѣхъ несчастныхъ, страждущихъ и обиженныхъ и око Провидѣнія на Воробьевыхъ горахъ и въ прочихъ лощинахъ и вертепахъ правосудія etc., etc... Къ тому же послѣ удовольствія писать кому бы ни было, нѣтъ тебѣ болѣе удовольствія, какъ помогать и дѣлать добро кому бы ни попало».

Объ отношеніи Тургенева къ жертвамъ крѣпостного права свидѣтельствуетъ, между прочимъ, обращеніе его, въ 1843 году, къ популярному и вліятельному въ Москвѣ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. «Есть ли бы сердце ваше мнѣ съ нѣкотораго времени не было такъ извѣстно,—писалъ онъ Голицыну,—я бы, можетъ быть, не рѣшился бы такъ смѣло обратиться къ вамъ; но

вотъ въ чемъ дѣло: послѣ осьмимѣсячныхъ хлопотъ мнѣ и Гаазу удалось уговорить одного помѣщика дать волю несчастной женщинѣ, которую онъ почиталъ для него пропадшею и которая назначена была, въ качествѣ бродяги, къ ссылкѣ въ Сибирь. Сверхъ того она должна была быть разлучена съ *десятимѣсячнымъ* ребенкомъ. Надежда ожила для нее; но для исполненія оной должны мы доставить помѣщику 500 рубл. асс. за выкупъ, или за отпускную. Мы надѣемся уговорить его отпустить ее и за 350 или за 400 р.; и рѣшились собрать сію сумму. Могъ ли я не вспомнить о томъ, кто сокровища свои, какъ нѣкогда предки его, высылаетъ туда, гдѣ тля не тлитъ ихъ, и даетъ взаймы Богови! Удѣлите отъ крупицъ вашихъ погибающей и содѣйствуйте къ ея искупленію во дни нашего Искупителя».

Самого Гааза особенно тревожила судьба бѣглыхъ крестьянъ, водворяемыхъ къ помѣщикамъ, отъ которыхъ они уходили, иногда изъ одной боязни суроваго наказанія за какую-нибудь пустую провинность. Въ архивѣ П. И. Щукина есть переписка о водвореніи къ помѣщицѣ «дворовой дѣвки», бѣжавшей отъ страха предъ жестокимъ наказаніемъ, ждавшимъ ее за «упускъ изъ клѣтки господскаго чижа». Предполагаемыя, съ полнымъ притомъ основаніемъ, страданія возвращаемыхъ «въ первобытное состояніе» заставляли Гааза утруждать тюремный комитетъ мольбами о заступничествѣ предъ возстановленными въ своихъ дерзостно поруганныхъ правахъ владѣльцами душъ. Онъ самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, независимо отъ комитета, писалъ о томъ же мѣстнымъ губернаторамъ, прося ихъ «покровительства смирившемуся». Иногда онъ пытался, подъ предлогомъ болѣзни арестованнаго, остановить дальнѣйшую пересылку бѣглаго и на время удержать его въ лазаретѣ, чтобы дать время комитету и губернатору повліять на помѣщика. Но это ему не всегда удавалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь «умягчить гнѣвъ» послѣдняго, онъ старался подготовить пересылаемаго къ предстоящей суровой долѣ и искалъ для этого опоры въ текстахъ священнаго писанія. Домогаясь во время своей опалы, чтобы при уходѣ партій каждый разъ присутствовалъ членъ комитета, уполномоченный «оказать отправляемымъ людямъ христіанскую услугу», — Ѳедоръ Петровичъ писалъ въ комитетъ 9 января 1840 года: «между выступившими въ прошлый понедѣльникъ оказалась женщина Аграфена, слѣдующая въ Ярославль, въ возвратъ помѣщицѣ своей, отъ коей отлучилась шесть лѣтъ назадъ, изъясняя, какъ обыкновенно, что житья ей не было и т. п. Я старался предствить ей, что какіе бы ни были труды и обиды, надобно ихъ переносить ради Бога—и для ея утвержденія велѣлъ ей прочитать слова Апостола, которыя мы всегда отмѣчаемъ въ

успокоеніе господскихъ людей, а именно посланія къ Ефессянамъ, главы VI, стихи 5—9. Она сперва думала, что сіе не можетъ быть такъ повелѣно отъ Бога, чтобы терпѣть обиды, но когда по прочтеніи въ томъ убѣдилась, то сказала, что сего никогда не слыхала, а напротивъ ей то въ одно, то въ другой ухо говорили: «бѣги куда-нибудь, за что тебѣ претерпѣвать». Она жаловалась на то, что всѣ шесть лѣтъ она не была спокойна — и когда я предложилъ ей, до отправленія къ помѣщицѣ, облегчить себя исповѣдью и причастіемъ, она отвѣчала, что очень того желаетъ, еслибы это было возможно. Я тотчасъ сказалъ смотрителю, что женщину сію слѣдуетъ остановить для исповѣди, но смотритель отвѣчалъ, что если она не больна, онъ никакъ ее не остановитъ. И такъ сія женщина вышла изъ вѣдѣнія тюремнаго комитета, не укрѣпивпись духомъ,—и даже время упущено просить чрезъ оный предъ помѣщицей той женщины о благоволеніи и приложеніи стиха девятаго сего посланія».

Къ характеристикѣ Гааза.

Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ былъ человѣкъ глубоко религіозный. Особенно привлекательны были для него образы тѣхъ католическихъ подвижниковъ, которые видѣли призваніе истиннаго христіанина не въ аскетической заботѣ о своемъ спасеніи, а въ живой, любвеобильной дѣятельности словомъ и дѣломъ, жертвою и примѣромъ для облегченія ближнихъ и понятія ихъ духа. Ссылки на Франциска Ассизскаго и Франциска де Саль, примѣры изъ ихъ жизни и восторженные о нихъ отзывы очень часто встрѣчаются въ его письмахъ и даже оффиціальныхъ бумагахъ. Его истинная религіозность, какъ и слѣдовало ожидать, вызывала въ его широкомъ сердцѣ не отчужденіе отъ «несогласно-мыслящихъ», а благородную терпимость и уваженіе къ ихъ убѣжденіямъ. Будучи ревностнымъ сыномъ римской церкви, въ ученіи которой былъ воспитанъ, онъ скорбѣлъ о раздѣленіи церквей, мечталъ о времени, когда будетъ «едино стадо и единъ пастырь», и велъ долгія бесѣды съ митрополитомъ Филаретомъ, разбирая постановленія флорентійскаго собора и отыскивая въ нихъ пути для примиренія разногласій. Но онъ не былъ ни фанатикомъ, ни узкимъ догматикомъ. Для него, по отзыву дочери его друга, г-жи Поль, православная церковь была равноправною сестрою римской, имѣющею одинаковыя права на уваженіе вѣрующихъ. Онъ столь рѣшительно высказывалъ такой взглядъ и съ такой любовью посѣщалъ православныя богослуженія на Воробьевыхъ горахъ и въ тюремномъ зáмкѣ, что его пріятель, докторъ Рейсъ, усердный католикъ, од-

нажды сказалъ ему: «еслибы святой отецъ зналъ ваши убѣжденія, онъ давно бы отлучилъ васъ отъ церкви!» Разставаясь съ воспитанникомъ своимъ Норшинымъ, покидавшимъ Москву для службы въ должности военнаго врача, Гаазъ сказалъ ему—тоже католику—между прочимъ: «ты человѣкъ молодой и у тебя цѣлая жизнь впереди,—но не забывай, что смерть приходитъ внезапно и иногда во цвѣтѣ лѣтъ,—поэтому будь къ ней готовъ—и если тяжко заболѣешь, то старайся остаться христіаниномъ до конца и не умереть, не покаясь предъ Богомъ; тогда, если возлѣ не будетъ католическаго патера, зови, не задумываясь, православнаго священника и проси у него напутствія...»—Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ стоялъ за свободу совѣсти и неодобрительно относился къ попыткамъ обращенія арестантовъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, основательно предполагая въ большинствѣ случаевъ такого перехода подневольнаго человѣка косвенное нравственное на него давленіе, или личный, своекорыстный разсчетъ обращаемаго. Не надо забывать, что въ дѣйствовавшемъ въ то время уложеніи о наказаніяхъ была статья 157 (ст. 166 XV т. с. з. 1857 года), обѣщавшая иновѣрному не-христіанину, принявшему во время слѣдствія и суда православную вѣру, не только смягченіе мѣры и степени наказанія, слѣдующаго ему за всякое, безъ исключенія, преступленіе, но даже и измѣненіе *рода* наказанія. Существованіе этой статьи могло внушать арестантамъ неправильную, но понятную мысль, что и перемѣна инославнаго исповѣданія на православное можетъ вызвать по отношенію къ подсудимому нѣкоторую благосклонность суда. Переходы католиковъ въ православіе были, по свидѣтельству протоіерея Воинова, не рѣдкимъ явленіемъ въ тюремномъ зàмкѣ. Это было не по душѣ Гаазу, одинаково чтившему всѣ христіанскія исповѣданія. Въ разговорахъ его съ отцами Орловымъ и Воиновымъ онъ роптала на это, не вѣря въ искренность побужденій обращаемыхъ, и даже разъ приходилъ къ послѣднему нарочно, чтобы уговаривать его не «переводить» католиковъ, потому что не слѣдуетъ «уговаривать христіанина мѣнять религію, въ которой онъ рожденъ, и притомъ, развѣ предъ Богомъ католикъ и православный, живущіе по завѣтамъ Христа—не одинаковы?» Изъ такихъ взглядовъ его вытекало и его глубокое состраданіе къ раскольникамъ, которыхъ онъ никакъ не могъ «сопричислить къ тяжелымъ преступникамъ» полагая, что заблужденіе ихъ о томъ, «чѣмъ угодить Господу», можетъ быть разсѣяно не суровою карою, а «чувствомъ величайшаго о нихъ сожалѣнія, влекущаго помилованіе и милосердіе».

Во взглядахъ своихъ, не раздѣляемыхъ ни холоднымъ умомъ Филарета, умѣвшаго, какъ осеннее солнце, свѣтить, но не грѣть,

ни графомъ Закревскимъ съ его самодовлѣющею расторопностью,—Ѳедоръ Петровичъ однако сходился съ великою Екатериною, которая говорила еще въ 1782 году Храповицкому: «въ шестьдесятъ лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно». Незавѣдомо для себя, конечно, сходился онъ во мнѣніяхъ и съ однимъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ государственныхъ людей, просвѣщеннымъ устроителемъ Крыма и Кавказа, графомъ М. С. Воронцовымъ. Вотъ что̀ писалъ послѣдній къ Кеппену въ письмѣ отъ 14 февраля 1855 года: «Я совершенно согласенъ съ съ вами на счетъ вреда между крестьянами отъ расколовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, и надо дѣлать все возможное, чтобы уменьшить эту опасность для будущаго и для дѣтей, но въ этомъ надобно поступать весьма осторожно, и ни въ какомъ случаѣ не употреблять не только какихъ-нибудь насилій, но даже увѣщанія черезъ особливыхъ священниковъ, а дѣйствовать примѣромъ и учрежденіемъ школъ, гдѣ мальчики изъ раскольниковъ могутъ учиться вмѣстѣ съ православными, и мало по малу оставить расколъ безъ всякаго принужденія. Но и тутъ надобно имѣть за правило, чтобы дѣтей никогда не посылать въ эти школы, ежели родители этого не хотятъ, ибо это было бы уже первый шагъ къ насилію, а болѣе нежели сорокалѣтній опытъ мнѣ доказалъ, что всякое насиліе въ такомъ случаѣ есть вещь не только несправедливая, но самая вредная, ибо оно усиливаетъ заблужденіе стариковъ и дѣлаетъ ихъ еще болѣе упрямыми въ немъ, тогда какъ кротостью и представленіемъ способовъ безъ всякаго насилія для ученія дѣтей и выбирая между священниками только тѣхъ, которые чужды всякаго фанатизма, слѣдуютъ только христіанскому чувству и не стараются получать награды отъ своего начальства за просвѣщеніе будто бы въ православную вѣру, можно навѣрное достигнуть болѣе или менѣе успѣха. Главное дѣло найти добросовѣстныхъ и прямо христіанскихъ священниковъ, которые бы примѣромъ и кроткимъ, умнымъ совѣщаніемъ умѣли достигнуть нашей цѣли; такимъ надобно представить нѣкоторыя выгоды и увѣрить ихъ, что я никогда не забуду полезныя ихъ заслуги;—но съ другой стороны, что я не могу позволить или терпѣть, чтобы въ этомъ благомъ дѣлѣ было малѣйшее насиліе и какія нибудь *свѣтскія* причины или надежды»,

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ какіе-то путешественники привезли въ Москву безпріютнаго двѣнадцати-лѣтняго мальчика, круглаго сироту, встрѣченнаго ими въ Ковенской губерніи—и не знали, что̀ съ нимъ дальше дѣлать. Узнавъ объ этомъ, Гаазъ взялъ мальчика къ себѣ, занялся съ любовью его воспитаніемъ,

самъ преподавалъ ему математику и естественныя науки и довелъ его до университета, въ которомъ помогъ ему, своею заботою и наблюденіемъ, окончить въ 1846 году курсъ лекаремъ.

Этотъ мальчикъ былъ Николай Агапитовичъ Норшинъ, скончавшійся 78-ми лѣтъ, три года назадъ, въ Рязани, отставнымъ губернскимъ врачебнымъ инспекторомъ. Переписка Гааза съ нимъ, начиная съ осени 1846 года, обнаруживаетъ, съ какимъ сердечнымъ участіемъ и нѣжной заботою слѣдилъ старикъ за жизнью своего питомца, приходя къ нему на помощь и матеріальною поддержкою, и совѣтами, въ которыхъ всегда слышалось «sursum corda!» Норшинъ въ теченіе своей долгой жизни перевелъ много медицинскихъ книгъ, за которыми провелъ и послѣдніе годы своей *домосѣдной* жизни въ самой скромной обстановкѣ. Онъ пользовался, по словамъ «Русскаго Врача», общимъ уваженіемъ, обладалъ всестороннимъ образованіемъ и, «будучи достойнымъ воспитанникомъ доктора Гааза», отличался добротою, прямотою характера и уменьемъ стоять за гонимыхъ. Поздравляя Норшина съ имянинами и днемъ рожденья и наивно перечисляя при этомъ, подобно людямъ изъ простого народа, всѣхъ вспоминавшихъ о немъ и посылающихъ поклоны («nous vous félicitons tous: Осипъ Никифоровичъ, Николай Дмитріевичъ, Надежда Яковлевна, et le petit Алексѣй Дмитріевичъ, et la Пелагея...»), Гаазъ обыкновенно тотчасъ же переходитъ къ идеямъ и вопросамъ высшаго порядка и объясняетъ «имяниннику», чего онъ ждетъ отъ него по отношенію къ людямъ. «Вспомните въ этотъ день,—пишетъ онъ въ 1846 году,—что надо стараться идти по путямъ, начертаннымъ Богомъ, которые суть единственно ведущіе къ счастію состоящему въ спокойствіи совѣсти; на всѣхъ другихъ путяхъ, насъ встрѣтятъ лишь призраки счастія и иллюзіи довольства»... «Вы говорите мнѣ,—пишетъ онъ въ другой разъ,—о тягостныхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на васъ первыми служебными встрѣчами (Норшинъ былъ военнымъ врачомъ). Я думаю, что еслибы ваше житейское назначеніе состояло лишь въ томъ, чтобы исправлять или замѣнять добромъ зло, которое приносятъ «эти люди» своими гнѣвными вспышками и безжалостнымъ обращеніемъ, то и тогда мы должны бы радоваться, что Провидѣніе помогло намъ окружить васъ съ молодости нашей дружбою и дать въ васъ выработаться тѣмъ прекраснымъ качествамъ ума и сердца, которыя вы *должны* употреблять на счастье ближнихъ». . «Мнѣ радостно было узнать,—пишетъ Гаазъ 5-го іюля 1847 года,—что вамъ пришлось оказать гостепріимство нѣсколькимъ бѣднякамъ. Конечно, это всего угоднѣе, Богу,—но еслибы у васъ не было у самого ни крова, ни пищи, ни денегъ, чтобы раздѣлить съ несчастнымъ, не забывайте,

что добрый совѣтъ, сочувствіе—есть тоже помощь и иногда очень дѣйствительная...» Въ одномъ изъ писемъ, на нѣмецкомъ языкѣ, Ѳедоръ Петровичъ, оставшійся на всю жизнь холостякомъ «чистымъ какъ дитя», высказалъ Норшину, между прочимъ, свой взглядъ на супружескія отношенія. «Вы намѣреваетесь, дорогой другъ жениться—пишетъ онъ 18-го іюля 1851 г.,—да благословитъ Богъ ваше намѣреніе и пусть ваше семейное счастье будетъ земною наградою за добро, которое вы старались и стараетесь дѣлать окружающимъ. Вы знаете мой взглядъ на счастіе. Оно состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми. Поэтому—избѣгайте, другъ мой, всего, что̀ почему-либо можетъ огорчить вашу жену, вашу подругу—и предусмотрительно обдумайте свой образъ дѣйствій такъ, чтобы дѣлать ей пріятное. Haec fac ut felix vivis! Меня нѣсколько тревожитъ разность вашихъ исповѣданій. Ваша будущая жена протестантка, а еще Шеллингъ сказалъ какъ-то въ Іенѣ, что протестанты перестали бы быть таковыми, еслибы постоянно не протестовали. Между супругами должно существовать полное согласіе и взаимное пониманіе. Но его лучше всего достигнуть не спорами и пререкательствами, а помня, что Богъ одинъ для всѣхъ, и относясь къ женѣ такъ, какъ апостолъ Петръ совѣтуетъ ей относиться къ мужу, т.-е. украшая себя нетлѣнною красотою кроткаго и молчаливаго духа...»

Первое впечатлѣніе, вызываемое оригинальнымъ костюмомъ Гааза и его сангвиническимъ, нѣсколько суровымъ лицомъ, оживляющимся доброю улыбкой лишь когда онъ говорилъ,—не всегда было благопріятнымъ для него. Его громкій голосъ, живыя движенія, нѣкоторая торопливость и вмѣстѣ разсѣянность человѣка, постоянно захваченнаго одною, жизненной для него, заботой—дѣйствовали раздражающимъ образомъ на нервныхъ людей. По словамъ свидѣтеля послѣднихъ дней жизни Гоголя, доктора Тарасенкова, именно такое непріятное впечатлѣніе производилъ онъ обыкновенно на больного и мрачно настроеннаго великаго писателя нашего, который даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Какъ нарочно, въ 1852 году, почти за два мѣсяца до смерти Гоголя—они встрѣтились въ ночь подъ новый годъ на лѣстницѣ дома графа Толстого. Гаазъ, думая вѣроятно пожелать Гоголю рядъ счастливыхъ годовъ, не совладалъ съ переводомъ своей мысли на русскій языкъ и сказалъ Гоголю, что хотѣлъ бы ему такого *новаго* года, который даровалъ бы ему *вѣчный* годъ. Слова эти произвели на суевѣрнаго Гоголя очень дурное впечатлѣніе и поселили въ немъ, замѣченное окружающими, уныніе...

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

(1903 г.).

I.

30 сентября 1823 года изъ кареты, подъѣхавшей, въ ряду цѣлой вереницы экипажей, къ русско-прусской границѣ, вышла, почтительно привѣтствуемая, очень молодая дѣвушка—и впервые ступила на русскую землю. «Je sens que j'entre dans une patrie» сказала она окружающимъ—и это была не просто любезная фраза, ни къ чему не обязывающая и ничего не обѣщающая. Сказанное юной Виртембергской принцессой—Фредерикой-Шарлоттой-Маріею было свято и настойчиво осуществлено великою княгинею Еленою Павловною за все время ея пребыванія въ странѣ, которую она признала родною и которой она служила, какъ настоящей родинѣ, со всѣмъ пыломъ своего горячаго сердца и со всею глубиною своего ума. Выдающіяся свойства этого ума и тонкая сердечная деликатность, выражавшаяся въ умѣніи ставить себя въ положеніе другихъ, вмѣстѣ съ привлекательнымъ тѣлеснымъ обликомъ—сразу стали завоевывать ей симпатіи людей, встрѣчаемыхъ и отыскиваемыхъ ею на жизненномъ пути. Обликъ этотъ измѣнялся съ годами, но до конца производилъ свѣтлое впечатлѣніе,—симпатіи же во всѣхъ кто имѣлъ возможность увидѣть ее ближе и узнать, оставались неизмѣнны. «Личико у ней премиленькое—писалъ своей дочери Ю. А. Нелединскій-Мелецкій 4 декабря 1823 года—и такимъ, конечно, всякому покажется потому, что она имѣетъ черты правильныя, свѣжесть розана, взглядъ живой, видъ

ласковый,-- ростомъ она не величка и еще не совсѣмъ сложилась». «Великая княгиня Елена Павловна,—записываетъ въ своемъ дневникѣ, чрезъ двадцать четыре года, Варнгагенъ фонъ Энзе—оправилась отъ послѣдней болѣзни, имѣетъ здоровый видъ—и по прежнему красавица». Въ соотвѣтствіи съ такой внѣшностью находились и главныя ея душевныя свойства. Ихъ отличала неувядающая свѣжесть воспріимчивости и отзывчивость,—отражавшіяся на всей ея «повадкѣ», на характерѣ ея обращенія съ людьми и на ея отношеніи къ различнымъ событіямъ. Вспоминая свое свиданіе съ Еленой Павловной въ Берлинѣ, въ концѣ 1831 г.—графиня Блудова говоритъ въ своихъ запискахъ: «Великая княгиня почти подбѣжала ко мнѣ... Еще 45 лѣтъ назадъ, я въ первый разъ увидѣла ее и эту *стремительность* походки ея, которая поражала какъ *особенность* внѣшняя, привлекательная, какъ живое радушіе. Эта стремительность, была лишь вѣрнымъ выраженіемъ стремительности *характера и ума ея*, стремительности, которою она увлекала всѣ мало-мальски живые умы, *которая ее самую иногда увлекала и приводила за собой немало разочарованій*, но сама по себѣ была очаровательна. Ни лѣта, ни болѣзнь, ни горе не измѣнили этой особенности, и только въ самый послѣдній разъ, въ день праздничнаго пріема у нея, въ самый послѣдній разъ, когда я ее видѣла живою, 28-го Декабря 1872 г., *за 12 дней до ея кончины*, измѣнилась эта походка, и какое-то неопредѣленное, смутное чувство недоумѣнія и безпокойства охватило меня. Еще прекрасная, но блѣдная, какъ будто надломленная, подходила она къ намъ въ пріемной, что передъ домовой церковью ея, опираясь на руку фрейлины; она, которая никогда не нуждалась въ такой помощи, которая, бывало, свѣжая и веселая, какъ бы окрыленная своимъ живымъ умомъ, переходила отъ одного къ другому изъ собранныхъ у нея гостей, съ улыбкой и привѣтливыми словами для каждаго! Улыбка была еще на ея блѣдномъ лицѣ и слова привѣта въ устахъ, но утомленные глаза и слабая походка непохожи были на нее и болѣзненно поражали сердце.»

«Умница рѣдкая!—восклицаетъ Нелединскій-Мелецкій въ письмѣ къ дочери отъ 8 Октября 1823 года—всѣ въ этомъ согласны, но, говорятъ, кромѣ ума она имѣетъ самый зрѣлый разсудокъ и уже были примѣры ея рѣшительной твердости. И это въ 16 лѣтъ! и свѣтъ ей такъ мало знакомъ, что здѣсь, въ Петербургѣ, она въ первый разъ въ жизни увидѣла театръ...».—Свѣтскія удовольствія дѣйствительно были еще мало знакомы молодой принцессѣ, но суровая школа жизни уже дала ей себя почувствовать и заставила съ очень раннихъ лѣтъ, предупреждая горькій опытъ, духовно на-

сторожиться и выработать въ себѣ большую выдержку и пониманіе людей. Не все было свѣтлымъ въ обстановкѣ ея дѣтства и отрочества. Безпокойный и неуживчивый характеръ ея отца, принца Павла Карла Виртембергскаго (1785—1852 гг.), побудившій его оставить службу въ Россіи, сказался и въ тѣхъ отношеніяхъ его, которыя сложились въ Штутгартѣ. Между разсѣянною жизнью принца и размѣреннымъ обиходомъ чопорной обстановки небольшого нѣмецкаго двора возникли непримиримыя противурѣчія, вызывавшія неоднократныя размолвки его съ королемъ. Подъ вліяніемъ ихъ принцъ Павелъ рѣшился навсегда покинуть Виртембергъ. Его привлекалъ Парижъ, куда онъ и переселился со всѣми дѣтьми, не взирая на то, что его старшій сынъ, при тогдашней бездѣтности короля Вильгельма I, долженъ былъ наслѣдовать престолъ. Сыновья были помѣщены въ Лицей, а дочери—и въ томъ числѣ Фредерика-Шарлотта—отданы въ пансіонъ, содержимый извѣстною г-жею Кампанъ. Разумно поставленное, систематическое воспитаніе замѣнило для десятилѣтней дѣвочки своенравную суровость угрюмой и раздражительной бабушки—дочери Георга III англійскаго—и своеобразные педагогическіе пріемы отца, характеристикой которыхъ можетъ служить расказъ бывшей подруги молодой принцессы, г-жи Вальтеръ-Андре, о томъ, что желая отучить дочь отъ непреодолимой боязни мышей, принцъ Павелъ приказывалъ набирать ихъ цѣлый мѣшокъ и внезапно вытряхивалъ его предъ ребенкомъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ потомъ приводимымъ въ чувство...

Дружба съ обучавшимися у Кампанъ дѣвицами Вальтеръ, родственницами Кювье, бывшаго въ это время директоромъ Jardin des plantes, представила знаменитому натуралисту случай и возможность оцѣнить живой, проницательный и жадный къ знанію умъ юной принцессы. Вмѣстѣ съ Вальтерами онъ сталъ брать къ себѣ на воскресенья, праздники и вакаціи и ее съ сестрою. Долгія бесѣды съ великимъ ученымъ, его разсказы и указанія, частыя совмѣстныя, полныя интереса, прогулки по устроенному имъ «Саду» и его учрежденіямъ и разумное знакомство съ силами природы въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и произведеніяхъ—должны были стать благотворною школою для умственнаго и нравственнаго развитія молодой дѣвушки и имѣть сильное и возвышающее вліяніе на ея воспріимчивую душу...

Чрезъ четыре года принцессѣ пришлось вернуться въ Штутгардтъ и нѣкоторое время снова жить въ обстановкѣ, во многомъ представлявшей контрастъ съ условіями жизни, столь плодотворно проведенной ею въ Парижѣ. Но ощущать этотъ контрастъ ей пришлось недолго. Императрица Марія Ѳеодоровна,—письма кото-

рой къ своимъ молодымъ сыновьямъ, Николаю и Михаилу, во время ихъ отлучекъ за границу обличаютъ большую и нѣжную заботливость о ихъ воспитаніи,—пришла къ убѣжденію, что для младшаго ея сына Великаго Князя Михаила Павловича настало время вступить въ бракъ—и ея проницательный выборъ остановился на принцессѣ Фредерикѣ-Шарлоттѣ.

Принцессѣ еще не было шестнадцати лѣтъ, когда русскій посланникъ при Виртембергскомъ дворѣ графъ Бенкендорфъ торжественно вручилъ ей письмо императора Александра I-го, въ которомъ послѣдній просилъ ея руки для своего брата. «Remerciez sa Majesté Impériale de ce qu' elle daigne ecrire à une enfant»—отвѣчала она. Но назвавъ себя скромно ребенкомъ, она приступила къ приготовленіямъ къ новой жизни съ вдумчивою серьезностью взрослаго человѣка. Ободренная въ нѣкоторыхъ своихъ сомнѣніяхъ по вопросу о перемѣнѣ вѣроисповѣданія примѣромъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, которую она всю жизнь очень чтила, принцесса бодро принялась за самостоятельное изученіе русскаго языка и исторіи, по словарю и грамматикѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она уже понимала русскій языкъ на столько, чтобы читать на немъ. Первою книгою, съ которою она основательно познакомилась, была «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина. Ѣдучи въ Россію она собрала свѣдѣнія о выдающихся лицахъ, съ которыми ей предстояло встрѣтиться на первыхъ же порахъ, инстинктивно понимая всю справедливость того, что въ «Измаилъ Беѣ» впослѣдствіи выразилъ Лермонтовъ, совѣтуя

«...Не забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта!»

«Представь себѣ,—пишетъ Нелединскій-Мелецкій 8 октября 1823 г. дочери—дѣвицу 16 лѣтъ, пріѣхавшую къ такому пышному двору какъ нашъ, и къ которой, чрезъ полтора часа по выходѣ изъ кареты, подводятъ, одного за другимъ, человѣкъ двѣсти, съ которыми она *со всякимъ* молвитъ по *приличности каждаго*».—«Я знакома съ вашимъ трудомъ, сказала она между прочимъ Карамзину—и не думайте, чтобы я читала его только въ переводѣ: я прочла его по русски.» Она,—пишетъ А. М. Михайловскій-Данилевскій,—«какъ феноменъ, обратила на себя единодушное вниманіе всѣхъ и болѣе мѣсяца составляла предметъ общихъ разговоровъ:—не было ни одного человѣка изъ представленныхъ ей, который не отзывался бы съ восхищеніемъ объ ея умѣ, свѣдѣніяхъ и любезности; не знаю какова будетъ впослѣдствіи судьба ея въ Россіи, но во время пріѣзда ея въ наше отечество за-

висть и злословіе, избравшіе предпочтительно свое пребываніе при дворахъ—умолкли.»

Императрица Марія Ѳеодоровна приняла свою будущую невѣстку со знаками живѣйшаго сочувствія и искренняго расположенія,—выѣхала ей на встрѣчу за нѣсколько станцій и, поселивъ у себя въ Гатчинѣ, постепенно ознакомила ее почти со всѣми бывавшими при дворѣ. Она успѣла съ нѣжнымъ умѣньемъ успокоить душевныя тревоги впечатлительной дѣвушки, попавшей въ совершенно незнакомую и непривычную обстановку и стоявшей со своимъ юнымъ сердцемъ на порогѣ новой, полной тревожной загадочности жизни. Между ними установилось полное довѣріе, выразившее въ духовномъ завѣщаніи императрицы Маріи Ѳеодоровны, умершей чрезъ пять лѣтъ.

8 февраля 1824 г. было совершено безъ особой торжественности, вслѣдствіе болѣзни императора Александра, въ походной церкви, поставленный въ смежной съ его кабинетомъ комнатѣ, бракосочетаніе вел. кн. Михаила Павловича съ Фредерикою-Шарлоттою, еще 5 декабря 1823 года нареченной Еленою.

Супругъ Елены Павловны ждетъ своего біографа, который вѣроятно съумѣетъ составить изъ разбросанныхъ и эпизодическихъ разсказовъ о немъ одно цѣлое, показавъ сліяніе и вмѣстѣ разграниченіе въ одномъ лицѣ представителя неумолимаго служебнаго долга, понимаемаго крайне узко и формально,—и человѣка съ острымъ, иронически настроеннымъ умомъ и добрымъ, сострадательнымъ сердцемъ. Строевыя традиціи двухъ предшествовавшихъ царствованій властно отразились на великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ и наряду съ тягостными и тревожными воспоминаніями о 14 декабрѣ 1825 года повліяли на многое, когда онъ сдѣлался императоромъ. Людвигъ Шнейдеръ, издатель цѣнимой Николаемъ Павловичемъ газеты «Der Soldatenfreund», въ сочиненіи «Aus meinem Leben» приводитъ слѣдующія слова русскаго государя, сказанныя ему, въ откровенной бесѣдѣ, во время Потсдамскихъ маневровъ въ 1838 года. «Здѣсь между солдатами и посреди этой дѣятельности я, любезный Шнейдеръ, чувствую себя вполнѣ и совершенно счастливымъ. Я понимаю также, почему вы, не будучи солдатомъ, такъ любите все военное. Въ военной службѣ господствуетъ порядокъ, строгая, безусловная законность, не замѣчается всезнайства и страсти противорѣчить, здѣсь все подходитъ одно къ другому и сливается одно съ другимъ. Здѣсь никто не приказываетъ до тѣхъ поръ, пока не научился повиноваться, никто безъ всякаго на то права не перешагиваетъ черезъ другого; здѣсь все подчиняется

опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое значеніе. Только здѣсь нѣтъ фразъ, а слѣдовательно, нѣтъ и лжи, которая встрѣчается вездѣ. Здѣсь ни къ чему не служитъ притворяться и обманывать, такъ какъ каждый долженъ показать, наконецъ, предъ лицомъ опасности и смерти, что онъ такое. Вотъ почему мнѣ привольно жить въ средѣ этихъ людей и я всегда буду держать въ почетѣ военное званіе. Въ немъ все служба, и даже высшій главнокомандующій служитъ. Я считаю всю жизнь человѣческую службой, потому что каждый служитъ; — многіе, конечно, лишь своимъ страстямъ, но имъ то солдатъ и недолженъ служить, остерегаясь даже своихъ наклонностей. Если каждый на свѣтѣ отправлялъ бы лишь ту службу, которая лежитъ на немъ, то господствовали бы порядокъ и спокойствіе; если бы все шло по мнѣ, то на свѣтѣ не было бы ни безпорядка, ни нетерпѣнія, ни высокомѣрія».—Преданный братъ и восторженный поклонникъ государя, вел. кн. Михаилъ Павловичъ назначенный еще при самомъ рожденіи, въ 1798 году, генералъ-фельдцейхмейстеромъ и носившій, затѣмъ, званіе главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскими корпусами и главнаго начальника управленія всѣми военно-учебными заведеніями, принялся за осуществленіе идеала своего брата въ военной средѣ съ чрезвычайною прямолинейностью и ревностью. Проникнутый сознаніемъ своего служебнаго долга, онъ являлся блюстителемъ самой строжайшей дисциплины и выполненія мельчайшихъ требованій формы—и былъ грознымъ карателемъ малѣйшихъ отступленій и упущеній въ этомъ отношеніи. Господствовавшій взглядъ большинства военныхъ дѣятелей того времени, за рѣдкими исключеніями, въ родѣ Ермолова, требовалъ чтобы войско проявляло свои свойства не въ упражненіяхъ, пріучающихъ владѣть оружіемъ, а на смотрахъ и парадахъ гдѣ главную роль играли выправка, чистота и равненіе фронта, и верхомъ котораго былъ церемоніальный маршъ, гдѣ мѣрно, съ механическою точностью двигающіяся, шеренги вытягивались, какъ струны. Это достигалось крайними и подчасъ неимовѣрными усиліями, дававшими обильное число случаевъ нарушенія дисциплины и все таки не приводившими къ окончательному открытію того, что впослѣдствіи великая княгиня Елена Павловна называла, по свидѣтельству гр. М. Д. Бутурлина, «*философскимъ камнемъ* равненія въ кавалерійскомъ фронтѣ, пѣшей выправки и игры носка». Открытію этого «философскаго камня» приносилась безсознательно въ жертву боевая готовность войскъ, что и сказалось такимъ роковымъ образомъ въ Севастопольскую годину. Не даромъ кажущееся анекдотическимъ, но тѣмъ не менѣе повидимому достовѣрное сказаніе приписывало одному изъ высоко-

стоящихъ военачальниковъ того времени изрѣченіе: «война *портитъ* солдатъ, *пачкаетъ* мундиры и *разрушаетъ* строй.»

Совершенно устраненный отъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики («un pauvre vermisseau comme moi,—говорилъ онъ въ 1828 году прусскому посланнику фонъ-Герлаху—ne peut pas se mêler de la politique»), Михаилъ Павловичъ сосредоточилъ всю свою дѣятельность на поддержаніи соотвѣтствующихъ взглядовъ эпохи порядка и субординаціи въ подчиненномъ ему вѣдомствѣ, предпринявъ въ немъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рядъ улучшеній, подробно указанныхъ въ 1898 году въ его краткой біографіи, составленной генераломъ Лалаевымъ. Князь А. В. Мещерскій описываетъ характерными чертами тѣ утренніе пріемы въ Михайловскомъ дворцѣ, въ присутствіи начальниковъ отдѣльныхъ частей и полковыхъ адъютантовъ, во время которыхъ великій князь, послѣ пріема представляющихся, указывалъ собравшимся на всѣ нарушенія формы и порядка, замѣченныя имъ во время ежедневной прогулки по улицамъ Петербурга. По разсказу графа М. Д. Бутурлина требованія строевого ранжира простирались иногда даже на чуждыя военному дѣлу области и одному изъ полковыхъ командировъ было объявлено въ приказѣ замѣчаніе за то, что солдаты ввѣреннаго ему полка, изображавшіе на сценѣ Большого театра, въ качествѣ статистовъ, римскихъ воиновъ—*шли не въ ногу*...

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ строгій формалистъ Павловской школы, съ виду суровый и угрюмый,—былъ «золотымъ сердцемъ въ желѣзной оправѣ»—и осуществлялъ тяжкія въ своей строгости требованія лишь по чувству служебнаго долга, котораго былъ образцовымъ представителемъ, а не по внутреннему влеченію. Есть множество указаній на то, что роль, принятая имъ на себя, бывала ему подчасъ тяжела. «Суровость его лица и взгляда, рѣзкая манера выговаривать и неумѣренная строгость взысканій даже за сравнительно маловажные проступки,—говорится въ запискахъ князя Н. К. Имеретинскаго,—все это было вынуждено, не нормально и свойственно только *видимому,* но не *истинному* характеру Михаила Павловича. По природѣ онъ былъ добрѣйшимъ человѣкомъ и только послѣ его кончины выказались безчисленные примѣры его помощи бѣднымъ».

Уроки матери въ этомъ отношеніи нашли себѣ благодарную почву въ сердцѣ ея младшаго сына. «J'ai encore à vous dire, mes chers enfants,—писала императрица Марія Ѳеодоровна своимъ сыновьямъ Николаю и Михаилу 5-го іюля 1815 года,—que je vous ai fait participer aujourd'hui à une bonne oeuvre: un malheureux employé, d'une conduite exemplaire pendant 18 ans, a cédé à la

misère et s'est rendu coupable de toucher à une somme à laquelle il n'aurait pas dû toucher, mais le besoin lui a fait commettre cette faute; en l'aidant la faute pouvait être réparée et son honneur être sauvé. Je vous ai donc associés au secours à lui faire, chers enfants, et lui ai fait donner quatre cents roubles de votre caisse à chacun, et par ce secours réuni de nous tous lui et sa famille sont sauvés. Je me dis que vous m'en remercierez, mes bons amis». Онъ умѣлъ оказывать помощь тайно, безъ всякой рисовки и съ безоглядной щедростью, такъ что его личныя средства не разъ бывали, вслѣдствіе этого, въ самомъ незавидномъ положеніи. Здѣсь зачастую рѣзкое столкновеніе голоса сердца съ требованіями службы заставляло его идти на трогательныя сдѣлки съ самимъ собою. Начальникъ штаба артиллеріи докладываетъ о растратѣ, сдѣланной батарейнымъ казначеемъ. Сколько?—спрашиваетъ великій князь.—Три тысячи.—Немедленно внести изъ моихъ денегъ—и чтобы я не зналъ, какъ его зовутъ! (Воспоминанія В. М. Еропкина). Дежурный адъютантъ Бибиковъ, въ поздній ночной часъ рѣшается доложить ему, что пришелъ, въ отчаяніе, наканунѣ ревизіи, гвардейскій офицеръ и заявляетъ, что растратилъ нѣсколько тысячъ. «Вотъ деньги, — говоритъ Михаилъ Павловичъ, отдай ему и не смѣй мнѣ называть его: я долженъ буду отдать его подъ судъ; скажи ему, что я эти деньги даю ему, какъ частный человѣкъ». Въ кругу близкихъ людей, въ рѣдкія минуты, когда онъ рѣшался оставить свой оффиціальный видъ, онъ становился веселымъ собесѣдникомъ, блиставшимъ то безобиднымъ, то полнымъ ироніи остроуміемъ и игрою словъ, преимущественно по-французски. Именно такимъ видѣлъ его Антонъ Рубинштейнъ, когда шутя и остря, съ сигарой и громадной собакой, онъ пришелъ въ послѣдній разъ въ гостиную жены предъ отъѣздомъ въ Варшаву, въ апрѣлѣ 1849 года. Смѣлая находчивость или ловкая шутка, однако иногда обезоруживали даже его служебную строгость—и добродушный смѣхъ, этотъ общій примиритель, расправляя складки надъ его нахмуренными бровями, обращалъ въ ничто готовившуюся дисциплинарную кару. Въ этомъ смыслѣ отношенія его къ нарушеніямъ субординаціи и къ выходкамъ прапорщика л.-г. Московскаго полка Булгакова представляютъ цѣлую своеобразную эпопею. Эту раздвоенность между требованіями тогдашней службы и естественнымъ складомъ характера великаго князя—и ту душевную ломку, которой онъ долженъ былъ подвергать себя, обязавшись нести «честно и грозно» отмежеванныя ему обязанности, лучше всего характеризуетъ разсказъ, сохранившійся въ записной книжкѣ издателя «Русскаго Архива». Однажды великій князь, возвращаясь изъ-

за границы, ѣхалъ въ экипажѣ вмѣстѣ съ графомъ Ланскимъ, привѣтливый и веселый. На пограничной станціи они должны были оба надѣть военную форму. Генералъ Ланской переодѣлся скорѣе и ожидалъ великаго князя въ комнатѣ, куда тотъ и пришелъ въ военномъ сюртукѣ, съ фуражкою въ рукахъ. Подойдя къ зеркалу, великій князь улыбнулся, раскланялся и сказалъ: «Прощайте, Михаилъ Павловичъ!» Послѣ этихъ словъ онъ тотчасъ же поднялъ плечи, нахмурилъ брови и уже остался затѣмъ такимъ, какимъ его знало большинство въ Россіи.

II.

Супружество в. к. Елены Павловны продолжалось почти 26 лѣтъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ скончался въ Варшавѣ 28-го февраля 1849 года. Отмѣчая внѣшнее различіе характеровъ ихъ обоихъ, «Русская Старина» (1882 г., № 3), находитъ, что «поэтическая, идеальная натура великой княгини какъ бы смягчала реальное, можетъ быть даже прозаическое направленіе ея супруга, точно также, какъ и онъ, въ свою очередь, знакомилъ ея юное, восторженное сердце съ холодною и подчасъ жесткою стороною жизни обыденной». Это послѣднее ознакомленіе, конечно, должно было оставлять, особенно въ первое время, болѣзненные слѣды на юномъ и восторженномъ сердцѣ главной обитательницы Михайловскаго дворца,—а затѣмъ пришли и настоящіе удары судьбы, поражавшіе ея материнскія чувства и заставившіе ее тяжело выстрадать потерю четырехъ дочерей, изъ которыхъ двѣ, Елизавета и Марія, скончались въ самомъ расцвѣтѣ молодости. Воспитаніе ихъ—и оставшейся въ живыхъ Екатерины Михаиловны—было предоставлено великимъ княземъ всецѣло своей супругѣ, въ виду ея разносторонняго образованія и знакомства съ педагогическою дѣятельностью. Полу-шутя, полу-серьезно Михаилъ Павловичъ взялъ на себя преподаваніе старшимъ дочерямъ лишь одного предмета изъ любимой сферы своихъ занятій—кавалерійскихъ и пѣхотныхъ сигналовъ на рожкѣ и барабанѣ. Случалось,—разсказываетъ А. А. Катенинъ,—что великій князь, строго выговоривъ офицеру, сдѣлавшему на смотру ошибку въ этой азбукѣ строевой службы,—привозилъ виновнаго въ свой дворецъ и, заставляя юныхъ великихъ княженъ безошибочно объяснять значеніе двухъ-трехъ сигналовъ, сыгранныхъ на выдержку вызваннымъ съ гауптвахты гористомъ,—говорилъ сконфуженному гвардейцу: «вотъ, сударь мой, мои дочери, дѣти, малютки, ангелы Божіи, знаютъ сигналы, которые, какъ

видно, вамъ совсѣмъ незнакомы, а потому-съ милости прошу отправиться на гауптвахту»...

Императоръ Николай Павловичъ выражалъ супругѣ своего брата особое вниманіе. Цѣня ея умъ и образованность и понимая духовныя потребности ученицы и собесѣдницы Кювье, онъ старался создать для нея по возможности удовлетворяющую ее, въ условіяхъ мѣста и времени, обстановку. «C'est le *savant* de notre famille», — сказалъ онъ однажды П. Д. Киселеву, — я къ ней отсылаю европейскихъ путешественниковъ; въ послѣдній разъ это былъ Кюстинъ, который завелъ со мною разговоръ объ исторіи православной церкви: я его тотчасъ отправилъ къ Еленѣ, которая разскажетъ ему болѣе, чѣмъ онъ самъ знаетъ». По справедливому замѣчанію этого самаго Кюстина, великой княгинѣ была, по неотъемлемому праву, присвоена лестная, хотя и трудная обязанность «de faire les honneurs de la littérature à la cour de l'empereur Nicolas». Государь направилъ любознательнаго и наблюдательнаго француза именно куда надлежало, такъ какъ даже знаменитый архіепископъ Херсонскій Иннокентій былъ, по его словамъ, «удивленъ и почти униженъ» сознаніемъ, что великая княгиня, зная ближе, чѣмъ онъ самъ, исторію и основанія православія, захватила его нѣкоторыми вопросами врасплохъ и вынудила у него просьбу дать ему время справиться для категорическаго отвѣта.

И до конца своихъ дней она интересовалась всѣми явленіями изъ области знанія и умственной дѣятельности, приходя, гдѣ было нужно, на помощь своимъ участіемъ, содѣйствіемъ и матеріальною поддержкою. Она имѣла долгія бесѣды съ профессоромъ Арсеньевымъ, желая поближе познакомиться съ новѣйшею исторіею и статистикою Россіи, — желала имѣть точныя и систематическія свѣдѣнія о главнѣйшихъ «законоположеніяхъ» своего новаго отечества, — посѣтила Университетъ, знакомясь въ подробностяхъ съ его дѣятельностью и устройствомъ, — интересовалась рѣчами, произносимыми въ Академіи Наукъ въ память умершихъ ея сочленовъ, — вела длинные разговоры съ епископомъ Порфиріемъ (Успенскимъ) о его ученыхъ трудахъ и о Синайской библіи, — устроила переводъ русскихъ богослужебныхъ книгъ на нѣмецкій языкъ, — хлопотала объ учрежденіи преміи, въ видѣ медали, для выдачи вольно-экономическимъ обществамъ за лучшія сочиненія о хозяйствѣ Россіи, — дала средства академику Радлову издать въ пяти томахъ его замѣчательные труды по изученію тюркскихъ нарѣчій, — помогала въ трудныя минуты матеріальныхъ затрудненій извѣстному русскому путешественнику Потанину, — приняла самое горячее и дѣятельное участіе въ охраненіи жизни и безопасности изслѣдова-

телей Средней Азіи, итальянцевъ графа Литта и Гаваццо, захваченныхъ бухарскимъ эмиромъ,—заказала чрезъ Ю. Ѳ. Самарина профессору Бѣляеву написать изслѣдованіе о началахъ представительныхъ учрежденій въ Россіи,—слушала лекціи академика Брандта по энтомологіи и т. д. Въ покояхъ великой княгини встрѣчали въ высшей степени внимательный и ласковый, сознательно-обдуманный пріемъ—и Гумбольдтъ, ѣхавшій съ цѣлою плеядою ученыхъ для изслѣдованія Урала, и баронъ Гакстаузенъ, и знаменитый Мурчисонъ и наши извѣстные ученые Беръ и Струве, подавшій во время посѣщенія Пулковской обсерваторіи государемъ съ многочисленною свитою, своимъ смущеніемъ поводъ къ остротѣ великаго князя Михаила Павловича о множествѣ звѣздъ, усмотрѣнныхъ знаменитымъ астрономомъ *не на своемъ мѣстѣ*... На ряду съ ними у нея появлялись выдающіеся представители и знатоки искусства, какъ, наприм., Рубинштейнъ и графъ Віельгорскій, и выдѣлялись, среди другихъ, озаренное свѣтомъ глубокой и возвышенной мысли лицо князя Одоевскаго и оригинальная фигура поэта Тютчева. Наконецъ, всѣ просвѣщенные государственные дѣятели, перешагнувшіе своимъ трудомъ и силою своей личности за обычныя рамки «прохожденія службы» какъ наприм., гр. Блудовъ, Ланской, Чевкинъ, кн. С. Н. Урусовъ, кн. Горчаковъ, гр. Муравьевъ-Амурскій и представители позднѣйшаго поколѣнія—были желанными гостями и собесѣдниками великой княгини. У нея была, отмѣчаемая Киселевымъ, особенная способность освоиваться со всѣмъ, что ей казалось полезнымъ изучить, и умѣнье обращаться къ людямъ замѣчательнымъ съ полными ума вопросами, которые просвѣщали ее и въ то же время давали удовлетвореніе законному самолюбію собесѣдника. Чуткая въ симпатіяхъ и вѣрная въ дружбѣ, она умѣла цѣнить каждаго съ истинною человѣчностью—по тѣмъ проявленіямъ, въ которыхъ выражались лучшія стороны его натуры, а не по будничной его дѣятельности,—и привязывать тѣмъ ихъ къ себѣ на всю жизнь. «Юбилей государственнаго человѣка, прошедшаго, подобно вамъ, славный путь—писала она 13-го іюня 1867 года князю Горчакову—составляетъ общественное достояніе. Но и дружба имѣетъ въ такой день свое преимущество, состоящее въ личныхъ воспоминаніяхъ о прошломъ. Обращаясь мыслью ко временамъ вашей и вмѣстѣ моей молодости, я позволю себѣ передать вамъ вещь, которую вы съумѣете оцѣнить. Это лорнетъ императора Александра, хранившійся у меня на Каменномъ островѣ. Онъ помогалъ ясности зрѣнія государя. Я надѣюсь, что мы еще многіе годы будемъ приписывать и вамъ это качество. Не имѣя, подобно вамъ, права сказать: «познайте меня по дѣламъ моимъ» я, тѣмъ

не менѣе, всегда буду говорить вамъ: «познайте меня по моей къ вамъ дружбѣ».

«Замѣчательная это была женщина!—восклицаетъ въ своихъ запискахъ А. Г. Рубинштейнъ—другой, равной ей, я ни прежде, ни послѣ, въ ея положеніи не знавалъ. Съ чисто великокняжескою представительностью она соединяла бездну такта и умѣнья войти въ *положеніе*, въ *мысль* каждаго, кто къ ней приближался. Все это дѣлалось притомъ съ чарующею простотою, сразу уничтожавшею условность и натянутость бесѣды».—«Она была такъ мила, такъ проста,—пишетъ саксонскій посланникъ гр. Фицтумъ фонъ-Экстедъ,—что я позволилъ себѣ однажды сказать ей: «какъ жаль, в. в., что вы—великая княгиня! Какъ пріятно было бы иногда поболтать съ вами, если бы рѣшиться подойти къ вамъ безъ выполненія требованій этикета». Она засмѣялась и сказала, что въ жизнь свою не обращала ни малѣйшаго вниманія на этикетъ».

Иногда въ залахъ ея дворцовъ устраивались, подъ ея руководствомъ, празднества, отличавшіяся особымъ вкусомъ и оригинальностью. Такъ, Гнѣдичъ въ письмѣ къ г-жѣ Зонтагъ, восхищается вечеромъ, даннымъ хозяйкою Михайловскаго дворца въ 1830 г., на которомъ, по ея мысли, предъ императрицею предстали девять музъ— и Талія, изображаемая «во всей строгости древняго греческаго костюма» И. А. Крыловымъ, продекламировала стихотвореніе, начинавшееся словами:

«Про дѣвушку меня идетъ худая слава:
Что будто я весьма дурного права»...

Такъ, лица совершенно разныхъ положеній и взглядовъ, баронъ М. А. Корфъ и баронесса М. П. Фредериксъ съ одинаковымъ восторгомъ вспоминаютъ въ своихъ запискахъ о великолѣпномъ и единственномъ въ Петербургѣ исполненіи, по мысли и во дворцѣ великой княгини Елены Павловны, любителями изъ общества, Веберовскаго «Оберона», при чемъ во главѣ кадрилей сильфовъ и ундинъ были блиставшія поразительною красотою дочери императора Николая—Марія и Ольга Николаевны.

Интересуясь всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ умственной и общественной жизни, Елена Павловна въ послѣдніе годы царствованія императора Николая создала сравнительно нейтральную почву, на которой могла встрѣчаться съ интересовавшими ея людьми, не ставя этой встрѣчи въ зависимость отъ ихъ права имѣть пріѣздъ ко двору или не стѣсняя ихъ обычными условіями обстановки великокняжескихъ вечеровъ. Князь П. А. Вяземскій записываетъ въ своей «Книжкѣ», въ 1854 году: «Великая княгиня даетъ по

четвергамъ вечера подъ именемъ и по приглашенію княгини Одоевской. Кто-то назвалъ ихъ des soirées morganatiques. Я бы назвалъ ихъ des soirées pseudonimes»—и въ 1855 году: «сегодня вечеръ у княгини Одоевской во дворцѣ, т.-е. у Елены Павловны». Впослѣдствіи княгиню Одоевскую замѣнила княжна Львова—и въ 1859 году князь Вяземскій отмѣчаетъ подъ 10-мъ декабря: «вечеръ у Елены Павловны подъ псевдонимомъ княжны Львовой». Здѣсь наблюдала и изучала различныхъ, болѣе или менѣе выдающихся, людей эта «высокая гостья» своихъ импровизированныхъ хозяевъ, сама выдаваясь между ними своими душевными свойствами. «Она имѣла—пишетъ гр. Блудова—даръ, рѣдкій у столь высоко поставленныхъ лицъ, сохранять вполнѣ человѣческія отношенія *духовнаго равенства,* соблюдая однако достоинство своего сана,—то мягкое, привѣтливое, безобидное достоинство, которое истекаетъ изъ высоты моральной и которое такъ охотно признается всѣми, потому что въ основаніи его болѣе чувствуется сознаніе своихъ высокихъ *обязанностей,* чѣмъ своихъ правъ...» Впрочемъ, не одни выдающіеся люди интересовали ея живой и воспріимчивый умъ. Съ глубокой житейской проницательностью она умѣла находить поучительныя стороны и въ людяхъ самаго обыкновеннаго калибра. «Повѣрьте мнѣ,—сказала она однажды графинѣ Блудовой,—что маленькій кружокъ, *котерія*—приноситъ великій вредъ: онъ съуживаетъ горизонтъ и развиваетъ предразсудки, замѣняя твердость воли упрямствомъ. *Сердцу* нужно имѣть общеніе только съ друзьями, но *умъ* требуетъ новыхъ началъ, противорѣчія, знакомства съ тѣмъ, что дѣлается за стѣнами вашего дома. Нѣтъ такого глупаго или несвѣдущаго человѣка, отъ котораго нельзя было бы научиться чему-нибудь полезному, если только дать себѣ этотъ трудъ».

Императоръ Николай до конца своихъ дней сохранилъ искреннее уваженіе къ Еленѣ Павловнѣ. Онъ не рѣдко совѣтовался съ нею въ семейныхъ дѣлахъ и, при всей своей самостоятельности, прислушивался къ ея мнѣніямъ. Онъ любилъ посѣщать великую княгиню, которую въ домашнемъ кругу шутливо называлъ «madame Hélène» или «madame Michel». Въ ея каменностровскомъ дворцѣ произошелъ у него съ англійскимъ посломъ Сеймуромъ знаменитый и столь чреватый событіями разговоръ о наслѣдствѣ послѣ «больнаго человѣка». Уже снѣдаемый недугомъ, онъ заѣхалъ къ ней въ Михайловскій дворецъ 9-го февраля 1855 г. Когда, черезъ девять дней, она вошла къ умирающему государю, чтобы проститься съ нимъ, онъ, спокойно привѣтствуя ее, сказалъ, по словамъ баронессы Фредерикс: «Eh bien—madame Michel—стоитъ машина!»

III.

Искусство—какъ жажда *идеальнаго*, вызванная пресыщеніемъ *реальнымъ* въ его разнообразныхъ проявленіяхъ,—всегда живо интересовало великую княгиню. Она ободряла его представителей серьезнымъ вниманіемъ къ ихъ призванію, участливымъ отношеніемъ къ ихъ нуждамъ. «Подвязывать крылья» начинающему таланту—доставляло ей истинную радость; поддерживать развивающійся талантъ, въ минуты унынія и упадка духа въ его обладателѣ, она считала своей нравственной обязанностью. И дѣлалось все это просто, безъ всякой рисовки, деликатно и щедро. Она, между прочимъ, дала средства Иванову, чтобы перевезти его извѣстную картину «Явленіе Христа народу» въ Петербургъ и снять съ нея, стоившіе въ то время очень дорого, фотографическіе снимки; ей обязанъ народный художникъ И. Ѳ. Горбуновъ оказаннымъ ему при первыхъ его шагахъ въ Петербургѣ ласковымъ пріемомъ въ обществѣ и принятіемъ его на казенную сцену. Особенное вниманіе удѣляла она серьезной музыкѣ, этому, по мнѣнію ея стараго друга, князя В. Ѳ. Одоевскаго, «языку невыразимыхъ словами чувствъ». Ея теплымъ гостепріимствомъ пользовались талантливыя дѣвушки, обладавшія сильнымъ и умѣлымъ голосомъ и она взяла на воспитаніе маленькую дѣвочку, рано обнаружившую музыкальныя способности, и дала ей возможность выработаться въ извѣстную пѣвицу и преподавательницу—Лешетицкую-Фридебургъ. Она же обратила вниманіе на выдающійся по силѣ и красотѣ голосъ Никольскаго и содѣйствовала тому, что безвѣстный пѣвчій придворнаго хора сталъ знаменитымъ теноромъ русской оперы. Достаточно, наконецъ, упомянуть о ея неизмѣнномъ и плодотворномъ покровительствѣ Антону Рубинштейну, всю жизнь съ восторгомъ вспоминавшему ея просвѣщенное и задушевное къ себѣ отношеніе. Музыкальные вечера великой княгини были блестящимъ средоточіемъ серьезныхъ занятій искусствомъ, не какъ средствомъ развлеченія, но какъ предметомъ вдумчивой оцѣнки и изученія. Подъ вліяніемъ этихъ вечеровъ зародилась мысль объ учрежденіи *русскаго музыкальнаго общества* и его органовъ — *консерваторій*, за осуществленіе которой Елена Павловна взялась со всею свойственною ей пылкостью и настойчивостью, не останавливаясь предъ личными матеріальными жертвами и продавъ съ этой цѣлью даже свои брилліанты.

Духовныя свойства великой княгини Елены Павловны выражались не въ однихъ проявленіяхъ ума и художественныхъ наклонностяхъ. Ихъ особенно характеризовала та ея дѣятельность,

гдѣ этотъ умъ являлся исполнителемъ велѣній пылкаго сердца, въ которомъ горѣла настоящая, живая и практическая любовь къ людямъ, одинаково чуждая и неразборчивой чувствительности, и легкой удовлетворяемости. Въ дѣлахъ добра ближнимъ великая княгиня ставила себѣ ясную и опредѣленную цѣль и, *полюбивъ* въ своихъ благородныхъ мечтахъ ея осуществленіе, умѣла хотѣть достигнуть его. Разъ взявшись за дѣло, она вела его неуклонно, становясь его слугою въ лучшемъ смыслѣ слова. «Легко расположить себя къ свободному желанію,—говорилъ митрополитъ Филаретъ—не такъ легко взять на себя бремя принужденнаго исполненія». Именно въ этомъ смыслѣ понимала она свою общественную дѣятельность, движущія начала которой были оцѣнены въ первые же пять лѣтъ пребыванія ея въ Россіи императрицею Маріею Θеодоровною. Выражая, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, желаніе, чтобы основанные ею институты—Повивальный и Маріинскій — управлялись съ заботливостью и вниманіемъ, Марія Θеодоровна просила государя поручить управленіе ими 20-ти-лѣтней Еленѣ Павловнѣ. «Зная *твердость* и *доброту характера* своей невѣстки, писала она, я убѣждена, что въ такомъ случаѣ эти институты будутъ всегда процвѣтать и приносить пользу государству». И дѣйствительно, великая княгиня проявила свои свойства самымъ широкимъ образомъ по отношенію къ этимъ заведеніямъ, входя во всѣ подробности ихъ жизни и устройства, какъ о томъ свидѣтельствуетъ интересная переписка ея съ княземъ В. Θ. Одоевскимъ и дневникъ академика Никитенко, который былъ пораженъ тѣмъ, что въ эпоху крикливаго и ослѣпленнаго патріотическаго самохвальства она требовала отъ воспитанницъ Маріинскаго института на экзаменѣ русской исторіи, чтобы онѣ не умалчивали о темныхъ сторонахъ прошлаго своего отечества, говоря *«съ русскимъ* чувствомъ, но *правду»*... Съ такою же заботливостью занималась она поступившимъ въ ея вѣдѣніе училищемъ Св. Елены, впервые устроеннымъ безъ принятія во вниманіе сословныхъ различій воспитанницъ. Съ годами эта область ея дѣятельности расширялась все болѣе. Кончина нѣжно любимыхъ дочерей—герцогини Нассауской Елисаветы Михаиловны въ 1845 году и Маріи Михаиловны въ 1846 году—не погрузила великую княгиню въ «нѣмое бездѣйствіе печали» а вызвала къ жизни основанныя ею — Елисаветинскую дѣтскую больницу въ Петербургѣ и дѣтскіе пріюты «Елисаветы и Маріи» въ Петербургѣ и Павловскѣ. Смерть герцога Максимиліана Лейхтенберскаго передала въ ея высшее завѣдываніе Максимиліановскую лѣчебницу для приходящихъ, которую она расширила и совершенно преобразовала, создавъ въ ней отдѣленія

постоянныхъ кроватей. Въ всѣхъ этихъ и рядѣ болѣе мелкихъ учрежденій она была не просто «высокой покровительницею», а дѣятельною и озабоченною ихъ успѣхомъ силою, умѣвшею всѣхъ вокругъ одушевлять и объединять, не подавляя никого своею личностью и возбуждая въ каждомъ радостное сознаніе общей работы на общую пользу. Нужды этихъ учрежденій удовлетворялись ею съ великою и щедрою готовностью—и для обезпеченія ихъ будущаго она не останавливалась, очень часто въ явный ущербъ себѣ, предъ очень большими затратами.

Главнымъ личнымъ дѣломъ великой княгини Елены Павловны было учрежденіе Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. Севастопольскій погромъ послужилъ поводомъ къ особой дѣятельности великой княгини, которой были особенно ясны и показной, хвастливый патріотизмъ того времени, и, по выраженію Ивана Аксакова, «фасадность» внѣшняго величія Россіи, за которымъ скрывалось внутреннее неустройство и разъѣдающая язва крѣпостного права. Крымская война была одновременно и торжествомъ внѣшняго непріятеля, и побѣдой внутреннихъ воровъ. Положеніе было критическое. Многострадальный русскій солдатъ умиралъ голодный, безпомощный и обобранный, съ негоднымъ оружіемъ въ рукахъ и умѣніемъ погибать, но не сражаться по правиламъ и способамъ новѣйшаго искусства.

Это время связано съ выступленіемъ на военную сцену *Пирогова*. Едва ли нужно говорить о значеніи для Россіи и о высотѣ этого имени, составляющаго одно изъ настоящихъ основаній для истинной національной гордости нашей. Четырнадцатилѣтній студентъ, 17-ти-лѣтній лекарь и 22-хъ-лѣтній докторъ медицины, призванный на каѳедру хирургіи, Пироговъ былъ представителемъ тѣхъ новыхъ теченій въ медицинѣ, которыя опирались на гигіену, уходъ за больными и профилактику, и въ которыхъ таились зародыши будущей септики и асептики и ряда благодѣтельныхъ открытій послѣдняго времени. Но отвращеніе къ рутинѣ и смѣлый взглядъ впередъ дорого стоили Пирогову. Требованія лучшаго содержанія больныхъ и раціональнаго ухода за ними, предъявленныя имъ въ качествѣ профессора Медико-Хирургической Академіи, вызвали въ 40-хъ годахъ вопросъ *о помраченіи его умственныхъ способностей*, а въ серединѣ 40-хъ годовъ презрѣнный и продажный редакторъ «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ, натравлявшій подозрительность правительства на все чистое и лучшее, коснулся своимъ грязнымъ перомъ и его. Не пощадивъ, въ свое время, Пушкина, могъ ли онъ пощадить и безупречнаго Пирогова? Называя его «проворнымъ рѣзуномъ и шарлатаномъ»,

Булгаринъ обвинялъ его, которому удивлялись европейскіе ученые, въ *плагіатъ,* доказывая, что большая часть трудовъ Пирогова переведена съ иностранныхъ языковъ и ничего самостоятельнаго въ себѣ не заключаетъ. Оскорбленный неустанными выходками Булгарина, которыя встрѣчались затаеннымъ сочувствіемъ нѣкоторыхъ товарищей по конференціи, Пироговъ хотѣлъ оставить Академію, но вмѣшательство военнаго министра графа Чернышева положило предѣлъ постыдной травлѣ. Въ 1848 году, однако, этотъ же самый Чернышевъ заставилъ Пирогова пережить тяжкія минуты. Въ 1847 году послѣдній провелъ полгода на Кавказѣ, среди военныхъ дѣйствій и различныхъ лишеній, присутствуя при осадѣ аула Салты, простаивая при операціяхъ цѣлые часы на колѣняхъ, изучая характеръ и происхожденіе раненій и прилагая всѣ силы къ тому, чтобы помогая страждущимъ, обогащать въ то же время науку, которой былъ посвященъ затѣмъ цѣлый рядъ его выдающихся трудовъ. Здѣсь онъ между прочимъ сдѣлалъ первое примѣненіе этеризаціи для утоленія страданій и положилъ прочныя практическія основанія замѣны ампутацій — резекціями. Богатый опытомъ, съ рядомъ плановъ и предположеній о преобразованіи подачи помощи на полѣ битвы, и очень утомленный, вернулся Пироговъ въ Петербургъ. Въ его отсутствіе произошла какая-то перемѣна въ обмундированіи медицинскихъ чиновъ. Не зная о ней или забывъ про нее, весь погруженный въ свое дѣло и призваніе, Пироговъ немедленно по пріѣздѣ явился къ военному министру, но тотъ усмотрѣлъ тотчасъ же нарушеніе формы и приказалъ Пирогову отправиться къ начальнику Академіи Анненкову, который, по порученію министра, сдѣлалъ великому хирургу въ рѣзкихъ выраженіяхъ строгій выговоръ за несоблюденіе установленной формы. Недоброжелатели Пирогова подхватили вѣсть о выговорѣ и злорадно распространили ее по городу. Какъ только эта вѣсть дошла до великой княгини Елены Павловны, она вызвала Пирогова, съ которымъ не была знакома, къ себѣ. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ въ письмѣ къ баронессѣ Раденъ свое съ нею свиданіе: «я такъ былъ огорченъ выговоромъ, что со мной приключился истеричный припадокъ со слезами и рыданіями (я теперь сознаюсь въ своей слабости); послѣ этой выходки я твердо рѣшился подать въ отставку и проститься съ Академіей, а быть можетъ и Россіей, но аудіенція у великой княгини возвратила мнѣ бодрость духа, и такъ меня успокоила, что я не обращалъ болѣе никакого вниманія на это отсутствіе такта въ моемъ начальствѣ. Великая княгиня выразила мнѣ своею любознательностью и уваженіемъ къ знанію то, что слѣдовало бы выразить главѣ научнаго заведенія. Она

входила во всѣ подробности моихъ занятій на Кавказѣ, интересовалась различными результатами анэстизаціи на полѣ сраженія (анэстизація въ то время мною первымъ была введена на практикѣ), словомъ, обращеніе великой княгини со мною было таково, что я устыдился моей минутной слабости. Убѣжденный, что около трона я найду лучшихъ судей, озаренныхъ большимъ пониманіемъ, я разсудилъ, что мнѣ слѣдуетъ смотрѣть на безтактность моего начальства, какъ на своевольную грубость лакеевъ. Это сравненіе и этотъ выводъ съ тѣхъ поръ крѣпко засѣли въ моей памяти, равно какъ и глубокое уваженіе къ благородному міровоззрѣнію великой княгини».

Такимъ образомъ она сохранила для Россіи Николая Ивановича Пирогова. Съ нимъ же соединилась она въ благомъ дѣлѣ учрежденія военной общины сестеръ милосердія. Съ начала осады Севастополя, Пироговъ стремился туда, желая и думая быть полезнымъ, но его ходатайство передавалось изъ одного канцелярскаго болота въ другое и въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ ходило по мытарствамъ. Отчаявшись въ успѣхѣ, Пироговъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія великой княгини и въ тотъ же день былъ приглашенъ къ ней. «Она мнѣ тотчасъ объявила — пишетъ онъ баронессѣ Раденъ, — что взяла на свою отвѣтственность разрѣшеніе моей просьбы — и тутъ же объяснила свой гигантскій планъ, основать организованную женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы, предложивъ мнѣ самому избрать медицинскій персоналъ и взять управленіе всего дѣла. Никогда не видалъ я великую княгиню въ такомъ тревожномъ состояніи духа, какъ въ этотъ день, въ эту памятную для меня аудіенцію. Со слезами на глазахъ и съ разгорѣвшимся лицомъ она нѣсколько разъ вскакивала со своего мѣста, какъ будто безсознательно, прохаживалась большими шагами по комнатѣ и говорила громкимъ голосомъ: «и зачѣмъ вы ранѣе не обратились ко мнѣ, давно бы ваше желаніе было исполнено и мой планъ тогда тоже давно бы состоялся... какъ можно скорѣе приготовьтесь къ отъѣзду... времени терять не слѣдуетъ... на дняхъ, быть можетъ, опять произойдетъ большая битва. Прощайте... или нѣтъ... подождите... я еще что-то хочу вамъ сказать на счетъ организаціи моей общины... или нѣтъ, зайдите-ка лучше ко мнѣ завтра въ этотъ же часъ. До свиданія!». Я вышелъ, запутался въ комнатахъ, и послѣ нѣкотораго странствованія очутился опять у двери аудіенціонной комнаты, гдѣ снова увидѣлъ великую княгиню. Она стояла въ глубокихъ думахъ или начинала съ волненіемъ прохаживаться по комнатѣ. Къ вечеру того же дня, она собственноручно извѣстила меня, что просьба моя принята, а на другой день я съ

большимъ вниманіемъ выслушалъ отъ нея, какъ она желала устроить женскую службу—перевязочными пунктами и подвижными лазаретами».

Тайныя и грязныя насмѣшки сопровождали оглашеніе плана великой княгини,—явное противодѣйствіе встрѣтило его со стороны высшаго военнаго начальства, боявшагося нарушенія военной дисциплины внѣдреніемъ въ военную администрацію особо управляемой общины. Многимъ казалось страннымъ замѣнить традиціоннаго «фершала», для котораго больной въ то время нерѣдко былъ лишь средствомъ для наживы—женщиною, иногда еще молодою и даже,—о ужасъ!—быть можетъ красивою. Повторялись и комментировались обычныя, лишенныя внутренняго содержанія, возраженія: не женское это дѣло, превышаетъ оно физическія силы женщинъ и ни къ чему, кромѣ утраты «женственности» не приведетъ. Впослѣдствіи почти тоже говорилось и противъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. Но великая княгиня успѣла успокоить въ этомъ отношеніи императора Николая и умѣла стать выше насмѣшекъ, зная что у иныхъ людей низменныя побужденія и пошлое отношеніе къ жизни накопляютъ столько грязи на днѣ того, что они, по недоразумѣнію, называютъ своей душою, что, уподобляясь скульптору, они лѣпятъ изображенія другихъ людей—и все изъ той же своей собственной грязи. 25 октября 1854 года былъ утвержденъ уставъ Крестовоздвиженской общины, 5 ноября послѣ обѣдни растроганная великая княгиня сама надѣла каждой изъ первыхъ 35-ти сестеръ крестъ на голубой лентѣ, а 6-го онѣ уже уѣхали съ докторомъ Тарасовымъ въ Севастополь, гдѣ ихъ ждалъ Пироговъ, встрѣченный недружелюбно главнокомандующимъ, княземъ Меньшиковымъ, спросившимъ его — не придется ли, послѣ пріѣзда сестеръ, расширить палаты для лѣченія зараженныхъ «дурною болѣзнью». Впрочемъ, на ряду съ рѣзкимъ и мрачнымъ эгоистомъ,—какъ характеризовалъ Пироговъ князя Меньшикова,—молчаливымъ и таинственнымъ какъ могила, холоднымъ и немилосерднымъ къ страждущимъ, онъ встрѣтилъ на перевязочныхъ пунктахъ первую русскую доброволицу милосердія на полѣ брани, матроску Дарью, всегда веселую, бодрую и смѣтливую... За первымъ отрядомъ послѣдовалъ рядъ другихъ и такъ возникла первая въ мірѣ военная община сестеръ милосердія. Въ этомъ дѣлѣ Россія имѣетъ полное право гордиться своимъ почином. Тутъ не было обычнаго заимствованія послѣдняго слова съ запада, наоборотъ Англія первая стала подражать намъ, приславъ, въ мартѣ 1855 года подъ Севастополь миссъ Найтингель со своимъ отрядомъ, при чемъ отрядъ этотъ имѣлъ частный характеръ. Не одна

посылка новыхъ отрядовъ занимала великую княгиню, она создала въ Петербургѣ своего рода операціонный базисъ для общины, устроивъ въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго дворца мастерскія и склады всякаго рода предметовъ для потребностей общины,—входила въ непосредственныя сношенія съ поставщиками и подрядчиками, гарантируя своимъ участіемъ точность и срочность исполненія договора,—выписала на свой счетъ, чрезъ своего брата, изъ Англіи большую партію дорого стоющей хины и—чтобы пріучить будущихъ сестеръ къ самообладанію—сама посѣщала амбулаторіи и операціонныя залы. Въ одной изъ нихъ она присутствовала при ампутаціи ноги и выдержала всю операцію спокойно, разговаривала затѣмъ съ больнымъ и, положивъ ему денегъ подъ подушку, вышла въ корридоръ... но здѣсь силы ее оставили.

Дѣйствія общины на мѣстѣ и ея служеніе больнымъ составляютъ одно изъ лучшихъ достояній исторіи русскаго общества, представляя трогательную эпопею. Вліяя однимъ своимъ присутствіемъ на правильность хозяйственныхъ распоряженій военнаго начальства, сестры доставляли неоцѣнимое нравственное успокоеніе безвѣстнымъ героямъ, умиравшимъ на защитѣ родного края безропотно и съ величавой простотой. Письма сестеръ за это время, въ теченіе котораго 30 изъ 250 сестеръ умерло отъ тифа или было убито, умиляютъ сердце и способны примирить его съ человѣчествомъ въ самыя ожесточенныя минуты. Сестра милосердія, работая безъ отдыха, въ холодѣ, грязи и крови, являлась для страждущаго олицетвореніемъ того немногаго свѣтлаго, что онъ видѣлъ въ своей нерадостной жизни. Въ словахъ умирающаго солдата, говорящаго только что перевязавшей его сестрѣ—«сестрица, пройдите еще разъ мимо», — содержится простая и вмѣстѣ краснорѣчивая оцѣнка дѣятельности этихъ самоотверженныхъ женщинъ и той, которая выростила въ своей душѣ мысль о ихъ посылкѣ. Общее признаніе упрочило славу Крестовоздвиженской общины и великій писатель земли русской увѣковѣчилъ въ своихъ Севастопольскихъ письмахъ «молчаливое, безсознательное величіе, твердость духа и стыдливость предъ собственнымъ достоинствомъ» сестеръ. Хотя руководившему общиною Пирогову и пришлось снова, по ироніи судьбы, стяжать въ Севастопольскихъ развалинахъ себѣ строгій выговоръ за употребленіе въ просьбѣ о присылкѣ дровъ для сестеръ милосердія «неумѣстнаго и дерзкаго выраженія: *представляю на видъ*»—но двѣ вещи были установлены прочно и навсегда: разсѣяніе раненыхъ (эвакуація) и женскій уходъ.

Когда война была окончена—община, по настояніямъ великой княгини, обратилась въ постоянное, до нынѣ окруженное общимъ

уваженіемъ и довѣріемъ, учрежденіе. Когда, послѣ ужасовъ Сольферинскаго сраженія, знаменитый Дюнанъ основалъ въ 1865 г. общество Краснаго Креста, Крестовоздвиженская община послужила ядромъ, образцомъ для подобнаго рода учрежденій въ Россіи, входящихъ въ общую сѣть Краснаго Креста и представлявшихъ, до русско-японской войны, 81 общину, съ 2200 сестрами. Заслуга великой княгини въ учрежденіи и осуществленіи задачъ Крестовоздвиженской общины была великою не только въ военно-бытовомъ отношеніи, но и въ нравственномъ. Чуткимъ сердцемъ она поняла глубокую разницу между сердцемъ и умомъ человѣческимъ въ годины того мрачнаго явленія, которое называется войною и которое Пироговъ характеризовалъ названіемъ «травматической эпидеміи». Когда человѣческій *умъ* напрягаетъ всѣ усилія къ успѣшности истребленія и къ причиненію наибольшаго количества зла,—*сердце* взываетъ къ милосердію, не къ опьяненію храбрости, а къ постоянному подвигу, жаждетъ замѣнить губительную косу смерти оливой мира,—среди враговъ говоритъ о братствѣ людей и вѣритъ изреченію: «hostes vulnerati—fratres»! Среди посвятившихъ себя высокому служенію голосу сердца въ этомъ смыслѣ, мы зачастую встрѣчаемъ и будемъ встрѣчать не только проявленіе внутренней душевной потребности, не только призваніе всей жизни, но и отрезвленіе отъ житейской суеты и даже искупленіе прошлаго... Великая княгиня это поняла и умѣла глубоко заглянуть въ душу русской женщины...

Общая работа по Крестовоздвиженской общинѣ соединила великую княгиню съ Пироговымъ узами прочной дружбы; онъ былъ у нея желаннымъ гостемъ и постоянно находился въ письменномъ общеніи съ нею, непосредственно и чрезъ баронессу Раденъ. Въ дневникѣ своемъ, въ воспоминаніяхъ и замѣткахъ онъ неоднократно обращается къ памяти своего высокаго друга со словами глубокой симпатіи. Эта дружба утѣшала его въ тяжелыя минуты жизни, когда онъ имѣлъ бы право «поставлять на видъ» судьбѣ ея несправедливость. Назначенный попечителемъ сначала Одесскаго, потомъ Кіевскаго учебныхъ округовъ, энергическій и широкій во взглядахъ, онъ недолго проявлялъ свою гуманную дѣятельность и уже чрезъ пять лѣтъ долженъ былъ сказать студентамъ: «Оставшись вѣренъ моимъ началамъ, я буду счастливъ тѣмъ, что если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастія, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ несчастнымъ. И такъ прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, чтобы состарившись, могли безупречно вспоминать свою и уважать чужую молодость».—Горячій, не смотря ни на

что, правдолюбецъ и проповѣдникъ высокихъ нравственныхъ началъ въ своихъ «вопросахъ жизни»—Пироговъ не только никогда не былъ оцѣненъ какъ слѣдуетъ, но, когда повѣяло надъ Русью тлетворнымъ духомъ графа Д. А. Толстого, долженъ былъ оставить свою плодотворную дѣятельность какъ руководитель молодыхъ русскихъ ученыхъ, посланныхъ въ большемъ числѣ за границу. Обсчитанный даже пенсіей, онъ удалился въ деревню, написавъ баронессѣ Раденъ (и, слѣдовательно, чрезъ нее, великой княгинѣ): «Я ухожу въ потѣ лица заработывать свой хлѣбъ. Я вѣрю въ Провидѣніе. Мое самолюбіе удовлетворено: друзья меня любили, враги не понимали. Радуюсь, что между друзьями у меня мало глупцовъ, а между врагами много слабоумныхъ». Пироговъ пережилъ великую княгиню на 8 лѣтъ и умеръ, признавая въ своихъ, почти предсмертныхъ строкахъ, что «быть счастливымъ счастьемъ другихъ — вотъ настоящее счастіе и земной идеалъ жизни» и что «самая ѣдкая печаль—это воспоминаніе о насиліяхъ нанесенныхъ своему или чужому чувству»...

Послѣднею великодушною мечтою Елены Павловны было устройство Клиническаго Института, въ которомъ врачи могли бы, уже по окончаніи курса и по занятіи врачебною практикою, слушать лекціи по интересующимъ ихъ спеціальнымъ предметамъ, знакомясь такимъ образомъ, съ современнымъ состояніемъ и успѣхами медицинскихъ наукъ. Она предназначила на это устройство особую сумму и выхлопотала у государя землю на Преображенскомъ плацу. Но смерть не дала ей возможности дожить до осуществленія ея прекраснаго замысла и видѣть возникшій при дѣятельномъ участіи ея врача и своего перваго директора Э. Э. Эйхвальда «Еленинскій Клиническій Институтъ», куда стекаются со всѣхъ концовъ Россіи земскіе, городовые и практикующіе врачи, унося съ собою въ далекіе уголки родины свѣтъ обновленныхъ знаній.

IV.

Императоръ Николай былъ искреннимъ противникомъ того «клейма домашняго позора» (слова Ивана Аксакова), которое, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, называлось крѣпостнымъ *правомъ*. «Я не понимаю,—сказалъ онъ въ 1847 г. депутаціи смоленскаго дворянства,—какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью* и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой». Онъ ясно сознавалъ тотъ вредъ, матеріальный и нравственный, кото-

рый причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. «Этому должно положить конецъ»—говорилъ онъ. Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда,—раболѣпныя увѣренія, что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, наряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми со смѣлостью своекорыстія,—и наконецъ тревожныя впечатлѣнія, вызванныя западно-европейскими событіями 1848 и 1849 годовъ—парализовали волю монарха, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Онъ,—всегда увѣренный въ своей силѣ и властный, избѣгалъ не только рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ, но и не высказывался вполнѣ опредѣленно объ *упраздненіи* крѣпостного права, говоря обыкновенно съ довѣренными лицами лишь о его *преобразованіи.* Несомнѣнно, что онъ *желалъ* видѣть Россію освобожденную отъ крѣпостного ига, но *захотѣть* этого и въ такомъ смыслѣ проявить прямо и безповоротно свою волю—не находилъ въ себѣ рѣшимости. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею «келейностью», и которыми предполагалось достигнуть *смягченія* несовмѣстимаго ни съ человѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Но ничего цѣльнаго, пролагающаго новые пути для народной жизни, сдѣлано не было. Со своими искренними желаніями Государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Между сановниками, внушавшими ему довѣріе, было лишь два, въ которыхъ онъ могъ разсчитывать встрѣтить сочувствіе этимъ желаніямъ. Это были Сперанскій и Киселевъ...

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (впослѣдствіи графъ) по справедливости долженъ быть признанъ выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ русскимъ государственнымъ человѣкомъ. Просвѣщенный самостоятельнымъ трудомъ умъ, безтрепетная прямота дѣйствій и мнѣній, твердый характеръ, чуждавшійся малодушныхъ уступокъ и не боявшійся «мести враговъ и клеветы друзей»—дѣлали его настоящимъ слугою государства въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Глубоко преданный своему монарху, онъ былъ не менѣе преданъ и родинѣ, будущему благу которой, прозрѣваемому свѣтлымъ умомъ, онъ, несмотря на раннія общественныя и служебныя успѣхи, умѣлъ приносить въ жертву свое самолюбіе. Подобно воспѣтому Пушкинымъ Ганнибалу, онъ былъ «усерденъ, неподкупенъ—Царю наперсникъ, но не рабъ...». Безправное положеніе крѣпостныхъ и всѣ его печальныя послѣдствія останавливали на себѣ тревожное вни-

маніе Киселева издавна. Еще въ 1816 году, будучи 28-лѣтнимъ флигель-адъютантомъ—онъ представилъ Александру I записку «о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи». Въ ней онъ предлагалъ мѣры «къ уменьшенію правъ властвующихъ и къ распространенію ихъ на порабощенныхъ», находя, что этимъ будетъ обезпечена гражданская свобода—«сія основа народнаго благосостоянія»—и законная независимость крѣпостныхъ земледѣльцевъ, «неправильно лишенныхъ оной». Управляя, облеченный громадными полномочіями, съ 1829 по 1834 годъ Дунайскими княжествами, Киселевъ имѣлъ возможность въ значительной мѣрѣ выполнить относительно валашскаго и молдаванскаго сельскаго населенія тѣ свои желанія, которыя горячо хотѣлъ видѣть осуществленными у себя на родинѣ. Своимъ «органическимъ регламентомъ»—онъ отмѣнилъ владѣльческія права бояръ на такъ называемыхъ «сокотельниковъ и послушниковъ» и взамѣнъ уничтоженныхъ имъ большаго оброка, тягостной барщины и различныхъ натуральныхъ повинностей, установилъ единообразную подать въ 30 піастровъ въ годъ съ семейства. Прочитавъ обширный отчетъ Киселева объ управленіи княжествами, императоръ Николай особенно заинтерсовался описываемымъ въ немъ освобожденіемъ крестьянъ. «Мы займемся этимъ когда нибудь,—сказалъ онъ Киселеву вечеромъ 9 мая 1834 года,—я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба питаемъ тѣ же идеи и тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который пугаетъ ихъ». Указавъ на собираемыя имъ, со вступленія на престолъ, бумаги, относящіяся «до процесса противъ рабства», Государь съ грустью долженъ былъ сознаться, что не только не находитъ сочувствія своей мысли о необходимости *преобразованія* крѣпостного права въ своихъ сотрудникахъ, но встрѣчаетъ прямое противорѣчіе этому даже въ братьяхъ своихъ. Отголоскомъ этой бесѣды было учрежденіе весною 1835 года *«секретнаго комитета для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій»*. Комитетъ этотъ не пришелъ однако ни къ какому опредѣленному выводу. Нѣкоторые его члены боялись «слишкомъ поспѣшно провозглашеннаго слова свободы», предпочитая этой поспѣшности «незамѣтную постепенность» въ дѣлѣ, настолько глубоко захватывавшемъ всѣ стороны быта, что *незамѣтность* являлась бы, въ сущности, равносильною *косности*. Эта незамѣтность была однако примѣнена и къ самому комитету, не смотря на тайну самаго его существованія. Съ 1836 года онъ уже назывался «*Комитетомъ, учрежденнымъ на указанныхъ Е. И. В. основаніяхъ*» и въ томъ же году его безплодное существованіе было прекращено. Явилось

сокращеніе размѣровъ «процесса», и во избѣжаніе упорной оппозиціи, болѣе удобнымъ было признано остановиться на мысли Сперанскаго о необходимости начать съ устройства казенныхъ крестьянъ, матеріальное положеніе которыхъ и участь, зависѣвшая отъ земскихъ исправниковъ, были не лучше, чѣмъ у крестьянъ помѣщичьихъ. 17 февраля 1836 года Государь заявилъ объ этомъ Киселеву, жалуясь на то, что министръ финансовъ Канкринъ «отъ упрямства или неумѣнья» находитъ даже и преобразованіе положенія казенныхъ крестьянъ невозможнымъ. Возлагая выполненіе этого дѣла, впредь до возможности «расширенія круга дѣйствій», на Киселева, считавшаго «устроеніе крестьянъ дѣломъ великимъ и необходимымъ для будущаго спокойствія государства» Государь сказалъ ему: «будь моимъ *начальникомъ штаба по крестьянской части*,—я увѣренъ, что все пойдетъ хорошо, потому что мы другъ друга понимаемъ—и съ Божьей помощью дѣло наше устроится».

Такъ возникло министерство государственныхъ имуществъ, открытое, послѣ ряда переходныхъ и предварительныхъ мѣръ, 1-го января 1838 г. Принимая сенаторовъ, назначенныхъ въ составъ совѣта министра, Государь заявилъ имъ, что поручаетъ имъ часть, за которую взяться серьезно у него, несмотря на многолѣтнія заботы о ней, никогда не хватало смѣлости «Но,— прибавилъ онъ взявъ Киселева дружески за руку,—благодаря поддержкѣ, которую обѣщаетъ мнѣ Павелъ Дмитріевичъ, я надѣюсь, съ помощью его опытности и поддерживаемый его знаніями, совершить столь важное дѣло, отъ котораго такъ много зависитъ будущность государства». Въ настоящемъ очеркѣ не мѣсто разсматривать многостороннюю дѣятельность Киселева по управленію государственными крестьянами. Въ виду поставленной имъ себѣ цѣли—обезпеченія правъ и матеріальнаго благосостоянія крестьянъ—задача его была трудная и требовала, при полномъ недостаткѣ пригодныхъ для этого людей, крайняго напряженія силъ. Въ борьбѣ съ косностью и всевозможными проявленіями враждебнаго чувства—отъ ехидныхъ шуточекъ и каламбуровъ до прямыхъ клеветъ—ему приходилось встрѣчать постоянныя порицанія со стороны вліятельныхъ представителей рабовладѣнія, боявшихся отраженія мѣръ Киселева и на драгоцѣнномъ для нихъ помѣщичьемъ правѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе новаго управленія казенными крестьянами и порученіе его такому человѣку, какъ Киселевъ, повидимому значительно успокоило императора Николая относительно неотложности преобразованій *всего* крестьянскаго быта. Предпринимаемыя послѣ 1838 года работы шли вяло и давали скудные результаты, при

которыхъ всякая мысль о коренномъ исправленіи зла утопала въ вязкой глинѣ боязливыхъ компромиссовъ. Можно сказать, что между словомъ Государя и дѣломъ, въ которое это слово облекалось его ближайшими и довѣренными сотрудниками,— существовала какая то печальная обратная пропорціональность. Чѣмъ ярче было слово, тѣмъ безцвѣтнѣе и безжизненнѣе были вытекавшія изъ него мѣры. Такъ, въ образованный въ 1839 году Государемъ *секретный комитетъ* по вопросамъ объ увольненіи помѣщиками крестьянъ и о составленіи инвентарей, наименовавшій себя, для сохраненія тайны, «Комитетомъ о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній», была внесена записка Киселева, предлагавшая рядъ существенныхъ мѣръ, какъ-то: устройство дворовыхъ, ограниченіе помѣщиковъ въ отдачѣ крестьянъ въ солдаты и въ мѣрахъ и способахъ наказанія, учрежденіе сельскаго управленія съ предоставленіемъ крестьянамъ защиты правъ со стороны общихъ судовъ— и, въ особенности, установленіе общей нормы надѣла при увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Несмотря на то, что государь «читалъ записку съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ» и находилъ, что начала проекта Киселева «весьма справедливы и основательны», комитетъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ князя Меньшикова, болѣе ревностнаго въ защитѣ крѣпостного права, чѣмъ впослѣдствіи, въ защитѣ Севастополя, обставилъ окончательную разработку проекта такими ограниченіями, оговорками и искаженіями, что вытекшій изъ него въ 1842 году въ окончательной редакціи законъ 2 апрѣля *объ обязанныхъ крестьянахъ*—оказался мертворожденнымъ и имѣлъ всего лишь *пять* случаевъ примѣненія на практикѣ.

Точно также *секретный комитетъ* 1840 года для разсмотрѣнія предположеній графа Блудова объ устройствѣ дворовыхъ людей облегченіемъ имъ выхода отъ помѣщиковъ и пресѣченіемъ неограниченнаго перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые,—труды котораго, встрѣтившіе упорную критику въ особой запискѣ военнаго министра графа Чернышева, были внезапно отложены «впредь до удобнаго времени»—былъ вновь созванъ лишь въ 1844 г., въ нѣсколько пополненномъ составѣ. Несмотря на заявленіе государя, въ засѣданіи 19 марта 1844 года, о томъ, что главная цѣль, составляющая предметъ его помышленій въ теченіе 18 лѣтъ царствованія, есть *измѣненіе крѣпостного состоянія*, комитетъ этотъ разрѣшился совершенно безсодержательнымъ и поразительнымъ по своему юридическому недомыслію закономъ 10 іюня 1844 года, который предоставлялъ помѣщикамъ давать волю «душамъ» дворовыхъ по договорамъ, заключеннымъ съ обоюднаго согласія, т. е.

установлялъ то, что никогда и никакому сомнѣнію не подлежало. Замѣчательно, что это произошло несмотря на то, что комитетъ выслушалъ мнѣніе шефа жандармовъ графа Бенкендорфа о томъ, что не надо бояться неустройствъ, приступая къ осуществленію благихъ цѣлей государя, такъ какъ «при постоянныхъ опасеніяхъ ничего достигнуть нельзя: причины взрыва, которыя во-время можно отклонить, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются—и чѣмъ позднѣе онъ будетъ, тѣмъ опаснѣе...».

Такимъ образомъ и намѣренія императора Николая Павловича, и образъ дѣйствій Киселева по отношенію къ *общему* разрѣшенію крестьянскаго вопроса оказывались тщетными. При господствовавшей безгласности и умѣньи, при удобномъ случаѣ, *устрашать* и *влiять* поднесеніемъ отдѣльныхъ записокъ, не встрѣчавшихъ своевременнаго возраженія,—окружающая Государя среда съ видомъ внѣшней покорности безслѣдно растворяла къ себѣ всякія попытки разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Всѣ эти противодѣйствія должны были утомлять государя и поселять въ душѣ его все возраставшее сомнѣніе объ исполнимости его первоначальныхъ намѣреній. Одинъ Киселевъ не терялъ надежды и, пользуясь своимъ положеніемъ министра государственныхъ имуществъ, готовилъ, съ вызываемою обстоятельствами осторожностью, оружіе для борьбы съ крѣпостнымъ правомъ. Такъ, подъ предлогомъ обозрѣнія мѣстныхъ управленій, онъ поручилъ въ 1841 году, двумъ довѣреннымъ чиновникамъ пристально вглядѣться въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Результатомъ этого была записка будущаго извѣстнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго «о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», въ которой убѣдительно доказывалась тщетность надеждъ на улучшеніе положенія крестьянъ путемъ добровольныхъ соглашеній съ помѣщиками и указывалось на полную невозможность освобожденія крестьянъ безъ земли. «Требованія вѣка—заключалъ свою записку Заблоцкій-Десятовскій—и настоянія нуждъ государственныхъ призываютъ власть самодержавную защитить крѣпостныхъ отъ своеволія господъ, поставить законъ выше произвола и открыть широкія врата нравственному образованію народа... Одно оно въ силахъ привести въ исполненіе идеи, связывающія поколѣнія отжившія съ поколѣніями грядущими, направляя свои дѣйствія по вѣчнымъ законамъ порядка и истины, хотя бы при осуществленіи ихъ и пришлось встрѣтиться съ болѣзненнымъ ропотомъ частной корысти...». Слова государя смоленскимъ дворянамъ въ 1847 году, приведенныя выше, дали, повидимому, новый толчекъ мысли объ освобож-

денія крестьянъ. Кое-гдѣ стали образовываться кружки изъ помѣщиковъ для выработки единообразнаго проекта освобожденія ихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Но наступилъ 1848 годъ, на Западѣ грянула февральская революція—и «процессъ противъ рабства» былъ признанъ совершенно не подходящимъ ни къ мѣсту, ни въ особенности ко времени. Мысль о томъ, что для разрѣшенія его ничего существеннаго не удалось сдѣлать, не могла однако не тяготить императора Николая и, конечно, входила въ высказанное имъ своему сыну и преемнику, въ предсмертныя минуты, сожалѣніе, что онъ «передаетъ ему свою команду не въ томъ улучшенномъ порядкѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ бы ее видѣть»—и что Провидѣніе не судило ему оставить царство «мирнымъ, устроеннымъ и счастливымъ».

Хотя, такимъ образомъ, задуманный нѣкогда съ видимой рѣшимостью «штабъ по крестьянской части» и не получилъ осуществленія, но къ «начальнику» его императоръ Николай сохранилъ на всю жизнь искреннее уваженіе и довѣріе. Руководимый этими чувствами и желаніемъ внести содержаніе во внутреннюю жизнь великой княгини Елены Павловны, онъ ввелъ въ ея кругъ и сблизилъ съ нею Киселева. Послѣдній вскорѣ сдѣлался, какъ видно изъ его дневника, частымъ гостемъ у великой княгини. Онъ быстро и вполнѣ оцѣнилъ ея выдающіяся душевныя свойства, восхищаясь, какъ онъ самъ писалъ, превосходствомъ ея ума и умѣньемъ поддерживать свое достоинство безъ всякой натянутости, но съ глубокимъ сознаніемъ долга, возложеннаго въ нее ея положеніемъ. «Когда узнаютъ ея жизнь и дѣла, говорилъ онъ уже въ 1862 году, то должны будутъ оцѣнить ее, какъ она того заслуживаетъ, и убѣдиться, что качества ея сердца равны ея уму, въ которомъ никто не сомнѣвается». Въ духовномъ общеніи съ нею онъ не былъ тѣмъ нелюбимымъ въ салонахъ свѣтской суеты «внушавшимъ боязнь, заносчивымъ, малопривѣтливымъ и слишкомъ уже дерзкимъ на языкъ» человѣкомъ, какимъ его описываетъ недоброжелательный къ нему баронъ М. А. Корфъ. Въ ней онъ имѣлъ достойную собесѣдницу для проявленія своихъ признаваемыхъ даже и ядовитымъ Корфомъ «блестящихъ дарованій и очаровательнаго ума». И она платила ему полнымъ довѣріемъ, а впослѣдствіи, когда его старость и недуги стали брать свое—нѣжною заботливостью о немъ. Съ грустью разставшись съ нею за границею, въ сентябрѣ 1862 года, Киселевъ отмѣчаетъ, что въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ имъ въ обществѣ великой княгини въ Рагацѣ, его постоянно окружали ея благоволеніе и вниманіе. Въ сентябрѣ слѣдующаго года она приняла его въ Швейцаріи «какъ стараго дру-

га», и предложила у себя гостепріимство, при чемъ ея «предусмотрительная дружба устраиваетъ все заблаговременно»,—она присылаетъ одинокому старику, въ видѣ секретаря-компаньона—своего библіотекаря,—посылаетъ съ нимъ своего доктора, заботится о немъ даже въ мелочахъ. «Настойчивость, съ которой великая княгиня хотѣла принудить меня надѣть болѣе теплую одежду, вывела меня наконецъ изъ терпѣнія—записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ 18 сентября—и заставила меня сказать ей, что я протестую противъ этого деспотизма, тяжело переносимаго въ частной жизни. Ея ангельская кротость заставила меня понять несправедливость и неумѣстность моей вспышки...». Семидесятилѣтнимъ, умудреннымъ опытомъ старцемъ, «насытясь» жизненными встрѣчами, Киселевъ сознавался, что великая княгиня раздѣляетъ, вмѣстѣ съ братомъ его, всѣ его привязанности и что видѣть и слышать ее для него великое счастье, такъ какъ онъ знаетъ всѣ ея высокія качества, отрицаемыя противниками изъ зависти... Онъ совѣтовался съ нею о своихъ «загробныхъ намѣреніяхъ» и, проживая послѣдніе годы жизни—посломъ въ Парижѣ и затѣмъ въ отставкѣ за границею,—постоянно дѣлился съ нею надеждами и тревогами относительно горячо любимой имъ Россіи.

Не можетъ быть сомнѣнія, что вскорѣ послѣ начала ихъ знакомства, онъ высказалъ великой княгинѣ свои задушевныя мысли объ освобожденіи крестьянъ, съ жаромъ и убѣдительностью ему свойственными. Онъ, конечно, раскрылъ предъ взорами ея чуткаго сердца будящую жалость и негодованіе картину положенія крѣпостныхъ,—и указалъ ея воспріимчивому уму на возможные пути, выхода изъ этого положенія. Не даромъ же она спѣшила потомъ, когда раздался по Россіи благовѣстъ освобожденія, прислать ему переписанную рѣчь Александра II, сказанную 28 января 1861 г. въ знаменательномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта и окончательно рѣшившую отмѣну крѣпостного права,—недаромъ *телеграфировала* ему 5 марта, что манифестъ 19 февраля уже прочтенъ въ церквахъ..

V.

«Непріятель найдетъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины»—гласила депеша князя Горчакова о взятіи союзниками многострадальнаго города,—но Россія нашла въ немъ зерно своего обновленія. Севастопольскій погромъ, блистательно подтвердивъ прекрасныя свойства русскаго человѣка, выражающіяся, между прочимъ, въ его *умѣньи умирать,* доказалъ совершенную непри-

годность общественнаго быта и военно-бюрократическаго строя для *жизни* этого человѣка. Уже въ манифестѣ о заключеніи Парижскаго мира, 19 марта 1856 г., въ видѣ пожеланій было выражено осужденіе тѣхъ порядковъ, во всеоружіи которыхъ мы приступили самонадѣянно и высокомѣрно къ войнѣ. «Развитіе повсюду и съ новой силою стремленія къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности и наслажденіе плодами трудовъ невинныхъ подъ сѣнью законовъ для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ»—были однако немыслимы при существованіи крѣпостнаго права. Оно, по самой своей сущности, обрекало многіе милліоны людей именно на безправное и безсудное положеніе, а распространеніе просвѣщенія въ крестьянахъ было, по вѣрному взгляду ревнителей этого права, равносильно насажденію въ сельскомъ населеніи сознанія всей вопіющей ненормальности условій его существованія.

Молодой государь, возросшій подъ вліяніемъ Жуковскаго, просившаго судьбу не дать его воспитаннику забыть на высокой чредѣ *святѣйшаго* изъ званій—званія *человѣка*, не могъ, конечно, мириться съ вѣковымъ недугомъ страны, жизнь которой онъ былъ призванъ направить и обновить. Не могъ онъ и не дѣлиться своими желаніями и планами съ тою, къ которой съ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ относился его почившій отецъ и которая сдѣлалась старшимъ по лѣтамъ и по житейскому опыту членомъ императорской семьи. Въ ихъ бесѣдахъ, безъ сомнѣнія, ожили внушенія и мнѣнія Киселева, внѣдрившіяся въ пылкомъ сердцѣ великой княгини и переработанныя въ осязательныя и убѣдительныя формы ея яснымъ и безбоязненнымъ умомъ. Сначала, однако, подъ вліяніемъ укоренившихся правительственныхъ пріемовъ по крестьянскому вопросу, Александръ II былъ вынужденъ прибѣгнуть къ двумъ старымъ мѣрамъ: къ попыткѣ вызвать добровольное, по собственному почину помѣщиковъ, отреченіе ихъ «отъ существующаго порядка владѣнія душами» и къ образованію новаго *негласнаго комитета*. Но сдѣланное имъ, 30 марта 1856 г., московскому дворянству предложеніе обдумать, какъ лучше уничтожить крѣпостное право *сверху*, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться *снизу*—не привело ни къ чему. Комитетъ же, въ первомъ своемъ засѣданіи единогласно отвѣтившій утвердительно на вопросъ государя: слѣдуетъ ли принять какія либо рѣшительныя мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ?—пошелъ, вслѣдъ за тѣмъ, по старой и избитой дорогѣ самодовольнаго, и быть можетъ даже преднамѣреннаго, квіетизма на излюбленной почвѣ собиранія и систематизированія матеріаловъ.

давнымъ давно извѣстныхъ, безплоднаго обмѣна мыслей и соглашенія несогласимыхъ противорѣчій во взглядахъ. Дѣлу, повидимому, грозила его роковая въ предшествовавшія царствованія участь. Нѣсколько канцелярски—округленныхъ, громкихъ и двусмысленныхъ фразъ прикрыли бы никого не удовлетворявшую скудную по содержанію и послѣдствіямъ мѣру,—и для успокоенія назрѣвшаго органическаго страданія огромнаго общественнаго тѣла были бы предложены «впредь до болѣе благопріятнаго времени» невинныя бюрократическія пилюли. Но на этотъ разъ Богъ сжалился надъ русскимъ крестьянствомъ...

Великая княгиня Елена Павловна поняла, что однимъ изъ главныхъ тормазовъ каждаго благого намѣренія является, наряду съ опасеніями робкихъ душъ, указаніе на невозможность придумать что либо для практическаго осуществленія этого намѣренія, для обращенія его въ *начинаніе.* Добрая мысль— по нежеланію вдуматься или коварному стремленію похоронить ее съ притворнымъ и злораднымъ сожалѣніемъ—искусно обращается такимъ образомъ въ «безкрылое желанье», лишенное всякой жизнеспособности. Въ то время, когда одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей новаго царствованія, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, вынужденъ былъ доложить государю, что ни московское, ни нѣкоторыя другія дворянства, къ предводителямъ которыхъ приходилось обращаться, не желаютъ ничего предпринять для улучшенія быта своихъ крестьянъ, отговариваясь тѣмъ, что начала, на которыхъ правительство думало бы это устроить, имъ невѣдомы, а сами они ничего придумать не могутъ,—въ поле дѣйствій выступила великая княгиня. Она рѣшилась собственнымъ почином показать, *какъ* можно устроить такое улучшеніе и *какія начала* должны быть положены въ осуществленіе дальнѣйшаго преобразованія крестьянскаго строя въ широкихъ размѣрахъ. Ей принадлежало обширное помѣстье въ Полтавской губ., купленное ею у графини Разумовской и заключавшее въ себѣ подъ общимъ названіемъ «Карловки» двѣнадцать селеній и деревень (Карловку, Поповку, Варваровку, Тагамлыкъ, Федоровку, Климовку, двѣ Ланны, Кириловку, Крестище, Тишенковку и Марьяновку), имѣвшихъ при 9090 кв. десятинахъ населеніе изъ 7392 мужчинъ и 7625 женщинъ, изъ коихъ по 10-ой ревизіи было 2839 самостоятельныхъ хозяевъ. Этихъ своихъ крестьянъ она рѣшилась отпустить на волю, предоставивъ имъ на выкупъ часть состоящей въ ихъ пользованіи земли въ размѣрѣ, который обезпечилъ бы ихъ существованіе. Потребовавъ отъ своего управляющаго, барона Энгельгардта, соображеній по этому поводу, она обратилась вмѣстѣ съ тѣмъ къ помощи Нико-

лая Алексѣевича Милютина. Она его знала еще съ 1846 г., пожелавъ, въ виду отзывовъ графа Перовскаго и Киселева о молодомъ авторѣ «городоваго положенія», познакомиться съ нимъ. Киселевъ, мнѣніемъ котораго дорожила Елена Павловна, очень цѣнилъ въ Милютинѣ его способности, характеръ и непоколебимые взгляды на необходимость искорененія рабства въ Россіи и только въ силу своего отвращенія ко всякому непотизму не бралъ его—своего племянника—къ себѣ въ сотрудники. Раздѣляя съ Милютинымъ мысли и чувства о «Carthago delenda», великая княгиня просила его составить для представленія государю записку по задуманному ею дѣлу. Соображенія, представленныя барономъ Энгельгардтомъ, по которымъ предполагалось образовать въ Карловкѣ четыре общества, со своимъ управленіемъ и судомъ, подъ надзоромъ владѣлицы, и отдать имъ 1/6 часть всей помѣщичьей земли, съ платою въ годъ по 2 р. за десятину и съ правомъ выкупа земли за взносъ 50 р. съ десятины посредствомъ разсроченныхъ уплатъ, навели великую княгиню на мысль распространить такой порядокъ на всю Полтавскую и даже на смежныя съ ней губерніи. Результатомъ этого явился проредактированный Милютинымъ «планъ дѣйствій для освобожденія въ Полтавской и смежныхъ губерніяхъ крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые сами того пожелаютъ». Согласно этому плану—выработанный тремя или четырьмя помѣщиками названныхъ губерній, извѣстными своими честными и искренними стремленіями къ освобожденію крестьянъ, проектъ общихъ основаній освобожденія долженъ былъ быть представленъ на одобреніе государя императора. Затѣмъ начиналась разсылка приглашеній къ участію въ этомъ дѣлѣ отъ великой княгини «благонамѣреннымъ» изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и, когда ихъ наберется достаточное число, предположено было общее ихъ совѣщаніе въ Карловкѣ, подъ руководствомъ владѣлицы, для согласованія частныхъ проектовъ освобожденія съ общими основаніями и для устраненія изъ нихъ неправильностей въ оцѣнкѣ отчуждаемой земли, вредныхъ или невыгодныхъ для крестьянъ условій и предположеній, нарушающихъ права казны и частныхъ лицъ. Пересмотрѣнные такимъ образомъ проекты подлежали представленію на Высочайшее утвержденіе. Для приведенія ихъ въ дѣйствіе и для устраненія недоразумѣній между владѣльцами и освобожденными было предположено учрежденіе особыхъ попечителей изъ среды участвующихъ въ этомъ дѣлѣ. «Планъ» заключался слѣдующимъ *восьмымъ* пунктомъ: «актъ освобожденія, приведенный въ исполненіе, присоединяется въ герольдіи къ актамъ того дворянскаго рода, котораго достоинство возвышается такимъ подвигомъ. Соб-

раніе актовъ освобожденія издастся для примѣра и руководства». Въ мартѣ 1856 года *планъ освобожденія* былъ представленъ великою княгинею государю—и она получила предварительное согласіе монарха на его осуществленіе. Такъ былъ положенъ первый камень къ практическому осуществленію освобожденія крестьянъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по призыву, шедшему отъ великой княгини, стали поступать къ ней, сосредоточиваясь у Милютина, разнообразныя записки отъ лицъ, намѣченныхъ въ особомъ спискѣ, сохранившемся въ его бумагахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ по искренности и теплотѣ изложенія, по глубинѣ мыслей и обдуманности представляли чрезвычайный интересъ. Почти во всѣхъ указывалось, однако, на необходимость взятія дѣла освобожденія въ свои руки непосредственно правительствомъ. «Если оно теперь не овладѣетъ вопросомъ,—говорилось въ одной изъ нихъ,—и не заявитъ твердой воли возвести крѣпостное сословіе до гражданской свободы, то событія опередятъ его; народъ утратитъ наконецъ то спасительное упованіе на лучшую будущность, которое одно доселѣ подкрѣпляло его долготерпѣніе, а благія намѣренія просвѣщеннѣйшихъ изъ помѣщиковъ, самая ихъ готовность на добровольныя жертвы, которою теперь такъ легко было бы воспользоваться, истощатся въ безплодныхъ толкахъ или разрозненныхъ попыткахъ». Особенною полнотою и разработкою подробностей отличался между этими записками превосходный трудъ помѣщика Полтавской губерніи В. В. Тарновскаго, будущаго виднаго дѣятеля редакціонныхъ коммиссій. Почти на всѣхъ запискахъ сохранились замѣчанія Милютина или отмѣтки, сдѣланныя рукой великой княгини. Къ этимъ запискамъ присоединилась и превосходная, краткая и яркая записка К. Д. Кавелина, который, послѣ блестящаго очерка ожиданій крѣпостного населенія, приводилъ рядъ доказательствъ въ пользу правительственнаго почина въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и *непремѣнно съ землею*.

26 августа 1856 г. произошло коронованіе императора Александра II въ Москвѣ. Описывая нарядъ великой княгини въ день коронаціи, ея фрейлина, баронесса Эдита Раденъ, писала своей сестрѣ: «брилліантовая повязка и падающія съ нея жемчужныя нити удивительно идутъ къ пушистымъ русымъ локонамъ и розовому оттѣнку нѣжной кожи великой княгины: откуда берется у нея эта молодость и эта свѣжесть?..» Тѣлесная оболочка человѣка нерѣдко отражаетъ въ себѣ душевныя его свойства. Лица часто похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Но у пятидесятилѣтней Елены Павловны *внутри* было тепло и свѣтло—и это отражалось во всей ея внѣшности, въ стремитель-

ности ея движеній и походки, за которыми сказывались отмѣчаемыя въ воспоминаніяхъ графини Блудовой стремительность ея ума и характера, которыми она такъ умѣла привлекать и увлекать всѣ мало мальски живые умы. Разогрѣтая какою либо мыслью, облюбовавшая какое либо возвышенное дѣло—она уже не остывала. Пользуясь своими отношеніями къ государю и его довѣріемъ къ ней, она съ осени 1856 г., не покидая работы по освобожденію крѣпостного населенія Карловки, расширяетъ высказываемые ею взгляды—и соображеніямъ по частному и мѣстному вопросу придаетъ уже характеръ общегосударственный. Въ началѣ октября она получаетъ составленную по ея порученію Милютинымъ—быть можетъ, судя по стилю нѣкоторыхъ мѣстъ, вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ,—большую записку подъ названіемъ «предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами», въ которой уже вполнѣ опредѣленно говорится, что нужно не *улучшеніе быта,* а полное и безусловное *освобожденіе* крестьянъ, что освобожденіе *неминуемо* должно быть связано съ надѣломъ крестьянъ землею, сопровождаемымъ выкупною операціею со стороны правительства—и что, наконецъ, для успѣшности принимаемыхъ мѣръ нужна ихъ предварительная выработка въ особыхъ *губернскихъ* комитетахъ. Представляя эти «предварительныя мысли» 7 октября государю, великая княгиня объясняла, что безъ общихъ началъ и указаній отъ верховной власти ни одинъ помѣщикъ не въ состояніи совершить важныхъ и существенныхъ преобразованій въ отношеніяхъ своихъ къ крестьянамъ, и что если государю благоугодно одобрить начала, изложенныя въ представляемой ею запискѣ, то она готова примѣнить ихъ къ своимъ имѣніямъ въ Полтавской губерніи и для этого, съ Высочайшаго соизволенія, войти въ ближайшее соглашеніе съ нѣкоторыми мѣстными помѣщиками.

Осуществленіе желанія великой княгини и ея ближайшихъ сотрудниковъ получить указанія на такія *общія начала* отъ монарха было вполнѣ понятно. Начертаніемъ этихъ началъ вмѣсто неяснаго и подверженнаго колебаніямъ пожеланія улучшенія *быта крѣпостныхъ* было бы сказано рѣшительное и безповоротное слово совершенно опредѣленной отмѣны *крѣпостного права.* Нужно было уничтоженіе не фактической возможности злоупотребленія помѣщичьею властью, но самого правового основанія для такой возможности. Но на такой исходъ, при всѣхъ добрыхъ чувствахъ императора Александра II, трудно было разсчитывать. Вопросъ былъ слишкомъ важенъ и затрогивалъ такіе разнообразные интересы, что сжечь сразу корабли представлялось невозможнымъ. Секретные коми-

теты прошлаго царствованія возвышались одинъ надъ другимъ какъ пирамида, бросая свою тѣнь и въ новое царствованіе. Отвѣтъ на представленіе великой княгини получился 26 октября. Въ немъ выражалась ей благодарность за человѣколюбивое намѣреніе дать свободу своимъ крестьянамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была отмѣчена невозможность въ данный моментъ дать положительныя указанія общихъ основаній для руководства, такъ какъ рѣшеніе вопроса подчинено многимъ и различнымъ условіямъ, которыхъ значеніе можетъ быть опредѣлено только опытомъ. Поэтому, высказывая не только согласіе, но и желаніе относительно составленія, въ негласномъ совѣщаніи, подъ покровительствомъ великой княгини, одушевленными чувствомъ общаго блага помѣщиками Полтавской и смежныхъ губерній проекта правилъ о дарованіи ихъ крестьянамъ свободы, государь выражалъ увѣренность, что, руководимые проницательнымъ умомъ великой княгини, они произведутъ трудъ полезный, который, будучи основанъ на справедливости, послужитъ для многихъ другихъ владѣльцевъ примѣромъ, а правительству—облегченіемъ въ постоянномъ стремленіи его разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія. Результатомъ этого письма было порученіе великой княгинею барону Энгельгардту передать одному изъ самыхъ видныхъ Полтавскихъ помѣщиковъ, князю Льву Викторовичу Кочубею, письмо «касающееся весьма важнаго вопроса, о которомъ она *неоднократно разсуждала съ княземъ*», а именно вопроса о «проложеніи пути къ совершенію дѣла, столь тѣсно связаннаго съ будущимъ благоденствіемъ Россіи и столь близкаго сердцу августѣйшаго Царя нашего». Предлагая князю Кочубею учредить общество изъ крупныхъ и мелкихъ, образованныхъ и благомыслящихъ помѣщиковъ Полтавской губерніи для обсужденія и опредѣленія мѣръ, «наилучшимъ образомъ ведущихъ къ желаемой цѣли», она просила его принять въ этомъ обществѣ званіе вице-президента, выражая готовность сама сдѣлаться президентомъ этого общества.

Позднею осенью великая княгиня уѣхала заграницу и видѣлась тамъ съ извѣстнымъ изслѣдователемъ экономическаго строя Россіи, барономъ Гакстгаузеномъ, умѣвшимъ, при путешествіяхъ по внутреннимъ губерніямъ нашимъ, усмотрѣть подъ офиціальною и однообразною внѣшностью многія характерныя и важныя черты исторической, религіозной и бытовой жизни народа. Она сообщила ему о своихъ желаніяхъ и надеждахъ, и онъ вручилъ ей записку, содержащую въ себѣ подробный планъ организаціи и дѣятельности *ферейновъ и руководительныхъ комитетовъ* (leitende

Comité's) изъ среды помѣщиковъ, для освобожденія, *съ сохраненіемъ общиннаго устройства*, крестьянъ въ видѣ личнаго благодѣянія (однако съ вознагражденіемъ отъ правительства), но отнюдь не въ видѣ общей правительственной мѣры, могущей возбудить *опасныя* притязанія. Такимъ образомъ и со стороны уважаемаго ею ученаго—великая княгиня не встрѣтила сочувствія необходимости установленія общихъ началъ освобожденія, исходящихъ отъ правительства. Но она не унывала и, опираясь на трудъ и совѣты Милютина и Кавелина, продолжала свое дѣло. Карловка была въ ея рукахъ будильникомъ, дававшимъ возможность время отъ времени напоминать о необходимости освобожденія и двигать со своей стороны это дѣло. Въ проектахъ дарованія свободы крестьянамъ Карловки теплился и тщательно ею оберегался священный огонекъ будущаго общаго раскрѣпощенія. Проницательнымъ умомъ своимъ она понимала, что освобожденіе 15 тысячъ душъ съ землею,—сдѣланное русской великою княгинею и старѣйшимъ членомъ императорскаго дома,—будетъ въ нашей внутренней жизни событіемъ первостепенной важности, послѣдствія котораго, въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія и подражанія, могутъ быть огромны. И вотъ, въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ 1857 года, когда негласный комитетъ плететъ свое канцелярское кружево,—когда Ростовцевъ и баронъ Корфъ стремятся уклониться отъ занятій въ немъ,—когда, наконецъ, самъ государь, говорящій въ Киссингенѣ Киселеву, что «никого не имѣетъ, кто помогъ бы ему въ важномъ и неотложномъ дѣлѣ доведенія до конца крестьянскаго вопроса», производитъ на послѣдняго впечатлѣніе человѣка «котораго обременяютъ и которому докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія», великая княгиня Елена Павловна продолжаетъ свое дѣло бодро и настойчиво. Въ февралѣ она получаетъ отъ Милютина окончательно имъ выработанныя общія основанія освобожденія крестьянъ въ Полтавской, Черниговской, Курской и Харьковской губерніяхъ; лѣтомъ, въ Вильдбадѣ по ея порученію Кавелинъ примѣняетъ, въ особой работѣ, эти начала, во всѣхъ подробностяхъ къ Карловкѣ; въ сентябрѣ, когда недовольный бездѣйствіемъ негласнаго комитета, государь назначаетъ въ составъ его живого, талантливаго и рѣшительнаго брата своего—Константина Николаевича,—она препровождаетъ эту работу великому князю и вступаетъ съ нимъ, по этому поводу, въ оживленную переписку, продолжающуюся затѣмъ уже между Кавелинымъ и А. В. Головнинымъ, который тоже былъ хотя и тихимъ, но стойкимъ носителемъ идеи упраздненія крѣпостного права. Затѣмъ, 13 февраля 1858 года, подъ руководствомъ Милю-

тина составляется окончательно экономическая часть «Положенія объ устройствѣ Карловскаго имѣнія», а 8 марта того же года «административная» его часть и все положеніе вносится наконецъ на разсмотрѣніе негласнаго комитета, обратившагося съ начала 1858 г. въ «Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу». Этимъ положеніемъ вся крестьянская усадебная земля съ постройками, считая по $^3/_4$ десятины на каждаго хозяина, поступаетъ въ полную собственность крестьянъ, а вся пахотная и сѣнокосная земля, обрабатываемая крестьянами, поступаетъ въ постоянное ихъ общинное пользованіе съ правомъ выкупа, наравнѣ съ усадебною землею, при уплатѣ по 25 р. за десятину. Хозяйственное распоряженіе общественною землею, распредѣленіе повинностей и взиманія оброка (впредь до выкупа—по 1 р. 50 к. с. въ годъ съ десятины, причемъ за пользованіе усадебною землею ничего не платится) совершается мірскимъ обществомъ посредствомъ сходовъ и выборныхъ должностныхъ лицъ. Въ полицейскомъ и административномъ отношеніяхъ всѣ отдѣльныя общества образуютъ четыре волостныя общества.

Ко времени утвержденія этого Положенія общій крестьянскій вопросъ быстро двинулся впередъ подъ вліяніемъ энергической дѣятельности новаго члена Главнаго Комитета, великаго князя Константина Николаевича, подкрѣпляемой продуманными распоряженіями и твердыми представленіями Ланского, проникнутыми стремленіемъ оградить русское крестьянство отъ привитія къ нему, подъ видомъ улучшенія его быта, безземельнаго батрачества. Рескриптъ на имя генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края Назимова, про который можно было съ полнымъ основаніемъ сказать—alea jacta est!—показалъ, что правительство взяло, наконецъ, въ свои руки уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній. Запоздалая готовность московскаго дворянства составить проектъ положенія на основаніяхъ, признаваемыхъ *имъ* общеполезными и удобными, по отношенію къ которымъ, однако, оно еще за годъ предъ этимъ отвѣчало «non possumus», была отклонена указаніемъ на главныя начала, преподанныя дворянству другихъ губерній, изъявившему *раньше* московскаго желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ. Занявшаяся въ 1856 году и по временамъ заволакиваемая облаками заря освобожденія разгоралась сильнѣе и сильнѣе, наполняя души всѣхъ «алчущихъ и жаждущихъ правды» тѣмъ чувствомъ восторженной бодрости, которую впослѣдствіи ни забыть, ни вновь испытать было невозможно. Всюду открывались губернскіе комитеты, и то, что дни крѣпостного права сочтены—сдѣлалось несомнѣннымъ. Поэтому и въ § 14 «Положенія для

крестьянъ Карловскаго имѣнія», вступившемъ въ силу 21 мая 1859 г., говорилось: «права и преимущества, какія будутъ впослѣдствіи по Высочайшей, государя императора, волѣ предоставлены всѣмъ вообще помѣщичьимъ крестьянамъ, безусловно распространяются и на крестьянъ Карловскаго имѣнія, независимо отъ тѣхъ облегченій, которыя предоставляются имъ настоящимъ положеніемъ».

Съ учрежденіемъ редакціонныхъ коммиссій, въ библіотеку которыхъ великая княгиня тотчасъ же препроводила 32 сочиненія о положеніи крестьянъ въ Австріи и Пруссіи, положеніе Милютина—негласнаго совѣтника и сотрудника Елены Павловны—измѣнилось. Замѣняя въ редакціонныхъ комиссіяхъ министра, въ качествѣ «временно исполняющаго обязанности товарища министра» («временно-постояннаго»—злобно острили его враги), онъ явился прямымъ и открытымъ поборникомъ «святого—по выраженію Киселева—дѣла». Люди, одушевленные тѣми же благородными идеями, сгруппировались около него,—враги «дѣла» сплотились противъ. Настойчивая работа его по приданію *городскому управленію* цѣлесообразнаго и достойнаго характера была послѣдними немедленно поставлена ему въ вину и связана съ его дѣятельностью по «эманципаціи». Враждебными и торопливыми руками былъ наклеенъ ярлыкъ «краснаго» на человѣка, горячо любившаго Россію и желавшаго способствовать государю въ выводѣ ея изъ безсудія и безправія, о которыхъ другой истинный патріотъ—Иванъ Аксаковъ—писалъ, въ 1855 году, своему отцу: «чего можно ожидать въ странѣ, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду,—надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо,—надо пройти цѣлую процедуру обмановъ и низостей, чтобы добиться необходимаго законнаго?!» Чѣмъ больше чувствовалась нравственная и трудовая сила Милютина, тѣмъ сильнѣе свивала и развивала противъ него свои змѣиныя кольца клевета. Она создавала ему репутацію вреднаго честолюбца и человѣка опаснаго, которому нельзя довѣрять выработку и направленіе мѣръ государственной важности. Его хулители, въ большинствѣ случаевъ умѣвшіе лишь оберегать своекорыстные интересы и выражавшіе свое служеніе роднпѣ неутолимою жаждою наградъ и денежныхъ подачекъ, не могли, со своей точки зрѣнія, понять мнѣнія Монтескье (въ Esprit des lois) о томъ, что «желать возвышенія на властный постъ вполнѣ дозволительно каждому гражданину, ибо каждому дозволительно желать быть въ состояніи оказать наибольшія услуги своей родинѣ». Они не хотѣли знать, что друзья и единомышленники этого *честолюбца*—и въ томъ числѣ даже и великій князь Константинъ Николае-

вичъ—упрекали его въ наживаніи себѣ враговъ своею крайнею рѣзкостью, неуступчивостью и отсутствіемъ свѣтской обходительности. Дѣйствительно, Милютинъ слишкомъ явно отдавался, хотя и вполнѣ понятной, но опасной для общественнаго бойца, склонности *презирать* тѣхъ, кого не можешь *уважать*. И путь этого замѣчательнаго человѣка, про котораго наше общество,—если бы оно умѣло быть благодарнымъ,—могло сказать словами англійскаго поэта «an honest man is the noblest work of God», былъ усѣянъ терніями. За возможность быть полезнымъ родинѣ онъ—съ виду сдержанный и спокойный—платилъ и заплатилъ кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ... Ему необходима была, даже независимо отъ его желаній, нравственная поддержка и зоркое, участливое отношеніе къ дѣлу, которому онъ отдавалъ всѣ свои силы.

Все это нашелъ онъ у великой княгини. Она старалась всѣми мѣрами, прямо и косвенно, дать предубѣжденному противъ него лживыми навѣтами государю случай узнать его ближе и увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ. Уже въ 1858 году, у себя на вечерѣ она представила Милютина императрицѣ, соединявшей сердечную доброту съ самостоятельностью мнѣній, независимыхъ отъ репутацій, создаваемыхъ кружками,—и познакомила его съ княземъ Горчаковымъ, чей тонкій и европейски-культурный умъ могъ оцѣнить духовную сущность Милютина. За этимъ послѣдовало оффиціальное представленіе Милютина императрицѣ и длинный разговоръ съ нею объ освобожденіи крестьянъ. Въ февралѣ 1860 года, въ Михайловскомъ дворцѣ, произошелъ подготовленный великою княгинею длинный разговоръ государя съ Милютинымъ о трудахъ редакціонной коммиссіи, только что лишившейся Ростовцева,—причемъ государь выразилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіямъ желаніе, чтобы Милютинъ продолжалъ помогать въ трудахъ по освобожденію и новому предсѣдателю—графу Панину. Съ напряженнымъ и серьезнымъ вниманіемъ слѣдила великая княгиня за дѣятельностью Милютина на службѣ «святому дѣлу»,—дѣлилась съ нимъ лично и черезъ баронессу Раденъ извѣстіями, которыя могли его порадовать или ободрить (напримѣръ о назначеніи вел. кн. Константина Николаевича предсѣдателемъ Главнаго Комитета); стараясь заранѣе установить между нимъ и великимъ княземъ довѣрчивыя и сочувственныя личныя отношенія,—сообщала ему о слухахъ, осуществленіе которыхъ могло гибельно отозваться на приложеніи къ жизни работъ по освобожденію. Еще въ 1859 году, когда изъ редакціонной коммиссіи съ шумнымъ протестомъ удалились два *непримиримыхъ* представителя крупнаго землевладѣнія—

гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ, великая княгиня поручила баронессѣ Раденъ написать Милютину, что 28 мая она имѣла весьма пріятный разговоръ съ государемъ и воспользовалась случаемъ поручить коммиссію его милостивому вниманію, прося поддержать ее противъ недоброжелательствъ и продолжать быть защитникомъ тѣхъ, *кто не имѣетъ голоса въ дѣлѣ*. Къ дальнѣйшему сообщенію Раденъ объ откровенной бесѣдѣ великой княгини съ Ростовцевымъ и о ея находчивомъ отвѣтѣ князю Долгорукому, сожалѣвшему о выходѣ изъ коммиссіи представителей «аристократическаго принципа»,—Елена Павловна приписала: «наконецъ я рекомендовала васъ и Черкасскаго еще разъ Ростовцеву. Да хранитъ васъ Господь! Не теряйте бодрости, такъ какъ я имѣю надежду»...

И не въ одномъ Милютинѣ она стремилась поддержать бодрость духа. Она пригрѣла своею заботою его главныхъ сотрудниковъ, одушевленныхъ одними съ нимъ стремленіями. Князь Черкасскій и Юрій Самаринъ сдѣлались не только постоянными посѣтителями Михайловскаго дворца, но и стали предметомъ особаго вниманія его хозяйки. Лѣтомъ 1859—1860 гг. князь Черкасскій по ея приглашенію переселился въ одинъ изъ дворцовыхъ флигелей на Каменномъ островѣ, — туда же былъ по настояніямъ великой княгини перевезенъ и заболѣвшій отъ переутомленія Юрій Самаринъ, лежавшій въ душной гостинницѣ пыльнаго города. Назначеніе графа Панина предсѣдателемъ редакціоннаго комитета разстроило великую княгиню. Ей казалось, что настаетъ время, когда можно «потерять надежду». Съ тревогою ждала она первыхъ шаговъ замѣстителя Ростовцева, трогательная кончина котораго произвела удручающее впечатлѣніе на всѣхъ друзей и поборниковъ освобожденія. Она рѣшилась даже, какъ сообщала въ утѣшеніе и ободреніе Милютину, выразить государю свое удивленіе призванію Панина на дѣло, которому онъ завѣдомо не сочувствуетъ и, слѣдовательно, не можетъ служить съ пользою. Оказалось, что она была лучшаго мнѣнія о Панинѣ, чѣмъ знавшій его ближе государь, сказавшій ей: «вы совсѣмъ не знаете его: у него вовсе нѣтъ убѣжденій и будетъ лишь одно желаніе—угодить мнѣ»... Сознавая всю тяжесть работы, несомой Милютинымъ при сочувственномъ сотрудничествѣ друзей, и то значеніе, которое получатъ эти «страдные дни» для него тогда, когда утихнетъ «злоба дня», а вся эта работа, борьба, скорбь и успѣхи станутъ лишь воспоминаніемъ,—великая княгиня прислала Милютину *на елку*, въ 1860 году,—альбомъ съ различными фотографическими портретами. «Я думаю,—писала она,—что подарокъ альбома, содержащаго живые образы вашихъ друзей и противни-

ковъ въ памятные годы 1859—60 можетъ доставить вамъ удовольствіе. Я не хотѣла замѣнить какою либо надписью заслуженный вами девизъ, но мѣсто для него приготовлено. Въ Писаніи сказано: «*сѣющіе въ слезахъ—пожнутъ въ радости*», и я хочу вѣрить этому обѣщанію и видѣть его осуществленнымъ, какъ для васъ, такъ для народа, въ пользу котораго вы трудились». Эти слова и были затѣмъ вырѣзаны, по желанію Милютина, на скромномъ, но драгоцѣнномъ по мысли альбомѣ.

VI.

Когда освобожденіе совершилось, то противники его, не имѣя болѣе возможности помѣшать творенію лучшихъ людей земли русской, сосредоточили всѣ силы на томъ, чтобы лишить творцовъ радости руководить практическимъ проведеніемъ ихъ дѣла въ жизнь. Окончаніе Милютинымъ главной работы, вынесенной имъ на своихъ плечахъ «ohne Hast, ohne Rast», вмѣсто того, чтобы упрочить его положеніе, сдѣлало послѣднее еще болѣе шаткимъ, особливо въ виду того, что въ него бросали, какъ въ злоумышленнаго раззорителя дворянъ въ пользу крестьянъ, уже не камнями, а, употребляя выраженіе Герцена, цѣлою *мостовою*. Сознаніе этой шаткости продиктовало 29 января 1861 г. великой княгинѣ слѣдующую, исполненную предусмотрительной заботливости, записку Милютину: «если вы будете видѣться съ государемъ императоромъ наединѣ и онъ заговоритъ съ вами о дворянствѣ—вамъ непремѣнно слѣдовало бы объяснить, что вы вовсе не противъ него, но что вамъ больно и стыдно оттого, что сословіе, къ которому вы принадлежите, такъ мало соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ ему надлежало бы быть»... Но судьба Милютина (а также и Ланского) была уже рѣшена...—Уволенный въ годичный заграничный отпускъ съ назначеніемъ сенаторомъ, онъ въ началѣ мая 1861 г. извѣщалъ друзей своихъ Самарина и Черкасскаго, что, въ качествѣ «выпровоженнаго», укладываетъ свои вещи для путешествія и что великая княгиня *грустить и страдаетъ*. Но это не мѣшало ей, не утрачивая вѣры въ лучшее будущее для Милютина, заботиться о сохраненіи его силъ для этого будущаго. Въ Парижѣ жилъ графъ Киселевъ, еще въ 1858 г. писавшій Милютину: «отъ всей души желаю успѣшныхъ результатовъ предпринятому дѣлу и молю Бога даровать твердую настойчивость тѣмъ, которые призваны работать въ вертоградѣ—я по старости и дряхлости едва ли увижу плоды этого великаго и пре-

краснаго дѣла, но желаю, чтобы надъ нимъ постоянно трудились и чтобы оно шло къ цѣли, которая должна быть достигнута, несмотря на желаніе тѣхъ, которые разсчитываютъ на утомленіе работниковъ». Къ Киселеву и обратилась великая княгиня, прося его употребить все свое вліяніе, чтобы заставить Милютина отдохнуть и провести зиму въ Парижѣ, гдѣ близость съ замѣчательными людьми освѣжитъ его и послужитъ ему на пользу, когда онъ вернется въ отечество и вновь приметъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Графъ Киселевъ исполнилъ данное ему порученіе съ любовью и умѣньемъ, видѣлся съ Милютинымъ «сколько могъ, но не столько сколько бы желалъ, въ виду его ума и поучительности его разговоровъ о внутреннихъ дѣлахъ Россіи»,—познакомилъ его съ главными политическими знаменитостями Франціи и съ радостью замѣтилъ, что истинное достоинство его племянника было оцѣнено такими людьми, какъ Гизо и Тьеръ, и что многіе искали случая съ нимъ познакомиться. «Но я нахожу его печальнымъ и озабоченнымъ,—записываетъ Киселевъ въ своемъ дневникѣ—и я это понимаю. Трудъ, который на него взвалили, былъ очень тяжелъ и неблагодаренъ; онъ работалъ съ ревностью и самоотверженіемъ, но удовлетворить всѣ противоположные интересы невозможно: это гордіевъ узелъ, который разсѣкаютъ, а не развязываютъ»... Въ теченіе почти двухъ лѣтъ, которые Милютину пришлось провести въ безсрочномъ отпуску, напоминавшемъ ему о его *ненужности* для русскихъ дѣлъ, великая княгиня сообщала ему сама и черезъ посредство баронессы Раденъ все, что могло его интересовать въ судьбахъ родины. Сообщенія эти полны свѣдѣній о личностяхъ, законодательныхъ работахъ и предположеніяхъ. При этомъ постоянно высказывается задушевное желаніе великой княгини, раздѣляемое и вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, видѣть Милютина министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣстѣ Валуева «предназначеннаго много говорить и мало дѣлать» или, на худшій конецъ, министромъ государственныхъ имуществъ, т. е. видѣть его въ положеніи, въ которомъ «личная оцѣнка его государемъ могла бы служить залогомъ его *дѣйствительной* полезности». Она совѣтуетъ ему вернуться, увѣренная, что его силы и свѣдѣнія найдутъ, наконецъ, справедливое къ себѣ отношеніе и живое приложеніе къ массѣ назрѣвшихъ вопросовъ. Но Милютинъ, въ законной гордости безкорыстнаго труженика на благо народа, вспоминая всѣ тѣ двумысленныя и неловкія положенія, въ которыя онъ былъ въ послѣдніе годы поставленъ оказываемымъ ему, почти вынужденнымъ, *полудовѣріемъ*, желалъ явнаго и осязательнаго призыва его, безъ оговорокъ и съ

полнымъ довѣріемъ. Въ концѣ концовъ и великая княгиня раздѣлила его взглядъ. Сожалѣя о безсрочности его отпуска и признавая всю полезность его участія въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса объ обязательномъ выкупѣ и въ выработкѣ положенія о земствѣ, она находила однако, что онъ хорошо дѣлаетъ, «не стремясь на поле дѣятельности, на которомъ стали бы снова истощать его силы, клевеща въ то же время на его намѣренія». Она старалась утѣшить его интересными сторонами пребыванія его въ Парижѣ. По поводу приглашенія его на экономическій обѣдъ, гдѣ онъ собирался, вслѣдствіе многочисленныхъ просьбъ, разсказать присутствующимъ организацію освобожденія, она писала ему: «то, что вамъ приходится увидѣть, можетъ быть очень поучительно для государственнаго человѣка, каковы бы ни были его личныя убѣжденія, и я надѣюсь, что вы пополните это знакомствомъ съ самимъ «сфинксомъ» (Наполеономъ III); необходимо, чтобы вы его видѣли и сообщили мнѣ при свиданіи ваши впечатлѣнія»... Ее даже встревожило за Милютина внезапное возникшее предположеніе поставить его во главѣ гражданскаго управленія Польши, волнуемой начинающимся мятежомъ. «Я узнаю—писала она 11 мая 1862 г.,—что, вызванный сюда, вы прибыли—и хочу вамъ сказать, что всѣ мои желанія сводятся къ тому, чтобы вы избѣжали опаснаго назначенія въ Варшаву, которое лишитъ Россію васъ, не давъ вамъ достигнуть съ успѣхомъ чего либо во враждебно настроенной странѣ, языкъ, законы и стремленія которой еще надо изучить»...

Введеніе земскихъ учрежденій и судебная реформа, послѣдовавшія за отмѣною крѣпостного права,—привлекли къ себѣ вниманіе и безусловныя симпатіи великой княгини. Она интересовалась первыми шагами новыхъ учрежденій и очень горячо принимала къ сердцу слухи о томъ, что, послѣ паденія министра юстиціи Замятнина, высокимъ началамъ, вложеннымъ въ Судебные Уставы, можетъ, какъ тогда были многіе убѣждены, грозить серьезная опасность. Но мысли ея, главнымъ образомъ, обращались къ освобожденію крестьянъ, въ которомъ ей пришлось принимать такое живое и плодотворное участіе. Это было особенно дорогое ей воспоминаніе. По справедливости можно сказать, что если бы у нея не было никакихъ другихъ однородныхъ воспоминаній за всю ея жизнь, то и тогда она могла бы, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, сознавать, что жила недаромъ. Девизъ, предложенный ею для альбома Милютина, по праву можетъ принадлежать и ей. И у нея бывали невидимыя міру слезы—и въ ея сердцѣ, исполненномъ довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа и жалости къ нему, бывали

минуты радостной жатвы своихъ безкорыстныхъ усилій. Не даромъ извѣстный ученый епископъ Порфирій пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ 1862 году она, передъ исповѣдью у него, призналась ему въ своемъ горячемъ и вліятельномъ участіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ *по желанію имъ добра*... Возвращаясь мыслью къ этому періоду своей жизни, она, черезъ пять лѣтъ послѣ освобожденія, предположила издать, при дѣятельной помощи баронессы Раденъ, обширный сборникъ подъ названіемъ «Православный Календарь». Въ немъ, среди статей, обѣщанныхъ выдающимися авторами—и въ томъ числѣ Тургеневымъ,—одно изъ видныхъ мѣстъ должны были занять: «историческій очеркъ крѣпостного состоянія въ его возникновеніи и вліяніи на народный бытъ», а также исторія освобожденія крестьянъ и объясненіе значенія этой перемѣны въ народной жизни. Эту работу, отъ имени великой княгини, баронесса Раденъ просила принять на себя Самарина потому, что ему для этого достаточно лишь «заставить себя мысленно пережить эпоху славной борьбы». Сердечная поддержка главныхъ дѣятелей этой «славной борьбы», вѣрность имъ, несмотря ни на что—и благотворное, постоянное, исполненное такта, воздѣйствіе Елены Павловны на рѣшимость государя довести до конца святое дѣло отмѣны крѣпостного ига, не должны быть забыты исторіей!

Нимфа Эгерія новаго царствованія, сохранявшая подъ нѣжною женственною оболочкою мужественную и стойкую волю, всегда направленную къ возвышеннымъ цѣлямъ,—великая княгиня обладала тѣмъ огнемъ, который нуженъ, чтобы зажигать сердца людей какъ для преданной любви, такъ и для вражды. Поэтому она не могла не вызывать чувства завистливаго нерасположенія «посреди пустыхъ, холодныхъ и напыщенныхъ собой»... «Всѣми она признана мастерицею устраивать праздники и плѣнять своимъ умомъ,—пишетъ въ своихъ запискахъ, въ назиданіе потомству, одинъ видный царедворецъ послѣ бала у нея 13-го февраля 1860 года, въ самый разгаръ ея тревожной дѣятельности по крестьянскому дѣлу,—если бы эта умная женщина *не мѣшалась въ государственныя дѣла*—прибавляетъ онъ глубокомысленно—она, конечно, была бы украшеніемъ нашего двора». Но потомство не раздѣлитъ этого взгляда—и когда будетъ, наконецъ, издана полная біографія великой княгини Елены Павловны, скончавшейся 9-го января 1873 года, оно съ благодарнымъ чувствомъ преклонится предъ ея нравственно высокимъ и привлекательнымъ въ своемъ истинномъ величіи образомъ.

Ближайшимъ къ великой княгинѣ лицомъ и ея помощницей являлась неоднократно упоминаемая въ настоящемъ очеркѣ баронесса Эдитта Федоровна Раденъ,—die geistreiche Fräulein Rhaden, какъ назвалъ ее авторъ «Bilder aus der Petersburger Gesellschaft». Говоря о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ было бы несправедливо не остановиться на этой выдающейся личности, тѣмъ болѣе, что «скажи мнѣ кто твой другъ—и я тебѣ скажу—кто ты самъ...» Баронесса Раденъ была безъ сомнѣнія одною изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ высшаго русскаго общества въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Многосторонности ея глубокаго образованія много содѣйствовали частыя пребыванія въ культурныхъ центрахъ Западной Европы, личное общеніе и переписка съ выдающимися дѣятелями науки, искусства и государственнаго управленія. Великая княгиня оцѣнила свѣтлый умъ, высокій нравственный строй и благородный характеръ баронессы Раденъ и избрала ее своею фрейлиною. Въ этомъ званіи послѣдняя сдѣлалась не только преданнымъ и правдолюбивымъ ея другомъ, но и ближайшею ея сотрудницею во всѣхъ общеполезныхъ начинаніяхъ и живымъ посредствующимъ звеномъ между нею и замѣчательными людьми, которыхъ приближала къ себѣ великая княгиня. Настойчиво поддерживая стремленія своего высокаго друга, Раденъ ободряла дѣятельность этихъ людей, которые, выражаясь словами одного изъ предсмертныхъ къ ней писемъ Ю. Ѳ. Самарина, познавали на опытѣ цѣну ея «вѣрной, надежной руки». Въ скромной квартирѣ ея, гдѣ она прожила болѣе 30 лѣтъ, въ одномъ изъ флигелей Михайловскаго дворца, сходились со своими планами и надеждами, тревогами и сомнѣніями, въ различные фазисы работъ, предшествовавшихъ паденію крѣпостнаго права, Милютинъ, князь Черкасскій, Самаринъ; сюда приходили для живого обмѣна мыслей Аксаковъ, Дмитріевъ, Чичеринъ, Кавелинъ; здѣсь просиживалъ вечера Тургеневъ, блисталъ саркастическимъ юморомъ и самыми разнородными знаніями Эйхвальдъ, внимательно приглядывался и прислушивался къ окружающему Макензи-Волласъ. Въ уютный кабинетъ привѣтливой хозяйки, съ ея ясною, опредѣлительною и всегда глубоко содержательною рѣчью, съ ея неправильными чертами лица, оживленными свѣтлымъ и вмѣстѣ строгимъ, какъ весь ея нравственный обликъ, взоромъ,—приходили отдохнуть отъ работы и набраться возвышающихъ впечатлѣній выдающіеся ученые, писатели и художники.

До самой кончины своей Раденъ съ утра до ночи была доступна для людей, нуждавшихся въ ней *матеріально,* ибо

чужая бѣда, нищета и немощь всегда встрѣчали въ ней горячій и разумный откликъ, до самыхъ крайнихъ предѣловъ ея средствъ—и для нуждающихся въ ней *нравственно*, какъ въ совѣтчицѣ и руководительницѣ. Упорная ненавистница всего лживаго, неискренняго и своекорыстнаго, она была всегда вѣрна девизу «Wahrheit gegen Feind und Freund» и оставалась неизмѣннымъ и справедливымъ другомъ тѣхъ, въ чьи хорошія нравственныя стороны она увѣровала. Ея обширная переписка, разнообразная по содержанію и превосходная даже въ стилистическомъ отношеніи, на какомъ бы языкѣ она ни писала, заключаетъ въ себѣ массу указаній на такое ея отношеніе къ замѣчательнымъ друзьямъ ея. «Одно изъ божественныхъ свойствъ, меня всегда всего болѣе трогающихъ—пишетъ она — есть *непоколебимость*; въ основаніе отношеній между друзьями должна именно быть положена такая непоколебимость, иначе дружба потеряла бы свое высокое значеніе;—я *не могу* измѣняться въ отношеніи къ друзьямъ, потому что мое чувство коренится въ томъ, что въ нихъ истинно и, слѣдовательно, вѣчно; сложная природа нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ ихъ возвышенными порывами и паденіями долу, должна быть разсматриваема и судима съ той справедливостью, которая внушается искреннимъ чувствомъ, способнымъ отличать случайное отъ существеннаго въ человѣкѣ».

Переписка Раденъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, изданная въ Москвѣ въ 1893 г., представляетъ драгоцѣнный обмѣнъ мыслей, чувствъ и убѣжденій между двумя сильными и высокими духовными организаціями. Старый споръ ихъ о значеніи особенностей общественнаго строя Прибалтійскаго края по отношенію къ правамъ русской государственности разрѣшился появленіемъ «Окраинъ Россіи», очень взволновавшихъ Раденъ и показавшихся ей, стоявшей въ значительномъ отдаленіи отъ мѣстной дѣйствительности, «собраніемъ негодныхъ аргументовъ, смѣлыхъ гипотезъ и даже клеветъ». Въ ея письмахъ прозвучала нота разрыва; но когда она узнала о стѣснительно-карательныхъ мѣропріятіяхъ противъ книги и ея автора, она поспѣшила написать ему: «я не отрекусь отъ васъ въ часы вашей печали и испытаній; вы можете разсчитывать на мою дружбу»—и всѣ восемь лѣтъ, протекшихъ затѣмъ до кончины Самарина (въ 1876 г.), полны осуществленіемъ этого обѣщанія. Высокая правдивость Раденъ заставила ее, на основаніи личнаго опыта, сознаться, что Самаринъ былъ въ нѣкоторыхъ своихъ взглядахъ въ значительной мѣрѣ правъ.

Практическая дѣятельность ея — въ которой она неизмѣнно являлась сначала помощницею, потомъ продолжательницею ве-

ликой княгини Елены Павловны, — отличалась большимъ разнообразіемъ. Послѣ кончины великой княгини она стала оберегательницею основанныхъ ею общеполезныхъ, санитарныхъ и воспитательныхъ учрежденій и блюстительницею въ нихъ того духа, которому они были обязаны своимъ существованіемъ. Такъ напр., она приняла горячее участіе въ организаціи и развитіи Крестовоздвиженской общины, Елисаветинской дѣтской больницы, Еленинскаго женскаго училища, котораго она была постоянной попечительницею. Она настойчиво работала надъ осуществленіемъ мысли великой княгини о созданіи высшаго учебно-медицинскаго института для довершенія образованія уже окончившихъ курсъ врачей (онъ получилъ впослѣдствіи названіе Еленинскаго клиническаго института). Назначенная, въ 1875 году, членомъ совѣта учрежденій Елены Павловны, Раденъ своимъ отзывчивымъ отношеніемъ къ нуждамъ этихъ учрежденій и свѣтлымъ, энергическимъ умомъ охраняла и ихъ, и самый совѣтъ отъ бюрократическаго формализма. За этотъ же періодъ своей жизни ей пришлось съ крайнимъ напряженіемъ силъ заняться организаціею санитарныхъ отрядовъ и разнообразныхъ работъ для помощи раненымъ во время войны 1877—78 гг., при чемъ непререкаемое уваженіе, которымъ она пользовалась въ обществѣ, дало ей возможность сплотить на этомъ дѣлѣ самые разнородные и подчасъ весьма трудные на подъемъ элементы. Послѣ смерти принца П. Г. Ольденбургскаго ей былъ порученъ активный надзоръ надъ дѣломъ высшаго женскаго воспитанія. Новая дѣятельность взяла все ея время и силы; она не ослабѣвала ни на минуту въ стремленіи къ постановкѣ ввѣреннаго ей дѣла на рисовавшуюся ей нравственную и практическую высоту, не смущаясь неудовольствіями, возбуждаемыми ея прямолинейностью въ требованіи исполненія всѣми своего долга, какъ она его понимала—и нерѣдко переживая тяжелыя минуты. Дѣятельность ея въ этомъ отношеніи была слишкомъ кратковременна, чтобы дать прочные и систематическіе результаты, но возвышенность ея цѣлей не подлежитъ никакому сомнѣнію. «Въ воспитаніи — писала она—главная забота должна состоять не въ томъ только, чтобы привести дѣтей къ порядку и ввести въ извѣстныя границы, надо приложить заботу къ тому, чтобы *жизнь* возрастала и развивалась, не обезображиваясь въ лишенныхъ гибкости рамкамъ и не обезпложиваясь въ неподвижной рутинѣ—въ этихъ немудреныхъ средствахъ управленія, столь удобныхъ для косныхъ натуръ и преданныхъ формализму правителей...».

Въ самый разгаръ ея дѣятельности, смерть послала ей своихъ предвѣстниковъ,—но, сознавъ въ себѣ роковой недугъ, она продолжала жить и работать, какъ будто смерти нѣтъ, вовсе не заботясь, что она подходитъ. Дважды перенесенная съ геройскимъ терпѣніемъ тепло вѣрующей души мучительная операція не спасла для русскаго общества эту замѣчательную женщину, которая имѣла заслуженное право на названіе «государственнаго человѣка». 9 октября 1885 г. ея не стало. Холодная на видъ и гордая въ отношеніяхъ со свѣтскою толпою,—теплая и доступная для тѣхъ, въ комъ она различала дорогія ей общечеловѣческія духовныя черты—она сердцемъ поняла и оцѣнила особенности русскаго народа, благу котораго она безкорыстно и непреклонно, не смотря на подчасъ трудныя стороны своей личной обстановки, служила всю жизнь. Какъ и великая княгиня Елена Павловна, баронесса Раденъ могла бы сказать русскому обществу, оглядываясь на свою жизнь, горѣвшую и потухшую какъ нравственный маякъ, словами поэта: «я больше русская была, чѣмъ многіе—по крови вамъ родные».

КНЯЗЬ
В. А. ЧЕРКАССКІЙ.

(1902 г.).

Неумѣнье и даже нежеланіе нашего общества цѣнить своихъ замѣчательныхъ людей и заботливо поддерживать память о нихъ издавна горестно поражаетъ наблюдателей русской жизни. Еще можно понять отсутствіе интереса къ прошлому, ничѣмъ органически не связанному съ настоящимъ,—можно извинить нѣкоторую лѣнь, удерживающую отъ историко-археологическихъ изслѣдованій по отношенію къ людямъ, дѣла и личность которыхъ уже давно «поросли травой забвенья» и ничѣмъ нынѣ не отражаются на общественно-бытовыхъ явленіяхъ жизни,—но чѣмъ оправдать полное равнодушіе къ памяти людей, чьихъ трудами, усиліями воли и нерѣдко нравственными страданіями и матеріальными лишеніями куплены для современныхъ поколѣній *человѣческія* условія существованія?! Когда извѣстны, хотя бы въ общихъ чертахъ, изъ источниковъ элементарныхъ историческихъ свѣдѣній, тягостныя или постыдныя явленія нашей внутренней жизни, конецъ которымъ положенъ дружною работой лучшихъ сыновъ родины и великодушнымъ почином и волею монарха, то какъ же не пожелать узнать — *кто* и *какъ* принималъ участіе въ такомъ благотворномъ и чреватомъ послѣдствіями трудѣ?! Къ такимъ явленіямъ нашей исторической жизни относится, безъ сомнѣнія, крѣпостное право,—это своего рода не внѣшнее, а внутреннее монгольское иго,—проникавшее и отравлявшее собою всѣ

проявленія дѣятельности государственнаго организма, искажавшее и подавлявшее всѣ проявленія личной жизни народа,—народа въ сущности, по справедливому замѣчанію Я. И. Ростовцева, и не существовавшаго, до упраздненія крѣпостного права, какъ нѣчто цѣлое и самостоятельное. Отмѣна крѣпостного права не только обусловила, но имѣла своимъ неизбѣжнымъ и прямымъ послѣдствіемъ реформу суда и отмѣну подушной подати—и дала возможность введенія общей воинской повинности. Судъ присяжныхъ, столь сильно облегчающій судебное бремя государства, былъ бы немыслимъ при существованіи рабства,—а общая воинская повинность въ корнѣ подрывала бы начало вотчиннаго хозяйства, построеннаго на даровомъ и подневольномъ трудѣ. Какъ на всѣхъ сторонахъ нашего государственнаго быта до сихъ поръ отражается почннъ Петра Великаго, такъ почти на всѣхъ основаніяхъ нашего современнаго общественнаго быта сказывается великая и коренная реформа Александра II-го. А между тѣмъ—много ли мы знаемъ о важнѣйшихъ дѣятеляхъ тѣхъ незабвенныхъ годовъ, когда, по мѣткому выраженію Некрасова, «ковалась» эта реформа? Гдѣ не только ихъ серьезныя біографіи, но хотя бы даже систематическое собраніе матеріаловъ для такихъ біографій? Какія изслѣдованія или *общедоступныя* воспоминанія можно указать для болѣе или менѣе близкаго знакомства, съ личностью и дѣятельностью великой княгини Елены Павловны—и ея ближайшей сотрудницы, баронессы Эдиты Раденъ, той «geistreiche» Раденъ, благородство духовной природы которой заставляло каждаго, по словамъ И. С. Аксакова, при встрѣчѣ или бесѣдѣ съ нею, невольно *выпрямляться душою*... Гдѣ подробное описаніе жизни и титанической работы Николая Алексѣевича Милютина? Гдѣ цѣльный очеркъ интереснѣйшей дѣятельности Юрія Ѳедоровича Самарина? А между тѣмъ время уходитъ—и дѣйствуетъ двояко разрушительнымъ образомъ: письменные матеріалы «выцвѣтаютъ» и утрачиваютъ интересъ своей связи съ текущей дѣятельностью, а драгоцѣнныя устныя воспоминанія современниковъ и очевидцевъ, столь важныя для возстановленія неуловимыхъ впослѣдствіи чертъ живого образа покойныхъ дѣятелей, исчезаютъ безслѣдно и съ прогрессирующею быстротою. У насъ принято смотрѣть на личныя воспоминанія объ общественныхъ дѣятеляхъ, какъ на нѣчто въ родѣ неприкосновенной собственности, которою лишь иногда можно, въ минуты хорошаго настроенія, подѣлиться съ друзьями. Но это весьма печально. Не только *можно*, а *должно* дѣлиться, ибо иначе стираются и всѣ жизненныя краски съ лицъ и событій и утрачивается поучительная картина всѣхъ перипетій медленной и

упорной борьбы за лучшія пріобрѣтенія духовной и политической культуры. Обыкновенно ссылаются на *несвоевременность* или *преждевременность* систематическаго обнародованія матеріаловъ и воспоминаній—и все со дня на день откладывается, до тѣхъ поръ, пока, «яко тать въ нощи», не подойдетъ смерть—и образъ дѣятеля, который могъ бы быть запечатлѣнъ въ благодарномъ сознаніи потомства, не померкнетъ въ собственномъ сознаніи равнодушнаго или излишне робкаго и «застѣнчиваго» хранителя воспоминаній.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія книги, составленной княжною О. Н. Трубецкою и содержащей матеріалы для біографіи В. А. Черкасскаго и переписку его съ Ю. Ө. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ и другими—за время работъ по освобожденію крестьянъ, когда отмѣна крѣпостнаго права обсуждалась въ губернскихъ комитетахъ. Эти матеріалы заслуживаютъ самаго внимательнаго ознакомленія со стороны каждаго, понимающаго громадное значеніе реформы, частицу исторіи которой они живописуютъ не съ оффиціальной стороны, а давая возможность читателю присутствовать при откровенной бесѣдѣ людей разнаго темперамента и склада, но одушевленныхъ одинаково пламенною любовью къ родинѣ и тревожною заботою о ея судьбахъ. Это цѣльный и дорогой кусокъ, вырѣзанный изъ пестрой ткани *дѣйствительной*, а не *сочиненной* исторіи, въ которой разноцвѣтныя нити индивидуальныхъ свойствъ и дѣйствій сплетаются въ единый узоръ общаго движенія.

Центральною фигурою сборника является, конечно, самъ князь Черкасскій. Друзья, ведущіе съ нимъ переписку, часто говорятъ о немъ лично,—онъ самъ рисуетъ себя со всѣхъ сторонъ своего характера въ своихъ письмахъ и въ дѣйствіяхъ. И онъ стоитъ предъ нами какъ живой. Его натура сильная и страстная, при внѣшнемъ спокойствіи и самообладаніи, вся проникнута тѣмъ, что̀ французы называютъ «esprit de combativité», и совершенно чужда *приспособляемости*. Весь преданный своему дѣлу, упорный и настойчивый въ преслѣдованіи своей цѣли, кн. Черкасскій не только не знаетъ столь обычнаго у насъ, заклейменнаго еще княземъ Одоевскимъ, «рукавоспустія», но вѣчно борется, находя, по собственному выраженію, что «*вездѣ и всюду наступательная война выгоднѣе оборонительной*». Оружіемъ въ этой войнѣ ему служитъ сильный, дѣятельный умъ, сила слова и быстрая находчивость. «Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза,—говоритъ о немъ И. С. Аксаковъ,—такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ, особенно же глаза людей съ туманною мыслью, ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ

сожалѣнію слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глуповатостью, и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высокомѣрную, злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣньемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста и въ грудѣ фразъ о безкорыстіи и гуманности обличать присутствіе тайнаго, своекорыстнаго мотива».

Воспитанникъ московскаго университета, въ наиболѣе славный періодъ его существованія, Черкасскій до конца дней сохранилъ благодарную память о Погодинѣ и Крыловѣ. Первый,—говоритъ онъ,—«вселялъ въ слушателяхъ уваженіе къ историческому труду, возбуждалъ самодѣятельность ихъ умовъ и радостно привѣтствовалъ и поощрялъ каждаго, кого успѣвалъ посвятить въ тайныя наслажденія науки. Онъ вливалъ въ молодыя души живые задатки народнаго самосознанія». О Погодинѣ князь Черкасскій всегда отзывался съ особымъ уваженіемъ. Интересно, что еще задолго до появленія монументальнаго труда Н. П. Барсукова объ этомъ замѣчательномъ и своеобразномъ человѣкѣ, И. С. Аксаковъ, въ 1854 году, въ письмѣ къ своимъ родителямъ, говорилъ: «Погодина за многое можно уважать, и когда умретъ онъ и представится намъ вся жизнь его, какъ одно цѣлое, тогда многіе, даже враги, отдадутъ ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усѣяно лицо каждаго человѣка, даже красавицы, если разсмотрѣть въ микроскопъ, исчезнутъ и не обратятъ на себя вниманія, когда выдастся впередъ общій обликъ человѣка. Этотъ-то общій обликъ не всегда уважается людьми при жизни человѣка,—впрочемъ, онъ и не ясно видимъ иногда,—но вообще люди охотнѣе путешествуютъ по прыщамъ и буграмъ человѣка, чѣмъ всматриваются въ общій типъ его физіономіи. Въ Погодинѣ много и много такого хорошаго, ради котораго можно простить ему и дурное»... Не менѣе имѣло вліянія на князя Черкасскаго и преподаваніе профессора римскаго права Крылова, своеобразная и высоко-талантливая личность котораго оставляла неизгладимый слѣдъ на складѣ ума его слушателей, для которыхъ образъ «Никиты Крылова» составлялъ и нынѣ еще составляетъ одно изъ самыхъ дорогихъ и свѣтлыхъ воспоминаній объ университетѣ. Нравственная связь Черкасскаго съ его «alma mater» никогда не ослабѣвала. Уже приближаясь къ концу своей дѣятельной жизни, при оставленіи должности московскаго городского головы, отвѣчая на обращенныя къ нему привѣтствія и отклоняя отъ себя слишкомъ лестные отзывы, онъ сказалъ: «единственная заслуга моя заключается, быть можетъ, лишь въ томъ, что я оставался и остался постоянно вѣренъ нѣкоторымъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, насажден-

нымъ въ меня съизмала, взрощеннымъ во мнѣ московскимъ университетомъ и съ университетской скамьи внесеннымъ мною въ общественную дѣятельность,—убѣжденіямъ, которымъ я надѣюсь остаться вѣрнымъ до конца»...

Въ стѣнахъ этого университета и воспиталъ впервые будущій дѣятель по освобожденію крестьянъ свои завѣтныя мысли объ уничтоженіи крѣпостного права, служенію которымъ посвятилъ всѣ свои силы. Въ написанномъ на золотую медаль, въ 1844 г., «*Очеркѣ исторіи сельскаго сословія въ Россіи*»,—явившемся продолженіемъ оставшагося въ рукописи «*Разсужденія объ укрѣпленіи крестьянъ*»,—представивъ очеркъ политическаго развитія русской волости, князь Черкасскій приходитъ къ убѣжденію, что для нея есть лишь одинъ правильный, нормальный выходъ изъ крѣпостного состоянія—*общинный политическій бытъ, основанный на твердой поземельной собственности.*

«Но когда же настанетъ для Россіи вожделѣнный день?»—спрашиваетъ себя князь Черкасскій. «Жатва быстро зрѣетъ, великая историческая драма безостановочно клонится къ неминуемой развязкѣ; исторія, уже, кажется, произнесла свой судъ, фактъ ожидаетъ лишь законодательнаго освященія. Пусть казна, согласившись крестьянъ своихъ назвать свободными, согласится еще на послѣднюю жертву, и оброкъ ихъ назоветъ просто поземельной податью; пусть частные владѣльцы, двѣсти лѣтъ незаконно пользовавшіеся крестьянскою барщиною, наконецъ отъ нея откажутся и, въ видѣ вознагражденія, согласятся признать ихъ вѣковое, рѣшительно неотъемлемое владѣніе полною *отчинною собственностью*».—Мечта о «вожделѣнномъ днѣ» не оставляла затѣмъ кн. Черкасскаго. Во всѣ его письма, разсужденія и личныя сношенія она вплетается неизбѣжно и властно. Подъ вліяніемъ этой мечты онъ пишетъ въ 1846 г. *проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ,* въ которомъ говоритъ, что при изысканіи средствъ для коренного измѣненія условій крестьянскаго быта должно имѣть въ виду что «въ настоящемъ вопросѣ принимаютъ живое участіе три лица, изъ коихъ каждое имѣетъ свои собственные интересы, часто находящіеся въ борьбѣ съ выгодами другихъ сторонъ: это—самъ крестьянинъ, помѣщикъ и государство. Примирить по возможности противорѣчащія выгоды этихъ сторонъ—вотъ главная задача!.. Выгоды крестьянина требуютъ, чтобы, получая свободу, онъ не вступилъ въ бѣдственный разрядъ бобылей, пролетаріевъ. Онъ долженъ имѣть осѣдлость, принадлежать къ общинѣ, *имѣть недвижимую собственность.* Свобода будетъ ему постылымъ даромъ или, лучше, гибелью, если не соединить

съ нею твердаго поземельнаго владѣнія, которое для бѣдняка, особенно лишеннаго всякаго образованія, есть лучшая нравственная опора».

Задушевная мысль князя Черкасскаго о надѣлѣ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости земельною собственностью— не только не встрѣчала сочувствія въ помѣщичьемъ сословіи, но при малѣйшей попыткѣ облечься въ законодательное осуществленіе, хотя бы въ самомъ скромномъ видѣ, наталкивалась на суровое и категорическое отрицаніе. Проектированное *секретнымъ комитетомъ* 1826 г. «новое устройство всѣхъ состояній въ государствѣ», воспрещавшее всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли вызвало настойчивыя возраженія великаго князя Константина Павловича, получившія затѣмъ особую силу подъ вліяніемъ іюльской революціи и польскаго возстанія. Новый *«комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій»*, открытый въ 1835 г., приступилъ къ дѣлу съ робостью предъ «гибельными послѣдствіями слишкомъ поспѣшно провозглашеннаго слова свободы» и установивъ, какъ руководящія начала, необходимость совершенія реформы съ «*незамѣтною* постепенностью» и признаніе помѣщичьей земли во всемъ ея объемѣ «неотъемлемою и неприкосновенною собственностью помѣщика»,—почилъ отъ дѣлъ своихъ. Третій *секретный комитетъ* 1839 году составилъ обнародованное въ 1842 году положеніе *объ обязанныхъ крестьянахъ*. Основныя черты проекта этого положенія, выработанныя графомъ Киселевымъ и состоявшія въ установленіи *общей формы надѣла* и обезпеченныхъ круговою порукой повинностей, на случай согласія помѣщиковъ на увольненіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, подверглись такому смягченію и искаженію въ окончательной редакціи, что этотъ новый законъ оказался мертворожденнымъ, такъ какъ на практикѣ онъ имѣлъ всего лишь пять случаевъ примѣненія. Вообще, въ эти годы, всякое предположеніе о надѣленіи крестьянъ землею встрѣчалось безусловно неодобрительно. Изъ названнаго выше проекта князя Черкасскаго и изъ переписки П. В. Анненкова съ Бѣлинскимъ видно, что на выборахъ 1843—44 гг. нѣсколько человѣкъ тульскихъ дворянъ входили къ губернатору съ предложеніемъ отпустить каждый въ имѣніи своемъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землею по одной десятинѣ на ревизскую душу и съ освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ прежнихъ отношеній къ господамъ. За это они просили только перевода на вновь освобожденныхъ крестьянъ ихъ долга опекунскому совѣту по 45 руб. сер. На это предложеніе свое дворяне получили увѣдомленіе, что правительство принять

его не можетъ, такъ какъ оно противорѣчитъ основной его мысли сохранить за дворянствомъ въ неприкосновенности поземельную собственность.

При такомъ положеніи дѣла, мечта кн. Черкасскаго была далеко отъ осуществленія. Между тѣмъ, сознаніе несправедливости крѣпостного права, столько разъ имъ выраженное, не могло оставлять его въ спокойномъ бездѣйствіи. По горькой ироніи судьбы, онъ былъ, однако, лишенъ возможности отпустить своихъ крестьянъ на волю *съ землею.* Его старшій братъ, человѣкъ выдающихся способностей и самаго привлекательнаго характера, погибалъ подъ вліяніемъ несчастной страсти къ игрѣ и совершенно разорился. Князь В. А. Черкасскій, нѣжно его любя, неоднократно приходилъ къ нему на помощь въ тяжкія минуты,—и это отразилось на его собственномъ матеріальномъ положеніи. Онъ вынужденъ былъ заложить свое имѣніе въ опекунскій совѣтъ. Но, по дѣйствовавшимъ въ то время гражданскимъ законамъ, помѣщикъ не имѣлъ права отчуждать ни одной десятины изъ заложеннаго имѣнія до уплаты *всего долга.* Желая хоть что-либо сдѣлать для своихъ крестьянъ въ тогдашнее безпросвѣтное время, и обставить ихъ выходъ на свободу прочными условіями, исключающими личный, въ каждомъ случаѣ, произволъ, онъ предоставилъ у себя всѣмъ желающимъ право выкупаться на волю на твердо установленныхъ и льготныхъ основаніяхъ, съ разсрочкою невысокой платы на три года и съ оставленіемъ угодій въ пользованіи освобождаемыхъ, при ихъ желаніи, за половинный размѣръ оброка. «J'ai fait une grande innovation par rapport à la libération de mes paysans,—пишетъ онъ, 26-го октября 1846 г., брату своему Евгенію:—ce matin j'ai signé un «всемилостивѣйшій манифестъ» о *постоянной* таксѣ для желающихъ откупиться крестьянъ, et je l'ai déposé au Comptoir en le faisant proclamer. Vogue la galère»! Дворовые, рабочіе на сахарномъ заводѣ князя и наиболѣе домовитые крестьяне немедленно стали пользоваться условіями «всемилостивѣйшаго манифеста», и Черкасскій распространилъ его дѣйствіе на имѣнія своей матери, которыми управлялъ,—и гдѣ откупилось болѣе половины первоначальныхъ «тяголъ». Попытка освобожденія крестьянъ, предпринятая княземъ въ ранней молодости—ему было всего 22 года,—безъ житейскаго опыта и предусмотрительной обдуманности всѣхъ практическихъ имущественныхъ ея послѣдствій, какъ для него (напр., платежъ подушныхъ за освобожденныхъ), такъ и для невыкупившихся крестьянъ (напр., рекрутская повинность), причиняя ему впослѣдствіи значительные убытки и хлопоты, послужила темою для разнообразныхъ ядовитыхъ противъ него обвиненій,

шедшихъ отъ его многочисленныхъ недруговъ и противниковъ по крестьянскому дѣлу. Сначала сосѣдніе помѣщики, напуганные его «противными интерессамъ своего званія» дѣйствіями, а съ ихъ голоса и дворяне другихъ губерній — съ негодованіемъ стали указывать на то, что онъ волнуетъ весь край и возбуждаетъ въ крестьянахъ и дворовыхъ духъ непослушанія и строптивости, поступая такъ по тайному уговору правительства (sic!), обѣщавшаго ему за это мѣста́, чины и отличія, и оказавшаго ему денежную поддержку. Но когда, уже въ новое царствованіе, вопросъ освобожденія былъ рѣшенъ и пошелъ безостановочнымъ ходомъ, противъ кн. Черкасскаго, по поводу того же предпринятаго имъ освобожденія, было выдвинуто обвиненіе въ корыстной предусмотрительности, нашедшее себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ брошюрѣ, распространенной среди гласныхъ тульскаго земства *послѣ смерти князя* и вызвавшей горячую защиту покойнаго со стороны П. Ѳ. Самарина.

Новый толчокъ мысли объ освобожденіи крестьянъ, однако безъ всякаго намека на надѣлъ, былъ данъ самимъ Государемъ. Принимая, 18 мая 1847 г., депутацію смоленскихъ дворянъ, императоръ Николай Павловичъ, по свидѣтельству современниковъ, сказалъ: «Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровью, пролитою за государство, но я не понимаю, какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности»... Почти одновременно съ этимъ, повидимому по почину тульскаго губернатора Н. Н. Муравьева (впослѣдствіи графа Амурскаго), образовался, съ Высочайшаго разрѣшенія, кружокъ тульскихъ помѣщиковъ для составленія проекта освобожденія крестьянъ въ *ихъ собственныхъ имѣніяхъ*. Свѣдѣнія объ этомъ кружкѣ, державшемъ, какъ видно изъ письма Хомякова къ Попову, мѣсто и содержаніе своихъ преній въ большомъ секретѣ, очень скудны и сбивчивы, но несомнѣнно, что кн. Черкасскій занялъ въ немъ выдающееся положеніе, велъ бурные и ожесточенные споры, составлялъ записки и разработалъ проектъ, разосланный разнымъ лицамъ, сознававшимъ важность назрѣвшаго вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права. По поводу послѣдняго, князь Валеріанъ Голицынъ писалъ ему 26 августа 1847 г.:

«Je connais déjà votre projet, Woldemar,—nous l'avons lu

et commenté... Je l'approuve en général, seulement j'y trouve quelques longueurs. Prenez garde: évitez de faire bailler l'Etat...

J'ai rompu jusqu'à présent beaucoup de lances, cher ami, pour la libération des paysans, personne, plus que moi, ne désire voir changer cet ordre de choses. C'est une *plaie infecte* que l'esclavage, et il est difficile de nier les abus horribles qui en sont la suite. Et pourtant, on les nie!—Que faire?—Un incurable égoïsme d'un coté, une insouciance, une paresse et une nonchalance inconcevable d'un autre, font que ce *status-quo* plait, et puis l'on patauge dans cette boue.

Comme je suis sur le point de vendre deux terres, j'attendrai, cher ami, d'opposer ma signature, mais vous pou vez compter sur moi, je ne reculerai devant aucun sacrifice, car cet état d'abrutissement me souléve le coeur depuis bien longtemps...»

Но пока Черкасскій, въ тѣсномъ кружкѣ товарищей и немногихъ единомышленниковъ, отдавался всей душою снова явившейся надеждѣ на осуществленіе своей завѣтной мечты, наступила февральская революція, сразу и рѣшительно вызвавшая крупную перемѣну во взглядѣ правительства на умѣстность и своевременность какихъ-либо попытокъ къ освобожденію крестьянъ. Въ Тулу прискакалъ фельдъегерь, привезшій приказъ: «коммисію распустить и всякую дальнѣйшую разработку вопроса остановить». Отъ участниковъ «кружка» была потребована подписка, что они освобожденіемъ крестьянъ больше заниматься не будутъ. И все по этому вопросу смолкло.

Наступили годы болѣзненнаго затишья, разрѣшившагося погромомъ Крымской войны, въ которой столь плачевную роль сыгралъ горячій противникъ благородныхъ предложеній Киселева и будущій врагъ «партіи надѣла» при окончательной разработкѣ крестьянскаго вопроса, князь Меньшиковъ, которому его прославленное салонное остроуміе не помогло избѣжать своеобразныхъ лавровъ въ битвѣ при Альмѣ.

Князь Черкасскій, между тѣмъ, женился, усиленно сталъ заниматься хозяйствомъ и сошелся въ Москвѣ съ кружкомъ славянофиловъ, въ которыхъ, хотя и не раздѣляя многихъ изъ ихъ взглядовъ, онъ цѣнилъ чистоту побужденій и искреннюю любовь къ родинѣ. Въ этой средѣ, какъ отмѣчаютъ — въ своихъ письмахъ Хомяковъ — и въ дневникѣ А. И. Кошелевъ, «эманципація» была постояннымъ и любимымъ предметомъ бесѣды въ 1849 и 1850 гг. Въ слѣдующій затѣмъ годъ сознаніе необходимости распространенія здравыхъ взглядовъ на крѣпостное право въ обществѣ породило въ кружкѣ, къ которому принадлежалъ кн. Черкасскій, мысль

объ изданіи «Московскаго Сборника», во второмъ томѣ котораго должна была появиться статья князя «Юрьевъ день». Ей, однако, не удалось тогда увидѣть свѣта. Весь второй томъ «Сборника», со всѣми статьями въ рукописи, не былъ допущенъ до печатанія—и «не потому, что̀ въ немъ было *сказано*, а потому, что̀ *умолчано*», какъ объяснилъ издателю начальникъ штаба III-го отдѣленія извѣстный Л. В. Дуббельтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые участники «Сборника»—Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ и кн. Черкасскій подверглись ограниченію въ правахъ печатанія и полицейскому надзору.

Но война приходила къ концу. Наступалъ миръ, тягостныя условія котораго были куплены цѣною внутреннихъ неурядицъ. Это обратило взоры всѣхъ на домашнія дѣла. «Въ Москвѣ и Петербургѣ менѣе говорятъ о мирѣ, чѣмъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія», пишетъ, въ февралѣ 1856 г., Черкасскому Кошелевъ. Послѣднему было разрѣшено изданіе «Русской Бесѣды», и съ друзей его снято запрещеніе писать, чѣмъ тотчасъ же воспользовался кн. Черкасскій для составленія «политическихъ обозрѣній» для «Бесѣды», очень, впрочемъ, связанный въ своей работѣ цензурнымъ требованіемъ «представлять одинъ связный разсказъ политическихъ событій, почерпнутыхъ *исключительно изъ русскихъ источниковъ* и безъ всякихъ *своихъ сужденій*». Неудовлетворенный ни журнальною работою при такихъ условіяхъ, ни путешествіями по Россіи и за-границей,—несоблазняемый и торнымъ путемъ казенной службы, князь Черкасскій, при первомъ пробужденіи замершей мысли объ освобожденіи, отдается ей снова и представляетъ, 1 января 1857 г., министру внутреннихъ дѣлъ обширную записку *«о лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія»,* въ которой, ссылаясь на неудачу всѣхъ мѣръ предшествовавшаго царствованія, находитъ, что она обусловливалась въ значительной степени «личною правительственною изобрѣтательностью и притязаніемъ къ приведенію въ исполненіе новыхъ общихъ формулъ сельскихъ отношеній, взрощенныхъ и выработанныхъ въ *канцелярской* атмосферѣ, а не въ народной сознательной жизни». Излагая въ 15-ти пунктахъ тѣ главныя законодательныя мѣры, которыя не только казались ему вполнѣ возможными, но и совершенно необходимыми, кн. Черкасскій говоритъ: «пора, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвратить въ этомъ дѣлѣ обществу слишкомъ долго заглушенный свободный голосъ его, выслушать его мнѣніе, вызвать несомнѣнно присущую ему изобрѣтательность и самодѣятельность, которыя никакою лихорадочною дѣятельностью правительства замѣнены быть не могутъ. Откровенно вопрошенное общество, безъ сомнѣнія, найдетъ въ богатомъ

запасѣ практическаго опыта своего и готовыя формулы, и тайну новыхъ искомыхъ отношеній».

Иронія судьбы преслѣдовала не разъ князя Черкасскаго въ его трудахъ и начинаніяхъ. Эта записка его была, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія, смѣшана съ запискою неизвѣстнаго автора *«о способахъ новаго устройства отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами»,* появившеюся во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ,—и онъ, теоретическій защитникъ освобожденія *съ землею* и неустанный практическій борецъ за осуществленіе *именно такого* освобожденія, былъ провозглашенъ авторомъ строкъ, характеризующихъ тѣ раздутыя или, быть можетъ, напускныя опасенія, которыми своекорыстные ревнители отживавшаго крѣпостного строя старались повліять на правительство, къ счастію не внявшее ихъ зловѣщимъ прорицаніямъ. Княжна О. Трубецкая, которой въ ея интересной работѣ, помогалъ профессоръ В. О. Ключевскій, категорически отрицаетъ авторство кн. Черкасскаго по отношенію къ этой запискѣ и печатаетъ въ приложеніяхъ къ своей книгѣ *настоящую* записку его вмѣстѣ съ благодарственнымъ, по поводу доставленія ея, письмомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина. Но и помимо этого—достаточно прочесть отрывки изъ приписанной кн. Черкасскому записки, чтобы увидѣть, что—уже какъ человѣкъ съ яснымъ и строгимъ слогомъ и съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ—онъ не могъ быть составителемъ этого набора «жалкихъ» и «страшныхъ» словъ. Вотъ что̀ писалось тамъ, между прочимъ, по поводу предположеній объ освобожденіи крѣпостныхъ съ землею: «Довольно сказаннаго, кажется, чтобы убѣдиться въ опасности устроить осѣдлость поселянъ на земляхъ, имъ собственно принадлежащихъ; но если къ этому присовокупить тѣ неистовства и кровопролитія, которыя ожидаютъ всѣхъ во время перехода отъ настоящаго порядка къ освобожденію съ землей, то лезвее ножа уже чувствуется на шеѣ, воображеніе рисуетъ пальцы и другіе члены, раздробленные на наковальняхъ сельскихъ кузницъ, вдали видятся потѣшные огни, на которыхъ мелкимъ огнемъ жарятся землевладѣльцы, судьи и правители, или торжественные костры изъ ободранныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ... Господи милосердый! избави и сохрани Россію отъ подобнаго испытанія во имя развитія и человѣчества. Нѣтъ, въ Россіи освобожденіе съ крѣпостнымъ правомъ на землю невозможно. Пауперизмъ и пролетаріатъ опасны и вредны, но демократическое раздѣленіе поземельнаго владѣнія страшно и ужасно!»... Какъ невольно вспоминаются при чтеніи этихъ пророчествъ слова Вирхова: «вездѣ есть своекорыстныя и боязливыя натуры—и у

страха есть свои *герои*. Когда эти несчастные начинают дрожать — имъ кажется, что весь міръ дрожитъ вмѣстѣ съ ними».

Переписка кн. Черкасскаго съ выдающимися лицами его кружка пріобрѣтаетъ, съ 1857 года, особую цѣнность. Она даетъ возможность заглянуть въ возвышенные помыслы лучшихъ людей земли русской въ тѣ дни, когда ихъ родина начинала «совлекать съ себя ветхаго Адама»;—она проливаетъ свѣтъ на первые шаги въ этомъ отношеніи представителей разныхъ видовъ власти,—шаги колеблющіеся и неувѣренные.

«Вы, конечно, читали,— пишетъ кн. Черкасскому Ю. О. Самаринъ,— очень замѣчательный циркуляръ князя Горчакова, которымъ опредѣляется тонъ нашей будущей политики. Отнынѣ политика Россіи будетъ русская—вотъ въ двухъ словахъ его содержаніе. Но въ Парижѣ и въ Лондонѣ это показалось дерзостью, и Бруновъ подвернулся съ пошлымъ извиненіемъ: «Voyons, ne prenez donc pas nos paroles au sérieux, ce que nous disons ne s'adresse pas à l'Europe, c'est pour l'usage intérieur, c'est une concession, que fait le gouvernement à l'opinion nationale, dont il subit la pression». Вся Нессельродовщина—въ этихъ словахъ! Но всего забавнѣе то, что эту ноту, предназначенную для домашняго употребленія, читала публика англійская, французская и нѣмецкая, не читала ее только наша публика, потому что въ русскихъ газетахъ она не была обнародована. Это совершенно въ духѣ старой системы: на что-де имъ знать, что̀ дѣлается съ Россіею; ихъ дѣло жертвовать, когда велятъ!»

18 ноября 1857 г. Самаринъ пишетъ: «Печальнѣе всего то, что, повидимому, никто не понимаетъ, что политическій ударъ, нанесенный намъ, и подъ которымъ мы до сихъ поръ еще находимся, вынуждаетъ насъ стать откровенно на путь прогресса въ нашей внутренней политикѣ,—что не въ томъ дѣло, чтобы исправить нѣкоторыя вопіющія несправедливости или раздать нѣкоторыя подачки; надо пробудить отъ сна всѣ производительныя силы страны, какъ нравственныя и умственныя, такъ и матеріальныя, уничтоживъ рабство (казенное и помѣщичье крѣпостное право), возвративъ слово Церкви, давъ болѣе широкое основаніе народному просвѣщенію, преобразовавъ нашу подушную податную систему и тоже рекрутскую. Однимъ словомъ, необходимъ опредѣленный планъ, надо знать, чего хотимъ, а не пробавляться изо дня въ день разными изворотами».

Какъ извѣстно, въ началѣ 1857 года былъ, по старому обычаю, образованъ новый *секретный комитетъ* по крестьянскому дѣлу подъ предсѣдательствомъ князя Орлова. Все могло окончиться привычною канцелярскою истомою. Но, къ счастью Россіи, въ великодушномъ сердцѣ Государя прочно и сознательно укрѣпилась мысль о коренномъ уничтоженіи рабства, «неблагородный духъ» котораго умолялъ его истребить Рылѣевъ. Въ концѣ лѣта 1857 года, Александръ II вернулся изъ-за границы, гдѣ бесѣдовалъ съ Гакстгаузеномъ, гдѣ часто видался съ великою княгинею Еленою Павловною. 20 ноября 1857 года, послѣдовалъ знаменитый рескриптъ виленскому генералъ-губернатору Назимову. Надежда обращалась въ увѣренность, и наболѣвшему чувству, столь долгое время, повидимому, безъисходному, предстояло обратиться въ сознаніе плодотворнаго, энергическаго и радостнаго труда... «Jacta est alea!!! — пишетъ Кошелевъ: — Кесарь переступилъ чрезъ Рубиконъ! Честь и слава нашему Царю и Государю!».

Черкасскій въ это время находился въ Римѣ, гдѣ сблизился съ баронессою Эдитою Раденъ, относившеюся къ освобожденію крестьянъ съ живѣйшимъ участіемъ своего глубокаго сердца и возвышеннаго ума. Она представила кн. Черкасскаго великой княгинѣ,—и между этою, до сихъ поръ не оцѣненною по заслугамъ, замѣчательною женщиною и имъ начался оживленный обмѣнъ мыслей все по тому же, начинавшему всѣхъ волновать, назрѣвшему вопросу. «Хотѣлъ я, — пишетъ Черкасскій Кошелеву въ январѣ 1858 г., — дождаться положительныхъ извѣстій отъ моего брата изъ Тулы, которому я писалъ, что если меня захочетъ выбрать дворянство въ комитетъ, или если назначитъ губернаторъ, то я немедленно возвращусь въ Россію. Но отвѣта до сихъ поръ я отъ него не имѣю, и не знаю даже положительно, что̀ думаетъ и чего хочетъ наше дворянство... Всѣ эти недоумѣнія и безпрестанная дума о томъ, что̀ теперь дѣлается, или чего не дѣлается теперь въ Россіи, совершенно портятъ пребываніе мое въ Римѣ, какъ бы ни могло оно быть пріятно при другихъ обстоятельствахъ. Другая изъ причинъ опозданія моего отвѣта та, что я хотѣлъ прежде прочесть вашу статью объ общинѣ въ VI кн. «Бесѣды»; здѣсь есть только одинъ экземпляръ, принадлежащій великой княгинѣ, и хоть она отдала его читающей русской братіи, книга эта еще не дошла до меня. Вообще, великая княгиня—единственный здѣсь источникъ всякихъ журналовъ русскихъ, и я также пользуюсь ея крохами, но все-таки всего этого мало, газеты нѣтъ ни одной, а о посольствѣ нашемъ и толковать нечего: оно считаетъ излишнимъ

получать хоть одну печатную русскую строку. Присутствіе здѣсь великой княгини полезно еще въ томъ отношеніи, что, по крайней мѣрѣ, замѣняетъ безпрестанно и скоро получаемыми ею изъ Петербурга извѣстіями политическій отдѣлъ русскихъ газетъ и вмѣстѣ даетъ возможность судить о томъ, какъ смотрятъ на все теперь совершающееся въ высшихъ оффиціальныхъ кругахъ Петербурга. Ко мнѣ она до сихъ поръ любезна до крайности и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и *притомъ съ землею*. Вообще же нельзя сказать, чтобы мысль эта нравилась здѣсь всѣмъ нашимъ соотечественникамъ. На дняхъ О..., говорятъ, написалъ большое письмо молодой императрицѣ, гдѣ указываетъ ей на мнимыя опасности начинающагося преобразованія, достаточно, по его мнѣнію, раскрывающіяся ихъ радости либеральной партіи! Вотъ какіе у насъ премудрые государственные люди и какъ они становятся дальновидны, какъ скоро начинаютъ бояться за свои доходы».

Пользуясь вниманіемъ великой княгини, кн. Черкасскій составилъ для нея двѣ обширныя записки «*о главныхъ и существеннѣйшихъ условіяхъ успѣха новаго положенія*». Для характеристики ихъ отношеній по крестьянскому вопросу служитъ, между прочимъ, слѣдующая записочка баронессы Раденъ по полученіи извѣстія о допущеніи этого вопроса къ обсужденію въ печати:

«Mon Prince, je viens de recevoir de Russie des lettres fort intéressantes. M-me la Gr. Duchesse voudrait vous en parler et Vous engage, si le temps continue à être mauvais, à venir chez elle à 3 heures. En attendant je ne saurais me refuser le plaisir de vous annoncer, que la libre discussion des grandes questions du jour vient d'être autorisée dans les Revues. Naturellement qu'on excepte les Ordonnances Imp. du nombre des sujets discutables».

Съ возвращеніемъ кн. Черкасскаго, въ апрѣлѣ 1858 г., для него настала пора дѣятельной работы, наполнившей всю его жизнь. Установленный, по предложенію А. И. Кошелева, между нимъ, Черкасскимъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ, постоянный, аккуратный и послѣдовательный обмѣнъ писемъ для того, чтобы держать другъ друга въ курсѣ всего хода крестьянскаго дѣла въ сферѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ и дѣйствовать вмѣстѣ, дружно и согласно,—даетъ возможность видѣть всю настойчивую и самоотверженную службу ихъ великому дѣлу. Эти своего рода «окружныя посланія», исполненныя величайшаго интереса, возвращались къ первоисточнику обыкновенно съ замѣчаніями и съ выраженіемъ согласія или несогласія на тѣ или другія, содер-

жавшіяся въ нихъ, мнѣнія или предположенія. Нѣкоторыя письма, исходившія отъ Ю. Ѳ. Самарина, бывали облечены частію въ юмористическую оболочку. Онъ велъ дневникъ засѣданій самарскаго комитета въ драматической формѣ и, называя нѣкоторыя свои большія письма *рапортами,* выставлялъ на нихъ №. Такъ, въ *рапортѣ* № 1 (отъ 9 октября 1858 г.), адресованномъ «Александру Ивановичу Кошелеву и князю Владиміру Александровичу Черкасскому отъ сострадальца ихъ по самарскому комитету, члена отъ правительства Юрія Самарина», послѣдній пишетъ:

«По старой, хотя и неразумной привычкѣ сознавая себя въ нѣкоторой крѣпостной зависимости отъ издателя «Сельскаго Благоустройства»[1], который на длинныя мои письма и пространные доводы изволитъ отвѣчать краткими резолюціями на поляхъ, въ родѣ слѣдующихъ: «вздоръ», «совершенно неосновательно» и т. п., имѣю честь донести о первомъ появленіи, признакахъ и дальнѣйшемъ ходѣ нынѣ повсемѣстно господствующей умственной болѣзни, поражающей дворянскій организмъ и на оффиціальномъ языкѣ именуемой: *комитетскими совѣщаніями.*

Первое предварительное собраніе, какъ я имѣлъ честь въ свое время докладывать, происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ для разсмотрѣнія составленной мною программы вопросовъ для описанія дворянскихъ имѣній, каковая программа была утверждена, за исключеніемъ одной статьи. Въ оной, въ скобкахъ, я включилъ опредѣленіе усадьбы, т. е. перечисленіе составныхъ частей ея со включеніемъ и выгона; но благородное дворянство таковую мою воровскую продѣлку, имѣвшую цѣлью впослѣдствіи устранить дальнѣйшее сопротивленіе отдачи выгона,—усмотрѣть изволило и, осерчавъ не мало на смиреннаго раба вашего, постановить благоволило: что выгонъ-де крестьянину не нуженъ и болѣе относится къ живописности и украшенію мѣстности, чѣмъ къ хозяйственнымъ потребностямъ всякаго рода проживающихъ въ деревняхъ скотовъ, какъ-то: коровъ, гусей, крѣпостныхъ крестьянъ, свиней и телятъ, каковые скоты удобно могутъ снискивать себѣ приличное пропитаніе и безъ выгона, отъ подаянія доброхотныхъ дателей. За симъ, оставивъ раба вашего въ немаломъ конфузѣ, изволило разъѣхаться по домамъ, для понужденія себѣ подобныхъ къ составленію описаній, положивъ собраться вновь 25-го сентября», и т. д.

Иногда эти письма—въ той же формѣ окружныхъ посланій—касались и личныхъ вопросовъ участниковъ переписки. Такъ,

[1]) Т.-е. А. И. Кошелева.

осенью 1858 г., князю Черкасскому были сдѣланы предложенія о поступленіи на службу. Онъ не считалъ удобнымъ дать тотъ или другой отвѣтъ, не передавъ вопросъ на обсужденіе друзей, и высказалъ лишь мнѣніе, что служебныя условія стѣснили бы его дѣятельность. Особенно интересенъ рѣшительный отвѣтъ, данный ему по этому вопросу Самаринымъ въ письмѣ къ Кошелеву: «... частныхъ услугъ и содѣйствія—сколько угодно,—вступленія же въ службу—рѣшительно ни подъ какимъ видомъ, ни съ какимъ чиномъ, ни ни какую должность!». Онъ мотивировалъ это, между прочимъ, тѣмъ, что служба, въ ея тогдашнихъ условіяхъ, не способна была принять въ себя свѣжіе элементы на новыхъ правахъ, а пріемъ на старомъ положеніи неизбѣжно былъ бы связанъ съ подчиненіемъ всѣмъ началамъ, пріемамъ и условіямъ сложившагося служебнаго безпорядка, т.-е. съ правомъ правительства претворить по-своему всякаго честнаго и даровитаго человѣка.

Въ перепискѣ этой, представляющей неизмѣнное осуществленіе прекраснаго стараго правила, гласящаго: «in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas», друзья не скрывали отъ себя трудности предстоявшей задачи. Наиболѣе впечатлительный между ними, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ писалъ:

«Знаменія многозначительныя, хотя и ускользающія отъ общественнаго вниманія, совершаются у насъ на глазахъ. Самое первое и важное—это небывалое никогда, безпримѣрное спокойствіе всего крѣпостного сословія. Ни откуда ни жалобы, ни стона, ни признака нетерпѣнія. Все молчитъ и выжидаетъ—что будетъ? Что же таится подъ этимъ величавымъ молчаніемъ?.. Въ то время какъ мы муштровали солдатиковъ, строили и театры, и цирки, возстановляли въ Европѣ австрійскіе порядки и не думали объ 11 милліонахъ своихъ черныхъ людей, народъ нашъ все-таки жилъ, хотя въ смыслѣ чисто стихійнаго, безсознательнаго развитія. Это развитіе совершалось такъ же незамѣтно и таинственно, какъ постепенное разложеніе зерна, брошеннаго вглубь земли, какъ образованіе ростка, коры,—вообще какъ весь процессъ растительности. Нужды, потребности, боли и муки всякаго рода усиливались съ каждымъ днемъ, удовлетвореніе и уврачеваніе становились болѣе и болѣе необходимыми, а между тѣмъ мы объ нихъ и не думали; мы не только не приступали къ дѣлу, даже ничего не подготовляли для будущаго приступа. 15-ть томовъ Свода Законовъ и 32 къ нимъ продолженія вышли въ теченіе 20 лѣтъ, и въ этой грудѣ нельзя найти ни одной статьи, которая бы въ чемъ-нибудь улучшала положеніе крѣпостного сословія. Теперь мы стали втупикъ, потому что мы за-

стигнуты врасплохъ вопросомъ, который не былъ никѣмъ *возбужденъ,* а *втерся* къ намъ самъ, какъ непрошенный гость, который долго и безплодно стучался въ дверь и звонилъ въ колокольчикъ. Потребности настоящей минуты и ожиданія народа переросли наши *средства:* вотъ въ двухъ словахъ, какъ представляется мнѣ настоящее положеніе дѣлъ. Подъ *средствами* я разумѣю не только деньги, но и тотъ запасъ свѣдѣній, данныхъ, ума и воли, которыми располагаетъ правительство»...

Въ другомъ письмѣ, отъ 16 августа 1858 года, онъ пишетъ Черкасскому:

«Я получилъ на дняхъ извлеченіе изъ постановленій московскаго комитета. Нельзя сказать, чтобы Бѣлокаменная отличилась. C'est maigre, incomplet, vague, diffus et ce qu'il y a de plus triste, c'est qu'à chaque ligne vous voyez percer un parti pris de ne jamais aborder de front les questions difficiles et d'éviter tout ce qui pourrait exiger un travail sérieux. La paresse et la nonchalance triomphent même de la cupidité. Вы такъ и читаете промежъ строкъ: что̀ хотите, то и дѣлайте, только, ради Бога, поскорѣе избавьте отъ трудовъ и хлопотъ. Коли хотите, и эта боязнь труда можетъ въ искусныхъ рукахъ сдѣлаться сильнымъ рычагомъ, но все это очень грустно. Вѣдь это признаки неизлѣчимой болѣзни одряхлѣвшаго общества. Давайте будить, что есть силы»!

«Будить» было трудно. Нужна была горячая любовь къ дѣлу, чтобы, подчасъ, не опустить рукъ. «Неизлѣчимая болѣзнь» сказывалась не одною пассивностью,—она нерѣдко принимала свойства бреда и переходила въ раздраженіе, вызывавшее наступательныя дѣйствія съ неразборчивостью въ пріемахъ, часто наивныхъ, а иногда прямо грубыхъ. Переписка содержитъ въ себѣ, въ этомъ отношеніи, много характерныхъ указаній. Въ Тулѣ, напримѣръ, на пріемѣ у товарища министра Левшина, въ октябрѣ 1857 г., находится депутатъ, требующій установленія строжайшей цензуры на только-что начавшіе дышать и подавать признаки жизни журналы—и совершеннаго запрещенія Б. Н. Чичерину писать что-либо! Тамъ же, 2-го декабря 1858 года, большинство губернскаго дворянскаго комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, желая отклонить весьма серьезное, но непріятное ему засѣда̀ніе,—послѣ ряда канцелярскихъ затрудненій,—прибѣгаетъ къ особой уловкѣ, состоящей въ заявленіи о распространившемся въ залѣ «угарномъ чадѣ», съ просьбою не открывать засѣданія,—и покидаетъ залу, несмотря на объясненія кн. Черкасскаго и пяти членовъ меньшинства, что они не чувствуютъ на себѣ

никакого вліянія угара и что закрытіе засѣданія незаконно. Въ той же Тулѣ, во время дворянскихъ выборовъ, противники князя Черкасскаго подаютъ губернскому предводителю Арсеньеву покрытую множествомъ подписей бумагу о томъ, чтобы просить *будущаго* губернскаго предводителя ходатайствовать предъ правительствомъ объ удаленіи Черкасскаго изъ крестьянскаго комитета,— и когда Арсеньевъ отказывается принять бумагу, поднимаютъ такой шумъ и гамъ, что онъ вынужденъ закрыть засѣданіе и удалиться, окруженный ими и угрожаемый... Въ мартѣ 1859 года князю Черкасскому устраивается дуэль. Нѣкто В.—впослѣдствіи мировой посредникъ перваго призыва и вполнѣ сочувствующій кн. Черкасскому человѣкъ,—заявляетъ въ засѣданіи, что князь разнаго съ нимъ мнѣнія потому, что состоитъ въ комитетѣ членомъ отъ правительства и, вѣроятно, не сочувствуя дворянству, взялъ за правило ему вредить и т. д. Споря съ нимъ, Черкасскій замѣчаетъ, что и при самомъ искреннемъ сочувствіи дворянству ему можно оказать иногда «медвѣжью услугу». Споръ оканчивается мирно, но недруги князя пользуются его замѣчаніемъ, чтобы поджечь В. счесть себя оскорбленнымъ, такъ какъ извѣстная басня Крылова начинается словами: «услужливый дуракъ— опаснѣе врага», и побудить его къ вызову, причемъ секунданты В. имѣли наивную смѣлость утверждать, что дѣйствуютъ даже не отъ его имени, а отъ имени *большинства* комитета. Повидимому, строгія условія дуэли, поставленныя княземъ Черкасскимъ, какъ вызваннымъ, не дали ей состояться. Изъ множества примѣровъ можно еще отмѣтить слѣдующій, указывающій, до чего у насъ тогда было малое знакомство съ элементарными пріемами веденія преній и руководства ими. Членъ *меньшинства*, баронъ В. М. Менгденъ, въ бурномъ засѣданіи, требуетъ у исправляющаго должность предсѣдателя, уѣзднаго предводителя К. многократно и тщетно, *дать ему слово*, на что наконецъ К. отвѣчаетъ ему сердито: «Какъ вы хотите, баронъ, чтобы я далъ вамъ *честное слово*, не услыхавъ раньше, въ чемъ дѣло и о чемъ вы хотите меня просить»!?

Всѣ подобныя проявленія:—упорное непониманіе большинствомъ ни своихъ настоящихъ, ни общихъ интересовъ,—стремленіе всѣми мѣрами затянуть упраздненіе тяготившаго совѣсть лучшихъ людей порядка вещей,—глухое недоброжелательство и явно враждебныя дѣйствія противъ безкорыстныхъ защитниковъ безправнаго и темнаго крѣпостного сословія, — клеветы и инсинуаціи — все это, въ концѣ концовъ, въ связи съ массою работы, утомляло Самарина, Кошелева и Черкасскаго и отражалось на ихъ душев-

номъ настроеніи. Вотъ, напр., какая работа лежала по самарскому комитету на Самаринѣ:—«вотъ противъ чего будетъ споръ,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ *окружныхъ посланій,*—это право вступать въ монашество и въ военную службу—боятся, чтобы дворовые не разбѣжались отъ нихъ; воспрещеніе отдавать крѣпостныхъ людей, безъ ихъ согласія, въ услуженіе, работу и во временное владѣніе. Они (т.-е. большинство) хотятъ оговорить, что помѣщикъ удерживаетъ право опредѣлять дворовыхъ людей въ услуженіе къ женѣ, дѣтямъ и близкимъ домашнимъ. Я оспариваю, доказывая, что это и безполезно, потому что порядочному человѣку дворовые не откажутъ въ согласіи, и вредно—потому что формальное право подало бы поводъ къ злоупотребленіямъ и увлекло бы въ неисчерпаемую казуистику. Затѣмъ, воспрещеніе дворовыхъ людей безъ ихъ согласія переводить въ крестьяне:—они хотятъ, чтобы можно было отслужившихъ свое время и негодныхъ для услугъ сбывать съ рукъ на шею крестьянамъ. Воспрещеніе безъ согласія крестьянъ переселять ихъ изъ одного имѣнія въ другое—тоже хотятъ удержать. Право подъ присягою свидѣтельствовать въ уголовныхъ дѣлахъ, въ коихъ замѣшанъ помѣщикъ,—сильно возстаютъ противъ этого. Мнѣ придется подать не менѣе четырехъ протестовъ.

По всему этому вы можете судить, довольно ли у меня дѣла. Шесть разъ въ недѣлю—три раза въ комитетѣ и три раза въ редакціонной коммиссіи — я долженъ диспутовать 4 часа къ ряду, писать вопросы, проекты положеній, особыя мнѣнія и т. д. Вся комитетская работа на моихъ плечахъ. Никто не помогаетъ. Прочіе только спорятъ и возражаютъ, но никто ничего не дѣлаетъ, потому, во-первыхъ, что гораздо легче опорочивать чужую работу, и во-вторыхъ—по дворянской лѣни. Мое положеніе очень странно: они меня не терпятъ, всѣми мѣрами и сплетнями стараются меня поссорить съ моими сторонниками, а между тѣмъ безпрестанно обращаются ко мнѣ и все возлагаютъ на меня».

«Спросите-ка Тургенева,—пишетъ И. С. Аксакову въ октябрѣ 1858 г. Черкасскій—объ одномъ экземплярѣ нашего комитета, котораго онъ у меня видѣлъ и который далеко не самый худшій. Онъ не можетъ припоминать о немъ безъ ожесточенія. Я, говоря съ членами большинства, всегда говорю имъ, что они напоминаютъ мнѣ меня самаго, когда мнѣ было лѣтъ семь; меня ставили въ уголъ, я блажилъ, плакалъ, кричалъ, топалъ ногами и все-таки не хотѣлъ учить скучнаго урока. Это сравненіе ихъ бѣситъ, но не исправляетъ. Случалось ли вамъ когда-нибудь говорить съ человѣкомъ, не совсѣмъ глупымъ, который явно васъ понимаетъ, но не хочетъ даже показать этого вида и на всѣ ваши краснорѣ-

чивые доводы отвѣчаетъ вамъ: нѣтъ, не правда! Вотъ я теперь въ этомъ положеніи»...

«Большинство у насъ теперь неистовствуетъ, — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ ,— отказавшись подавать голоса вслухъ и введши тайную баллотировку шарами; за симъ, заперевъ свои двери и отказавъ даже тульскимъ дворянамъ въ правѣ присутствовать въ комитетѣ, большинство во вчерашнемъ засѣданіи не удовольствовалось еще и этимъ и пришло, наконецъ, къ великолѣпному предложенію: отнять у насъ, меньшинства, право даже записывать наши отдѣльныя мнѣнія въ журналы засѣданія. Каково! Шумъ былъ такой, какого еще ни разу не было; *признаюсь, они въ первый разъ успѣли меня вывести изъ себя;* не знаю, какъ дѣло это кончится, но я ихъ стращаю, что если они рѣшатъ такое беззаконіе, то я свои отдѣльныя мнѣнія буду посылать прямо въ министерство, съ просьбою объяснить мнѣ, какъ и куда мнѣ ихъ впредь подавать. Будущее засѣданіе будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще бурнѣе, ибо я рѣшился не уступать въ этомъ вопросѣ, *во что бы ни стало!*»

Такимъ образомъ, прекрасно владѣвшій собою, представлявшій, по выраженію очевидца его дѣятельности, Хомякова, «великолѣпный образецъ парламентскаго дѣятеля и оратора», кн. Черкасскій начиналъ терять самообладаніе, несмотря на свой «ésprit de combativité». А этотъ духъ бойца былъ въ немъ силенъ. «Я предвижу—пишетъ онъ въ ноябрѣ 1858 г. Кошелеву—въ этомъ комитетѣ для себя рядъ скучныхъ, томительныхъ и тяжелыхъ испытаній, но я заранѣе объявилъ всѣмъ, что *чѣмъ болѣе будутъ стараться мнѣ дѣлать непріятностей, тѣмъ тверже я буду сидѣть на своемъ мѣстѣ, и что никакая сила меня не выкуритъ*. Но что̀ прикажете дѣлать противъ 16 или 17 компактныхъ голосовъ, съ 10-ью или 11-ью, раздѣленными еще между собою по вопросу о надѣлѣ! Знаете ли вы, что по этому вопросу я останусь при своемъ мнѣніи одинъ съ тремя или четырьмя голосами! Это еще самое большое!»

Нѣсколько иначе отражалось тяжелое положеніе члена отъ правительства въ губернскомъ комитетѣ на Ю. Ѳ. Самаринѣ. И онъ владѣлъ собою среди враждебной обстановки, но втайнѣ глубоко страдалъ. Ему приходилось постоянно «connaitre la sottise dans l'injustice», какъ выразился Сорель въ своей рѣчи о Тэнѣ. Онъ пишетъ, въ концѣ 1858 года, своимъ соратникамъ: «до сихъ поръ я не измѣнилъ данному себѣ обѣту: не горячиться, не ссориться, не выходить изъ себя, но я чувствую, что это искусствен-

ное воздержаніе разстраиваетъ мое здоровье. Ночью натура беретъ свое, кровь приливаетъ въ голову, сердце бьется, и ночь проходитъ безъ сна, въ лихорадочномъ раздраженіи или въ неумолкающемъ бреду, въ спорахъ и битвахъ. Желалъ бы я знать, не испытываете ли вы того же самаго?».

Положеніе Кошелева тоже было не лучше. Въ рязанскомъ губернскомъ комитетѣ его тѣснили и оскорбляли всевозможнымъ образомъ, стараясь заставить сложить съ себя званіе члена отъ правительства. Но сломить его не удалось—и переписка друзей содержитъ въ себѣ подробное описаніе всѣхъ перипетій этой борьбы, окончившейся, однако, побѣдою Кошелева и объявленіемъ Высочайшаго выговора большинству комитета. «Оборонительная» выдержка Кошелева не уступала «наступательной» энергіи кн. Черкасскаго, и оба они не падали духомъ и не сомнѣвались въ правомъ и окончательномъ успѣхѣ своего дѣла, какъ бы буря не ревѣла вокругъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно *окружное* письмо Кошелева, отъ 11 февраля 1850 г. Тѣснимый въ рязанскомъ комитетѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣлъ и невозможность продолжать изданіе своего «Сельскаго благоустройства», въ которое уложилъ много силъ и матеріальныхъ средствъ. *Всѣ* статьи по крестьянскому вопросу предписано было непремѣнно отсылать, сверхъ обычной цензуры, на *предварительную* цензуру министерства внутреннихъ дѣлъ и *всѣхъ* министерствъ и главныхъ управленій, которыхъ можетъ *что-либо* касаться въ этихъ статьяхъ. Сообщая о своемъ рѣшеніи прекратить, въ виду такихъ условій, свое изданіе, если не удастся добиться — путемъ поѣздки въ Петербургъ, чтобы «постучаться во всѣ двери»,—отмѣны этого распоряженія, Кошелевъ тотчасъ же обращается къ главному вопросу—о крестьянскомъ дѣлѣ—и, забывъ свои личныя огорченія, подробно критикуетъ журналы и постановленія тверского и рязанскаго губернскихъ комитетовъ.

Среди борьбы и споровъ, представлявшихъ то, что̀ въ механикѣ называется «безполезнымъ треніемъ», бывали, однако, для выдающихся членовъ меньшинства и минуты торжества и душевнаго удовлетворенія. Такія минуты долженъ былъ пережить князь Черкасскій, когда, 20 декабря 1858 года, на квартирѣ у барона Менгдена, въ самый разгаръ похода противъ него на выборахъ, одна треть ихъ всѣхъ собравшихся въ Тулѣ дворянъ дала ему необычный обѣдъ, движимая уваженіемъ къ личному характеру стойкаго и вѣрнаго представителя лучшаго направленія въ крестьянскомъ дѣлѣ. Этотъ обѣдъ былъ отвѣтомъ на распространяемые противниками Черкасскаго слухи о разныхъ нападеніяхъ

на него въ залѣ дворянскаго собранія. Въ рядѣ рѣчей, начатыхъ привѣтствіемъ отъ товарищей по университету, была обрисована дѣятельность кн. Черкасскаго по комитету и въ собраніи дворянства, гдѣ, по словамъ Хомякова, онъ предлагалъ всевозможныя объясненія, когда могъ говорить съ полною свободою, — и постоянно отказывалъ въ нихъ, какъ скоро являлась хоть тѣнь принужденія и угрозы. Тостъ въ память «незабвеннаго учителя — Т. Н. Грановскаго» закончилъ этотъ знаменательный для кн. Черкасскаго праздникъ.

Переписка князя съ Кошелевымъ не только представляетъ богатые матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ, но рисуетъ также многосторонній и дѣятельный умъ Черкасскаго, постоянно занятый творческою работою. Изъ писемъ его видно, что, попутно съ вопросами объ устройствѣ сельскаго быта, его живо интересовали и вопросы объ устройствѣ близкаго къ народу суда. Онъ не возлагалъ большихъ надеждъ на волостной судъ, предвидя главнѣйшіе его недостатки, проявившіеся впослѣдствіи на практикѣ, но его очень занимало устройство мировой юстиціи—и онъ не разъ возвращался къ писанію статьи о «*мирныхъ судьяхъ*», въ которой предлагалъ двѣ системы ихъ избранія. Затѣмъ онъ разработалъ и составилъ подробный проектъ земскаго банка подъ названіемъ «*Вольнаго тульскаго земельнаго кредитнаго общества*», имѣвшаго цѣлью доставить крестьянамъ возможность, съ помощью открываемаго кредита, пріобрѣсти отъ своихъ помѣщиковъ нужное для ихъ обезпеченья количество земли и доставить возможность каждому помѣщику получить немедленное и достаточное вознагражденіе за уступаемую крестьянамъ землю. Московскій цензурный комитетъ не разрѣшилъ напечатанія этого проекта въ «Сельскомъ Благоустройствѣ». Настойчивый авторъ сдался не сразу: онъ послалъ проектъ, въ формѣ пробнаго оттиска, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая чрезъ А. А. Абазу препроводила ему свои замѣчанія, сущность которыхъ сводилась къ предпочтенію *мѣстнымъ* земельнымъ банкамъ для содѣйствія выкупу—общей *государственной* операціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подробно писалъ министрамъ Ланскому и Ковалевскому, прося отмѣны запрещенія, наложеннаго цензурой, но проектъ все-таки не увидѣлъ тогда свѣта, вслѣдствіе рѣшительныхъ возраженій противъ него со стороны министра финансовъ.

14 марта 1857 г., князь Черкасскій получилъ письмо отъ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцева, помѣченное 9 - мъ марта. Въ немъ говорилось:

«Многочисленные и почтенные труды ваши по крестьянскому вопросу, проявившіеся какъ въ литературной вашей дѣятельности, такъ и въ средѣ комитетскихъ вашихъ занятій, побуждаютъ меня, съ Высочайшаго одобренія, пригласить васъ, отъ имени Его Императорскаго Величества, если только обстоятельства ваши дозволятъ, принять на себя должность члена-эксперта въ коммиссіяхъ для составленія положеній о крестьянахъ.

Въ случаѣ принятія сего приглашенія имѣю честь просить васъ почтить меня о томъ увѣдомленіемъ и поспѣшить прибытіемъ въ Петербургъ, гдѣ коммиссіи наши уже открыли свои засѣданія».

Такое же приглашеніе получилъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. Предъ друзьями открывалось новое, болѣе широкое поле дѣятельности и борьбы. Въ письмахъ, которыми они обмѣнялись, звучитъ бодрое сознаніе важности предстоящей миссіи, нѣсколько однако омраченное тѣмъ, что ихъ вѣрный сотоварищъ Кошелевъ не призванъ въ Петербургъ... Въ началѣ апрѣля, по закрытіи тульскаго губернскаго комитета,—Черкасскій выѣхалъ въ мѣсто своего служенія дѣлу освобожденія крестьянъ.

Со времени своего пріѣзда въ Петербургъ во всѣхъ трудахъ по крестьянскому вопросу Черкасскій всецѣло и неразрывно примкнулъ къ дѣятельности Н. А. Милютина и Ю. Ѳ. Самарина. Въ оба періода редакціонныхъ коммиссій—оффиціальное раздѣленіе членовъ ихъ на назначенныхъ отъ правительства, на депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ и на членовъ-экспертовъ—не оказывало никакого вліянія на распредѣленіе и характеръ ихъ работъ. Поэтому и кн. Черкасскій несъ на себѣ значительную часть созидательной работы, хотя значился въ спискахъ, какъ экспертъ. Такъ, приписавшись къ хозяйственному отдѣленію коммиссіи, онъ, участвуя во всѣхъ общихъ работахъ, кромѣ того составилъ и отстаивалъ въ коммиссіяхъ доклады: объ основаніяхъ и размѣрѣ надѣла,—о поступающихъ къ крестьянамъ угодьяхъ,—объ отводѣ надѣла и обмѣнѣ земель и о правѣ пользованія надѣломъ. Вполнѣ сходясь въ главныхъ убѣжденіяхъ съ Милютинымъ и Самаринымъ и сдѣлавшись въ коммиссіяхъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ дѣла, которое, наконецъ, давало ему возможность увидѣть осуществленною свою завѣтную мечту объ *освобожденіи съ землею*, онъ не расходился съ ними и въ вопросахъ будущей его организаціи.

Поэтому трудно раздѣлить «по принадлежности» ихъ общую дѣятельность. Достаточно сказать, что во всѣхъ серьезныхъ плодо-

творныхъ начинаніяхъ и мѣрахъ, проведенныхъ Милютинымъ въ коммиссіяхъ, его неизмѣннымъ соратникомъ и сотрудникомъ былъ кн. Черкасскій.

Онъ былъ ревностнымъ участникомъ подготовительныхъ частныхъ совѣщаній,—умѣлъ остроумно и оживленно разбивать мнѣнія графа Панина,—велъ на *французскомъ* языкѣ пренія съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ сѣверо-западнаго края,—участвовалъ въ кодификаціи окончательно выработанныхъ основаній положенія 19 февраля,—оставался въ Петербургѣ, когда комиссія была закрыта, чтобы слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ крестьянскаго дѣла и былъ приглашенъ Милютинымъ для совѣщаній о первоначальной редакціи манифеста объ освобожденіи. Основныя свойства его боевой натуры сказывались и здѣсь. Не ограничиваясь работою въ комиссіяхъ, онъ и внѣ ихъ неоднократно имѣлъ и даже, повидимому, *искалъ* партизанскихъ стычекъ всегда, когда любимому дѣлу грозила какая либо опасность. Такъ напр. онъ считалъ необходимымъ выступить съ опроверженіями тѣхъ quasi научныхъ политико-экономическихъ теорій, которыми явились поучать русское, еще крайне довѣрчивое и мало свѣдущее въ этомъ отношеніи, общество—различные иностранцы, на мнѣнія которыхъ могли опереться представители крѣпостническаго направленія, начавъ «jurare in verba magistri». Поэтому, когда въ числѣ непрошенныхъ «защитниковъ священнаго права собственности», будто бы погибающаго подъ ударами «эманципаторовъ», явился въ Россію бельгійскій экономистъ де Молинари и ему былъ данъ обѣдъ, князь Черкасскій, въ мастерской рѣчи, напечатанной затѣмъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», рядомъ правовыхъ и бытовыхъ доводовъ доказалъ ему все его верхоглядство въ вопросѣ жизненной справедливости для Россіи. Поэтому, когда американскій экономистъ Кери, въ Петербургѣ, на обѣдѣ у Донона, намекая на крестьянскую реформу и рекомендуя «постепенность», въ назиданіе своихъ слушателей говорилъ: «будемъ учиться у природы! желая добра человѣку она дѣйствуетъ постепенно: ниспосылаетъ росу, лѣтніе дожди, солнечное тепло,—но когда она стремится къ разрушенію, то дѣйствуетъ разомъ: таковы бури, землетрясенія», кн. Черкасскій, ссылаясь на ту же природу, отвѣчалъ ему: «женщина беременна въ теченіе девяти мѣсяцевъ, а разрѣшается отъ бремени въ нѣсколько часовъ».

Въ Петербургѣ, также какъ предъ тѣмъ въ Тулѣ, недоброжелательство къ нему доходило до крайнихъ предѣловъ. Но внимательное и сочувственное отношеніе къ князю Черкасскому великой княгини Елены Павловны и продолжительный разговоръ,

который имѣлъ съ нимъ, на вечерѣ у нея, императоръ Александръ II—удерживали это недоброжелательство въ границахъ внѣшняго приличія.

Обнародованіе *Положенія 19 февраля* вызвало къ жизни учрежденіе мировыхъ посредниковъ. Великія реформы Царя-Освободителя имѣли животворящую силу. Жезлъ человѣколюбиваго и правосуднаго законодателя, ударяя въ казавшуюся голою скалу—извлекалъ изъ нея источникъ, напоявшій «жаждущую правды» страну. Когда, подъ зловѣщій припѣвъ *«людей нѣтъ!»*—были обнародованы положенія о введеніи въ дѣйствіе крестьянской, земской и судебной реформы—*люди* явились и оправдали довѣріе, оказанное духовнымъ силамъ и способностямъ русскаго народа... Все лучшее, безкорыстное и одушевленное дѣйствительною любовью къ обновлявшейся родинѣ, съ которой старыя нравственныя немощи «спадали ветхой чешуей»—откликнулось и бодро положило руку на плугъ. Покуда будетъ жива на Руси память о скорбныхъ годахъ крѣпостного ига и о свѣтлыхъ дняхъ освобожденія отъ него, не должна умереть и память о мировыхъ посредникахъ перваго призыва, вынесшихъ на своихъ плечахъ, въ упорномъ и радостномъ сознаніи своего долга, трудную работу практическаго осуществленія преобразованія.

Въ мировые посредники по Веневскому уѣзду Тульской губерніи пошелъ и князь В. А. Черкасскій, не смотря на то, что послѣ утомительной, раздражающей нервы работы въ редакціонныхъ комиссіяхъ ему настоятельно были предписаны врачами полное спокойствіе и лѣченіе. Какъ бы осуществляя слова поэта—«блаженъ кто свой челнокъ привяжетъ къ кормѣ большого корабля», онъ весь предался ежедневному служенію мелкимъ практическимъ подробностямъ того дѣла, въ общія основанія котораго онъ вложилъ, начиная со студенческой скамьи, столько души и труда. Къ нему, какъ къ члену мирового съѣзда, собирались—до и послѣ засѣданій—помѣщики, крестьяне и посредники за совѣтами и указаніями; всѣ доклады проходили черезъ его руки и редакція журналовъ засѣданій принадлежала ему.

Двухлѣтнимъ *посредничествомъ*, прерваннымъ вызовомъ на помощь Н. А. Милютину въ дѣлѣ рѣшительнаго преобразованія поземельныхъ отношеній въ Польшѣ, прекращается работа князя Черкасскаго по раскрѣпощенію русскаго народа. Описаніе дальнѣйшей его энергической и разнообразной дѣятельности въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго, московскаго Городского Головы, главнаго уполномоченнаго Краснаго Креста и

начальника гражданскаго управленія въ Болгаріи—можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія.

Предъ нами фототипическая группа членовъ «меньшинства» тульскаго губернскаго комитета. Среднее мѣсто между ними занимаетъ князь В. А. Черкасскій. Вся его поза, съ крѣпко переплетенными пальцами рукъ дышетъ энергіею, знающею чего она хочетъ, и упорною настойчивостью. Физическій обликъ князя Черкасскаго, крупныя и мужественныя черты его лица, смѣлый, рѣшительный взоръ и вся его повадка очень мало измѣнялись съ теченіемъ лѣтъ. Пишущій настоящія строки встрѣтилъ князя въ 1877 году, предъ самымъ его отъѣздомъ въ Болгарію, у баронессы Раденъ, въ ея скромной квартирѣ въ Михайловскомъ дворцѣ. Онъ былъ тотъ же, какъ и на группѣ «меньшинства», полный жизни и твердой, ясно сознающей свои цѣли, воли. Это сказывалось въ тонѣ его рѣчи, въ спокойномъ жестѣ. «Вамъ предстоитъ *тамъ* большая борьба,—сказала ему баронесса Раденъ,—и вѣроятно вы у многихъ встрѣтите враждебное противъ себя настроеніе».—«Чтожъ борьба,—отвѣтилъ Черкасскій,—борьба это жизнь, а враговъ имѣть я люблю»... И чувствовалось, что оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Это было послѣднее свиданіе князя со своею старою и вѣрною пріятельницею и союзницею.

Смерть похитила его въ самомъ разгарѣ трудовъ, которыхъ онъ не покидалъ, не смотря на чрезвычайное утомленіе, на тоску по родинѣ и семьѣ. Онъ скончался въ Санъ-Стефано, послѣ тяжкихъ страданій, которымъ не хотѣлъ уступать и поддаваться до послѣднихъ минутъ.

Это произошло въ 1878 году—въ *знаменательный день 19 февраля...*

ДМИТРІЙ АЛЕКСАНРОВИЧЪ

РОВИНСКІЙ.

(Рѣчь въ Юридическомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ 23-го декабря 1895 года).

I.

Наше время упрекаютъ—и не безъ основанія—въ измельчаніи личности и въ господствѣ чрезмѣрной спеціализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою—и оба печально отражаются на духовномъ складѣ общественной жизни. Личность все болѣе и болѣе умаляется, стушевывается, изъ сознательнаго и нравственно отвѣтственнаго «*я*» стремится укрыться подъ безличное «*мы*». Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы и все рѣже встрѣчаются такъ называемые характеры. Современный образованный человѣкъ можетъ, если хочетъ, обладать гораздо большимъ богатствомъ по части знанія чѣмъ его отцы и дѣды; онъ окруженъ и гораздо болѣе удобною внѣшнею обстановкою: масса техническихъ открытій облегчаетъ ему пользованіе матеріальной стороною жизни. Но на ряду съ этою возможностью широкаго знанія и съ этими удобствами въ немъ самомъ не рѣдко замѣчается недостатокъ нравственной силы и дѣятельнаго отношенія къ жизни во всемъ, что не касается узко-личныхъ, по большей части мелкихъ, интересовъ. Слова графа Уварова: «les circonstances sont infiniment grandes et les hommes infiniment petits»—звучатъ подчасъ горькою правдою. Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ указываетъ на особое состоя-

ніе, называемое «равновѣсіемъ уменьшенныхъ силъ», при которомъ ни одна изъ способностей организма не уничтожена, но всѣ онѣ равномѣрно ослаблены и, такъ сказать, укорочены. Господство такого же равновѣсія уменьшенныхъ силъ въ области труда, энергіи, отзывчивости, дѣятельной любви—замѣчается и во многихъ областяхъ нашей государственной и общественной жизни. Къ этому присоединяется замыканіе себя въ узкую спеціальность, которая сторонится отъ живого и многоструйнаго теченія жизни—и вырабатываетъ въ своемъ обладателѣ равнодушное и даже презрительное отношеніе ко всему, что лежитъ внѣ ея области. Подъ вліяніемъ всего этого часто утрачивается интересъ къ прошлому и вѣра въ будущее. Вчерашній день ничего не говоритъ забывчивому, одностороннему и лѣнивому мышленію,—а день грядущій представляется лишь какъ повтореніе мелкихъ и личныхъ житейскихъ приспособленій.

Тѣмъ болѣе цѣнны люди съ опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, чей многосторонній и безкорыстный трудъ не можетъ проходить безслѣдно для общества, служенію интересамъ и развитію самосознанія котораго онъ былъ всецѣло отданъ. Чѣмъ шире и разнороднѣе дѣятельность такихъ людей, тѣмъ интереснѣе ихъ личность,—чѣмъ богаче духовными дарами эта личность, тѣмъ глубже и плодотворнѣе результаты ея дѣятельности.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ почившій лѣтомъ истекшаго года—Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

Ученый, глубокій знатокъ и работникъ въ области искусства, опытный законовѣдъ и судебный практикъ, писатель и блестяще образованный человѣкъ, почетный членъ Академій художествъ и наукъ и заслуженный членъ высшаго кассаціоннаго суда—Ровинскій былъ не только во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся, но и въ высшей степени своеобразнымъ, цѣльнымъ и интереснымъ человѣкомъ. Въ немъ жила неутолимая жажда дѣятельности и живого труда и онъ не зарылъ въ землю, какъ «рабъ лѣнивый и лукавый», талантъ своихъ обширныхъ знаній, проницательность ума и теплоту добраго сердца. Всю жизнь служа родинѣ и искусству, онъ сложилъ свои трудовыя руки лишь лицомъ къ лицу со смертью...

Его заслуги въ области исторіи искусства требуютъ—и, конечно, дождутся—особыхъ, подробныхъ изслѣдованій. Въ настоящемъ сообщеніи я лишь коснуся ихъ—настолько, насколько въ нихъ выразилась личность покойнаго, и остановлюсь преимущественно на его служебной дѣятельности и на посильной характеристикѣ, по своимъ воспоминаніямъ, его личности.

Государственная служба Ровинскаго началась, когда ему еще не было полныхъ двадцати лѣтъ. Родившiйся 16-го августа 1824 года, онъ былъ опредѣленъ на службу въ седьмой департаментъ Сената 13-го iюня 1844 г., тотчасъ по окончанiи курса, однимъ изъ первыхъ, въ училищѣ правовѣдѣнiя. Седьмой департаментъ, гдѣ уже въ декабрѣ 1844 года Ровинскiй занялъ должность помощника секретаря, находился въ Москвѣ. Въ «бѣлокаменную» влекли молодого юриста воспоминанiя дѣтства и родственныя отношенiя. Тамъ прожилъ до самой своей смерти, въ 1838 г., его отецъ, женатый на дочери лейбъ-медика Екатерины II—Мессинга, участникъ войнъ съ Наполеономъ и командиръ нижегородскаго ополченiя въ 1812 году, бывшiй затѣмъ, до 1830 года, вторымъ полицiймейстеромъ Москвы и дѣятельнымъ сотрудникомъ старшаго полицiймейстера генерала Шульгина по устройству городской пожарной команды. Къ изображенiю Шульгина въ «Русскихъ гравированныхъ портретахъ» Ровинскаго приложенъ слѣдующiй характерный отзывъ объ этомъ оригиналѣ графа Н. Н. Муравьева-Карскаго: «человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображенiй, постоянно былъ употребляемъ въ должности полицiймейстера и къ ней имѣлъ особое призванiе—большой крикунъ, хлопотунъ, любившiй разсказывать о своихъ подвигахъ, тушить пожары и иногда своеручно поколотить...» Эта любовь его къ тушенiю пожаровъ, искусно направляемая отцомъ Д. А. Ровинскаго, имѣла своимъ послѣдствiемъ образцовую по тому времени организацiю пожарной команды, которою москвичи гордились предъ иностранными гостями, а рѣзецъ народныхъ художниковъ запечатлѣлъ въ лубочныхъ листахъ подъ названiемъ: «Действiе московской Пожарной Команды во время Пожара», при чемъ Шульгинъ нарисованъ мчащимся, парою, стоя на «калиберѣ», въ сопровожденiи казака и жандарма.

Съ начала 1848 г., Ровинскiй, оставивъ Сенатъ, исполнялъ обязанности московскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго; съ лѣта 1850 г., въ теченiи почти трехъ лѣтъ—обязанности товарища предсѣдателя Московской Уголовной Палаты, а въ августѣ 1853 г. былъ назначенъ на особо важный, трудный и отвѣтственный постъ московскаго губернскаго прокурора. Должность эта, составляя наслѣдiе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ украшенiй Екатерининскихъ учрежденiй, имѣла огромное значенiе въ нашемъ до-реформенномъ строѣ. Упраздненiе связанныхъ съ нею правъ и обязанностей по надзору за ходомъ не судебныхъ дѣлъ слѣдуетъ признать большою ошибкою составителей Судебныхъ Уставовъ. Совершенное измѣненiе въ характерѣ дѣятельно-

сти прокурора, придавая ему «обвинительную» обособленность, быть можетъ и выходило красивымъ съ теоретической точки зрѣнія, но противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями нашего губернскаго строя. Въ торопливомъ осуществленіи страстнаго желанія поскорѣе расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полусгнившими деревьями, былъ срубленъ дубъ, стоявшій на стражѣ лѣса...

Губернскій прокуроръ съ губернскими стряпчими составлялъ особое, во многихъ отношеніяхъ совершенно независимое отъ мѣстной администраціи учрежденіе, такъ называемую «прокурорскую камеру». Оно имѣло надзоръ за всѣми мѣстными присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда признавались соотвѣтствующими закону и приводились въ исполненіе, когда на нихъ была извѣстная прокурорская помѣта: *читалъ*. Имѣя право безпрепятственнаго входа во всѣ губернскія мѣста и занимая мѣсто въ присутствіи при докладѣ дѣлъ, губернскій прокуроръ и стряпчіе въ уѣздахъ были живымъ напоминаніемъ закона и, во многихъ случаяхъ, его обязательными истолкователями. Въ дѣлахъ судебныхъ губернскій прокуроръ былъ всегдашнимъ ходатаемъ по искамъ казны, обществъ и установленій. На обязанности его лежало возбужденіе *безгласныхъ* дѣлъ. Онъ охранялъ—интересы казны, участвуя въ пріемѣ казеннаго имущества и въ производствѣ торговъ на казенные подряды и поставки,—интересы и права частныхъ лицъ, свидѣтельствуя, въ составѣ особаго присутствія губернскаго правленія, людей подлежавшихъ опекѣ по безумію или сумасшествію и требуя учрежденія слѣдственныхъ коммиссій по дѣламъ особой важности. Наконецъ онъ охранялъ права арестантовъ, будучи главнымъ блюстителемъ ихъ содержанія «безъ употребленія орудій, закономъ запрещенныхъ» и ходатаемъ по ихъ дѣламъ. Имѣя обязанность увѣдомлять губернское начальство о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, губернскій прокуроръ сносился въ то же время непосредственно съ министромъ юстиціи, свободный отъ какихъ-либо аттестацій со стороны начальника губерніи. Будучи, по существу своихъ правъ и обязанностей, делегатомъ центральной правительственной власти, вдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія, онъ, при добромъ желаніи и сознаніи долга, могъ не безъ основанія считать себя «окомъ царевымъ».

Исторія министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ представляетъ не мало примѣровъ энергической борьбы губернскихъ прокуроровъ съ мѣстными злоупотребленіями.

Борьба эта не всегда была успѣшна, но уже самое возникновеніе ея, основанное на *предписаніи* закона, опредѣлявшаго обязанности губернскаго прокурора, дѣйствовало благотворно, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствіемъ ея являлись сенаторскія ревизіи, несшіяся, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухою... Богъ знаетъ, сколько тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбленныхъ самолюбій и властолюбій заглушалъ ропотъ искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ обвиненій «поросло бы травой забвенія», еслибы въ широкія рамки обязанностей губернскаго прокурора была въ 1864 г. влита энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое стремленіе къ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.

Сдѣлавшись губернскимъ прокуроромъ, Ровинскій принесъ на эту должность всю свою молодую—ему было еще только 29 лѣтъ—жизненность и отзывчивость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесъ и большой опытъ. Служба товарищемъ предсѣдателя Палаты и, главное, губернскимъ стряпчимъ, дала ему богатый матеріалъ для обращенія вниманія на наиболѣе больныя мѣста судебной и, въ особенности, административной дѣятельности. Онъ горячо принялся за работу, настойчиво во все вникая и зорко ко всему приглядываясь. Задача московскаго губернскаго прокурора—именно московскаго—за его время была очень нелегкая. Не говоря уже о массѣ дѣла, требовавшей внимательнаго труда, въ виду особаго значенія, которое могло имѣть прокурорское «читалъ» для жителей столицы и одной изъ населеннѣйшихъ губерній,—область дѣятельности этого прокурора находилась въ совершенно особомъ положеніи. Въ Москвѣ былъ, кромѣ губернатора, еще и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, снабженный особыми полномочіями, легендарный генералъ-губернаторъ, всевластно правившій въ Москвѣ съ 1848 г. въ теченіе десяти лѣтъ и назначенный туда послѣ 17-лѣтней опалы, какъ—по его собственнымъ словамъ—надежный оплотъ противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ придти съ Запада. Безукоризненно честный въ матеріальныхъ отношеніяхъ, большой хлѣбосолъ и нѣжный, слабый отецъ,—этотъ осанистый, полный старикъ, совершенно лысый, съ маленькими хитрыми глазками на кругломъ лицѣ («Русскіе гравированные портреты»), съ выдвинутою впередъ нижнею губою, творилъ судъ и быструю расправу по-своему, не стѣсняясь закономъ и своеобразно возстановляя порядокъ повсюду, даже и въ чужихъ семьяхъ, разными необычайными средствами, въ родѣ, напримѣръ, аре-

стованія жены и родственниковъ неисправнаго подрядчика, забравшаго впередъ деньги, и т. п. Вторженія Закревскаго во всякія дѣла и въ томъ числѣ въ судебныя, особливо гражданскія, были явленіемъ частымъ и безъ сомнѣнія составляли соблазнительный примѣръ и для ближайшихъ его подчиненныхъ, такъ что губернскому прокурору нужно было много такта и умной настойчивости, чтобы охранять законъ и исполнять свои обязанности, «не взирая на лица». Неслышное и по большей части незамѣтное для окружающаго общества, прямое и косвенное отстаиваніе закона отнимало много времени у Ровинскаго и дѣлало его положеніе, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, подчасъ болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Недаромъ онъ обращался, при своихъ работахъ по судебному преобразованію, съ суровыми укоризнами къ генералъ-губернаторской власти въ томъ видѣ, какъ ее понималъ и практиковалъ въ свое время графъ Закревскій.

Тяжела была и дѣятельность по чисто-судебной части. Права губернскаго прокурора были большія, и онъ могъ, съ 1846 года останавливать своими протестами исполненіе приговоровъ уголовныхъ Палатъ, но не слѣдуетъ забывать, что надъ судомъ и надъ прокуроромъ стояла теорія формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ, которая связывала и угнетала свободное приложеніе судейскаго разумѣнія къ даннымъ дѣла. Какое бы вниманіе, какую бы серьезность ни вносилъ прокуроръ въ оцѣнку опредѣленія уголовной Палаты, онъ былъ безсиленъ отвратить эту Палату отъ того уклончиваго и ложнаго пути, который кончался знаменитымъ «оставленіемъ въ подозрѣніи», никого не удовлетворявшимъ, но прописываемымъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, указанныхъ въ судебной фармакопеѣ и рецептурѣ, носившихъ названіе второй части XV тома Свода Законовъ. Громкія уголовныя дѣла, волновавшія Москву въ пятидесятыхъ годахъ, нерѣдко оканчивались приговоромъ, въ которомъ, изъ-за формальной правильности и полнаго соотвѣтствія дѣйствовавшимъ правиламъ о доказательствахъ, ярко сквозило матеріальное неправосудіе, при чемъ во всей красѣ сказывались и молчаніе связанной по рукамъ и ногамъ судейской совѣсти, и апатичная работа притупившагося на механическомъ примѣненіи Уложенія о наказаніяхъ ума.

Много огорченій, волненій и горькихъ минутъ сознанія своего безсилія предъ буквальнымъ приложеніемъ безжизненнаго закона къ вопіющимъ явленіямъ жизни пережилъ Ровинскій въ бытность свою губернскимъ прокуроромъ... Дѣла о возмутительныхъ преступленіяхъ надъ личностью и о надругательствахъ сильнаго надъ слабымъ, полныя краснорѣчивыхъ косвен-

ныхъ уликъ, попавъ въ русло, вырытое *присяжными* свидѣтелями, достовѣрность показанія которыхъ обусловливалась ихъ *общественнымъ положеніемъ* и другими *совершенными* и *несовершенными* доказательствами—быстро и почти безповоротно выцвѣтали, обростая тиною разныхъ крючкотворныхъ подходовъ и подъяческихъ подвоховъ, затемнявшихъ истину. Стоитъ припомнить хотя бы, напримѣръ, дѣло объ услышавшей только отъ высшихъ судебныхъ учрежденій должную оцѣнку своей виновности вдовѣ гвардіи капитана, судившейся за чудовищное обращеніе съ десятилѣтнимъ сыномъ, проводившимъ дни и ночи въ запертомъ шкафу—голоднымъ до полусмерти, избитымъ, истерзаннымъ и завязаннымъ, со скрученными назадъ руками, въ чехолъ отъ дивана, при чемъ, подъ предлогомъ отъученія его отъ дурной привычки, обвиняемая, оставленная первоначально лишь *въ подозрѣніи* и уже однажды судившаяся безплодно за безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами, предавалась по отношенію къ сыну манипуляціямъ, въ которыхъ жестокость переплеталась съ извращеннымъ сладострастіемъ... Сюда надо отнести такія дѣла, какъ, напримѣръ, дѣло помѣщика, нанесшаго своему больному, *девяностолѣтнему* слугѣ,—вымогая для себя у него его скудныя сбереженія—28 рубленыхъ сабельныхъ ранъ, отъ которыхъ тотъ на другой день умеръ,—и непризнаннаго виновнымъ въ убійствѣ; или дѣло надворнаго совѣтника, наглымъ образомъ надругавшагося надъ невинною и беззащитною дѣвушкою, въ обстановкѣ, чрезвычайно напоминающей сцену покушенія Свидригайлова на честь Дуни Раскольниковой въ «Преступленіи и Наказаніи»—и оставленнаго въ сильномъ подозрѣніи; или дѣло о покушеніи на жизнь калужскаго помѣщика посредствомъ адской машины, по которому Надворный Судъ призналъ возможнымъ оставить человѣка, принесшаго потерпѣвшему ящикъ, *зная*, что въ немъ заключена такая машина, въ сильномъ подозрѣніи, выславъ его въ то же время изъ Москвы; или, наконецъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе судьи того времени нашли справедливымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ,—и присужденіемъ отца жертвы за потворство *раз-*

врату дочери къ трехмѣсячному лишенію свободы... А сколько, подъ прикрытіемъ строгаго соблюденія теоріи формальныхъ доказательствъ, разрѣшалось такимъ образомъ дѣлъ негромкихъ! Губернскій прокуроръ, обремененный массою другихъ обязанностей, долженъ былъ вчитываться и вдумываться въ каждое рѣшеніе, чтобы не покрыть иногда своимъ «читалъ» вопіющую, но правильно и искусно оформленную неправду.

Не меньше вниманія надо было отдавать и слѣдствію. Оно было въ грубыхъ и часто не чистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но, въ сущности, единственный матеріалъ для сужденія о дѣлѣ. Изъ рѣчи, сказанной Ровинскимъ въ 1860 г. («Вѣкъ», 1860 г., № 16) молодымъ людямъ, вновь назначеннымъ на должность слѣдователя, переходную уже къ новому порядку, видно, *что* такое были въ его время, въ Москвѣ, нѣкоторые производители слѣдствій и *какъ* они дѣйствовали. Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы и раздуваніе дѣлъ были характерными признаками производства слѣдствій чинами наружной полиціи. Въ подтвержденіе этого Ровинскій приводилъ примѣры: а) отобранные у сознавшагося вора тулупъ и поддевка возвращены хозяевамъ безъ оцѣнки—*чрезъ годъ*; частный приставъ, замѣтивъ свое упущеніе, требуетъ хозяевъ изъ Рязанской губерніи въ Москву *по этапу* и обязываетъ ихъ подпискою представить тулупъ и поддевку; б) трое крестьянъ жалуются на кражу у нихъ четырехъ боченковъ сельдей, и послѣ года производства слѣдствія объ этомъ, приставъ начинаетъ слѣдствіе о томъ *откуда* они взяли сельдей и имѣли ли право торговать ими; в) мѣщанинъ Овечкинъ и извозчикъ, съ которымъ онъ ѣздилъ, сидятъ *мѣсяцъ* подъ стражею по обвиненію въ *праздной* ѣздѣ по улицамъ; г) производя у нѣсколькихъ лицъ обыскъ по жалобѣ солдатки о кражѣ у нея бѣлья, приставъ обыскиваетъ кстати и *ее*;—найдя «кусокъ металлическаго свойства», заводитъ особое дѣло и вызываетъ эксперта для опредѣленія, какой это металлъ, и т. д., и т. д. «Главная причина всего этого,—говорилъ Ровинскій молодымъ слѣдователямъ,—кроется сколько въ неспособности полицейскихъ слѣдователей, столько и въ томъ, что многіе изъ нихъ, при ничтожномъ содержаніи и ежедневно возрастающихъ потребностяхъ, привыкли, по необходимости, смотрѣть на взятіе подъ стражу, освобожденіе арестанта, вызовъ, высылку, вообще на все слѣдствіе, какъ на средство къ своему существованію. Вотъ почему полицейскіе слѣдователи тянутъ свои слѣдствія цѣлые годы, оправдываясь медленностью высшихъ ин-

станцій и расчитывая на полную безнаказанность со стороны своего начальства. Вотъ почему трактиръ, полпивная и всякое заведеніе, при самомалѣйшей возможности притянуть ихъ, непремѣнно перебываютъ у слѣдователя со своимъ хозяиномъ, прислугою, чуть не со всею своею посудою». Но не одна неумѣлость, а иногда желаніе «покормиться» искажали производство слѣдствія. Это искаженіе шло гораздо дальше тамъ, гдѣ нужно было выслужиться или отличиться. Ровинскій приводилъ слѣдователямъ «всплывшіе изъ глубины канцелярской тайны» случаи—доведенія мѣщанина вывернутіемъ руки до «чистосердечнаго сознанія» въ убійствѣ, совершенномъ совсѣмъ другимъ лицомъ, и сѣченія невиновной, какъ то оказалось, въ кражѣ дѣвочки 16 лѣтъ *плетью по животу*, для полученія такого же сознанія... Въ объясненіяхъ къ «Народнымъ картинкамъ» онъ указываетъ на обычный даже въ его время въ глухихъ мѣстностяхъ пріемъ полицейскаго слѣдствія, состоявшій въ недаваніи пить заподозрѣнному, накормленному соленымъ сельдемъ и посаженному въ жарко-истопленную баню—и ссылается на производившееся еще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената дѣло частнаго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемаго со связанными назадъ и затѣмъ навсегда отнявшимися руками на перекосякъ, «исправлявшій должность *дыбы*»...

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ и въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Өедора Петровича Гааза, отдавшагося всецѣло дѣлу помощи заключеннымъ, утѣшенію ихъ и заботѣ о нихъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ, и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ офиціальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебнаго преобразованія, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: «*торопитесь* дѣлать добро»! Еще будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ замѣчательнаго и памятнаго ему столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя при старомъ строѣ суда, ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за «невинно осужденныхъ» арестантовъ.—«Вы все

говорите, Өедоръ Петровичъ, — сказалъ Филаретъ, — о невинно осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ— значитъ есть за нимъ вина»... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста... «Да вы о Христѣ позабыли, владыко!»— вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе — осужденіе невиннаго... Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить въ глаза! Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: «нѣтъ, Өедоръ Петровичъ! когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!...»— благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ въ сопровожденіи стряпчихъ и секретарей мѣстныхъ — уголовной Палаты, Магистрата и Надворнаго Суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привязывала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы («батюшка! ну, сдѣлайте это для меня,—двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе», говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ) пріобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить. Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія, личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и «видящаго насквозь», производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно ослушаться, да и «втереть ему очки»—нечего было и думать... Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжалъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи, проникнутыхъ человѣчностью, сквозитъ, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-ни-

будь практическимъ знаніемъ... Особенное вниманіе обращалъ онъ на «частные дома» съ ихъ такъ называемыми «съѣзжими». Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда,—тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы «сѣкуція». «Въ доброе старое время, — вспоминаетъ Ровинскій въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» — «сѣкуція» производилась въ частныхъ домахъ по утрамъ; части Городская и Тверская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во-время барынину собачку, всыплютъ сотню, и расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки—и той всыплютъ сотню: — барыня-де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ, — присланъ поучить, значитъ и виноватъ — ну и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома,—да не одна, а цѣлые десятки».—Если Городская и Тверская части пріобрѣли свою особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличился въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашелъ семь, немедленно имъ уничтоженныхъ, подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались «могилами» и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (между прочими почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся «за приставомъ». Въ другой изъ московскихъ частей непрошенная любознательность губернскаго прокурора открыла «клоповникъ» для арестованныхъ со всѣми его необходимыми принадлежностями.

Не мало тревожныхъ заботъ доставляли Ровинскому и дѣла о крестьянахъ и дворовыхъ. Иго крѣпостного рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, была клеймена Россія, давило въ началѣ пятидесятыхъ годовъ всей своею тяжестью и оказывало свое растлѣвающее вліяніе на все общественное зданіе. Въ Московской губерніи постоянно возникали дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и хотя Закревскій сурово относился въ этихъ случаяхъ къ виновнымъ, но въ то же время былъ, по замѣчанію Ровинскаго, ярымъ защитникомъ крѣпостного права, не допускавшимъ и мысли о ненормальности создаваемыхъ этимъ правомъ отношеній. Кромѣ всесильнаго генералъ-губернатора, на безпощадной стражѣ этого права стоялъ и уголовный законъ, подвергавшій, на основаніи ст. 1983 тома IX. Св. Зак. крестьянъ, непокорныхъ

не только своимъ господамъ, но даже и тѣмъ, кому послѣдніе передали, вполнѣ или съ ограниченіями, свою власть—наказанію, установленному за возстаніе противъ властей, т. е. каторжной работѣ на очень длинные сроки и плетямъ. Понятно, какъ легко, при такихъ условіяхъ, могли быть возбуждаемы, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, въ сущности сводившимся лишь къ недоразумѣніямъ, дѣла о возстаніяхъ крестьянъ, и какому одностороннему разрѣшенію онѣ подвергались, особенно если имѣть въ виду, что по ст. 221 второй части XV т. крѣпостные люди подсудимыхъ могли быть допрашиваемы при слѣдствіи лишь за недостаткомъ другихъ свидѣтелей. Ровинскому приходилось часто и горячо отстаивать и предъ Закревскимъ, и въ уголовной Палатѣ, спокойный и трезвый взглядъ на дѣла о «возстаніяхъ» крѣпостныхъ, и лавируя въ узкомъ проливѣ между формальными доказательствами, отыскивать въ дѣлѣ трудно и неохотно добытыя данныя, правдиво рисующія житейскую его сторону. А это было необходимо, чтобы убѣдить графа Закревскаго въ томъ, что тамъ, гдѣ предполагалось «дерзкое колебаніе коренныхъ основъ общества»,—было подчасъ вопіющее злоупотребленіе власти надъ ближнимъ, и что обиженная въ своихъ правахъ и безмятежности «жертва» была иногда сама злобною и изобрѣтательною мучительницею,—и тѣмъ обратить его гнѣвъ на дѣйствительно виновную сторону. Нужно было много выдержки, спокойствія, знанія и безупречной чистоты въ дѣйствіяхъ, чтобы выходить побѣдителемъ при разрѣшеніи подобныхъ задачъ. Хотя это и удавалось Ровинскому, но оставило горькій осадокъ въ его душѣ, отразившійся впослѣдствіи, между прочимъ, и на его представленныхъ въ Государственную Канцелярію, въ 1860 г., разсужденіяхъ о необходимости «различать безсвязныя волненія отъ того что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія...»

Когда, въ 1856 г., по выраженію А. П. Ермолова, «зардѣлась заря освобожденія крестьянъ», и Ровинскому, какъ вліятельному губернскому прокурору, представилась возможность проводить въ жизнь свои взгляды на крѣпостное право, онъ неожиданно чуть не былъ лишенъ всякой дѣятельной роли. По причинамъ, которыхъ теперь доискаться невозможно, министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ рѣшилъ зачислить его за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатѣ. Для кипучей, полной страсти къ живому труду натуры Ровинскаго это было тяжкимъ ударомъ. Жестокое по отношенію къ такому человѣку, какъ онъ, новое назначеніе—своего рода «сдача въ архивъ»—являлась лишеннымъ

смысла и по отношенію къ дѣлу, которое въ умѣлыхъ рукахъ Ровинскаго наладилось и шло хорошо. Графъ Панинъ, своеобразная личность котораго еще ждетъ своего историка, любилъ поражать неожиданными назначеніями, о способѣ производства которыхъ въ министерствѣ юстиціи ходили цѣлыя легенды. Вообще на странность и бездушную иронію нѣкоторыхъ изъ распоряженій по личному составу въ министерствѣ юстиціи до судебной реформы можетъ указывать и приводимый Н. П. Собко въ прекрасной біографіи художника Перова, изданной Ровинскимъ, фактъ перевода въ *Архангельскъ* отца Перова, губернскаго прокурора въ *Тобольскѣ,* просившагося въ болѣе умѣренный климатъ, потому что здоровье его не выносило суровой зимы... Но генералъ-губернаторъ, цѣнившій, несмотря на разногласія, личность и дѣятельность Ровинскаго, вступился за «своего» прокурора, и благодаря его письму, отъ 19-го апрѣля 1857 г., послѣдній остался на мѣстѣ.

Впрочемъ служебные дни самого гр. Закревскаго уже близились къ концу. Вокругъ него кипѣла новая, необычная для него жизнь; съ высоты престола, какъ святой благовѣстъ, неслись призывы къ усовершенствованіямъ, къ подъему человѣческаго достоинства, къ правдѣ и милости, а онъ продолжалъ глядѣть на Москву, какъ смотритъ рачительный, но суровый хозяинъ на свою вотчину. Еще въ 1858 г. онъ представлялъ шефу жандармовъ «списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ», въ которомъ, кромѣ Аксаковыхъ и Хомякова, вина которыхъ обозначалась словомъ «славянофилъ», значились, между прочимъ, М. Н. Катковъ, откупщикъ В. А. Кокоревъ («западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ»), К. Т. Солдатенковъ («раскольникъ и западникъ, желающій безпорядковъ и возмущеній»), академикъ М. П. Погодинъ («литераторъ, стремящійся къ возмущенію»), знаменитый артистъ Щепкинъ («желаетъ переворотовъ и на все готовый») Юрій Самаринъ («славянофилъ, желающій безпорядковъ и на все готовый») и др. Не допуская и мысли о возможности отмѣны крѣпостного права, онъ уже послѣ извѣстнаго Высочайшаго рескрипта на имя Назимова, преслѣдовалъ въ Москвѣ всякіе знаки сочувствія къ предпринятому государемъ великому дѣлу,—повелительно указалъ Кокореву на дверь, когда тотъ позволилъ себѣ «заявить себя на сторонѣ петербургскихъ глупостей»—и утверждалъ громогласно, что «въ Петербургѣ *одумаются* и все пойдетъ по старому».

Отношенія Ровинскаго съ замѣстителемъ Закревскаго были вполнѣ спокойныя, а въ ближайшіе затѣмъ годы онъ сразу испыталъ двѣ радости общественнаго характера. Избраніе въ депутаты

звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ — дало ему возможность поработать по давно наболѣвшему у него вопросу и образовать вокругъ себя крупное меньшинство, которое, по его предложенію, высказалось за уничтоженіе въ будущемъ строѣ крестьянскаго дѣла тѣлесныхъ наказаній, какъ «безполезнаго само по себѣ орудія возмутительнаго произвола». Замѣчательно, что, почти одновременно съ этимъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ писалъ императору Александру II изъ Карлсруэ, 9-го сентября 1857 г.: «главную осмотрительность слѣдуетъ соблюсти въ постановленіяхъ для мірской общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра; и то, и другое каждая община опредѣлитъ сама лучше всякихъ законодательныхъ теорій;—о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать,— это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастію, не употребляются...»

Изданіе давно и страстно ожиданнаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, *исключительно предназначенныхъ* для исполненія слѣдственныхъ обязанностей и обнародованіе «Наказа судебнымъ слѣдователямъ», было важнымъ шагомъ къ возможному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ еще, не испорченнымъ рутиною и соблазнами жизни, людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось... Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полна практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго въ послѣднемъ сначала недовѣріе, а потомъ полное равнодушіе,— была своего рода разсчетомъ съ начинающими разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго. Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, тогда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: «Большая часть изъ васъ, господа, только что окончила образованіе. Вы еще не опытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога̀ ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни. Опытности вамъ научиться не долго, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ

жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только что начатому дѣлу, *будьте людьми,* господа, *а не чиновниками!* Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды:* добраго мнѣнія общества, которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ, — дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

«Что вы служили дѣлу, а не лицамъ.

«Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу.

«Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками»...

Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна заря спѣшитъ смѣнить другую, — такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зарю отмѣны рабства смѣняла заря настоящаго, правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи... Эта рѣчь была и лучшимъ, послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду...

II.

Положеніе вещей при судебной реформѣ складывались иначе, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Если послѣдняя реформа выработывалась «горестно и трудно», горестно—для любившихъ исключительно себя, трудно—для любившихъ русскій народъ, то, наоборотъ, пересозданіе всего судебнаго строя совершалось легко и безъ серьезныхъ противодѣйствій. Негодность существующихъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ чертахъ и житейскихъ проявленіяхъ была признана всѣми. Могущественное слово осужденія этихъ порядковъ слышалось и въ неоднократныхъ Высочайшихъ резолюціяхъ. Отмѣтка императора Николая I на меморіи Государственнаго Совѣта по дѣлу Баташева, отъ 16-го ноября 1848 года, о непомѣрной медленности производства, «ясно выставляющей всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства», по справедливости можетъ считаться первымъ лучомъ судебнаго преобразованія. Реформа судебной части не затрогивала ничьихъ личныхъ интересовъ. Поэтому на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы не могло найтись людей, которые посмѣли бы авторитетно рекомендовать старый порядокъ канцелярской, безгласной и бездушной расправы, какъ желательный и неприкосновенный или, прикрываясь лукавою осто-

рожностью, рисовать «пагубныя послѣдствія» предпринимаемаго государственнаго дѣла. За исключеніемъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ должностяхъ судебной службы — старый судъ не внушалъ привязанности никому, — отъ него сторонились почти всегда со страхомъ и нерѣдко съ отвращеніемъ, и слово поэта о томъ, что Русь «въ судахъ черна неправдой черной», было не празднымъ возгласомъ, а горькою, пережитою многимъ множествомъ русскихъ людей, истиною. Наконецъ — въ работахъ по судебному преобразованію не выдѣлялся особенно никто, всѣ трудились дружно, съ единомысліемъ о необходимости реформы, съ довѣріемъ къ близкому будущему и безъ затаенной и любовной оглядки на близкое прошлое, стараясь уврачевать въ своей родинѣ застарѣлый недугъ неправосудія. Поэтому не было среди этихъ работниковъ и людей, могущихъ служить, подобно Ростовцеву и Милютину, мишенью для недовольства, ненависти и клеветъ, плохо прикрываемыхъ умышленно близорукою и прозрачно-недобросовѣстною критикою порученнаго имъ дѣла. Печать и общество съ спокойной увѣренностью ожидали результатовъ судебнаго преобразованія.

Но сами работники въ дѣлѣ этого преобразованія не подходили, однако, подъ одинъ общій типъ и не представляли, въ своей совокупности, однороднаго цѣлаго. Они явились на широкій призывъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ разнородныхъ служебныхъ областей, съ разнообразнымъ опытомъ и практическими свѣдѣніями, невольно внося въ свои предложенія и свои личныя свойства. При разсмотрѣніи подготовительныхъ работъ по судебному преобразованію нельзя не замѣтить, что піонеры судебной реформы распадались на четыре главныя группы. Первую составляли чистые *теоретики,* вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ политико-юридическихъ принципахъ; ко второй принадлежали *подражатели,* стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ большею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями третьей группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже учрежденій и пріемовъ судопроизводства и желавшіе медленнаго, осторожнаго и постепеннаго перехода отъ стараго къ новому. Они находили себѣ сильную опору во вліятельныхъ мнѣніяхъ автора «Общей объяснительной записки къ проекту новаго устава судопроизводства», графа Д. Н. Блудова. Записка эта представляла, по богатству матеріала и своеобразному его освѣщенію, одинъ изъ интереснѣйшихъ трудовъ подготовительно-законодательнаго харак-

тера. Исходя изъ мысли, что внезапное введеніе новаго судебнаго устройства, безъ предварительнаго къ тому приготовленія и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, легко можетъ повести къ столкновеніямъ и запутанности и даже удалить отъ желаемой цѣли, графъ Блудовъ являлся поборникомъ *слѣдственнаго* начала и, относясь скептически къ началу *обвинительному,* предлагалъ улучшить существующее судопроизводство введеніемъ одиннадцати правилъ, «имѣющихъ цѣлью какъ огражденіе подсудимыхъ отъ напрасныхъ притѣсненій, такъ и доставленіе имъ дѣйствительныхъ и надежныхъ средствъ законной защиты». Правила эти сводились, главнымъ образомъ, къ улучшенію учрежденія «депутатовъ» при слѣдствіи; къ установленію права отвода слѣдователей; къ сообщенію обвиняемому матеріала, собраннаго противъ него по слѣдствію, съ окончательнымъ допросомъ его въ присутствіи родственниковъ, знакомыхъ, друзей или одного изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ; къ допущенію подсудимаго не только присутствовать при докладѣ дѣла, совершаемаго съ нѣкоторою публичностью, но и, защищаясь письменно чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ, лично выслушивать объявленіе приговора съ правомъ подавать противъ него отзывы и дополнительныя объясненія.—Наконецъ, четвертая группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣятелей, желавшихъ обновленія судебнаго строя, для полнаго разрыва съ которымъ они черпали основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, но изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ и изъ довѣрія къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа, способнаго къ воспріятію новыхъ началъ судопроизводства, довѣрія, чуждаго опасенію «запутанности». Къ этой группѣ принадлежало большинство «отцовъ Судебныхъ Уставовъ», т. е. членовъ Высочайше учрежденной комиссіи, выработавшей основныя положенія преобразованія судебной части.

Ровинскій, по высказываемымъ имъ взглядамъ, примыкалъ всего болѣе къ послѣдней группѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ, по многимъ вопросамъ, и отдѣльно отъ нея. Глубокій знатокъ жизни и свойствъ, вкусовъ и идеаловъ русскаго народа въ ихъ историческомъ развитіи, онъ шелъ своею дорогою, богатый знаніемъ и наблюденіемъ. Его чисто русскому, проникнутому здравымъ смысломъ, уму были чужды отвлеченныя, теоретическія построенія, а любовь къ оригинальному и самобытному удерживала отъ слѣпой подражательности. Не могъ онъ, сердцемъ выстрадавшій всѣ недостатки старыхъ судебныхъ порядковъ, бывшій столь долго «за кулисами» отжившаго суда, примириться и съ мыслью о посте-

пенномъ, медлительномъ переходѣ отъ стараго къ новому. Будущій строй судебныхъ учрежденій и ихъ дѣятельность, проникнутые началами, совершенно чуждыми слѣдственно-приказному отправленію правосудія, ясно рисовались его духовному взору. Отдаваясь съ горячностью и любовью призыву къ новому дѣлу, онъ не желалъ допускать, чтобы, по выраженію поэта, «заглушалъ плевелъ старинный—величья новаго посѣвъ».

Принадлежавшій Ровинскому и находящійся нынѣ у меня экземпляръ общей объяснительной записки Блудова весь испещренъ протестующими замѣчаніями. Общій ихъ смыслъ состоитъ въ томъ, чтобы предлагаемыя Блудовымъ мѣры, не улучшая ни въ чемъ существенномъ судопроизводства, не внесли бы въ него ничего такого, чего не всосали бы въ себя рутина и «приказное» отношеніе къ дѣлу. Не штопать надо было изношенное и негодное, не приращать случайными и внѣшними прививками существовавшій судебный строй, не трогая его главнѣйшихъ внутреннихъ началъ. Слѣдовало, твердо опредѣливъ противоположный берегъ, смѣло причалить къ нему, или, въ крайнемъ случаѣ, соорудивъ лишь временный, на очень короткій срокъ, мостъ, перейти по нему и тотчасъ же разобрать его... Въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» Ровинскій, со свойственною ему образностью, выражаетъ мысль о безполезности всякихъ частичныхъ реформъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, разсказывая о тщетной борьбѣ крутыхъ царей — Ивана Васильевича и Петра Алексѣевича съ чиновничьимъ взяточничествомъ въ судебныхъ Приказахъ, съ произволомъ и «кормленіемъ» воеводъ. Его не удовлетворяли и реформы Екатерины II по этой части, замѣнившія воеводу коллегіею, такъ какъ ими не измѣнялась сущность судебныхъ порядковъ и порочныя привычки судей. «Либеральныя декораціи,—говоритъ онъ,—не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностью, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія (судебныя коллегіи) мѣткою пословицею: «прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятками»... По этому же поводу онъ приводитъ остроумный отзывъ князя А. С. Меньшикова, назвавшаго нерѣшительныя, отрывочныя и частичныя мѣры, предпринятыя вопреки проекту Киселева, въ 1838-39 гг. относительно государственныхъ крестьянъ, «улучшеннымъ бытомъ въ уменьшенномъ видѣ». Поэтому патетическо-комическія выраженія «Общей объяснительной записки», въ родѣ указанія на «естественную, драгоцѣнную для всякаго чувствительнаго человѣка мысль о неотъемлемомъ правѣ каждаго, хотя и вполнѣ заслуживающаго всей строгости карающихъ постановленій, ходатайствовать объ облегченіи своей участи»,—не подкупали Ровинскаго и не прикрывали въ его глазахъ скудость предлагаемыхъ ею мѣръ.

Врагъ условныхъ формъ, не соотвѣтствующихъ содержанію, поклонникъ простоты и искренности въ дѣловомъ языкѣ, онъ былъ глухъ къ тому, что самъ называлъ, въ различныхъ мѣстахъ «Народныхъ картинокъ»,—«трескучими фразами» и «уголовными прибаутками», относя къ нимъ и знаменитыя слова Екатерины II: «лучше десять винныхъ освободить, нежели одного невиннаго наказать», сказанныя въ дѣйствительности впервые Петромъ Великимъ въ 1716 году, въ п. 9 главы V Устава воинскаго.

На приглашеніе о доставленіи соображеній о судебномъ преобразованіи, послѣдовавшее по почину Государственнаго Совѣта и обращенное государственною канцеляріею къ юристамъ-практикамъ, однимъ изъ первыхъ откликнулся Ровинскій рядомъ записокъ—объ устройствѣ гражданскаго суда, объ устройствѣ уголовнаго, о должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства, о производствѣ слѣдствій, обвинительномъ началѣ и отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и наконецъ — о порядкѣ введенія новаго судоустройства вообще и въ Московской губерніи въ особенности.

Въ этихъ запискахъ, въ высшей степени цѣнныхъ по своему содержанію и по обилію собраннаго въ нихъ матеріала, Ровинскій прежде всего остановился на устройствѣ мѣстнаго суда. Русская жизнь, обновленная освобожденіемъ крестьянъ, давала готовое учрежденіе для мѣстнаго, ближайшаго къ населенію, легко доступнаго, простого и дѣйствительнаго суда. Это были мировые посредники. Отъ нихъ, по мнѣнію его, и надо было отправляться, строя новое судебное зданіе. Мировой посредникъ долженъ былъ, совершивъ свое главное дѣло—введеніе уставныхъ грамотъ,—преобразиться въ «мирового судью—не юриста, судъ котораго не стѣсненъ никакими формальностями, а рѣшеніе говорится по совѣсти». Дѣятельный мировой судья, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисовался практическому уму Ровинскаго—защитникъ правъ, примиритель и довѣренное лицо для жителей своего околотка; онъ—первое звено между ними и правительствомъ. Не составляя инстанціи, онъ окончательно рѣшаетъ подсудныя ему дѣла—по гражданскимъ спорамъ до 30 рублей, а въ уголовномъ отношеніи о всѣхъ маловажныхъ поступкахъ; но по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ вопросъ идетъ о завладѣніи или гдѣ замѣшаны *проѣзжіе,* онъ разбираетъ споры на всякую сумму съ правомъ переноса дѣла недовольною стороною въ судъ 1-й степени. Проектируя учрежденіе такого живого, отзывчиваго на нужды населенія, органически съ нимъ связаннаго, путемъ выборнаго начала, суда, Ровинскій, конечно, не могъ предвидѣть, что впослѣдствіи дѣятельность мирового судьи будетъ въ ея практическомъ осуществленіи,

вслѣдствіе односторонняго направленія гражданскаго кассаціоннаго суда, обставлена рядомъ требованій формальнаго свойства и въ дѣлахъ гражданскихъ отчасти утратитъ тотъ живой и непосредственный характеръ, который онъ думалъ ей придать. Но его занималъ обычный и при всякой новой мѣрѣ роковымъ образомъ возникающій у насъ на Руси вопросъ:—гдѣ взять людей? Онъ отвѣчалъ, однако, на него успокоительно, указывая на то, что нашлись же дѣльные и способные люди, рѣшившіеся почти безвыѣздно жить въ деревнѣ изъ любви къ дѣлу и желанія пользы—и принявшіе на себя трудныя обязанности мировыхъ посредниковъ. «Конечно,—писалъ онъ,—дѣло освобожденія крестьянъ такъ громадно, что въ уровень съ нимъ не можетъ стать ни одно преобразованіе настоящаго времени, и что каждый считаетъ за особую честь такъ или иначе участвовать въ разрѣшеніи его; но можно надѣяться, что дѣльныя, а главное, живыя преобразованія по судебной части возбудятъ не менѣе сочувствія со стороны общества. Если мировому судьѣ будутъ сохранены—та независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются мировые посредники, то можно ожидать, что должность мирового судьи сдѣлается еще выше и почетнѣе, а главное—еще полезнѣе должности мирового посредника». Теплое, можно сказать благодарное воспоминаніе о мировыхъ посредникахъ сохранилъ Ровинскій до конца дней своихъ. Онъ любилъ перечислять пользующихся общественнымъ уваженіемъ или занимающихъ нынѣ высокіе служебные посты людей, которые радостно и безразсчетно пошли на эту должность, когда «настал великій мигъ—въ скрижаляхъ царства незабвенный»;—любилъ характеризовать посредниковъ перваго призыва по Московской губерніи. Его всегда очень интересовала дѣятельность выборныхъ мировыхъ судей, въ житейскомъ обликѣ которыхъ сквозили дорогія для него и уже далекія черты мировыхъ посредниковъ.

Устройство будущаго уголовнаго суда представляло, однако, гораздо болѣе сложную задачу. Для него не было уже готоваго матеріала, какъ для мировыхъ судей. Старыя учрежденія не представляли, да по мысли Ровинскаго и не должны были представлять, ничего пригоднаго для новой постройки. Задача созданія въ этой области новаго, неиспытаннаго и притомъ въ связи съ новыми же началами судопроизводства, стояла внѣ обычнаго канцелярско-бюрократическаго пути и неразлучнаго съ нимъ высокомѣрнаго взгляда на потребности общества, противъ котораго впослѣдствіи горячо высказывался Ровинскій въ своихъ «Народныхъ картинкахъ» (томъ IV, стр. 318). Поэтому здѣсь предстояла особо

трудная и особо интересная работа. Главный вопросъ, выдвигавшійся прежде всѣхъ другихъ и опредѣлявшій сущность многихъ изъ послѣдующихъ—былъ вопросъ объ *основаніяхъ опредѣленія виновности.* Такихъ основаній, въ ихъ коренныхъ чертахъ, въ сущности два. Или вопросъ о виновности разрѣшается по заранѣе опредѣленному рецепту, съ разъ навсегда обязательною оцѣнкою взаимной силы и значенія доказательствъ и точно установленнымъ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ,—или же эта оцѣнка свободна, не стѣснена никакими предустановленными правилами и покоится исключительно на внутреннемъ убѣжденіи судьи. Въ первомъ случаѣ господствуютъ правила, подобныя тѣмъ, которыя начертаны въ нашихъ законахъ о судопроизводствѣ по второй части XV тома. На основаніи ихъ виновность признается лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. Къ совершеннымъ доказательствамъ относится, прежде всего, собственное сознаніе, а потомъ свидѣтельскія показанія, но правдивость ихъ измѣряется внѣшними признаками. Не имѣло поэтому для стараго суда большой цѣны показаніе «явнаго прелюбодѣя», или «портившаго тайно межевые знаки», или «иностранца, поведеніе котораго неизвѣстно», да и въ присяжныхъ показаніяхъ отдавалось преимущество знатному предъ незнатнымъ, духовному передъ свѣтскимъ, мужчинѣ передъ женщиною, и т. д.

Теорія формальныхъ доказательствъ властно и нераздѣльно господствовала въ старомъ судѣ. Подъ ея покровомъ вершились иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ ними и оставляетъ трудно забываемыя чувства нравственной неудовлетворенности и оскорбленной справедливости. Выдвигаемое этою теоріею на первый планъ, какъ «лучшее доказательство всего свѣта» собственное признаніе обвиняемаго—имѣло очень часто пагубное вліяніе и на ходъ дѣла, и на его исходъ. На *ходъ* дѣла потому, что зачастую всѣ усилія слѣдователей направлялись къ тому, чтобы такъ или иначе, подчасъ самыми противозаконными способами и пріемами, добиться отъ обвиняемаго сознанія и тѣмъ «упростить» дѣло;—на *исходъ* потому, что при массѣ косвенныхъ уликъ, при вопіющей изъ дѣла житейской правдѣ, но при отсутствіи заранѣе предусмотрѣнныхъ, условныхъ, измѣренныхъ и взвѣшенныхъ формальныхъ доказательствъ, умѣвшій не сознаваться злодѣй выходилъ изъ суда обѣленнымъ или—въ лучшемъ случаѣ—оставленнымъ «въ подозрѣніи» и занималъ въ обществѣ, привыкшемъ быть «къ добру и злу постыдно равнодушнымъ», прежнее положеніе.

Притомъ, теорія формальныхъ доказательствъ давала возмож-

ность постоянныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ставя многое въ зависимость отъ темперамента судьи. Молодой судья, съ желаніемъ, по возможности, добиться справедливости, чувствуя виновность подсудимаго, раскрывая ее въ рядѣ побочныхъ обстоятельствъ, но не имѣя предъ собою ни собственнаго его признанія, ни двухъ присяжныхъ свидѣтелей, старался найти нѣкоторое примиреніе съ совѣстью въ оставленіи виновнаго *въ сильномъ подозрѣніи;*— судья, «въ приказахъ посѣдѣлый», привыкшій со скучающимъ равнодушіемъ «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ»—безъ смущенія подписывалъ подсовываемые секретаремъ приговоры объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія. Вслѣдствіе этого и въ то же время несмотря на это, не было никакой устойчивости въ уголовныхъ приговорахъ, и Ровинскій съ горечью указывалъ въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда на упомянутое уже дѣло фигурантки Аршининой, какъ на примѣръ вопіющей несправедливости и взаимнаго противорѣчія ряда предшествовавшихъ по одному и тому же дѣлу приговоровъ. Очевидно, что основанія опредѣленія виновности, связанныя съ теоріею формальныхъ доказательствъ, приходилось отвергнуть безусловно. Оставалась свобода внутренняго убѣжденія судьи, ничѣмъ, кромѣ чувства долга, не стѣсняемая въ оцѣнкѣ всѣхъ законнымъ способомъ добытыхъ уликъ и доказательствъ. Но лучшимъ средствомъ для выработки этого убѣжденія служитъ осуществленіе обвинительнаго начала; оно же связано съ судомъ присяжныхъ, который является наиболѣе яркимъ представителемъ суда по убѣжденію совѣсти.

Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ невольно вырисовывался при устраненіи возможности продолжать отправленіе уголовнаго правосудія съ «лучшимъ доказательствомъ всего свѣта» въ рукахъ. Хотя въ литературѣ уже съ 1858 г. раздавались голоса о преимуществахъ суда присяжныхъ, но для многихъ представителей бюрократической Россіи, относившихся къ собственной правовой исторіи какъ къ чему-то чуждому и имѣющему лишь археологическій интересъ, идея о судѣ присяжныхъ въ Россіи должна была представляться совершеннымъ и притомъ безпочвеннымъ новшествомъ. Учрежденіе, слѣдовъ котораго нельзя было найти ни въ Сводѣ, ни даже въ Полномъ собраніи законовъ, и введеніе котораго въ континентальной Европѣ совпадало съ временемъ большихъ политическихъ потрясеній, — едва ли могло разсчитывать на горячую рекомендацію и благосклонный пріемъ со стороны этихъ лицъ. Даже самое *возбужденіе вопроса* о возможности такого суда въ чистомъ видѣ и безъ всякихъ искаженій представлялось гадательнымъ.

Ровинскій смотрѣлъ, однако, иначе. Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебнаго преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣть имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ *учрежденію суда присяжныхъ*. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоцѣнную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и построенныхъ на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣріи къ ихъ развитію.

Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ. Онъ ясно сознавалъ неизбѣжную альтернативу между судомъ по предустановленнымъ доказательствамъ и судомъ присяжныхъ, но и обвинительное начало, и эта форма суда казались ему преждевременными. «Надлежитъ ли,—спрашивалъ гр. Блудовъ,—для отвращенія недостатковъ дѣйствующаго суда, прямо перейти къ принятой въ западныхъ государствахъ системѣ обвинительной или, по крайней мѣрѣ, слѣдственно-обвинительной? Сколь ни желательно было бы воспользоваться вдругъ всѣми усовершенствованіями, до которыхъ другіе народы дошли путемъ долговременныхъ постепенныхъ преобразованій, однакожъ прежде нежели рѣшиться на какое-либо коренное измѣненіе, должно тщательно обозрѣть и взвѣсить имѣющіяся къ тому средства, дабы, предпринявъ слишкомъ много, не повредить дѣлу. Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы,—она до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ нему приготовленія — и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желанной цѣли». Изъ этихъ словъ самъ собою выясняется и взглядъ Блудова на судъ присяжныхъ. «Въ настоящее время,—писалъ онъ въ своей запискѣ,—едва ли полезно установлять у насъ судъ *чрезъ* присяжныхъ. Легко себѣ представить дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступ-

ленія удальствомъ, а преступники—только *несчастными*. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли и не прямымъ беззаконіемъ. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго, не нужно особое образованіе и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ выходящихъ изъ его круга. Не трудно заключить о винѣ или невинности подсудимаго, когда для сего есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ, къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ: для сего уже одного здраваго смысла далеко недостаточно».

Высокое официальное положеніе графа Блудова, пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства и глубокое его образованіе, придавали его мнѣнію особенный вѣсъ, дѣлая его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ его взгляды на неподготовленность русскаго народа къ воспринятію суда присяжныхъ оказались во многомъ сходными съ тѣмъ, что высказывалъ въ университетѣ на своихъ публичныхъ лекціяхъ о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ молодой и глубоко-талантливый профессоръ уголовнаго права Спасовичъ.

Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе.

«Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это,—писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые

на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

«Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда.

«За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство,* нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія»...

Эти прекрасныя строки, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, тридцать-пять лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ, народу ставится кстати въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его «Русскихъ народныхъ картинкахъ» есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще «къ заключенному». Народу изъ массы повторяющихся примѣровъ было извѣстно, какъ тяжко продолжительное *тюремное сидѣніе,* въ которомъ даже и виновный,—а сидѣвшій далеко не всегда былъ таковымъ,—съ избыткомъ искупалъ свою вину еще до тяжкаго приговора, его постигавшаго. Десятки лѣтъ пребыванія подъ стражею вовсе не были особо исключительнымъ явленіемъ. Напечатанная по повелѣнію императрицы Екатерины II лубочная картинка, изображающая обрядъ всенароднаго покаянія убійцъ Жуковыхъ, въ 1754 г., касается дѣла, по которому даже состоявшійся о пяти подсудимыхъ приговоръ (четверо остальныхъ умерли отъ пытки) не былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе *двѣнадцати* лѣтъ, причемъ осужденные содержались въ тяжкомъ заточеніи въ ожиданіи смертной казни, замѣненной впослѣдствіи,—въ силу указа императрицы Елисаветы о непроизводствѣ *натуральной смертной казни* впредь до точнаго о томъ распоряженія,—ссылкою въ монастырь и на каторгу. Но и чрезъ сто лѣтъ Ровинскій въ «Свѣ-

дѣніяхъ о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства» указывалъ, по своей практикѣ губернскаго прокурора, на необходимость принятія самыхъ энергическихъ мѣръ къ уменьшенію *многолѣтняго* сидѣнія въ тюрьмахъ *подслѣдственныхъ* арестантовъ, приводя въ примѣръ участь нѣкоего Вокатріо, просидѣвшаго подъ слѣдствіемъ болѣе 4-хъ лѣтъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ «за справками». Въ промежутокъ отъ Жуковыхъ до Вокатріо, Екатерина II написала, по словамъ Ровинскаго, энциклопедически-либеральный проектъ объ улучшеніи нашихъ темницъ и построила нѣсколько каменныхъ зàмковъ, но зàмки эти были каплею въ морѣ, и тюрьма попрежнему оставалась мѣстомъ, гдѣ потребности заключеннаго на долгіе годы—въ воздухѣ, свѣтѣ, а въ первое время и въ пищѣ, вовсе не принимались въ разсчетъ. Народная картинка первой половины XVIII вѣка, находящаяся въ собраніи Ровинскаго, представляетъ типическую темницу того времени, съ надписью: «въ темницѣ бѣхъ». Въ примѣчаніи по поводу этой картинки Ровинскій говоритъ: «какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанія, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ, и тюрьмахъ (отъ слова: Thurm—башня), сибиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенія, носившихъ названія порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь; такіе мѣшки, по свидѣтельству Снегирева, можно было видѣть еще весьма недавно въ Спасо-Прилуцкомъ Вологодскомъ монастырѣ. Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодкахъ, отъ которыхъ и назывались колодниками, или скованные желѣзами по рукамъ и ногамъ,—съ надѣтою имъ на шею рогаткою; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, т.-е. къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ, или же приковывались къ стѣнѣ; самоважнѣйшимъ вкладывали во рты деревянные кляпы (клинья), чтобы они не могли говорить. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, накоплялось въ нихъ народу тьма тьмущая: одни ожидали суда, другіе наказанія»...

Но и въ первой четверти XIX столѣтія тюрьмы и вообще положеніе арестантовъ было не лучше. Знаменитая записка англійскаго филантропа Веннинга, поданная императору Александру I,—данныя, относящіяся къ началу тюремной благотворительной дѣятельности въ Москвѣ доктора Гааза и нѣкоторые офиціальные памятники изъ дѣлъ того времени — рисуютъ самую безотрадную картину положенія тюремнаго дѣла предъ учрежденіемъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, попечительнаго о тюрьмахъ общества. Даже въ

столицахъ полутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось очень неудачно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полунагое, лишенное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ школахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія; колодки, прикованіе къ тяжелымъ стульямъ, ошейники со спицами, мѣшавшими ложиться, и т. п. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные отъ 8 до 12 человѣкъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собой ослабѣвшихъ въ дорогѣ, больныхъ и даже умершихъ. Устройство пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ 1863 году положеніе тюремъ въ районѣ будущаго Московскаго судебнаго округа было, по донесенію Ровинскаго, крайне неудовлетворительно и представляло многія «безобразія». Въ тогдашнемъ тюремномъ управленіи было огромное количество начальниковъ всякаго рода, сталкивавшихся у одного дѣла, почему совершенно отсутствовали настоящіе дѣятели,—а управленіе путями сообщенія и публичными зданіями отняло у тюремныхъ комитетовъ право самимъ производить ремонтъ тюремъ, вслѣдствіе чего развелась многосложная переписка о каждой печкѣ, рамѣ и балкѣ, а зданія пришли въ упадокъ. Оканчивая свой отчетъ, Ровинскій говоритъ, что почти каждое слѣдствіе сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а мѣсто, гдѣ онъ содержится, такъ душно, сыро и смрадно, что арестъ обращается во многихъ случаяхъ въ каторжное наказаніе, соединенное съ разслабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей...

Такое устройство и содержаніе тюремъ было не единственнымъ зломъ,—другое и притомъ, конечно, не меньшее состояло въ господствѣ произвола при заключеніи въ тюрьму и необычайной медленности въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ. Ровинскій приводитъ выписку изъ указа Анны Іоанновны, изъ которой видно, что въ 1737 году было освобождено «по многомъ держаніи» 420 колодниковъ, которые были забраны не за какіе-либо проступки, но «ради взятокъ и бездѣльныхъ корыстей». Даже и во второй четверти нашего столѣтія, по свидѣтельству его же, въ виду чрез-

вычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ, назначеніемъ по 300 и болѣе человѣкъ въ солдаты и въ арестантскія роты — *безъ суда,* сокращеннымъ порядкомъ. По этому поводу онъ разсказываетъ, что при одномъ изъ такихъ очищеній въ роспись мужчинъ ошибкою попала баба татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской «Елизаветъ Воробей», и ее назначили въ арестантскія роты. При исполненіи, ошибка оказалась, но никто не смѣлъ доложить о ней кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, «только, за неспособностью ея къ арестантскимъ ротамъ», въ рабочемъ домѣ. Онъ прибавляетъ, что ему попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю власть и не пускало арестантовъ на дворъ освѣжиться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержались въ маленькихъ комнатахъ по 10—15 человѣкъ, а въ углу стоялъ ушатъ (парашa) для испражненій, — воздухъ былъ зараженъ до послѣдней возможности, арестанты, истощенные и блѣдные — «а вѣдь все это люди только лишь обвиняемые и быть можетъ вовсе и не виновные».

Представленіе объ арестантѣ какъ о *несчастномъ* слагалось у народа въ теченіе долгихъ лѣтъ и прочно укоренилось еще въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что въ связи съ мыслью о тяжести тюремнаго сидѣнія являлась у народа и мысль о пыткахъ, неразрывно связанныхъ съ нашимъ старымъ процессомъ; хотя онѣ и были уничтожены секретнымъ указомъ губернаторамъ въ 1767 г., но продолжали неофиціально существовать подъ именемъ допроса «съ пристрастіемъ» до царствованія Александра I, который уничтожилъ самое названіе пытки, «какъ стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее». Но народъ не могъ забывать о пыткахъ, которымъ подвергались обвиняемые, еще и потому, что почти до конца XVIII вѣка у насъ колодниковъ посылали «на связкахъ» каждый день собирать подаяніе на пропитаніе по улицамъ и площадямъ, при чемъ пытанные, для возбужденія состраданія, ходили въ рубищахъ, пропитанныхъ запекшеюся кровью, и показывали народу свои раны. На народныхъ поговоркахъ сказалось это господство пытокъ въ нашемъ старомъ процессѣ—и выраженія «согнуть въ три погибели», «выпытать всю подноготную» и т. п., съ несомнѣнностью указываютъ на пыточные пріемы для полученія сознанія. Установители нашихъ старинныхъ пытокъ не отличались такою изобрѣтательностью и систематичностью, какъ наши западные сосѣди,—наши пытки были жестоки, но проще и и менѣе утончены, чѣмъ, напр., подробно описанныя, съ тщатель-

ными рисунками, въ австрійскомъ кодексѣ Маріи-Терезіи. Тѣмъ не менѣе нельзя безъ невольнаго содроганія читать приводимую Ровинскимъ въ «Народныхъ картинкахъ» справку изъ дѣлъ тайной канцеляріи (1735—1754 г.), составленную для императрицы Екатерины II, съ описаніемъ «обряда, како обвиненный пытается», и съ подробнымъ описаніемъ, какъ пріемовъ мученія, отъ которыхъ «оный злодѣй весьма изумленнымъ бываетъ», такъ и способовъ усугубленія ихъ, «дабы оный болѣе истязанія чувствовалъ».

Можно ли послѣ всего этого не согласиться съ Ровинскимъ, когда онъ говоритъ, что народъ имѣлъ при такомъ положеніи вещей основаніе смотрѣть на колодниковъ какъ на *несчастныхъ*— и, не разбирая между ними виновныхъ и невинныхъ, щедро нести голоднымъ и холоднымъ своимъ братьямъ посильныя подаянія? Но не на одно долговременное и изнурительное тюремное сидѣніе, въ связи съ пытками, какъ на поводъ къ сострадательности народа къ *несчастнымъ*, указываетъ Ровинскій. Онъ говоритъ и о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, производившихся публично и конечно пробуждавшихъ, на ряду съ проявленіями кровожаднаго любопытства, и чувство глубокой жалости къ наказываемымъ. Въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ къ «Народнымъ картинкамъ» Ровинскій, съ обычною своею обстоятельностью и подробностью въ ссылкахъ, приводитъ описанія кнута, плетей, шпицрутеновъ—и способа наказанія ими. Не останавливаясь на отталкивающихъ частностяхъ этихъ описаній, нельзя не отмѣтить указываемой авторомъ своеобразной заботливости о техническомъ улучшеніи этой части. Такъ старинный козелъ, на которомъ били кнутомъ «нещадно», въ XVIII вѣкѣ замѣненъ былъ помощникомъ палача, а въ 1788 г. человѣкъ былъ замѣненъ станкомъ, называемымъ кобылою. Двухвостая до 1839 г. плеть была замѣнена въ 1840 г., по положенію комитета министровъ, трехвостою;—въ 1847 г., установлены по губернскимъ правленіямъ при особомъ циркулярѣ «образцовыя розги»; въ 1846 г., медицинскій совѣтъ преподалъ правила для изготовленія особаго состава на предметъ затиранія ранъ отъ наложенія клеймъ на лбу и щекахъ, для чего прежде употреблялся порохъ, и т. д. Но и при этомъ обычномъ господствѣ тѣлесныхъ наказаній сказались особенности русскаго народа. «Со стороны» никто не шелъ въ исполнители торговой казни. Изъ приводимыхъ Ровинскимъ интересныхъ свѣдѣній о палачахъ, видно, что у насъ никогда не было профессіональныхъ палачей, и господинъ во фракѣ, носящій титулъ Monsieur de Paris, пріѣзжающій къ мѣсту исполненія казни въ собственномъ экипажѣ, слѣдящій свысока за «туалетомъ» осужденнаго и брезгливо трогающій ру-

кою въ бѣлой перчаткѣ пружинку гильотины—у насъ немыслимъ. До *этой* стороны западной культуры мы совершенно не доросли,—да, вѣроятно, никогда и не доростемъ... У насъ палачи набирались изъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Служба въ Москвѣ доставила Ровинскому возможность видѣть близко нѣсколькихъ типичныхъ палачей и между прочимъ знаменитаго семидесятилѣтняго «Аленку», разрѣзавшаго однимъ ударомъ плети толстый лубокъ пополамъ. Изъ времени этой службы, со словъ очевидцевъ, вынесъ онъ и картину наказанія плетьми, съ обычнымъ: «берегись, ожгу!» Свидѣтелемъ этой картины бывали и массы народа.

Бывалъ народъ свидѣтелемъ и другой страшной картины; въ живыхъ подробностяхъ ея описанія у Ровинскаго сквозитъ, что онъ и самъ имѣлъ несчастіе видѣть эту картину. Дѣло идетъ о проводкѣ сквозь строй, при чемъ уже 500 ударовъ шпицрутенами составляли, въ большей части случаевъ, замаскированную и вмѣстѣ съ тѣмъ квалифицированную смертную казнь. «Что сказать о шпицрутенахъ сквозь тысячу, двѣнадцать разъ, безъ медика!»—восклицаетъ Ровинскій:—«надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы уже никогда не позабыть ея. Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руки хлыстъ-шпицрутенъ; живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго по поясъ и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ, раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровяныя брызги... «Братцы, пощадите!..» прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но вѣдь щадить значитъ самому быть пороту,—и еще усерднѣе хлещетъ «зеленая улица». Скоро спина и бока представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями — и медленно двигается на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много,—живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только

какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны...»

Въ то время, когда гр. Блудовъ находилъ возможнымъ отрицать за русскимъ народомъ способность добросовѣстно исполнять судейскія обязанности потому, что у него существуетъ представленіе о «несчастномъ»,—картины, въ родѣ нарисованной Ровинскимъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ были еще явленіемъ, которое считалось обыкновеннымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ, — были отправляемымъ съ полною публичностью проявленіемъ дѣятельности карательнаго механизма... Если все это могло лишь закрѣплять въ народѣ его трогательное отношеніе къ «несчастному», а нисколько не доказывать, что народу чужда идея справедливаго суда за преступленіе, то съ другой стороны господство въ нашей карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній поселяло во многихъ мыслящихъ и сердечныхъ людяхъ отвращеніе къ этому способу возмездія и страстное желаніе поскорѣе увидѣть его уничтоженіе. Къ такимъ людямъ надо отнести, прежде всего, русскаго посланника въ Брюсселѣ, князя Н. А. Орлова, которому принадлежитъ починъ возбужденія въ офиціальныхъ сферахъ, въ 1861 году, вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Его благородное имя не должно — не будетъ забыто русской исторіей! Къ такимъ же людямъ принадлежалъ и Ровинскій. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній сдѣлалась своего рода «caeterum censeo» всѣхъ его работъ по поводу судебнаго преобразованія. Въ запискѣ объ улучшеніяхъ въ слѣдственной части онъ настаивалъ на необходимости вступленія суда на новый путь, свободный отъ необходимости подписывать приговоры о примѣненіи этого позорнаго наказанія;—въ запискѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія онъ указывалъ практическіе способы замѣны этого наказанія другими, даже безъ ломки существовавшей лѣстницы наказаній. Онъ какъ бы впередъ отвѣчалъ тѣмъ робкимъ и бездушнымъ, кто, опираясь на черствый и безжизненный консерватизмъ въ законодательствѣ, сталъ бы говорить о невозможности уничтоженія тѣлеснаго наказанія безъ пересмотра всего Уложенія о наказаніяхъ, что̀ въ свою очередь не можетъ не представляться дѣломъ весьма сложнымъ и притомъ едва ли своевременнымъ, и т. д., и т. д. Тюрьмы переполнены арестантами, сидящими по годамъ за справками о званіи:—«отмѣните тѣлесное наказаніе, и собраніе свѣдѣній о званіи будетъ излишне, ибо всѣмъ привилегированнымъ и непривилегированнымъ будетъ грозить одинаковое наказаніе»,—писалъ онъ за 35 лѣтъ до появленія проекта новаго уголовнаго Уложенія, который наконецъ уничтожаетъ это нелѣпое по отношенію къ преступленію и

наказанію различіе. «Уничтожьте тѣлесныя наказанія, какъ прибавку къ нормальному наказанію, указанному въ 19, 21 и 22 ст. Уложенія 1857 г., пишетъ онъ далѣе,—упраздните арестантскія роты и рабочіе дома, этотъ разсадникъ тунеядцевъ, живущихъ на земскій счетъ и вырабатывающихъ отъ 4 до 5 р. въ годъ на человѣка,—организуйте переселенія нынѣ приговариваемыхъ къ содержанію въ нихъ прямо въ Сибирь и отдаленныя губерніи—и наказаніе сдѣлается средствомъ упрочить общественную безопасность и предупреждать преступленія, давая виновному возможность исправиться и сдѣлаться полезнымъ въ новой для него средѣ, а не обрекая его на вынужденное бездѣйствіе въ растлѣвающей и развращенной тюремной средѣ».

Отвращеніе Ровинскаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ и къ орудіямъ ихъ производства выразилось, между прочимъ, слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ:—въ пріемной комнатѣ Губернскаго Тюремнаго Замка, на стѣнѣ, были вывѣшены «образцовыя» плети, розги, кандалы и т. п.; вступивъ въ должность прокурора Ровинскій потребовалъ ихъ къ себѣ «для осмотра» — и, несмотря на напоминанія, никогда ихъ не возвратилъ назадъ. Онъ такъ сказать «зачиталъ» эти предметы, какъ зачитываютъ книги—и избавилъ такимъ образомъ приходящихъ въ Тюремный Замокъ отъ зрѣлища этого непристойнаго украшенія его пріемной комнаты.

Когда свершилась въ 1863 г. съ тревожною надеждою жданная имъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, Ровинскій съ жаромъ привѣтствовалъ ее и до конца дней съ любовью вспоминалъ объ этомъ времени своей общественной жизни. Уже въ 1881 году, когда и другая его мечта, о судѣ присяжныхъ, была давно осуществлена, онъ, описавъ въ «Народныхъ картинкахъ» виды и способы выполненія наказаній «на тѣлѣ», говоритъ: «съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю незачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго «чистосердечнаго признанія»,—сознавайся не сознавайся, а если виноватъ, обвиненъ все-таки будешь, — а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на то, что кнутофилы 1863 года, точно также какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню,— «что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ»,—и что къ этимъ вопите-

лямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится... «Всуе смятошася и вотще прорѣкоша!»—Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постели; спать даже стали больше и крѣпче прежняго; дисциплина тоже не пострадала. Кнутъ, шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ»... «И не забудетъ русскій народъ этого кровнаго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти *святое имя* его Дѣлателя!»—прибавляетъ онъ въ благодарномъ воспоминаніи о томъ, кого въ «Словарѣ гравированныхъ портретовъ» (I, 231, IV, 417) называетъ величайшимъ и человѣчнѣйшимъ изъ царей русскихъ.

Солидарный съ народомъ во взглядахъ, Ровинскій относился, подобно ему, скептически и къ содержанію въ тюрьмахъ, хотя бы и устроенныхъ съ разнообразными современными улучшеніями. Русская жизнь подтвердила его слова тридцать пять лѣтъ назадъ, подтверждаетъ ихъ, къ сожалѣнію, и теперь для всякаго, кто, минуя образцовыя тюрьмы столицъ, заглянетъ немного въ сторону отъ торнаго пути.

«Безпорядки въ нашихъ тюрьмахъ происходятъ между прочимъ отъ того,—писалъ онъ въ 1863 г.,—что всѣ ждутъ чего-то новаго, общихъ преобразованій по тюремной части, и въ ожиданіи ихъ не прѣдпринимаютъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ порядкѣ вещей, а составляютъ обширные планы на возведеніе новыхъ тюремъ въ цѣлые милліоны рублей. Отовсюду слышатся разнообразныя требованія: одни требуютъ и при нынѣшнихъ средствахъ европейской чистоты и воздушной вентиляціи, забывая, что народъ нашъ ѣстъ постоянно кислое, квасъ, хлѣбъ, капусту;—что у насъ почти восемь мѣсяцевъ зимы, въ продолженіе которыхъ заключенные прикрыты одними полушерстяными халатами,—и что при такихъ условіяхъ устройство усиленной вентиляціи въ ихъ камерахъ можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ для здоровья содержащихся; другіе весьма справедливо жалуются на то, что въ тюрьмахъ можно достать вино, но предлагаютъ для отвращенія этого зла усиленіе надзора и разныя стѣснительныя для арестантовъ мѣры, забывая, что именно лицами, приставленными для надзора, и приносится обыкновенно вино для продажи арестантамъ; третьи хотятъ заграничныхъ залъ и заведенія мастерскихъ въ большихъ размѣрахъ; четвертые требуютъ полнаго уединенія арестантовъ во время дня и ночи, забывая, что въ нашемъ суровомъ климатѣ содержаніе арестанта въ одиночной камерѣ обойдется не менѣе 300 рублей»... Въ 1881 году онъ возвращается въ «Народныхъ

картинкахъ» снова къ вопросу о тюрьмахъ—и о «несчастномъ». Весь Ровинскій съ его теплотою, оригинальностью и близостью къ простому русскому человѣку—на страницѣ 329-ой IV тома этого изданія. «Съ новымъ судопроизводствомъ дѣла пошли скорѣе и сроки тюремнаго сидѣнія стали короче,—говоритъ, онъ,—и, кажется всѣ убѣдились, что тюрьма человѣка не правитъ, а портитъ, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкіе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣріе и гдѣ его всѣ боятся: ну, возьмете ли вы къ себѣ въ услуженіе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселеніе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволъ судьбы: дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьей, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту; онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа—военная служба; такъ по крайней мѣрѣ говоритъ народъ. Помѣщеніе провинившагося собрата, на *особыхъ конечно условіяхъ,* въ среду общесословнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго,—спросите объ этомъ бравыхъ солдатъ нашихъ,—ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскій камень: вѣдь только человѣкъ испорченный до мозга костей видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія исправительныя мѣры, которыя не лучше смертной казни»... «А сколько здороваго, сильнаго и разудалаго матеріала,—продолжаетъ онъ, защищая свое оригинальное мнѣніе, въ которомъ, быть можетъ, жизненная правда звучитъ въ ущербъ теоретической послѣдовательности,—матеріала, пропадающаго даромъ, прибавится къ арміи и пойдетъ въ дѣло. Дайте же провинившемуся собрату *настоящую возможность* исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ вы сами увѣрены въ этомъ, *никто* еще не исправился и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, умираетъ въ годъ отъ 27 до 30 процентовъ непривыкнаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа»... «Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ,—заключаетъ Ровинскій, какъ бы возобновляя свой старый споръ съ Блудовымъ,—но многое еще остается сдѣлать, чтобы народъ не въ правѣ былъ смотрѣть на заключеннаго какъ на *несчастнаго!*»

Но не одно сострадательное отношеніе народа къ «несчастнымъ» приводилось Блудовымъ какъ доводъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Указывалось на отсутствіе или полное неразвитіе въ народѣ чувства законности. Противъ этого было невозможно, въ то время, спорить; съ этимъ надо было серьезно считаться. Такъ и поступилъ Ровинскій, прямодушно признавъ важность и справедливость обвиненія народа въ томъ, что понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, считается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но онъ признавалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое печальное явленіе, выражающееся въ массѣ кражъ, многіе виды которой освящены обычаями или даже узаконились отъ давности, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и кончая колоссальными хищеніями при подрядахъ на строительныя работы и всякія поставки,—зависитъ не отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, о которыхъ говорилось въ общей объяснительной запискѣ Блудова. «Если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ,—писалъ Ровинскій въ 1861 г.,—то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро освоиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями... и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще совсѣмъ не сложилось и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому разви-

тію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло».

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ровинскій, еще не видя суда присяжныхъ въ дѣйствіи, съ такою вѣрою въ его пригодность для Россіи и въ его цѣлесообразность ратовалъ за него. Возникшее затѣмъ существованіе у насъ этой формы суда нельзя назвать спокойнымъ и безмятежнымъ. За сравнительно краткій періодъ наши присяжные подверглись самымъ разнообразнымъ нападкамъ, при чемъ призванные и непризванные витязи идеальнаго правосудія произносили надъ ними свой суровый приговоръ, не допуская даже никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, русскій присяжный устоялъ на ногахъ, принявъ за время своей дѣятельности на свои плечи тяжкій и безвозмездный трудъ постановки свыше четырехъ съ половиною милліоновъ уголовныхъ приговоровъ. Можно сказать, что упованія Ровинскаго на судъ присяжныхъ сбылись. Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, созванное министромъ юстиціи въ декабрѣ 1894 г., своимъ авторитетнымъ и почерпнутымъ изъ многолѣтняго и многосторонняго опыта словомъ подтвердило благородныя надежды стараго губернскаго прокурора, придя въ общемъ выводѣ безусловно въ пользу суда присяжныхъ. Совѣщаніе признало, что этотъ судъ—жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія,—долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Оно нашло, что русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя рѣшенія, *за образа*, честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель.

Наконецъ, изъ всѣхъ соображеній Блудова противъ защищаемыхъ Ровинскимъ началъ вытекало и опасеніе суда присяжныхъ, какъ *новшества*, совершенно чуждаго нашему строю, быту и направленію правительства, будто бы всегда чуждавшагося общественнаго суда и находившагося его неудобнымъ и беззаконнымъ.

Въ запискѣ «Объ устройствѣ уголовнаго суда» эти опасенія были опровергнуты блистательно и съ глубокимъ знаніемъ дѣйствовававшаго законодательства. Анализомъ практическаго примѣненія Улож. о наказ. 1845 г. съ его «178 ступеньками лѣстницы наказаній, по коимъ съ математическою точностью распредѣлены кары — отъ 3 розогъ до 100 плетей», въ связи съ результатами

теоріи формальныхъ доказательствъ и ея «оставленій въ подозрѣніи»,— Ровинскій доказывалъ, что правительство было *вынуждено* устроить рядомъ съ судомъ короннымъ судъ общественный. Такимъ образомъ, мѣщанскимъ обществамъ было предоставлено удалять изъ своей среды по приговорамъ—т. е. въ сущности ссылать въ Сибирь—мѣщанъ оставленныхъ въ подозрѣніи и опороченныхъ въ поведеніи при повальномъ обыскѣ,—возвращенныхъ въ общество для водворенія послѣ арестантскихъ ротъ и, наконецъ, трижды подвергнутыхъ по суду исправительнымъ наказаніямъ. Кромѣ того, мѣщанское общество имѣло право отдавать своихъ сочленовъ, по мірскимъ приговорамъ, въ казенныя и частныя работы на срокъ до шести мѣсяцевъ за порочное и развратное поведеніе. Такія же права были предоставлены и другимъ подобнымъ сословіямъ. Рядомъ съ этимъ на основаніи Устава о рекрутской повинности, присяжное показаніе 12 человѣкъ изъ общества, къ которому принадлежитъ подозрѣваемый въ умышленномъ членовредительствѣ, о томъ, что увѣчье причинено имъ себѣ съ намѣреніемъ избѣжать рекрутства, безусловно, влекло за собою установленное за это преступленіе наказаніе. Находя, что этотъ судъ *послѣ* суда и *безъ* суда есть тотъ же судъ присяжныхъ, но въ самой его безобразной формѣ, Ровинскій указывалъ, что, не говоря уже о сельскихъ расправахъ, ремесленныхъ управахъ и въ особенности о только-что учрежденномъ для временно-обязанныхъ крестьянъ волостномъ судѣ, гдѣ исключительно господствуетъ общественный элементъ, — и въ нашихъ коронныхъ судахъ того времени общественное, выборное начало было преобладающимъ. Всѣ пять членовъ уѣзднаго суда были выборные, точно такъ же какъ шесть членовъ магистрата,— а изъ шести членовъ уголовной Палаты только товарищъ предсѣдателя назначался правительствомъ. За исключеніемъ послѣдняго и, иногда предсѣдателя Палаты—всѣ эти члены разныхъ судовъ не имѣли обыкновенно никакого понятія о теоріи формальныхъ доказательствъ и, становясь ширмами для дѣятельнаго и ловкаго секретаря, во власти котораго находился дѣйствительный судъ и расправа надъ преступникомъ, по привычкѣ, безъ яснаго сознанія судейскаго долга, «прописывали» человѣку плети и каторгу.

Но пусть—предлагалъ Ровинскій—эти самые люди будутъ, безъ всякихъ сословныхъ различій, назначаться на краткій срокъ, дѣйствовать гласно и высказывать свое мнѣніе о винѣ и невиновности по убѣжденію совѣсти, предоставляя коронному судьѣ назначать наказаніе по Уложенію—и тогда станетъ видно, можетъ ли *такой* судъ угрожать «бòльшимъ беззаконіемъ и бòль-

шими неудобствами», чѣмъ судъ, принятый подъ свою защиту гр. Блудовымъ. Правда, этотъ судъ долженъ быть связанъ съ обвинительнымъ началомъ, а введеніе его, по мнѣнію автора «Общей объяснительной записки», тоже невозможно, ибо гдѣ взять достаточное число образованныхъ людей, способныхъ принять на себя званіе обвинителей,—а если они окажутся, то гдѣ взять надежныхъ защитниковъ, безъ которыхъ предлагаемое запискою устройство суда будетъ лишать подсудимаго и тѣхъ средствъ защиты (?) какія доставляетъ ему существующее судопроизводство? Ровинскій горячо возражалъ и противъ этого съ тѣмъ довѣріемъ къ духовнымъ силамъ и способностямъ русскихъ людей, которое его всегда характеризовало. Будутъ и прокуроры, будутъ и защитники;—они явятся тотчасъ же, въ этомъ нельзя сомнѣваться, утверждалъ онъ, предсказывая, что на первое время уголовные суды не услышатъ отъ защитниковъ трескучихъ рѣчей, съ желаніемъ оправдать во что бы то ни стало явнаго преступника,—да и самые прокуроры вѣроятно не будутъ поддерживать во что бы то ни стало, обвиненіе. Его слова оказались пророческими. Какъ по мановенію волшебнаго жезла выросли съ первыхъ же дней судебной реформы обвинители и защитники,—умѣлые, талантливые и проникнутые сознаніемъ важности и святости новаго дѣла. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что наша судебная трибуна въ первые годы существованія новыхъ судовъ стала въ уровень съ иностранною, не утративъ симпатическихъ національныхъ особенностей. У многихъ представителей ея въ то время можно, а нерѣдкимъ изъ современныхъ судебныхъ бойцовъ даже весьма полезно и назидательно, поучиться *порядочности* въ пріемахъ борьбы, *добросовѣстному* изученію дѣла и *уваженію* къ своему и чужому человѣческому достоинству при отправленіи уголовнаго правосудія.

Не ограничиваясь критикою взглядовъ гр. Блудова, Ровинскій предлагалъ *свои* основанія, на которыхъ долженъ былъ быть построенъ будущій судъ присяжныхъ. Особенности его, отличныя отъ того, что было создано впослѣдствіи, состояли въ правѣ подсудимаго требовать, чтобы половина присяжныхъ принадлежала къ одному съ нимъ сословію; въ единогласіи, какъ условіи приговора; въ правѣ предсѣдательствующаго съ присяжными члена губернскаго суда ходатайствовать предъ верховною властью о помилованіи осужденнаго и въ обязанности его говорить присяжнымъ объ ожидающемъ обвиненнаго наказаніи. Въ этихъ особенностяхъ, хотя и трудно выполнимыхъ по условіямъ нашей мѣстной жизни, сказывалось весьма справедливое желаніе наилучшимъ

образомъ оградить участь подсудимаго, создавъ для него судъ, по возможности одинаковый съ нимъ по степени своего развитія и по взглядамъ на житейскія отношенія, не скрывая, отъ этого суда послѣдствій его единогласнаго приговора. Послѣднее требованіе, не принятое составителями Судебныхъ Уставовъ, давно уже вопіетъ о своемъ осуществленіи. Отсутствіе предоставленія даже предсѣдателю суда права говорить о наказаніи составляетъ одну изъ рѣдкихъ, но крайне вредныхъ условностей нашего уголовнаго процесса — и можно только удивляться близорукому упорству, съ которымъ нѣкоторые юристы защищали въ теченіе многихъ лѣтъ запрещеніе, идущее въ разрѣзъ съ требованіями житейской логики, зачастую дѣлающее присяжныхъ жертвою заблужденія и создающее вредныя для правосудія неожиданности.

Горячій проповѣдникъ новыхъ формъ суда, Ровинскій предлагалъ организовать коронный элементъ суда такъ, чтобы въ каждомъ губернскомъ городѣ находился губернскій судья, стоящій во главѣ мѣстнаго суда и облеченный особою властью. Утверждаемый Высочайшею волею и предаваемый суду лишь по Высочайшему повелѣнію, онъ долженъ былъ представлять на утвержденіе Сената—мировыхъ судей (они же и слѣдователи по маловажнымъ дѣламъ) и членовъ суда, и самъ назначать, по соглашенію съ губернскимъ прокуромъ, судебныхъ слѣдователей, которые производятъ слѣдствія лишь по важнымъ дѣламъ. Онъ получилъ право ревизовать всѣ судебныя и мировыя учрежденія и о найденныхъ безпорядкахъ доносить непосредственно Правительствующему Сенату,—и требовать, по каждому дѣлу, освобожденія обвиняемаго изъ-подъ стражи. Первоначальное назначеніе губернскаго судьи и членовъ суда должно было исходить отъ правительства, но затѣмъ Ровинскій проектировалъ самую широкую систему самовосполненія коллегіи путемъ выборовъ, при чемъ и самый губернскій судья подлежалъ бы выбору изъ среды членовъ суда ими самими. Точно также самими чинами судебныхъ канцелярій должны были избираться и замѣстители открывшихся вакансій. Особенно оригинально было проектированное имъ назначеніе мировыхъ судей. Составленный уѣзднымъ предводителемъ списокъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ желаніе и право быть мировыми судьями, долженъ былъ разсматриваться собраніемъ дворянства, собраніемъ городского общества и сельскимъ обществомъ, по волостямъ, при чемъ каждое изъ нихъ имѣло бы право большинствомъ $^2/_3$ голосовъ исключать по уважительнымъ причинамъ нѣкоторыхъ лицъ изъ списка, изъ котораго, затѣмъ, губернскій судья, по соглашенію съ прочими мировыми судьями уѣзда, назначалъ мировыхъ судей и кандида-

товъ къ нимъ. Близкое вѣяніе будущихъ земскихъ учрежденій чувствуется въ этомъ проектѣ, замѣчательномъ особою, по самостоятельности и значенію, постановкою должности губернскаго судьи. Дальнѣйшая жизнь судебныхъ учрежденій показала, какъ трудно исполнимъ былъ бы въ этой своей части проектъ Ровинскаго во всѣхъ подробностяхъ, но онъ живо характеризуетъ взгляды составителя на необходимыя условія въ постановкѣ вновь учреждаемаго судейскаго званія въ судахъ «по внутреннему убѣжденію». Увѣренный, что сословія наши не видѣли особо цѣнной привиллегіи въ правѣ выбора засѣдателей въ «суды не по внутреннему убѣжденію», Ровинскій, заканчивая свою записку о судебной службѣ, заявлялъ, что дворянству легко будетъ разстаться съ правомъ выбирать чиновниковъ на всевозможныя должности, ибо оно хорошо знаетъ, что истинное значеніе выборнаго начала зависитъ не отъ этого права. «Дворянству,—писалъ онъ,—какъ самому образованному сословію въ государствѣ, предстоитъ другая высокая обязанность: поддержать и развить *мировыя учрежденія,* сдѣлать изъ нихъ первую ступень для защиты дарованныхъ народу правъ и поддержанія общественной безопасности. Общія нужды и выгоды въ скоромъ времени сплотятъ его съ другими сословіями и свободнымъ путемъ отдадутъ въ его руки право общаго суда чрезъ присяжныхъ и мировыхъ судей, взамѣнъ тѣхъ непрочныхъ и непочтенныхъ правъ, которыми оно еще такъ недавно принуждено было пользоваться надъ половиною страны крѣпостнымъ порядкомъ».

Съ такими планами, взглядами и надеждами прибылъ Ровинскій въ началѣ 1863 г. въ Петербургъ для участія въ трудахъ коммиссіи по составленію Судебныхъ Уставовъ, для чего былъ 8-го ноября 1862 г. прикомандированъ къ Государственной канцеляріи. Здѣсь въ комиссіи, среди людей, оживленныхъ сознаніемъ плодотворности предпринятаго труда и тѣмъ подъемомъ духа, который проникалъ слова и дѣйствія крупныхъ и мелкихъ работниковъ по преобразованіямъ, наполнившимъ первое десятилѣтіе царствованія императора Александра Николаевича, Ровинскій нашелъ и благодарную почву для своихъ мнѣній, и разнообразную, оживленную ихъ критику. Многое видоизмѣнилось въ его взглядахъ на способы практическаго осуществленія судебнаго преобразованія, но въ существенномъ и главномъ онъ пребылъ неизмѣненъ, оставаясь зачастую въ меньшинствѣ, вѣрнымъ тому, что подсказывали ему практическая складка ума и знаніе русской жизни, — знаніе не книжное, а личное и непосредственное. Его мнѣнія, высказанныя въ комиссіи, очень цѣнны и въ настоящее время. Почти тридцати-

лѣтняя практика указала на нѣкоторыя слабыя или черезчуръ сложныя, безъ пользы для правосудія, стороны уголовнаго процесса по Судебнымъ Уставамъ 1864 г., и по ряду вопросовъ приходится, путемъ живого опыта, возвращаться почти къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ, создавая эти уставы, приходили нѣкоторые изъ ихъ составителей. Такъ, въ области уголовнаго судопроизводства Ровинскій былъ противъ безусловнаго *обряда преданія суду* обвинительною камерою, находя, что его слѣдуетъ установить лишь для случаевъ, гдѣ онъ по свойству дѣла и представленныхъ доказательствъ можетъ составлять существенное обезпеченіе для обвиняемаго, и отвергнуть какъ ненужную и замедляющую дѣло формальность, отяготительную для подсудимаго и обременительную для земской казны во всѣхъ случаяхъ, гдѣ къ обличенію виновнаго имѣются письменныя доказательства, поличное или собственное сознаніе. По вопросу о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей и вообще о ихъ положеніи на судѣ, Ровинскій былъ за широкое довѣріе этому учрежденію, чуждое оговорокъ и ограниченій, которыя отчасти внесены въ нашъ процессъ, ставя присяжнаго засѣдателя одновременно и въ положеніе безконтрольнаго и безотвѣтственнаго рѣшителя дѣла, и въ положеніе недозрѣлаго человѣка, которому нельзя *всего* сказать, котораго всегда можно подозрѣвать въ пристрастіи и легкомысліи, требующемъ непрестаннаго огражденія отъ внѣшнихъ вліяній и воздѣйствій. Онъ горячо возставалъ противъ проектированной многими двойной системы отвода присяжныхъ и въ прекрасномъ, сильномъ и убѣдительномъ, но, къ сожалѣнію, одинокомъ мнѣніи. совершенно отрицалъ за прокуроромъ право отвода присяжныхъ безъ объясненія причинъ, боясь, что прокуроръ, исключая изъ состава присяжныхъ мягкихъ и сердечныхъ людей и оставляя исключительно крутыхъ и строгихъ, нарушитъ внутреннее равновѣсіе въ отношеніи присяжныхъ къ дѣлу и исказитъ тотъ спокойный и правдивый характеръ, который необходимо придать званію прокурора въ противоположность его французскому собрату, обвинителю quand même. Въ своей всегдашней заботѣ объ уменьшеніи народныхъ тягостей, онъ доказывалъ, что лишеніе прокурора права отвода 6-ти присяжныхъ составитъ уменьшеніе для 44 губерній Россіи въ 11,000 человѣкъ присяжныхъ, избавленныхъ отъ безполезной траты времени и расходовъ. Мнѣніе Ровинскаго осталось vox clamantis in deserto, несмотря на свою глубокую этическую связь съ сущностью суда присяжныхъ, въ коемъ сама судьба, путемъ жребія, указываетъ обвиняемому его судей.

Но въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ это начало, по настоянію тогдашняго прокурора, было примѣнено въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ. Ни прокуроръ, ни его товарищи не вычеркивали присяжныхъ изъ списка, предоставляя суду по совѣсти сложиться безъ вмѣшательства личныхъ взглядовъ, симпатій и антипатій представителя закона, которому въ его почтенной роли «говорящаго судьи» надлежало дѣйствовать правдивостью и вѣскостью своихъ доводовъ, а не краснымъ или синимъ карандашомъ. Сколько извѣстно, уголовное правосудіе въ столицѣ въ эти годы не пострадало отъ фактическаго упраздненія прокурорскихъ отводовъ...

По мнѣнію Ровинскаго, присутствіе присяжныхъ должно быть выбираемо на рядъ дѣлъ, съ правомъ подсудимаго или требовать новаго избранія по жребію, или же отводить отдѣльныхъ присяжныхъ, дополняемыхъ въ такомъ случаѣ запасными. Мнѣніе это, опиравшееся, между прочимъ, на рядъ серьезныхъ практическихъ соображеній, было, однако, отвергнуто; но вотъ теперь мы имѣемъ предъ собой § 256 германскаго Устава угол. суд. 1877 г., установляющій именно такое присутствіе — и къ тому же стремится италіанскій проектъ Тавани-ди-Календа. Довѣріемъ къ присяжнымъ проникнуты и тѣ мнѣнія Ровинскаго, гдѣ онъ высказывается противъ злоупотребленія слишкомъ частою присягою, противъ подкрѣпленія ею же обязанности не разглашать тайны совѣщаній и противъ введенія въ уставы разнообразныхъ дидактическихъ пріемовъ предсѣдателя относительно присяжныхъ. Не эти пріемы, совѣты и наставленія, а принятая присяга и призывъ судить своего ближняго напрягутъ душевныя силы русскаго присяжнаго и усугубятъ его вниманіе,—думалось ему. Что же касается до присяги не открывать тайну совѣщанія, то онъ предостерегалъ противъ опасности вызвать напрасныя клятвопреступленія въ странѣ, гдѣ для простолюдина пребываніе въ судѣ въ качествѣ присяжнаго будетъ такимъ необыкновеннымъ событіемъ въ жизни, что едва ли можно надѣяться, чтобы онъ, по возвращеніи къ домашнему очагу, не проронилъ лишняго словечка на нескромные вопросы домашнихъ. Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ, чего, однако, не случилось по отношенію къ единогласію присяжныхъ, какъ желательному для Ровинскаго началу, и къ воспрещенію передавать дѣла другому составу, если рѣшеніе присяжныхъ состоялось единогласно.

Затѣмъ Ровинскій настойчиво проводилъ свой старый взглядъ на предсѣдательство въ судѣ съ присяжными единоличнаго судьи. Двѣ коллегіи—коронная и выборная—на судѣ присяжныхъ всегда

представлялись ему аномаліею. Его практическій умъ предвидѣлъ, что проблематическая польза участія членовъ коллегіи въ постановкѣ вопросовъ никогда не искупитъ расхода на этихъ членовъ, безплодной потери ими времени и вреднаго освобожденія, фактомъ ихъ присутствія, предсѣдателя отъ сознанія своей единоличной отвѣтственности и связанной съ тѣмъ бдительности и болѣе глубокой вдумчивости въ дѣло. Впослѣдствіи, будучи прокуроромъ московской Судебной Палаты, онъ не разъ указывалъ на безполезность коронной коллегіи при присяжныхъ, зло подсмѣиваясь надъ тѣми изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, которымъ приходилось проводить цѣлыя недѣли въ бездѣятельномъ сидѣніи на большихъ процессахъ, ведомыхъ энергическими и самодѣятельными предсѣдателями. Впадая въ тонъ здоровой шутки автора «Народныхъ картинокъ», онъ предлагалъ «*намалевать*» такихъ членовъ по бокамъ у предсѣдателя или сдѣлать ихъ *для прочности* изъ фарфора съ качающимися, въ знакъ согласія, головами.

Не мало сомнѣній и опасеній возбуждалъ въ членахъ комиссіи будущій *защитникъ*—невѣдомый дотолѣ и представлявшійся нуждающимся въ особой опекѣ и надзорѣ. И тутъ Ровинскій смотрѣлъ широко и безбоязненно. Въ комиссіи раздавались многочисленные голоса, предлагавшіе предоставить предсѣдателю устранять защитника, не имѣющаго надлежащихъ свѣдѣній для правильной защиты,—разрѣшать подсудимому, содержащемуся подъ стражею, свиданіе наединѣ съ защитникомъ лишь въ случаѣ *благонадежности* послѣдняго и отсутствія подозрѣнія, что онъ будетъ укрывать слѣды преступленія, — наконецъ, предлагавшіе установить цѣлую нравственно-педагогическую программу дѣйствій защитника, причемъ предсѣдатель долженъ былъ, между прочимъ, внушать ему, если только онъ не принадлежалъ къ присяжнымъ повѣреннымъ, что онъ не долженъ ни самъ отвѣчать на вопросы, обращенные къ подсудимому, ни подсказывать ему отвѣтовъ. Противникъ всего излишняго и всякой напрасной регламентаціи того, что само собою разумѣется, Ровинскій участвовалъ въ остроумныхъ возраженіяхъ на эти предположенія, то указывая на ихъ практическую несообразность, то обращая вниманіе комиссіи на сущность задачъ уголовной защиты, требующей довѣрчиваго обмѣна мыслей и признаній между адвокатомъ и подсудимымъ. Онъ высказался также противъ точнаго обозначенія правъ, коими пользуются стороны на судебномъ состязаніи, полагая достаточнымъ лишь указать на *одинаковость* этихъ правъ и боясь, что перечисленіе ихъ въ особой статьѣ на практикѣ повлечетъ за собой лишеніе подсудимыхъ другихъ, вытекающихъ изъ состязанія, правъ, коихъ законодатель

не предвидѣлъ и потому не опредѣлилъ. Какъ извѣстно, мнѣніе это не было принято—и масса кассаціонныхъ толкованій, силящихся втиснуть въ узкія и вмѣстѣ не точно очерченныя рамки 630 ст. Уст. угол. суд. разнообразнѣйшія проявленія судебнаго состязанія, служитъ лучшимъ указаніемъ на правоту Ровинскаго и по этому вопросу.

Въ отдѣленіи комиссіи по судоустройству, Ровинскій принималъ менѣе участія, но и тутъ въ работахъ остался слѣдъ его мнѣній, клонившихся къ поднятію должности мирового судьи (которая въ столицахъ замѣщалась бы непремѣнно лицами, получившими высшее юридическое образованіе), придачею ей матеріальной (для чего предполагался довольно высокій подоходный цензъ) и нравственной независимости. Для достиженія послѣдней предполагалось поставить судью внѣ тѣхъ тревогъ, которыя неизбѣжно должны наставать для него каждые три года, при новыхъ выборахъ.—Люди, довольные дѣйствіями служащаго, у насъ рѣдко выступаютъ на его защиту,—недовольные, напротивъ, составляютъ партіи, будутъ подбивать избирателей,—говорилось въ мнѣніи, подписанномъ, между прочими, Зарудньмъ, Ковалевскимъ, и Ровинскимъ,—и хорошій человѣкъ, привыкшій къ мѣсту и дѣлу, благодаря двумъ-тремъ лишнимъ шарамъ, долженъ будетъ уступить мѣсто другому, что будетъ особенно вредно въ столицахъ, гдѣ большое содержаніе неминуемо поведетъ къ многочисленнымъ искательствамъ. Поэтому Ровинскій «со товарищи», оставляя свой старый планъ избранія мировыхъ судей, предлагалъ предоставить I-му Департамента Сената въ концѣ каждаго трехлѣтія повѣрять первоначально утвержденный Государемъ Императоромъ списокъ выбранныхъ всѣми сословіями судей, и составлять, по тщательной провѣркѣ имѣющихся у него свѣдѣній, новый, съ тѣмъ, чтобы для замѣщенія оставленныхъ имъ свободными вакансій производились установленнымъ порядкомъ новые выборы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ровинскій, Зарудный и Ковалевскій предлагали постановить, что почетными мировыми судьями считаются, во все время исправленія ими своихъ должностей:—министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, члены государственнаго совѣта и сенаторы—по всему государству; члены Судебной Палаты—по округу Палаты; члены Суда, губернаторъ, губернскій предводитель и предсѣдатель губернскаго Земскаго Собранія (управы)—по губерніи... Въ мотивахъ къ этому предложенію говорилось:

«Званіе почетныхъ мировыхъ судей учреждается для облегченія многочисленныхъ обязанностей мирового судьи, и для того, чтобы лица, заслуживающія полнаго уваженія и довѣрія, не ли-

шались возможности оказывать своимъ вліяніемъ содѣйствіе къ охраненію общественнаго порядка и спокойствія, къ развитію мѣстнаго благосостоянія и къ поддержанію достоинства мировыхъ учрежденій. Охраненіе общественнаго порядка и спокойствія въ государствѣ составляетъ первую обязанность министра внутреннихъ дѣлъ; преслѣдованіе нарушителей этого порядка лежитъ на обязанности министра юстиціи; оба они должны внимательно слѣдить за ходомъ мировыхъ учрежденій въ государствѣ, руководить ими, и съ этою цѣлью имѣть возможность сноситься съ ними непосредственно, *не въ формѣ начальниковъ,* а въ качествѣ старшихъ мировыхъ судей, хранителей тишины и порядка во всемъ государствѣ. Съ этою же цѣлію званіе почетныхъ мировыхъ судей должно быть предоставлено всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта, какъ высшаго мѣста, устанавливающаго государственный порядокъ, и членамъ Сената, какъ главнаго судебнаго мѣста, наблюдающаго за отправленіемъ правосудія, поддерживающаго порядокъ въ государствѣ. Предоставленіе званія почетныхъ мировыхъ судей членамъ Судебной Палаты и Окружныхъ Судовъ должно ослабить разобщеніе судебнаго вѣдомства на коронное и мировое, возродивъ связь между коронными юристами и выборными судьями, постоянно обращающимися въ средѣ народа; участковые судьи будутъ имѣть въ лицѣ коронныхъ юристовъ товарищей по званію, готовыхъ и нравственно обязанныхъ толковать законъ и формы дѣлопроизводства.—что *облегчитъ исполненіе многочисленныхъ занятій участковыхъ судей,* а короннымъ судьямъ доставитъ лестную возможность участвовать въ *общемъ дѣлѣ,* содѣйствуя *достиженію высокой цѣли мировыхъ учрежденій.* На возраженія, высказываемыя противъ продоставленія званія почетнаго мирового судьи губернатору, надлежитъ замѣтить, что губернаторъ будетъ имѣть постоянныя отношенія къ мировымъ учрежденіямъ. Предоставленіемъ ему званія почетнаго мирового судьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и члена мировыхъ съѣздовъ въ губерніи, нынѣшней дѣятельности его по отношенію къ судебнымъ мѣстамъ 1-й инстанціи дается *законное направленіе* и правильный выходъ. Такой выходъ составляетъ дѣйствительное средство поставить высшіе органы власти административной въ правильное отношеніе къ непосредственнымъ представителямъ судебной власти предъ большинствомъ народонаселенія, заставить обѣ власти идти рука объ руку, помогать другъ другу и не тратить большую часть времени на безплодную борьбу между собою и постоянныя пререканія о первенствѣ власти, что должно непремѣнно случиться, если власть губерна-

торская будетъ поставлена въ сторонѣ отъ мировыхъ учрежденій и безъ всякаго участія *въ общемъ мировомъ дѣлѣ*».

Этими соображеніями, такъ хорошо характеризующими широкій и предусмотрительный взглядъ Ровинскаго на постановку новаго судебнаго дѣла—и на его значеніе во внутреннемъ строѣ государства, приходится заключить обзоръ дѣятельности его по выработкѣ Судебныхъ Уставовъ.

Одновременно съ работами законодательнаго характера, наступала пора приготовить себя и окружающую среду къ совлеченію съ себя «ветхаго Адама»—стараго судебнаго устройства, отъ порядковъ котораго такъ наболѣло сердце Ровинскаго. Еще 21-го ноября 1862 года ему было объявлено Высочайшее повелѣніе о собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній для разрѣшенія вопроса объ условіяхъ и способахъ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ округѣ будущей московской Судебной Палаты. Окруживъ себя дѣятельными сотрудниками, строго опредѣливъ, до малѣйшихъ подробностей, планъ занятій, онъ собралъ къ концу 1863 года массу разнообразнѣйшихъ и въ высшей степени наглядныхъ и интересныхъ данныхъ по всѣмъ вопросамъ, возникавшимъ при переходѣ отъ стараго порядка къ новому. Данныя эти и соотвѣтствующія имъ таблицы вошли въ составъ двухъ обширныхъ томовъ in quarto—въ 265 и 303 страницы, подъ названіемъ «Свѣдѣній о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства въ губерніяхъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской». Трудъ этотъ, при своей громадности, могъ бы быть сухимъ и безжизненнымъ. Но Ровинскій не умѣлъ работать «какъ духомъ хладный скопецъ», онъ вносилъ во все живую струю и, благодаря этому, «Свѣдѣнія» представляютъ яркую и весьма вразумительную картину всей настоятельности созидаемаго на новыхъ началахъ. Любимое «caeterum censeo» Ровинскаго нашло и здѣсь свое мѣсто. Его постоянная забота о народѣ выражается въ настояніи, чтобы новая постройка не обошлась ему дорого и принесла бы дѣйствительную пользу. Опредѣляя непремѣнныя условія хорошаго суда, въ которомъ каждый членъ вполнѣ способенъ предсѣдательствовать съ присяжными засѣдателями, онъ замѣчаетъ: «Только при такихъ условіяхъ справедливо будетъ дать судьямъ доброе содержаніе, только при нихъ народъ убѣдится, что деньги, собранныя съ его труда, употреблены разсчетливо и сообразно съ его дѣйствительными нуждами, а не съ отвлеченными принципами, и что деньги эти купили для него тѣхъ судей знающихъ и справедливыхъ, которые обѣщаны ему Основными Положеніями».

Освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и учрежденіе новаго суда осуществили завѣтныя мечты Ровинскаго. Но говорить: «нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ»—было еще рано. Съ высоты трона былъ сдѣланъ смѣлый и великодушный посѣвъ. Надо было охранить и направить его всходы. Слѣдовало идти служить примѣненію новаго дѣла на практикѣ. Ровинскій такъ и сдѣлалъ.

III.

Подготовительныя работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, при единодушномъ содѣйствіи всѣхъ прикосновенныхъ къ этому вѣдомствъ, велись столь успѣшно, что на самомъ порогѣ 1866 года — 31 декабря 1865 г. — министръ юстиціи Замятнинъ счелъ возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на открытіе въ Петербургской и Московской губерніяхъ Окружныхъ Судовъ и Палатъ—въ первой 17-го, а во второй 23-го апрѣля 1866 г. На докладѣ его объ этомъ императоромъ Александромъ II была положена слѣдующая резолюція: «*Искренно благодарю за все, что уже исполнено. Да будетъ благословеніе Божіе и на всѣхъ будущихъ нашихъ начинаніяхъ для благоденствія и славы Россіи*». Эти знаменательныя слова опредѣляли взглядъ монарха на предстоящее новое дѣло и, будучи, по ходатайству министра Замятнина, объявлены по вѣдомству министерства юстиціи, призывали судебныхъ дѣятелей не къ одному только исполненію заурядняго служебнаго долга, но и къ дружной, увѣренной и благотворной работѣ на пользу родины. Ими не только возлагались великія обязанности, но и ставились высокія задачи. Каждый, кто сознательно пережилъ это время, помнитъ то одушевленіе, иногда доходившее до жертвъ служебными выгодами и положеніемъ, которое охватило тогда всѣхъ, кто считалъ себя пригоднымъ или полезнымъ именно для новой судебной дѣятельности. Въ другомъ мѣстѣ мною описано это горячее стремленіе получить дѣятельность въ преобразованныхъ судахъ и все общественное настроеніе того времени по отношенію къ судебной реформѣ. Не буду, поэтому, повторять воспоминаній своихъ о незабвенной эпохѣ «первой любви» къ Судебнымъ Уставамъ. Но если въ этомъ отношеніи было много *званныхъ*, то на первое время число *избранныхъ* было весьма ограниченно. Для того, чтобы попасть въ послѣдніе—нужно было проходить чрезъ серьезную и строгую провѣрку. Недаромъ имена первыхъ старшихъ предсѣдателей и про-

куроровъ Судебныхъ Палатъ и предсѣдателей столичныхъ Окружныхъ Судовъ,—носители которыхъ, за исключеніемъ одного, уже давно сошли въ могилу,—пользуются заслуженнымъ уваженіемъ среди всѣхъ, кому пришлось хоть отчасти видѣть ихъ многотрудную созидательную дѣятельность. Будущему историку судебной реформы предстоитъ съ благодарнымъ чувствомъ встрѣтиться съ ихъ работою и нравственнымъ обликомъ.

Въ числѣ «избранныхъ» оказался и Ровинскій, назначенный, приказомъ отъ 4 февраля 1866 года, прокуроромъ вновь образуемой московской Судебной Палаты. Трудно было сдѣлать лучшій и болѣе подходящій выборъ. Вся его прежняя служба. вся его недавняя судебно-законодательная дѣятельность, наконецъ, самая личность бывшаго губернскаго прокурора—энергическая, близкая Москвѣ, исполненная пониманія народной жизни и общественныхъ потребностей—все говорило за это назначеніе, подсказывало, предпредписывало его.

Ровинскій бодро, горячо и съ видимымъ удовольствіемъ принялся за новую работу. Но онъ не скрывалъ отъ себя ея трудностей. Помимо организаціи прокурорскаго надзора на совершенно новыхъ началахъ въ семи центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, помимо косвеннаго, но многосложнаго и разнороднаго участія въ устройствѣ общихъ судебныхъ установленій, помимо надзора за правильнымъ ходомъ практическаго осуществленія мировой, выборной юстиціи, прокурору Палаты приходилось быть главнымъ посредникомъ между министерствомъ юстиціи и мѣстными административными мѣстами и лицами, устраняя и разъясняя многія недоразумѣнія и «недоумѣнія», принимавшія иногда очень острый характеръ.

Существуетъ великая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Первое дается безъ труда и совершается съ *легкимъ* сердцемъ,—второе осуществляется съ болью, съ оглядкою назадъ, нерѣшительно и *скрѣпя* сердце. Теоретическое отрицаніе стараго, отжившаго суда находило себѣ вездѣ готовую почву. Но когда оно перешло въ жизнь и на смѣну старыхъ судебныхъ порядковъ авторитетно и рѣшительно вдвинулся въ русскій общественный обиходъ новый судъ, образовавшій своего рода «insula in flumine nata», теоретическія симпатіи стали нерѣдко смѣняться практическимъ недовольствомъ. Новый судъ вышелъ изъ прежняго подчиненнаго и второстепеннаго положенія. Онъ сталъ вести свое дѣло самостоятельно и независимо отъ стороннихъ вліяній, повсюду внося начало равенства предъ закономъ и осуществляя его въ непривычныхъ формахъ одинаково вѣжли-

ваго со всѣми предстоящими, «не взирая на лица», обращенія. Это шло въ разрѣзъ со старыми традиціями и многихъ смущало и возмущало. Для иныхъ всѣ эти новшества казались нарушеніемъ необходимаго общественнаго равновѣсія, для другихъ оскорбительнымъ отрицаніемъ ихъ личныхъ заслугъ, для третьихъ ограниченіемъ ихъ власти и, по ихъ мнѣнію, всегда доброжелательнаго усмотрѣнія. Приходилось вдумываться въ свои *дѣйствительныя* права, — изучать кругъ новыхъ обязанностей, указанныхъ судебными уставами, требовать инструкцій для подчиненныхъ — и все это отъ новыхъ людей, говорившихъ необычнымъ языкомъ и державшихся дружною семьею, которую объединило нѣчто большее, чѣмъ обыденный служебный трудъ и полученіе жалованья. Притомъ эти новые дѣятели, правда въ болѣе узкой сферѣ, чѣмъ старый губернскій прокуроръ, но зато болѣе настойчиво и безъ колебаній ссылались на законъ, написанный въ ихъ «слоеномъ пирогѣ» (какъ въ шутку были названы Судебные Уставы, обрѣзъ отдѣльныхъ частей которыхъ при переплетѣ окрашивался разною краскою). Это становилось подчасъ скучно, стѣсняло и раздражало, тѣмъ болѣе, что законъ для нѣкоторыхъ переставалъ уже быть молчаливымъ незнакомцемъ, дремавшимъ на страницахъ многотомнаго Свода и откликавшимся лишь когда требовалась его услужливая помощь, а начиналъ являться какъ Пушкинскій «незваный гость, докучный собесѣдникъ». Отсюда рядъ разнообразнѣйшихъ нареканій и неудовольствій, которыми полны цѣлые томы архива министерства юстиціи за 1866—67 годы. Нужно было много ума, такта, выдержки и любви къ дѣлу, чтобы разъяснять и распутывать всѣ эти случаи, твердо охраняя начала новаго судебнаго устройства и въ то же время «не норовя своимъ», которые въ первое время впадали подчасъ въ крайности и дѣлали промахи, увлекаемые новизною своего положенія.

Вслѣдствіе этого и вопросъ о личномъ составѣ прокуратуры пріобрѣталъ особое значеніе. Надо было найти и направить людей, одинаково умѣющихъ внушить къ себѣ уваженіе въ судѣ и внѣ суда, стойкихъ безъ рѣзкости, умѣлыхъ безъ заносчивости. При этомъ найти ихъ нужно было въ большомъ количествѣ, ибо для Московскаго округа требовалось 10 прокуроровъ и около 70 товарищей прокурора Окружного Суда, а направить ихъ приходилось на совершенно новое, неиспытанное еще занятіе, въ которомъ, вопреки всему складу прежней русской жизни, словесное и притомъ публичное состязаніе играло одну изъ главныхъ ролей. Приходилось — уча, учиться. Участіе въ судебномъ слѣдствіи, перекрестный допросъ свидѣтелей и, въ особенности, судебныя пренія

представлялись весною 1866 года совершенно новымъ, одинаково необычнымъ дѣломъ какъ для молодого товарища прокурора, выступавшаго предъ уѣздными присяжными обвинителемъ по дѣлу о кражѣ со взломомъ, такъ и для главы прокураторы всего судебнаго округа, прокурора Судебной Палаты, которому приходилось поддерживать обвиненіе противъ какого-нибудь чиновника V класса, судившагося въ Палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей за важное преступленіе по должности.

Ровинскій первый годъ существованія новыхъ судовъ постоянно участвовалъ не только въ засѣданіяхъ Палаты, по обвинительной камерѣ, но и въ публичныхъ ея засѣданіяхъ, своимъ примѣромъ показывая, какъ надо вести дѣло,—являясь не только представителемъ обвинительной власти, но и толкователемъ процессуальныхъ законовъ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ ихъ начертаніи. Это послѣднее обстоятельство придавало особую авторитетность его заключеніямъ и мнѣніямъ. Его рѣчь—живая и очень сжатая, безъ всякихъ цвѣтовъ краснорѣчія, содержательная по существу и простая по формѣ — выслушивалась съ особымъ вниманіемъ и всегда достигала своей цѣли. Онъ избѣгалъ всякихъ рѣзкостей и никогда не впадая въ полемическій тонъ, старался не убѣдить *другихъ* во что бы то ни стало, но ясно и точно изложить *свое* убѣжденіе. Когда однажды, въ характеристикѣ весьма непривлекательнаго образа дѣйствій одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, у него, на ряду съ описаніемъ фактической стороны дѣла, сорвался съ языка эпитетъ «безобразіе»—онъ былъ этимъ искренно огорченъ и чрезвычайно встревоженъ. Не будучи ораторомъ, онъ умѣлъ дѣйствовать на слушателей спокойнымъ достоинствомъ своей рѣчи. Онъ не принадлежалъ къ мастерамъ слова, но за то никогда не забывалъ на трибунѣ великій завѣтъ Гоголя «обращаться со словами честно».

Данное житейскимъ опытомъ знаніе людей и горячая любовь къ новому дѣлу руководили имъ въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Онъ искалъ ихъ всюду, и имена многихъ изъ первыхъ прокуроровъ судовъ Московскаго округа съ честью звучали затѣмъ въ рядахъ высшихъ судебныхъ дѣятелей до Сената включительно. Имъ былъ избранъ въ товарищи прокурора московскаго Суда и затѣмъ сдѣланъ калужскимъ прокуроромъ блестящій умомъ, страстный и одаренный громадною энергіею Н. А. Манасеинъ, онъ оцѣнилъ и быстро выдвинулъ приглашеннаго московскимъ прокуроромъ изъ воронежскихъ стряпчихъ М. Ѳ. Громницкаго, дѣятельность котораго неразрывно свя-

зана съ исторіею образованія и развитія русскаго судебнаго краснорѣчія.

Довольно равнодушный къ тому, что онъ называлъ на своемъ образномъ языкѣ «законодательнымъ зудомъ», и вслѣдствіе этого неохотно относившійся къ возбужденію разного рода *вопросовъ,* онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чутко прислушивался ко всему, что могло бы поколебать довѣріе или уваженіе къ молодымъ судебнымъ учрежденіямъ. Онъ охранялъ ихъ зорко и любовно, журилъ сослуживцевъ, прямодушно выговаривалъ товарищамъ по воспитанію, если они упускали изъ виду «ne quid detrimenti forum capiat», и быстро являлся на помощь со словомъ разумнаго примиренія и дѣлового юмора. Спокойный—онъ былъ пока не окрѣпли новыя учрежденія «toujours en vèdette»; добрый и невзыскательный—онъ непреклонно высадилъ на берегъ частной жизни двухъ, трехъ изъ своего прокурорскаго экипажа, которымъ вино новой власти слишкомъ сильно бросилось въ голову. Голова и руководитель московской прокуратуры и вмѣстѣ рядовой работникъ и *первый ученикъ* въ судебной практикѣ, Ровинскій несъ на себѣ первые годы реформы огромную, отвѣтственную и вліятельную работу.

Представленный Замятнинымъ 25-го декабря 1866 года императору Александру II отчетъ о дѣйствіяхъ новыхъ судовъ былъ по Высочайшему повелѣнію внесенъ въ комитетъ министровъ, который нашелъ, что «всѣ изложенныя въ немъ данныя и въ особенности выводы о ходѣ дѣлопроизводства во вновь открытыхъ судебныхъ мѣстахъ указываютъ на вполнѣ успѣшный ходъ судебнаго преобразованія» и, выразивъ пожеланіе, чтобы дѣло это и на будущее время велось съ тѣмъ же успѣхомъ, положилъ «напечатать изъ этого отчета все, что можетъ быть признано полезнымъ и любопытнымъ для всеобщаго свѣдѣнія». Существенныя части отчета были напечатаны въ № 64 «Судебнаго Вѣстника» за 1867 годъ. Въ нихъ говорилось между прочимъ о мировыхъ судьяхъ и о присяжныхъ засѣдателяхъ,—двухъ институтахъ, возбуждавшихъ, въ особенности второй, во многихъ опасенія и тревоги, и на которые, какъ я уже говорилъ, еще въ подготовительныхъ работахъ въ комиссіи Ровинскій возлагалъ довѣрчивыя надежды. Онѣ его и не обманули! «Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—говорилось въ отчетѣ,—простота мирового разбирательства, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мел-

кихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять Верховнаго Законодателя за дарованіе Россіи суда, столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ, принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

«Участіе присяжныхъ засѣдателей,—говорится далѣе въ томъ же отчетѣ,—вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми слоями общества. Присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ, вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному* вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались, въ наибольшей части случаевъ, правильно и удовлетворительно».

Теперь наступила для Ровинскаго пора сознанія, что первые всходы судебной реформы, въ которую онъ любовно вложилъ столько физическихъ и духовныхъ силъ, взошли благополучно... Наступало и право почувствовать, наконецъ, утомленіе и обратиться къ другимъ менѣе тревожнымъ занятіямъ. Это онъ и сдѣлалъ, проработавъ еще годъ въ прокуратурѣ и принявъ затѣмъ болѣе спокойное званіе судьи, будучи назначенъ съ 1-го марта 1868 года на должность предсѣдателя уголовнаго департамента московской Судебной Палаты. Немного болѣе двухъ лѣтъ пробылъ онъ судьею «по существу». Дѣятельность этого рода, особливо по обвинительной камерѣ, не видна и не замѣтна для публики. Апелляціонныя дѣла, подсудныя въ то время Судебнымъ Палатамъ, по свойству своему, тоже не могли останавливать на себѣ общественное вниманіе. Но трудъ, выполняемый въ этихъ, по большей части не публичныхъ засѣданіяхъ, былъ большой и нравственно-отвѣтственный. Для многихъ преданіе суду и при-

влеченіе на скамью подсудимыхъ бываетъ въ нравственномъ отношеніи равносильно осужденію, да и наконецъ душевныя волненія, стыдъ и опасенія, сопряженныя съ необходимостью являться въ роли подсудимаго при гласномъ разборѣ дѣла, очень часто не проходятъ безслѣдно для оправданнаго и оставляютъ глубокія и болѣзненныя борозды въ его душѣ, не говоря уже о физическомъ здоровьѣ, иногда помимо всего остальнаго, подтачиваемомъ предварительнымъ, до суда, лишеніемъ свободы. Будущій авторъ «Русскихъ народныхъ картинокъ» отлично сознавалъ все это—и его руководящая дѣятельность по обвинительной камерѣ, его строгое, а подчасъ даже и придирчивое отношеніе къ оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ по дѣламъ, гдѣ иногда приходилось предполагать возможность шантажа или корыстнаго преувеличенія обвиненія потерпѣвшими, служили здоровымъ противовѣсомъ тому, что Гете называетъ въ «Фаустѣ» «die richtende gefühllose Menschheit».

2-го іюля 1870 года, Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Въ этомъ званіи онъ пробылъ четверть вѣка. Неизмѣнно трудолюбивый, онъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ не уклонялся отъ всей мелкой, кропотливой и подчасъ безжизненной въ своемъ отвлеченіи отъ «существа дѣла» кассаціонной работы, требующей и отъ престарѣлаго судьи не только разрѣшенія вопроса, но и скучной механической работы. Человѣкъ долга, онъ выполнялъ его свято, отрываясь, вѣроятно, не безъ сожалѣнія, отъ своихъ научныхъ и художественныхъ занятій, отъ созерцанія, изученія и толкованія произведеній великихъ мастеровъ или проявленій народнаго творчества, чтобы приняться за изслѣдованіе — какія формы и обряды нарушены при производствѣ дѣла о мѣщанинѣ М., обругавшемъ «публичными словами» крестьянку Н.; или правильно ли примѣненъ карательный законъ къ нарушенію статей какого нибудь спеціальнаго — акцизнаго или таможеннаго устава. Служебный долгъ требовалъ этого перехода отъ «широкихъ горизонтовъ» и возвышающихъ душу проявленій человѣческаго генія къ мелкой лужѣ съ житейскою тиною, грязью и корыстью—и онъ выполнялъ его свято. Онъ высоко ставилъ значеніе Сената къ правовой жизни народа. Созданный мощною рукою Петра Великаго, Сенатъ быстро пріобрѣлъ высокое значеніе въ народномъ представленіи, являясь въ глазахъ народа хотя и отдаленнымъ, но зато недоступнымъ мѣстнымъ дрязгамъ, вліяніямъ и давленіямъ учрежденіемъ. «Правительствующему Сенату, — говоритъ законъ (т. I, ч. II, ст. 2), — принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія. Поэтому онъ, какъ

хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія, — надзираетъ за собираніемъ податей и расходами штатными, печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ». Исторія Сената показываетъ, что онъ не разъ выполнялъ эту свою задачу и коллегіально, и въ лицѣ своихъ членовъ, производившихъ сенаторскія ревизіи, всегда оставлявшія сильное и благотворное впечатлѣніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ, вслѣдствіе частыхъ злоупотребленій или общихъ безпорядковъ въ управленіи, «алкало и жаждало правды»... Поэтому «дойти до Сената» часто представлялось панацеею отъ всѣхъ золъ, — поэтому народъ слагалъ иногда совершенно неправдоподобныя легенды о характерѣ дѣятельности «сенаторовъ» и твердо вѣрилъ въ то, что законъ называетъ «безпристрастнымъ и нелицемѣрнымъ Сената правосудіемъ». Какъ бы кропотлива и мелка въ отдѣльности ни была кассаціонная работа сенаторовъ— въ общемъ ею поддерживается, въ сферѣ судебной, историческая связь Сената съ населеніемъ, въ которомъ каждый знаетъ, что въ своихъ личныхъ обидахъ и убыткахъ онъ не довольствуясь мѣстнымъ судомъ, можетъ, въ концѣ концовъ, обратиться въ высшее, далекое судилище, въ безпристрастіи котораго нельзя — именно въ виду этого отдаленія и высоты его—сомнѣваться.

Поэтому, когда въ 1871 и 1883 годахъ возбуждался вопросъ объ освобожденіи сенаторовъ отъ массы мелкихъ дѣлъ, между прочимъ, путемъ передачи ихъ въ Судебныя Палаты, Ровинскій горячо возражалъ противъ этого. «Нельзя забывать,—писалъ онъ,— что при громадности нашего государства, каждое центральное учрежденіе, если только въ немъ будетъ сосредоточенъ дѣйствительный и добросовѣстный надзоръ за какою-либо частью, должно готовиться къ сложной и тяжелой работѣ. Но необходимо ли сосредоточивать въ такомъ государствѣ дѣйствительный надзоръ за судебною частью въ одномъ центральномъ Верховномъ Судѣ и тѣмъ оградить правосудіе однимъ изъ самыхъ существенныхъ обезпеченій его—наблюденіемъ за точнымъ и единообразнымъ исполненіемъ закона во всемъ государствѣ—вопросъ этотъ есть вопросъ первой государственной важности; онъ былъ уже обсужденъ въ свое время Государственнымъ Совѣтомъ и разрѣшенъ въ смыслѣ положительномъ. Отъ это рѣшенія отступать невозможно».

Трудъ, который несъ Ровинскій въ Сенатѣ, былъ очень большой. Достаточно сказать, что имъ *лично* разсмотрѣно, доложено и изложено, въ формѣ рѣшеній и подробныхъ, мотивированныхъ резо-

люцій, всего 7,825 дѣлъ. Всякій, кому знакома кассаціонная работа и кто вѣдаетъ, сколько иногда усидчиваго труда по дѣлу и времени надо посвятить на то, чтобы, не жалѣя глазъ на разборъ небрежныхъ и неразборчивыхъ почерковъ, провѣрить и оцѣнить тотъ или другой кассаціонный поводъ,—пойметъ *что* значитъ эта почтенная цыфра,—особливо если онъ припомнитъ, что работу эту совершалъ въ послѣдніе годы человѣкъ съ надорванными силами, достигшій 70-ти лѣтъ и давно уже имѣвшій заслуженное право на полный отдыхъ... Въ разрѣшеніи дѣлъ Ровинскій постоянно оставался вѣренъ себѣ. Возможная теплота и человѣколюбіе въ существѣ рѣшенія, возможная краткость въ способѣ его изложенія—были его руководящими правилами. Мотивированныя резолюціи, имъ написанныя, носили шутливое названіе «коротышекъ», но въ направленіи, которое давалось этими «коротышками» дѣлу, слышалась чуткая вдумчивость сердечнаго человѣка, насколько ей позволяли проявиться узкія рамки кассаціоннаго производства. Дѣло для Ровинскаго никогда не представлялось одною цвѣтною обложкою, заключавшею въ себѣ матеріалъ для отвлеченнаго отъ живого содержанія сужденія о существенности указываемыхъ нарушеній и соотвѣтствій этихъ указаній тому или другому № рѣшеній Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Живой человѣкъ, со своими страданіями и паденіями, жалкій, хотя и преступный человѣкъ—глядѣлъ на Ровинскаго изъ-за цвѣтной обложки. Это часто тревожило и смущало его «кассаціонную безучастность» и заставляло его вспоминать, что qui n'est que juste—est cruel...» «Плохой кассаторъ,—говорили про него жрецы отвлеченнаго правосудія,—все смотритъ въ существо...» «Ровинскій!»—многозначительно отвѣчали знавшіе его близко—и въ этомъ имени заключалось и оправданіе, и объясненіе взглядовъ «плохого кассатора». Было бы однако ошибочно думать, что онъ былъ поклонникомъ той жестокой чувствительности, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ содѣянное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные виновные, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью и т. п., такъ что подъ вліяніемъ увлеченія чувствительностью по отношенію къ виновному является своеобразная жестокость къ пострадавшему, при чемъ у послѣдняго къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединяется еще и обидное сознаніе, что *это* ничего не значитъ, что за это никакого судебнаго порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, грозящій злому и корыстному, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія... На-

противъ корыстныя и обдуманно злыя, кровавыя преступленія находили въ Ровинскомъ строгаго судью. Стараясь по возможности вносить снисхожденіе въ разборъ дѣлъ о преступленіяхъ, вызванныхъ невѣжествомъ или тяжкими условіями матеріальнаго быта,— ограждая, по мѣрѣ силъ, свободу внутренняго міра человѣка въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, покуда онъ не заявляетъ себя вредомъ или соблазномъ для другимъ, — Ровинскій бывалъ даже суровъ по дѣламъ о жестокомъ обращеніи, преимущественно съ дѣтьми, по дѣламъ о злостныхъ банкротствахъ и т. п. Нужны были очень вѣскіе, неотразимые кассаціонные поводы, чтобы подвинуть его на отмѣну обвинительнаго приговора по такимъ дѣламъ. Такъ, въ написанныхъ имъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ Ниűбурговъ (1885 г.) и Звенигородскаго (1871 г.), вопросъ о злостной несостоятельности и о пособничествѣ къ ней — одномъ изъ вреднѣйшихъ явленій нашего торговаго быта — разработанъ самымъ обстоятельнымъ образомъ и такъ, «дабы на то глядючи и другимъ впредь то неповадно было дѣлать...» Высоко ставя званіе мирового судьи, Ровинскій всегда ратовалъ противъ раздвоенія личности судьи — на частнаго человѣка, который можетъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ беззаконій, совершаемыхъ на его глазахъ, и на судью, остающагося такимъ только въ свои присутственные часы и у себя въ камерѣ. Когда среди общаго шума и насмѣшекъ по адресу мѣстнаго мирового судьи до Сената докатилось въ 1871 г. громкое дѣло шансонетныхъ пѣвицъ Бланшъ-Гандонъ и Филиппо̀, противъ которыхъ этимъ судьею, посѣтившимъ театръ «Буффъ», было возбуждено преслѣдованіе, по 43 ст. Устава о наказ. налаг. миров. судьями, за безстыдныя, во время представленія, тѣлодвиженія и непристойный костюмъ или, вѣрнѣе, отсутствіе его,—Ровинскій принялъ докладъ дѣла на себя и настоялъ на томъ, что мировой судья дѣйствовалъ вполнѣ согласно со своей нравственною и общественною задачею, приступивъ къ исполненію судейскихъ обязанностей въ виду зрѣлища, «въ которомъ мужчина и женщина низводятся на степень животныхъ, публично проявляющихъ грубый инстинктъ половыхъ стремленій».

Наконецъ, онъ былъ всегдашнимъ противникомъ всего неопредѣленнаго и уклончиваго, вносимаго въ судебныя рѣшенія или узаконяемаго ими. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ настаивать на указаніяхъ судамъ, приговоры которыхъ отмѣнялись, — не только на то, что ими неправильно примѣнена та или другая статья карательнаго закона къ установленному преступному дѣянію, но и на то, какую именно статью надо примѣнить. Справедливое отвращеніе живого человѣка отъ напрасныхъ недоумѣній и «воло-

киты» слышалось въ этомъ. Онъ же первый, въ одномъ изъ приговоровъ по дѣлу объ опозореніи въ печати, твердо и рѣшительно отнялъ у обвиняемаго обычное дотолѣ и коварное оружіе защиты, склонивъ Сенатъ признать, что употребленіе словъ «говорятъ, что...» предшествующихъ иногда цѣлому потоку клеветы и злословія, не освобождаетъ ловкаго оскорбителя чужой чести отъ обязанности отвѣтить лично за несправедливость того, что, будто бы, «говорятъ...»

Добрый товарищъ, всегда готовый на услугу сотрудникъ, Ровинскій высказывалъ свои мнѣнія твердо и опредѣленно,—не любя отступать отъ нихъ,—оттѣняя ихъ житейскую сторону, но никогда ихъ не навязывая и не выступая для защиты ихъ въ горячіе и упорные споры. Онъ раздѣлялъ взглядъ, что убѣжденія похожи на гвозди:—чѣмъ болѣе по нимъ колотить, тѣмъ глубже они входятъ... Поэтому не громкой защитой правильности своего мнѣнія, а искренностью и безусловною независимостью, съ которою оно высказывалось, дѣйствовалъ онъ на слушателей и товарищей. И когда его безупречное, долгое служеніе въ Сенатѣ внезапно прервалось—лучшіе изъ его товарищей почувствовали себя осиротѣвшими, и къ скорби объ утратѣ у нихъ присоединилось сознаніе о ея незамѣнимости, объ оставленной ею нравственной пустотѣ...

IV.

Если сказать знатоку, любителю и изслѣдователю исторіи искусства, что Ровинскій былъ *выдающимся дѣятелемъ*—онъ, конечно, съ этимъ безусловно согласится. Но если ему объяснить, что право на такое названіе пріобрѣтено имъ *общественными и служебными заслугами*—онъ будетъ, вѣроятно, не мало удивленъ. Люди близкіе къ исторіи графическихъ искусствъ, давно и безспорно считающіе Ровинскаго замѣчательнымъ человѣкомъ, оставившимъ по себѣ глубокій и свѣтлый слѣдъ, конечно, далеки отъ мысли, что онъ столь много значилъ и сдѣлалъ въ другой, совершенно чуждой искусству области. Для нихъ болѣе чѣмъ достаточно его заслугъ именно въ области искусства. И они, со своей точки зрѣнія, правы. Стоитъ припомнить, что Ровинскій одинъ, собственными трудами и путемъ большихъ матеріальныхъ жертвъ собралъ и выпустилъ рядъ слѣдующихъ изданій: «Исторію русскихъ школъ иконописанія»; «Русскіе граверы и ихъ произведенія»; «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ»; «Русскій граверъ Чемесовъ», съ 17-ю портретами; «Русскія народныя картинки»;

«Достовѣрные портреты московскихъ государей», съ 47-ю рисунками; «Н. И. Уткинъ, его жизнь и произведенія», съ 34-мя портретами и рисунками; «Виды Соловецкаго монастыря», съ 51 рисункомъ; «Матеріалы для русской иконографіи», 12 выпусковъ съ 480-ю рисунками; «Одиннадцать гравюръ Берсенева»; «Ѳ. И. Іорданъ»; «В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія»; «Сборникъ сатирическихъ картинъ»; «Полное собраніе гравюръ Рембрандта», съ 1,000 фототипій; «Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембранта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ» съ 478-ю фототипіями и—«Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ...» Сверхъ того, имъ сдѣланъ рядъ небольшихъ изданій, какъ, напримѣръ—«Виды изъ привислянскихъ губерній»; «Сатирическія азбучныя картинки 1812 года»; «Посольство Сугорскаго» и т. п.

Всѣ эти труды его, своевременно оцѣненные и поставленные высоко компетентными лицами и учрежденіями, заслуживаютъ особаго разбора съ технической и образовательной стороны.

Одно изданіе гравюръ Рембрандта—монументальный, дорогой и ставшій уже рѣдкостью трудъ въ 4-хъ томахъ—могло бы составить задачу цѣлой жизни, посвященной исторіи искусства. Оно съ восторгомъ было встрѣчено за границею и можетъ составлять предметъ нашей національной гордости. Русскій человѣкъ, безъ чьей-либо поддержки, служившій государству вѣрой и правдою, нашелъ время и обрѣлъ въ себѣ силу и неизсякающую энергію, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ создать великому голландцу — «королю свѣто-тѣни» — памятникъ, котораго тотъ не дождался отъ преслѣдующихъ художественныя цѣли учрежденій своей родины!

Желая познакомить съ чертами духовной личности Ровинскаго, насколько онѣ выразились въ его общественной и научно-художественной дѣятельности, я укажу лишь съ этой точки зрѣнія на нѣкоторыя его произведенія.

Первое мѣсто между ними занимаетъ *«Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ»*.

Онъ состоитъ изъ IV томовъ in quarto и представляетъ собою драгоцѣнный памятникъ для ознакомленія съ искусствомъ гравированія вообще и въ Россіи въ особенности, давая описаніе портретовъ 2,000 лицъ, въ какомъ-либо отношеніи привлекшихъ къ себѣ вниманіе современниковъ и потомства, и закрѣпленныхъ гравировальнымъ рѣзцомъ. Эти описанія, составляя отчетъ о каждомъ портретѣ съ массою точныхъ и мельчайшихъ техническихъ подробностей, потребовали, въ виду 1,000 снимковъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, поразительнаго по своей настойчивости и усидчивости труда. Но не для однихъ любителей гравюръ или ученыхъ изслѣ-

дователей исторіи искусства даютъ эти четыре тома богатѣйшій матеріалъ... На 3,086 столбцахъ этой книги, составленіе которой одно могло бы наполнить жизнь человѣка, рядомъ съ разнообразными, всегда вполнѣ отчетливыми, а иногда и прямо прекрасными фототипіями идутъ біографическія замѣтки, разсказы и указанія современниковъ. Въ нихъ содержится въ высшей степени интересный историческій и бытовой матеріалъ, рисующій и освѣщающій со многихъ сторонъ русскую жизнь и ея судьбы. Пестро собраніе людей, изображенія которыхъ пріютились на страницахъ «Словаря»! Ровинскій терпѣть не могъ офиціальныхъ классификацій. Его интересовалъ прежде всего человѣкъ, а не представляемая имъ особа, и онъ скептически подсмѣивался надъ разными «Пантеонами» и «Румхаллями». Поэтому, какъ онъ самъ говоритъ, ему было все равно: «геній ты, или замѣчательный шутъ, великанъ или карликъ, разбойникъ, ученый, самодуръ-самоучка,—сдѣлалъ ты что замѣчательное въ жизни или просто промытарилъ се,—но есть съ тебя гравированный портретъ, ну и ступай въ Словарь, и ложись тамъ подъ свою букву».

И лежатъ подъ этими буквами, какъ на обширномъ кладбищѣ, самые разнообразные люди, а вмѣстѣ съ ними предъ глазами читателя лежитъ и прошлая русская жизнь, въ тѣхъ проявленіяхъ ея, которыя были такъ или иначе связаны съ ними. Замѣтки Ровинскаго не имѣютъ претензіи на полноту или на опредѣленную систему,—это, по большей части, краткія, живыя характеристики, блестящія умомъ, вооруженнымъ громадною начитанностью и знаніемъ. Сжатая форма ихъ придаетъ имъ особую силу и совершенно исключаетъ всякую условность и дѣланный паѳосъ. Вообще въ трудахъ Ровинскаго нѣтъ ни малѣйшаго слѣда историческаго прислужничества, и потому его отзывы и оцѣнки звучатъ полною искренностью, съ которою можно, пожалуй, подчасъ не согласиться, но къ которой нельзя относиться иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Впрочемъ, не всѣ замѣтки кратки. Есть подъ этимъ флагомъ цѣлые біографическіе очерки, выдѣленіе которыхъ изъ «Словаря» и собраніе вмѣстѣ могло бы составить полную интереса книгу. Таковы, напримѣръ, между прочимъ, очерки жизни и дѣятельности Александра I, Екатерины II, Дмитрія Самозванца и, въ особенности, Суворова. Этого рода очеркамъ можно, пожалуй, сдѣлать упрекъ въ излишней подробности, выходящей за предѣлы цѣлей «Словаря». Ровинскій предвидѣлъ возможность подобнаго упрека. Отвѣтъ на него содержится въ его указаніи на отношеніе иконографіи къ исторіи. «Для насъ, *иконографовъ,* — говоритъ онъ,— интересно имѣть не изображеніе Екатерины въ высокотор-

жественной позѣ, а настоящую, живую Екатерину, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Мы хотимъ знать всякую мелочь, которою была окружена эта великая женщина; хотимъ знать, въ которомъ часу она вставала, когда садилась работать, что пила и ѣла за обѣдомъ, что дѣлала вечеромъ; какъ одѣвалась и куда ѣздила. Намъ до всего дѣло, мы хотимъ знать ея частную жизнь, даже прочесть ея интимныя записочки, хотимъ видѣть ее у себя дома—живую, умную, хитрую... можетъ быть и черезчуръ страстную. Изъ короткаго знакомства со всѣми мелочами ея обихода—мы болѣе, чѣмъ изъ всякой другой *Исторіи,* вынесемъ увѣренность, что легкія стороны ея домашней жизни не имѣли разслабляющаго вліянія на царственныя ея задачи, и еще болѣе полюбимъ эту великую женщину за ея безграничную любовь къ ея новому, русскому отечеству».

Портреты расположены безъ подраздѣленій на разряды, въ простомъ алфавитномъ порядкѣ, но IV-ый томъ, не считая двухъ подробныхъ алфавитовъ содержанія всего изданія, состоитъ, во-первыхъ, изъ восьми приложеній, заключающихъ въ себѣ исторію происхожденія гравированныхъ портретовъ и описаніе современнаго положенія этого дѣла у насъ, съ цѣлымъ рядомъ необходимыхъ для собирателей свѣдѣній и наставленій и, во-вторыхъ,—изъ восьми главъ «Заключенія», въ которыхъ спеціальныя изслѣдованія, напр. о способахъ гравированія на мѣди и о механическихъ способахъ портретнаго производства и т. п., чередуются съ отдѣльными, полными живаго интереса монографіями. Такъ, напримѣръ, глава V-ая содержитъ очеркъ нашей дипломатіи и военнаго дѣла въ ихъ «гравированныхъ» представителяхъ; глава VI-ая говоритъ о русской женщинѣ; глава VII-ая—о сатирическихъ картинкахъ... Богатое содержаніе «Словаря», по справедливости названнаго, въ одномъ изъ некрологовъ Ровинскаго, *настольною книгою* образованнаго русскаго человѣка, могло бы быть предметомъ особаго изслѣдованія. Но даже и упоминая о немъ мимоходомъ, нельзя не указать на оригинальные взгляды и поразительную массу свѣдѣній, щедрою рукою разсыпанные Ровинскимъ по столбцамъ его изданія и характеризующіе самого автора.

Онъ, этотъ авторъ, прежде всего горячій русскій патріотъ, которому дорого свое родное, и котораго волнуетъ и смущаетъ всякое принесеніе русскаго труда, интересовъ или крови въ жертву предметамъ или началамъ, ничего общаго съ благоденствіемъ Россіи не имѣющимъ. Вотъ почему въ замѣчаніяхъ къ многочисленнымъ портретамъ Александра I сказывается явное несочувствіе сентиментальной политикѣ и мистическому честолюбію «новаго Агамемнона»—и почему

такъ много страницъ съ нескрываемою любовью посвящено портретамъ Екатерины II и описанію наружности и обихода государыни, «домашніе недостатки которой не могутъ умолить ея великихъ заслугъ, ибо не помѣшали они ей держать высоко русское знамя и вѣрно, *по-русски* понимать *кровные* интересы своей новой родины». Портреты Екатерины изслѣдованы и сравнены между собою Ровинскимъ съ чрезвычайною подробностью,—однѣхъ фототипій съ нихъ приложено къ «Словарю» 49, и неизмѣнная нота прямодушной нѣжности звучитъ во всѣхъ къ нимъ объясненіяхъ. «Разложивъ *профильные* портреты рядомъ,—пишетъ онъ,—можно прослѣдить шагъ за шагомъ превращеніе граціознаго и полнаго огня и жизни Ротаріевскаго профиля, сперва въ роскошный профиль Девейда, потомъ въ профили все еще оживленные 1776 и 1782 годовъ и, наконецъ, въ профиль 1790 года,—профиль шестидесятилѣтней, хорошо пожившей женщины, съ одутловатымъ и добродушнымъ лицомъ, съ двузначащею улыбкою на сжатыхъ губахъ, но въ которой, однако же, не трудно узнать усталую, но все еще *великую* Екатерину».

Съ этой же точки зрѣнія говоритъ Ровинскій и объ Елисаветѣ Петровнѣ, представляя рядъ портретовъ граціозной, жизнерадостной и цвѣтущей здоровьемъ императрицы и замѣчая, что рядомъ съ танцами, которые она страстно любила, и французскими нарядами, которыхъ у нея было нѣсколько тысячъ, Елисавета «за стѣнами своего дворца, вела настоящую русскую политику», результатомъ которой было обращеніе Кенигсберга въ русскій губернскій городъ, чеканка въ немъ русской монеты и даже учрежденіе духовной миссіи съ архимандритомъ изъ города Дашкова, причемъ въ 1760 г. былъ составленъ проектъ окончательнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россійской Имперіи, на которомъ Елисавета написала 30 апрѣля того же года: «быть по сему», оставивъ за собою право «удобныя средства искать по соглашенію съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обѣихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе». Смерть императрицы въ 1761 г. и вступленіе на престолъ Петра III, воспитаннаго въ презрѣніи ко всему русскому и въ слѣпомъ поклоненіи Фридриху II, измѣнили все это.

Еще больше собрано въ книгѣ портретовъ Петра Великаго и гравюръ, въ которыхъ, между другими, есть и его изображенія. Всѣхъ ихъ 52—и наружность величайшаго русскаго человѣка проходитъ въ нихъ отъ юныхъ лѣтъ до его кончины. Мы видимъ его сначала мальчикомъ и юношей въ московскомъ одѣяніи,—въ

высокой бобровой шапкѣ,—какъ Magnus dux Moscoviae, затѣмъ эти изображенія смѣняются, окруженными аллегорическими картинками, портретами въ условномъ костюмѣ выдающихся людей начала XVIII вѣка, состоящемъ изъ латъ, порфиры и шлема и, наконецъ, идетъ, въ рядѣ снимковъ, могучій лучезарный ликъ Петра въ томъ видѣ, въ какомъ привыкло его представлять себѣ русское сознаніе,—съ вьющимися кудрями и коротко подбритыми усами,—«котскими», какъ съ негодованіемъ говорили его закоренѣлые враги раскольники. Это тотъ Петръ, голова котораго увѣковѣчена дѣвицею Калло на памятникѣ Фальконета,—тотъ, который восторженно воспѣтъ Пушкинымъ, тотъ, «чьи глаза сіяютъ», чей ликъ «ужасенъ» и «прекрасенъ», кто «весь какъ Божія гроза», кто «думъ великихъ полнъ»... Портретамъ Петра предшествуетъ сжатая, но весьма выразительная біографическая замѣтка, рисующая всю разностороннюю мощь его натуры, весь гигантскій трудъ, подъятый имъ—«только бы жила Россія». Въ живыхъ чертахъ, со словъ современниковъ, проходятъ наружность Петра, его манеры, одежда, домашняя жизнь. Ровинскій описываетъ его трудовой день, его простоту, непритязательность,—приводитъ выписки то шутливыя, то озабоченныя изъ переписки съ «Катеринушкою, другомъ сердешненькимъ».

Въ этихъ разнообразныхъ описаніяхъ, разбросанныхъ въ качествѣ примѣчаній къ различнымъ гравированнымъ портретамъ Петра, иногда содержатся малоизвѣстные факты, въ которыхъ ярко сквозитъ все величіе простоты человѣка, кому, по словамъ Некрасова, «въ царяхъ никто не равенъ». Такъ, напр., по поводу рѣдкой французской гравюры 1712 года, изображающей свиданіе Екатерины съ ея братомъ Карломъ Скавронскимъ и русской копіи съ нея, подъ заглавіемъ: «Усердіе Петра Перваго къ родству», Ровинскій приводитъ разсказъ Левека о томъ, что, увидѣвъ внезапно въ домѣ гофмейстера Шепелева своего брата и въ немъ узрѣвъ снова воочію свое незначительное прошлое, Екатерина чуть не упала въ обморокъ, но Петръ сказалъ ей: «нечего краснѣть! я признаю его моимъ шуриномъ,—а ты цѣлуй руку императрицы, а потомъ обними свою сестру!» Теплому сердцу Ровинскаго и его гуманнымъ взглядамъ были, однако, тяжелы нѣкоторыя стороны въ жизни Петра. Онъ не скрываетъ этого и скорбитъ, что преобразователь подчасъ дѣйствовалъ на свой народъ, по выраженію Фридриха Великаго, «какъ крѣпкая водка на желѣзо; но онъ умѣетъ стать на историческую точку зрѣнія, указывающую на необходимость въ извѣстные моменты народной жизни такой «крѣпкой водки», представляемой геніальнымъ дѣятелемъ—«первымъ человѣкомъ въ го-

сударствѣ и первымъ слугою своему народу». Ровинскій не умалчиваетъ о кровавомъ подавленіи бунта стрѣльцовъ, о процессѣ и смерти царевича Алексѣя Петровича,—но онъ напоминаетъ, что зло, представляемое постоянно бунтующимъ и дерзкимъ войскомъ, служащимъ орудіемъ домашнихъ и придворныхъ интригъ, надо было для общаго спокойствія подрубить въ самомъ корнѣ,—и что непрестанное тайное противодѣйствіе Алексѣя, опиравшагося на партію Лопухиныхъ, должно было возбуждать въ Петрѣ страхъ за будущность Россіи и всего, сдѣланнаго имъ съ такимъ крайнимъ напряженіемъ силъ. Поэтому, разсказывая *о всешутѣйшемъ и всепьянѣйшемъ соборѣ* и осуждая циническіе обряды и кощунственныя шутки, сопровождавшіе его собранія, Ровинскій находитъ для этого извиненіе именно въ напряженіи силъ Петра. «Шутовство,—говоритъ онъ,—составляло для Петра необходимый роздыхъ отъ тяжкихъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ, и въ этой безшабашной веселости виденъ свѣтлый умъ его, ибо только ограниченный человѣкъ чуждается веселаго смѣха и въ каждой смѣшной фигурѣ и положеніи видитъ намекъ на собственныя свои дѣйствія».

Было бы невозможно здѣсь перечислить и малую долю очерковъ Ровинскаго, относящихся къ выдающимся личностямъ. Они разсыпаны щедрою рукою по всему изданію, очень часто давая возможность сравнить двѣ крайности, столкнувшіяся на жизненномъ пути, и тѣмъ поясняя одну историческую личность другою. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ Петромъ невольно ставятся изображенія царевича Алексѣя. Стоитъ вглядѣться въ совершенно безхарактерныя черты Алексѣя въ юности, на медальонѣ Гуэна,—на его позднѣйшіе портреты съ глазами, въ которыхъ сквозитъ трусливое лукавство, съ острымъ подбородкомъ и тонкими, плотносжатыми губами, обличающими упрямство безъ разумной твердости,—чтобы понять неизбѣжность роковой судьбы этого человѣка, ставшаго на дорогѣ Петру, и чтобы оцѣнить скорбный и гнѣвный возгласъ послѣдняго: «ограбилъ меня Господь сыномъ!» Стоитъ сопоставить лицо Петра—все исполненное жизни и страстной энергіи—съ блѣднымъ, продолговатымъ, безцвѣтнымъ обликомъ царевича, отъ котораго Петръ «не трудовъ, но охоты желалъ»,—чтобы видѣть, съ какою болью измученнаго и тщетно надѣющагося сердца писалъ ему «на тронѣ вѣчный работникъ» свой послѣдній «тестаментъ»,—заключая его словами: «ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу; воистину исполню, ибо если за мое отечество

и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь *чужой* добрый, нежели *свой* негодный»...

Какъ, напримѣръ, характерны портреты Анны Іоанновны и правительницы Анны Леопольдовны и сами по себѣ, и по отношенію къ нимъ издателей. Авторъ диссертаціи «De morbis infantum», прилагая портретъ первой изъ нихъ (типа Эллигера), изображенной женщиною огромнаго роста, съ мрачнымъ выраженіемъ грубаго лица, въ великолѣпномъ одѣяніи, говоритъ: «въ образѣ семъ всѣ мнятъ Анну зрѣти, понеже зракъ весь женскій въ чертахъ разсуждаютъ, но вся дѣла слѣдуя по правдѣ имѣти Петра Перваго въ лицѣ тіи помышляютъ;—весьма мужескъ видъ отъ дѣлъ, хоть въ женской добротѣ; съ должнымъ рабу почтеньемъ приписалъ Панаіотъ Кондоиди»... Іоганъ Гафнеръ, отгравировавъ, по передѣланному портрету Каравакка, миловидную фигуру и оживленное лицо Анны Леопольдовны, не успѣлъ выпустить въ свѣтъ свои двѣ гравюры, такъ какъ надъ несчастною правительницею и ея семействомъ разразилась гроза. Гафнеръ, не смущаясь, передѣлалъ подпись и не измѣнивъ даже словъ: «Impery Gubernatrix», изобразилъ подъ гравюрами: «Elisabetha. D. G. Magna Dux omnium Russorum». Такимъ образомъ, по ироніи судьбы, изображеніе бѣдной мимолетной властительницы «бо̀льшей части свѣта» (Календарь 1741 г.), печально изнывавшей «за крѣпкимъ карауломъ» въ Холмогорахъ, распространилось по Россіи какъ портретъ «дщери Петра».

Давая рядъ портретовъ «Дмитрія Іоанновича, *прозваннаго* Гришкою Отрепьевымъ», Ровинскій предпосылаетъ имъ очень интересный очеркъ физическихъ и нравственныхъ свойствъ загадочнаго человѣка, раздѣлившаго историковъ въ вопросѣ о своемъ происхожденіи, причемъ самъ авторъ склоняется, путемъ остроумныхъ соображеній, къ тому, что такъ называемый самозванецъ былъ въ дѣйствительности сыномъ Іоанна IV, но признавшіе его своимъ законнымъ владыкою бояре, почуявъ въ немъ нравъ и отцовскіе обычаи Грознаго, порѣшили *упразднить* его, какъ прежде пытались сдѣлать тоже съ самимъ Грознымъ. Разсмотрѣніе тѣхъ изображеній Дмитрія Іоанновича, за которыми Ровинскій признаетъ достовѣрность, не подтверждаетъ, однако, заключенія его о «подлинности» царя Дмитрія, и самъ Ровинскій, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, приводитъ мнѣніе знатока портретной живописи, князя М. А. Оболенскаго, о томъ, что «портретъ Киліана—есть вѣрный историческій фактъ: кто только на него ни взглянетъ, тотъ сейчасъ убѣдится, что лже-Димитрій былъ не русскій; черты лица его явно говорятъ, что онъ былъ литвинъ».

«Великолѣпный князь Тавриды» рисуется во всемъ блескѣ своей физической красоты, обширнаго образованія, свѣтлаго, полнаго широкихъ замысловъ ума и глубокаго нравственнаго вліянія на Екатерину. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ровинскій въ сжатомъ, но содержательномъ очеркѣ указываетъ на рѣзкія противоположности въ его странномъ, то привлекательномъ, то непріятномъ характерѣ, и на неряшливость, безпорядочность и крайнюю лѣнь его въ частной жизни, дѣлавшія изъ него «настоящаго азіата въ европейскомъ костюмѣ». Историческія фигуры, въ которыхъ фигурируетъ Потемкинъ, и между ними превосходная большая гравюра Скородумова и Иванова, изображающая его смерть въ бессарабскихъ степяхъ, а также произведенія народнаго наивнаго рѣзца, посвященныя «славному объѣдалѣ и веселому подпивалѣ», служатъ доказательствомъ того громаднаго во всѣхъ отношеніяхъ впечатлѣнія, которое производилъ на современниковъ этотъ замѣчательный, до сихъ поръ не разъясненный во всей своей полнотѣ, русскій историческій дѣятель.

Съ особымъ тщаніемъ собраны и описаны у Ровинскаго портреты дѣятелей Екатерининскаго времени вообще, но съ самою большою подробностью объясняетъ Ровинскій портреты одного изъ своихъ любимыхъ героевъ—Суворова. Изъ замѣтокъ передъ ними и подъ нѣкоторыми изъ нихъ составляется цѣлый яркій очеркъ удивительной и характерной жизни замѣчательнаго и своеобразнаго человѣка, всѣмъ обязаннаго самому себѣ, скромнаго въ успѣхѣ и трогательнаго въ опалѣ, связаннаго глубокою духовною связью съ народомъ,—то чудака, то героя, сказавшаго про себя придворному живописцу курфюрста саксонскаго Шмидту: «вы собираетесь писать мое лицо; оно открыто вамъ, но мысли мои для васъ тайна;—скажу вамъ, что я проливалъ кровь потоками, и прихожу въ ужасъ отъ этого; но я люблю моего ближняго и никого не сдѣлалъ несчастнымъ,—я не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не задавилъ ни одной козявки; я былъ малъ и былъ великъ,—въ счастіи и несчастіи уповалъ на Бога и оставался непоколебимымъ; теперь призовите на помощь ваше искусство и начинайте!..» Поклонникъ Екатерины II, за ея умѣнье служить кровнымъ русскимъ интересамъ, Ровинскій не могъ не сочувствовать горячо и одному изъ геніальныхъ въ военномъ дѣлѣ исполнителей ея плановъ;—его влекли, кромѣ того, къ Суворову тѣ коренныя русскія черты въ личности и образѣ жизни, въ которыхъ много сходнаго съ такими же въ жизни Великаго Петра, но которыми Ровинскій могъ любоваться безъ щемящей его доброе сердце боли. Однако и тутъ, вѣрный себѣ, авторъ не скрываетъ недостатковъ и несим-

патичныхъ сторонъ въ своемъ любимцѣ,—хотя даетъ имъ примирительное освѣщеніе. «Суворова обвиняютъ,—пишетъ онъ,—въ презрѣніи къ равнымъ и къ высшимъ, въ оскорбительномъ нахальствѣ, въ безмѣрномъ честолюбіи. Самъ Суворовъ сознавался. что скромность не входила въ число его добродѣтелей, но онъ хорошо понималъ, что со скромностью можетъ попасть лишь въ одни угодники, а ему нужно было попасть въ фельдмаршалы, чтобы разбивать непріятеля и вести русское войско къ побѣдамъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ *мощь* и *силу* и надѣялся пробиться на торную тропу. Онъ все употребилъ въ дѣло при этомъ: лесть, нахальство, чудачество, шутовство, но не сдѣлалъ ничего вреднаго или подлаго; достигнувъ цѣли, онъ весь отдался своему дѣлу, бѣгалъ отъ двора и, конечно, отъ него нельзя было требовать никакого уваженія къ тогдашнимъ придворнымъ, получавшимъ громадное содержаніе за красивую наружность и умѣнье вести пустопорожніе разговоры». Эти господа платили Суворову соотвѣтственною монетою. Не даромъ же онъ говорилъ о себѣ: «у меня семь ранъ: двѣ изъ нихъ получены на войнѣ, а пять, самыхъ мучительныхъ,—при дворѣ». Не одни его портреты вошли въ описаніе Ровинскаго,—сюда же отнесены историческія гравированныя картинки, касающіяся Суворова, и каррикатуры на него. Всего описано 207 изображеній, относящихся къ Суворову,—и этотъ «*Рембрандтъ*» тактики, по выраженію лорда Кларендона, проходитъ, благодаря имъ, предъ глазами читателя, какъ живой.

«Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» даетъ многія черты и для портрета самого Ровинскаго и съ этой даже стороны стоилъ бы внимательнаго и подробнаго спеціальнаго разбора. Здѣсь же достаточно указать на самое разностороннее его образованіе, выражающееся въ обиліи разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, приводимыхъ по поводу того или другого портрета, иногда чрезвычайно рѣдкаго, и свѣдѣній не сухихъ, въ видѣ цифръ или хронологическихъ ссылокъ, а почерпнутыхъ прямо изъ жизни и освѣщающихъ разные ея моменты и закоулки. Таковы, напр., свѣдѣнія къ описанію портретовъ протоіерея Самборскаго, духовника великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Θеодоровны и законоучителя ихъ дѣтей, путешественника по славянскимъ землямъ и агронома, посланнаго Екатериною II въ Англію въ числѣ учениковъ кіевской духовной академіи для изученія агрикультуры и усовершенствованія ея, *по посвященіи своемъ въ духовный санъ,* между крестьянами. На рѣдкой гравюрѣ, сдѣланной во вкусѣ умной старины, Самборскій представленъ, согласно съ дѣйствительностью, пашущимъ на волахъ, причемъ его ордена и наперсный

крестъ повѣшены на вѣтви раскидистаго дерева. Таковъ же громадный богословскій тезисъ Кулябки, отпечатанный на атласѣ; такова обширная гравюра на деревѣ, на четырехъ листахъ, хранившаяся въ висбаденскомъ музеѣ, изображающая посольство князя Захара Ивановича Сугорскаго, посланнаго Грознымъ къ императору Максиміліану въ Регенсбургъ, въ 1576 г., причемъ выгравированы не только костюмы посла и его многочисленной свиты, порядокъ шествія и подарки, посланные царемъ римскому императору, но и богослуженіе «московитовъ». По поводу послѣдняго пражскій издатель Петтерле, разсказавъ видѣнные художникомъ обряды предъ главнымъ образомъ «возлюбленнаго Господа нашего Іисуса Христа», въ молитвѣ, заканчивающей текстъ гравюры, проситъ Спасителя «обратить эти народы къ познанію Его имени и Святого Его слова», прибавляя, что искренно желаетъ этого московитамъ, очевидно не считая ихъ все-таки за христіанъ.

Вообще не однѣ особенности нашихъ нравовъ и обстоятельствъ русской исторіи находятъ себѣ мѣсто въ объясненіяхъ и замѣткахъ Ровинскаго; нерѣдко приводятся имъ изображенія и свѣдѣнія, рисующія эпизоды изъ жизни и исторіи Запада, имѣющіе связь съ политическими отношеніями его къ Россіи. Какъ на примѣръ можно указать на рѣдкія и очень характерныя, по откровенности содержанія и недвусмысленности подписей, многочисленныя каррикатуры, направленныя съ одной стороны на коалицію монарховъ противъ революціонной Франціи, а съ другой — на якобинцевъ, національное собраніе и конвентъ, — и вообще на каррикатуры, касающіяся политическихъ событій въ Европѣ въ царствованіе Екатерины II, Павла I и Александра I. Такихъ сатирическихъ картинокъ, имѣющихъ отношеніе къ Екатеринѣ II, приведено у Ровинскаго семьдесятъ-семь, къ Александру I — 124. Эти картинки, помимо своего содержанія, исполненнаго политическаго озлобленія, не знающаго предѣловъ, иногда открываютъ интересныя черты общественной жизни Запада. Такъ, напримѣръ, въ каррикатурѣ, озаглавленной: «Ah! ça va mal! les puissances étrangeres faisant danser aux députés enragés et aux jacoquins (sic)—le même ballet que le sieur Nicolet faisait danser jadis à ses dindons»,—относится замѣчаніе Ровинскаго о томъ, что «во время появленія этой каррикатуры въ Парижѣ показывалъ балеты изъ индюшекъ нѣкій Nicolet; индюшки были заперты въ большую клѣтку съ металлическимъ поломъ, который накаливался снизу; впереди играла музыка; сперва индюшки мѣрно подпрыгивали по слегка нагрѣтому полу; потомъ полъ нагрѣвался все болѣе и болѣе, музыка шла crescendo, полъ накаливался, и несчастныя птицы съ крикомъ метались изъ сто-

роны въ сторону, дѣлая отчаянные прыжки и приводя въ восторгъ парижскую публику».

Очень интересны, съ точки зрѣнія исторической превратности и психологіи народныхъ массъ, картины, изображающія, вмѣстѣ съ фигурою императора Александра I, въѣздъ союзниковъ въ Парижъ въ 1813 г., народныя ликованія и сверженіе статуи Наполеона съ Вандомской колонны,—а также портретъ донского казака Александра Землянухина, который привезъ, въ апрѣлѣ 1813 г., въ Лондонъ извѣстіе о взятіи Гамбурга. Англичане, такъ усердно и настойчиво распространявшіе, до и послѣ войнъ съ Наполеономъ, всякія небылицы и ужасы про наше войско вообще и казаковъ въ особенности, встрѣтили тогда Землянухина съ восторгомъ, сдѣлали семь гравированныхъ портретовъ съ «the brave Russian Cossack of the Don regiment», сочинили въ честь его хвалебную пѣсню и угощали его за столомъ у лордъ-мэра, причемъ, вѣроятно немного подгулявшій объектъ ихъ лицемѣрнаго восторга на любознательные вопросы лордъ-мэра о томъ, сколькихъ онъ убилъ своею пикою, отвѣчалъ: «офицеровъ—трехъ, а сволочи—нѣсколько четвериковъ...» Но пріобрѣтая массу свѣдѣній, роясь въ архивной пыли и въ разныхъ коллекціяхъ, Ровинскій остается вѣренъ своему житейскому опыту и требованіямъ своей духовной природы. Ложный блескъ мимолетной славы не дѣйствуетъ на него,—ему гораздо дороже общечеловѣческое достоинство оригиналовъ собираемыхъ имъ «гравированныхъ портретовъ»; все дѣланное, лицемѣрное, напускное—ему противно, всякая своекорыстная жестокость его возмущаетъ. Вотъ почему Радищевъ со своимъ знаменитымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», въ которомъ слышится громкій протестъ противъ крѣпостного права, не подкупаетъ его, ибо «въ имѣніи своемъ, подъ Малымъ Ярославцемъ, самъ Радищевъ былъ жестокимъ помѣщикомъ»; поэтому же, отмѣчая курьезный трудъ Ѳедора Ивановича Дмитріева-Мамонова, издавшаго въ 1779 году, какъ «плодъ уединенной жизни дворянина-философа», новую систему «Сложенія свѣта», въ противоположность «Птоломеевой, Коперниковой, Тихобраговой и Декартовой» и вызвавшаго тѣмъ рядъ выспреннихъ прославленій подъ своими портретами,—Ровинскій не можетъ не отмѣтить, что дворянинъ-философъ былъ извѣстенъ жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными людьми. Зато онъ не упускаетъ случая указать на доброту и сердечную теплоту въ поступкахъ человѣка (напр. М. П. Погодина) или даже въ выраженіи его лица (напр. графа Платова); искренняя нѣжность проникаетъ его отзывы о людяхъ, оставившихъ по себѣ благодарное воспоминаніе. «Намъ всѣмъ еще памятенъ,—говоритъ

онъ, напримѣръ, о покойномъ принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ, — намъ всѣмъ еще памятенъ симпатичный образъ этого истинно-хорошаго человѣка. Средняго роста, нѣсколько сутуловатый, застѣнчивый, довольно некрасивый собою, онъ представлялъ рѣзкую противоположность величавой фигурѣ Николая I, котораго онъ такъ часто сопровождалъ въ поѣздкахъ по учебнымъ заведеніямъ. Зато взглядъ его, полный неизмѣримой доброты, и простое, сердечное обхожденіе со всѣми раскрывали необычайную кротость души его; каждый шелъ къ нему безъ страха, расчитывая на вѣрную помощь и сочувствіе. Для воспитанниковъ своихъ онъ былъ настоящимъ отцомъ; заботился объ удобствахъ ихъ жизни, даже объ ихъ удовольствіяхъ; безпрестанно посѣщалъ классы, а въ рекреаціонное время даже принималъ участіе въ ихъ играхъ. Безъ всякой лести можно сказать: много добра сдѣлалъ этотъ человѣкъ, а главное—дѣлалъ онъ добро съ разумною цѣлью и оставилъ глубокіе слѣды своей полезной благотворительности».

Кроткимъ свѣтомъ сочувствія несчастію ближняго—безразлично отъ мѣста, гдѣ оно свило себѣ гнѣздо—проникнуты и краткія свѣдѣнія о портретахъ людей, которымъ тяжело жилось, иногда несмотря на ихъ внѣшнюю блестящую обстановку. Вотъ что предпосылаетъ, напримѣръ, Ровинскій многочисленнымъ портретамъ супруги Александра I—Елисаветы Алексѣевны: «Извѣстная портретиста Виже-Лебренъ, увидѣвшая Елисавету Алексѣевну въ первый разъ въ 1795 г., въ Царскомъ Селѣ, отзывается о ней съ восторгомъ: ей было въ то время 16 лѣтъ, цвѣтъ лица ея былъ блѣдный, черты тонкія, выраженіе лица чисто ангельское; волосы пепельно-русые падали въ безпорядкѣ на ея лобъ и шею; станъ гибкій, какъ у нимфы. Я вскричала: это—Психея! А эта была Елисавета, жена Александра». Скорое охлажденіе супруга и мелкія семейныя непріятности заставили ее искать уединенія и полной замкнутости въ обществѣ немногихъ близкихъ людей. Она сдѣлалась мечтательною, много читала и занималась дѣлами благотворительности; на эти дѣла она отдавала все свое содержаніе изъ кабинета, оставляя на свои личные расходы не болѣе 15,000 р. въ годъ. Въ 45 лѣтъ она была средняго роста, хороша сложена; въ лицѣ и станѣ ея видны были слѣды прежней красоты; голосъ у нея былъ мягкій, проникавшій въ душу, улыбка меланхолическая; взоръ полный ума и что-то ангельское во всей фигурѣ ея говорили, что она принадлежитъ не къ этому свѣту. Она отлично знала по-русски и была другомъ Карамзина». То же самое чувство сквозитъ и въ очеркѣ, предшествующемъ перечисленію портретовъ сына Бориса Годунова, злополучнаго Ѳедора Борисовича, и даже

въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о московскомъ юродивомъ и прорицателѣ 50-хъ годовъ, сидѣвшемъ въ сумасшедшемъ домѣ «студентѣ холодныхъ водъ»—Иванѣ Яковлевичѣ Корейшѣ.

Если прибавить ко всему сказанному массу историко-техническихъ замѣчаній Ровинскаго, среди которыхъ встрѣчаются напримѣръ, интересныя подробности въ родѣ порученія выписаннымъ изъ-за границы граверамъ расписывать декораціи для фейерверковъ,—и частыя ссылки на личныя наблюденія и воспоминанія, то едва ли можно не признать за «Словаремъ» большаго значенія, какъ богатаго матеріала не для одной только исторіи искусства, но и какъ памятника громаднаго труда, исполненнаго *однимъ* человѣкомъ, вложившимъ въ него свою отзывчивую личность.

V.

«Словарь гравированныхъ портретовъ» изображалъ *русскихъ людей* на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и въ разныя историческія эпохи. Но для полноты картины нужно было изображеніе *русской жизни*,—нужно было собрать черты не *личныя*, а *бытовыя*, закрѣпленныя въ памяти народной тѣмъ или другимъ способомъ. Эту задачу выполнилъ Ровинскій въ другомъ своемъ классическомъ трудѣ, въ «*Русскихъ народныхъ картинкахъ*», изданныхъ въ 1881 г., въ девяти томахъ, изъ которыхъ четыре заключаютъ въ себѣ 1,780 картинокъ, а пять представляютъ объяснительный къ нимъ текстъ на 2,880 страницахъ большого in—8^{0}. Въ этомъ изданіи, требовавшемъ для собиранія матеріаловъ необычайной любви къ дѣлу и настойчивости, а также знанія, сопряженныхъ съ большими матеріальными жертвами, Ровинскій собралъ всѣ тѣ народныя картинки, которыя выходили въ свѣтъ до 1839 г., т.-е. до того времени, когда свободное народное художественное творчество было вставлено въ рамки офиціальной цензуры.

Въ нихъ проходитъ самыми равнообразными сторонами бытовая и духовная жизнь народа съ начала XVII вѣка по средину XIX вѣка. Въ наивныхъ изображеніяхъ народнаго рѣзца мы видимъ русскаго человѣка въ его отношеніяхъ къ семьѣ, къ окружающему міру, къ ученью,—въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ и поэтическихъ представленіяхъ, въ его скорбяхъ и радостяхъ, въ подвигахъ и паденіи, въ болѣзняхъ и развлеченіяхъ. Онъ предъ нами живой, говорящій о себѣ самъ, своимъ «краснымъ словомъ», сказкою и легендою,—своеобразный, мощный и простосердечный,

терпѣливый и страшный въ гнѣвѣ, шутливый и въ то же время вдумчивый въ жизнь и ея сокровенный смыслъ, съ добродушною ироніею смотрящій на себя и на все окружающее и величаво-спокойный предъ лицомъ смерти. Это трудъ громадный, изъ каждой главы котораго свѣтится умъ, алчущій и жаждущій свѣдѣній о своемъ, родномъ. По поводу тѣхъ или другихъ народныхъ картинъ приведены въ немъ цѣлыя подробныя, самостоятельныя изслѣдованія, обширныя извлеченія изъ памятниковъ народной литературы, стройныя, построенныя на богатыхъ источникахъ и личномъ опытѣ и изученіи бытовыя и этнографическія картины. Кто прочелъ со вниманіемъ пять томовъ текста къ народнымъ картинкамъ, тотъ можетъ сказать, что предъ его глазами прошла не офиціальная, не внѣшняя, но внутренняя русская жизнь болѣе чѣмъ за два вѣка со всѣмъ тѣмъ, что побуждаетъ ее любить, что заставляетъ грустить по поводу горькихъ сторонъ ея прошлаго и настоящаго.

Народныя картинки, называемыя также *лубочными*—отъ лубочныхъ (липовыхъ) досокъ, съ которыхъ онѣ печатались и отъ лубочныхъ коробовъ, въ которыхъ ихъ разносили для продажи офени,—долго были въ пренебреженіи у нашихъ старыхъ писателей и ученыхъ. Онѣ считались принадлежностью «подлаго» народа, какъ именовался онъ въ документахъ XVIII вѣка. Кантеміръ и даже Барковъ (!) называли ихъ негодными и гнусными, подобно тому, какъ пѣсни народа признаны были Тредьяковскимъ и Сумароковымъ «подлыми». Сатирикъ Кантеміръ не безъ гордости замѣчалъ, что творенія его не будутъ «гнусно лежать въ одномъ сверткѣ съ Бовою или Ершомъ!» «Эти чопорные господа,—говоритъ Ровинскій,—въ большинствѣ сами вышедшіе изъ «подлаго народа» никакъ не могли себѣ вообразить, что Ершъ, Бова и т. п. переживутъ ихъ *безсмертныя* творенія; но такимъ же фешенебельствомъ заражены были и болѣе развитые люди, члены ученыхъ обществъ: такъ, напримѣръ, въ 1824 году, когда Снегиревъ представилъ въ общество любителей россійской словесности свою статью о лубочныхъ картинкахъ, то нѣкоторые изъ членовъ даже сомнѣвались, можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ, рѣшено было принять эту статью, только съ измѣненіемъ заглавія въ ней,—вмѣсто лубочныхъ картинокъ, сказать—простонародныя изображенія».

Не такъ смотрѣлъ на народныя картинки М. П. Погодинъ. Онъ, по словамъ академика К. О. Веселовскаго, указалъ молодому, полному силъ и любознательности Ровинскому, увлекавшемуся собираніемъ офортовъ, новое, почти непочатое поле для дѣятель-

ности. «То, что вы собираете,—сказалъ онъ,—довольно собираютъ и другіе;—этимъ никого не удивишь, а вотъ собирайте-ка все русское, чего еще никто не собираетъ и что остается въ пренебреженіи и часто безслѣдно пропадаетъ,—такъ польза будетъ иная». Прошло много лѣтъ—и краснорѣчивымъ отвѣтомъ на совѣтъ Погодина служатъ «Русскія народныя картинки». Ими сохранены отъ забвенія, ограждены отъ истребленія и, такъ сказать, закрѣплены для будущаго всѣ виды этой отрасли народнаго творчества—начиная со сказокъ и забавныхъ листовъ, переходя къ историческимъ листамъ, букварямъ и календарямъ, и кончая притчами и листами духовными. Все это сопровождается тремя томами объяснительнаго текста, томомъ примѣчаній и дополненій и томомъ, содержащимъ въ себѣ въ высшей степени интересное «заключеніе» и алфавитные указатели. Въ этомъ заключеніи помѣщены изслѣдованія о народныхъ картинкахъ, рѣзанныхъ на деревѣ, гравированныхъ на мѣди и такъ называемою «черною манерою»,—о западныхъ источникахъ русскихъ картинъ,—о ихъ пошибѣ, стилѣ и раскраскѣ,—о народныхъ картинкахъ въ западной Европѣ и на Востокѣ—въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ,—наконецъ, о способахъ гравированія и печатанія и о продажѣ картинокъ, о надзорѣ за ихъ производствомъ и о *цензурѣ* ихъ. Послѣдняя взяла подъ свой присмотръ народныя картинки, какъ уже сказано, лишь съ 1839 года. До тѣхъ же поръ высокомѣрное отношеніе образованнаго общества къ этимъ картинкамъ и непониманіе ихъ значенія предоставляли полный безцензурный просторъ ихъ издателямъ, благодаря чему могъ сохраниться своеобразный ихъ характеръ. Даже суровыя мѣры, предпринятыя Павломъ 18-го апрѣля 1800 года, когда было опредѣлено запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ безъ изъятія, а равномѣрно и *музыки*, такъ какъ «чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благочестія»,—мѣры, отразившіяся и на внутренней цензурѣ,—не повліяли на народныя картинки. Не повліялъ на нихъ и цензурный уставъ Шишкова, изданный въ 1826 году. Поэтому въ тѣхъ собранныхъ Ровинскимъ народныхъ картинкахъ, которыя относятся ко времени до 1839 года, мы находимъ совершенно свободное выраженіе вкусовъ и мыслей какъ художника, такъ и окружавшей его среды—и уже въ одномъ сохраненіи ихъ для потомства большая заслуга Ровинскаго, тѣмъ болѣе, что распоряженія пятидесятыхъ годовъ, а также взгляды и пріемы усердныхъ исполнителей этихъ распоряженій могли привести къ безслѣдной утратѣ «лубочной» литературы и художества. Ровинскій приводитъ постановленіе

особаго комитета для провѣрки дѣйствій цензурныхъ комитетовъ, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ Бутурлина въ 1850 году, объ обязаніи полиціи представить о тѣхъ изъ старыхъ картинокъ, изданныхъ безъ цензуры, которыя отличаются предосудительнымъ содержаніемъ, чрезъ губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Получивъ это постановленіе въ апрѣлѣ 1851 года, московскій генералъ-губернаторъ, графъ А. А. Закревскій, привелъ его въ исполненіе быстро и рѣшительно. *Всѣ* старинныя мѣдныя доски, съ которыхъ печатались народныя картинки, были вытребованы въ полицію, изрублены въ куски и возвращены въ видѣ лома. Такимъ простымъ способомъ было въ Москвѣ уничтожено разъ навсегда воспроизведеніе старинныхъ безцензурныхъ картинокъ, совершенно независимо отъ ихъ содержанія. Впрочемъ, многія изъ такихъ картинокъ относились къ древнему русскому эпосу, а взглядъ на него былъ весьма неблагопріятный. Еще въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ князю Петру Андреевичу Вяземскому приходилось, по должности товарища министра народнаго просвѣщенія, съ трудомъ отстаивать статью Константина Аксакова: «Богатыри великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ» противъ раздѣляемаго тогда многими мнѣнія генералъ-лейтенанта Дубельта, находившаго, что сочиненіе Аксакова—«рукопись безполезная и отчасти безсмысленная, причемъ общее направленіе ея состоитъ въ томъ, чтобы выказать прелесть бывшей вольности»...

Нѣтъ никакой возможности, въ очеркѣ, касающемся личности и дѣятельности Ровинскаго, передать хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ богатое и въ своемъ родѣ неисчерпаемое содержаніе текста «Народныхъ картинокъ». Говоря о судебной службѣ Ровинскаго, я уже приводилъ выписки изъ этого текста, относившіяся къ судебнымъ порядкамъ старой Руси. Изъ нихъ видна уже въ достаточной мѣрѣ разносторонняя полнота этого текста. Поэтому постараюсь ограничиться лишь нѣсколькими бѣглыми замѣтками.

Основаніе всякаго общественнаго быта—*семья*. Она не возможна безъ *женщины*, и потому прежде всего идутъ у Ровинскаго картины и изслѣдованія о женщинѣ по понятіямъ XVII и XVIII вѣка. Если пришедшіе къ намъ съ Запада забавные разсказы и давали поводъ изображать женщину лишь въ юмористическомъ и откровенномъ, иногда слишкомъ откровенномъ, видѣ, то русскіе источники—«Пчела» и духовныя поученія—относятся къ ней съ упорнымъ и аскетическимъ озлобленіемъ, видя въ ней виновницу «злыхъ помысловъ» и зачастую прямое орудіе діавола.

«Злая жена,—говоритъ авторъ *Пчелы*,—есть око дьявола, торгъ адовъ, воевода неправеднымъ, стрѣла сатанина и подобна есть пересесу: всюду болитъ и всюду свербитъ, уязвляя сердца юныхъ и старыхъ». Отецъ описываетъ сыну кокетку XVII вѣка, отправляющуюся «устрѣлять» человѣческія сердца. «Сперва она прехитро себя украшаетъ, пріятныя сандаліи обуваетъ, и лицо и выю себѣ вапами (бѣлилами) повапитъ, и черности себѣ въ очесѣхъ украситъ,—когда идетъ ступаетъ тихо и шею слегка обращаетъ и зрѣніемъ умильно взираетъ, уста съ улыбкою отверзаетъ и всѣ составы въ прелести ухищряетъ» и т. д. Не лучше и жена лукавая и льстивая, обманывающая мужа ласками, которая въ то же время «въ оконце часто призираетъ, пляшетъ, бедрами трясетъ, хребтомъ вихляетъ, головой киваетъ». Поэтому-то «Пчела» и заканчиваетъ свои поученія утвержденіемъ, что женщина вообще—ехидна, скорпія, левъ, аспидъ, василискъ, неправдамъ кузнецъ, грѣхамъ пастухъ и, въ заключеніе, «блудословія гостинница». Такіе отзывы находили себѣ сочувственный откликъ у нѣкоторыхъ, чья семейная жизнь сложилась не на радость—и Ровинскій указываетъ на рукопись, гдѣ противъ этихъ названій рукою удрученнаго супруга было отмѣчено: «подобное оной заповѣди моя жена Пелагея во всемъ сходство имѣетъ», а противъ слова «скорпія» особливо сказано: «и сія подобна во всемъ».

Но большинство не смотрѣло такъ мрачно на женщину и относилось къ ея «ехидству и уверткамъ» такъ же снисходительно, какъ и къ продѣлкамъ мужской братіи. Стоитъ припомнить похожденія богатырей нашихъ былинъ съ Апраксѣевной, Забавой Путятишной и другими. Кромѣ того, у народа были и другія изображенія женщинъ, рисовавшія ихъ въ образѣ великой нравственной чистоты, каково, напр., изображеніе XVII вѣка Юліаніи Лазаревской. Наконецъ, по замѣчанію Ровинскаго, «проповѣдное озлобленіе «Пчелы» и бесѣдъ противъ женщины не имѣло значенія въ народномъ быту; народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ гораздо проще и трезвѣе; по его *глупому разуму*: родился человѣкъ мужикомъ на свѣтъ, значитъ и слѣдуетъ ему семью завести, и работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, подвору ходитъ корова, а въ полѣ ленъ поспѣлъ,—значитъ нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да къ тому же онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе это не настоящее, а напускное, и что на дѣлѣ иной отшельникъ, пожалуй, далеко не прочь залучить въ свое уединеніе повапленнаго аспида въ пріятныхъ сандаліяхъ».

Съ реформою Петра Великаго женщина вышла изъ теремовъ

и изъ-подъ постоянной опеки. Реакція была очень сильная, доходившая до крайностей въ поведеніи, въ питьѣ вина и т. п. Женщину стали учить танцамъ и «поступи нѣмецкихъ учтивствъ» (Семевскій) и ей подчасъ становилось тяжко отъ «куплиментовъ великихъ и отъ присѣданій хвоста» (Соловьевъ). Картинки отражаютъ на себѣ эту перемѣну, потомъ подпадаютъ вліянію французскихъ образцовъ—и затѣмъ надолго впадаютъ въ насмѣшливый тонъ относительно браковъ неравныхъ и порасчету, реестровъ приданому и обмановъ при бракосочетаніяхъ, практиковавшихся, главнымъ образомъ, впрочемъ, до Петра Великаго, приказавшаго женихамъ и невѣстамъ видѣться до свадьбы... Много ѣдкаго юмору слышится въ этого рода картинкахъ. Къ вопросу о женщинѣ Ровинскій обращался и въ «словарѣ гравированныхъ портретовъ». Тамъ, приведя свѣдѣнія о выдающихся русскихъ женщинахъ, указывая на тактичное и разумное президенство княгини Дашковой въ Академіи Наукъ, онъ замѣчаетъ: «какой разительный переходъ отъ домостройной женщинѣ попа Сильвестра къ женщинѣ-президенту высшаго въ государствѣ ученаго мѣста!— и это въ то время, когда въ Европѣ начали переживать *праздный* вопросъ о томъ— слѣдуетъ ли допускать женщину къ высшему образованію и можетъ ли она серьезно заниматься науками?..» По этому вопросу онъ вполнѣ присоединялся къ приводимымъ имъ словамъ Каткова: «женщина по существу своему не умалена отъ мужчины; ей не отказано ни въ какихъ дарахъ человѣческой природы, и нѣтъ высоты, которая должна остаться для нея недоступною. Наука и искусство могутъ быть открыты для женщины въ той же силѣ, какъ и для мужчинъ. Свѣтъ науки черезъ женщину можетъ проникать въ сферы менѣе доступныя для мужчины, и она можетъ своеобразно способствовать общему развитію народнаго образованія и человѣческому прогрессу. Но если мы хотимъ предоставить женщинѣ равный съ мужчиною удѣлъ въ наукѣ, то мы должны поставить и женское образованіе въ одинаковыя условія съ мужскимъ».

Плодомъ *семьи* являются *дѣти*, а ихъ надо учить. Отсюда вопросъ о взглядѣ на ученіе въ старые годы. Оно давалось не легко и корень его, конечно, былъ «горекъ».

По замѣчанію И. Е. Забѣлина, «старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она суровымъ и сухимъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и розгою въ другой. Первоначальные печатные буквари наши сопровождались изображеніемъ учителя съ розгою и увѣщаніями о пользы лозы». Ровинскій приводитъ кар-

тину, гдѣ прославленіе розги оканчивается воззваніемъ: «о, вразуми Боже учителемъ и родителемъ, дабы малыхъ дѣтей лозою били, благослови Боже оные лѣса и надолгія времена, гдѣ родится лоза,—малымъ дѣтямъ ко вразумленію, а старымъ мужемъ въ подкрѣпленіе». По поводу этого особеннаго лѣсохранительнаго усердія, онъ замѣчаетъ, что при строгомъ господствѣ правила о томъ, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, въ языкѣ нашемъ даже выработалось особое свойство, по которому можно выдѣлать боевой глаголъ изъ каждаго существительнаго имени:

«Ты что тамъ уронилъ?»—спрашиваетъ буфетчикъ.

«Стаканъ»,—отвѣчаетъ половой мальчикъ.

«Ужъ я-те отстаканю!»—грозитъ буфетчикъ.

«Наегорьте-ка Антошкѣ спину, мошеннику!»—приказываетъ артельный староста.

«Нутка, принонтійстимъ-ка его, братцы!»—и всѣмъ этотъ краткій, но энергическій языкъ совершенно понятенъ.

Старинные буквари, и въ особенности посвященный «пречестнѣйшему господину Симеону Полоцкому», были весьма подробны и снабжены тщательно вырѣзанными картинками; позднѣйшіе были хуже и составлены менѣе рачительно, но зато къ нимъ прилагалось наставленіе о писаніи писемъ. Этого рода наставленія, называвшіяся *письмовниками* или *формулярниками*, были въ большомъ ходу въ XVII и XVIII вѣкѣ. Вотъ напримѣръ, какіе образцы начала писемъ изъ формулярника начала XVIII вѣка сообщаетъ А. Ѳ. Бычковъ: а) *Отъ вдовой матери сыну:* «Отъ пустынныя горлицы вдовства смиреннаго, заклепныя голубицы, отъ смутныя утробы, отъ присныя твоея матери, отъ единородныя твоея родительницы, отъ тѣснаго ума и языка неутомительнаго, сыну моему—имрекъ». б) *Ко учителю*: «Крѣпкоумному смыслу и непоколебимому разуму, художествомъ отъ Бога почтенному, риторскаго и философскаго любомудрія до конца навыкшему, учителю моему—имрекъ». в) *Къ возлюбленной*: «Сладостной гортани словесемъ медоточнымъ, красотѣ безмѣрной, привѣту нелицемѣрному, улыбанію и смѣху полезному, взору веселому, лицу прекрасному, паче же въ православіи сіяющей ластовицѣ моей златообразной—имрекъ». Въ «Народныхъ картинкахъ» помѣщенъ огромный листъ «Ариѳметики», сочиненный и выгравированный библіотекаремъ Купріяновымъ съ ученикомъ его Петровымъ въ 1703 году, посвященный Петру I и царевичу Алексѣю Петровичу, составляющій большую библіографическую рѣдкость. Извѣстно, что Петръ I очень хлопоталъ относительно обученія народа ариѳметикѣ, и съ этою цѣлью учредилъ въ маѣ 1714 г, ариѳметическія и геометрическія

школы для дворянскихъ и приказныхъ дѣтей отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; школы эти приказано было открывать въ архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ, а обучающимся въ оныхъ давать, по окончаніи обученія свидѣтельства, безъ чего, нетерпѣливый въ своемъ желаніи видѣть свой народъ знающимъ, Петръ I даже запрещалъ имъ вступать въ бракъ.

За букварями, какъ средство къ познанію окружающаго міра въ физическомъ и политическомъ отношеніи, слѣдовали различныя космографіи. Свѣдѣнія, собранныя въ этихъ сборникахъ, чрезвычайно рельефно рисуютъ наивность взглядовъ старыхъ русскихъ людей на все, что находится за рубежемъ русской земли. Въ «Народныхъ картинкахъ» содержится подробное описаніе лицевой космографіи, гдѣ между прочимъ, *королевство французское* характеризуется тѣмъ, что «прежде крещены были отъ св. апостола Павла, нынѣ же заблудились,—люди въ немъ воинскіе храбрые, нанимаются биться по многимъ королевствамъ, зѣло невѣрны и въ обѣтахъ своихъ некрѣпки, а пьютъ много»;—про *королевство агленское* говорится, что англичане «нѣмцы купеческіе и богатые,—пьютъ же много», при чемъ, со словъ стараго нѣкоего мудреца, имъ приписываются совершенно немыслимые блудные обычаи гостепріимства, а въ *королевствѣ польскомъ* усматривается, что люди въ немъ «величавы, но всякимъ слабостямъ покорны,—вольность имѣютъ великую, паче всѣхъ земель, кралей же имѣютъ особно избранныхъ и сихъ мало слушаютъ, пьютъ же зѣло много»... Въ той же космографіи и въ различныхъ картинкахъ помѣщены извѣстія о внѣевропейскихъ государствахъ,—краткія и весьма своеобразныя, напримѣръ: «Мазическое царство дѣвичье, а сходятся они съ Еѳіопами съ году на годъ; мужской полъ отдаютъ Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ». Далѣе, тамъ же поминаются три острова; на одномъ изъ нихъ живутъ «люди-великаны, главы у нихъ песьи»; на другомъ—«людіе, власы у нихъ видомъ львовы, велицы и страшны зѣло, въ удивленіе», а на третьемъ живутъ змѣи, «лице у нихъ дѣвическое; до пупа человѣкъ, а отъ пупа у нихъ хоботъ зміевъ, крылати, а зовомы василиски». Затѣмъ упоминаются стеклянныя горы, гдѣ живутъ «корбаты и зміи», до которыхъ доходилъ царь Александръ Македонскій и т. д. Есть и другая космографія, въ которой говорится «о людяхъ Астромовехъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обѣихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія нахнучаго, и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣсть у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ»—и о людяхъ «Монокуляхъ объ одной ногѣ, а

коли солнце печетъ, и они могутъ покрытися ногою какъ лапою» и т. д.

По этому поводу я долженъ замѣтить, что съ наивностью и баснословностью свѣдѣній, сообщаемыхъ нашими космографіями, предпринялъ борьбу Петръ Великій, какъ это видно изъ имѣющейся у меня очень рѣдкой книги подъ заглавіемъ «Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыя и новыя географіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцикѣ напечатано, а нынѣ повелѣніемъ великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Перваго, всероссійскаго Императора, при наслѣдственномъ благороднѣйшемъ Государѣ Царевичѣ Петрѣ Петровичѣ—на россійскомъ напечатано въ Москвѣ, въ 1719 году».

Яганъ Гибнеръ особенно интересуется нравами и свойствами жителей разныхъ странъ, а также ихъ учрежденіями. Описывая послѣднія, онъ старается, однако, отмежеваться отъ области «политики», «исторіи» и «генеалогіи», но, тѣмъ не менѣе, часто обращается къ историческимъ фактамъ, давая имъ живое и своеобразное освѣщеніе. Точный и оригинальный языкъ автора въ переводѣ пріобрѣлъ особую образность и силу, свойственныя, несмотря на заимствованіе чужихъ словъ, языку Петровскаго времени. Характеристики отдѣльныхъ народовъ, при чемъ, конечно, наибольшее мѣсто отводится Европѣ, нерѣдко поразительны по своей вѣрности и умѣнью сочетать и выставить рельефно отличительныя свойства народнаго характера. Мѣткіе и рѣшительные приговоры — чрезъ сто восемдесятъ пять лѣтъ не утрачиваютъ своего значенія и примѣнимости въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и къ настоящему времени.

Вотъ какъ, напримѣръ, рисуетъ авторъ французовъ въ отвѣтѣ на вопросъ о томъ, «какія жители обрѣтаются *во Франціи?*»— «сіи жители въ ученіи зѣло любопытны, въ экзерциціяхъ поспѣшны, въ войнѣ высокоумны, храбры и скоропостижны,—къ чужестраннымъ учтивы и вѣжливы,—въ платьѣ перемѣнны и замысловаты,—въ языкѣ своемъ искусны и благопріятны, королю своему вѣрны и *во всѣхъ дѣлахъ скорую имѣютъ резолюцію*». Если отбросить стертую рукою исторіи «вѣрность своему королю» и не поставить насчетъ храбрости французовъ ихъ пораженій въ 1870—1871 гг., отнеся ихъ, по всей справедливости, къ бездарнымъ «высокоумнымъ» военачальникамъ и «скоропостижнымъ политикамъ», имѣвшимъ слишкомъ «скорую резолюцію»,—то предъ нами будетъ живое изображеніе современныхъ французовъ, со всѣми ихъ отличительными свойствами. Къ другимъ двумъ романскимъ націямъ «Описаніе земноводнаго круга» относится съ боль-

нею критикою. Отвѣтъ на вопросъ о *«состояніи жителей гишпанскихъ»* указываетъ, что у «оныхъ хвалятъ остроуміе ихъ и постоянство, а противъ того хулятъ ихъ гордость и лѣнивство», что «особый языкъ ихъ съ латинскимъ во многомъ сходенъ и такимъ образомъ кажется, что оный отъ латинскаго родился» и что, наконецъ, «проѣзжія люди иностранныя—корчмами зело недовольны». Отмѣчено враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ:—«между гишпанцами и французами природная ли или обыклая антипатія состоитъ—о томъ еще и нынѣ диспутуется». Но что стоитъ внѣ спора—это экономическое истощеніе страны и ея малая населенность. «Гишпанія въ протчемъ гораздо столько жителей не имѣетъ сколько бъ оная обнять могла, а причины ктому отчасти за воздухомъ (... сія земля гораздо жарчае, нежели Германія, говорится въ другомъ мѣстѣ...), а отчасти за невременною любовію; также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мароновъ и для жестокой инквизиціи и для многихъ оттуда переведенцевъ быть являются»... Къ малой населенности Испаніи авторъ возвращается и говоря о Франціи, въ которой «примѣчается въ лошадяхъ скудость; для того говоритца ежелибъ въ Гишпаніи столько людей родилось, какъ во Франціи, а во Франціи столькобъ лошадей, какъ въ Гишпаніи, то бы обоимъ королевствамъ нужды не было». Вѣрными чертами намѣчаются, такимъ образомъ, тѣ язвы, которыя разъѣли организмъ богатой и когда-то вполнѣ культурной страны и отодвинули ее на задній планъ исторической сцены. Политическая мудрость и благородная терпимость звучатъ въ этомъ перечисленіи причинъ паденія Испаніи и звучатъ въ то время, когда эти свойства вовсе еще не сдѣлались достояніемъ здраваго государственнаго управленія. Достаточно припомнить, что̀ происходило за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, среди народа «имѣющаго скорую резолюцію» по поводу отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 г., когда «разослалъ король драгунъ своихъ гугенотовъ отъ вѣры ихъ обратить въ католицкую, чего ради нѣкоторыя отреклись вѣры, дабы избыть мученія, нѣкоторыя даже до смерти замучилися, а многія оставя имѣніе свое и пожитки поѣхали въ швейцары, въ голландію и англію, кромѣ тѣхъ, кои въ севенскихъ горахъ пребываютъ и нѣсколько лѣтъ калвинскую вѣру противъ королевскихъ войскъ шпагою обороняли, однакожъ мало имъ въ томъ удачи было». «Гишпанцы» и «французы» служатъ мѣриломъ для оцѣнки *итальянцевъ*. «Не можно лучше итальянскаго нрава описать кромѣ, что когда говорится: что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостію и французскою безпечальностію или веселостію». Разсаднику

искусствъ и наукъ, озаренному свѣтомъ Возрожденія, отдается справедливость: «итальянская нація достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже оные въ музыкѣ, и въ архитектурномъ и въ живописномъ и въ протчихъ художествахъ и мудрыхъ искусствахъ предъ другими народами не мало превосходятъ». Но и несимпатичныя свойства народа не ускользаютъ отъ автора. «Имъ (т. е. итальянцамъ) приписуется, говоритъ онъ, ревнованіе невѣдомо, либо за хулу или яко благочестіе, также и превеликое неприступное злопамятство». Забота о положеніи путешественниковъ сказывается и при описаніи Италіи, гдѣ «прежде сего отъ бандитовъ или разбойниковъ, а особливо внизу въ Неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены».

Но особо лестнымъ мнѣніемъ Ягана Гибнера, а быть можетъ и русскаго переводчика, украсившаго подлинный текстъ доброжелательными прибавками (подобно тому какъ съ очевидностью измѣненъ и сокращенъ, примѣнительно ко взглядамъ русскихъ читателей, текстъ отвѣтовъ о Россіи), пользуется излюбленная Петромъ *Голландія*. «Ремесло жителей оной есть купечество, которое въ Голландіи такъ возвысилось и весьма имовѣрно, что во всемъ свѣтѣ столько кораблей не обрѣтается сколько въ семъ маломъ государствѣ находится. И кто вѣдаетъ, что народъ оной зѣло правдивъ, простосердеченъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, береженъ и саможелателенъ, тотъ не удивляется, что они въ купечествѣ всѣхъ другихъ народовъ превосходятъ. Но при томъ не объятномъ купечествѣ не покидаютъ оныя и книжнаго ученія, которое у нихъ такъ въ землѣ той распространилось, что они многія иныя земли въ томъ посрамить могутъ». Эта характеристика получаетъ особую цѣну при сравненіи голландцевъ съ португальцами, «кои большое прилежаніе имѣютъ къ купечеству и торговлю во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта въ добромъ имѣютъ состояніи,—но также склонны ко всѣмъ добродѣтелямъ и порокамъ, которые съ симъ ремесломъ слѣдуютъ, а особливо ученіе тамо вельми уничтожено, а во время мира можетъ быть и воинскую храбрость весьма позабыли». Не менѣе голландцевъ нравится автору и населеніе Граубинденской земли (Граубюнденъ), гдѣ «зачинается рѣка Ренъ» и гдѣ «жители живутъ зѣло единодушно, мало знаютъ о излишнихъ роскошахъ и прихотяхъ и однимъ словомъ являются яко бы изъ стараго свѣта остались»,—при чемъ къ ихъ союзу относится и достопамятный городъ Семпахъ, «понеже тамо въ 1386 году достались естрейхерцамъ отъ швейцаръ немилостивыя побои». *Англіи* посвящено въ «Земноводномъ кругѣ» много отвѣтовъ, въ

которыхъ по отношенію къ Ирландіи высказывается взглядъ, до нынѣ раздѣляемый большинствомъ «благонамѣренныхъ» англичанъ, видящихъ въ великодушныхъ и мудрыхъ предложеніяхъ Гладстона чуть не проповѣдь полнаго государственнаго разложенія Британіи. «О жителяхъ Ирландіи мало добраго пишутъ,—говоритъ Гибнеръ,—кромѣ того, что они къ работѣ лѣнивы, къ тому же худыя и упрямыя люди и понеже аглічане усмотрѣли, что невозможно закоснѣлаго въ нихъ права премѣнить и исправить, того ради многихъ переведенцевъ изъ Англіи туда на житье отправили, а противъ того многими тысячами ірляндцевъ другимъ потентатамъ поступились». Объ отдаленныхъ странахъ Гибнеръ отзывался съ большею осторожностью. Такъ Африка—полна «незнаемыхъ земель» и «неудобопамятныхъ королевствъ», а также разныхъ звѣрей, какъ-то—долгихъ обезьянъ, драконовъ, т.-е. зміевъ великихъ, львовъ, слоновъ и «струсовъ» коихъ и имъ подобныхъ такое множество при рѣкахъ находится, что никто не можетъ безопасно проѣхать. Жители тамошніе «суть всюду дикія и необходительныя люди; повыше къ медитеранскому морю еще оныя отъ части бѣляе, а которые пониже тамо живутъ, оныя суть чернообразны; которыя живутъ въ верху признаваются въ махометанской вѣрѣ, но и христіане между нихъ находятся, но оные больше христіанское имя носятъ, нежели дѣла отправляютъ; тѣже, которые къ западу при ѳіопскомъ морѣ живутъ, городовъ не имѣютъ и никакого короля не знаютъ, но токмо скитаются вездѣ; въ одной землѣ они немногимъ лутче звѣрей, а наипаче, что оныя человѣческое мясо жрутъ; въ землѣ свой называются они готентотенъ, а говорятъ языкомъ подобно какъ у насъ куры кричатъ». Христіанскую вѣру исповѣдуютъ также цесарь и жители Мурінской земли или Габесиніи, но только «оная вѣра отъ европской во многихъ вещахъ не сходна». Король этого государства «отъ африканъ именуетца великой негуцъ, прежде сего въ простомъ народѣ назывался онъ священникъ Іоаннъ или Жанъ, но нынѣ отъ такого безумнаго имени отвыкли, ибо подлиннѣе о томъ увѣдомлены». Перехожу снова къ сочиненіямъ Ровинскаго.

Свѣдѣнія о всеобщей исторіи, сообщаемыя при старыхъ картинкахъ, были въ томъ же родѣ какъ и въ космографіи, но родная исторія глубоко интересовала пріобрѣтателя картинокъ, вникавшаго сердцемъ въ значеніе изображенныхъ на нихъ событій. «Знаменитое Мамаево побоище, говоритъ Ровинскій, на ряду съ погромомъ 1812 года, глубоко врѣзалось въ народную память, было описано множество разъ, въ разныхъ редакціяхъ и никогда не потеряетъ своего кровнаго интереса. Народъ хорошо понимаетъ, что это была не за-

урядная удѣльная рѣзня,—изъ-за добычи или оскорбленнаго самолюбія, а битва народная, на смерть,—за родную землю, за русскую свободу, за женъ и дѣтей, за все, что было русскому человѣку и свято, и дорого; вотъ почему слово о Мамаевомъ побоищѣ имѣетъ для него такой глубокій интересъ, и почему на это событіе сдѣлана и самая громадная изъ всѣхъ народныхъ картинокъ (почти трехъ-аршиннаго размѣра), въ четырехъ разныхъ видахъ, съ большимъ, пространнымъ текстомъ. Наши ученые обвиняютъ составителя слова о Мамаевомъ побоищѣ въ томъ, что онъ подражалъ въ описаніяхъ своихъ Слову о полку Игоревѣ и притомъ не всегда удачно; отчасти это и правда: нѣтъ сомнѣнія, что автору Мамаева сказанія было хорошо извѣстно Слово о полку Игоревѣ, и что это послѣднее въ литературномъ отношеніи несравненно выше сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, но для народа оно не представляетъ особаго интереса, ни по описанному въ немъ событію, ни по обилію поэтическихъ хитросплетеній, не всегда понятныхъ для неграмотнаго люда. Мамаево побоище, напротивъ того, написано языкомъ простымъ и понятнымъ для народа; разсказъ о событіи въ немъ безхитростный, полный интереса и Верещагинской правды. Сколько разъ случалось мнѣ въ былое время слышать чтеніе этого *побоища* въ простонародьи; читаетъ полуграмотный парень чуть не по складамъ: братцы, по-сто-имъ за зем-лю рус-скую... ря-домъ ле-жатъ- кня-зья Бѣ-ло-зер-скіе... у-битъ... у-битъ...—кажется, что тутъ за интересъ въ разсказѣ, а всѣ какъ одинъ, и старый и малый, навзрыдъ плачутъ...»

Послѣ «Мамаева побоища», картинки историческаго содержанія появляются при императрицѣ Елисаветѣ, побѣды которой надъ Пруссіею очевидно сильно заинтересовали народъ, инстинктивно понимавшій ихъ возможное для будущаго значеніе. Затѣмъ уже народный рѣзецъ въ большей или меньшей степени отзывался во всѣ историческія событія и далъ, наконецъ, богатѣйшее собраніе лубочныхъ каррикатуръ на Наполеона и на его походъ 1812 г. Подробному разбору и описанію этихъ каррикатуръ посвящена Ровинскимъ цѣлая глава въ пятомъ томѣ его текста, представляющая чрезвычайно интересный и богатый по своимъ даннымъ этюдъ объ отечественной войнѣ, о главныхъ ея дѣятеляхъ, запечатлѣвшихся въ народныхъ воспоминаніяхъ, о взятіи и сожженіи Москвы, о партизанахъ Фигнерѣ, Сеславинѣ и Денисѣ Давыдовѣ. Въ этомъ этюдѣ Ровинскій живыми красками изображаетъ взглядъ народа на нашествіе Наполеона и подвергаетъ тонкому психологическому разбору настроеніе и чувства простого русскаго человѣка при извѣстіи о гибели Москвы, о поруганіи ея хра-

мовъ. Глубокая любовь къ родинѣ слышится въ горячихъ строкахъ его.

Историческія событія волновали народную жизнь лишь по временамъ,—въ картинкахъ по поводу ихъ отражались его взгляды на цѣлость русской земли, на свойства и значеніе воинскихъ подвиговъ и успѣховъ, при чемъ эти картинки были, подчасъ, такъ сказать, подсказываемы внѣшними обстоятельствами, громомъ побѣдъ или радостью отъ прошедшей опасности, грозившей тому, что дорого и свято. Но вкусы народа, но его идеалы, его мечты и розмахъ его фантазіи, сказывались не въ историческихъ листахъ, а въ картинкахъ, иллюстрировавшихъ житія, легенды, сказки и былины. Ихъ значеніе огромно, ибо народъ надо судить и понимать по его вкусамъ и идеаламъ, а не по измѣнчивымъ, часто созданнымъ независящими отъ него обстоятельствами, нравамъ его. Ровинскій собралъ и изучилъ множество картинокъ, относящихся именно къ этому предмету. Почти два огромныхъ тома и значительная часть «заключенія» въ пятомъ томѣ посвящены имъ этого рода картинкамъ. Опираясь на выводы А. Н. Пыпина и В. В. Стасова, онъ даетъ цѣлое историческое изслѣдованіе о происхожденіи, пріемахъ и образахъ произведеній русскаго эпоса въ сравненіи съ западнымъ и восточнымъ, характеризуетъ животный эпосъ и народный взглядъ на силы природы. Въ рядѣ картинъ и подробныхъ къ нимъ объясненій проходятъ русскіе богатыри, родные и заимствованные изъ иноземныхъ повѣстей герои сказокъ, но почти всѣ, однако, со своею повадкою и особенностями, въ которыхъ «русскій духъ и Русью пахнетъ»; проходитъ излюбленный русскими сказителями «Иванушка дурачекъ», который очень и очень «себѣ на умѣ»; пролетаютъ фантастическія птицы—гарпія, съ лицомъ человѣка и крыльями летучей мыши,—райская птица Сиринъ, коей «гласъ въ пѣніи зѣло силенъ», и Алконостъ, которая «егда въ пѣніи гласъ испущаетъ, тогда и самое себя не ощущаетъ, а кто по близости ея будетъ, тотъ все въ мірѣ семъ забудетъ...»;—проѣзжаетъ баба-яга на крокодилѣ, представленномъ наивнымъ художникомъ съ людскимъ лицомъ, обезьяньими лапами и пушистымъ хвостомъ.

На народныхъ картинкахъ всѣ твари и даже растенія разговариваютъ съ человѣкомъ, и Ровинскій дѣлаетъ любопытныя замѣчанія, возражая Аѳанасьеву и другимъ приверженцамъ миѳической теоріи, по которой разговоръ этотъ и самыя похожденія героевъ и богатырей имѣютъ иносказательное миѳическое значеніе. «Въ нашихъ лицевыхъ сказкахъ, — говоритъ онъ, — и въ забавныхъ листахъ не видно и тѣни миѳическихъ или стихійныхъ значеній; наши картинки—позднято происхожденія, и герои, изобра-

женные въ нихъ, вполнѣ реальны; ходитъ ли, напримѣръ, по ночамъ змѣй или звѣрь къ женщинѣ, уноситъ ли ее драконъ,— сказка такъ и разумѣетъ дѣйствительнаго змѣя или дракона, не предполагая при этомъ ни метафоры, ни олицетворенія какой-либо стихіи. Точно такъ служатъ богатырямъ Еруслану и Ильѣ Муромцу и разговариваютъ съ ними вѣрные ихъ кони, съ Иваномъ-царевичемъ сѣрый волкъ, а къ пьяницамъ держитъ рѣчь высокая голова хмель. У человѣка, постоянно обращающагося съ природой, все составляющее его обиходъ живетъ и разговариваетъ. Залаетъ собака, напримѣръ,—и привычный хозяинъ понимаетъ, что сказывается въ ея лаѣ; онъ хорошо знаетъ, чего добивается, мурлыча и бурча около него, Котофей Ивановичъ; зачѣмъ прилетѣли—сорока-воровка и воронъ-вороновичъ, и отчего реветъ лѣсной Михайло Ивановичъ и кричитъ домашняя коза его Машка; онъ олицетворяетъ ихъ какъ неизмѣнныхъ своихъ товарищей и переводитъ ихъ лай, ревъ и мурлыканье на свой человѣческій языкъ. Простой человѣкъ и видитъ, и думаетъ цѣлыми картинками; *гребнемъ* стоитъ передъ нимъ лѣсъ, *полотенцемъ* растянулась рѣка, громовыя тучи несутся въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ великановъ, и все это и вчера, и сегодня, помимо всякого до-историческаго развитія, а потому естественно, что онъ чутьемъ чуетъ, что около него нѣтъ ничего мертваго. Прочтите у старика Аксакова дѣтскіе годы Багрова, — вѣдь у него лѣсъ какъ живой человѣкъ стонетъ, дерево подъ топоромъ плачетъ».

Сказки даютъ ему поводъ коснуться самихъ сказочниковъ и привести интересныя личныя наблюденія и воспоминанія. Такъ, говоря о такъ называемыхъ *понукалкахъ* при царскихъ сказочникахъ, онъ замѣчаетъ, что видѣлъ такихъ же понукалокъ не разъ при бродячихъ пѣвицахъ-импровизаторшахъ въ Андалузіи, Египтѣ и Индіи, помогающихъ имъ не остыть въ жару импровизаторства. Указывая на рѣдкость хорошихъ сказочниковъ, на необходимость для нихъ огромной памяти и искусства «крошить и перемѣшивать сказки, такъ чтобы слушателю было невдомекъ, новую ли онъ слышитъ сказку, или только старую погодку на новый ладъ»,— Ровинскій вспоминаетъ, что у его родителей въ домѣ была такая сказочница Марья Максимовна. «У нея въ памяти держался огромный запасъ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ она выдѣлывала сотни сказокъ, измѣняя имена собственныя и вставляя по временамъ присказки и прибаутки». Такой же процессъ происходитъ, по мнѣнію Ровинскаго, и при передачѣ былины: опытные сказители включаютъ въ былины свои не только новые, слышанные ими, разсказы, но зачастую вставляютъ въ нихъ цѣлые

эпизоды изъ книжной литературы, подвергая ихъ при этомъ полной переработкѣ на русскіе нравы. «Въ долгіе зимніе вечера наши, — прибавилъ онъ, — на бойкомъ постояломъ дворѣ за свѣтлымъ чайкомъ, да и въ кабачкѣ на торномъ мѣстѣ, за стаканчикомъ зеленаго винца, такихъ сказочниковъ и нынче еще найти можно». Этимъ-то сказочникамъ и обязаны мы сохраненіемъ большинства нашихъ русскихъ сказокъ, которыя долгое время переходили у нихъ изъ устъ въ уста; только въ концѣ XVII вѣка начали онѣ заноситься въ рукописные сборники, а съ половины XVIII вѣка стали переходить въ печать. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить на картинкахъ внѣшняго вліянія Запада въ изображеніи коренныхъ русскихъ богатырей, скопированныхъ прямо съ иностранныхъ и преимущественно французскихъ образцовъ. Такъ, напримѣръ, въ одной лицевой сказкѣ Илья Муромецъ представленъ въ видѣ западнаго рыцаря; на отдѣльной картинкѣ Илья изображенъ вмѣстѣ съ Соловьемъ-разбойникомъ: оба они на коняхъ, въ французскихъ кафтанахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ и ботфортахъ. Но свое, родное, брало все-таки верхъ, и въ этомъ отношеніи гораздо замѣчательнѣе изображеніе Соловья-разбойника верхомъ на пряничномъ конькѣ, въ одеждѣ древняго русскаго воина, въ двубортномъ кафтанѣ съ нашивными петлями и въ круглой шапочкѣ (тафьѣ) съ перомъ.

Въ разнообразныхъ легендахъ особенно сильно выразилась добрая и склонная къ милосердію натура русскаго человѣка; въ нихъ отразилось ярко и образно также и его религіозное чувство. У Ровинскаго этотъ отдѣлъ чрезвычайно богатъ и такъ разностороненъ, что можетъ быть предметомъ глубокаго изученія самъ по себѣ, независимо и отдѣльно отъ всего остальнаго въ книгѣ. Страшный судъ во всевозможныхъ видахъ, хожденіе св. Ѳеодоры по мытарствамъ, легенды о Георгіи Побѣдоносцѣ и Николаѣ Чудотворцѣ смѣняютъ другъ друга, раскрывая не только поэтическія и простодушныя религіозныя представленія народа о загробной жизни, но и его взгляды на правильныя стези жизни земной, въ которой онъ такъ часто окруженъ искушеніями и наущеніями бѣсовъ, между которыми есть даже спеціальный, носящій названіе «Замкни-Калита» и мѣшающій творить милостыню. Особенно трогательны легенды о заступничествѣ Богородицы предъ Сыномъ за грѣшное человѣчество. Она всегда плачетъ о немъ и предстательствуетъ за него на страшномъ судѣ. На двухъ картинкахъ, между прочимъ, изображено и разсказано, какъ нѣкій разбойникъ, вздумавшій помолиться предъ иконою Богородицы, вдругъ увидѣлъ, что икона движется, и что отъ рукъ и ногъ младенца Христа исте-

кастъ кровь; тогда онъ сталъ еще сильнѣе молиться Богородицѣ и просить ее, чтобы заступилась за него предъ своимъ Сыномъ. Богородица начала молить Спасителя помиловать грѣшника, сперва ради ея любви, потомъ ради болѣзней, которыя она претерпѣла, видя его страданія на крестѣ и т. д., но на всѣ эти просьбы Спаситель отвѣчалъ отказомъ. Тогда Богоматерь составила Спасителя съ рукъ своихъ на землю и хотѣла припасть къ ногамъ Его съ молитвой, но этого не допустилъ Христосъ и далъ свое прощеніе грѣшнику, который послѣ такого чуда «поживе богоугодно»...

Обширное собраніе изображеній грѣховнаго человѣка заключается картинками, названными «духовная аптека» и «быліе, врачующее отъ грѣховъ». Въ нихъ замысловато указывается, какъ излечить себя отъ скверны грѣха. «Старецъ нѣкій вниде во врачебницу, — гласитъ подпись подъ ними, — и рече ему врачъ: кую потребу, отче, имѣя вшелъ еси семо? Отвѣча старецъ: есть ли у тебя быліе врачующіе грѣхи? Глаголетъ ему врачъ: аще требуеши покажу ти его: возми корень нищеты духовныя на немъ же вѣтви молитвенныя процвѣтаютъ цвѣтомъ смиренія, изсуши его постомъ воздержанія, изотри его терпѣливымъ безмолвіемъ, просѣй ситомъ чистой совѣсти, посыпь въ котелъ послушанія, налей водою слезною, накрой покровомъ любви и подпали теплотою сердечною, и разжегши огнь молитвы, подмѣшай капусты благодаренія, и упаривши довольнымъ смиренномудріемъ, влей на блюдо разсужденія, довольно простудивши братолюбіемъ, и часто прикладай на раны сердечныя и тако уврачуеши болѣзни душевныя отъ множества грѣховъ».

Гораздо менѣе разнообразенъ отдѣлъ *сатирическихъ* картинокъ. Замѣчательно, что къ нимъ прибѣгало иногда само правительство, съ цѣлью осмѣять упорство противъ какой либо своей уже принятой или только еще подготовлявшейся мѣры. Такъ, Екатерина II приказала пустить въ народъ картинку, изображавшую «челобитную калязинскихъ монаховъ», съ цѣлью подготовить его къ знаменитому указу объ отобраніи монастырскихъ земель и имуществъ, — картинку, заимствованную изъ рукопису XVII вѣка и представляющую ядовитую сатиру на несогласные съ монастырскою жизнью обычаи, которые хотѣла подчеркнуть императрица. Она, впрочемъ, прибѣгала къ народнымъ картинкамъ и не съ цѣлью сатиры. Такъ по ея распоряженію изданъ рядъ такихъ картинокъ для объясненія значенія прививки коровьей оспы и для подготовленія народа къ этой санитарной мѣрѣ... Ко временамъ Петра Великаго относится сатирическая картинка: «цирульникъ хочетъ раскольнику бороду стричь». Она являлась дополненіемъ къ тѣмъ

рѣшительнымъ мѣрамъ крутого преобразователя, которыя вызывали въ раскольникахъ ожесточенное упорство, несмотря на трактатъ св. Димитрія Ростовскаго «объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣцѣ» и рядъ указовъ о брадобритіи. Картинка эта, по замѣчанію Ровинскаго, въ ходъ не пошла, раскольники бородъ себѣ не брили, а съ радостію записывались въ двойной окладъ и покупали себѣ «антихристово клеймо», избавлявщее ихъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій. По этому поводу онъ, дѣлая обзоръ мѣръ, принятыхъ противъ раскольниковъ въ борьбѣ съ ними Петра I, высказываетъ свой широкій и свѣтлый взглядъ на вѣротерпимость...

Сурово и страстно гонимые Петромъ I, несогласно съ нимъ мыслящіе въ народѣ мстили ему по своему и въ области народныхъ картинокъ, пустивъ по лицу земли русской одну изъ популярнѣйшихъ и выдержавшихъ безчисленное множество изданій картинъ: «мыши кота погребаютъ», въ древнѣйшихъ экземплярахъ которой даже обозначенъ точно мѣсяцъ, день и часъ смерти великаго преобразователя и помѣщены прозрачные намеки на многія подробности изъ его домашней жизни.

Къ народнымъ сатирическимъ картинкамъ должны быть отнесены и изображенія нашихъ старыхъ, неправыхъ и произвольныхъ судебныхъ порядковъ, краснорѣчиво описанныхъ въ Шемякиномъ судѣ и въ повѣсти о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ. Объ этихъ порядкахъ я говорилъ подробно въ началѣ моей рѣчи.

Веселье народа, его развлеченія и праздники составили въ собраніи Ровинскаго особый отдѣлъ, богатый замѣчаніями по личнымъ наблюденіямъ автора. За описаніемъ и изображеніемъ «широкой масляницы» и «семика» слѣдуетъ подробный разсказъ о кулачныхъ бояхъ, о ихъ пріемахъ и правилахъ («лежачаго не бьютъ!») и объ уцѣлѣвшихъ въ народной памяти герояхъ этой почти уже исчезнувшей повсюду на Руси забавы. Точно также остается лишь въ воспоминаніяхъ приходъ вожака съ медвѣдемъ, еще недавно составлявшій эпоху въ глухой деревенской жизни. «Все бѣжало къ нему на встрѣчу, — разсказываетъ Ровинскій списывая, какъ говорится въ выноскѣ, съ натуры—и старый и малый; даже бабушка Онуфріевна, которая за немоготою уже пятый годъ съ печки не спускалась, и та бѣжитъ. «Ты куда это, старая хрычевка?» кричитъ ей вслѣдъ баринъ... «Ахъ батюшки, прихлебываетъ старуха, такъ ужъ медвѣдя-то я и не увижу?» и сѣменитъ далѣе». Разсказу о томъ, какъ «Михайло Ивановичъ», по образному описанію Пушкина, «и тяжко пляшетъ, и реветъ, и цѣпи ржавыя грызетъ», Ровинскимъ посвящено нѣ-

сколько живыхъ страницъ, взятыхъ изъ личныхъ наблюденій и записей, при чемъ изъ исторіи этого народнаго развлеченія онъ приводитъ, между прочимъ, оригинальный фактъ, что для любительницы медвѣжьей пляски, императрицы Елисаветы, мохнатыхъ танцоровъ обучалъ въ Александро-Невской лаврѣ келейникъ Карповъ, доносившій въ 1754 г., что одного медвѣдя онъ выучилъ ходить на заднихъ лапахъ даже и въ платьѣ, а «другой медвѣдёнокъ къ наукѣ *непонятенъ* и весьма сердитъ». Много личныхъ наблюденій внесено и въ передачу присказокъ раешниковъ, живой и самородный юморъ которыхъ подвергся почти полному ограниченію «въ видахъ умягченія народныхъ сердецъ и дальнѣйшаго очищенія нравственности», какъ съ ироніей замѣчаетъ Ровинскій. Точно также полно личныхъ наблюденій автора и живое описаніе знаменитаго «Петрушки» и послѣдовательнаго хода представляемой имъ своеобразной и столь любезной народу трагикомедіи.

Народное развлеченіе, въ большинствѣ случаевъ, неразлучно съ зеленымъ виномъ. Даже отплясавшему медвѣдю, а не только его поводырю, подносили чарочку. Но, разбирая упреки, щедро раздаваемые иностранцами русскому человѣку за пьянство, и показывая ихъ лицемѣрную сторону, Ровинскій, вѣрный своей сострадательной любви къ народу, говоритъ: «почему жъ бы русскому человѣку и не выпить? По словамъ космографіи, въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, «мразы бываютъ великіе и нестерпимые»; ну и «моменты» бываютъ въ его жизни тоже некрасивые: въ прежнее время, напримѣръ, въ безшабашную солдатчину отдадутъ на двадцать пять лѣтъ, до калѣчной старости; или пожаръ село вымететъ, самому ѣсть нечего, а подати круговой порукой выколачиваютъ; или самъ охотой отъ такой поруки въ бурлаки закабалится и т. п. Много духовной силы надо, чтобы устоять тутъ передъ могущественнымъ хмелемъ: «пей, забудешь горе», поетъ пѣсня. «Азъ есмь хмель высокая голова, болѣе всѣхъ плодовъ земныхъ»,—говоритъ о себѣ хмель въ народной картинкѣ,—«силенъ и богатъ, добра у себя никакого не имѣю, а имѣю ноги тонки и утробу прожорливую; а руки мои обдержатъ всю землю». По замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ меньше иностранца — да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе и напивается чаще противъ иностраннаго. Притомъ, отрезвляющій голосъ церковныхъ поученій противъ пьянства не могъ никогда получить настоящей силы, такъ какъ откупная система съ Ивана IV и Бориса Годунова вошла на долгіе годы въ дѣйствіе на Руси. Съ этого времени кабацкіе головы и цѣло-

вальники выбирались особо для продажи вина и цѣловали крестъ «пріумножать кабацкіе доходы» и собирать за вино деньги «съ прибылью противъ прошлаго лѣта», при чемъ имъ было разрѣшено «дѣйствовать безстрашно, за прибыль ожидать милости и въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать», а главное «питуховъ не отгонять»,—что они и исполняли въ точности...

Затѣмъ, и народная музыка, и пляска, изображенныя на лубочныхъ картинкахъ, нашли себѣ въ Ровинскомъ подробнаго описателя,—такъ же какъ и разные виды театральныхъ представленій, начиная съ комедій при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ родѣ: «малой прохладной комедіи о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ», и кончая *интерлюдіями* XVIII вѣка—съ ихъ сюжетами весьма нескромнаго свойства. При этомъ онъ останавливается съ особою подробностью на цыганскомъ пѣніи и пляскѣ, издавна представлявшихъ особую, притягательную прелесть для русскаго человѣка всѣхъ слоевъ общества. «Цыгане—говоритъ онъ,—составляли необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, Марьиной рощѣ, подъ Новинскимъ—они пѣли и плясали публично на эстрадѣ, какъ для благородныхъ особъ, такъ и для «подлаго народа». Оригинальная манера ихъ пѣнія и пляски, необыкновенная вѣрность слуха, гармоническій строй голосовыхъ аккордовъ, мягкость и грація женскихъ одиночныхъ голосовъ, рядомъ съ неподдѣльнымъ ухарствомъ могучаго хора,—приводили въ безумный восторгъ не однихъ подпившихъ гулякъ: знаменитая Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши; Листъ, а по его примѣру и другія музыкальныя свѣтила, посѣщали московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ. Что увлекаетъ въ этомъ пѣніи и пляскѣ,—это рѣзкіе и неожиданные переходы отъ самаго нѣжнаго піанисcимо къ самому разгульному гвалту. Выйдетъ, напримѣръ, знаменитый Илья Соколовъ на середину съ гитарой въ рукахъ, мазнетъ раза-два по струнамъ, да запоетъ какая-нибудь Стеша или Саша, въ сущности преглупѣйшій романсъ, но съ такою нѣгою, такимъ чистымъ, груднымъ голосомъ,—такъ, что всѣ жилки переберетъ въ васъ. Тихо, едва слышнымъ, томнымъ голосомъ, замираетъ она на послѣдней нотѣ своего романса... и вдругъ, на ту же ноту, разомъ обрывается весь таборъ, съ гикомъ, гамомъ, точно постройка надъ вами рушится: взвизгиваетъ бойкая Любашка, оретъ во всю глотку Терешка, гогочетъ безголосая старуха Фроська... Но поведетъ глазами по хору Илья, щипнетъ аккордъ по струнамъ,—въ одно мгновеніе настаетъ мертвая тишина, и снова начинаются замиранія Стеши...»

«Въ пляскѣ та же манера,—продолжаетъ онъ:—если танцуютъ двое мужчинъ, то одинъ изъ нихъ, обыкновенно старый и толстый стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ будто совсѣмъ не пляшетъ, а такъ просто пошевеливаетъ плечами, повертываетъ въ рукѣ шляпу, изрѣдка притоптывая одною ногою, какъ будто подзадориваетъ своего молодого товарища, который, съ крикомъ и гиканьемъ, носится около него метелицей, и разсыпается мелкимъ бѣсомъ. Точно такъ и въ женской пляскѣ; если пойдетъ плясать, напримѣръ, граціозная и молоденькая цыганка, то вслѣдъ за ней выскакиваетъ, точно дикій звѣрь, старая растрепанная цыганка, съ судорожными подергиваніями носится она по эстрадѣ, вскрикиваетъ, взвизгиваетъ, срываетъ съ себя платокъ и останавливается, какъ вкопанная, на послѣднемъ взрывѣ табора».

Наконецъ, обширный отдѣлъ посвященъ у Ровинскаго—шутамъ, шутихамъ и юродивымъ,—а въ заключеніе онъ, самъ горячій любитель странствовать, описываетъ народныя паломничества, дѣлая массу цѣнныхъ указаній изъ народнаго и церковнаго быта.

Таковы, въ самыхъ поверхностныхъ, отрывочныхъ и мимолетныхъ чертахъ, «Русскія народныя картинки». Вглядываясь и вчитываясь въ нихъ, точно изслѣдуешь какую-то богатую руду, которая раскидывается все дальше и дальше въ глубь и въ ширь, обнаруживая въ Ровинскомъ громадное богатство,—богатство всевозможнаго знанія, опыта и постоянной, стойкой и нѣжной любви къ родинѣ и своему народу. Въ одномъ изъ сочиненій историка Соловьева выражена прекрасная мысль, что народъ любитъ ставить памятники своимъ замѣчательнымъ людямъ,—но жизнь и дѣятельность выдающихся людей есть памятникъ, поставленный ими своему народу. Можно безъ преувеличенія сказать, что трудомъ, положеннымъ въ «Словарь» и «Народныя картинки», Ровинскій поставилъ памятникъ своему народу, вложивъ въ постройку его и силу своего разносторонняго ума и теплоту своего, вѣрящаго въ народъ, сердца.

Личность Ровинскаго сказывается, наконецъ, и въ изданной имъ въ 1892 г. книгѣ—«*Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія*», состоящей изъ прекрасной біографіи художника, написанной Н. П. Собко, и изъ 60 фототипій съ картинъ Перова. Для изданія произведеній какого-либо изъ выдающихся русскихъ художниковъ Ровинскому представлялся большой выборъ. Такое изданіе могло бы подавлять изображеніемъ тяжкихъ сценъ изъ боевой жизни;—могло бы ласкать глазъ изящною правдивостью

въ передачѣ полотну переливовъ свѣта на мѣхахъ, матеріяхъ и украшеніяхъ;—могло бы представлять тѣ жанровыя сцены, гдѣ «сквозь видимый смѣхъ слышатся невидимыя слезы» и гдѣ глубоко-трагическое существо заключено въ рамки какого-нибудь оригинальнаго житейскаго явленія.. Но онъ не останавливался на этихъ произведеніяхъ. Цѣнитель, знатокъ и изслѣдователь народной жизни, онъ не любилъ ничего кричащаго, бьющаго на эффектъ или исключительнаго. Простая русская жизнь, въ ея обычномъ, скромномъ теченіи, болѣе привлекала его, ибо болѣе просто и правдиво отражала на себѣ натуру русскаго человѣка. Живописателемъ именно такой жизни былъ Перовъ. Его простая, безхитростная, полная стремленія къ самоусовершенствованію натура, его скромная жизнь должны были привлечь къ себѣ чуткое вниманіе и симпатіи Ровинскаго. Еще большее вліяніе должны были имѣть на послѣдняго художественныя произведенія Перова. Въ нихъ, какъ въ живописномъ калейдоскопѣ, проходитъ повседневная, небогатая красками и впечатлѣніями, но близкая русскому сердцу, родная жизнь съ ея семейными радостями и горестями, неизбѣжными драмами, особенностями и увлеченіями.

Наивное торжество всей семьи чиновника, получившаго *первый чинъ,* съ восхищеніемъ созерцающей самого виновника этого торжества въ моментъ примѣриванія впервые надѣваемаго вицмундира; — добродушное самодовольство художника-любителя изъ «бурбоновъ»;—трогательная встрѣча слѣпымъ отцомъ вернувшейся домой дочери институтки—смѣняются *проводами покойника,* кормильца семьи, при чемъ отъ перевязаннаго веревками гроба на розвальняхъ, отъ беззаботныхъ дѣтскихъ фигуръ, пріютившихся по сторонамъ его, отъ всей сгорбленной нуждою и горемъ фигуры вдовы и отъ мрачнаго, грозящаго снѣжною бурею, неба—вѣетъ настоящею, глубокою печалью и сиротствомъ. Вотъ, затѣмъ, возвращеніе съ похоронъ цѣлой крестьянской семьи, по членамъ которой видно, что опустили въ землю молодую и надежную опору стариковъ;—вотъ пріѣздъ гувернанки въ купеческій домъ, гдѣ ее встрѣчаетъ *самъ,* облеченный въ халатъ, съ чадами и домочадцами,—и бѣдная дѣвушка стоитъ, вынимая дрожащими руками изъ ридикюля какое-то письмо, подъ перекрестнымъ огнемъ надменныхъ, черствыхъ, враждебныхъ и похотливыхъ взглядовъ, а гдѣ-то за предѣлами картины чуется безъисходная нужда и бѣдная больная мать, и братишка или сестренка, которыхъ надо воспитать... Вотъ, наконецъ, родители Базарова, вмѣстѣ, на мо-

гилѣ «страстнаго, бунтующаго сердца», пришедшіе, «поддерживая другъ друга, отяжелѣвшею походкой»—и затѣмъ они же, каждый въ отдѣльности, лицомъ къ зрителю, на колѣняхъ, полные «святой, преданной любви», «долго и горько плачущіе, долго и внимательно смотрящіе на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ»... Какъ выразительна затѣмъ обстановка двухъ арестантовъ въ «*Судѣ становогo*» и въ «*Отпѣтомъ*»,—какъ много говоритъ и обѣщаетъ въ будущемъ лицо послѣдняго, напоминающаго ястреба съ перешибленнымъ крыломъ,—какой эпилогъ изъ не извѣстной, таинственной повѣсти изображенъ въ фигурахъ утопленницы и городового, покуривающаго надъ нею раннимъ осеннимъ утромъ, скрывающимъ въ клубахъ тумана башни и церковныя главы Кремля!..

И тѣсно переплетенный съ жизнью народа бытъ духовенства далъ краснорѣчивый матеріалъ Перову,—начиная съ деревенскаго крестнаго хода, монастырской трапезы, проповѣди въ сельской церкви, которую слушаютъ, плохо понимая, крестьяне, и не слушаютъ вовсе господа, отдаваясь сну или любовной болтовнѣ,—и кончая трогательною, несмотря на весь свой реализмъ, идилліею, названною имъ «Рыбаки», представляющею сельскаго священника и дьякона, по поясъ въ водѣ тянущихъ неводъ съ рыбою... Въ массѣ бытовыхъ картинокъ и чудесныхъ портретовъ изобразилъ Перовъ русскую жизнь и многихъ ея выдающихся людей,—а его знаменитые: *Птицеловъ, Рыболовъ, Охотники на привалѣ,* вмѣстѣ съ *Голубятникомъ* и *Гитаристомъ,* представляютъ цѣлую серію страстныхъ увлеченій русскаго человѣка. Онъ далъ, наконецъ, въ трехъ различныхъ изображеніяхъ пугачевщины и картину русскаго бунта, «безсмысленнаго и безпощаднаго»... Истинный національный художникъ не только по своимъ сюжетамъ, но и по проникающему ихъ выполненіе чувству глубокой и нѣжной, хотя и чуждой всякой сентиментальности любви къ русскому человѣку, Перовъ имѣетъ душевное сродство съ Ровинскимъ. То, что именно Перова облюбовалъ Ровинскій для художественной пропаганды среди небогатой публики, даетъ возможность заглянуть и въ собственный внутренній міръ Ровинскаго, міръ его вкусовъ и привязанностей...

VI.

Отзывчивая и многосторонняя натура Ровинскаго всегда и всюду выдвинула бы его изъ среды людей «обще-утвержденнаго» образца и создала бы ему особое, своеобразное и замѣтное мѣсто. Его оригинальная личность не могла не оставлять своего слѣда на всемъ, къ чему она ни прикасалась. Онъ былъ и по физической, и по нравственной своей природѣ похожъ на кремень, который, при каждомъ сильномъ прикосновеніи къ нему, сыпалъ искры. Ихъ нельзя было бы не видѣть... Но, быть можетъ, живыя проявленія этой натуры выразились бы и сложились въ значительной степени иначе, если бы судьба не заставила Ровинскаго провести всю молодость и зрѣлые годы въ Москвѣ, тогда еще не принявшей той практической окраски, въ которой такъ сильно чувствуется господство разбогатѣвшаго полуобразованія. Когда старая Москва сороковыхъ годовъ приняла его въ свои нѣдра и ввела въ свои кружки, русская исторія, въ живыхъ памятникахъ и воплощеніяхъ и народный бытъ со всѣми своими особенностями—охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ отдался имъ со всею своею страстностью и съ неутолимою жаждою знанія. Все свободное свое время сталъ онъ посвящать изученію народной жизни и искусства. Служба развертывала предъ нимъ уголовную лѣтопись этой жизни, съ ея мрачными, печальными или тревожными страницами,—арестантъ, съ которымъ онъ по должности былъ въ частомъ и не формальномъ только общеніи, представлялъ передъ нимъ многочисленныя разновидности русскаго человѣка, по собственной винѣ или по несчастно сложившимся обстоятельствамъ попавшаго въ бѣду, а разностороннія занятія стряпчаго и губернскаго прокурора дали ему возможность заглянуть въ тѣ стороны общественнаго быта, которыя слагались помимо, а иногда даже и вопреки бюрократическихъ схемъ и указокъ.

Много лѣтъ подъ рядъ онъ предпринималъ странствованія по городамъ, селамъ и проселочнымъ дорогамъ всей центральной и восточной Россіи, скромно одѣтый, непритязательный, съ самымъ лишь необходимымъ багажемъ. Чрезвычайная выносливость, крѣпкое здоровье и огромная физическая сила облегчали ему эти странствованія, давая возможность смѣло и беззаботно проникать во многіе интересные захолустные уголки, гдѣ еще била ключомъ настоящая, безъ всякой «городской» примѣси, и неразвращенная

фабрикою народная жизнь. Каждое такое путешествіе обогащало его свѣдѣніями и пополняло его собранія, такъ что онъ могъ, подобно нѣмецкому писателю и этнографу Рилю, съ полнымъ правомъ сказать, «Ich habe meine Bücher erwandert»,—я «выходилъ» мои книги. Сохранилось много разсказовъ о тѣхъ странныхъ, а иногда и комическихъ положеніяхъ, въ которыхъ оказывался извѣстный далеко за предѣлами Москвы губернскій прокуроръ, заподозрѣнный по поводу своихъ хожденій и распросовъ мѣстными властями или вынужденный прибѣгать къ заимообразной помощи у недоумѣвающаго губернскаго начальства. Онъ самъ, впослѣдствіи, съ любовью вспоминалъ эти странствія и воскресныя путешествія съ Сѣтуни въ Бутырки, гдѣ помѣщался тюремный замокъ, говоря шутливо: «и я, въ свое время, занимался *хожденіемъ въ народъ*»...

Благодаря этому хожденію, онъ проницательнымъ умомъ вникъ въ жизнь простого народа, чуткимъ сердцемъ понялъ его радости и перечувствовалъ его страданія, возлюбилъ его юморъ, его удаль, его доброту и простилъ ему его разгулъ. Онъ подмѣтилъ въ народѣ то, чего, по словамъ поэта «не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный». Вращаясь среди народа, онъ отрѣшился отъ условности и изнѣженности свѣтской жизни—и «опростился» въ собственномъ образѣ жизни. Простая и даже бѣдная обстановка его жилища, скромная одежда, самая непритязательная пища,—стали обычною принадлежностью его домашняго быта. Только нездоровье или необходимость взять съ собою что нибудь очень тяжелое заставляли его пользоваться услугами извозчика,—только очень длинное разстояніе за городомъ вынуждало его нанять простую крестьянскую телѣжку. Простота и веселая непринужденность его обращенія невольно привязывали къ нему всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло или былъ ему подчиненъ. Свой завѣтъ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году: «будьте прежде всего *людьми*, а потомъ уже *чиновниками*»—онъ осуществлялъ вполнѣ наглядно на самомъ себѣ. Поэтому внѣшнія отличія, чины и ордена не только не волновали его завистливою радостью, но даже тревожили его своимъ вліяніемъ на молодежь. Онъ не разъ выражалъ горячее сочувствіе къ тѣмъ 25 членамъ комиссіи, которые, при начертаніи Судебныхъ Уставовъ, полагали уничтожить личныя представленія къ наградамъ чиновъ судебнаго вѣдомства, возражая защитникамъ этого рода отличій, грозившимъ оскудѣніемъ, при отсутствіи наградъ, судебнаго персонала, что «если люди слишкомъ честолюбивые, гоняющіеся за знаками отли-

чія, не будутъ добиваться судебныхъ должностей, то судебное вѣдомство можетъ отъ этого только выиграть, а не проиграть»... Благодаря такому взгляду, онъ задалъ въ 1862 году немало хлопотъ своимъ домашнимъ, когда для одного изъ офиціальныхъ представленій его въ Петербургѣ необходимо понадобились ордена его—и ихъ пришлось, съ величайшимъ трудомъ, розыскивать по всей его квартирѣ въ Москвѣ и все-таки не найти нѣкоторыхъ. Поэтому же онъ былъ и самъ скупъ на награды. Когда московскій губернаторъ, желая, за устройство школы въ губернскомъ тюремномъ замкѣ, наградить одного изъ стряпчихъ орденомъ св. Станислава 3-й степени, написалъ о томъ Ровинскому, послѣдній позвалъ стряпчаго къ себѣ и сказалъ ему: «батюшка! (это было его любимое обращеніе)—вы молодой еще человѣкъ и студентъ,—охота вамъ привыкать *обвѣшиваться;*—съ этихъ лѣтъ пріохотитесь—человѣкъ-то и *выдохнется* изъ васъ. Ужъ вы не сѣтуйте, а я васъ вычеркну. Лучше просите денежное пособіе,—вѣдь у васъ семья»...

Служебный карьеризмъ, стремленіе выслужиться и дѣловое верхоглядство—были ему всегда до крайности непріятны и встрѣчали въ немъ не только строгое, но иногда и ядовитое осужденіе. «Ну что, какъ поживаешь, какъ работаешь?»—сказалъ ему, уже предсѣдателю Судебной Палаты, покровительственнымъ тономъ его бывшій сослуживецъ, съумѣвшій устроить такъ, чтобы почти въ одномъ и томъ же приказѣ получить сразу двѣ награды и два назначенія. Ровинскій улыбнулся. «Да вотъ все думаю,—отвѣчалъ онъ,—гдѣ бы поставить въ круглой Екатерининской залѣ (наполненной горельефами съ символическими надписями) горельефъ съ твоимъ изображеніемъ и надписью: «*малыми* средствами—*многаго* достигаетъ». Живой, подвижный, цвѣтущій здоровьемъ, онъ былъ быстръ и своеобразенъ во всей своей повадкѣ. Когда я былъ назначенъ—по выбору товарищей, согласно съ заведеннымъ Ровинскимъ обычаемъ, о которомъ онъ писалъ еще въ запискѣ «о судебной службѣ»,—секретаремъ при прокурорѣ московской Судебной Палаты и пріѣхавъ изъ Петербурга, пришелъ представляться новому начальнику, этотъ послѣдній былъ въ засѣданіи. Пришлось ждать его прихода. Вдругъ дверь въ канцелярію оторилась и не вошелъ, а вбѣжалъ человѣкъ, совершенно не похожій на петербургскихъ судебныхъ сановниковъ ни по костюму, ни по манерамъ. Коренастый, съ огромною лысиною, обрамленною длинными рыжеватыми кудрями, безъ усовъ, съ начинавшеюся у подбородка окладистою бородою, съ умными, улыбающимися глазами подъ

густыми бровями, Ровинскій былъ одѣтъ въ старый, толстаго сукна, поношенный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ обносившіяся снизу брюки надъ простыми, очевидно «готовыми», сапогами; изъ-за воротника сюртука виднѣлся отложной, мягкій воротъ рубашки, повязанный какою-то черною тесемкою. Выслушавъ офиціальную формулу представленія, онъ ласково протянулъ руку и мягко сказалъ: «*меня* зовутъ *Дмитрій Александровичъ*,—а вотъ пойдемте-ка въ кабинетъ, да потолкуемъ». Въ кабинетѣ, вытащивъ, не изъ кармана истертаго и короткаго атласнаго жилета, а изъ кармана брюкъ, серебряную луковицу и посмотрѣвъ, который часъ, онъ усѣлся съ ногами, по-турецки (его любимая поза), въ кресло и, сказавъ: «ну, батюшка,—кто вы? да что вы? разсказывайте-ка!»—началъ одну изъ тѣхъ непринужденныхъ и откровенныхъ бесѣдъ, которыя чрезъ тридцать лѣтъ заставляютъ вспоминать о службѣ съ нимъ какъ о свѣтломъ и дорогомъ времени...

Въ свой служебный кабинетъ, обставленный до крайности просто, безъ обычной канцелярской роскоши, приходилъ или, вѣрнѣе, прибѣгалъ онъ не регулярно, а по мѣрѣ надобности. «Ну-ка! давайте-ка, господа, что у васъ есть»,—говорилъ онъ еще на ходу и, усѣвшись въ свою любимую позу, немедленно приступалъ къ слушанію докладовъ, дѣлая, на словахъ, краткія, рѣшительныя и всегда «смотрѣвшія въ корень» резолюціи. Врагъ пустой переписки и всякаго формализма, онъ многія бумаги оставлялъ вовсе безъ отвѣта, кладя ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, подъ зеленое сукно своего стола и говоря: «пусть полежитъ: пусть они тамъ своимъ умомъ дойдутъ, что надо дѣлать; нечего ублажать этихъ «приказныхъ», имъ надо самимъ думать и учиться, а не ждать указки сверху»... Иногда, если бумага настоятельно взывала объ отвѣтѣ, онъ на поляхъ ея писалъ резолюцію въ два-три слова и посылалъ ее въ такомъ видѣ обратно. Не одна нелюбовь къ безплодной канцелярщинѣ руководила имъ при этомъ. Онъ боялся, чтобы въ новое, живое дѣло не закрались на первыхъ же порахъ порядки ненавистнаго ему приказнаго строя,—чтобы не ослабѣла необходимая самодѣятельность органовъ преобразованной прокуратуры. Притомъ, опытъ жизни научилъ его, что обиліе такъ называемыхъ «вопросовъ» обыкновенно обусловливается лѣнью ума и стремленіемъ ничего не принимать на свою сознательную отвѣтственность со стороны возбуждающихъ эти вопросы. Поэтому, когда кто-либо изъ мѣстныхъ дѣятелей возбуждалъ, въ обширномъ и красиво переписанномъ представле-

ніи, какой-либо «важный и настоятельный» вопросъ, въ сущности разрѣшаемый Судебными Уставами, въ которые лишь надлежало внимательно вдуматься, Ровинскій умышленно не отвѣчалъ на такое представленіе, или не давалъ ему хода, нисколько не смущаясь тревогою и нетерпѣніемъ писавшаго и напоминаніями своихъ секретарей, твердо увѣренный, подобно Матвѣю въ «Аннѣ Карениной», что все *«образуется»*. И дѣйствительно—смотришь, все образовалось, и притомъ не бюрократическимъ путемъ, а жизненнымъ...

Въ направленіи имъ дѣлъ, въ замѣчаніяхъ на обвинительные акты, во взглядахъ на взаимныя отношенія различныхъ судебныхъ органовъ между собою сказывались у него глубокое знаніе и людей вообще, и истинныхъ общественныхъ потребностей, а также необыкновенная быстрота соображенія, всегда направленнаго на отысканіе живой, а не формальной только правды... Его трезвый, слегка скептическій умъ нельзя было отуманить ни громкими словами, ни трагическими картинами, ни напускнымъ негодованіемъ оскорбленнаго мелочнаго самолюбія. Ухватывая каждый вопросъ, по его собственному выраженію «за пупъ», онъ быстро шелъ къ правдѣ, нерѣдко скрытой подъ обманчивою скорлупою, и добирался до ядра, при чемъ все хитро задуманное представлялось иногда въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ. Здоровые нервы его были, однако, очень подвижны и воспріимчивы. Это выражалось даже въ томъ, какъ онъ слушалъ доклады или читалъ дѣла, обреченный хоть на время на нѣкоторое бездѣйствіе. Онъ не могъ сидѣть и слушать или читать спокойно, а двигался въ своемъ креслѣ, постоянно мѣняя позу,—ерошилъ себѣ волосы, теребилъ бороду, безсознательно бормоталъ отрывки изъ стиховъ или курныкалъ какой-нибудь мотивъ, при чемъ пальцы его нервно двигались, иногда мимически подбирая какіе-то аккорды, а глаза—если это былъ докладъ—мягко и разсѣянно блуждали по комнатѣ. Но вотъ докладъ, сдѣланный съ точностью и обстоятельностью, которыхъ онъ безусловно требовалъ, оконченъ—или дѣло имъ просмотрѣно, и лицо его принимаетъ сосредоточенное выраженіе, глаза смотрятъ пристально и серьезно—и вдумчивый выводъ, въ которомъ ничего не опущено и не забыто, смѣняетъ внѣшніе признаки нервной разсѣянности.

Всѣмъ интересующійся—меломанъ и театралъ, умѣвшій глубоко и сознательно наслаждаться искусствомъ,—вѣчно занятый пополненіемъ своихъ собраній, Ровинскій оставлялъ, однако, все это, если служебный долгъ требовалъ отъ него особаго напряже-

нія въ одномъ направленіи. Тогда онъ спозаранку являлся къ себѣ въ прокурорскій кабинетъ, запирался въ немъ и лишь на минутку прерывалъ свою, всегда быструю и содержательную работу, чтобы съѣсть принесенный имъ съ собою, завернутый въ бумагѣ, простой завтракъ или послать сторожа въ знаменитый—увы! исчезнувшій нынѣ,—Сундучный рядъ за закускою или пирожками. Съ усталымъ лицомъ, но бодрый и веселый выходилъ онъ, окончивъ свою задачу, въ канцелярію, и любилъ отдохнуть, усѣвшись на столъ и мѣрно качая ногою, въ болтовнѣ со своими молодыми сослуживцами «de rebus gestis et aliis», пересыпая свои разсказы и разспросы острыми словцами, мѣткими сравненіями и цѣлыми эпизодами комическаго свойства изъ пережитаго. «Ну, довольно,—прерывалъ онъ наконецъ свою бесѣду,—прощайте господа; посмотрите-ка, что я тамъ въ кабинетѣ на листочкахъ «навараксалъ», да приведите это въ порядокъ,—кажется, выйдетъ ладно...»

Въ служебной работѣ, да, вѣроятно, и во всякой другой, у него не было систематической равномѣрности и усидчивости нашихъ западныхъ сосѣдей. Иногда на него находило утомленіе,—такъ сказать пресыщеніе однообразною работою. Его начинало тянуть въ деревенское уединеніе, поближе къ природѣ, которую онъ любилъ и умѣлъ чувствовать. Тогда онъ удалялся въ старый Сѣтунскій станъ, близъ Москвы, на берегъ рѣчки Сѣтуни, въ свой маленькій «хуторъ», хранившій для него освѣжающія и успокоивающія впечатлѣнія. Тамъ, запершись отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, отдыхалъ онъ за своими, дорогими ему, гравюрами, слушалъ любимый имъ далекій звонъ московскихъ колоколовъ, сажалъ цвѣты или изготовлялъ фейерверки. И въ садоводствѣ, и въ пиротехникѣ, онъ былъ опытный знатокъ. Такой отдыхъ продолжался недѣлю, десять дней... Если необходимость разрѣшенія и подписи неотложныхъ бумагъ заставляли нарушить его уединеніе, то это приходилось дѣлать съ большимъ сожалѣніемъ. «Подписалъ?»—спрашивали въ канцеляріи у возратившагося съ Сѣтуни курьера, носившаго историческую фамилію Пугачева. «Подписали, да только бранятся...»—«А что онъ дѣлаетъ?»—«Да до обѣда цвѣты сажали,—а послѣ обѣда ракеты набивали... очень были все время заняты...» Но отдыхъ быстро проходилъ, освѣженныя и обновленныя силы возвращались съ прежнею и даже большею энергіею—и работа снова закипала.

Съ переходомъ въ Сенатъ, тревожныя впечатлѣнія отвѣтственной службы прошли для Ровинскаго—и временный отдыхъ на

Сѣтуни оказалось возможнымъ замѣнить долговременными и дальними путешествіями. Обыкновенно уже съ Пасхи начиналъ онъ готовиться къ большому странствію и при первой возможности уѣзжалъ на поиски новаго матеріала для своихъ собраній и новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній для своего пытливаго, вѣчно молодого ума. Съ 1870 г. онъ объѣздилъ всю Европу, до отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ ея уголковъ, побывалъ въ Египтѣ, Марокко и Алжирѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, былъ въ Индіи, на Цейлонѣ и Явѣ, въ Китаѣ и Японіи. Послѣднее отдаленное его путешествіе, уже въ преклонномъ возрастѣ, совершено имъ въ Туркестанъ, Хиву и Бухару. Его «Народныя картинки» содержатъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ личныхъ замѣчаній, сравненій и указаній, вынесенныхъ отовсюду, гдѣ онъ побывалъ. Сопряженный съ сенаторствомъ переѣздъ въ Петербургъ не измѣнилъ привычекъ стараго москвича. На вопросъ: какимъ образомъ освоится онъ съ холоднымъ, туманнымъ и прямолинейнымъ Петербургомъ послѣ своихъ любимыхъ московскихъ урочищъ и переулковъ, онъ отвѣчалъ: «да я и здѣсь себѣ Москву устрою»,—и дѣйствительно, поскитавшись по квартирамъ казармоподобныхъ домовъ Петровскаго «парадиза», онъ устроился въ отдаленномъ концѣ 4-й линіи Васильевскаго Острова, въ собственномъ домикѣ-особнякѣ, утонувшемъ въ глубинѣ небольшого сада, и здѣсь прожилъ, въ буквальномъ смыслѣ заваленный книгами и папками съ гравюрами, окруженный своими драгоцѣнными изданіями и лично взрощенными цвѣтами, до самой своей кончины.

Невидимый и недоступный для случайныхъ или офиціальныхъ посѣтителей, но радушный и привѣтливый хозяинъ для тѣхъ, кого онъ любилъ и кого приводилъ къ нему дѣйствительный интересъ къ его личности или трудамъ, Ровинскій оставался и у «Василія на Островѣ» тѣмъ же простымъ и сердечнымъ человѣкомъ, какимъ привыкли знать его сослуживцы, какимъ всегда знала его Москва. Постоянно работая, отдавая свой трудъ и время на службу правосудію и искусству, онъ никогда не выдвигался впередъ и менѣе всего помышлялъ о своемъ санѣ и заслугахъ. Онъ скромно умалчивалъ о царственномъ вниманіи къ его работамъ по исторіи искусства, неоднократно и непосредственно, въ личной бесѣдѣ, проявленномъ императоромъ Александромъ III,—и никогда не хотѣлъ играть никакой офиціальной роли, скромно и безшумно исполняя свой служебный долгъ, но всегда и во всемъ упорно охраняя самостоятельность своей нравственной личности. Онъ осуществлялъ своимъ житейскимъ поведеніемъ глубокія слова Флобера (письма

1877 г.): «Quand on est *quelqu'un*—pourquoi vouloir être *quelque chose?*» Такъ достигъ онъ почтенной старости. Несмотря на этотъ возрастъ, сопряженный для многихъ съ развитіемъ суетнаго, почти ребяческаго тщеславія и съ нравственннымъ «склерозомъ» чувствъ и движеній сердца,—онъ могъ спокойно выдержать опытъ, предлагаемый Гейне, говорившимъ, что «человѣкъ въ разгарѣ дѣятельности, подобенъ солнцу: чтобы имѣть о немъ вѣрное понятіе, надо видѣть его при восходѣ и при закатѣ».

Когда этотъ закатъ сталъ быстро надвигаться, сослуживцы Ровинскаго,—сенаторы Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, въ которомъ онъ проработалъ 24 года, поднесли ему переплетенный въ старомъ русскомъ вкусѣ адресъ. Въ немъ, по поводу пятидесятилѣтія службы Ровинскаго, говорилось о неустанномъ его трудолюбіи, безграничной любви къ родинѣ и наукѣ, о тепломъ и свѣтломъ его взглядѣ на людей, на бѣдныхъ, несчастныхъ и даже впавшихъ въ преступленіе. И это были не обычныя юбилейныя фразы,—тѣмъ болѣе, что Ровинскій, предвидя возможность празднованія своего юбилея, «убѣжалъ» за-границу и тщательно скрывалъ свое тамъ мѣстопребываніе,—не тѣ «приподнятыя» слова, которыя, по обычаю, говорятся «октавой выше» противъ истины всякому юбиляру, при чемъ ни онъ, ни говорящіе сами имъ не вѣрятъ. Въ словахъ, написанныхъ многолѣтними свидѣтелями его труда, заключалась истинная оцѣнка человѣка, котораго удобнѣе и точнѣе можно было разсмотрѣть именно «на закатѣ». Въ томъ же адресѣ выражалось Ровинскому его товарищами горячее пожеланіе еще многихъ лѣтъ жизни—«намъ и потомству въ назиданіе». Въ этомъ пожеланіи невольно сказывалось и тревожное опасеніе. Тяжелый недугъ уже два года держалъ его въ своихъ тискахъ, то усиливаясь, сопровождаемый мучительными болями, то «отпуская» на время. Онъ вынудилъ Ровинскаго прервать свои неутомимыя ежегодныя путешествія,—свелъ живыя краски здоровья съ его поблѣднѣвшаго и похудѣвшаго лица, окончательно засыпалъ сѣдиною его бороду и длинныя, порѣдѣвшія кудри, придававшія ему такой патріархальный видъ,—заставилъ потускнѣть полные ума и жизни прекрасные голубые глаза... Взглядъ этихъ глазъ чаще и чаще сталъ пріобрѣтать то особое выраженіе, которое бываетъ свойственно хорошимъ старикамъ, со спокойною совѣстью доживающимъ полезную жизнь. Онъ казался какъ будто устремленнымъ не на находящіеся предъ нимъ предметы, а куда-то вдаль, *туда*—на *тотъ берегъ*.

Ровинскій, очевидно, готовился вступить на этотъ берегъ. Это

сказывалось не въ одной его наружности, но и въ меланхолическихъ нотахъ бесѣдъ, которыя онъ сталъ любить, по окончаніи засѣданія, вести съ наиболѣе близкими ему сослуживцами, отдаваясь преимущественно воспоминаніямъ прошлаго. Его уже давно тяготило пребываніе въ обществѣ, и онъ сокращалъ его до самой крайней возможности, сидя по цѣлымъ недѣлямъ дома. Узкая практичность многихъ изъ современныхъ, претендующихъ на развитіе и образованность, людей, отсутствіе твердыхъ убѣжденій и рисовка бездушными взглядами, искусственно воспринятыми ради житейскихъ удобствъ, и наконецъ такъ часто наблюдаемое исчезновеніе нравственныхъ идеаловъ въ туманной мглѣ современности,—пугали и огорчали старика, оскорбляя его лучшія упованія. Онъ все болѣе и болѣе замыкался въ себя. «Да! все сижу дома,—сказалъ онъ зимою 1895 г. своему старому сослуживцу по губернской прокуратурѣ,—да и что ходить въ люди: вонъ ихъ сколько, хотя въ сажень складывай, а куда какъ трудно найти между ними *человѣка*»...

Напротивъ, сердце его лежало къ старымъ, пережитымъ годамъ. Оно на нихъ отдыхало. «Il faut,—говоритъ Гонкуръ,—qui le passé nous revienne au coeur,—le passé, qui ne revient que dans l'esprit est un passé mort». Для Ровинскаго это прошлое не было мертвымъ, и въ своихъ разсказахъ онъ возвращался съ любовью къ эпохѣ честной служебной борьбы и творческой работы, оживляясь и какъ бы молодѣя при этомъ. Когда я попытался, въ 1892 г., оживить предъ слушателями публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ забытую личность доктора Гааза, Ровинскій сказалъ мнѣ при первой затѣмъ встрѣчѣ: «а знаете, батюшка, какъ вы меня на старости лѣтъ растревожили съ Өедоромъ Петровичемъ (Гаазомъ)? Прочелъ я отчетъ о лекціи въ газетѣ—и та̀къ живо вспомнилось мнѣ прошлое и всѣ эти люди, какъ живые... такая грусть взяла за душу, что я, сидя одинъ, даже заплакалъ»... Такъ же тепло вспоминалъ онъ время подготовки судебной реформы и первыхъ лѣтъ ея осуществленія. Когда одинъ изъ его молодыхъ сослуживцевъ этой эпохи затруднялся принять отъ него въ подарокъ драгоцѣнное изданіе фототипій съ офо̀ртовъ Рембранда и просилъ замѣнить его «Перовымъ», Ровинскій писалъ ему, 24-го декабря 1894 года: «Перова я подарю вамъ съ большимъ удовольствіемъ, но и Рембрандта назадъ не возьму. Отказомъ вашимъ вы меня просто обидите; кому же какъ не вамъ, дорогому и *неизмѣнившемуся* товарищу изъ давнихъ и *самыхъ свѣтлыхъ лѣтъ* нашей жизни подарить мнѣ такую вещь, тѣмъ болѣе, что вы оцѣните сколько кропотливаго труда положено на нее»...

Въ этихъ краткихъ словахъ—характеристика отношенія Ровинскаго къ настоящему и къ своему прошлому. Но, страдая физически и оглядываясь съ грустью назадъ, онъ не терялъ энергіи и никогда не уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей. Его привлекательная, невольно останавливавшая на себѣ вниманіе, фигура появлялась во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ ему надлежало по службѣ присутствовать; и онъ продолжалъ вносить въ обсужденіе дѣлъ всю силу своего, богатаго опытомъ и знаніемъ жизни, ума. Ядовитое слово Бисмарка: «eine beurlaubte Leiche», столь вѣрное и нравственно, и физически по отношенію ко многимъ, было совершенно не примѣнимо къ нему. Даже добродушный юморъ не покидалъ его въ минуты свободы отъ болевыхъ ощущеній. Онъ заключилъ только что приведенное письмо милою шуткою въ формѣ кассаціонной резолюціи: «въ виду всѣхъ этихъ доводовъ и не усматривая въ дѣйствіяхъ моихъ нарушенія 130 и 170 ст. уст. угол. суд., прошу позволить оставить вашъ отзывъ *безъ послѣдствій,* а мнѣ по-прежнему называться человѣкомъ сердечно вамъ преданнымъ...»

Между тѣмъ «тотъ берегъ» приближался. Ровинскій могъ вступить на него безмятежно. Онъ оставлялъ—своей родинѣ богатое наслѣдство знанія и труда; знавшимъ его—свѣтлый, привлекательный образъ. Онъ и вступилъ на него 11-го іюня 1895 г., близъ Франкфурта-на-Майнѣ, въ городкѣ Вильдунгенѣ, гдѣ ему сдѣлали операцію камнедробленія. Операція отлично удалась, но, снѣдаемый жаждою дѣятельности, торопясь ѣхать въ Парижъ чтобы заняться офортами Ванъ-Остада, онъ не поберегся, простудился— и болѣзнь быстро сдѣлала свое дѣло. Въ біографіи гравера Уткина, онъ самъ говоритъ: «Для Уткина трудъ составлялъ первую потребность въ жизни,—до послѣднихъ дней не выпускалъ онъ рѣзца изъ старческихъ рукъ своихъ; ровно за недѣлю предъ смертью, поработавъ надъ «Св. Семействомъ», онъ сошелъ внизъ къ ученику своему Лебедеву и, отирая потъ съ лица своего, радостно сказалъ ему: «Какъ хорошо отдохнуть поработавши»!— Эти же самыя слова вполнѣ можно примѣнить и къ нему самому. Пріѣхавъ въ маѣ въ Вильдунгенъ, онъ писалъ П. А. Ефремову незадолго до смерти: «О себѣ скажу, что совсѣмъ выправился, и потому не очень кручинюсь, что докторъ заболѣлъ. Можетъ быть и безъ его инструментовъ еще на годъ обойдусь. *Работа* моя съ Остадомъ идетъ успѣшно; отъ сюда въ Парижъ и Лондонъ на *работу,* и пробуду тамъ 18—26 дней».

«Работа, работа и работа!—восклицаетъ въ краткой замѣткѣ

о Ровинскомъ П. А. Ефремовъ («Русскія Вѣдомости»):—и это въ 70 лѣтъ! Честный, неутомимый труженикъ! Невольно слеза дрожитъ на рѣстницѣ при мысли, что ты теперь успокоился такъ неожиданно и для дѣла, и для себя, и для всѣхъ знавшихъ и любившихъ тебя за твою добрую душу и отзывчивое сердце!»

Гробъ съ прахомъ усопшаго былъ отправленъ въ Москву для погребенія на погостѣ у Спаса-на-Сѣтуни, но по ироніи судьбы, такъ часто преслѣдующей не только живыхъ, но даже и умершихъ замѣчательныхъ людей русскихъ, его встрѣтилъ цѣлый рядъ желѣзнодорожныхъ, таможенныхъ и полицейскихъ недоразумѣній и формальностей, такъ что для Ровинскаго посмертное возвращеніе на горячо любимую имъ родину совершилось съ великими затрудненіями. А любовь эта выразилась и въ его завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Собраніе оригинальныхъ гравюръ Рембрандта, которое онъ «пополнялъ въ теченіе всей своей жизни, и которое, безъ всякаго преувеличенія, можетъ быть поставлено въ ряду съ самыми полными собраніями офортовъ этого великаго мастера», онъ просилъ Государя Императора принять для императорскаго Эрмитажа; городу Москвѣ, для храненія въ Румянцевскомъ музеѣ, завѣщалъ онъ свое русское собраніе портретовъ, гравюръ и народныхъ картинокъ; императорской Публичной библіотекѣ—оставилъ собраніе до 50,000 иностранныхъ портретовъ и полный (свой личный) экземпляръ всѣхъ своихъ изданій; Академіи художествъ — собраніе мѣдныхъ гравированныхъ досокъ и иностранныхъ гравюръ, училищу правовѣдѣнія — всю свою научную библіотеку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учредилъ премію съ капитала въ 40,000 р. для выдачи, поперемѣнно, за лучшія сочиненія по художественной археологіи и за лучшую картину, которая затѣмъ должна быть, въ пользу автора, воспроизведена рѣзцомъ на $^1/_3$ часть выдаваемой преміи—и оставилъ 26,000 р. на устройство и содержаніе первоначальныхъ народныхъ школъ.

Наконецъ, свой хуторъ на Сѣтуни онъ завѣщалъ московскому университету, съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ съ него ежегодно выдавалась премія за лучшее иллюстрированное научное сочиненіе для народнаго употребленія...

Такъ богато одарилъ свою родину этотъ человѣкъ, лично себѣ во всемъ отказывавшій и мало заботившійся о томъ, *какъ жить,* потому что чуткою душою нашелъ и уразумѣлъ — *зачѣмъ жить...* Весь его трудъ и вся его дѣятельность были направлены на развитіе въ русскомъ обществѣ и народѣ правосознанія и историческаго самосознанія,—на служеніе искусству увѣковѣченіемъ произведеній великихъ его мастеровъ.

Пускай же почіетъ съ любовію прахъ этого выдающагося человѣка у Спаса-на-Сѣтуни, гдѣ издали привѣтно сіяютъ золотыя главы Москвы, той Москвы, въ которой бьется и переливается, какъ въ сердцѣ страны, коренная жизнь русская, столь любимая и понятая покойнымъ. Хочется думать, что эта жизнь будетъ становиться все свѣтлѣй и шире, — хочется, обратясь къ его могилѣ, сказать, въ благодарномъ воспоминаніи: «ты былъ прежде всего *человѣкомъ*,—ты послужилъ родинѣ всѣми силами души,—ты вѣрилъ горячо въ духовныя силы своего народа, ты умѣлъ даже въ падшемъ различать черты брата... Почивай же съ миромъ,—почивай,—*братъ нашъ!..*».

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ
ЗАРУДНЫЙ.

(Рѣчь въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 31 января 1899 г.).

Имя *Сергѣя Ивановича Заруднаго*—родившагося 17 марта 1821 года въ небогатой украинской семьѣ, проживавшей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи,—связано съ двумя величайшими преобразованіями царствованія Александра Втораго. Человѣкъ труда и выдающихся дарованій, обладавшій глубокими и *животворными* юридическими познаніями, онъ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и былъ однимъ изъ главныхъ и восторженныхъ творцовъ Судебныхъ Уставовъ 1864-го года.

Между отдѣльнымъ человѣческимъ организмомъ и общественнымъ тѣломъ есть много общаго—и однѣ и тѣ же явленія въ нихъ приводятъ къ одинаковымъ результатамъ. Часто одностороннее развитіе ихъ силъ принимается за избытокъ послѣднихъ, отсутствіе высшихъ духовныхъ запросовъ—за душевное равновѣсіе. Но приходятъ удары судьбы—и сила оказывается слабостью, а духъ безпомощнымъ и неудовлетвореннымъ. Такимъ ударомъ была для Россіи крымская война. Вмѣсто повелительнаго отношенія къ внутреннему устройству сосѣдей, Россіи пришлось кровью погибшихъ на развалинахъ Севастополя сыновъ своихъ росписаться въ несостоятельности своего гражданскаго быта. Отъ такихъ ударовъ можетъ погибнуть дряхлый народъ, но молодой и полный силъ возрождается къ новой жизни. Это возрожденіе не могло, однако,

идти отъ народа или отъ лучшихъ людей общества: народъ терпѣлъ и смутно ждалъ, лучшіе люди могли лишь надѣяться и желать. Нужно было *хотѣть,* а могъ хотѣть и захотѣлъ, твердо и великодушно, монархъ, которому дано было довершить начатое Великимъ Петромъ дѣло преобразованія страны изъ обширной вотчины въ государство. Петръ собралъ, по его словамъ, *разсыпанную храмину* и выдвинулъ организованное имъ государство въ Европу, давъ ему вліятельный голосъ въ ея дѣлахъ. Но пока у насъ господствовало крѣпостное право и безсудіе, государство не имѣло права называться европейскимъ. Освобожденіе отъ этихъ темныхъ сторонъ быта было совершено волею Государя, которому пришлось встрѣтить массу затрудненій и препятствій и свершить свое дѣло, прямодушно отказавшись отъ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ взглядовъ, среди противорѣчивыхъ вліяній, среди заботъ о приведеніи въ порядокъ завѣщанной ему «разстроенной команды»... Слова манифеста 19 февраля 1861 г. о свободномъ трудѣ вмѣсто принудительнаго, о *правахъ* сельскаго населенія, которое знало лишь однѣ безграничныя *обязанности,* о человѣческомъ достоинствѣ во всѣхъ и каждомъ—открывали новую и свѣтлую страницу русской исторіи.

Личность и дѣла человѣка какъ солнце: онѣ всего виднѣе не въ зенитѣ, а при восходѣ и закатѣ. Стоитъ сравнить Россію при восшествіи на престолъ императора Александра II съ тѣмъ, чѣмъ въ своемъ внутреннемъ строѣ она была при его кончинѣ, чтобы видѣть все величіе его дѣла. Тѣми, кто еще помнитъ пятидесятые годы, никогда не забудится рѣзкій контрастъ между живою вещью, рабомъ, не имѣющимъ ни правъ, ни личности, ни собственности — и лично-свободнымъ земледѣльцемъ-собственникомъ; между приказнымъ устарѣлаго торжища правосудія—и присяжнымъ засѣдателемъ гласнаго суда, за приговоромъ котораго не слѣдуетъ болѣе позорное тѣлесное наказаніе; между почти на всю жизнь оторваннымъ отъ семьи и родины солдатомъ, носившимъ званіе, въ которое можно было «разжаловывать» и «сдавать»—и краткосрочнымъ навобранцемъ, котораго общая воинская повинность призываетъ изъ всѣхъ слоевъ общества; между безконтрольнымъ административнымъ хозяйничаньемъ—и общественнымъ хозяйствомъ... Контрастъ этотъ явился какъ живое осуществленіе желаній лучшихъ и не всегда многочисленныхъ людей земли русской, желаній раздѣленныхъ и властно осуществленныхъ... Поэтому многимъ изъ присутствовавшихъ при открытіи въ 1896 г. памятника въ Москвѣ, когда при громѣ пушекъ, возвѣщавшемъ не истребленіе, а сопровождавшемъ мечты о мирѣ, и при звонѣ

кремлевскихъ колоколовъ пала завѣса со статуи незабвеннаго Царя,—живо вспомнились годы его реформъ и исторія его царствованія представилась не какъ внѣшняя цѣпь событій, а именно какъ откровеніе общечеловѣческихъ идей.

Приведеніе въ исполненіе высокихъ намѣреній Государя требовало сподвижниковъ ему и сотрудниковъ, которые приступили бы къ этому со страхомъ и вѣрою,— со *страхомъ* за свою нравственную отвѣтственность передъ родиной и съ *вѣрою* въ духовныя силы своего народа. Они должны были дѣйствовать, не думая о себѣ и зная, что солнце той зари, загорѣться которой они помогли, взойдетъ только послѣ ихъ упорнаго и безкорыстнаго труда и, быть можетъ, даже не надъ ними.

Однимъ изъ такихъ людей былъ *Сергѣй Ивановичъ Зарудный,* и въ этомъ его особенное право на благодарное воспоминаніе. Проведя тяжелое въ матеріальномъ отношеніи отрочество, одиноко проживая въ Харьковѣ съ 14-лѣтняго возраста, онъ мечталъ о поступленіи въ морской кадетскій корпусъ, чувствуя призваніе къ морской службѣ. Но этому помѣшали разныя обстоятельства. Окончивъ курсъ кандидатомъ математики въ Харьковскомъ университетѣ и пріѣхавъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ Пулковскую обсерваторію,—онъ оказался въ гражданской службѣ, гдѣ пришлось испытывать не морскія, а самыя сухопутныя бури и быть можетъ вспоминать извѣстную остроту великаго князя Михаила Павловича о смущеніи знаменитаго астронома, увидѣвшаго въ свитѣ посѣтившаго Пулковскую обсерваторію Николая I «много звѣздъ не на своемъ мѣстѣ». Природа и жизнь разно одарили Заруднаго. Первая дала ему горячую южную кровь, мѣткій малороссійскій юморъ, чрезвычайную способность къ работѣ, воспріимчивое и впечатлительное сердце и ненасытную жажду дѣятельности; вторая создала на его жизненномъ пути рядъ контрастовъ между его личными свойствами и дѣйствительностью, дала ему узнать въ широкой мѣрѣ иронію судьбы и въ небольшую чашу исполненныхъ намѣреній влила достаточную для отравы счастія каплю.

Юридическая служба Заруднаго началась въ 1843-мъ году, въ Департаментѣ Министерства Юстиціи. Скромная должность помощника столоначальника конечно никогда не дала бы возможности выработаться серьезному правовѣду изъ математика. Но къ счастію какъ разъ въ это время графъ Блудовъ, стоявшій во главѣ II-го отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи, рѣшилъ заняться пересмотромъ нашего гражданскаго процесса и обратился къ Министру Юстиціи графу Панину, прося доставить отзывы о недостаткахъ нашихъ судопроизводственныхъ правилъ со стороны

председателей гражданскихъ палатъ и губернскихъ прокуроровъ. Всѣ эти отзывы, машинально воспринимаемые и передаваемые по назначенію начальствующими лицами, стали проходить чрезъ руки очень заинтересовавшагося ими Зарубнаго. Онъ сталъ изучать нашъ тогдашній процессъ съ его *отрицательной,* т. е. самой видной его стороны, и это изученіе, въ связи съ домашнимъ чтеніемъ историко-юридическихъ трудовъ Рейтца и Неволина, выработало правовое чувство и тонкій критическій анализъ будущаго судебно-законодательнаго дѣятеля, которому не довелось ни слушать блестящія лекціи Кавелина и глубокія чтенія Мейера, ни имѣть счастіе наслаждаться художественнымъ начертаніемъ античныхъ гражданскихъ институтовъ въ яркомъ изложеніи московскаго профессора Н. И. Крылова. Поѣздки за границу, преимущественно во Францію, ознакомили его съ жизнью въ правосудіи и съ правосудіемъ въ жизни. Въ новую свою, съ 1849-го года, дѣятельность—юрисконсульта консультаціи Министерства Юстиціи—Зарудный внесъ первыя попытки примѣнить къ разбору дѣлъ начала широкаго, историко-догматическаго толкованія закона.

Между тѣмъ отзывы губернскихъ юристовъ продолжали поступать къ Блудову. Они не могли привести къ какимъ-либо дѣйствительнымъ результатамъ. Не имѣя въ виду опредѣленной и твердо поставленной цѣли, для которой требовались эти отзывы, авторы ихъ ограничивались *полу-правдою,* которая, къ тому же, вывѣтривались въ разлагающей атмосферѣ *условныхъ* понятій и выраженій петербургскихъ канцелярій. Самъ Блудовъ—прекрасный знатокъ русскаго слова, образованный юристъ и искусный кодификаторъ—былъ человѣкомъ нерѣшительнымъ, задававшимъ себѣ, по поводу дѣлъ, требовавшихъ дѣятельнаго почина, гамлетовскіе вопросы. Съ годами эти свойства его усиливались... Онъ предпочиталъ осторожно наблюдать жизнь, не спѣшилъ отвѣтами на ея запросы и, глубоко понимая, какъ видно изъ собственныхъ его «афоризмовъ», все несовершенство окружающаго его судебнаго и законодательнаго строя, называлъ себя «развалиною недостроеннаго зданія». Поэтому, даже и послѣ извѣстной негодующей резолюціи Императора Николая въ 1847 года «о непомѣрной медленности» по дѣлу Баташевыхъ, длившемуся 20 лѣтъ (дѣло о пропажѣ изъ Московскаго уѣзднаго казначейства *мѣдной монеты на 115 тысячъ* производилось еще дольше—21 годъ...), онъ полагалъ возможнымъ ограничиться въ дѣлѣ оздоровленія гражданскаго правосудія лишь частичными *улучшеніями.* Только впослѣдствіи, путемъ долгихъ размышленій, пришелъ онъ къ мнѣнію о

возможности положить въ основаніе этого оздоровленія *начала, отличныя* отъ прежнихъ, и, наконецъ, высказалъ убѣжденіе, что эти начала должны не только отличаться отъ существующихъ, но и быть имъ прямо *противуположны*...

Однако, даже и проектируемыя Блудовымъ улучшенія встрѣчали рѣзкій и упорный отпоръ со стороны Министра Юстиціи, графа В. Н. Панина, человѣка высокаго образованія, но отрѣшеннаго отъ жизни на своемъ бюрократическомъ Олимпѣ и совершенно чуждаго всякому живому почину. За 23 года его управленія министерствомъ не было предпринято ни одного серьезнаго улучшенія порученнаго ему дѣла—и дѣятельность министра выражалась, главнымъ образомъ, въ трудно объяснимыхъ и совершенно произвольныхъ перемѣщеніяхъ подчиненныхъ ему губернскихъ чиновъ и въ настойчивомъ поддержаніи въ судебномъ строѣ того направленія, которое Гете характеризуетъ словами: «die richtende gefühllose Menschheit». Поэтому даже и противъ такихъ предлагаемыхъ Блудовымъ *улучшеній*, какъ порученіе доклада дѣла вмѣсто секретаря одному изъ членовъ судебнаго мѣста, уничтоженіе пустого и лицемѣрнаго обряда рукоприкладства, уменьшеніе судебныхъ инстанцій съ трехъ на двѣ и сокращеніе частныхъ производствъ, чрезвычайно тормозившихъ ходъ дѣла и часто возвращавшихъ его, чрезъ нѣсколько лѣтъ, къ первоисточнику—графъ Панинъ отвѣчалъ, съ особымъ канцелярскимъ паѳосомъ, рѣшительнымъ: *нѣтъ!* Увидѣвъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, всю безплодность переписки съ Министромъ Юстиціи и «неразрѣшимость ихъ разномыслій», Блудовъ рѣшился прибѣгнуть къ учрежденію, въ 1852-мъ году, особаго комитета «для обсужденія предположенныхъ измѣненій гражданскаго процесса», дѣлопроизводителемъ котораго былъ назначенъ Зарудный.

Человѣку впечатлительному и воспріимчивому, узнавшему жизнь не только въ департаментскихъ стѣнахъ, но и за границею, и въ глухой русской провинціи,—видѣвшему, какова она въ мертвящихъ условіяхъ русской дѣйствительности и какою *могла бы быть*, Зарудному пришлось много перечувствовать и перестрадать отъ участія въ томъ «кипѣньи въ дѣйствіи пустомъ», изъ котораго, съ большою тратою времени и крайними усиліями, медлительно рождалось частичное улучшеніе... Не бывши никогда ни любителемъ, ни умѣлымъ техникомъ въ дѣлѣ отписокъ и бумажныхъ турнировъ, Зарудный интересовался не войною *словъ*, а войною *идей*—и съ большимъ трудомъ склонялъ къ послѣдней комитетъ, главною рабочею силою котораго онъ сдѣлался. Ему приходилось, кромѣ того, бороться, въ лицѣ графа Панина, съ обычною у насъ

косностью по вопросамъ, лично не задѣвающимъ чувствительно тѣхъ, кто призванъ ихъ разработывать. Эта косность выразилась съ особою силою въ томъ, что—когда были исчерпаны и опровергнуты всѣ возраженія по существу противъ улучшеній—былъ настойчиво возбужденъ вопросъ, не лучше-ли, не осторожнѣе-ли попробовать, въ видѣ ни къ чему не обязывающаго опыта, приложить улучшенія къ небольшому и ограниченному пространству, напримѣръ къ С.-Петербургской губерніи?

Такъ шло дѣло до начала царствованія Александра II. Властное пожеланіе: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ», высказанное въ манифестѣ новаго Государя, было въ сущности равносильно словамъ «да будетъ судъ!»... Оно вывело работы по судебной части съ тропинки улучшеній на широкій путь преобразованій и влило энергію въ графа Блудова, который, отказавшись отъ прежней нерѣшительности и колебаній во взглядахъ, далъ ходъ способностямъ и смѣлому почину Зарунаго. Назначенный въ 1857 году помощникомъ статсъ-секретаря департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, Зарудный существенно повліялъ на составленіе въ 1860-мъ году записки графа Блудова, сопровождавшей рядъ внесенныхъ имъ проектовъ, гдѣ твердо и убѣжденно были намѣчены вполнѣ отличныя отъ прежнихъ начала судостройства. Необходимыми элементами правильной судебной организаціи были признаны—освобожденіе судовъ отъ всякаго вмѣшательства властей административныхъ и устройство адвокатуры, о которой въ предшествующіе годы нельзя было и заикаться, такъ какъ типическими ея представителями, по интересному удостовѣренію одного изъ близкихъ друзей Зарунаго, Н. М. Колмакова («Русская Старина» 1886 г.), считались Мирабо, Маратъ и Робеспьеръ (хотя адвокатомъ, въ дѣйствительности, былъ только послѣдній). Въ выработкѣ всѣхъ этихъ проектовъ Зарудный, побывавшій въ 1858 г. въ спеціальной юридической командировкѣ за границею, принялъ самое дѣятельное, то явное, то невидное, но ощутимое, участіе. Въ разгарѣ его работъ въ этомъ отношеніи, въ 1859-мъ г., онъ составилъ одиннадцать записокъ, касавшихся самыхъ жизненныхъ вопросовъ будущаго устройства судебной части: учрежденія, согласно указаніямъ нашей исторіи и здравой доктрины права, *единаго кассаціоннаго* суда, введенія *мировой юстиціи,* установленія *охранительнаго судопроизводства* и созданія сословія *присяжныхъ повѣренныхъ,* при чемъ, по мнѣнію Джаншіева, самые термины: «охранительный» и «повѣренный» придуманы Зарудныъ. Къ этому же времени относится его монографія: «Объ отдѣленіи вопросовъ *факта*

отъ вопросовъ *права»*, въ которой онъ, съ замѣчательною тонкостью и съ употребленіемъ строго математическихъ пріемовъ, разработалъ начала, неточное усвоеніе которыхъ составляетъ до сихъ поръ одно изъ самыхъ больныхъ и уязвимыхъ мѣстъ нашей судебной практики. Тогда же написаны Зарудпымъ—статья «Объ изслѣдованіи системы русскихъ гражданскихъ законовъ» и рядъ всестороннихъ записокъ о состязательномъ началѣ.

Такимъ образомъ, трудами его постепенно создавался очеркъ новаго судебнаго строя. Начертывая его, Зарудный руководился тѣмъ довѣріемъ къ людямъ и любовью къ своему народу, которыя, не смотря ни на что, одушевляли его до гробовой доски. «Противу изложенныхъ оснований—писалъ онъ—можетъ быть, между прочимъ, представлено возраженіе: *хорошо да не во время* Противъ этого *софизма*, который сдѣлалъ много зла на свѣтѣ, можно сказать одно только: если основанія правильны, то они и благовременны. Трудно думать, *чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были не приготовлены и не зрѣлы для хорошаго*. Правильное устройство судебныхъ учрежденій составляетъ вопросъ самый настоятельный для Россіи; притомъ же правильный законъ никогда не сдѣлаетъ зла; можетъ быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона *новаго,* онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ точнымъ его разумомъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубоко свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія народа».

Было, однако, одно коренное препятствіе для существеннаго преобразованія судебнаго строя въ Россіи: новый судъ тамъ, гдѣ три четверти населенія подчинялись личной расправѣ и не имѣли никакихъ имущественныхъ правъ, былъ бы лишь заплатой на ветхомъ рубищѣ. Другая великая реформа должна была совершиться ранѣе преобразованія суда. Къ ней былъ пріобщенъ Зарудный, въ качествѣ помощника государственнаго секретаря Буткова. Будучи облеченъ званіемъ статсъ-секретаря департамента законовъ, онъ получилъ назначеніе быть членомъ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Эта коммиссія подготовила институтъ мировыхъ посредниковъ, оставившій такія свѣтлыя и безупречныя воспоминанія и помогшій правильному и спокойному введенію крестьянской реформы. Между членами ея находились Н. И. Стояновскій, В. А. Арцимовичъ, К. К. Гротъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

Знаменитыя редакціонныя коммиссіи окончили въ 1860-мъ г. свой незабвенный трудъ, подвергшійся ожесточенной критикѣ. Въ

правящихъ сферахъ и въ обществѣ циркулировали, съ надеждою на вліяніе и окончательное воздѣйствіе, записки, преимущественно направленныя противъ освобожденія *съ землею,* въ которомъ, не безъ основанія, видѣли безповоротное прекращеніе крѣпостного права, тогда какъ при освобожденіи *безъ земли* крѣпостное право въ видѣ батрачества могло бы, выгнанное въ одну дверь, скоро войти въ другую, лишь въ другой окраскѣ и внѣшнихъ условіяхъ. По сущности главнѣйшихъ изъ этихъ записокъ ихъ можно было раздѣлить на *ироническія,* доводившія ad absurdum начала освобожденія и предлагавшія *всю землю* помѣщиковъ отдать крестьянамъ,—*устрашительныя,* въ которыхъ, въ силу какой-то непонятной логики, по поводу надѣла говорилось о «народной Немезидѣ съ обнаженнымъ мечемъ»—и *сентиментальныя,* въ родѣ той, въ которой предлагалась освобождать людей отъ крѣпостной зависимости постепенно, послѣ ряда предварительныхъ испытаній, въ видѣ *награды за благонравіе.* Но мысль Государя была уже твердо направлена на довершеніе величайшаго изъ дѣлъ его жизни. 26-го января 1861 г., въ соединенномъ засѣданіи Комитета Министровъ и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, состоявшемся подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, говоря о необходимости освобожденія крестьянъ, онъ выразился, что не только желаетъ этого, но требуетъ и повелѣваетъ, а 28-го января въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта произнесъ обширную, богатую историческими данными, трогательную и вмѣстѣ твердую рѣчь, въ которой выразилъ непреклонную волю объ окончаніи дѣла, безъ затяжекъ и отсрочекъ, съ улучшеніями не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Указывая на историческій ходъ возникновенія и развитія крѣпостного права, Государь сказалъ, что самодержавная власть, установившая крѣпостное право, должна его и упразднить и, приглашая своихъ ближайшихъ совѣтниковъ откинуть личные интересы и взгляды и дѣйствовать исключительно какъ государственные сановники, призывалъ на предстоящій имъ трудъ благословеніе Божіе. Передающимъ это благословеніе своей странѣ представляется онъ и на своемъ памятникѣ въ Москвѣ, съ простертою рукою и приподнятою головою, на которой нерѣдко шапка Мономаха прикрывала терновый вѣнецъ...

Зарудный имѣлъ счастіе быть докладчикомъ въ этомъ и во всѣхъ послѣдующихъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Первоначально въ нихъ обнаружилось опасное для благопріятнаго исхода дѣла раздѣленіе голосовъ. Многіе высказались за отсрочку рѣшенія еще на шесть мѣсяцевъ; затѣмъ большинство стало поддаваться соблазну подчинить освобожденіе не безотлагательному

требованію закона, а «добровольному соглашенію». При этомъ мнѣніи, однако, осталось лишь 15 голосовъ; 17 высказались за полное принятіе проекта Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 13 —за «дополнительную провѣрку» расчетовъ, сдѣланныхъ Редакціонными Комиссіями, а семь голосовъ были поданы условно, такъ какъ подававшіе были, повидимому, по образному выраженію XVI вѣка, «духомъ перегибательны». Наконецъ изъ разнородныхъ элементовъ, послѣ ежедневныхъ засѣданій подъ предсѣдательствомъ гр. Блудова, образовалось окончательное большинство въ 37 голосовъ. 16-го февраля законодательная работа была окончена. 18-го февраля Государственный Секретарь Бутковъ повезъ къ Государю «Положеніе», въ надеждѣ присутствовать при торжественной минутѣ, когда три небольшихъ слова: «быть по сему» зазвучатъ какъ благовѣстъ въ сердцахъ 20-ти милліоновъ людей. Ему не удалось, однако, лично присутствовать при начертаніи этихъ словъ. Есть минуты—рѣдкія минуты въ жизни—когда душа человѣка, выражаясь въ исполненіи своего высокаго долга, чуждается проникновенія посторонняго взора въ ея отчетъ предъ Богомъ. Такія минуты должны быть и у верховнаго законодателя...

«Положеніе» было возвращено лишь на другой день, въ знаменательный день 19 февраля, вмѣстѣ съ подписаннымъ Государемъ манифестомъ *о свободномъ* трудѣ. Воспоминаніе объ участіи въ работахъ по освобожденію крестьянъ всю жизнь согрѣвало Зарудиаго. Онъ съ восхищеніемъ говорилъ объ этомъ времени, съ гордостью носилъ свою золотую медаль на александровской лентѣ и былъ усерднымъ гостемъ обѣдовъ 19-го февраля, на которые собирались съ каждымъ годомъ рѣдѣвшіе сотрудники Царя въ этомъ великомъ дѣлѣ. Не даромъ Бутковъ, извѣщая его о томъ, что Государь «счелъ священнымъ долгомъ искренно благодарить государственнаго секретаря и всѣхъ его помощниковъ» за добросовѣстные и неутомимые труды по дѣлу освобожденія крестьянъ, добавилъ отъ себя, что особенно радуется возможности сообщить объ этомъ ему, «какъ одному изъ *дѣятельнѣйшихъ* участниковъ въ работѣ».

Освобожденіемъ крестьянъ было положено прочное основаніе для судебной реформы. Оно открыло широкіе горизонты и дало работамъ для совершенія послѣдней рѣшительное движеніе впередъ къ ясно сознанной цѣли. Этимъ воспользовался Зарудный; въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ его докладовъ Государственный Совѣтъ призналъ бывшіе въ его разсмотрѣніи проэкты преобразованія судебной части подлежащими переработкѣ и извле-

ченію изъ нихъ *общихъ началъ* для дальнѣйшихъ трудовъ. Налагая руку на собственныя упорныя и многолѣтнія работы и убѣдивъ гр. Блудова и Буткова въ необходимости признать ихъ несоотвѣтствующими нуждамъ времени, когда необходимо проложить «новый курсъ», Зарудный дѣйствовалъ какъ истинный государственный человѣкъ, ревнующій не о собственномъ самолюбіи и о непогрѣшимости своихъ *прежнихъ* трудовъ, а объ удовлетвореніи насущной общественной потребности во всю мѣру возможнаго. Согласно его предположеніямъ состоялись доклады графа Блудова о передачѣ дѣла судебной реформы въ вѣдѣніе Государственной Канцеляріи и (въ январѣ 1862-го года) новаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Гагарина и о начертаніи основныхъ началъ судебной реформы, согласно *указаніямъ науки* и опыта *европейскихъ государствъ,* съ разрѣшеніемъ привлечь къ работамъ юристовъ-спеціалистовъ. Первый камень къ возведенію величественнаго зданія Судебныхъ Уставовъ былъ положенъ—и душою, страстною и неустанною, всего дѣла сталъ Зарудный. Закипѣла работа, при дружномъ содѣйствіи приглашенныхъ имъ знающихъ и энергичныхъ людей—Буцковскаго, Плавскаго, Побѣдоносцева, Ровинскаго и Стояновскаго. Пришлось, такъ сказать, выжать сокъ изъ прежнихъ проэктовъ, объединить лучшее изъ намѣченнаго общею связующею мыслью и приготовить серьезныя опроверженія на обычныя у насъ возраженія противъ всякаго новаго дѣла, предпринимаемаго не только «для виду». Эти возраженія извѣстны: сначала говорится, что *хорошо бы,* да *средствъ* на это нѣтъ, а когда отысканы или указаны источники для послѣднихъ—то говорится обыкновенно, что *людей* нѣтъ! Зарудный шагъ за шагомъ, словесно и письменно опровергалъ эти возраженія. Онъ несъ на себѣ огромную работу радостно, не чувствуя ни усталости, ни сомнѣнія въ ея счастливомъ исходѣ. Онъ докладывалъ, совѣщался, спорилъ, убѣждалъ, горячился, писалъ и разработывалъ въ особыхъ запискахъ рядъ главнѣйшихъ, коренныхъ основаній реформы... Черезъ три мѣсяца непрерывной работы *основныя положенія,* сопровождаемыя подробными соображеніями, были готовы, затѣмъ доложены, при участіи Заруднаго, какъ статсъ-секретаря, Государственному Совѣту, утверждены Государемъ 24 сентября 1862-го года и распубликованы во всеобщее свѣдѣніе, вызвавъ оживленную работу юридической мысли, призываемой на творческую дѣятельность.

Среди благотворныхъ новшествъ, намѣчавшихъ общія черты *настоящаго суда* со всѣми свойственными ему атрибутами, въ основныхъ положеніяхъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ за-

нимало учрежденіе *суда присяжныхъ*. Графъ Блудовъ былъ рѣшительнымъ противникомъ этой формы суда для Россіи. Взгляды его на несвоевременность введенія суда *чрезъ* присяжныхъ изложены въ нашемъ очеркѣ дѣятельности Д. А. Ровинскаго; тамъ же приведены и практическія, почерпнутыя изъ поучительнаго опыта жизни, возраженія послѣдняго Блудову, встрѣчавшему, однако, поддержку въ нѣкоторыхъ ученыхъ работахъ, проникнутыхъ пессимизмомъ по отношенію къ правовому чувству русскаго народа, и во мнѣніи авторитетнѣйшихъ представителей старой судебной практики. Такимъ былъ, между прочимъ, извѣстный сенаторъ Карніолинъ-Пинскій, впослѣдствіи первый предсѣдатель нашего уголовнаго кассаціоннаго суда. «Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ!—писалъ онъ—вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ этихъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ, какъ не заревѣть другому?! Разсудительные люди не кричатъ, они увѣрены, что все доброе и полезное насъ не минуетъ, а блестящаго, но *сомнительнаго*—хотя бы и не бывало»... Нельзя, впрочемъ, отрицать, что въ учрежденіи суда присяжныхъ была сторона, немного тревожившая тѣхъ, кому было дорого правильное осуществленіе новаго судебнаго устройства на практикѣ. Кромѣ чувства долга и добросовѣстности, отъ людей, призываемыхъ помогать отправленію правосудія, а иногда даже играть въ немъ рѣшительную роль, требовалось извѣстное, стоявшее, въ виду недавнихъ общественныхъ условій, подъ вопросительнымъ знакомъ, развитіе гражданскаго чувства и пониманія. Присяжныхъ желали, ихъ ждали... Это вѣрно, хотя и рѣзко, изобразилъ Карніолинъ-Пинскій. Въ нихъ хотѣлось вѣрить заранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшему о новомъ судѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще не появившемуся на сцену присяжному: «незримый—ты мнѣ былъ ужъ милъ»... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый теоретическій присяжный долженъ былъ облечься, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ реальный образъ простолюдина, всего нѣсколько лѣтъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости, въ образъ того мужика, котораго незадолго предъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного изъ своихъ героевъ, назвалъ «таинственнымъ незнакомцемъ...» И что-же? Теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственный незнакомецъ оправдалъ оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго на-

рода. Безпристрастная исторія нашего суда присяжныхъ покажетъ со временемъ, въ какія тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или близоруко дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долженъ будетъ признать, что между приговорами, которые ставились въ вину присяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было почти ни одного, который, зная данное дѣло, нельзя было бы понять и объяснить себѣ... Когда, въ 1895-мъ году, особое совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, внимательно и всесторонне разсмотрѣло всѣ дѣйствительные и мнимые недостатки нашего суда присяжныхъ, оно было вынуждено признать, что это судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія и обреченный не отходить въ область преданій, а упрочиться въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ—а таковыхъ огромное большинство,—относящійся къ своему дѣлу, какъ къ служенію совѣсти, кладущій зачастую призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*—честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель.

Сорокъ слишкомъ лѣтъ назадъ нужно было имѣть большую и непоколебимую вѣру въ духовныя свойства и нравственныя силы русскаго народа, чтобы рѣшиться предоставить ему, съ первыхъ же шаговъ обновленной судебной дѣятельности, наиболѣе важное по своимъ послѣдствіямъ участіе въ ней. Значеніе этой рѣшимости увеличивалось еще и тѣмъ, что стоявшіе за судъ присяжныхъ должны были впервые *насадить* его, а не *возродить* только, ибо выборные *цѣловальники* XVI вѣка при судѣ воеводъ и намѣстниковъ были давно забыты, а *сословные засѣдатели* старыхъ судовъ ничего общаго съ присяжными засѣдателями не имѣли.

Вращаясь въ законодательной средѣ, гдѣ еще такъ недавно говорить о судѣ присяжныхъ считалось совершенно недозволительно, Зарудный понималъ, что рядомъ со ссылками Блудова на правовую неподготовленность простого русскаго человѣка, неумѣющаго будто бы отличать *законъ* отъ *приказанія начальства, правосудіе*—отъ *помилованія* и *преступника*—отъ *несчастнаго*, существуетъ мнѣніе, стоящее на совсѣмъ другой почвѣ и съ неменьшею силою направленное противъ призванія къ дѣлу суда представителей общественной совѣсти. «Судъ присяжныхъ—гово-

рили представители этого мнѣнія—есть учрежденіе политическое и по своему происхожденію, и по своему характеру. Онъ — одно изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи государственныхъ учрежденій *западнаго* образца, не имѣющихъ ничего общаго съ *самодержавнымъ строемъ* Россіи». Такой взглядъ, повидимому, опиравшійся на исторію, могъ стать могущественнымъ средствомъ въ рукахъ противниковъ суда присяжныхъ, ибо указывалъ на будущую опасность отъ введенія этого суда не только для правильнаго отправленія правосудія, но и для цѣлесообразнаго устройства и дѣйствія всего государственнаго организма, построеннаго на абсолютно монархическихъ началахъ. Предоставивъ, поэтому, Ровинскому спорить съ гр. Блудовымъ о способности русскаго народа выдѣлить изъ себя судей о *виновности* на ряду съ казенными судьями *о наказуемости,* Зарудный, въ двухъ замѣчательныхъ трудахъ—«Общія соображенія о составѣ суда уголовнаго» и «О спеціальныхъ присяжныхъ для особаго рода дѣлъ въ Англіи, Франціи и Италіи»—предпринялъ умѣлый и рѣшительный походъ противъ мнѣнія о политическомъ характерѣ суда присяжныхъ въ Россіи. Утверждая, что для соотвѣтствія дѣйствій уголовнаго суда цѣлямъ справедливости онъ долженъ имѣть два состава—постоянный (коронные судьи) и перемѣнный (выборные изъ всѣхъ слоевъ общества на краткіе сроки)—Зарудный указывалъ, что правосудіе въ широкомъ смыслѣ требуетъ не только твердости и непреклонности въ рѣшеніяхъ, но и глубокаго знанія всѣхъ мелочей обыденной жизни и снисходительности къ неизбѣжнымъ слабостямъ человѣка. Поэтому, опираясь, между прочимъ, на авторитетъ извѣстнаго ученаго криминалиста Миттермайера, онъ доказывалъ, что въ такой постановкѣ суда нѣтъ ничего противнаго началамъ монархическаго правленія. Прослѣдивъ развитіе суда присяжныхъ въ Западной Европѣ и измѣненіе взглядовъ на него въ наукѣ и въ средѣ самихъ правительствъ, Зарудный окончательно опредѣлялъ эту форму суда какъ *лучшій судебный методъ,* какъ лучшее средство въ рукахъ правительства, независимо отъ формы правленія, ограждать себя отъ нравственной отвѣтственности за ошибки зависимыхъ отъ него служебно судей, впавшихъ въ рутину и равнодушіе. Мысли Зар욱наго, изложенныя въ особыхъ запискахъ, нашли себѣ видное и вліятельное мѣсто въ соображеніяхъ Государственной Канцеляріи. Судъ присяжныхъ, освѣщенный съ разныхъ сторонъ Зарруднымъ и Ровинскимъ, не встрѣтилъ серьезныхъ возраженій при окончательномъ обсужденіи основныхъ положеній въ Государственномъ Совѣтѣ—и былъ, такимъ образомъ, заложенъ въ фундаментъ Судебныхъ Уставовъ. Этимъ было выражено довѣріе къ русскому

народу, построенное на признаніи зрѣлости его ума и воспріимчивости его совѣсти. Въ этомъ великая заслуга тѣхъ, чьими трудами создались Судебные Уставы. Она не должна быть забыта исторіей нашего гражданскаго развитія; не смотря ни на какіе, временные и случайные недочеты суда присяжныхъ, она даетъ людямъ, подобнымъ Зарудному и Ровинскому, право стоять на ряду съ дѣятелями великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

Опубликованныя, по мысли и почину Заруднаго, во всеобщее свѣдѣніе «Основныя Положенія» поступили затѣмъ—вызвавъ массу цѣнныхъ и оригинальныхъ замѣчаній со стороны юристовъ-практиковъ со всѣхъ концовъ Россіи,—для дальнѣйшаго развитія въ образованную подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова Коммиссіею, состоявшую изъ трехъ отдѣленій, съ 27 членами.

Въ отдѣленіи *гражданскаго* судопроизводства предсѣдателемъ былъ Зарудный, уголовнаго судопроизводства—Буцковскій, судоустройства — Плавскій. Хотя Зарудный оффиціально завѣдывалъ однимъ лишь гражданскимъ отдѣленіемъ коммиссіи, но его живой умъ, сообщительность и горячій интересъ ко всему, что касалось судебной реформы, вовлекали его въ участіе въ работахъ другихъ отдѣленій. Притомъ всѣ три отдѣленія собирались въ общія собранія. За время существованія коммиссіи послѣднихъ было 21, а засѣданій отдѣленія, которымъ руководилъ Зарудный — 91. На него же возложенъ былъ Бутковымъ и докладъ работъ коммиссіи въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. «Хотя работа въ коммиссіи и была раздѣлена, — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ сотрудниковъ (Шубинъ - Поздѣевъ), — но направленіе всѣхъ отдѣловъ всецѣло принадлежало Зарудному. Вездѣ была его иниціатива—и въ приглашеніи дѣятелей, и въ направленіи работъ. Составъ коммиссіи разросся до громадныхъ размѣровъ: были привлечены всѣ лучшія силы почти изъ всѣхъ вѣдомствъ, преимущественно судебнаго, и со всѣхъ концовъ Россіи. Кромѣ постоянныхъ членовъ, въ трудахъ и совѣщаніяхъ принимали участіе и лица посторонния по разнымъ спеціальностямъ, начиная отъ профессоровъ университета и кончая полицейскими чинами. Было написано и напечатано множество матеріаловъ и проектовъ по всѣмъ частямъ; работы обсуждались въ частныхъ коммиссіяхъ и совѣщаніяхъ, исправлялись, передѣлывались, вновь печатались и обсуждались въ цѣлыхъ отдѣлахъ коммиссіи и т. д. Для засѣданій не щадили ни времени, ни трудовъ; работающіе собирались и днемъ, и по вечерамъ. Споровъ было множество. Выступали ораторы всякаго рода—и скромные, и задорные, и уклончивые. *Ду-*

шою всего дѣла былъ и оставался постоянно Зарудный. Самъ онъ работалъ болѣе всѣхъ, цѣлыя ночи проводилъ весьма часто за работою, которую никогда не откладывалъ». Благодаря неустанной и одушевленной работѣ коммиссіи, въ одинадцать мѣсяцевъ создались *Судебные Уставы,* представляющіе по своей формѣ и содержанію, по стройности частей и единству руководящей мысли, величайшую изъ русскихъ законодательныхъ работъ XIX вѣка. 20 ноября 1864-го года эти уставы были Высочайше утверждены и вслѣдъ затѣмъ обнародованы при указѣ, возвѣщавшемъ о дарованіи русской землѣ суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ и о возвышеніи судебной власти предоставленіемъ ей надлежащей самостоятельности для утвержденія въ народѣ уваженія къ закону, безъ котораго невозможно общественное благосостояніе.

22 ноября Государственный Секретарь Бутковъ, препровождая Зарудному *первый* отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ, сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись: «Этотъ экземпляръ вручается Сергѣю Ивановичу Зарудному, какъ лицу, которому новая судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ. Онъ занимался этимъ дѣломъ со времени поступленія въ Государственный Совѣтъ первыхъ проектовъ II-го отдѣленія и *велъ все дѣло до его конца.* Онъ участвовалъ въ работахъ по составленію основныхъ положеній, руководилъ работами по уставу гражд. судопр., дѣятельно занимался при обсужденіи всѣхъ другихъ проектовъ. При такихъ его трудахъ, цѣлью коихъ было одно—искреннее желаніе совершить всю реформу, столь необходимую для пользы Россіи, — конечно первый отпечатанный экземпляръ по праву долженъ принадлежать Сергѣю Ивановичу». Получивъ эту книгу, — на которую едва ли кто-нибудь изъ привѣтствовавшихъ ея появленіе можетъ смотрѣть безъ воспоминанія о свѣтломъ времени, полномъ надеждъ, любви къ прекрасному дѣлу и вѣры въ то, что хорошія учрежденія создадутъ и хорошихъ людей на службу правосудію,—Зарудный не успокоился на лаврахъ. Онъ, повидимому, зналъ, что мы сдѣланы изъ глины, которая быстро нагрѣвается, но жаръ хранитъ недолго и скоро остываетъ,— что мы не любимъ традицій и воспоминаній, а предпочитаемъ жить настоящимъ днемъ. Поэтому онъ хотѣлъ закрѣпить сдѣланное съ такимъ одушевленнымъ трудомъ. Имъ составлены три собранія матеріаловъ по судебному преобразованію, въ 74 томахъ каждое, представляющія драгоцѣнный историко-юридическій памятникъ, въ который, между прочимъ, вошли восемь его обширныхъ записокъ по разнообразнымъ вопросамъ судопроизводства и судоустройства

и три сдѣланныхъ имъ большихъ перевода иностранныхъ процессуальныхъ законовъ. Имъ изданы затѣмъ Судебные Уставы съ комментаріями, т. е. съ разсужденіями, на которыхъ они основаны. Это—трудъ въ своемъ родѣ научный, не говоря уже о его значеніи для юристовъ-практиковъ. Со страницъ его вѣетъ тѣмъ духомъ, которымъ были проникнуты составители Судебныхъ Уставовъ, въ средѣ которыхъ Зарудный игралъ такую выдающуюся роль.

Совершить законодательную работу—еще не значитъ ее осуществить на практикѣ, особенно, если встрѣчаются неблагопріятныя для нея теченія. Поэтому участнику большой законодательной работы можетъ предстоять: или стоять на стражѣ своего труда, ревниво охраняя его отъ законодательной ломки и порчи, или же идти его осуществлять на практикѣ въ житейскомъ приложеніи. Судьба не судила Зарудному ни того, ни другого. Новая судебная практика, какъ всякое новое дѣло, вызвала различныя тренія и шероховатости, и хотя верховная воля признавала Судебные Уставы согласными съ строемъ Россіи, но во многихъ случаяхъ нравы общества—неуловимые и упорные, сложившіеся подъ вліяніемъ заразы крѣпостныхъ отношеній—вызывали страстныя нареканія при каждомъ щекотливомъ соприкосновеніи съ новымъ порядкомъ вещей, при каждой невольной ошибкѣ и промахѣ ея служителей. И въ печати, и въ правящихъ сферахъ стали раздаваться вліятельные протестующіе голоса и началось обратное теченіе. Зарудный, почуявъ опасность для нѣкоторыхъ частей своего возлюбленнаго труда, забилъ тревогу. Но годы предшествующей работы не могли способствовать укрѣпленію его нервовъ. Онъ былъ страстенъ въ спорахъ, рѣзокъ въ отзывахъ, его юморъ принималъ иногда острый характеръ. Привыкнувъ играть на своемъ посту вліятельную роль, онъ крайне настойчиво проводилъ свои взгляды, *навязывая ихъ*, какъ выражались его вліятельные противники. Роль простого докладчика и редактора не удовлетворяла его живую натуру. У него не было *мнѣній*, дружелюбный обмѣнъ которыхъ никого не задѣваетъ. Его мнѣнія проходили чрезъ его сердце, оставляя въ немъ неизгладимый слѣдъ, и становились *убѣжденіями*, объ *обмѣнѣ* которыхъ говорить было бы какъ-то странно. Притомъ онъ не обращалъ никакого вниманія на личности, а имѣлъ въ виду любимое дѣло, которое поглощаетъ отдѣльное лицо. Все это складывало взглядъ на него, какъ на неуживчиваго, тягостнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ совѣщаніяхъ, полныхъ безучастнаго спокойствія, онъ высказывался съ обычною рѣзкостью и даже нетерпимостью (не даромъ былъ онъ авторомъ ядовито-остроумнаго «письма опыт-

наго чиновника младшему собрату», напечатаннаго уже послѣ его смерти въ «Русской Старинѣ»), не обращая никакого вниманія на столь обычныя у насъ соображенія о томъ—*ловко ли? удобно ли? не преждевременно ли?*

1-го января 1869 г. онъ получилъ повышеніе и былъ назначенъ сенаторомъ. Повышеніе было вполнѣ въ порядкѣ вещей, такъ какъ всегда заслуженные статсъ-секретари переходили въ Сенатъ; но лично для Заруднаго это повышеніе было сопряжено съ невозможностью продолжать, по своему умѣнію и разумѣнію, охранять Судебные Уставы отъ измѣненій на законодательной почвѣ. За то, повидимому, открывался широкій просторъ для службы имъ, въ ихъ практическомъ осуществленіи, для занятія кассаціонною дѣятельностью. Но и тутъ судьба отнеслась къ нему иронически. Онъ, одинъ изъ творцовъ новыхъ судовъ, вбивавшій въ ихъ организацію каждый гвоздикъ съ любовью, горячій защитникъ чистаго состязательнаго начала и внутренняго убѣжденія по дѣламъ уголовнымъ, съ 1843 г. критиковавшій обветшалые суды съ ихъ отсутствіемъ истиннаго состязательнаго начала и формальною теоріею доказательствъ,—онъ былъ назначенъ присутствовать въ *старомъ* судебномъ департаментѣ Сената и въ *старомъ* общемъ собраніи. Онъ хотѣлъ даже подать въ отставку, но вѣроятно семейныя соображенія не давали для этого возможности, да и надежда его не покидала. Не даромъ каждый годъ, въ теченіе долгаго времени, онъ собиралъ у себя въ день изданія Судебныхъ Уставовъ, 20 ноября, друзей и знакомыхъ и радостно праздновалъ его, считая себя, среди *новыхъ* судебныхъ дѣятелей, *своимъ* по праву. Но годы шли, кружокъ друзей и его лично, и Судебныхъ Уставовъ вообще, рѣдѣлъ, мѣнялись люди и взгляды. То, что было для него горячимъ воспоминаніемъ души, становилось для вновь выступившихъ на сцену равнодушно слушаемымъ разсказомъ о почти безразличныхъ событіяхъ, скучнымъ повѣствованіемъ о разбитыхъ жизнью непрактическихъ иллюзіяхъ. Онъ воевалъ противъ 2-й части XV тома, возставалъ противъ примѣненія формальной мѣрки къ дѣламъ, гдѣ живой человѣкъ, живущій гдѣ-то далеко, погребенъ подъ ворохомъ бумагъ канцелярскаго производства, ратовалъ противъ безконечной волокиты частныхъ производствъ по гражданскимъ дѣламъ, спорилъ, горячился, трепеталъ, какъ рыба, вытащенная на берегъ. Въ дѣлахъ общаго собранія Сената сохранился рядъ его *особыхъ мнѣній*, которыми онъ старался внести въ рѣшенія возможно большій просторъ началу внутренняго убѣжденія въ оцѣнкѣ доказательствъ, желая, въ то же время, по собственному признанію, создать въ этихъ рѣшеніяхъ слогъ средній между *старою* ка-

зуистикою и *новымъ* краснорѣчіемъ, между старою *преднамѣренною* краткостью и *новымъ* многословіемъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью преобразованнаго суда и чутко относясь ко всему, что касалось суда присяжныхъ, тревожился по поводу неблагопріятныхъ для его существованія слуховъ, горячо привѣтствуя всѣ печатныя и письменныя попытки его защитить. «Съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу сердечно поблагодарить васъ за записку въ защиту суда присяжныхъ,—писалъ онъ мнѣ въ 1877 году, прочиталъ мое представленіе Министру Юстиціи графу Палену—по богатству собранныхъ матеріаловъ и вѣрности выводовъ эта записка доставила мнѣ полнѣйшее наслажденіе и возвратила меня на минуту въ то свѣтлое настроеніе духа, которое, въ свое время, было присуще большинству трудившихся по этому вопросу.»

Но все это не удовлетворяло его кипучую натуру. Душа его жаждала широкой дѣятельности, про которую можно было бы сказать ему словами поэта: «иныя ждутъ тебя страданья, другихъ восторговъ глубина». Ища забвенья въ литературно-юридическихъ трудахъ, онъ уже въ 1869-мъ году издалъ обширную работу подъ названіемъ: «Гражданское Уложеніе Итальянскаго королевства и Русскіе Гражданскіе законы», а въ 1870 г.—такую же работу «о торговыхъ законахъ Италіи и Россіи». Въ 1873 г. для Московскаго Юридическаго Общества онъ составилъ докладъ «о необходимости полнаго изданія гражданскихъ законовъ 1857 г. и о согласованіи ихъ съ послѣдующими узаконеніями». Зная въ совершенствѣ итальянскій языкъ, онъ издалъ переводъ избранныхъ стихотвореній Лермонтова, Майкова, Кольцова и Жемчужникова, съ предисловіемъ извѣстнаго Анжело де-Губернатиста, подъ названіемъ: «Fiori della poesia russa». Кромѣ того, онъ перевелъ по-итальянски стихотвореніе Пушкина «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», слова котораго «ma io non voglio, fratelli, morir, mi preme vivere, pensàr e sofrir»—такъ соотвѣтствовали его жаждѣ творческой и живой дѣятельности.

Самыми замѣчательными трудами этого періода его уже надломленной жизни являются переводы сочиненія Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» и Дантовскаго «Ада». Было бы ошибкою думать, что это только переводы, превосходные по точности и красотѣ языка, о чистотѣ котораго онъ всегда очень заботился. Въ каждомъ изъ нихъ онъ отозвался на историко-правовые и бытовые вопросы нашей общественной жизни, въ каждомъ изъ нихъ на ряду съ искуснымъ переводчикомъ выступаетъ мыслитель-юристъ и страдающій внутренно человѣкъ... Посвященный памяти его со-

трудника по созданію Судебныхъ Уставовъ, Н. А. Буцковскаго, первый переводъ названъ «матеріалами для разработки сравнительнаго изученія теоріи и практики уголовнаго законодательства». Онъ содержитъ въ себѣ блистательное и подробное доказательство непосредственнаго вліянія на проектъ «обряда криминальнаго суда» въ знаменитомъ «Наказѣ» Екатерины II сочиненія Беккаріи, который желалъ горячимъ словомъ убѣжденія и строго математическимъ изложеніемъ своихъ мыслей «защищать общечеловѣческія права и требованія непобѣдимой истины и тѣмъ спасти отъ ужасовъ и мученій смерти хотя бы одну несчастную жертву жестокости и невѣжества, одинаково безпощадныхъ» (§ 1 введенія въ трактатъ). Переводъ снабженъ Заруднымъ обширными примѣчаніями, объясненіями и приложеніями, дающими возможность съ одной стороны прослѣдить отраженіе и развитіе на страницахъ Судебныхъ Уставовъ возвышенныхъ началъ, провозглашенныхъ Беккаріею, а съ другой—увидѣть ясно отсталость, непригодность и бездушную черствость тѣхъ пріемовъ нашего стараго судопроизводства, примѣнять которые, вопреки всему своему душевному складу, былъ призванъ Зарудный. Второй переводъ, посвященный бывшему Министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головину, представляетъ оригинальную передачу безсмертнаго творенія великаго поэта, котораго справедливо называютъ «центральнымъ человѣкомъ среднихъ вѣковъ». Предъ каждой пѣснью «Ада» Заруднымъ помѣщено *толкованіе*, богатое историческими данными и остроумными замѣчаніями, и *эпиграфы*, иногда очень своеобразные и отзывающіеся на злобу дня. Особенно оригинальна составленная имъ «лѣстница наказаній», существующихъ въ Дантовомъ Аду. Юристъ сказался и въ прекрасныхъ толкованіяхъ понятія о законѣ, и въ доказательствахъ, что въ Дантовомъ Аду грѣшниковъ караютъ не за то, что они *сдѣлали на землѣ*, а за то, чѣмъ они *сами сдѣлались*. Во всѣхъ примѣчаніяхъ и въ особенности въ предисловіи звучитъ грустная нота жажды покоя, скорби по угасающимъ силамъ, которымъ нѣтъ ни выхода, ни простора. Онъ называетъ большія способности *великимъ* и *ужаснымъ даромъ* природы и думаетъ, что Дантъ иносказательно хотѣлъ изобразить адъ на землѣ. Въ особенно подробной и горячей по языку разработкѣ главъ, касающихся людей *съ зарытымъ въ землю талантомъ* и *людей безъ убѣжденій* сказывается тягостное вліяніе на Заруднаго среды, въ которой онъ былъ обреченъ вращаться въ послѣдніе годы жизни, среды, по отношенію къ которой онъ былъ лишенъ возможности исполнить совѣтъ Виргилія: «взглянуть а пройти мимо»...

Не смотря на такое мрачное настроеніе, Зарудный занимался переводомъ съ любовью и въ особенно торжественной обстановкѣ своего рабочаго кабинета читывалъ его взволнованнымъ голосомъ немногимъ друзьямъ.

Переводъ «Ада» былъ послѣднимъ трудомъ Зарудного. Судьба нанесла ему предпослѣдній ироническій ударъ. Онъ пріобщился, наконецъ, къ новому, созданному Судебными Уставами, Сенату, но не въ качествѣ сочлена, а въ качествѣ обвиняемаго. Находя непримѣнимымъ къ условіямъ деревенской жизни и къ ея интересамъ циркулярный указъ соединеннаго присутствія Сената о *ежедневномъ разборѣ* мировыми судьями дѣлъ, Зарудный убѣдилъ Купянскій мировой съѣздъ, гдѣ онъ былъ почетнымъ судьей, пріостановиться исполненіемъ уже разосланнаго судьямъ указа и представить на основаніи I тома Свода Законовъ о встрѣченномъ затрудненіи Сенату. Представленіе было встрѣчено сурово и съѣзду, во всемъ его составѣ, было объявлено отъ Сената дисциплинарное замѣчаніе. Это крайне тяжело подѣйствовало на Зарудного, который оказался невольнымъ виновникомъ кары, постигшей его, довѣрившихся его авторитету, товарищей. А затѣмъ подошли недуги и стала издали грозить смерть. Зарудный могъ ее встрѣтить спокойно. Онъ не зарылъ, по доброй волѣ свой талантъ въ землю, а служилъ родной землѣ всѣми силами ума и сердца, покуда имѣлъ возможность. Но душа его была измучена безплодными порывами къ широкой дѣятельности и уколами его убѣжденіямъ, когда общество стало охладѣвать къ тому, что было ему такъ дорого... Поэтому для него въ рукахъ смерти, по выраженію Боратынскаго, «была олива мира, а не губящая коса». Въ концѣ 1887 г. его повезли въ Ниццу, куда его манили небо и солнце, но новая — и на этотъ разъ послѣдняя—иронія судьбы послала ему 18-го декабря кончину въ вагонѣ, за нѣсколько верстъ до Ниццы, когда вдали уже засинѣло южное, теплое и ласкающее море...

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ.

СТОЯНОВСКІЙ.

(Рѣчь въ засѣданіи С-Петербурскаго юридическаго общества 17 декабря 1900 г.).

I.

Въ каждомъ серьезномъ преобразованіи, глубоко затрогивающемъ важнѣйшія условія общественнаго быта—подмѣчаются обыкновенно три послѣдовательныхъ періода — подготовленія, осуществленія и организаціи. Сообразно съ этимъ и дѣятели, связавшіе свое имя или свой трудъ съ тѣмъ или другимъ преобразованіемъ, могутъ принадлежать одному изъ этихъ періодовъ, или нѣсколькимъ, или, наконецъ, всѣмъ. Изъ нихъ *подготовители* — сознаютъ раньше и яснѣе другихъ общественную и нравственную потребность преобразованія и являются носителями идеи, положенной въ его основаніе; *осуществители*—представляютъ изъ себя одушевленныхъ этою идеею работниковъ, а *организаторы*, вводя преобразованіе въ жизнь, укрѣпляя въ ней его корни и охраняя его молодые побѣги знающею и любящею рукою, бываютъ пестунами новаго дѣла и виновниками его успѣха. При естественномъ и правильномъ ходѣ преобразованія обыкновенно однѣ и тѣ же лица выступаютъ во всѣхъ трехъ роляхъ, создавая и духъ, и плоть, и самую жизнеспособность новаго, пришедшаго на смѣну старому, строя. Однако не всегда бываетъ такъ, и разные періоды преобразованія знаютъ и разныхъ людей, нерѣдко рѣзко отличныхъ между собою въ

своемъ отношеніи къ его движущимъ началамъ и къ его практическому примѣненію. Въ особенности это отличіе и даже прямая противоположность проявляются при сравненіи подготовителей съ организаторами. Такой ходъ преобразованія долженъ быть признанъ неправильнымъ. Но многія изъ коренныхъ преобразованій нашего общественнаго быта въ шестидесятыхъ годахъ не шли правильнымъ ходомъ. Достаточно вспомнить, что дѣло организаціи и практическаго примѣненія отмѣны крѣпостного права — не осталось не только въ рукахъ возлелѣявшихъ эту отмѣну Николая Милютина, Юрія Самарина и князя Черкасскаго, но даже и въ рукахъ Ланского, и продолженіе работъ по регулированію новыхъ отношеній и по устройству вызванныхъ ими учрежденій подчинено было руководительству Валуева, причемъ красивые обороты его изящной рѣчи не могли, конечно, замѣнить собою душевную теплоту и любовь къ «святому дѣлу» тѣхъ, кто, по выраженію Некрасова, «ковалъ» его.

Но бываютъ счастливцы, участвующіе въ преобразованіи, идущемъ правильнымъ ходомъ. Они осуществляютъ въ словѣ закона то, что назрѣло въ ихъ сердцѣ и сознаніи и дѣятельно слѣдятъ за приложеніемъ этого закона къ жизни. Такого *счастливца* поручилъ мнѣ помянуть сегодня, въ нашемъ торжественномъ засѣданіи, Совѣтъ юридическаго общества.

Николай Ивановичъ Стояновскій былъ не только участникомъ судебной реформы,—онъ прошелъ всѣ ея стадіи, и какія бы грустныя мысли ни приходили ему подчасъ впослѣдствіи, онъ всетаки съ благодарностью могъ отнестись къ судьбѣ за все, что она дала ему сдѣлать въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятые годы.

Родившійся въ 1820 году, въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, онъ вступилъ въ служебную жизнь, вмѣстѣ со вторымъ выпускомъ воспитанниковъ недавно учрежденнаго училища правовѣдѣнія, въ 1841 г. Товарищами и соратниками его, на первыхъ шагахъ, были такіе люди, какъ В. А. Арцимовичъ, поэтъ Алексѣй Жемчужниковъ, В. Д. Философовъ, А. Н. Шаховъ, М. В. Полѣновъ, П. А. Зубовъ. Но если они представляли собою отрадную въ нравственномъ отношеніи среду, то область дѣятельности, въ которую приходилось вступить этимъ молодымъ юристамъ, ничего утѣшительнаго собою не являла. *Уголовный судъ* существовалъ для *немногихъ* и за *немногое*. Лишь крайнія нарушенія условій общежитія, въ которыхъ предписанія закона сливались съ велѣніями заповѣдей, да и то не всѣхъ, влекли за собою общій для всѣхъ судъ. Все остальное, для цѣлой массы населенія, вѣдалось усмотрѣніемъ начальства, специ-

альными судами по вѣдомствамъ и, въ особенности, помѣщиками и чинами полиціи, причемъ зачастую понятіе о судебномъ *разбирательствѣ* замѣнялось понятіемъ *о расправѣ.* Послѣднее понятіе было въ особенности приложимо ко взысканіямъ, основаннымъ на правахъ, вытекавшихъ изъ крѣпостной зависимости. Лишь въ случаяхъ совершенія крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, владѣлецъ «душъ» обязанъ былъ безусловно обращаться къ общему суду, въ лицѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства и управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ—или даже постороннихъ, обратившихся къ заступничеству помѣщика,—существовало право безконтрольнаго домашняго наказанія безъ суда. Если вина представлялась особо важною, или мѣры домашняго исправленія оказывались мало успѣшными, то провинившіеся отсылались, на основаніи 335 и 337 ст. XIV т. с. з. (по изданію 1842 г.) въ смирительные и рабочіе дома, а также и въ арестантскія роты, на срокъ, до 1846 г. самимъ владѣльцемъ опредѣляемый. Если же помѣщику или, до 1854 г., его управляющему это наказаніе казалось слишкомъ малымъ, то они имѣли право отдавать несовершеннолѣтнихъ отъ 8 до 17 лѣтъ въ кантонисты, а болѣе взрослыхъ сдавать въ рекруты или препровождать въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, подъ условіемъ принятія помѣщикомъ на себя нѣкоторыхъ матеріальныхъ обязательствъ, «не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ его негодованія», ссылало представленнаго въ Сибирь, въ сопровожденіи жены и дѣтей, не достигшихъ—мальчики 5 лѣтъ, дѣвочки 10 лѣтъ. Можно себѣ представить, въ какихъ формахъ и по какимъ поводамъ могъ твориться этотъ домашній судъ, или, лучше сказать, это домашнее безсудье въ тѣхъ случаяхъ, когда личное человѣколюбіе и мягкость, а также экономическія соображенія не ставили преградъ гнѣву и произволу. Говоря, въ 1880 г., въ рѣчи своей «о задачахъ кодификаціи» о великомъ дѣлѣ Царя-Освободителя, Стояновскій сказалъ, между прочимъ:

«Въ 1841 году, въ уголовныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, были собираемы свѣдѣнія о дѣлахъ, по обвиненію крестьянъ въ убійствѣ ихъ помѣщиковъ и оказалось, что въ одной изъ западныхъ губерній, дѣла которой производились въ моемъ столѣ, въ теченіи двухъ, трехъ лѣтъ, было одиннадцать убійствъ.

Положеніе 19 февраля прекратило этотъ ужасный самосудъ крестьянъ надъ ихъ судьями-помѣщиками, уничтоживъ поводы къ

нему, т. е. тѣ безобразныя явленія, которыя на оффиціальномъ языкѣ назывались жестокимъ обращеніемъ».

Такимъ образомъ, и тутъ жизнь представляла осуществленіе извѣстнаго изреченія Тьера «l'injustice n'est pas stérile: elle a aussi des enfants—et ils sont dignes d'elle».

Ближайшій къ городскому населенію судъ представлялъ собою по большей части квартальный надзиратель и его ближайшее, непосредственное начальство. Имъ учинялось разбирательство по маловажнымъ дѣламъ, впослѣдствіи переданнымъ вѣдѣнію мировыхъ судей. Гоголь, а за нимъ и другіе писатели, сохранили для потомства типическіе образы представителей этой своеобразной административной юстиціи. Въ Москвѣ—такой представитель, въ лицѣ квартальнаго надзирателя, именовался, на неоффиціальномъ языкѣ, Комиссаромъ, и И. Ѳ. Горбуновъ, со свойственнымъ ему наблюдательнымъ юморомъ, ярко изобразилъ отношеніе къ нему общества, приведя слѣдующія строки изъ одной, будто бы, старинной рукопи: «Не Богъ сотворилъ Комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую».

Личный составъ общихъ судовъ и способы рѣшенія дѣлъ достаточно вразумительно, хотя и кратко охарактеризованы, въ упомянутой рѣчи, Стояновскимъ. «Общіе суды, говорилъ онъ, по закону, считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотные и возлагалъ на секретаря отвѣтственность за правильное изложеніе даннаго такими судьями, по доложеннымъ имъ дѣламъ, рѣшенія. Въ дѣйствительности дѣла почти никогда не докладывались, не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ, гдѣ также большая часть членовъ были или неграмотные, или малограмотные. Въ судахъ второй степени, гдѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, дѣла обыкновенно рѣшались безъ доклада, однимъ товарищемъ предсѣдателя—единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства,—всѣ прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное рѣшеніе участи подсудимаго, котораго ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ. Несмотря на такой составъ суда и на такой порядокъ постановленія приговора, законъ (до 1846 года), предоставляя суду рѣшать вопросы о виновности и о наказаніи обвиненныхъ, не опредѣлялъ ни высшаго предѣла числа лѣтъ каторжной работы и другихъ высшихъ наказаній, ни числа ударовъ кнутомъ или плетью, почему и случалось, что въ двухъ дѣлахъ о преступле-

ніяхъ, совершенно тождественныхъ, однимъ приговоромъ назначалось пять ударовъ, а другимъ — шестьдесятъ ударовъ кнутомъ. До изданія въ 1833 году свода законовъ, случалось, что въ основаніе приговора приводились такіе указы и Высочайшія повелѣнія, которыхъ никогда не существовало». И высшій судъ — Сенатъ — тоже не былъ богатъ людьми широко образованными и, въ особенности, юристами. Знаменитая «практическая опытность» въ дѣлахъ, т. е. рутинная и въ то же время изворотливая техника замѣняла собою правовыя понятія о духѣ и о цѣляхъ закона. Достаточно сказать, что когда Стояновскій и его товарищи поступили, въ 1841 г., на службу въ Петербургскіе департаменты Сената, коихъ было семь, не считая двухъ общихъ собраній, имѣвшихъ свои канцеляріи, то на весь наличный составъ Сената оказалось только *шесть* человѣкъ, получившихъ высшее образованіе. Главная пружина дѣятельности общихъ судовъ, — секретарь, чрезвычайно вліявшій на исходъ дѣлъ, отличался, по большей части, отъ «начертаннаго бѣсомъ Комиссара», лишь бо́льшимъ внѣшнимъ достоинствомъ манеръ, да навыкомъ въ законахъ и умѣлою готовностью «подбирать ихъ — масть къ масти», о чемъ ему укорительно, но безсильно, напоминалъ указъ Петра Великаго, вставленный въ зерцало.

Канцелярская тайна, безчисленныя отписки и допускаемая самимъ закономъ плодовитость въ возбужденіи частныхъ производствъ, возвращавшихъ дѣло почти что къ его первоисточнику — влекли за собою *волокиту,* достигавшую иногда до поразительныхъ размѣровъ. Такія дѣла, какъ дѣло Баташевыхъ, вызвавшее благотворную по своимъ послѣдствіямъ резолюцію Императора Николая Павловича о «медленности непомѣрной», были вовсе не рѣдки. Осенью 1857 года въ завѣдываніе Стояновскаго, по должности оберъ-прокурора 2 отдѣленія 6-го департамента, было передано изъ общаго собранія Московскихъ департаментовъ Сената дѣло о пропажѣ изъ Московскаго уѣзднаго казначейства *мѣдной монеты на 115 тысячъ,* обнаруженной въ 1844 году, — дѣло, дождавшееся, вслѣдствіе жалобъ привлеченныхъ къ отвѣтственности откупщиковъ и возникновенія различныхъ частныхъ производствъ, своего окончанія лишь въ 1865 году, т. е. производившееся *21 годъ.*

Наконецъ, господствовавшая въ практикѣ и строго оберегаемая закономъ, теорія *формальныхъ доказательствъ,* внося элементъ бездушнаго механизма въ работу судьи — создавала уголовный судъ *безсильный,* въ рядѣ случаевъ, покарать дѣйствительно виновнаго, но *достаточно могущественный,* чтобы разбить суще-

ствованіе человѣка посредствомъ сліянія возбужденія преслѣдованія съ преданіемъ суду,—и, оставивъ его *въ подозрѣніи*, заставить его болѣзненно переживать стыдъ, который ни разъяснить, ни сбросить съ себя нельзя. Неменьшіе недостатки накладывали густую тѣнь на дѣятельность *суда гражданскаго*, имѣвшаго еще и ту особенность, что проигравшій тяжбу подвергался штрафу, распредѣляемому въ извѣстной части между судьями и доходившему иногда до $^1/_5$ стоимости спорнаго имущества.

Постоянно соприкасаясь, по роду своей службы въ Сенатѣ (помощникъ секретаря и секретарь V департамента, оберъ-секретарь I департамента), съ различными проявленіями тогдашняго судебнаго устройства, Стояновскій могъ оцѣнить ихъ по достоинству—и, рядомъ съ отвращеніемъ къ ихъ темнымъ сторонамъ, долженъ былъ ощутить въ тепломъ сердцѣ и воспитать въ живомъ и дѣятельномъ умѣ жажду иного порядка вещей. Но думать о немедленной возможности преобразованія русскаго суда—было немыслимо. Этотъ судъ былъ органически связанъ со всѣмъ дореформеннымъ бытомъ Россіи и, въ особенности, съ крѣпостнымъ строемъ общества. Предъ переустройствомъ послѣдняго отступала даже громадная энергія самодержца, искренно желавшаго снять съ милліоновъ своего народа иго, которое, по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ, было, во всякомъ случаѣ, хуже монгольскаго. Поэтому и объ иныхъ формахъ и пріемахъ суда—можно было только мечтать, прибѣгая лишь къ временнымъ улучшеніямъ, съ трудомъ пробивавшимъ себѣ дорогу среди постоянной возможности ухудшенія. Къ такимъ улучшеніямъ относилось учрежденіе спеціальной юридической школы—училища правовѣдѣнія—которое должно было вливать въ суды, понемногу, изъ году въ годъ, контингентъ молодыхъ, образованныхъ и добросовѣстныхъ юристовъ. Ихъ ждали практическія условія работы, существенно отличныя отъ сообщаемыхъ имъ теоретическихъ основъ отправленія правосудія. Необходимо было *осмыслить* ихъ будущую дѣятельность, дать имъ *руководящую нить* среди извилинъ и узкихъ путей тайны, канцеляризма и формальныхъ доказательствъ. Съ этой точки зрѣнія, преподаваніе практики уголовнаго судопроизводства, предпринятое съ ясно сознанною цѣлью воздѣйствовать на молодое поколѣніе юристовъ, могло принести глубокую пользу. Скупое слово закона, допускавшее черствое и одностороннее толкованіе, должно было быть освѣщено живымъ и проницательнымъ толкованіемъ.

Стояновскій пошелъ по этому пути и въ 1847 г. былъ назначенъ преподавателемъ практическаго уголовнаго судопроизводства въ училищѣ правовѣдѣнія. Къ этой каѳедрѣ онъ, въ 1850 г.,

будучи оберъ-секретаремъ I общаго собранія Сената, присоединилъ и каѳедру гражданскаго практическаго судопроизводства. Несомнѣнно, что служба въ Сенатѣ давала ему богатый матеріалъ для примѣровъ и толкованій при чтеніи лекцій — и что поборовшись съ какимъ-нибудь извращеніемъ цѣлей и пріемовъ правосудія въ стѣнахъ Сената, онъ приносилъ на свои лекціи указанія, какъ избѣгать возникновенія подобныхъ явленій на практикѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось добыть записокъ по его лекціямъ— и ихъ, вѣроятно, теперь уже ни у кого не существуетъ. Но осталось составленное Стояновскимъ печатное «*практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству*» въ двухъ частяхъ. Оно представляетъ собою общее очертаніе одного изъ его курсовъ, дающее возможность судить о томъ, въ какомъ направленіи и какими практическими толкованіями сопровождалъ онъ систематическое изложеніе статей свода законовъ. Появленію этого курса въ печати предшествовали совершенно неожиданныя затрудненія. Цензоръ нашелъ эту книгу *излишнею*. Этотъ микроскопическій Омаръ повторилъ смущенному автору мнѣніе своего знаменитаго предшественника о Коранѣ и Александрійской библіотекѣ. «Если, сказалъ онъ Стояновскому, въ вашемъ руководствѣ приведено то, что изложено въ сводѣ законовъ, то зачѣмъ оно? а если въ немъ содержится то, чего нѣтъ въ сводѣ—то оно безполезно, а, слѣдовательно, и не нужно». Только черезъ годъ заступничество главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ спасло книгу, на полнотѣ содержанія которой, безъ всякаго сомнѣнія, отразился этотъ годъ «состоянія въ сильномъ подозрѣніи». И тѣмъ не менѣе, книга эта, для своего времени, да и для всего послѣдовавшаго пятнадцатилѣтія (первое изданіе въ 1850 г.—второе въ 1857 г.)—явилось и весьма полезною, и поучительною. Прежде всего, это было первое систематическое, практическое руководство для дѣятелей уголовнаго суда. Стояновскій, въ рѣчи произнесенной въ юридическомъ обществѣ въ 1880 г., насчитывалъ шесть практическихъ руководствъ, появившихся до его книги, но самъ признавалъ, что онѣ представляли лишь сжатую перепечатку статей 2 ч. XV тома свода законовъ.

Мнѣ извѣстны еще два сочиненія, въ которыхъ сдѣлана попытка самостоятельно изложить практическія указанія для производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Первое—очень оригинальное—появилось въ 1808 году и носитъ названіе «*Судебнаго дѣйствія, происходившаго въ благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, во время годичнаго испытанія юношества обучающагося въ ономъ Россій-*

скому практическому законоискусству, подъ руководствомъ коллежскаго совѣтника Захарія Горюшкина». На заглавномъ листѣ объясняется, что дѣйствіе отправляется въ уѣздномъ судѣ, представленномъ «въ залѣ благороднаго пансіона, въ видѣ судебнаго мѣста убранной, по собраніи въ оную господъ: ректора и прочихъ, ученое сословіе составляющихъ, и знаменитыхъ посѣтителей обоего пола». Процессъ изложенъ со всѣми подробностями, въ видѣ разговоровъ и судебныхъ дѣйствій участвующихъ лицъ, носящихъ названія—уѣзднаго судьи, засѣдателей, стряпчаго, секретаря, протоколиста, канцеляристовъ, копіистовъ, повытчиковъ и пр. Начинается изложеніе хода дѣла описаніемъ того, какъ входитъ старшій засѣдатель и, отвѣтивъ на поклонъ вставшихъ—младшаго засѣдателя, секретаря и протоколиста, а также сдѣлавъ младшему «приличную учтивость», открываетъ засѣданіе рѣчью, въ которой, между прочимъ, говоритъ: «та страна скоро приближится къ погибели, въ которой граждане общею ревностью не стремятся ко взаимному благу, въ которой допускаютъ, чтобы порокъ торжествовалъ надъ добродѣтелью,—но сколь счастливо то государство, гдѣ правосудіе поставляютъ выше всего! Товарищи! видя, какое несравненное благо проистекаетъ отъ правосудія, захотимъ ли нарушить законы и сдѣлаться недостойными сынами своего отечества?»—«Такъ, милостивые государи, отвѣчаетъ на эту рѣчь младшій засѣдатель,—первый долгъ нашъ оказывать правосудіе;—да не совратимся мы съ священнѣйшаго пути его, да будутъ вѣрны вѣсы Ѳемиды въ рукахъ нашихъ—и тогда будетъ невинность благословлять насъ!»—«Что можетъ быть пріятнѣе сей должности, прибавляетъ старшій засѣдатель,—что можетъ быть восхитительнѣе мысли—дѣлать людей счастливыми и доставлять благосостояніе своему отечеству...» и т. д. въ томъ же родѣ. Трудно представить себѣ, насколько практической пользы оказало это «судебное дѣйствіе» на будущихъ уѣздныхъ судей и засѣдателей, но можно смѣло утверждать, что если бы, гораздо позже 1808 года, дѣйствительные уѣздные судьи, нарисованные Гоголемъ, и засѣдатели, описанные И. С. Аксаковымъ, прочли это «открытіе засѣданія», они были бы, какъ выражались въ XVIII столѣтіи, «весьма изумлены». Второе сочиненіе этого рода—*«опытъ краткаго руководства для произведенія слѣдствій»*, изданное въ 1833 г. приставомъ уголовныхъ дѣлъ при Московской уголовной палатѣ Орловымъ, съ многозначительнымъ эпиграфомъ «въ чемъ застану—въ томъ и сужду»—достаточно характеризуется, какъ по содержанію такъ и по степени критическаго анализа существующихъ постановленій, слѣдующимъ *вступленіемъ:* «уголовные законы наши, опредѣляя

преступленіе и наказаніе за оныя въ духѣ человѣколюбія, соединеннаго съ истинною справедливостью, предписываютъ лишь нѣкоторыя различія относительно лица преступника».

Книга Стояновскаго, отвѣчавшая, въ виду сказаннаго, насущной потребности, представляетъ стройное и тщательно систематизированное цѣлое. Въ авторѣ виденъ не только опытный законовѣдъ, но и заботливый руководитель своихъ читателей на первыхъ шагахъ ихъ практической дѣятельности. Онъ знаетъ, съ какимъ явнымъ несочувствіемъ относились въ его время къ молодымъ людямъ съ высшимъ образованіемъ, поступавшимъ на службу, вліятельные чины всякаго рода канцелярій,—съ какимъ недоброжелательствомъ относились къ нимъ низшіе чины. Имъ давали ироническую кличку «учэный», стараясь поймать и изобличить этого «учэнаго» въ грубомъ незнаніи разныхъ бюрократическихъ условностей и канцелярскихъ формъ и обрядовъ... Поэтому, въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги, въ примѣчаніяхъ и въ приложенныхъ формахъ, Стояновскій старается точно разъяснить смыслъ и взаимное отношеніе различныхъ терминовъ и оборотовъ, усвоенныхъ въ офиціальной перепискѣ, чтобы оградить вступающую на службу молодежь отъ горделивыхъ упрековъ и ехидныхъ пересмѣшекъ «дьяковъ въ приказахъ посѣдѣлыхъ».—Но ограждая первую, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушаетъ ей и общія начала, которыми должна быть проникнута ея дѣятельность. Въ эпоху формальнаго отношенія къ судебному дѣлу, оно даетъ слѣдователю такія указанія, которыя не потеряли бы своей умѣстности и въ наше время. «Всѣ дѣйствія слѣдователя,—говоритъ онъ,—должны быть направлены къ достиженію цѣли слѣдствія, состоящей въ томъ, чтобы—а) изыскать, б) получить, в) представить къ дѣлу и г) сохранить всѣ свѣдѣнія, нужныя судьѣ для произнесенія правильнаго приговора о преступленіи и преступникѣ. Для достиженія этой цѣли необходимы:—желаніе открыть истину, умѣніе и власть. Обязанности слѣдователя такъ важны и исполненіе ихъ такъ трудно, что онѣ требуютъ всей добросовѣстности, всего стремленія къ правдѣ, всей дѣятельности, къ какой только способенъ человѣкъ. Одного желанія открыть истину—недостаточно, желаніе это можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, когда слѣдователю будетъ помогать *знаніе* того, что необходимо для полноты слѣдствія—и *умѣніе* достигать до цѣли слѣдствія *тѣми способами*, которые законъ дозволяетъ или предписываетъ употреблять для обнаруженія преступленій».

Теорія формальныхъ доказательствъ не могла не смущать своею *узкостью* Стояновскаго,—но еще болѣе должно было его

тревожить существовавшее на практикѣ *расширеніе* понятій, выдвигаемыхъ этою теоріею по отношенію къ русскому быту, которое, въ концѣ концовъ, вело еще къ бóльшему стѣсненію дѣятельности слѣдователя въ выборѣ доказательствъ, чѣмъ даже предустановленное формально смотрѣвшимъ законамъ. Поэтому нашему автору «руководства», косвенно характеризуя современное ему судопроизводство, приходилось довольно подробно объяснять, что, напр., запрещеніе закона допрашивать подъ присягою,—каковой обрядъ только и придавалъ, на основ. 1198 ст. XV тома, силу доказательства показанію—свидѣтельствующихъ *по слуху отъ другихъ*, нельзя принимать съ буквальною строгостью (т. е. оставлять въ дѣлѣ лишь старинныхъ «видоковъ», выбрасывая изъ него «послуховъ») и что слѣдуетъ отличать людей, говорящихъ по общему слуху, т. е. молвѣ, отъ удостовѣряющихъ, что кто-либо разсказывалъ имъ объ обстоятельствахъ, относящихся къ составу преступленія. Такъ, ему представлялось необходимымъ указать, что знаменитые «явные прелюбодѣи», устраняемые отъ свидѣтельства, должны быть признаны таковыми духовнымъ судомъ, а не общественнымъ мнѣніемъ или личнымъ убѣжденіемъ слѣдователя;—что для установленія «небытія у исповѣди и Святого Причастія» не нужно производить изслѣдованія, а слѣдуетъ руководиться показаніемъ самого свидѣтеля;—что нельзя считать не только новопріѣзжаго, но всякаго, даже осѣдлаго въ Россіи, иностранца человѣкомъ непригоднымъ для присяжнаго показанія наравнѣ съ убійцами, прелюбодѣями, людьми, портившими тайно межевые знаки, отчужденными отъ церкви и ею проклятыми,—только потому, что «поведеніе его неизвѣстно». Наконецъ, Стояновскій долженъ былъ разъяснять, что *прикосновенныя* къ преступленію лица точно обозначены въ уложеніи о наказаніяхъ, и объявленіе ихъ таковыми, со всѣми его послѣдствіями, не зависитъ отъ личныхъ взглядовъ и усердія слѣдователя. Всѣ эти комментаріи очень поучительны. Они рисуютъ, между прочимъ, *въ какихъ* рукахъ находилась слѣдственная часть и *какъ* понималось, очевидно многими, опредѣленіе объективной пригодности важнѣйшаго изъ доказательствъ—свидѣтельскаго показанія.

II.

Преподавательская дѣятельность Стояновскаго продолжалась семь лѣтъ. Въ 1854 г. онъ былъ переведенъ на три года въ Москву, гдѣ исправлялъ должность оберъ-прокурора VI и VIII департаментовъ и общаго собранія. Изъ дѣловой переписки съ нимъ Министра Юстиціи за это время видно, что на трудовую энергію его возлагались большія надежды для освобожденія московскихъ департаментовъ Сената отъ «залежей» въ дѣлахъ, рядъ которыхъ былъ спеціально порученъ его завѣдыванію. Въ 1857 г. онъ вернулся въ Петербургъ въ качествѣ Герольдмейстера. И его многосторонняя служба, и его преподавательская дѣятельность, заставлявшая его отъ конкретныхъ обстоятельствъ производившихся у него дѣлъ подниматься въ область общихъ вопросовъ, наболѣвшихъ и настойчиво требовавшихъ своего разрѣшенія,—были хорошею школою для поприща болѣе широкаго, чѣмъ то, которое встрѣтило его въ Петербургѣ. Очистительная жертва Россіи—Севастополь—наполнялъ сердца не только гордостью совершенныхъ въ немъ подвиговъ, но и упованіемъ, что его омытыя кровью развалины послужатъ краснорѣчивымъ указаніемъ на невозможность прежнихъ «глиняныхъ» порядковъ. Въ воздухѣ вѣяло преобразованіями, нужны были умѣлые рабочіе для новыхъ построекъ, знающіе, *что именно* надо срыть и расчистить. И къ *Герольдмейстеру* Стояновскому можно было обратить слова поэта: «иныя ждутъ тебя страданья,—другихъ восторговъ—глубина». Въ 1859 году началось, по замѣчательному выраженію Я. И. Ростовцева, «созданіе русскаго народа». Были образованы редакціонные комитеты и созданы «коммиссіи для начертанія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ—и о слѣдственной полиціи». Въ нихъ былъ назначенъ членомъ Стояновскій. Онъ оказался среди счастливцевъ, не только приложившихъ руку къ великому дѣлу, но и поставленныхъ такъ, что имъ приходилось каждый день воочію созерцать разгоравшуюся зарю освобожденія, въ то время, когда внизу и даже вокругъ всѣ еще находились въ полумракѣ ожиданія. Приступивъ къ занятіямъ въ сентябрѣ 1859 г., Стояновскій съ жаромъ и любовію принялся за нихъ, обративъ особое вниманіе на преоброзованіе слѣдственной части. Помимо участія въ общей работѣ, на немъ лежала прямая нравственная обязанность, завѣщанная годами предшествующаго служебнаго опыта. Она вытекала изъ необходимости создать самостоятельный судебный органъ для производства слѣдствій, свободный отъ заблужденій и невѣжества прежняго времени и поставленный въ условія,

благодаря которымъ постоянный произволъ и жестокость обращались бы въ рѣдкое и легко пресѣкаемое злоупотребленіе. Онъ самъ, впослѣдствіи, въ рѣчи о задачахъ кодификаціи пояснилъ на примѣрѣ, до чего могли доходить тогдашнія злоупотребленія. «Въ 1855 году, говорилъ онъ, составъ судовъ значительно улучшился, но производители слѣдствія остались тѣ же; въ этомъ году, въ VI-мъ департаментѣ Сената, гдѣ я былъ тогда оберъ-прокуроромъ, производилось по Высочайшему повелѣнію, слѣдствіе о виновныхъ въ составленіи, на трехъ страницахъ, протокола о собственномъ признаніи государственнаго крестьянина въ убійствѣ жены, которая, черезъ годъ послѣ наказанія подсудимаго плетьми и ссылки его въ каторожныя работы, оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ. Протоколъ этотъ былъ подписанъ чернилами разныхъ цвѣтовъ, семью должностными лицами, составляющими временное отдѣленіе земскаго суда, въ томъ числѣ исправникомъ, становымъ приставомъ, уѣзднымъ стряпчимъ, депутатомъ со стороны государственныхъ имуществъ и священникомъ, увѣщевавшимъ подсудимаго. Оказалось, что протоколъ написанъ письмоводителемъ становаго пристава и ложенъ отъ перваго слова до послѣдняго». Чтобы освѣтить особое значеніе подобныхъ случаевъ—надо припомнить, что при обвиненіяхъ даже въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, подсудимый получалъ право добиваться правосудія въ Сенатѣ не ранѣе, какъ *послѣ* исполненія надъ нимъ приговора и прибытія на мѣсто ссылки.

Не меньшихъ размѣровъ было и юридическое невѣжество, выражавшееся хотя бы въ названіяхъ дѣлъ, показывавшихъ, какое ясное понятіе отдавали себѣ иногда производители первоначальнаго изслѣдованія о составѣ преступленія и *какъ* опредѣляли они его родъ и видъ. Не говоря уже о сдѣлавшихся классическими заголовкахъ, въ родѣ: «о найденныхъ въ лѣсу костяхъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, повидимому солдатскихъ» (по причинѣ найденной между ними форменной пуговицы) или «о подложномъ присвоеніи крестьянскому мальчику Василію женскаго пола», я позволю себѣ привести названія полицейскихъ дознаній, лично мною разсмотрѣнныхъ уже въ 1870 г. при ревизіи слѣдственной части въ Казанской губерніи:—«о кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ» (дѣло объ убійствѣ, съ четырьмя обвиняемыми; кладнушка—палубная лодка съ мачтою), «о публичномъ произнесеніи крестьяниномъ N.N. похвальныхъ словъ»,— «объ угрозахъ дворянина N.N. учинить надъ собою рѣзьбу»,—«о *дракѣ* со взломомъ»,—«объ учиненіи мѣщанскому старостѣ кулаками буйства на лицѣ» и т. д. При delicta carnis эти названія были еще болѣе характерны.

Благодаря Стояновскому, принявшему весь трудъ на себя, чрезъ 10 мѣс. не только были выработаны, проведены въ законодательномъ порядкѣ, но и утверждены (8 іюня 1860 г.) *Учрежденіе судебныхъ слѣдователей, Наказъ суд. слѣдователямъ* и *Наказъ полиціи о производствѣ дознаній*. Коренныя начала этихъ узаконеній, изложенныхъ точнымъ и сжатымъ языкомъ, сводились къ тому, что по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, къ обязанности полицейскихъ и другихъ, непринадлежащихъ съ судебному вѣдомству должностныхъ лицъ, было отнесено только первоначальное изысканіе и раскрытіе тѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ вести къ заключенію, что въ изслѣдуемомъ происшествіи заключается преступленіе или проступокъ (Учрежд. ст. 9); все остальное изслѣдованіе возлагалось на членовъ уѣзднаго суда (ст. 2), именуемыхъ судебными слѣдователями (ст. 1), получившихъ высшее или среднее образованіе и отличившихся опытностью въ уголовныхъ дѣлахъ и добросовѣстностью (ст. 3). Они давали законное направленіе слѣдствію, но право прекращенія, пріостановки или измѣненія направленія принадлежало исключительно суду (ст. 18). Какъ слышатся въ этомъ будущія постановленія Судебныхъ Уставовъ! Личность заподозрѣннаго, бывшаго дотолѣ предметомъ произвольныхъ дѣйствій, получала свои законныя права. Онъ былъ огражденъ рядомъ постановленій—о контролѣ надъ лишеніемъ его свободы (наказъ ст 86 и др); правомъ присутствія при осмотрахъ и обыскахъ (ст. 45 и 56); обязанностью слѣдователя охранять его тайны (ст. 63). Вмѣстѣ съ тѣмъ ограждались и интересы правосудія. Установлена провѣрка техническихъ изслѣдованій по дѣлу и актовъ осмотра,—прочтеніе актовъ допроса важныхъ свидѣтелей и сознающагося обвиняемаго при нихъ же и не менѣе какъ двухъ свидѣтеляхъ (ст. 83 и 105). Установлялась *внутренняя дисциплина* слѣдствія—введеніемъ протоколовъ судебныхъ дѣйствій, мотивированныхъ постановленій о распоряженіяхъ слѣдователя, и внесеніемъ всего происшедшаго и предпринятаго въ *общую дневную записку*, излагающую весь ходъ слѣдствія съ точнымъ обозначеніемъ времени (ст. 17 и 22). Наконецъ, и Учрежденіе, и Наказъ предусматриваютъ свойственныя людямъ увлеченія и возможность односторонняго, ошибочнаго взгляда ихъ, при вѣрѣ въ свою непогрѣшимость, и стараются, въ рядѣ указаній, напоминать слѣдователямъ о необходимости своевременнаго, т. е. не слишкомъ поздняго или не слишкомъ поспѣшнаго привлеченія заподозрѣннаго въ качествѣ обвиняемаго.—Стояновскій какъ бы предугадывалъ одинъ изъ важныхъ недостатковъ, которымъ страдаетъ иногда, къ ве-

ликому сожалѣнію, наше современное слѣдствіе. Или слѣдователь, увѣровавъ въ правильность своего взгляда и, что еще хуже, «чутья» и неточно измѣривъ силу и значеніе представляющихся ему уликъ—восклицаетъ «эврика! эврика!» и спѣшитъ привлечь въ качествѣ обвиняемаго человѣка, о которомъ, затѣмъ, приходится прекращать слѣдствіе, оставляющее въ обществѣ всетаки тяжкое для освобожденнаго отъ преслѣдованія воспоминаніе, нравственный вредъ котораго можетъ быть неисчислимъ;—или же, считая себя особаго рода тактикомъ и стратегомъ, слѣдователь *переполняетъ* разростающееся въ нѣсколько томовъ слѣдствіе разными данными и давно имѣя право, и даже *обязанный* привлечь обвиняемаго, не трогаетъ его, производя свои дѣйствія безъ него, лишая его законнаго присутствія при своихъ дѣйствіяхъ, отдавая его мучительному сознанію, что о немъ что то такое, невѣдомое ему, производится. Привлеченіе дѣлается уже тогда, когда такое *гипертрофированное* слѣдствіе въ сущности закончено и заподозрѣнный подавленъ и неожиданностью узнаннаго имъ и невозможностью представить своевременныя опроверженія тотчасъ послѣ полученія слѣдователемъ тѣхъ или другихъ данныхъ. Такое неправильное и противорѣчащее нормальнымъ условіямъ правосудія *сознательно запоздалое* привлеченіе иногда еще усугубляется тѣмъ, что, вслѣдствіе погони за характеристиками, за изслѣдованіемъ не преступленія, а всей личности предполагаемаго преступника въ его житейской обстановкѣ—въ дѣло широкою волною вливаются показанія и сообщенія, не имѣющія отношенія ни къ составу преступленія, ни къ тѣмъ свойствамъ обвиняемаго, которыя вызвали движущія побужденія его дѣянія. Къ *незаконному* любопытству слѣдователя жадно прислушивается *нездоровое* любопытство толпы, и самое судебное разбирательство, подъ вліяніемъ того и другого, можетъ грозитъ обратиться въ непредусмотрѣнное закономъ нравственное мучительство. Нашъ кассаціонный судъ началъ бороться съ этимъ явленіемъ въ рѣшеніи по громкому дѣлу Палемъ, обвинявшейся въ убійствѣ студента Довнара. Нельзя не пожелать его дальнѣйшимъ рѣшеніямъ въ этомъ направленіи непреклонной и настойчивой послѣдовательности, отъ которой онъ однако отступилъ въ 1900 году по дѣлу графини Databaseиродъ, представляющему яркій образчикъ именно такого незаконнаго любопытства слѣдователя.

Добросовѣстное увлеченіе и односторонніе пути изслѣдованія, даже и безъ всякаго личнаго желанія слѣдователя отличиться, а лишь въ надеждѣ на успѣхъ правосудія въ борьбѣ съ хитростью и ловкостью нарушителя закона, свойственны единоличному образу дѣйствій, причемъ, по свойству этихъ дѣйствій, совѣщаніе съ

кѣмъ либо едва ли возможно. Это озабочивало Стояновскаго и онъ ввелъ въ 13 и 15 ст. Учрежденія—для производства слѣдствій въ особенно важныхъ случаяхъ *слѣдственныя коммиссіи*, назначаемыя судебными мѣстами. Участвуя въ качествѣ лица прокурорскаго надзора во введеніи судебной реформы въ Харьковскомъ и Казанскмъ судебныхъ округахъ, я имѣлъ случай ознакомиться со многими слѣдствіями, произведенными *старыми* судебными слѣдователями. Въ томъ числѣ было и произведенное слѣдственною комиссіею очень сложное, обширное дѣло о поддѣлкѣ серій въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ, надѣлавшее большого шума, окончательно рѣшенное старыми судами и возобновленное Государственнымъ Совѣтомъ уже послѣ введенія новаго суда. И я могу удостовѣрить, что Наказъ 1860 года, при добросовѣстномъ его примѣненіи, былъ надежнымъ и прочнымъ орудіемъ для изслѣдованія преступленія безъ ущерба интересамъ закона и безъ напраснаго вреда интересамъ личности. Этотъ Наказъ—результатъ усиленныхъ трудовъ Стояновскаго—былъ преддверіемъ къ уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г. Имъ было положено начало дѣятельности *созидающей* въ великой творческой работѣ русскаго судебнаго преобразованія. Наказъ былъ не только *практическая мѣра* для своего времени, не только цѣнный историческій *памятникъ* по отношенію къ прошлому, но и своего рода *завѣтъ* для будущаго. Онъ знаменовалъ собою проведенную въ 1860 г. границу, за которую возвращаться нельзя, не рискуя, пошатнувъ все зданіе уголовнаго процесса, очутиться снова въ тѣхъ дебряхъ, среди которыхъ блуждала, въ теченіи многихъ лѣтъ, изнывая, потребность общества въ *дѣйствительномъ правосудіи*, подъ видомъ заботы о которомъ, въ недавніе уже годы, предлагались снова преобразованія весьма сомнительнаго свойства...

III.

Такъ началъ Стояновскій свою дѣятельность въ области *осуществленія* тѣхъ реформъ, необходимость которыхъ давно сложилась и окрѣпла въ душѣ его и его соратниковъ. Назначенный 6 января 1861 года статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта по департаменту духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, онъ сталъ въ непосредственныя отношенія съ Бутковымъ, практическому уму котораго, энергіи и умѣнію привлекать къ работѣ соотвѣтствующихъ людей столь много обязана Россія въ дѣлѣ судебнаго преобразованія. Въ торжественныхъ засѣданіяхъ нашего общества въ

память Ровинскаго и Заруднаго я подробно излагалъ, какъ возникали и сложились Судебные Уставы. Не стану повторять этого. Напомню только, что первоначальныя «предначертанія» по уголовному и гражданскому судопроизводству не сходились между собою въ основныхъ, руководящихъ положеніяхъ, и что правила судоустройства не были согласованы ни съ тѣми, ни съ другими. Все грозило затянуться или явиться въ качествѣ работы, въ которой личному усмотрѣнію отдѣльныхъ вѣдомствъ могло быть отведено чрезмѣрное мѣсто. Нужно было властное указаніе на непреложную необходимость объединенія всѣхъ работъ подъ эгидою «основныхъ началъ», проникнутыхъ однимъ духомъ—и твердое начертаніе хода разсмотрѣнія работъ въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ. Это было достигнуто превосходнымъ докладомъ Государю, въ октябрѣ 1861 года, докладомъ, съ ближайшихъ послѣдствій котораго собственно и начинается судебная реформа. Заслуги Буткова не должны быть забыты историкомъ нашего гражданскаго развитія. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говорилъ Стояновскій въ рѣчи, произнесенной въ годовомъ собраніи юридическаго общества въ 1882 г.,—что безъ энергической настойчивости Буткова и его умѣнья устранять препятствія, неоднократно встрѣчавшіяся при разсмотрѣніи новыхъ началъ, внесенныхъ въ Судебные Уставы,—утвержденіе ихъ въ томъ видѣ, какъ оно состоялось, и обращеніе къ исполненію могло бы значительно замедлиться».

Дѣятельнымъ сотрудникомъ Буткова во всемъ, что касалось трудовъ по Уставамъ, сталъ и авторъ Наказа судебнымъ слѣдователямъ» работая въ то же время, въ качествѣ члена въ коммиссіяхъ—объ отмѣнѣ винныхъ откуповъ и о частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ по залогу недвижимыхъ имуществъ. Но черезъ годъ судьба поставила его въ другое положеніе. Изъ *сотрудника* онъ сдѣлался *критикомъ*. Въ ноябрѣ 1862 г. Стояновскій былъ назначенъ товарищемъ Министра Юстиціи и продолжалъ, рука объ руку съ Д. Н. Замятнинымъ, работать все для тѣхъ же Судебныхъ Уставовъ. Однако, характеръ работы былъ другой: нужно было представить въ Государственный Совѣтъ отзывы и замѣчанія Министра Юстиціи на проекты, составленные комиссіей. Важность этихъ отзывовъ самихъ по себѣ усугублялась еще и тѣмъ, что, соглашаясь съ какими-либо изъ предлагаемыхъ мѣръ или съ тѣмъ или другимъ устройствомъ или порядкомъ, Министръ Юстиціи принималъ на себя прямую обязанность осуществить ихъ на практикѣ. Иными словами, соглашаясь на то, *что* надо сдѣлать, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ быть увѣренъ, что знаетъ, *какъ* и *какими средствами* это сдѣлать. А для послѣдняго, рядомъ съ об-

сужденіемъ работъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, нужно было заранѣе готовиться къ трудной и отвѣтственной задачѣ введенія Судебныхъ Уставовъ и подготовлять для этого нравственную и матеріальную почву.

Отношенія между Замятнинымъ и Стояновскимъ были самыя желательныя. Высоко цѣня своего ближайшаго помощника, вѣря ему вполнѣ, Замятнинъ поставилъ Стояновскаго въ положеніе дѣятельной и авторитетной силы во всемъ, что касалось будущихъ Судебныхъ Уставовъ. Не думая о возможности быть затемненнымъ своимъ блестящимъ по опыту и трудоспособности товарищемъ, горячо вѣруя въ способность и готовность русскаго народа къ воспріятію улучшенныхъ и требующихъ самодѣятельности формъ суда, цѣня побужденія своихъ сотрудниковъ и со спокойной твердостью отдаваясь несшей его волнѣ необходимыхъ преобразованій, Замятнинъ сослужилъ большую службу судебному дѣлу. «Человѣкъ мира», по выраженію Стояновскаго, онъ умѣлъ отстаивать собирательную работу своихъ помощниковъ и чувствовать въ своемъ благородномъ сердцѣ біеніе ихъ сердецъ, исполненныхъ упованія на обновленіе родины.

Для обсужденія и составленія замѣчаній на проектѣ комиссіи по начертанію Судебныхъ Уставовъ, Замятнинымъ было образовано особое совѣщаніе, гдѣ первую скрипку игралъ Стояновскій. Совѣщаніе собиралось въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, по три раза въ недѣлю, по вечерамъ, работая каждый разъ по шести часовъ. Редактировалъ всѣ отзывы и замѣчанія Стояновскій. А сдѣлано ихъ было 1160, причемъ нѣкоторые были весьма обширны. Для поддержанія выраженныхъ въ нихъ мнѣній — и «для представленія объясненій и соображеній по дѣлу о судебной реформѣ», Стояновскому 19-го февраля 1864 года было поручено участвовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Это порученіе указываетъ, какое значеніе труду и личности своего товарища въ дѣлѣ судебнаго преобразованія придавалъ Д. Н. Замятнинъ. Не стану утомлять васъ, милостивые государи, подробною оцѣнкою и характеристикою замѣчаній и отзывовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Стояновскаго. Достаточно сказать, что общій ихъ характеръ можетъ быть опредѣленъ словами: *любящая осторожность*. Два главныхъ дѣятеля коммисіи о преобразованіи судебной части—Зарудный и Буцковскій внесли въ свою работу и глубокій трудъ, и сердечную теплоту. Ихъ заслуги въ этомъ отношеніи велики и прочны. Но живая впечатлительность искрящагося ума перваго изъ нихъ и нѣкоторая теоретическая прямолинейность второго иногда ложились въ основаніе взглядовъ, хотя и возвышенныхъ, но возможность

успѣшнаго и немедленнаго осуществленія которыхъ въ жизни опровергалась массою практическихъ матеріаловъ, стекавшихся къ министерству юстиціи, между прочимъ, и отъ такихъ, хорошо освѣдомленныхъ лицъ, каковыми были губернскіе прокуроры. Конечно: «тьмы *низкихъ* истинъ намъ дороже—насъ *возвышающій* обманъ», но для успѣха законодательныхъ работъ — наряду со стремленіемъ къ возвышеннымъ цѣлямъ, не надо забывать и печальной дѣйствительности, богатой «низкими истинами». Это тоже своего рода *девіація компаса*, съ которою долженъ считаться опытный мореплаватель. Объ этихъ сторонахъ будущаго приложенія къ жизни новыхъ учрежденій и напоминала въ отзывахъ Министра Юстиціи Государственному Совѣту любящая осторожность Стояновскаго.

Періодъ *осуществленія* судебнаго преобразованія окончился въ незабвенный день 20-го ноября 1864 г. Стояновскій могъ съ удовлетвореннымъ чувствомъ смотрѣть на эти годы незнавшаго устали и плодотворнаго труда. Какъ энергическій и вѣрный работникъ, постигшій высокій замыселъ строителя, онъ всѣми силами души и знанія участвовалъ въ возведеніи величаваго зданія судебныхъ уставовъ. Когда оно воздвигалось—скороспѣлые и невѣжественные порицатели стали находить, что въ новый храмъ правосудія внесены чуждые прежнему культу изображенія иновѣрныхъ божествъ. Да! это такъ... Эти божества назывались — равноправностью, уваженіемъ къ человѣческому достоинству, гласностью, открытою защитою, независимостью судей и т. п. Такъ было и въ римскомъ Пантеонѣ.—И его гармоническія и стройныя стѣны принимали въ свои нѣдра изображенія, свойственныя чуждымъ суровому Риму культамъ,—и къ этимъ стѣнамъ, искажая ихъ классическую красоту, пристраивались впослѣдствіи рѣжущія глазъ башенки... Но ихъ потомъ сняли — и чудный куполъ, съ яркимъ, круглымъ отверстіемъ въ синее небо, по-прежнему наполняетъ душу вошедшаго благодарнымъ восхищеніемъ предъ строителемъ храма. То же будетъ и со зданіемъ судебныхъ уставовъ, пока основныя ихъ начала будутъ неприкосновенны. Пускай внутри зданія, за время его существованія, кое-что передвинуто и сломано, а внѣ его—кое-что и пристроено—оно все еще хранитъ въ себѣ глубокую мысль строителя—и чрезъ его куполъ, сведенный надъ его основами, все еще свѣтитъ голубое небо высокихъ идеаловъ.

Второй періодъ преобразованія—осуществленіе подготовленнаго—былъ завершенъ. Начался третій — *организація дѣла на практикѣ*. И въ немъ Стояновскому пришлось играть хотя и не бросавшуюся въ глаза, но важную и существенную роль. Нужно

было избрать мѣста для отправленія новаго суда,—выработать способы и порядокъ перехода отъ стараго къ новому и, главное, намѣтить и выбрать новыхъ дѣятелей. Для осмотра мѣстъ, гдѣ можно помѣстить новыя судебныя учрежденія въ Москвѣ, Стояновскій ѣздилъ въ «Бѣлокаменную» и тщательно занимался вопросами объ условіяхъ приспособленія стараго помѣщенія Сената, устроеннаго высоко-талантливымъ Казаковымъ, къ потребностямъ новыхъ судовъ. Онъ же распорядился объ очисткѣ и приведеніи въ блестящій видъ величественной круглой залы этого зданія, обращенной распоряженіями Аракчеева въ состояніе «мерзости запустѣнія». На немъ же лежали и главныя хлопоты по переговорамъ и изслѣдованіямъ, касавшимся избранія зданія судебныхъ установленій въ Петербургѣ, причемъ приходилось переходить отъ одного проекта къ другому, входя въ сложные архитектурные и финансовые разсчеты. Не менѣе важны были мѣры по подготовкѣ почвы для примѣненія Судебныхъ Уставовъ. Если прослѣдить за законодательными работами министерства юстиціи, получившими затѣмъ, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее утвержденіе, то нельзя не замѣтить, что всѣ руководящіе дѣятели этого министерства, въ теченіи полутора лѣтъ, прошедшихъ отъ изданія Уставовъ до ихъ введенія, были проникнуты постоянною мыслью о новомъ дѣлѣ и заботою облегчить житейскія условія и обстановку, въ которыхъ ему придется возникнуть на Руси. Не разъ было замѣчаемо, что взоръ женщины, готовящейся быть матерью, всегда обращенъ въ какую-то, видимую лишь ей, таинственную область, гдѣ постепенно разгорается огонекъ вновь зажженной жизни. Такой внутренній взоръ, заботливый и тревожный, радостный и внимательный устремляло центральное управленіе министерства юстиціи, во главѣ съ Замятнинымъ и Стояновскимъ, на постепенное развитіе и ростъ порученнаго имъ дѣла претворенія чудной книги закона въ житейскую дѣйствительность. Поэтому, почти всѣ мѣры, проводимыя министерствомъ, сводились къ одному—къ предстоящему введенію Судебныхъ Уставовъ. Надлежало хоть немного пріучить общество, да и самихъ судей, къ гласности и устности производства—и вотъ появляются, сопровождаемые рядомъ циркулярныхъ разъясненій, законы 11-го и 28-го октября 1865 г. о допущеніи публики въ судебныя мѣста стараго устройства и о разрѣшеніи ей присутствовать при докладахъ вообще и при объясненіяхъ сторонъ въ дѣлахъ гражданскихъ; желательно было развить въ обществѣ правильный взглядъ на адвокатовъ, какъ на необходимыхъ участниковъ состязательнаго процесса, въ которыхъ уже невозможно было видѣть старыхъ «строчилъ» и «подьячихъ»—

и 22-го февраля 1866 года является Высочайшее повелѣніе о сохраненіи за камеръ-юнкерами и камергерами придворнаго званія при поступленіи ихъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ; нельзя было ставить судъ въ ложное и недостойное положеніе при объявленіи приговоровъ о смягченіи, на осн. 3 п. ст. 166 уложенія, уголовныхъ наказаній иновѣрцамъ, принявшимъ во время суда православную или вообще христіанскую вѣру—и 24-го марта 1866 г. этотъ пунктъ, допускавшій оффиціальную сдѣлку съ преступникомъ во имя увеличенія вѣрующихъ посредствомъ угрозы каторгою и поселеніемъ,—былъ отмѣненъ; наконецъ, необходимо установить внутренній распорядокъ въ судахъ и вмѣстѣ указать путь, коимъ этотъ распорядокъ, видоизмѣненный жизнью и сведенный къ единству, можетъ воспріять силу закона—и 15-го марта 1866 года издаются соотвѣтствующія узаконенія о внутреннемъ устройствѣ судовъ и о порядкѣ изданія общаго наказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ отживающемъ порядкѣ, покуда онъ еще не умеръ, желательно было поставить въ наиболѣе благопріятныя условія все лучшее—и поэтому 7-го марта 1866 года старый губернскій прокуроръ—прекрасная и, къ сожалѣнію, до крайности съуженная впослѣдствіи должность — освобождается отъ массы излишнихъ и формально исполняемыхъ занятій, съ расширеніемъ области его полезной и вліятельной дѣятельности. Во всѣхъ представленіяхъ по этимъ вопросамъ чувствуется направляющая рука Стояновскаго, а иногда слышится и его личный слогъ...

Но самое важное—были назначенія. Въ нихъ и принялъ самое живое и внимательное участіе Стояновскій. Необходимость самаго тщательнаго выбора заставляла его стоять за первоначальное открытіе только двухъ судебныхъ округовъ—Петербургскаго и Московскаго. Онъ боялся, что для открытія новыхъ судовъ сразу по всей Россіи, какъ того горячо желалъ Зарудный, не хватитъ подходящихъ людей, а неподходящіе уронятъ новое дѣло. Чтобы видѣть, съ какимъ вниманіемъ и разборомъ были произведены первыя назначенія, достаточно назвать первыхъ кассаціонныхъ сенаторовъ—незабвеннаго Арцимовича, Зубова, Буцковскаго, Любощинскаго, перваго уголовнаго кассаціоннаго оберъ-прокурора Ковалевскаго, первыхъ старшихъ предсѣдателей палатъ — Гольтгоера и Полѣнова,—первыхъ предсѣдателей столичныхъ судовъ—Мотовилова и Люминарскаго,—столь чтимаго москвичами, звѣроподобная наружность котораго не застилала чистой души настоящаго судьи, «судьи отъ головы до ногъ», какъ сказалъ бы о немъ король Лиръ. Въ числѣ вновь назначенныхъ на должности товарищей прокуроровъ и членовъ суда было не мало людей, неиз-

мѣнно украшавшихъ собою судебное сословіе. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи принесли съ собою на высшіе посты государственнаго служенія тѣ же чувства и понятія, которыя заставили Стояновскаго, во время оно, указать на нихъ Замятнину. Эти указанія были основаны не на мертвящемъ цензѣ выслуги, а на животворящемъ духѣ, на любви къ новому дѣлу, на житейскомъ опытѣ избираемыхъ. Замѣчательно, что оба первоприсутствующіе кассаціонныхъ департаментовъ — не были юристами по образованію. Карніолинъ-Пинскій окончилъ курсъ въ педагогическомъ институтѣ, Башуцкій—въ пажескомъ корпусѣ. Но они глубоко понимали важность возложенной на нихъ трудной задачи и, въ виду недалекой уже могилы, приложили всѣ силы, чтобы выполнить ее съ честью для новаго суда. Такъ явилась обширная и стройная группа судебныхъ дѣятелей, восторженно преданныхъ служенію дѣлу правосудія и новымъ началамъ, обезпечивающимъ послѣднее. Эта группа, учительница ближайшихъ послѣдующихъ поколѣній, выросла тамъ, гдѣ еще недавно было «мѣсто пусто, мѣсто безводно, мѣсто безплодно»...—Судебные Уставы создали, какъ типъ, *судью-человѣка;* первые дѣятели дали этому типу живое воплощеніе. Въ этомъ ихъ незабвенная заслуга,—и если теперь приходится слышать, что подъ вліяніемъ разныхъ причинъ среди представителей судебнаго вѣдомства начинаютъ появляться ремесленники судебной профессіи, безразличные въ выборѣ вѣдомства чиновники и диллетанты, чуждые духу и строгимъ требованіямъ Судебныхъ Уставовъ, то съ этимъ явленіемъ надлежитъ бороться путемъ терапіи и профилактики, но унывать не слѣдуетъ: прошлое свѣтлыхъ годовъ судебной реформы говоритъ намъ, что въ Россіи возможны настоящіе судебные дѣятели, что они еще есть, что они были — и, слѣдовательно, снова могутъ возродиться!

IV.

Какъ и слѣдовало ожидать, судебная реформа не могла быть всѣмъ пріятною, хотя ожиданіе ее вовсе не возбудило въ комъ-либо,—быть можетъ, кромѣ обреченныхъ на исчезновеніе разнаго рода «приказныхъ» и старыхъ ходатаевъ, — такого чувства раздраженія, безсильной злобы и унынія, какъ ожиданіе освобожденія крестьянъ, которое даже извѣстный московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій называлъ «задуманною въ Петербургѣ глупостью». Но когда послѣднее свершилось—примиреніе съ безповоротностью новаго уклада общественнаго быта наступило скоро. Иначе об-

стояло съ реформою суда. Старый судъ былъ такъ нехорошъ и такъ давалъ себя чувствовать всѣми своими непривлекательными сторонами, что огромное большинство привѣтствовало его постепенное упраздненіе. Но то, что его замѣнило, столь привлекательное въ повѣствованіяхъ, въ журнальныхъ статьяхъ и въ объясненіяхъ прикосновенныхъ къ новому дѣлу лицъ, оказалось при практическомъ съ нимъ знакомствѣ для многихъ довольно непріятнымъ. Однѣхъ изъ отдѣльныхъ лицъ, «потерпѣвшихъ отъ новаго суда», возмущала гласность производства, столь интересная по отношенію къ *другимъ* и столь нежелательная по отношенію *къ себѣ;* — другимъ трудно было переварить равноправность не на словахъ, а на дѣлѣ;—третьи не могли взять въ толкъ «кассаціи»; многихъ, наконецъ, раздражало то, что «судейскіе», еще недавно столь услужливые, въ лицѣ разнообразныхъ секретарей и коммисаровъ, и допускавшіе брезгливо-фамильярное съ собою обращеніе — стали «что-то такое о себѣ воображать» и все подводить подъ несносное иго «ихнихъ законовъ» и т. д. Недовольны были чиновники разныхъ вѣдомствъ особыми правами и преимуществами судей и тѣмъ, что за такую же службу, какую несутъ и другіе, они получаютъ гораздо бо̀льшее, за исключеніемъ лишь акцизныхъ чиновъ, вознагражденіе... Зависть, облеченная въ разныя формы, не хотѣла, а быть можетъ, и не могла понять, что между работою мыслящаго и способнаго чувствовать судьи и работою столоначальниковъ разныхъ ранговъ—была громадная разница въ нравственной тяжести необходимыхъ сомнѣній при рѣшеніи матеріальной или личной судьбы человѣка. Явное преобладаніе нервныхъ заболѣваній и опаснаго переутомленія среди лицъ судебнаго вѣдомства, давно уже отмѣченное авторитетными врачами, съ грустной осязательностью доказало существованіе этой разницы, а учрежденіе благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства дало возможность оцѣнить чрезмѣрность судебныхъ окладовъ, нынѣ едва обезпечивающихъ семьи многихъ отъ нищеты... На почвѣ этого недовольства и выросла та̀ своеобразная бухгалтерія, о которой мнѣ уже пришлось однажды упоминать въ юридическомъ обществѣ и которая состояла въ томъ, что въ *активъ* новыхъ судовъ, не смотря на весь ихъ трудъ и дѣятельную пользу, не писалось ничего, — но въ *пассивъ* со злорадною поспѣшностью заносилась каждая ошибка, каждый промахъ, столь неизбѣжные въ новомъ дѣлѣ. Въ то время, когда выводы изъ такого добросовѣстнаго счета оказывали свое неизбѣжное вліяніе, министерство юстиціи изнемогало отъ массы связанной съ введеніемъ Уставовъ работы, для которой наличныя его трудовыя силы не были усилены. До-

статочно сказать, что законодательному отдѣленію министерства, въ его обычномъ составѣ, пришлось, кромѣ множества текущихъ дѣлъ, безотлагательно приступить къ составленію *временныхъ* правилъ для младшихъ и старшихъ нотаріусовъ, для производства дѣлъ опекунскихъ, межевыхъ, о несостоятельности и объ утвержденіи духовныхъ завѣщаній. Невольные и мелочные недостатки спѣшной работы находили себѣ суровыхъ и безпощадныхъ порицателей. Все это, вмѣстѣ взятое, создало вокругъ главныхъ дѣятелей министерства юстиціи атмосферу неуловимаго недовольства, а убѣжденная защита дѣятельности судовъ и самихъ Судебныхъ Уставовъ отъ поспѣшныхъ и продиктованныхъ недоброжелательнымъ увлеченіемъ заплатъ и перекроекъ — создала имъ репутацію неудобной неуступчивости. 1-го января 1867 г. дѣятельность Стояновскаго по организаціи судебнаго преобразованія прекратилась. Онъ былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Черезъ четыре съ половиною мѣсяца ушелъ со своего поста и Замятнинъ. Дѣло дальнѣйшаго распространенія и примѣненія Судебныхъ Уставовъ было передано въ другія руки, не оправдавшія, однако, тайныхъ вожделѣній ненавистниковъ новаго судебнаго строя и не разъ — въ тогда еще далекомъ будущемъ — прямодушно обращавшіяся къ убѣжденной и горячей поддержкѣ основныхъ началъ этихъ самыхъ Уставовъ...

Для человѣка, привыкшаго непосредственно вліять на условія общественнаго склада, дѣйствуя единолично, на свой собственный страхъ, и «вкладываться» въ ту или другую работу по искреннему къ ней влеченію, — переходъ въ коллегію всегда бываетъ тяжелъ и сопровождается, первое время, незамѣтнымъ для окружающихъ, но чувствительнымъ для перешедшаго душевнымъ настроеніемъ. Изъ области разумной смѣлости, скорой осуществимости, непосредственнаго проникновенія въ сущность вопроса и личной нравственной отвѣтственности за то или другое разрѣшеніе его — приходится обратиться къ раздѣленію труда, къ безличности его результатовъ, къ необходимости подчасъ дѣлиться тѣмъ, что выстрадано сердцемъ, съ лѣнивымъ или равнодушнымъ мышленіемъ коллегъ, растворяя въ немъ и обезцвѣчивая свою любовь къ дѣлу, свое негодованіе или свое ощущеніе стыда... Приходится или идти со всѣми, не стѣсняя себя высказаннымъ взглядомъ, или же погрузиться въ потокъ безцѣльныхъ и безплодныхъ «особыхъ мнѣній», который впадаетъ въ рѣку забвенія... Судьба была, однако, и въ этомъ случаѣ благосклонна къ Стояновскому. Кассаціонный судъ, только что тогда образованный, можетъ имѣть въ своей коллегіальной дѣятельности живыя и привлекательныя стороны. На немъ

лежитъ не только разъяснять законъ, но и бдительно слѣдить за нарушеніями процессуальнаго порядка, твердо устанавливая для оцѣнки ихъ однѣ и тѣ же основанія, безотносительно къ лицамъ, въ нихъ повиннымъ, къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ... Въ этомъ должна состоять его *священная обязанность* предъ роднымъ правосудіемъ, неисполненіе или лицемѣрное исполненіе которой лишаетъ этотъ судъ его высокаго значенія. Но въ то время роль кассаціоннаго сената была еще и творческая, въ настоящемъ смыслѣ слова. Надо было пріучить новые суды къ правильности трoякаго отношенія—къ людямъ, къ понятіямъ и къ законамъ. Слѣдовало установить—властно и внушительно—какъ должны держать себя судьи по отношенію къ сторонамъ, свидѣтелямъ, подсудимымъ,—указать все нежелательное въ пріемахъ судебныхъ преній,—выяснить сложныя понятія о составѣ преступленій и степеняхъ участія въ нихъ—и, наконецъ, подавая примѣръ изслѣдованій духа и разума закона, побѣдить въ судьяхъ унаслѣдованный изъ прежнихъ временъ суевѣрный страхъ предъ проникновеніемъ въ *мысль* законодателя. Для дѣятельнаго и отзывчиваго человѣка работа въ такой коллегіи, особенно при ея тогдашней малочисленности, представляла много содержательнаго. Первые шаги Стояновскаго на новомъ поприщѣ были очень скромны. Первую половину 1867 года онъ, очевидно, приглядывался и присматривался, занимаясь, преимущественно, дѣлами, близкими ему по прежней службѣ и, такъ сказать, междувѣдомственными, т.-е. дѣлами о многообразныхъ пререканіяхъ и о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій. Но со второй половины 1867 года и весь 1868 годъ онъ начинаетъ докладывать и писать рѣшенія по дѣламъ первостепенной важности, внося въ изложеніе послѣднихъ свой простой, чуждый юридической сухости и канцелярской рутины языкъ и соображенія, почерпнутыя изъ серьезнаго знанія жизни. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній занимаютъ болѣе печатнаго листа мелкаго шрифта—и каждое содержитъ руководящія разъясненія. Такъ, изъ области *уголовнаго права*—онъ опредѣляетъ и характеризуетъ сущность и отличительныя черты грабежа (д. Рогожскаго кладбища), вооруженной кражи (д. Захарова и Андреева) и шайки (д. Рябинина), различіе поддѣлки кредитныхъ бумагъ механическимъ и ручнымъ способомъ (д. Яковлева и Шемберга), значеніе присутственной камеры (д. Гаврилова), различіе повторенія и совокупности преступленій (д. Колошевскаго) и значеніе конфискаціи, какъ уголовнаго наказанія;—въ области *уголовнаго процесса* онъ выясняетъ отношеніе суда и сторонъ къ личности свидѣтелей во время судебнаго слѣдствія и преній (д.

Ситскаго), отношенія между прокуроромъ и предсѣдателемъ на судѣ (д. Михѣева), ставитъ въ опредѣленныя границы допросы обвиняемаго (д. Хотева) и объявителя о преступленіи, котораго первое время иногда смѣшивали съ гражданскимъ истцомъ (д. Федосѣева),—даетъ первыя руководящія начала для постановки вопросовъ (д. Бильбасова) и разъясняетъ характеръ преюдиціальныхъ вопросовъ, возникающихъ по 27 ст. уст. угол. суд.—Наконецъ, по вопросамъ о *нравственныхъ условіяхъ дѣятельности* судей онъ является авторомъ двухъ очень важныхъ рѣшеній—объ отношеніи повѣреннаго къ незаконному порученію довѣрителя (д. Кольрейфа) и объ адвокатской этикѣ (д. Богданова). Всего написано имъ въ первые два года бытности сенаторомъ-докладчикомъ 310 рѣшеній. Дальнѣйшая дѣятельность Стояновскаго, назначеннаго въ январѣ 1872 г. первоприсутствующимъ уголовнаго кассаціоннаго департамента и въ январѣ 1875 г.—членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ, по характеру этой службы, трудно подчиняется точной провѣркѣ, но за ея несомнѣнную полезность и почтенный трудовой характеръ ручается, помимо воспоминаній очевидцевъ, цѣлый рядъ—если можно такъ выразиться—нравственныхъ уликъ. Къ послѣднимъ относятся — всегдашняя цѣльность и неизмѣнчивость отношенія его къ кореннымъ вопросамъ законодательства и управленія, неоднократно выраженная имъ—человѣкомъ, у котораго слово не противорѣчило дѣлу—въ различныхъ внѣслужебныхъ обстоятельствахъ;—искреннее уваженіе сотоварищей и сослуживцевъ и важныя порученія, на него возлагавшіяся. Изъ этихъ послѣднихъ достаточно упомянуть объ участіи его въ *качествѣ члена* въ особыхъ коммисіяхъ: о преобразованіи тюремной части,—о введеніи мировыхъ установленій въ Прибалтійскомъ краѣ,—о законахъ объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества—и о выясненіи отвѣтственности высшихъ чиновъ министерства путей сообщенія въ дѣлѣ крушенія императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 г. и опредѣленіи дальнѣйшаго направленія этого дѣла—и *въ качествѣ предсѣдателя*—въ особыхъ коммиссіяхъ: о преобразованіи канцеляріи по принятію прошеній на Высочайшее имя, — о преобразованіи межевой части,—для обсужденія проектовъ устава о векселяхъ и устава вотчиннаго—и въ редакціонной коммисіи для начертанія проекта гражданскаго уложенія. Сюда же относится и призваніе его въ 1884 г. на высокій постъ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

Наконецъ, характеръ и свойства дѣятельности Стояновскаго *внутри* служебнаго круга въ значительной мѣрѣ опредѣляются и тѣмъ, что онъ дѣлалъ *внѣ* этого круга. А тутъ мы находимъ

живое отношеніе ко всему живому, энергію, не умаляемую даже преклоннымъ возрастомъ, интересъ къ разнообразнѣйшимъ общеполезнымъ начинаніямъ, къ наукѣ и искусству, сердечную отзывчивость къ людямъ и безкорыстное желаніе содѣйствовать всему, чѣмъ обусловливается подъемъ общественнаго развитія. Мы встрѣчаемъ его въ русскомъ музыкальномъ обществѣ, въ славянскомъ, въ археологическомъ, гдѣ онъ дѣлаетъ докладъ объ А. Н. Оленинѣ. Онъ почетный мировой судья Воронежскаго и Чигиринскаго уѣздовъ и города С.-Петербурга,—онъ озабоченъ участью малолѣтнихъ преступниковъ и устройствомъ патроната надъ отбывшими тюремное заключеніе,—онъ членъ человѣколюбиваго общества и совѣта училища правовѣдѣнія. Онъ сотрудникъ «Русской Старины» и «Православнаго обозрѣнія», куда сообщаетъ интереснѣйшія письма изъ архива Оленина,—между прочимъ, письма московскаго митрополита Филарета съ толкованіемъ псалмовъ. Наконецъ, онъ кладетъ основаніе правовѣдской кассѣ и 15 лѣтъ состоитъ предсѣдателемъ комитета кассы, лично заботясь объ успѣшной дѣятельности этого добраго товарищескаго учрежденія, хлопоча о страждущихъ и осиротѣлыхъ и вообще о всемъ томъ, чего нельзя достигнуть одними денежными пособіями. Этого всего слишкомъ много для одного человѣка, скажутъ намъ. Можетъ быть... Не всякій умѣетъ сознать и сказать, вмѣстѣ съ тѣмъ же Филаретомъ, что «небольшая и уменьшаемая временемъ мѣра силъ моихъ много тѣснѣе мѣры моихъ обязанностей». Живому и дѣятельному человѣку свойственно слишкомъ полагаться на свои силы и, думая о томъ, что хочешь сдѣлать для другихъ, забывать, что совершаешь съ собою. In magnis voluisse sat est!

Упоминая съ уваженіемъ о разнообразной дѣятельности Стояновскаго, мы должны особенно остановиться на его отношеніи къ нашему *юридическому обществу*. Судебные Уставы широко раскрыли свои двери наукѣ. Находя питательный матеріалъ для своихъ изслѣдованій въ большой практикѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, наука, весьма чуждая судамъ до 1864 г., во многихъ случаяхъ должна была явиться руководительницею и помощницею судебнымъ дѣятелямъ, то освѣщая имъ спорные вопросы права, то указывая, какъ далекій маякъ, путь въ темныхъ вопросахъ и т. п. Сознаніе необходимости взаимодѣйствія науки и практики настолько созрѣло въ С.-Петербургѣ къ 1877 году, что явилась необходимость отъ небольшаго юридическаго кружка, собиравшагося у В. Д. Спасовича, перейдти къ основанію большого юридическаго общества при университетѣ съ подробно разработаннымъ уставомъ. Однимъ изъ учредителей послѣдняго и первымъ, въ

теченіи 18 лѣтъ, предсѣдателемъ его—былъ Стояновскій, отдавшійся новому учрежденію, столь важному для правового и даже нравственнаго развитія нашего общества съ сердечною любовью. Все время его предсѣдательства ознаменовано самымъ дѣятельнымъ участіемъ его въ дѣлахъ общества, не было ни одного серьезнаго и затрогивающаго общіе вопросы матеріальнаго права и процесса доклада, на которомъ не появлялся бы Стояновскій, внимательно слушая, вызывая своими замѣчаніями обмѣнъ мнѣній и самъ участвуя въ преніяхъ. Мнѣ вспоминается, напримѣръ, его живѣйшее участіе въ преніяхъ по моимъ докладамъ въ 1879 г. объ условіяхъ дѣятельности русскаго суда присяжныхъ и въ 1882 г. — о закрытіи дверей судебныхъ засѣданій. Предсѣдательствуя въ общихъ собраніяхъ,—что было подчасъ не легко, напр., при обсужденіи лѣстницы наказаній, проектированной составителями новаго уголовнаго уложенія — онъ ввелъ прекрасный обычай творить поминки—и не только по скончавшимся членамъ общества, но и по усопшимъ, такъ или иначе вліявшимъ на правовое общественное развитіе. Онъ сознавалъ, что черты живущихъ, — почти всюду, а подъ нашимъ унылымъ небомъ въ особенности, — рѣдко бываютъ совершенно опредѣленны и ясны до самаго конца. Къ сожалѣнію и удивленію, эта неясность особенно грозитъ неожиданностями наблюдателю *конца жизни* наблюдаемаго, когда, казалось бы, мелочные и призрачные интересы существованія должны отходить на задній планъ, въ виду приближенія смерти... Бываютъ случаи, когда тутъ то и выступаетъ вдругъ поспѣшное и ничѣмъ не вызванное раскаяніе въ своемъ прошломъ и нерѣдко безплодное, хотя и многостороннее отрицаніе его;—когда живой дотолѣ человѣкъ, имѣвшій идеалы и непереступаемыя правила, вдругъ впадаетъ въ бездушный педантизмъ; — когда тусклые лучи земныхъ отличій, жадно ожидаемыхъ у края недалекой уже могилы, заставляютъ померкнуть лучи души, еще недавно казавшейся мало доступною житейской суетѣ... И выходитъ такъ, что вмѣсто ощущенія горя о потерѣ спутника, который по словамъ поэта, животворилъ намъ свѣтъ— приходится сознаться себѣ, въ глубинѣ души, что «изъ равнодушныхъ устъ услышалъ смерти вѣсть я—и равнодушно ей внималъ я...» Тѣмъ дороже люди, въ законченныхъ нравственныхъ чертахъ которыхъ, уже запечатлѣнныхъ смертью навсегда, можно почерпать и утѣшеніе, и ободреніе, и поучительный примѣръ. Поэтому, общественное воспоминаніе о такихъ людяхъ есть своего рода «культъ духовныхъ предковъ», который долженъ быть присущъ всякому, кто серьезно относится къ жизни и вѣритъ въ не-

обходимость ея нравственнаго улучшенія. Самъ Стояновскій сказалъ въ 1882 г., въ годовомъ собраніи общества, проникнутую теплымъ чувствомъ рѣчь, посвященную памяти Буткова и Замятнина. Въ ней же онъ обратился съ умиленною благодарностью къ страдальческой тѣни Освободителя русскаго народа отъ «черной неправды» стараго суда и напомнилъ сіяющій дѣятельною добротою и наивно-трогательною вѣрою въ возможность *вѣчнаго мира* образъ недавно предъ тѣмъ скончавшагося принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. По его же почину была послана въ Москву, въ 1880 г., отъ общества депутація съ адресомъ по поводу открытія памятника Пушкину. Наконецъ, подъ его председательствомъ, сказаны въ общемъ собраніи общества рѣчи—о Достоевскомъ, какъ о криминалистѣ—на другой день послѣ его похоронъ, о скончавшихся—профессорѣ Кистяковскомъ и С. Ф. Христіановичѣ, — одна общая поминальная рѣчь объ Е. И. Утинѣ, А. А. Марковѣ, В. А. Арцимовичѣ, А. М. Унковскомъ, П. Я. Александровѣ и П. Я. Левенсонѣ, — и цѣлый вечеръ, проникнутый однимъ скорбнымъ настроеніемъ, былъ посвященъ пяти рѣчамъ въ память безвременно сошедшаго въ могилу А. Д. Градовскаго.

Открывая годовыя собранія общества, Стояновскій не разъ привѣтствовалъ начатыя за годъ большія законодательныя работы и намѣчалъ пути для необходимыхъ преобразованій. Мысль его постоянно возвращалась къ реформамъ Александра II,—онъ тревожно слѣдилъ, какъ старый римскій консулъ, ne quid detrimentum capiat по отношенію къ дорогимъ ему Судебнымъ Уставамъ. Онъ ревниво, быть можетъ даже слишкомъ ревниво, охранялъ ихъ даже въ нѣдрахъ самого юридическаго общества. Извѣстно, что судъ присяжныхъ у насъ, послѣ его введенія, былъ оставленъ не только безъ заботливаго ухода, но и безъ всякаго призора. О мѣрахъ къ устраненію невыгодныхъ для него условій, о необходимыхъ улучшеніяхъ въ его организаціи и въ обстановкѣ его дѣйствія у насъ вопроса не возбуждалось. А между тѣмъ нареканія на этотъ судъ—«судъ улицы»—росли и свивались въ зловѣщій клубокъ. Вскорѣ послѣ открытія общества я заявилъ совѣту, что хочу сдѣлать докладъ, въ которомъ собираюсь откровенно указать на недочеты въ устройствѣ нашего суда присяжныхъ и на необходимость разумныхъ и безотлагательныхъ мѣръ къ ихъ устраненію. Стояновскій былъ очень встревоженъ этимъ. Онъ пріѣхалъ просить меня отказаться отъ своего намѣренія. «Теперь не такое время, говорилъ онъ... Пока враги новаго суда нападаютъ на судъ присяжныхъ — это ничего, имъ вѣрятъ лишь

вполовину,—но когда въ средѣ юридическаго общества раздастся голосъ опытнаго человѣка, говорящаго о недостаткахъ этого суда, никто не станетъ вдумываться, что о нихъ говорится изъ любви къ этой прекрасной формѣ суда и изъ желанія ее упрочить. Подхватятъ лишь указанія на недостатки и станутъ ихъ при всякомъ случаѣ эксплуатировать». Я спорилъ съ нимъ, но, видя его опасенія и довѣряя его житейской опытности, — уступилъ. Лишь чрезъ три года Стояновскій призналъ, что настало время защищать судъ присяжныхъ тѣмъ способомъ, который еще недавно казался ему опаснымъ. Празднованіе двадцатипятилѣтія введенія Судебныхъ Уставовъ весною 1891 г. прошло лишь въ частныхъ кружкахъ и притомъ очень блѣдно и глухо. Не было и въ Обществѣ сказано слова въ память великаго событія, совершившагося четверть вѣка назадъ. Это, повидимому, очень огорчало Стояновскаго. Но надо было видѣть, какъ радостно заблестѣли его глаза, и какъ горячо пожалъ онъ мнѣ руку, когда я предложилъ сказать въ годовомъ собраніи 1892 г. рѣчь о *зданіяхъ* для судовъ во Франціи и въ Россіи—и на недоумѣвающій, по поводу такой узкой темы, взглядъ Стояновскаго, сказалъ: «вѣдь говоря о зданіяхъ, нельзя же не коснуться и того, что въ нихъ, — и въ особенности у насъ — происходило 25 лѣтъ назадъ.....»

Предметъ тревогъ Стояновскаго составляла и несогласованность отдѣльныхъ однородныхъ статей, разбросанныхъ по разнымъ томамъ свода законовъ и иногда касающихся очень существенныхъ вопросовъ. Для примѣра онъ указывалъ, въ рѣчи 1880 г. на одинъ весьма важный недосмотръ, замѣчаемый въ II, IX и XII т. св. зак. по изд. 1876 г., относительно женщинъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній по дѣламъ, подсуднымъ волостному суду. Объ этихъ изъятіяхъ говорилось въ *восьми* мѣстахъ различно,— и ни въ одномъ изъ нихъ не заключается полнаго и вѣрнаго изложенія дѣйствующихъ законовъ. Такъ, о лицахъ женскаго пола, которыя именнымъ указомъ 17 апрѣля 1863 г. вовсе изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, въ особомъ приложеніи къ IX тому свода законовъ сказано, что отъ тѣлесныхъ наказаній изъяты только нѣкоторыя крестьянки и дворовыя женскаго пола, въ томъ примѣчаніи подробно указанныя, а во II томѣ учр. губерн. въ примѣч. 2 къ 2178 ст. объяснено, что волостной судъ не вправѣ приговаривать къ тѣлесному наказанію лицъ женскаго пола; но ни въ первой, ни въ послѣдней статьяхъ не указано ни закона 17 апрѣля 1863 г., ни приложенія къ 30 ст. улож. о нак. Вслѣдствіе этого недосмотра, около 20 милліоновъ женщинъ (въ томъ

числѣ и беременныя женщины, еще закономъ 1839 г. освобожденныя отъ тѣлеснаго наказанія) подвергались опасности быть наказанными тѣлесно, такъ какъ волостные судьи вѣроятно не знаютъ не только того, что примѣчаніе къ ст. II тома составлено, въ этомъ отношеніи, правильнѣе примѣчанія къ статьѣ IX тома, но даже и того, что во II томѣ есть такое примѣчаніе и что болѣе полное исчисленіе лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, находится только въ уложеніи о наказаніяхъ. Расширеніе области изъятій отъ тѣлеснаго наказанія, до полнаго его уничтоженія, было его всегдашнею завѣтною мыслью. Еще въ 1865 г., по его представленію, во время короткаго управленія имъ министерствомъ юстиціи, въ число изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній включены были всѣ, получившіе медаль «за спасеніе погибавшихъ». Вотъ почему возбуждало въ немъ такое смущеніе упущеніе, носящее обыкновенно названіе «кодификаціоннаго недосмотра». Не менѣе тревожило еще и странствованіе Судебныхъ Уставовъ по своду законовъ, окончившееся тѣмъ, что эти Уставы, какъ особая, столь цѣнная всѣмъ видѣвшимъ ея появленіе, книга, перестали въ 1876 году существовать, причемъ учрежденіе судебныхъ установленій попало во II томъ и въ III томъ, уст. угол. суд. въ XV, уставъ гражд. суд. во 2 часть X тома и т. д. Онъ понималъ, что расчлененіе Уставовъ по разнымъ томамъ свода, обращеніе ихъ изъ цикладовъ въ спорады, облегчаетъ возможность коснуться ихъ отдѣльныхъ статей, подъ предлогомъ ихъ согласованія съ чуждыми имъ сосѣдями и притомъ даже не въ порядкѣ законодательномъ, а кодификаціонномъ. Практика показала, что опасенія Стояновскаго не были лишены основаній—и онъ съ истинною радостью привѣтствовалъ послѣдовавшее въ 1884 году собраніе подвергшихся «разсортировкѣ» частей Уставовъ въ одно цѣлое, тщательно провѣренное особою коммисіею и получившее названіе «Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II».

V.

Дѣятельность Стояновскаго была оцѣнена юридическимъ обществомъ. Его всегда окружало теплое уваженіе; большинство къ нему прислушивалось съ вниманіемъ, встрѣчало его съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Когда насталъ день пятидесятилѣтія его «доблестнаго и разносторонняго» служебнаго труда, совѣтъ юридическаго общества, предъ которымъ «съ особою силою и ясностью ожило представленіе о заслугахъ Стояновскаго для русскаго

правосознанія и правовѣдѣнія», привѣтствовалъ его адресомъ, въ которомъ, указывая, на то, что юридическое общество «привыкло видѣть въ своемъ неутомимомъ предсѣдателѣ яркій образъ государственнаго дѣятеля, проникнутаго глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ, всестороннимъ пониманіемъ потребностей правовой жизни народа и теплымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ людямъ», выражалъ пожеланіе, чтобы Стояновскій еще долгіе годы стоялъ во главѣ общества «съ неизсякающею бодростью своего духа и неугасающею теплотою своего благороднаго сердца». Чрезъ четыре года — въ 1896 г., начавшій уставать отъ своихъ разнородныхъ занятій, Стояновскій, направившій и укрѣпившій юридическое общество, рѣшилъ оставить предсѣдательскій постъ. «Съ грустью и съ глубокой благодарностью за все сдѣланное» встрѣтивъ это рѣшеніе, совѣтъ въ своемъ адресѣ говорилъ объ утѣшающей общество надеждѣ, что «нравственно бывшій предсѣдатель будетъ съ нимъ неразлученъ, и что труды и усилія общества всегда найдутъ у него сочувственный и ободряющій отголосокъ». Эта надежда не обманула общество. Стояновскій не отдѣлился отъ него и продолжалъ живѣйшимъ образомъ интересоваться всѣмъ, что въ немъ дѣлалось. На всѣхъ серьезныхъ засѣданіяхъ, какъ бы отяготительны для его преклоннаго возраста онѣ ни были своею продолжительностью,— онъ присутствовалъ неизмѣнно. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за ходомъ засѣданія по поводу принципіальныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ, исходившихъ, къ сожалѣнію, отъ лицъ судебнаго вѣдомства. Пришелъ онъ принять участіе въ чествованіи длинною рѣчью, въ тягостной тѣснотѣ нашихъ годовыхъ засѣданій, памяти К. Н. Грота, своего товарища по отмѣнѣ откупной системы;—задумчивый и погруженный въ воспоминанія «о битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они», сидѣлъ онъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ, посвященныхъ товарищамъ счастливѣйшихъ лѣтъ его жизни—Д. А. Ровинскому и С. М. Зарудному. Сегодня насталъ и его чередъ быть предметомъ такого засѣданія...

Мы привыкли до самаго послѣдняго времени видѣть среди насъ его плотную фигуру, съ добрымъ лицомъ, обрамленнымъ снизу, по старому обычаю, полоскою сѣдыхъ волосъ, съ небольшими, живыми, слегка улыбающимися глазами. Къ нему, растроганному и смущенному, обратились наши единодушныя, горячія и благодарныя привѣтствія въ вечеръ празднованія тридцатипятилѣтія изданія Судебныхъ Уставовъ, 20 ноября прошлаго года... Мы чествовали въ немъ живое воплощеніе благородной службы благу родины и *истинной славѣ* своего монарха,—чествовали живой, краснорѣчивый

въ своемъ скромномъ молчаніи памятникъ незабываемой, неповторяемой годины!..

Годы все таки взяли свое. Въ январѣ 1897 года Стояновскій просилъ объ освобожденіи его отъ обязанностей предсѣдателя департамента и перешелъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Но былъ, однако, одинъ трудъ, которому онъ отдавался съ прежнею горячностью. Составленіе *гражданскаго уложенія* всецѣло наполняло его дѣловое существованіе, было предметомъ его заботъ, тревогъ, упованій и подчасъ горестныхъ ощущеній... Сердечно слѣдя за сложною работою своихъ ближайшихъ сотоварищей по подъятому труду первостепенной важности, — участливо заботясь о сотрудникахъ, онъ вложилъ въ это дѣло весь остатокъ своей энергіи. Но ему не пришлось вступить въ обѣтованную землю. Смерть остановила его почти у самой границы. Смерть привела съ собою и критику постройки, подведенной подъ крышу подъ руководствомъ Стояновскаго. Но этимъ не надо смущаться. Сложный трудъ такого размѣра не можетъ быть безупреченъ во всѣхъ частяхъ. Надо помнить, что въ данномъ случаѣ ему еще предстоитъ серьезнѣйшій пересмотръ, причемъ возможно видоизмѣненіе и отдѣльныхъ частей и даже ихъ именованій. Притомъ «la critique est aisée», да и въ сущности она составляетъ своего рода честь, которая можетъ быть оказана большому труду. Отсутствіе ея не всегда обозначаетъ *«нечего критиковать»*, а очень часто—*«не стоитъ критиковать»*. Оцѣнивая то, что сдѣлано коммиссіею по гражданскому уложенію, не надо только забывать, что обновленіе, системазація и упорядоченіе гражданскихъ правоотношеній — дѣло трудное, особливо когда надо отдѣлить то, что вытекаетъ изъ требованій науки и изъ народнаго правового сознанія—отъ историческихъ наслоеній, вызванныхъ временными причинами церковнаго, экономическаго или политическаго характера, которыя давно уже прошли, а слѣды ихъ остались, мертвя жизнь и втискивая ея явленія на прокрустово ложе потерявшаго свое оправданіе закона. Для большихъ работъ законодательнаго характера критика даже необходима. Ихъ достоинство и жизнеспособность могутъ въ значительной степени опредѣляться спокойнымъ ожиданіемъ и встрѣчею серьезнаго и строгаго разбора. Но пусть онъ будетъ справедливъ и не односторонемъ, пусть оцѣниваетъ почву и условія труда и его руководящую мысль, не обращая исключительно вниманія на одни недостатки. Иначе можетъ случиться, что придется повторить упрекъ поэта-юриста: «ты разглядѣлъ на солнцѣ пятна—и проглядѣлъ его лучи»...

Стояновскій сознавалъ, конечно, что, имѣя около 80 лѣтъ отъ

роду, трудно разсчитывать дождаться полнаго закрѣпленія своего труда въ опредѣлительномъ словѣ закона. Поэтому онъ спѣшилъ выдѣлить изъ этого труда, хотя бы съ ущербомъ для его цѣльности, такую часть, которая отвѣчала бы назрѣвшей и насущной потребности жизни. Онъ желалъ провести въ законодательномъ порядкѣ, независимо отъ проекта уложенія, какъ самостоятельную работу—«*правила о разрѣшеніи раздѣльнаго жительства супруговъ»,* составленныя по его плану въ 1898 г. Нужно ли говорить о необходимости такихъ правилъ наряду съ законами о разводѣ? Повседневныя печальныя явленія семейной жизни — вопіютъ объ этомъ. Необходимо установленіе порядка, по которому разложившійся въ самой сердцевинѣ союзъ, ложно носящій святое названіе семьи—могъ бы, въ силу закона, а не по снисхожденію къ горю и несчастію, быть видоизмѣняемъ такъ, чтобы не окружать неповинныхъ дѣтей развращающими ихъ картинами и не быть источникомъ нерѣдкихъ преступленій и безъисходнаго, мрачнаго отчаянія. Этой необходимости отвѣчаютъ «правила» Стояновскаго. Не входя въ ихъ разборъ, достаточно сказать, что по смыслу перваго параграфа ихъ—судъ разрѣшаетъ отдѣльное жительство супругу, если совмѣстная жизнь представляется *невыносимою,* вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нимъ или съ дѣтьми другого супруга, нанесенія имъ тяжкимъ оскорбленій,—его сифилитической болѣзни, развратной жизни, постояннаго пьянства или безразсуднаго и разорительнаго для семьи мотовства. Самые больные вопросы практики—о томъ, у кого должны остаться дѣти? кто имѣетъ при разлукѣ супруговъ, попеченіе о личности ихъ и родительскую надъ ними власть? — кто и на какомъ основаніи участвуетъ въ содержаніи дѣтей?—какъ опредѣляются права на свиданія съ ними? и т. п., составляютъ предметъ точныхъ и ясныхъ постановленій проекта этихъ правилъ. Стояновскій горячо и даже болѣзненно принималъ ихъ къ сердцу. Ему такъ хотѣлось видѣть ихъ проведенными въ жизнь! Этого ему не удалось дождаться,—но правила эти составляютъ его нравственное завѣщаніе нашему законодательству, которое, — своимъ возстановленіемъ legitimatio per subsequens matrimonium и законами объ усыновленіи и узаконеніи дѣтей, уже вступило на свѣтлый путь упорядоченія и оздоровленія коренныхъ началъ дѣйствительной, а не фиктивной только семьи...

Такъ завершалъ свою долгую, трудовую жизнь Николай Ивановичъ. Онъ бодро относился къ явленіямъ быстротекущей жизни, интересовался ея представателями и выразителями, — раздѣлялъ мысли и чувства тѣхъ изъ нихъ, которые казались ему

лучшими... Но надо думать, что порою ему бывало тяжело и, въ тиши уединенія, привѣтливое выраженіе его крупныхъ губъ смѣнялось грустною улыбкою. Почти всѣ товарищи его, вступившіе вмѣстѣ съ нимъ въ общественную жизнь, ушли изъ нея. Изъ 19 человѣкъ уцѣлѣлъ лишь маститый поэтъ, Жемчужниковъ, да два товарища, оставившіе службу. Современное поколѣніе дѣятелей на разныхъ поприщахъ не имѣло съ нимъ общихъ воспоминаній о пережитомъ, о связанныхъ съ нимъ страданіяхъ и восторгахъ. Нѣкоторымъ изъ наиболѣе молодыхъ этого поколѣнія — прошлое, бывшее для Николая Ивановича дорогою и свято хранимою въ сердцѣ *дѣйствительностью,* представлялось лишь смутною *справкою,* иногда ничего не говорившею ихъ практическому уму и не менѣе практическому сердцу. Онъ, постоянно окруженный во внѣшней жизни, становился одинокъ въ жизни внутренней. Быть можетъ, вслѣдствіе этого онъ, уставая и напрягая свои силы, не отказывался отъ участія въ засѣданіяхъ разныхъ обществъ и благотворительныхъ собраній, въ концертахъ и т. п. Смерть супруги еще усилила это одиночество... Тѣ, кому было мало знакомо его прошлое, кто не давалъ себѣ труда вглядѣться въ него поближе, подчасъ находили, что онъ въ послѣдніе годы слишкомъ много говоритъ и этимъ запутываетъ и отдаляетъ разрѣшеніе различныхъ законодательныхъ вопросовъ. Другіе начинали считать его «мертвымъ среди живыхъ». Третьимъ казалось, что уваженіе къ этому человѣку, никогда не игравшему въ свою долгую жизнь первой и выдающейся роли, было преувеличено... Что сказать на все это?—Первый упрекъ, съ внѣшней стороны, не всегда былъ несправедливъ. Но не приходилось ли иногда, быть можетъ, наблюдать у этого сановника, послѣ учиненной имъ истомы слушателей и путаницы въ дѣлѣ, — выраженія сознательнаго удовольствія въ лукаво и вмѣстѣ добродушно смѣющихся глазахъ? Онъ былъ старикъ, умудренный опытомъ,—а «старость ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Опытъ научилъ его не смѣшивать бодрое оживленіе организма подъ вліяніемъ усиленнаго кровообращенія съ болѣзненнымъ подъемомъ температуры; онъ же научилъ его и тому, что въ организмахъ сложныхъ, преслѣдующихъ цѣли общественныя и служебныя, дѣйствуютъ тѣ же явленія, какъ и въ организмѣ физическомъ. Ему могло иногда казаться, что предъ нимъ раскрывается результатъ не здороваго обмѣна веществъ, а лихорадочнаго процесса. По мудрому житейскому совѣту «Zeit gewonnen alles gewonnen», онъ пробовалъ, своеобразно и не безъ ущерба лично для себя, задержать ходъ послѣдняго процесса. — На то, что онъ былъ «мертвый» — мы скажемъ, что «не всякій живъ, кто дышетъ, — но и не всякій

мертвъ въ гробу». Потребность оживить въ себѣ образъ Николая Ивановича, собравшая насъ здѣсь сегодня, — и многое множество людей, испытавшихъ на себѣ его безконечную снисходительность, сѣявшую вокругъ себя добро безъ счету и безъ рѣчи о немъ,— могутъ свидѣтельствовать о томъ, умерла ли лучшая сторона въ этомъ человѣкѣ до того времени, когда позвалъ его къ себѣ Вѣчный Судія... Почему онъ не игралъ *первой* и главенствующей роли? Да потому, что такая роль, какъ, впрочемъ, и всякая другая, зависитъ не отъ одного *личнаго* желанія и способности къ ней, и тѣ, кто недоволенъ *второю* ролью Стояновскаго, забываютъ, что именно въ умѣніи просто, безъ притязаній, не выставляясь впередъ, съ любовью не къ себѣ, а къ дѣлу — играть эту вторую роль, радуясь чужому успѣху и содѣйствуя ему,—состоитъ одно изъ его прекрасныхъ и трогательныхъ свойствъ. Такъ его и понимали всѣ знавшіе, а потому и цѣнившіе его. И въ день основанія воспитавшаго его училища и 6 декабря, въ день святителя Николая, его окружало такое неподдѣльное и нѣжное уваженіе множества людей, занимавшихъ самое разнообразное общественное положеніе, что невольно чувствовалось, что этотъ второй — все-таки *первый* въ ихъ сердцѣ и что онъ выслужилъ себѣ право смотрѣть назадъ безъ краски въ лицѣ, смотрѣть впередъ, на неизбѣжный конецъ, безъ смущенья и трепета...

Остается сказать о его послѣднихъ дняхъ. 8 августа въ теплое лѣтнее утро «глухого сезона», небольшая группа сослуживцевъ и друзей и депутація отъ столичныхъ мировыхъ судей встрѣтили на Николаевскомъ вокзалѣ вагонъ съ гробомъ почившаго вдалекѣ отъ родины Николая Ивановича и проводили его останки до церкви и мѣста послѣдняго упокоенія въ Александро-Невской лаврѣ.

У отверстой могилы не было произнесено громкихъ рѣчей, не было пролито показныхъ слезъ. Её засыпали молча, и она не «утопала въ массѣ вѣнковъ»... Всѣ безмолвно, въ тихой задумчивости, постояли пока гробъ не скрылся отъ взоровъ—и медленно, безшумно разошлись. Разошлись, унося въ душѣ привлекательный образъ человѣка, горячо любившаго родину, желавшаго ей прочнаго счастія, вѣрившаго въ ея духовныя силы и всю жизнь работавшаго на пути развитія въ ней справедливости и чувства законности. Не даромъ пришлось и положить его, далекаго странника, въ родную землю недалеко отъ двухъ могилъ, на одной изъ которыхъ написано «Сперанскій», а на другой начертаны безсмертные звуки лежащаго въ ней Глинки: «Славься! славься— святая Русь!»

Смерть подошла къ Николаю Ивановичу, въ бреганскомъ городкѣ Saint Lunaire, незамѣтно, и ея объятія были легки и скоротечны. Его, еще недавно бодро посѣтившаго Парижъ, тянуло домой, къ дѣлу· «Скучно, хотѣлось бы къ мѣсту»... говорилъ онъ сыну—и 22 іюля днемъ тихо заснулъ въ креслахъ... навсегда. Его любимые съ дней юности часы, съ которыми онъ никогда не разставался, ставя ихъ во время работы передъ собою—показывали десять минутъ четвертаго. Немедленно вслѣдъ затѣмъ они перестали идти, какъ будто жизнь отлетѣла и отъ нихъ. Богъ заводитъ въ груди человѣка особые часы, называемые сердцемъ, идущіе неровно, трепетно, а иногда съ усиліемъ и болью, но безъ остановки, пока не разовьется до конца пружина жизни, или внѣшній ударъ внезапно не разобьетъ ихъ. Между этими часами и обыкновенными, когда они неразлучны съ человѣкомъ всю его дѣятельную жизнь, — есть невидимая связь — и въ памяти сердца остается, то, что говорили стрѣлки на циферблатѣ въ горестные или радостные моменты жизни. Неразлучный спутникъ Стояновскаго—его часы показывали ему многіе памятные для него моменты. На нихъ смотрѣлъ онъ въ понятномъ волненіи предъ первой своею лекціею, 53 года назадъ; — ихъ стрѣлки, вѣроятно, не разъ хотѣлъ бы онъ остановить, чтобы еще продлить засѣданіе совѣщанія у Замятнина объ Уставахъ, о Судебныхъ Уставахъ! На эти часы конечно глядѣлъ онъ, ожидая вмѣстѣ съ Замятнинымъ, за три дня до открытія новыхъ судовъ въ Петербургѣ, пріѣзда Государя, пожелавшаго ознакомиться съ ихъ устройствомъ и помѣщеніемъ и сказавшаго растроганнымъ исполнителямъ своей великой мысли: «въ добрый часъ, — начинайте благое дѣло!» Съ ними справлялся онъ, боясь не опоздать на самое открытіе, въ свѣтлый весенній день, когда съ горельефа, украшающаго ворота стараго арсенала на Литейной, спала завѣса, и впервые заблистали слова «правда и милость да царствуютъ въ судахъ», слова, получавшія съ этого дня возможность обратиться и въ дѣло... Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ. Такихъ отрадныхъ для усталаго сердца Николая Ивановича минутъ часамъ отмѣчать уже не приходилось и не предстояло. И когда, наконецъ, *ходъ* этого сердца замедлился и затихъ—прекратили свое *біеніе* и часы...

ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
ЗАМЯТНИНЪ

(1904 г.)

I.

Дмитрію Николаевичу Замятнину выпало на долю участвовать въ возникновеніи Судебныхъ Уставовъ, вводить судебную реформу въ Петербургскомъ и Московскомъ округахъ и быть первымъ Министромъ Юстиціи преобразованнаго судебнаго строя Россіи. Онъ выполнилъ эту отвѣтственную, трудную и высокую роль съ прямодушнымъ усердіемъ, ставившимъ на первый планъ жизненные интересы правосудія и благо родины. Не шумный и показной, но искренній и надежный другъ пересозданія нашего внутренняго быта, начатаго упраздненіемъ крѣпостного права, Замятнинъ приложилъ свою трудовую силу и свое разумѣніе къ тому, чтобы второй шагъ на этомъ пути—устройство суда на новыхъ началахъ—совершился успѣшно и твердо. Его не всегда видная, подчасъ стѣсненная бюрократическими условіями служебнаго положенія и лишенная яркой *личной* окраски, дѣятельность была, однако, существенно необходима для упроченія новаго дѣла. Поэтому его имя должно, по праву занять почетное мѣсто въ ряду именъ главнѣйшихъ дѣятелей судебнаго преобразованія.

Родившійся въ 1805-мъ году въ помѣщичьей семьѣ Нижегородской губерніи и окончившій съ отличіемъ курсъ въ 1823 г., Замятнинъ, не представляя характеристическихъ личныхъ особен-

постей, которыя могли бы его рѣзко выдѣлить среди окружающей обстановки, вынесъ и пронесъ чрезъ всю жизнь симпатичныя типическія свойства стараго Царскосельскаго лицеиста. Ему пришлось провести молодость и зрѣлые годы въ эпоху, когда свыше преобладало стремленіе все сравнять и подвести въ отношеніи духовныхъ запросовъ и потребностей подъ одну мѣрку. На его дѣятельности за это время не могли не отразиться нѣкоторая безличность и отсутствіе оригинальности, свойственныя пережитому имъ періоду русской общественной исторіи. До назначенія его въ октябрѣ 1862-го года Министромъ Юстиціи, за все время занятій его при Сперанскомъ во второмъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи и службы, съ 1840-го года, герольдмейстеромъ, членомъ Консультаціи, оберъ-прокуроромъ гражданскихъ департаментовъ Сената, и наконецъ, сенаторомъ, трудно указать какой-либо особо-выдающійся фактъ, если не считать постояннаго пребыванія на стражѣ противъ взяточничества и злоупотребленій, разъѣдавшихъ, при помощи знаменитой «приказной волокиты», наши судебныя учрежденія снизу до верху... И частная, и служебная жизнь его текли гладко и спокойно, безъ грозныхъ бурь и мятежныхъ тревогъ, оставляя впечатлѣніе ровнаго, прохладнаго дня, безъ дождя и безъ зноя, за которымъ постепенно должны придти сумерки и ночь, приносящая съ собою, законною чредой, обычное спокойствіе, но не выстраданный отдыхъ. А между тѣмъ въ великое слово «судебная реформа», связанное съ однимъ изъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ моментовъ русскаго общественнаго развитія,—имя Замятнина входитъ какъ неразрывный кусокъ мозаики и должно вспоминаться съ чувствомъ благодарности.

По существу своему глубоко честный, не особенно склонный къ почину, но ясный и здравый умомъ, онъ долго, хотя и не непосредственно, созерцалъ ту Русь, которая была «въ судахъ черна неправдой черной»—и раскалялся сердцемъ противъ вопіющаго неправосудія, прикрытаго формальною законностью, съ которымъ ему приходилось постоянно встрѣчаться въ нѣдрахъ своихъ канцелярій и департаментовъ. Когда повѣяло новымъ духомъ и вокругъ него заговорили о возможности и необходимости реформы, онъ чуткой совѣстью почувствовалъ, на чьей сторонѣ правда, и, не взирая на вліятельныя предостереженія изъ среды «умѣренности и аккуратности», рѣшительно склонился на сторону смѣлыхъ проводителей въ нашъ судъ широкихъ началъ новой жизни. Онъ нашелъ въ своей душѣ такое же довѣріе къ составителямъ Судебныхъ Уставовъ, какое они питали къ русскому народу, вѣруя въ его нравственныя силы,—и повѣривъ, остался вѣренъ до конца,

не смотря ни на что и не смущаясь разными шероховатостями перваго времени новой судебной практики, которыя раздувались врагами обновленнаго суда и вмѣнялись ему самому чуть не въ уголовныя преступленія. Въ этомъ состоитъ его *главная заслуга* какъ Министра Юстиціи. Она не была единственною. Будучи вѣренъ судебной реформѣ «im grossen und ganzen», онъ, въ виду пройденной имъ дореформенной процессуальной школы, не былъ знатакомъ нѣкоторыхъ частностей и технических подробностей новыхъ судебныхъ порядковъ. Сознавая, однако, что на частностяхъ можно поиграть главное и потрясти цѣлое, давъ слишкомъ острое оружіе противникамъ, онъ, являясь представителемъ юстиціи предъ монархомъ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, прямо и откровенно просилъ въ трудные годы судебной реформы помощи, совѣта и указаній у счастливо сгруппированныхъ имъ около себя честныхъ и способныхъ дѣятелей, подчиненныхъ и сотрудниковъ. Далекій отъ ложнаго самолюбія и не боясь уронить свое достоинство государственнаго сановника, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ давалъ своимъ врагамъ, ожесточавшимся на проявляемое имъ знаніе подробностей, поводъ злобно говорить, что онъ «даетъ себя начинять департаментскимъ либераламъ». Въ этомъ умаленіи своего министерскаго *я*, въ этой готовности *учиться* какъ *надо служить* дѣлу, благому значенію котораго *вѣришь*—состоитъ его *вторая заслуга*.

Памятникомъ направленія, въ которомъ дѣйствовало при выработкѣ судебной реформы министерство юстиціи подъ руководствомъ Замятнина, является обширное собраніе «замѣчаній Министра Юстиціи», представленныхъ въ коммиссію по составленію Уставовъ и бывшихъ въ разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта. Въ этихъ замѣчаніяхъ онъ не только является поклонникомъ выборнаго начала и сочувствующимъ учрежденію суда присяжныхъ и адвокатуры, организованной на широкихъ началахъ самоуправленія и самовосполненія, но выступаетъ съ рядомъ пратическихъ замѣчаній. Непринятіе нѣкоторыхъ изъ нихъ было впослѣдствіи осуждено самою жизнью. Благодаря замѣчаніямъ Замятнина, проникнутымъ довѣріемъ къ выборнымъ судьямъ, мировая подсудность гражданскихъ дѣлъ была поднято со *ста* рублей до *пятисотъ* и мировые судьи избавлены отъ необходимости исполнять разныя мелкія, не соотвѣтствующія достоинству ихъ званія, порученія окружного суда. При помощи этихъ замѣчаній защитникъ признанъ необходимымъ *во всѣхъ* уголовныхъ дѣлахъ, подсудныхъ общимъ судамъ, а не въ исключительныхъ только случаяхъ, какъ предполагалось первоначально,—и установлена значительно ограничивающая

возможность произвольныхъ взглядовъ слѣдователя постепенность въ мѣрахъ пресѣченія способовъ уклоненія отъ суда и слѣдствія. Озабочиваясь успѣхомъ предварительныхъ слѣдствій и находя, что они иногда обезпечиваются нѣкоторою гласностью допросовъ и изслѣдованій, Замятнинъ предлагалъ разрѣшить слѣдователю допускать присутствіе при своихъ дѣйствіяхъ публики во всѣхъ случаяхъ, когда это не можетъ повредить истинѣ. На такой смѣлый, какъ казалось Государственному Совѣту, шагъ послѣдній не могъ рѣшиться, какъ не рѣшился—къ величайшему и трудно поправимому ущербу для быстроты и доступности правосудія въ высшемъ, въ порядкѣ инстанцій, судѣ—и на принятіе предлагаемаго Замятнинымъ перечня *существенныхъ* кассаціонныхъ нарушеній, заключавшаго въ себѣ 29 случаевъ для гражданскаго и 24 для уголовнаго процессовъ. Явись у Государственнаго Совѣта эта рѣшимость, наша кассаціонная практика пошла бы по иному и, безъ сомнѣнія, болѣе плодотворному по своей справедливости пути.

Для новаго суда нужны были живыя личныя силы. Замятнинъ обратилъ особое вниманіе на личный составъ судебныхъ учрежденій при введеніи судебной реформы. Для ея правильнаго осуществленія всего важнѣе были назначенія на вновь учрежденныя должности. Нужно было въ «мѣха новые» влить и «вино новое». Со времени изданія Судебныхъ Уставовъ было сдѣлано все возможное, чтобы создать контингентъ надлежащихъ лицъ. Законодательство, кружки юристовъ и литература дѣйствовали, въ этомъ отношеніи, дружно и въ одномъ направленіи. Усиленіе окладовъ и штатовъ, а также измѣненіе условій судебной службы должны были привлечь въ судебное вѣдомство новыя силы и вернуть въ него ушедшія. Богатое анекдотическими воспоминаніями управленіе министерствомъ юстиціи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ мало-по-малу заставило многихъ полезныхъ дѣятелей покинуть это министерство. Значительная ихъ часть перешла въ вѣдомство, въ которомъ, не смотря на его спеціальный характеръ, раньше всѣхъ пробудилась жизнь, вызванная разгромомъ крымской войны. Они пріютились подъ крыломъ великаго князя Константина Николаевича, въ морскомъ министерствѣ. Учрежденіе судебныхъ установленій гарантировало этихъ отщепенцевъ отъ случайныхъ настроеній начальства и отъ любимыхъ графомъ Панинымъ внезапныхъ служебныхъ перемѣщеній «отъ финскихъ хладныхъ скалъ» въ «пламенную Колхиду» и наоборотъ, а новые штаты давали возможность жить въ скромномъ довольствѣ. Поэтому Замятнинъ настаивалъ на удержаніи проектированныхъ коммиссіею окладовъ. Онъ не безъ основанія боялся, что

лучшіе изъ тѣхъ, кого застанетъ въ судебномъ вѣдомствѣ реформа, при условіи сохраненія старыхъ, скудныхъ окладовъ уйдутъ въ присяжные повѣренные. Необходимость увеличить содержаніе была, по мнѣнію Замятнина, такъ настоятельна, что если, какъ писалъ онъ, по какимъ-либо соображеніямъ признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и отмѣнить прибавки, *то лучше отказаться отъ судебной реформы,* лучше остановиться приведеніемъ ея въ исполненіе, чѣмъ съ самаго начала дать ей ложное направленіе, поставить ее въ невыгодныя условія и отказаться отъ тѣхъ благихъ послѣдствій, которыхъ по справедливости можно ожидать отъ предначертанныхъ Уставовъ. Его крайне озабочивала необходимость поддержанія и соблюденія равновѣсія между судебнымъ условіемъ и нарождавшеюся адвокатурою. «Если оклады содержанія будутъ уменьшены—заявлялъ онъ,—то равновѣсіе это нарушится, бо̀льшая часть даровитыхъ и знающихъ личностей поступитъ въ присяжные повѣренные; конечно, такимъ образомъ у насъ весьма скоро образуется обширное сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и станетъ сильнымъ, *но сильнымъ насчетъ судебнаго сословія и въ ущербъ ему.* Судебное вѣдомство будетъ обезсилено переходами лучшихъ своихъ представителей въ другія вѣдомства и въ присяжные повѣренные. При ежедневныхъ столкновеніяхъ въ судебныхъ преніяхъ по дѣламъ, часто сопряженнымъ съ весьма важными государственными интересами, судебное вѣдомство вынуждено будетъ противопоставлять присяжнымъ повѣреннымъ не только не вполнѣ опытныхъ, но иногда и бездарныхъ представителей». Даже въ самой несмѣняемости судей видѣлъ онъ опасность, если съ нею не будетъ соединено нѣкоторое обезпеченіе матеріальнаго положенія судьи. «Если судебное вѣдомство—заключаетъ онъ свои соображенія, представленныя государственному совѣту,—не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ лучшихъ мѣстъ».

Отъ назначеній зависѣлъ успѣхъ дѣла, прочность его постановки и его, такъ сказать, репутація. Трудность выбора, требовавшаго большого «respice finem», усиливалась еще и тѣмъ, что для назначенія на живыя, требующія самодѣятельности и въ то же время отвѣтственныя должности по судебному вѣдомству нельзя было установить общихъ, ко всѣмъ примѣнимыхъ нормъ. Въ рядѣ

должностей по казеннымъ управленіямъ, напримѣръ, требовались лишь честность и трудолюбіе, да простая житейская уживчивость; остальное опредѣлялось буквою закона, инструкціями и уставами. Для вновь создаваемыхъ должностей этого было мало—съ этимъ однимъ было опасно пускаться въ путь. Въ отправленіе ихъ вносился элементъ способности, солидарности взглядовъ, свободно и безъ предварительныхъ указаній осуществляемой, и заботливой преданности къ общему дѣлу. Именно—*общему дѣлу*. Говорить о солидарности въ общемъ дѣлѣ взысканія недоимокъ или отдачи въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей было бы нѣсколько странно—говорить объ общемъ дѣлѣ отправленія правосудія было не только вполнѣ понятно, но и необходимо. Нужно было призвать на новое поприще не *чиновниковъ*, а *дѣятелей*... Личность, со всѣми своими нравственными и духовными особеностями, стояла при этомъ выборѣ на первомъ планѣ. А личность нельзя втиснуть въ точно опредѣленныя рамки—она выходитъ изъ нихъ и за нихъ. Если бы для живого дѣла, отражающаго на себѣ самыя многоразличныя явленія жизни, установить исполнителей «общеутвержденнаго образца», такіе исполнители внесли бы въ жизнь дыханіе смерти. Общія условія, которымъ долженъ былъ удовлетворять новый судебный дѣятель, во всякомъ случаѣ сводились къ тому, что онъ долженъ *знать* дѣло—для самаго дѣла, умѣть *дерзать*, не ожидая указаній и наставленій, а развивая свою дѣятельность съ сознаніемъ несомой отвѣтственности,—и наконецъ, обладать *тактомъ* для упроченія тѣхъ началъ, которымъ онъ служитъ,—не говоря уже о нравственной безупречности и трудолюбіи. И эти свойства требовались не отъ отдѣльныхъ единицъ, каковыми и при старомъ порядкѣ являлись люди въ родѣ Пущина, «освятившаго»—по словамъ Пушкина—избранный имъ «санъ» надворнаго судьи, Ивана Аксакова, Ровинскаго и др., а отъ массы «званыхъ и избранныхъ». Министръ Юстиціи, въ вопросѣ выбора на новыя должности, держалъ въ рукахъ высокіе, завидные и вмѣстѣ съ тѣмъ нелегкіе дары и долженъ былъ ихъ передать въ достойныя руки...

Излишне перечислять первыя назначенія. Каждый кому памятно введеніе судебной реформы, кто имѣлъ счастіе участвовать въ открытіи новыхъ судовъ, помнитъ почтенныя имена ихъ главныхъ дѣятелей и произноситъ ихъ съ сердечнымъ чувствомъ. Увы! огромнаго большинства изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ... Но они продолжаютъ жить въ душѣ нынѣ старыхъ судебныхъ дѣятелей тогдашняго молодого суда,—въ душѣ, которая по отношенію къ нимъ «элизіумъ тѣней», какъ выразился Тютчевъ. Явилась обширная и стройная группа судебныхъ дѣятелей, востор-

женно преданныхъ служенію правосудію и новымъ началамъ, обезпечивающимъ послѣднее. И въ этихъ назначеніяхъ, при чемъ Замятнинъ прислушивался къ житейскому опыту и мудрымъ указаніямъ своего товарища Стояновскаго, его *третья заслуга*.

II.

Помочь создать новыя судебныя учрежденія и намѣтить достойный ихъ личный персоналъ—еще не значило сдѣлать все нужное для осуществленія реформы. Необходимо было найти и приличныя для нихъ, могущія быть удобно приспособленными зданія. Исторія такихъ зданій на Западѣ представляетъ иногда поучительныя странички, особенно во Франціи, Англіи и Бельгіи. Поэтому мы позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе отъ главнаго предмета нашего очерка, чтобы показать какими воспоминаніями можетъ быть богата такая исторія.

Съ различныхъ точекъ зрѣнія можно смотрѣть на всякое выдающееся зданіе, особливо если оно предназначено служить осуществленію той или другой общественной потребности. Можно подходить къ нему съ требованіями практической техники и цѣлесообразности; можно искать въ немъ эстетическаго, художественнаго удовлетворенія—и съ этой точки зрѣнія вслушиваться въ эту «музыку камней». Можно искать въ немъ выраженія идеи, проникавшей и строителя, и общественную среду, выраженіемъ настроенія которой онъ явился. Въ этомъ отношеніи стоитъ вспомнить вліяніе религіознаго міросозерцанія на архитектуру храмовъ, вспомнить то, какъ идеи объ отношеніи къ Божеству и вліяніе природы на мистическія воззрѣнія человѣка отражались на постройкѣ зданій для культа. «Греческая религія низводила Олимпъ на землю,—христіано-германская поднимала землю до небесъ, говоритъ Шерръ;—греческій храмъ любовно льнулъ къ землѣ, германскій устремлялся своими острыми сводами на небо, словно окаменѣвшее стремленіе въ высь, а башни его возвышались въ воздухѣ, будто каменные лучи благоговѣнія». Наконецъ можно искать въ такихъ зданіяхъ историческихъ воспоминаній, искать мертваго глагола изъ давно прошедшаго времени. Въ этомъ именно смыслѣ называетъ Викторъ Гюго общественныя зданія и храмы «каменными страницами исторіи». Ихъ можно бы, пожалуй, назвать и путевыми столбами по дорогѣ человѣческой культуры и развитія. Достаточно сравнить хотя бы нашъ старинный острогъ, обнесенный частоколомъ, мрачный, грязный и пропитанный міазмами, съ домомъ предваритель-

наго заключенія или со срочною тюрьмою въ Петербургѣ,—или сопоставить зданіе московскихъ судебныхъ мѣстъ съ помѣщеніемъ старой управы благочинія или уголовной палаты, съ ихъ знаменитымъ, по арестантскимъ пѣснямъ, «губернскимъ калидоромъ»—чтобы увидѣть, какъ далеко шагнули, даже въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ, за послѣднія 30 лѣтъ и тюрьмы, и судъ. То же можно сказать о больницахъ, школахъ.

Желаніе вглядѣться въ эти «каменныя страницы исторіи» давно вызываетъ особыя изслѣдованія. Нѣкоторыя изъ нихъ посвящаются и зданіямъ судебныхъ мѣстъ, затрогивая кстати и ихъ внутреннюю жизнь. Есть обстоятельныя историко-бытовыя описанія Вестминстера и судовъ, въ немъ помѣщенныхъ; появились такія же описанія Palais de Justice въ Парижѣ. Еще въ концѣ 70-хъ годовъ совѣтникъ апелляціоннаго суда въ Парижѣ Charles Desmazes (авторъ замѣчательной исторіи судебной медицины во Франціи) издалъ рядъ сочиненій, въ которыхъ говоритъ объ исторіи Palais de Justice («La magistrature française», «Le baillage du Palais», «La Sainte Chapelle»), а въ началѣ девяностыхъ годовъ вышелъ объемистый, роскошно изданный томъ—«Le Palais de Justice. Son monde et ses moeurs».

Достовѣрная исторія парижскаго Palais de Justice восходитъ къ самому началу среднихъ вѣковъ. Можно бы сказать, что она еще древнѣе, такъ какъ при раскопкахъ на мѣстѣ найденныхъ старыхъ построекъ были находимы монеты и медали римскихъ императоровъ, отъ Августа до Константина, что даетъ поводъ предполагать нахожденіе въ этомъ мѣстѣ дворца проконсула Галліи, такъ что сохранившіеся донынѣ въ Парижѣ остатки Термъ, быть можетъ, составляли лишь одну изъ отдѣльно выстроенныхъ принадлежностей этого дворца. Въ этомъ отношеніи, несмотря на многія изслѣдованія, ничего однако опредѣленнаго не выяснено и мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ стараго Парижа о томъ, что теперешняя «Святая Часовня» (La Sainte Chapelle) построена на мѣстѣ, гдѣ стоялъ когда-то храмъ Меркурія, не находитъ себѣ фактическаго подтвержденія. Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что въ этомъ самомъ мѣстѣ, на островкѣ между рукавами Сены, обитали уже короли изъ династіи Меровинговъ. У Григорія Турскаго есть описаніе роскошныхъ, по тогдашнему времени, лавокъ и торговыхъ помѣщеній, обрамлявшихъ улицу, которая вела къ нынѣшнему входу въ Palais de Justice съ той стороны, гдѣ потомъ былъ воздвигнутъ соборъ Парижской Богоматери.

При Каролингахъ дворцовыя помѣщенія Меровинговъ были заброшены, и въ эту смутную и тревожную эпоху пришли въ за-

пустѣніе; но Капетинги снова прочно осѣли въ этомъ мѣстѣ, сдѣлавъ изъ него свою резиденцію. Съ тѣхъ поръ постройки, получившія названіе le Nouveau Palais, были возобновлены и расширены, сдѣлавшись надолго любимымъ мѣстопребываніемъ королей. Но старый французскій король былъ живымъ носителемъ правосудія. Онъ творилъ судъ и правду всюду, гдѣ пребывалъ. Поэтому le Nouveau Palais дѣлается постояннымъ мѣстомъ отправленія правосудія. Въ немъ живетъ король, и сначала онъ самъ лично, а потомъ, тутъ же, подъ его надзоромъ, возлѣ него, довѣренныя имъ лица—творятъ судъ. При Людовикѣ Святомъ, въ 1248 г., Palais пріобрѣтаетъ свое лучшее украшеніе, представляющее одну изъ величайшихъ драгоцѣнностей чистѣйшей готической архитектуры—la Sainte Chapelle. Эта часовня, по мысли святого короля, была предназначена составлять собою нѣчто вродѣ огромнаго каменнаго ковчега для храненія въ немъ сокровишницы съ терновымъ вѣнцомъ Спасителя, который былъ поднесенъ французскому королю Балдуиномъ II, королемъ Кипра и Іерусалима, въ возмѣщеніе уплаченныхъ за него венеціанцамъ долговъ. Филиппъ Красивый расширилъ постройки дворца и устроилъ знаменитую большую залу громадныхъ размѣровъ съ огромнымъ мраморнымъ столомъ въ одномъ изъ ея концовъ, на которомъ совершались впослѣдствіи различныя торжества.

По мѣрѣ развитія значенія и вліянія парижскаго парламента, тоже имѣвшаго свое пребываніе въ зданіяхъ, совокупность которыхъ называлась le Palais, короли начали тяготиться этимъ сосѣдствомъ и стали уединяться во дворцы, построенные ими исключительно для ихъ собственнаго пребыванія. Поэтому, съ конца XIV вѣка, короли уже рѣдко, и то лишь временно, живутъ въ Palais. Послѣдній король, проживпій тамъ довольно долго, былъ Францискъ I, предъ походомъ въ Италію; послѣднее семейное торжество королевскаго дома, отпразднованное въ Palais, была свадьба Франциска II съ Маріей Стюартъ. Затѣмъ парламентъ сдѣлался единственнымъ и могущественнымъ обладателемъ всего Palais, заведя и расширивъ въ немъ свое собственное, весьма разнообразное и оригинальное хозяйство. Цѣлый маленькій городокъ выросъ вокругъ и между старыми зданіями Palais. Магазины, которымъ удивлялся Григорій Турскій, постепенно вторглись внутрь ограды и завладѣли, за исключеніемъ нѣсколькихъ площадокъ, всѣми остававшимися свободными мѣстами. Тутъ же помѣстились и различные поставщики для парламента, который имѣлъ своихъ каретниковъ, слесарей, столяровъ, маляровъ и т. п. Между ними находился и поставщикъ свѣжей травы, такъ какъ, по старому обы-

чаю, съ весны до осени полъ помѣщеній парламента долженъ былъ быть усыпанъ свѣжей травой. Судебная власть, принадлежавшая парламенту, вызвала иное чѣмъ прежде назначеніе для нѣкоторыхъ изъ дворцовыхъ построекъ: такимъ образомъ, одна изъ башень сдѣлалась тюрьмою для важныхъ государственныхъ преступниковъ, а старыя дворцовыя кухни были обращены въ мѣсто содержанія обвиняемыхъ, число которыхъ иногда было очень велико. Нижняя площадка лѣстницы дворца, со стороны Notre-Dame de Paris, сдѣлалась мѣстомъ клейменія осужденныхъ преступниковъ и истребленія разнообразныхъ и многочисленныхъ еретическихъ и зловредныхъ сочиненій, осужденныхъ парламентомъ на сожженіе рукою палача. Судебная, законодательная и торговая жизнь кипѣли внутри ограды, построенной старыми французскими королями. Къ теченію этой жизни по временамъ примѣшивалась дѣятельность своеобразной корпораціи судейскихъ клерковъ, носившей названіе la Basoche. Учрежденная въ 1303 году, эта корпорація присвоила себѣ особыя права и власть, съ которыми приходилось считаться даже самому парламенту. Les basochiens представляли пестрое сборище, связанное оригинальнымъ регламентомъ, издававшее свои эдикты, избиравшее своего короля и оказывавшее иногда на нѣкоторые вопросы внутренняго и судебнаго управленія чувствительное вліяніе. Излюбленное дѣтище парижанъ, эта корпорація, несмотря на разныя стѣснительныя противъ нея мѣры, принимаемыя королями и парламентомъ, просуществовала до самой революціи. Въ первое воскресенье каждаго мая она, становясь полнымъ хозяиномъ Palais de Justice, сажала на майскомъ дворѣ традиціонное деревцо, выкопанное въ лѣсу Бонди, и давала въ большой залѣ, на мраморномъ столѣ, представленіе, во время котораго въ юмористической формѣ изображались и осмѣивались дѣйствія парламента, а иногда и короля.

Съ 1618 года Palais de Justice сталъ опустошаться частыми пожарами, среди которыхъ погибла большая зала и былъ раздробленъ въ куски знаменитый мраморный столъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка начались внутреннія перестройки въ Palais de Justice и освобожденіе его отъ постороннихъ дѣлу юстиціи и законодательства наростовъ. Предпринятыя по плану архитектора Демезона перестройки заставили изгнать торжниковъ изъ храма правосудія, и Palais de Justice былъ освобожденъ отъ многочисленныхъ магазиновъ, прогулка среди которыхъ въ опредѣленные часы составляла одно изъ модныхъ удовольствій тогдашней знати. Были пощажены однѣ лишь книжныя лавки, просуществовавшія до 1835 года.

Революція пощадила зданіе Palais de Justice и ни въ чемъ не коснулась его устройства, замѣнивши лишь въ пріемной залѣ для публики бюстъ Людовика XV бюстомъ Марата. Иначе, однако, отнеслась она къ несравненному памятнику готики, заключенному въ стѣнахъ Palais de Justice. La Sainte Chapelle была объявлена національною собственностью и назначена въ продажу. За неявкою покупателей, директорія устроила въ ней складъ муки, а консульство приказало помѣстить въ ней старые судебные архивы, причемъ для того, чтобы было виднѣе внутри, были сняты въ окнахъ и пропали затѣмъ нижніе ряды драгоцѣннѣйшихъ расписныхъ стеколъ XIII вѣка. Въ 1835 г., по проекту архитектора Гюо, была предпринята коренная перестройка и реставрація Palais de Justice. Смѣта была исчислена въ 3.600,000 франковъ; но когда было приступлено къ колоссальнымъ работамъ сломки и сноса всѣхъ мелкихъ зданій и частныхъ построекъ, облѣплявшихъ Palais de Justice изнутри и снаружи, какъ грибы могучее дерево,—тогда эту смѣту постигла обычная участь почти всѣхъ предварительныхъ смѣтъ, и въ 1870 году, когда подъ руководствомъ знаменитаго Віолье ле-Дюка завершилась реставрація всего зданія, расходъ составлялъ уже 35.000,000 франковъ. При этихъ работахъ пришлось расширить и дать другое направленіе улицамъ Іерусалимской и Назаретской и для этого пожертвовать домами, въ которыхъ родились Буало и Вольтеръ. Новому суду, очищающемуся даже отъ внѣшнихъ остатковъ стараго порядка, пришлось принести въ жертву мѣсто рожденія того, кто такъ горячо, съ такою ѣдкою логикою и убійственною ироніею наносилъ отживавшимъ судебнымъ порядкамъ могущественные и разрушительные удары. Но вслѣдъ за обновленіемъ, зданіе Palais de Justice постигло новое несчастіе: его задѣли въ 1871 году предсмертныя конвульсіи коммуны, и безумно-лаконическій приказъ ея прокурора Рауля Риго: «Faites flamber Finances!» былъ распространенъ и на Palais de Justice. Значительная часть его и въ особенности обширная и прекрасная Salle des pas perdus обратились въ обгорѣлыя развалины. Пришлось начать постройку снова и только недавно она доведена до полнаго конца.

Бѣглый обзоръ современныхъ помѣщеній Palais de Justice тотчасъ-же указываетъ, что это мѣсто имѣетъ старую и громкую исторію. Эта исторія не заслоняется новѣйшими перестройками и приспособленіями, она смотритъ изо всѣхъ угловъ и заявляетъ о себѣ на каждомъ шагу старинными произведеніями искусства и то грозными, то трогательными воспоминаніями. Когда начинается дѣловой день въ Palais de Justice, судебный приставъ провозгла-

шаетъ, вмѣсто нашего: «Судъ идетъ! приглашаю встать» — «Le tribunal, messieurs, chapeaux bas!» Одинъ изъ изслѣдователей французской судебной старины говоритъ, что посѣтителю, вступающему впервые въ зданіе Palais de Justice можно сказать, подражая этому возгласу: «L'histoire, monsieur, chapeau bas!» Да, можно сказать— и съ полнымъ основаніемъ...

Современный Palais de Justice имѣетъ два входа: одинъ подъ красивымъ портикомъ со стороны Place Dofine, другой со стороны Boulevard du Palais, съ превосходною темною чугунною рѣшеткою, увѣнчанной роскошными золотыми украшеніями. Войдя въ него и поднявшись по старой парламентской лѣстницѣ, посѣтитель попадаетъ въ огромную Salle des pas perdus, цѣлый день наполненную пестрою, озабоченною и дѣловитою толпой, среди которой выдѣляются адвокаты своимъ своеобразнымъ чернымъ костюмомъ. Въ этой залѣ стоятъ двѣ статуи—Малерба и Беррье. Мужественный, самоотверженный и краснорѣчивый защитникъ Людовика XVI изваянъ въ томъ возрастѣ, когда, послѣ долгой судебной службы, несмотря на свои семьдесять лѣтъ, онъ, презирая опасность, явился «faire son héroique debut au barreau» въ защиту подсудимаго Людовика Капета. Статуя Беррье полна жизни и движенія. Опершись лѣвой рукой на рѣшетку, прижимая правую къ сердцу и приподнявъ изящную голову съ благороднымъ и одушевленнымъ лицомъ, великій ораторъ говоритъ одну изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ не знаешь чему больше удивляться: глубинѣ-ли содержанія, красотѣ-ли формы. Тутъ же, въ одномъ изъ угловъ Salle des pas perdus, есть живое напоминаніе о гораздо болѣе отдаленныхъ временахъ. Небольшая витая лѣстница ведетъ въ старинную залу Людовика XI, отъ тяжелыхъ сводовъ и переплетающихся аркадъ которой, теряющихся въ таинственномъ полусвѣтѣ, такъ и вѣетъ XIII вѣкомъ. Вообще искусство сильно и достойно представлено въ Palais de Justice. Такъ, галерея, ведущая въ кассаціонный судъ, называемая галереей Людовика Святого, отдѣлана во вкусѣ XIII столѣтія и ея росписныя окна проливаютъ разнородный свѣтъ на раскрашенную статую короля, изображеннаго творящимъ судъ подъ сѣнью дуба; а въ роскошной залѣ этого суда находится огромная аллегорическая картина извѣстнаго Поля Бодри «Прославленіе закона». Въ преддверіи залы суда присяжныхъ поставлены мраморные бюсты законодателей—Карла Великаго, Людовика Святого, Филиппа-Августа и Наполеона I. Въ самомъ залѣ, украшенномъ рѣзьбою по дереву и дорогой лѣпною работою, на потолкѣ, кистью Бонна изображена Юстиція между Преступленіемъ и Невинностью, а за кресломъ предсѣдателя помѣщается большое

Распятіе, нарисованное тѣмъ же художникомъ. Но наибольшую художественную драгоцѣнность Palais de Justice составляетъ старинная картина, находящаяся за кресломъ предсѣдателя въ залѣ апелляціоннаго суда и называемая: Le retable du Palais de Justice. Она была заказана Людовикомъ XI въ 1476 г. и приписывается Ванъ-Дейку или Мемлингу, основателямъ голландской школы· По бокамъ изображеннаго на ней Распятія нарисованы: Богоматерь, св. Анна, Іоаннъ Креститель, св. Людовикъ—слѣва, и св. Діонисій, Карлъ Великій, Іоаннъ Богословъ—справа; сзади нихъ пейзажъ изображаетъ Іерусалимъ, Лувръ въ концѣ XV вѣка и Palais de Justice того же времени. Съ этой картины исторія заглядываетъ въ современность и сливается съ нею въ томъ, что осталось неизмѣннымъ.

Едва-ли нужно описывать удобство и цѣлесообразность настоящихъ помѣщеній для судовъ разныхъ наименованій, заключающихся въ Palais de Justice, вмѣстѣ съ различными другими служебными помѣщеніями, библіотеками, комнатами совѣщаній и т. п. Почтительное уваженіе, которымъ во Франціи всегда и при всякомъ образѣ правленія было окружено отправленіе правосудія, сказывается здѣсь воочію. Можно только выразить нѣкоторое сомнѣніе въ томъ—находится ли излишекъ позолоты и лѣпныхъ украшеній въ соотвѣтствіи съ строгою, внушительною простотою, которою должна отличаться внѣшняя обстановка суда?

Обходя зданіе Palais de Justice вокругъ, выйдя противъ Notre-Dame, на берегу Сены приходится встрѣтить старинную башню, la tour de l'Horloge, построенную Людовикомъ Святымъ. На ней находятся первые общественные часы Парижа, устроенные Филиппомъ Красивымъ и реставрированные Генрихомъ III, увѣнчавшимъ ихъ французскимъ и польскимъ гербами. Милосердіе и и Юстиція поддерживаютъ циферблатъ, подъ которымъ сдѣлана подпись: «Machina quae bis sex tam juste dividit horas, Justitiam servare monet legesque tueri» Далѣе, по берегу Сены идутъ: la tour de César и la tour d'Argent, а между ними, въ фасадѣ старинаго трехъ-этажнаго зданія, открывается входъ въ знаменитую Консьержери. Внутри эта тюрьма представляетъ собою двѣ части: старую и новую, причемъ новая, т. е. рядъ одиночныхъ келій, построенныхъ по новѣйшей системѣ, постепенно и неотвратимо поглощаетъ старую часть, переполненную историческими воспоминаніями. И какими трагическими воспоминаніями! Вступая въ уцѣлѣвшую, хотя и очень видоизмѣненную часть старой Консьержери, невольно хочется сказать съ поэтомъ:

«О сколько здѣсь надеждъ разбитыхъ
И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
И темныхъ пронеслося дѣлъ!..»

Новая тюрьма поглотила уже кельи, въ которыхъ содержались жирондисты и Дантонъ; лишь въ женскомъ отдѣленіи ея сохранились комнаты, гдѣ были заключены m-me Elisabeth и Шарлота Корде. Церковь взяла подъ свою защиту келью многострадальной Маріи-Антуанеты, но въ ней почти ничего не осталось, напоминающаго несчастную дочь Маріи-Терезіи, кромѣ маленькаго Распятія, помѣщеннаго надъ окномъ. Въ комнатѣ этой устроена въ настоящее время скромная часовня, стѣны которой пришлось выкрасить темной масляной краской, во избѣжаніе тѣхъ надписей, которыми туристы хотятъ связать свои ничтожныя имена съ мѣстами, гдѣ разыгрывались историческія событія. Пришлось унести изъ этой комнаты и кресло королевы, чтобы спасти его остатки отъ тѣхъ же туристовъ, безсмысленно вырѣзавшихъ изъ него кусочки себѣ на память. По многознаменательной ироніи судьбы, рядомъ съ комнатою Маріи-Антуанеты, находится келья Робеспьера, гдѣ онъ содержался въ короткій промежутокъ между тою казнью, которой ему не удалось себя подвергнуть самому, и тою, которую произвела такъ недавно еще столь послушная ему гильотина. Тутъ же рядомъ большая комната, тоже обращенная въ часовню, гдѣ содержались жирондисты въ ночь предъ казнью, съ 29 на 30 октября 1793 года. Изъ нея выходъ во дворъ, на которомъ собирались приговоренные революціоннымъ трибуналомъ предъ отправленіемъ на эшафотъ и гдѣ были соединены въ послѣдній разъ вмѣстѣ жирондисты. Въ послѣднее время этому двору, бывшему свидѣтелемъ предсмертныхъ прощаній многихъ замѣчательныхъ людей, выпала совсѣмъ иная роль: на немъ содержались извощики, приговоренные, за грубое обращеніе съ сѣдоками, къ аресту на двадцать-четыре часа...

Консьержери сообщается съ одной стороны съ мѣстомъ временнаго содержанія арестованныхъ въ департаментѣ Сены преступниковъ, называемомъ *депо*, въ которомъ помѣщается особое учрежденіе—le petit parquet, устроенное для первоначальнаго изслѣдованія и сортировки преступленій по подсудности, а также помѣщеніе Service antropométrique, распадающееся на Service d'identification, d'antropométrie et photographie judiciaires. Низкій и мрачный корридоръ, сдавленный тяжелыми сводами, ведетъ изъ депо въ помѣщеніе судовъ и въ маленькую временную тюрьму, куда переводятся обвиняемые къ часу разбирательства ихъ дѣла, носящую характеристическое названіе мышеловки, la souricière.

Таково зданіе Palais de Justice и его краткая исторія.

Въ этихъ стѣнахъ прошла и проходитъ долгая и содержательная исторія французской магистратуры; здѣсь дѣйствовали виднѣйшіе ея представители. Имена Дагессо, Малерба, Туре́, Бонжана невольно приходятъ на память, когда находишься въ зданіи, гдѣ протекла ихъ обильная трудомъ, знаніемъ и живымъ чувствомъ долга жизнь. Эти люди, такъ сказать, срослись со своимъ дѣломъ и не покидали его, несмотря ни на что. Давая гордый отвѣтъ: «la cour rend des arrets et pas des services...», они умѣли являться стойкими стражами и слугами тѣхъ учрежденій, которымъ отдана была ихъ глубокая мысль и краснорѣчивое слово. Они служили этимъ учрежденіямъ до конца, — нерѣдко вопреки чувству самосохраненія. Достаточно припомнить президента кассаціоннаго суда Бонжана, этого premier magistrat de France, который отказался удалиться въ Версаль, когда, въ маѣ 1871 г., вспыхнуло возстаніе коммуны, и остался на своемъ посту, покуда не былъ взятъ коммунарами въ качествѣ заложника и разстрѣлянъ при наступленіи на Парижъ правительственныхъ войскъ.

Французская магистратура, хотя и не замкнутая, но тѣсно сплоченная, сложилась вѣками и не имѣла ничего подобнаго себѣ въ остальной Европѣ. «En Europe il y avait des juges, en France seulement il y avait des magistrats», говоритъ Фюстель де-Куланжъ. Судейское званіе составляло не должность, а нравственное наслѣдіе послѣдовательныхъ поколѣній французской магистратуры. Оно переходило отъ отца къ сыну и связывало общими традиціями, преданіями и сознаніемъ своего общественнаго достоинства прадѣда съ правнукомъ. На ряду съ родовымъ дворянствомъ возникло и развилось другое, имѣвшее свою исторію и свои завѣты. Noblesse de robe считало въ своихъ рядахъ семьи, почти всѣ члены которыхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, посвящали себя судебной службѣ. Одна фамилія Мопу дала, съ 1626 года, судебному сословію пятьдесятъ человѣкъ судей разныхъ наименованій.

Несмотря на всѣ политическія перемѣны, судебное сословіе во Франціи и до сихъ поръ представляетъ нѣчто цѣльное, устойчивое и авторитетное. Поэтому и ежегодное начало своей обычной дѣятельности послѣ лѣтняго отдыха оно обставляетъ особою торжественностью. Предъ открытіемъ осеннихъ засѣданій члены всѣхъ судовъ, отправляющихъ правосудіе въ Palais de Justise, прокурорскій надзоръ и адвокатура идутъ церемоніально, въ своихъ красныхъ (у членовъ кассаціоннаго суда—съ горностаемъ) и черныхъ мантіяхъ и шапкахъ (беретахъ) въ «святую часовню». Архіепископъ парижскій служитъ обѣдню, la messe rouge,

подъ пѣніе изысканнаго хора и музыку органа и даетъ свое благословленіе на наступающій судебный годъ. Въ томъ-же торжественномъ, іерархическомъ порядкѣ, со старшими по званію судьями впереди, шествіе направляется въ залу кассаціоннаго суда, гдѣ, въ присутствіи «хранителя печати» (министра юстиціи), открывается особое засѣданіе, l'audience solenelle de rentrée. Президентъ кассаціоннаго суда предоставляетъ слово оберъ-прокурору, а тотъ проситъ разрѣшенія передать его прокурору палаты (Avocat général), который и говоритъ обыкновенно рѣчь о комъ-нибудь изъ славныхъ предшественниковъ нынѣшнихъ судей, поминаетъ въ краткомъ некрологѣ умершихъ за годъ членовъ судебной корпораціи и оканчиваетъ бѣглымъ обзоромъ дѣятельности судовъ и адвокатуры. При этомъ кресла умершихъ за годъ членовъ кассаціоннаго суда остаются незанятыми: трогательный обычай заставляетъ считать ихъ еще нѣкоторое время присутствующими среди товарищей и дѣлящими ихъ постоянный трудъ и рѣдкія радости... Засѣданіе оканчивается присягою членовъ совѣта адвокатовъ, грандіозная зала пустѣетъ—и ежедневная рабочая жизнь Palais de Justice вступаетъ въ свои права.

Исторія нашихъ судебныхъ мѣстъ въ столицахъ не представляетъ подобія только-что разсказанной. Она отрывочнѣе, короче, блѣднѣе. Отъ допетровскихъ приказовъ не осталось и слѣда; ничего достопамятнаго не представляютъ и зданія присутственныхъ мѣстъ стараго устройства. Въ Петербургѣ красивое, хотя и неудобное по внутреннему расположенію зданіе присутственныхъ мѣстъ на Адмиралтейской площади съ половины семидесятыхъ годовъ отдано подъ помѣщеніе квартиры и управленія градоначальника, а въ Москвѣ безобразное, тяжелой безвкусной архитектуры такое-же зданіе у Воскресенскихъ воротъ, при которомъ одно время помѣщалась и долговая тюрьма, называемая въ просторѣчіи «ямою», сломано и на его мѣстѣ красуется, выдержанное въ старомъ русскомъ стилѣ, зданіе думы. Притомъ въ этихъ зданіяхъ помѣщались не однѣ судебныя мѣста. Поэтому исторія судебныхъ зданій начинается у насъ собственно со введеніемъ судебной реформы въ 1866 году. Нѣкоторые изъ современниковъ еще помнятъ, какъ эти зданія получили свое настоящее назначеніе, какъ зародилась въ нихъ внутренняя судебная жизнь, молчаливыми свидѣтелями которой сдѣлались эти старыя стѣны.

Вопросъ о помѣщеніи для новыхъ судовъ (Судебной Палаты и Окружного Суда) въ Москвѣ разрѣшился безъ особыхъ затрудненій. Громадное, величественное сенатское зданіе, возвышающееся въ Кремлѣ и смотрящее чрезъ его зубчатыя стѣны на Красную площадь, заключало въ себѣ VI, VII и VIII-й департа-

менты Сената и давало пріютъ нѣсколькимъ учрежденіямъ придворно-хозяйственнаго характера. Но старые судебные департаменты Сената были обречены на постепенное и притомъ довольно скорое упраздненіе. Ихъ права, въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій, должны были перейти къ кассаціоннымъ департаментамъ; ихъ функціи, какъ высшей апелляціонной инстанціи—къ Судебнымъ Палатамъ. Прежнее право ревизіи приговоровъ высшихъ судебныхъ мѣстъ умирало и вмѣсто него являлась невѣдомая дотолѣ, чуждая нашему законодательству кассація. Чѣмъ шире разливалась судебная реформа по Руси, тѣмъ слабѣе становилось біеніе самого сердца стараго судебнаго строя—судебныхъ департаментовъ Сената, тѣмъ болѣе съуживался районъ, въ которомъ чувствалось это біеніе. Поэтому именно въ этомъ зданіи, какъ законные и полные жизни наслѣдники, и должны были помѣститься новые суды, тѣмъ болѣе, что придворное вѣдомство охотно очищало занимаемыя имъ въ немъ помѣщенія.

Московское сенатское зданіе было выстроено по чертежамъ архитектора Козакова, человѣка чрезвычайно талантливаго. Оно было заложено 7-го іюня 1776 года, именно съ цѣлью помѣстить въ немъ Сенатъ, который ютился до тѣхъ поръ въ особомъ отдѣленіи Потѣшнаго дворца. Постройка обошлась въ 760 т. р. с., какъ видно изъ мраморныхъ досокъ, поставленныхъ по бокамъ входныхъ воротъ и изготовленныхъ въ 1790 году «человѣкомъ цесарской націи» Іоганомъ Лиме. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о ходѣ работъ по сооруженію этого зданія, соединяющаго монументальное величіе съ изяществомъ, болѣе не существуетъ. Документы, заключавшіе ихъ, сгорѣли во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Достовѣрно, однако, что для постройки сенатскаго зданія были снесены многія строенія, хранившія на себѣ слѣды сѣдой старины. Еще въ началѣ XVIII вѣка на мѣстѣ, надъ которымъ теперь гордо высится легкій и смѣлый куполъ знаменитой круглой залы или ротонды, находились: конюшенный дворъ Чудова монастыря, церковь Космы и Даміана, церковь св. Петра митрополита, сооруженная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, дома бояръ князей Трубецкихъ и Родіона Стрѣшнева и, наконецъ, подворье Симонова монастыря, на которомъ «ставили» пріѣзжихъ лицъ духовнаго званія, которымъ приходилось видѣться съ царемъ. На этомъ подворьѣ былъ въ теченіе нѣкотораго времени поставленъ и знаменитый протопопъ Аввакумъ, возвращенный изъ первой своей ссылки. Онъ самъ повѣствуетъ присущимъ ему яркимъ, своеобразнымъ языкомъ, въ своемъ «житіи» объ этомъ краткомъ періодѣ возвращенія къ нему милости тишайшаго царя. — «Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить

велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово-ли де протопопъ живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ...» И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ». Онъже миленькой вздохнулъ да и пошелъ куда ему надобѣ; и иное кое-что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ, и въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тогда и вси бояра послѣ него—челомъ да челомъ...»

Главнымъ украшеніемъ сенатскаго зданія служитъ, безъ сомнѣнія, круглая зала, съ двойнымъ кольцомъ оконъ и величественнымъ, гармонически сведеннымъ, смѣлымъ куполомъ. Преданіе говоритъ, что куполъ этотъ, при его окончаніи, возбуждалъ тревожныя сомнѣнія въ помощникахъ Козакова. Но увѣренный въ себѣ, преданный дѣлу и знающій его, строитель приказалъ наложить на вершину купола (гдѣ затѣмъ была помѣщена бронзовая статуя Георгія Побѣдоносца, а нынѣ стоитъ традиціонное изображеніе закона) особую тяжесть и, ставъ на нее, велѣлъ отнять лѣса, подпиравшіе сводъ... Внутренность залы, съ ея рядомъ изящныхъ колоннъ коринѳскаго ордена, съ горельефами, изображающими важнѣйшія событія изъ царствованія Екатерины II, съ бѣлыми лѣпными украшеніями на свѣтло-голубомъ фонѣ производитъ превосходное впечатлѣніе. Чѣмъ-то могучимъ и вмѣстѣ радостнымъ вѣетъ отъ этихъ строгихъ линій и тонкихъ закругленій, залитыхъ свѣтомъ...

Круглой залѣ пришлось, однако, испытать въ свое время тяжелую участь. И съ нею произошло то-же, что съ la Sainte Chapelle въ Парижѣ, только въ роли конвента и директоріи здѣсь выступилъ графъ Аракчеевъ. По его докладу, красивѣйшая зала Москвы была отдана подъ помѣщеніе архива инспекторскаго департамента военнаго министерства. Архивъ этотъ «въѣхалъ» въ залу въ 1819 г. и загромоздилъ ее шкапами и тюками старыхъ дѣлъ. Когда въ 1865 г. вспомнили о томъ, что большая зала могла-бы имѣть другое назначеніе, она оказалась въ самомъ печальномъ видѣ. Сырость пестрила стѣны, покрытыя пылью и плесенью, оконныя рамы разсохлись, многія лѣпныя украшенія были повреждены, во всѣхъ углахъ валялась затканная паутиною масса всякой дряни и рвани, веревокъ, поломанной мебели и т. п.—и однѣ лишь горы слежавшихся и затхлыхъ дѣлъ о прохожденіи безвѣстными дѣятелями ихъ безвѣстной службы возвышались

среди коринѳскихъ колоннъ, заслоняя собою скульптурныя изображенія, напоминавшія «Екатерининскую славу...»

Въ задачу отысканія и приспособленія зданій подъ новые суды въ Москвѣ и Петербургѣ, Замятнинъ вложилъ много любви и труда, онъ образовалъ для Москвы особую коммиссію, которая принялась за коренную чистку, ремонтъ и передѣлку стараго сенатскаго зданія, такъ что ко времени открытія, въ концѣ апрѣля 1866 г. новыхъ судовъ въ Москвѣ, послѣднее представляло уже рядъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ и обширныхъ помѣщеній для размѣщенія Судебной Палаты и Окружного Суда съ принадлежащими къ нимъ учрежденіями. Реставрированная большая зала — или, какъ ее называютъ, ротонда не получила особаго назначенія, но въ ней, по временамъ, разбираются съ присяжными сложныя и многолюдныя, въ смыслѣ свидѣтелей и подсудимыхъ, дѣла.

Гораздо труднѣе было устроить помѣщеніе для судебныхъ мѣстъ въ Петербургѣ. Замятнинъ былъ въ большомъ затрудненіи въ этомъ отношеніи. Надо было не только найти подходящее по объему, мѣсту и расположенію зданіе, но и преодолѣть различныя финансовыя затрудненія. Изъ всеподданнѣйшаго доклада его отъ 7 апрѣля 1866 года видно, что при поискахъ зданія для судебныхъ мѣстъ одно предложеніе смѣняло другое. Думали воспользоваться зданіемъ святѣйшаго Синода, пріискавъ для послѣдняго другое помѣщеніе и помѣстивъ новые суды въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Сенатомъ; предполагали занять часть адмиралтейства; было, наконецъ, предположеніе войти въ соглашеніе съ военнымъ вѣдомствомъ объ уступкѣ Михайловскаго инженернаго замка. Всѣ эти планы оказались неудобоисполнимыми по многимъ причинамъ. Министерство юстиціи остановилось на мысли устроить судебныя мѣста въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Адмиралтейской площади. При ближайшемъ изученіи этого вопроса оказалось, однако, что помѣщеніе здѣсь, тѣсное и неудобное, Окружного Суда и одного лишь департамента Судебной Палаты потребовало бы огромнаго безвозвратнаго расхода. Это было бы убыточно, да и кромѣ того, повидимому, самая мысль водворить новый судъ въ зданіи, съ которымъ у населенія соединялось воспоминаніе и представленіе о Надворномъ судѣ и Уголовной палатѣ, не особенно улыбалось Замятнину, который съ горячею настойчивостью стремился ввести новый *во всѣхъ отношеніяхъ* судъ. Не находя подходящихъ помѣщеній, онъ рѣшился на героическій, въ своемъ родѣ, шагъ. Онъ рѣшился пожертвовать зданіемъ министерства юстиціи и генералъ-прокурорскимъ домомъ, въ которомъ самъ жилъ. Примѣрная смѣта передѣлокъ, однако, вскорѣ убѣдила его, что для приспособленія этихъ зданій и на наемъ помѣщенія для министерства юстиціи по-

требуется громадный расходъ, на который, конечно, не согласится чуждый увлеченіямъ и крѣпко сидѣвшій на казенномъ сундукѣ Министръ Финансовъ, Рейтернъ. Тогда явилась новая комбинація. Военное министерство уступало зданіе стараго арсенала, со всѣми къ нему пристройками, на такихъ условіяхъ, что безвозвратный расходъ составлялъ всего 115 т. р. с. Военный министръ Д. А. Милютинъ, относившійся съ большимъ сочувствіемъ къ реформѣ суда, согласился разсрочить платежъ этой суммы на десять лѣтъ— и со стороны финансоваго вѣдомства возраженій не предвидѣлось. На этомъ Замятнинъ и остановился.

Старый арсеналъ—довольно мрачное зданіе, съ толстыми стѣнами, глубокими амбразурами оконъ и обширными неприютными, подъ сводами, комнатами и залами, отъ которыхъ вѣяло холодомъ, — выстроенъ на мѣстѣ, гдѣ при Петрѣ Великомъ стояли пороховыя мельницы, а затѣмъ былъ устроенъ пушечный дворъ. Постройки Петровскаго времени къ царствованію Екатерины II пришли въ разрушеніе и были разобраны. Образовавшійся пустырь императрица подарила Григорію Орлову, который выстроилъ въ 1775-мъ году на этомъ мѣстѣ арсеналъ, пожертвованный имъ государству и получившій со временемъ названіе *стараго*. Зданіе было освящено въ 1776-мъ году. Тогда же въ главной его залѣ поставлена изваянная въ Римѣ, по заказу князя Потемкина, мраморная статуя императрицы и вдѣлана въ стѣну на лѣстницѣ доска темнаго мрамора съ надписью: «Въ пользу артиллеріи арсеналъ сей соорудилъ собственнымъ иждивеніемъ генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Орловъ, лѣта 1776».

Старый арсеналъ былъ содержимъ въ образцовомъ порядкѣ; военное вѣдомство очистило его очень быстро. Но все-таки перестройка потребовалась громадная и притомъ капитальная. Достаточно замѣтить, что арсеналъ не отапливался, не имѣя печей. Неустанная работа, однако, закипѣла, поощраемая министромъ и руководимая съ большою энергіею и любовью къ дѣлу архитекторомъ Шмидтомъ. Въ немъ судебная реформа нашла *своего* человѣка. Изучивъ устройство судебныхъ мѣстъ на Западѣ, онъ умѣло и скоро преобразилъ все внутреннее расположеніе арсенала, пристроивъ двѣ залы для засѣданій, сдѣлавъ значительныя сбереженія противъ первоначальной смѣты и потребовавъ за планы и за трудъ скромное вознагражденіе всего лишь въ 1900 р. с. Къ веснѣ 1866 г., въ концѣ Литейной улицы, среди группы зданій военнаго характера, съ грознымъ рядомъ старинныхъ пушекъ предъ однимъ изъ нихъ, оказалось зданіе мирнаго, гражданскаго назначенія, готовое принять въ свои нѣдра давно возвѣщенный и жданный новый судъ. Старинныя пушки грозно уставили на него, съ

противоположной стороны улицы, свои жерла, но общій сочувственный интересъ виталъ надъ нимъ. Первое изъ вѣдомствъ, оффиціально признавшее новое назначеніе храмины, сооруженной «въ пользу артиллеріи», было министерство почтъ и телеграфовъ. Управляющій этимъ министерствомъ уже 16 іюля 1865 г. просилъ Замятнина объ уступкѣ въ зданіи будущихъ судебныхъ установленій помѣщенія для учрежденія станціи городского (тогда только-что вводимаго) телеграфа, что было бы «сообразно съ требованіями новой реформы гражданскаго суда» и за что телеграфное управленіе принимало на себя устройство, въ одномъ изъ оконъ, выходящихъ на Литейную, изохроническихъ часовъ съ пулковскимъ регуляторомъ, существующихъ и понынѣ. Заботясь объ украшеніи зданія, Замятнинъ просилъ Государя разрѣшить оставить во владѣніи новаго суда статую Екатерины, а 1 декабря 1865 г. поднесъ на Высочайшее утвержденіе рисунокъ горельефа надъ воротами зданія судебныхъ установленій, изображающаго судъ Соломона, съ надписью: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ».

Вообще во внутреннемъ видѣ московскихъ и петербургскихъ судебныхъ установленій измѣнилось за послѣдніе годы немногое. Лишь въ московской круглой залѣ и въ петербургской залѣ для публики изъ глубины полутемныхъ нишъ выдѣлился, въ своей величавой простотѣ, образъ создателя новаго суда, изваянный изъ мрамора, на средства тѣхъ, кому онъ указалъ новые пути для служенія правосудію. Когда утихаетъ трудовой и суетливый судебный день и зданіе суда пустѣетъ и замолкаетъ,—этотъ незабвенный образъ еще сильнѣе выдѣляется своею бѣлизною въ надвигающемся мракѣ, подобно молчаливому стражу учрежденій, возникшихъ по его великодушному почину...

Въ теченіе 1865-мъ года Замятнинъ посѣтилъ многіе изъ городовъ въ предназначенныхъ къ открытію судебныхъ округахъ и тамъ, путемъ личныхъ бесѣдъ съ представителями мѣстнаго общества и властями, разъяснилъ всѣ вопросы по устройству новыхъ судовъ, вызвавъ со стороны собесѣдниковъ, тронутыхъ его простымъ обращеніемъ и свѣтлыми взглядами на будущее судебнаго дѣла, рядъ пожертвованій на меблировку и внутреннее убранство судовъ, значительно облегчившихъ расходы казны.

Въ концѣ 1865 года, на отчетѣ министра юстиціи о подготовительныхъ распоряженіяхъ къ осуществленію судебной реформы въ 1866 году, рукою Государя было написано: «*Искренно благодарю за все, что уже исполнено. Да будетъ благословеніе Божіе и на всѣхъ будущихъ нашихъ начинаніяхъ для благоденствія и силы Россіи*».

III.

14 апрѣля 1866 года Императоръ Александръ II, въ сопровожденіи Замятнина, посѣтилъ помѣщеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ зданіи стараго арсенала. Послѣ подробнаго осмотра, Государь, обращаясь къ вновь назначеннымъ чинамъ судебнаго вѣдомства, выразилъ надежду, что они оправдаютъ оказанное имъ довѣріе, и сказалъ: *«Итакъ въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!»* Дѣло, которое самъ верховный устроитель его назвалъ благимъ, было начато 16 апрѣля. Въ этотъ день помѣщеніе Суда и Судебной Палаты было освящено и тогда же въ большомъ залѣ для засѣданій съ присяжными былъ установленъ образъ съ лампадою, пожертвованный воспитанниками училища правовѣдѣнія. Вслѣдъ затѣмъ въ зданіи Сената было открыто первое общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ. Настоящее торжество происходило на другой день, 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя. Около часу дня съ горельефа надъ воротами стараго арсенала была снята завѣса, и слова «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ» впервые заблистали своими золотыми буквами надъ входомъ въ новый судъ. Въ ворота съ этой надписью проѣхали и прошли покойный принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, этотъ просвѣщенный дѣятель на подкладкѣ неисчерпаемой доброты, митрополитъ, послы англійскій и французскій и всѣ тѣ, кому служебное положеніе или принадлежность къ составу новыхъ судовъ давали возможность попасть на открытіе. Всѣ были оживлены,—все блистало новизною.

Новизна слышалась и въ рѣчи Замятнина, обращенной къ новымъ судебнымъ дѣятелямъ. Это не была обыкновенная, казенная рѣчь, реторическія фигуры которой, звучно разсѣкая воздухъ, не трогаютъ сердца, не шевелятъ мысли. Въ ней чувствовалось сознаніе значенія переживаемой минуты и слышалось ясное опредѣленіе обязанностей, создаваемыхъ новымъ положеніемъ. Упомянувъ, что Царь-Освободитель, даровавшій крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости и слившій затѣмъ отдѣльныя сословія въ одну общую земскую семью, совершаетъ новый подвигъ своей благотворной дѣятельности, даруя судебнымъ установленіямъ полную самостоятельность, министръ указывалъ на великія обязанности и отвѣтственность, возлагаемыя этимъ на судебное вѣдомство. «Никому уже—говорилъ онъ,—не будетъ права ссылаться, въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній, ни на несовершенства порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство новые уставы, составляющіе послѣднее слово юридической науки,—

ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставляется голосу совѣсти».—Рѣчь кончилась мольбою: да даруетъ Господь каждому, въ предѣлахъ возлагаемыхъ на него обязанностей, силу неуклонно, въ чистотѣ помысловъ и дѣйствій, съ пользою для отечества стремиться къ выполненію великихъ предначертаній монарха и ожиданій Россіи. Въ рѣчи Замятнина были не только прочувствованныя, но и красивыя мѣста. «*Завязывая свои глаза*—сказалъ онъ судьямъ,—предъ всякими посторонними и внѣшними вліяніями, вы тѣмъ полнѣе *раскроете внутреннія очи совѣсти* и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній»...

23 апрѣля Замятнинымъ открыты московскія судебныя установленія, причемъ въ рѣчи, имъ сказанной, особое вниманіе было обращено на разъясненіе значенія должности мирового судьи, изъ которой онъ приглашалъ слушателей сдѣлать общими усиліями «краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда».

Вотъ какъ было впервые влито въ новые судебные мѣха новое судебное вино. Тѣ, кто пережилъ это время и первые мѣсяцы, непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, не могутъ ихъ забыть. Довѣріе къ своимъ силамъ, свѣтлый взглядъ на будущее, убѣжденіе въ томъ, что введенный порядокъ представляется образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ,—одушевляло всѣхъ первыхъ дѣятелей новаго суда. Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены Палаты, губернаторы—въ предсѣдатели Окружного Суда. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей какъ на обычную, рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была *первая любовь*. Такая любовь существуетъ нетолько въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ, и тамъ она, войдя *первою* въ сердце, *послѣднею* выходитъ изъ памяти... Это была первая общественная любовь для многихъ... И какія-бы недоумѣнія, испытанія и разочарованія въ себѣ и въ другихъ ни принесла впослѣдствіи жизнь — чувство, одинаково охватившее въ тѣ незабвенные дни и молодого, начинающаго дѣятеля, и человѣка зрѣлаго, призванныхъ къ новой, неизвѣданной и отвѣтственной судебной службѣ,—навѣрное не забылось ими и издалека свѣтитъ ихъ душѣ и грѣетъ ее... Современное молодое поколѣніе не извѣдало этого чувства; для него «судебное вѣдомство» есть одно изъ ряда вѣ-

домствъ, въ двери котораго можно постучаться, вступая въ служебную жизнь,—и только. То горделивое увлеченіе, съ которымъ относились тогда новые судебные дѣятели къ своему дѣлу, то иногда преувеличенное мнѣніе, которое они имѣли о значеніи своего служебнаго положенія, вызываютъ теперь, когда яркая пестрота первоначальныхъ красокъ смѣнилась сѣрымъ колоритомъ будничной жизни, невольную улыбку. Но не иронія видится въ ней, а невольное сожалѣніе о томъ, что «тьмы низкихъ истинъ» такъ скоро и прочно смѣнили «насъ возвышающій обманъ»...

Нечего и говорить, какъ интересовали всѣхъ первые шаги новыхъ судовъ. Ихъ ждали съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Первый уголовный процессъ въ Петербургѣ, разбиравшійся 14 іюня, безъ присяжныхъ, привлекъ массу публики. Дѣло было не сложное. Молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, недовольный рѣзкимъ и рѣшительнымъ отказомъ одного изъ судебныхъ слѣдователей города Петербурга въ предъявленіи ему слѣдственнаго производства,—написалъ ему письмо, въ которомъ, совѣтуя быть болѣе вѣжливымъ съ приходящими, прибавлялъ: «Времена чиновниковъ-громовержцевъ прошли». Обвинителемъ по дѣлу выступилъ прокуроръ окружного суда Шрейберъ, одинъ изъ усердныхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ сотрудниковъ Замятнина. *Первая* обвинительная рѣчь, сказанная на Руси, отличалась большой сдержанностью и дѣловитостью. Въ ней не было напускного пафоса французскихъ обвиненій—и это было хорошимъ признакомъ, такъ-какъ съ этой стороны нашему зарождающемуся судебному краснорѣчію могла грозить серьезная опасность. Взятая въ самомъ началѣ невѣрная нота могла затѣмъ вызвать цѣлый рядъ фальшивыхъ созвучій. Дѣло прошло очень гладко и стройно. Были, конечно, нѣкоторыя, на теперешній, умудренный опытомъ и изученіемъ, взглядъ странности. Судъ поставилъ на свое разрѣшеніе между прочимъ отдѣльный вопросъ (!) о томъ, есть-ли въ дѣлѣ увеличивающія вину подсудимаго обстоятельства. Горячій судебный слѣдователь, много послуживъ на разныхъ должностяхъ судебному дѣлу, умеръ въ 1889 году внезапно, въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности, а почтенный предсѣдатель совѣта петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, на головѣ котораго уже обильно бѣлѣютъ серебряныя нити, вѣроятно съ незлобивою улыбкою вспоминаетъ то время, когда явившись *первымъ подсудимымъ* по Судебнымъ Уставамъ, онъ такъ волновался, что просилъ разрѣшенія *читать* свою защитительную рѣчь...

Засѣданія съ присяжными открылись 26 и 28 іюля, дѣломъ Родіонова, обвинявшагося въ кражѣ со взломомъ, и дѣломъ Маркова, обвинявшагося, какъ значилось въ объявленіи о дѣлѣ,—«въ

способствованіи неизвѣстному человѣку въ снятіи полости съ саней». Защитникомъ по второму выступилъ В. Д. Спасовичъ. Предсѣдательствующій товарищъ предсѣдателя не совладѣлъ, однако, со своей задачею. Засѣданіе тянулось долго, съ томительными перерывами и остановками, носившими характеръ нѣкоторой суетливой безпомощности и растерянности. Общее впечатлѣніе получалось неудовлетворительное и грозило повториться въ рядѣ дѣлъ, такъ-какъ, въ виду вакантнаго времени, предсѣдательство по дѣламъ съ присяжными должно было оставаться въ однѣхъ и тѣхъ же неумѣлыхъ рукахъ. По закону, одинъ предсѣдатель могъ замѣстить своего товарища, но предсѣдатель этотъ былъ въ отпуску, больной, внѣ Петербурга. Едва, однако, разнеслась вѣсть, что дѣла съ присяжными ведутся безъ надлежащаго склада и лада, Мотовиловъ бросилъ все и появился въ судѣ. Занимавшись прежде постоянно гражданскою частью (онъ былъ до своего новаго назначенія предсѣдателемъ петербургской гражданской палаты), онъ сѣлъ въ уголовное отдѣленіе и взялъ колеблющееся дѣло въ свои энергичныя руки. Природный ясный умъ, упорный трудъ и— главное—горячая любовь къ дѣлу помогли ему. Засѣданія съ присяжными пошли правильно, съ необходимою для судебнаго механизма точностью.

Имя Георгія Николаевича не должно быть забыто историкомъ судебной реформы. Послѣдній можетъ съ глубокимъ уваженіемъ остановиться предъ его портретомъ, повѣшеннымъ послѣ его ранней смерти въ залѣ общихъ собраній Окружного Суда. Человѣкъ еще молодой, съ энергичнымъ и красивымъ лицомъ, холерикъ по темпераменту, онъ всецѣло отдался новой своей дѣятельности. Задача на первомъ предсѣдателѣ перваго по мѣсту и по времени окружного суда въ Россіи—лежала громадная. Она была трудна нетолько по своей сложности, но и по своей новизнѣ.

Въ Москвѣ первое засѣданіе суда открылось 21-го іюня, по дѣламъ о бродягахъ. Наплывъ публики былъ такъ силенъ, что пришлось установить билеты для посѣщенія залы судебныхъ засѣданій. Засѣданіе прошло хорошо, хотя не безъ нѣкоторыхъ странныхъ для современнаго юриста-практика особенностей. Предсѣдательствующій требовалъ отъ «непомнящихъ родства» объясненій, были ли они и гдѣ у исповѣди, и вступалъ въ длинныя и неоднократныя пренія съ защитникомъ, одного изъ бродягъ по вопросу о томъ, что такое бродяжничество и въ чемъ именно заключается составъ этого преступленія. Первое засѣданіе съ присяжными, 24-го августа, по дѣлу Тимофѣева, обвиняемаго въ кражѣ со взломомъ, прошло гораздо лучше петербургскаго. Судебныя

пренія, какъ и въ Петербургѣ, были свободны отъ громкихъ фразъ и стремленія разжалобить или ожесточить присяжныхъ; онѣ отличались простотою и дѣловитостью, но страдали чрезмѣрными отступленіями въ область судопроизводства и различныхъ теоретическихъ соображеній. Это придавало имъ нѣкоторый педагогическій характеръ. Такъ, присяжнымъ объясняли ходъ и значеніе разныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, или пространно говорили имъ о значеніи права собственности и необходимости его огражденія, а также о «величайшемъ на свѣтѣ благѣ»—жизни, которую никто не имѣетъ права отнимать, и т. п.

Но если засѣданія съ присяжными начались въ московскомъ судѣ успѣшнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, зато вскорѣ въ одномъ изъ такихъ засѣданій произошла ошибка, которая долго потомъ приводила въ смущеніе участвовавшихъ въ ней и многочисленныхъ присутствовавшихъ, которые сначала находили, что все произошло именно такъ, какъ надлежитъ. По дѣлу объ убійствѣ, товарищъ прокурора впервые въ новой судебной практикѣ воспользовался своимъ правомъ отказаться отъ обвиненія, заявивъ о томъ, на основаніи 740 ст. уст. угол. суд., суду «по совѣсти». Судъ выслушалъ этотъ отказъ и — объявилъ, безъ дальнихъ околичностей, подсудимыхъ отъ суда свободными!

Говоря о московскихъ судебныхъ установленіяхъ перваго времени реформы, нельзя не вспомнить и о типической личности перваго предсѣдателя московскаго окружного суда. Высокій, плотный, съ массивными чертами лица и насупленными бровями, говорившій громкимъ голосомъ, покойный Елисѣй Елисѣевичъ Люминарскій («два раза Елисѣй» какъ, будто бы, назвалъ его одинъ вліятельный сановникъ) былъ настоящій судья, «судья отъ головы до ногъ», всецѣло преданный дѣлу (и какъ истый москвичъ—своей Москвѣ), безпристрастный, независимый, недоступный ни ласкѣ, ни давленію, и несмотря на свою суровую наружность—добрый и сострадательный. Общее уваженіе и довѣріе окружали его при жизни, облегчая ему его трудную задачу устроителя новаго суда,—общее сожалѣніе проводило его въ могилу.

Въ наибольшее, въ непосредственное и ежедневное соприкосновеніе съ обществомъ приходилъ мировой судъ. Онъ сталъ сразу популяренъ, и черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы, сокращенное названіе «мировой» стало звучать въ народѣ какъ нѣчто давно знакомое. Первое время камеры мировыхъ судей были полны посѣтителей. Сюда приходили знакомиться съ новымъ судомъ въ его простѣйшемъ, наиболѣе доступномъ видѣ. Переходъ отъ канцелярій квартала и отъ Управы благочинія, гдѣ чинилось еще такъ недавно судебно-полицейское разбирательство, къ присутствію ми-

рового судьи—былъ слишкомъ осязателенъ. Здѣсь въ дѣйствительности совершался судъ скорый, а личности первыхъ мировыхъ судей, среди которыхъ встрѣчаются носители именъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи почетъ на болѣе широкомъ поприщѣ, служили ручательствомъ, что это судъ нетолько скорый, но и правый, и милостивый. Были, конечно, и въ сферѣ мировой юстиціи промахи и увлеченія. Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ; смущали преюдиціальные вопросы; наконецъ, вино новой власти бросалось нѣкоторымъ, впрочемъ весьма немногимъ, въ голову. Случаи послѣдняго рода имѣли свою комическую сторону, и во всякомъ случаѣ, не обнаруживали дурного намѣренія. Es war nicht bös'gemeint! Такъ, въ Петербургѣ, одинъ мировой судья, устроившій, вопреки господствовавшей у мировыхъ судей строгой простотѣ обстановки, въ своей камерѣ для судейскаго мѣста драпированное краснымъ сукномъ возвышеніе, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ пожарнымъ тактикомъ и стратегомъ,—и явился, въ цѣпи, распоряжаться на пожарѣ, вспыхнувшемъ въ его участкѣ; а другой возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь съ острововъ и найдя мостъ разведеннымъ, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія. Судебная Палата, однако, тотчасъ же охладила этихъ пылкихъ носителей мировой цѣпи не кстати. Но на ряду съ этими единичными явленіями, общее направленіе мировыхъ судей перваго избранія сразу сдѣлало ихъ камеры нетолько мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству. Веденіе дѣла у нѣкоторыхъ судей достигло виртуозности. Особенно выдѣлялся въ Петербургѣ покойный Оскаръ Ильичъ Квистъ. Его камера была мѣстомъ, куда ходили учиться и смотрѣть—*какъ* надо разбирать дѣла. Этотъ маленькій, живой, глубоко-просвѣщенный человѣкъ, съ умнымъ и проницательнымъ взглядомъ и лукавою усмѣшкою, заложилъ, въ качествѣ предсѣдателя, подобно Мотовилову и Люминарскому, нравственный и дѣловой фундаментъ мирового съѣзда, устройство котораго не разъ потомъ признавалось образцовымъ. Многіе изъ первыхъ дѣятелей мирового суда въ Петербургѣ достигли впослѣдствіи высокихъ степеней въ судебной іерархіи, но нѣтъ сомнѣнія что время ихъ службы въ 1866 году въ скромной должности «мирового» должно представляться имъ по полнотѣ сопряженной съ нею дѣятельности и по сознанію приносимой наглядно и ежедневно пользы — счастливымъ временемъ. Между ними находился и мировой судья труднѣйшаго участка, на Сѣнной, отдавшійся новому дѣлу со свойственнымъ ему страстнымъ трудовымъ увлеченіемъ и почерпнувшій въ немъ интерес-

нѣйшій практическій и бытовой матеріалъ для живыхъ примѣровъ въ своемъ превосходномъ «Руководствѣ для мировыхъ судей». Это былъ Николай Адріановичъ Неклюдовъ, съ его орлинымъ выраженіемъ лица и глазъ и могучимъ полетомъ смѣлой мысли. Судьба и крылья ему дала орлиныя, но, по присущей ей проніи, въ его дальнѣйшей служебной карьерѣ не допустила его въ поднебесье, а предоставила ему летать въ корридорѣ, мѣстами узкомъ, мѣстами широкомъ, гдѣ нельзя было развернуть этихъ крыльевъ во всю ширь изъ боязни переломить ихъ и гдѣ приходилось ихъ подчасъ подгибать. А едва стали развертываться предъ нимъ болѣе широкіе горизонты дѣятельности, смерть безжалостно прекратила біеніе его гордаго и боровшагося съ собою сердца...

На вершинѣ новой судебной пирамиды былъ учрежденъ кассаціонный судъ. Далекая отъ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью дѣятельность его интересовала исключительно юристовъ, изъ которыхъ многимъ было однако трудно, въ представленіяхъ своихъ объ ней, «совлечь съ себя ветхаго Адама», т. е. устранить мысль о существѣ дѣла, совершенно чуждую идеѣ кассаціоннаго производства. Поэтому юристами первыя рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. Нужно ли говорить, какъ успѣшна, назидательна и содержательна была именно первоначальная дѣятельность нашего кассаціоннаго суда? Для этого стоитъ лишь просмотрѣть рѣшенія за 1866 годъ. Особенно богаты были различными важными разъясненіями новаго судопроизводственнаго порядка рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента. Пройдя чрезъ коллегію, гдѣ засѣдалъ Н. А. Буцковскій, такъ много поработавшій надъ судебными уставами, и гдѣ предсѣдательствовалъ В. А. Арцимовичъ, почтеннымъ сѣдинамъ котораго всегда отдавалась дань уваженія всѣми, кому дороги представители широкаго и стойкаго правосудія, — рѣшенія эти установляли и закрѣпляли начала новаго процесса. Тогда, въ первое время своего существованія, кассаціонный судъ нашъ уподоблялся римскому претору: онъ не только «jus dixit», но и «jus fecit». Особенно трудная роль выпала на долю первыхъ оберъ-прокуроровъ. Имъ приходилось, учась самимъ въ совершенно новомъ дѣлѣ, учить другихъ и учить притомъ авторитетно. Почти всѣ главнѣйшіе вопросы новаго судебнаго производства, всѣ недоразумѣнія по разграниченію областей уголовнаго и гражданскаго права разработаны и разрѣшены въ ихъ заключеніяхъ. Не надо забывать, что у насъ устроили совсѣмъ новое судебное учрежденіе, не имѣвшее никакихъ корней въ старомъ порядкѣ, и дали этому учрежденію задачу, требующую и громаднаго отвлеченія мысли въ область корен-

ныхъ юридическихъ понятій, и большой вдумчивости. Но нашлись однако дѣятели, оказавшіеся «настоящими людьми на настоящемъ мѣстѣ», какъ говоритъ англійская поговорка.

Лучшимъ примѣромъ этого послужилъ первый первоприсутствующій уголовнаго кассаціоннаго департамента — сенаторъ Михаилъ Матвѣевичъ Карніолинъ-Пинскій. Суровый и прямолинейный юристъ, родившійся въ 1794 году, онъ недовѣрчиво относился ко многимъ сторонамъ судебной реформы, когда она еще была «im werden». Назначеніе на самый высшій постъ судебной іерархіи (онъ былъ и первоприсутствующимъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ) застало Карніолина-Пинскаго на краю могилы. Трудовая и исполненная тревогъ личнаго и семейнаго характера жизнь его догорала. Красивая, несмотря на годы, фигура его согнулась, прекрасное, точно изваянное, хотя и жесткое въ своихъ чертахъ лицо, обрамленное сѣдыми кудрями, осунулось и поблѣднѣло—и онъ уже не въ силахъ былъ участвовать въ засѣданіяхъ Сената, замѣняемый постояно В. А. Арцимовичемъ. Но въ сентябрѣ 1866 г. въ уголовномъ департаментѣ должно было слушаться, въ качествѣ первой инстанціи и притомъ съ присяжными засѣдателями, дѣло бывшаго директора хозяйственнаго департамента при святѣйшемъ синодѣ тайнаго совѣтника Гаевскаго и его сообщника Яковлева, обвинявшихся въ растратахъ и подлогахъ. Дѣло это имѣло по отношенію къ Сенату огромное значеніе. Оно должно было быть проведено образцово, «безъ сучка и задоринки», однимъ словомъ такъ, чтобы суды, наставлять и направлять которые призванъ кассаціонный судъ, не имѣли повода ему сказать: «врачу — исцѣлися самъ!». Карніолинъ-Пинскій въ буквальномъ смыслѣ взялъ одръ свой и пошелъ на новую дѣятельность, куда его призывалъ служебный долгъ. Снѣдаемый болѣзнью, онъ былъ привезенъ 15-го сентября въ Сенатъ и подъ-руки введенъ на лѣстницу. Но въ залѣ засѣданій въ немъ проснулся опытный юристъ, понявшій — и, быть можетъ, въ душѣ полюбившій — новую, неизвѣданную еще форму суда. Засѣданіе длилось 12 часовъ, съ небольшими перерывами и было ведено во всѣхъ отношеніяхъ образцово. Обвинялъ М. Е. Ковалевскій. Руководящее напутствіе присяжнымъ, сказанное Пинскимъ, было исполнено безпристрастія и въ то же время чуждо той безцвѣтности, которою думаютъ у насъ иногда замѣнить объективность изложенія. «Помните, сказалъ онъ въ заключеніе присяжнымъ, что вы призваны творить судъ, а не угнетать...» Когда въ своей рѣчи защитникъ одного изъ подсудимыхъ, увлекшись характеристикою другого изъ нихъ, началъ говорить, что свидѣтельскія показанія, рисующія его человѣкомъ честнымъ и порядочнымъ, не соотвѣтствуютъ тому, что

было на самомъ дѣлѣ. Пинскій остановилъ его, сказавъ: «Едва ли прилично укорять подсудимаго... Говоря о немъ какъ о человѣкѣ осужденномъ, вы забываете, что судъ еще не произнесъ своего приговора»... Чтеніе отчета о засѣданіи по дѣлу Гаевскаго производитъ даже и теперь, несмотря на выработавшуюся технику судебнаго производства, впечатлѣніе живого и достойнаго веденія дѣла. Нельзя, однако, не отмѣтить одного серьезнаго отступленія отъ Уставовъ, хотя и правильнаго по мысли и вполнѣ соотвѣтствующаго западному, болѣе старому и выработанному процессу,— но все-таки отступленія. При той роли, которую игралъ Ковалевскій въ сенатѣ, и при отсутствіи съ его стороны какихъ-либо заявленій, надо думать, что это было безсознательное отступленіе, основанное на воспоминаніи о томъ, что *предполагалось* сдѣлать при составленіи Уставовъ. Вопросы были поставлены Сенатомъ, подвергнуты обсужденію сторонъ и вручены присяжнымъ—*послѣ* заключительнаго слова первоприсутствующаго.

Въ первыхъ шагахъ новыхъ судовъ была сторона, которая нетолько интересовала, но и немного тревожила всѣхъ, кому было дорого правильное осуществленіе Судебныхъ Уставовъ на практикѣ. Кромѣ чувства долга, трудолюбія и добросовѣстности, отъ людей, призываемыхъ помогать отправленію правосудія, а иногда даже играть въ немъ рѣшительную роль, — требовались еще особыя способности съ одной стороны и извѣстное, стоявшее въ виду недавнихъ общественныхъ условій подъ вопросительнымъ знакомъ, развитіе гражданскаго чувства и пониманія съ другой стороны. Какъ пойдутъ судебныя пренія? Появятся ли люди способные къ сдержанному жару словесной борьбы, къ тому, чтобы «словомъ твердо править», и вообще даже къ тому, чтобы владѣть этимъ словомъ.

Едва ли нужно напоминать о томъ, какъ быстро и съ какимъ запасомъ неожиданныхъ силъ появились у насъ, въ первые же мѣсяцы реформы, судебные ораторы. Безъ всякой школы, безъ организованной подготовки, со всѣхъ сторонъ выступили на судебную арену люди нетолько умѣвшіе владѣть словомъ, но и, въ большинствѣ, талантливые.

Стараго губернскаго прокурора, за немногими блестящими исключеніями, пассивнаго, могущаго ничего не дѣлать, ибо дѣлать все, что онъ долженъ, невозможно, — дѣятельность котораго иногда не оставляла никакого слѣда или воспоминанія («а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, говоритъ Чичиковъ, встрѣтивъ похороны прокурора, такъ на повѣрку у тебя всего только и было, что густыя брови!»)—замѣнила, со введеніемъ Судебныхъ Уставовъ, прокуратура дѣятельная. Районъ ея дѣйствій сдѣлался

меньше, но она стала играть роль махового колеса въ машинѣ уголовнаго суда. Для этого надо было нетолько работать, но и умѣть отстоять свою работу, а это вызвало появленіе способныхъ обвинителей.

Введеніе реформы отразилось и на сословіи повѣренныхъ. Старая протоpенная дорожка съ задняго крыльца должна была «порости травой забвенія» и двери суда широко раскрывались лишь предъ адвокатомъ новой формаціи. Въ эти двери вошли немедленно люди ума и знаній и нетолько съ чистымъ, но и иногда съ завиднымъ прошлымъ. Въ нихъ вошли и молодые оберъ-секретари Сената, и профессора, и лучшіе представители эмбріональной адвокатуры, состоявшей уже при коммерческихъ судахъ, и почтенный дѣятель крестьянскаго освобожденія Унковскій и т. д.

Въ томъ же 1866 году въ Москвѣ проявились два судебныхъ оратора большой силы. Одинъ, назначенный въ прокуратуру изъ провинціальныхъ губернскихъ стряпчихъ, скромный, блѣднолицій, молчаливый, съ непокорными волосами и бородой,—вдругъ выросъ на обвинительной трибунѣ и изъ устъ его полилась рѣчь, скованная съ непревзойденною съ тѣхъ поръ суровою красотою. Кто слышалъ, въ свое время, ровный, металлическій голосъ Громницкаго, кто вдумался въ его неотразимые и въ то же время простые, повидимому, доводы, обнимавшіе другъ друга, какъ звѣнья неразрывной цѣпи, тотъ не забудетъ обвинителя по всѣмъ большимъ дѣламъ первыхъ лѣтъ московскаго суда. Недаромъ на огромномъ процессѣ Матова и другихъ фальшивыхъ монетчиковъ, присяжные, выслушавъ его рѣчь и возраженія 19-ти защитниковъ, просили его, чрезъ своего старшину, не утруждать себя отвѣтомъ...

Посѣтитель московскаго суда того времени, конечно, не забылъ также и начинающаго кандидата съ родовитымъ именемъ и блестящимъ образованіемъ, котораго природа щедро одарила дарами, необходимыми для защитника; онъ вспомнитъ, быть можетъ, неслыханный восторгъ присутствующихъ послѣ защитительной рѣчи князя А. И. Урусова по дѣлу Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа, — рѣчи, сломившей силою чувства и тонкостью разбора уликъ, тяжкое и серьезное обвиненіе... Но не одни таланты проявила тогда, при самомъ своемъ возникновеніи, московская адвокатура. Ея организація въ духѣ порядка и нравственной дисциплины была въ значительной степени дѣломъ памятнаго Москвѣ покойнаго М. И. Доброхотова, и съ первыхъ дней въ ея рядахъ засіялъ кроткимъ свѣтомъ человѣчный, глубоко ученый и благороднѣйшій—тоже нынѣ умершій—Я. И. Любимцевъ.

Нужно ли говорить о сразу выдѣлившихся въ то время ко-

рифеяхъ петербургской адвокатуры — о К. К. Арсеньевѣ и В. Д. Спасовичѣ? Кто изъ близкихъ судебному дѣлу не знаетъ ихъ, не помнитъ ихъ на расцвѣтѣ и въ расцвѣтѣ ихъ дѣятельности,—*одного*—съ его глубокими знаніями, изяществомъ пріемовъ и поучительною чистотою въ исполненіи своихъ обязанностей, талантливое и быстро слово котораго лилось какъ рѣка, блистая прозрачностью своихъ струй и неслышно ломая въ своемъ неотвратимомъ теченіи преграды противника,—и *другого*—съ рѣзкимъ, угловатымъ жестомъ, неправильными удареніями надъ непослушными, но вѣскими словами, съ сочностью красокъ и всегда оригинальнымъ, вдумчивымъ и научнымъ освѣщеніемъ предмета...

IV.

Замятнину пришлось быть министромъ юстиціи при реформированномъ судѣ лишь годъ. Судебное преобразованіе имѣло цѣлью удалить рѣшительнымъ образомъ изъ русскаго общественнаго организма застарѣлую опухоль подъяческаго и приказнаго суда, мѣшавшую правильному удовлетворенію одной изъ его насущныхъ потребностей. Но опухоль внѣдрилась глубоко; вокругъ нея и въ ней образовался прочный круговоротъ нездоровыхъ соковъ. Удаленіе не могло произойти безъ тягостныхъ ощущеній, малодушной боязни и даже боли. Въ то время, какъ здоровыя клѣтки свѣжей ткани начинали свою творческую работу, обнаженное мѣсто ныло и горѣло. Отсюда протесты и вопли противъ рѣшенія хирурговъ и противъ сознательно исполнявшаго свое дѣло оператора, протесты поспѣшные, нетерпѣливые, находившіе себѣ поддержку въ той «жаждѣ сомнѣнія» во всемъ и всѣхъ, которая такъ свойственна нашему общественному складу. Недаромъ Некрасовъ указывалъ на «зловѣщій тактъ», съ которымъ мы «сторожимъ неудачу» и замѣчаемъ «облачко надъ фактомъ»... Такъ было и съ первыми шагами новаго суда. Въ его отношеніяхъ къ окружающимъ областямъ, къ общественнымъ кругамъ и къ отдѣльнымъ личностямъ многіе охотно допускали *новое,* но только подъ условіемъ, чтобы, съ точки зрѣнія формъ, оно совершалось *по старому.* Поэтому ко вновь созданнымъ учрежденіямъ и ихъ представителямъ предъявлены были самыя чрезмѣрныя требованія непогрѣшимости не только по существу, но и по формѣ, не только въ ходѣ дѣлъ, но и въ обиходѣ взаимоотношеній. Отсутствіе опыта стало признаваться ошибкою, неизбѣжныя разногласія—тенденціозностью, дѣйствительные, хотя и естественные въ новомъ дѣлѣ, промахи—преступленіями...

Все это отразилось на Замятнинѣ. Глубоко опечаленный разлукою со своимъ цѣннымъ помощникомъ и «товарищемъ» не только по служебному званію, но и по дѣйствительному сотрудничеству въ дѣлѣ судебной реформы, Н. И. Стояновскимъ, получившимъ другое назначеніе, Замятнинъ увидѣлъ, что дни его, какъ Министра Юстиціи, сочтены. Но онъ не сдѣлалъ никакой постыдной уступки навѣтамъ противниковъ, чтобы только остаться. Напротивъ, въ своемъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судовъ, опубликованномъ въ мартѣ 1867 года, онъ торжественно, въ простыхъ и проникнутыхъ сознаніемъ долга словахъ, призналъ, что мировой институтъ вызвалъ заслуженное къ себѣ довѣріе, что работа общихъ судебныхъ установленій оказалась благотворною, что присяжные засѣдатели вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды и что, наконецъ, необходимымъ для достиженія единства въ отправленіи правосудія пособіемъ послужила дѣятельность присяжныхъ повѣренныхъ. Одновременно съ представленіемъ такого отчета, онъ исходатайствовалъ повелѣніе объ открытіи новаго обширнаго судебнаго округа—Харьковскаго. Упорнымъ нежеланіемъ идти на компромиссы и полнымъ отрицаніемъ необходимости какихъ-либо видоизмѣненій только что совершеннаго преобразованія, Замятнинъ ускорялъ свою окончательную отставку, сопряженную для него, человѣка съ недостаточными матеріальными средствами, съ немалыми ущербами. Она и послѣдовала 16 апрѣля 1867-го года.

Замятнинъ покинулъ свой постъ съ горечью, но безъ озлобленія. Старый, вѣрный слуга своего Государя, онъ такимъ и остался,—но остался вѣренъ и дѣлу, которому судьба дала ему счастье послужить. Онъ оказался сдѣланнымъ изъ огнеупорной глины: накалялся медленно, но жаръ хранилъ долго и прочно. Въ новой сферѣ своего служенія—законодательно-совѣщательной—онъ не былъ ораторомъ и роль горячаго бойца за Судебные Уставы не вытекала изъ его мирнаго и спокойнаго характера; но онъ стойко и безповоротно стоялъ на ихъ сторонѣ и его голосъ всегда принадлежалъ тому, что онъ научился любить во дни своего министерскаго служенія. Проекты разныхъ «улучшеній» въ Уставахъ его очень тревожили, вызывая въ немъ «упрямое» недовѣріе къ ихъ благимъ послѣдствіямъ—и онъ искалъ случая получить подробныя разъясненія сквозящей изъ нихъ опасности. Въ особенности, словомъ и дѣломъ, шелъ онъ противъ обобщенія отдѣльныхъ *случаевъ* въ цѣлое *явленіе* и въ тревожныя для судебнаго законодательства времена имѣлъ рѣдкую смѣлось настойчиво утверждать, что ожесточенныя нападки на судъ присяжныхъ засѣдате-

лей и на магистратуру вообще, по поводу какого-либо исключительнаго дѣла, несправедливы и односторонни, и что нельзя ломать цѣлыхъ учрежденій изъ-за одного или двухъ «непріятныхъ» рѣшеній.

Всю послѣдующую за 1867-мъ годомъ жизнь онъ живо интересовался ходомъ судебнаго дѣла, радостно привѣтствовалъ распространеніе судебной реформы по лицу русской земли, сочувствовалъ успѣхамъ судебныхъ дѣятелей, скорбѣлъ о постигавшихъ ихъ невзгодахъ и никогда не разрывалъ нравственной съ ними связи. Всѣ, кто его зналъ, отвѣчали ему тѣмъ же, горячо привѣтствуя его въ день 50-ти-лѣтняго юбилея и основавъ въ Петербургской колоніи малолѣтнихъ преступниковъ домикъ имени Д. Н. Замятнина. Къ суду онъ до конца дней сохранилъ глубокое уваженіе и бывалъ доволенъ, когда ему удавалось выразить это чувство внѣшнимъ образомъ. Уже на склонѣ дней, часто прихварывая, онъ ни за что не хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ сановника не являться въ засѣданіе суда въ качествѣ свидѣтеля по двумъ завѣщаніямъ и по одному дѣлу, гдѣ была сдѣлана на него ссылка, а требовать допроса на дому. Стѣны суда, когда-то имъ торжественно открытаго, какъ «равнаго для всѣхъ», увидѣли снова почтеннаго и величаваго старика, пришедшаго исполнить свой долгъ наравнѣ со всѣми. Недаромъ послѣдній циркуляръ его по судебному вѣдомству требовалъ отъ подчиненныхъ ему чиновъ прокуратуры *вставанія* при обращеніяхъ къ суду, какъ необходимаго признака подобающаго послѣднему уваженія. Предписаніе это было впослѣдствіи отмѣнено и представителямъ государственнаго обвиненія предоставлено объясняться съ судомъ *сидя*,—но, упроченный этимъ предписаніемъ прекрасный обычай существуетъ до сихъ поръ.

Отличный семьянинъ, радушный хозяинъ и интересный собесѣдникъ въ частной своей жизни, Замятнинъ до конца дней сохранилъ привлекательный обликъ. Высокій, прямой, съ красивою сѣдою головой, твердою походкой и ясною рѣчью, онъ умѣлъ соединять въ себѣ свѣжесть духа съ бодростью тѣла, ведя очень скромную жизнь и много, не смотря на преклонные годы, ходя пѣшкомъ. 19 октября 1881 года, «въ тотъ день, какъ празднуетъ Лицей свою святую годовщину»—послѣ обѣда въ средѣ товарищей по мѣсту воспитанія, онъ неожиданно и тихо скончался...

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧЪ.
БУЦКОВСКІЙ.

(1904).

Среди дѣятелей и осуществителей судебной реформы видное мѣсто принадлежало математикамъ по образованію. *Сергѣй Ивановичъ Зарудный,* вложившій всю свою живую и страстную душу въ дѣло преобразованія нашего судебнаго строя, былъ кандидатомъ физико-математическаго факультета; популярный столичный мировой судья перваго избранія, теоретическій и практическій истолкователь Судебныхъ Уставовъ и блестящій оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента *Николай Адріановичъ Неклюдовъ*, оставившій по себѣ яркую память въ судебномъ вѣдомствѣ, началъ свое высшее образованіе по математическому факультету. Точно также математикомъ, и притомъ практикомъ, былъ и *Николай Андреевичъ Буцковскій*—одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей при выработкѣ Судебныхъ Уставовъ и при первоначальномъ приложеніи ихъ къ русской жизни.

Воспитанникъ главнаго инженернаго училища, офицеръ петербургской инженерной команды съ 1833-го года, затѣмъ учитель математики и бухгалтеріи въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, *Буцковскій* лишь 28 лѣтъ отъ роду выступилъ на юридическое поприще въ скромной роли помощника столоначальника департамента министерства юстиціи. Пытливый умъ и жажда знанія заставили его погрузиться въ изученіе иностранной юридической литературы и съ помощью ея увидѣть всѣ недостатки на-

шего судебнаго сооруженія, оскорбившіе, прежде всего, его математически развитый умъ, а затѣмъ и справедливое сердце. Занявъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, постъ оберъ-прокурора одного изъ московскихъ департаментовъ Сената, доставшійся ему по праву необыкновеннаго трудолюбія и выдающихся способностей, онъ явился на немъ во всеоружіи пониманія косности и отсталости нашего процесса и умѣнья вносить въ его мертвящія формальныя рамки струю дѣйствительнаго правосудія. Ему пришлось пробыть въ этой должности до начала шестидесятыхъ годовъ, когда пробудившаяся общественная мысль и просвѣщенный починъ правительства поставили на очередь необходимость снабдить выходившій изъ рабства народъ судомъ скорымъ и равнымъ для всѣхъ и оградить его отъ жестокихъ и позорящихъ человѣческое достоинство тѣлесныхъ наказаній. Въ 1861-мъ году онъ, къ прискорбію любившихъ его подчиненныхъ и сослуживцевъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и прикомандированъ къ государственной канцеляріи для работъ по судебному преобразованію и для участія въ комитетѣ по обсужденію вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Въ коммиссіи, составлявшей Судебные Уставы, онъ занялъ мѣсто предсѣдателя уголовнаго отдѣленія. Его усиленнымъ трудамъ мы обязаны точною и сжатою редакціею статей устава уголовнаго судопроизводства, почти всецѣло усвоенной Государственнымъ Совѣтомъ. Принимая оживленное участіе въ спорахъ по выработкѣ тѣхъ или другихъ положеній новаго процессуальнаго порядка, Буцковскій взялъ на себя роль безпристрастнаго историка всѣхъ преній и изложилъ ихъ окончательные результаты въ блестяще составленной объяснительной запискѣ къ проекту устава угололовнаго судопроизводства. Эта записка не только представляетъ замѣчательный историко-юридическій трудъ, но и до сихъ поръ не утратила значенія и какъ превосходное изложеніе различныхъ точекъ зрѣнія на сущность процессуальныхъ пріемовъ и ихъ внутренній смыслъ. Она служитъ также показателемъ свѣтлаго настроенія, исполненнаго довѣрія къ живой воспріимчивости и способностямъ русскаго народа,—настроенія, которымъ были проникнуты, даже расходясь въ частностяхъ, тѣ, кому выпала счастливая доля работать надъ судебнымъ законодательствомъ съ вѣрою, что указанія на его улучшенія дѣйствительно войдутъ въ жизнь, а не прозвучатъ лишь какъ vox clamantis in deserto... Записка представляетъ цѣлыя обширныя разсужденія, съ богатыми ссылками на иностранныя законодательства и судебную практику. Таковы, напр., всѣ замѣчанія о различныхъ сторонахъ дѣятель-

ности присяжныхъ засѣдателей, о перечисленіи существенныхъ поводовъ къ отмѣнѣ рѣшеній и по вопросу объ autorité de la chose jugée, при чемъ въ основаніе 16 ст. проекта (21 и 22 устава уголовнаго судопр.) было положено совершенно новое у насъ начало незыблемости окончательныхъ, вошедшихъ въ законную силу, оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Съ высоты научныхъ и теоретическихъ соображеній, Буцковскій въ этой объяснительной запискѣ подчасъ спускается въ область практическихъ условій и обстановки русской жизни и рядомъ доводовъ, почерпнутыхъ въ дѣйствительности, подкрѣпляетъ ту или другую статью проекта. Особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ разсужденія о предоставленіи мировому судьѣ возбуждать уголовныя дѣла по непосредственно имъ усмотрѣннымъ преступленіямъ.

Изъ записки видно, что Буцковскій не всегда бывалъ въ большинствѣ, но его не одержавшіе верхъ взгляды очень характеризуютъ его направленіе. Такъ напримѣръ, отводя прокурорскому надзору серьезную роль и не уменьшая его законной сферы вліянія, Буцковскій хотѣлъ, съ одной стороны, воспользоваться юридическою подготовкою чиновъ этого надзора, а съ другой стороны опасался ихъ давленія на слѣдователей и судей, могущаго стѣснить ихъ необходимую самостоятельность. Поэтому онъ предлагалъ вложить въ уста товарища прокурора, дающаго заключенія въ съѣздѣ мировыхъ судей, не мнѣніе о винѣ или невиновности подсудимаго, а нѣчто въ родѣ предсѣдательскаго руководящаго напутствія, въ которомъ юристъ по профессіи долженъ «объяснять силу доказательствъ и указывать на относящіеся къ дѣлу законы». Наряду съ этимъ, ссылаясь на французскій ministère public, онъ не находилъ основаній, чтобы во всѣхъ случаяхъ, кромѣ лишенія обвиняемаго свободы, *находящійся на мѣстѣ* слѣдователь исполнялъ *всѣ* требованія *отсутствующаго* прокурора, знакомаго, въ большинствѣ случаевъ, съ дѣломъ только по бумагамъ, и потому предлагалъ предоставить слѣдователю представлять суду о неосновательныхъ, по его мнѣнію, требованіяхъ прокурора, не исполняя ихъ. Этотъ взглядъ не былъ, однако, раздѣленъ Государственнымъ Совѣтомъ и всякое *повторенное* требованіе прокурора, кромѣ относящагося ко взятію подъ стражу, нынѣ для слѣдователя обязательно. Широко вводя защиту обвиняемаго и подсудимаго въ процессуальныя правила, Буцковскій признавалъ желательною защиту на предварительномъ слѣдствіи, предоставивъ слѣдователю лишь устранять недобросовѣстныхъ защитниковъ, входящихъ въ стачку съ обвиняемымъ для вовлече-

нія органовъ правосудія въ заблужденіе. «Слѣдователь—писалъ онъ,—долженъ смотрѣть на обвинителя и на защитника обвиняемаго, какъ на сотрудниковъ своихъ во всестороннемъ изысканіи истины. Едва ли сколько-нибудь добросовѣстный слѣдователь станетъ препятствовать избранію обвиняемымъ защитника или дозволитъ себѣ устранить избраннаго защитника, безъ основательныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣйствія его будутъ подлежать контролю и суда, и цѣлаго общества, отъ вниманія котораго, при дѣйствіи гласности, не ускользнетъ ни одно недобросовѣстное дѣйствіе судьи». Положеніе обвиняемаго на судѣ, при отсутствіи опытнаго защитника, могущаго состязаться съ техникомъ-юристомъ въ лицѣ прокурора, справедливо заботило Буцковскаго, желавшаго, чтобы судъ присяжныхъ «всегда служилъ исключительно на пользу правосудію». Поэтому онъ предлагалъ, хотя и безплодно, постановить, что если избранный подсудимымъ защитникъ по дѣлу, подлежащему суду присяжныхъ, окажется не имѣющимъ надлежащихъ свѣдѣній для правильной защиты, то предсѣдатель суда, не устраняя его, назначаетъ подсудимому другого защитника отъ суда. Заботясь о гарантіи личной свободы, Буцковскій явился горячимъ противникомъ тѣхъ членовъ коммиссіи, которые предполагали упразднить предположенія первоначальнаго проекта о правѣ прокуроровъ и судей освобождать изъ-подъ стражи неправильно заключенныхъ, изъ опасенія, что это внесетъ путаницу въ ходъ дѣла. «Подъ вліяніемъ вѣковыхъ злоупотребленій—писалъ онъ—задержаніе частныхъ лицъ внѣ законнаго порядка сдѣлалось у насъ обыденнымъ явленіемъ, не возбуждающимъ ни особеннаго ропота, ни особеннаго негодованія. До сей поры правомъ личнаго задержанія пользовались не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимавшія *выгодное* положеніе въ обществѣ. Судебная реформа должна положить предѣлъ подобному произволу. Поэтому въ законѣ слѣдуетъ выразить это *положительно*»... Наконецъ, онъ упорно стоялъ на единствѣ кассаціонной власти, глубоко понимая и народный взглядъ на Сенатъ, согласно которому послѣдній, со временъ Петра Великаго, долженъ являться представителемъ «нелицемѣрнаго правосудія»,—и ту правовую и нравственную смуту, которую должно внести и вноситъ предоставленіе яко бы авторитетнаго толкованія закона многими учрежденіями сразу... «Отправленіе правосудія въ государствѣ—писалъ онъ—какъ своего рода *священнодѣйствіе,* должно быть всюду одинаково. Всѣ органы суда должны дѣйствовать подъ надзоромъ одной и нераздѣльной власти верховнаго судилища. Только при такомъ единствѣ толкованія закона судебная доктрина можетъ

сдѣлаться достояніемъ каждаго, и въ нашей русской жизни установится тотъ духъ законности, при которомъ только и можемъ мы ожидать общественнаго благоустройства и *настоящаго, а не мнимаго* прогресса».

Съ особою яркостью сказалась гуманная логика Буцковскаго въ его мнѣніи о *публичности наказаній.* Обрядъ всенароднаго поѣзда осужденнаго на площадь, для выслушанія приговора у позорнаго столба, представлялся ему безплодною и безцѣльною жестокостью, утрачивающею всякое значеніе со введеніемъ публичности и торжественности обрядовъ производства суда. «Составляя только окончаніе той драмы, которая происходила на судѣ публично,—говорилъ онъ,—обрядъ позорной казни представитъ народу одно праздное зрѣлище, безъ всякаго поучительнаго значенія. Мало того, послѣ потери своего устрашающаго характера, обрядъ этотъ можетъ подѣйствовать даже вредно на массу народонаселенія, представляя ей позоръ какъ бы единственнымъ наказаніемъ за тяжкія злодѣянія». «Конечно,—продолжаетъ онъ—чѣмъ менѣе подавлено въ осужденномъ нравственное чувство, чѣмъ менѣе онъ преступникъ по ремеслу, тѣмъ положеніе его, при исполненіи обряда казни, будетъ мучительнѣе. Но для тѣхъ осужденныхъ, которые при совершеніи своихъ преступленій или руководились одпѣми животными побужденіями, или успѣли убить въ себѣ всякое нравственное чувство, позорный обрядъ не имѣетъ никакого значенія. Такимъ образомъ этотъ обрядъ отягощаетъ участь только тѣхъ осужденныхъ, которыхъ нравственныя силы будутъ и безъ того глубоко потрясены публичнымъ изслѣдованіемъ на судѣ ихъ вины и для которыхъ, такимъ образомъ, вопреки справедливости наказаніе окажется болѣе чувствительнымъ». Доводы эти не могли, однако, убѣдить Государственный Совѣтъ, и обрядъ публичной казни для лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія продолжалъ существовать до восьмидесятыхъ годовъ, когда наконецъ была вполнѣ признана его тягостная ненужность и карательная безцѣльность.

Особое вниманіе посвятилъ Буцковскій краеугольному камню новаго устройства уголовнаго суда—присяжнымъ засѣдателямъ. Въ особой запискѣ, представленной въ коммиссію, онъ присоединился къ Ровинскому и Зарудному, но со своей собственной, самостоятельной точки зрѣнія. Ровинскій разсматривалъ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ со стороны народной психологіи и условій быта, Зарудный—со стороны политическаго характера этого учрежденія и допустимости его при строго монархическомъ строѣ; Буцковскій сталъ на точку зрѣнія историческую. Исходя

изъ положенія, что судъ присяжныхъ есть лишь спеціальное проявленіе *суда выборнаго*, и противополагая этотъ судъ, съ его воспріимчивостью и житейскою опытностью, суду равнодушныхъ къ судьбѣ подсудимаго, закопавшихся въ бумагахъ, *назначенныхъ* судей-техниковъ, вставляющихъ всевозможные случаи въ заранѣе опредѣленныя рамки отвлеченныхъ понятій, онъ указывалъ на господство выборнаго начала во всей до-Петровской исторіи. Въ *судныхъ мужахъ*, въ *губныхъ старостахъ*, въ *цѣловальникахъ*, введенныхъ Иваномъ Грознымъ въ видѣ общаго учрежденія, онъ видѣлъ стремленіе верховной власти развить въ общинахъ начатки самоуправленія и народнаго суда. Любовью народа къ своему суду «по совѣсти» и оцѣнкою стремленія правительства къ его сохраненію и развитію объяснялъ онъ доброе отношеніе народа къ памяти жестокаго царя. Даже и въ новомъ, бюрократическомъ періодѣ нашей исторіи онъ отмѣчалъ провозвѣстниковъ присяжныхъ засѣдателей не въ лишенныхъ значенія и судебнаго достоинства сословныхъ засѣдателяхъ, а въ правѣ мѣщанскихъ обществъ судить своихъ порочныхъ членовъ и въ призывѣ, согласно своду законовъ 1857-го года, двѣнадцати лицъ для рѣшенія вопроса о членовредительствѣ. Считая, затѣмъ, что цѣль правосудія достигается раздѣленіемъ между независимыми другъ отъ друга судами задачъ опредѣленія виновности подсудимаго и назначенія ему наказанія, Буцковскій рядомъ глубоко взвѣшенныхъ доводовъ доказывалъ, что это раздѣленіе всего лучше можетъ быть достигнуто учрежденіемъ суда присяжныхъ. Отдѣленіе вопросовъ факта и права, по мнѣнію его, не налагая тяжкихъ испытаній на чувство судей существа дѣла, даетъ имъ возможность руководиться исключительно голосомъ правды и очевидностью, а судьямъ, налагающимъ наказаніе, даетъ возможность спокойно примѣнять законную кару къ установленной виновности, слѣдуя лишь своему долгу и побужденію справедливаго человѣколюбія. Если главная цѣль уголовнаго суда есть примѣненіе кары къ основанной на здравомъ сужденіи оцѣнкѣ дѣйствій и побужденій подсудимаго,— то, какъ писалъ Буцковскій, надо признать, что *наглядная непосредственность сужденія во многихъ случаяхъ вѣрнѣе ученыхъ и тонкихъ анализовъ*. А это сужденіе составляетъ принадлежность выборныхъ по жребію изъ всѣхъ слоевъ общества судей, которые, въ качествѣ присяжныхъ, являются лучшими примирителями *требованій правды съ дѣйствительною жизнью*.

Въ формулярномъ спискѣ Буцковскаго значится, что когда работы по составленію Судебныхъ Уставовъ были закончены и Государь «принялъ съ особымъ благоволеніемъ» поднесенные ему

Бутковымъ труды коммиссіи, то послѣдній счелъ своею обязанностью указать на Буцковскаго, какъ на одного изъ главныхъ при этихъ трудахъ дѣятелей. Этотъ дѣятель не считалъ, однако, свою задачу исчерпанною. Онъ находилъ необходимымъ ознакомиться на практикѣ съ пріемами приложенія тѣхъ общихъ началъ, которыя онъ проводилъ и защищалъ съ такою любовью и мудрымъ достоинствомъ,—и затѣмъ поставить будущихъ русскихъ судебныхъ работниковъ на трудолюбиво проложенный путь новыхъ учрежденій и невѣдомой дотолѣ сложной самодѣятельности. Въ 1864-мъ году онъ совершилъ поѣздку за границу, посвященную посѣщенію западно-европейскихъ судовъ и практическому изученію господствующихъ въ нихъ порядковъ. Вернувшись, онъ вмѣстѣ со званіемъ сенатора получилъ назначеніе въ коммиссію «о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ». Работая въ ней и въ Сенатѣ, Буцковскій выпустилъ рядъ изданій, касавшихся новыхъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ основаніяхъ и въ существенныхъ условіяхъ и требованіяхъ. Такъ появились его сочиненія: «Очерки кассаціоннаго порядка по Судебнымъ Уставамъ 1864 года», въ которомъ съ ясностью и простотою глубокаго знанія былъ освѣщенъ и разработанъ одинъ изъ труднѣйшихъ и совершенно новыхъ отдѣловъ обновленнаго судебнаго законодательства; «О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей» и «О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія судебной власти отъ обвинительной». Эти книги до сихъ поръ представляютъ богатый запасъ свѣдѣній и коренныхъ положеній, показывающихъ объемъ и направленіе мысли законодателя, смѣнившаго подъяческій, бумажный строй суда и равнодушное «читалъ» стараго губернскаго прокурора живымъ и нравственно отвѣтственнымъ словомъ прокурора — публичнаго представителя обвиняющей стороны въ процессѣ.

1-го Января 1866 года Буцковскій былъ назначенъ присутствовать въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. *Осуществленіе* пришло на смѣну *созидательнаго* труда, *изученія* и *наученія*. Кассаціонный судъ былъ учрежденъ на вершинѣ новой судебной постройки и будущая дѣятельность его интересовала исключительно юристовъ, которыми первыя рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ, въ своей внутренней дѣятельности и задачахъ кассаціонный судъ, только что образованный, имѣлъ живыя и привлекательныя стороны. На немъ лежали не только разъясненіе закона, но и бдительный надзоръ за нарушеніями процессуальнаго порядка. Твердо устанавливая для оцѣнки послѣднихъ одни тѣ же основанія, безотносительно къ лицамъ,

въ нихъ повиннымъ, къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ, этотъ исполнялъ свою *священную обязанность* предъ роднымъ правосудіемъ. Неисполненіе или лицемѣрное исполненіе этой обязанности, иногда проскальзывавшее въ «отдѣленскихъ» рѣшеніяхъ позднѣйшихъ лѣтъ кассаціоннаго суда, кореннымъ образомъ извращаетъ дѣятельность всего судебнаго механизма. Но въ первые годы судебной реформы Сенату приходилось участвовать не только въ толкованіи закона, а и въ *творческой правовой дѣятельности* въ полномъ смыслѣ слова. Надо было разрѣшить рядъ вопросовъ не только юридическаго, но и этическаго характера, не только разъяснить сложныя понятія о составѣ многихъ преступленій по степенямъ участія, но и установить «правила вѣры и образъ кротости» для новыхъ дѣятелей, обрисовавъ яркими чертами *ихъ поведеніе* и поставивъ «повелительныя грани» ихъ возможному произволу. Наконецъ предстояло на собственныхъ рѣшеніяхъ показать примѣръ широкаго и вдумчиваго толкованія закона, далекаго и отъ автоматическаго приложенія и отъ смѣшенія понятій о *lege lata* и *lege ferenda*.

О томъ, какъ успѣшна, назидательна и содержательна была первоначальная дѣятельность уголовнаго кассаціоннаго департамента, главнымъ руководителемъ и авторитетнымъ совѣтникомъ въ которой явился Буцковскій, — говорить едва ли нужно. Рѣшенія первыхъ трехъ лѣтъ существованія русскаго уголовнаго кассаціоннаго суда разъяснили, упрочили и надолго закрѣпили въ практическомъ примѣненіи начала новаго процесса. Въ первые годы своего существованія этотъ судъ во многихъ отношеніяхъ уподоблялся римскому претору: онъ не только «jus dixit», но и «jus fecit». За это время назрѣли и новые вопросы, требовавшіе обстоятельнаго уясненія и толкованія, отчасти потому, что, при всемъ совершенствѣ Судебныхъ Уставовъ, они не были предусмотрѣны, какъ не выдвинутые жизнью, отчасти и потому, что они были намѣчены лишь въ общихъ чертахъ, въ надеждѣ, что судебная практика, не стѣсненная предустановленными взглядами, сама ихъ вырабатываетъ въ подробностяхъ. Такимъ, напримѣръ, представилось положеніе, выраженное въ 27 ст. устава уголовнаго судопроизводства, въ силу которой суду уголовному должно предшествовать рѣшеніе суда гражданскаго во всѣхъ случаяхъ, когда для опредѣленія преступности дѣянія надо рѣшить вопросы о правахъ состоянія, о правѣ собственности на недвижимое имущество или о свойствѣ несостоятельности обвиняемаго. Очевидно, что жизнь должна была, въ своихъ многоразличныхъ проявленіяхъ, выдвинуть еще не мало случаевъ, гдѣ необходимо такое предвари-

тельное гражданское рѣшеніе. И дѣйствительно, при дѣятельномъ участіи и тонкомъ юридическомъ анализѣ Буцковскаго, выяснился рядъ такихъ случаевъ, потребовавшихъ подробнаго разбора и указаній со стороны кассаціоннаго суда. Имъ посвятилъ Буцковскій не только множество рѣшеній, но и цѣлое изслѣдованіе: «*Объ основаніяхъ кассаціонной практики по вопросамъ предсудимымъ*».

Точно также необходимымъ оказалось разъяснить, въ послѣдовательномъ рядѣ рѣшеній, тѣ свойства нарушенія обязательствъ по гражданскимъ сдѣлкамъ, которыя даютъ обиженному право обратиться къ защитѣ суда уголовнаго. Научную и практическую разработку этихъ трудныхъ вопросовъ, въ которыхъ виновный, по образному выраженію Спасовича, «ходитъ по *опушкѣ* между гражданской неправдой и уголовнымъ дѣяніемъ», предпринялъ Буцковскій въ изслѣдованіи: «*О возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по гражданскимъ сдѣлкамъ*».

Наконецъ, и въ руководящихъ рѣшеніяхъ, и въ юридическихъ статьяхъ, онъ выяснилъ неопредѣленное и разнообразно усвоиваемое понятіе о *самоуправствѣ*, подавшее поводъ къ массѣ недоразумѣній и ошибочныхъ судебныхъ рѣшеній, и изложилъ цѣльное и подробное ученіе *о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ*, разобравъ исключительные поводы, по которымъ вошедшій въ силу уголовный приговоръ, не смотря на свою незыблемость, можетъ и долженъ быть, въ интересахъ высшей справедливости, отмѣненъ,— и подробно начертавъ порядокъ этого возобновленія, лишь намѣченный Судебными Уставами.

За два дня до своей кончины, 25 Сентября 1873-го года, онъ окончательно изготовилъ сборникъ всѣхъ своихъ статей, дополненныхъ и видоизмѣненныхъ сообразно указаніямъ опыта. Этотъ сборникъ, составляющій какъ бы завѣщаніе его судебнымъ дѣятелямъ, вышелъ въ 1874-мъ году подъ названіемъ: «*Очерки судебныхъ порядковъ по Уставамъ 20 Ноября 1864 года*».

Но завѣщатель былъ не только юристомъ и честнымъ гражданиномъ своей родины: онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ добрымъ, чуткимъ къ людскому несчастію человѣкомъ. «Трудясь», по собственнымъ его словамъ, «неустанно всю жизнь и отказываясь отъ всякой прихотливой роскоши», онъ «постоянно утѣшалъ себя тѣмъ, что оставитъ по себѣ память не только въ посильныхъ трудахъ своихъ, но и въ устройствѣ какого-нибудь благотворительнаго учрежденія, соотвѣтствующаго его дѣятельности». Поэтому, какъ бы чувствуя вѣяніе близкой смерти, ровно за четыре мѣсяца до своей кончины онъ составилъ завѣщаніе, по которому почти всѣ сдѣланныя имъ сбереженія изъ трудового своего содержанія,

въ количествѣ 50,000 р., завѣщалъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ при петербургской судебной палатѣ для составленія благотворительнаго фонда съ цѣлью первоначальнаго пособія тѣмъ по суду оправданнымъ, которыхъ невинность окажется очевидною, а также и тѣмъ осужденнымъ, которые впали въ преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ, при чемъ своевременная помощь можетъ оказаться спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни.

Такъ гармонически закончилъ свою жизнь этотъ трудолюбивый пахарь на нивѣ общественнаго блага. Онъ сошелъ въ могилу со спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго предъ родиною долга, но безъ гордыни, а съ тревожною мыслью о возможности ошибокъ въ дѣлѣ человѣческаго правосудія и о необходимости ихъ посильнаго и любовнаго исправленія...

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ
КОВАЛЕВСКІЙ.

(1904).

Старинный украинскій родъ Ковалевскихъ, къ которому принадлежалъ *Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій*, родившійся въ 1830-мъ году, далъ русскому обществу нѣсколькихъ дѣятелей, выдающихся по уму и твердости, по нравственной цѣльности характера и глубокой любви къ родинѣ. Отецъ Ковалевскаго, горный инженеръ Евграфъ Петровичъ,—гуманный и широкій во взглядахъ попечитель Московскаго учебнаго округа,—былъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ эпоху возрожденія нашего университетскаго преподаванія и серьезной постановки вопроса о народномъ образованіи. Братъ его Егоръ Петровичъ, извѣстный путешественникъ, дипломатъ и писатель, былъ однимъ изъ основателей и первымъ предсѣдателемъ литературнаго фонда. Двоюроднымъ братомъ Михаилу Евграфовичу приходится талантливый поэтъ и художественный критикъ Павелъ Михайловичъ Ковалевскій, а родной братъ его, сенаторъ Евгеній Евграфовичъ, оставилъ по себѣ добрую и почтенную память, какъ юристъ и человѣкъ.

Окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія въ 1849-мъ году, М. Е. Ковалевскій поступилъ на судебную службу и не оставлялъ ее до самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Судьба благопріятствовала будущему первому уголовному кассаціонному оберъ-прокурору. Она не заперла его съ первыхъ же шаговъ въ стѣны отвлеченныхъ отъ дѣйствительной жизни и ея потребностей канцелярій и дала пищу его наблюдательному, самостоятельному уму. Въ концѣ 1850-го года онъ былъ назначенъ младшимъ чиновникомъ при ревизовавшемъ Западную Сибирь по гражданской части генералъ-адъютантѣ Анненковѣ. Ревизіи, подобныя этой, и вообще сенаторскія ревизіи того времени были своего рода тучами, которыя неслись съ сѣвера въ разные концы Россіи и,

повиснувъ надъ той или другой мѣстностью, гремѣли во имя попраннаго закона, метали служебныя молніи въ «рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ» и смывали накопившуюся годами грязь распущенности и произвола. Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ ревизора, снабженнаго по закону обширными полномочіями, онѣ были лучшею практическою школою, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа, изученнаго не по книгамъ, а на дѣлѣ и на мѣстѣ.

Послѣ участія въ ревизіи въ Западной Сибири, обогатившаго Ковалевскаго знакомствомъ со многими сторонами русской дѣйствительности, сослужившимъ ему не разъ добрую службу въ трезвомъ отношеніи къ разнымъ теоретическимъ перекраиваньямъ жизни, которыя исходили изъ бюрократическихъ салоновъ, онъ снова вступилъ въ дѣятельную судебную службу. Сначала товарищъ предсѣдателя петербургской палаты гражданскаго суда, потомъ, по выборамъ дворянства, предсѣдатель палаты уголовнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣстный судья, т. е. предсѣдатель особаго оригинальнаго учрежденія, созданнаго Екатериной II и разсматривавшаго гражданскіе споры по просьбѣ обѣихъ сторонъ и имущественныя недоразумѣнія между родителями и дѣтьми—Ковалевскій составилъ себѣ уважаемое имя. Внося «духъ живъ« въ обветшавшія формы отживавшаго процесса, онъ умѣлъ, согласно наставленію великой государыни, руководствоваться въ своей судебной дѣятельности «человѣколюбіемъ, почтеніемъ къ особѣ ближняго и отвращеніемъ отъ угнетенія».

Когда повѣяло судебною реформою, онъ былъ призванъ въ среду составителей Судебныхъ Уставовъ. Объяснительная записка къ проекту устава уголовнаго судопроизводства, редактированная Буцковскимъ, содержитъ въ себѣ много слѣдовъ его дѣятельнаго и продуманнаго участія въ усиліяхъ облагородить и возвысить русскій судъ, поставивъ его въ условія, необходимыя для обращенія формальной *расправы* въ сознательное отправленіе *правосудія*. Когда реформа была введена, Ковалевскій, уже занимавшій должности оберъ-прокурора V-го и IV департаментовъ Сената, былъ назначенъ оберъ-прокуромъ вновь образованнаго уголовнаго кассаціоннаго департамента. Работа его въ этомъ важномъ и совершенно новомъ званіи была, внѣ всякаго сомнѣнія, наиболѣе плодотворною, блестящею и отрадною для него самаго страницею его полезной трудовой жизни. Въ ней онъ проявилъ искренное и энергичное служеніе тѣмъ началамъ, выработкѣ которыхъ, вмѣстѣ съ Буцковскимъ, онъ такъ много способствовалъ при составленіи устава уголовнаго судопроизводства. Общіе, идеальные принципы право-

судія оставались неизмѣнными и при Судебныхъ Уставахъ 1864-го года, но условія и пріемы достиженія этого правосудія въ его настоящемъ, а не искаженномъ и сдавленномъ видѣ, существенно измѣнились. Среди новыхъ учрежденій кассаціонный судъ представлялъ нѣчто новое, небывалое, совершенно незнакомое. А между тѣмъ этому суду надлежало стать руководителемъ, наставникомъ и *судьею* молодыхъ судебныхъ учрежденій,—приходилось сдѣлаться камертономъ всего новаго судебнаго строя. Нужно было, учась самому, учить другихъ,—созидаясь самому, слѣдить за постепенымъ укладомъ дѣятельности цѣлаго ряда подчиненныхъ мѣстъ. Это была задача трудная, щекотливая и отвѣтственная предъ будущими судьбами судебнаго дѣла.

Ковалевскій внесъ въ свою долю исполненія этой задачи весь свой систематическій умъ и способность ясно, просто и доступно распутывать самые сложные юридическіе вопросы. Его первыя заключенія глубоки по содержанію, богаты настоящимъ знаніемъ и превосходны по изложенію. Настойчивый трудъ, вѣра въ живучесть и жизнеспособность новыхъ учрежденій и строгій нравственный и юридическій критерій сказались въ этихъ заключеніяхъ. Въ нихъ, съ авторитетомъ большого знанія и въ блестящей, хотя и сжатой по изложенію формѣ, указывалась высота требованій, предъявляемыхъ высшимъ судилищемъ къ дѣятелямъ судебной практики, давались указанія, которыя разъясняли массу недоумѣній и затрудненій въ новомъ дѣлѣ. Всѣ главнѣйшіе вопросы уголовнаго судопроизводства были поставлены и публично разрѣшены этими заключеніями — и то, что теперь начинающему судебному дѣятелю можетъ казаться азбукою уголовнаго процесса, ибо оно вошло въ его плоть и кровь, было выработано и установлено заключеніями Ковалевскаго и рѣшеніями Буцковскаго.

Начало семидесятыхъ годовъ застало Ковалевскаго сенаторомъ. Онъ не ограничился одною служебною дѣятельностью. Въ концѣ 1871-го года возникли близъ Петербурга, за пороховыми заводами, земледѣльческая колонія и ремесленный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ созданіе этого учрежденія Ковалевскій вложилъ массу труда, хлопотъ, затратъ и самой горячей любви. Онъ принималъ непосредственное, живое участіе въ устройствѣ колоніи, въ ея горестяхъ и радостяхъ. Библіотека, мастерскія, отдѣльные домики и величавая въ своей простотѣ церковь— все это устроено подъ его руководствомъ и надзоромъ. Колонія, гдѣ его всѣ знали, любили и относились къ нему довѣрчиво, долго была предметомъ его постоянной заботы, мѣстомъ его отдыха и любимымъ его дѣтищемъ. Въ свободное время онъ проводилъ тамъ цѣлые дни, изучалъ характеры отдѣльныхъ «колонистовъ», вводилъ

и обсуждалъ разныя педагогическія и хозяйственныя мѣры. Когда въ колоніи устраивался на праздникахъ домашній театръ или какое-нибудь развлеченіе для дѣтей,—сдержанный и съ виду холодный судебный сановникъ, окруженный шумливою толпою воспитанниковъ колоніи, радовался дѣтскою радостью и бывалъ счастливъ, когда кто-либо пріѣзжалъ ее съ нимъ раздѣлить. Какъ съ выработкою Судебныхъ Уставовъ и съ началомъ кассаціонной практики неразрывно связано его имя, такъ неразрывно связано оно и съ первыми шагами благородной дѣятельности русскаго общества по исправленію тѣхъ несчастныхъ, къ которымъ, благодаря темнымъ условіямъ ихъ дѣтской жизни, уже успѣло привиться преступленіе.

Въ 1880 г., когда во главѣ внутренняго управленія былъ поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ, Ковалевскій получилъ, входившее въ общую систему провѣрки мѣстныхъ условій общественнаго быта, порученіе обревизовать Казанскую и Костромскую губерніи. Окруженный тщательно избранными рабочими силами, онъ началъ ревизію съ Казанской губерніи, какъ съ мѣстности, давно нуждавшейся въ свѣжемъ взглядѣ опытнаго и безпристрастнаго дѣятеля, вслѣдствіе особыхъ административныхъ, этнографическихъ и религіозныхъ усложненій тягостнаго свойства. Обдуманная и спокойная энергія его дѣйствій вызвала замѣну ревизіи Костромской губерніи ревизіею губерніи Уфимской и Оренбургскаго края. Результатомъ послѣдней явилось обнаруженіе извѣстныхъ хищеній въ дѣлѣ раздачи земель и лѣсовъ въ жадныя руки чиновныхъ и нечиновныхъ даровыхъ пріобрѣтателей.

Во время ревизіи Ковалевскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ. Вернувшись въ Петербургъ, богатый новыми наблюденіями, онъ принялъ дѣятельное участіе въ безвременно погибшей, такъ называемой Кахановской коммиссіи, которая должна была сдѣлать, при участіи созванныхъ свѣдущихъ людей, общіе выводы изъ всего выясненнаго сенаторскими ревизіями. Со вступленіемъ въ составъ высшаго законодательнаго учрежденія, онъ получилъ бо̀льшую возможность приложить къ дѣлу свое правовое развитіе и плоды трудовыхъ думъ. Живыя чувства долга и любви къ родинѣ, проникавшія его, давали право надѣяться, что не разъ, правдиво и внушительно, раздастся его спокойное, вѣское слово въ вопросахъ первостепенной важности... Но 31 января 1884-го года грозный и неотвратимый призывъ сказалъ ему: «пора!»—и онъ ушелъ изъ жизни, когда въ сердцѣ знавшихъ его болѣзненно звучало горькое слово: «рано!»

ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
НАБОКОВЪ.

(Рѣчь въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 20 Марта 1904 г.).

Глубокое преобразованіе нашего общественнаго быта и вліяющихъ на его развитіе учрежденій, вызванное преобразованіями императора Александра II, отразилось на задачахъ лицъ, призванныхъ проводить эти преобразованія въ жизнь. Оно отразилось и на оцѣнкѣ ихъ дѣятельности. Работа министровъ и направленіе, въ которомъ она производится—сдѣлались яснѣе и доступнѣе общему вниманію. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый объемъ этой работы значительно увеличился. Достаточно припомнить всѣ сложные вопросы, возникавшіе изъ освобожденія крестьянъ и новаго устройства сельскаго быта, изъ земскаго и городскаго самоуправленія, изъ примѣненія общей воинской повинности, изъ измѣнившихся условій экономической жизни народа, изъ переселенческаго движенія и т. п., чтобы понять, что русскимъ министрамъ дореформеннаго времени вѣроятно и не снилось усложненіе ихъ дѣятельности до такихъ размѣровъ. Тамъ, гдѣ министръ первой половины XIX вѣка имѣлъ лишь самый отдаленный и рѣдко проявляемый надзоръ надъ огромною областью отношеній, вытекавшихъ изъ крѣпостного права и регулируемыхъ усмотрѣніемъ «пятидесяти тысячъ полиціймейстеровъ» въ лицѣ помѣщиковъ,—министру второй половины вѣка приходилось, съ шестидесятыхъ годовъ, проявлять себя, свои взгляды, свою заботливость и организаторскую дѣятельность рядомъ распоряженій.

касающихся *всего* населенія и идущихъ по ступенямъ все расширяющейся сверху внизъ административной лѣстницы. Произвольныя, построенныя на соображеніяхъ чисто личнаго свойства, приказанія частнаго владѣльца при старыхъ условіяхъ крестьянскаго быта не привлекали, будучи обычнымъ явленіемъ, ничьего особеннаго вниманія, за исключеніемъ случаевъ крайнихъ злоупотребленій властью надъ «душами»;—закономѣрность и цѣлесообразность дѣйствій министра въ области вновь слагающихся отношеній живо интересовали всѣхъ мыслящихъ людей. Сама власть шла на встрѣчу этому пытливому вниманію. Опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе, въ 1862 году, въ первый разъ бюджета, дававшее возможность сдѣлать анализъ и синтезъ дѣятельности Министра Финансовъ, было въ этомъ отношеніи знаменательнымъ шагомъ.

Однако и до сихъ поръ, по условіямъ нашего политическаго строя, далеко не весь матеріалъ для правильной оцѣнки характера и значенія дѣятельности того или другого министра бываетъ извѣстенъ вполнѣ, а главное своевременно. Значительная часть наиболѣе важной работы министра, выражающая собою его отношеніе къ запросамъ, потребностямъ и упованіямъ жизни, проходитъ въ кабинетныхъ докладахъ и преніяхъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Отчеты министровъ и этихъ учрежденій доступны немногимъ, да и ихъ сжатые и отшлифованные окончательные выводы не даютъ ясной и осязательной картины всей внутренней, такъ сказать боевой, стороны дѣятельности тѣхъ, кто представляетъ отчетъ. Не даютъ въ этомъ отношеніи опредѣленныхъ указаній и выработанные при участіи того или другого министра законы, скупое слово которыхъ покрываетъ собою всю предшествующую безгласную и безвѣстную борьбу, тревоги, уступки и торжества отдѣльныхъ членовъ нашихъ законодательныхъ совѣщаній. Вслѣдствіе этого, говоря о дѣятельности и личности сошедшаго со сцены министра, приходится зачастую имѣть дѣло съ непровѣренными, смутно или слишкомъ поспѣшно сложившимися представленіями, если только эта личность не выразилась во всей совокупности своихъ дѣйствій и своемъ пониманіи лежащихъ на русскомъ министрѣ задачъ съ особою яркостью и выпуклостью какъ напримѣръ два столь противуположныхъ по направленію человѣка,—графъ Милютинъ или графъ Толстой. Поэтому, говоря о министрѣ, умершемъ на дняхъ, но сошедшемъ съ арены дѣятельной государственной жизни много лѣтъ назадъ, для справедливой оцѣнки его труда и стремленій необходимо уяснить себѣ условія и обстановку, въ которыхъ происходила его дѣятельность.

Вполнѣ естественно, что у насъ особенное напряженіе вниманія и связанной съ нимъ критики—подчасъ близорукой и несправедливой—вызывали реформы крестьянская и судебная. Онѣ слишкомъ близко касались жизни и задѣвали, прямо или косвенно, имущественные интересы, бытовыя привычки и душевныя наклонности множества лицъ. Но отношеніе къ нимъ было разное. Освобожденіе крестьянъ, муки рожденія котораго продолжались полвѣка,—оставляло главную массу недовольныхъ и обиженныхъ позади себя;—судебному преобразованію уже послѣ его осуществленія было суждено съ каждымъ своимъ шагомъ впередъ встрѣчать новые ряды тайныхъ враговъ и явныхъ противниковъ, по большей части весьма развязныхъ въ пріемахъ своего злорѣчія. Когда свершилось упраздненіе крѣпостного права—рѣдко кто на различныхъ ступеняхъ службы или въ печати рѣшался, хотя бы уклончиво и двусмысленно, отрицать нравственныя и правовыя основанія реформы, или дерзалъ, лукаво прикрываясь необходимостью осторожности, съ тревожнымъ соболѣзнованіемъ рисовать «пагубныя послѣдствія» великаго государственнаго дѣла. Недовольство многихъ на смѣлое возбужденіе и энергическое окончаніе этого дѣла размѣнялось, въ виду неизбѣжной безповоротности его рѣшенія, на явную ненависть къ памяти и личности его незабвенныхъ дѣятелей—Ростовцева и Николая Милютина, сдѣлавшихся мишенью для клеветъ и обвиненій. Но когда и послѣдній, услужливо снабженный зловѣщею кличкою «краснаго»,—быть можетъ за то, что *не утратилъ способности краснѣть,* — сошелъ со сцены, а положеніе 19 февраля 1861 года было окончательно введено въ дѣйствіе—почти всѣ примирились съ новымъ порядкомъ. Поэтому ретроспективные вздохи и коварные проекты возсозданія вотчинной власти, усердно разработываемые въ газетѣ «Вѣсть»—не находили себѣ серьезнаго отголоска и исчезали безслѣдно, уподобляясь брызгамъ воды на раскаленную поверхность, которая тѣмъ сильнѣе шипитъ, чѣмъ скорѣе улетучивается въ видѣ пара.

Иначе было съ судебною реформою. Старый судъ былъ слишкомъ нехорошъ, чтобы упраздненіе его не привѣтствовалось огромнымъ большинствомъ. По поводу его уничтоженія почти некому было скорбѣть о своихъ нарушенныхъ интересахъ. Не только не было наличности damnum emergens, но и lucrum cessans касался лишь интересовъ и выгодъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ и среднихъ ступеняхъ судебной службы. О ихъ судьбѣ не жалѣли, о необходимыхъ встрѣчахъ съ ними вспоминали съ отвращеніемъ. Но и новый судъ при ближайшемъ, практическомъ знакомствѣ съ нимъ для многихъ оказался довольно непріятнымъ. Явилась свое-

образная группа *потерпѣвшихъ отъ новаго суда,* разроставшаяся все больше и больше и, пользуясь обстоятельствами времени, вопіявшая все громче и громче. Я уже говорилъ однажды, что однихъ изъ этой группы возмущала гласность производства, очень интересная и заманчивая по отношенію *къ другимъ* и столь подчасъ нежелательная по отношенію *къ себѣ,*—другіе не могли переварить равноправности предъ судомъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ,—третьихъ, по разнымъ причинамъ, раздражало то, что недавнихъ невидныхъ чиновниковъ, допускавшихъ съ собою фамильярно-брезгливое обращеніе, замѣнили люди, получавшіе по тому времени, сравнительно хорошее содержаніе и «что то такое о себѣ воображавшіе» и т. д.

Реакція противъ Судебныхъ Уставовъ проявилась не сразу, не въ видѣ строго обдуманнаго противъ нихъ похода. Началась партизанская война, болѣе истощающая, чѣмъ открытый бой. У Судебныхъ Уставовъ, какъ цѣлаго, рѣдко являлись безусловные и прямые противники, такъ какъ порицать начала, положенныя въ ихъ основаніе, или проповѣдывать возвращеніе къ старымъ судебнымъ порядкамъ было бы уже слишкомъ зазорно. Но примѣненіе этихъ началъ къ окружающему быту, придача имъ плоти и крови въ практической жизни—вызывали и вызываютъ горячія нападенія и воззванія къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ. Сначала эти нападенія не представляли ничего систематическаго и строились болѣе на отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ, представляемыхъ въ одностороннемъ освѣщеніи, встрѣчая зачастую рѣзкую отповѣдь на столбцахъ печати, среди дѣятелей которой Катковъ заявилъ себя горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ Судебныхъ Уставовъ съ самаго ихъ появленія на свѣтъ. Но уже къ концу семидесятыхъ годовъ картина перемѣнилась. Вмѣсто выраженія огорченія и негодованія по поводу «прискорбныхъ случаевъ» стали вопіять объ «органическомъ явленіи»,—въ нареканіяхъ на судебное вѣдомство проявилась опредѣленная и обдуманная тактика— и вліятельный проконсулъ Московской печати, во всей силѣ своего публицистическаго дарованія, перешелъ въ станъ хулителей съ обычною страстностью, свойственною убѣжденнымъ отступникамъ отъ прежнихъ вѣрованій. Тогда-то возникла своеобразная бухгалтерія, по которой въ *пассивъ* новыхъ судебныхъ учрежденій преувеличенно крупнымъ шрифтомъ стали вписываться малѣйшіе промахи, ошибки и неизбѣжные во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ недостатки, а въ *активъ*—ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при прежнемъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицемѣрнаго правосудія. Неожи-

данный исходъ нѣкоторыхъ процессовъ, не удовлетворившій оптимистическимъ ожиданіямъ, далъ поводъ начать кричать «Hannibal ante portas!» и ядовитые въ своей умышленной несправедливости эпитеты — «судебная республика», «судъ улицы» и «антиправительствующій Сенатъ»—были наклеены, дрожащими отъ гнѣвнаго волненія руками, какъ ярлыкъ, на трудовую и столь часто самоотверженную дѣятельность обновленнаго русскаго суда.

Все это указывало, что Судебнымъ Уставамъ начинаетъ грозить серьезная опасность. Всякому неослѣпленному доктринерскимъ самодовольствомъ наблюдателю становилось ясно, что «die schönen Tage in Aranjuez sind nun zu Ende»—и, что вмѣстѣ съ тѣмъ настало время разобраться во всѣхъ нареканіяхъ на порядки, созданные Судебными Уставами. Благодушное пренебреженіе указаніями на слабыя ихъ стороны, указаніями страстными и преувеличенными, становилось недостойнымъ той цѣли, которой призваны служить эти Уставы. Имъ нечего было бояться критики— и *добросовѣстная* критика не могла и не можетъ имъ повредить. Она никогда не коснется ихъ основныхъ началъ уже потому, что не можетъ же она опираться на другія начала, осужденныя и юридическимъ развитіемъ и исторіею страны. Она можетъ только указывать на неправильныя формы, въ которыя вылились эти начала. Но на этой почвѣ, при условіи безпристрастнаго разбора всѣхъ существующихъ данныхъ, споръ и изслѣдованіе могли быть только полезны. Судебные Уставы выработаны не для пустого пространства. Жизнь ихъ вызвала,—къ жизни они и примѣняются. Считать ихъ какою-то окаменѣлостью, застывшею въ своей неподвижности,—считать ихъ за нѣчто непогрѣшимое и стоящее на мѣстѣ, когда жизнь уходитъ впередъ.—невозможно. Періодъ нареканій противъ Уставовъ выработалъ уже въ первое десятилѣтіе ихъ существованія два крайнихъ типа:—къ одному принадлежали люди, готовые «съ легкимъ сердцемъ» и крайнею близорукостью перекроить Уставы вдоль и поперекъ, не отличая и не умѣя отличать въ нихъ существенное отъ внѣшняго и не сознавая, что часто такъ называемое «измѣненіе» равносильно уничтоженію; къ другому надо отнести *ортодоксовъ*, полагавшихъ что они дѣйствительно охраняютъ дорогія имъ учрежденія, защищая каждую запятую въ Уставахъ, становясь на охрану чуть не ихъ опечатокъ и упорно отворачиваясь отъ реальныхъ проявленій примѣненія этихъ Уставовъ, не желая ни слышать о нихъ, ни вглядываться въ нихъ. Если представители перваго типа были далеко не безвредны по практическимъ результатамъ, которыми при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождались опыты надъ

измѣненіемъ Судебныхъ Уставовъ, за то представители второго, несмотря на симпатичность своихъ побужденій, были болѣе чѣмъ плохіе защитники этихъ же Уставовъ. Высокомѣрное отношеніе къ тому, чѣмъ можетъ быть иногда силенъ противникъ, и нежеланіе сознать и изучить свои, легко исправимыя, слабыя стороны— всегда и во всякой борьбѣ оказывало вредныя услуги.

Нельзя было отрицать, что по прошествіи первыхъ 15-ти лѣтъ судебныя учрежденія наши стали не совсѣмъ тѣмъ, что ожидалось отъ нихъ при введеніи Уставовъ. Кое-что въ нихъ слишкомъ скоро обветшало, а иное приняло совсѣмъ нежеланныя формы. Личный составъ ихъ былъ уже не тотъ исполненный энергіи и горделивой вѣры въ свое дѣло составъ шестидесятыхъ годовъ. Кое-гдѣ въ новые мѣха просочилось старое вино,—многіе устали, утратили свѣжесть взглядовъ,—органическая связь между отдѣльными учрежденіями ослабѣла, рутина понемногу стала усаживаться на мѣстѣ живого дѣла и образъ судебнаго дѣятеля началъ мало-по-малу затемняться образомъ судейскаго чиновника. Этихъ явленій отрицать было нельзя и съ ними было необходимо считаться...

Съ другой стороны, съ теченіемъ времени оказалось, что обстановка, въ которой должны дѣйствовать новые суды, часто не согласуется съ началами, которыя они должны примѣнять,—что существуютъ условія дѣятельности, непредусмотрѣнныя составителями Уставовъ, но отражающіяся на ней весьма рельефно,—что многое намѣчено въ слишкомъ общихъ чертахъ, а иногда проведено черезчуръ теоретично и рѣзко, вопреки требованіямъ жизни,— что, наконецъ, мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ придана слишкомъ большая свобода воздѣйствія на практическое примѣненіе Судебныхъ Уставовъ. Обнаруженіе небольшихъ недостатковъ и недосмотровъ было вполнѣ естественно въ громадномъ зданіи, созданномъ судебною реформою. Самая незначительность ихъ блестящимъ образомъ доказывала, какъ хороша, какъ прочна вся работа въ цѣломъ...

При такомъ положеніи вещей былъ назначенъ министромъ юстиціи Дмитрій Николаевичъ Набоковъ. Правовѣдъ одного изъ первыхъ выпусковъ,—товарищъ людей, оставившихъ почетныя имена, Д. Н. Набоковъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, сдѣлался сотрудникомъ великаго князя Константина Николаевича въ его управленіи морскимъ вѣдомствомъ. Изъ этого вѣдомства, подъ вліяніемъ великаго князя, при пробужденіи Россіи отъ мертвящаго сна, завершеннаго кровавою очистительною жертвою въ Севастополѣ, прежде всего по-

вѣяло дыханіемъ жизни и энергическимъ исканіемъ путей къ лучшему будущему. Поэтому быть многолѣтнимъ сотрудникомъ великаго князя,—чей образъ давно пора вызвать къ свѣту во всей нравственной красотѣ его служенія благу родины,—значило быть сопричастникомъ тѣхъ возвышенныхъ мыслей и глубокой вѣры въ душевныя силы русскаго народа, которыми были проникнуты великодушныя начинанія Царя-Освободителя. Такимъ сотрудникомъ — сопричастникомъ и былъ покойный Набоковъ. Единство взглядовъ и направленія, существовавшее между нимъ и великимъ княземъ, сказалось съ очевидностью въ томъ, что, когда послѣдній былъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго въ цѣляхъ умиротворенія волнующагося края и явился проводникомъ примирительной политики, къ сожалѣнію не оцѣненной крайними партіями, онъ пригласилъ съ собою Набокова.

Введеніе Судебныхъ Уставовъ, столь многимъ обязанныхъ великому князю и его ближайшимъ сотрудникамъ, съ горячей настойчивостью поднявшимъ вопросъ о преобразованіи судебной части и въ своемъ вѣдомствѣ, вызвало назначеніе Д. Н. Набокова въ число членовъ только что образованнаго гражданскаго кассаціоннаго департамента.

Набокову пришлось, такимъ образомъ, участвовать въ первыхъ шагахъ практическаго осуществленія судебнаго преобразованія, посыльной охранѣ коренныхъ началъ котораго онъ сталъ, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, служить въ качествѣ Министра Юстиціи. Въ Сенатѣ онъ пробылъ однако недолго, но и въ послѣдовавшее затѣмъ начальствованіе имъ канцеляріею по дѣламъ Царства Польскаго, посвященное работамъ по органическому переустройству гражданскаго его строя на началахъ, завѣщанныхъ другимъ сотрудникамъ великаго князя Константина Николаевича, Николаемъ Милютинымъ, Набоковъ не оставался чуждъ судебной реформѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ обсужденіи и осуществленіи мѣръ для ея введенія въ Царствѣ Польскомъ въ 1876 году, когда еще и Западный, и Прибалтійскій край пользовались дарами устарѣлаго судебнаго устройства и сомнительнаго правосудія.

Въ тяжелое время суждено ему было занять постъ Министра Юстиціи. Пришлось считаться съ возбужденнымъ ожесточенными нападеніями недовѣріемъ свыше и съ вкоренившимся у насъ обычаемъ лѣчить *кажущіяся болѣзненными* бытовыя явленія законодательными лекарствами, предлагаемыя съ тревожною поспѣшностью, послѣ ряда лѣтъ апатіи и невниманія къ требованіямъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было прямодушно пойти на исправленіе того, что было задумано слишкомъ теоретически и оказы-

валось практически неприложимымъ или нецѣлесообразнымъ. Это нужно было сдѣлать прежде всего для успѣха самого судебнаго дѣла. Наконецъ,—и это должно было стать одною изъ главныхъ заботъ,—слѣдовало, отстаивая со спокойною твердостью основныя начала Уставовъ—гласность, устность, непосредственность и свободу внутренняго убѣжденія судьи, неразрывно связанную съ его самостоятельностью,—и соглашаясь на мѣры, заключавшія въ себѣ частичныя видоизмѣненія, могущія быть обращенными въ улучшенія,—не дать судебнымъ работникамъ упасть духомъ предъ шумѣвшей вокругъ непогодою. Все это было дѣломъ труднымъ, требовавшимъ, среди ежедневныхъ заботъ сложнаго управленія и всякаго рода «безполезнаго тренія», которое къ несчастію существуетъ не въ одной только механикѣ, напряженнаго вниманія и искренней любви къ истиннымъ задачамъ ввѣренной Министру Юстиціи отрасли государственной жизни. При этомъ было нужно добросовѣстно сочетать прямодушную защиту истины отъ вольныхъ и невольныхъ ея искаженій съ умѣньемъ сохранить довѣріе къ чистотѣ своихъ побужденій.

Въ тревожные и смутные годы бытности Д. Н. Набокова министромъ можно было ожидать большого колебанія почвы подъ ногами Судебныхъ Уставовъ. Но благодаря его направленію и душевнымъ свойствамъ, итогъ измѣненій и поправокъ въ великомъ памятникѣ законодательства Александра II—свелся лишь къ несомнѣнному и въ высшей степени необходимому улучшенію въ порядкѣ составленія и въ самомъ составѣ списковъ присяжныхъ засѣдателей,—къ весьма разумному ограниченію права отвода ихъ сторонами и къ учрежденію, въ составѣ Сената, высшаго дисциплинарнаго суда, призваннаго, въ опредѣленномъ порядкѣ, ограждать судебныя учрежденія отъ судей явно нерадивыхъ или, по внушаемому ихъ поступками неуваженію, недостойныхъ своего высокаго званія.

Составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей, намѣченное въ довольно общихъ чертахъ при начертаніи Судебныхъ Уставовъ, обратилось къ концу семидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе недомолвокъ закона и отсутствія въ коммиссіяхъ по составленію списковъ лицъ, заинтересованныхъ въ хорошемъ составѣ присяжныхъ,—въ безпризорное дѣло, практикуемое съ нашимъ обычнымъ «рукавоспустіемъ». Особое совѣщаніе, учрежденное, по докладу Набокова, въ составѣ Сената, съ приглашеніемъ членовъ-экспертовъ изъ судебныхъ практиковъ, признало, на основаніи многочисленныхъ и разнообразныхъ данныхъ, что временныя коммиссіи для составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей во многихъ мѣстахъ вовсе не существу-

ютъ и что ихъ обязанности исполняются секретарями земскихъ управъ, письмоводителями уѣздныхъ предводителей дворянства или даже лицами вольнонаемными. При этомъ было обнаружено, что въ списки присяжныхъ нерѣдко помѣщаются, вопреки положительнымъ указаніямъ закона, не только несостоящіе въ русскомъ подданствѣ, имѣющіе болѣе 70 лѣтъ отъ роду, не проживающіе въ уѣздѣ или подвергшіяся уголовнымъ наказаніямъ, но и слѣпые, глухіе, лишенные разсудка и даже давно умершіе. Кромѣ того лица, принадлежащія къ сословіямъ дворянскому и купеческому, часто оказывались совершенно освобожденными отъ внесенія въ списки, такъ что во многихъ уѣздахъ въ составъ присяжныхъ входили исключительно мелкіе отставные чиновники и крестьяне. Наконецъ, имущественный цензъ, указанный въ учрежденіи судебныхъ установленій, почти никогда не приводился въ извѣстность, вслѣдствіе чего въ присяжные попадали люди, не владѣющіе имуществомъ, могущимъ обезпечить независимость и серьезность ихъ сужденія. Всѣ эти неправильности и упущенія, въ связи со стремленіемъ освобождать, по возможности, отъ исполненія присяжной повинности лицъ наиболѣе развитыхъ и образованныхъ, съ очевиднымъ вредомъ отражались на отправленіи правосудія по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ было предоставлено присяжнымъ засѣдателямъ.

Представленіемъ Набокова въ Государственный Совѣтъ въ 1883 году этому порядку вещей былъ положенъ предѣлъ. Въ составъ временныхъ коммиссій, образуемыхъ дотолѣ изъ случайныхъ лицъ, были введены, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя или лицъ, замѣняющихъ его по закону, предсѣдатели уѣздной земской управы и съѣзда мировыхъ судей, городскіе головы, непремѣнные члены уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и мѣстные товарищи прокурора окружнаго суда. Самое количество присяжныхъ, вносимыхъ въ очередной списокъ, увеличено почти вдвое. Поле для выбора стало шире, а избиратели— надежнѣе и нравственно отвѣтственнѣе.

Для улучшенія состава присяжныхъ засѣдателей этого однако было мало. Имущественный цензъ, установленный для избранія въ присяжные закономъ, иногда вовсе не выражаетъ дѣйствительной состоятельности лица, которое по разнымъ причинамъ можетъ оказаться въ состояніи близкомъ къ нищетѣ. Еще съ конца шестидесятыхъ годовъ въ Министерства Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ стали поступать представленія различныхъ земствъ о необходимости установленія вознагражденія неимущимъ лицамъ, призываемымъ къ несенію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Нѣкото-

рыя земскія собранія даже прямо постановили о выдачѣ суточныхъ денегъ крестьянамъ, призываемымъ изъ окрестныхъ деревень въ уѣздные города для участія въ сессіи присяжныхъ засѣдателей. Дѣйствительно положеніе присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ оказывалось иногда крайне тягостнымъ. Къ разнымъ удручающимъ ихъ проявленіямъ мѣстныхъ порядковъ, столь ярко описаннымъ Златовратскимъ въ его превосходномъ очеркѣ «Крестьяне—присяжные», присоединялась очень часто крайняя нужда. Представителямъ «общественной совѣсти» приходилось,—проѣвъ въ городѣ свои послѣднія крохи,—чтобы «не отощать въ конецъ» или и вовсе не «помереть съ голоду» наниматься чистить дворы, возить и пилить дрова, или просить подаянія не только по окончаніи сессіи, но и въ промежутки между слушаніемъ дѣлъ. Нѣкоторые суды, особенно на югѣ, бывали вынуждены прерывать сессію присяжныхъ на срединѣ и отпускать засѣдателей, оставшихся рѣшительно безъ куска хлѣба, домой для привоза или приноса скуднаго продовольствія себѣ и товарищамъ; въ Самарской губерніи бывали случаи заклада присяжными носильнаго платья, чтобы пропитаться. Поэтому въ рядѣ земскихъ ходатайствъ высказывалась мысль, что призывъ фактически неимущихъ крестьянъ на уголовныя сессіи можетъ поставить ихъ, противъ воли, въ необходимость прибѣгать для поддержанія своего существованія къ средствамъ, несовмѣстимымъ съ характеромъ и важностью ихъ судейскихъ обязанностей.

Эти справедливыя указанія ходатайствъ встрѣтили однако въ Петербургѣ неожиданный отпоръ. Въ подлежащихъ сферахъ было провозглашено, что установленіе вознагражденія неимущимъ присяжнымъ несовмѣстно съ характеромъ званія присяжнаго засѣдателя, которое есть не только личная *повинность*, возложенная на мѣстное населеніе по отправленію уголовнаго правосудія, но и предоставленное закономъ лицамъ, удовлетворяющимъ опредѣленнымъ условіямъ, *право* принимать участіе въ сужденіи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Поэтому было найдено, что присутствіе въ средѣ присяжныхъ засѣдателей лицъ не имѣющихъ даже средствъ къ пропитанію, представляется совершенно противорѣчащимъ тому положенію, которое при начертаніи Судебныхъ Уставовъ дано было этому учрежденію. При этомъ было забыто, что составители Судебныхъ Уставовъ, какъ разъ наоборотъ, признавали необходимость полученія присяжными вознагражденія изъ земскихъ сборовъ и лишь потому не ввели правилъ о порядкѣ опредѣленія этого вознагражденія въ учрежденіе судебныхъ установленій, что приведеніе такихъ опредѣленій въ дѣйствіе *несомнѣнно* относится

къ предмету вѣдомства губернскихъ земскихъ собраній. Тѣмъ не менѣе въ 1872 году состоялось опредѣленіе перваго департамента Сената о *воспрещеніи земству* какихъ либо выдачъ присяжнымъ «ибо земства могутъ заботиться исключительно о хозяйственныхъ трудахъ и пользахъ». Это формалистическое толкованіе, основанное на чуждыхъ русской жизни соображеніяхъ о томъ, что *тяжелая повинность* присяжныхъ всегда и при всѣхъ условіяхъ является, будто-бы, ихъ *безвозмезднымъ правомъ,* было невѣрнымъ и по существу, такъ какъ на земствѣ лежали расходы и на народное образованіе, и на народное здравіе—и выдача содержанія существовавшимъ еще тогда мировымъ судьямъ. Оно обрекало присяжныхъ изъ крестьянъ на произволъ ихъ бѣдности и сопряженныхъ съ нею искушеній. Къ сожалѣнію, этотъ бездушный теоретическій взглядъ нашелъ себѣ подтвержденіе въ 1874 и 1875 году и въ положеніяхъ Комитета Министровъ, основанныхъ на соглашеніи по вопросу о вознагражденіи присяжнымъ между Министерствами Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ.

Нужно ли говорить, что такой отрѣшенный отъ условій русской жизни взглядъ на *высокое право* быть присяжнымъ оказался, быть можетъ неожиданно для прямолинейно проводившихъ его, очень на руку противникамъ суда присяжныхъ, въ глазахъ которыхъ этотъ судъ сдѣлался не только «судомъ улицы», но еще вдобавокъ и «судомъ нищихъ»... Притомъ нельзя отрицать и того, что случаи крайней нищеты присяжныхъ давали, очень впрочемъ рѣдкій, поводъ къ покушеніямъ подѣйствовать на нихъ подкупомъ. Но эти исключительныя, печальныя проявленія малодушія (всѣхъ дѣлъ о лихоимствѣ присяжныхъ, выражавшемся, главнымъ образомъ, *въ принятіи угощенія,* было съ 1879 года по 1892 годъ, т. е. за время дѣйствія составовъ присутствія комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей, разрѣшившихъ 208.000 дѣлъ, всего двадцать съ двадцатью восемью осужденными) послужили въ свое время къ громкимъ заявленіямъ о продажности присяжныхъ, которымъ, съ разными причитаніями, «покиваніемъ» на старые суды и затаеннымъ злорадствомъ объявлялось: «tu quoque Brute!»

Набоковъ—какъ *человѣкъ*—отозвался сердцемъ на положеніе неимущихъ присяжныхъ,—какъ *государственный дѣятель*—понялъ, какую опасность для правосудія представляетъ отправленіе такового «впроголодь», и въ 1883 г. внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ о предоставленіи внесеннымъ въ общіе списки присяжныхъ засѣдателей *права требовать* отъ коммиссій, составляющихъ списки—своего исключенія изъ послѣднихъ по неимѣнію средствъ для содержанія себя во время сессіи, удостовѣрен-

ному общественнымъ начальствомъ или мѣстнымъ мировымъ судьею. Особому присутствію коммиссій по составленію очередныхъ списковъ при этомъ предполагалось разрѣшить освобождать неимущихъ присяжныхъ и по собственному усмотрѣнію, безъ ихъ о томъ просьбы. Такимъ путемъ изъ состава присяжныхъ устранялись не только лица, для которыхъ несеніе судейскихъ обязанностей обращалось, по бѣдности ихъ, въ «тяготу неудобоносимую»,— но и люди, бѣдность которыхъ, побуждающая ихъ вступать въ крайне зависимыя личныя отношенія къ работодателямъ, могли подвергнуть ихъ совѣсть различнаго рода соблазнамъ и давленіямъ со стороны «кормильцевъ» и «господъ» въ той или другой оболочкѣ. Намѣреніямъ Набокова, выраженнымъ въ представленіи его, однако не суждено было осуществиться во время бытности его министромъ—и лишь въ 1887 году 82 статья учрежд. суд. установленій была дополнена указаніемъ на крайнюю бѣдность и нахожденіе въ услуженіи въ качествѣ домашней прислуги, какъ на причины, устраняющія возможность быть присяжнымъ засѣдателемъ. Дальнѣйшій шагъ впередъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ коммиссіею для пересмотра законоположеній по судебной части, внесшей въ ст. 65 проекта учрежденія судебныхъ установленій, сверхъ поименованнаго въ 82 ст. дѣйствующаго учрежденія пунктъ *седьмой*—о канцелярскихъ чиновникахъ и служителяхъ, а также вольнонаемныхъ писцахъ въ правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ.

Если, съ одной стороны, до проведенія Набоковымъ новаго закона о составѣ коммиссій, цѣлыя серіи лицъ наиболѣе зажиточнаго и развитаго населенія устранялись, путемъ любезной забывчивости составителей общихъ списковъ, отъ исполненій *обязанностей* присяжныхъ засѣдателей, то, съ другой стороны, на судѣ зачастую практиковалось ни на чемъ достойномъ уваженія не основанное лишеніе *права* быть присяжнымъ. Обѣ стороны, по ст. 656 уст. угол. суд., имѣли право отвести изъ тридцати присяжныхъ, подлежащихъ жеребью, двѣнадцать, безъ объясненія причинъ отвода, простымъ вычеркиваніемъ. Широкое пользованіе этимъ правомъ не рѣдко являлось осуществленіемъ совершенно произвольныхъ взглядовъ, непровѣренныхъ симпатій, антипатій и побужденій, совершенно чуждыхъ идеѣ и цѣлямъ правосудія. Право широкаго отвода представителей общественной совѣсти отъ исполненія ихъ обязанности давало той или другой сторонѣ возможность вступать въ союзъ съ тѣми элементами въ составѣ присяжныхъ, которые являлись наименѣе желательными для правильнаго разрѣшенія дѣла. По дѣламъ, гдѣ требовался анализъ намѣ-

реній подсудимаго, гдѣ мотивы преступленія были сложны и не выяснялись однимъ внѣшнимъ проявленіемъ нарушенія закона—обвинители, жаждавшіе прежде всего успѣха, не стѣснялись вступать въ союзъ съ наименѣе развитыми изъ присяжныхъ—и вычеркивали шестерыхъ представителей болѣе образованныхъ и развитыхъ слоевъ общества. То же самое, въ дѣлахъ о преступленіяхъ сложнаго состава, не укладывающагося въ простыя рамки заповѣдей «не убій» и «не укради», съ разнообразною и часто разнорѣчивою экспертизою—дѣлала защита. Такимъ образомъ составъ присутствій присяжныхъ засѣдателей образовывался искуственно и *ad hoc*, съ устраненіемъ изъ него полезныхъ силъ и со введеніемъ въ него преобладанія безсознательно односторонняго элемента. Кромѣ того, послѣ первыхъ дней сессіи, всматриваясь и вслушиваясь въ едва уловимые признаки отношенія того или другого присяжнаго къ исполненію имъ своего долга, представители сторонъ начинали упорно и настойчиво вычеркивать нѣкоторыхъ лицъ изъ списковъ, подвергая ихъ не только фактическому *лишенію права* быть засѣдателемъ, но заставляя ихъ безплодно терять время и нести на себѣ, въ теченіе значительнаго промежутка времени, иногда по нѣскольку разъ въ день, тяжесть произвольнаго и оскорбительнаго отчужденія отъ товарищей въ дѣлѣ отправленія правосудія, но безъ права уклоняться отъ розыгрываемой съ ихъ именемъ комедіи. Такое извращеніе взгляда на дѣйствительныя цѣли отвода присяжныхъ вызывало въ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣятеляхъ попытки ограничить осуществленіе отвода только крайнею необходимостью. Такъ въ прокуратурѣ Петербургскаго окружнаго суда, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, было принято, по моему почину и по общему соглашенію товарищей, вовсе не пользоваться правомъ отвода, за исключеніемъ случаевъ несомнѣнно удостовѣреннаго предвзятаго и недобросовѣстнаго отношенія кого-либо изъ присяжныхъ къ торжественно принятой на себя обязанности «не оправдывать виновнаго и не осуждать невиннаго»...

Д. Н. Набоковъ рѣшился наложить руку на этотъ ненормальный порядокъ вещей, дававшій притомъ часто средство къ отсрочкѣ разбирательства для разсмотрѣнія дѣла другимъ, болѣе благопріятнымъ для отводящей стороны, составомъ присяжныхъ. Результатомъ его представленія въ Государственный Совѣтъ, съ интересной и подробной разработкой западно-европейскихъ постановленій объ отводѣ, явился законъ 12 іюня 1884 года, по которому число отводимыхъ присяжныхъ ограничено шестью, по трое для каждой стороны.

Учрежденіе высшаго дисциплинарнаго суда и предоставленіе ему, между прочимъ, права увольнять и перемѣщать судей по причинамъ, указаннымъ въ 295[2] ст. учр. судебныхъ установленій, послужило поводомъ къ обвиненію Набокова въ нарушеніи начала судейской несмѣняемости. При этомъ обыкновенно указывалось на то, что составителями Судебныхъ Уставовъ допущено удаленіе судей отъ должности не иначе, какъ по приговорамъ уголовнаго суда, т. е. въ случаѣ признанія ихъ виновности въ преступленіяхъ по должности, влекущихъ за собою, согласно ст. 65 улож. о наказаніяхъ, исключеніе изъ службы, отрѣшеніе и удаленіе отъ должности. Но въ заслуживающей уваженія и искренняго сочувствія заботѣ объ охраненіи судейской несмѣняемости отъ колебанія ея основъ, забывалась дѣйствительная постановка несмѣняемости по Судебнымъ Уставамъ и ея истинная сущность. Статья 243 учр. суд. установл., опредѣляющая условія несмѣняемости, содержала въ себѣ указаніе на 295 и 296 статьи того же учрежденія, а онѣ требуютъ удаленія отъ должности, въ дисциплинарномъ порядкѣ, судей, задержанныхъ за долги или объявленныхъ несостоятельными должниками и допускаютъ такое же удаленіе по отношенію къ судьямъ, подвергнутымъ, въ уголовномъ порядкѣ, какому либо взысканію или наказанію за преступленіе или проступокъ, не относящіеся къ службѣ. Такимъ образомъ, не только виновность, влекущая за собой примѣненіе 1, 2 и 4 пунктовъ 65 ст. улож. о нак. но и *всякая,* признанная уголовнымъ судомъ, виновность можетъ, по мысли составителей Судебныхъ Уставовъ, служить основаніемъ къ увольненію судьи. Это увольненіе можетъ послѣдовать, говорили составители Уставовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда виновность судьи явилась не послѣдствіемъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ и когда оставленіе признаннаго виновнымъ на службѣ не можетъ не подѣйствовать неблагопріятно на судебную часть, подрывая въ обществѣ уваженіе и довѣріе къ судебнымъ чинамъ и распространяя дурной примѣръ. Но такой подрывъ довѣрія и уваженія, необходимыхъ для авторитетности и нравственной цѣнности дѣятельности судебнаго сословія, можетъ вызываться не одними дѣяніями, влекущими за собою судебную кару. Есть цѣлый рядъ многоразличныхъ поступковъ, надъ которыми не подымается мечъ уголовнаго правосудія, но которые, тѣмъ не менѣе глубоко возмущаютъ нравственное чувство и могутъ вызывать въ людяхъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ судомъ, заслуженное презрѣніе къ его представителямъ и недовѣріе къ чистотѣ ихъ побужденій при выработкѣ судебныхъ рѣшеній. Эти поступки и взятые въ отдѣльности и разсматриваемые въ своей

совокупности, какъ послѣдовательный образъ дѣйствій или нравственное поведеніе судьи,—очень часто, будучи вполнѣ предосудительными, могутъ не заключать въ себѣ признаковъ уголовно-наказуемаго дѣянія. Область нравственности шире и глубже области грозящихъ карою предписаній. Въ ней нарушенія говорятъ болѣе возмущенному сердцу, чѣмъ холодному разсудку, грозятъ гораздо болѣе духовнымъ скрѣпамъ общества, чѣмъ внѣшнему порядку. Судью, который, напримѣръ, чрезъ подставныхъ лицъ участвуетъ въ корыстныхъ операціяхъ или самъ предлагаетъ себя подставнымъ лицомъ въ обходъ того или другого закона,—который способствуетъ своими средствами учрежденію гласной кассы ссудъ, прикрывающей собою негласныя ростовщическія сдѣлки, извлекаетъ доходы изъ чужаго безнравственнаго и постыднаго промысла, или, къ общему соблазну, пользуется щедрой благосклонностью богатой и чувственной старухи и вообще предается дѣятельности, направленной на развитіе въ обществѣ низменныхъ страстей, на насиліе надъ слабымъ и безпомощнымъ или на неразборчивую и хищную наживу—часто невозможно подвести подъ желѣзное ярмо уголовнаго закона. Его можетъ осуждать только возмущенное общественное мнѣніе, Но развѣ допустимо—тамъ, гдѣ этотъ послѣдній судъ справедливъ и основанъ на дѣйствительныхъ данныхъ—оставлять въ рукахъ такого судьи отправленіе правосудія? «Врачу—исцѣлися самъ!» въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ судьѣ. Частная жизнь его только дотолѣ должна быть недоступна постороннему вмѣшательству и оцѣнкѣ, доколѣ она, своими характерными чертами, не подрываетъ достоинства судьи въ его общественной дѣятельности. Поэтому общество должно быть ограждаемо отъ судей, которые, по образному выраженію В. Д. Спасовича «ходятъ по опушкѣ»—между уголовною карой и безнаказанностью собственной душевной неопрятности. Его слѣдуетъ ограждать и отъ явно нерадивыхъ судей, относящихся пренебрежительно къ своимъ обязанностямъ, исполненіе которыхъ обращается ими въ ремесло, для себя ненавистное, для другихъ—нерѣдко пагубное, ибо недобросовѣстное отношеніе судьи къ порученному ему дѣлу можетъ грозить непоправимыми послѣдствіями.

Опасность для правосудія можетъ однако исходить не изъ однѣхъ личныхъ свойствъ судьи. Она можетъ лежать *внѣ* судьи, вліяя роковымъ образомъ на спокойствіе рѣшенія и его независимость отъ постороннихъ личныхъ соображеній. Приказаніе, идущее отъ имущихъ власть и возможность удалить судью отъ его дѣла или вовсе лишить его привычной дѣятельности—и настойчивыя, вліятельныя внушенія—способны создать въ немъ постоянную тре-

вогу за свое положеніе вообще, опасеніе послѣдствій своего *предстоящаго* рѣшенія и страхъ по поводу уже *состоявшагося*. Къ судьѣ слѣдуетъ предъявлять высокія требованія не только въ смыслѣ знанія и умѣнія, но и въ смыслѣ характера, но требовать отъ него героизма невозможно. Отсюда необходимость оградить его отъ условій, дающихъ основаніе къ развитію въ немъ малодушія и вынужденной угодливости. Отсюда *несмѣняемость* судьи, дающая честному, строго исполняющему свои обязанности, человѣку безупречнаго поведенія возможность спокойно и безтрепетно осуществлять свою судейскую дѣятельность. Положеніе, при которомъ судья, достойный своего званія, изучая дѣло, можетъ совершенно не помышлять о *своемъ* завтрашнемъ днѣ, а думать лишь о завтрашнемъ днѣ судимаго имъ обвиняемаго или разбираемыхъ имъ тяжущихся, положеніе, характеризуемое знаменитыми словами «la Cour rend des arrets et pas des services»—есть одно изъ лучшихъ ручательствъ правильности судебныхъ рѣшеній, есть одно изъ самыхъ жизненныхъ условій дѣятельности *настоящаго* судьи. Поэтому истинный смыслъ несмѣняемости состоитъ—по отношенію къ судьѣ въ томъ, что онъ можетъ «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ» и примѣняя къ нимъ или къ ихъ спору законъ, руководиться только указаніями своего опыта, знанія и совѣсти, нисколько не задумываясь о послѣдствіяхъ постановленнаго рѣшенія или предпринятаго судебнаго дѣйствія для своего служебнаго положенія,—по отношенію къ обществу въ томъ, что при существованіи несмѣняемости оно не имѣетъ основаній видѣть въ дѣятельности судей исполненіе «токмо за страхъ, *но* не за совѣсть» чьихъ либо личныхъ приказаній, продиктованныхъ преходящею «злобою дня» и чуждыми правосудію соображеніями.

Вотъ почему представленіе Д. Н. Набокова о передачѣ высшему дисциплинарному суду, сверхъ случаевъ, упомянутыхъ въ ст. 295 и 296 учр. суд. уст., и случаевъ, предусмотрѣнныхъ ст. 295[2] по редакціи 20 мая 1885 года—можно только съ большими натяжками считать направленнымъ противъ судейской несмѣняемости. Законъ, говорящій о многократныхъ служебныхъ упущеніяхъ, свидѣтельствующихъ о *явномъ* пренебреженіи судьи къ своимъ обязанностямъ или о несоотвѣтствіи его занимаемому имъ положенію, — говорящій о судьѣ, дозволившемъ себѣ такіе безправственные или предосудительные поступки, которые несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и, получивъ огласку, лишаютъ судью необходимаго довѣрія и уваженія—ничѣмъ не грозитъ судьѣ, сознающему важность несомыхъ имъ обязанностей. Несомнѣнно, что святое право творить судъ нелицепріятно и безтрепетно, вни-

мая лишь голосу внутренняго убѣжденія—и оставаясь на своемъ посту пока не измѣнятъ силы и не настанетъ надобность въ заслуженномъ отдыхѣ—не есть право безвозмездное. За право быть справедливымъ къ другимъ надо платить строгимъ отношеніемъ къ себѣ и къ принятому на себя долгу, памятуя слова Цицерона «нѣтъ момента въ жизни, свободнаго отъ долга,—въ соблюденіи послѣдняго состоитъ настоящая *честь,*—въ пренебреженіи къ нему *позоръ»...* Судьѣ, *такимъ образомъ дѣйствій* отвѣчающему государству на обезпеченную ему несмѣняемость — законъ 20 мая 1885 года ничѣмъ не угрожаетъ; съ другой стороны едва ли интересы общества, нуждающагося въ правосудіи и въ уваженіи къ его представителямъ, что либо проиграютъ отъ того, что «рабъ лѣнивый и лукавый» по выслушаніи его объясненій высшею коллегіею, чуждою мѣстнымъ страстямъ и интересамъ, оставитъ запускаемую и оскверняемую имъ ниву.

Вотъ почему нѣтъ основаній ставить Д. Н. Набокову въ вину законъ 20 мая 1885 г., проведенный имъ въ эпоху самыхъ ожесточенныхъ нападеній на судейскую несмѣняесть въ ея истинномъ смыслѣ, когда ея полное и безусловное уничтоженіе, какъ вопіющаго, будто бы, противорѣчія нашему государственному строю, обратилось въ своего рода «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam». По тому, что въ это время печаталось, можно судить о томъ, что говорилось, а печаталось, напр., что монархъ, давшій Россіи обновленный судъ и не поставившій, вмѣстѣ съ тѣмъ, судей въ зависимое и отвѣтственное положеніе предъ начальствомъ въ каждомъ ихъ рѣшеніи—былъ злонамѣренно введенъ въ ошибку,—что министръ юстиціи есть не болѣе, какъ безобидный экзекуторъ въ притворахъ храма Ѳемиды и дипломатическій агентъ судебнаго вѣдомства при россійскомъ дворѣ,—что доктрина о непререкаемости *окончательныхъ* судебныхъ рѣшеній *возмутительна* въ своей нелѣпости,—что судебный чинъ, негодный и неспособный, *но еще не зарѣзавшій человѣка,* неотвратимъ, какъ Божій гнѣвъ и т. д. Министру приходилось дѣйствовать въ условіяхъ этого времени, сознавая, что на его, основанныя на принципахъ и научныхъ построеніяхъ, доводы ему, при запальчивой поддержкѣ вліятельной печати, могутъ отвѣтить неразборчивыми примѣрами и громкими словами, возводя частичные случаи въ общее явленіе, которому будетъ придана условная по формѣ, но страстная по существу окраска. Конечно можно было, не обращая вниманія на отдѣльныя нападенія и на преобладающее общее настроеніе, утверждать, что «все обстоитъ благополучно». Въ такой роли было бы, быть можетъ, болѣе цѣльности, но въ ней было бы упорное

нежеланіе считаться съ житейскою дѣйствительностью, вмѣсто того, чтобы направить порожденные ею вопросы къ наиболѣе благополучному ихъ разрѣшенію. Политическая мудрость предписывала пойти на встрѣчу опасности, — сознавъ уязвимость своей ахиллесовой пяты, установить прочно и добросовѣстно то, что можно уступить и сказать «дальше—ни шагу!», взявъ при этомъ у противниковъ то, что оправдывалось жизнью и отвергнувъ то, отъ чего вѣяло тлѣніемъ и разложеніемъ. Иначе—можно было съ большою вѣроятностью ожидать появленія властнаго требованія объ уничтоженіи несмѣняемости въ самомъ ея корнѣ и существѣ, требованія внезапнаго и предъявленнаго въ формахъ неотвратимыхъ... Уступкою сдѣланною Набоковымъ дано было удовлетвореніе всему, что было пріемлемаго хотя и съ грустью, въ предпринятомъ противъ судебнаго вѣдомства походѣ, а все неразумное и ослѣпленное оставлено какъ тщетное пожеланіе. Ею было куплено сохраненіе начала несмѣняемости въ его точно опредѣленномъ очертаніи. При этомъ Набоковъ зналъ, что отстаивая это начало въ упорныхъ и тягостныхъ спорахъ, онъ, въ тоже время, даже достигнувъ своей цѣли, не встрѣтитъ сочувственнаго слова ни съ какой стороны. Людей, съ трогательною нѣжностью относившихся къ дѣвственнымъ формамъ Судебныхъ Уставовъ въ моментъ ихъ появленія въ русской жизни, огорчалъ новый наростъ на дорогомъ тѣлѣ, горестно свидѣтельствовавшій при томъ, что возможны случаи, когда судьи стоятъ не на высотѣ своего призванія. Противники основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ, помышлявшіе о серьезномъ членовредительствѣ, съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и озлобленіемъ противъ Набокова смотрѣли на принятыя по его почину условія мира. Чувствуя, что у нихъ умѣлою рукою отнято оружіе, они обвиняли Набокова въ лукавствѣ и попустительствѣ, сознавая, что по его винѣ не удалось достигнуть того желаннаго мира, о которомъ говорилъ еще Тацитъ: «ubi solitudinem faciunt—pacem apellant»...

Во времена министерской дѣятельности Набокова еще на большое пространство Россіи распространялась высшая юрисдикція старыхъ департаментовъ Сената, дѣйствовавшихъ по обветшалому порядку, освященному временемъ, но чуждому пріемамъ судебнаго разсмотрѣнія, введеннымъ Уставами. Уваженіе къ почтенному Петровскому учрежденію, съумѣвшему, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, стать понятнымъ народу, какъ *центральное* прибѣжище ищущихъ справедливости противъ *мѣстной* неправды, вынуждало относиться къ его преобразованію очень осторожно и съ осмотрительною медлительностью. Но Набоковъ считалъ однако необходо-

димымъ внести новыя начала въ тѣ сенатскія производства, которыя наиболѣе въ нихъ нуждались. Такими были производства по судебнымъ дѣламъ. Въ 1883 году имъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ раздѣленія предметовъ вѣдомства между первымъ и вторымъ общими собраніями старыхъ департаментовъ Сената, при чемъ установлено разграниченіе подсудности и подвѣдомственности между дѣлами судебными и межевыми съ одной стороны и дѣлами административными или требующими разъясненія закона для общаго руководства съ другой. Находя, что съ измѣненіемъ круга вѣдомства общаго собранія, вѣдающаго дѣла судебныя и межевыя, оно является учрежденіемъ чисто судебнымъ, Набоковъ предлагалъ примѣнить къ разсмотрѣнію въ немъ дѣлъ порядокъ, установленный для новыхъ судебныхъ учрежденій. Отсюда вытекали предположенія—объ окончательномъ разрѣшеніи дѣлъ по большинству голосовъ, о дѣятельной роли оберъ прокурора и лицъ его замѣняющихъ въ судебномъ засѣданіи, выражающейся въ предъявленіи имъ, по выслушаніи сторонъ, заключенія по существу дѣла и наконецъ объ устраненіи какихъ либо изъятій изъ правилъ, постановленныхъ по предмету публичности засѣданій для новыхъ судебныхъ учрежденій. Эти предположенія нашли себѣ выраженіе въ законѣ 25 февраля 1885 года.

Гласности судебнаго производства, признанной въ 1864 году при обсужденіи Государственнымъ Совѣтомъ Судебныхъ Уставовъ одною изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и однимъ изъ главныхъ условій довѣрія къ суду, Набоковымъ всегда придавалось большое значеніе. Знавшіе его конечно помнятъ съ какою нескрываемою тревогою за судьбу одного изъ лучшихъ достояній судебной реформы относился Набоковъ — тогда уже не министръ—къ возможному исходу обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ представленія новаго министра юстиціи—Манасеина, отъ 3 мая 1886 года, о пересмотрѣ 620 — 624 ст. уст. угол. суд. въ смыслѣ чрезвычайнаго расширенія случаевъ и поводовъ къ ограниченію публичности засѣданій. Послѣдующая практика кассаціоннаго суда оправдала, въ извѣстной мѣрѣ, его опасенія, показавъ какъ неправильно могутъ быть иногда примѣняемы судами столь растяжимыя и неопредѣленныя понятія, каково, напримѣръ, «огражденіе достоинства государственной власти»...

Всегда привѣтливый и откровенный, Набоковъ вызывалъ во всѣхъ судебныхъ дѣятеляхъ, имѣвшихъ непосредственныя съ нимъ сношенія, отрадное сознаніе ихъ взаимной съ нимъ служебной солидарности. Умѣнье оцѣнить по достоинству тяжелыя условія судебной работы, сердечно радоваться ея успѣху и входить съ де-

ликатнымъ пониманіемъ въ затруднительныя нравственныя и матеріальныя обстоятельства подчиненныхъ и сослуживцевъ по общему дѣлу, невольно привязывали къ нему, давая возможность видѣть, какъ изъ за офиціальной оболочки министра сквозитъ сердечный человѣкъ, знающій, сколь часто тяжело бываетъ бремя жизни и понимающій поэтому, что «stricte justice n'est pas justice—justice est equité» какъ говорила, по свидѣтельству Николая Тургенева, великая Екатерина. Склонный охотно выслушивать доводы о «смягчающихъ обстоятельствахъ», даже и при необходимости твердо проявить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою власть,—Д. Н. Набоковъ не останавливался предъ опасеніемъ неизбѣжныхъ личныхъ непріятностей или тягостныхъ объясненій при принятіи мѣръ, нужныхъ, по его искреннему и долго созрѣвавшему убѣжденію, для пользы судебнаго дѣла. Такимъ же образомъ, настойчиво и безбоязненно, съ увѣренностью въ лучшихъ свойствахъ человѣческой природы, и принимая во вниманіе исключительно интересы судебнаго дѣла, дѣйствовалъ онъ и тогда, когда оказывалось нужнымъ защитить оклеветаннаго или поставить «настоящаго человѣка на настоящее мѣсто»—the right man of the right place... Онъ трогательно гордился дарованіями представителей своего вѣдомства и охотно прислушивался къ ихъ голосу въ бесѣдахъ по важнѣйшимъ вопросамъ, возникавшимъ за его время. Не называя живущихъ еще, достаточно припомнить сдѣланную имъ оцѣнку способностей и свѣдѣній Николая Андріяновича Неклюдова и высокое уваженіе, съ которымъ онъ относился къ Михаилу Евграфовичу Ковалевскому, одному изъ первыхъ и выдающихся дѣятелей первыхъ дней Судебныхъ Уставовъ.

Поѣздка его по Россіи, въ 1884 году, для ревизіи судебныхъ учрежденій, сплотила вокругъ него провинціальныхъ судебныхъ тружениковъ, поднявъ ихъ энергію и укрѣпивъ въ нихъ вѣру въ значеніе своего званія. Выводамъ изъ впечатлѣній этой поѣздки, о которой онъ любилъ вспоминать съ особымъ чувствомъ, была посвящена его рѣчь въ Москвѣ въ круглой залѣ судебныхъ установленій. Въ этой рѣчи, указывая на то, что дѣятельность судовъ происходитъ на виду у всѣхъ, въ «стеклянномъ ульѣ», Д. Н. Набоковъ съ достоинствомъ твердаго убѣжденія торжественно опровергалъ «нападки и общія нареканія на судебное вѣдомство» и тѣмъ, конечно, вызвалъ взрывъ ихъ противъ себя лично. «Неужели министру требовалось проѣхаться по округамъ для повѣрки сужденій о судахъ?»—писалъ негодующій Катковъ. «Неужели посидѣть на дѣлѣ Свиридова въ Кіевѣ, послушать рѣчи прокурора и защитника, посмотрѣть какъ сидятъ на своихъ мѣстахъ при-

сяжные засѣдатели... значитъ, въ чемъ либо убѣдиться или разубѣдиться? Безъ всякаго объѣзда ясно, что въ государствѣ, которое хочетъ жить, не можетъ быть двухъ самодержавій» восклицалъ тотъ самый публицистъ, который возмущался въ 1867 году возможностью приглашенія губернаторами предсѣдателей судовъ для объясненій по дѣламъ службы, находя, что это значило бы «вовлекать новыя учрежденія въ старую колею» и приглашая «правительство и общество соревновать въ заботахъ о томъ, чтобы въ новое судебное устройство не прокралось чего-либо въ ущербъ его достоинству и самостоятельности»...

Но не одному судебному устройству, ограждая его и направляя его дѣятелей, послужилъ Д. Н. Набоковъ.

Его имя связано съ пересмотромъ нашихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. По его докладу учреждены въ 1881 и 1882 годахъ коммиссіи для составленія проектовъ уголовнаго и гражданскаго уложенія. Къ обновленію нашего законодательства онъ относился съ живымъ интересомъ, слѣдя, между прочимъ, и затѣмъ какъ принимаются и толкуются практически юристами главнѣйшія изъ намѣченныхъ первоначальными проектами положеній. Несмотря на массу своихъ служебныхъ обязанностей, онъ нашелъ время и возможность присутствовать въ засѣданіи Петербургскаго юридическаго общества, — котораго былъ съ 1882 года почетнымъ членомъ,—когда было приступлено къ обсужденію первой главы общей части проекта уголовнаго уложенія.

При немъ, наконецъ, былъ окончательно разрѣшенъ сложный и спорный вопросъ о введеніи въ нашемъ Западномъ краѣ суда присяжныхъ и открыты Виленскій и Кіевскій судебные округа.

Оставивъ, въ концѣ 1885 года, управленіе министерствомъ юстиціи, Набоковъ не прерывалъ живой, сочувственной связи съ его дѣятелями. Его сердечно огорчали нѣкоторыя изъ существенныхъ измѣненій въ Уставахъ, прошедшія почти тотчасъ вслѣдъ за его уходомъ,—онъ горячо привѣтствовалъ всякое благое начинаніе въ оставшемся ему близкимъ вѣдомствѣ. Въ послѣдній разъ увидѣлъ онъ себя окруженнымъ судебною семьею въ Москвѣ, въ 1898 году, за обѣдомъ, на который сошлись его старые сослуживцы, съѣхавшіеся къ открытію памятника незабвенному создателю новаго суда... Затѣмъ годы и недуги стали брать свое — и смерть положила 15 марта 1904 г. конецъ долгимъ страданіямъ.— «Что же, однако, сдѣлалъ Набоковъ?» спросятъ насъ, быть можетъ. «Гдѣ слѣды его созидательной работы,—гдѣ его побѣды и завоеванія въ области судебнаго устройства?»—На это можно отвѣ-

тить указаніемъ, что не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ гражданской, мирной съ виду, дѣятельности бываютъ времена, когда нечего думать о завоеваніяхъ и покореніяхъ. Если ожесточенный непріятель силенъ числомъ, разнороднымъ оружіемъ и средствами разрушенія, то приходится иногда переживать долгую и трудную осаду, замыкаясь въ тѣсные окопы, сплотившись около цитадели и не растрачивая силъ на безполезныя и опасныя для осажденныхъ вылазки. Такую осаду пришлось выдержать Набокову за время его министерства — и уходя съ своего поста, онъ имѣлъ право сказать, что *отсиживался* стойко и съ терпѣливымъ достоинствомъ, не пожертвовавъ ничѣмъ существеннымъ, оберегая честь и спокойствіе воинства, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ. Будущій историкъ русскаго судебнаго дѣла увидитъ яснѣе, чѣмъ современники, какъ трудна была задача, выпавшая на долю третьяго «министра по Судебнымъ Уставамъ», сколько тяжелыхъ нравственныхъ испытаній долженъ онъ былъ пережить—и воздастъ ему справедливое...

ПАМЯТИ ВИКТОРА АНТОНОВИЧА
АРЦИМОВИЧА.

(2-е—3-е марта 1893 г.).

I.

Развертывая утромъ свою газету, житель большого города невольно ищетъ, съ болѣзненнымъ и, быть можетъ втайнѣ радостнымъ за самого себя, любопытствомъ, черныхъ рамокъ съ объявленіями о кончинѣ, объявленіями, которыя говорятъ скупымъ и условнымъ языкомъ о только что оконченномъ страданіи отшедшихъ, объ остромъ горѣ или тихой печали оставшихся. Внѣшнее однообразіе этихъ рамокъ сглаживаетъ глубокое внутреннее разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ. Изъ-за него не слышится «надгробное рыданіе», не видится живой образъ того, кто нашелъ, наконецъ, недостижимый на землѣ, вѣчный покой. Вѣсть о новой смерти является для всѣхъ, не принадлежащихъ къ небольшому кружку близкихъ умершаго, исходящею «изъ равнодушныхъ устъ» и ей «внимаютъ равнодушно», спѣша обратиться къ другимъ новостямъ и къ злобамъ дня.

По временамъ, однако, въ черныхъ рамкахъ стоитъ имя, громко и горестно звучащее для большого круга людей, близкихъ и далекихъ, знающихъ усопшаго лично или только по наслышкѣ. Тогда не хочется вѣрить глазамъ,—хочется думать что это *не тотъ*, а кто-нибудь другой, однофамилецъ можетъ быть,—и сжатое скорбью, взволнованное сердце, вызывая съ особою яркостью представленіе

и воспоминаніе о *живомъ*, лишь усугубляетъ этимъ силу и значеніе сознанія, что онъ мертвъ, что онъ утраченъ навсегда...

Къ такимъ именамъ принадлежитъ имя *Виктора Антоновича Арцимовича*, скончавшагося 2-го марта настоящаго года.

На оффиціальномъ языкѣ обычныхъ некрологовъ въ его лицѣ опочилъ сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Владиміра 1-й степени, заслуженный и опытный, по разнообразному прохожденію службы, сановникъ. Но для тѣхъ, кто его зналъ,—а знали его многіе,—такой характеристики недостаточно. Она ничего не говоритъ о его яркой, самобытной, выдающейся личности. «Человѣкъ онъ былъ?»—и этого «званія» онъ достоинъ прежде всего и независимо отъ своего служебнаго положенія. Человѣкъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ слова, человѣкъ въ трудѣ и въ отдыхѣ, въ отзывчивости и терпимости, въ упорствѣ и горячности, въ словѣ и въ дѣлѣ...

Онъ зналъ Россію съ разныхъ сторонъ,—знаніемъ живымъ, а не кабинетнымъ. Будучи правовѣдомъ второго выпуска (1841 г.), онъ выступилъ въ трудовую жизнь въ тяжелыя времена, когда отправленіе правосудія обращалось, въ большинствѣ случаевъ, въ траги-комедію безсудья, когда «вино власти», бросавшееся то тутъ, то тамъ въ голову мѣстныхъ властей, вызывало крайнюю необходимость суровыхъ сенаторскихъ ревизій, и когда надо всѣмъ общественнымъ строемъ тяготѣло крѣпостное право, извращая нравственныя понятія и ставя въ основу хозяйства бездушно-принудительный трудъ, покупаемой, продаваемой и обмѣниваемой «души», поставленной въ условія рабскаго существованія. Не долго шелъ онъ по торной дорогѣ службы въ канцеляріяхъ Сената и скоро сдѣлался энергическимъ участникомъ сенаторскихъ ревизій. Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ сенаторовъ, эти ревизіи были лучшею практическою школою, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости и условій осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа. Впечатлительная горячность молодежи и житейскій опытъ сенатора соединились въ одномъ общемъ трудѣ, результаты котораго всегда оставляли благодарное воспоминаніе въ населеніи. Съ 1842 по 1845 годъ Арцимовичъ участвовалъ въ сенаторскихъ ревизіяхъ орловской и калужской губерній и таганрогскаго градоначальства, завѣдуя разнообразными отраслями дѣлъ, а въ 1851 году уѣхалъ, сопровождая генералъ-адъютанта Анненкова, въ западную Сибирь для надѣлавшей въ свое время много благотворнаго шума ревизіи управленія нашимъ «золотымъ дномъ», во тьмѣ и молчаніи котораго ютилось не

одно золото... Съ 1854 года онъ дѣлается тобольскимъ губернаторомъ. Служба въ далекомъ краѣ, при безлюдьѣ и громадныхъ пространствахъ, была трудная и—въ виду значенія Тобольска, какъ узла, связывавшаго въ то время въ себѣ всѣ нити и пути ссылки—очень отвѣтственная. Здѣсь однако Арцимовичъ проявилъ себя впервые какъ горячій и настойчивый боецъ противъ того, что Ламартинъ называетъ «la cruauté froide d'un système faux», и имѣлъ возможность, еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, доказать свои административныя способности и осуществить на практикѣ совѣтъ князя В. А. Вяземскаго о проявленіи власти *«сильной, но не досадливой»*. Притомъ Арцимовичъ имѣлъ свойство привлекать къ себѣ людей и выбирать себѣ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ. Онъ обладалъ не только знаніемъ *людей* вообще, но что весьма важно для государственнаго человѣка—знаніемъ *личностей* и умѣніемъ призывать ихъ къ совмѣстному труду. Это особенно сильно сказалось черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ оставилъ Тобольскъ, сопровождаемый общимъ сочувствіемъ, отголоски котораго радовали его до самой смерти.

Освобожденіе крестьянъ, въ подготовительныхъ работахъ къ которому онъ участвовалъ, призвало его къ новой, болѣе трудной дѣятельности. Судьба какъ будто хотѣла ему сказать словами поэта: «иныя ждутъ тебя страданья—другихъ восторговъ глубина». Занявъ постъ калужскаго губернатора при самомъ введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 г. и весь отдавшись правосудному и нелицемѣрному осуществленію послѣдняго, онъ испыталъ не мало нравственныхъ страданій, вызванныхъ злобою поражаемыхъ въ своихъ своекорыстныхъ разсчетахъ крупныхъ представителей стараго уклада, ихъ клеветами, инсинуаціями, ихъ явными и тайными жалобами. Но онъ спокойно несъ данное ему врагами его общественной дѣятельности — личныхъ у него не было — прозвище «краснаго» сознавая себя преданнымъ и безкорыстнымъ слугою своей родины и вѣрнымъ истолкователемъ высокихъ желаній Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наряду съ лучшими людьми того времени, онъ конечно испыталъ и внутренніе восторги удовлетворенной въ стремленіи къ добру души, когда видѣлъ стойкую и дружную работу своихъ, имъ воодушевленныхъ, сотрудниковъ на только-что вспаханной почвѣ гражданской жизни народа.

Новое дѣло требовало самоотверженнаго труда и чистыхъ побужденій и на зовъ Арцимовича собрался обширный кругъ молодыхъ людей, пошедшихъ въ непремѣнные члены и мировые посредники. Имъ также приходилось переживать многое—отъ «воль-

наго и невольнаго» непониманія окружающею средою новыхъ условій быта, отъ глухой вражды и отъ явныхъ клеветъ,—но двери, сердце и глубокія думы губернатора были имъ всегда открыты. Поддерживая ихъ внутренно указаніемъ на величіе дѣла, осуществляемаго по великодушной волѣ монарха, онъ внѣшнимъ образомъ служилъ имъ опорою всѣмъ своимъ авторитетомъ и личнымъ почином. Онъ самъ любилъ вспоминать это время,—время когда онъ жилъ всею полнотою своихъ силъ, согрѣвая и оживляя другихъ,—какъ лучшее въ своей жизни. Несомнѣнно, что скорбная вѣсть о его кончинѣ, дойдя до живущихъ въ провинціальной глуши или, напротивъ, высоко ушедшихъ по служебной лѣстницѣ калужскихъ соратниковъ его, не одного изъ нихъ заставитъ понурить голову и умилиться при воспоминаніи о годахъ благороднѣйшей работы, когда приходилось дѣлить съ усопшимъ надежды и укоры, радости и недоброжелательное отчужденіе... Короткое сенаторство въ Москвѣ, замѣнившее калужское губернаторство, вскорѣ было прервано призывомъ къ труднѣйшей и сложной задачѣ участія въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія, вызваннаго возстаніемъ.

Не мало тяжелыхъ минутъ пережилъ онъ въ Варшавѣ. Слѣдуя призыву Жуковскаго, рекомендовавшаго «на небѣ, простертомъ надъ двумя, соединенными подъ единою властью, народами поставить свѣтлую радугу союза», онъ не удовлетворялъ крайнимъ взглядамъ ни въ ту, ни въ другую сторону и находилъ утѣшеніе лишь во внутреннемъ сознаніи и въ нѣдрахъ любящей семьи.

Открытіе новыхъ судовъ связано съ новымъ родомъ дѣятельности Арцимовича. Все, что было и есть въ новыхъ судебныхъ порядкахъ живого и жизненнаго, нашло горячій отголосокъ въ душѣ покойнаго. Никогда не любившій канцелярскаго производства и даже относившійся къ нему съ нѣкоторою брезгливостью, новый кассаціонный сенаторъ привѣтствовалъ *живого человѣка*, который въ лицѣ тяжущагося или подсудимаго, поднимался изъ-подъ вороха бумагъ, подъ которыми его погребалъ старый судъ, и становился лицомъ къ лицу предъ судьею, руководящимся не безжизненною формальною схемою для сужденія, а свободнымъ убѣжденіемъ совѣсти. Но новые порядки нуждались въ упроченіи, въ разъясненіи, а новые дѣятели—въ руководительствѣ. Въ этомъ состояла первоначальная и чрезвычайно трудная задача кассаціоннаго суда. Ее выполнили первые сенаторы и первые оберъ-прокуроры—и въ исторіи реформъ Александра II-го почтенныя имена Буцковскаго, Ковалевскаго и др. не должны умереть. Не можетъ

быть забыто и имя Арцимовича, несшаго на себѣ такъ часто и подолгу трудъ предсѣдателя нашего уголовнаго кассаціоннаго суда и оставившаго слѣдъ своихъ широкихъ взглядовъ, справедливости и уваженія къ личности человѣка на массѣ рѣшеній, въ коихъ онъ участвовалъ въ теченіе 16-ти лѣтъ.

Внося въ сухія схемы кассаціонной практики жизненные взгляды и употребляя всѣ силы, чтобы не дать *формѣ* и *обряду* заслонить собою стоящаго за ними живого человѣка, Арцимовичъ осуществлялъ въ своей работѣ извѣстное, но, къ несчастью, мало примѣняемое, по малодушію однихъ и умственной неповоротливости другихъ, изреченіе: «Scire leges non hoc est verba eorum tenere, sed vim et potestatem».

Его не удовлетворяла, однако, дѣятельность кассаціоннаго судьи, особливо когда работа вошла въ болѣе узкія, обыденныя рамки, когда приходилось уже не строить новое, а разъяснять лишь насколько въ томъ или другомъ дѣлѣ отступлено отъ установленныхъ уже правилъ. Знаніе внутренняго строя и быта Россіи въ ихъ дѣйствительномъ осуществленіи и окраскѣ, воспоминанія объ осязательной по результатамъ и оставившей добрую память дѣятельности въ Калугѣ, глубокая вдумчивость въ государственные вопросы, любовь обращаться мыслью къ общему и цѣльному, а не къ детальному, мѣстному и условному — влекли его къ другой работѣ. Это былъ человѣкъ, не умѣвшій съ удобствомъ помѣщать свои чувства и мышленіе въ узкія рамки конкретнаго случая. Онъ сейчасъ же восходилъ отъ этого случая къ общимъ положеніямъ, къ основнымъ условіямъ общежитія, къ вѣчнымъ потребностямъ человѣческаго духа. Складъ его ума и характера требовалъ широкихъ взмаховъ кисти, — возможности, какъ говорятъ французы, «tailler en plein drap». Мелкая, мозаичная работа, — съ забвеніемъ о ея назначеніи, размѣрахъ и значеніи въ общей картинѣ, — не находила въ немъ живого сочувствія. Судьба дала ему слишкомъ большія и сильныя крылья — и клѣтка *конкретнаго случая* давила его и стѣсняла его широкій полетъ въ область общихъ началъ и принципіальныхъ взглядовъ.

Разносторонная и гораздо болѣе широкая сфера дѣятельности перваго департамента Сената, которому, между прочимъ, принадлежитъ, по выраженію закона, высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія, обнародованіе законовъ, охраненіе правъ различныхъ сословій и попеченіе о средствахъ къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, гораздо болѣе была по душѣ покойному, и ей отдался онъ съ 1880 г. со свойственною ему энергіею. Двѣнадцать лѣтъ стоялъ

онъ во главѣ этого учрежденія, будучи въ немъ старшимъ сенаторомъ, отдавая такимъ образомъ послѣдніе годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работѣ по сложнымъ вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно способовъ и разногласій. Эта борьба мнѣній не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной діалектикѣ,—она отражается тотчасъ же, въ своемъ окончательномъ результатѣ, на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь, въ разныхъ ея областяхъ, многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійскою безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а ставъ на сторону того, что казалось ему правымъ или полезнымъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку «etiamsi omnes—ego non!» Но годы брали свое, здоровье умалялось, подтачиваемыя давнимъ недугомъ силы стараго слуги государства слабѣли—и въ началѣ 1893 года Арцимовичъ стоялъ на порогѣ къ отдыху въ менѣе трудовой и болѣе спокойной обстановкѣ общаго собранія Сената. Но онъ его не переступилъ. Смерть стала на этомъ порогѣ и замѣнила для него временный отдыхъ вѣчнымъ. Можно съ увѣренностью, впрочемъ, сказать, что едва ли бы онъ сжился съ такимъ отдыхомъ.

Стоило взглянуть на его фигуру, чтобы убѣдиться, что *такіе* люди не отдыхають. Жизнь сламываетъ ихъ, не давъ имъ умалиться въ проявленіяхъ своей энергіи, внутренней силы и «роптанья вѣчнаго души». Большого роста, крѣпко и коренасто сложенный, давно уже, повсюду, гдѣ онъ ни появлялся, Арцимовичъ привлекалъ общее вниманіе своимъ величавымъ видомъ, звучнымъ голосомъ, въ которомъ часто слышались ноты глубокаго чувства—и, въ особенности, своею чудесною головою, обрамленною бѣлоснѣжными сѣдинами. Эти сѣдые волосы, эти «остатки пѣны, покрывающей море послѣ бури», придавали покойному особую красоту и какъ-то особенно выдѣляли его изъ толпы, вызывая инстинктивное уваженіе къ этому «Монблану судебнаго вѣдомства», какъ его назвалъ кто-то... Но не въ нихъ однихъ была его внѣшняя привлекательность. Давно уже кѣмъ-то сказано, что лица людей похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Не холодомъ, однако, вѣяло отъ *этого* лица. Въ добрыхъ, живыхъ глазахъ, съ глубокимъ, то нѣжнымъ, то проницательнымъ взглядомъ, свѣтилась теплота всепонимающей и прощающей души, а

въ улыбкѣ крупнаго рта сквозили то добродушная иронія, то привѣтливость человѣка благовоспитаннаго на старый,—увы! теперь забываемый, ладъ.

Онъ бывалъ, говорятъ, тяжелъ и угловатъ въ спорахъ; у нѣкоторыхъ по его адресу проскальзывалъ, быть можетъ, упрекъ въ односторонности, въ тенденціозности. Но это упрекъ вовсе не заслуженный. Односторонность дурна, когда она умышленная,—тенденціозность возмущаетъ, когда она не вытекаетъ изъ убѣжденія. Человѣкъ цѣльный, смѣлый и прямой, Арцимовичъ, увѣровавъ въ справедливость подсказаннаго ему опытомъ и совѣстью взгляда и найдя справедливое, по его искреннему убѣжденію, примѣненіе этого взгляда къ данному вопросу, уже не сворачивалъ съ дороги, а шумно, громкимъ словомъ и рѣшительнымъ жестомъ заявлялъ о томъ, что, по его мнѣнію, нужно и неизбѣжно. Тѣ, кто видалъ его часто и близко, въ частномъ быту, знаютъ, что въ его мнѣніяхъ съ оттѣнкомъ шутливаго пессимизма не было мѣста узкимъ партійнымъ, религіознымъ, племеннымъ или мѣстнымъ взглядамъ, и что если бы, подъ вліяніемъ какихъ нибудь мимолетныхъ причинъ, въ немъ и шевельнулись на мгновеніе такіе взгляды—они сейчасъ же потонули бы въ широкоразлитомъ въ его душѣ чувствѣ любви и состраданія къ людямъ *вообще,* безъ всякихъ заслонокъ и перегородокъ. Быть можетъ, упрекъ въ угловатости, при той живости, которую онъ вносилъ въ споры,—отчасти и справедливъ. Но эта черта покойнаго только можетъ дорисовывать его образъ, ибо его — такимъ, какимъ онъ былъ и живетъ въ памяти его знавшихъ, — нельзя представить себѣ вкрадчивымъ и мягкимъ въ защитѣ своихъ убѣжденій. Да и недостатокъ ли такая угловатость? «Крупная скала, смѣло выдвинувшаяся въ море,—говоритъ румынская королева (Карменъ Сильва)—становится всегда съ каждымъ годомъ угловатѣе,—зато булыжникъ все закругляется».

Нравственныя свойства Арцимовича были оцѣнены тѣми, кому дороги лучшіе интересы нашего общества: въ день его 50-ти-лѣтняго юбилея, 17 іюля 1891 года, С.-Петербургская Городская Дума постановила его привѣтствовать особымъ адресомъ, а въ далекій Карлсбадъ, гдѣ онъ лечился, полетѣли телеграммы и письма съ искренними и нелицемѣрными поздравленіями. Московское Юридическое Общество съ тою чуткостью, которая была ему свойственна, помянуло въ своемъ привѣтѣ *подвижническую* дѣятельность Арцимовича въ великую эпоху освобожденія крестьянъ. «Для меня, какъ и для многихъ другихъ,—писалъ ему К. К. Арсеньевъ,—Вы всегда служили образцомъ исполненія долга, въ высшемъ смыслѣ этого слова; Ваше расположеніе было для меня ободреніемъ и поддерж-

кою». Выражая желаніе, чтобы Арцимовичъ былъ, наконецъ, поставленъ въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало бы вполнѣ его умственнымъ и нравственнымъ силамъ, нашъ извѣстный публицистъ замѣтилъ, «наше несчастье заключается, между прочимъ, именно въ томъ, что нашими судьбами слишкомъ рѣдко управляютъ тѣ, которые больше всего къ тому призваны и способны»... Сослуживцы Арцимовича по Сенату прислали ему коллективную телеграмму, къ которой говорилось, что его жизнь «est un modèle d'énergie infatigable et de travail constant pour le triomphe de la loi et de la justice», а одинъ изъ нихъ (пишущій эти строки) обратился къ нему со слѣдующимъ письмомъ: «на далекомъ Сѣверѣ, почти у полюса, въ области преобладанія тьмы надъ свѣтомъ, есть островъ, объятый студеными водами. На немъ возноситъ къ небу свою, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, главу величавая гора, затвердѣвшая въ борьбѣ со стихіями... Но не холодомъ и мракомъ вѣетъ отъ нея. По дивному устроенію природы — неугасимый огонь кипитъ въ ея нѣдрахъ и рвется наружу, согрѣвая все, что къ ней приближается и далеко разливая свой свѣтъ среди непроглядной полярной ночи. На этотъ свѣтъ устремляетъ свой взоръ заблудившійся путникъ, ободренный надеждою; — на него, какъ на маякъ, указывающій вѣрную и прямую дорогу, смотритъ усталый и обезсиленный кормчій... Есть люди, подобные этой горѣ. Они умѣютъ согрѣть своимъ внутреннимъ огнемъ приблизившееся къ нимъ сердце и до конца своихъ дней, ропща и негодуя, горятъ чистымъ пламенемъ любви къ правдѣ, справедливости и человѣчеству. Ихъ покрытая снѣгомъ жизни глава зритъ шире и дальше окружающихъ—и видитъ недоступные имъ горизонты, а годы мчатся надъ нею, оставляя лишь физическій, но не нравственный слѣдъ... Вы, дорогой юбиляръ, принадлежите къ такимъ рѣдкимъ, очень рѣдкимъ людямъ. Съ начала многотруднаго служенія Вашего обществу прошло пятьдесятъ лѣтъ, и не мало честныхъ сердецъ порадуется сегодня тому, что Вы живете и дѣйствуете, и обратится къ судьбѣ съ настойчивою мольбою продлить Ваши дни!.. Позвольте же одному изъ самыхъ младшихъ по общественной службѣ учениковъ, а нынѣ товарищей Вашихъ, давно согрѣваемому Вашимъ душевнымъ огнемъ—отъ всего сердца присоединиться къ этой радости и къ этимъ мольбамъ»...

Въ частной жизни Арцимовичъ отличался чрезвычайною привлекательностью. Его отношенія къ людямъ были отмѣчены всегда утонченною любезностью; когда онъ бывалъ въ духѣ, въ средѣ симпатичныхъ ему людей, онъ вносилъ въ разговоръ особое оживленіе своими безобидными шутками и простодушнымъ юморомъ. Жи-

тейскія испытанія, неизбѣжныя разочарованія и надвинувшаяся старость—онъ умеръ 73-хъ лѣтъ отъ роду—нисколько не отражались на его нравственномъ складѣ. Онъ до конца остался молодъ душою, ясенъ и свѣтелъ умомъ, терпимъ и снисходителенъ къ людямъ. Нужны были особенно рѣзкіе факты душевной непривлядности, непонятные даже его многоизвѣдавшимъ уму и сердцу, чтобы въ его добрыхъ глазахъ промелькнула тѣнь суровости и съ устъ сорвалось его обычное, въ подобныхъ случаяхъ, презрительное слово: «людишки!..» Интересуясь всѣмъ, на все отзываясь, онъ много читалъ, преимущественно по исторіи, и любилъ литературную бесѣду. Почва для этой любви была подготовлена издавна, ибо онъ былъ женатъ на А. М. Жемчужниковой, сестрѣ извѣстнаго поэта, участвовавшаго когда-то, вмѣстѣ со своими братьями и графомъ Алексѣемъ Толстымъ, въ созданіи «Кузьмы Пруткова». Не играя въ карты, рѣдко бывая въ обществѣ и почти никогда въ театрѣ, Арцимовичъ имѣлъ, однако, мало свободнаго времени. Онъ отдавалъ его заботамъ о близкихъ и о нуждающихся. Послѣднимъ онъ помогалъ, чѣмъ только могъ. Съ особою чуткостью отзывался онъ тѣмъ, кому былъ нуженъ его совѣтъ, участіе, нравственная поддержка. Всѣ трогательныя свойства души его сказывались тогда съ особою силою. «Когда темнѣетъ во дворѣ—усиливаютъ свѣтъ въ домѣ»,—сказалъ кому-то удрученному знаменитый русскій духовный ораторъ. Если кто нибудь изъ знавшихъ Арцимовича, тревожимый сгустившеюся вокругъ него житейской тьмою, стучался въ дверь его душевнаго дома—онъ тотчасъ же, радостно и заботливо, усиливалъ внутри его огонь чтобы отогрѣть, ободрить, направить...

Не хочется вѣрить, что красивая, мощная фигура этого человѣка исчезла изъ нашего небогатаго цѣльными людьми обихода, что она не появится болѣе и въ любимомъ имъ уголкѣ, въ имѣніи близъ Люцина—Руптортѣ, гдѣ все насаждено и взлелѣяно его руками. Безъ него, на этотъ разъ, одѣнется весеннимъ цвѣтомъ описанная Жемчужниковымъ («Цвѣтущая старость») его любимая старая яблоня:

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней сѣдой старикъ,
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ...

Недуги взяли однако верхъ и изможденное ими тѣло успокоилось 2 марта. послѣ тяжкихъ страданій, среди цвѣтовъ и волнъ кадильнаго дыма, съ выраженіемъ спокойствія и тайны на исхудаломъ лицѣ. Но «запасъ духовныхъ силъ» не истощился. Онъ долженъ отра-

зиться во всемъ, къ чему покойный приложилъ свою мысль и свою руку,—на всѣхъ, кого онъ любилъ, кто имѣлъ счастіе встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, и кому онъ можетъ послужить примѣромъ стойкаго служенія добру и справедливости. Искреннія слезы были пролиты у его гроба и каждый изъ многочисленныхъ вѣнковъ, которыми густо обросло подножіе этого гроба, говорилъ о томъ, *что* потеряли въ покойномъ не только его близкіе и друзья, но и цѣлыя служебныя и общественныя группы. «*Человѣколюбивому стражу закона*»—гласила надпись на роскошномъ серебряномъ вѣнкѣ отъ сенаторовъ; «*Отцу сиротъ*» — говорилось въ надписи на лентахъ вѣнка, положеннаго чьею-то благодарною рукою. Въ этихъ двухъ надписяхъ—весь Арцимовичъ—весь смыслъ его служебной и частной дѣятельности! Лица всякаго званія—отъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы до безвѣстныхъ людей, которыхъ соединяло съ памятью умершаго какое нибудь лишь имъ однимъ извѣстное доброе его дѣло, — сошлись въ переполненной народомъ церкви св. Екатерины, на Невскомъ, подъ торжественные звуки «Dies irae, dies illa»... и проводили затѣмъ останки его на далекое Выборгское кладбище... Тамъ въ умиленномъ молчаніи, безъ всякихъ лишнихъ рѣчей, съ увлаженными глазами, въ виду осиротѣлой семьи покойнаго, долго стояли, подъ свѣжимъ дыханіемъ едва начинающей пробуждаться природы, надъ отверстою могилой осиротѣлые друзья того, чей прахъ медленно опускался и навсегда исчезъ подъ землей. Послѣдній зимній вѣтеръ шумно колебалъ надъ ними деревья, а первые лучи весенняго солнца въ то же время ярко свѣтили и грѣли... Такъ это бывало и въ жизни покойнаго: онъ также умѣлъ свѣтить окружавшимъ его и грѣть ихъ, несмотря на шумъ и холодъ неизбѣжныхъ житейскихъ непогодъ...

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ
ШУМАХЕРЪ.

(2 января 1898 г.).

Въ ночь на 1-е января смерть смѣстила съ своего поста одного изъ благороднѣйшихъ трудолюбцевъ, еще оставшихся отъ преобразовательнаго царствованія Александра II. Скончался *Александръ Даниловичъ Шумахеръ,* старшій изъ сенаторовъ I департамента Сената, на 78 году жизни. Неустанный и настойчивый труженикъ, вѣрный своему долгу и упованіямъ лучшихъ лѣтъ своей жизни, онъ принадлежалъ къ тѣмъ — все рѣже встрѣчающимся — людямъ, которые смотрятъ на смыслъ и задачу своей дѣятельности, какъ на исключительное служеніе благу родины, отдавая ей всѣ свои силы, безъ отдыха и срока, пока усталыя и даже изнуренныя жизнью очи не закроются на вѣчный покой.

Воспитанникъ Московскаго университета, онъ вступилъ на службу въ 1841 году. Въ общихъ чертахъ эта служба не была разнообразна: 38 лѣтъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, преимущественно въ хозяйственномъ департаментѣ, и 19 лѣтъ въ Сенатѣ. Но внутреннее ея содержаніе богато и плодотворно. Когда Шумахеръ вступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, — не только не было помину о земской жизни, но и городское управленіе представляло изъ себя жалкую картину безсвязныхъ исполнительныхъ дѣйствій, безъ системы и ясно сознанной цѣли, сжатыхъ узкими канцелярскими правилами и придавленныхъ бюрократическою ферулою. Сознаваемая правительствомъ безжизненность организаціи городского управленія не могла улучшиться ни отъ частичныхъ мѣстныхъ мѣръ, ни отъ общаго руководства административно-хозяйственными распоряженіями. Даже энергія Николая Алексѣевича Милютина—директора хозяйственнаго департамента въ пятидесятыхъ годахъ — не была въ силахъ, несмотря

на усердное сотрудничество Шумахера, вдохнуть животворную силу въ мертвый механизмъ нашего тогдашняго городского хозяйства. Преобразованіе города было притомъ тѣсно связано съ преобразованіемъ губерніи и всего губернскаго хозяйства. Результатомъ этой потребности была записка Шумахера, составленная въ 1859 г. Въ ней впервые вполнѣ опредѣлительно и систематически были намѣчены тѣ преобразованія, которыя впослѣдствіи осуществились въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года и въ Городовомъ Положеніи 1870 года. Назначенный, съ уходомъ своего учителя и друга Милютина, директоромъ хозяйственнаго департамента, Шумахеръ горячо принялся за подготовительныя работы къ будущему Городовому Положенію, организовавъ ихъ по тому же началу обращенія къ мѣстнымъ силамъ, которое сослужило такую вѣскую службу въ крестьянской и судебной реформахъ. Мѣстные комитеты дали богатый матеріалъ для общихъ основаній новаго городского устройства, переработанныхъ и развитыхъ при самомъ дѣятельномъ и зоркомъ участіи Шумахера, въ особой коммиссіи, въ составъ которой вошли многіе городскіе головы. Подъ его же предсѣдательствомъ составлена и окончательная редакція его любимаго дѣтища—Городового Положенія 16-го іюня 1870 года.

Едва ли нужно говорить о вліяніи этого положенія на жизнь нашихъ городовъ. Каждый внимательный наблюдатель, каждый участникъ городскихъ присутствій того времени помнитъ, какъ закипѣла дѣятельность въ новыхъ Думахъ и какое поле для полезной и насущной дѣятельности открыто было новымъ закономъ для бездѣйствовавшихъ общественныхъ силъ, призванныхъ заботиться о народномъ образованіи, о здоровьи обывателя, о благоустройствѣ его жилища, о его удобствахъ и о помощи бѣднымъ. Но и за предѣлами городского хозяйства въ собственномъ смыслѣ, такъ сказать наряду съ ними, Шумахеръ старался насадить и развить общеполезныя учрежденія. Его настойчивому труду обязаны своимъ происхожденіемъ Общества взаимнаго отъ огня страхованія и учрежденія краткосрочнаго кредита,—при его дѣятельномъ участіи составленъ проектъ нормальнаго положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ. На ряду съ участіемъ въ работахъ, вызванныхъ освобожденіемъ крестьянъ и земской реформой, почти ни одинъ изъ серьезныхъ вопросовъ городской жизни не былъ разработанъ и рѣшенъ безъ его авторитетнаго содѣйствія. Онъ приложилъ свой трудъ къ образованію петербургскаго градоначальства, къ устройству исправительныхъ тюремъ, къ упорядоченію городскихъ кладбищъ—и во время поѣздки заграницу собралъ обширнѣйшіе матеріалы о положеніи городского хозяйства на Западѣ.

Восточная война вызвала обращеніе къ административному

опыту и отзывчивому сердцу Шумахера—и онъ явился горячимъ работникомъ по вопросамъ о военно-санитарныхъ поѣздахъ объ организаціи эвакуаціи раненыхъ въ города внутренней Россіи, о порядкѣ и средствахъ обезпеченія семействъ увѣчныхъ и убитыхъ воиновъ. Вопросы этого рода никогда не были ему чужды и человѣческія страданія заставляли его всегда чутко къ себѣ прислушиваться и отыскивать средства облегченія. Незабвенная по своей вдумчивой и дѣятельной любви къ людямъ великая княгиня Елена Павловна оцѣнила въ этомъ отношеніи покойнаго и поставила его во главѣ Максимиліановской лѣчебницы. По смерти этой замѣчательной женщины, еще ожидающей своего біографа, Шумахеръ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ Совѣта, объединившаго управленіе разнообразными общеполезными — учебными и врачебными—заведеніями, созданными великою княгинею, и непрерывно проработалъ въ немъ 19 лѣтъ, будучи съ 1882 года, послѣ К. К. Грота, предсѣдателемъ этого Совѣта. Дѣламъ этихъ учрежденій онъ отдавался съ особою любовью, стараясь поддержать ихъ на высотѣ началъ, вложенныхъ въ нихъ ихъ основательницею. Когда скончалась въ 1894 г. покровительница этихъ учрежденій, дочь великой княгини Елены Павловны,—не указано было твердой и любящей руки, которая поддержала бы объединеніе ихъ въ одномъ цѣломъ. Онѣ были распредѣлены по разнымъ вѣдомствамъ, утративъ общую связь и названіе, а Совѣтъ даже не былъ закрытъ, а просто, ipso facto, пересталъ существовать. Это распаденіе Совѣта и учрежденій и молчаливое прекращеніе многолѣтней полезной дѣятельности до крайности огорчили Шумахера и онъ не разъ, съ душевною болью, возвращался къ нему.

Въ 1879 году онъ былъ назначенъ сенаторомъ. Вся его предшествовавшая служба указывала ему мѣсто въ 1-мъ департаментѣ Сената съ его широкою областью административнаго вѣдѣнія. Здѣсь пришлось ему вскорѣ встрѣтиться съ такими дѣятелями, какъ В. А. Арцимовичъ, А. А. Сабуровъ, Д. Г. фонъ-Дервизъ и Н. С. Абаза и приложить къ многочисленнымъ вопросамъ земскаго и городского хозяйства свое безпристрастное изученіе и глубокое знаніе дѣла не только въ его современномъ положеніи, но и въ его источникахъ. Строгій блюститель закона и противникъ всякихъ усмотрѣній, идущихъ съ нимъ въ разрѣзъ, покойный способствовалъ своими авторитетными разъясненіями и чуждыми какихъ либо постороннихъ соображеній мнѣніями законному разрѣшенію вопросовъ о *дѣйствіяхъ учрежденій*, правомѣрному взгляду на *отношенія къ нимъ* соприкасающихся съ ними лицъ и правосудному толкованію *правъ отдѣльныхъ личностей,* внѣ какихъ-либо исключительныхъ симпатій или антипатій.

Въ письмѣ къ Арцимовичу, по поводу 50-ти лѣтняго юбилея послѣдняго, онъ самъ охарактеризовалъ свои взгляды на задачи своего служенія. «Главѣйшая заслуга государственнаго дѣятеля заключается, по моему убѣжденію,—писалъ онъ,—въ томъ, чтобы отъ начала до конца оставаться цѣльнымъ человѣкомъ, вѣрнымъ своимъ взглядамъ и цѣлямъ, и эта заслуга, особенно трудно достижимая у насъ въ Россіи, вполнѣ и безспорно принадлежитъ Вамъ, который съ достоинствомъ вышелъ изъ всѣхъ перипетій, встрѣчавшихся на Вашемъ служебномъ поприщѣ, безъ малѣйшихъ уступокъ и сдѣлокъ со своею совѣстью. Вотъ почему я горжусь тѣмъ, что такой человѣкъ, какъ Вы, признаетъ меня своимъ другомъ, и вотъ почему я считаю себя счастливымъ, что мнѣ пришлось послѣднія десять лѣтъ вмѣстѣ съ Вами бороться за правду и справедливость. Если намъ не всегда удавалось доставить торжество закону, то мы все-таки дѣлали для достиженія этого все, что было въ нашихъ силахъ, и не жалѣя труда, а потому со спокойной совѣстью можемъ оглянуться на пройденный нами служебный путь».

По смерти В. А. Арцимовича, онъ, по праву старшинства, сдѣлался исполняющимъ обязанности руководителя засѣданій (въ первомъ департаментѣ, по закону, первоприсутствующаго нѣтъ) и всецѣло погрузился въ свое дѣло. Но годы брали свое, — цѣлая жизнь, отданная безкорыстному и благородному труду, сказывалась большимъ упадкомъ физическихъ силъ, которыхъ не могъ вполнѣ возстановить и кратковременный отдыхъ... и вотъ уже рука, столько лѣтъ работавшая, застыла и не можетъ болѣе писать своимъ бисернымъ, мелкимъ почеркомъ замѣтокъ на дѣлахъ, свидѣтельствовавшихъ о гармоніи ума и сердца, одинаково направленныхъ къ правдѣ и законности. Многое, выработанное имъ въ лучшіе годы жизни, подверглось рѣзкому измѣненію въ эпоху торжества не *законности*, а такъ называемаго *здраваго смысла*,—многіе старые друзья и соратники ушли, выросли въ обществѣ другіе чуждые ему идеалы,— а подчасъ стало проявляться и полное отсутствіе ихъ,—и въ глубинѣ души покойный переживалъ нерѣдко очень тяжелыя минуты. Но въ частной жизни, но въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, но на товарищескихъ студенческихъ собраніяхъ 12-го января (онъ былъ почетнымъ членомъ благотворительнаго общества бывшихъ московскихъ студентовъ) онъ молодѣлъ душою, и всякій, встрѣчавшійся съ нимъ и слушавшій его содержательную бесѣду, не забудетъ конечно «сѣдину и мудрость его, кротость же и тихость, и свѣтлость честнаго лица его», какъ говорится въ одной старинной книгѣ. Да будетъ ему легка родная земля!.

ГЕОРГІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МОТОВИЛОВЪ.

(Рѣчь въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго Окружного Суда 5-го ноября 1880 года).

Милостивые государи! 28-го октября, русское судебное вѣдомство, недавно лишившееся одного изъ своихъ достойнѣйшихъ дѣятелей въ лицѣ сенатора В. Н. Карамзина, вновь понесло тяжкую и неожиданную утрату. Въ этотъ день, въ Подольской губерніи, скончался, на 46 году отъ рожденія, сенаторъ Георгій Николаевичъ Мотовиловъ, отъ сложнаго страданія сердца и легкихъ. Онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, когда его многолѣтняя опытность, его знанія и испытанная, неизмѣнная любовь къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ, дѣлали изъ него особенно дорогого для нихъ друга, потеря котораго болѣзненно отозвалась въ сердцѣ всѣхъ, кому близки лучшія надежды и лучшія воспоминанія новаго судебнаго дѣла.

Происходя изъ старинной фамиліи, владѣвшей небольшимъ имѣніемъ въ Симбирской губерніи, Мотовиловъ воспитывался сначала дома, а потомъ поступилъ въ Училище Правовѣдѣнія. По окончаніи, въ 1853 году, курса, онъ вступилъ на службу въ 4-й Департаментъ Сената — и въ этой практической школѣ многихъ нашихъ цивилистовъ пробылъ въ разныхъ должностяхъ до 1858 года, когда былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ Министра Юстиціи. Чрезъ годъ, въ 1859 г., онъ сдѣлался товарищемъ предсѣдателя 1-го Департамента С.-Петербургской Гражданской Палаты, въ 1862 году временно испра-

влялъ должность товарища предсѣдателя Коммерческаго Суда, а въ 1863 году по выборамъ дворянства утвержденъ предсѣдателемъ Гражданской Палаты.

Въ 1866 году, 17-го апрѣля, были открыты новыя судебныя учрежденія въ Петербургѣ и предсѣдателемъ Окружного Суда былъ назначенъ Мотовиловъ. Выборъ этотъ былъ весьма удаченъ. Во главѣ *перваго* по мѣсту и времени Окружного Суда въ Россіи ставился человѣкъ полный силъ и энергіи, опытный юристъ и, главное, одинъ изъ участниковъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, къ трудамъ по которымъ онъ нерѣдко призывался въ предшествующіе годы. Работа, которая ему предстояла, была трудна и по своей сложности, и по своей новизнѣ. Устройство обширнаго Окружного Суда, предназначеннаго къ отправленію правосудія на новыхъ, необычныхъ началахъ, требовало многихъ усилій и труда упорнаго. Нужно было установить главныя начала внутренней администраціи суда, устроить и регламентировать обширную кассовую часть, составить знающій и способный примѣнять правильно новые порядки служебный персоналъ и, наконецъ, дать толчекъ дѣламъ, въ разсмотрѣніе которыхъ вносилось множество новыхъ еще неизвѣданныхъ пріемовъ. Все это, главнымъ образомъ, лежало на обязанности предсѣдателя. Мотовиловъ вышелъ изъ этого труднаго положенія съ честью, заложивъ нравственный и матеріальный фундаментъ того зданія, которое было потомъ достроено его ближайшимъ преемникомъ И. И. Шамшинымъ съ такимъ умѣньемъ, любовью къ дѣлу и тщаніемъ во всѣхъ подробностяхъ. Трудами этихъ двухъ почтенныхъ судебныхъ дѣятелей создалось все хорошее въ нашемъ Окружномъ Судѣ — и если теперь приходится встрѣчаться съ нѣкоторыми слабыми сторонами въ его организаціи, то стоитъ лишь отбить грубую штукатурку, наложенную послѣ, чтобы ярко выступилъ прекрасный рисунокъ сдѣланный Шамшинымъ на грунтѣ, приготовленномъ Мотовиловымъ.

Мотовилову приходилось работать и подавать практическіе примѣры не только въ знакомой и близкой ему области гражданскаго суда, но и въ области совершенно новой и для него дѣятельности по дѣламъ уголовнымъ, приходилось учиться самому. Когда открылись первыя засѣданія съ присяжными, на нихъ съ особою яркостью отразились—новость дѣла, своеобразность пріемовъ обвинительно-состязательнаго процесса и отсутствіе практически-подготовленныхъ дѣятелей. Засѣданія эти были неудачны, тянулись долго и вяло и велись безъ твердо установленнаго плана. Ведшій ихъ товарищъ предсѣдателя, привыкнувшій къ кабинетной работѣ и къ занятіямъ въ замкнутыхъ «присутствіяхъ» повидимому растерялся,

встрѣтясь лицомъ къ лицу съ живыми явленіями публичнаго процесса. Судебныя засѣданія постоянно прерывались для справокъ и соображеній, сторонамъ предлагалось высказаться по предметамъ, не подлежащимъ ихъ вѣдѣнію и въ видѣ *вопросовъ* возбуждалось многое изъ того, что въ сущности было непререкаемымъ правиломъ. Это производило неблагопріятное впечатлѣніе. Тогда Мотовиловъ, цивилистъ по спеціальности, принялъ, прервавъ свой отпускъ, веденіе этихъ дѣлъ на себя. Цѣлый мѣсяцъ предсѣдательствовалъ онъ съ присяжными, въ глубокомъ сознаніи того, что отъ первыхъ шаговъ суда присяжныхъ зависитъ многое въ прочности этого учрежденія,—и выказалъ столько умѣнія, пониманія существа новыхъ порядковъ и знанія, что поставилъ дѣло сразу на правильный путь.

Онъ, оставался предсѣдателемъ суда около двухъ лѣтъ, а въ мартѣ 1868 г. былъ назначенъ прокуроромъ Судебной Палаты въ Москву. По складу ума и характера, его болѣе привлекала спокойная дѣятельность гражданскаго судьи, да и привычка жить въ Петербургѣ привязывала его къ этому городу. Несмотря на это, онъ съ особою энергіею принялся за новую дѣятельность, сознавая какъ нужны были въ это время созиданія новыхъ судебныхъ порядковъ во всѣхъ отрасляхъ судебной дѣятельности стойкіе и упорные работники, бодрые сердцемъ и сильные трудомъ служилые люди. Въ іюлѣ 1870 г. Мотовиловъ былъ переведенъ прокуроромъ Судебной Палаты въ Петербургъ, а въ ноябрѣ назначенъ предсѣдателемъ департамента Судебной Палаты, гдѣ онъ могъ снова вернуться къ занятіямъ гражданскими дѣлами, въ которыя онъ всегда вносилъ неоспоримый авторитетъ глубокаго знанія. Въ мартѣ 1872 года, онъ былъ назначенъ сенаторомъ гражданскаго департамента, а съ 1878 г. членомъ соединеннаго присутствія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Высокому назначенію этого учрежденія быть высшею инстанціею для надзора за правильностью дѣйствій судебныхъ учрежденій вполнѣ соотвѣтствовало присутствіе въ немъ Г. Н. Мотовилова. Ему на практикѣ, по личному опыту и личному труду, было извѣстно положеніе нашихъ судовъ, прокуратуры и слѣдственнаго института, и, оцѣнивая ихъ дѣятельность, онъ могъ являться и являлся не однимъ примѣнителемъ закона съ формальной его стороны, а лицомъ, знакомымъ съ живыми условіями дѣятельности этихъ учрежденій на практикѣ. Горячій сторонникъ новыхъ судебныхъ учрежденій, онъ ревниво оберегалъ ихъ прочность, и достоинство и отъ мѣръ, которыя могли бы поколебать эту прочность, и отъ людей, которые своими неправильными служебными дѣйствіями могли уронить это

достоинство. Принявъ участіе въ зарожденіи новыхъ учрежденій, отдавъ на служеніе имъ много лѣтъ своей жизни, онъ, въ послѣдніе свои годы, былъ призванъ охранять эти, дорогія ему, учрежденія отъ порчи и ошибокъ и вносилъ въ эту дѣятельность ту, душевную теплоту и ту стойкость взглядовъ, которые животворятъ и укрѣпляютъ всякое дѣло.

Смерть похитила его слишкомъ рано! Вѣсть о его кончинѣ была встрѣчена общимъ, неподдѣльнымъ сожалѣніемъ. Всѣ, кто зналъ о его дѣятельности, почувствовали, что однимъ благороднымъ дѣятелемъ стало меньше,—всѣ кто зналъ его лично, почувствовали, сверхъ того, что стало меньше однимъ истинно добрымъ, безупречнымъ человѣкомъ.

Потеря Мотовилова—есть наша личная потеря. Онъ принадлежалъ, до послѣднихъ дней жизни, нашему суду не менѣе, чѣмъ мѣсту своей окончательной дѣятельности. Есть люди, для которыхъ учрежденія, съ коими связана ихъ дѣятельность, есть не болѣе, какъ станція на пути дальнѣйшаго служебнаго движенія. Оставлено учрежденіе—покинута эта станція—и его нерѣдко забываютъ или относятся къ нему равнодушно, какъ къ чему-то далекому и чужому... Но не всѣ таковы. Есть и такіе, для которыхъ учрежденіе, которому отданы лучшія силы и лучшіе годы, является дорогимъ и незабвеннымъ, является мѣстомъ роднымъ, съ которымъ невольно дѣлятся его радости, и его тревоги,—которое не выходитъ изъ памяти, потому что не выходитъ изъ разъ принадлежавшаго ему сердца. Образуется взаимная связь, прочная и сознательная, не разрушаемая, а укрѣпляемая временемъ. Такую связь, такое участіе мы встрѣчаемъ обыкновенно у профессоровъ и большинства слушателей, по отношенію къ мѣсту ихъ высшаго образованія, къ ихъ alma mater. Тоже должно существовать и между судьею и судомъ, которому онъ служилъ сознательно и честно.

Покойный Мотовиловъ принадлежалъ къ людямъ послѣдняго рода. Вотъ почему, въ наше холодное и равнодушное время, намъ должна быть тяжела и скорбна его утрата. Онъ никогда не разрывалъ и не ослаблялъ своей связи съ судомъ, въ который вступилъ въ трудныя и серьезныя времена. Ему приходилось имѣть дѣло съ «мѣхами новыми и виномъ новымъ»,—приходилось не только созидать, но и создавать, выработывая самый матеріалъ для созиданія. Онъ, въ дѣлѣ устройства перваго Окружного Суда въ Россіи, былъ не только строителемъ, но и чернорабочимъ. Эту трудную работу приходилось совершать притомъ въ обстановкѣ недоброжелательства со стороны отживавшихъ формъ общественной и судебной жизни. Внѣшнія затрудненія возникали постоянно,

на каждомъ шагу. Нужно было имѣть много такта, самообладанія, вѣры въ свое дѣло и любви къ своему призванію, чтобы не устрашиться осложненій и безъ того не легкой задачи, чтобы не поколебаться духомъ и не поступиться чѣмъ-нибудь существеннымъ при первомъ приложеніи къ жизни основъ новой судебной дѣятельности.

Это было трудное время. Но это было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и хорошее время. Хорошее—*внутри суда.* Многимъ памятна та вѣра въ будущее судебныхъ учрежденій, то сознаніе высокой общественной задачи новаго суда, та любовь къ дѣлу и та строгость къ самимъ себѣ, которыми отличались первые дѣятели новыхъ учрежденій. И этотъ внутренній складъ установился въ нашемъ судѣ, на первыхъ порахъ въ значительной степени подъ вліяніемъ Мотовилова, который поддерживалъ и развивалъ его своимъ словомъ и своимъ дѣломъ, своимъ примѣромъ и своимъ горячимъ участіемъ въ новой дѣятельности.

Мнѣ лично отрадно вспомнить съ какимъ тревожнымъ участіемъ относился покойный къ тѣмъ изъ состава нашего Суда, которымъ пришлось вступить въ періодъ нареканій и суроваго недоброжелательства по поводу уголовнаго процесса, надѣлавшаго два года тому назадъ много—не утихшаго до сихъ поръ—шума. Не мнѣ, во всякомъ случаѣ, разбирать справедливость этихъ нареканій, но я могу засвидѣтельствовать, что Мотовиловъ не раздѣлялъ ихъ и удивлялся тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись суду, дѣйствующему при участіи и помощи представителей общественной совѣсти. Онъ приходилъ со словомъ одобренія—и въ тяжелыя минуты, переживаемые тѣми, къ кому онъ обращалъ это ободреніе, прямодушное слово *настоящаго* судьи—было не малымъ утѣшеніемъ.

Говорить ли объ умѣ, знаніяхъ, трудолюбіи Мотовилова? Всякій, кто зналъ его хотя немного, имѣлъ случай оцѣнить эти его свойства. Это былъ человѣкъ рѣдкой искренности, имѣвшій полное право избрать девизомъ знаменитое германское изрѣченіе: «Wahrheit gegen Feind und Freund!». Говорить ли о его добромъ, сознательно добромъ сердцѣ? Его—подчасъ суровый—видъ не обманывалъ никого изъ имѣвшихъ къ нему отношеніе. Изъ-за него сквозили—глубокая любовь къ дѣлу и нѣжное участіе къ его работникамъ. И сколько людей, къ которымъ иногда Георгій Николаевичъ относился съ строгою требовательностью,—бывало впослѣдствіи растрогано, вспоминая его участіе къ ихъ горю, къ ихъ житейскимъ скорбямъ... вспоминая широкую помощь, которую оказывалъ имъ въ тяжелыя минуты этотъ суровый по внѣшности человѣкъ.

Память о немъ не должна умереть—покуда будетъ существовать петербургскій судъ. Лѣтописецъ новаго судебнаго дѣла въ Россіи, обратясь къ исторіи перваго русскаго Окружнаго Суда, неизбѣжно встрѣтится съ привлекательнымъ и чистымъ нравственно образомъ его перваго предсѣдателя. Мы могли бы лишь помочь этому лѣтописцу, сохранивъ черты и физическаго образа Мотовилова, т. е. помѣстивъ въ комнатѣ засѣданій общаго собранія его портретъ...

ВЛАДИМІРЪ ДАНИЛОВИЧЪ

СПАСОВИЧЪ.

(Рѣчь въ годовомъ собраніи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 23 февраля 1903 г.).

Сорокъ лѣтъ литературной дѣятельности даетъ обыкновенно поводъ къ юбилею писателя, продолжающаго свою просвѣтительную работу. Но и книга, не потерявшая и чрезъ сорокъ лѣтъ своего значенія, имѣетъ тоже своего рода право на юбилей, состоящій въ доброй памяти о ней и въ благодарномъ воспоминаніи о ея авторѣ. Одна изъ такихъ книгъ появилась сорокъ лѣтъ назадъ. Она называлась «Учебникъ уголовнаго права» и авторомъ ея былъ Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ. Изданная во время полнаго, въ отношеніи ея предмета, безлюдья или вѣрнѣе—безкнижья, она конечно представляется теперь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ неполной или устарѣлой, въ сравненіи съ подробнѣйшими руководствами Таганцева и Фойницкаго, въ сравненіи съ трудами Кистяковскаго, Сергѣевскаго и др. Но тогда, въ 1863 году, — когда самыми выдающимися пособіями для изученія уголовнаго права были сочиненія московскаго профессора С. И. Баршева «О мѣрѣ наказанія» (1840 г.) и «Общія начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (1841 г.), въ которыхъ архаическіе взгляды на существенные вопросы вмѣненія и наказанія излагались съ педантизмомъ отрѣшеннаго отъ жизни кабинетнаго ученаго, — книга Спасовича, составившаяся изъ его лекцій, представила собою свѣтлое и отрадное явленіе. На ней очень чувствовалось вліяніе Бернера, но цѣлые отдѣлы были обработаны самостоятельно, языкъ былъ образенъ и силенъ, картины

ярки, а критическій разборъ уложенія о наказаніяхъ 1845 г., составившій главу VII учебника, былъ первымъ и блестящимъ опытомъ серьезной критики законодательнаго сборника, который такъ повиненъ во многомъ, за что несправедливо упрекали нашъ судъ,— и на смѣну которому послѣ долгихъ, томительныхъ ожиданій пришло новое уголовное уложеніе.

Рядомъ съ подробнымъ и яркимъ изложеніемъ теорій наказанія, въ этой книгѣ были талантливыя страницы, посвященныя общимъ положеніямъ уголовнаго права, исторіи и практическому осуществленію наказаній, полныя настойчиваго призыва къ справедливости, слагающейся изъ примиренія началъ общежительности и свободнаго самоопредѣленія воли, и къ отказу отъ тѣхъ карательныхъ мѣръ, которыя «безчеловѣчны, потому что не необходимы». Картины дряхлѣющаго Рима съ его системою жестокихъ мучительствъ, полемика съ защитниками смертной казни и художественно изложенная исторія англійской ссылки въ Австралію—составляютъ истинное украшеніе этого главнаго труда Спасовича, какъ юриста... Разсматриваемый объективно и внѣ современной ему «злобы дня», учебникъ Спасовича является замѣчательной работой, въ которой, изъ-подъ облика строгаго юриста и осторожнаго, съ нѣсколько консервативнымъ направленіемъ, политика, желающаго взаимодѣйствія между общественнымъ строемъ и почерпнутымъ изъ потребностей жизни уголовнымъ закономъ, сквозитъ художникъ-гуманистъ.

При мысли о книгѣ невольно вспоминается и ея авторъ.

Гимназистомъ VI-го класса, пользовался я съ товарищами тогдашнимъ свободнымъ доступомъ въ университетскія аудиторіи и слушалъ съ замираніемъ сердца образную и художественную рѣчь Костомарова, строгое и вмѣстѣ изящное изложеніе Стасюлевича и оригинальное, живое слово Спасовича, впервые ознакомившее насъ, юношей, съ философскими понятіями. Какъ сейчасъ вижу, затѣмъ, обширный думскій залъ, гдѣ читались, въ 1862 году, лекціи перваго свободнаго русскаго университета, гдѣ раздавалось вдохновенное слово Кавелина—и гдѣ на эстраду, на которой была поставлена каѳедра, по три раза въ недѣлю входилъ быстрою походкою человѣкъ въ очкахъ, съ коротко остриженной головою, энергическимъ лицомъ и живыми, пронзительными глазами, въ глубинѣ которыхъ горѣло пламя мысли и смѣлаго стремленія къ истинному знанію. Сложныя понятія о преступленіи и наказаніи развивались передъ внимательной и пестрой аудиторіей ярко и понятно, очень часто художественно и всегда съ той широтой, которая одна даетъ

уголовному праву основаніе называться наукой, а не сборомъ теоретическихъ положеній, чуждыхъ жизни и подчасъ тяжелыхъ для совѣсти человѣка. Этотъ профессоръ былъ Спасовичъ.

Моему внутреннему взору представляется, — какъ будто это было вчера.—яркій день ранней весны, когда солнце уже грѣло и заливало своимъ свѣтомъ и залу думы, и молодыя, полныя надеждъ лица, и когда за окномъ блистали, падая съ крыши, золотыя капли быстро тающаго снѣга...— Такъ же таялъ въ тѣ дни снѣгъ, долго державшій подъ своей мертвой пеленою нашу родину, и грѣло только что взошедшее солнце незабвенныхъ 60-хъ годовъ. На порогѣ общественной жизни насъ готовились встрѣтить великія реформы, обновлявшія весь русскій бытъ,—и голосъ нашихъ учителей звучалъ намъ какъ призывъ и напутствіе для будущей дѣятельности, которой такъ радостно было посвятить, безъ расчета и корысти, всю свою жизнь. Время благородной мысли, восторженнаго чувства, горячей надежды на свѣтлое будущее и горделивой вѣры въ себя и въ духовныя силы русскаго народа,—время, когда всякій устыдился бы, даже тайно отъ всѣхъ, подумать про себя многое изъ того, что потомъ пришлось нерѣдко слышать нетолько въ беззастѣнчиво прорекаемыхъ громкихъ словахъ, но даже и въ печати,—время увлеченія незыблемостью принциповъ и отвращенія отъ услужливости житейскихъ приспособленій,—это время связано для меня и для большинства моихъ товарищей по Петербургскому университету съ воспоминаніемъ о чтеніяхъ Кавелина и Спасовича!

Но послѣднему не пришлось долго учительствовать, и уста его навсегда замолкли на каѳедрѣ. Учебникъ, своею новизною и смѣлымъ выраженіемъ убѣжденій автора, взволновалъ представителей рутинныхъ взглядовъ на уголовное право и вызвалъ въ печати нападки, далеко не всегда стоявшія на исключительно научной почвѣ. Быть можетъ, въ значительной степени онѣ содѣйствовали лишенію Спасовича, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, каѳедры въ Казанскомъ университетѣ. Представители схоластики въ уголовномъ правѣ на время стали полными хозяевами въ нѣкоторыхъ университетахъ и могли попрежнему пережевывать устарѣлыя «записки», не смущаемые никакими *новшествами*. Достаточно было ихъ послушать, чтобы понять заслугу чтеній Спасовича. Послѣ блестящаго и стройнаго изложенія имъ философскихъ системъ,—тѣмъ болѣе дорогого, что каѳедра философіи въ университетахъ еще была закрыта,—послѣ яркаго и безтрепетнаго анализа правовыхъ понятій и бытовыхъ явленій, въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ приходилось слушать почти что диктовку устарѣлыхъ

опредѣленій, пахнувшихъ Фейербахомъ и подкрѣпляемыхъ комическими примѣрами, вродѣ указаній на генерала, лѣзущаго въ звѣздахъ и лентахъ въ подворотню *конечно* для любовнаго свиданія, а не для кражи, какъ это было бы вполнѣ естественно предположить со стороны какого нибудь оборванца,—или патетическими восклицаніями вродѣ: «кому изъ васъ, господа, было бы пріятно лежать въ могилѣ рядомъ съ самоубійцей?!»

Затѣмъ пришлось встрѣтиться со Спасовичемъ черезъ нѣсколько лѣтъ, на службѣ Судебнымъ Уставамъ, которымъ онъ отдалъ свои лучшія силы. Вмѣстѣ со многими, теперь сошедшими со сцены, я былъ свидѣтелемъ его трудовъ и горячо привѣтствовалъ тѣ основы судебной этики, которыя закладывались имъ и въ судебныхъ преніяхъ, и въ опредѣленіяхъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Въ числѣ многихъ и многіе годы я восхищался его оригинальными, непокорными словами, которые онъ вбивалъ, какъ гвозди, въ точно соотвѣтствующія имъ понятія, — любовался его горячими жестами и чудесной архитектурой рѣчей, неотразимая логика которыхъ соперничала съ глубокою ихъ психологіей и указаніями долгаго и опытнаго житейскаго раздумья. Какъ часто приходилось представлять себѣ кого-либо, пришедшаго въ первый разъ послушать въ судѣ *знаменитаго Спасовича* и сначала удивленно вопрошающаго себя: «какъ? неужели это Спасовичъ? не можетъ быть...»;—говорящаго себѣ, затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ: «а вѣдь пожалуй, это и онъ...» и восклицающаго, наконецъ, съ восторгомъ: «да, это онъ! онъ и никто другой!». На поприщѣ судебныхъ состязаній намъ пришлось поработать вмѣстѣ. Не разъ вѣсы побѣды,—если только умѣстно говорить о побѣдѣ и пораженіи въ искреннемъ исканіи истины въ судебномъ дѣлѣ,—склонялись то на ту, то на другую сторону,—но, и побѣжденный, и побѣдитель, я возвращался домой всегда и прежде всего, благодарнымъ ученикомъ Спасовича. Изъ каждаго нашего состязанія я выносилъ поучительный и радостный примѣръ строго нравственнаго отношенія къ пріемамъ и формамъ судебной борьбы и воспоминаніе о широкихъ горизонтахъ философскихъ, соціальныхъ и даже естественно-научныхъ знаній, которые Владиміръ Даниловичъ такъ искусно умѣлъ открывать взору слушателя сквозь лѣсную чащу фактическихъ данныхъ дѣла.

Выступая въ качествѣ защитника, а иногда и гражданскаго истца, въ рядѣ выдающихся уголовныхъ дѣлъ, Спасовичъ явился не только своебразнымъ, глубокимъ и талантливымъ представителемъ адвокатуры, но и всею своею дѣятельностью на этомъ поприщѣ преподалъ достойные самаго внимательнаго изученія пріемы и способы, согласные съ непосред-

ственными цѣлями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ общественными задачами адвокатуры. Изъ собранія его рѣчей представляется возможнымъ вывести, въ извѣстной системѣ, его взгляды на теорію и практику дѣятельности судебнаго оратора. Такъ, выдѣляя изъ общаго *понятія о защитѣ* ея *задачи*, онъ находитъ, что, помогая суду заглянуть въ тайны души подсудимаго и изучить ея изгибы, защитникъ долженъ сказать въ пользу обвиняемаго все, чего послѣдній самъ не можетъ, не умѣетъ или не хочетъ сказать, не закрывая, однако, при этомъ глаза на истину и не указывая голословно на вліяніе и воздѣйствіе среды, личностей или обстоятельствъ, безъ ихъ тщательнаго изученія и провѣрки и безъ сопоставленія личности искушаемаго со свойствами и пріемами искушенія. Даръ свободнаго слова предоставленъ адвокату для облегченія участи подсудимаго и имъ не слѣдуетъ пользоваться для распространенія преступныхъ или противообщественныхъ идей. Изъ *видовъ* защиты, защита по соглашенію съ подсудимымъ менѣе свободна, чѣмъ защита по назначенію отъ суда, ибо приходится, по возможности, придерживаться системы защиты обвиняемаго; но и тутъ защитникъ не можетъ быть слѣпымъ орудіемъ и долженъ проявлять *отвагу* своего званія въ названіи вещей по ихъ именамъ. Въ зависимости отъ *свойствъ обвиняемаго* защита можетъ выражаться или въ полномъ отождествленіи защитникомъ себя съ обвиняемымъ, въ особенности въ передачѣ его чувствъ, или же въ отдѣленіи себя отъ него и объективномъ къ нему отношеніи. По *политическимъ дѣламъ* защита должна быть свободна, при чемъ адвокатъ, не будучи солидаренъ съ подсудимымъ, долженъ, однако, имѣть право высказать все возможное для оправданія или уменьшенія вины подсудимаго и для ослабленія невыгоднаго впечатлѣнія въ отношеніи чувствъ, руководившихъ послѣднимъ. Въ своихъ *пріемахъ* защита не должна давать увлечь себя неумѣстнымъ соображеніямъ о возможности надоѣсть или наскучить судьямъ, исчерпывая матеріалъ до конца и относясь не только къ фактамъ дѣла, но и къ источникамъ и причинамъ карательнаго закона со всестороннимъ изслѣдованіемъ; въ дѣлахъ, имѣющихъ предметомъ щекотливыя подробности, она должна рисовать не ихъ, а лишь общія начертанія предмета, подражая не детальной китайской живописи, а античной скульптурѣ.

Примѣняя эти общія правила въ своей практической дѣятельности, Спасовичъ облекалъ въ формы, выраженныя оригинальнымъ, не всегда правильнымъ, но всегда образнымъ, точнымъ и подчасъ очень острымъ языкомъ, глубокое, логически стройное и нерѣдко художественное содержаніе, давая, въ послѣднемъ отно-

шенія, то яркія очертанія, то мысль, неминуемо создающую, въ послѣдовательномъ своемъ развитіи, тотъ или другой образъ. Въ общемъ рѣчи его сжаты и сравнительно кратки: онъ говоритъ, какъ бы слѣдуя совѣту Канту́: «coll'arte di dir poco e di far pensare assai» (съ искусствомъ мало говорить, но много заставлять думать); при этомъ почти всѣмъ его рѣчамъ присущь научный пріемъ разбора и установленія методовъ изслѣдованія спорныхъ обстоятельствъ и извѣстная *поучительность* на почвѣ обширныхъ и разностороннихъ знаній въ области естественныхъ и гуманитарныхъ наукъ, поднимающая защиту въ высшій порядокъ идей. Очень искусно споря противъ фактической стороны дѣла, но никогда не умаляя значенія и силы злого дѣянія, приписываемаго подсудимому, онъ обращалъ особое вниманіе на выясненіе вопросовъ о томъ, что за человѣкъ обвиняемый и подходитъ-ли содѣянное имъ подъ то опредѣленіе закона, на которомъ настаиваетъ обвинитель. Отсюда блестящія и продуманныя *характеристики* и тонкій научный и житейскій разборъ уголовной *квалификаціи* дѣйствій подсудимаго. Характеристики Саши Большой (въ процессѣ объ убійствѣ фонъ Зона), Островлевой, Нины Андреевской, Шомбергъ-Колонтая, Нечаева даютъ образы, прочно остающіеся въ памяти, благодаря своей психологической и жизненной правдивости. Тамъ, гдѣ Спасовичъ принужденъ былъ разбирать улики и доказательства отрицаемаго имъ событія преступленія, его ѣдкая критика, находчивыя и тонкія сопоставленія не оставляли ничего недоговореннымъ или обойденнымъ, неуклонно направляясь, въ видѣ обдуманныхъ поступательныхъ дѣйствій, отъ окружности къ центру дѣла, т. е. къ личности обвиняемаго.

По *содержанію* своихъ рѣчей, Спасовичъ являлся не только защитникомъ въ данномъ дѣлѣ, но и *мыслителемъ*, для котораго частный случай служилъ поводомъ для поднятія общихъ вопросовъ и ихъ оцѣнки съ точки зрѣнія политика, моралиста и публициста. Его рѣчи часто представляли изъ себя, независимо отъ своего дѣлового содержанія, цѣльные отрывки изъ ученія объ обществѣ, объ уголовной политикѣ и о судебной этикѣ. Такъ, въ рядѣ литературныхъ процессовъ и дѣлъ о преступленіяхъ противъ церкви имъ разработанъ вопросъ о свободѣ совѣсти и вдумчиво очерчены отношенія между наукою и религіею, между догматическою и нравственною стороною послѣдней и между свободой исповѣданія и свободою изслѣдованія, между Добрымъ пастыремъ и Rex tremendae majestatis; въ процессахъ Кронеберга и Любатовичъ онъ разсматривалъ вопросы о предѣлахъ карательной власти государства и о взаимодѣйствіи законовъ и нравовъ;—въ

процессѣ, вызванномъ дуэлью Утина съ Жоховымъ, далъ изслѣдованіе о происхожденіи и внутреннемъ значеніи поединка;—въ многочисленныхъ дѣлахъ о преступленіяхъ печати выяснилъ вопросъ о свободѣ печатнаго слова и ея истинныхъ предѣлахъ, тщательно и впервые выдвигая тонкое различіе диффамаціи, клеветы и брани въ печати, совѣтуя судить клеветника по его поступкамъ, не производя излѣдованій въ его душевной области, при чемъ пришлось бы иногда «надѣвать калоши» и «вступать въ область сѣроводорода» — и ставилъ въ величайшую заслугу автору и въ лучшую услугу литературы обществу—нравственное поднятіе читателя;—въ дѣлахъ, разбиравшихся предъ военно-окружнымъ судомъ, далъ опредѣленіе и анализъ различныхъ видовъ военной дисциплины и отношенія ихъ къ карательной дѣятельности государства, наконецъ, въ защитительныхъ рѣчахъ по политическимъ процессамъ, богатыхъ историко-бытовымъ анализомъ, онъ развивалъ строго проводимую имъ систему органическаго развитія государства, не отрицая значенія постепенной демократизаціи общества, но иронически относясь къ утопическимъ взглядамъ, построеннымъ не на любви къ завѣтамъ историческаго прошлаго, а на радикальномъ разрывѣ и съ прошлымъ, и съ настоящимъ, въ утопической надеждѣ на «золотой вѣкъ» будущаго, и указывалъ на важныя идейныя и практическія отличія пропаганды политической отъ пропаганды соціальной.

И на чисто-юридической почвѣ, преимущественно въ своихъ рѣчахъ предъ кассаціоннымъ судомъ, Спасовичъ постоянно затрогивалъ общіе вопросы о *задачахъ и устройствѣ суда* и *о способахъ и выводахъ судебнаго изслѣдованія.* Блестящими доводами и картинами рисовалъ онъ опасность почвы, на которой предъ судомъ, обязаннымъ добиваться «сухой, но безсмертной истины», выростаетъ, рядомъ съ историческимъ изслѣдованіемъ матеріала, «бурьянъ» поэтической легенды, опутывающій свободную дѣятельность ума у судей и сторонъ. Опредѣляя задачи суда, онъ напоминаетъ ему объ обязанности не творить законъ, а «ремонтировать» своими приговорами тѣ поврежденія, которыя въ немъ сдѣланы, какъ въ цементѣ, не дающемъ обществу распасться на свои составные атомы. Поэтому, признавая за кассаціоннымъ Сенатомъ роль пѣстуна и регулятора въ судебной сферѣ, Спасовичъ приглашаетъ его не возводить «свою собственную надстройку надъ зданіемъ, возведеннымъ закономъ».

Въ рѣчахъ его разсыпано множество цѣнныхъ замѣчаній о дѣятельности и организаціи суда присяжныхъ. Ко введенію этой формы суда въ Россіи онъ относился въ свое время съ недовѣріемъ. Въ

публичныхъ лекціяхъ «о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ», читанныхъ въ 1860 г. въ Петербургскомъ Университетѣ, онъ высказывалъ опасеніе, что нравственно-юридическое развитіе народа не подготовило его къ участію въ свободномъ, не стѣсняемомъ обязательными правилами сужденія, судѣ—и что отсутствіе привычки отличать законъ отъ требованія начальства, а также присущая русскому человѣку склонность видѣть въ преступникѣ «несчастнаго» могутъ вредно отразиться на правильномъ отправленіи правосудія. Жизнь и здравый смыслъ народа не подтвердили этихъ опасеній, и Спасовичъ, испытавъ русскихъ присяжныхъ засѣдателей на практикѣ, прямодушно и твердо сталъ на ихъ сторону, не впадая въ идеализацію. По справедливости признавая, что виною нѣкоторыхъ временныхъ недостатковъ этого суда у насъ—*условія,* въ которыя онъ поставленъ, онъ выступилъ защитникомъ его вообще противъ нападеній позитивно-антропологической школы (Тардъ, Гарофало и др.) въ лекціяхъ «о новыхъ направленіяхъ въ уголовномъ правѣ», читанныхъ въ Соляномъ городкѣ въ 1891 году. Въ сенатскихъ рѣчахъ по дѣламъ Мельницкихъ, Островлевой и персидскаго принца Кейкубата, давая указанія на необходимыя улучшенія въ постановкѣ этого суда, которому надо «дать побольше довѣрія и поменьше власти», отмѣчая его «наставительный» характеръ и противополагая его суду коронному,—«законнику, витающему въ абстракціяхъ и не безпристрастному рѣшителю, тянущему всегда въ пользу государства, безъ негодованія и состраданія», Спасовичъ признавалъ, что при правильномъ устройствѣ суда *обязанности* людскія должны толковаться судомъ юристовъ, а *дѣянія* обсуждаться присяжными.

Значительная часть многихъ рѣчей Спасовича посвящена вопросамъ *психофизіологіи* и содержитъ множество тонкихъ и обличающихъ обширную эрудицію замѣчаній и характеристикъ изъ области уголовной физіологіи и психологіи. Находя, что духовная культура выражается съ одной стороны въ выработкѣ и преобладаніи мозга и нервной системы, а съ другой — въ возрастаніи идеомоторныхъ процессовъ, въ возможно бо́льшемъ разстояніи между внѣшнимъ раздраженіемъ и его неизмѣримо далекими результатами, при чемъ каждый результатъ является уже не *продуктомъ* первоначальнаго раздраженія, а *отвѣтомъ*, даннымъ всѣмъ характеромъ, всѣми пережитыми опытами и всѣми привычками мысли, чувствъ и дѣятельности, онъ съ особымъ вниманіемъ изслѣдовалъ чувствительный, мыслительный и волевой процессы въ человѣкѣ. «Идея безжизненна въ своемъ холодномъ состояніи,— говорилъ онъ,—ей нужно согрѣться чувствомъ, чтобы перейти въ

живое дѣло». Сдѣланные имъ (въ особенности въ дѣлѣ Островлевой) анализы душевныхъ недуговъ—какъ болѣзней мышленія и разборъ ихъ отличія отъ болѣзней чувствъ и воли дали ему вполнѣ заслуженное право быть избраннымъ въ 1885 г. въ члены психіатрическаго общества при императорской военно-медицинской Академіи. Свобода воли, обусловливающая собою вмѣняемость, по мнѣнію Спасовича, выражается въ дѣйствіи трехъ главныхъ мотивовъ человѣческихъ дѣяній—страсти, ума (разсчета) и нравственнаго чувства (совѣсти)—и наказаніе назначается за то, что одинъ изъ двухъ первыхъ мотивовъ оказался сильнѣе третьяго, — за то что страсть одолѣла умъ или умъ наложилъ молчаніе на протестующую совѣсть. Критерій этотъ не приложимъ, однако, къ душевно-больнымъ и мечъ правосудія опускается тамъ, гдѣ надъ человѣкомъ тяготѣетъ проклятіе природы.

Живая, энергическая рѣчь Спасовича одинаково сильная въ синтезѣ и въ анализѣ, никогда не упускающая изъ виду подсудимаго, какъ «брата по человѣчеству», проникнутая разумнымъ снисхожденіемъ къ увлеченіямъ молодаго возраста, однако безъ льстиваго попустительства, всегда производила впечатлѣніе на присяжныхъ и привлекала къ себѣ особое вниманіе суда. Если вдумчивость въ дѣло, изученіе его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, отсутствіе напускного пафоса и простота рѣчи, въ связи съ глубиною и богатствомъ ея содержанія, должны служить образцомъ и примѣромъ для лицъ, посвящающихъ себя адвокатурѣ, то такой образецъ данъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ судебною дѣятельностью Спасовича. Нужно ли говорить, затѣмъ, о его роли въ упроченіи и энергичномъ оживленіи того кружка юристовъ, которые собирались у него на квартирѣ за разработкой правовыхъ вопросовъ,—кружка, послужившаго ядромъ нашего Юридическаго Общества, того Общества, въ стѣнахъ котораго столько разъ раздавалось призывное слово Спасовича къ правильному устроенію правосудія и къ правосудію въ устроеніи суда.

Наконецъ, нельзя забыть всѣхъ художественныхъ наслажденій и отрадныхъ минутъ, вынесенныхъ каждымъ изъ участниковъ собраній *Шекспировскаго кружка,* куда приходилось уходить отъ тяжелыхъ впечатлѣній жизни для того, чтобы отдохнуть и забыться въ совмѣстной работѣ надъ изслѣдованіемъ вѣчныхъ началъ художественной правды и красоты. Члены этого кружка помнятъ до сихъ поръ многіе изъ появившихся, благодаря энергіи и личному участію Спасовича, докладовъ и мнѣ невольно рисуются тѣ вечера, когда, 26 лѣтъ назадъ, мы перенесли съ нимъ наши обычныя состязанія и на Шекспировскую почву, избравъ предметомъ ихъ

«Макбета» и посвятивъ этой трагедіи рядъ рефератовъ и контръ-рефератовъ.

Вся дѣятельность этихъ кружковъ, — и правовая, и литературная—оживлялась и согрѣвалась имъ, который въ этомъ тонкомъ механизмѣ свободнаго мышленія былъ маховымъ колесомъ, приводившимъ все въ движеніе. Не останавливаясь передъ хлопотами, просьбами и трудами, онъ не давалъ развиться въ этихъ кружкахъ столь обычнымъ у насъ лѣни и апатіи. А когда эти послѣднія все-таки грозили забраться въ среду участниковъ, Спасовичъ, несмотря на многочисленныя занятія и на почтенные годы. съ тревожной настойчивостью «собиралъ,—выражаясь словами великаго Петра — разсыпанную храмину», и дѣлался въ ней снова дѣятельной силой и связующимъ центромъ ея.

Вотъ какія воспоминанія заставляютъ искренно сожалѣть о томъ, что нѣтъ Спасовича болѣе среди насъ, что на тускломъ петербургскомъ горизонтѣ исчезъ его своеобразный духовный и физическій обликъ и что больше не приходится знать, что въ одномъ изъ уголковъ суетнаго и холоднаго города, почти по каждому общественному или научному вопросу бьется, какъ пульсъ, Спасовичъ.

Не слѣдуетъ ли, однако, по примѣру античнаго Рима, сказать по адресу Спасовича «carmen famosum»? Недаромъ же современному перерожденію римскаго «позорящаго стиха» въ клевету и диффамацію, онъ посвятилъ нѣсколько научныхъ трудовъ. Мнѣ облегчили бы мою задачу его многочисленные непріятели, ибо—къ чему скрывать?—у него ихъ большое количество. Оно и не мудрено, такъ какъ онъ былъ всегда самимъ собою, чуждымъ слѣпого рабства передъ чужою мыслью, независимо относившимся ко всякаго рода инвентарямъ партійныхъ понятій и обязательному трафарету предустановленныхъ взглядовъ.

Поэтому, напримѣръ, когда, считая себя полякомъ по происхожденію, вкусамъ и традиціямъ и прямодушно объ этомъ заявляя всюду, онъ увлекался своей любовью къ прошлому Польши, его тотчасъ же спѣшили упрекнуть въ томъ, что онъ отчуждается отъ всего русскаго. При этомъ нерѣдко прибавлялось: «не правъ ли былъ знаменитый московскій публицистъ, когда, характеризуя «ораторовъ петербургской судебной палаты» по Нечаевскому дѣлу, онъ, со свойственной ему силой выраженія, говорилъ о томъ, что только одинъ изъ нихъ поднялся на вызываемую важностью дѣла высоту и окинулъ съ нея проницательнымъ взглядомъ условія и среду, изъ которыхъ вышли участники заговора, — и прибавлялъ съ горечью «но онъ говорилъ какъ

чужой». — Но вглядѣвшись въ жизнь Спасовича среди насъ, съ этимъ эпитетомъ нельзя согласиться. Не чужой русскому обществу тотъ, кто сѣялъ въ немъ сѣмена здоровой науки и критики,—кто принялъ такое живое и сердечное участіе въ дѣлѣ развитія нашихъ судебныхъ пріемовъ и идеаловъ, — не чужой тотъ, кто заставлялъ своимъ живымъ словомъ биться сердца слушателей,— кто неустанно, среди недовѣрія и глухихъ обвиненій, употреблялъ всѣ доступныя ему духовныя средства, чтобы развить, вмѣсто отчужденія, взаимное пониманіе и уваженіе въ двухъ родственныхъ славянскихъ племенахъ, которымъ суждено въ будущемъ идти къ обще-человѣческимъ цѣлямъ не только рука съ рукой, но и душа съ душою... Наконецъ, чужой Россіи развѣ тотъ, кто оставилъ 11 томовъ своихъ печатныхъ трудовъ, изложенныхъ на русскомъ языкѣ, по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія?

Извѣстно стихотвореніе Мицкевича, въ которомъ изображены двое юношей подъ однимъ плащомъ, соединенныхъ между собою связью сердца. Поэтъ уподобляетъ ихъ двумъ скаламъ, склоненнымъ вершинами другъ къ другу, межъ тѣмъ какъ снизу ихъ навѣки раздѣлилъ потокъ. Когда-то казалось, что это такъ и есть, но въ послѣднее время явились признаки того, что снѣгъ и ледъ вершинъ, подобно альпійскимъ ледникамъ, спускаются внизъ, и не только единичные люди, но и цѣлые слои населенія охватываются однимъ чувствомъ на почвѣ просвѣщенія и справедливости во взаимной оцѣнкѣ. Это выразилось ясно въ русско-польскихъ чествованіяхъ столѣтнихъ юбилеевъ Пушкина и Мицкевича. Надо желать, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлалось яснымъ, что въ великолѣпномъ пророчествѣ польскаго поэта одно лишь мѣсто было ошибочно: потокъ высохъ, и обѣ скалы соединились, сохранивъ за собой всѣ свойства своей природы, но будучи связаны прочнымъ кварцемъ взаимнаго уваженія и золотой рудой любви къ ближнему. Для этого не мало и плодотворно поработалъ Спасовичъ.

Его упрекали и въ томъ, что онъ всегда разбрасывался, никогда не отдаваясь всецѣло одному дѣлу — и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ былъ непосѣдой, не создавъ кропотливымъ и усидчивымъ трудомъ чего-либо одного, большого и цѣльнаго. Да, — пожалуй, — это вѣрно... Но довольно въ жизни нашей узкихъ спеціалистовъ, достаточно исключительной принадлежности ко всякимъ офиціальнымъ и неофиціальнымъ вѣдомствамъ, накладывающей односторонній отпечатокъ на всю личность человѣка! Есть привлекательное въ этомъ Протеѣ — Спасовичѣ, когда онъ ищетъ новыхъ впечатлѣній и воплощаетъ ихъ въ оригинальныя мысли, гдѣ бы его ни приходилось встрѣтить: въ театрѣ, на выставкѣ картинъ, на публич-

ной лекціи, на диспутѣ, въ судѣ, въ редакціи журнала, на товарищескомъ обѣдѣ или на похоронахъ хорошаго человѣка. Нельзя не оцѣнить эту его отзывчивость, эти черты его личности, потому что каждый его шагъ въ разнообразныхъ сферахъ духовной жизни проникнутъ внутреннимъ смысломъ и всегда, такъ или иначе, направленъ къ пробужденію въ окружающихъ тѣхъ общихъ идей и представленій, въ которыхъ сказываются лучшія стороны людского духа и безъ которыхъ жизнь образованнаго человѣка была бы тяжелымъ бременемъ.

Итакъ, не будемъ ставить ему на счетъ эти черты его натуры. Невольно вспоминается то мѣсто обвинительной рѣчи Владиміра Даниловича по дѣлу о поджогѣ мельницы Овсянникова, гдѣ на упрекъ защиты, что онъ строитъ всѣ свои выводы на однѣхъ косвенныхъ уликахъ, на чертахъ и черточкахъ, онъ отвѣтилъ: «Ну, да! черты и черточки! Но, вѣдь, изъ нихъ складываются очертанія, а изъ очертаній буквы, а изъ буквъ слоги и изъ слоговъ возникаетъ слово,—и это слово:—*поджогъ!*» Такъ и про него его противникамъ можно сказать: «Ну, да! вы правы, все черты и черточки, но изъ нихъ складываются понятія, а изъ понятій—цѣлое представленіе о человѣкѣ—и это представленіе о человѣкѣ — есть представленіе *о служителѣ общественнаго развитія!*»

ПАВЕЛЪ ОСИПОВИЧЪ
БОБРОВСКІЙ.

(1905 г.).

Разными путями можно служить укрѣпленію и упроченію боевой силы родины. Презрѣніе къ личной опасности, вдумчивая и предусмотрительная забота о цѣлесообразной и всесторонней организаціи этой силы и «святое безпокойство» о ввѣренныхъ страною жизняхъ ея сыновъ—одинъ изъ этихъ путей. На немъ необходимость должна быть связана съ истиннымъ человѣколюбіемъ, не допускающимъ ни напрасныхъ и ненужныхъ жертвъ, ни подсказанныхъ честолюбіемъ рискованныхъ предпріятій. Не даромъ Суворовъ въ своемъ «Разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ» восклицаетъ: «Loin de nous les héros sans humanité! Ils pourront bien forcer les respects et ravir l'admiration, comme tous les objets extraordinaires, mais ils n'auront pas les coeurs!».

Другой путь—есть путь исполненія принятаго на служеніе родинѣ долга, требуемаго не только отъ другихъ, но прежде всего отъ самого себя, неумолимо и настойчиво, какъ-бы тяжело ни было его бремя, памятуя, что долгъ кончается лишь тамъ, гдѣ начинается невозможность. Въ одной изъ проповѣдей митрополита Филарета есть характеристика такого долга. «Аще гонятъ вы во градѣ—бѣгите въ другой»,—приводитъ онъ текстъ Писанія и говоритъ: «это слово Господне позволяетъ удаляться только тогда, когда гонятъ, а когда еще не гонятъ, надобно стоять, несмотря но прекословія, и дѣлать порученное дѣло до послѣдней возможности; лишь когда васъ гонятъ—не сражайтесь, а уходите!».

И третій путь состоитъ въ систематическомъ развитіи и подъемѣ духа боевыхъ защитниковъ родины изображеніемъ передъ ними прошлаго не какъ хвалебной и часто лживой лѣтописи «побѣдъ и одолѣній», а какъ сознательнаго и самоотверженнаго осуществленія историческихъ задачъ отечества въ его борьбѣ за самостоятельное существованіе среди народовъ.

Но недостаточно освѣщать преемственность основъ для созданія силы государства, какъ члена международнаго общенія. Сила, не опирающаяся на право, не внушаетъ сочувствія и лишена нравственной поддержки. Отсюда необходимость развитія въ представителяхъ боевой силы страны—правосознанія, необходимость ознакомленія ихъ не только со спеціальными, но и съ общими правовыми условіями и задачами дѣятельности, чтобы ясно стояло предъ ними, во дни тяжелыхъ жертвъ и испытаній, представленіе о тѣхъ началахъ гражданскаго порядка и общежитія, которые они оберегаютъ, какъ члены одной народной семьи, и защищаютъ на поляхъ битвы, какъ воины.

По этому двоякому пути шелъ неуклонно во всю свою трудовую жизнь Павелъ Осиповичъ Бобровскій, тѣло котораго только что предано землѣ въ Мокуляхъ, Ковенской губерніи.

Сложныя служебныя обязанности (по организаціи юнкерскихъ училищъ и по управленію, въ теченіе 18 лѣтъ, военно-юридическою Академіею), выполненію которыхъ онъ энергично отдавался «не токмо за страхъ, но и за совѣсть», не отвлекали его отъ любимыхъ имъ историческихъ трудовъ. Въ нихъ находилъ онъ своеобразный отдыхъ и отраду. Изученіе русской военной исторіи по первоисточникамъ и труднодоступнымъ матеріаламъ создало въ его отзывчивой на истинное величіе душѣ горячее, сознательное и глубоко продуманное преклоненіе предъ Петромъ Великимъ. Удивительный образъ «вѣчнаго работника на тронѣ» внушилъ Бобровскому и главныя его работы: изслѣдованіе «о военномъ правѣ въ Россіи при Петрѣ Великомъ» и исторіи полковъ лейбъ-Эриванскаго (Бутырскаго) и Преображенскаго. Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на многотомныя изданія этихъ сочиненій и ознакомиться, хотя бы поверхностно, съ содержаніемъ ихъ, чтобы видѣть сколько усидчиваго, кропотливаго труда положено авторомъ для того, чтобы иногда написать лишь нѣсколько строкъ, твердо основанныхъ на изученіи, классификаціи и практической провѣркѣ громаднаго подготовительнаго матеріала. Стоитъ вглядѣться въ цитаты изъ этого матеріала и ссылки на него, чтобы понять всю обширность и разносторонность эрудиціи покойнаго изслѣдователя

русскаго военнаго быта въ его историческомъ и юридическомъ развитіи.

Подъ скромнымъ названіемъ «Военное право при Петрѣ Великомъ» помѣщается обширный трактатъ о войскахъ Западной Европы въ XVI и XVII столѣтіяхъ и чрезвычайно интересная характеристика русскаго войска за это же время, могущіе быть обращенными въ спеціальныя, вполнѣ законченныя и самостоятельныя изслѣдованія. Разборъ «Артикула воинскаго» не только знакомитъ въ мельчайшихъ подробностяхъ съ источниками, происхожденіемъ и содержаніемъ этого перваго законодательнаго памятника новой Россіи, но и даетъ, попутно, многія драгоцѣнныя черты для уразумѣнія творческой дѣятельности Великаго Преобразователя.

Въ главѣ, трактующей объ источникахъ Артикула воинскаго, Бобровскій далъ интереснѣйшую характеристику тѣхъ военно-уголовныхъ сборниковъ, на которыхъ отразились два направленія военнаго законодательства XVI и XVII вѣковъ: рыцарско-римское и германо-каноническое, рѣзко различающіяся и въ основныхъ началахъ, и въ подробностяхъ. При этомъ онъ нарисовалъ привлекательный образъ Густава Адольфа, «творца военнаго искусства новѣйшихъ временъ», не понятаго, какъ законодатель, въ эпоху, увлекавшуюся «внѣшнею призрачною формою, когда судьи считали дѣломъ спасительнымъ, для очищенія зла, примѣнять наказаніе по *буквальному тексту закона,* а комментаторы усердно развивали церковныя идеи объ искупленіи первороднаго грѣха, посредствомъ жестокаго возмездія для *удовлетворенія оскорбленнаго божества*».

Разбирая рѣдкое сочиненіе Фридриха Флемминга (1722 г.) «Der Volkommene Teutsche soldat» Бобровскій,—горячій поклонникъ просвѣщенія и ревнитель его повсюду въ своей личной жизни—доказывалъ, что еще за 150 лѣтъ до войны за объединеніе Германіи въ 1871 году, вопросъ о связи начальной школы съ успѣшнымъ устройствомъ воинской части въ странѣ считался не подлежащимъ сомнѣнію. Многія страницы обширнаго сочиненія Флемминга были теоретическимъ обоснованіемъ того практическаго, въ отдаленномъ будущемъ, результата, который выразился въ извѣстномъ изреченіи о томъ, что Францію въ 1870—1871 году побѣдилъ *нѣмецкій школьный учитель.* Тщательнымъ изслѣдованіемъ Артикула воинскаго Бобровскій старался установить взглядъ на самостоятельную творческую работу Петра даже и въ этомъ законодательномъ памятникѣ, для котораго однако такъ легко и заманчиво было копировать съ западныхъ систематическихъ образцовъ. Сдѣлавъ исходною точкою своего «Артикула»

не отвлеченныя карательныя теоріи, а начало власти, призванной ограждать общественный быть, Петръ придалъ ему особую жизненность, которая чувствуется и нынѣ, несмотря на обветшалость формъ. «На Артикулъ воинскій—писалъ Бобровскій—время уже положило печать безмолвія; но внутри его заключается не мало истинъ, высказанныхъ умами великихъ знатоковъ военнаго дѣла всѣхъ временъ. Эти истины брошены рукою Петра, какъ сѣмя, въ наши военно-правовыя отношенія. Правовыя истины не умираютъ и будутъ жить до тѣхъ поръ, пока надъ родомъ человѣческимъ будетъ господствовать нравственный законъ, налагающій крѣпкую узду на злую волю человѣка. Для науки-же важны идеи разсматриваемаго закона въ его исторической обстановкѣ, а внѣшнія его формы—дѣло второстепенное, потому-что каждая эпоха облекаетъ извѣстныя идеи на свой ладъ».

Исторія двухъ вышеупомянутыхъ полковъ отличается тѣми же свойствами труда. Проникнутая здоровымъ патріотизмомъ, чуждымъ какого-либо шовинизма и національнаго самовосхваленія, она изобилуетъ бытовыми картинами и обширными историческими очерками, достойными сжатаго и содержательнаго письма покойнаго Шильдера. Петръ и Екатерина, Александръ и Николай со своими сподвижниками и характерными чертами своихъ царствованій, угрюмая сѣверная природа, горы и зной Кавказа, планы и описанія битвъ, разсказы о трудностяхъ приспособленія русскаго человѣка къ новымъ условіямъ мѣста и времени, обширное изслѣдованіе о мюридизмѣ—проходятъ предъ читателемъ, раскрывая предъ нимъ—подъ скромнымъ названіемъ исторіи полка—исторію его родины въ ея боевыхъ испытаніяхъ. Искусное распредѣленіе матеріала и много новыхъ, невѣдомыхъ прежде данныхъ, добытыхъ на мѣстахъ, поддерживаютъ неослабѣвающій интересъ къ этимъ фоліантамъ и даютъ полное удовлетвореніе критической мысли, которая, вмѣсто диѳирамбовъ и условныхъ восторговъ, находитъ спокойную объективность автора, согрѣтую любовью къ своему труду.

И правовому развитію нашего военнаго сословія послужилъ П. О. Бобровскій всѣми силами души. Принявъ руководство высшимъ юридическимъ образованіемъ въ военной средѣ въ періодъ перехода отъ заѣденной рутиною школы къ военно-юридической академіи, широко раскрывшей дверь наукѣ, онъ отдался новому для него дѣлу съ неослабною энергіею.

Завѣдывая ученіемъ, онъ самъ сталъ учиться и на личномъ опытѣ узналъ потребности учащихся и необходимую степень напряженія ихъ духовныхъ силъ. Академія стала его семьею, его

родиной, его дѣтищемъ, по отношенію къ которымъ не могло быть мѣста мелочному личному самолюбію или начальственной обособленности. Поэтому, не боясь померкнуть въ лучахъ научныхъ свѣтилъ, онъ звалъ ихъ въ свою Академію и радостно, съ горделивымъ восторгомъ, привѣтствовалъ ихъ согласіе стать его сотрудниками. Такъ привлекъ онъ многихъ ученыхъ, которыми могла, по праву, гордиться Академія.

Между ними достаточно упомянуть Неклюдова и, въ особенности, Кавелина. Бобровскому удалось вывести изъ молчаливаго уединенія этого глубокаго мыслителя, историка русскаго юридическаго быта и выдающагося цивилиста и дать возможность воспитанникамъ Академіи услышать горячее, вдохновенное и полноцѣнное слово стараго профессора лучшихъ временъ московскаго университета. Не только въ серьезной любви къ наукѣ нашелъ Бобровскій точку тѣснаго соприкосновенія съ Кавелинымъ, питавшимъ къ нему искреннее уваженіе,—чѣмъ онъ дарилъ не многихъ,—но и въ одной общей, нѣжной любви... къ Петру. «Когда мнѣ бываетъ грустно, когда я поддаюсь сомнѣніямъ о будущемъ Россіи»—говаривалъ Кавелинъ,—«я беру Евангеліе или думаю о Петрѣ, и мнѣ становится легче». Такъ смотрѣлъ и Бобровскій—и въ мысляхъ о Петрѣ, слѣды котораго видѣлъ онъ во всемъ хорошемъ на Руси, и въ словахъ Христа искалъ утѣшенія и поддержки въ тѣ, въ послѣднее время столь тяжкія, минуты, когда его больное и усталое сердце сжималось тоскою и тревогою за родину.

Когда утомленный тѣмъ, что въ механикѣ называется «безполезнымъ треніемъ» и на что у насъ такъ много уходитъ нужныхъ на полезное и творческое дѣло силъ, онъ достигъ почетнаго спокойствія и независимости въ качествѣ сенатора, онъ продолжалъ душою жить съ Академіею. Все касающееся ея жизни и процвѣтанія его волновало; онъ съ любовью слѣдилъ за житейскими шагами ея слушателей и былъ счастливъ, когда,—быть можетъ, нѣсколько и запоздало,—Академія воздала ему справедливость и пріобщила его къ себѣ, въ качествѣ своего почетнаго члена.

Служба въ Сенатѣ дала ему возможность съ особымъ рвеніемъ отдаться своимъ историческимъ работамъ. Но сидячая жизнь и неумѣренный, по лѣтамъ (онъ умеръ 72 лѣтъ), трудъ надломили его всегда некрѣпкое здоровье. Явленія общаго склероза отразились на сердцѣ—и смерть пришла внезапно, какъ на полѣ сраженія. Но если бы смерть и не была для него неожиданной, онъ могъ бы встрѣтить ее безтрепетно: покуда онъ жилъ, онъ

стоялъ на своемъ посту и несъ службу родинѣ со строгимъ соблюденіемъ «нравственнаго артикула», отдавая ея прошлому и будущему всѣ силы своего опыта, знанія и способностей.

Вѣрный другъ своихъ друзей, добрый семьянинъ, мало заботливый о себѣ и много заботливый о близкихъ и далекихъ, онъ умѣлъ согрѣвать своею бесѣдою и своими благоговѣйными воспоминаніями о лучшихъ годахъ царствованія и о личности Царя-Освободителя и его назабвеннаго сотрудника, графа Милютина. Письма послѣдняго, изрѣдка имъ получаемыя, приводили его надолго въ радостное настроеніе и свято имъ сохранялись. Съ нимъ сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ дѣятелей «Милютинскаго времени». На этомъ времени остановится съ любовью и уваженіемъ будущій историкъ свѣтлыхъ моментовъ въ исторіи новой Россіи. Хочется надѣяться, что онъ вспомнитъ тогда и о скромной могилѣ Бобровскаго.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ.

I.

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ БОБРИЩЕВЪ-ПУШКИНЪ.

(1903 г.).

Приближается полугодовой день кончины Александра Михайловича Бобрищева-Пушкина и образъ этого симпатичнаго и всесторонне образованнаго, отзывчиваго и «непреткновеннаго» душою человѣка съ обновленной ясностью возникаетъ предъ тѣми, кто зналъ его лично или былъ знакомъ съ его дѣятельностью. Эта дѣятельность и его труды вообще заслуживаютъ подробнаго разбора, но теперь хотѣлось бы лишь въ самыхъ краткихъ словахъ указать на глубину и значеніе понесенной въ его лицѣ общественной утраты.

Двояко умираютъ люди, достойные останавить на себѣ общественное вниманіе. Одни «насытясь днями», какъ говоритъ Священное Писаніе, уходятъ, «свершивъ въ предѣлѣ земномъ все земное», среди грустной увѣренности близкихъ въ неизбѣжности скораго конца долгаго спутника ихъ совмѣстнаго существованія. Они закатываются, какъ солнце—величественно, спокойно и медленно. Такъ закатился Яковъ Петровичъ Полонскій, во имя котораго

основанъ былъ литературный кружокъ, въ которомъ Бобрищевъ-Пушкинъ былъ предсѣдателемъ. «Вотъ и я,—говорилъ 75-лѣтній И. А. Гончаровъ, гуляя со мною въ ясный вечеръ по Рижскому штранду,—жду себѣ такого же заката» и онъ показывалъ на пурпуровый шаръ, тихо поглощаемый моремъ. Послѣ такого заката на легкихъ облачкахъ мѣняющаго свои краски неба еще долго горитъ, все темнѣя, розовый отблескъ... Горитъ онъ и въ сердцахъ, утратившихъ почившаго.

Но бываетъ, что смерть налетитъ, какъ гроза, закрутитъ какъ вихрь, ослѣпитъ и оглушитъ всѣхъ окружающихъ и, вырвавъ изъ ихъ среды любимаго человѣка, произведетъ впечатлѣніе громового удара. И темная свинцовая туча нависнетъ надъ ихъ сердцемъ. Такая туча надвинулась и на тѣхъ, кто цѣнилъ и любилъ покойнаго. Не хотѣлось вѣрить въ дѣйствительность этой тьмы, въ это внезапное сиротство дѣла правосудія и просвѣщенія, которому онъ такъ горячо служилъ. Такъ хотѣлось бы имѣть время и возможность прочно изобразить и удержать его образъ, припомнить всѣ его привлекательныя черты и вынести ихъ изъ опечаленнаго сердца на свѣтъ Божій...

Желая похвалить кого либо изъ усопшихъ, обыкновенно говорятъ, что покойный былъ *умный и пріятный* человѣкъ. Но такая оцѣнка не только недостаточна, но и двусмысленна. Говоря о почившемъ профессорѣ Градовскомъ, мнѣ уже приходилось указывать, что умъ, которымъ мы такъ поспѣшно и охотно всѣхъ надѣляемъ, есть не что иное, какъ оружіе въ житейской борьбѣ, одинаково пригодное и для хорошихъ, и для дурныхъ цѣлей, подобно острому ножу, равно необходимому и въ мирномъ хозяйствѣ и для разбоя на большой дорогѣ. *Умный человѣкъ* есть человѣкъ лишь хорошо вооруженный и только... Важны побужденія его дѣйствій и сила, подвигающая его умъ на работу. Поэтому важны душевныя свойства человѣка, а не сила его ума сама по себѣ, безотносительно. Умный, но бездушный, безсердечный человѣкъ—есть человѣкъ нерѣдко вредный и всегда опасный. Точно также и *пріятность* человѣка можетъ быть понимаема весьма различно. Иной пріятенъ внѣшнею ласковостью обращенія со всѣми безъ различія,—другой тѣмъ, что не кричитъ и не говоритъ дерзостей за картами,—третій тѣмъ, что имѣетъ похвальную привычку *иногда* отдавать взятыя въ займы деньги... Важно знать, что *дѣлалъ* и что *сдѣлалъ* для общества, для насажденія въ немъ лучшихъ чувствъ и мыслей, тотъ, кого оплакиваютъ.

Александръ Михайловичъ вездѣ,—и въ службѣ, и въ печати, и въ литературно-художественномъ кружкѣ служилъ идеямъ и ин-

тересамъ высшаго порядка. По службѣ его не было возможности замѣтить, чтобы онъ заботился о своемъ личномъ лучшемъ устройствѣ, и увлекательное для многихъ слово—*блестящая карьера*—было совсѣмъ непримѣнимо къ этому пятидесятилѣтнему идеалисту, съ любовью занимавшему въ концѣ своей трудовой жизни не видное, но отвѣтственное предъ совѣстью и предъ родиной мѣсто. Можно съ увѣренностью утверждать, что въ его богатой фантазіи, въ минуту раздумья о смерти, никогда не носилась обычная картина яркаго металлическаго гроба, окруженнаго не только тропическими растеніями, но и многочисленными табуретами со знаками отличія, столь наглядно говорящими о суетныхъ житейскихъ вожделѣніяхъ даже предъ лицомъ великой тайны всеуравнивающей смерти.

И въ печати онъ былъ любителемъ и служителемъ поэзіи и добрымъ рабочимъ на нивѣ научныхъ знаній, разработываемыхъ на потребу жизни. Было бы неумѣстно приводить отрывки изъ его стихотвореній, изъ его прекрасныхъ предсмертныхъ произведеній «Передъ разлукой» и «Октавы», но нельзя не вспомнить одного изъ нихъ—«Двѣ Психеи»,—въ которомъ онъ рисуетъ свой идеалъ поэзіи—не отвлеченной, не направленный исключительно на поклоненіе красотѣ, не парящей въ надзвѣздные міры, но сходящей на землю, какъ утѣшеніе и поддержка человѣку и какъ спасеніе его отъ печальной прозы жизни. Въ литературномъ кружкѣ имени Полонскаго произвелъ большое впечатлѣніе напечатанный затѣмъ въ «Вѣстникѣ Европы» его докладъ о Некрасовѣ, гдѣ онъ оттѣнялъ именно общественное служеніе «музы мести и печали» покойнаго поэта. Въ его стихахъ, въ послѣдніе дни, чуялась гнетущая его душу усталость отъ дѣловыхъ тревогъ и житейскихъ разочарованій, но онъ до конца не опускалъ рукъ и не поникалъ безнадежно своей красивою, энергическою головой.

Знанію отдалъ онъ обильную дань любви и труда. При своихъ докладахъ и возраженіяхъ онъ, подобно кремню, сыпалъ при каждомъ ударѣ искры ума, разнородныхъ свѣдѣній и глубокой вдумчивой мысли. Онъ сгоралъ жаждой знанія, впитывалъ въ себя его лучи и самъ свѣтился ими, дѣлясь пріобрѣтеннымъ въ мягкой, изящной формѣ, за которой чувствовалось богатство содержанія.

Двѣ области человѣческаго духа были его обѣтованной землею: *правосудіе* и *свобода совѣсти*. Первому онъ служилъ перомъ и словомъ, дѣломъ и трудомъ. Онъ глубоко постигъ, что судья тогда лишь справедливъ, а не жестокъ,—тогда лишь мудръ, а не слѣпъ,—когда подходитъ къ мрачному бытовому явленію, называемому преступленіемъ, не съ усталой холодностью застарѣ-

лаго классификатора, а съ тревогой въ душѣ, съ пониманіемъ условій жизни и съ звуками состраданія въ сердцѣ. Такими судьями, зачерпнутыми изъ всѣхъ слоевъ общества, какъ бы ковшемъ, являются присяжные засѣдатели,—лучшая изъ существующихъ формъ доступнаго человѣчеству устройства суда. Какъ бы ни нападало на нихъ самонадѣянное незнаніе, судящее лишь по внѣшнимъ единичнымъ явленіямъ, толкуемымъ односторонне, и какъ бы ни глумилось оно надъ приговорами, условія выработки которыхъ ему неизвѣстны и подчасъ непонятны, присяжные всегда составятъ предметъ изученія и сочувственнаго наблюденія для всѣхъ серьезныхъ людей, понимающихъ, что совершенства нѣтъ на землѣ и что не ошибается лишь тотъ, кто *ничего* не дѣлаетъ... Этому изученію и отдалъ свой многолѣтній трудъ Бобрищевъ-Пушкинъ. Изъ наблюденій надъ разнородными проявленіями суда присяжныхъ онъ сдѣлалъ богатые и широкіе выводы и вложилъ ихъ въ обширное сочиненіе подъ названіемъ: «*Эмпирическіе законы суда присяжныхъ*». Такой книги нѣтъ и на западѣ, и мы можемъ по справедливости гордиться и ею, и ея авторомъ.

Его служеніе свободѣ совѣсти должно быть предметомъ спеціальнаго трактата, но нельзя не указать, что въ одной изъ благороднѣйшихъ областей общественной жизни, въ области вѣротерпимости, имя Бобрищева-Пушкина не должно быть забыто. Русскій человѣкъ, въ сущности весьма равнодушный къ матеріальнымъ благамъ жизни и мало заботящійся о лучшемъ устройствѣ своего существованія на землѣ, тревожно и настойчиво ищетъ правды въ своемъ отношеніи къ Небу, взывая къ ней въ глубинѣ своей совѣсти и скитаясь за нею своей мыслью. Отсюда возможность заблужденій отсюда появленіе раскола и разныхъ сектъ. Но простой народъ нашъ бродитъ въ полутьмѣ, чтобы не скучать болѣе. Ни заботливое слово пастыря, ни разумное указаніе рѣдкаго учителя не прихо дятъ къ нему на помощь въ должной и широкой мѣрѣ; его гнететъ суровая природа, вѣковыя суевѣрія и неясное пониманіе духа Писанія, такъ часто угасающаго подъ мертвящею буквой. Отсюда дикія ученія и изувѣрство, порявляющіяся въ такихъ дѣйствіяхъ, съ которыми приходится бороться государству. Но отъ этихъ ученій до чистыхъ раціоналистическихъ воззрѣній въ расколѣ существуетъ цѣлая гамма, цѣлый спектръ отдѣльныхъ ересей, судить которыя одною мѣрою было бы неправосудно. Поэтому судья, который во всѣхъ многообразныхъ случаяхъ, относящихся къ проявленіямъ сектантства и расколоученія, будетъ механически примѣнять кару, не входя въ смыслъ и нравственную сторону ученія, въ которомъ родился или которымъ увлеченъ подсудимый, будетъ

дѣйствовать какъ автоматъ и съ автоматическимъ бездушіемъ. Чтобы правильно исполнять миссію судьи,—даже болѣе—чтобы примѣнять уголовный законъ согласно его цѣлямъ,—необходимо отдѣлять область вѣры, совѣсти и внутренняго убѣжденія отъ области вредныхъ дѣйствій, и, не требуя человѣка къ суровому отвѣту за то, что онъ вѣритъ въ пути душевнаго спасенія такъ, а не иначе, подвергать его примѣненію закона лишь тогда, когда его поступки вредны для общественной нравственности или преступны сами по себѣ. Но какъ легко здѣсь впасть въ рутину! Какъ возможно ошибиться по лѣни ума, преувеличить отъ недостатка вниманія или изъ малодушнаго страха быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи! И вотъ, желая по возможности устранить подобные случаи и защитить одно изъ величайшихъ благъ человѣка, свободу его совѣсти, Бобрищевъ-Пушкинъ, толкуя и разъясняя законъ въ судѣ и въ печати, несъ свое трудное служеніе, усыпанное терніями противорѣчія, непониманія и недовольства. Его книга «*Судъ и раскольники-сектанты*» останется навсегда руководствомъ для русскаго судьи, понимающаго, что онъ призванъ осуществлять истинное, а не формальное только правосудіе. Богатѣйшій фактическій и историческій матеріалъ, содержащійся въ ней, скованъ воедино ударами сердца, полнаго законнаго состраданія, сознающаго всю справедливость изрѣченія «qui n'est que juste—est cruel» и негодующаго на добровольцевъ фарисейства, успокоивающихъ то, что они называютъ своей совѣстью, словами «dura lex, sed lex!»...

Его дѣятельность, какъ предсѣдателя кружка имени Полонскаго, связанная съ массой хлопотъ, безпокойствъ, переговоровъ, примиренія чрезмѣрныхъ самолюбій и привлеченія новыхъ силъ—составляла для него однако отдыхъ отъ труда. Когда члены кружка, уставъ отъ обыденной работы, желая освѣжить свои впечатлѣнія, или просто чему нибудь научиться и развлечься музыкой и пѣніемъ, собирались вмѣстѣ, онъ встрѣчалъ ихъ—живой, бодрый, привѣтливый, мужественно-красивый, и съ ласковой улыбкой старался дать имъ унести изъ проведеннаго вечера доброе, примирительное, а иногда и возвышающее воспоминаніе. Труды и докуку черной работы онъ таилъ про себя, а другимъ давалъ чувствовать лишь симпатичную сторону исполненныхъ живого интереса вечернихъ бесѣдъ и собраній. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы облегчить и украсить сѣрую будничную жизнь, чтобы помочь жить въ ея тоскливомъ и больномъ полусвѣтѣ. Онъ былъ поэтому настоящимъ «сотрудникомъ жизни» и осуществлялъ въ своей дѣятельности слова кн. Одоевскаго, сказавшаго, что

«жизнь хорошаго человѣка есть *доброе дѣло* въ жизни другихъ людей».

Онъ скончался вдали отъ родины, въ чужой ему землѣ, неожиданно,—одинокій и отданный судьбою на жертву холодной разсчетливости и равнодушію, въ обстановкѣ рекламируемаго врачеванія, обращеннаго въ ремесло. Но прахъ его положенъ въ родную землю. Пускай же она ему будетъ легка! Онъ не зарылъ въ нее данныхъ ему Богомъ даровъ и служилъ ей ими насколько хватало силъ, чутко относясь къ человѣческому несчастію и поднимая, во всѣхъ своихъ трудахъ, взоры слушателя или читателя отъ злободневныхъ интересовъ въ высокую область справедливости и свободы безсмертнаго духа.

II.

МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГУБСКІЙ.

(1901 г.).

5 октября, послѣ долгой и отнимавшей всякую надежду на благополучный исходъ болѣзни, скончался въ Петербургѣ товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, Михаилъ Ѳедоровичъ Губскій. Въ его лицѣ сошелъ безвременно—ему было всего 51 года—въ могилу человѣкъ обширной и разносторонней образованности, тонкаго, проницательнаго ума и прекрасныхъ душевныхъ свойствъ.

Воспитанникъ бывшаго Дерптскаго университета, онъ вынесъ оттуда серьезное уваженіе и неослабѣвающій интересъ къ наукѣ, отразившіеся на его литературныхъ трудахъ, между которыми нельзя не отмѣтить статей о *смертной казни* и о *самоубійствѣ*, помѣщенныхъ въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, въ замѣчательно сжатое изложеніе которыхъ авторъ умѣлъ вложить богатое содержаніе, явившееся результатомъ самостоятельнаго и вдумчиваго изученія всѣхъ разнообразныхъ и обширныхъ источниковъ. Товарищъ прокурора Симбирскаго и затѣмъ Московскаго окружныхъ судовъ, Губскій отдался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ всецѣло работамъ по подготовкѣ введенія судебной реформы въ прибалтійскомъ краѣ. Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ ревизовавшаго этотъ край сенатора Манасеина — Губскій умѣлъ соединить настойчивое стремленіе къ выясненію *отживишхъ* сто-

ронъ мѣстныхъ учрежденій средневѣковаго типа съ осторожнымъ отношеніемъ къ тому, что было *жизнеспособно* и являлось результатомъ и показателемъ культурнаго развитія мѣстнаго населенія. Искреннее стремленіе къ дѣйствительному правосудію, бывшее его отличительною чертою на всѣхъ ступеняхъ службы, нашло себѣ благодарное примѣненіе въ выработкѣ различныхъ мѣръ къ водворенію въ прибалтійскомъ краѣ суда по Уставамъ 1864 года, чуждаго сословныхъ перегородокъ и односторонней окраски. Введеніе этого суда было настоящимъ шагомъ впередъ, однимъ изъ тѣхъ мирныхъ завоеваній, отъ которыхъ ничьи законные интересы не страдаютъ, а общее благо несомнѣнно выигрываетъ. Губскій отдался этому дѣлу съ любовью и энергіею, много и успѣшно трудясь при составленіи проектовъ о преобразованіи судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и неоднократно, по порученію Министра Юстиціи, въ 1884—1890 гг. посѣщая Ригу, Ревель и Митаву для собранія различныхъ данныхъ и выясненія на мѣстѣ вопросовъ, связанныхъ съ распространеніемъ на эти губерніи Судебныхъ Уставовъ.

Обширное юридическое образованіе, прекрасное знаніе языковъ и критико-аналитическія способности ума покойнаго дѣлали его цѣннымъ наблюдателемъ и изслѣдователемъ вновь народившихся процессуальныхъ институтовъ запада, къ слѣпому подражанію которымъ мы подчасъ бывали чрезмѣрно склонны. Этими качествами его объясняются двѣ поѣздки его: въ 1890 г.—для ознакомленія съ практическою дѣятельностью суда шеффеновъ, который близоруко и поспѣшно рекомендовался у насъ нѣкоторыми въ замѣну суда присяжныхъ, — и въ 1891 году для практическаго изученія результатовъ ряда процессуальныхъ реформъ, предпринятыхъ предъ этимъ въ Австріи.

Съ 1892 года онъ занялъ ту должность, на которой его застигла смерть. Здѣсь нашли себѣ примѣненіе не только его обширныя познанія въ разныхъ отрасляхъ мѣстнаго права прибалтіскихъ губерній, но и его отзывчивое отношеніе къ людямъ и его тревожная забота объ охраненіи въ каждомъ поступавшемъ къ нему дѣлѣ незыблемыхъ и строгихъ интересовъ правосудія, которые подчасъ ускользаютъ отъ вниманія, затемняемые сложными фактическими данными дѣла. Кассаціонная дѣятельность—при всей ея необходимости, особливо въ связи съ судомъ присяжныхъ—не можетъ, при практическомъ своемъ осуществленіи и въ виду естественныхъ, житейскихъ свойствъ судей, совершенно отрѣшиться отъ нѣкотораго проникновенія въ существо дѣла, которое иногда можетъ дать возможность уяснить *бытовое значеніе* имѣющаго по-

слѣдовать рѣшенія. Но здѣсь потребны величайшая осторожность и самая изощренная объективность, иначе можетъ возникнуть печальное извращеніе этой дѣятельности, состоящее въ производствѣ кассаціоннаго разрѣшенія дѣла *по существу*, причемъ сложная, живая и непосредственная работа суда провѣряется и сводится на ничто на основаніи мертвыхъ и безцвѣтныхъ письменныхъ данныхъ. Губскій всегда боялся такого извращенія. Его многочисленныя глубоко обдуманныя и строго обоснованныя заключенія въ Сенатѣ, нерѣдко блиставшія вспышками сдержаннаго остроумія, всегда носили на себѣ отпечатокъ *чистаго* кассаціоннаго разсмотрѣнія, покоящагося исключительно на правовыхъ понятіяхъ и установленныхъ закономъ гарантіяхъ правильнаго правосудія. Серьезно относясь къ соблюденію необходимыхъ рамокъ кассаціоннаго производства, онъ за то съ особымъ вниманіемъ, вооруженный теоретическимъ знаніемъ и практическимъ опытомъ, вступалъ въ область толкованія закона, внося въ нее кропотливое трудолюбіе юриста и широкіе взгляды развитаго и гуманнаго человѣка. Тѣ, кому приходилось работать сообща съ нимъ, не разъ, быть можетъ, вспомнятъ, какимъ прекраснымъ помощникомъ въ разработкѣ кассаціонныхъ дѣлъ и вопросовъ былъ онъ, — какъ содержательны бывали его словесныя заключенія, всегда сжатыя, точныя и чуждыя неумѣстныхъ украшеній,—и какъ полезны, въ своей оригинальной формѣ, бывали его письменныя замѣтки...

Чуждый житейскимъ и служебнымъ расчетамъ, простой и довѣрчивый, сохранившій черты «бурша» и готовый всегда на товарищескую услугу,—онъ могъ иногда казаться человѣкомъ слабаго характера, но стоило возникнуть въ его дѣятельности или личной жизни вопросу, связанному съ тѣми или другими нравственными началами, какъ его внѣшняя мягкость уступала мѣсто беззавѣтному и безтрепетному слѣдованію тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Конецъ трудовой и скромной жизни его былъ омраченъ болѣзнью, быстро подточившею его слабыя силы, уже надорванныя упорнымъ трудомъ и необходимостью прибѣгать къ литературному заработку. Губскій скончался, оставивъ вдовѣ и тремъ дѣтямъ, сверхъ безупречнаго имени, груду книгъ и — нѣсколько рублей, такъ что безъ немедленной помощи министерства юстиціи его было бы не на что похоронить. Тихо и почти незамѣтно сошелъ со сцены этой стойкій и знающій судебный дѣятель, вѣрный до могилы началамъ, вынесеннымъ изъ университета. Нѣкоторые изъ знавшихъ и любившихъ его, быть можетъ, даже пропустили объявленіе о его смерти, такъ какъ по правиламъ скромнаго *седьмого разряда* въ тарифѣ «бюро похоронныхъ

процессій», по которому онъ былъ преданъ землѣ, — полагается лишь однократное объявленіе въ газетѣ о кончинѣ и при томъ на послѣдней страницѣ... Миръ праху твоему, добрый благородный человѣкъ! Въ «кладбищѣ памяти» тѣхъ, кто встрѣтилъ тебя на жизненномъ пути и позналъ твою душу,—ты всегда будешь лежать въ *первомъ разрядѣ*...

III.

СЕРГѢЙ ѲЕДОРОВИЧЪ МОРОШКИНЪ.

(1900 г.).

25 іюня въ Карачевкѣ, подъ Харьковомъ, скончался членъ гражданскаго департамента мѣстной Судебной Палаты — Сергѣй Ѳедоровичъ Морошкинъ. Его отецъ былъ извѣстный профессоръ Московскаго университета — Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ, авторъ цѣнныхъ по глубинѣ и самостоятельности изслѣдованія трудовъ «О владѣніи» и объ «Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича». Отъ него покойный унаслѣдовалъ строгую ясность правоваго мышленія и горячую вѣру въ духовныя силы русскаго народа. Загоравшаяся заря близкой судебной реформы опредѣлила жизненный путь молодаго юриста. Окончивъ, въ 1865 году, курсъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ имѣлъ завидную долю слушать римское право у Никиты Крылова, государственное право у Чичерина и русскую исторію у С. М. Соловьева, Морошкинъ, побывъ краткое время подъ начальствомъ Н. В. Калачева при московскомъ архивѣ министерства юстиціи, поступилъ въ канцелярію только что открытаго московскаго Окружнаго Суда. Назначенный въ 1867 году товарищемъ прокурора въ Харьковъ, онъ вскорѣ оставилъ службу и посвятилъ себя, въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ слова, адвокатурѣ. Смотря на нее, вмѣстѣ съ дѣятелями первыхъ лѣтъ ея существованія, какъ на необходимую и равнозначущую составную часть всего судебнаго механизма, и отдавая ей свои способности

и знанія, онъ прежде всего руководился желаніемъ содѣйствовать общему развитію и нравственному подъему дорогаго ему дѣла роднаго правосудія. Заработокъ никогда не составлялъ его цѣли и всегда стоялъ у него на самомъ заднемъ планѣ. Идеалистъ по природѣ, тщательно оберегавшій достоинство своей профессіи въ глазахъ общественнаго мнѣнія, Морошкинъ принадлежалъ къ тѣмъ адвокатамъ, духовный обликъ которыхъ составитъ украшеніе исторіи русской адвокатуры. Не называя еще живущихъ, достаточно, въ этомъ отношеніи, упомянуть имена Доброхотова и Любимцева въ Москвѣ и Унковскаго въ Петербургѣ, чтобы вызвать въ видѣвшихъ ихъ дѣятельность свѣтлое воспоминаніе о безупречныхъ судебныхъ дѣятеляхъ на общую пользу, чуждыхъ личныхъ разсчетовъ и оставшихся вѣрными идеѣ служенія, которое никогда не обращалось у нихъ въ безразличное ремесло, лишь облеченное въ блестящія формы.

Такимъ былъ и неизмѣнно оставался и Морошкинъ. Съ первыхъ же его шаговъ на новомъ поприщѣ, судъ привыкъ видѣть въ немъ не только «сторону», но и надежнаго сотрудника въ разрѣшеніи сложныхъ гражданскихъ процессовъ. Принятіе имъ на себя веденія того или другого дѣла всегда вызывало предположеніе, что оно должно быть правымъ съ юридической стороны, — вызывало увѣренность, что оно, во всякомъ случаѣ, правое со стороны нравственной. Крайняя разборчивость его въ принятіи дѣлъ не могла не отразиться на его матеріальномъ благосостояніи: онъ умеръ, нуждаясь въ небольшихъ средствахъ, которыхъ у него не было даже для необходимой поѣздки съ лечебною цѣлью. Почти двадцать лѣтъ работалъ онъ на адвокатскомъ поприщѣ, значительную часть этого времени нося званіе предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Харьковскаго округа. Мягкій и чрезвычайно деликатный въ личныхъ отношеніяхъ, настойчивый ревнитель и насадитель нравственныхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ адвокату въ разныхъ областяхъ его работы, и упорный труженикъ по сословнымъ дѣламъ и вопросамъ, Морошкинъ пользовался общимъ и безусловнымъ уваженіемъ не только своихъ товарищей, но и всего личнаго состава мѣстныхъ судебныхъ учрежденій. Ближайшее ознакомленіе съ его личностью и дѣятельностью, выяснивъ ту службу, которую, въ званіи предсѣдателя совѣта, онъ сослужилъ судебному вѣдомству, побудило въ 1885 году Министра Юстиціи испросить для него необычную Высочайшую награду, а въ 1887 году — предложить ему мѣсто члена Палаты.

Стремясь душою къ судейской дѣятельности, покойный от-

дался новой работѣ съ неутомимымъ рвенiемъ и исключительною добросовѣстностью въ исполненiи своихъ обязанностей, понимаемыхъ въ самомъ широкомъ ихъ значенiи. Выступавшiя предъ палатою стороны знали, что сидящiй предъ ними апелляцiонный судья, съ исхудалымъ, блѣднымъ лицомъ, слабымъ голосомъ, преждевременною сѣдиною и прекрасными голубыми глазами, изучилъ каждое изъ докладываемыхъ не только имъ, но и подъ его предсѣдательствомъ дѣлъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей, тщательно вдумался въ нихъ и жадно ищетъ одну только истину, насколько она можетъ быть доступна его чуткой совѣсти и спокойному, глубокому, вооруженному обширными познанiями уму. Прекрасный товарищъ, исполненный добрыхъ чувствъ къ людямъ и снисхожденiя къ ихъ слабостямъ, онъ былъ всегда лишь неумолимо строгъ къ себѣ, вмѣняя въ ничто свой нравственный и служебный авторитетъ, созданный безупречнымъ исполненiемъ долга, отъ котораго онъ не отступилъ ни разу во всю свою тяжелую, трудовую жизнь. Отсюда проистекали его скромность и полное отсутствiе служебнаго честолюбiя. Когда въ началѣ девятидесятыхъ годовъ возникъ вопросъ о назначенiи его предсѣдателемъ департамента Палаты, онъ, несмотря на стѣсненныя матерiальныя обстоятельства, въ которыхъ находился, рѣшительно отклонилъ отъ себя это назначенiе, нахоця что въ Палатѣ есть болѣе его заслуженные люди, достойные этого повышенiя.

Въ послѣднiе годы жизни здоровье его окончательно подломилось, грозными признаками давая знать о безусловной необходимости отдыха отъ непосильной работы, но на просьбы друзей, уговаривавшихъ его взять продолжительный отпускъ и уѣхать на югъ или за границу, онъ отвѣчалъ отказомъ, указывая и на то, что не считаетъ для себя нравственно-возможнымъ увеличить своимъ отсутствiемъ работу .товарищей. А, между тѣмъ, силы его угасали со дня на день, мысль о возможности наступленiя «негодности для работы», тяжко угнетая его, присоединяла къ физическимъ страданiямъ и душевныя муки... Эта возможность представлялась ему равносильною смерти. Наконецъ, на 56 году жизни, смерть принесла ему тотъ отдыхъ, въ которомъ онъ себѣ такъ безжалостно отказывалъ. Въ его лицѣ ушелъ одинъ изъ благороднѣйшихъ служителей правосудiя, съ благоговѣнiемъ принявшiй и свято исполнившiй завѣты незабвенныхъ создателей Судебныхъ Уставовъ. Смерть его оставляетъ трудно замѣнимый пробѣлъ въ рабочихъ рядахъ судебной армiи и, безъ сомнѣнiя, вызоветъ самыя искреннiя сожалѣнiя въ товарищахъ, сослуживцахъ и всѣхъ, кто встрѣтилъ на своемъ пути его чистый и нравственно высокiй

образъ. Но несравненно тяжелѣе отразится его кончина на тѣхъ, кто зналъ его близко, кто прочувствовалъ всю цѣльность его личности, кто, не всегда, быть можетъ, раздѣляя его строго консервативные взгляды, не могъ не цѣнить ихъ искренности, не могъ не видѣть трогательной чистоты его намѣреній, не могъ не согрѣвать свою усталую душу неизсякающимъ тепломъ его любви къ родинѣ, его вѣры въ науку, его неизмѣнной надежды на окончательное торжество правды всюду и во всемъ. Сознаніе того, что нѣтъ болѣе на чредѣ своего жизненнаго служенія этого вѣрнаго друга, этого «человѣка, въ немъ же льсти не бысть»,—оставитъ въ ихъ сердцѣ незаживающее больное мѣсто...

IV.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МАРКОВЪ.

(Изъ «судебныхъ поминокъ» въ СПБ. Юридическомъ Обществѣ въ 1895 г.).

14 Іюля 1894 г. скончался *Алексѣй Алексѣевичъ Марковъ*, не достигшій еще 45 лѣтъ. Его дѣятельность по Юридическому Обществу должна быть у многихъ въ памяти. Не говоря уже о прекрасныхъ работахъ его по проекту уголовнаго Уложенія, нельзя забыть ни его доклада въ 1883 году о нашемъ безприсяжномъ судѣ, ни доклада его въ 1890 году объ обжалованіи приговоровъ *оправданными* подсудимыми. Первый изъ нихъ былъ вызванъ пристрастными и односторонними нападеніями на дорогой ему судъ присяжныхъ. Защищая его, Марковъ пошелъ по новому пути: не споря противъ непродуманныхъ и поспѣшныхъ укоровъ, онъ обратился къ разсмотрѣнію того, чѣмъ хотѣли бы противники этого суда его замѣнить. «Хорошо,—сказалъ имъ онъ,—пусть этотъ судъ присяжныхъ, столь хулимый, дѣйствительно плохъ, но посмотримъ поближе на то, чѣмъ можете похвастать вы, въ области суда безъ присяжныхъ», и пошелъ въ станъ противниковъ суда присяжныхъ для изученія и выводовъ. Уже раньше въ 1881 году въ докладѣ тогдашняго прокурора С.-Петербургской судебной палаты Муравьева о приговорахъ Судебныхъ Палатъ съ сословными представителями было указано на то, что эта форма суда почти не достигаетъ, не смотря на свою дороговизну, своей цѣли: увеличенія уголовной репрессіи. Марковъ обратился къ про-

стому коронному суду, безъ всякихъ представителей, и показалъ, какою плохою замѣною суда присяжныхъ былъ бы онъ;—не закрывая глазъ на недостатки послѣдняго и не преувеличивая его достоинствъ, онъ настаивалъ, прежде всего, на томъ, чтобы этотъ судъ былъ поставленъ въ надлежащія условія дѣятельности и чтобы простые, изъ крестьянскаго сословія, присяжные, свято отправляющіе свои обязанности въ провинціи, часто голодая, холодая и нанимаясь въ промежутки между днями засѣданій на поденныя работы для своего пропитанія, получали хоть то маленькое обезпеченіе, которое имъ предлагалось многими земствами и которое было, на почвѣ бездушныхъ разсужденій формальнаго свойства о безвозмездномъ пользованіи ими своимъ правомъ быть судьями, отвергнуто первымъ департаментомъ Сената. Марковъ указывалъ на ту рутину, въ которую впадаетъ обыкновенно безприсяжный судъ, для котораго формы, имѣющія значеніе гарантій правильности отправленія правосудія, не имѣютъ значенія,—который не призывается руководящимъ напутствіемъ предсѣдателя къ отдачѣ себѣ яснаго отчета о предлежащей ему, по каждому дѣлу, задачѣ и не представляетъ, по своему равнодушному отношенію къ работѣ сторонъ, какой либо школы для выработки полезныхъ для правосудія условій и пріемовъ судебнаго состязанія.

Во второмъ своемъ обширномъ докладѣ Марковъ разработалъ совершенно новый и очень жизненный вопросъ. Исходя изъ столь часто присущей бывшему подсудимому необходимости и послѣ оправданія очиститься отъ тѣни, отъ пятна, брошенныхъ на него самымъ фактомъ преданія суду, или отъ тягостныхъ мотивовъ оправданія,—Марковъ, подробно разобравъ всѣ возможные случаи допустимости обжалованія оправдательныхъ приговоровъ, указалъ на необходимость послѣдовательныхъ измѣненій самой формулы оправдательныхъ приговоровъ. Оба доклада въ свое время были напечатаны и составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу юридическую литературу по уголовному процессу.

Не менѣе полезна была его практическая дѣятельность. Отдавшись ей тотчасъ по окончаніи курса училища Правовѣдѣнія, въ свѣтлую эпоху первыхъ годовъ судебной реформы, Марковъ не зналъ въ ней ни утомленія, ни спокойствія. Онъ умѣлъ своимъ добросовѣстнымъ трудомъ и знаніемъ дѣла занять почтенное мѣсто между выдающимися дѣятелями петербургской прокуратуры въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, когда замѣчательные по своему ораторскому таланту товарищи прокурора, такъ напримѣръ Андреевскій, Жуковскій, Случевскій, Масловскій и другіе, имена

которыхъ заблестѣли затѣмъ въ рядахъ адвокатуры и оберъ-прокуратуры, выступали по заурядным дѣламъ и когда заключенія въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружнаго суда предъявлялъ цивилистъ такой силы, какъ Боровиковскій. Въ особенности важна была дѣятельность Маркова по производству прокурорскихъ дознаній, которыми по смыслу Уставовъ и согласно установившейся тогда практикѣ, прокуратура лично провѣряла обстоятельства важнѣйшихъ дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію. Такимъ образомъ Маркову пришлось играть весьма важную роль въ знаменитомъ процессѣ о поджогѣ паровой мельницы Овсянниковымъ. Это дѣло, вызвавшее особенное и страстное вниманіе общества, вмѣстѣ съ дѣломъ игуменьи Митрофаніи было нагляднымъ доказательствомъ стойкаго исполненія чинами судебнаго вѣдомства высокаго завѣта «творить судъ равный для всѣхъ». Въ половинѣ 70-хъ годовъ, не смотря на близившееся десятилѣтіе судебной реформы, для многихъ это послѣднее свойство суда еще представлялось чѣмъ то не только не нормальнымъ, но и прямо необычайнымъ и вызывало обидное и насмѣшливое недовѣріе заграницей. Наши западные сосѣди, съ лукавой усмѣшкой поглядывая въ нашу сторону, отказывались вѣрить, чтобы въ «подкупной» (bestechbare) странѣ видное общественное положеніе или большое богатство не могли служить прочной и непреоборимой защитой противъ уголовнаго правосудія, примѣнимаго только къ бѣднякамъ. «Изъ Петербурга пишутъ — иронически восклицалъ «Кладеррадачъ»,— что *двѣнадцатикратный* (zwoelffache) милліонеръ Овсянниковъ арестованъ. Непостижимо! Или у него вовсе нѣтъ 12 милліоновъ, или же мы на дняхъ услышимъ что *одинадцатикратный* милліонеръ Овсянниковъ освобожденъ отъ преслѣдованія!»... Горечь этой оскорбительной ироніи какъ будто еще усиливалась тѣмъ, что *въ прошломъ* за Овсянниковымъ было свыше десяти *судимостей* писшими судами стараго устройства, изъ которыхъ онъ выходилъ съ самоувѣреннымъ торжествомъ, несмотря на то, что между этими дѣлами находились и дѣла о побояхъ, нанесенныхъ должностнымъ лицамъ. Судъ и присяжные свершили тяжелый трудъ по этому дѣлу съ честью и хотя раздавались отдѣльные голоса, утверждавшіе, что Овсянниковъ осужденъ за свои прошлыя прегрѣшенія, а не за настоящее преступленіе, но если припомнить, что дѣла о такихъ, совершаемыхъ въ тайнѣ и съ оглядкою, преступленіяхъ, какъ поджогъ, не даютъ прямыхъ доказательствъ, особливо, когда обвиненіе сводится къ подстрекательству на поджогъ третьяго лица, и что въ разборѣ дѣла участвовали самыя блестящія силы защиты и обвиненія, то можно сказать, что въ предѣлахъ доступнаго человѣче-

скому правосудію разумѣнія было совершено все возможное. Не даромъ, извѣстный глубиною своего ораторскаго таланта, повѣренный гражданскаго истца по дѣлу отвѣтилъ на обращенный къ нему упрекъ въ не приведеніи прямыхъ доказательствъ, а лишь косвенныхъ уликъ указаніемъ, что у него лишь черточки и штрихи, но изъ нихъ составляются очертанія, а изъ очертаній буквы и слоги, а изъ слоговъ цѣлое слово—и слово это *поджогъ!*... Но когда этотъ поджогъ произошелъ, озаривъ громаднымъ заревомъ петербургское небо, то въ вызванномъ имъ пожарѣ было усмотрѣно полиціею лишь простое «происшествіе», подлежавшее, согласно ея сообщенію слѣдователю, погребеніе подъ покровомъ 309 ст. уст. угол. суд. Задумавшись надъ неуловимыми причинами громаднаго пожара, я, занимая тогда должность прокурора Петербургскаго Окружнаго Суда, поручилъ Маркову произвести на мѣстѣ *личное дознаніе*. Оно продолжалось нѣсколько дней. Марковъ отдался ему всецѣло и результатомъ его добросовѣстнѣйшаго и кропотливаго труда было возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ Овсянникова, причемъ въ основаніе дальнѣйшей слѣдственной работы легло именно это дознаніе.

У всѣхъ сослуживцевъ въ памяти труды Маркова въ кассаціонномъ Сенатѣ и его усиленная работа въ уголовномъ департаментѣ Палаты въ Варшавѣ, подорвавшая въ значительной мѣрѣ его силы. О трудолюбіи его и желаніи работать упорно на пользу судебнаго дѣла говоритъ и огромный, почти оконченный имъ, трудъ выдѣленія изъ океана кассаціонныхъ рѣшеній тѣхъ, въ которыхъ сказано Сенатомъ окончательное слово по вопросамъ права и судопроизводства. Какъ человѣкъ настойчиваго труда, какъ постоянный труженикъ юридической мысли, какъ добрый товарищъ и неоцѣнимый сотрудникъ, всегда оживленный и привѣтливый собесѣдникъ, всегда, повидимому, бодрый,—какъ тонкій знатокъ искусства и сознательный, вдумчивый любитель природы, Марковъ заслуживалъ бы доброй памяти уже и въ томъ случаѣ, если бы только этимъ исчерпывалась его нравственная личность. Но смерть его раскрыла такія стороны въ его духовномъ существѣ, которыя показали, что онъ любилъ всѣмъ сердцемъ нѣчто большее, чѣмъ ежедневный служебный трудъ и что нерѣдкія грустныя ноты въ его наружной веселости были вызваны тѣмъ, что эту свою любовь онъ принесъ въ жертву дѣлу, на службу которому онъ пошелъ, какъ безкорыстный, простой и непритязательный, но вѣрный своему долгу, воинъ. Марковъ, въ немногія минуты свободнаго распоряженія временемъ, занимался, такъ сказать урывками, живописью; но послѣ его смерти изъ его

разбросанныхъ и недоконченныхъ произведеній и этюдовъ составилась цѣлая выставка, открытая для публики и вызвавшая со стороны знатоковъ признаніе въ покойномъ несомнѣннаго таланта и большихъ способностей къ живописи, не дошедшихъ до своего высшаго развитія лишь по недостатку времени для систематическихъ занятій. Оказалось, что подъ обличіемъ судебнаго работника таился горячій художникъ, понимавшій чуткою душою таинственное созвучіе красокъ. При жизни его, строгая и разборчивая редакція одного изъ большихъ нашихъ журналовъ помѣстила нѣсколько мелкихъ его стихотвореній и удачныхъ переводовъ изъ Гейне, составлявшихъ повидимому оставленную затѣмъ «пробу пера»; но когда онъ умеръ, то въ портфелѣ его оказалось свыше 300 стихотвореній, въ изящной формѣ которыхъ звучатъ меланхолическія ноты истинной поэзіи. Такимъ образомъ—все художественное его наслѣдіе рисуетъ его въ широкомъ и трогательномъ свѣтѣ. Онъ является типическимъ образцомъ тѣхъ людей, которые во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, безповоротно и не боясь не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ жертвъ, пошли на службу новому судебному дѣлу, въ которомъ они видѣли залогъ развитія дорогой имъ родины и удовлетвореніе душевной потребности въ справедливости. Входя въ храмъ, гдѣ былъ алтарь той богини, которой они посвятили сознательно и довѣрчиво свою трудовую жизнь, не одинъ изъ нихъ сложилъ у его вратъ перо писателя, кисти художника, инструменты опытнаго изслѣдователя. Избранницѣ ихъ пришлось вести жизнь не особенно спокойную: она успѣла сильно постарѣть, морщины покрыли ея лицо и свѣтлый взглядъ ея подчасъ затуманивается... Но они остались вѣрны своему первому чувству, какъ остался ему вѣренъ Марковъ, хотя быть можетъ у многихъ дѣло не обошлось порою безъ невольнаго, подавленнаго вздоха о возможности иного склада своей жизни. Въ тѣхъ 300 стихотвореніяхъ, которыя самимъ Марковымъ повидимому не предназначались для печати, встрѣчаются мѣста, ярко рисующія его душевное состояніе и ту, невидимую для большинства, жертву, которую онъ приносилъ судебному дѣлу неуклонно и съ сознаніемъ долга. Искусство и поэзія манили его, вторгались въ его служебныя занятія...

«Лѣнивыя рифмы не идутъ порой,
Но вдругъ какъ осадятъ толпами,
Не знаю что дѣлать съ своей головой
Пишу «отношеніе» стихами...

Пишу «обвинительный актъ»
Про «третiю кражу безъ взлома»...
А грезятся—море, и небо, и садъ
Душою владѣетъ истома... и т. д.

Такъ писалъ онъ въ 1875 году; въ 1881 онъ говоритъ въ одномъ изъ стихотворенiй:

«О! помню я... были мгновенья
Порывовъ впередъ, вдохновенья
И гордыхъ мечтанiй и сновъ...
Мiръ свѣтлый—искусства созданья,
Мiръ красокъ, картинъ, изваянья,
Я чуялъ, я слышалъ твой зовъ!
Въ твой храмъ заповѣдный и чудный
Вошелъ я какъ послушникъ блудный,
Былъ труденъ мой путь и суровъ...
Смиренно, съ душой умиленной
Надеждой святой окрыленный,
Я шелъ, не жалѣя трудовъ...
. . . .
. . . .
Но нѣтъ! не простится измѣны,
Тотъ мiръ промѣнялъ я на стѣны
И мрачные своды судовъ
. . . .
Разсудкомъ живу боязливо,
Трудяся весь день кропотливо
Работой невидной кротовъ...
Могучъ океанъ ледовитый,
Въ немъ тонетъ такъ въ щепы разбитый
Корабль, затерявшись средь льдовъ...

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ЯЗЫКОВЪ.

(6-го февраля 1885 г.).

Нѣсколько дней тому назадъ, въ ежедневныхъ петербургскихъ газетахъ, среди траурныхъ рамокъ,—появилось объявленіе о смерти *Михаила Александровича Языкова.*

Отсутствіе хотя бы нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ его памяти, служитъ лучшимъ доказательствомъ забывчивости нашей пишущей братіи и того, что если мы и обуреваемы «злобою дня», то «вчерашняго дня» для насъ почти не существуетъ. А между тѣмъ стоитъ развернуть «Литературныя воспоминанія» Панаева— и личность Языкова, всему хорошему и живому сочувствующая, увлекающаяся и безкорыстнодобрая, личность близкаго пріятеля Бѣлинскаго и «друга дома» въ кружкѣ выдающихся писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ—обрисуется довольно ярко.

Вся исторія русской литературы, съ начала сороковыхъ годовъ, прошла въ живыхъ образахъ ея лучшихъ представителей предъ глазами М. А. Языкова; въ личной жизни многихъ изъ нихъ онъ игралъ разнообразную, но всегда симпатичную роль—и воспоминанія о знаменитомъ русскомъ критикѣ, о молодой редакціи «Современника», о первыхъ литературныхъ опытахъ людей съ громкими впослѣдствіи именами—сливаются съ памятью о немъ. Достаточно сказать, что въ его семьѣ, въ срединѣ сороковыхъ годовъ, въ праздничные дни бывалъ лицеистъ, съ сумрачною жадностью слушавшій горячіе споры и оживленные разговоры Бѣ-

линскаго и его друзей,—будущій авторъ «Губернскихъ Очерковъ» и «Господъ Головлевыхъ»;—что онъ познакомилъ Бѣлинскаго съ Некрасовымъ и содѣйствовалъ напечатанію въ «Современникѣ» — «Обыкновенной исторіи» Гончарова, съ которымъ всю жизнь поддерживалъ переписку, полную интереса. Восторженный поклонникъ таланта, услужливый другъ, практическій совѣтникъ, занимательный и остроумный разсказчикъ, безъ всякаго оттѣнка самохвальства или лицемѣрной преданности, изъ прорѣхъ которой сквозитъ иногда худо-скрытая зависть, Языковъ тѣсно слился съ интересами литературы и оставался имъ вѣренъ до конца. Описывая кружокъ людей, близкихъ къ Бѣлинскому, Панаевъ говоритъ: «Бѣлинскій высоко цѣнилъ въ Языковѣ кротость его характера, нѣжность сердца, безконечную преданность друзьямъ и отсутствіе эгоизма, доходившее до пренебреженія собственныхъ выгодъ».

Но современники Языкова почти всѣ сошли въ землю, новое поколѣніе не заглядываетъ въ анналы интимной жизни русской литературы—и лишь небольшая группа людей пришла проводить сердечнаго и отзывчиваго старца на мѣсто вѣчнаго упокоенія, да въ разныхъ уголкахъ Россіи, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ покойный, быть можетъ не одинъ человѣкъ, имъ поставленный на ноги и на дорогу, пролилъ о немъ искреннія слезы.

Онъ былъ человѣкъ добра въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Доброта его была не тѣмъ апатическимъ недѣланіемъ зла и сентиментальничаньемъ, которымъ даютъ у насъ неправильно кличку доброты,—нѣтъ! это была любовь дѣятельная, тревожная, приходившая на помощь, въ формахъ деликатной настойчивости, вездѣ гдѣ только было возможно,—искавшая поводовъ придти на помощь и умѣвшая ее оказывать широко, послѣдовательно и разумно. Сколькимъ падавшимъ духомъ, опускавшимъ руки въ борьбѣ съ нуждою, съ горькими обстоятельствами, съ собственнымъ неумѣніемъ, приходилось услышать отъ него *слово* ободренія и испытать на себѣ и *дѣло* ободренія, дѣло рукъ его! Иной уже совсѣмъ ослабѣвалъ, рискуя махнуть на все рукой и пожалуй найти утѣшеніе въ источникѣ, который регулируется вѣдомствомъ, гдѣ по волѣ судьбы, служилъ покойный послѣдніе годы своей жизни,—но приходилъ колеблющеюся походкою своихъ коротенькихъ ножекъ Языковъ, говорилъ растроганнымъ голосомъ, смотрѣлъ влажными, умными и добрыми глазами—и вмѣстѣ съ нимъ приходили помощь, обученіе, заработокъ, служба, огласка затертаго или невѣдомаго еще таланта...

И къ общественному интересу не охладѣвалъ онъ до конца.

Вездѣ, гдѣ ни служилъ онъ, группировался около него кружокъ образованныхъ людей, сознательно интересующихся литературою и искусствомъ,—вездѣ хлопоталъ онъ о поддержкѣ, объ устройствѣ учрежденій, разливающихъ просвѣщеніе. Общественныя библіотеки въ Калугѣ и въ Новгородѣ ему обязаны своимъ существованіемъ. Уже въ очень преклонномъ возрастѣ занялся онъ основаніемъ и устройствомъ послѣдней изъ нихъ, и много потребовалось безкорыстныхъ и тягостныхъ хлопотъ, просьбъ, переписки и скучныхъ объясненій, много затратъ и личнаго труда—прежде чѣмъ внутри старыхъ кремлевскихъ стѣнъ «господина великаго Новгорода» пріютился домикъ съ прекрасной библіотекой, собранной по крохамъ Языковымъ и отданной имъ на общую пользу.

Дѣлу развитія русскаго искусства онъ тоже былъ не чуждъ и къ нему тоже приложилъ свою руку, организовавъ мозаическія работы въ бытность свою директоромъ Императорскаго стекляннаго завода.

Добродушный и скромный, онъ *вѣрилъ* въ своихъ богато одаренныхъ друзей и наслаждался ихъ обществомъ, не придавая лично себѣ никакого значенія. А между тѣмъ, очень часто, подъ милой шуткой или юмористическимъ сравненіемъ у него проглядывала большая и серьезная начитанность или тонкое пониманіе искусства. Онъ былъ не только весело остроуменъ, но и оригиналенъ въ своихъ находчивыхъ отвѣтахъ. Когда одинъ изъ молодыхъ пріятелей спросилъ его, родившагося въ 1811 г. сколько ему лѣтъ, Языковъ съ комическою гордостью взглянулъ на него и произнесъ: «лѣтъ? l'Etat c'est moi!»

Дѣятельная жизнь, заботы о другихъ, служба — не дали ему, кажется, возможности написать свои воспоминанія — и это огромная потеря для исторіи литературы. Какую блестящую галлерею интереснѣйшихъ лицъ могъ бы изобразить онъ, со свойственною ему образностью языка, добродушнымъ юморомъ и остроуміемъ! Но уже такова судьба большинства русскихъ людей, которымъ *есть чѣмъ* подѣлиться съ публикою. Ежедневная житейская суета забираетъ ихъ въ свои лапы,—время уходитъ,—все откладывается до тѣхъ дней, когда настанетъ свобода отъ неотступнаго труда и можно будетъ отдаться прошлому... Дни эти настаютъ, но обыкновенно, къ несчастію слишкомъ поздно. Настали они и для М. А. Языкова. Онъ оставилъ службу, переселился съ семьею въ укромный уголокъ Петербурга—и жизнь пошла спокойно и тихо. Но также тихо подошла и смерть. Покойный перешелъ въ ея холодныя объятія почти безъ страданій, угаснувъ безъ шума и тревоги, какъ лампада, ровный, примирительный свѣтъ который потухъ какъ-то незамѣтно.

Незадолго до смерти добрый старикъ сказалъ: «Жизнь моя прошла какъ облако и растаяла какъ облако». Онъ былъ, быть можетъ безсознательно, правъ. Его жизнь дѣйствительно прошла какъ легкое облако, безъ грома и молній грозовой тучи, безъ ея давящей свинцовой пелены,—не застилая собою неба, въ которомъ ищетъ утѣшенія взоръ придавленнаго судьбою человѣка, — и падая на землю освѣжительнымъ, плодотворнымъ дождемъ.

ПАМЯТИ ВѢРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

ЕРАКОВОЙ-ДАНИЛОВОЙ.

(1903 г.).

Въ изданномъ въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ сборникѣ «Къ свѣту» помѣщенъ разсказъ «Первая любовь», отъ которой вѣетъ чистою прелестью неподдѣльнаго чувства. Онъ написанъ В. А. Ераковой-Даниловой. Это имя неизвѣстно читающей публикѣ, хотя и принадлежитъ трудолюбивому работнику пера, не разъ дѣлившемуся съ нею своими тонкими психологическими очерками и служившаго ей своимъ превосходнымъ знаніемъ языковъ. Вѣра Александровна Еракова, въ супружествѣ Данилова, не подписывала ни своихъ оригинальныхъ произведеній, ни своихъ многочисленныхъ переводовъ, сдѣланныхъ иногда сообща съ другими лицами (напр. «Пріятель Фрицъ» Эркманъ-Шатріана, «Консуэло» Жоржъ-Занда, «Долой оружіе» Берты фонъ Сутнеръ, мелкіе разсказы Додэ, Мопассана и др.). Ея имя, вмѣстѣ съ именемъ ея усердной сотрудницы З. Н. Булгаковой, значилось лишь на вышедшемъ въ 1888 году сборникѣ «Новые иллюстрированные разсказы» для дѣтей средняго и старшаго возраста, состоящемъ изъ пяти небольшихъ повѣстей, написанныхъ на темы Эберса, Захеръ-Мазоха и др. Большой ея разсказъ «На берегу Средиземнаго моря», напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подписанъ псевдонимомъ Андреева,—разсказы «Старая галка» и «Сонъ», помѣщенные въ 1892 году въ «Новомъ Времени» и повѣсть «Передъ смертью»

въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1884 годъ,—не подписаны вовсе.

Имя автора подъ посмертнымъ произведеніемъ, невольно вызываетъ предъ духовнымъ взоромъ знавшихъ его — образъ усопшаго. Въ данномъ случаѣ—это глубоко привлекательный образъ, въ которомъ гармонически сочетались живой, наблюдательный и тонкій умъ съ горячимъ сердцемъ, не знавшимъ узкихъ личныхъ симпатій и бившимся до конца дѣятельною любовью къ людямъ. Для тѣхъ, кто зналъ Еракову-Данилову, ея имя навсегда связано съ представленіемъ о «das ewig weibliche» въ самомъ лучшемъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова.

Вѣра Александрова родилась въ 1847 году, въ семьѣ извѣстнаго инженера, большого пріятеля Н. А. Некрасова, которому поэтъ посвятилъ рядъ стихотвореній подъ общимъ названіемъ «Недавнее время» (1871 г.)—Александра Николаевича Еракова. Ея мать, урожденная Дуссикъ, по происхожденію англичанка, умерла въ молодыхъ лѣтахъ, проведя свою короткую жизнь съ постоянною мыслью о другихъ, кроткая и нѣжная, исполненная чувства долга и живаго музыкальнаго настроенія, выражавшагося въ талантливыхъ импровизаціяхъ. Эти ея свойства вполнѣ отразились и на ея дочери.

Въ хрупкомъ и слабомъ тѣлѣ послѣдней, со слегка картавящимъ голосомъ и исполненными доброты, умными «китайскими» глазами, жила цѣльная въ самой себѣ, твердая въ рѣшеніяхъ и сострадательная въ побужденіяхъ, воспріимчивая и отзывчивая душа. Рано понявъ жизнь и всю сложность ея явленій, она постигла умомъ и почуяла сердцемъ, что, въ сущности, люди — и не всегда притомъ по собственной винѣ—раздѣляются на умѣющихъ страдать и умѣющихъ причинять страданія, на плачущихъ явно или невидимо—и на способныхъ заставлять плакать... Умъ проницательный и вдумчивый, помогалъ ей отличать первыхъ отъ вторыхъ, а сердце, удерживая ее отъ безпощаднаго осужденія первыхъ, толкало ее на помощь послѣднимъ. Безшумно и незамѣтно, но настойчиво и неустанно умѣла она осуществлять высшее духовное призваніе женщины: *иногда* исцѣлять, *часто* облегчать и *всегда* утѣшать. Не будучи знакома, конечно, съ загробными завѣтами «святого доктора» Ѳедора Петровича Гааза, сдѣлавшимися общеизвѣстными лишь послѣ ея смерти, она, въ дѣйствительности, имъ слѣдовала, повинуясь велѣніямъ своей нравственной природы. «Не останавливайтесь,—писалъ Гаазъ въ своемъ «Appel aux femmes»,—предъ жертвами, не задумывайтесь отказывать себѣ для помощи сиротамъ, безпомощнымъ, безсильнымъ. Если нѣтъ

собственныхъ средствъ для помощи, просите кротко, но убѣдительно у тѣхъ, у кого они есть. Не смущайтесь пустыми условіями и суетными правилами свѣтской жизни: пусть требованіе блага ближнему одно направляетъ ваши шаги. Не бойтесь уничиженія, не пугайтесь отказа, — *торопитесь дѣлать добро*. Умѣйте прощать и желать примиренія,—побѣждайте зло добромъ. Не стѣсняйтесь малымъ размѣромъ помощи, которую вы можете оказать въ томъ или другомъ случаѣ,—пусть она выразится дружескимъ привѣтомъ, словомъ сочувствія, утѣшенія, сострадания —и то хорошо. Старайтесь поднять упавшаго, смягчить озлобленнаго, исправить нравственно-разрушенное...»

И Вѣра Александровна — этотъ «маленькій докторъ Гаазъ», какъ прозвали ее послѣ смерти тѣ, кому удалось заглянуть въ тщательно оберегаемую ею область ея добрыхъ дѣлъ,—точно предчувствуя, что ей не дано долго жить, торопилась дѣлать добро въ самыхъ его разнообразныхъ видахъ. Еще не будучи замужемъ и серьезно занимаясь музыкой (она окончила курсъ въ консерваторіи съ серебряною медалью), она усердно давала уроки, чтобы имѣть «свои рубли» для помощи, которую раздавала щедро и деликатно, обыкновенно безъ указанія истиннаго источника, называя себя лишь исполнительницею чужихъ порученій. Выйдя за мужъ она не замкнулась эгоистически въ чувствѣ собственнаго счастья. Заботы о семейномъ очагѣ и о нѣжно любимыхъ дѣтяхъ ни на минуту не заслоняли отъ нея чужаго горя и скорби матерей, къ которой она всегда особенно чутко прислушивалась и приглядывалась. Поэтому у нея вѣчно было какое-нибудь «постороннее дѣло». Стоитъ взять на удачу пачку писемъ ея къ кому-нибудь изъ тѣхъ ея друзей, съ которыми она дѣлилась своими радостями и тревогами,—писемъ, писанныхъ мельчайшимъ, бисернымъ почеркомъ, не поспѣвавшимъ за животрепещущею мыслью, — чтобы увидѣть чѣмъ бывала озабочена и занята она... То она пишетъ и разноситъ прошенія отъ имени бѣдной вдовы съ восемью человѣками дѣтей о принятіи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ учебныя заведенія и, встрѣчая черствую холодность или нетерпѣливые отказы, добродушно обвиняетъ *себя* въ неполномъ успѣхѣ «вѣроятно по незнанію формы прошеній»; то хлопоча объ ищущемъ службы бѣднякѣ, заботится о томъ, чтобы его наболѣвшее самолюбіе не было уязвлено лишній разъ «третированіемъ свысока»; то волнуется по поводу возможности злоупотребленія со стороны опекуновъ дѣтей сосланнаго въ Сибирь купца и ищетъ совѣта и поддержки въ предпринятой ею попыткѣ оградить этихъ, совершенно ей чуждыхъ, дѣтей,—то домогается разрѣшенія несчастной женѣ осужденнаго везти

его на собственный счетъ въ ссылку и собираетъ для этого деньги;—то добивается свиданія съ попавшимъ въ бѣду студентомъ-технологомъ, чтобы узнать *какъ* написать его старухѣ матери, чтобы не дать ей догадаться о несчастьи съ сыномъ и хлопочетъ послать ей небольшую сумму, которую обыкновенно ей высылалъ сынъ изъ своихъ, внезапно прекратившихся, заработковъ; то старается пристроить дѣтей провинціальной актрисы, внезапно умершей и обращается къ сердцу друзей и знакомыхъ, призывая ихъ къ помощи, давно сама отдавъ сиротамъ все, чѣмъ въ это время свободно располагала; то старается, ходя по редакціямъ газетъ, предотвратить появленіе извѣстія, которое должно растравить душевную рану изстрадавшагося и гонимаго судьбою человѣка и т. д. и т. д.

«На моемъ долгомъ жизненномъ пути,—пишетъ по полученіи извѣщенія о смерти ея, одна изъ близко знавшихъ ее,—я не встрѣчала женщины съ сердцемъ болѣе возвышеннымъ, болѣе полнымъ любви. Кто только не долженъ ее оплакивать? Сколько *настоящаго* добра она дѣлала? Сколько добрыхъ, ласковыхъ, успокоительныхъ словъ должно сохраняться въ памяти тѣхъ, которые приходили къ ней печальными, угрюмыми, озлобленными, а уходили отъ нея съ надеждою, съ радостью, съ помощью. Проза жизни, банальность и пошлость ея, отъ которыхъ, кажется, никто не застрахованъ, не оставили ни одной черточки ни въ ясномъ умѣ, ни въ благородномъ ея сердцѣ. Всѣхъ и все умѣла она понять и простить... Какъ отрадно было знать, что она существуетъ и свѣтитъ своимъ ласковымъ свѣтомъ, и что если понадобится освѣжить свою душу, согрѣть свое сердце — стоитъ только пойти къ этому прекрасному Божьему созданію, и свѣтъ разольется, обрадуетъ и согрѣетъ...» Характеризуя отдѣльные случаи изъ жизни Ераковой-Даниловой и подтверждая свой отзывъ фактическими данными, то же лицо, между прочимъ, пишетъ: «Всегда-то она о комъ-нибудь печалилась, за кого-нибудь хлопотала, кому-нибудь украдкой совала рубли, только что ею самою заработанные. Когда ее, бывало, уличишь въ какой-нибудь *скрытой помощи*, она покраснѣетъ и начнетъ увѣрять, что эта неправда... Но однажды мнѣ пришлось быть близкой свидѣтельницей одного ея истинно *гаазовскаго* поступка. Надъ однимъ моимъ знакомымъ совершенъ былъ судъ. Не берусь судить, былъ ли онъ справедливъ, но могу утверждать, что онъ былъ не скоръ и не милостивъ. Дѣло начиналось, прекращалось, забрасывалось, опять возобновлялось, вновь откладывалось, и за эти годы онъ то сидѣлъ въ тюрьмѣ, то былъ на свободѣ, то опять въ тюрьмѣ. Виновный въ глазахъ прокуроровъ и судей,—въ глазахъ матери и жены, онъ конечно былъ

лишь страдалецъ. Вѣра Александровна печалилась о немъ, какъ о несчастномъ. Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ, состоялся окончательный приговоръ. Осужденный былъ нищъ, ничего не имѣли и родственники, и ему нельзя было отправиться на свой счетъ. Истерзанной горемъ 73-лѣтней матери предстояло вынести еще новую муку: разставаясь съ сыномъ, увидѣть его въ партіи колодниковъ, въ вагонѣ за желѣзными рѣшетками. Оставалась недѣля до отправки партіи. Однажды Вѣра Александровна въ разговорѣ, какъ бы случайно, стала распрашивать его жену, какъ и когда отправляется партія, гдѣ будутъ остановки, какъ фамилія конвойнаго офицера и т. д. Наканунѣ выступленія она явилась съ пачкой писемъ, памятныхъ замѣтокъ, записочекъ и передала ихъ женѣ ссылаемаго съ подробными указаніями, а затѣмъ, спѣша «по нужному дѣлу», простилась и исчезла, прежде чѣмъ окружающіе успѣли опомниться. Между пакетами оказался и пакетъ съ деньгами. Результатъ обозначился на слѣдующій же день. Осужденный и жена, добровольно за нимъ слѣдовавшая, были посажены въ вагонъ вмѣстѣ съ конвойнымъ офицеромъ, который всю дорогу былъ къ нимъ очень добръ: въ Москвѣ другой офицеръ взялъ ихъ тотчасъ подъ свое покровительство; на Камѣ въ нихъ принялъ живое участіе капитанъ парохода, а на мѣстѣ ссылки тоже уже ожидалъ готовый помочь и услужить человѣкъ. . Впослѣдствіи оказалось, что «маленькому Гаазу» пришлось исколесить полъ-Петербурга, ѣздить къ знакомымъ своихъ знакомыхъ и къ незнакомымъ, лишь бы добиться облегченія участи несчастнаго, по ея мнѣнію, человѣка. Радость матери, неожиданно увидѣвшей сына въ гораздо лучшей обстановкѣ, чѣмъ она ожидала, была такъ велика, что разсудокъ бѣдной женщины на время помутился. Съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ разсказывала она всѣмъ, что Богъ послалъ своего ангела, и ангелъ посадилъ ея дорогого сына въ царскій вагонъ».

Доброта Вѣры Александровны была проникнута настоящимъ, широкимъ альтруизмомъ въ томъ смыслѣ, что она, какъ солнце, грѣла одинаково всѣхъ, не дѣлая различія. Исполненная нѣжной заботливости, терпимости и неустанной готовности жертвовать собственнымъ спокойствіемъ, здоровьемъ и необходимымъ отдыхомъ по отношенію къ роднымъ и людямъ, связаннымъ съ нею тѣми или другими узами, она, однако, никогда не замыкалась въ узкій, эгоистическій кругъ. Такой—обыкновенно родственный—кругъ вырабатываетъ въ тѣсной области мелкихъ подробностей и незначащихъ поступковъ право называться *добрымъ человѣкомъ* для тѣхъ, кто черствъ и холоденъ, несправедливъ и иногда даже

хищнически настроенъ ко всѣмъ, кто стоитъ *внѣ* «родныхъ человѣчковъ», которымъ «нельзя не порадѣть». «Женщина безъ добраго сердца—писала она,—недостойна называться женщиной и любящая брата или сына только потому, что онъ *ея братъ* или ея *сынъ*, не христіанка и ни на кого изъ *ближнихъ* у нея ничего не остается. Когда ростишь дѣтей и со страхомъ заглядываешь впередъ на то, что ихъ ждетъ въ будущемъ, всегда говоришь себѣ, что обезпечить ихъ счастье можно лишь развивъ въ нихъ любовь къ ближнему, а не къ родственникамъ, вызвавъ въ нихъ постоянное желаніе облегчать страданіе *всякаго*, а не брата или близкаго человѣка, только потому, что онъ сватъ или братъ. Иначе можно пройти мимо всего, все проглядѣть и прожить жизнь задаромъ, не понявъ даже иногда и своего собственнаго брата или сына!.. Кто съумѣетъ развить въ себѣ истинную любовь къ ближнему, тотъ всегда найдетъ себѣ и дѣло, и мѣсто въ Божьемъ мірѣ. Voilà ma réligion!»

Такъ писала она,—такъ и дѣйствовала, ибо никогда, ни въ какомъ отношеніи ея тихое, не самомнящее слово не расходилось съ ея неслышными, но осязательными дѣлами. И въ то же время, развивъ въ себѣ любовь къ *ближнимъ*, она умѣла отогрѣвать вокругъ себя *близкихъ* и нѣжно думать о ихъ спокойствіи. «Если бы вы знали,—писала она,—какое для меня счастье имѣть отца около и видѣть, какъ мужъ мой добръ и нѣженъ съ нимъ... Послѣдній сердечный припадокъ папы привелъ меня въ ужасъ, но не говорите никому изъ общихъ знакомыхъ о его припадкахъ, чтобы кто-нибудь не назвалъ ихъ ему настоящимъ именемъ—грудною жабою... Я объясняю ихъ ему простою нервностью и, кажется, убѣдила его, а у самой сердце не на мѣстѣ».—«Ничего я не боюсь,—говоритъ она, сообщая, что готовится очень скоро быть матерью,—никакихъ страданій для себя, ничего, ничего, только бы мнѣ *его* (мужа), котораго я безконечно люблю, не слишкомъ напугать и намучить... Господи! какъ я счастлива въ моей личной жизни, за что? За что? На будущее гляжу смѣло и умереть не страшно: мнѣ слишкомъ было хорошо и *мнѣ совѣстно* предъ другими женщинами, одинокими, обездоленными. По крайней мѣрѣ, буду знать, за что умираю. А какъ мнѣ теперь сталъ понятенъ и дорогъ Божій міръ!»

Сознаніе своего личнаго счастья не мѣшало ей, однако, задумываться надъ загадкою жизни вообще. «Вотъ она жизнь-то человѣческая,—пишетъ она по поводу тяжкой болѣзни одной дѣвушки, постепенно погасившей ея умственныя способности,—не останавливается ни на минуту, не даетъ вздохнуть и

оглянуться, и неудержимо влечетъ всѣхъ за собой, а вѣдь въ сущности въ ней такъ много горя и столько счастья, что, казалось бы, должно хватить и того и другого на всѣхъ поровну... За что же ей выпали однѣ страданія, страданія хуже смерти?!» — «Страшно становится жить — *за другихъ*, — говоритъ она въ одномъ изъ писемъ, по поводу трагической кончины подруги своей молодости—сколько надо было намучиться, чтобы *такъ* кончить! Она не пережила своего отчаянія, своего страшнаго, вѣющаго холодомъ, одиночества, своей безумной ошибки... А сколько въ ней было любви, силъ душевныхъ!.. И кому нужна была эта страшная смерть? Ужасъ! Вотъ надъ чѣмъ можно призадуматься. И за что у меня такъ хорошо сложилась жизнь, а у нея такъ дурно? А вѣдь когда мы съ нею, бывало, философствовали, она себя считала счастливой и желала мнѣ *своего* счастія, дѣлясь со мною грезами и мечтами, такъ безжалостно разбитыми. А все таки надо жить, какъ оно ни страшно, жить хотя бы ужъ для того, *чтобы другимъ было менѣе страшно...*»

Общественные вопросы всегда занимали ея жадный на знаніе и вмѣстѣ вполнѣ самостоятельный умъ. Иногда вопросъ, мимо котораго неспеціалистъ проходитъ вполнѣ равнодушно или отворачиваясь отъ него, какъ отъ «скучной матеріи», волновалъ ее и вызывалъ оцѣнку, въ которой рядомъ съ трезвымъ взглядомъ на предметъ, слышался кроткій голосъ сердца. Такъ, напримѣръ, она обратила живое вниманіе на промелькнувшее въ 1895 году, въ газетахъ, извѣстіе о возможности введенія для судей *предѣльнаго возраста*, послѣ котораго они, какъ бы ни сохранились еще ихъ умственныя и физическія силы, должны подлежать увольненію и тому «нѣмому бездѣйствію печали», которое всегда овладѣваетъ любящимъ свое дѣло человѣкомъ, выброшеннымъ за бортъ... Ее поражала безсердечность такого проекта, не смотря на его внѣшнюю, какъ бы оправдываемую законами жизни, логичность. «Нѣтъ!—писала она—не могу я примириться съ такимъ порядкомъ, какъ бы онъ *уменъ* ни былъ. У меня давно сложилось убѣжденіе, что только тотъ умъ и стоитъ чего нибудь, въ которомъ чувствуется сердце, не изсушенное имъ... Вѣдь не сжигать же стариковъ зато только, что они осмѣлились не умереть до 65 лѣтъ? Какъ же жить старикамъ, если они для привычнаго дѣла вдругъ, въ одинъ прекрасный день, всѣ поголовно признаются негодными, если за все ихъ прошлое, за трудъ и лишенія никто не оставитъ имъ иллюзіи, что хоть ихъ *опытъ* полезенъ другимъ, если уже не они сами? Какое же можетъ быть у моло-

дежи уваженіе къ старости, *признанной негодною* самимъ закономъ?!..»

Среди тихой семейной обстановки, въ радостномъ созерцаніи подростающихъ дѣтей, провела послѣдніе годы жизни Вѣра Александровна. Никогда не унывая, не смотря на ошибки и разочарованія въ людяхъ, она продолжала вѣрить въ нихъ вообще, судя, съ истинною справедливостью, каждаго по лучшимъ проявленіямъ его природы, а не по прозаическому, повседневному «прохожденію жизни»...

Она вошла въ дѣятельную жизнь въ то время, когда высшее женское образованіе у насъ еще только зарождалось, но любовь къ литературѣ и искусству была потребностью ея тонкой натуры. Даже мимолетное знакомство съ нею давало чувствовать основательность и широту ея свѣдѣній въ области словесности, исторіи и культуры. Не выдвигаясь впередъ, скромно и какъ бы застѣнчиво обнаруживая свое обширное образованіе, которое было настоящимъ *личнымъ самообразованіемъ*, она умѣла цѣнить всѣ проявленія истиннаго таланта и неподдѣльнаго творчества, чему конечно способствовали довольно частыя встрѣчи и бесѣды, въ домѣ отца, съ Плещеевымъ, Некрасовымъ и Салтыковымъ, съ произведеніями которыхъ ей нерѣдко приходилось знакомиться еще задолго до ихъ появленія въ печати...

Повѣсти и разсказы ея, заключая въ себѣ яркія картины природы и много вѣрныхъ психологическихъ замѣчаній, отражаютъ на себѣ главныя душевныя свойства автора: вдумчивое, съ оттѣнкомъ грусти, отношеніе къ жизни и къ людямъ—и широкую способность пониманія и прощенія. Столь частая и нерѣдко роковая житейская коллизація высокихъ нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ человѣку, и неожиданныхъ проявленій его грубыхъ и низменныхъ инстинктовъ—лежитъ въ основѣ ея разсказа «На берегу Средиземнаго моря» и повѣсти «Наканунѣ смерти», написанной въ формѣ дневника. Она слишкомъ вѣрила въ благородство человѣческой природы, ожидая отъ нея и соотвѣтственныхъ проявленій, она страдала за созрѣвшіе въ ея душѣ и жившіе въ ней образы героинь своихъ повѣствованій, когда это благородство оказывалось показнымъ и поддѣльнымъ, прикрывающимъ одну лишь «мерзость запустѣнія»... Но вмѣстѣ съ тѣмъ ей была ясна слабость человѣка и непосильность той внутренней и внѣшней борьбы, которую ему иногда приходится вести. Она умѣла, поэтому, сострадать ему въ его затаенныхъ мукахъ, явившихся результатомъ слабости его воли, не бывшей въ силахъ удержать его отъ паденія. Поэтому отъ передаваемыхъ ею драмъ, пережи-

тыхъ сердцемъ молодой дѣвушки, пораженнымъ въ одномъ случаѣ грубою измѣной, а въ другомъ явнымъ негодяйствомъ своего избранника, вѣетъ ароматомъ самоотверженнаго прощенія подъ вліяніемъ глубокой жалости къ *человѣку*, смѣнившей разбитое, но не убитое чувство любви къ нему.

Нѣжная и горячая любовь къ дѣтямъ вообще («какое счастье—дѣти!» писала она за два дня до смерти, а въ ея молодости каждое ея появленіе среди знакомыхъ дѣтей, прозвавшихъ ее за походку съ перевальцемъ «теточкой уточкой», вызывало шумное ликованіе) нашла себѣ выраженіе въ ея поэтической сказкѣ «Сонъ», съ мрачнымъ началомъ и свѣтлымъ концомъ, когда радостный крикъ «воскресшаго» ребенка и тихія, блаженныя слезы матери открываютъ «цѣлый міръ любви, любви настоящей, предъ которой всѣ увлеченія чувствомъ, испытанныя прежде, начинаютъ казаться чѣмъ-то дѣланнымъ, искусственнымъ и подчасъ безконечно мучительнымъ».

Трогательная исторія «машины для преподаванія математики», обращающейся въ живого и горячо чувствующаго человѣка—составляетъ содержаніе разсказа «Старая галка». Сорокалѣтняя дѣвушка, механически исполнявшая свои обязанности учительницы гимназіи, чтобы поддерживать больного отца, живущаго въ провинціи, принявъ участіе въ тяжко заболѣвшемъ бѣднякѣ-студентѣ, пріютившемся въ каморкѣ меблированныхъ комнатъ, гдѣ и она обитаетъ,—чувствуетъ съ ужасомъ, что «въ ея старомъ сердцѣ распускаются розы и что она задыхается и изнемогаетъ отъ ихъ непривычнаго благоуханія». Такія же розы вырастаютъ, на почвѣ благодарнаго чувства, въ сердцѣ одинокаго, бездомнаго и не знавшаго никакого ласковаго участія молодого человѣка... Но внезапная смерть его отъ разрыва сердца обрываетъ всѣ хлопоты «старой галки», какъ ее прозвали въ гимназіи, о наймѣ квартиры «для свитія себѣ гнѣзда» и о «туалетѣ съ розовыми бантами», приготовляемомъ ко дню тщательно скрываемой свадьбы, а ея отчаяніе и бурная скорбь, дошедшія до свѣдѣнія начальства, влекутъ за собою ея увольненіе «за безнравственное поведеніе»...

Описаніе первыхъ впечатлѣній ребенка, ставшаго близко къ природѣ, и исторія дѣтской души, столкнувшейся съ прозою и пошлостью жизни, составляютъ сущность повѣсти «Первая любовь».

Смерть подошла къ Вѣрѣ Александровнѣ неожиданно для всѣхъ. Всегда вѣрившая, по опыту своей чуткой организаціи, въ предчувствія, она говорила въ 1896 году, что «19-го марта, въ два часа ее ждетъ что-то ужасное»... Вызванная внезапно ослож-

нившемся нездоровьемъ операція прошла успѣшно, но сердце, которое такъ умѣло биться для другихъ и за другихъ, не нашло силъ продолжать биться для себя... 16-го марта, послѣ тяжкихъ, но краткихъ страданій, она скончалась. Вокругъ ея гроба, поставленнаго въ вѣющую холодомъ, мрачную мертвецкую часовню клиники Вилліе, среди запущеннаго сада (везти усопшую въ Царское Село, гдѣ она жила, было невозможно, чтобы не напугать дѣтей, отъ которыхъ скрыли ея смерть), выросла гора вѣнковъ; цвѣты обрамили ея доброе, оригинальное лицо, по которому разлилось чудное спокойствіе; надъ ея прахомъ пролились горячія, горькія слезы знавшихъ ее и нравственно осиротѣвшихъ съ ея уходомъ изъ жизни, бремя которой она такъ умѣла помогать нести... и *19-го марта, въ два часа* она была опущена въ землю Новодѣвичьяго монастыря...

Покойный В. Ф. Голубевъ поднесъ консерваторіи портретъ усопшей и учредилъ премію ея имени, выдаваемую каждые пять лѣтъ, вмѣстѣ съ золотымъ жетономъ, лучшей изъ учениць фортепіаннаго класса, закрѣпивъ, такимъ образомъ, память о ней въ области осуществленія искусства, говорящаго, по выраженію князя Одоевскаго, «языкомъ невыразимыхъ словами чувствъ»,—чувствъ, столь доступныхъ ея нѣжной и любвеобильной душѣ...

ЗАМѢТКИ И ДОБАВЛЕНІЯ.

Въ рѣчахъ о князѣ Одоевскомъ и о Достоевскомъ указаны попытки перваго изъ нихъ организовать трудовую помощь нуждающемуся населенію Петербурга и отмѣченъ взглядъ второго на условія жизни, въ которыя поставлены дѣти неимущихъ классовъ въ столицахъ и большихъ городахъ. Попытки такой организаціи и улучшенія послѣднихъ условій предприняты въ Россіи учрежденіями трудовой помощи. Поэтому казалось умѣстнымъ, въ дополненіе къ этимъ рѣчамъ помѣстить письмо къ редактору журнала «Трудовая помощь», въ которомъ намѣчаются нѣкоторыя изъ задачъ этого рода помощи.

Въ воспоминаніяхъ о В. С. Соловьевѣ указывается на характеризующее начало XX вѣка крайнее умаленіе нравственнаго содержанія жизни, связанное съ господствомъ узкаго и «дѣятельнаго» себялюбія. Чрезъ годъ послѣ произнесенія рѣчи о покойномъ философѣ въ засѣданіи Академіи Наукъ, посвященномъ его памяти, вышла въ Кіевѣ книга профессора А. Н. Гилярова «Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи», разсматривающая подробно и всесторонне тѣ же самыя явленія душевнаго оскуденія. Разборъ этой книги, помѣщенный ниже, представляетъ нѣкоторые комментаріи къ упомянутой рѣчи.

Въ настоящемъ сборникѣ рѣчей и статей нерѣдко упоминается о философскихъ взглядахъ Спинозы. Поэтому авторъ счелъ возможнымъ помѣстить, въ дополненіе къ книгѣ, отзывъ свой о первомъ переводѣ «Этики» Спинозы на русскій языкъ.

Къ статьѣ о Горбуновѣ и въ различныхъ очеркахъ автору пришлось касаться исторіи театра въ Россіи, дѣятельности цензуры и различныхъ обстоятельствъ изъ области журналистики. Рядъ отрывочныхъ, но не лишенныхъ интереса свѣдѣній по этой

части помѣщенъ въ собраніи матеріаловъ, озаглавленныхъ «изъ портфеля журналиста».

Наконецъ въ очеркѣ, посвященномъ К. Д. Кавелину упоминается о произведшемъ на послѣдняго сильное впечатлѣніе пересказѣ обстоятельствъ дѣйствительнаго дѣла о самоубійствѣ и приводятся отрывки изъ письма его по этому поводу. Быть можетъ напечатаніе этого пересказа не покажется читателю излишнимъ.

I.

ЗАДАЧИ ТРУДОВОЙ ПОМОЩИ.

(Письмо къ редактору журнала «Трудовая помощь»).

(1898 г.).

Милостивый Государь!—Вы почтили меня приглашеніемъ принять участіе, въ качествѣ сотрудника, въ возникающемъ, подъ вашею редакціею, новомъ журналѣ «Трудовая Помощь». Не думаю, чтобы вами руководило при этомъ предположеніе о моемъ близкомъ знакомствѣ съ вопросами и учрежденіями, возникающими на почвѣ благотворительности, ибо, занятый долгіе годы судебною дѣятельностью, я имѣлъ возможность лишь изрѣдка и мимоходомъ сталкиваться съ первыми и приходить въ соприкосновеніе съ послѣдними. Вѣроятно мои занятія въ судебной области дали вамъ основаніе думать, что у меня, какъ и у всякаго юриста-практика, среди «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», долженъ найтись нѣкоторый матеріалъ для выясненія тѣхъ темныхъ и печальныхъ сторонъ жизни, съ которыми должна и можетъ бороться разумная благотворительность. Вы, конечно, правы, Судья, смотрящій на себя не какъ на механическаго примѣнителя отвлеченныхъ формулъ закона, невольно обращаетъ взоры на жизненныя условія, благодаря которымъ слабость выростаетъ въ порокъ, нравственная шаткость переходитъ въ преступленіе, бѣд-

ность обращается въ нищету и легкомысліе вырождается въ развратъ... Холодные лучи безстрастнаго закона преломляются въ сознаніи и совѣсти судьи, какъ въ призмѣ, и падая на роковую обстановку, въ которой совершено преступленіе, теряютъ свое однообразіе и прямолинейность, вызывая къ жизни краски, наложенныя дѣйствительностью, очень часто жестокою и почти всегда печальною. Эта дѣйствительность возбуждаетъ не одно негодованіе, къ услугамъ котораго является карательный законъ,—она пробуждаетъ, иногда съ неотразимою силою, глубокую, щемящую сердце жалость. Она заставляетъ вспомнить слова короля Лира: «закуй злодѣя въ золото — стальное копье закона сломится безвредно; одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ онъ отъ пустой соломенки пигмея»—вспомнить въ томъ смыслѣ, что нищета—нравственная и матеріальная — дѣлаетъ постигнутаго ею или отданнаго въ ея руки человѣка безоружнымъ противъ «власти тьмы», противъ отравленной житейскимъ зломъ и соблазномъ «соломенки пигмея». Для того, чтобы закалить стальное копье закона, чтобы не дать ему ломаться безвредно нужна настойчивая и справедливая дѣятельность судебной власти. Но для того, чтобы обезвредить соломенку пигмея — нужно нѣчто иное, болѣе сложное и еще болѣе настойчивое. Нужно твердою и любящею рукою снять съ ближняго лохмотья и замѣнить ихъ, не боясь труда и вооружаясь терпѣніемъ, теплою и прочною одеждою. Это — дѣло общественной благотворительности, и чѣмъ шире и разумнѣе будетъ оно развиваться, на ряду съ другими общественными факторами, тѣмъ рѣже придется прибѣгать къ стальному копью, тѣмъ болѣе оно будетъ покрываться желанною паутиною бездѣйствія...

Позвольте, поэтому, вмѣстѣ съ благодарностью за приглашеніе къ сотрудничеству, выразить вамъ и мое сочувствіе задачамъ и постановкѣ новаго журнала.

«Трудовая помощь» является новымъ орудіемъ гласности въ дѣлѣ благотворенія, а гласность есть одно изъ необходимѣйшихъ, жизненныхъ условій такого дѣла. Великое правило о правой рукѣ, не вѣдающей о томъ *какъ* и *кому* творитъ добро лѣвая, примѣнимо исключительно къ частной дѣятельности. Тамъ оно необходимо. Личная помощь требуетъ тайны. Между дѣлающимъ добро и принимающимъ его допустимъ, по свойствамъ человѣческой духовной природы, лишь одинъ свидѣтель—Богъ; всякій другой свидѣтель невольно растравляетъ язвы больной гордости, отсутствіе которой часто служитъ признакомъ наступившаго душевнаго равнодушія, уже близкаго къ нравственному паденію. Тайна нужна и для дѣлающаго добро, хотя бы для устраненія того, что Турге-

невъ въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» называетъ «безобразіемъ самодовольной, дешево доставшейся добродѣтели, которая едва ли не противнѣе откровеннаго безобразія порока...»

Но иначе обстоитъ дѣло въ благотворительности общественной. Здѣсь тайна благотворенія невозможна, по крайней мѣрѣ по отношенію къ *способу* и *пріемамъ* дѣятельности. Отсутствіе свѣта, обусловленное этою тайною, должно имѣть обычные результаты. Въ углахъ и на стѣнахъ зданія, куда не проникаетъ свѣтъ, заводится плѣсень, сырость и выростаютъ зловредные грибы. Отсутствіе гласности — широкой, систематической и, что очень важно, способной заинтересовать — быстро охлаждаетъ добрые порывы въ обществѣ. Является сомнѣніе, недовѣріе — и коллективная «рука дающаго» — представляемая благотворительнымъ учрежденіемъ, оскудѣваетъ... .

Это положеніе можно бы признать общимъ мѣстомъ, если бы практическая жизнь не показывала, что оно вовсе не такъ общепризнано, какъ это можетъ казаться. Достаточно вспомнить исторію гибели превосходнаго по замыслу и результатамъ своего осуществленія «Общества посѣщенія бѣдныхъ въ Петербургѣ», основаннаго княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ,—которое благополучно перенесло, опираясь на свои жизненныя силы и общее довѣріе, рядъ тяжелыхъ ударовъ — и распалось послѣ того, какъ, будучи привито къ бюрократическому учрежденію, потеряло право самостоятельно печатать во всеобщее свѣдѣніе свои отчеты, не обезцвѣченные мертвящею канцелярскою регламентаціею.

Но не однимъ проводникомъ свѣта въ область благотворенія долженъ явиться новый журналъ. Судя по пятому, шестому и седьмому пунктамъ программы, онъ будетъ органомъ объединенія различныхъ отраслей помощи трудомъ, во имя и ради труда, не ограничиваясь сравнительно узкою сферою «домовъ трудолюбія», а затрогивая всѣ вопросы, соприкасающіеся съ общественною благотворительностью. А вопросовъ этихъ много и расходятся они радіусами отъ одного общаго понятія о трудѣ. Сообразно своему отношенію къ нему люди, нуждающіеся въ общественной поддержкѣ, являются—*ищущими* труда, *бѣгущими* отъ него, *неспособными* къ нему и *испорченными* для него.

Для первой категоріи нужны «дома трудолюбія», со всѣми тѣми особенностями своего устройства, которыя должны давать возможность, при существующихъ экономическихъ условіяхъ, концентрировать въ нихъ *спросъ* на трудъ и широко, гостепріимно раскрывать двери *предложенію* труда. По отношенію ко второй категоріи—празднолюбцевъ, относящихся къ труду съ отвращеніемъ и

составляющихъ одну изъ язвъ городской жизни, называемую нищенствомъ, общество должно настойчиво и систематически дѣйствовать принудительными мѣрами, не смущаясь тою жестокою чувствительностью, которая упорно не желаетъ видѣть глубоко растлѣвающаго вліянія нищенства и на просящихъ, и на подающихъ милостыню. Говоря о послѣднихъ, я не имѣю въ виду, конечно, простого русскаго человѣка, наивное и трогательное чувство котораго заслуживаетъ уваженія по своей душевной непосредственности, несмотря на свою близорукость по отношенію къ послѣдствіямъ. Я говорю о тѣхъ многихъ въ слоѣ болѣе развитомъ, которые, проходя холодно мимо недостатка и недохватокъ рабочаго человѣка, нѣсколькими копѣйками, поданными нищему, стараются заглушить въ себѣ «роптаніе души», смущенной мыслью о нуждѣ и нищетѣ, и считаютъ свой долгъ къ ближнимъ исполненнымъ тѣмъ, что увеличиваютъ среди нихъ тунеядство. Ради общественнаго порядка и нравственности, ради спасенія отъ дальнѣйшихъ паденій—бѣгущихъ отъ труда слѣдуетъ привязать къ нему, какъ къ спасительному якорю. Необходимость принудительныхъ работъ для профессіональныхъ нищихъ должна неминуемо вызвать вопросъ объ устройствѣ «рабочихъ домовъ» рядомъ съ «домами трудолюбія» и, быть можетъ, въ общемъ помѣщеніи съ ними, но съ неизбѣжнымъ раздѣленіемъ въ смыслѣ дисциплины, надзора и распредѣленія рабочаго дня. Нужно-ли говорить, сколько вопросовъ возникаетъ по организаціи призрѣнія людей *неспособныхъ* къ труду, немощныхъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ и хронически-больныхъ. Вооруженная выводами опыта и практики Западной Европы, слѣдя за развитіемъ и разновидностями ея благотворительныхъ учрежденій, отзывчивая ко всему, что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Россіи, «Трудовая Помощь» можетъ давать на своихъ страницахъ цѣнныя указанія для цѣлесообразной общественной работы на пользу такихъ нуждающихся и направленія добрыхъ побужденій отдѣльныхъ лицъ на вѣрный, имъ очень часто совершенно невѣдомый, путь.

Остается послѣдняя категорія, о которой хотѣлось бы поговорить нѣсколько подробнѣе. Для успѣшнаго труда—нужна бодрая душа и здоровое тѣло. Гдѣ разбита, измучена или извращена первая, нѣтъ ни готовности, ни способности къ работѣ,—гдѣ изможденo и заморено второе—нѣтъ силъ, нѣтъ необходимаго напряженія для работы. Поэтому люди, въ которыхъ тяжкія условія жизни злоба однихъ и равнодушіе другихъ, выработали такую душу и такое тѣло, могутъ быть признаны *испорченными* для труда. Эта

порча тѣмъ сильнѣе, чѣмъ раньше она началась,—а къ сожалѣнію обыкновенно она начинается рано, очень рано,—съ дѣтства.

Дѣти—вотъ тотъ мягкій матеріалъ, изъ котораго выработываются будущіе отверженцы здороваго труда. Давно уже сказано, что «ребенокъ—отецъ взрослаго». Впечатлѣнія, чувства, картины, вынесенныя изъ дѣтскихъ лѣтъ, невидимо дѣйствуютъ на взрослаго и часто даютъ безсознательное направленіе его рѣшеніямъ и поступкамъ. Онѣ производятъ въ волѣ, въ характерѣ—*девіацію*, подобную той, которая заставляетъ стрѣлку компаса отклоняться въ сторону отъ вѣрнаго направленія. Въ самой сокровенной глубинѣ души человѣка лежатъ вынесенныя изъ дѣтства симпатіи и антипатіи; въ туманной дали воспоминаній таятся поразившія его ужасомъ или отвращеніемъ картины, уязвившія его сердце слова или взгляды,—и первыя зерна горькаго житейскаго опыта, съ болью вошедшія въ безжалостно взбороненную, беззащитную ниву дѣтской души. И если въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ нѣтъ ничего свѣтлаго, теплаго, добраго,—если онѣ не даютъ мысли и чувству вырваться изъ круга порочныхъ и тягостныхъ представленій, то и отъ взрослаго трудно ждать чистыхъ побужденій... А иногда—и это еще печальнѣе—въ сердцѣ заброшеннаго маленькаго существа совершенно нѣтъ мѣста для какихъ-либо воспоминаній, кромѣ чисто-животныхъ. Только животныя вожделѣнія и животный страхъ будутъ стимуломъ его дѣйствій въ качествѣ взрослаго.

Поэтому охрана дѣтей, защита ихъ отъ растлѣвающихъ душу и разрушающихъ тѣло воздѣйствій, есть одна изъ самыхъ святыхъ, изъ самыхъ важныхъ задачъ общества. Въ исполненіи ея никогда нельзя будетъ сдѣлать не только много, но даже достаточно, ибо проявленія зла, окружающаго дѣтей, слишкомъ разнообразны и многочисленны. Съ грустью надо сознаться, что есть случаи, когда главная опасность для ребенка не только въ *отсутствіи* семьи, но и въ ея *наличности*. Не одинъ безпріютный, безродный или брошенный, какъ говорятъ нѣмцы, «на четыре вѣтра» ребенокъ подвергается всѣмъ дурнымъ вліяніямъ, но и связанный, иногда, къ сожалѣнію слишкомъ крѣпко, съ семьею. Это не всегда семья *дурная*,—часто это лишь семья *несчастная*. Постоянная жизнь впроголодь и въ холодѣ, неудачная и отупѣлая гоньба за кускомъ хлѣба, отсутствіе какихъ либо здоровыхъ впечатлѣній, бодрость и забвеніе, прежде всего забвеніе, находимыя только въ водкѣ—все это создаетъ условія, гибельно дѣйствующія на одичалаго, голоднаго ребенка. Брань пьянаго отца, вопли побитой матери, вѣчное взаимное раздраженіе, ожесточенныя проклятія, посылаемыя жизни и всему существующему, глубоко западаютъ

во всегда воспріимчивый и боязливо, но упорно наблюдательный умъ ребенка, а откровенныя слова и картины изъ области сокровеннѣйшихъ людскихъ отношеній—въ самомъ нѣжномъ возрастѣ развертываютъ предъ нимъ одну лишь книгу животныхъ отношеній. Безъ Бога, безъ наивной дѣтской фантазіи, безъ свѣтлыхъ душевныхъ радостей возрастаетъ, подгоняемый пинками и колотушками, маленькій звѣрекъ—и не мудрено, что въ немъ malitia supplet aetatem, какъ говорили старые юристы.

Если таково бываетъ воздѣйствіе на ребенка семьи несчастной, то нужно ли говорить о томъ, какъ вліяетъ на него семья *дурная*. Просмотръ дѣлъ о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, объ умышленномъ развращеніи ихъ нравственности, о продажѣ ихъ въ своеобразное артистическое невольничество—даетъ незабываемыя, давящія какъ кошмаръ, картины.

Приступая къ судебно-медицинскому описанію пороковъ, извращающихъ человѣческую природу, знаменитый Тардье восклицаетъ: «c'est ici qu-on désèspere de l'humanité». Но съ одинаковымъ основаніемъ можно сказать то же по отношенію къ случаямъ истязанія дѣтей. Самое «окаменѣлое годами» сердце не можетъ не сжаться отъ справедливаго гнѣва и безконечной жалости при созерцаніи чудовищной противуположности: силы, злости и иногда утонченной жестокости, съ одной стороны—и полной безпомощности, захватывающаго дѣтскую душу отчаянія, заглушенныхъ воплей и горячихъ слезъ, съ другой. И если первой семьѣ можно простить ея дурное вліяніе за ея невѣжество, темноту и несчастіе, то вторая не находитъ себѣ оправданія потому, что у истязателя или мучительницы есть всегда молчаливый, преступнослабый, эгоистическій попуститель—и еще потому, что, къ стыду нашихъ дней, такая семья, въ процентномъ отношеніи, чаще встрѣчается въ кругу людей, участвующихъ въ «базарѣ житейской суеты». Самые вопіющіе случаи жестокаго обращенія, совершаемаго въ обстановкѣ, въ значительной мѣрѣ обезпечивающей молчаніе окружающихъ, происходятъ именно въ этой средѣ, гдѣ нерѣдко внѣшній лоскъ полуобразованія лишь прикрываетъ тонкимъ слоемъ распущенные и злобные инстинкты. Здѣсь надо отмѣтить еще и двѣ особенности. Изобличителями и заступниками въ большинствѣ такихъ случаевъ являются не лица, принадлежащія къ тому же «базару», которыя обыкновенно замыкаются въ неумѣстность «вмѣшательства» въ чужія частныя и семейныя дѣла, а простые люди—дворничихи, прислуга и т. п., у которыхъ «сердце изныло, слышамши—видѣмши», какъ расправляются «съ дитёю»... Вмѣстѣ съ тѣмъ медленный, но несомнѣнный приливъ человѣчности, ко-

торый замѣчается съ теченіемъ времени въ разныхъ областяхъ жизни, повидимому совсѣмъ не проникаетъ за стѣны, гдѣ пріютилось истязаніе дѣтей. Между мрачнымъ Рижскимъ дѣломъ объ истязаніи въ 1778 г. маіоромъ Клодтомъ и его женою малолѣтней Трины,—дѣломъ извѣстной въ своемъ родѣ вдовы штабсъ-капита Леонтьевой въ 1851 году и новѣйшими дѣлами о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми нѣтъ никакой разницы ни въ мотивахъ, ни, если можно такъ выразиться, въ методѣ этого обращенія. Таже жестокая потѣха надъ ужасомъ, объемлющихъ дѣтскую душу, то же наслажденіе замираніемъ маленькаго сердца, та же безчувственность къ страданіямъ отъ организованнаго голоданія и замораживанья, та же, почти чувственная, изобрѣтательность въ причиненіи ребенку боли и внутренняго разстройства.

Но чего же смотритъ законъ? невольно спрашиваютъ непосвященные. Законъ караетъ—приходится имъ отвѣтить. Но даетъ ли онъ возможность предупредить «hanc saevitiam»? Очень слабую, почти ничтожную, предоставляя раскрытіе случаевъ истязанія частной иниціативѣ и не вооружая ее для этого никакими опредѣленными правами. Существующія у насъ общества для защиты дѣтей, страдающихъ отъ дурного или жестокаго обращенія, отъ растлѣвающей семейной или ремесленной обстановки, устроенныя на подобіе французскаго «Союза въ защиту угнетаемаго дѣтства», еще не добились разрѣшенія для своихъ членовъ свободнаго входа во всѣ тѣ помѣщенія, гдѣ страдаютъ беззащитныя дѣти. Этотъ входъ могъ бы предупредить многое, ибо карательный законъ приходитъ на мѣсто страданія своею тяжелою и медленною поступью нерѣдко тогда, когда уже *поздно*, и справедливое возмездіе виновнымъ уже не можетъ возвратить ни здоровья, ни жизни, ни душевной чистоты неповинному маленькому страдальцу. Да и кругозоръ уголовнаго закона у насъ очень еще узокъ. Цѣлый рядъ случаевъ, преимущественно изъ той области, которую французы называютъ dépravation des mineurs, не подходитъ подъ его опредѣленія и заставляетъ нетерпѣливо ждать новаго уложенія съ его болѣе жизненными взглядами.

Но убѣдившись въ виновности или основательно заподозрѣвъ ея существованіе—законъ ограждаетъ дѣтей въ дальнѣйшемъ? спросятъ насъ. Увы! приходится отвѣтить отрицательно. Дѣйствія закона замыкаются въ предѣлы 168—170 статей 1 ч. X т., которыя, отрицая право родителей на жизнь дѣтей и на ихъ соучастіе въ своихъ преступленіяхъ, ограничиваютъ заботу мѣстныхъ начальствъ преданіемъ суду виновныхъ за дѣянія, подлежащія уголовной карѣ. Но обширная область такихъ дѣйствій,

которыя не предусмотрѣны уложеніемъ, хотя могутъ быть прямо направлены противъ души и тѣла ребенка, остается не тронутою и огражденною отъ вмѣшательства этихъ мѣстныхъ начальствъ. Дѣти православныхъ родителей, воспитываемые ими по обрядамъ другаго христіанскаго же исповѣданія, согласно ст. 190 уложенія, отбираются отъ нихъ и отдаются православнымъ родственникамъ или правительственнымъ опекунамъ. Такъ зорко и жестоко охраняетъ законъ дѣтей отъ всякаго вліянія инославія... Но если родители впадаютъ въ развратъ, въ безпробудное пьянство, въ тунеядство, если они погрязаютъ въ порокѣ, если каждый день ихъ жизни сѣетъ плевелы порчи и нравственной гнили въ душѣ ребенка, если каждое дыханіе ихъ постыднаго существованія не «славитъ Господа», а отравляетъ умъ и сердце, память и воображеніе дитяти—мѣстнымъ начальствамъ дѣлать нечего, ибо законъ ихъ не только ни къ чему не обязываетъ, но и можетъ послужить имъ опорою для воспрещенія вмѣшательства частной дѣятельности добрыхъ людей.

Мы еще очень далеки отъ положенія, созданнаго англійскимъ Summary jurisdiction Act, по которому простой констебль можетъ арестовать лицо, совершившіе проступокъ противъ жизни, здоровья или *нравственности* дѣтей, отобравъ и помѣстивъ ихъ въ безопасное мѣсто,—или отъ бельгійскаго закона о лишеніи родителей и опекуновъ правъ на воспитаніе дѣтей, если они окажутся *недостойными* пользоваться этими правами. Когда возбуждается дѣло о развращеніи дѣтей или о жестокомъ съ ними обращеніи—они, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ энергическаго и притомъ не основаннаго на законѣ частнаго вмѣшательства, остаются у родителей и вообще у лицъ, имѣющихъ надъ ними власть. И тогда начинается исторія дальнѣйшаго ихъ развращенія путемъ проявленія лицемѣрной доброты, обольщенія обѣщаніями, подговоромъ ко лжи, къ самообвиненіямъ,—съ затаенною ненавистью и, быть можетъ, сладкою надеждою выместить все *потомъ*, когда минетъ бѣда, выместить *по другому*, безгласно и продуманно. Бывали дѣла—и ихъ не мало,—когда дѣти подвергнутыя разнымъ истязаніямъ и голоданію, и оставленныя у родителей или близкихъ имъ лицъ, пройдя подготовительный къ процессу курсъ, заявляли съ дѣловитою развязностью, что ихъ слѣдовало наказывать, ибо они были лжецами, воришками, лѣнтяями и вообще не умѣли цѣнить родительской заботы о себѣ. Обвинители съ близорукимъ вниманіемъ останавливались обыкновенно на рубцахъ и ссадинахъ на *тѣлѣ* дѣтей, забывая сказать о рубцахъ и ссадинахъ на ихъ несчастной *душѣ*, проведен-

ной сквозь школу *дѣйствительной лжи* и нравственнаго растлѣнія... И бывали случаи, когда дѣтей отдавали назадъ для дальнѣйшаго исправленія пороковъ, въ которыхъ они такъ великодушно сознались... Но даже и тогда, когда изъ-за обычныхъ размышленій о трудности отдѣлить педагогическія мѣры родительскаго исправленія отъ крутого обращенія, насиліе и жестокость выдвигаются слишкомъ ярко и взываютъ объ осужденіи,—даже и тогда осужденный, почти никогда не подлежащій лишенію всѣхъ правъ, не теряетъ своей власти надъ своимъ невольнымъ обвинителемъ и такъ или иначе можетъ свести съ нимъ счеты.

На ряду съ непосредственнымъ жестокимъ обращеніемъ есть еще не менѣе пагубная *отдача въ жестокое обращеніе*. Во многихъ случаяхъ такъ можно бы назвать, не боясь особаго преувеличенія, отдачу въ обученіе ремесламъ, при которомъ, къ обычнымъ немыслимымъ санитарнымъ условіямъ, присоединяется и дурное обращеніе, а иногда и развращающіе вліяніе хозяина и его подмастерьевъ. Надо надѣяться, что законъ о регулированіи фабричнаго труда, съ его развѣтленіями въ защиту дѣтей, найдетъ себѣ примѣнительное распространеніе и въ области труда ремесленнаго. Но наиболѣе ужасный видъ обращенія дѣтей въ невольничество—есть отдача ихъ нищимъ и разнаго рода бродячимъ артистамъ. Можно представить себѣ *что́* переживаютъ несчастныя дѣти, отданныя на произволъ такихъ руководителей и учителей, какія мучительства совершаются надъ этими заморышами, которые назойливо и неотступно клянчатъ у прохожихъ, съ тѣмъ чтобы отнести полученное «предпринимателю», сидящему въ ближайшемъ кабакѣ. Что̀ продѣлывается надъ этими гимнастами, «каучуковыми людьми», маленькими клоунами и т. п., какія раны и синебагровыя полосы прикрываетъ ихъ трико тѣлеснаго цвѣта и пояса съ блестками! Къ какимъ слѣдамъ горькихъ и безнадежныхъ слезъ прилипли румяна и бѣлила ихъ отвратительной клоунской маски! Еще недавно въ Акмолинскомъ областномъ судѣ разбиралось дѣло о смерти *пятилѣтняго* мальчика, не вынесшаго слишкомъ сильнаго сгибанія назадъ позвоночнаго столба, что было необходимо для того, чтобы, на глазахъ бездушной публики, схватиться руками за пятки и просунуть голову между ногъ... А развращеніе дѣтей, допускаемое иногда согласно афишѣ, носящей традиціонный провинціальный заголовокъ «съ дозволенія начальства»? Не такъ давно была перепечатана въ разныхъ изданіяхъ корреспонденція «Астраханскаго Листка» о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, вслѣдствіе ихъ малаго заработка, господъ Штанцеля и Кафрапаха, содержавшихъ оркестръ изъ 20-ти ма-

ленькихъ дѣтей, увеселявшихъ пьяную и развратную публику «отдѣльныхъ кабинетовъ» игрою на арфахъ, и о приводящемъ публику въ экстазъ канканѣ, исполняемомъ на подмосткахъ мѣстнаго «Континенталя» четырехъ, пяти и шести-лѣтними дѣтьми(!!).

Читая «L'homme qui rit», хочется думать, что человѣколюбивая фантазія поэта перешла въ изображеніи *компрачикосовъ* и ихъ жертвъ за предѣлы дѣйствительности. Но жизнь лишь подтверждаетъ то, о чемъ вопіютъ образы Гюго.

По свѣдѣніямъ англійской газеты «Lancet», Австро-Венгрія занимаетъ первое мѣсто въ производствѣ уродовъ для прошенія милостыни. Несчастнымъ дѣтямъ дѣлаютъ искусственные переломы и увѣчья, вырываютъ глаза, растравляютъ раны... Недавно въ Прагѣ былъ привлеченъ къ суду человѣкъ, «выдѣлывавшій лилипутовъ» и за каждое обезображенное дитя получавшій по 300 флориновъ.

У насъ тоже часто стали обнаруживаться случаи отдачи дѣтей профессіональнымъ нищимъ. Нерѣдко газеты оглашаютъ ихъ съ ужасающими подробностями. А сколько ихъ не доходитъ ни до чьего свѣдѣнія! Между оглашенными случаями особенно характерна исторія отобранія полиціею города Николаева семилѣтняго мальчика отъ нищенствующей четы дворянъ Коцюбинскихъ, выкручивавшихъ ему, съ профессіональными цѣлями, ноги и пальцы на рукахъ,—исторія, которая окончилась тѣмъ, что мальчикъ, водворенный въ человѣколюбивую семью купца Власенко, былъ, по требованію матери, отдавшей его Коцюбинскимъ, возвращенъ въ ея распоряженіе, несмотря на свое отчаяніе, крики и даже борьбу, несмотря на слезы и мольбы пріютившихъ его добрыхъ людей...

Такова обстановка надругательства надъ дѣтьми, которая создаетъ будущую физическую и нравственную негодность ихъ къ труду и нерѣдко ведетъ къ преступленію. Тюрьма является зачастую неизбѣжнымъ послѣдствіемъ порочно проведеннаго или порочно обставленнаго дѣтства и это потому, что для нравственнаго развитія ребенка среди обстановки, въ которой онъ живетъ или прозябаетъ, его дѣтское «ambiente», употребляя прекрасное итальянское слово, гораздо важнѣе предрасположенности его физической природы, а заразительность порока чрезъ общеніе съ порочными людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ всякая наслѣдственность. Международный Тюремный Конгрессъ 1890 года рѣшительно высказался противъ *типа* непоправимо-порочнаго человѣка. Надо умѣть развить въ подвергшейся дурному воздѣйствію среды душѣ ребенка или отрока безсознательно коренящіяся въ ней чувство

и жажду справедливости, показать ея примѣры на практикѣ — и первый шагъ къ спасенію сдѣланъ! Надо умѣть въ самой испорченой душѣ, гдѣ все-таки всегда остаются здоровые островки, лишь покрытые наноснымъ иломъ и грязью, найти точку опоры для внѣшняго добраго на нее воздѣйствія. Въ этомъ, въ сущности, главное средство исправленія. Но дѣти, беззащитно предоставленныя воздѣйствію среды, гибнутъ или увеличиваютъ число тѣхъ, кого Бисмаркъ, со свойственною ему мѣткостью, назвалъ «die Catilinarischen Existenzen».

Послѣднее явленіе начинаетъ принимать все болѣе и болѣе грозные размѣры. За истекшее десятилѣтіе число приговоренныхъ малолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи возрасло съ 3 до $12^1/_2$ тысячъ, т. е. увеличилось болѣе чѣмъ въ четыре раза,— а сколько еще ускользнуло отъ суда и преслѣдованія! Изъ числа находившихся къ 1 января 1895 г. въ русскихъ исправительныхъ пріютахъ—992 малолѣтнихъ преступниковъ—480 имѣли въ живыхъ обоихъ родителей, 275 одну мать, 88 только отца и 126 были круглыми сиротами. Главное преступленіе, за которое они попали подъ судъ—были кража и вообще похищеніе чужой собственности, но между ними было однако и 15 поджигателей, 8 преступниковъ противъ нравственности и 3 убійцы. Цифры эти не требуютъ комментарій, а иллюстраціей къ нимъ являются фигурирующія на скамьѣ подсудимыхъ нашихъ столицъ шайки малолѣтнихъ воровъ и даже грабителей. Живое изображеніе пути, по которому ребенокъ толкается въ объятія порока и преступленія, представляетъ жизнь молодой дѣвушки, Авдотьи Сергѣевой, убитой въ пьяной свалкѣ, въ одной изъ трущобъ около Сѣнной площади, въ 1890 году. По разсказу ея матери — она, вмѣстѣ съ мужемъ, отдавала дочь, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ *«на прокатъ»* нищимъ,—пяти лѣтъ дѣвочка стала сама ходить за милостыней, въ восемь сдѣлалась привычною воровкою и по суду была отдана «на исправленіе» родителямъ, которые, когда ей минуло 13 лѣтъ, продали ее за 10 рублей «благородному человѣку»—и т. д., покуда пьяная рука, вооруженная ножемъ или пивною бутылкою, не прекратила ея жалкое существованіе, по поводу котораго, едва ли кто-нибудь отважится бросить камень *въ нее*...

Я не стану говорить о предметахъ купли или соблазна со стороны «благороднаго человѣка», о молодыхъ дѣвушкахъ—жертвахъ невѣжества, легкомыслія или роковой обстановки большихъ городовъ. Это слишкомъ обширный и связанный со многими этическими и экономическими сторонами жизни предметъ. Укажу только, что выработка правилъ и устройство учрежденій, подры-

вающихъ то, что̀ принято называть «la traite des blanches», составляли въ послѣдніе годы предметъ оживленныхъ занятій различныхъ научныхъ конгрессовъ по праву, соціологіи и нравственнымъ вопросамъ.

Этимъ несчастнымъ «жертвамъ общественнаго темперамента» нужно помогать не одною чувствительностью моднаго аболиціонизма, а систематическимъ открытіемъ имъ пути къ честному труду. Вѣроятно, что и здѣсь соотвѣтствующее развѣтвленіе дома трудолюбія оказало бы громадную пользу, быть можетъ съ примѣненіемъ, въ началѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, дисциплины рабочаго дома. Не даромъ же программа новаго журнала говоритъ объ учрежденіяхъ, «возстановляющихъ трудоспособность», которая можетъ быть не только физическою, но и моральною.

Таковы разнородныя и обширныя перспективы, которыя слова «помощь и трудъ», написанныя на знамени, могутъ открывать тѣмъ, кто сплотится вокругъ этого знамени съ искреннимъ желаніемъ послужить бѣдному, несчастному и падшему брату своему. Здѣсь откроется и плодотворное поле для дѣятельности женщинъ. Справедливыя слова извѣстнаго Лоренца Штейна «мужчина разрабатываетъ соціальные вопросы въ теоріи,—женщина рѣшаетъ ихъ на практикѣ; мужчина вѣритъ въ свой умъ,—женщина чутко прислушивается къ голосу своего сердца и эта тихая безшумная работа женскаго сердца часто одерживаетъ побѣду тамъ, гдѣ мужской умъ чувствуетъ свое безсиліе«.

Широкія рамки Устава Попечительныхъ Обществъ о домахъ трудолюбія даютъ возможность возложить на эти общества стремленіе къ указаннымъ выше задачамъ. Объединенные однимъ духомъ и направленіемъ, распадаясь на отдѣлы, дающіе работу ищущему,—властно привлекающіе къ ней бѣгущихъ отъ нея,—сберегающіе, зоркимъ и дѣятельнымъ надзоромъ, дѣтскія силы для будущаго труда и трудомъ же врачующіе потерю «нѣжной прелести стыда»,—эти Общества, подъ однимъ общимъ руководствомъ могли бы осуществлять великую и плодотворную миссію... Расширеніе первоначально намѣченной дѣятельности этихъ обществъ уже сдѣлано. «Положеніе объ Ольгинскомъ дѣтскомъ пріютѣ трудолюбія» указываетъ на задачу призрѣнія и пріученія къ труду остающихся въ столицѣ безъ присмотра или пристанища дѣтей обоего пола впредь до передачи ихъ на надежное попеченіе родственниковъ, благотворительныхъ учрежденій или частныхъ лицъ, или же до надлежащаго подготовленія ихъ къ трудовой жизни. Такимъ образомъ уже обращено вниманіе на

несчастныхъ дѣтей и положено начало выполненію святаго завѣта «о малыхъ сихъ».

Широта и разнообразіе возможныхъ задачъ общества обусловливаютъ и характеръ дѣятельности «Трудовой помощи», какъ толкователя, разъяснителя, возбудителя и объединителя всѣхъ вопросовъ трудовой помощи, понимаемой и принимаемой въ широкомъ и жизненномъ смыслѣ. Быть можетъ, viribus unitis, со временемъ удастся достигнуть того, что вокругъ центральныхъ учрежденій, въ неразрывной и органической съ ними связи, кристаллизируются всѣ аналогичныя общества, дѣйствующія нынѣ въ разсыпную и потому малосильныя,— и явится одно сложное въ частяхъ, единое по цѣли и идеѣ, учрежденіе, которое, со спокойною увѣренностью въ успѣхѣ, смѣло взглянетъ въ глааа пороку и нищетѣ, безволію и страданію... Пора однако кончить! Я взялся за перо, лишь чтобы благодарить васъ, сказать что по недосугу лишенъ возможности войти въ гостепріимно раскрываемыя вами двери «Трудовой помощи» съ какимъ нибудь цѣльнымъ и систематическомъ трудомъ и просить извинить мой вынужденный отказъ... Но извиненіе вышло такъ длинно, что вы можете, пожалуй, припомнить слова Гейне: «не пишутъ такъ пространно— рѣшительный отказъ!» Вы будете и на этотъ разъ правы... Позвольте искренно пожелать успѣха «Трудовой помощи» и увѣрить васъ въ моемъ уваженіи.

II.

НОВАЯ КНИГА ПРОФЕССОРА ГИЛЯРОВА.

(1902).

«Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи». А. Н. Гилярова.

Подведеніе историческихъ, техническихъ и литературныхъ, въ широкомъ смыслѣ, итоговъ истекшаго столѣтія должно представлять громадную, хотя и весьма трудную работу. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса многочисленныхъ и разнородныхъ событій, и яв-

леній, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія отдаленныхъ и, по большей части, непредвидѣнныхъ въ свое время послѣдствій, конечно, требуетъ гораздо болѣе вдумчивости и способности къ строгому анализу, чѣмъ логическое развитіе *возможностей*, дающее содержаніе систематическимъ очеркамъ *будущаго*. Вотъ почему существуетъ рядъ интересныхъ и даже блестящихъ очерковъ того, что̀ разовьется и будетъ существовать въ области человѣческой жизни через сто лѣтъ. Такова, напримѣръ, книга Шарля Ришэ «Dans cent ans». Сюда же можно отнести и книгу Уэльса «Предвидѣнія» (Москва, 1902 г.), представляющую до крайности оригинальное начертаніе того пути, по которому совершится, по мнѣнію автора, въ наступившемъ столѣтіи развитіе обширныхъ городовъ и способовъ передвиженія, того измѣненія взглядовъ на войну и на тѣ ея условія, которымъ предстоитъ преобладающая роль, а также той борьбы за существованіе, въ которую вступятъ между собою европейскіе языки. «Республика будущаго»,—рисуемая Уэльсомъ, не безъ вліянія ученій Ницше,—обниметъ собою весь міръ, принимая въ свои граждане всѣхъ, способныхъ приносить пользу, безъ различія племени и религіи;—она внушитъ имъ, что самая жизнь есть привиллегія, связанная съ отвѣтственностью, и что «міръ—не благотворительное учрежденіе», и будетъ, поэтому, во имя счастья здоровыхъ и свободныхъ людей, безпощадна къ жалкимъ, безпомощнымъ и безполезнымъ, которые плодятся «по тупости и невоздержанію».

Съ другой стороны, мы до сихъ поръ имѣемъ весьма поверхностныя, лишь за очень небольшими исключеніями, попытки обрисовать итоги ушедшаго вѣка, ограничивающіяся лишь внѣшнимъ сравненіемъ послѣднихъ годовъ соприкасающихся столѣтій, какъ это сдѣлано, напр., Максомъ Ленцемъ въ его «Jahrhunderts-Ende vor hundert Jahren und jetzt». Быть можетъ, еще не настало время для серьезнаго труда въ этомъ отношеніи, и контрастъ яркихъ и темныхъ красокъ прошлаго вѣка еще лишаетъ наблюдателя возможности уловить общій и господствующій колоритъ картины. Быть можетъ также объективности взгляда мѣшаютъ завѣщанные прошлымъ вѣкомъ настоящему неразрѣшенные вопросы и находящіяся въ состояніи назрѣванія общественныя явленія, разгадка смысла и значенія которыхъ принадлежитъ будущему. Поэтому—для болѣе или менѣе вѣрнаго общаго итога или, вѣрнѣе, инвентаря наслѣдія XIX вѣка—покуда можно лишь подводить отдѣльные, приблизительные итоги, захватывающіе по очереди человѣческую мысль и изобрѣтательность, условія и формы общежитія, техническое достояніе и политическіе идеалы—и при-

томъ въ болѣе тѣсныхъ границахъ времени. Впослѣдствіи, изъ нихъ, какъ изъ кусочковъ мозаики, окажется возможнымъ составить одно цѣлое и, сгладивъ строгимъ анализомъ шероховатости частей, создать одну синтетическую картину.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать трудъ кіевскаго профессора А. Н. Гилярова и не отдать справедливости настойчивой и сложной работѣ, положенной имъ въ основаніе своего очерка міропониманія во Франціи конца XIX вѣка по ея крупнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ. Множество ссылокъ и выписокъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ беллетристическихъ, публицистическихъ, историческихъ и философскихъ произведеній, искусно и безъ натяжекъ связанныхъ руководящею мыслью, указываетъ на размѣры этой работы. Умѣнье заставить самыхъ разнообразныхъ авторовъ служить своими положеніями и разсужденіями для подтвержденія выводовъ составителя книги доказываетъ значительную долю самостоятельности, вложенную въ его трудъ. Стараясь, по собственному выраженію, быть лишь «передатчикомъ и истолкователемъ» созданій французской мысли и «оставаться въ тѣни»,—профессоръ Гиляровъ, начертавъ строго обдуманную схему своего изслѣдованія, переноситъ центръ тяжести именно въ истолкованіе, которому и отдается съ широкой объективностью и спокойствіемъ, чуждымъ страстныхъ полемическихъ или публицистическихъ пріемовъ. Въ немъ, прежде всего, чувствуется вдумчивый созерцатель движенія человѣческой мысли, предъ которымъ ея *скитанія* и нерѣдкая ея безплодность не заслоняютъ глубокаго и подчасъ возвышеннаго смысла ея неустанной работы и вѣчнаго *исканія*. Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на главу VIII-ой книги, посвященную почти всецѣло Ренану и представляющую собою критическій трудъ, могущій быть выдѣленнымъ въ цѣлое самостоятельное сочиненіе; или на главу IX, главное мѣсто въ которой отведено Тэну, или, наконецъ, въ главу XIV, содержащую въ себѣ цѣнный по своему безпристрастію очеркъ символизма и декадентства, одинаково чуждый и огульныхъ осужденій, и слѣпого восторга предъ лишенною нерѣдко всякаго содержанія формой.

Книга профессора Гилярова открывается указаніемъ на тотъ духовный переломъ, который переживала въ концѣ XIX в. (и переживаетъ до сихъ поръ) Франція, когда старые идеалы, построенные на завѣщанной XVIII-мъ вѣкомъ горячей вѣрѣ въ могущество разума и благородство человѣческой природы—продолжаютъ жить лишь въ силу инерціи, но совершенно утратили свое животворящее значеніе. Франція, такъ долго видѣвшая панацею отъ

всѣхъ золъ въ «великихъ принципахъ» 1789 года, глаголетъ ихъ нынѣ устами, почти не ощущая ихъ въ сердцѣ. Она, повидимому, судя по мнѣніямъ, приводимымъ авторомъ, убѣдилась, что приложеніе отвлеченныхъ началъ «свободы и равенства» не только не вызываетъ собою расцвѣта «братства», но что, въ абсолютномъ своемъ видѣ, эти начала сами по себѣ почти неосуществимы, такъ какъ практическая жизнь, мѣняя свои формы какъ Протей, отрицаетъ ихъ въ рядѣ общественныхъ явленій и непреоборимыхъ личныхъ условій. *Внѣшняя* свобода, постановленная «во главу угла» современнаго общественнаго зданія, не обновила и не улучшила *внутренняго* человѣка—и, неудовлетворенный ею, онъ подымается со страстнымъ и мрачнымъ протестомъ противъ всѣхъ устоевъ общественной жизни, въ которыхъ начало XIX вѣка видѣло обезпеченіе общаго блага всѣхъ и личнаго спокойствія каждаго.

Но протестъ тогда лишь не безплоденъ, когда онъ сопровождается яснымъ указаніемъ на опредѣленныя и твердо сознанныя начала, которыми слѣдуетъ замѣнить то, что̀ кажется отжившею неправдою и старою ложью. Этихъ началъ представители французской мысли конца XIX вѣка однако не видятъ ни въ чемъ, уподобляясь врачу, который, вскрывъ и обнаживъ до сокровенной глубины болящую язву,останавливается предъ мыслью о способѣ излеченія въ нерѣшительности и скучающемъ, лѣнивомъ раздумьѣ, не вѣря въ терапію и убѣдившись на опытѣ, что всѣ средства—суть лишь палліативы.

Рядомъ интересныхъ цитатъ рисуетъ авторъ тоску пресыщенія и мученія скуки—этого, по словамъ Бодлэра, «самаго безобразнаго изъ всѣхъ гадовъ, пресмыкающихся въ омерзительномъ звѣринцѣ нашего духа»,—овладѣвшія эгоистически замкнувшимися въ себя грубыми въ душѣ и утонченными въ жизни эпикурейцами, выработанными современною интеллектуальною жизнью. И дѣйствительно, чувство, случайно вызвавшее у Гоголя восклицаніе: «все люди, люди!—хоть бы черти, что-ли, попадались!..»—составляетъ предметъ подробнаго и сочувственнаго анализа у многихъ современныхъ писателей. Ихъ невыразимо «гнететъ тоскою—однозвучный жизни шумъ», но избавленія отъ этой тоски нѣкоторые изъ нихъ ищутъ, не стремясь духомъ кверху, а опускаясь книзу—въ область чисто животной жизни, среди которой не нужно ни мыслить, ни чувствовать, ни вѣрить, ни надѣяться.

«Стряхнуть съ себя,—говоритъ авторъ, передавая ихъ взгляды,—весь ненужный гнетъ европейской культуры, чтобы «жить какъ скотъ», предаваясь нѣгѣ и лѣни, или прозябать какъ растеніе—

вотъ въ чемъ, за неимѣніемъ лучшаго, смыслъ жизни. Это не возвращеніе къ природѣ, о которомъ грезили мечтатели восемнадцатаго вѣка, измученнаго такъ же, какъ девятнадцатый, сомнѣніями,—но мечта о животной жизни. У мечтателей конца восемнадцатаго вѣка человѣкъ не только не превращался въ животное, а наоборотъ, былъ человѣкомъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, какъ носитель высшихъ идеаловъ разума. Призывъ возвратиться къ природѣ былъ тогда подсказанъ сильнымъ чувствомъ, рвавшимся изъ оковъ, въ которыя его заковала созданная культурой условность; современныя грёзы о нѣгѣ и лѣни свидѣтельствуютъ, напротивъ, объ усталости и поэтому слабости чувства, такъ какъ бодрое и сильное чувство мечтаетъ не о лѣни, а о дѣятельности. Изысканность чувства свойственна одинаково концу восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ, но какая громадная разница между зноемъ страсти, палящимъ въ «Новой Элоизѣ» или въ «Полѣ и Виржиніи»—и истомой чувства, напримѣръ, у Мопассана».

Видя въ этомъ направленіи французской мысли результатъ крайняго развитія раціонализма, подавившаго внушенія чувства, какъ неразумныя и безправныя,—и приведшаго къ одновременному господству безнадежнаго скептицизма и безвыходнаго пессимизма, проф. Гиляровъ даетъ краткій, но очень содержательный очеркъ послѣдовательнаго развитія и перерожденія ученія Декарта. Отправляясь отъ указанныхъ двухъ свойствъ умственнаго настроенія современной Франціи, онъ разсматриваетъ въ шести главахъ—по очереди—тѣ области, въ которыхъ мятущаяся мысль могла бы найти себѣ содержаніе и успокоеніе, не будь она отравлена всеразлагающимъ анализомъ. Любовь, искусство, умозрѣніе, общественные и политическіе идеалы, проявленія религіознаго и нравственнаго чувства въ сознаніи выдающихся французскихъ писателей конца XIX в.—проходятъ предъ читателемъ разбитые и опустошенные, въ своего рода погребальномъ шествіи. Оказывается, что любовь принижена,—что работа мысли вноситъ отраву и въ безъ того печальное существованіе человѣчества,—что искусство, и само по себѣ, и какъ средство утѣшенія, тщетно,—что политика и общественные идеалы разбиты или распадаются сами собою—и что, наконецъ, нравственное и религіозное чувство подорваны въ самомъ корнѣ...

Любовь—есть единственная и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ причина всего сущаго. «Трудъ, слава, добро, которое можно сдѣлать,—говоритъ Родъ,—все это миражи, строимые воображеніемъ людей на горизонтѣ ихъ пустыни, такъ какъ они не могутъ распознать единственнаго источника жизни», который есть *любовь*.

Но рядомъ съ этимъ источникомъ существуетъ ужасная, неотвратимая, безжалостная смерть, уничтожающая навсегда индивидуальное существованіе, вызванное къ жизни любовью. Трагизмъ любви усиливается именно тѣмъ, что она безсильна противъ смерти, которая *одна достовѣрна*. Притомъ любовь не только не оправдываетъ того, что̀ говорятъ о ней мечтатели и моралисты, но и какъ наслажденіе—она не имѣетъ никакой цѣны. По характерному мнѣнію Бурже, въ его «Physiologie de l'amour moderne» —современная физическая любовь есть не что̀ иное, какъ «встрѣча двухъ пресыщеній и состязаніе двухъ развращенностей»,—и съ нею скоро случится то же, что̀ дѣлается съ современнымъ «бордо̀», въ которомъ есть все—кромѣ вина. Такъ будетъ съ любовью, въ которой можно будетъ найти все... исключая любви. Поэтому цѣлый рядъ писателей, цитируемыхъ авторомъ, мечтаетъ, подобно Шопенгауэру, но далеко не съ его глубиною и широтою, побѣдить смерть умерщвленіемъ любви, принеся эту послѣднюю жертву человѣчества всепобѣждающей судьбѣ. «Когда,—говоритъ Родъ въ «La course á la mort»,—чувствительность погибнетъ, убитая своимъ избыткомъ; когда потребности жизни размножатся и поработятъ людей тираническими привычками; когда для единенія половъ останется лишь пошлое плотское побужденіе,—почему бы мужчинамъ и женщинамъ, съ общаго согласія, не отказаться отъ этого мгновеннаго удовольствія которое, не удовлетворяя ихъ слишкомъ сложнаго и разборчиваго желанія, повергаетъ въ пучину бытія новое существо? Тогда разумъ восторжествуетъ, наконецъ, надъ закономъ природы, надъ инстинктомъ; его превосходство возсіяетъ въ конечномъ отреченіи, и послѣдній мужчина и послѣдняя женщина угаснутъ въ ихъ дѣвственной старости, умрутъ въ той великой мысли, что сознательная жизнь исчезаетъ вмѣстѣ съ ними, и что для того, чтобы пить лучи солнца или дрожать отъ холода, остались лишь безсознательныя животныя и цвѣты».

При такомъ взглядѣ на «источникъ жизни»—какъ на исключительно физическій процессъ—тускнѣетъ духовная жизнь и слабѣетъ ея главнѣйшее выраженіе—чувство. Вмѣстѣ со способностью чувствовать слабѣетъ и воля, убиваемая мнительностью и нерѣшительностью. Современные французы касаются своимъ утонченнымъ умомъ всего, интересуются всѣмъ и все разлагаютъ своимъ анализомъ, тоскуя въ то же время о томъ, что идеалъ ускользаетъ и скрывается,—не имѣя достаточно *вѣры*, чтобы охранить этотъ идеалъ отъ гибели и вмѣстѣ не имѣя достаточно *воли*, чтобы отказаться навсегда отъ его исканія и ограничиться полусномъ

повседневности. Къ нимъ, повидимому, примѣнимы слова Лермонтова: «и полюбить они не смѣютъ—и вовсе кинуть не умѣютъ»...

Разборомъ взглядовъ выдающихся французскихъ писателей конца вѣка на задачи и пріемы искусства, профессоръ Гиляровъ доказываетъ, что крайній скептицизмъ проникъ и въ самый процессъ творчества, и приводитъ для сравненія слова представителя стараго поколѣнія—Виктора Гюго и представителя новаго—Зола́, которыми они характеризуютъ поэзію и ея служителей. «Поэзія,—по мысли Гюго—вселенскій гимнъ, а душа поэта соборный колоколъ, призываемый Святымъ Духомъ къ благовѣсту, божественный глаголъ котораго отзывается во всѣхъ, внемлющихъ ему...»—«Современная поэзія,—говоритъ Зола́,—ядовитая муха, собирающая заразу со всякой падали и вносящая, кружась, жужжа и блестя золотомъ своихъ крыльевъ, разложеніе всюду—и въ хижины, и въ дворцы». Менѣе строгъ, чѣмъ Зола̀, къ современной поэзіи Родъ («Le sens de la vie»), но и онъ заявляетъ, что поэты, мыслители и художники, которые прежде выражали общій идеалъ, трогали сердца массъ и руководили народами,—теперь играютъ фразами, звуками, риѳмами и красками, презирая толпу и гордясь своимъ уединеніемъ, если только не предпочитаютъ въ качествѣ любопытныхъ разсматривать у людей раны, полученныя во всеобщей борьбѣ, и трогать ихъ только для того, чтобы растравлять еще больше.

И въ области политическихъ идей авторъ отмѣчаетъ почти единодушное недовольство, которое возбуждаетъ въ корифеяхъ французской литературы современная демократія съ ея всеобщею подачею голосовъ, т.-е. «съ глупою тиранніею числа и царствомъ силы въ наиболѣе слѣпой и несправедливой формѣ». Ихъ возмущаетъ то, что вмѣсто равенства, для установленія котораго были принесены такія страшныя жертвы, наступилъ «халифатъ конторъ, деспотизмъ банковъ и тираннія торговли съ продажными и узкими идеями, съ тщеславными и плутовскими инстинктами», настало «огромное, глубокое, неизмѣримо глупое и грубое господство финансиста и выскочки, возсіявшее надъ Франціею, словно отвратительное солнце» (Анатоль Франсъ, Гюисмансъ, Бурже). Не видя, однако, выхода къ лучшему въ широко разливающихся ученіяхъ соціализма, и отвращаясь отъ анархизма, современная французская литература ищетъ спасенія отъ задрудненій, роковымъ образомъ со всѣхъ сторонъ окружающихъ одряхлѣвшее и извѣрившееся во все общество, въ созданіи ряда плановъ обновленія жизни на началахъ новаго «modus vivendi». Въ сжатомъ, но весьма обстоятельномъ и сильномъ очеркѣ разбираетъ профес-

соръ Гиляровъ эти пути обновленія, приходя къ выводу, что ни отреченіе отъ себя, ни сплоченіе всѣхъ для взаимной любви и помощи, вслѣдствіе признанія тщеты всего существующаго, ни трезвое отреченіе отъ всѣхъ преданій и завѣтовъ старины, ни исканіе общественныхъ идеаловъ въ формахъ общежитія, выработанныхъ Новымъ Свѣтомъ, ни, наконецъ, величайшее напряженіе разума, вооруженнаго всѣми силами и открытіями новѣйшей техники,—не приведутъ къ желанной цѣли, если одновременно нельзя измѣнить въ человѣкѣ его природы и обновить его душевныя силы.

Особая глава книги посвящена той «жаждѣ вѣры», которая проявилась въ послѣднее время у многихъ представителей мыслящей Франціи, вслѣдствіе того, что религіозное чувство продолжаетъ жить въ душѣ человѣка даже и тогда, когда самая религія уже утрачена. Авторъ подробно развиваетъ ту же мысль, которую нѣкогда, съ свойственной ему красотою слова, высказалъ Герценъ, написавъ въ «Быломъ и Думахъ»: — «сердце все еще плачетъ и прощается, когда умъ уже давно приговорилъ и казнитъ». Въ вопросѣ о религіи французское сознаніе въ послѣдніе два вѣка совершило полный кругъ: начавъ съ отрицанія религіозныхъ идеаловъ, какъ излишнихъ для жизни, оно теперь ихъ ищетъ, съ цѣлью встрѣтить въ нихъ для жизни опору. Это исканіе звучитъ даже въ стихахъ одного изъ виднѣйшихъ представителей безнадежности и разочарованія, — звучитъ въ замѣчательномъ произведеніи Бодлэра: «Благословеніе». Искусственно созданныя традиціи и непремѣнное желаніе «новаго» заставляютъ, однако, это сознаніе обходить, въ своемъ исканіи, христіанство, очищенное отъ наслоеній, созданныхъ римской церковью. Отсюда—проповѣдь браманизма и буддизма. Эти религіи, впрочемъ, ближе всего подходятъ къ современному настроенію со своими ученіями о призрачности всего сущаго и со своимъ пессимизмомъ. Посвятивъ много — быть можетъ, даже незаслуженно много—страницъ полу-научнымъ фантазіямъ Фламмаріона, стремящагося найти удовлетвореніе религіозному чувству вообще,—авторъ даетъ интересный очеркъ даровитыхъ произведеній Леконта-де-Лиля, бывшаго «краснорѣчивымъ глашатаемъ» браманизма и буддизма, и знакомитъ съ политическими взглядами Жана Лагора (псевдонимъ), въ которыхъ проводятся идеи, проникающія эти двѣ религіи и приводящія къ успокоенію, давшему извѣстному критику Леметру основаніе сравнить сочиненія Лагора съ «Подражаніемъ Христу».

Послѣднія главы книги содержатъ очеркъ воззрѣній оккультистовъ, мистиковъ и символистовъ, приведенныхъ въ систему и

разграниченныхъ умѣлою и знающею рукою, что представляется далеко не легкимъ при неопредѣленности границъ этихъ воззрѣній и ихъ частомъ взаимномъ переплетеніи. Въ этихъ главахъ особенно выдѣляется все, посвященное Метерлинку, съ его стремленіемъ отдѣлить *разумъ* отъ *мудрости,* съ его приклоненіемъ предъ *безсознательнымъ,* съ его теоріей о томъ, что человѣческое несчастіе состоитъ въ жизни «вдалекѣ отъ своей души» и въ опасеніи ея малѣйшихъ движеній, т. е. «въ жизни въ сторонѣ отъ истинной жизни», — съ его мнѣніемъ о томъ, что смыслъ жизни открывается въ *молчаніи,* а не въ суетѣ существованія,—съ его возвышеннымъ взглядомъ на поэзію, цѣль которой «держать открытыми великіе пути, ведущіе отъ зримаго къ незримому»...

Книга заключается сводомъ причинъ, приведшихъ французское общество къ современному кризису мыслей и столкновенію требованій разума съ голосомъ чувства. «Средневѣковой культурный идеалъ,—говоритъ проф. Гиляровъ,—былъ весь проникнутъ чувствомъ, и всякій разъ, когда поднималъ голосъ раціонализмъ, отвѣтомъ ему былъ мистицизмъ. Во французскомъ просвѣтительномъ движеніи раціонализмъ взялъ надъ чувствомъ рѣшительный перевѣсъ; теперь послѣднее, послѣ долгаго порабощенія, снова собралось съ силами и вытѣсняетъ раціонализмъ». Рядомъ съ этимъ наступили послѣдствія чрезмѣрнаго гнета, налагаемаго европейской культурой на современнаго человѣка. Видя въ человѣкѣ существо по преимуществу разумное, эта культура, по мнѣнію автора «ставитъ идеаломъ возможное освобожденіе человѣка для чисто духовной дѣятельности и, поскольку субъектъ противоположенъ объекту, духъ—природѣ, обособленіе человѣка отъ природы, подчиненіе всей жизни созданнымъ нашимъ разумомъ формамъ».—Къ этому присоединяется выработанное успѣхами культуры людское самомнѣніе. «Считая себя исключительными носителями разума, противополагая себѣ остальную природу, какъ неразумную,—говоритъ профессоръ Гиляровъ,—мы воображаемъ себя царями міра и этимъ отдаемся во власть одному изъ самыхъ жалкихъ предразсудковъ, опровергаемыхъ ежедневнымъ наблюденіемъ окружающихъ насъ явленій».

Въ чемъ же выходъ изъ болѣзненнаго настроенія, порожденнаго этими причинами? Въ жизни, сообразной съ природой,—отвѣчаетъ авторъ. «Нужно,—говоритъ онъ, — не кичиться нашимъ мнимымъ царственнымъ положеніемъ во вселенной, не обольщать себя призракомъ безпредѣльности нашихъ способностей, не обособлять себя отъ природы, но понять наше мѣсто въ общемъ строѣ мірозданія, признать удостовѣренный опытомъ узкій предѣлъ

нашихъ познавательныхъ силъ, сообразовать нашу жизнь съ природой. Таковъ завѣтъ всей истекшей нашей исторіи. Онъ не даетъ опоры ни для угнетеннаго настроенія, ни для ослабленія рвенія въ доступной намъ дѣятельности, ни для приниженія нашей жизни до скотской. Для мысли ясной и смѣлой нѣтъ высшей отрады, какъ бросить предразсудки и посмотрѣть въ лицо дѣйствительности прямо и трезво. Если ничтожно наше мѣсто въ безконечномъ, то мы можемъ достигнуть крупнаго въ конечномъ. Не дано намъ никакихъ знаній о сверхопытномъ, зато открыто для насъ широкое поле въ опытныхъ знаніяхъ, которое только еще начинаетъ воздѣлываться и уже приноситъ обильную жатву. Поэтому у насъ нѣтъ основаній оплакивать жизнь какъ поприще безъисходнаго мрака и сѣтовать на полное отсутствіе руководительныхъ образцовъ. Жизнь можетъ быть цѣнной лишь когда здорова, а такой она можетъ быть лишь когда естественна, т. е. сообразна съ природой. Черты такой жизни можно считать въ общемъ и главномъ достаточно выясненными. Жить согласно съ природой значитъ искать руководства не въ отвлеченныхъ построеніяхъ мысли и не въ предразсудкахъ, порождаемыхъ невѣжествомъ, но въ тѣхъ взглядахъ, которые вырабатываются тѣснымъ любвеобильнымъ и любознательнымъ общеніемъ съ природой; развертывать, насколько возможно, всю полноту своего существа, давая свободу всѣмъ своимъ способностямъ и склонностямъ, не служащимъ въ ущербъ ни себѣ, ни другимъ; стремиться къ возможной простотѣ, отвергая всѣ несовмѣстимыя съ ней и не лежащія въ основѣ общежитія условности и формальности; идти къ достиженію намѣченныхъ цѣлей твердо, правдиво и искренно; быть постоянно дѣятельнымъ, избѣгая всякой праздности»...

Призывомъ къ пантеистическому альтруизму и къ культу искренняго чувства заканчиваетъ свою книгу профессоръ Гиляровъ:

«Стряхни съ себя все ненужное бремя, ветхій человѣкъ,— восклицаетъ онъ.— Найди въ себѣ силу выйти изъ моря лжи и условностей для вольной и естественной жизни. Не разумомъ только, но и любовью постигни живую связь и единство всего сущаго; подобно великому христіанскому святому (Франциску Ассизскому), съумѣй и въ солнцѣ, и въ землѣ, и въ лунѣ, и въ звѣздахъ, и въ вѣтрѣ, и въ водѣ, и въ огнѣ признать своихъ кровныхъ, въ каждомъ звѣрѣ—брата, въ каждой птицѣ—сестру, въ жизни каждой былинки—жизнь твоей однородную,—и радушно засіяетъ тебѣ солнце, привѣтливо защебечутъ птицы, любовно будутъ благоухать цвѣты. Не презирай чувства. Твердо помни, что

въ сердцѣ лежатъ корни религіознаго, нравственнаго и поэтическаго міропониманія, что на его тревожномъ станкѣ сплетается тотъ уборъ, безъ котораго неприглядной становится жизнь»...

Обширный трудъ, предпринятый авторомъ книги «Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи»—уже въ виду своей сложности не можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, или, точнѣе говоря, недочетовъ, нисколько не умаляющихъ его общей цѣнности. Такъ, въ немъ бросается въ глаза несоразмѣрность частей. Помѣщая въ свое изслѣдованіе цѣлые трактаты, могущіе имѣть совершенно самостоятельное значеніе, авторъ, въ то же время, удѣляетъ начертанію и критикѣ нѣкоторыхъ общественныхъ явленій первостепенной важности лишь нѣсколько словъ. То же допускаетъ онъ иногда и относительно глубокихъ философскихъ ученій, которыхъ правильнѣе вовсе не касаться, чѣмъ касаться мимоходомъ. Такъ, напр., изложенію и критикѣ идеаловъ «соціалистической грезы», пріобрѣтающей, однако, съ каждымъ днемъ весьма осязательную реальность, посвящено не много болѣе двухъ страницъ; такъ, объ «Этикѣ» Спинозы, которую самъ авторъ называетъ «великолѣпнымъ и глубокомысленнымъ философскимъ твореніемъ», говорится съ краткостью, достойною лучшей цѣли, что «при всемъ его аппаратѣ аксіомъ, опредѣленій, положеній, доказательствъ, леммъ, схолій и проч. и при всей раздѣльности его содержанія, все-таки яснѣе всего то, что въ немъ весьма немногое ясно».

Затѣмъ авторъ, возражая противъ мысли, что литература портитъ общественные нравы и затемняетъ идеалы, и указывая, что наоборотъ, общество, своими приниженными и измельченными потребностями и запросами, создаетъ больную и гнилую литературу — вовсе не развиваетъ эту мысль съ желательною подробностью и не указываетъ на вліяніе, въ этомъ отношеніи, общественныхъ факторовъ, которые, безъ сомнѣнія, имѣютъ не меньшее значеніе для «скитанія» мысли, чѣмъ перерожденіе и вырожденіе раціонализма, какъ теоретическаго ученія.

Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что профессоръ Гиляровъ, въ трудѣ котораго довольно часто попадаются литературныя оцѣнки того или другого произведенія цитируемыхъ имъ авторовъ, не пошелъ дальше и не коснулся измѣненія самыхъ пріемовъ творчества, характеризующаго конецъ XIX вѣка во Франціи. Тотъ *эготизмъ*, который пропиталъ французское міропониманіе послѣднихъ лѣтъ и который далъ выразиться въ утонченной формѣ всей «душевной пустынѣ» беллетриста и поэта этихъ годовъ — выразился и въ пріемахъ творчества, сливъ ихъ съ содержаніемъ въ одно цѣ-

лое. Старые мастера завѣщали указанія на необходимыя качества писателя, состоящія, между прочимъ, въ способности *создавать, а не срисовывать* образцы,—въ способности придавать изображаемому житейскую правдивость (crédiblitè),—въ сознаніи важности и внутренняго смысла описываемаго,—въ умѣніи автора скрывать свою личность, т. е., по совѣту Бальзака, творить все, быть вездѣ и не быть нигдѣ видимымъ, какъ Богъ, и т. п. Подъ вліяніемъ неправильно понятыхъ взглядовъ Тэна на *личный* характеръ искусства, которое должно быть откровеніемъ личной души предъ сложной душою общества, во многихъ современныхъ французскихъ литературныхъ произведеніяхъ авторъ почти постоянно выступаетъ на первый планъ со своими антипатіями, вкусами, наклонностями и даже пороками, обѣляемыми устами героевъ. Глубина изслѣдованія даже у такихъ большихъ авторовъ, какъ Зола, замѣняется его продолжительностью, и persistance d'analyse все болѣе и болѣе замѣняетъ puissance d'analyse. Развитіе характера дѣйствующихъ лицъ находится въ пренебреженіи, и вмѣсто созданія образовъ снимаются чуть-чуть ретушированныя фотографіи или рисуются, при благосклонномъ соучастіи клеветы,—каррикатуры, а нелѣпые вымыслы и чувственныя фантазіи не находятъ нужнымъ считаться съ искажаемою ими дѣйствительностью. Художникъ нерѣдко знакомитъ читателя не съ тѣмъ, что̀ важно для послѣдняго, а съ тѣмъ, что̀ имѣетъ исключительный, иногда совершенно болѣзненный интересъ только для самого автора;—вполнѣ естественное въ искусствѣ описаніе *страстей* замѣняется изображеніемъ *пороковъ*;—подъ знаменемъ искусства все чаще и чаще начинаютъ сводиться личные счеты, и т. д., и т. д. Обширная начитанность профессора Гилярова могла бы дать ему возможность представить поучительные образцы въ этомъ отношеніи, нисколько не отклонивъ его отъ главнаго пути въ его трудѣ. Быть можетъ, даже и прекрасная характеристика историко-политическихъ взглядовъ самого Тэна выиграла бы въ полнотѣ, если бы авторъ далъ краткій анализъ пріемовъ его творчества, столь характерно выраженныхъ въ его «Origines de la France contemporaine», гдѣ съ каждымъ томомъ спокойное изложеніе изслѣдователя-патолога замѣняется все возрастающимъ гнѣвомъ запоздавшаго терапевта на своего больного... Взгляды выдающихся писателей, каковы Ренанъ и Тэнъ, въ значительной степени могли бы быть освѣщены и еще болѣе уяснены, еслибы воспользоваться ихъ характерными отзывами о задачахъ искусства и о различныхъ общественныхъ теченіяхъ, разбросанными во множествѣ въ журналахъ братьевъ Гонкуровъ. Въ замѣткахъ Гонкуровъ, записанныхъ, такъ сказать, по

горячимъ слѣдамъ, Ренанъ и, въ особенности, Тэнъ встаютъ какъ живые, разсыпая, въ дружеской бесѣдѣ, искры своего міровоззрѣнія.

Тѣмъ не менѣе, нужно признать серьезное значеніе за книгою профессора Гилярова. Просвѣтительное вліяніе французской литературы, по многимъ причинамъ, лежащимъ въ ней и внѣ ея, всегда сильно сказывалось на умственномъ и художественномъ развитіи русскаго общества. Поэтому трудъ, посвященный изображенію и анализу идеаловъ и чаяній современной французской мысли, имѣетъ для насъ серьезное значеніе. Онъ былъ бы полезенъ даже какъ простой сводъ взглядовъ, изложенныхъ систематически. И тогда онъ обогащалъ бы наше знаніе. Но онъ—не простой сводъ... Критическій элементъ, широко внесенный въ него, ставитъ его гораздо выше, выдвигая на первый планъ вопросы высшаго порядка. Анализъ произведеній, сдѣланный авторомъ, строго придерживающимся научнаго метода, и рядъ его *положеній* (напр., въ главѣ о Ренанѣ) облегчаютъ и вмѣстѣ направляютъ вызванную имъ къ работѣ мысль читателя. Спокойствіе этого анализа тѣсно связано съ его безпристрастіемъ, а вниманіе не разъ отдыхаетъ на поэтическихъ сравненіяхъ и ѳбразахъ. «Восхитительна поэзія молодой весны,—говоритъ профессоръ Гиляровъ, кончая XII главу, — съ ея благоуханіемъ, свѣжей зеленью, пѣснью соловьевъ; очаровательна поэзія лѣта съ его зрѣлостью, съ желтѣющими нивами, наливными плодами, сосредоточеннымъ молчаніемъ лѣсовъ; но есть своеобразная прелесть и въ осени, съ ея сѣрыми днями, съ наполовину обнаженными, наполовину одѣтыми въ равноцвѣтный нарядъ деревьями, съ ея вихрями, крутящими и бьющими желтые листья, съ ея блѣднымъ и трепетнымъ солнечнымъ лучомъ, скользящимъ по умирающему лѣсу, какъ «умирающей красавицы улыбка». Поэзія конца девятнадцатаго вѣка—поэзія осени; безобразная въ рукахъ бездарности, въ рукахъ генія она неотразимо привлекательна».

Наконецъ, эта книга—не одно тяжелое по выводамъ подтвержденіе упадка идеаловъ и усталости души «великаго народа». Въ скитаніи мысли послѣдняго авторъ справедливо видитъ лишь мучительную работу по выясненію будущаго идеала, который онъ и рисуетъ въ примирительныхъ и успокоительныхъ послѣднихъ аккордахъ своего труда.

III.

СПИНОЗА ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Этика Бенедикта Спинозы. Переводъ съ латинскаго подъ редакціею профессора В. И. Модестова. Спб. 1886 г.

Лѣтъ двѣсти слишкомъ тому назадъ, 21 февраля 1677 года, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города Гааги, въ семействѣ живописца ванъ-деръ-Спика случилось большое горе: придя съ женою отъ вечерни, скромный художникъ нашелъ мертвымъ своего давнишняго постояльца, человѣка тихаго и безобиднаго, болѣвшаго довольно давно, но еще въ этотъ день благодушно бесѣдовавшаго съ хозяевами по поводу проповѣди, слышанной ими утромъ. Постоялецъ этотъ — человѣкъ еще не старый, съ задумчивымъ лицомъ и внимательнымъ взоромъ — совсѣмъ сроднился съ хозяевами, которые любили слушать его спокойныя и успокоительныя разсужденія о жизни. Но отъ тогдашней тревожной и бурной жизни онъ держался далеко. Да въ ней онъ никакой роли играть и не могъ, добывая скудныя средства шлифованьемъ оптическихъ стеколъ и сидя по цѣлымъ часамъ надъ рукописями, отъ которыхъ отвлекался лишь чтобы покурить трубку или устроить борьбу пауковъ, вызывавшую въ немъ дѣтски-задушевный смѣхъ. Незамѣтно, казалось, жилъ онъ, — безъ шума сошелъ онъ и въ могилу. Ей, конечно, скоро предстояло быть забытою, и самая память о постояльцѣ ванъ-деръ-Спиковъ должна была исчезнуть вмѣстѣ съ ними...

Но тихая могила не была забыта... Вскорѣ надъ нею загудѣла непогода ненависти и проклятій, потому что въ ней оказались кости зловреднаго атеиста, на лицѣ котораго и при жизни лежалъ signum reprobationis, замѣченный благочестивыми людьми. Безобидный, повидимому, человѣкъ сѣялъ пагубное сѣмя! Онъ осмѣлился, принадлежа къ «избранному народу», трактовать не о мстительномъ и грозномъ библейскомъ Богѣ, а о вѣчной мудрости, которая избрала себѣ сосудомъ душу человѣка и проявилась съ небывалой силой и глубиной въ томъ, кого христіане именуютъ Сыномъ Божіимъ. Но въ то же время онъ не сдѣлался сопри-

частнымъ господствующей церкви. Онъ осмѣлился утверждать, что вѣрѣ его отцовъ чуждо понятіе о будущей жизни, что эта вѣра обѣщаетъ *земную* награду пребывшимъ вѣрными до конца — и всей своею жизнью, отвергая выгодныя и почетныя предложенія университетовъ и государей, доказалъ, что въ вѣчной жизни разума, а не въ бренномъ существованіи тѣла — цѣль и удовлетвореніе мыслящаго существа. Въ эпоху сильныхъ страстей, рѣзкихъ и неумолимыхъ враждованій, — когда въ области мысли авторитетъ требовалъ безусловной покорности, а въ обыденной жизни господствовало начало: «кто не за насъ, тотъ противъ насъ» — онъ съ гордымъ спокойствіемъ, не подчиняясь никакому предвзятому авторитету,—съ одинаковою критикою относился и къ Аристотелю, и къ синагогѣ, и къ церкви — и доказывалъ, что прежде, чѣмъ клеймить влеченія человѣческой природы, называя ихъ пороками, необходимо ихъ безпристрастно изслѣдовать, безъ гнѣва и злобы, какъ изслѣдуютъ проявленія стихій, не сердясь на нихъ, даже когда приходится отъ нихъ страдать. Одинаково отвергнутый и единовѣрцами, и иновѣрцами, испытавшій на себѣ грозную и мрачную «anathema maranata» разъяренной синагоги и едва не павшій, послѣ отказа продать свое молчаніе, подъ ударами тайныхъ убійцъ, молчаливый постоялецъ ванъ-деръ-Спиковъ не былъ пощаженъ загробною клеветою даже въ своей частной жизни, чистой, какъ всѣ стекла, которыя онъ шлифовалъ. И долгіе годы имя его произносилось съ злобнымъ чувствомъ и подвергалось поруганію.

Но «il tempo è galant'uomo»,—говорятъ итальянцы. Прошло сто лѣтъ, и исторія вступила въ свои права. Для *Спинозы* она оправдала изреченіе Цицерона и оказалась не только «vita memoriae», но и «lux veritatis». А чрезъ сто лѣтъ еще—надъ могилою «атеиста» воздвигся памятникъ, и въ присутствіи избранной публики одинъ изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ мыслителей нашего времени — Ренанъ, резюмируя жизнь и значеніе того, кто упокоился въ этой могилѣ, сказалъ: «Est Deus in nobis! Есть Богъ, господа, — Онъ живетъ въ насъ! и пока не настанетъ день черстваго эгоизма, сердечной пошлости, презрѣнія къ разуму, наукѣ и правамъ человѣка, — пока забвеніе всего великаго и благороднаго не наполнитъ міръ—Богъ не оставитъ человѣчества! Горе тому, кто отнесется съ незаслуженнымъ упрекомъ къ задумчивому и доброму образу того, кто изображенъ на этомъ памятникѣ! Съ высоты своего гранитнаго пьедестала указываетъ онъ путь истиннаго счастія, имъ найденный, и въ теченіе вѣковъ развитые люди, проходя мимо, будутъ признавать,

что Богъ ему былъ, быть можетъ, ближе всего доступенъ и понятенъ»...

Кому изъ образованныхъ людей не знакомо и у насъ имя Спинозы, и кто не знаетъ, что онъ былъ однимъ изъ чистѣйшихъ свѣтильниковъ на благородномъ пути человѣческаго разума къ отысканію истины. Куно-Фишеръ и Льюсъ давно познакомили своихъ читателей, въ общихъ чертахъ, съ ученіемъ Спинозы и мѣстомъ, которое оно занимаетъ по отношенію къ развитію сопредѣльной съ нимъ картезіанской (Декарта) философіи. Лекціи Чичерина и Рѣдкина выяснили русскимъ слушателямъ взгляды Спинозы на начала государственнаго устройства, которыя онъ изучалъ «съ такою же свободою души, какъ математику». Наконецъ, нѣкоторыя части ученія Спинозы изложены, по первоисточнику, въ разборѣ, которому харьковскій профессоръ Владиміровъ подвергъ, въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», за 1878 г., диссертацію К. Яроша: «Спиноза и его ученіе о правѣ».

Но едва ли, однако, даже и немногіе знакомы съ оригинальными сочиненіями великаго мыслителя, со стройною, математическою системою его изложенія. Есть философы, съ которыми читающій людъ знакомится одновременно и по произведеніямъ, и по біографическимъ даннымъ, имѣя возможность провѣрить по подлинному труду автора степень основательности удивленія и уваженія, внушаемаго этимъ трудомъ. Таковъ, напр., Шопенгауэръ. Слава о немъ пришла къ намъ почти одновременно съ его сочиненіями. Иначе было со Спинозою,—и, если можно такъ выразиться, его значеніе и глубина его твореній приняты большинствомъ образованныхъ русскихъ людей, такъ сказать, *въ кредитъ,* безъ провѣрки и даже безъ личнаго ознакомленія. А между тѣмъ никогда и никакое изложеніе своеобразнаго ученія не можетъ замѣнить собою подлинника, ибо для изученія мыслителя важно знать не только *что́* онъ говоритъ, но и *какъ* онъ это говоритъ.

Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія на русскомъ языкѣ «Этики» Спинозы въ переводѣ съ латинскаго подлинника, предпринятомъ подъ редакціею профессора Модестова. Этотъ переводъ — безукоризненный и доведенный до крайней степени совершенства въ смыслѣ удобопонятности — представляетъ собою цѣнное пріобрѣтеніе для нашего образованнаго міра. Теперь мы имѣемъ *настоящаго,* подлиннаго Спинозу — и притомъ въ его лучшемъ, нетронутомъ опытомъ лѣтъ и политическихъ переворотовъ, трудѣ. *Этика,* изложенная геометрическимъ методомъ и раздѣленная на пять частей, въ коихъ разсуждается о Богѣ, о

природѣ и началѣ души, о началѣ и природѣ аффектовъ, о рабствѣ человѣческомъ, или о силѣ аффектовъ, и о власти разума, или о человѣческой свободѣ — таково подробное заглавіе труда Спинозы. Изъ этого заглавія видно и содержаніе труда, который требуетъ для знакомства съ собою спокойнаго и вдумчиваго чтенія. Геометрическій способъ изложенія придаетъ всей «Этикѣ» Спинозы необыкновенную стройность и строгость,—но этотъ же методъ можетъ и затруднить, на первыхъ порахъ, непривычнаго читателя, особенно если онъ захочетъ читать эту книгу между дѣломъ, урывками, отыскивая въ ней матеріалъ, который не требуетъ никакихъ напряженій ума и особаго вниманія. Каждый отдѣлъ книги начинается съ опредѣленій и аксіомъ. Затѣмъ идетъ рядъ *положеній* (теоремъ) и *доказательствъ,* сопровождаемыхъ *схоліями* (объясненіями) и *королларіями,* которые сведены, съ математическою точностью, къ первоначальнымъ опредѣленіямъ и аксіомамъ. Здѣсь не мѣсто намѣчать хотя бы самыми слабыми штрихами содержаніе трактата Спинозы. Это требовало бы особаго—и въ виду того, что подлинный Спиноза теперь на лицо—довольно безплоднаго труда. Но нельзя не порадоваться возможности для русскаго читателя въ подробности ознакомиться съ высокимъ ученіемъ, прежде всего рекомендующимъ развитіе разума, въ совершенствованіи котораго состоитъ «высшее счастье или блаженство человѣка, такъ какъ блаженство есть не что иное, какъ довольство души, проистекающее изъ интуитивнаго познанія Бога, а это познаніе состоитъ въ пониманіи всѣхъ его аттрибутовъ и всѣхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ необходимости его природы». Вооруженный познаніемъ Бога, которое есть въ то же время познаніе природы, человѣкъ не долженъ смотрѣть на себя какъ на нѣчто независимое отъ законовъ этой природы, какъ на «государство въ государствѣ». «Напрасно думаютъ,—говоритъ Спиноза, разбирая происхожденіе аффектовъ,—что человѣкъ скорѣе возмущаетъ порядокъ природы, чѣмъ слѣдуетъ ему, что онъ имѣетъ въ своихъ дѣйствіяхъ неограниченную свободу и опредѣляется только самъ собою и ничѣмъ инымъ. Напрасно причину человѣческаго безсилія и непостоянства приписывать не общему свойству природы, а какому-то поврежденію спеціальной человѣческой природы, которую за это оплакиваютъ, осмѣиваютъ, презираютъ»... Обращаясь къ людямъ, умѣющимъ возмущаться и негодовать, но не понимать и объяснять, Спиноза, начиная свое великолѣпное, вѣющее успокоительною мудростью, ученіе о страстяхъ, собирается удивить этихъ людей тѣмъ, что будетъ трактовать о порокахъ и безразсудствахъ людей геометрическимъ спо-

собомъ, разсматривая человѣческія стремленія и дѣйствія такъ, какъ еслибы дѣло шло о линіяхъ, плоскостяхъ или о тѣлахъ. «Въ природѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего, что можно бы приписать ея несовершенству: она всегда и вездѣ одна и та же, и ея сила и способность дѣйствія вездѣ одинаковы. Поэтому существуетъ только одинъ способъ понять природу всякихъ вещей,—именно, посредствомъ общихъ законовъ и правилъ природы. Такимъ образомъ, аффекты ненависти, гнѣва, зависти и пр., разсматриваемые сами въ себѣ, вытекаютъ изъ такой же необходимости и силы природы, какъ и всѣ остальныя вещи. Они указываютъ на причины, при помощи которыхъ могутъ быть понятны, и имѣютъ извѣстныя свойства, столь же достойныя нашего познанія, какъ и свойства всякой другой вещи». Изученіе этихъ свойствъ и причинъ послѣдовательно приводитъ Спинозу къ выводу, что человѣкъ подчиняется дурному, т.-е. *вредному*—только при отсутствіи духовной свободы, состоящей въ имѣніи обо всемъ адъэкватныхъ или полныхъ идей. Чѣмъ полнѣе, шире, глубже познаніе человѣкомъ окружающей его природы, тѣмъ болѣе онъ свободенъ отъ страстей, которыя подчиняются ясно-сознающему уму и затихаютъ въ могучихъ рукахъ знанія. Вотъ почему, гдѣ идетъ дѣло о *силѣ аффектовъ,* мы имѣемъ дѣло съ *человѣческимъ рабствомъ*—и, наоборотъ, *человѣческая свобода* идетъ рука объ руку съ *властью разума.* Отдавшись этой власти,—понявъ, что онъ составляетъ частицу единаго высшаго цѣлаго, сознавъ внутреннюю связь своей души со всѣмъ существующимъ въ мірѣ и съ самымъ міромъ, человѣкъ торжествуетъ надъ страстями и, ставъ свободнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, начинаетъ чувствовать любовь ко всему и къ причинѣ и существу этого всего, т.-е. къ Богу. Эта любовь разумная—amor Dei intellectualis, и составляетъ высшую и чистѣйшую душевную радость для мыслящаго существа. Съ нею, съ этимъ чувствомъ verum bonum et communicabile—ему легко отрѣшиться отъ трехъ обычныхъ житейскихъ стремленій: къ богатству, къ чести и къ наслажденію, понять ихъ тщету и взглянуть благодушно на причиненное ему лично кѣмъ-либо зло, какъ умѣлъ глядѣть на него и въ жизни, и въ трудахъ своихъ самъ Спиноза. Слѣдуя его ученію, человѣкъ не долженъ забывать, что онъ есть лишь одинъ изъ «модусовъ» безконечно великой субстанціи божества. «Модусъ» измѣнчивъ, преходящъ,—субстанція вѣчна и неизмѣнна, какъ неизмѣнна по своему существу вода, одинъ изъ «модусовъ» которой составляетъ волна. Человѣкъ, какъ «модусъ», можетъ исчезнуть, но субстанція, его проникавшая, вѣчна и неизмѣнна, и, какъ «модусъ» этой субстанціи, онъ безсмертенъ. На-

туралистическій пантеизмъ сказалъ въ ученіи Спинозы свое вполнѣ законченное слово — и сказалъ съ такою точностью и глубиною, что дальше идти въ этомъ направленіи было нечего. Вотъ почему Спиноза, затмившій въ этой области всѣхъ предшественниковъ своихъ, стоитъ съ тѣхъ поръ въ одинокомъ величіи. Его ученіе было окончательнымъ шагомъ впередъ и къ цѣли по тому пути, на который вступили въ древности элеаты, а въ началѣ новаго времени Джіордано Бруно, сожженный въ Римѣ, за 33 года до рожденія Спинозы, между прочимъ, за тотъ взглядъ на божество, который, только въ болѣе категорической и выработанной формѣ, проводилъ послѣдній. Вліяніе Спинозы на многіе лучшіе умы было громадно. Лессингъ, Шлейермахеръ и Шеллингъ находились подъ его обаяніемъ, и цѣлый періодъ жизни Гёте отмѣченъ несомнѣннымъ вліяніемъ на его геніальную натуру образа и философіи великаго мыслителя. Чтеніе злобнаго и пошлаго памфлета на Спинозу побудило Гёте прочесть его сочиненія и познакомиться съ его жизнью. Уравновѣшенное и невозмутимое спокойствіе Спинозы представило поразительный контрастъ съ неугомонными, порывистыми его стремленіями,—математическій методъ изложенія былъ въ такомъ противорѣчіи съ его поэтическими пріемами, что Гете, пораженный Спинозою, философію котораго находилъ столь же чистою, какъ и его жизнь, съ энтузіазмомъ принялся за изученіе «Tractatus teologo-politicus» и «Этики». Поэтъ и мыслитель, несмотря на разность темпераментовъ и отношеній къ жизни, сошлись на оцѣнкѣ задачъ человѣка и на представленіи о божествѣ. Въ письмахъ Гете къ Францу Якоби встрѣчаются мѣста, составляющія перифразы изъ «Этики», и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ то тутъ, то тамъ сказывается вліяніе взглядовъ Спинозы. Не говоря уже о «Фаустѣ», который не безъ основанія считается нѣкоторыми изслѣдователями поэтическимъ и образнымъ воспроизведеніемъ спинозизма (вышедшее въ 1886 году интересное и оригинальное изслѣдованіе Рувье о «Фаустѣ» Гёте, подъ названіемъ «Sphynx locuta est», снова указываетъ на отголоски спинозизма въ великой трагедіи), есть и отдѣльныя стихотворенія, проникнутыя тѣмъ же направленіемъ, напр. «Gott und Welt» или «Eins und Alles»:

«Im grenzenlosen sich zu finden
Wird gern der Einzelne verschwinden.
Da löst sich aller Ueberdruss;
Statt heiszen Wünschen, wildem Wollen
Statt läst'gem Fordern, strengem Sollen
Sich aufzugeben ist Genuss».

Замѣчательно, что за нѣсколько лѣтъ до рожденія Спинозы, скончался одинъ изъ величайшихъ поэтовъ, безъ сомнѣнія невѣдомый философу, воплощавшій въ живыхъ типахъ то, что было предметомъ теоремъ и схолій «Этики». Шекспиръ по справедливости можетъ быть названъ Спинозою поэтическаго творчества. Его герои—не типы и не нравоучительные примѣры, а живое, конкретное воплощеніе той или другой страсти. Ихъ судьба—не таинственное дѣйствіе невѣдомаго правосудія,—она и не поученіе «дабы другимъ, на то глядючи, неповадно было»—она неизбѣжный, неотвратимый результатъ страсти въ ея послѣдовательномъ, роковомъ развитіи. Одинъ изъ глубокихъ изслѣдователей шекспировскаго творчества, Крейзигъ, совершенно вѣрно говоритъ: «природа не тиранъ, но и не покровитель; ей равно чужды гнѣвъ, месть и милость; таковъ смыслъ трагедій Шекспира». Seine Helden tragen ihr Schiksal in sich», — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Такой взглядъ Шекспира, безсознательно проникнутый тѣмъ, что получило названіе спинозизма, чувствуется во всѣхъ его главнѣйшихъ произведеніяхъ, но съ особою силою отражается въ «Бурѣ». Неудачная борьба представителя грубой чувственности, злобнаго раба Калибана — этого, по выраженію Зиллига, «Thiermensch»—съ представителемъ мудрости Просперо, которому покоренъ чистый и лучезарный Аріель—не есть ли, въ сущности, противоположеніе человѣческаго рабства подъ игомъ аффектовъ—человѣческой свободѣ подъ властью разума, о которыхъ говоритъ «Этика» Спинозы?..

IV.

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ ЖУРНАЛИСТА.

Въ бумагахъ скончавшагося въ 1879 году Ѳедора Алексѣевича Кони сохранилось много интересныхъ автографовъ и документовъ, могущихъ войти въ составъ матеріаловъ для исторіи русской журналистики и печати. Питомецъ Московскаго Университета съ 1826 по 1831 г. и товарищъ Н. И. Пирогова по медицинскому факультету, Ѳ. А. Кони отдался, рядомъ съ педагогическою службою (онъ былъ преподователемъ исторіи въ кадет-

скихъ корпусахъ и «наставникомъ—наблюдателемъ» по русской исторіи въ Дворянскомъ полку) литературнымъ занятіямъ. Его драматическія произведенія, пользовавшіяся въ свое время большимъ успѣхомъ, составили 4 тома (изданіе 1871 года),—переводъ «Исторіи Консульства Имперіи» Тьера, съ примѣчаніями и подробнымъ введеніемъ, вызвалъ оживленную переписку со знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ, — «Исторія Фридриха Великаго» (два изданія — 1844 и 1857 г.г.), — переведенная, въ существенныхъ частяхъ, на нѣмецкій языкъ, доставила ему званіе доктора философіи Іенскаго Университета,— нѣкоторыя его стихотворенія, положенныя на музыку (напримѣръ романсъ «Гондольеръ молодой...») получили большое распространеніе. Оставивъ службу, онъ всецѣло посвятилъ себя журналистикѣ, сдѣлавшись дѣятельнымъ сотрудникомъ и соредакторомъ «Литературной газеты» и «Пантеона и Репертуара», напечатавъ въ нихъ рядъ очерковъ по исторіи театра и біографій выдающихся представителей искусства. Въ 1851 году онъ основалъ литературно-художественный журналъ «Пантеонъ», съ преобладающимъ отдѣломъ исторіи и теоріи искусства и съ рядомъ ежемѣсячныхъ художественныхъ приложеній, портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюръ и музыкальныхъ пьесъ. Обычный составъ книжекъ журнала, весьма изящнаго по внѣшнему виду, представлялъ отдѣлы: изящной словесности, искусства, мемуаровъ, театральной лѣтописи (русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ, французскій и нѣмецкій театры), обозрѣнія иностранныхъ театровъ, хроники общественной жизни, литературнаго обозрѣнія и смѣси (замѣчательныя открытія въ наукахъ и промышленности, музыкальныя и театральныя новости, мелкіе разсказы и т. п.). Въ приложеніи къ каждой книжкѣ давалось оригинальное русское драматическое произведеніе. Эта программа съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнилась въ томъ смыслѣ, что отдѣлъ изящной словесности въ 1855 и въ особенности 1856 гг. получилъ перевѣсъ надъ прочими и кромѣ того въ журналѣ появилось много статей этнографическаго характера. «Пантеонъ» велся по строго выдержанной системѣ, представляя на ряду съ серьезными литературными произведеніями самый подробный и разносторонній отчетъ о томъ, что дѣлается во всѣхъ отрасляхъ искусства. Самъ редакторъ продолжалъ на его страницахъ свои изслѣдованія по исторіи театра и велъ тщательную критическую лѣтопись всему, дававшемуся на петербургскихъ сценахъ. Проповѣдуя принципы московской сценической школы, названной имъ школою «духовнаго проявленія» въ противоположность направленію «пла-

стическаго проявленія», привитаго петербургской сценѣ Каратыгинымъ, онъ предъявлялъ къ артистамъ серьезныя требованія и ратовалъ противъ искусственно приподнятаго тона и вычурности въ игрѣ, которыми восхищалась избранная публика Александринскаго театра. Онъ предпринялъ также на страницахъ «Пантеона» остроумный и настойчивый походъ противъ псевдо-патріотическихъ и ходульныхъ драмъ Кукольника, встрѣчавшихъ шумное покровительство со стороны Булгарина и Сенковскаго и представлявшихъ, по словамъ Ѳ. А. Кони «угодничество передъ публикою и притомъ не передъ разумнымъ ея меньшинствомъ, а передъ оглушаемымъ трескучими фразами большинствомъ». Издатель «Пантеона» умѣлъ привлечь къ участію въ журналѣ многія литературныя силы и дать въ немъ мѣсто первымъ талантливымъ опытамъ писателей, занявшихъ впослѣдствіи выдающееся положеніе. Въ «Пантеонѣ» дебютировала повѣстью «Чайка» Кохановская и стихотвореніями Хвощинская (Заіончковская), извѣстная впослѣдствіи подъ псевдонимомъ Крестовскаго; въ немъ помѣщалъ свои воспоминанія и драматическія произведенія Лажечниковъ и сотрудничали: Григоровичъ, Полонскій, Щербина, гр. Ростопчина, М. И. Михайловъ, Мей, Бенедиктовъ, Кроль, Грековъ, Толбинъ (авторъ талантливыхъ очерковъ изъ жизни бѣднаго петербургскаго люда), кн. Кугушевъ, Аѳанасьевъ-Чужбинскій и др. Разнообразію переводнаго и оригинальнаго отдѣла изящной словесности въ «Пантеонѣ» соотвѣтствовало богатство содержанія отдѣла искусствъ, въ которомъ, независимо отъ перевода статей Гизо, (о Шекспирѣ), Вильмена, Жюль-Жанена, Мазада, Чарльза Ламба (о Шекспирѣ) и др., помѣщенъ былъ рядъ интереснѣйшихъ статей Сѣрова о музыкѣ и ея главнѣйшихъ представителяхъ, вмѣстѣ съ письмами его къ Улыбышеву о Моцартѣ и Бетховенѣ,—этюды о выдающихся русскихъ художникахъ Ѳедотовѣ, Егоровѣ и др. и наконецъ обширныя и талантливыя статьи Шпилевскаго по русской этнографіи и Новосильскаго о новыхъ географическихъ и геологическихъ изслѣдованіяхъ и астрономическихъ открытіяхъ.

Крымская война, привлекшая горячее вниманіе общества къ театру военныхъ дѣйствій, имѣла роковое значеніе для журнала. Какъ «художествено-литературному» изданію ему, по тогдашнимъ строгимъ правиламъ цензуры, вообще неблаговолившей къ редакціи «Пантеона», не было предоставлено перепечатывать изъ «Русскаго Инвалида»—тогдашняго единственнаго въ этомъ отношеніи источника — извѣстія о ходѣ войны и это въ значительной степени охладило вниманіе къ нему публики. Журналъ боролся сколько могъ, оставаясь вѣрнымъ своей программѣ, но

средства на изданіе истощились, и въ 1856 году «Пантеонъ» прекратился. Кони не оставлялъ, однако, литературныхъ занятій до конца, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Энциклопедическаго Словаря, задуманнаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по очень широкой программѣ, кружкомъ русскихъ писателей, и продолжалъ писать о театрѣ. Такъ, въ 1864 г. въ журналѣ «Русская Сцена» былъ помѣщенъ рядъ его статей подъ заглавіемъ «Русскій театръ, его судьба и его историки». Въ качествѣ редактора издателя «Пантеона» Ѳ. А. Кони велъ обширную переписку. Нѣкоторыя изъ полученныхъ имъ писемъ и послужили поводомъ для помѣщаемыхъ здѣсь замѣтокъ.

1.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О МОЧАЛОВѢ.

Письмо къ редактору «Міра Божія»

Милостивый государь, Викторъ Петровичъ!

Въ статьѣ своей «Столѣтіе великаго трагика», ярко и сжато рисуя общественныя условія, жизненную обстановку и нравственные запросы, среди которыхъ исполнялъ свою *культурную* роль геніальный артистъ—П. С. Мочаловъ, вы отмѣчаете крайнюю скудость біографическихъ свѣдѣній о немъ. Просмотръ статей, появившихся по случаю дня столѣтія его рожденія (3-го ноября 1800 г.) и пятидесятилѣтія его смерти (16-го марта 1848 г.) подтверждаетъ ваше указаніе. Время, когда скончался Мочаловъ, особенно способствовало нашей обычной забывчивости о тѣхъ, «кто спать въ насъ мысли не даетъ». Лаконическія строки № 34 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1848 годъ, некрологъ въ «Московской Полицейской Газетѣ» и теплые, но небогатые фактами, отзывы «Современника» и «Пантеона»—были единственною печатною данью памяти о человѣкѣ, унесшемъ съ собою въ могилу дарованіе, потрясавшее и трогавшее зрителей до глубины души, заставлявшее ихъ понимать истинный смыслъ созданій великихъ драматурговъ. Впослѣдствіи, гораздо позднѣе, появились нѣкоторыя отрывочныя воспоминанія о Мочаловѣ, но до сихъ поръ еще нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ для его полной и обстоятельной біографіи. По-

этому, думается мнѣ, всякій документъ, вносящій какую-либо новую, или оттѣняющій уже извѣстную черту въ личности артиста, или же рисующій отношеніе къ нему современниковъ, имѣетъ значеніе и заслуживаетъ вниманія.

Позвольте подѣлиться съ вами нѣсколькими подобными документами, почерпнутыми мною изъ архива Ѳ. А. Кони, бывшаго долгіе годы издателемъ редакторомъ литературно-художественныхъ журналовъ «Пантеонъ и Репертуаръ» и «Пантеонъ», въ которыхъ было обращаемо особое вниманіе на состояніе сценическаго искусства въ Россіи. Въ числѣ корреспондентовъ редактора этихъ журналовъ были, между прочимъ, извѣстный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ зоологіи Карлъ Рулье, талантливый артистъ московской сцены, переводчикъ Беранже́ и драматургъ, Дмитрій Ленскій и страстный театралъ, другъ Мочалова, отставной гусаръ Николай Беклемишевъ († 8-го мая 1866 года), авторъ пьесъ себѣ и «Жизнь за жизнь» и «Райко».

Мочаловъ скончался отъ воспаленія легкихъ въ 9 часовъ утра 16-го марта 1848 года. Вотъ что писалъ, на другой день, профессоръ Рулье редактору «Пантеона»:

«Милостивый Государь

Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Послѣ вашего отъѣзда изъ Москвы намъ не приходилось молвить словца: было не о чемъ. Теперешній случай ясенъ самъ по себѣ и не допускаетъ многихъ словъ.

Мы теперь передъ гробомъ П. С. Мочалова, нашего Мочалова!—и этого довольно, чтобы оправдать передъ вами мою просьбу.

Вчера, 16-го марта, въ 9 часовъ утра, по пріѣздѣ изъ Воронежа, скончался тотъ, кто дарилъ насъ минутами неописуемаго счастья. Горестную вѣсть принесъ служащій въ театрѣ намъ, навѣстившимъ больного Ленскаго. Тутъ у него вылилось экспромтомъ прилагаемое стихотвореніе, которое предлагаю вамъ для употребленія по вашему усмотрѣнію; можетъ быть годно оно будетъ для «Пантеона».

Вспомнимъ, что такъ часто онъ намъ говаривалъ въ Гамлетѣ: «Человѣкъ онъ былъ», а онъ былъ человѣкъ и съ достоинствами и со слабостями его.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

милостивый государь,

вашъ слуга

Карлъ Рулье.

17-го марта 1848 г.

P. S. Ежели Москва была несправедлива къ Мочалову, то, по крайней мѣрѣ, послѣдовательна въ поступкахъ и будетъ несправедлива до-нельзя: мы собираемъ ему скромный памятникъ. Сочувствія тьма. Что?»

Стихотвореніе Ленскаго, о которомъ говорится въ письмѣ, не появилось, однако, въ некрологѣ Мочалова, напечатанномъ въ «Пантеонѣ» подъ заглавіемъ «Еще одного не стало». Быть можетъ, это произошло отъ того, что эти же стихи появились въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи» 19-го марта 1848 г.; быть можетъ, встрѣтились какія-нибудь для ихъ напечатанія въ «Пантеонѣ» затрудненія со стороны петербургской цензуры, которая, въ это время, доходила до крайнихъ строгостей и почти невѣроятной боязливости. Архивъ Ѳ. А. Кони содержитъ, въ этомъ отношеніи, нѣсколько интересныхъ документовъ. Ленскій сказалъ, по словамъ Рулье, экспромтомъ слѣдующее:

Сейчасъ я лишь узналъ о горестной потерѣ...
Не плачьте... жизнь ему другая настаетъ—
И будьте въ полной вѣрѣ:
Онъ для потомства не умретъ.
Невидимо рукою Мельпомены
Ему уже сплетенъ безсмертія вѣнецъ...
Онъ вѣчно будетъ жить, какъ солнце русской сцены,
Какъ мощный двигатель сердецъ!..
Не плачьте, говорю: вы будете не правы,
Всѣ нашей участи завидовать должны:
На насъ отражены
Лучи его блестящей славы!..
Какой прекрасный новый міръ
Теперь душа его встрѣчаетъ!
Онъ въ небесахъ—и самъ Шекспиръ
Пришельца новаго какъ сына обнимаетъ!..
Какъ доблестно свершилъ онъ путь земной!..
А я, измученный, больной,
Предъ памятью его во прахѣ преклоняюсь—
И тщетно скорбною душой
Послѣднее *прости* сказать ему стараюсь!

Въ сентябрѣ 1848 года Беклемишевъ прислалъ изъ Торжка редактору «Пантеона» обширное письмо съ приложеніемъ подлиннаго письма Мочалова, писаннаго послѣднимъ съ небольшимъ за годъ до смерти, на большомъ листѣ почтовой бумаги, съ помарками и сокращеніемъ словъ.

«Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!—писалъ Беклемишевъ,—Мочалова не стало! Исчезъ дорогой перлъ, выпалъ самоцвѣтный камень изъ вѣнца драматическаго... Много лѣтъ протечетъ и все дорогой перлъ—драгоцѣнный камень никѣмъ не бу-

детъ замѣненъ. Много у насъ есть на Руси хорошихъ актеровъ, но хоть одинъ изъ нихъ замѣнитъ-ли намъ Мочалова? Конечно, нѣтъ... Многіе изъ нихъ увлекутъ насъ своимъ талантомъ, но ни одинъ изъ нихъ не вызоветъ у насъ сочувствіе; нѣкоторые изъ нихъ даже удивятъ насъ своимъ искусствомъ, но не одинъ изъ нихъ не поразитъ насъ своимъ творчествомъ: искусство доступно многимъ, а творчество—однимъ избранникамъ неба, а много-ли такихъ избранниковъ, какъ былъ Мочаловъ? И, глядя на вѣнецъ, невольно вздохъ будетъ вырываться изъ груди, что тамъ, гдѣ нѣкогда блестѣлъ драгоцѣнный брилліантъ, тамъ все виднѣется одна пустота—да, пустота... Сколько каждый день родится людей на свѣтъ, ужели Провидѣніе не отмѣтило своимъ Божественнымъ перстомъ ни одного еще изъ новорожденныхъ и, отмѣчая, не рекло: да будетъ другой Мочаловъ! Великій Боже! Сколько грустныхъ раздумій наводитъ на душу эта мысль.

«Многіе любили Молчалова, многіе достойно понимали и цѣнили его, и потому многіе будутъ довольны, если вы, Ѳедоръ Алексѣевичъ, напечатаете его предсмертное письмо въ вашемъ «Пантеонѣ»; я говорю предсмертное потому, что Мочаловъ умеръ не 16-го марта 1848 года, а тогда, когда оставилъ сцену, а оставилъ онъ ее въ январѣ 1847 года. Письмо имъ писано ко мнѣ 29-го января, въ среду на масляницѣ, а наканунѣ онъ игралъ въ послѣдній разъ, въ утреннемъ спектаклѣ на Маломъ театрѣ, Морица въ драмѣ «Клара д'Обервиль». Очевидцы говорили мнѣ, что Мочаловъ въ этомъ спектаклѣ былъ вдохновенно прекрасенъ, что зрители были удивлены, поражены совокупностью его игры, что онъ съ начала до конца выдержалъ свою роль такъ, какъ никогда не выдерживалъ. Теперь только тайна разгадалась—геній Мочалова пѣлъ свою лебединую пѣснь.

«Всѣ лоскутки[1]) покойнаго Мочалова находятся у меня; вамъ хорошо извѣстны мои дружескія отношенія съ покойнымъ; я имѣлъ случай изучить его и теперь пишу біографію Мочалова, не только какъ актера, но и какъ человѣка. Надѣюсь, дадите мѣстечко въ вашемъ «Пантеонѣ» для помѣщенія моей статьи. Теперь дайте мнѣ совѣтъ: говоря о Мочаловѣ, я долженъ буду невольно коснуться близкихъ ему людей, которые имѣли ощутительное вліяніе на образъ его жизни. Конечно, эти люди, ложась тѣнью около покойника, рельефно оттѣняютъ геній художника Мочалова, но... да вѣдь вы поняли меня.

Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д.

Николай Беклемишевъ.

---

[1]) Мочаловъ называлъ свои бумаги лоскутками.

«P. S. Ежели вы напечатаете письмо Мочалова въ вашемъ «Пантеонѣ» то я желалъ бы, чтобы и мое письмо къ вамъ было напечатано, какъ pendant къ его письму. Письмо это вамъ было написано въ маѣ мѣсяцѣ, но не послано потому, что

«Простуда, яростью пылая,
«Въ меня впилася, словно шмель...
«И я сто двадцать дней страдая,
«Не покидалъ свою постель...»

Вотъ это письмо Мочалова къ Беклемишеву, дающее возможность заглянуть въ его настроеніе въ послѣдній годъ его, богатаго волненіями и горемъ, существованія и познакомиться съ его взглядомъ на трудность исполненія «Гамлета.

Утро 23 генваря 1847 г.

«Любезный другъ Николай Васильевичъ!

Слава Богу! опять держу въ рукѣ перо; живъ, здоровъ, молодѣю, не смотря на то, что злое зеркало мнѣ говоритъ противное; да оно и не ошибается,—оно говоритъ о лицѣ; а я о душѣ, о той знакомой тебѣ душѣ, которая не можетъ дряхлѣть вмѣстѣ съ тлѣннымъ моимъ составомъ.

Мой другъ! и это не она,
Не та, которая судьбою—
Была бъ мнѣ спутницей дана!—
Опять обманутъ я мечтою!
Опять я на моемъ пути,
Опять остался сиротою;
И вѣрно мнѣ ужъ не найти
Подруги съ пламенной душою!

«Можетъ быть, другъ Николя, еще допишу эти стишки; ты представь себѣ отъ чего родилась мысль не терять даромъ моего ранняго утра,—эта мысль родилась отъ сумасшедшаго намѣренія признать *товарищемъ* себѣ явившуюся на сцену дѣвицу N. да! я увидѣлъ молодость, говорилъ съ ней, видѣлъ умъ,—но все затмилъ *проклятый холодъ души*, Ну! Такъ *это точно не она!* Я, мой другъ, все виноватъ и всегда правъ въ глазахъ людей, которые меня знаютъ какъ ты! а много ли такихъ?.. и *одного* довольно!!!

Утро 29 генваря. Середа сырныя недѣли.

«Вчера, мой другъ, пропалъ день, ибо игралъ я въ утреннемъ спектаклѣ въ Маломъ театрѣ въ драмѣ Клара Д'Обервиль. Почему, говорю, пропалъ? Потому, что не похожъ былъ на обыкновенный день. Разумѣется, изъ театра пріѣхалъ домой усталый

въ 40 минутъ 4-го часа. Въ такое позднее время я не привыкъ обѣдать, да прежде чѣмъ обѣдать надо было отдохнуть. Трубка, племянникъ, который смотрѣлъ на Жоржа изъ оркестра, да наслѣдница моя—все это помогло мнѣ отдохнуть. На вопросъ мой о трапезѣ отвѣчаютъ—у насъ блины, зернистая икра, семга и т. д... Послѣ обѣда спалъ больше 3-хъ часовъ, около полуночи уснулъ опять, а въ 4 уже сидѣлъ за самоваромъ. Теперь бьетъ шесть. Прости, добрый мой, Н. В., что пишу все, все, что подъ руку попало, или какъ говорится—что на умъ взбрело: знаю, что простишь, что тебѣ пріятно читать мои строки, изъ которыхъ видно душевное желаніе:—хоть заочно съ тобою побесѣдовать.—Не могу не сказать; ты видѣлъ меня въ Кларѣ,—но что бы ты увидѣлъ вчера! Ты меня знаешь, знаешь, что я люблю правду и такъ—смѣло говорю, что я былъ безъ сравненія хорошъ. Нынѣ я, по назначенному репертуару, не играю, и завтра—тоже; если Божіей милостью всѣ будемъ здоровы, то вотъ, что остается съиграть: утромъ въ пятницу на большомъ театрѣ: «Скопинъ-Шуйскій», вечеромъ въ субботу на большомъ театрѣ «Гамлетъ», утромъ на маломъ театрѣ въ воскресенье «Коварство и любовь».

«Теперь скажу тебѣ нѣсколько словъ объ общемъ нашемъ знакомомъ Самаринѣ или, вѣрнѣе сказать, разговоръ его со мною. «Вы думаете, Павелъ Степановичъ, что я въ полгода жительства моего въ Петербургѣ мало игралъ, такъ и скучалъ безъ дѣла? Нѣтъ, я не скучалъ, а работалъ, работу великую. Все, что только прочесть можно о Гамлетѣ, все я прочелъ и, кажется, уже готовъ совершить подвигъ, т.-е. сыграть; затрудняюсь, думая о пятомъ дѣйствіи, а всего досаднѣе то, что не нахожу никакихъ средствъ прекрасныя, великія мѣста этой роли исполнить непохоже на ваше исполненіе; однимъ словомъ мнѣ бы не хотѣлось быть подражателемъ; подражатель, какъ всякая копія, и цѣнится всегда какъ копія, а не какъ оригиналъ»...—Вотъ почему онъ не рѣшился. Конечно, я согласенъ, можно быть оригиналомъ, да не въ подобномъ подвигѣ. Мое мнѣніе:—Гамлета играть... Что тебѣ сказать?—рѣшиться трудновато! Конечно, одѣться актеру въ траурный костюмъ Гамлета и прочесть, а коли сумѣется, такъ и проговорить можно, а—достаточно ли этого для того, чтобы *зритель-человѣкъ*, выходя изъ театра, сказалъ: Да! точно!—я *видѣлъ Гамлета*,

Тебя любящій и тобою любимый.

Мочаловъ».

Скептическое пророчество, содержащееся въ припискѣ къ письму Рулье, сбылось. «Тьмы сочувствія» оказалось недостаточно даже для постановки скромнаго памятника на могилѣ Мочалова, и она, повидимому, стала «поростать травой забвенія». Но насталъ, въ ноябрѣ 1855 года, пятидесятилѣтній юбилей М. С. Щепкина и Ленскій, свято хранившій память о Мочаловѣ, воспользовался случаемъ, чтобы напомнить о необходимости соорудить, наконецъ, столь давно задуманный памятникъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ, а также и о себѣ самомъ, въ письмѣ къ Ѳ. А. Кони изъ Москвы, отъ 8-го февраля 1856 года:

. . . .

«Вы желаете имѣть мою *автобіографію* и *портретъ* мой... но... скажите на милость: къ чему они? и кто будетъ ими интересоваться?.. Я самъ чувствую, что постоянно вращаясь только при здѣшнемъ театрѣ, я совсѣмъ заглохъ—и еще за-живо отпѣтъ, какъ на сценѣ, такъ и въ литературѣ... И въ лучшую-то пору моей жизни, въ самомъ разгарѣ моей дѣятельности, я—откровенно вамъ признаюсь—никогда не гонялся за извѣстностью, и если писалъ для театра, такъ это потому, что пламенно любилъ театръ; а теперь, при горькомъ опытѣ и видя, какое направленіе постепенно принимаетъ теперь сценическое искусство, я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что я ужъ далеко поотсталъ отъ современныхъ требованій... Что жъ дѣлать! Истинный талантъ не всѣмъ отъ Бога дается; а съ одними водевильчиками смѣшно было-бы и думать объ автобіографіяхъ и портретахъ.

«*Мемуары о театрѣ:* о! это дѣло другое... Если Богу угодно продлить мой вѣкъ еще хоть лѣтъ на пятокъ, я непремѣнно ихъ напишу за тѣмъ чтобы чистосердечно отдать должную дань признательности и уваженія великимъ драматургамъ и артистамъ, съ которыми я имѣлъ счастіе встрѣчаться на моемъ долговременномъ пути.

. . . .

«Ахъ! да!.. совсѣмъ было и забылъ!.. Васъ интересуютъ стихи, которые вырвались у меня отъ души на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ М. С. Щепкина послѣ его благодарственной рѣчи къ ораторамъ и поэтамъ, достойно его прославлявшимъ. Такъ какъ въ этой рѣчи (которую я вамъ здѣсь печатную прилагаю), заслуженный юбиляръ и мастистый представитель нашего высокаго искусства, такъ сказать, росписался только въ полученіи похвалъ, такъ справедливо имъ заслуженныхъ, но не упомянулъ ни слова ни о тѣхъ незабвенныхъ драматическихъ писателяхъ, которые способствовали развитію его таланта, ни о тѣхъ присно-

памятныхъ товарищахъ, которые съ нимъ такъ славно рука-объ-руку прошли свое поприще,—то я, съ какимъ-то невольнымъ, болѣзненнымъ чувствомъ, *чуть-чуть было не сказалъ при всемъ собраніи:*

Въ изсохшемъ лавровомъ вѣнцѣ
Съ глубокой тоской на лицѣ,
Мочаловъ мнѣ какъ-то приснился.
Покойникъ вздохнулъ, прослезился,
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
«Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
«Почтилъ меня Щепкинъ во гробѣ:
«Давно ужъ въ земной я утробѣ
«Покоюсь по волѣ Христа,—
«А нѣтъ надо мною креста!
«Подъ снѣгомъ заглохла могила,
«И трудно пройти до нея!..
«Москва обо мнѣ позабыла...
«А я былъ любимецъ ея!...»
Итакъ, благородные гости,
Внемлите всѣ просьбѣ моей:
Утѣшимъ Мочалова кости!
Поставимъ ему мавзолей!
Пусть каждый, кому что угодно,
Подпишетъ по силѣ своей—
И кончимъ тогда превосходно
Мы Щепкинскій нашъ юбилей!..

«Простые, но задушевные стихи эти,—прибавляетъ Ленскій,—*сдѣлавшись гласными,* произвели, слава Богу, свое дѣйствіе: подписка теперь составляется, уже собрано до 500 рублей сер.—и наконецъ памятникъ геніальному артисту весной будетъ поставленъ на исторической его могилѣ!»

Упованія Ленскаго однако не сбылись. Памятникъ былъ поставленъ не весной 1856 г., а лишь чрезъ шесть лѣтъ.

2.

М. Н. ЗАГОСКИНЪ И ЦЕНЗУРА.

Редакторъ-издатель журнала «Пантеонъ», расширяя въ 1851 г. программу журнала, приглашалъ въ сотрудники выдающихся писателей того времени—и обратился, поэтому, къ драматургу и популярному автору историческихъ романовъ Михаилу Николаевичу Загоскину. Письмо Загоскина, приводимое ниже, показываетъ, до какихъ крайностей, въ усердствующихъ рукахъ, доходили иногда цензурныя требова-

нія, вызываемыя, безъ сомнѣнія, въ значительной части страхомъ передъ грознымъ Комитетомъ, учрежденнымъ въ виду событій на западѣ Европы, 2 апрѣля 1848 года для надзора, въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. Достаточно припомнить, что главный и руководящій дѣятель этого Комитета Д. П. Бутурлинъ, по удостовѣренію графини Антонины Дмитріевны Блудовой, желалъ подвергнуть цензурному «усѣкновенію» составленный Св. Дмитріемъ Ростовскимъ акаѳистъ за то, что въ немъ упоминалось, между прочимъ и о «незримомъ укрощеніи владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ».

Тревоги и опасенія, возбужденныя въ цензорахъ Бутурлинымъ и его сочленами по Комитету, отражаются, напримѣръ, и въ письмѣ къ редактору «Пантеона и Репертуара» такого умнаго, благороднаго и довольно стойкаго человѣка, какимъ былъ А. В. Никитенко. На цензурный просмотръ послѣдняго была представлена драма «Богданъ Хмельницкій», написанная инспекторомъ классовъ петербургскаго Екатерининскаго института П. Г. Ободовскимъ, однимъ изъ второстепенныхъ представителей того направленія въ русской литературѣ, которое Тургеневъ окрестилъ именемъ «ложновеличавой школы», развертывавшей, въ своихъ произведеніяхъ, подчасъ съ наивнымъ самохвальствомъ «пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно воздвигнутыя патріотами, незнавшими своего отечества». «Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ—писалъ 15 іюня 1848 года Никитенко — я не получилъ еще конца пьесы «Хмельницкій», назначенной для Пантеона, но, судя по тѣмъ листамъ, какіе у меня находятся, сомнѣваюсь, чтобы она могла быть пропущена. Дѣло идетъ о возмущеніи народа, *хотя и въ пользу Россіи,* — но все-таки въ этихъ обстоятельствахъ произносятся рѣчи, являются лица, происходятъ сцены, весьма щекотливыя въ нынѣшнее время. Вамъ, какъ опытному редактору, все это понятно безъ дальнѣйшихъ изъясненій и потому гораздо лучше было бы, если бы вы пріостановили печатаніе этой пьесы до другого времени. Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д.».

Дѣло, однако, не всегда ограничивалось такого рода предувѣдомленіемъ или, при упорствѣ редактора, прямымъ запрещеніемъ. Зачастую цензоръ пробовалъ заботливою рукою оберечь неосторожное, по его мнѣнію, произведеніе отъ закланія и, замѣняя собою автора, исправлялъ прозу и даже стихи послѣдняго. Такая именно судьба постигла, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, одну изъ комедій Загоскина. Человѣкъ удивительнаго добродушія, трогательный въ своемъ восторженномъ поклоненіи всему русскому и въ особенности московскому,—горячій патріотъ, беззавѣтно преданный

порядку и власти,—гремѣвшій проклятіями противъ западной цивилизаціи и посылавшій, по свидѣтельству И. И. Панаева, «крѣпкія словца» по адресу «западниковъ»,—авторъ знаменитаго «Юрія Милославскаго» и ряда романовъ во вкусѣ «ложно-величавой» школы уже по одной своей литературной дѣятельности долженъ бы былъ стоять выше цензурныхъ урѣзокъ и поправокъ. Не могъ онъ быть заподозрѣнъ и въ стремленіи обойти бдительность цензуры умѣньемъ давать догадливому читателю возможность вычитывать «между строкъ» своихъ произведеній превратныя мысли, — чего вообще весьма опасался Комитетъ 2 апрѣля. Рѣзкій въ отзывахъ и громко высказывавшій свои литературныя антипатіи, Загоскинъ горячо нападалъ, въ свое время, на Надеждина и Бѣлинскаго. «Золотое сердце» его, одинаково признанное друзьями и противниками, не смягчало его ожесточенія противъ послѣднихъ даже и тогда, когда Надеждину послѣ запрещенія «Телескопа» въ 1836 году, были навсегда заграждены уста. «Благодарю васъ,—пишетъ онъ театральному обозрѣвателю «Литературной газеты» 15 іюня 1838 года,—за ваше обязательное и лестное для меня письмо; — я очень радъ, что вамъ пришла благая мысль вымолвить иногда словечко о нашемъ московскомъ театрѣ, который хотя и не можетъ никакъ состязаться съ вашимъ петербургскимъ, но право не заслуживаетъ того, чтобы его отдали на съѣденіе нашимъ московскимъ журналистамъ или лучше сказать мордашкамъ, которые умѣютъ только ругаться; заставилъ бы я ихъ всѣхъ почаще читать басню Крылова—Хавронью, которая «не жалѣя рыла, весь задній дворъ изрыла». Благодаря Бога двѣ московскія мордашки — Надежинъ и Бѣлинскій замолчали, но хрюканье другихъ свинокъ, все еще отъ времени до времени раздается въ стѣнахъ Бѣлокаменной... Вспоминайте хотя изрѣдка, что въ Москвѣ живетъ много *полуфранцузской мордвы*, но живутъ также и добрые люди, и люди съ истиннымъ просвѣщеніемъ...»

Наконецъ, казалось бы, что служебное и общественное положеніе Загоскина должно было ограждать его отъ подозрительнаго отношенія цензуры къ его намѣреніямъ и къ его «образу мыслей». Камергеръ и директоръ императорскихъ московскихъ театровъ и Оружейной Палаты, окруженный почетомъ московскій старожилъ,—онъ пользовался особымъ благоволеніемъ императора Николая Павловича, пожелавшаго, въ 1830 году, лично познакомиться съ авторомъ «Юрія Милославскаго». За рѣзкія нападенія на этотъ романъ въ №№ 7, 8 и 9 «Сѣверной пчелы» за 1830 г. Гречъ и Булгаринъ, — досадовавшій, по словамъ самого Греча, на успѣхъ романа Загоскина изъ боязни матеріальной конкуренціи, — были

подвергнуты содержанію на гауптвахтѣ, а осуществившій эту мѣру обузданія критики шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, въ тридцатыхъ же годахъ, даже предлагалъ Загоскину перейти на службу подъ свое непосредственное начальство, съ переименованіемъ въ соотвѣтствующій военный чинъ.

Однако tempora mutantur! М. Н. Загоскинъ, представъ предъ очи петербургской цензуры, въ самомъ концѣ литературной дѣятельности не избѣгъ общей участи писателей того времени. Вотъ его письмо, написанное за полгода до смерти автора, послѣдовавшей въ іюнѣ 1852 года:

Милостивый Государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, приглашая меня участвовать въ изданіи вашего журнала; къ сожалѣнію я ничего не могу вамъ обѣщать. Вотъ ужъ годъ какъ я не берусь за перо; тяжкая болѣзнь, которая не уступаетъ никакимъ медицинскимъ средствамъ, отнимаетъ у меня всякую возможность заниматься словесностію, — а сверхъ того я поклялся ничего не печатать въ Петербургѣ—и, когда скажу вамъ, что меня къ этому побудило, то, вѣроятно, и вы согласитесь, что я совершенно правъ.

Послѣдняя моя комедія въ стихахъ была пропущена безъ всякихъ помарокъ въ цензурѣ собственной канцеляріи Государя Императора, а какъ поступила съ нею С.-Петербургская цензура Министерства Народнаго Просвѣщенія? — Она сдѣлала въ моей несчастной комедіи болѣе пятидесяти помарокъ и поправокъ—и какихъ поправокъ!—вмѣсто: прямой армейщина—прямой *кикимора*,—корнетъ названъ *верхолетомъ*, вмѣсто *зѣвающихъ мужей* напечатно *счастливѣйшихъ мужей*. Подлинно благочестивая цензура! не позволяетъ мужьямъ зѣвать даже тогда, когда имъ скучно. По этимъ тремъ поправкамъ вы можете судить и объ остальныхъ. — А хотите ли знать какіе стихи вовсе вымараны? — вотъ напримѣръ:

«Тотъ смотритъ бариномъ,—а этотъ что?—холопъ?
«Да и какой еще?.. тотчасъ забрили бы лобъ
«Да въ рекруты...

«Кто?—графъ?.. Да онъ всегда гонялся за прогрессомъ
«И Русь святую звалъ всегда дремучимъ лѣсомъ...

«Я этихъ усачей до смерти какъ боюсь:
«У нихъ всегда прескверныя повадки.
«Въ моей онъ образной, пожалуй, на лампадкѣ
«Сигару закуритъ.

«Всѣ дѣти нынче стары.

«И если у кого насущнаго нѣтъ хлѣба...

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вымарано стиховъ по десяти сряду—а за что?—хоть убейте, не понимаю. Разумѣется, отъ этихъ помарокъ составилось великое множество самыхъ беззаконныхъ стиховъ—безъ мѣры, безъ рифмъ, безъ сочетанія и даже совершенно безъ смысла,—и за все это долженъ отвѣчать я, потому что не имѣю права объявить публично, что мою комедію изуродовала цензура.—Согласитесь, что послѣ этого я не могу и не долженъ ничего печатать въ Петербургѣ.

Имена всѣхъ необычайныхъ людей, какого бы рода они ни были—не должны оставаться въ неизвѣстности, и потому я долгомъ считаю присовокупить, что мою комедію цензуровалъ какой-то господинъ Шидловскій. Если, несмотря на мое письмо, вамъ вздумается помѣстить въ вашемъ журналѣ мой портретъ,—увѣдомьте меня объ этомъ—я исполню съ удовольствіемъ ваше желаніе.

Прощайте!—Дай Богъ вамъ здоровья, побольше подписчиковъ, и—другихъ цензоровъ, хотя немного поумнѣе теперешнихъ.

Искренно васъ уважающій старинный вашъ пріятель

Михайло Загоскинъ.

11 января 1852 г.
Москва.

3.

ПИСЬМО ПОЭТА НИКИТИНА

Въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ выступилъ въ русской литературѣ со своими произведеніями поэтъ Никитинъ. Человѣкъ съ чуткой, нѣжной и дѣтски открытой душой, страстный любитель природы, вынужденный обстоятельствами прервать шедшее успѣшно ученіе и сдѣлаться дворникомъ на постояломъ дворѣ разорившагося, хвораго и «ослабѣвшаго» отца, Иванъ Саввичъ Никитинъ самъ опредѣлилъ свою печальную жизнь въ слѣдующихъ строкахъ извѣстнаго стихотворенія:

«Вырыта заступомъ яма глубокая!
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь—какъ осенняя ночь—молчаливая.
Горько она—моя бѣдная—шла
И, какъ степной огонекъ, замерла...»

Условія такой жизни не могли создать въ немъ довѣрчиваго отношенія къ своимъ силамъ и дарованіямъ. Онъ искалъ оцѣнки и ободренія у людей, близко стоявшихъ къ журналистикѣ. Извѣстно его

письмо къ редактору «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» въ ноябрѣ 1853 года при посылкѣ ему стихотворенія «Русь», которое и было первымъ его поэтическимъ трудомъ, появившимся въ печати. Никитинъ говоритъ въ немъ о неувѣренности въ силахъ своего дарованія, мѣшающей ему обратиться съ просьбою о напечатаніи своихъ стихотвореній въ одномъ изъ современныхъ журналовъ и проситъ редактора «Ворон. Губ. Вѣдомостей» рѣшить, однажды навсегда, смѣшонъ или нѣтъ трудъ, который онъ называетъ своимъ призваніемъ... При этомъ онъ говоритъ о своемъ личномъ и общественномъ положеніи и о томъ въ какомъ противорѣчіи съ горькою дѣйствительностью его жизни стоитъ непостижимая сила, влекущая его къ искусству.

Почти въ то же время, 6 ноября 1853 г., писалъ Никитинъ и Ѳедору Алексѣевичу Кони изъ Воронежа, съ особою подробностью и трогательностью объясняя свое душевное настроеніе. Присылая *на его просмотръ* нѣкоторыя свои стихотворенія (къ сожалѣнію онѣ не названы въ письмѣ), Никитинъ пишетъ: «Можетъ быть, просьба моя покажется для васъ странною. Пусть такъ: но я увѣренъ въ вашемъ благородствѣ: вы не захотите заклеймить язвительною насмѣшкою бѣднаго провинціала, не имѣющаго въ своихъ рукахъ вѣрныхъ средствъ, съ которыми онъ могъ бы дѣйствовать благоразумнѣе, не ставя себя въ двусмысленное положеніе. Я даже осмѣливаюсь предполагать, что мое двусмысленное положеніе скорѣе возбудитъ въ васъ участіе, нежели холодность.

Вотъ моя краткая біографія. Будьте моимъ судьею.

Я бѣдный мѣщанинъ. Кругъ моихъ знакомыхъ не великъ и и не завиденъ. Образованіе получено мною весьма недостаточное, но, съ ранняго дѣтства, въ душу мою запала глубокая любовь къ литературѣ. Помню, какъ всякое произведеніе, запечатлѣнное талантомъ, приводило меня, еще ребенка, въ восторгъ, который я не могъ себѣ объяснить. Какъ тогда билось мое сердце! Какъ быстро обращалась кровь въ моихъ жилахъ. Этой любви я не утратилъ и доселѣ. Въ моей грустной дѣйствительности единственное для меня утѣшеніе,—книги и природа: въ бесѣдѣ съ нею я забываю все, меня окружающее. Она—мой первый наставникъ, научившій меня знать и любить Бога. Она моя мать, утѣшающая меня въ минуты тоски и сомнѣній. Изумляя меня своею тишиною и величіемъ, она заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь и проливать сладкія слезы. Быть можетъ, все это одинъ бредъ моего раздраженнаго воображенія, потому-то я снова повторяю: будьте моимъ судьею, покажите мнѣ мое собственное значеніе или мою ничтожность. Я не имѣю чести знать васъ, но такъ много слы-

шалъ о васъ, что совершенно полагаюсь на вашъ приговоръ. Если же, изъ приложенныхъ здѣсь стихотвореній, вы увидите во мнѣ жалкаго ремесленника въ дѣлѣ искусства, тогда сожгите этотъ безсмысленный плодъ моего напраснаго труда. Тогда я пойму, что дорога, по которой я желалъ бы итти, проложена не для меня; что я долженъ всецѣло погрузиться въ тѣсную сферу мелкой торговой дѣятельности и навсегда проститься съ тѣмъ, что я называлъ моею второю жизнью».

Письмо это написано на двухъ страницахъ большого почтоваго листа—мелкимъ, четкимъ и красивымъ почеркомъ. Думается, что оно содержитъ въ себѣ не излишнія для біографа указанія на душевный строй человѣка, которому суровая судьба такъ недолго дала пользоваться сознаніемъ, что его поэтическій даръ признанъ всѣми и не уйдетъ вмѣстѣ съ его прахомъ въ «яму глубокую»...

V.

ПРОПАВШАЯ СЕРЬГА.

(1882 г.).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, я—по профессіи врачъ—былъ приглашенъ однимъ изъ судебныхъ слѣдователей Петербурга для осмотра и вскрытія трупа мѣщанки Эммы Герзау, отравившейся мѣднымъ купоросомъ. Обстановка и причины этого самоубійства заинтересовали меня, и я просилъ у слѣдователя позволенія познакомиться съ подлиннымъ дѣломъ, когда оно будетъ окончено. Я выписалъ изъ дѣла дословно нѣкоторые протоколы и документы и не разъ задумывался надъ ихъ печальнымъ смысломъ. Теперь, когда со времени этого происшествія прошло много лѣтъ, я полагаю, что не совершу особой нескромности, если напечатаю эти протоколы и документы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали другъ за другомъ въ подлинномъ дѣлѣ, вѣроятно тлѣющемъ теперь въ архивной пыли. Я только измѣнилъ собственныя имена и фамиліи и кое-гдѣ сдѣлалъ грамматическія поправки.

Телеграмма. 20-го октября 188... года. 5 часовъ пополудни.— Судебному слѣдователю N участка. «На углу N проспекта и N улицы, домъ Иванова, отравилась ревельская мѣщанка Эмма Герзау. Жизнь въ опасности». *Помощникъ пристава* N.

Телеграмма. 21-го октября 188... года. 10 часовъ пополудни.—Судебному слѣдователю N участка. «Эмма Герзау скончалась. Отравилась мѣднымъ купоросомъ. Предсмертное показаніе мною снято и слѣды преступленія предохранены». *Помощникъ пристава* N.

Протоколъ допроса. 20-го октября. 7 часовъ вечера. «Зовутъ меня Эмма, по отчеству Иванова, Герзау, 36 лѣтъ, незамужняя мѣщанка, подъ судомъ и слѣдствіемъ не была, грамотная, имѣю рожденныхъ внѣ брака дѣтей: Екатерину—15 лѣтъ, Петра—14 лѣтъ, Николая—12 и Варвару—7. Отравилась сама купоросомъ потому, что не въ силахъ больше жить. Къ самоубійству побудило меня безвыходное положеніе, а главное—случай пропажи серьги у квартирантки моей Сидоровой, въ кражѣ которой обвиняется моя дочь Екатерина. Я убѣждена, что не она украла ее. Записка, оставленная на столѣ, написана мною собственноручно, ночью на сегодняшнее число. — По прочтеніи этого показанія, Эмма Герзау, подтвердивъ оное, отъ подписанія его отказалась, отзываясь, что не можетъ, и присовокупила: «не мучьте, ради Христа.» *Помощникъ пристава, околодочный надзиратель, двое понятыхъ.*

Предсмертная записка Герзау. «Нѣтъ силъ больше бороться. Жизнь надоѣла. Причинъ тому много. Главнымъ образомъ побуждаетъ меня лишить себя жизни исторія этихъ дней. Я вѣрю, что не Катя серьгу украла, но одному Богу извѣстно, кто могъ это сдѣлать. Тяжело, очень тяжело разстаться съ дѣтьми! Что-то будетъ съ ними—сохрани ихъ Господи! Письма отца ихъ оставляю на столѣ. Эти дни я лишилась своей послѣдней нравственной опоры. Я не была достойна того, что со мной сдѣлали. У меня ничего не осталось для дѣтей. Силъ моихъ не достаетъ. Благодарю добрую Амалію Карловну за ея искреннее чувство ко мнѣ. Она добрая душа, и я очень виновата передъ нею, ставя ее въ такое положеніе. Госпожа Сидорова въ своемъ правѣ, но все-таки поступила со мною жестоко. Много оставляю долговъ. При иныхъ обстоятельствахъ поправила-бы ихъ, но теперь нѣтъ больше силы жить»...

Изъ писемъ господина N. N. N.—«Кавказъ. 187... Милая Эммочка! получилъ твои оба письма разомъ. Поздравляю съ дочкой. Очень жаль, что тебѣ такъ много пришлось страдать. Много

сокрушаюсь объ этомъ, и представь себѣ — не могу и утѣшить особенно. По пріѣздѣ сюда захворалъ общимъ разстройствомъ организма. Теперь поправился, но работы на постройкѣ много. Поцѣлуй дѣтей. Буду писать, а теперь некогда. Твой...» и т. д.

Черезъ полгода, оттуда-же. «Вчера получилъ твое грустное письмо. Не могу я не понимать твоихъ страданій и вмѣстѣ съ тобою бѣдныхъ дѣтокъ. Сердце разрывалось при воспоминаніи о васъ. Посылаю все, что могу—50 р. с. Дѣла свои запутанныя все еще не могу устроить. Надо вооружиться терпѣніемъ и энергіей. Я хорошо понимаю твое тяжелое положеніе, но безсиленъ еще настолько, что немогу даже совѣта подать: дѣйствуй по своему усмотрѣнію и благоразумію»...

Черезъ годъ затѣмъ—оттуда-же. «... Какъ ты поживаешь и какъ живутъ дѣтки? Посылаю 25 р. Жизнь веду отшельническую, замаливаю прежніе грѣхи. Былъ я въ Москвѣ и такъ леталъ, что не успѣлъ заѣхать въ Питеръ и не написалъ тебѣ объ этомъ. Время ужасно быстро скачетъ. До свиданія—скоро увидимся. Некогда писать. Твой...» и т. д.

Черезъ полтора года затѣмъ—оттуда-же. «Милая Эммочка, два твоихъ письма получилъ вчера. Не стану описывать впечатлѣнія, произведеннаго ими. Они раскрыли мнѣ картину вашей жизни нѣсколько живѣе, чѣмъ это было постоянно въ моей душѣ. Бѣдные мученики—да хранитъ васъ Провидѣніе! Какъ ни тяжела трудовая жизнь и лишенія, но нравственныя страданія еще хуже,—тяжелымъ гнетомъ лежатъ они на душѣ и не даютъ ей покоя. Но довольно объ этомъ — все это мы оба знаемъ. Новый годъ дастъ вамъ лучшее положеніе, мои милые труженики. Если есть возможность—потерпи немного, мѣсяца черезъ полтора обстановка будетъ яснѣе. Посылаю, что могу—25 р.»

Черезъ два съ половиною года затѣмъ. Югъ Россіи.—«Добрый, милый другъ. Я много виноватъ передъ тобою и вообще противъ всѣхъ обязанностей человѣка. Еслибы это продолжалось небольшое время, то было-бы простительно, но на самомъ дѣлѣ выходитъ, что я вовсе не такой порядочный человѣкъ, какъ думала ты и какъ думалъ я самъ. До людей впрочемъ тутъ вообще нѣтъ дѣла. Они никогда не поймутъ, какъ надо. Всѣ они, по большей части, глупы или злы, какъ собаки. Не слѣдуетъ быть простякомъ и судить по себѣ о нихъ. Въ этомъ состоитъ большая ошибка, изъ-за которой много приходится страдать... Получивъ твою вторую телеграмму, съ удовольствіемъ отвѣчаю на нее, тѣмъ болѣе, что могу дѣйствительно выслать съ этимъ письмомъ 25 р., другіе-же постараюсь выслать на-дняхъ и вообще буду присылать непре-

мѣнно каждый мѣсяцъ. Пора за умъ взяться. Можетъ быть я еще успѣю сколько-нибудь загладить мои грѣхи предъ вами... Много у меня долговъ—вотъ я и верчусь какъ муха на свѣчкѣ: и грѣться надо, и крылья не сжечь... Такъ-то, милая Эмма, будемъ по-старому дружбу водить и переписываться не рѣже, какъ разъ въ мѣсяцъ, если это будетъ удобно. А чувства мои открыты для васъ всѣхъ. Милый Колюшка! я радъ за твои успѣхи,—ты уже порядочно пишешь, и я непремѣнно буду высылать тебѣ деньги на школу. Послѣ перваго числа получишь. Цѣлую тебя, а ты поцѣлуй маму за меня. Твой папа».

Протоколъ осмотра. 21-го октября. ...«Тѣло Эммы Герзау лежитъ на кровати въ протянутомъ положеніи. Одѣто въ бѣлой холщевой рубахѣ и полубатистовой кофтѣ и покрыто простынею. Посреди комнаты письменный столъ, на немъ распечатанныя лекарства, записка Герзау и пачка съ письмами г-на N. N. N. Въ сосѣдней комнатѣ много слѣдовъ рвоты съ зеленаго цвѣта осадкомъ купороса. По наружному осмотру тѣла оказалось: покойной повидимому 35 лѣтъ, тѣлосложенія слабаго, сильно изнуренная. Волоса на головѣ распущены, темно-русые, глаза и ротъ закрыты, лицо блѣдно-исхудалое, грудь впалая, съ выдающимися ребрами, знаковъ наружнаго насилія на тѣлѣ нѣтъ». *Помощникъ пристава. Врачъ. Двое понятыхъ.*

Актъ дознанія полиціи «...Около двухъ лѣтъ тому назадъ покойная ѣздила на югъ Россіи для свиданія съ г. N. N. N. и затѣмъ, возвратясь въ Петербургъ, не имѣла съ нимъ больше переписки. Она терпѣла большую нужду. Добывала скудное насущное содержаніе бѣлошвейною работою. Въ послѣдніе годы содержала также меблированныя комнаты. Въ прошломъ году покойная страдала женскою болѣзнью, отъ которой пользовалась въ Максимильяновской лечебницѣ, по скорбному листу № 000. Пользовавшій ее врачъ запретилъ работу на машинѣ, вслѣдствіе чего нужда усилилась. 16-го октября, квартировавшая у покойной дочь чиновника Сидорова заявила полиціи о пропажѣ у ней серьги, оцѣненной въ 50 р., обвиняя въ кражѣ 15-ти-лѣтнюю дочь Эммы Герзау. Это послѣднее обстоятельство очень повліяло на моральное состояніе покойной, и она, въ стѣсненныхъ своихъ обстоятельствахъ, рѣшилась на самоубійство. Свидѣтелями по дѣлу могутъ быть бывшіе жильцы квартиры Герзау. Дѣло о похищеніи брилліантовой серьги у Сидоровой передано мировому судьѣ N участка». *Помощникъ пристава* N.

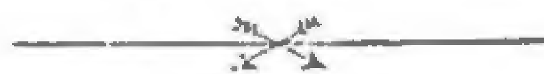
Протоколъ допроса свидѣтеля. «Зовутъ меня Петръ Ивановичъ Высоколобъ, 25 лѣтъ, дворянинъ, студентъ Технологиче-

скаго института. Я жилъ у Эммы Герзау около десяти мѣсяцевъ, платя за квартиру по 15 р. въ мѣсяцъ. Хозяйка все время находилась въ крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ. Къ этому присоединилось еще огорченіе, причиненное тѣмъ, что старшій сынъ не выдержалъ вступительнаго экзамена въ реальное училище, а она страстно желала дать ему порядочное образованіе и во всемъ себѣ для этого отказывала. Незадолго до ея смерти, старшая дочь ея была заподозрѣна въ похищеніи брилліантовъ у жилицы Сидоровой. По заявленію Сидоровой явилась полиція и былъ составленъ протоколъ, причемъ обнаружилось, что Эмма Герзау *не вдова, за каковую она себя выдавала, а незамужняя дѣвушка.* Оказалось также, что дѣти ея—*всѣ незаконнорожденныя, о чемъ они тотчасъ и узнали.* Это все привело Герзау въ ужасное нравственное состояніе, такъ что, уѣзжая вскорѣ затѣмъ къ отцу въ деревню, я говорилъ дѣтямъ, чтобы они берегли свою мать, въ виду крайне разстроеннаго ея состоянія...»

Протоколъ допроса свидѣтельницы. «Зовутъ меня Александра Петрова Сидорова, 28 лѣтъ, дочь чиновника. Около двухъ лѣтъ жила я у Герзау, нанимая отдѣльную комнату. Лично я её почти совсѣмъ не знала, но мнѣ было извѣстно, что она находилась въ крайне стѣсненной матеріальной обстановкѣ, съ четырьмя дѣтьми на рукахъ и безъ всякихъ средствъ. 16-го октября у меня пропала брилліантовая серьга. Заподозрѣвъ дочь Герзау, я заявила объ этомъ полиціи. За два дня до самоотравленія Герзау,—я съѣхала у нея съ квартиры. Разбирая чрезъ нѣсколько дней на новой квартирѣ свои вещи, я *отыскала между ними и серьгу, которую считала пропавшею».*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано.	*Слѣдуетъ читать.*
Страница	16,	строка	34.	«Богомъ избранный».	«Небомъ избранный».
»	72,	»	19.	блогодѣянія.	благодѣянія.
»	38,	»	13.	Бекендорфъ.	Бенкендорфъ.
»	436,	»	3.	Шишкинъ.	Шишковъ.
»	444,	»	9.	Графъ Воронцовъ.	Князь Воронцовъ.
»	856,	»	5.	Консульства Имперіи.	Консульства и Имперіи.
»	859,	»	16.	себѣ и	пьесы
»	864,	»	6.	Щепчина.	Щепкина.

